

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМИРОВИЧА
КРЕСТОВСКАГО

ТОМЪ VI

ВЪ ДАЛЬНИХЪ ВОДАХЪ И СТРАНАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Ю. Л. ЕЛЬЦА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Оглавленіе шестого тома.

ВЪ ДАЛЬНИХЪ ВОДАХЪ И СТРАНАХЪ.

	СТР.		СТР.
1. До Босфора.....	1	18. Нагасаки.....	208
2. Босфоръ и Царьградъ.....	3	19. Отъ Нагасаки до Чифу.....	235
3. Дарданеллы и Архипелагъ.....	8	20. Чифу.....	245
4. Смирна и Средиземное море.....	12	21. Въ штормѣ.....	261
5. Александрія.....	20	22. Опять въ Нагасаки.....	265
— Ключекъ Египта.....	43	23. Иокогама.....	278
6. Въ Красномъ морѣ.....	61	4. Военное дѣло въ Японіи.....	296
7. Адевъ.....	78	25. Тоокію.....	310
8. Въ Индійскомъ океанѣ.....	88	26. „Благополучный мѣсяцъ веселостей“.....	341
9. Цейлонъ.....	98	27. Общественныя зрѣлища и развлеченія.....	362
10. Въ Малаккскомъ проливѣ.....	109	28. Среди высокопоставленныхъ.....	389
11. Сингапуръ.....	117	29. Нагойе.....	405
12. Отъ Сингапура до Сайгона.....	137	30. Кообе и Хіого.....	430
13. Сайгонъ.....	141	31. Въ окрестностяхъ Нагасаки.....	442
14. Отъ Сайгона до Гонконга.....	152	32. Сувоида или Внутреннее море.....	459
15. Гонконгъ.....	154	33. Осака.....	464
16. Отъ Гонконга до Шанхая.....	169	34. Кіото и озеро Бива.....	477
17. Шанхай.....	173	— Кіото и озеро Бива.....	493
— Шанхай.....	186		

Въ дальнихъ водахъ и странахъ.

I.

До Воефора.

Бумага о моемъ назначеніи.—Радость и испугъ.—Аудіенція у великаго князя генералъ-адмирала.—Назначеніе генералъ-адъютанта Лесовскаго главноначальствующимъ эскадрѣ Тихаго океана.—Новая бумага на мое имя.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Составъ лицъ нашего штаба.—Прибытіе въ Одессу.—Встрѣча С. С. Лесовскаго черноморскими моряками.—Отъѣздъ изъ Одессы на пароходъ „Цесаревичъ“.—Парадные проводы.—Въ Черномъ морѣ.

12-го іюня 1880 года, около одиннадцати часовъ вечера, курьеръ главнаго штаба доставилъ ко мнѣ на квартиру пакетъ, въ коемъ заключалась бумага за № 3.022, слѣдующаго содержанія:

«Морское Министерство, признавая полезнымъ, по бывшимъ примѣрамъ, имѣть при начальникѣ эскадры нашей въ Тихомъ океанѣ секретаря, для веденія историческихъ записокъ о ея плаваніи, который, въ то же время, могъ бы быть и официальнымъ корреспондентомъ «Правительственнаго Вѣстника» и «Морского Сборника», ходатайствовало о назначеніи на эту должность вась, какъ уже бывшаго въ минувшую войну официальнымъ корреспондентомъ «Правительственнаго Вѣстника» при штабѣ главнокомандовавшаго дѣйствующей арміей».

Далѣе перечислялись условія матеріальнаго вознагражденія, сопряженнаго съ должностью секретаря, и затѣмъ бумага гласила:

«На таковое ходатайство въ 9-й день сего іюня послѣдовало высочайшее разрѣшеніе. Во исполненіе сего предлагаю вамъ немедленно отправиться въ Кронштадтъ, на отправляющійся 15-го сего іюня крейсеръ «Европа», по прибытіи коего въ Нагасаки, вы должны поступить въ распоряженіе начальника эскадры нашихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ для исправ-

ленія должности секретаря. Относительно же обязанностей во время плаванія вы будете снабжены предписаніемъ отъ управляющаго морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютанта Лесовскаго». Подписано: «За отсутствіемъ начальника главнаго штаба, помощникъ его, генералъ-адъютантъ Менцериновъ».

Эта бумага застала меня почти въ распахъ: она меня и порадовала, и испугала въ одно и то же время. Я никакъ не ожидалъ столь быстрого рѣшенія этого дѣла, когда лишь за недѣлю предъ тѣмъ былъ принятъ въ особой аудіенціи, въ Павловскомъ дворцѣ, великимъ княземъ генералъ-адмираломъ.

Предметомъ этой аудіенціи было предположеніе отправиться въ дальнее плаваніе, и вотъ — едва минуло семь дней, какъ оно уже осуществилось: все рѣшено и подписано.

Итакъ, моей давнишней и завѣтнѣйшей мечтѣ о «кругосвѣтномъ путешествіи» — мечтѣ, которую я и не дерзалъ никогда считать осуществимой, — вдругъ, по волѣ покойнаго государя, суждено было обратиться въ самую положительную дѣйствительность!.. Это меня и взволновало, и обрадовало, какъ уже давно я не радовался. Но не на шутку испугала меня при этомъ кратковременность срока, оставшагося до выхода въ море. Всего два дня! Когда же, думалось мнѣ, успѣю я приготовиться къ такому долгому плаванію, да и есть ли физическая возможность быть готовымъ, если приходится заказать себѣ нѣскольکو дюжинъ бѣлья безусловно необходимаго въ морѣ и нѣсколько паръ партикулярнаго платья, безъ котораго нигдѣ нельзя сойти на берегъ. Да и мало ли еще другихъ приготовленій! Это только главныя, бѣлье да платье, а сколько мелочей, чего сразу и не сообразишь и не вспомнишь, но мелочей необходимыхъ, безъ

которыхъ какъ безъ рукъ, а добыть ихъ потомъ будетъ уже негдѣ; наконецъ, надо было устроить свои дѣла, распорядиться относительно обезпеченія близкихъ, покидаемыхъ мною лицъ, а на все это двухъ сутокъ, какъ ни прикидывалъ я, рѣшительно не доставало.

Я рѣшилъ себѣ, что завтра, когда явлюсь къ великому князю генераль-адмиралу благодарить его за столь лестное для меня назначеніе, то буду вмѣстѣ съ тѣмъ просить его высочество, за окончательною невозможностью изготovitъ къ путешествію въ столь краткій срокъ, разрѣшить мнѣ отправиться на какомъ-либо иномъ военномъ суднѣ, предназначенномъ къ отплытію въ тѣ же воды позднѣе «Европы».

Его высочество, войдя въ мое затруднительное положеніе, былъ столь милостивъ, что разрѣшилъ эту просьбу въ положительномъ смыслѣ и, позволивъ мнѣ еще на нѣсколько дней остаться въ Петербургѣ, сказалъ, что о времени и способахъ моего отправленія въ путь я получу особое извѣщеніе отъ морского министерства.

Въ этотъ же самый день состоялось нѣкимъ неожиданнымъ назначеніемъ на должность главноначальствующаго Тихо-океанской эскадры генераль-адъютанта Лесовскаго, съ назначеніемъ его въ то же время членомъ государственнаго совѣта; управленіе же морскимъ министерствомъ было тогда же высочайше ввѣрено свитѣ его величества контръ-адмиралу Пешурову.

24-го іюня я получилъ обѣщанное его высочествомъ извѣщеніе, въ коемъ инспекторскій департаментъ морского министерства увѣдомлялъ меня, что я долженъ отправиться въ Тихій океанъ не на крейсерѣ «Европа», а при генераль-адъютантѣ Лесовскомъ до Сингапура на почтовомъ пароходѣ.

Теперь мнѣ было безразлично, когда именно отправляться, такъ какъ всѣ мои путевыя приготовленія успѣлъ я окончить еще до 24-го числа.

На слѣдующій же день (25-го) явился я къ С. С. Лесовскому, какъ непосредственному своему начальнику, и былъ принятъ и облаканъ имъ съ тою любезностью и неподдѣльнымъ радушіемъ, какія были такъ свойственны покойному адмиралу. Тутъ же узналъ я отъ него, что нашъ отъѣздъ изъ Петербурга предполагается никакъ не позже 1-го іюля.

30-го іюня нѣсколько моихъ добрыхъ друзей и товарищей пожелали на прощанье побѣдѣть со мною, а на слѣдующій день въ седьмомъ часу пополудни я уже былъ на станціи Московской желѣзной дороги, гдѣ въ ожиданіи прибытія нашего начальника, адмирала, представился капитану 1-го ранга А. П. Новосильскому, нынѣ тоже покойному, который,

будучи командиромъ броненоснаго корабля «Петръ Великій», лишь въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ получилъ назначеніе въ Тихо-океанскую эскадру въ качествѣ флагъ-капитана, по сухопутному—начальника штаба.

Проводить С. С. Лесовскаго собралось на станціи много родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что принадлежало ко флоту изъ лицъ, находившихся въ Петербургѣ. Начальствующія и не начальствующія лица флотской службы присутствовали здѣсь въ полной парадной формѣ. С. С. Лесовскій отъѣзжалъ въ дальній путь вмѣстѣ со своею супругой, Екатериной Владиміровной, которая предполагала жить въ Нагасаки, гдѣ, въ случаѣ нашей войны съ Китаемъ, ей предстояло не легкій подвигъ учредить временный госпиталь и руководить всѣмъ дѣломъ этого учрежденія, въ какомъ у насъ конечно ощутилась бы настоятельная надобность, такъ какъ русскій госпиталь, въ то время уже существовавшій въ Нагасаки, по размѣрамъ своимъ, не могъ вполне удовлетворять требованіямъ военнаго времени. Съ этою цѣлью при Екатеринѣ Владиміровнѣ отправлялась туда же Георгіевской общины сестра Стефанида, которая еще на театрѣ послѣдней нашей войны въ Болгаріи успѣла хорошо ознакомиться съ обязанностями сестры милосердія. При этомъ предполагалось, что въ Нагасаки бытъ можетъ удастся имъ создать изъ мѣстныхъ, весьма сочувствующихъ намъ элементовъ маленькую общину сестеръ милосердія для нашего госпиталя.

Кромѣ вышеназванныхъ, изъ лицъ штаба съ нами отправлялись еще флагъ-офицеры (по сухопутному, адъютанты), лейтенанты: А. Р. Родіоновъ и Н. Н. Россель (скончавшійся потомъ въ Нагасаки). На станціи Бологое долженъ былъ присоединиться интендантъ штаба, капитанъ-лейтенантъ Ѳ. Е. Толбузинъ, а въ Одессѣ флагманскій докторъ, почетный лейбъ-хирургъ двора его величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. С. Кудринъ. Въ Александріи ожидалось присоединеніе чиновника по дипломатической части, коллежскаго секретаря М. А. Поджіо, хорошо знакомаго съ Китаемъ по своей недавней дипломатической службѣ въ Пекинѣ. Остальные лица штаба должны были прибыть въ послѣдствіи, такъ что встрѣча съ ними предстояла намъ не ранѣе, какъ въ Нагасаки, если даже не во Владивостокѣ.

Въ семь съ четвертью часовъ пополудни, напутствуемые благословеніями, пожеланіями и привѣтомъ родныхъ и друзей, мы съ курьерскимъ поѣздомъ выѣхали изъ Петербурга и, не останавливаясь въ Москвѣ, слѣдовали прямо въ Одессу, куда прибыли 4-го іюля въ полдень. Здѣсь на желѣзнодорожной станціи ожидала С. С. Лесовскаго парадная встрѣча со стороны

черноморских моряков и тогдашняго новороссійскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Древетельна. Моряки въ тотъ же день почтили адмирала дружескимъ обѣдомъ въ изящномъ садикѣ «Сѣверной гостиницы», куда были приглашены и всѣ лица его штаба.

5-го іюля въ четыре часа пополудни назначенъ былъ нашъ выходъ въ море. Еще съ ночи полилъ дождь, да такой, о какомъ на сѣверѣ едва ли и понятіе имѣютъ. Я, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ не запомню подобнаго. Въ теченіе болѣе полусутокъ лилъ онъ безъ перерыва, сопровождаясь грозой, и обратилъ одесскія улицы, въ особенности на спускахъ, въ русла шумно крутящихся потоковъ, уносившихъ съ собою множество различныхъ, смытыхъ съ улицъ предметовъ. Гроза разражалась прямо надъ головой и, судя по сплошнымъ безпроектнымъ тучамъ, районъ ея дѣйствія обнималъ громадное пространство надъ сушей и моремъ. Этотъ обильный ливень съ грозой былъ признанъ многими за доброе предзнаменованіе для предстоящаго намъ дѣла.

Въ три часа дня всѣ мы были уже на палубѣ парохода «Цесаревичъ», принадлежащаго Русскому Обществу Пароходства и Торговли, который долженъ былъ доставить насъ на восьмью сутки въ Александрію. Сюда прибыли генераль-губернаторъ и весь наличный составъ высшихъ морскихъ чиновъ проводить С. С. Лесовскаго. Въ гавани стояли три военныя судна: яхта «Эрикликъ», пароходъ «Таманъ» и шхуна «Говець». Когда «Цесаревичъ» тронулся, на «Эрикликѣ» грянула флотская музыка старый *Черноморскій маршъ*, и команды на всѣхъ судахъ были посланы на ванты, а на «Гонцѣ» и на реи, откуда люди кричали *ура*, въ честь отъѣзжающаго адмирала. Проходя мимо этихъ судовъ, адмиралъ прощался отдѣльно съ командой каждаго.

Къ вечеру дождь пересталъ, и погода нѣсколько прояснилась, хотя небо все еще было покрыто на горизонтѣ тяжелыми грозowymi тучами. Въ воздухѣ, благодаря этой грозѣ, замѣтно посвѣжѣло, и мы вдосталь могли надышаться морскою прохладой, въ особенности цѣня ея послѣ нѣсколькихъ дней страшной жары и духоты, когда, какъ напримѣръ 3-го іюля, жара въ вагонѣ доходила до 28° Реомюра. Это хотя бы и для тропиковъ въ пору, да и тамъ-то, говорятъ, не всегда такъ бываетъ. Послѣ грозы на морѣ установился полный штиль, и нашъ «Цесаревичъ», дѣлая по девяти узловъ въ часъ, тихо покачиваясь, держалъ курсъ къ Босфору.

6-го іюля 1880 года.

Съ этого дня я веду аккуратно мой путевой дневникъ. Къ сожалѣнію, записывать пока нечего. Мы въ морѣ, погода тихая,

солнце скрыто за облаками и потому—слава Богу—жара не доминаетъ. Легкая бортовая качка. Капитанъ нашъ, Василій Трофимовичъ Гаврилюкъ, опытный старый черноморецъ, знаетъ свое дѣло въ совершенствѣ. Судно у него содержится въ величайшемъ порядкѣ, команда отлично вышколена и расторопна. Каюты наши очень комфортабельны и достаточно просторны, столъ очень порядочный, и вполне приличный метръ-дотель, всегда одѣтый во фракъ съ бѣлымъ галстукомъ и жилетомъ, вслѣдствіе старается угодить пассажирамъ. Прислуга тоже очень вѣжливая, чистоплотная и привычная къ морю. Словомъ, пароходы нашего «Русскаго Общества», какъ говорится, лицомъ въ грязь не ударять и съ успѣхомъ могутъ потягаться съ «Ллойдами», «Мессажеріями» и тому подобными иностранными компаниями.

II.

Босфоръ и Царьградъ.

Панорама Босфора.—Форты и башни.—Волшебное превращеніе здороваго скота въ зачумленный и зачумленного въ здоровый.—Вуюкъ-дере и Румели-Гиссаръ.—Кое-что изъ исторіи этого замка.—Русскій памятникъ.—Босфорскіе дворцы и Скутарійское кладбище.—Золотой Рогъ и видъ на Константинополь.—Мѣстные комиссіонеры и гиды.—Вечерняя прогулка по Босфору и по Галатѣ.—Турецкая кофейня.—Выходъ въ Мраморное море.

7-го іюля.

Вскорѣ послѣ полуночи «Цесаревичъ» былъ уже неподалеку отъ Босфорскаго входа и прошелъ мимо плавающего маяка. Вдали видны были и другіе огни на маякахъ Кара-бурну, Румели-фенаръ и Анадоли-фенаръ, изъ коихъ послѣдніе два высатыя при самомъ входѣ въ Босфоръ, одинъ на европейскомъ, другой на азіатскомъ берегу. Но такъ какъ всѣмъ вообще судамъ воспрещается вступать въ Босфоръ въ ночное время, то «Цесаревичу» по неволѣ пришлось до самаго разсвѣта лавировать взадъ и впередъ малымъ ходомъ.

Я люблю панораму Босфора, и хотя уже неоднократно любовался ею и прежде, но счелъ бы грѣхомъ не доставить себѣ еще разъ такого высокаго наслажденія, и чуть лишь забрежжило на востокъ, я уже былъ на мостикѣ. И вотъ изъ-за плотныхъ грозowychъ тучъ, низко скопившихся вдали надъ горизонтомъ, вылился наконецъ на голубой просторъ багровый солнечный дискъ, обливъ полнеба и полморя и видѣвшіеся коегдѣ паруса золотисто-розовымъ заревомъ. Теперь «Цесаревичъ» уже полнымъ ходомъ двинулся прямо къ Босфору.

Вотъ онъ опять предо мной, эти древнія, обитыя плющемъ башни, что разсыяны по вершинамъ прибрежныхъ возвышенностей, и эти старые форты, что насажены внизу у подошвы горъ, надъ самымъ Босфоромъ. Вотъ фортъ

Мивеанипа, вотъ Пойрасъ-бурну, Буюкъ-лиманъ и прочіе, нѣкогда столь грозные для неприятеля, нынѣ же имѣющіе свое значеніе только для художника, да развѣ еще для археолога. Теперь двѣ земляныя, современнаго типа, батареи, вооруженныя нѣсколькими Крупными и Армстронгами, почитаются совершенно достаточными, чтобы запретить входъ въ Босфоръ гораздо надежнѣе цѣлаго ряда древнихъ каменныхъ фортовъ съ высокими массивными стѣнами, гдѣ однакоже турки и доселѣ содержатъ зачѣмъ-то свои гарнизоны, вѣроятно ради казарменныхъ помѣщеній.

Предъ однимъ изъ такихъ фортовъ «Песаревичъ» остановился и послалъ на берегъ старшаго офицера предъявить патентъ о здоровьѣ. Спустя минутъ двадцать онъ возвратился, но пароходъ нашъ все еще не двигался съ мѣста. Оказалось, что къ намъ пожаловала мѣстная «санитарная коммиссія» и полѣзла въ трюмы, гдѣ помѣщался рогатый скотъ, везомый въ Стамбулъ на продажу. Слышится между пассажирами разговоры, что не пропускаютъ далѣе, желая подвергнуть судно на неопредѣленное время строгому карантину, такъ какъ рогатый скотъ найденъ будто бы больнымъ и даже зачумленнымъ. Это было очевидный вздоръ, потому что быки и коровы, насколько ихъ можно было видѣть въ широкіе люки просторнаго трюма, сохраняли вполне бодрый, здоровый видъ и обрадовались дневному свѣту, даже подняли мычанье, словно протестуя этимъ противъ несправедливыхъ заключеній санитарной коммиссіи. Тѣмъ не менѣе, турецкіе чиновники, бормоча что-то между собою, сильно жестикулировали отрицательнымъ образомъ и головой, и руками, на всѣ доводы, представляемые ихъ пароходнымъ толмачемъ, и строили самыя недовольныя, озабоченныя фізіономіи, какъ бы желая изобразить этимъ не только всю государственную важность своихъ трюмныхъ открытій, но и всю свою чиновничью непреклонность и граждански доблестную неподкупность.

Нашъ почтенный капитанъ, глядя на все это, принялъ наконецъ досадливо озабоченный видъ.

— Неужели, спрашиваю его, — мы въ самомъ дѣлѣ веземъ зачумленный скотъ?

— Помилуйте, гдѣ тамъ зачумленный! Просто бакшинъ хотятъ содрать и только!

— И что же, придется дать?

— А разумеется придется. Ничего не подѣлаешь. Игнатій Ивановичъ! — обратился онъ съ мостика внизъ къ своему помощнику: — суньте имъ поскорѣе, и пусть ихъ проваливаются. Даромъ время только теряемъ.

Помощникъ досталъ изъ кошелька нѣчто и любезно пожалъ руку старшаго, а зачѣмъ и младшаго санитарнаго ревизора. Тѣ еще любезнѣе приложились ладонями къ сердцамъ, губамъ и ко лбу, дескать, «сердце, уста и разумъ, все благоухаетъ вамъ привѣтствіемъ и благодарно-

стью», и вслѣдъ за тѣмъ—о, чудо! — нашъ зачумленный скотъ моментально оказался совершенно здоровымъ, будучи признанъ за таковой самымъ официальнымъ образомъ, и пароходъ, спустивъ по трапу за бортъ санитарныхъ ревизоровъ, тронулся далѣе. Все это произошло такъ просто, откровенно, даже съ какой-то дѣтской наивностью со стороны турецкихъ чиновниковъ, что не возмущаться, а невольно смѣяться хотѣлось: взятка была дана и принята публично, при всѣхъ пассажирахъ, какъ самое обыкновенное, законное дѣло, и скотъ публично же, воочію всѣхъ, признанъ здоровымъ. Большой руки патриархальность.

— А много пришлось заплатить коммиссіи? — спросилъ я какъ-то потомъ у капитана.

— Сто франковъ золотомъ. Это ужъ положеніе, когда скотъ провозимъ: меньше не берутъ.

— А еслибы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ зараженъ?

Но капитанъ объяснилъ мнѣ, что на судахъ «Русскаго Общества» этого быть не можетъ, потому что Общество, въ видахъ собственной пользы, бережетъ свои пароходы отъ заразы и маломальски сомнительнаго скота вовсе не принимаетъ: «у насъ вѣдь предварительно его свидѣтельствуютъ. На вольныхъ судахъ — тамъ иное дѣло».

— Стало-бытъ, случается?

— Не безъ того. Всяко бываетъ.

— Ну и какъ же въ такомъ случаѣ? Ворочай назадъ?

— Назадъ?.. Помилуйте, зачѣмъ же!.. Въмѣсто ста франковъ придется только заплатить триста, четыреста, и больше ничего, пропустить свободно.

Превыгодная, значить, служба въ турецкомъ санитарномъ надзорѣ.

Идемъ далѣе по Босфору. Знакомыя картины, знакомыя впечатлѣнія, и все также дивно хороши эти склоны горъ, покрытые кудрявыми садами, эта длинная, почти непрерывная цѣпь селеній и предмѣстій, представляющихъ отдѣльныя группы скученныхъ и нагроможденныхъ другъ надъ другомъ легкихъ домиковъ, дачъ, минаретовъ, бельведеровъ, висячихъ верандъ, дворцовъ и кіосковъ; эти прозрачныя, изумрудно-зеленыя волны съ ихъ граціозно легкими остроносими кайками и высококормистыми, ярко изукрашенными фелуками; этотъ бальзамическій воздухъ, напоенный ароматомъ розъ и кинарисовъ—все это то же, что и прежде, и впечатлѣніе, производимое имъ, такъ же свѣжо и поэтично, какъ и въ иные дни, когда предъ моимъ восхищеннымъ взоромъ впервые предстала вся эта благоухающая и картинная прелесть.

Вотъ Босфоръ расширяется, образуя небольшой заливъ. Это Буюкъ-дере со своею каменной набережной, обрамленной аллеей прекрасныхъ деревьевъ и рядомъ красивыхъ дачъ. Здѣсь же смотрится въ тихія воды прекрас-

ный дворец русскаго посольства, надъ фронтономъ коего паритъ изваянный двуглавый орелъ нашъ, преемственный представитель древней Византіи, а позади этого дворца, по всему крутому склону высокой горы, до самой ея вершины красуется роскошнѣйшій паркъ, гдѣ разныя террасы, бесѣдки и кіоски тонутъ въ кудрявой свѣжей зелени, обмытой недавнимъ дождемъ.

Миновавъ Буюкъ-дере и Терапію, мы вступили какъ бы въ отдѣльное озеро, которое на глазъ кажется замкнутымъ со всѣхъ сторонъ. Здѣсь Босфоръ опять расширяется и являетъ одинъ изъ самыхъ картинныхъ своихъ уголковъ. На европейскомъ его берегу высится сѣрая стѣна и пять массивныхъ башенъ древняго замка Румели-Гиссаръ, а напротивъ, на берегу Азіатскомъ—Анадоли-Гиссаръ, другой подобный же замокъ. Съ первымъ изъ нихъ связано много воспоминаній, мрачныхъ для мѣстныхъ христіанъ и горделиво-свѣтлыхъ для покорителей-турокъ. Румели-Гиссаръ какъ бы нависъ надъ самымъ Босфоромъ, а его высокія башни и до сихъ поръ стоятъ безмолвными, хотя уже и не грозными стражами мусульманскаго владычества надъ его берегами. Каждая изъ этихъ пяти башенъ соотвѣтствуетъ одной изъ буквъ имени грознаго основателя замка. Румели-Гиссаръ построенъ султаномъ Магометомъ II еще до взятія имъ Константинополя. Отсюда началось окончательное покореніе этого города и сокрушеніе Восточной Римской имперіи. Самъ Махмудъ и всѣ его полководцы и вельможи личнымъ физическимъ трудомъ участвовали въ постройкѣ Румели-Гиссара, рыли землю, сносили къ мѣсту и складывали камни, изъ которыхъ воздвигались его стѣны. Такъ говоритъ преданіе. Главная же масса рабочихъ состояла изъ окрестныхъ христіанскихъ поселенъ, къ которымъ турки были безпощадны до такой степени, что если кто изъ работниковъ падалъ въ изнеможеніи отъ непосильнаго труда, то его тутъ же замуровывали въ фундаментъ и въ стѣнахъ. Эта же казнь полагалась и для недостаточнo усердныхъ христіанскихъ работниковъ. Такимъ образомъ, Румели-Гиссаръ построенъ въ буквальномъ смыслѣ на христіанскихъ костяхъ. Впослѣдствіи его казематы служили тюрьмами для нѣкоторыхъ плѣнниковъ и христіанъ, осужденныхъ на вѣчное заключеніе за какія-либо провинности противъ своихъ порабитителей. Поэтому европейцы и называли его нѣкогда «Замкомъ Забвенія». Въ передней стѣнѣ этого замка, выходящей прямо на Босфоръ и менѣе высокой, чѣмъ остальные, находятся низенькія снодчатые ворота, къ которымъ ведетъ узкій подземный ходъ, устроенный въ ширину одного человѣка подъ крѣпостными стѣнами. Эти ворота доселѣ памятны и стамбульскимъ мусульманамъ: изъ нихъ, при султанѣ Махмудѣ, въ двадцатыхъ годахъ текущаго сто-

лѣтія, были въ одну ночь выброшены въ море нѣсколько тысячъ янычаръ, заключенныхъ предъ симъ въ этотъ замокъ. Исполнители воли Махмуда увѣрили ихъ, что султанъ даритъ имъ помилованіе подъ условіемъ выселенія въ Малую Азію и что съ этой цѣлью каикъ уже ожидаютъ ихъ у Румели-Гиссара. По мѣрѣ того, какъ янычары поодиночкѣ выходили согнувшись изъ низенькихъ воротъ, палачи съ размаху отрубали инымъ головы, а другихъ просто душили и бросали въ волны пролива.

Невдалекѣ отъ этого мѣста, на азіатскомъ берегу находится долина Хункяръ-Скелеси или Султаніе-Скелеси, что означаетъ «пристань султана». Здѣсь впадаетъ въ Босфоръ рѣчка Токать, прикрытая тѣнью развѣсистыхъ старорослыхъ чинаръ и каштановъ и извѣстная въ древности подъ именемъ Босфорскаго Нимфея. Въ этой долинѣ, во времена Крестовыхъ походовъ, стояло лагеремъ войско Людовика VII, а въ 1832 году здѣсь же былъ расположенъ русскій отрядъ генерала Муравьева, посланный императоромъ Николаемъ на помощь султану Махмуду противъ Мехмедъ-Али, паши египетскаго. До послѣдней войны на мѣстѣ русскаго лагеря на горѣ стоялъ гранитный памятникъ, котораго, впрочемъ, мы теперь не замѣтили. Не знаю, уничтоженъ ли онъ турками или мы сами проглядѣли его въ наши бинокли.

Плывемъ близко къ азіатскому берегу, мимо бѣлорамной набережной изящнаго дворца Беглербай, гдѣ великій князь Николай Николаевичъ послѣ Санъ-Стефанскаго мира принималъ отвѣтныя визиты султана; немного далѣе, на берегу европейскомъ, высится красивыя зданія дворцовъ Чарыгана, служащаго мѣстомъ заключенія для султана Мурада V, и Долма-Бахче, а надъ ними, на высотахъ утопаетъ въ зелени своихъ садовъ Илдызъ-Кіоскъ, добровольная тюрьма Абдулъ-Гамида, изъ которой онъ въ послѣднее время не выходитъ по цѣлымъ недѣлямъ, не рѣдко пропуская даже обязательные парадные выходы по пынницамъ въ мечеть, и живетъ во мрачномъ уединеніи, окруженный нѣсколькими батальонами своей гвардіи, не довѣряя ни своимъ министрамъ, ни своему народу. На склонахъ окрестныхъ горъ видны разбросанныя кое-гдѣ коническія палатки отдѣльныхъ пикетовъ, а за ними бѣлѣютъ вдали цѣлые лагери, на которые невольно обратились вниманіе, потому что оттуда безпрестанно раздаются звуки сигнальныхъ рожковъ. Не знаю, точно ли, но говорятъ, что турки очень любятъ военные сигналы, которыхъ у нихъ будто бы множество, такъ что всѣ малѣйшія отправления лагерной жизни исполняются не иначе какъ по трубному звуку. Вотъ раскинулась предъ нами широкая панорама азіатскаго предмѣстья Скутари съ его высокими мечетями и

обширными казармами, что украшены по углам четырьмя башнями и приспособлены к защитѣ какъ самостоятельный громадный редутъ. Изъ-за массы скутарійскихъ домовъ, построенныхъ почти сплошь въ турецкомъ стилѣ, вырѣзываются вровень съ бѣлыми иглами минаретовъ темно-синія, почти черныя иглы кипарисовъ скутарійскаго кладбища. Эта длинная полоса густого лѣса, похожаго издали на громадный зубчатый частоколъ, служить излюбленнымъ мѣстомъ послѣдняго успокоенія для стамбульскихъ мусульманъ. Турки предпочитаютъ хорониться здѣсь на азіатскомъ, болѣе родномъ для нихъ берегу, полагая, что въ Европѣ, гдѣ они все-таки временные пришельцы, смертный покой ихъ праха можетъ быть когда-либо нарушенъ. Опасеніе, надо отдать ему справедливость, чисто турецкое.

Въ восемь часовъ утра «Цесаревичъ» сталъ наконецъ въ устьѣ Золотого Рога, ошвартовавъ у одного изъ большихъ красныхъ бакановъ, разбросанныхъ ради этой цѣли по водамъ порта.

Знакомые все виды... Куда ни взглянешь, все прелесть какъ хорошо! Въ Золотомъ Рогѣ и на рейдѣ застали мы много большихъ судовъ подъ флагами почти всѣхъ европейскихъ націй. Ближе къ стамбульскому берегу сгруппировались въ особую группу бортъ-о-бортъ и красуются своими художественными формами турецкія фелукки и кочеры, изукрашенные кружевною рѣзбой по дереву и ярко раскрашенные восточными узорами. Десятки легкихъ пароходовъ торопливо сплываютъ въ разные стороны, и сотни граціозныхъ кайковъ плавно скользятъ и качаются по всему водному пространству. Жизни и красоты тутъ неисчерпаемо. Вотъ маленькая башня Леандра, иначе Кызы-кала, то-есть башня дѣвы, словно вынырнувшая прямо изъ водъ, въ самомъ центрѣ, гдѣ сливаются Босфоръ, Золотой Рогъ и Мраморное море; вотъ Серафскій мысъ и надъ нимъ старый Сераф среди темныхъ кипарисовъ, тяжело улегшійся на своихъ каменныхъ террасахъ, покрытыхъ висячими садами, а далѣе по берегамъ Золотого Рога знакомая панорама холмовъ Стамбула и Перы съ ихъ башнями и поясомъ нагроможденныхъ амфитеатромъ пестрыхъ домовъ, дворцовъ, высокихъ арокъ, водопроводовъ, колоннъ, террасъ, садовъ, кладбищъ, громадныхъ мечетей съ широкими полусферическими куполами и бѣлыми тонкими минаретами, которые словно стрѣлы или гигантскія восковыя свѣчи стремятся въ небо и горятъ на солнцѣ своими золотыми полумѣсяцами. Сколько бы ни глядѣлъ на эту дивную, единственную въ мірѣ картину, никогда, кажется, не наглядѣвшись вдоволь и всегда подмѣтишь въ ней что-нибудь новое, неожиданное, что ускользнуло какъ-нибудь прежде отъ глаза, сперва пораженного картиной цѣлаго, а затѣмъ

растерявшагося въ ея разбросанныхъ уголкахъ и красивыхъ деталяхъ. Впрочемъ, что же мнѣ описывать то, что уже столько разъ и во многихъ случаяхъ такъ талантливо было описано! Это значило бы повторять старое или расплываться въ общихъ выраженіяхъ. Поэтому не ждите отъ меня описаній ни самаго города, ни его достопримѣчательностей, ни склада его жизни и особенностей быта. Это была бы слишкомъ обширная и слишкомъ специальная тема.

Не успѣли мы ошвартоваться у бакана, къ борту присталъ паровой катеръ, присланный изъ русскаго посольства, и увезъ С. С. Лесовскаго съ супругой въ Буюкъ-дере, гдѣ ихъ уже заранѣе ожидали старые знакомые; мы же поспѣшили съѣхать на берегъ, чтобы покататься по городу и еще разъ посѣтить въ Стамбулѣ святую Софію, Сулейманію, Махмудію, Атмейданъ, подземелье тысячи и одной колонны и другія мѣста, съ которыми связано у меня столько воспоминаній и впечатлѣній моего перваго пребыванія въ Царь-градѣ.

Безъ *ида* только-что пріѣхавшій путешественникъ здѣсь не обойдется, хотя бы городъ былъ ему знакомъ, какъ своя собственная комната. Хотите вы, или не хотите, проводникъ непременно и чуть не насильно увяжется за вами со своими назойливыми объясненіями. Идете вы пѣшкомъ, онъ пойдетъ рядомъ и будетъ развязно болтать вамъ на плохомъ французскомъ языкѣ о встрѣчныхъ «достопримѣчательностяхъ», о силетняхъ, скандалахъ и новостяхъ дня, о женщинахъ, посланникахъ и министрахъ, и оказывать разныя непрошенныя мелочныя услуги; садитесь вы въ экипажъ, онъ проворно вскочитъ на козлы рядомъ съ арабаджи и будетъ менторски повторять ему ваши приказанія; вы дѣлаете видъ, что не замѣчаете его, онъ все-таки продолжаетъ свою болтовню, вы наконецъ рѣшительно говорите ему, что не нуждаетесь въ его услугахъ, даже просто гоните его прочь, а онъ вамъ на это любезно осклаблется, низко кланяется, соглашается съ вами и все таки продолжаетъ шествовать сзади, а чрезъ двѣ, три минуты глядишь: уже снова присталъ со своими докучными докладами, объясненіями и услугами. Таковъ уже хлѣбъ, такова профессія этихъ людей, и ничего съ ними не подѣлаешь какъ съ неизбежнымъ зломъ, которому надо покориться.

Такъ точно и на этотъ разъ увязался за нами нѣкій Ангелосъ Перакисъ — «guide, interprète et courrier en Orient», какъ значилось на его визитной карточкѣ, которую онъ поспѣшилъ сунуть намъ въ руку, первымъ появившись на палубѣ, чуть лишь только пароходъ сталъ на рейдѣ. Но дѣло не ограничивается какимъ-нибудь однимъ Перакисомъ: вы, наиримѣръ, входите во дворъ какой-либо мечети или султанской усыпальницы, а тамъ уже поджидаетъ васъ, какъ коршунъ свою законную добычу, другой Пера-

кисъ, мѣстный, только уже не левантинецъ, а турокъ, и, несмотря на присутствіе вашего собственнаго Перакиса, еще болѣе доматыя языкомъ начинается объяснять вамъ, тыкая пальцемъ на гробницы: «иси мадамъ Махмудъ, иси лотръ мадамъ, иси мосью, иси петій, иси анкоръ петій», а въ заключеніе непременно протянетъ вамъ руку и настойчиво потребуетъ «бакшишъ». Безъ бакшиша здѣсь шагу ступить невозможно, ни на улицѣ, ни въ правительственныхъ учрежденіяхъ, впрочемъ, это давно уже извѣстная истина.

Въ сумерки задумали мы съ капитаномъ «Цесаревича» совершить прогулку по Босфору. Приказалъ онъ спустить шлюпку, четверо матросовъ сѣли за весла, поѣхали. Вечеръ былъ дивно хорошъ, тишина въ воздухѣ полнѣйшая — листокъ не шевельнется. Мы поплыли вверхъ по Босфору, а тѣмъ временемъ сумерки смѣнились яркойвѣсной ночью. Мы плыли не далеко отъ Чарыгана, откуда слышались звуки флейты изъ одного открытаго и ярко освѣщеннаго окна. Можетъ быть кто-нибудь изъ приближенныхъ развлекалъ Мурада, а можетъ быть и самъ онъ развлекался въ своемъ заточеніи этимъ меланхолическимъ инструментомъ. Намъ хотѣлось проѣхать мимо дворца, но едва только капитанъ повернулъ рудъ и поставилъ шлюпку въ надлежащемъ направленіи, какъ почти въ ту же минуту послышались всплески нѣсколькихъ дружно работающихъ веселъ, и изъ тѣмъ неожиданно выплыли двѣ военныя шлюпки, одна въ догонку, другая на встрѣчу намъ; и обѣ вдругъ отрѣзали насъ отъ берега. Та, что шла въ догонку, поравнявшись съ нами, пошла почти рядомъ по одному направленію, какъ бы конвоируя или слѣдя за нами. Все это совершилось очень быстро и въ полнѣйшемъ молчаніи, даже не окликнули обычнымъ «кимъ-дыръ-о?» Когда же мы прошли границу Чарыгана, шлюпка незамѣтно отстала и исчезла въ темнотѣ такъ же таинственно и быстро, какъ и появилась. При обратномъ слѣдованіи повторилось то же самое и опять въ полнѣйшемъ молчаніи. Зорко, значить, стерегутъ несчастнаго Мурада...

Мы сошли на берегъ у пристани недалеко отъ дворца Долма-бахче и отправились гулять по каштановой аллеѣ, что обрамляетъ улицу позади дворца, а потомъ пошли и далѣе. Издали доносились откуда-то струнные звуки и гортанный, но пріятный голосъ пѣвца, напѣвавшего какую-то восточную пѣсню. Пошли на этотъ голосъ и вскорѣ очутились подлѣ какой-то турецкой кофейни, украшенной снаружи цвѣтущими олеандрами въ кадкахъ и освѣщенной двумя-тремя вислыми молочноматовыми шарами. На широкихъ деревянныхъ скамьяхъ съ высокими ножками и рѣзными спинками сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, степенные османлы въ красныхъ фескахъ; одни изъ нихъ

курили кальянъ, другіе прихлебывали кофе изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ, и всѣ вообще задумчиво слушали сидѣвшаго тутъ же турка-пѣвца, который акомпанировалъ себѣ на большомъ пузатомъ торбанѣ. Что хотите, но турки своимъ присутствіемъ придаютъ много характерности и даже своеобразной прелести жизни этого города. Они какъ бы дополняютъ собою характерныя красоты окружающей природы и, въ сущности, ей-Богу будетъ очень жалъ, по крайней мѣрѣ съ художественной стороны, если ихъ когда-нибудь выгонятъ совсѣмъ изъ Константинополя. Безъ турокъ этотъ дивный городъ окончательно уже обратится въ вольную клоаку всякой международной сволочи. Къ сожалѣнію, и теперь уже общелиберальный безличный пиджакъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ картинные восточные костюмы. Одва только феска пока еще борется съ котелкомъ и цилиндромъ; но пыльная чалма даже и въ самомъ Стамбулѣ — увы! — представляетъ уже довольно рѣдкое явленіе.

8-го іюля.

Около полудня возвратились изъ Буюкъ-дере С. С. Лесовскій съ супругой и просили меня быть ихъ чичероне по Стамбулу. Мы тотчасъ же съѣхали на берегъ, но такъ какъ времени оставалось у насъ очень немного, то осмотръ достопримѣчательностей пришлось ограничить только Святой Софіей, Селимомъ, древнимъ византійскимъ Гипподромомъ (Атмейданъ) и Безестеномъ (центральный базаръ Стамбула). Все это наскоро мы успѣли окончить къ началу пятаго часа дня и возвратились на пароходъ, куда къ тому времени пріѣхали изъ Буюкъ-дере нѣсколько нашихъ посольскихъ дамъ проводить Екатерину Владиміровну и адмирала.

Ровно въ шесть часовъ дня «Цесаревичъ» тронулся въ дальнѣйшій путь, въ красивое Мраморное море. Адмиралъ очень интересовался мѣстами нашей Санъ-Стефанской стоянки, мимо которой мы теперь проходили, и много разспрашивалъ меня о томъ времени. Но зачѣмъ повторять эти общезвѣстные грустные воспоминанія о шести мѣсяцахъ бездѣйствія и болѣзней, выдержанныхъ нашей арміей подъ стѣнами Царьграда, и о той нравственной пыткѣ, какую перенесли мы здѣсь во дни Берлинскаго конгресса!...

III.

Дарданеллы и Архипелагъ.

Первое разочарованіе.—Природа дарданельскихъ береговъ.—Галлиполи.—Дарданеллы и Ченакъ-кале.—Гончарныя издѣлія.—Древніе и новыя дарданельскіе форты и батареи.—Селеніе Йени-Шехръ.—Эгейское море и видъ на Архипелагъ.—Кроличьи острова.—Берега Малой Азіи.—Островъ Тенедосъ.—Классическая Ида.—Развалины Трои.—Островъ Митилена.—Наша палубная публика.—Бывшіе наши плѣнники-турки.—Богомольцы и странники русскіе, мусульманскіе и иные.—Русское Аеонское подворье и удобства способовъ передвиженія.—Палубный марки-тантъ.—Важный пассажиръ.

9-го іюля.

Съ разсвѣтомъ вступили въ Дарданельскій проливъ. Столько великихъ историческихъ воспоминаній, соединенныхъ съ именами Ксеркса, Александра, Фридриха Барбароссы, Солиман-бевъ-Орхана, столько классической поэзіи и мифологическихъ легендъ о Леандрѣ и Геро, и какая жалкая дѣйствительность!.. Пустынность, общая пустыньность береговъ и лежащей за ними мѣстности, вотъ что прежде всего поражаетъ васъ послѣ Босфора, если вы думали, что и здѣсь встрѣтите нѣчто подобное. Ничего похожего! Мѣстность представляетъ здѣсь болѣею частію плоскато-пологіе, совершенно голые холмы буро-желтаго цвѣта, гдѣ лишь изрѣдка пробивается очень скудная чахлая растительность, въ которой преобладаютъ низенькія кустовидныя деревья запыленныхъ маслинъ. Азіатскій берегъ нѣсколько выше европейскаго. На томъ и другомъ изрѣдка виднѣются бѣлые домики съ высокими шестью: это маяки. Движеніе судовъ ничтожно: на всемъ протяженіи пролива мы встрѣтили только одинъ пароходъ да три-четыре греческія шхуны. Мѣстный каботажъ, кажется, вполнѣ отсутствуетъ; по крайней мѣрѣ около береговъ онъ ни единымъ парусомъ не заявляетъ о своемъ существованіи. Втягиваясь глубже въ проливъ, можно разглядѣть кое-гдѣ по склонамъ возвышенностей въ глубинѣ страны довольно большія селенія, но берега все-таки поразительно пустыньны. Кое-гдѣ замѣтны остатки древнихъ укрѣпленій, башенъ и стѣнъ, которые вѣроятно были бы интересны для археолога, но для художника, какъ аксессуаръ пейзажа, отнюдь не красивы. Не доходя Галлиполи видны на плоскости редуты и оборонительныя казармы, затѣмъ мѣстность къ западу начинается нѣсколько повышаться. Самый же Галлиполи не болѣе какъ ничтожный съ виду, маленький городишко, стоитъ на солнопекѣ, и хоть бы одинъ клочекъ зелени скрасилъ собою однообразіе его аспидно-сѣрыхъ черепичныхъ кровель! Ни деревья, ни кустика. Вотъ начинаются береговые форты: справа—каменный на 26 орудій, стѣна—земляной редутъ, вѣнчающій собой высокій бугоръ курганной формы,

а рядомъ съ нимъ, у подошвы бугра, большой фортъ, гдѣ видны и каменные, и земляные верки. Городъ скупился амфитеатромъ до половины горы, около высокой каменной стѣны и двухъ древнихъ толстыхъ башенъ крайне неуклюжей формы. Отсюда начинается рядъ фортовъ, гдѣ каменные постройки стародавнихъ временъ перемѣшиваются съ земляными брустверами современной фортификаціи. древніе стратеги, надо отдать имъ справедливость, отлично сумѣли выбрать здѣсь мѣсто для своихъ береговыхъ укрѣпленій, такъ что новѣйшему инженерному искусству оставалось только слѣдовать ихъ указаніямъ и приспособлять избранные имъ пункты къ системѣ нынѣшней обороны.

Насупротивъ, на азіатскомъ берегу, лежитъ городокъ Ченакъ-Кале, у котораго «Цесаревичъ» пріостановился на нѣсколько минутъ, чтобы сдать какой-то коммерческій грузъ. Пользуясь временемъ этой остановки, къ борту сейчасъ же присталъ кайкъ, наполненный гончарными произведеніями самыхъ причудливыхъ формъ. То были преимущественно глурные кувшины въ видѣ лошадей, тигровъ, змѣй, утокъ и т. п., украшенные черной поливой и цвѣтными узорами съ золотомъ. Этими произведеніями мѣстной промышленности снабжаются изъ Ченакъ-Кале не только проѣзжающіе мимо мусульманскіе странники, но вы встрѣтите ихъ и въ Константинополѣ, куда онѣ доставляются въ весьма большомъ числѣ, и даже въ Адриано-полѣ. Цѣны на нихъ не особенно дороги. Такъ большой черный, очень красивый кувшинъ съ золотыми узорами стоитъ 15 галагановъ, то-есть три франка съ спросомъ, а уступается европейскому путешественнику за два франка и даже менѣе, если вамъ не надоѣстъ торговаться; мусульманинъ же покупаетъ точно такую вещь за полфранка. Между Дарданельскимъ мыскомъ европейскаго берега, гдѣ теперь насыпана новая батарея, и старымъ Ченакскимъ фортомъ, представляющимъ широкую каменную башню съ бойницами, находится самое узкое мѣсто пролива, 570 сажень въ поперечникѣ, гдѣ, по преданію, Ксерксъ строилъ свой мостъ, разнесенный бурей. На крѣпостной башнѣ Ченакъ-Кале сохраняются еще на дѣйствительной службѣ древнія бронзовыя пушки съ причудливыми украшеніями, изъ конхъ нѣкоторыя, какъ говорятъ, служили еще при Магометѣ II, покорителѣ Царь-града. Около нихъ сложены пирамидки изъ каменныхъ ядеръ, а рядомъ, на современной земляной батарее бутылевидные армстронги глядятъ своими приподнятыми жерлами въ Эгейское море на дарданельскіе входы. Новѣйшія батареи въ системѣ дарданельскихъ укрѣпленій всѣ насыпанныя изъ песчанистой почвы, и между ними, насколько можно судить по наружному осмотру, нѣтъ ни одной казематированной, орудія дѣйствуютъ чрезъ банкъ, такъ что въ сущ-

ности онъ вовсе не столь грозны, какъ о нихъ привыкли думать, и мнѣ кажется, что для смѣлыхъ моряковъ, вооруженныхъ хорошей артиллеріей, было бы вовсе не трудно не только сбить орудія, но и совсѣмъ разрушить всѣ эти укрѣпленія съ моря.

Идемъ далѣе. Слѣва, на азіатской сторонѣ, видна долина классическаго Скамандра близъ его устья. Рядъ деревьевъ, по очертаніямъ судя чуть ли не вербы, освѣняетъ теченіе этой болотистой рѣчки. Вотъ далеко-далеко впереди обрисовалась слегка въ туманѣ гора Св. Ильи, представляющая собой высшую точку острова Тенедоса, а вотъ и выходъ изъ Дарданельскаго пролива, охраняемый турецкими фортами. На европейскомъ берегу большой каменный фортъ новой постройки, Седдуль-Бахръ, а на азіатскомъ—крѣпостца Кумъ-Калесса, тоже каменная, новая, но, какъ первый, такъ и послѣдняя строены по образцу древнихъ сооружений этого рода. Седдуль-Бахръ однако не казематированъ, и такъ какъ онъ расположенъ на самомъ склонѣ прибрежной возвышенности, то его внутренность остается вся на виду съ моря. Ниже Седдуль-Бахра, почти подъ его подошвой, на площадкѣ небольшой возвышенности во 140 футовъ, стоитъ особый каменный фортъ новой постройки, который, мнѣ кажется, будеть немножко посильнѣе своего верхняго сосѣда тѣмъ, что онъ болѣе укрытъ и по своимъ размѣрамъ представляетъ меньшую цѣль для непріятельскихъ орудій.

Съ азіатской стороны, на возвышенности у выхода въ Эгейское море, расположено христіанское селеніе Йени-Шехръ, гдѣ видны каменная церковь съ башенкой и цѣлый рядъ каменныхъ вѣтряныхъ мельницъ, при чемъ, вмѣсто обычныхъ дубовыхъ крыльевъ, здѣсь приспособлены небольшіе полотняные паруса продолговатой трехъ-угольной формы, числомъ до дюжины на каждой, что придаетъ этимъ мельницамъ очень оригинальный видъ.

Итакъ Дарданельскій проливъ пройденъ, мы въ Эгейскомъ морѣ. Справа виденъ островъ Имбросъ, а за нимъ возвышаются легкимъ силуэтомъ Самотраки и Лемносъ, куда во время послѣдней нашей войны съ турками былъ посланъ Абдуль-Керимъ-паша, планъ котораго, заключавшійся въ томъ, чтобы безпрепятственно пропустить русскихъ черезъ Балканы и потомъ запереть за ними горные проходы, не былъ своевременно понятъ въ Константинополѣ, за что престарѣлый паша и поплатился ссылкой. Прямо предъ нами желтѣютъ маленькіе Кроличьи острова рифоваго характера. Они не высоки, плоски и совершенно голы, безъ малѣйшихъ признаковъ растительности; трава если и была, то уже вся теперь выжжена солнцемъ, и не видать на ихъ желтой поверхности ни единого человѣческаго жилья.

Единственными обитателями этихъ островковъ являются кролики, и, говорятъ, ихъ тутъ великое множество. Они умѣютъ гдѣ-то находить для себя подпочвенную воду, которой человекъ до сихъ поръ не удалось еще отыскать въ этомъ кроличьемъ царствѣ.

Берега Малой Азіи въ этихъ мѣстахъ тоже голы и довольно унылы. Рѣдко-рѣдко встрѣтится какая-нибудь долина, покрытая далеко не густою растительностью: все больше низенькая маслина да жиденскій кипарисъ. Деревни тамъ довольно рѣдки и уныло стоятъ себѣ на плѣшинахъ пригорковъ, безъ зелени, безъ садовъ, на самомъ солнцепекѣ Таковы Йени-Шехръ, Йени-Кюй, Палео-Кастро и Безика, знаменитая своей бухтой, изъ которой во время послѣдней войны англійскіе броненосцы такъ пугали нашихъ податливыхъ дипломатовъ.

На протяженіи береговой полосы встрѣчаются два-три насыпные кургана, происхожденіе коихъ вѣроятно относится къ отдаленнымъ эпохамъ древности.

Проходимъ мимо острова Тенедоса, сѣверную оконечность котораго составляетъ пологоконическая гора Св. Ильи, гдѣ не замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ растительности. Между Тенедосомъ и отмелью малоазійскаго мыса Гукери есть небольшая банка, обходя которую, пароходъ направляется мимо скалистаго острова Гадаро (Ослиный), гдѣ есть небольшой маякъ и при немъ садикъ, болѣе впрочемъ похожій на скудную заросль бурьяна. Какъ разъ напротивъ этого мѣста лежитъ городъ Тенедосъ, будто бы славившійся своимъ виномъ. Проверить этого мы не имѣли возможности, такъ какъ пароходъ здѣсь не останавливается, и ни одна торговая лодка не подѣхала къ нему съ острова; но не понимаю, гдѣ тутъ могутъ быть виноградники.

Вся восточная сторона острова, мимо которой мы проходили, представляетъ склоны горнаго края съ совершенно голою, выжженою солнцемъ, поверхностью, и даже въ самомъ городѣ нигдѣ не видать ни клочка зелени, а она едва ли могла бы укрыться отъ глаза, такъ какъ городъ этотъ всею массой своихъ, исключительно каменныхъ, зданій расположенъ по склону горы амфитеатромъ. Внизу окаймляютъ его каменные стѣны крѣпости съ башнями и бойницами, повидимому не особенно давней постройки, но по старому образцу. Знаю надъ этимъ мѣстомъ должно-быть ужасный, и его несомнѣннымъ признакомъ являлось сильно замѣтное дрожашее рѣліе воздуха. Тутъ же, около города, видно нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ съ парусными крыльями. Вѣроятно, виноградники и нашни находятся гдѣ-нибудь въ лошинахъ внутри острова, и не могутъ быть видимы съ моря. Мраморный мысъ на юго-восточной оконечности Тенедоса представляетъ

собой красиво напластованную глыбу бѣло-розового мрамора, въ которую вѣчно бьетъ красивый бурный, разсыпаясь алмазной пылью.

На азиатскомъ берегу въ это время видна классическая гора Ида. Силуетъ ея рисуется въ видѣ зубчатого ряда неровныхъ бугристыхъ вершинокъ, а поверхность самаго корнуса горы изрыта и какъ бы поздревата, такъ по крайней мѣрѣ кажется съ моря. Вообще, берега Малой Азии представляютъ до сихъ поръ рядъ довольно отлогихъ возвышенностей, между которыми Кизъ-дагъ въ 1.595 метровъ является самой высокой. Поверхность этихъ возвышенностей большею частью камениста, и только изрѣдка замѣтна на ней скудная кустарниковая растительность, такъ что издали кажется, будто такіа мѣста покрыты кочками. Общій пейзажъ не только не роскошенъ, но даже и не особенно красивъ. Скучность, вотъ его главный характеръ. Но за то цвѣтъ воды, чѣмъ дальше, тѣмъ прелестнѣе: онъ переходитъ теперь въ совершенно голубой, кобальтовый.

Вотъ на малоазійскомъ берегу выдвигается мысъ Баба, сирѣчь отецъ по-турецки. На его оконечности, Богъ вѣсть для чего, существуетъ турецкій фортъ, никого и ничего не защищающій, кромѣ развѣ открытаго моря. Нѣсколько сѣвернѣе этого мыса, въ разстояніи 16½ морскихъ миль, лежитъ деревня Александрія, рядомъ съ турецкою деревушкой Эски-Стамбуль. Тутъ, говорятъ, видны невдалекѣ развалины Трои, и-въ этомъ же мѣстѣ турки въ прежнія времена добывали мраморъ для своихъ построекъ и для ядеръ, громившихъ Константинопольскія стѣны. Вотъ островъ Митилена, древній Лесбосъ, родина Сафо, а рядомъ съ нимъ—скалистые островки Томари, съ приближеніемъ къ коимъ становится замѣтнѣе вдаль, въ диловатой дымкѣ, красивый каменистый пикъ, обращенный въ нашу сторону двумя плоскостями рѣзко разграниченными одною гранью. Это, гора Олимпъ въ 3.079 метровъ. Сѣверные и сѣверо-восточные берега Митилены не высоки, но скалисты и служатъ какъ бы выходящими изъ моря подошвами небольшихъ возвышенностей, покрытыхъ довольно жидкими и чахлыми на видъ сѣроватыми кустарниками, растущими на каменистой почвѣ. Только въ небольшихъ долинахъ, кое-гдѣ выбѣгающихъ изъ горныхъ ущелій къ морю, какъ напримѣръ, въ долину между мысами Фери и Томари, зелень становится гуще и вдоль по теченію ручья виднѣется рядъ кипарисовъ. Здѣсь же, по долинамъ, замѣтны проявленія культуры: небольшія поля и плантаціи весьма тщательно разбиты на участки, въ клѣтку, и разгорожены стѣнками. Должно-быть большинство сельскаго населенія Митилены ютится гдѣ-нибудь внутри острова, по долинамъ и падамъ между горами, потому что на берего-

вой линіи не замѣтно ни единого домика, кромѣ двухъ ничтожныхъ, совсѣмъ бѣдныхъ деревушекъ Моливо и Белгхеса. Последняя расположена на совершенно гладкой каменной площадкѣ, составляющей террасовидный уступъ горы, а на азиатскомъ берегу, насупротивъ ея, бѣлѣетъ маленький портовый городокъ Айвали. И Белгхеса, и Айвали стоятъ какъ разъ на солнцекѣ; ни здѣсь, ни тамъ не растетъ ни одного деревца, ни кустика, ни травки. Первалъ сѣрѣетъ, точно группа ласточьихъ гнѣздъ, выдѣленныхъ изъ клейкой грязи, а другой сверкаетъ на солнцѣ, словно весь выточенный изъ мѣла.

На небольшомъ полуостровкѣ выдвигается впередъ къ морю древняя каменная крѣпость, а позади нея, по обѣимъ сторонамъ берега, прилегающаго къ полуостровку, раскинулся городокъ Митилена. Между его каменными строениями, окрашенными въ голубой, кофейный, розовый и преимущественно бѣлый цвѣтъ, видна кое-гдѣ зелень не высокая, довольно скудная, но все же зеленъ. Къ югу отъ города его ближайшія прибрежныя окрестности гораздо болѣе оживлены, чѣмъ сѣверная часть острова, и носятъ на себѣ признаки культурной жизни. Здѣсь по долинамъ уже замѣтно нѣсколько деревень, похожихъ съ виду на маленькіе городки, гдѣ разведена кое-какая зелень, видны небольшіе садики. Но что странно, такъ это почти полное отсутствіе мѣстнаго каботажна, и даже рыбацкія лодки подъ берегами попадаютъ очень рѣдко.

Въ шестомъ часу дня стали открываться предъ нами южные берега Митилены, между мысами Св. Маріи и Іеро, откуда начинается входъ въ великолѣпнѣйшій портъ Іеро, совершенно закрытый. Въ южной части этого острова берега и возвышенности вообще значительно выше, чѣмъ въ сѣверной. Въ вечернѣющемъ воздухѣ, слегка подернутые мягкимъ лиловымъ туманомъ, виднѣются справа контуры острова Хюса, а слѣва выступаютъ очертанія полуострова Кара-бурну, славящагося своими винными ягодами, инджиремъ и изюмомъ, который въ торговлѣ считается самымъ лучшимъ. Отъ Кара-бурну начинается входъ въ Смирнскій заливъ, куда мы втянемся уже ночью.

Палуба нашего парохода представляетъ довольно интересное зрѣлище. Теперь всѣ ея пассажиры, принятые на бортъ въ Константинополь, уже успѣли размѣститься, «умяться», приладиться и вполне освоились со временнымъ своимъ жильемъ на палубѣ, примѣняясь къ обиходу пароходной жизни. Вся срединная и носовая части палубы покрыты этими пассажирами, которые хотя и разбѣлись на болѣе тѣсныя группы по національностямъ, но все же относятся одинъ къ другимъ довольно общительно и дружелюбно. Всѣ они, сосѣдства ради,

по необходимости трутся между собою бокъ о бокъ и, не понимая языка, все же оказываютъ иногда другъ другу взаимныя маленькія услуги, угощаютъ одинъ другихъ, и въ особенности дѣтей бубликами, чайкомъ, арбузами, дынями, папироской, словомъ, какъ говорится, живутъ хотя и въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ. Большинство изъ нихъ все паломники, направляющіеся ко Святымъ мѣстамъ: одни на поклоненіе Гробу Господню, другіе—Каабѣ, третіе—обѣтованной землѣ Израиля. Тутъ были греки, итальянцы, армяне, болгары, сербы, румыны, евреи, турки, но большинство состояло изъ нашихъ русскихъ странниковъ и странницъ, и вообще русско-подданныхъ. между которыми были и жидки изъ Западнаго края, и нахичеванскіе армяне, и кавказскіе горцы, и казанскіе татары, и нѣсколько сартовъ изъ Ташкента и другихъ мѣстъ Средней Азіи, и всѣ эти «восточные народы», сверхъ мѣстога ожиданія, относились къ своимъ «поработителямъ» русскимъ очень дружелюбно, на что «поработители», конечно, отвѣчали взаимностью. Тутъ же слѣдовала въ Смирну цѣлая партія турецкихъ солдатъ, отбывшихъ сроки своей службы и теперь возвращавшихся на родину. Между ними нашлось нѣсколько чело- вѣкъ, бывшихъ въ плѣну въ Россіи. Двое изъ нихъ научились кое-какъ говорить по-русски и не безъ удовольствія сами объявили мнѣ о своемъ временномъ пребываніи въ Россіи. Хвалятъ Россію, «хорошо у васъ!» говорятъ: «десять мѣсяцевъ ѣли, пили и хорошо жили—за здоровье императора Александра! И сапоги онъ намъ давалъ, хорошіе сапоги! и жалованье давалъ полтора рубля въ мѣсяцъ на чело- вѣка, и народъ у васъ хорошій, не обижалъ насъ! Только и есть два хорошіе народа на свѣтѣ, урусъ и османлы».

Каждый мусульманинъ-паломникъ еще дома, предъ отпѣствиемъ въ благочестивое стран- ствованіе, запасается бѣлой одеждой и тремя камнями. И то, и другое онъ хранитъ у себя въ котомкѣ, пока не достигнетъ въ Аравію до приморской мѣстности около Джедды, извѣстной подъ именемъ Ушка-калеси; здѣсь онъ весь облачается въ бѣлое и бросаетъ въ море свои три камня въ память того, что и пророкъ нѣ- когда сдѣлалъ то же на этомъ самомъ мѣстѣ. Наши туркестанскіе мусульмане болѣе всѣхъ прочихъ выказываютъ свое благочестіе. Они очень исправно совершаютъ, по положенію, всѣ пять намазовъ и всегда первые начи- наютъ молитву, а всѣ остальные уже пристраиваются къ нимъ, тѣсно садясь на корточки, и молятся всѣ вмѣстѣ, слѣдуя движеніямъ и жестамъ муллы, который садится впереди про- чихъ. Въ остальное же время туркестанцы либо поправляютъ чаекъ точно такъ же, какъ и русскіе, либо внимательно слушаютъ чтеніе Корана, при чемъ читаетъ громко и на распѣвъ

постоянно одинъ и тотъ же ражій, черноборо- дый мужчина въ парчевой тюрбеткѣ.

Изъ русскихъ тоже кое-кто читаетъ либо Псалтирь либо Евангеліе, всегда находи кру- жокъ слушателей; но больше, какъ я замѣчаю, наши любятъ слушать рассказы бывалыхъ странниковъ. Есть между ними слѣпой, кото- рый одинъ, безъ поводыря, дотащился изъ Пермской губерніи до Одессы и точно также вернется на родину, коли Богъ сподобитъ, поклонившись Гробу Господню; есть старый севастопольскій солдатъ, которому «маленько ногу поправили» на Камчатскомъ редутѣ; есть богатая купеческая вдова, которая совершаетъ свое странствіе «по общаію», за покойнаго мужа, и наѣхрена отъ Яффы до Иерусалима идти пѣшкомъ и вообще исходить по возмож- ности всю Святую землю по образу пѣшаго хожденія; есть наконецъ какая-то старушка изъ Якутской области, которая пѣшкомъ от- махала свою путину чрезъ всю Сибирь и Рос- сію. Замѣчательные типы: сколько энергіи, возвышающейся до подвижничества, и въ то же время что за любовь къ скитанію по бѣ- лому свѣту! Въ этомъ есть что-то поэтиче- ское.

Въ Константинополѣ и именно въ Галатѣ, не- подалеку отъ Агенства Русскаго Общества Паро- ходства и Торговли, находится каменный четы- рехъэтажный домъ, купленный на средства русской Аѳонской братіи и специально приспособленный ко временному помѣщенію нашихъ паломниковъ, гдѣ, кромѣ крова, они находятъ еще и способы къ удовлетворенію, по возмож- ности, своихъ дорожныхъ нуждъ и потребно- стей. Это «Русское Аѳонское подворье». Какъ только приходитъ въ Золотой Рогъ какой-либо пароходъ, преимущественно конечно русскій, на его палубѣ тотчасъ же появляются два-три монаха изъ подворья, справляются, нѣтъ ли русскихъ странниковъ и, буде есть, предлага- ютъ желающимъ остановиться и отдохнуть съ дороги у нихъ на подворьѣ. Здѣсь останавли- ваются въ особенности богомольцы, отправляю- щіеся на Аѳонъ, такъ какъ имъ приходится иногда ожидать парохода. Монахи подворскіе принимаютъ и кормятъ странниковъ, не тре- буя съ нихъ за это никакой платы, а доволь- ствуются тѣмъ, кто что дастъ по доброй волѣ «Богу на масло» или «на поминовеніе». Мона- хи же служатъ странникамъ и въ качествѣ пу- теводителей по городу; при ихъ помощи нуж- дающіеся могутъ по сходной цѣнѣ закупить все необходимое въ дорогѣ, и они же устраиваютъ на льготныхъ условіяхъ дальнѣйшую отправку богомольцевъ ко Святымъ мѣстамъ или въ Рос- сію. На англійскихъ судахъ, напримѣръ, верх- няя палуба представляется исключительно въ пользованіе самихъ капитановъ, вслѣдствіе чего они и берутъ безъ таксы, но вообще очень дешево за провозъ палубныхъ пассажировъ.

IV.

Смирна и Средиземное море.

Такъ, до Аёона и даже до Яффы можно иногда доѣхать за два серебряные рубля, а то и за одинъ рубль; на пароходѣ же «Русскаго Общества» отъ Яффы до Одессы за пять кредитныхъ рублей. Вообще должно замѣтить, что для паломниковъ теперь значительно облегчены способы передвиженія. Отъ Одессы до Яффы и обратно съ заходомъ въ Александрію весь путь стоитъ 24 рубля, а въ одну сторону 12 рублей на собственной, впрочемъ, пищѣ. Но это послѣднее обстоятельство облегчается тѣмъ, что, начиная отъ Константинополя, на палубѣ всегда помѣщается особая будка-буфетъ, специально для палубныхъ пассажировъ. У насъ, напримеръ, она на своемъ фронтонѣ носитъ громкое названіе: «Café de la Grande Russie». Содержатель такой будки, покупающій себѣ право палубной торговли въ агентствѣ Общества, всегда умѣетъ говорить по-русски и по-турецки, такъ что его драгоманскими услугами нерѣдко пользуется и пароходное начальство. На «Цесаревичѣ» такимъ буфетчикомъ-толмачемъ состоитъ какой-то черногорецъ, который во время послѣдней войны былъ маркитантомъ, комиссіонеромъ и переводчикомъ при Ярославскомъ пѣхотномъ полку. У него въ будкѣ всегда находится ромъ, ракія, мастика, водка, кофе, чай, хлѣбъ и сахаръ. Для варки кофе въ будкѣ устроена даже особая переносная печка изъ желтой листовой мѣди. Цѣны вообще умѣренныя, ибо только подъ этимъ условіемъ Общество разрѣшаетъ маркитантамъ палубную торговлю. Средней величины стаканъ рому или водки, напримеръ, стоитъ 5 копѣекъ на наши деньги; чашка кофе 2 копѣйки. Но какъ турки, такъ и наши паломники обращаются къ маркитанту довольно рѣдко: они больше все съ собою въ разныхъ мѣшечкахъ везутъ свои собственные неприхотливые запасы, хлѣбъ, зеленые бобы, огурцы, лукъ, чеснокъ и фрукты, а наши и туркестанцы, сверхъ того, еще и собственнымъ чайкомъ запасаются. Такимъ образомъ, содержатель будки отъ Константинополя до выхода изъ Смирны наторговалъ всего лишь на 12 франковъ.

Съ нами ѣдетъ возвращающійся изъ Константинополя въ Каиръ египетскій принцъ Ахмедъ-бей со свитой, состоящею отчасти изъ европейцевъ, отчасти изъ арабовъ. Принцъ этотъ все время сидитъ въ своей душевой какутѣ, ни на минуту не показывается на палубѣ, обѣдаетъ отдѣльно отъ свиты, въ одиночествѣ, и вообще, какъ сказываетъ пароходная прислуга, «держитъ себя гордо, настоящимъ принцемъ».

Въ первомъ часу ночи «Цесаревичъ» пришелъ на Смирнскій рейдъ и сталъ до утра на якорь, чтобы съ разсвѣтомъ войти въ портъ.

Санджакъ-калесси.—Общій видъ Смирнскаго залива.—Смирна.—Европейская часть и туземные кварталы.—Портовая часть.—Смирнскіе сибариты.—Таверны.—Греческій характеръ города.—Женщины.—Климатъ Смирны.—Дачи въ Бурнабатѣ.—Предметы смирнской торговли и промышленности.—Проводникъ Мустафа.—Соборъ св. Фотиды и церковь св. Георгія, ихъ архитектура и достопримѣчательности.—О русскихъ консулахъ на Востокѣ.—Смирнскій базаръ.—Турецкія женщины и ихъ мѣстный костюмъ.—Мухи, саранча и клещи.—Склады смирнскихъ ковровъ.—Нѣсколько воспоминаній о грекѣ-руссофилѣ Ангелуцоло.—Островъ Патмосъ.—Выходъ изъ греческаго Архипелага.—Способность турокъ къ лѣжанию.—Свита египетскаго принца и ея забавы.—Небо и вода Средиземнаго моря.

10-го іюля.

У входа на Смирнскій рейдъ съ правой стороны бѣлѣютъ маякъ и каменный фортъ старинной турецкой постройки. Это, въ сущности, не фортъ, а просто круглая стѣнка въ родѣ широкой приземистой башни съ зубцами, но безъ валганга и внутреннихъ казематовъ; по ея нижнему краю прорѣзано нѣсколько просторныхъ амбразуръ, откуда виднѣются жерла и неуклюжіе лафеты старыхъ чугунныхъ пушекъ, а снаружи при амбразурахъ сложены пирамиды изъ ядеръ, выкрашенныхъ для чего-то бѣлой краской. Фортъ называется Санджакъ-калесси, и это названіе долгое время служило для европейцевъ поводомъ къ довольно забавному недоразумѣнію. У турокъ санджакомъ обыкновенно называется административный округъ, соответствующій нашему уѣзду; французы же первые на своихъ мореходныхъ картахъ сдѣлали изъ Санджакъ-калесси Fort de Saint Jacques, и съ ихъ легкой руки ту же ошибку повторяли у себя англичане, и голландцы, и нѣмцы, и другіе, а въ томъ числѣ, разумѣется, и мы: на нашихъ картахъ прежняго времени онъ называется «фортомъ святого Іакова».

Этотъ курьезъ сообщилъ мнѣ С. С. Лесовскій.

Цвѣтъ воды въ заливѣ изжелта свѣтло-зеленый, и самая вода мутновата, со значительной примѣсью ила. Съ правой, то есть южной стороны залива, склоны горъ, обращенные къ сѣверу, покрыты зеленью, словно мелко-курчавой мерлушкой, тогда какъ лѣвыя возвышенности, глядяція прямо на югъ, сплошь обнажены и утомляютъ глазъ своей безжизненной буро-желтой массой. Прибрежныя низменности съ обѣихъ сторонъ залива покрыты кустарниками, среди которыхъ торчатъ нѣсколько островерхихъ кипарисовъ и кое-гдѣ виднѣются домики, въ особенности слѣва.

Смирна расположена въ глубинѣ залива, и каменная портовая стѣнка, глаголемъ выведенная въ море, какъ бы дѣлитъ городъ на двѣ части: рейдовую или европейскую и пор-

товую или туземную. Рейдовая часть, если смотреть на городъ съ моря, придется въ лѣвой рукѣ; она болѣе расположена на ровной плоскости, и ея прекрасная каменная набережная выходитъ прямо на рейдъ внѣ порта, представляя рядъ красивыхъ двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ пріятной архитектуры, съ зелеными жалузи и веселыми цвѣточными палисадниками, гдѣ растутъ розы, лавры, кактусы, алое и магноліи. Это все жилища богатой левантинской буржуазіи, и здѣсь же находятся нѣсколько лучшихъ городскихъ гостиницъ: «d'Egypte», «Des deux Augustes» и «De la Ville» и нѣсколько банкирскихъ конторъ. Въ европейскомъ кварталѣ, кромѣ богатыхъ грековъ изъ королевства и левантинской буржуазіи, живутъ еще англійскіе (преимущественно), французскіе, голландскіе и итальянскіе купцы и коммерческіе агенты со своими семействами и европейской прислугой. Ихъ личность и собственность поставлены внѣ турецкой юрисдикціи: въ гражданскихъ, коммерческихъ и даже уголовныхъ процессахъ они не признаютъ надъ собой иного суда кромѣ своего консульскаго. Здѣсь въ прекрасномъ казино, построенномъ по общественной подпискѣ обитателей европейскаго квартала, можно найти всѣ главнѣйшіе европейскіе журналы и газеты, а на театральной сценѣ этого клуба даются итальянскія оперныя представленія. Здѣсь же издается на французскомъ языкѣ и своя особая газета «Impartial de Smyrne».

Портовая же часть города болѣе скучена и потому менѣе чистоплотна. Представляя собою лабиринтъ узкихъ и нерѣдко крытыхъ цыновками, а потому темныхъ переулковъ, она амфитеатромъ взползаетъ своими старинными домами отъ берега до половины Цитадельной горы. Здѣсь на первомъ планѣ красуется бѣлый соборъ св. Фотиды съ высокой красивой колокольней, а рядомъ съ нимъ церковь св. Георгія. Нѣсколько въ сторонѣ, правѣ этихъ православныхъ храмовъ, стоитъ приземистое зданіе главной городской мечети съ бѣлымъ минаретомъ. Всѣхъ вообще минаретовъ я насчиталъ въ Смирнѣ только десять. Тутъ же помѣщается городской базаръ, турецкая таможня, казармы и турецкій кварталъ, расположенный на задахъ портовой части, рядомъ съ кипарисной рошей мусульманскаго кладбища. Общій видъ города вѣнчается красивыми развалинами старой генуэзской цитадели, темнобурыя стѣны и башни которой занимаютъ вершину горы, называемой Городской или Цитадельной.

Горы, окружающія заливъ и задніе планы города, каменисты и пустыни; кочковатая чахлая растительность лишь изрѣдка виднѣется отдѣльными щепотками на ихъ буро-желтыхъ склонахъ, раскаленныхъ лучами безпощаднаго солнца.

Въ самомъ городѣ кое-гдѣ видны группы деревьевъ, между коими преобладаютъ кипарисы. Набережная освѣщена газомъ и превосходно вымощена широкими каменными плитами, сдѣланными по заказу въ Австріи, и берегъ подъ стѣнкою этой набережной такъ приглубъ, что самые большіе пароходы, даже военные корабли, свободно швартовятся на кольцахъ прямо у ея борта. Вдоль по всей набережной ходить конка, при чемъ нерѣдко лошади замѣняются паровозомъ, въ особенности когда надо съ одного конца города на другой перетаскать цѣлый поѣздъ товарныхъ вагоновъ. Все это устроено здѣсь лишь въ недавнее время. Главный предметъ смирнской торговли составляютъ сушеные фрукты, и торговля этимъ продуктомъ, какъ говорятъ, достигаетъ громаднѣйшихъ размѣровъ. Набережная въ портовой части города заставлена множествомъ товарныхъ ящиковъ, бочекъ, мѣшковъ, изъ которыхъ одни сгружаются съ судовъ, другіе грузятся на пароходы. Здѣсь идетъ суетливое рабочее движеніе, трещатъ лебедки, и чаще всего между носильщиками слышится турецкій окликъ «бана-бакъ!» соответствующій нашему «слышь ты», «смотри!» «берегись!» Тутъ помѣщается цѣлый рядъ деревянныхъ балаганчиковъ, изъ коихъ каждый либо кабачокъ, либо кофейня, гдѣ съ ранняго утра смирноты уже дѣлаютъ свой кейфъ. Мы ошвартовились у набережной въ шесть часовъ утра и сошли на берегъ въ половинѣ восьмого, а эти сибариты въ фескахъ, котелкахъ и сметкахъ уже сидѣли на плетеныхъ стульяхъ предъ кофейнями, занявъ всѣ мѣста на тѣневой сторонѣ. Глазѣя на прохожихъ, они покуриваютъ кальянъ, либо сами крутятъ себѣ папироски и попиваютъ крѣчайшій турецкій кофе, всегда сопровождаемый стаканомъ холодной воды; другіе же въ это самое время съ увлеченіемъ предаются игрѣ на деньги въ трикъ-тракъ, домино и кости. Кое-гдѣ около этихъ тавернъ посажены, съ претензіей на садики, тшедушныя деревца, клены и каштаны наполовину уже сожженные солнцемъ. Кое-гдѣ по стѣнамъ домовъ выются различныя вьюнки, плющъ и въ особенности виноградъ, взбѣгающій вверхъ на перекинутыя черезъ улицы жердины и рѣшетки. Турокъ встрѣчается на улицахъ очень мало; изрѣдка развѣ пройдетъ какой-нибудь *аскеръ* въ синей форменной курткѣ съ красными басонами, или водоношъ со своимъ осликомъ, навьюченнымъ двумя бочонками, и если бы не красный турецкій флагъ надъ портовой таможней да не два-три полицейскіе стража по разнымъ угламъ, то можно бы было скорѣе подумать, что это — городъ исключительно греческій, находящійся въ греческомъ же обладаніи, столь много здѣсь всевозможныхъ Попандопуловъ. Хорошенькія женщины съ живыми цвѣтами въ черныхъ волосахъ и въ ев-

ропейскихъ легкихъ костюмахъ попадаются довольно часто, а по вечерамъ вся набережная просто кишитъ ими, и говорятъ, будто онѣ очень благосклонны къ иностранцамъ.

Лѣтомъ здѣсь убійственно жарко; говорятъ, что въ июлѣ бываютъ дни, когда въ комнатѣ съ закрытыми ставнями термометръ Фаренгейта показываетъ 70 градусовъ и болѣе; но дневной жаръ обыкновенно умѣряется такъ-называемымъ здѣсь *инбатомъ*, пріятной западной *бризой*, которая дуетъ съ полудня до заката солнца. Но когда случайно подуетъ съ берега, изъ глубины малоазійскаго материка сильно горячій восточный вѣтеръ, жизнь въ Смирнѣ становится невыносимой. Эти восточные вѣтры просто жгутъ страну, и тѣ молодые клены и каштаны, что стоятъ, какъ мы видѣли съ изсушенными и какъ бы обгорѣлыми листьями, сожжены именно этими вѣтрами. Какъ разъ въ тотъ день что мы были въ Смирнѣ, намъ отчасти пришлось испытать что это такое. Въ этихъ случаяхъ зажиточные смирніоты обыкновенно спасаются по желѣзной дорогѣ въ Бурнабатъ, хорошенькую подгорную деревеньку на берегу моря и недалеко отъ города, пользующуюся въ этомъ отношеніи счастливымъ закрытымъ положеніемъ. Здѣсь большинство смирніотовъ имѣетъ собственныя дачи съ садами; но и тѣ, кто ихъ не имѣетъ, все равно слѣзаетъ въ Бурнабатъ переждать въ чьемъ-нибудь сельскомъ саду или въ тѣни около кофейни и таверны тѣ часы, пока дуетъ этотъ проклятый вѣтеръ. Въ дождливое же время года не рѣдко случается, что дождь не переставая льетъ по пятидесяти сутокъ сряду, сопровождаемая частыми и сильными грозами, которыя нерѣдко повреждаютъ суда, стоящія на якорѣ.

Смирна, главный городъ вилаята, имѣетъ 130.000 жителей, изъ коихъ 10.000 испанскихъ евреевъ. Главный предметъ туземнаго вывоза, какъ уже сказано, сушеные фрукты: винныя ягоды, изюмъ, урюкъ, рожки и груши; но кромѣ того городъ славится еще своими ковравыми фабриками, гдѣ выдѣлываются бархатисто-мягкіе ковры замѣчательной величины и разнообразнаго красиваго рисунка въ восточномъ вкусѣ.

Какъ только мы ошвартовались, первымъ дѣломъ, конечно, явилось у меня желаніе ознакомиться, насколько возможно, съ городомъ. Недостатка въ проводникахъ не было, такъ какъ нѣсколько изъ нихъ, въ образѣ коммисіонеровъ разныхъ отелей и просто-себѣ гидовъ, сейчасъ же появились съ предложеніемъ своихъ услугъ на нашей палубѣ. Нѣкоторые изъ нихъ кое-какъ объяснялись по-русски. Я выбралъ себѣ между ними чалмоноснаго турка Мустафу, который очень ужъ убѣдительно и умильно просилъ дать ему заработать хоть что-нибудь, а то грекъ, молъ,

всю работу перебиваетъ. Самъ онъ прикочевалъ сюда изъ Яффы, а его баба (отецъ) переселился въ Яффу изъ Россіи; поэтому Мустафа кое-какъ объясняется по-русски и даже настолько сносно, что его можно достаточно понять, въ особенности при помощи его восточной мимики и жестикуляціи. Съ нимъ я и отправился. По пути Мустафа разсказалъ мнѣ, что онъ былъ женатъ уже четыре раза, но каждая жена его бросала.

— Какъ же такъ? спрашиваю его. — Вѣдь у васъ, мусульманъ, на этотъ счетъ строго?

— О, гаспадинъ, нѣтъ строго!.. Былъ строго... Да, былъ очень строго... Ну, теперъ нѣтъ строго... Теперъ жена какъ апельсинъ: сейчасъ на одна рука—у адынъ мужъ, сейчасъ перекидай на другая рука—на другой мужъ. У адынъ мужъ адынъ лео ¹⁾, у другой мужъ два лео: жена сейчасъ, какъ апельсинъ, перекидай на другой мужъ... какъ апельсинъ!.. Теперъ нѣтъ строго, саусамъ нѣтъ!..

— Ну, это однако не хорошо у васъ стало.

— О, такъ, такъ!.. Нѣтъ кгарашо! Саусамъ нѣтъ кгарашо, гаспадинъ... Што дѣлай!..

Пока было еще не жарко, я въ сопровожденіи Мустафы обошелъ нѣсколько улицъ европейскаго квартала и туземнаго города, а затѣмъ направился въ соборъ св. Фотиды. Здѣсь отъ ктитора, понимавшаго по-французски, я узналъ, что въ Смирнѣ находится до сорока православныхъ греческихъ церквей и что св. Фотия построена 320 лѣтъ тому назадъ, въ 1560 году. На ея высокой колокольнѣ помѣщается одиннадцать колоколовъ, большею частью пожертвованныхъ изъ Россіи. Въ ночь на Свѣтлый праздникъ эта колокольная обыкновенно снизу доверху иллюминируется разноцвѣтными шкаликами, и съ высоты ея, вмѣстѣ со звономъ колоколовъ, пускаются тогда ракеты, жгутся бенгальскіе огни, гремятъ пистолетные и ружейные выстрѣлы и раздаются звуки музыки, нарочито нанимаемаго военнаго оркестра, который, въ силу обычая, играетъ на колокольнѣ и въ нѣкоторые другіе большіе праздники, а также и въ день св. Фотиды. Серебряная дарохранительница и большая чаша съ потиромъ тоже были присланы для этого собора изъ Россіи. Изъ греческихъ же пожертвованій обращаетъ на себя вниманіе пара стоящихъ предъ мѣстными образами громаднхъ мѣдныхъ шандаловъ, каждый о трехъ подсвѣчникахъ, куда вставлены громадныя восковыя свѣчи. Въ алтарѣ показали мнѣ древнюю икону, которая называется «Пресвятая Богородица во славіи», или иначе «Коронованіе Пречистой Дѣвы». Икона писана на деревянной доскѣ, вершковъ около десяти длиной и вершковъ семь въ ширину.

¹⁾ Румынская монета, равная одному франку.

Письмо на олифѣ по золотому фону, въ такъ-называемомъ Строгановскомъ стилѣ. Ктиторе не безъ гордости объяснилъ мнѣ при этомъ, что англичане предлагаютъ за эту икону десять фунтовъ стерлинга, желая приобрести ее для какого-то музея, но греки не отдаютъ.

— Почему же? Находятъ, что это мало? — спросилъ я.

— О, да, конечно мало! Такая древняя вещь... сами видите... Но и кромѣ того, — спохватился онъ, — греки не желаютъ торговать своей святыней.

Иконостасъ въ два яруса и весь пройденъ великолѣпной рѣзной работой. Въ верхнемъ ярусѣ помѣщенъ рядъ изображеній разныхъ святыхъ во весь ростъ, а надъ царскими вратами устроено нѣчто въ родѣ восточнаго *мхи-нишина*, то-есть балкона-фонарика, закрытаго мелко-узорчатой рѣшеткой. Къ собору примыкаютъ нѣсколько каменныхъ зданій, гдѣ помѣщаются настоятель, клиръ, приходская школа и небольшая библиотека, а въ одномъ изъ заднихъ дворовъ этихъ зданій показали намъ складъ прекрасныхъ образцовъ древней скульптуры, добытыхъ путемъ раскопокъ и привезенныхъ сюда изъ Ефеса для приходской школы, но содержатся эти образцы крайне неряшливо, небрежно, и помѣщены въ омерзительномъ хранилищѣ, рядомъ съ ретирадными мѣстами. Надо впрочемъ думать, что это только временно.

Отсюда перешли мы къ сосѣдней церкви св. Георгія, построенной въ 1858 году. Тутъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасный, оригинальный иконостасъ, весь изъ бѣлаго мрамора. Мѣстные образы очень хорошей живописи, писаны на мраморныхъ же доскахъ. Это работа художника Палеолога. Верхъ иконостаса увѣнчанъ мраморнымъ Распятиемъ. Подъ Распятиемъ три фигуры: въ срединѣ Моисей, а по бокамъ его Илія и Ааронъ; подъ ними «всевидающее око» и по сторонамъ его высѣчены рельефомъ двѣ буквы: А и Ω (альфа и омега). Внутренность храма вся бѣлая, подъ мраморъ, полъ мозаичный, въ шашку, изъ бѣлаго и сѣроваго мрамора, колонны и рѣшетки хороваго бѣлаго, мраморныя, такъ что въ общемъ все это производитъ впечатлѣніе чего-то легкаго, свѣтлаго, отраднаго. Впереди, у правой колонны, устроено возвышенное митрополичье мѣсто подъ балдахиномъ, а противъ него, у колонны лѣвой — особо отгороженное на возвышеніи мѣсто русскаго консула.

Въ закрытомъ дворѣ Георгіевской церкви, прямо противъ ея главнаго входа, растутъ два громадныя развѣсистые клена, которыхъ стволы и главные вѣтви сплошь выкрашены бѣлыми. Намъ объясняютъ, что безъ этой

предосторожности клены и даже каштаны здѣсь нерѣдко иссушаются и какъ бы сгораютъ отъ убійственно жгучаго солнца. Подъ сѣнью этихъ двухъ кленовъ красуется памятникъ, изваянный изъ бѣлаго мрамора и служащій пьедесталомъ для грудного бѣломраморнаго бюста очень тонкой работы, который изображаетъ пожилого грека съ усами, въ фескѣ. Здѣсь похороненъ создатель этого храма. Отсюда я хотѣлъ было отправиться въ третью церковь, св. Іоанна Предтечи, съ предѣлами во имя Николая Угодника и Александра Невскаго, построенную во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ мѣстнымъ купцомъ Ангелопуло, замѣчательнымъ руссофиломъ; но такъ какъ церковь эта находится довольно далеко, на окраинѣ города, куда по такой жарѣ пѣшкомъ не доберешься, то я порѣшилъ вернуться пока на нашъ пароходъ, позавтракать тамъ, а потомъ уже нанять себѣ ослика и ѣхать. Но этому намѣренію не суждено было сбыться, такъ какъ послѣ завтрака мы отправились цѣлою компаніей осматривать городской базаръ, въ присутствіи русскаго консула, который нарочно для этого пріѣхалъ на наше судно. Нашъ русскій консулъ въ Смирнѣ — прелюбезный и очень обязательный человѣкъ, но въ немъ есть одинъ недостатокъ, свойственный впрочемъ многимъ *soit-disant* «русскимъ» дипломатическимъ агентамъ на Востокѣ: онъ не только не говоритъ, но даже не понимаетъ по-русски. При всѣхъ достоинствахъ такихъ консуловъ, позволительно однако усомниться въ ихъ полезности. И въ самомъ дѣлѣ, для кого и для чего они здѣсь существуютъ? Ни одинъ русскій шкинеръ, или русскій торговый прикащикъ, а равно и ни одинъ странникъ-богомолецъ, занесенный судьбой въ какую-нибудь Смирну, не можетъ обратиться къ помощи подобнаго консула даже и въ случаѣ самой настоятельной надобности, если не владѣетъ французскимъ, греческимъ или турецкимъ языкомъ, для словеснаго изъясненія своего дѣла. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно надо отыскивать переводчика, а такъ какъ многіе консулы еще требуютъ, чтобъ изъясненіе жалобы, просьбы или дѣла было непременно подано имъ на бумагѣ, канцелярскимъ порядкомъ, то, кромѣ переводчика, надо еще отыскать человѣка, хорошо владѣющаго французскимъ или греческимъ языкомъ, который сумѣлъ бы со словъ изложить дѣло письменно. Представьте же, какая это сложная, затруднительная и дорого стоящая процедура, и какимъ это способомъ будетъ какой-нибудь Пахомъ Озеранонтовъ, прішедшій изъ Весегонскаго уѣзда, отыскивать себѣ переводчика, если даже въ составѣ лицъ, служащихъ въ консульствѣ, нѣтъ ни одного человѣка, понимающаго по-русски? А что такия «русскія» консульства есть, то это фактъ,

очень хорошо известный множеству лицъ, бывавшихъ на Востокъ. Существуют эти консулы только «для представительности», да развѣ еще для тѣхъ «русско-подданныхъ» мѣстнаго происхожденія, преимущественно изъ грековъ, армянъ и евреевъ, которые Россіи и въ глаза никогда не видали, а приняли русское подданство только ради того, чтобы, при помощи этого гешефта, ускользнуть развѣ навсегда изъ-подъ турецкой юрисдикціи и тѣмъ съ наибольшимъ удобствомъ развязать себѣ руки для разныхъ темныхъ продѣлокъ. Такіе «русско-подданные» въ громадномъ большинствѣ своемъ составляютъ то, что называется правительственной сволочью. У каждой значительной европейской державы есть на Востокъ свои подданные этого рода, и они обыкновенно составляютъ величайшую обузу каждаго консульства, такъ какъ изъ-за нихъ постоянно приходится сталкиваться и пререкаться съ мѣстными властями. Но, по чести говоря, такіе «подданные» прежде всего не заслуживаютъ, чтобы ихъ числить въ своемъ подданствѣ, а во-вторыхъ, всѣ они, сколько ихъ ни есть, по своей безполезности для государства, не стоятъ того, чтобы казна изъ-за нихъ тратилась на содержаніе консульскихъ учреждений. Если эти послѣдніе нужны ради нуждъ дѣйствительно русскихъ подданныхъ, въ чемъ конечно не можетъ быть сомнѣнія, то желательно бы было видѣть на консульскихъ мѣстахъ людей хотя бы понимающихъ по-русски. Небось, англичане нигдѣ не посадятъ на такой постъ челоуѣка, не знающаго по-англійски, да и никто, кромѣ насъ, этого не дѣлаетъ.

День былъ убійственно жарокъ, благодаря знойному сѣверо-восточному вѣтру, порывами задувавшему съ раскаленныхъ вершинъ полуострова Кара-бурну. Вѣтеръ этотъ былъ совсѣмъ горючій, размаевающій челоуѣка; онъ не облегчалъ, а еще болѣе затруднилъ дыханіе. Это совершенно то же ощущеніе, какъ передъ раскрытой калильной печью. Стоять даже на одномъ мѣстѣ было трудно, въ особенности на набережной, такъ какъ сильно раскаленные плиты жгли подошву, а къ камню или дереву невозможно было и прикоснуться безъ того, чтобы тотчасъ же не отдернуть руку: до того они были горячи. Тѣмъ не менѣе, охота пуце неволи, и мы отправились подъ защитою бѣлыхъ зонтиковъ на смиренскій базаръ. Это цѣлый лабиринтъ узкихъ полутемныхъ закоулковъ, крытыхъ сверху досками, коврами, полотномъ и циновками, но тутъ все-таки есть тѣнь и потому хоть кое-какая прохлада. Чуть вступили вы подъ эти навѣсы, какъ уже сразу васъ ошибаютъ разнообразныя сильныя запахи оливковаго масла, вяленой и соленой рыбы, корицы, розовой воды, жаренаго бараньего сала, табаку, мускуса и еще какихъ-то бальзамическихъ

сушеныхъ травъ и пряностей. При духотѣ воздуха, почти неподвижнаго въ крытыхъ закоулкахъ, все это составляло букетъ, далеко непривлекательный. Между базарнымъ купечествомъ, преобладающимъ элементомъ являются все тѣ же греки, держащіе въ своихъ рукахъ какъ отпускную крупную, такъ и мелочную торговлю, а затѣмъ идутъ евреи, армяне, персы и, наконецъ, турки, составляющіе повидимому самый ничтожный процентъ между здѣшними торгашами. Что до товаровъ, то это по преимуществу сбродъ европейской всякой всячины и при томъ далеко не первостепеннаго качества, «въ Азіи-де сойdetъ все, что ни дай, за хорошее!» Но есть и чисто восточныя лавки съ товарами уже знакомыми намъ по стамбульскому Безестену. Тутъ вы найдете плотныя шелковыя и полшелковыя матеріи яркихъ и пестрыхъ рисунковъ, тафты и канаусы, индійскія и русскія парчи, кисейныя платки и чалмы, затканныя золотоу битью и расшитыя шелками, кашмирскія шали, какъ настоящія, такъ и подѣльныя, французской фабрикаціи, салфетки и подушки, мозаично составленныя изъ вырѣзокъ разноцвѣтныхъ суконъ и покрытыя красными вышивными узорами, мужскіе халаты и женскіе бешметы, безрукавныя курточки - арнаутки и фередже (родъ бурнусовъ или плащей), турецкій табакъ, жасминныя чубуки, трубки изъ красной глины и стекляныя кальяны, но послѣдніе почти исключительно австрійскаго производства, якобы въ восточномъ вкусѣ, затѣмъ накрустированные низенькіе столики (софрѣ) и складные попарты (рахилы); но стараго азіатскаго оружія и мѣдно-чеканной утвари нигдѣ мы здѣсь не встрѣтили. Есть лавки войлочныхъ красныхъ фесокъ, мужской и женской обуви, конскихъ, ослиныхъ и верблюжьихъ уборовъ, есть мѣдно-издѣльныя, гончарныя, посудныя, желѣзныя, москательныя, фруктовыя съ сушеными и съѣжными плодами: съ дынями-первоспѣлками, земляничкой - викторіей, абрикосами и черешнями; есть зеленцыя съ великолѣпными овощами, между которыми красуются громадные турецкіе огурцы, молодая кукуруза, лиловые кабачки и желто-пунцовыя баклажаны. Въ перемежку съ этимъ на каждомъ шагу попадаются простонародныя цирюльни, кофейни, кондитерскія, пекарни и съѣстные, гдѣ всѣ сѣдѣ тутъ же, на виду, и жарятся, и жарятся, и пекутся. Но обычной базарной толкотни здѣсь мы не встрѣтили; народу вообще было мало, быть можетъ, по причинѣ знойнаго вѣтра. Однакоже, нѣсколько турецкихъ женщинъ тихо бродили около кондитерскихъ и сурозскихъ лавокъ, припѣнясь къ рахатъ-дукуму и англійскимъ ситцамъ. Костюмъ дѣхъ по красотѣ далеко уступаетъ константинопольскому, хотя, въ сущности, и тотъ нельзя назвать красивымъ. Турчанки-смирнѣотки, вмѣсто прозрач-

наго кокетливаго ясака, прикрываютъ лицо грубой черной сѣткой изъ конскаго волоса, которая торчитъ на нихъ неуклюжими козыремъ, спускался до подбородка, а вмѣсто передже кутаются онѣ въ бѣлыя покрывала, въ родѣ простыни, накидывая ихъ на голову. Впрочемъ, встрѣчаются и полосатыя покрывала какихъ-нибудь скромныхъ свѣтлыхъ колеровъ, исподнее же платье почти исключительно черное. Воображаю, каково дышется этимъ бѣднягамъ въ такую пору подъ ихъ черными сѣтками... Но что составляетъ здѣсь истинную казнь египетскую, такъ это мухи и оводы, отъ которыхъ нѣтъ отбою. Своею назойливостью они въ состояніи довести человѣка не то что до изнеможенія, но до изступленія отъ безсильной на нихъ злости и чуть не до нервнаго припадка. Впрочемъ, обиліе насѣкомыхъ не ограничивается только этими мучителями: на улицахъ намъ пришлось давить ногами множество молодой саранчи, нанесенной сюда сегодняшнимъ вѣтромъ, а на верблюжемъ базарѣ надо было срывать съ себя противныхъ клещей, которые заползаютъ подъ одежду и незамѣтно пробираются за шею, за уши и подъ волосы на затылокъ. Всѣ эти маленькія бѣды, въ соединеніи съ ослѣпительнымъ солнцемъ и горячимъ вѣтромъ, въ особенности съ непривычки, до такой степени отравляютъ все ваше существованіе, что жить въ Смирнѣ и почелъ бы для себя за каторгу.

Къ числу достопримѣчательностей здѣшняго базара относятся два большіе склада ковровъ мѣстнаго производства. Смирнскіе ковры славятся по всему Востоку, да и въ Европѣ весьма цѣнятся за свою добротность, пышную, мягкую бархатистость, исполненный вкуса оригинальный подборъ колеровъ и изящество восточнаго рисунка. Одинъ изъ этихъ складовъ принадлежитъ хозяину ковровой фабрики, богатому пожилому турку, который, привѣтливо встрѣтивъ насъ, съ обычной турецкой медлительностью и саковитостью приказалъ подать всѣмъ стулья и предложилъ, въ видѣ угощенія, холодной воды, а затѣмъ, при помощи своихъ «молодцовъ», неторопливо сталъ развѣртывать предъ нами на полу свои ковровыя богатства. Одѣтъ онъ былъ, несмотря на душливый зной, въ какую-то широкую куртку подбитую и отороченную лисьимъ мѣхомъ, но на жару, повидному, не жаловался.

Цѣны на ковры зависятъ здѣсь отъ размѣровъ ковровой ткани и мѣрою въ этомъ случаѣ служить *никъ*. Количество пиковъ вѣмѣряется въ длину и ширину ткани, и затѣмъ вамъ объявляютъ, что въ коврѣ столько-то пиковъ, а цѣна одного пика въ этомъ сортѣ ковровъ такая-то. Обыкновенно, смотря по качеству ковра, пикъ стѣбитъ отъ 2½ франковъ до 4 меджидіе (20 франковъ), а въ цѣломъ мнѣ уступали громадный коврище превосход-

ной работы за 25 фунтовъ стерлинговъ и то только по случаю «мертвaго сезона», потому что въ это время на такіе предметы нѣтъ никакого спроса. Люди свѣдущіе и здѣсь, и потому въ Александрію, поздравляли меня съ необыкновенно удачной и дешевой покупкой. «Осенью,—пояснилъ хозяинъ, когда наѣзжають сюда европейскіе милорды, я бы никакъ не уступилъ этотъ коверъ дешевле сорока фунтовъ, но... нынѣшнихъ! И вещи, какъ и люди, имѣютъ свою судьбу, свое предопредѣленіе... Ваше счастье: берите его за 25 фунтовъ!»

Въ половинѣ пятаго часа дня, «Цесаревичъ» снялъ свои швартовы и тронулся въ дальнѣйшій путь, чтобъ успѣть засвѣтло приблизиться къ выходу изъ Смирнскаго залива.

Такъ и не удалось побывать мнѣ въ церкви Іоанна Предтечи, построенной руссофиломъ Ангелопуло. О личности этого смирнскаго купца наши старые и бывалые моряки хранятъ самыя пріятныя воспоминанія. Это былъ великій и чуть ли не самый восторженный почитатель Россіи и государей Николая Павловича и Александра Николаевича. Онъ и въ церкви своей Никольскій придѣлъ поставилъ въ память императора Николая, а Александрo-Невскій «во здравіе царя Александра». Ангелопуло самъ себя любилъ называть «русскимъ патриотомъ» и, рекомендуясь какому-нибудь новому знакомому, всегда добавлялъ и эту свою характеристику, чтобы ни минуты не оставлять человѣка въ сомнѣніи насчетъ своихъ политическихъ симпатій и образа мыслей. Боже избави, бывало, при немъ отозваться непочтительно о Россіи,—такой отзывъ Ангелопуло принималъ, въ нѣкоторомъ родѣ, за личное себѣ оскорбленіе. Кто врагъ Россіи, тотъ былъ и врагъ Ангелопуло. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній объ этомъ «русскомъ патриотѣ», сообщенныхъ мнѣ В. С. Кудринимъ, который знавалъ покойнаго лично:

Въ войну 1853 — 1856 годовъ ему нельзя было, при его отвѣтственномъ русскомъ патриотизмѣ, оставаться въ Смирнѣ, и онъ переселился въ Сиру, гдѣ его меньше знали, чтобы тамъ удобнѣе вести между греками руссофильскую пропаганду. Замѣчательна, между прочимъ, одна изъ побочныхъ причинъ этого переселенія. Жена его, которую онъ очень любилъ, была англійская подданная, какъ уроженка острова Корфу, и симпатизировала англичанамъ. Жить подъ однимъ кровомъ съ англійской подданной въ то время, какъ Россія находится въ войнѣ съ Англіей и слышать въ своемъ собственномъ домѣ панегирики англичанамъ, для Ангелопуло было окончательно невозможно. Это значило бы обречь себя на постоянный домашній раздоръ изъ-за политическихъ мнѣній. Англофильскія симпатіи любимой жены задрѣвали самыя чувствительныя струны его русскаго патриотизма, и потому онъ порѣшилъ разстаться съ

ней на время войны и сдѣлать это безъ ссоры, безъ шума, какъ нѣчто самое естественное, какъ будто иначе и быть не могло. Жена съ семействомъ осталась въ Смирнѣ, а самъ онъ очутился въ Сирѣ. Здѣсь запалъ онъ какими-то судьбами русскаго юнкера, взятаго гдѣ-то въ плѣнъ англичанами. Такъ какъ побѣгъ съ острова во всякомъ случаѣ затруднителенъ, да и какими судьбами возможно было бы бѣжать какому-то безвѣстному, бѣдному юнкеру, то онъ и былъ оставленъ въ Сирѣ безъ особенно строгаго присмотра и могъ свободно гулять когда и гдѣ ему вздумается. Въ это-то время познакомился съ нимъ Ангелопуло и въ головѣ отважнаго грека тотчасъ же создается сумасбродный планъ, освободить плѣнника и возвратить Россіи ея воина, потому что все-таки-де однимъ русскимъ будетъ въ Россіи больше, да и какъ-де молодому человѣку томиться въ бездѣйствіи, когда тамъ дерутся, когда отечеству нуженъ каждый его сынъ, могущій носить оружіе!.. И вотъ, задумавъ такое рискованное дѣло, Ангелопуло въ безлунную ночь, одинъ, въ убогой рыбацкой лодчѣ, на веслахъ увозитъ плѣнника изъ Сиры въ открытое море, а тамъ подымаетъ парусъ и садится на руль.

— Куда мы? — при помощи французскаго языка спрашиваетъ его юноша.

— Въ Грецію, въ свободную Грецію, молодой другъ мой, а оттуда съ Божіею помощію въ Россію.

— Но какъ же мы доберемся до Греціи?

— Не знаю, какъ Богъ дастъ... Можетъ встрѣтись греческое судно, можетъ пойдемъ отъ острова до острова — не знаю.

Съ разсвѣтомъ юноша замѣчаетъ, что на днѣ лодки рядомъ съ Ангелопуло лежитъ какой-то боченокъ.

— Съ чѣмъ это? — спрашиваетъ онъ. — Съ водой?

— Э тотъ?.. Нѣтъ, этотъ съ порохомъ.

— Зачѣмъ же намъ столько пороху?

— Завѣмъ чтобы взорваться въ случаѣ если англичане или турки замѣтятъ побѣгъ и пустятся преслѣдовать. Вотъ пистолетъ: выстрѣлъ въ боченокъ — и готово! Это мы сдѣлаемъ тогда, какъ сдѣлимся съ ними бортъ-о-бортъ.

Отъ такого объясненія юноша пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство.

— Иначе никакъ невозможно, — пояснилъ Ангелопуло: — вѣдь если поймутъ, то насъ или разстрѣляютъ, или тутъ же повѣсятъ на реѣ. Такъ ужъ лучше самимъ, да и ихъ заодно утопить вмѣстѣ съ собою! Живыми не дадимся въ руки!

Приключенія этого побѣга длились около трехъ мѣсяцевъ. Въ «свободную Грецію» не удалось имъ попасть сразу, и пришлось скитаться съ острова на островъ, пережидать неудобное время то въ пещерахъ между прибрежными скалами, то въ хижинахъ греческихъ

рыбаковъ, то скрываться по островнымъ греческимъ городкамъ у «своихъ» надежныхъ людей, у священниковъ, у монаховъ, потаенно переходить съ мѣста на мѣсто, причемъ Ангелопуло неукоснительно велъ свою руссофильскую пропаганду между соотечественниками, готовя ихъ къ общему возстанію противъ турокъ, какъ только отзвукъ русскихъ побѣдъ укажетъ удобную къ тому минуту. И все это время возился онъ со своимъ юнкеромъ, кормилъ, поилъ его и всячески скрывалъ и пряталъ, какъ отъ турецкихъ властей, такъ и отъ союзныхъ имъ «каптеновъ». По свойству своей пропаганды Ангелопуло всегда былъ «въ правѣ» разчитывать, что турки каждую минуту могутъ накрыть его и бросить въ тюрьму, а сдаться имъ живьемъ онъ считалъ для себя величайшимъ позоромъ. Поэтому подъ его постелью всегда хранился завінутый боченокъ съ порохомъ, а въ карманѣ лежалъ заряженный пистолетъ. Эта вѣчная возможность взлетѣть на воздухъ въ концѣ-концовъ такъ истомила юнкера, что онъ однажды тайкомъ сбѣжалъ отъ своего «спасителя» и съ тѣхъ поръ словно въ воду канулъ, по крайней мѣрѣ Ангелопуло никогда ничего не слыхалъ о немъ болѣе. Выше всего на свѣтѣ этотъ чудакъ цѣнилъ храбрость въ комъ и въ чемъ бы она ни проявлялась, но храбрость русскихъ приводила его въ какой-то благоговѣйный восторгъ. Севастопольская эпопея и имя севастопольца казались ему чѣмъ-то священнымъ. Когда послѣ Восточной войны у него родилась дочь, онъ вздумалъ было дать ей мудреное имя, что-то въ родѣ «Слава побѣды» или «Надежда побѣды» и долго не крестилъ ее: все поджидая не подойдетъ ли какое русское военное судно, чтобы на немъ отыскать для нея крестнаго отца изъ числа георгіевскихъ кавалеровъ, и наконецъ-таки дождался: и георгіевского кавалера нашелъ, и съ нимъ покумился, и съ тѣхъ поръ создалъ себѣ идеалъ своего будущаго зятя. Э тотъ зять непременно долженъ былъ быть русскимъ по происхожденію, православнымъ по вѣрѣ, монархистомъ по убѣжденіямъ, сухопутнымъ или морякомъ, но во всякомъ случаѣ военнымъ по профессіи и непременно георгіевскимъ кавалеромъ, что служило бы для Ангелопуло порукою личной храбрости; при этомъ добавлялось, что хорошо бы, молъ, было еслибы такой человѣкъ былъ еще и раненъ на войнѣ съ турками, чтобы онъ, значить, кровью своею запечатлѣлъ свою преданность царю и Россіи и свою храбрость, — о, такому зятю Ангелопуло отдать бы вмѣстѣ съ дочерью ровно половину своего состоянія! Другую половину онъ оставлялъ для сына, котораго воспиталъ бы въ ангелопуловскихъ принципахъ и послалъ бы учиться не въ Парижъ и не въ Вѣну, какъ дѣлаютъ иные «глупые греки», а въ Россію, чтобы научился любить ее какъ второе свое отечество. Въ парадной

комнатъ его дома на почетномъ мѣстѣ всегда красовался портретъ императора Николая, котораго онъ просто боготворилъ, а образъ Александра Невского для своей церкви Ангелопуло выписалъ изъ Россіи. При освященіи этой церкви онъ сочинилъ цѣлую торжественную процессію, въ которой участвовало все греческое населеніе Смирны. На это торжество пригласилъ Ангелопуло мѣстнаго губернатора и всѣхъ консуловъ, причемъ злорадствовалъ въ душѣ тому, что заставилъ-де французскаго и англійскаго консуловъ, вмѣстѣ съ турецкимъ пашой, присутствовать при панихидѣ по императору Николаю и на молебствіи за императора Александра: «пускай-де видятъ и разумѣютъ эти враги кого чтутъ истинные греки». Когда въ 1859 году великій князь Константинъ Николаевичъ посѣтилъ Смирну, Ангелопуло устроилъ его высочеству и русскимъ морякамъ великолѣпный приемъ, декорировалъ вмѣстѣ съ другими своими единомышленниками весь городъ коврами, цвѣтами, гирляндами и флагами и задалъ гостямъ роскошное угощеніе. То обстоятельство, что въ его домѣ присутствовалъ сынъ «великаго Николая», государя, предъ которымъ Ангелопуло заочно привыкъ благоговѣть всю свою жизнь, исполнилъ душу его такого восторга, такого упоительнаго счастья, которому нѣтъ словъ и мѣры. Вскорѣ послѣ этого, по ходатайству великаго князя, Ангелопуло былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени. Когда его извѣстили объ этомъ и пригласили въ русское консульство за полученіемъ знака парской милости, онъ собралъ всѣхъ своихъ родныхъ и друзей и, въ сопровожденіи ихъ, явился въ консульство съ бархатною расшитую золотомъ подушкой, благоговѣнно принялъ и положилъ на нее крестъ, торжественно перенесъ его черезъ весь городъ въ свою церковь для освященія, и торжественно же возложилъ на себя, а затѣмъ задалъ по этому поводу пиръ на весь міръ, и съ тѣхъ поръ уже никогда и ни при какихъ случаяхъ не разставался со своимъ орденомъ, завѣщавъ его, по смерти, въ родѣ Ангелопуло, какъ величайшую святыню. Когда на смирнскій рейдъ приходило русское военное судно, Ангелопуло всегда однимъ изъ первыхъ являлся на его палубѣ, со своимъ Станиславомъ въ петлицѣ, немедленно знакомился съ командиромъ и офицерами, звалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и предоставлялъ имъ свой домъ въ полное распоряженіе на все время якорной стоянки. Это гостеприимство простиралось также и на матросовъ: когда, бывало, спустятъ часть команды на берегъ, Ангелопуло сейчасъ же посылаетъ пригласить людей къ себѣ въ домъ и ужъ тамъ онъ ихъ и накормитъ, и напоятъ мастикой и смирнскимъ виномъ на славу. А если между ними да еще георгиевскій кавалеръ попадется, тутъ ужъ Ангелопуло совершенно счастливъ: онъ и цѣ-

луется съ нимъ, и обнимается, и умиляется, глядя на него, и не только закармитъ и запойтъ, но еще и кошелекъ денегъ куда-нибудь въ карманъ или за пазуху сунетъ «русскому герою». Теперь такихъ типовъ уже нѣтъ на Востокѣ; теперь все смотритъ тамъ либо на Западъ и оттуда чаеетъ свое спасеніе въ образѣ разныхъ «конституцій» или «соціально-демократическихъ республикъ», либо же, не задаваясь вовсе вопросами этого рода, равнодушно относится ко всему на свѣтѣ, мечтаетъ лишь о франкахъ и фунтахъ, торгашитъ, скряжничаеетъ, надуваетъ, — вообще, сколачиваетъ себѣ деньги, и только. Ангелопуло — это былъ, въ своемъ родѣ, послѣдній изъ Могиканъ, и этотъ «послѣдній» показываетъ намъ какой престижъ былъ у Россіи, какимъ могучимъ обаяніемъ пользовалось русское имя на христіанскомъ Востокѣ.

11-го іюля.

Въ шесть часовъ утра проходимъ мимо Патмоса. Великія христіанскія воспоминанія!.. Здѣсь былъ заточенъ св. Іоаннъ Богословъ, здѣсь написалъ онъ Апокалипсисъ.

Патмосъ не великъ. Отвѣсныя высокія сѣрыя скалы угрюмо встаютъ стѣною прямо изъ нѣдръ синяго моря, такъ что весь островъ представляется гигантской тумбой, въ видѣ одной гранитной глыбы, на вершинѣ которой тѣсно лѣнятся и жмутся одна къ другой бѣлыя постройки маленькаго городка, а надъ ними выдѣляется строгій силуэтъ древней цитадели; вотъ и все чѣмъ является Патмосъ, когда глядишь на него съ моря. Съ восточной стороны его есть бухта, но мы ее не видали, такъ какъ проходили мимо западныхъ отвѣсовъ острова. На скалахъ ни малѣйшей растительности, въ городѣ ни малѣйшихъ признаковъ хоть какогонибудь деревца. Судя по всѣмъ этимъ видимостямъ, дѣйствительно, трудно придумать что-либо болѣе подходящее для мѣста ссылки.

Прошли въ этотъ день между островами греческаго архипелага: Никаріей, Левитой, Стампаліей, Сирини, или Св. Іоанна, оставившимися въ правой рукѣ. Съ лѣвой же стороны послѣдовательно возвышались Самось, Фурни, Патмосъ, Леро, Калимно, Косъ, Низиро, Пископи, Карки и Родосъ. На половинѣ разстоянія между Кандіей и Родосомъ лежитъ длинный и узкій островъ Скарпанто (Змѣиный). Мы проходили очень близко мимо его сѣверной оконечности Алимунти. Скарпанто скалистъ, и горы его какъ бы наворочены кряжистыми глыбами; говорятъ, онѣ богаты желѣзною рудой. На восточной сторонѣ острова есть два порта, Аодемсъ и Пенизи; есть, кромѣ того и кое-какія селенія, но на взглядъ островъ представляется совершенно голой, безжизненной пустыней. Пройди мимо Скарпанто «Цесаревичъ» вышелъ наконецъ изъ области грече-

скаго Архипелага на открытый просторъ Средиземнаго моря.

12-го іюля.

Просто изумительна эта способность пассажиров-турокъ проводить все свое время лежа на одномъ и томъ же мѣстѣ въ полудремотномъ состояніи. Подымаются они развѣ за самою крайнею надобностью: поѣсть или помолиться и въ это время присѣдаютъ минутъ на пять на пятки; но чуть оковчена ѣда или молитва, турокъ немедленно заваливается «на боковую». И такимъ образомъ они проводятъ уже пятая сутки. Пока пароходъ стоялъ у Смирнской набережной, ни одинъ изъ нихъ не сошелъ даже на берегъ: всѣ такъ и лежали въ дремотѣ. На русскихъ странниковъ и вообще на европейцевъ такая бездѣятельная жизнь на палубѣ наводитъ невольную тоскливость; видно, что человекъ тяготится своимъ бездѣйствіемъ, скучаетъ, а турку ничего. Для него, повидимому, это самое блаженное состояніе.

Нынѣшнюю ночью нашихъ египтянъ, что называется, прорвало. Цѣлыя пять сутокъ они крѣпились и вели себя сдержанно, по-человѣчески, наконецъ не вытерпѣли, — натура, какъ видно, выла свое. Держатся они совершенно отдѣльно отъ прочихъ пассажировъ; при нихъ состоятъ двое левантинцевъ, не то грековъ, не то итальянцевъ; одинъ изъ нихъ отправляетъ обязанности чубукчи, то-есть набиваетъ табакомъ трубки и помогаетъ ихъ закуривать; другой же состоитъ въ качествѣ не то коммиссіонера, не то ами-кошона какого-то, изъ разряда прихлебателей, которые тщатся выказать предъ посторонними свое великое достоинство. Вся свита египетскаго принца ѣсть и пьетъ гдѣ-то отдѣльно отъ прочихъ пассажировъ, но когда эти господа появляются на верхней палубѣ, то ведутъ себя съ замѣчательною безцеремонностью: сидятъ при дамахъ на скамейкахъ съ задранными кверху ногами, якобы «по-американски», плюютъ куда ни попало мимо незнакомыхъ имъ сосѣдей, свистутъ и громко дѣлаютъ насчетъ другихъ какія-то замѣчанія и наконецъ безцеремонно разстегиваютъ такія принадлежности костюма, какими въ европейскомъ обществѣ ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ быть разстегнутыми. Европейцы морщатся, но стараются какъ бы не замѣчать всѣхъ этихъ невѣжествъ. Всю нынѣшнюю ночь провели эти господа на палубѣ и едва ли ложились спать: у нихъ все время происходила какая-то непонятная возня, сопровождаемая иногда цѣніемъ, иногда же какимъ-то дикимъ рычаньемъ, какого въ нормальномъ состояніи ни одинъ человекъ себѣ не позволить. Надо думать, что они просто напились втихомолку и затѣмъ дали волю своей разнузданности. Утромъ сегодня самъ принцъ появился наконецъ на палубѣ и сѣлъ рядомъ

со своимъ ами-кошономъ. Грекъ-чубукчи подалъ ему трубку и поддержалъ для раскурки зажженную бумажку. Принцъ ѣлѣскольکو времени курилъ и тихо разговаривалъ, повидимому, совершенно спокойнымъ и серьезнымъ образомъ, а затѣмъ вдругъ ни съ того, ни съ сего хватъ за пуховую шляпу своего ами-кошона, сорвалъ ее съ головы и моментально выбросилъ за бортъ. Тотъ, впрочемъ, не обидѣлся, а только улыбался не то снисходительно, не то подобострастно, но видно было, что въ душѣ ему ужасно жаль своей новенькой шляпы, которую онъ такъ кокетливо-небрежно надвигалъ себѣ на брови.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ прелестнѣе становится цвѣтъ воды Средиземнаго моря: это чистѣйшій кобальтъ свѣтлаго оттѣнка. И какъ хорошо рисуются на немъ узоры жемчужно-бѣлой пѣны, точно дивныя кружева ежeminовенно мѣняющія своей прихотливою фантастическѣй рисункомъ!.. Кто не видалъ этой воды, тотъ едва ли даже повѣрить всей прелести ея густого голубого цвѣта, и чѣмъ глубже пучины моря, тѣмъ голубѣе вода. Небо чистое, безоблачное, залитое солнечнымъ блескомъ—въ сравненіи съ этой водой кажется бѣлесовато-бесцвѣтнымъ на горизонтѣ и грязновато-дымчатымъ въ воздушной глубинѣ, надъ головою.

V.

Александрія.

Первое впечатлѣніе африканскаго берега.—Развалины стараго дворца.—Историческая Александрія.—Парадные встрѣчи и привѣтствія.—Отель Абать.—Гулянье на набережной большаго канала.—Александрійскій beau-monde и demimonde.—Гаремныя дамы на пути цивилизаціи.—Хедивъ на прогулкѣ.—Способъ сбора общественныхъ подаваній у феллахскихъ женщинъ.—Увеселительныя лодки на каналѣ.—Сады и дачи.—Что значитъ вода въ Египтѣ.—Тараканъ-исполнѣн.—Одна изъ мѣстныхъ причинъ офальміи.—Парадный консульскій выѣздъ.—Особенности мусульманской части Александріи.—Расальтинскій дворецъ и его парадная пріемная.—Нашъ визитъ къ хедиву.—Чѣмъ обязанъ Египетъ хедиву Измаилъ-пашѣ.—Политическое будущее Египта.—Визитъ къ патриарху александрійскому.—Монастырь и церковь св. Саввы.—Благовѣщенскій соборъ.—Коптская православная церковь и замѣчательная икона св. Евангелиста Марка.—Католическій монастырь и костелъ св. Екатерины.—Вѣроисповѣдныя и церковныя дѣла Египта.—Кафе.—Русскіе и русско-подданные въ Египтѣ.—Чувства туземцевъ къ европейцамъ и положеніе сихъ послѣднихъ въ этой странѣ.—Кто здѣсь симпатизируетъ Россіи.—Наша торговля съ Египтомъ.—Нѣчто о египетскомъ флотѣ и арміи.—Мѣры противъ торговли невольниками и фарисейское лицемѣріе англичанъ.—Школа «Измаиле» и состояніе народнаго просвѣщенія въ Египтѣ.—Ученыя учрежденія и журналистика.

13-го іюля.

Съ разсвѣтомъ вышелъ я на палубу.

— Добраго утра!—привѣтствовалъ меня капитанъ, который, несмотря на столь раннюю

пору, былъ уже на своемъ посту, на мостикѣ.— Ступайте сюда,—предложилъ онъ,—къ Александрии подходимъ.

Я поднялся на мостикъ и съ недоумѣніемъ сталъ вглядываться впередъ. Гдѣ же Александрія? Гдѣ же берега? На первый взглядъ какъ будто ровно ничего, кромѣ моря, не видно. Но вскорѣ, приглядѣвшись, различилъ я впереди на горизонтѣ какія-то одиноко торчавшія развалины высокаго каменнаго зданія, какой-то бѣлый фасадъ съ двумя круглыми тонкими башнями по угламъ, свѣтившійся насквозь рѣдомъ своихъ пустыхъ большихъ оконъ, и эти развалины, казалось, будто выдвигаются изъ нѣдръ самаго моря: берегъ былъ столь низменъ и уходилъ въ глубь материка такою ровною плоскостью, что полоска его почти не отдѣлялась на горизонтѣ отъ черты спокойнаго моря. То были развалины стараго дворца египетскихъ папшей, брошенные на берегу среди безлюдной, мертвой мѣстности, и около нихъ хоть бы одинъ кустикъ, хоть бы малѣйшій клочекъ какой-нибудь зелени!.. Оригинальная идея—выстроить роскошный дворецъ среди безжизненной пустыни: предъ нимъ—пустыня моря, за нимъ—пустыня солончаковъ, и обѣ такъ плоски и такъ сливаются между собою, что не различимъ гдѣ кончается одна и гдѣ начинается другая, да и самъ онъ, обреченный на разрушеніе, среди всей этой мертвенности стоитъ какимъ-то оскалившимся скелетомъ. Далѣе къ востоку, въ лѣвой сторонѣ видѣлась въ морѣ стройная бѣлая башня Расъ-эль-Тинскаго маяка, окруженная стѣнами каменнаго форта. Очень высокая сама по себѣ, она казалась еще выше въслѣдствіе замѣчательной низменности береговъ и всей окрестности.

Въ шесть часовъ утра «Цесаревичъ» бросилъ якорь на западномъ Александрійскомъ рейдѣ.

Такъ вотъ онъ каковъ городъ Александра Македонскаго, построенный за 332 года до Рождества Христова! Выдавшаяся въ открытое море коса, въ формѣ буквы Т, образуетъ двѣ обширныя бухты, которыя даютъ Александріи значеніе одного изъ лучшихъ портовъ Средиземнаго моря. На этой косѣ находится магометанская часть города, а европейскіе кварталы, называемые вообще Новой Александріей, раскинулись на материкѣ въ глубинѣ береговъ обѣихъ бухтъ. Сколько грандіозныхъ воспоминаній! Сколько великихъ историческихъ дѣятелей и событій!—Александръ, Птоломей, Клеопатра, Антоній и Цезарь, потомъ Омаръ, наконецъ Наполеонъ I и сотни другихъ именъ, болѣе или менѣе знаменитыхъ... Александрія—средоточіе торговли, промышленности и наукъ древняго міра, съ ея знаменитымъ музеемъ и библіотекой въ 900.000 свитковъ, съ ея самостоятельной школой ученыхъ, оказавшихъ

столько незабвенныхъ услугъ наукѣ и искусству, съ ея великимъ значеніемъ для христіанства, ученіе коего здѣсь возведено было на степенъ міровой религіи... Съ такимъ великимъ прошлымъ, что же такое онъ, этотъ городъ, являетъ собою въ настоящее время?.. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты когда ступлю наконецъ на его почву.

Едва мы стали на якорь, какъ къ правому борту присталъ придворный 18-весельный катеръ, драпированный богатыми коврами и парчевымъ наметомъ съ массивными золотыми кистями; на носу его развѣвался гюйсъ, а на кормѣ большой египетскій флагъ изъ алой шелковой матеріи, полоскавшійся въ морѣ. Изъ этого катера поднялся къ намъ по трапу адъютантъ хедива, въ парадной штабъ-офицерской формѣ, присланный привѣтствовать принца Ахметъ-бей съ благополучнымъ пріѣздомъ. Вышедшій изъ каюты принцъ въ застегнутомъ партикулярномъ сюртукѣ и темно-красной фескѣ былъ съ большою помпой встрѣченъ хедивскимъ посланцемъ и лицами своей свиты, которые почтительно проводили его съ палубы до трапа. Не успѣлъ онъ отъѣхать, какъ къ тому же борту подошелъ другой военный катеръ, но уже безо всякихъ особенныхъ украшеній, и высаdilъ къ намъ двухъ чиновниковъ, статскаго и военнаго. Первый былъ церемоніеймейстеръ двора хедива Тоннио-бей, левантинецъ, а второй—флагъ-офицеръ египетскаго адмирала Гассимъ-паши. Оба явились за тѣмъ, чтобы передать С. С. Лесовскому привѣтствія, первый отъ имени хедива, второй отъ имени своего начальника. Нашъ адмиралъ еще почивалъ, и потому эта послѣдняя депутация была принята А. П. Новосильскимъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ на русской консульской шлюпкѣ нашъ александрійскій вице-консулъ, г. Свиляричъ, и привезъ намъ письма изъ Россіи (къ сожалѣнію только одному Новосильскому!) и политическія новости, помѣщенные въ мѣстной газетѣ *Moniteur Egyptien*, гдѣ, впрочемъ, мы не нашли ровно ничего о Россіи, а на словахъ узнали отъ вице-консула, что накануне нашего пріѣзда оставили Александрійскій рейдъ и направились въ Портъ-Саидъ наши военные суда: клиперъ «Забіяка», крейсеръ «Африка» и доброволецъ «Россія».

Не прошло и полчаса со времени прибытія нашего на рейдъ, какъ «Цесаревичъ» уже былъ абординованъ множествомъ всякихъ лодокъ и челноковъ, изъ которыхъ высадилось къ намъ множество всякаго люда, левантинскаго и арабскаго, бѣлаго, бронзоваго и чернаго какъ сапогъ. Тутъ были разные коммисіонеры, гиды, кельнеры городскихъ отелей, биржевые маклера, таможенные досмотрщики, хамалы или носильщики, перевозчики, грецкіе, коптскіе и католическіе монахи съ крестиками, образками и браслетами изъ какой-

то темной благовонной массы, английские миссионеры с карманными Библиями в черных переплетках, газетные разносчики и зоркие репортеры, мальчишки кокетничающие глазами, продавцы скабрёзных фотографических карточек и других подобных же «секретов», продавцы разной дряни в роду курительных мундштуков, портсигаров, тросточек и гречихных губок, торговцы янтарем, филигранными вещами, сердоликовыми печатями и перстнями, бирюзой, жемчугом, караллами и подозрительными рубинами, торговцы египетскими скарабеями и поддельными древностями, роговыми и черепаховыми издѣльями, продавцы хлѣба, овощей, ягод, фруктов и сластей; вертѣлось тут же и нѣсколько зорких подозрительных личностей, специалистов по части чужих карманов и исчезновения дорожных саков; появились наконец даже какой-то оборванный фокусник и эмбелаклинатель с кобрами и аспидами в кожаных мѣшках и деревянных лукошках. Весь этот пронирливый людъ назойливо лѣзъ и приставалъ къ пассажирамъ со всѣхъ сторонъ со своими услугами и предложениями, между которыми первую роль постоянно играло предложенье познакомить васъ съ «*una persona dellissima*» или съ «*une dame du harem du Khédivé*». Каждый изъ нихъ настойчиво мозолил намъ глаза своимъ товаромъ, убѣждая купить у него ту или другую ни на что не нужную дрянь, торговался, переругивался съ другими, мѣшавшими ему продавцами, спрашивалъ «бакшишъ», галдѣлъ, сновалъ, толкалъ и метался по всей палубѣ, какъ угорѣлый. Все это на первый разъ очень любопытно, но въ тоже время и очень противно: есть во всемъ этомъ нѣчто жадное, подлое и пакостное, невольно возбуждающее въ васъ какое-то брезгливое чувство; но это несомнѣнный продуктъ европейской индустриальной цивилизаціи, явленіе обычное во всякомъ восточномъ портѣ, чуть лишь приходить съ моря новое пассажирское судно, и избавитесь отъ наплыва нашихъ посѣтителей нѣтъ никакой возможности.

Въ одиннадцать часовъ утра съѣхали мы наконецъ на берегъ въ двухъ шлюпкахъ подъ парусами: въ первой сѣлъ нашъ адмиралъ съ супругой и вице-консулъ, а во второй весь его штабъ съ ручнымъ багажемъ, въ сопровожденіи консульскаго драгомана: крупный же багажъ направился особо, подъ охрану консульскаго каваса, ради того, чтобы самимъ намъ избѣжать таможенной «волокиты», задержекъ и придиорокъ. Высадились мы предъ неуклюжимъ каменнымъ зданіемъ таможни и едва ступили на землю, какъ сторожа въ ту же минуту арестовали нашъ ручной багажъ для осмотра, да спасибо вице-консулъ выручилъ. Досмотрщики возвратили саки, но съ наивною

откровенностью потребовали за это «бакшишъ», и когда мы дали имъ сколько-то мелочи, они повидимому остались довольны. У воротъ таможни насъ ожидали уже заранѣе нанятые коляски, но пройти къ нимъ оказалось не такъ-то легко: между нами и экипажами стояла цѣлая толпа таможенныхъ и портовыхъ хамаловъ, которые тотчасъ же кинулись на насъ съ протянутыми закорюзлыми ладонями, громко галдя и вопія о бакшишѣ. Каждый изъ нихъ убѣжденно доказывалъ, что это именно онъ выносилъ наши вещи, онъ одинъ и никто болѣе, другіе-де всѣ врутъ и вѣрить имъ не стоитъ, ему же бакшишъ принадлежитъ по праву. Всѣ мы уже ранѣе поблагодарили деньгами тѣхъ хамаловъ, которые дѣйствительно переносили наши вещи, и потому были вполне убѣждены, что ни одинъ изъ обступившихъ насъ носящихиковъ не оказалъ намъ ни малѣйшей услуги. При этомъ они атаковали насъ такъ рѣшительно, что въ каждой другой странѣ полиція навѣрное сочла бы примымъ своимъ долгомъ немедленно вмѣшаться въ дѣло и освободить мирныхъ иностранцевъ отъ туземнаго нахальства; тутъ же, какъ нарочно, ни одного полицейскаго не было. Чтобы проложить себѣ путь къ коляскамъ, пришлось по совѣту драгомана бросить въ толпу нѣсколько мелочи. Этотъ маневръ удался: хамалы гурьбою бросились ловить и отнимать другъ у друга деньги, благодаря чему мы получили возможность сѣсть въ экипажи. Но этимъ дѣло не кончилось. Едва лошади тронулись, какъ гурьба снова кинулась къ намъ и, цѣпляясь за крылья, дверны и рессоры, бѣжала съ воплями о бакшишѣ рядомъ съ колясками. Грозные крики и жесты драгомана, замахиваніе бичемъ арабаджи и работа кулаками одного изъ хамаловъ, уштынагося зачѣмъ-то на козлы, ничто не помогало, пока арабаджи не выѣхалъ на болѣе просторное мѣсто, гдѣ ему представилась возможность погнать лошадей во всю прыть. Только послѣ этого толпа хамаловъ стала рѣдѣть и мало-по-малу отстала, найдя должно быть не особенно приятнымъ бѣжать по ужаснѣйшему солннеку.

Еще на пароходѣ всѣ мы было условились остановиться въ Hôtel d'Europe, но г. Свилярничъ отсвѣтовалъ, предупредивъ, что тамъ и грязь, и мірады насѣкомыхъ. Онъ рекомендовалъ намъ Abat's Hôtel, куда мы теперь и направились. Гостиница эта очень удобно расположена въ центрѣ города близъ Консульской площади (Place des Consulats) и устроена весьма оригинально. Съ подъезднаго крыльца, украшеннаго цвѣтущими растеніями въ кадкахъ, вступили мы въ большія полутемныя сѣны, гдѣ послѣ знойной улицы такъ приятно обдасть васъ легкой прохладой. Отсюда такой же полутемный корридоръ ведетъ въ очень изящный внутренній садикъ съ

журчащимъ фонтаномъ и увитыми зеленью бесѣдками, служащій лѣтнею столовой. Стѣны его покрыты ползучими растеніями, маленькія клумбы и бордюры пестрятъ душистыми цвѣтами, и подвижной тентъ когда нужно защищаетъ его отъ солнца. По другую сторону садика находится обширная полусвѣтлая зала, гдѣ обѣдаютъ зимой, а по сторонамъ корридора расположены домовая контора, европейская гостинная, восточная диванная, читальня и тому подобныя комнаты, предоставленныя въ распоряженіе квартирантовъ, для пріема своихъ гостей и постѣобѣденнаго кейфа. Но этимъ и кончается вся изящная или показная сторона заведенія. Верхній этажъ занятъ «нумерами», которые, по своей мизерной обстановкѣ и отсутствію необходимыхъ удобствъ, очень напоминаютъ наши заурадные гостиницы заурадныхъ губерскихъ городовъ, и вотъ въ одинъ-то изъ такихъ «нумеровъ» привелъ меня вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Егоровичемъ Толбузиннымъ самъ управляющій или «monsieur le directeur» этого отеля. Въ комнатѣ двѣ желѣзныя кровати, столъ, комодъ и два-три стула. Спрашиваемъ у monsieur le directeur сколько такой номеръ будетъ стоить въ сутки.

— По 12½ франковъ съ постели, объявляетъ онъ рѣшительнымъ, безапелляционнымъ тономъ.

Русскій человѣкъ при этомъ, по настоящему, долженъ бы сконфузиться въ душѣ за такую наглость, но безусловно подчиниться требованію, тѣмъ болѣе что оно выражено столь «просвѣщеннымъ» съ виду европейцемъ, такимъ внушительнымъ тономъ, который не допускаетъ сомнѣній ни въ его «благородствѣ», ни въ томъ, что «monsieur le directeur» дѣлаетъ намъ еще какъ бы честь, уступая помѣщеніе въ своемъ отелѣ. Но мы, вспомнивъ о курсѣ русскихъ бумажекъ и прикинувъ, что это придется почти по пяти рублей въ сутки на брата, предпочитаемъ заслужить себѣ во мнѣніи этого европейца репутацію варваровъ и рѣшаемся поторговаться. Какъ, молъ, такъ? За однѣ голыя стѣны съ двумя кроватями 25 франковъ въ сутки?! Возможно ли это?

— Совершенно возможно! Впрочемъ, если кто-либо изъ васъ займетъ комнату одинъ, то будетъ платить половину, то-есть 12½ франковъ.

— Это не утѣшеніе,—возражаю я ему,—въ сущности, для каждаго изъ насъ сумма остается все та же.

— О, да, вы совершенно правы, — согласился онъ съ любезною снисходительностью и прибавилъ, что совѣтуетъ намъ занять комнату вдвоемъ, потому что иначе, если всѣ нумера будутъ заняты и прійдетъ какой-нибудь новый постоялецъ, то «администрація

отеля» должна будетъ отвести ему половину этой комнаты, такъ какъ въ ней двѣ постели.

— Я думаю,—продолжалъ онъ,—вамъ не совсѣмъ пріятно было бы жить съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Доводъ вполне основательный и потому, нечего дѣлать, приходится согласиться.

— Да вы постойте; можетъ-быть это вовсе не такъ дорого,—замѣчаетъ мнѣ Ѳеодоръ Егоровичъ,—въ этой цѣнѣ онъ вѣроятно разумѣетъ не только комнату, но и все наше содержаніе, спросите-ка его лучше.

Но monsieur le directeur самъ предупредилъ этотъ вопросъ.

— Вамъ, безъ сомнѣнія, понадобится прислуга, чтобы чистить сапоги и убирать комнату?—спросилъ онъ.

Мы подтверждаемъ полную основательность сего предположенія. Просвѣщенный европеецъ отвѣчаетъ на это благосклоннымъ кивкомъ.

— Кромѣ того,—продолжаетъ онъ,—вамъ, вѣроятно, было бы удобнѣе пить утренній чай или кофе у себя въ комнатѣ, а также имѣть завтракъ и обѣдъ за табльдотомъ.

— Разумѣется это было бы самое удобное.

— О, въ такомъ случаѣ вы все это можете имѣть за очень сходную цѣну: все это будетъ стоить по два фунта съ персоны.

— Батюшки! Да это вѣдь почти по двадцати рублей съ носа выходитъ!—развелъ руками Ѳеодоръ Егоровичъ. — У насъ въ Твери такому номеру красная цѣна полтора рубля въ сутки. Вѣдь это, что называется, живо-дерство!

Мы уже рѣшили было оставить Abat's Hôtel и искать себѣ гдѣ-нибудь болѣе дешевое помѣщеніе, какъ вдругъ на наше счастье, вмѣшался въ дѣло г. Свиларичъ, только-что вышедшій въ общій корридоръ отъ адмирала. Увидѣвъ, что мы удаляемся со своими саками, онъ поинтересовался узнать у насъ въ чемъ дѣло и тутъ же обратился къ управляющему совсѣмъ инымъ тономъ, какъ человѣкъ, отменно знающій мѣстныя цѣны и котораго поэтому не надуешь. Въ полминуты повернулъ онъ дѣло такъ, что за ту же самую комнату съ постелью, прислугой, утреннимъ и вечернимъ чаемъ, завтракомъ изъ пяти и обѣдомъ изъ шести блюдъ, «monsieur le directeur», все съ тѣмъ же видомъ подавляющаго благородства, объявилъ цѣну по 12 франковъ въ сутки съ человѣка.

— Это нормальная цѣна всѣхъ здѣшнихъ порядочныхъ гостиницъ, — пояснилъ намъ г. Свиларичъ при немъ же; но уличенный европеецъ ни мало отъ этого не смутился, его анломбъ и благородный видъ остались все тѣ же.

— Какъ вы это устроили?—спрашиваемъ мы у вице-консула.

— А очень просто: сказалъ ему, что заявлю объ этомъ собственикамъ гостиницы. Это обыкновенная продавка подобныхъ «администраторовъ» съ новичками: 12 франковъ онъ записалъ бы на приходъ, а остальное положилъ бы въ свой карманъ. Они здѣсь такимъ образомъ цѣлыя состоянія себѣ наживаютъ.

Итакъ, цѣны слажены, можно, значить, располагаться на житье. Хамалы тотчасъ потащили изъ сѣней навѣху наши чемоданы. При этомъ я просто диву дался глядя, какъ худощавенкій поджарый арабчикъ небольшого роста ловко взвалилъ себѣ на плечи мой большой сундукъ, вѣсившій съ кладью 10½ пудовъ и съ какою легкостью потащилъ его вверхъ, на второй этажъ. Я крикнулъ-было другому арабу, чтобъ онъ помогъ моему хамалу, но тотъ только усмѣхнулся на это и на ломаномъ французскомъ языкѣ отвѣтилъ, что помощи вовсе не требуется, снесетъ и самъ, ему-де нетрудно. Положимъ, наши такъ-называемые «мужики» въ гостиницахъ таскаютъ и не такія тяжести, но вѣдь за то же тамъ и народъ какой,—чуть не Геркулесъ! Я поблагодарилъ хамала за такой верблюдій трудъ однимъ франкомъ, и мой арабчикъ принялъ его даже съ изумленіемъ, словно глазамъ своимъ не вѣря; онъ не рассчитывалъ получить болѣе одного піастра.

Первымъ дѣломъ до завтрака спустились мы внизъ, чтобы тутъ же, въ гостиницѣ, взять холодную ванну. Къ этому такъ соблазнительно приглашало выставленное въ корридорѣ печатное объявленіе, гласившее, что цѣна сему наслажденію всего два франка. Но увы! Эпитетъ «холодной» могъ быть примѣненъ къ ней развѣ въ насмѣшку: вода оказалась совсѣмъ теплой, какъ изъ подустывшаго самовара (говорятъ, что это ея естественная температура лѣтомъ) и не только не освѣжила, но еще болѣе размаила насъ, въ особенности при этой ужасной духотѣ, которая въ низенькихъ и тѣсныхъ ваннахъ каморкахъ была такова, что хотъ бы русской банѣ въ пору. Затѣмъ, едва успѣли мы докончить свой туалетъ, раздался звонъ колокола, призывавшій постояльцевъ къ завтраку.

Кормятъ здѣсь очень не дурно, и завтраки, равно какъ и обѣды, всегда сопровождаются обильнымъ десертомъ изъ разныхъ свѣжихъ фруктовъ и ягодъ. Наша водка или вообще какой-либо другой изъ крѣпкихъ напитковъ, какіе мы привыкли у себя дома употреблять предъ закуской, становятся при этихъ убійственныхъ жарахъ окончательно невозможными, такъ какъ съ ними рискуешь получить или ударъ, или воспаленіе желудка, что случается довольно часто съ новопріѣзжими англичанами, которые ни подъ какими географическими широтами не желаютъ ни на йоту за-

мѣнять свой привычный образъ жизни: уиски и хересъ въ этихъ климатахъ зачастую сводятъ ихъ въ безвременную могилу. При самомъ легкомъ французскомъ столѣ здѣсь употребляется почти исключительно легонькое вино «claret», да и его-то пьютъ большею частью съ водой. Но за то истинною роскошью является при этомъ ледъ, ежедневно производимый искусственнымъ способомъ, и надо отдать справедливость хозяевамъ гостиницы, льду они не жалѣютъ: прислуга то и дѣло накладываетъ его въ стаканы, чуть лишь замѣтитъ, что предшествовавшій кусокъ успѣлъ растаять. А таяніе происходитъ очень быстро, и достаточно оставить стаканъ съ растаявшимъ льдомъ на какую-нибудь четверть часа, чтобы вода уже значительно потеплѣла; со льдомъ же и подкрашенная кларетомъ она кажется восхитительнымъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ напиткомъ и пьется съ наслажденіемъ, доходящимъ чуть не до жадности.

Послѣ завтрака я хотѣлъ-было отправиться въ городъ, чтобы поближе познакомиться съ его наружностью и уличною жизнью, но это оказалось дѣломъ, превосходящимъ всякое добровольное рвеніе. Съ десяти часовъ утра и до трехъ съ половиною пополудни въ европейскихъ кварталахъ прекращается всякая внѣшняя дѣятельность: улицы и площади совершенно пусты, тѣнистые бульвары и скверы тоже, банкирскія и коммерческія конторы, присутственныя мѣста, магазины и лавки всѣ закрыты, повсюду наглухо спущены зеленые жалюзи, въ ресторанахъ и кофейняхъ ни души; весь городъ отдыхаетъ или, лучше сказать, томится физически, переживая въ полномъ бездѣйствіи самое жаркое время дня въ полутемныхъ комнатахъ, приспособленныхъ почти всегда такимъ образомъ, чтобы въ нихъ постоянно продувалъ легкій сквозной вѣтеръ. Развѣ ужъ самая крайняя безотлагательная нужда выгонитъ въ эту пору европейца изъ дому на улицу, да и то онъ не пойдетъ пѣшкомъ, а постарается сейчасъ же захватить перваго попавшагося арабаджи и заберется къ нему въ самую глубь фаэтона съ поднятымъ верхомъ, либо же садится верхомъ на маленькаго ослика и рыснетъ на немъ, прикрывая себѣ голову и спину большимъ бѣлымъ зонтикомъ.

Преуморительное зрѣлище представляютъ иногда эти ослики, когда на нихъ неумѣло ѣдутъ европейцы, причемъ комичнѣе всего является самый костюмъ европейца съ засучившимися къверху штанами. Не рѣдко на осликахъ катаются и мусульманскія дамы въ своихъ черныхъ широкихъ фередже, наброшенныхъ на голову и это выходитъ гораздо красивѣе: восточный костюмъ какъ-то болѣе гармонируетъ съ этимъ патриархальнымъ, библейскимъ животнымъ, чѣмъ какаля-нибудь жакетка

англійскаго покроя. Ослики замѣняютъ здѣсь нашихъ легковыхъ извозчиковъ, и на извѣстныхъ углахъ улицъ ихъ всегда можно найти по нѣскольку штукъ въ ожиданіи сѣдока. Погонщиками ихъ служатъ исключительно арабы, и чаще всего мальчишки отъ десяти до пятнадцатилѣтняго возраста. Здѣшніе ослики необыкновенно ретивы и рѣдко когда идутъ шагомъ, а больше все трусятъ быстрой побѣжкой и иногда пускаются въ скачекъ, и какъ быстро ни бѣжалъ бы осликъ, погонщикъ его никогда не отстанетъ; онъ всегда бѣжитъ тутъ же сбоку или сзади и время отъ времени подбодряетъ своего кормильца хворостинкой, либо взмахомъ руки, а то и просто словами. Погонщики положительно разговариваютъ со своими осликами, и эти послѣдніе, повидимому, отлично понимаютъ ихъ рѣчи: по тому или другому слову, или по крику поворачиваютъ направо, налево, останавливаются, идутъ шибче или тише и движениемъ ушей и хвоста выражаютъ свое удовольствіе, когда ихъ ласкаютъ или просто хвалятъ. Въ этотъ день особенно много встрѣтили мы ихъ на набережной большаго прѣсноводнаго канала, что протекаетъ между озеромъ Маріутъ и южной окраиной города, куда отъ пяти до семи часовъ вечера съѣзжается на прогулку все европейское и отчасти мусульманское населеніе Александріи. Здѣсь мѣсто предобѣденной прогулки и общихъ встрѣчъ мѣстнаго *beau monde* и *demi monde*. Красивыя англійскія лошади въ шорахъ, прелестныя парные лошаки и муды и потѣшныя карлики-пони со стриженными гривами, управляемые кучерами арабами въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ и красныхъ фескахъ или европейскими джентльменами, одѣтыми по послѣдней модной картинкѣ, бойко мчатъ сотни щегольскихъ легкихъ экипажей, ландо, фаэтоновъ, колясокъ, тильбюри и шарабановъ взадъ и впередъ по шоссе вдоль аллеи, обрамляющей берегъ канала. Здѣсь выставка парижскихъ нарядовъ и левантинскаго тщеславія. Всѣ, у кого есть хоть какой-нибудь орденскъ, являются сюда не иначе, какъ съ его бутоньеркой на сюртукѣ и даже жакетѣ; а у кого нѣтъ, тотъ затыкаетъ себѣ въ петлицу какой-нибудь алый цвѣточекъ, чтобъ издали походило на ленточку «Почетнаго Легиона». Изъ дамъ однѣ только англичанки да временно пріѣзжія туристки изъ европейскихъ странъ одѣваются просто, но элегантно; мѣстныя же левантинки видимо стараются, какъ говорится, пустить пыль въ глаза и поразить не только роскошью своихъ нарядовъ и затѣйливостью фантастическихъ шляпъ съ чудовищно-большими страусовыми перьями, но и блескомъ своихъ бриллиантовъ, что твой замоскворѣцкія кучихи! Супруги же ихъ, кромѣ орденскихъ бутоньерокъ, щеголяютъ еще массивностью золотыхъ цѣпочекъ съ цѣлыми коллекціями брекловъ и множествомъ драгоцѣп-

ныхъ перстней, надѣваемыхъ даже поверхъ перчатокъ. Здѣшнія дамы вообще не дурны собою, есть между ними и красавицы, но всѣ онѣ отличаются чрезвычайною наклонностью къ полнотѣ, которая у многихъ переходитъ даже въ тучность. Это надо приписать, по всей вѣроятности, ихъ сидичему образу жизни: при здѣшнемъ знаніи весь ихъ моционъ заключается только въ прогулкѣ по набережной канала и то не иначе какъ въ экипажѣ.

Здѣсь же встрѣтили мы и нѣсколькихъ мусульманскихъ дамъ въ довольно прозрачныхъ лемакахъ, надѣтыхъ по стамбульской модѣ, а стамбульскій лемакъ—это та же европейская вуалетка; разница только въ способѣ ношенія: европейки спускаютъ ее сверху внизъ, а стамбульскія мусульманки поднимаютъ снизу вверхъ до половины носа, предоставляя всѣмъ возможность свободно любоваться ихъ прекрасными глазами. Дамы, встрѣченные нами на каналѣ, были жены разныхъ либеральныхъ пашей, старающихся перенимать европейскіе обычаи. Съ вѣерами или парасолями въ рукахъ, затянутыхъ въ парижскія перчатки, онѣ совершенно по-европейски сидѣли, развѣсивъ на эластичныхъ подушкахъ своихъ вѣнскихъ и парижскихъ колясокъ, и только шелковые фередже, прикрывая своими широкими складками ихъ платья, смѣшныя по европейскимъ фасонамъ, отчасти напоминали еще о Востоку; но объ остроносыхъ златошвейныхъ туфелькахъ, наприимѣръ, ужъ нѣтъ и помину: ихъ всецѣло замѣнили европейскія ботинки и туфли на высокихъ кривыхъ каблучкахъ. Впрочемъ, восточный характеръ сказывался еще въ одной особенности: на козлахъ экипажей этихъ дамъ или «нашихъ», какъ прозвалъ ихъ Федоръ Егоровичъ, рядомъ съ кучеромъ непременно сидѣлъ губастый, обрюзгло ожирѣлый негръ-евнухъ, но и тотъ рѣдко уже появляется въ своемъ живописномъ костюмѣ, промѣнявъ его на черный сюртукъ и крахмальные воротнички европейской сорочки.

На набережной канала вообще толкось множество гулящаго люда. Кто не имѣлъ собственнаго экипажа, тотъ старался захватить наемную коляску, а въ крайнемъ случаѣ довольствовался скромнымъ осликомъ. Англичане, эти типичные долгоязыые представители альбіона, въ своихъ шотландкахъ, съ неизмѣнными пледомъ и гидомъ, ради оригинальности даже предпочитаютъ осликовъ всѣмъ другимъ способамъ передвиженія на здѣшней прогулкѣ, и что за уморительныя фигуры сплошь и рядомъ встрѣчаются между подобными спортсменами! Но особенно забавенъ былъ одинъ толстякъ-бапарецъ съ непомѣрнымъ брюхомъ, изъ-подъ котораго виднѣлась только ослиная голова съ ушами. Казалось, что на бѣднаго ослика изгромоздилась цѣлая пивная бочка, къ которой кто-то, ради шутки, приставилъ руки съ оттопыренными локтями и болтающіяся ножки. Тутъ же

гарцовали на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ кавалерійскіе офицеры египетскихъ войскъ и полицейскіе жандармы съ карабинами «на изготовку», выставленные тамъ и самъ для порядка, а также разные англійскіе прикащики и конторщики на наемныхъ россиянтахъ. Арабская молодежь, на половину въ европейскіхъ, на половину въ туземныхъ костюмахъ, тоже тусовалась на осликахъ цѣлыми компаніями, весело перегоняя другъ друга. Неутомимые погонщики, разумеется, бѣжали тутъ же и криками или ударами старались подбодрить своихъ животныхъ. Европейскія, значительно уже поблекшія кокетки, съ окрашенными въ рыжій цвѣтъ волосами, нагло дорнировали изъ своихъ колясокъ дамъ мѣстнаго общества и посылали дружескіе кивки разнымъ банкирамъ и негодіантамъ. Не мало народу сидѣло и около кофеенъ подъ платанами и гуляло пѣшкомъ по аллеѣ, а группы болѣе чѣмъ полуголыхъ феллаховъ, аборигеновъ земли египетской, сидя на корточкахъ подъ деревьями, съ равнодушіемъ каменныхъ сфинксовъ глазѣли на всю эту сновашую предъ ними тщеславную и суетную толпу нахожихъ «Франковъ».

Вотъ показались нѣсколько полицейскихъ, которые озабоченно и торопливо старались очистить въ толпѣ мѣсто для проѣзда кого-то. Вслѣдъ за ними спокойно ѣхали рядомъ два кавалериста съ карабинами на «изготовку», за ними легко, въ припрыжку, бѣжали два скорохода въ алыхъ бархатныхъ курткахъ залитыхъ золотомъ; за скороходами шталмейстеръ хедива на свѣтло-сѣромъ жеребцѣ, а за шталмейстеромъ самъ хедивъ въ роскошномъ ландо четвернею пугонъ, съ жокеями. Свѣтлосѣрые кони его экипажа подобраны были просто на диво. За ландо скакали толпою адъютанты, паши, камергеры и нѣсколько человекъ кавалерійскаго эскорта. Выѣздъ былъ вполне помпезный. Хедивъ сидѣлъ въ ландо одинъ и привѣтливо отвѣчалъ на поклонны, но только «Франки» мало обращали на него вниманія и далеко не всѣ спѣшили приподнимать ему свои шляпы. Это, конечно, очень независимо, но за то и очень невѣжливо.

Между тѣмъ по ту сторону канала, на самомъ берегу, шла своимъ чередомъ повседневная туземная жизнь въ средѣ пригородныхъ бѣдняковъ-феллаховъ, которые ютятся въ маленькихъ, жалкихъ глинобитныхъ клѣтушкахъ, похожихъ болѣе на хлѣвы или навозныя кучи, чѣмъ на жилище человѣка. Тамъ толпа феллахскихъ дѣвочекъ и женщинъ съ открытыми лицами, въ длинныхъ черныхъ балахонахъ, переходила отъ хижины къ хижинѣ, сопровождая свое шествіе продолжительнымъ голошеньемъ, которое удивительно какъ подражаетъ урчанью болотныхъ лягушекъ. Одна женщина, впереди прочихъ, несла на рукахъ что-то покрытое платкомъ или кускомъ какой-то матеріи.

Намъ объяснили, что это общественный сборъ добровольныхъ пожертвованій либо на похороны, либо на свадьбу, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ у феллаховъ совершается одинаковымъ образомъ, а именно: собирается толпа подругъ и сосѣдокъ той женщины или дѣвушки, которая нуждается въ пособіи и отправляется вмѣстѣ съ нею вдоль по селенію съ одного конца до другого и всѣмъ хоромъ урчитъ при этомъ на лягушечій ладъ, останавливаясь предъ каждою хижинкой. Если у матери умеръ грудной ребенокъ, то она несетъ его на рукахъ въ корзинкѣ подъ покрываломъ; въ другихъ же случаяхъ подъ такимъ же покрываломъ находится или миска, или плетеная плоская кошелек, куда всякій кладетъ какое-либо денежное, хлѣбное или вещевое пожертвованіе.

Въ самомъ каналѣ, погружаясь въ воду по шею, спасались отъ жару и мухъ рабочіе мулы и буйволы и плескались бронзово-темные феллахскіе ребятишки, тогда какъ другіе ихъ собратья валялись нагишемъ вмѣстѣ съ собаками на пыльномъ берегу, между опрокинутыми челнами. Вотъ подъ косыми парусами, напоминающими крылья чайки, проплыли одна вслѣдъ за другой двѣ «дахабіе», увеселительныя лодки съ широкими бѣлыми рубками на палубѣ. Корма и носъ и мачты у обѣихъ лодокъ были изукрашены зеленью, цвѣтами, коврами и какими-то пестрыми лоскутьями, а изъ оконъ рубокъ неслись звуки торбановъ и бубновъ и слышались гортанные женскіе голоса, напѣвавшія какія-то пѣсни. Такія дахабіе ходятъ по Нилу и по каналамъ, предлагая свои услуги желающимъ совершить легкую увеселительную прогулку. Пользуются ими преимущественно туземцы, къ услугамъ которыхъ въ каждой лодкѣ, кромѣ мѣстной музыки, имѣются еще кальяны, кофе, шербеты и альме, иначе называемыя «гаваци», то есть публичныя танцовщицы, пѣвицы и гадалщицы, въ роли конхъ подвизаются почти исключительно мѣстные цыганки. Стоитъ лишь махнуть кормщику, и дахабіе тотчасъ же пристанетъ къ берегу, чтобы захватить новаго желающаго повеселиться пассажира. Зажиточные люди, по случаю какого-нибудь семейнаго или иного праздника, иногда нанимаютъ себѣ дахабіе на цѣлый день и приглашаютъ туда своихъ друзей и знакомыхъ.

На набережную канала выходятъ сады и палисадники нѣкоторыхъ дачъ, нерѣдко весьма красивыхъ. Мы посѣтили здѣсь два сада. Изъ нихъ одинъ принадлежитъ хедиву, другой какому-то греку (фамилію позабылъ), бывшему русскому подданному, который, убоясь введенія въ Россіи общій военной повинности, будто бы угрожавшей его сыновьямъ, поспѣшилъ вмѣстѣ съ ними перейти въ англійское подданство. Россія, впрочемъ, не въ убытокъ отъ потери, какъ и Англія не въ выигрышъ отъ приобрете-

нія такого «подданнаго». Но садъ у него дѣйствительно прелестенъ, равно какъ и садъ хедива. Оба они полны роскошной растительностью, и подъ сводами своихъ вѣтвей доставляютъ много пріятной тѣни. Здѣсь вы встрѣчаете большія олеандровыя и жасминовыя деревья въ полномъ цвѣтѣ, оливы, смоковницы и лавры, гранатныя, лимонныя и померанцевыя деревья, финиковыя пальмы и широколиственные бананы, огромныя фантастическія кактусы и цвѣтущія алоэ, виноградины и орхидейныя аллеи и бесѣдки и массу розъ пунцовыхъ, чайныхъ и бѣлыхъ, и множество другихъ душистыхъ цвѣтовъ и красивыхъ растений. Въ обоихъ садахъ устроены бассейны съ фонтанами, и цѣлая свѣтъ мелкихъ арыковъ разнеситъ изъ нихъ живительную влагу во всѣ концы того и другого сада. Во всѣ такія дачи вода проводится посредствомъ подземныхъ трубъ изъ канала, гдѣ для этой цѣли постоянно работаютъ нѣсколько водокачаленъ, при помощи мускульной силы фелакховъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ бассейнахъ идетъ работа чигирями, для чего употребляются буйволы и верблюды, ходящіе съ завязанными глазами по кругу.

Вода здѣсь, это жизнь со всей ея силой и роскошью; безъ воды же—смерть. Такъ, напримеръ, къ тому же каналу ведетъ изъ города шоссе, проложенное по жесткому известковому грунту; по бокамъ его тянется аллея солидныхъ тамарисковыхъ деревьевъ, которые живутъ лишь благодаря прокопанной у ихъ корней маленькой канавкѣ съ ничтожною струйкой проточной воды, а рядомъ съ ними тутъ же, менѣе чѣмъ въ двухъ шагахъ разстоянія, уже полная смерть, гдѣ на пепельно бѣлой почвѣ не встрѣтите вы ни травянки. И этотъ видъ жизни и смерти рядомъ, безъ промежутка, безъ малѣйшаго сглаживающаго перехода отъ одного къ другому, эти два рѣзкіе контраста производятъ на свѣжаго человѣка съ непривычки какое-то странное по своей новизнѣ, и жуткое впечатлѣніе. Намъ, жителямъ умѣреннаго пояса, совсѣмъ незнакомы въ нашей природѣ подобные контрасты и... я думаю поэтому, что наша природа лучше,—лучше потому, что она мягче, ровнѣе,—нѣтъ въ ней такой поразительной рѣзкости, такого избытка роскоши и скудости рядомъ, нѣтъ этой вѣчной борьбы между жизнью и смертью, этихъ завоеваній каждаго клочка земли жизнью или культурой у смерти, и этихъ вырываній того же самаго клочка, при малѣйшемъ недосмотрѣ или небрежности человѣка, смертью у жизни и культуры.

Вечеромъ, ложась въ постель, я только что приподнявъ легкое одѣяло, какъ изъ-подъ него вдругъ выбѣжала пара какихъ-то черныхъ насѣкомыхъ около вершка длиной. Батюшки, ужъ не скорпіоны ли?! Но нумерной

арабъ объяснилъ, что это египетскіе тараканы, безъ которыхъ тутъ ни одинъ домъ не обходится. Онъ поймалъ одного изъ нихъ и показалъ намъ. Оказалось, что это такъ-называемый тараканъ-исполнитель (*Blatta gigantea*), величиной вдвое больше нашего обыкновеннаго чернаго таракана, только тѣлце его отличается болѣе вытянутымъ и плоскимъ видомъ. Онъ жретъ не только мясо, хлѣбъ, кожу и книги, но имѣетъ привычку нападать и на спящихъ людей, а въ особенности любить у умирающихъ и у труповъ грызть на ногахъ пальцы. Нечего сказать, пріятно сожительство съ такимъ милымъ насѣкомымъ!

Арабъ тщательно осмотрѣлъ наши постели подъ подушками и простынями и только послѣ такой обстоятельной ревизіи рѣшились мы наконецъ улечься. Здѣсь, какъ и на всемъ Востоку, надъ каждою кроватью устроенъ кисейный *мустикеръ*, въ предупрежденіе отъ ночныхъ нападений мустиковъ. Арабъ со всѣхъ сторонъ подоткнулъ его полы подъ тюфакъ, чтобъ ужъ никакая мерзость и гадина не могла къ намъ забраться, и мы очутились какъ бы въ прозрачныхъ клѣткахъ. Но опять бѣда: подъ *мустикеромъ* гораздо душнѣе, чѣмъ въ комнатѣ, такъ что просто дышать не чѣмъ, а тутъ еще гляжу, арабъ закрываетъ ставнями окна.

— Это зачѣмъ?—протестуетъ Ѳеодоръ Егоровичъ. — Скажите ему, дураку, чтобы хоть окна-то оставилъ настежь! Вѣдь мочи нѣту въ этой банѣ проклятой!

Но оказывается, что и окна нельзя оставлять открытыми: здѣшнія ночныя росы въ лѣтнее время очень вредны, порождаютъ лихорадки и еще, какъ ни странно казалось бы, увѣряютъ будто онѣ въ особенности вредно дѣйствуютъ на глаза и являются одной изъ главныхъ причинъ весьма распространенной въ Египтѣ офталміи. Объясняютъ это такимъ образомъ, что съ поверхности земли вмѣстѣ съ испареніями поднимаются въ воздухъ микроскопическія частицы весьма злокачественной известковой и солончаковой пыли, которая растворяется въ росѣ и, попадая на глазныя вѣки, сильно разъѣдаетъ ихъ, послѣдствіемъ чего бываетъ воспаленіе, нерѣдко имѣющее исходомъ полную потерю зрѣнія.

Въ Александріи, дѣйствительно, встрѣчается много слѣпыхъ, и говорятъ будто преимущественно отъ этой причины; мнѣ же кажется, что для офталміи совершенно достаточно и просто пыли здѣшнихъ окрестностей, безъ растворенія ея росой. А впрочемъ, мѣстнымъ жителямъ про то лучше знать.

Итакъ, хочешь, не хочешь, а спи въ двойной духотѣ, но какой же тутъ сонъ возможенъ!

— Экая мерзость!—ворчитъ мой сожитель, въ истомѣ ворочаясь съ боку на бокъ:—днемъ

факторы да бакшини на каждомъ шагу, а ночью тараканы съ офталмиями, да песьи мухи какин-то, да при этомъ еще и температура въ тридцать градусовъ. Фу, ты, батюшки!.. Скажите пожалуйста и это у нихъ «благодатными странами» называется!.. а?.. Вѣрите послѣ этого людямъ!

14-го июля.

Съ утра всѣ мы одѣлись во фраки съ бѣлыми галстуками, при орденахъ, и поѣхали представляться хедиву. Приемъ назначенъ былъ въ одиннадцать часовъ утра во дворцѣ Расъ-эль-Тинъ. На козлахъ коляски, въ которой помѣстился адмиралъ съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ, Иваномъ Михайловичемъ Лексомъ¹⁾, усѣлся рядомъ съ кучеромъ консульскій кавасъ (гѣлохранитель) въ блестящемъ парадномъ костюмѣ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія: саблей, ятаганомъ, пистолетами, револьверомъ, да еще и съ длинною булавою въ рукѣ, а шагахъ въ пятнадцати впереди экипажа ѣхалъ босоногий консульскій скороходъ, красивый молодой сиріецъ въ залитой золотомъ курткѣ, держа предъ собой длинную, толстую трость. Таковъ всегда бываетъ здѣсь парадный консульскій выѣздъ, своеобразно требованіямъ мѣстнаго придворнаго этикета, которому слѣдуютъ въ официальныхъ случаяхъ также и пріѣзжія высокопоставленные лица.

Расъ-эль-Тинскій дворецъ находится на западномъ отрогѣ Александрійской косы, близъ маяка того же имени, и ѣхать къ нему надо чрезъ мусульманскую часть города. Улицы здѣсь гораздо уже, чѣмъ въ европейской части, но тѣ, по которымъ мы теперь ѣхали, были вымощены такъ же какъ и европейскія, тріестскими плитами. Здѣсь тянулся почти непрерывный рядъ глинобитныхъ и каменныхъ домовъ, и многіе изъ нихъ были въ три и четыре этажа. На плоскихъ кровляхъ устроены въ видѣ балдахниновъ навѣсы, украшенные цвѣтами и растеніями, а иногда коврами и цвѣтными завѣсами. Древесныя сторы и камышевыя циновки защищали отъ солнца ту или другую сторону этихъ возвышенныхъ верандъ, гдѣ мусульманскія семейства очень любятъ проводить свое время, такъ какъ на высотѣ и воздухъ чище, и болѣе провѣваетъ, морскимъ овеивающимъ вѣтромъ. Тамъ же обыкновенно являются виноградъ и сунитыя вистіранное бѣлье. Верхніе этажи нерѣдко выдаются нѣсколько впередъ надъ нижними, такъ что два противоположные дома иногда образуютъ какъ бы сводъ надъ улицей, благодаря чему, прохожіе пользуются благодатною тѣнью. Въ двухъ-этажныхъ домахъ весьма оригинально устроенъ верхній этажъ: онъ въ отношеніи къ нижнему располагается подъ угломъ,

зигзагами, вслѣдствіе чего на кровлѣ нижняго этажа образуется нѣсколько трехъугольных площадокъ, служащихъ верандами и балконами. Такія площадки нерѣдко украшаются зеленою ползучихъ и вьющихся по стѣнамъ растеній. Окна во всѣхъ мусульманскихъ домахъ не имѣютъ ни рамъ, ни стеколъ, но вѣшаютъ ихъ они снабжены вставными мелкоячеистыми рѣшетками, составленными изъ выточенныхъ деревянныхъ частицъ. Это такъ-называемыя *мушарабі*, и во многихъ случаяхъ они останавливаютъ на себѣ вниманіе изяществомъ и оригинальной красотой своего мавританскаго рисунка. Почти въ каждомъ домѣ, на высотѣ втораго этажа и выше, есть красивый *шахнишн*, то, что у насъ называется бельведеромъ или фонарикомъ: составленный изъ рѣшетчатыхъ мушарабі, онъ обыкновенно является лучшимъ украшеніемъ наружности дома, особенно если завить по карнизамъ зеленою виноградомъ или повоевъ. Входныя двери во многихъ домахъ украшены узорчатой рѣзбой и бронзовыми или желѣзными скобами съ массивной серьгой, либо съ кольцомъ, которымъ желающій войти долженъ стукнуть о скобу, это то же, что наши дверные звонки. Надъ входомъ обыкновенно красуется какал-нибудь вѣзевая арабская надпись, чаще всего благочестивое изреченіе или стихъ изъ Корана, и нерѣдко такія надписи бываютъ высѣчены горельефомъ на бѣломраморныхъ доскахъ. Нижніе этажи почти сплошь заняты лавками, гдѣ торгъ зачастую идетъ просто чрезъ открытое окно. Тутъ множество табачныхъ, бакалейныхъ, москательныхъ, зеленыхъ, мясныхъ, фруктовыхъ и мелко-алантерейныхъ лавчонокъ со всякою всячиной, которую невозможно ни усмотрѣть за-разъ, ни тѣмъ болѣе перечислить. Кромѣ того, чуть не въ каждомъ домѣ, или восточная кофейня, или цирульня, или продажа содовой и свѣжей «нильской» воды. Множество продавцевъ послѣдней и просто шатаются себѣ по улицамъ, выкрывая и выхвалявая свой товаръ, навьюченный либо на осликѣ въ боченкахъ, либо на самомъ продавцѣ въ бурдюкѣ изъ козлиной шкуры, а то и просто въ глиняномъ кувшинѣ, и надо испытать здѣшнюю жару, чтобы понять какъ велика потребность въ свѣжей водѣ для утоленія жажды. Продавцы воды никогда не остаются въ убыткѣ, и торговли ею, повидимому, составляетъ здѣсь довольно видную отрасль мелкой уличной промышленности. Процессъ бритья правобѣрныхъ головъ также совершается большею частью на улицѣ бродячими цирюльниками, которые возвыщаются о своемъ приближеніи боемъ въ мѣдную тарелку или тазикъ. Кромѣ того, тутъ же бродятъ мороженщики и продавцы подахареннаго мелкаго льда, лимонада и гранатнаго сока, пирожники съ жареными пышками, хлѣбники съ коржами и ле-

¹⁾ Ныпѣ покойнымъ.

пешками, кальянципки, предлагающіе за самую мелкую монету покурить или затынуться из своего дымящагося кальяна, фруктовики съ наръзанными кусками сочныхъ арбузовъ и дынь и грудями винограда, другіе съ бананами, апельсинами, граватами и персиками, цвѣточники съ букетами и букетиками, продавцы собачьихъ ошейниковъ, палокъ и тросточекъ, сокольниками съ дрессированными для охоты соколами и кречетами, знахари съ «жизненными» и возбуждательными эликсирами и талисманами ото всѣхъ бѣдъ и недуговъ, уличные писцы съ мѣдными *колымданами* ¹⁾ за поясомъ, факиры и дервиши обвѣшанные амулетами, съ длинными посохами и тыквенными баклагами, гороскопщики и гадалщики съ билетиками, предсказывающими будущее, нищіе съ учеными обезьянами и нищіе, сами подходящіе болѣе на обезьянъ, чѣмъ на человѣка, калѣки и паралитики-идіоты, фокусники и змѣезаклинатели и множество иного люда, бѣлаго, чернаго и бронзоваго всѣхъ отѣнковъ и всяческихъ профессій, перечестъ которыхъ я отказываюсь... Движеніе народа по улицамъ весьма велико и отличается восточной пестротой и южно-европейской юркостью: Александрія какъ-то органически соединяетъ въ себѣ и то и другое. Бѣлый миткаль и яркіе ситцы, шелкъ и отребья и постоянно мелькающее передъ глазами пслубнаженное чело-вѣческое тѣло, закутанныя въ черныя покрывала фигуры женщинъ, ослы, верблюды, лошади и собаки, ослѣпительное солнце, рѣзкія тѣни, пріятные восточные запахи, гортанный говоръ и гомонъ снующей толпы — все это заставляеть какъ бы прыгать, перескакивать съ предмета на предметъ и ваши взоры, и ваше вниманіе, такъ что въ концѣ-концовъ у васъ остается только смѣшанное впечатлѣніе какой-то необычайно жизненной, подвижной пестроты, тѣсноты, духоты и оригинальной красоты зданій.

Расъ-эль тинскій дворецъ занимаетъ на ко-сѣ довольно обширную четырехугольную площадь и смотритъ южнымъ своимъ фасадомъ въ западный портъ, а сѣвернымъ черезъ садъ, прямо въ голубой просторъ Средиземнаго моря. Онъ окруженъ обширными дворами съ разными флигелями и мелкими пристройками и снару-жи весь выбѣленъ. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что стѣны его, или по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, построены изъ сырпваго кирпича, если даже не просто глинобитныя; заключаю это по выдающимся кое-гдѣ наружу потолочнымъ балкамъ. Садъ при дворцѣ наполненъ финиковыми и пными пальмами, бананами, лаврами, олеандрами и другими деревьями и растеніями, свойственными

этому климату; въ немъ много цвѣтовъ и воды, безъ которой впрочемъ я не мыслима была бы вся его растительность.

Наши экипажи остановились на обширномъ дворѣ, предъ широкимъ подъѣздомъ сѣвернаго фасада, гдѣ стояли нѣсколькими группами военные офицеры и придворные служители въ роскошныхъ яркихъ костюмахъ. Церемоній-мейстеръ Тонинобей встрѣтилъ нашего адмирала въ растворенныхъ дверяхъ, и послѣ взаимныхъ привѣтствій мы вошли въ высокія обширныя стѣны, откуда сразу пахнуло на насъ живительной прохладой и гдѣ караульный взводъ хедивской гвардіи саблями отдалъ честь адмиралу. По широкой лѣстницѣ поднялись мы во второй этажъ и вошли въ обширную и прохладную приемную залу. На стѣнахъ ел мѣстамъ виднѣлись фрески, изображавшія вазы съ цвѣтами и фруктами; роскошно тяжелыя шелковыя драпировки на дверяхъ и окнахъ ниспадали отъ высокаго потолка и ложились пышными складками на мозаично-узорчатомъ паркетѣ. Большія окна глядѣли прямо на сѣверъ въ море, и въ нихъ продувалъ порой пріятный сквозной вѣтеръ. Европейская мебель была покрыта бѣлыми чехлами,—предосторожность, необходимая лѣтомъ при здѣшней ѣдкой и микроскопично-мелкой известковой пыли. Громадный смирнскій коверъ застилалъ всю середину залы.

Черезъ минуту, въ одну изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны, вошелъ хедивъ въ темновишневой фескѣ и черной венгеркѣ, сходной покроемъ съ французской военной жакеткой. Это былъ молодой еще человѣкъ, на видѣ лѣтъ около тридцати, довольно рослый, плотный, румяный и красивый, со свѣтло каштановыми волосами, — типъ скорѣе славянскій, чѣмъ арабскій или тюркскій. Нашъ генеральный консулъ представилъ ему адмирала, а адмиралъ въ свой чередъ всѣхъ лицъ своего штаба. Хедивъ очень любезно подаль всѣмъ руку и затѣмъ предложилъ садиться. Самъ онъ занялъ мѣсто на диванѣ, адмиралъ же подлѣ него на креслѣ рядомъ съ консуломъ. Остальные размѣстились полукругомъ на стульяхъ. Официальный толмачъ нашего консульства, г. Менотто, остался стоя предъ хедивомъ и адмираломъ.

Разговоръ (какъ и надо, впрочемъ, было ожидать) не выходилъ изъ сферы общихъ мѣстъ и взаимныхъ любезностей. Хедив осмѣлился благополучно ли совершилъ адмиралъ свой путь до Александріи, въ первый ли разъ ему приходится быть въ Египтѣ, какъ намъ повинулась Александрія, долго ли намѣрены мы прогостить въ этомъ городѣ, и т. п. Менотто каждую фразу передавалъ очень отчетливо и при томъ не «своими словами», какъ дѣлають обыкновенно почти всѣ переводчики, а дословно, именно въ той самой формѣ, какъ

¹⁾ Чернильница, соединенная съ перомъ для письменныхъ принадлежностей; обыкновенно за-тыкается за поясъ.

фраза была сказана. Такъ, наиримѣрь, вмѣсто того, чтобы сказать, что хедивъ де выражаетъ свое удовольствіе видѣть у себя и пр., Менотто говоритъ дословно: «мнѣ весьма приятно видѣть у себя во дворцѣ столь знаменитого и почтеннаго гостя»; затѣмъ, въ точно такой же формѣ, передаетъ хедиву отвѣтъ адмирала: «я счастливъ, что могу засвидѣтельствовать» и т. д. Затѣмъ хедивъ сталъ говорить уже безъ посредства толмача на французскомъ языкѣ, которымъ владѣетъ довольно порядочно.

Во время всѣхъ этихъ экспликацій одинъ чернѣйшій слуга внесъ на серебряномъ подносѣ зажатую свѣчу, гаванскія сигары и большія папиросы съ длинными мундштуками, другой — цѣлую башенку мѣдныхъ блюдецъ, поставленныхъ одно на другое, а третій — большой кофейный сервизъ. Этотъ послѣдній былъ покрытъ пеленою изъ лиловой съ золотомъ и золотого бахромой парчи, которая одною стороною своей лежала на груди и плечахъ слуги, а другой нѣсколько ниспадала съ круглаго подноса. Когда первый слуга обнесъ гостей папиросами, а другой поставилъ на полъ предъ каждымъ гостемъ по мѣдному блюду для сбрасыванія пепла, оба они сняли съ третьяго парчевую пелену, и тогда предъ нами открылся роскошный сервизъ въ восточномъ вкусѣ, сверкавшій драгоценными камнями. Одинъ изъ слугъ приступилъ къ разливанію ароматнаго кофе изъ богатаго серебрянаго *кумана* въ маленькія фарфоровыя чашки, вставленные въ серебряныя, тонкой филигранной работы, подчашники, по которымъ въ перемежку съ бирюзой сверкали алмазы, сапфиры, рубины и яхонты. Когда наконецъ кофе былъ разлитъ, слуга съ сервизнымъ подносомъ, стоявшій все время какъ истуканъ, съ замѣчательною неподвижностью, почтительно приблизился къ хедиву и съ видомъ благоговѣнія полусклонилъ предъ нимъ колѣно, выдвинувъ впередъ свою ношу. Хедивъ взялъ съ подноса чашку и любезно передалъ ее адмиралу, а затѣмъ слѣдующую поставилъ на столъ предъ собой. Такимъ же образомъ только безъ склоненія колѣна были обнесены остальные гости.

Хедивъ въ разговорѣ сообщилъ, между прочимъ, что не задолго до нашего прибытія въ Александрію здѣсь на рейдѣ былъ контръ-адмиралъ Асланбеговъ, тоже представившійся со своими офицерами, причемъ хедивъ имѣлъ удовольствіе пожаловать ихъ орденами¹⁾.

Вслѣдъ за первой чашкой кофе прислуга уже стала было наливать по второй, послѣ которой, по мусульманскому этикету, изъ вѣжливости не слѣдуетъ оставаться долѣе; но С. С. Лесовскій предупредилъ эту вторую чашку и

поднялся съ мѣста, чтобы откланяться хозяину. Послѣдовало новое пожатіе руки всѣмъ представившимся, послѣ чего хедивъ, сдѣлавъ общій поклонъ, повернулся и пошелъ вонъ изъ залы въ одну, а мы въ другую сторону, и этимъ маневромъ, употребленнымъ весьма кстати, онъ съ большимъ тактомъ избавилъ насъ отъ неумѣстной необходимости пятиться предъ нимъ спиной къ дверямъ, что подобало бы только въ отношеніи къ особѣ коронованной.

Мы видѣли хедива какъ любезнаго хозяина, который держалъ себя очень просто, естественно и любезно, безо всякой натяжки. Что же касается его характеристики какъ правителя, то въ этомъ отношеніи нахожу не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ, основываясь на замѣчаніяхъ И. М. Лекса, который зналъ его еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Но для этого необходимо напередъ обрисовать въ нѣсколькихъ штрихахъ положеніе, какое засталъ онъ въ Египтѣ при своемъ вступленіи въ управленіе страной, равно и то, что было сдѣлано для этой страны его отцомъ Измаиль-пашой.

1879 годъ отмѣченъ въ исторіи Египта важнымъ переворотомъ: «блистательная» Порта однимъ почеркомъ пера свергла Измаиль-пашу и посадила на его мѣсто старшаго его сына, Мехмедъ-Тевфикъ-пашу. Произошло это безо всякаго протеста со стороны мѣстнаго населенія, хотя право прямого престолонаслѣдія въ мусульманскихъ странахъ до тѣхъ поръ еще не примѣнялось. Безъ протеста же обошлось дѣло болѣе всего потому, что народъ черезчуръ уже былъ обремененъ тяжелыми налогами ради европейскіхъ затѣй хедива прогрессиста. Но какъ бы то ни было, а за время своего шестнадцатилѣтняго управленія Измаиль-паша сдѣлалъ для вышшняго благоустройства страны болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ: имъ построены почти всѣ мѣстныя желѣзныя дороги; прорытіе Суэскаго канала точно также не могло бы послѣдовать столь быстро и успѣшно безъ его прямого и энергическаго содѣйствія; триста новыхъ оросительныхъ каналовъ и четыреста мостовъ (каменныхъ и желѣзныхъ) построены все имъ же. Количество годной къ обработкѣ земли увеличилось при немъ почти вдвое. Каиръ изъ грязнаго арабскаго города преобразился въ великолѣпную европейскую столицу съ широкими, хорошо мощеными улицами, красивыми дворцами, бульварами и скверами, величественными арками и театрами для оперы и балета, загородными шоссе и водопроводами, которые устроены также и въ Александріи, и оба эти города освѣтились газомъ. Площади ихъ украсились монументальными памятниками: въ Александріи главѣ династіи Мехмеду-Али, въ Каирѣ — Ибрагимъ-пашѣ (дѣду и отцу хедива Измаила). Александрійскій и Суэзскій

¹⁾ Въ отвѣтъ на эту любезность С. С. Лесовскій исходатайствовалъ хедиву орденъ *Св. Александра Невскаго*.

порты приведены въ полное благоустройство, воздвигнуты въ нихъ маяки, громадныя молы и брекватеры; учреждено общество пароходства *Xedivie*, впервые открывшее правильные рейсы между Александріей, Константинополемъ, Портъ-Саидомъ и портами Краснаго моря; устроена по-европейски почтовая часть, пересоздано народное образованіе, учреждены смѣшанные суды международнаго характера, значительно расширены предѣлы государственной территоріи на побережьѣ Краснаго моря, въ Абиссиніи, Арабѣ, Дарфурѣ и въ странѣ озеръ, почти до экватора. Во всемъ этомъ, безспорно, было много существенно полезнаго, но не мало также и эфемернаго, бьющаго только на внѣшній трескучій эффектъ, который и былъ завершенъ наконецъ какою-то, можно сказать, шутковской конституціей. Для всей этой дѣятельности требовались громадныя суммы денегъ; займы слѣдовали за займами; Измаиль-паша не на шутку воображалъ себя Наполеономъ III въ Египтѣ и старался во всемъ брать примѣры со своего идеала, который ему и покровительствовалъ сколько было возможно. Но идеалъ кончилъ Седаномъ, а Измаиль послѣ того еще цѣлыя восемь лѣтъ держался. Все шло, повидимому, прекрасно пока европейскіе банкиры давали ему взаймы подъ обезпеченіе землями и всевозможными доходными статьями земли Фараоновъ. Но вотъ благодѣтели-банкиры, наконецъ, нашли, что пора имъ прибрать къ своимъ рукамъ всѣ эти обезпеченія, и кредитъ Египта пошатнулся. Тутъ Измаиль-паша какъ-то сразу растерялся, сталъ бросаться то въ руки Англіи, то въ руки Франціи, то къ Портѣ, и кончилъ тѣмъ, что Турція, по требованію первыхъ двухъ державъ, смѣстила его съ должности. И. М. Лексъ говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ Порты поступила съ полною неблагодарностью, такъ какъ Измаиль-паша, за время своего управленія переслалъ въ Константинополь огромныя суммы денегъ и онъ же увеличилъ дань, платимую Египтомъ Портѣ съ 400.000 лиръ до 700.000; онъ спасъ Турцію во время Кандійскаго возстанія, когда у Порты не было ни денегъ, ни войскъ; онъ же и въ послѣднюю нашу войну, при самомъ ея началѣ, отправилъ въ Константинополь 800.000 лиръ, потомъ 15.000 войска и всѣ свои пароходы, которые до самаго Санъ-Стефанскаго мира занимались перевозкой турецкихъ войскъ и военныхъ припасовъ. Что до Россіи, то, по словамъ И. М. Лекса, Измаиль-паша любилъ ее и въ особенности любилъ русскихъ, но въ политикѣ боялся Англіи и до 1870 года Франціи. Со времени же франко-германской войны онъ дѣйствовалъ безусловно такъ, какъ хотѣла Англія и только въ послѣднее время понялъ свою ошибку. Тогда онъ сошелся съ такъ называемой національной партіей и сдѣлалъ нѣчто въ родѣ госу-

дарственнаго переворота (*coup d'état*). направленнаго противъ Нубаръ-паши и иностранныхъ министровъ, но это было уже поздно и повело только къ тому, что Англія, соединяясь съ Франціей, вовсе удалила его изъ Египта и запрещаетъ вернуться въ страну даже частнымъ человѣкомъ.

Нынѣшній хедивъ, какъ мы видѣли, человѣкъ еще молодой. И. М. Лексъ говоритъ, что онъ порядочно образованъ, но, къ сожалѣнію, черезчуръ ужъ мягокъ и податливъ на случайныя вліянія, а главное—всему на свѣтѣ предпочитаетъ тихую гаремную жизнь, избѣгая, по возможности, лично вникать въ политику и дѣла правленія. Потому-то и предоставилъ онъ всѣ эти дѣла совѣту министровъ или, вѣрнѣе сказать, двумъ входящимъ въ составъ сего совѣта европейскимъ контролерамъ, англичанину Берингу и французу Бляньеру. Словомъ, для плановъ Англіи (Франція тутъ не въ счетъ, она только для виду), Мехмедъ-Тевфикъ есть самый подходящий человѣкъ на мѣстѣ хедива, и потому-то, благодаря ей настоянію, онъ и назначенъ былъ Портой вопреки даже мусульманскому праву престолонаслѣдія. По примѣру своего отца, Тевфикъ любитъ Россію и уважаетъ наше правительство, но... пуще всего боится Англіи. Въ характерѣ однако есть нѣкоторая доля мусульманскаго фанатизма, въ силу котораго онъ питаетъ симпатіи къ Турціи, и Порты, еслибы только захотѣла, могла бы, дѣйствуя разумно, возвратитъ себѣ вліяніе, утраченное ей въ Египтѣ слѣдствіе ея подобострастія предъ Англіей и Франціей при низложеніи Измаиль-паши, но увы! Порты сама уже не въ состояніи дѣйствовать самостоятельно и находится подъ тѣми же вліяніями, что и Египетъ. Поэтому судьба послѣдняго — полная потеря самостоятельности въ недалекомъ будущемъ. Египетъ постепенно, но вѣрно, готовится къ тому, чтобы сдѣлаться (замаскированно или явно, это въ сущности все равно) англійской провинціей, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ европейскихъ вліяній¹⁾. Иванъ Михайловичъ свидѣтельствуетъ, что вся страна терпѣть не можетъ французовъ и въ особенности англичанъ, и не любитъ ихъ здѣсь именно за то, что они вмѣшиваются въ управленіе страны; русскихъ же уважаютъ потому, что мы остаемся въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ дразгъ, интригъ и ростовщичества, и многіе здѣсь надѣются, что мы, именно мы, когда-нибудь избавимъ ихъ отъ непрошеннаго иностраннаго вмѣшательства; но сами арабы для этого, конечно, ничего не сдѣлаютъ.

По возвращеніи изъ дворца, Степанъ Степановичъ поѣхалъ одинъ съ визитомъ къ Гас-

¹⁾ Таково было въ 1880 году мнѣніе покойнаго И. М. Лекса.

симъ-паиѣ, начальнику морскихъ египетскихъ силъ, а потомъ въ четыре часа дня со всѣмъ своимъ штабомъ посѣтилъ блаженнаго Софронія патріарха Александрійскаго. Это почтенный старецъ, лѣтъ за шестьдесятъ, но довольно еще бодрый. Живетъ онъ очень скромно въ своемъ патріаршемъ домѣ, а домъ у него небольшой, каменный, съ наружной деревянной галлереей, увитой виноградомъ, гдѣ сидятъ въ клѣткахъ разныя пѣвчія птицы. Приемная комната патріарха отличается въ высшей степени скромной обстановкой; стѣны ея выбѣлены, въ восточномъ углу висятъ иконы афонскаго письма и іерусалимскіе кресты изъ перламутра, а надъ диваномъ—портретъ императора Александра Николаевича, писанный масляными красками, сбоку же на стѣнѣ—литографированный портретъ короля греческаго; простой диванъ съ овальнымъ столомъ да дюжина гнутыхъ буковыхъ стульевъ, вотъ и все ея убранство.

Патріархъ очень интересовался нашими китайскими дѣлами и выразилъ твердую увѣренность, что Китай не откажется объявить войну Россіи, въ особенности въ виду такого флота, какой теперь готовится соединиться противъ него въ Тихомъ океанѣ. «А впрочемъ, прибавилъ онъ, что бы ни случилось, молитвы и благословенія восточной католической церкви всегда и впредь пребудутъ надъ русской державой, какъ пребывали доселѣ, и я глубоко вѣрю, что Богъ даруетъ вамъ успѣхъ». Патріархъ объяснялся по-гречески, а переводчикомъ служилъ г. Менотто. Послѣ угощенія турецкимъ кофе съ холодной водой, мы простились съ блаженнымъ Софроніемъ, который при этомъ далъ каждому изъ насъ свое благословеніе.

Тутъ же при патріархатѣ находится монастырь св. Саввы и помѣщается внизу небольшая патріаршая церковь, замѣчательная тѣмъ, что въ ней у одной изъ стѣнъ находится каменная плаха, на которой была обезглавлена св. великомученица Екатерина на колесо, служившее орудіемъ ея пытки. Снаружи патріаршая церковь не имѣетъ никакихъ архитектурныхъ украшеній, а внутреннюю обстановку ея можно назвать болѣе чѣмъ скромной. Дневной свѣтъ проникаетъ туда сквозь небольшія окна съ желѣзными рѣшетками, и потому подъ низкими тяжелыми сводами церкви всегда господствуетъ полусумракъ. Вдоль ея стѣнъ идетъ рядъ узкихъ деревянныхъ перегородокъ, предназначенныхъ для «стоянія» монашествующей братіи, изъ коихъ каждая служитъ опредѣленнымъ мѣстомъ тому или другому иноку во время церковной службы. Утомившійся во время продолжительнаго всенощнаго бѣнія можетъ только облокотиться руками о верхіе края стѣночекъ своей перегородки; другихъ послабленій здѣшній монастырскій уставъ не

допускаетъ. Иконостасъ низенькій и довольно бѣдный; мѣстные образа, по греческому обычаю, украшены поверхъ вѣнчиковъ тюлевыми вышивными уборами и лентами; серебряныхъ окладовъ на иконахъ мало, на нѣкоторыхъ только есть металлическіе вѣнчики. Наиболѣе цѣнныя вещи, равно какъ и лучшія облаченія ризницы, пожертвованы изъ Россіи.

Отъ патріарха поѣхали мы съ визитомъ къ нашимъ дипломатическимъ чинамъ, а остатокъ дня, пока еще не стемнѣло, я посвятилъ осмотру храмовъ: греческаго, коптскаго и католическаго.

Православный Благовѣщенскій соборъ довольно большое бѣлое зданіе съ двумя колокольными башнями надъ углами главнаго фронтона. Внутри его, мраморныя колонны; каедрa и иконостасъ тоже украшены мраморомъ. Патріаршее мѣсто находится на возвышеніи съ правой стороны и рядомъ съ нимъ мѣсто русскаго консула, а напротивъ, по лѣвую сторону, мѣсто консула греческаго. Соборъ этотъ сооруженъ въ 1855 году и никакихъ историческихъ достопримѣчательностей не имѣетъ, въ немъ все новое. При соборѣ находятся бібліотека и гимназія, гдѣ предметы преподаванія распределены въ значительной мѣрѣ между лицами соборнаго духовенства. Преподаваніе идетъ на греческомъ языкѣ, а изъ иностранныхъ языковъ воспитанники изучаютъ французскій и англійскій.

Коптская православная церковь, во имя св. Евангелиста Марка, находится неподалеку отъ Благовѣщенскаго собора и русскаго консульства. Она каменная, четырехсторонняя, съ куполомъ, обмазаннымъ снаружи бѣлой глиной, въ родѣ тѣхъ, что встрѣчаются въ нашихъ средне-азиатскихъ степяхъ надъ киргизскими мазарками. Церковь не велика, человекъ на двѣсти не болѣе; иконостасъ мѣстной живописи, иконы безъ окладовъ и иныхъ украшеній, стѣны просто выбѣлены; на всей обстановкѣ лежитъ печать нѣсколько суровой скудости, но зато содержится церковь въ замѣчательной для Востока чистотѣ и опрятности. Въ особомъ небольшомъ придѣлѣ съ лѣвой стороны находится могильное мѣсто св. Евангелиста въ родѣ саркофага и надъ нимъ икона мѣстнаго древняго письма гдѣ Апостолъ изображенъ стоя, съ лежащимъ у ногъ его львомъ. Мѣстность на иконѣ представляетъ вдали современную Апостолу Александрію съ колонной Антонія и знаменитой иглой Клеопатры, и надо думать, что изображеніе это довольно вѣрно, потому напримѣръ, что съ топографической стороны тетаобразная Александрійская коса представлена согласно съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ. Внизу, въ полѣ того же пейзажа, изображены въ миниатюрѣ мученія св. Марка на самомъ мѣстѣ ихъ дѣйствія; такъ по крайней мѣрѣ объясняли намъ кти-

торъ. Въ этой миниатюрѣ Апостолъ представленъ связаннымъ по рукамъ и ногамъ и поверженнымъ на землю; его волочатъ за концы веревокъ двое нечестивыхъ воиновъ. У этихъ послѣднихъ лица и руки выскоблены совершенно въ томъ же родѣ, какъ видѣлъ я на образахъ болгарской церкви въ Карловѣ, гдѣ уста и глаза на ликахъ всѣхъ образовъ были спараны и выколупаны баши-бузуками. На мой вопросъ, зачѣмъ это сдѣлано, ктиторъ объяснилъ, что сдѣлано оно самими же коптами изъ чувства благочестія, дабы лики нечестивыхъ не оскорбляли святости иконы, невмѣстно-де ихъ поганымъ ликамъ быть на одной доскѣ и въ одномъ полѣ со святымъ ликомъ Апостола.

Католическій храмъ во имя св. Екатерины находится въ стѣнахъ мужскаго монастыря, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашимъ отелемъ. Рядомъ съ нимъ разбитъ прекрасный монастырскій садъ, наполненный пестрыми цвѣточными клумбами, фруктовыми деревьями и финиковыми пальмами. Впрочемъ, монахи не сами занимаются культурой своего сада, а держатъ для этого наемнаго садовника, равно какъ и всѣ хозяйственныя и черныя работы по монастырю исполняются наемными людьми, себѣ же на долю святые отцы оставляютъ только трудъ пропаганды и обученіе юннества. Живутъ они очень комфортабельно и не особенно постничаютъ, такъ какъ монастырь имѣетъ богатые средства, доставляемые основнымъ его фондомъ и приношеніями пилигримовъ, а до 1870 года получалъ еще большія субсидіи и отъ французскаго правительства.

Храмъ св. Екатерины—новый и довольно красивой постройки. Свѣтъ падаетъ во храмъ изъ купола и большихъ боковыхъ оконъ, которыя составлены изъ цвѣтныхъ стеколъ и украшены живописью по стеклу; отъ этого внутри храма господствуетъ мягкій и какъ бы таинственный полусвѣтъ, среди котораго очень эффектно выдѣляется надъ главнымъ алтаремъ большое мраморное изваяніе Богоматери. Надъ нѣкоторыми изъ боковыхъ алтарей оригинальный и нѣсколько странный эффектъ дѣлаютъ образа-статуи, или, вѣрнѣе сказать, образа-манекены въ нишахъ за зеркальными стеклами: ихъ бюлмораморныя и восковыя фигуры рѣзко выдѣляются на живописномъ фонѣ, но это соединеніе живописи со скульптурой и бутафорскимъ гардеробомъ, которое здѣсь я увидѣлъ лишь впервые, не скажу чтобъ удовлетворяло строго изящному вкусу; оно только озадачиваетъ зрителя своей неожиданною оригинальностью, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые статуи одѣты въ богатые ризы и роборы изъ атласа и бархата, и въ кружевные мантиллы; ну, такъ и кажется, что вы пошлп не въ церковь, а въ какое-то отдѣле-

ніе музея восковыхъ фигуръ Лента. Но вотъ, что красиво: одинъ изъ придѣловъ находится въ совершенно темной часовнѣ, гдѣ слабый лучъ золотистаго свѣта падаетъ сверху изъ невидимаго фонарика только на мраморное изваяніе распятаго Христа, оставляя все прочее въ глубокомъ сумракѣ, и это, дѣйствительно, выходитъ очень эффектно. Вы не видите, откуда именно падаетъ свѣтъ и потому вамъ кажется, будто онъ исходитъ изъ самаго тѣла Спасителя. На стѣнахъ храма находятся бѣлые скульптурныя изображенія всѣхъ стадій крестнаго пути и страданій Христовыхъ, и тутъ же помѣщаются восемь рѣзныхъ деревянныхъ исповѣдаленъ, гдѣ исповѣдь происходитъ на языкахъ французскомъ, итальянскомъ, ирландскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, армянскомъ, арабскомъ и коптскомъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о вѣроисповѣдныхъ и церковныхъ дѣлахъ Египта, познакомиться съ коими, благодаря И. М. Лексу, я успѣлъ изъ дѣлъ нашего консульства.

Въ пятимилліонномъ населеніи Египта мѣстная статистика насчитываетъ весьма немного христіанъ, а именно: Коптовъ около 200.000, православныхъ грековъ около 70.000, армянъ православныхъ 1.500, армянъ католиковъ 700 человекъ; католиковъ, считая въ томъ числѣ коптовъ, сирійцевъ и маронитовъ, 10.000 человекъ; униатовъ 20.000, евреевъ-раввинистовъ около 6.000, караимовъ 2.000 и протестантовъ 1.000. Наконецъ, иностранцевъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій 7.000. Все остальное населеніе мусульманское, изъ коего турокъ насчитывается 120.000, а прочіе всѣ арабы: гаджаскіе, нубійскіе, сирійскіе, тунисскіе, мароккскіе и сомальскіе.

Такъ какъ со времени Мехмедъ-Али у мусульманскихъ муллъ были отняты имѣнія и они перешли на жалованье отъ правительства, извѣстнаго нынѣ своею вѣротерпимостью, и такъ какъ сами арабы слишкомъ трусливы, чтобы нападать въ-открытую, то мусульмане здѣшніе живутъ въ весьма сносныхъ отношеніяхъ къ туземнымъ христіанамъ и никогда никакимъ преслѣдованіямъ ихъ не подвергаютъ. Христіане разныхъ исповѣданій живутъ между собой тоже мирно; большинство изъ нихъ православные.

Въ Египтѣ насчитывается пятнадцать христіанскихъ монастырей: 12 коптскихъ, изъ коихъ 7 мужскихъ съ 500 монаховъ и 5 женскихъ съ 85 инокинями; 1 католическій, во имя св. Екатерины, въ Александріи, съ особымъ подворьемъ въ Каирѣ; 2 греческихъ: св. Саввы въ Александріи и св. Георгія въ окрестностяхъ Каира. Въ Каирѣ есть еще подворье Синайскаго монастыря (Джуванія), гдѣ почти постоянно живутъ архіепископъ, два архимандрита и нѣсколько монаховъ, не

они никакого отношенія къ мѣстному населенію не имѣютъ; самый же монастырь на Синаѣ, гдѣ почиваютъ мощи св. Екатерины, существуетъ на средства, высылаемые изъ Россіи, и на приношенія русскихъ поклонниковъ. Кромѣ того, какъ на предметы и мѣста священные для христіанъ, указываютъ въ Каирѣ на дерево Божіей матери (Матарія), подъ тѣнью коего отдыхала Пресвятая Марія со младенцемъ Іисусомъ во время бѣгства въ Египетъ, и пещеру въ старомъ Каирѣ, гдѣ Святое семейство спасалось отъ преслѣдованій.

Александрійскій патріархатъ и Синайскій монастырь владѣютъ въ Египтѣ нѣкоторыми имѣніями, весьма впрочемъ незначительными и не приносящими почти никакого дохода. Вообще, какъ православная греческая, такъ и православная армянская церкви находятся здѣсь скорѣе въ бѣдности, чѣмъ въ какомъ-либо достаткѣ. Католическая церковь въ Египтѣ пользуется покровительствомъ всѣхъ католическихъ державъ Европы, между которыми даже и республиканская Франція до недавняго времени играла еще выдающуюся роль; протестантская церковь находится подъ покровительствомъ Германіи, англиканская — Великобританіи, іудейская — Австріи и, наконецъ, православная (греческая и армянская) состоитъ какъ бы подъ официальнымъ русскимъ покровительствомъ. Протестантская и англиканская пропаганда дѣйствуетъ во всемъ Египтѣ, но безъ успѣха, хотя въ странѣ, особенно внутри ея, много англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ. Успѣхъ католической пропаганды тоже не особенно великъ; но въ послѣднее время завелось въ Александрію, Загазигъ и Каиръ нѣсколько іезуитскихъ школъ, которыя рассчитываютъ дѣйствовать удачнѣе.

Что до евреевъ, то ихъ въ странѣ немного, и группируются они преимущественно въ Александрію и Каиръ. Есть здѣсь такъ называемые «испанскіе евреи», которые сохранили лишь семитическій типъ, но во всемъ остальномъ, въ одеждѣ, нравахъ и образѣ жизни совершенно сходны съ арабами; потому караванмы, большей частью выходцы изъ Крыма, и наконецъ польскіе и нѣмецкіе жидки, преимущественно «пыбулизированные» и сполна состоящіе въ иностранномъ подданствѣ.

Вечеръ провели мы въ *Café de Paradis*, на самомъ берегу моря, у восточнаго рейда, гдѣ шумный прибой морскихъ валовъ мѣрно бьетъ въ стѣну террасы. Едва мы вошли въ залу, какъ большой оркестръ, составленный изъ нѣмецкихъ дѣвицъ (преимущественно вѣнскихъ и чешскихъ), словно какимъ-то чутъемъ угадавъ что мы русскіе, грянулъ

вдругъ маршъ, скомпонованный изъ мотивовъ «Жизни за Царя». Это очевидно было сдѣлано «въ нашу честь», въ видѣ «комплиментарнаго приѣзства», такъ какъ улыбка и взоры артистовъ во время исполненія пьесы какъ бы съ нѣкоторымъ подчеркиваніемъ устремлялись преимущественно на нашу скромную группу, а по окончаніи марша одна изъ наиболее смазливыхъ «Fräulein» направилась прямо къ намъ съ тарелкой, покрытой чайной салфеточкой, и вызывающе любезно сдѣлала предъ нашимъ столомъ коротенькій книксенъ съ прискокомъ. Мы конечно вознаградили оркестровыхъ дамъ за ихъ «комплиментъ» по силѣ возможности нѣсколькими франками, и тѣмъ приобрѣли себѣ между ними репутацію «весьма щедрыхъ русскихъ господъ», такъ какъ здѣшняя публика не только европейская, но и левантисккая, вообще очень скаредна и платитъ за подобныя музыкальныя любезности много-много, если пятью сантимами.

Въ этомъ «райскомъ кафе» въ-открытую процвѣтаетъ рулетка, около которой вѣчно толнятся искатели счастья и легкой наживы, исключительно европейцы, а въ сосѣдней залѣ, къ услугамъ болѣе скромныхъ игроковъ, находится чуть не до десятка билліардовъ и множество отдѣльных столиковъ съ домино, трикъ-тракъ и шахматами. Здѣсь специально мужское отдѣленіе, и потому любители играютъ безъ сюртуковъ, для большей легкости и прохлады. Мы однако предпочли удалиться изъ душной прокуренной залы на прибрежную веранду, гдѣ разбитъ очень миленькій двѣтникъ, и, прохладяясь мороженымъ съ холодной водой, слушали музыку грохочущаго при боя, мѣщавшаго свой шумъ съ гармоніей оркестра, любовались видомъ безпредѣльнаго моря и городской набережной съ ея коническимъ шпилемъ протестантской кѣрки и громадами высокихъ каменныхъ домовъ, слабо озаренныхъ мелькавшимъ въ облакахъ луной. Вскорѣ пришелъ сюда И. М. Лексъ и повелъ насъ въ другой пріютъ того же рода, но только болѣе скромный и не столь музыкальный, *Café de Triest*, гдѣ за конторкой буфета возсѣдала дебелая еврейская «мадамъ» изъ Ломжи или изъ Слонима и гдѣ встрѣтили насъ такая же бѣлокурые дѣщери Германіи, только безъ скрипокъ и тромбоновъ, а съ пѣвными кружками вѣнскаго пива. Впрочемъ, это все та же вульгарная «Европа», знакомая всѣмъ и каждому вдоль и поперекъ и (для меня, по крайней мѣрѣ) ни мало не интересная. Зато крайне интересны были рассказы И. М. Лексы, который исподоволь, въ живомъ разговорѣ, успѣлъ сообщить намъ много самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о здѣшней жизни и бытѣ, объ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ европейскаго и тузем-

наго элементовъ, о взаимныхъ интригахъ европейскихъ «дипломатовъ» и т. п. Болѣе всего заинтересовалъ насъ вопросъ «о русскихъ въ Египтѣ», объ ихъ положеніи въ этой странѣ и о нашей торговлѣ съ Египтомъ.

По словамъ И. М. Локса, русскихъ здѣсь всего 350 человекъ, что весьма немного на общую цифру проживающихъ въ Египтѣ иностранцевъ, простирающуюся до 70.000. Но въ числѣ русскихъ считаются и всѣ, проживающіе здѣсь подъ нашимъ покровительствомъ сербы, черногорцы, болгары и уроженцы Средней Азіи. Замѣчательно, что даже кашгарцы и текинцы, попадая въ Египетъ, сами отдають себя подъ покровительство Россіи, хотя казалось бы, какъ независимымъ мусульманамъ, имъ всего естественнѣе было бы искать непосредственнаго покровительства у турокъ, но таковы уже пристрастія Россіи въ глазахъ средне-азиатцевъ: думаютъ, что подъ нами понадежнѣе. Число собственно русскихъ весьма незначительно, такъ какъ даже русско-подданные, имѣющіе въ Египтѣ постоянную осѣдлость, большую частью принадлежатъ по происхожденію къ другимъ національностямъ и нашимъ инородческимъ элементамъ. Въ большинствѣ это все греки, изъ коихъ восемьдесятъ, если не девяносто, процентовъ никогда и не бывали въ Россіи и даже имѣютъ о ней крайне смутныя понятія, но для своихъ торговыхъ дѣлъ и общественнаго положенія имъ выгодно числиться русскими подданными. При неудовольствіи за что-нибудь на русское консульство или изъ страха предъ общей воинскою повинностью они легко переходятъ въ подданство какой-либо иной дѣржавы, преимущественно Англіи, до новаго какого-нибудь неудовольствія, послѣ котораго зачастую, не успѣвъ даже дожидаться натурализаціи, награждаютъ своимъ подданствомъ Францію или Германію, или вообще какую-либо изъ вліятельныхъ европейскихъ дѣржавъ, если только та согласна принять ихъ. Такіе подданные, кромѣ лишннихъ хлопотъ и неприятностей для консульства, обыкновенно ничего не приносятъ принимающимъ ихъ дѣрждамъ, и есть ли они, нѣтъ ли ихъ, для насъ въ сущности совершенно безразлично, даже пожалуй выгоднѣе когда ихъ меньше. Затѣмъ, послѣ грековъ, въ числѣ нашихъ подданныхъ слѣдуютъ армяне, евреи, ташкентцы, самаркандцы и черкесы¹⁾.

¹⁾ По свѣдѣніямъ русскаго генеральнаго консула, всѣ русско-подданные и состоящіе подъ русскимъ покровительствомъ въ Египтѣ распределяются слѣдующимъ образомъ: въ Александріи русско-подданныхъ 48 человекъ. Кромѣ того, проживающихъ подъ нашимъ покровительствомъ болгаръ 47, бухарцевъ и кокандцевъ 15, а всего 110 человекъ. По вѣроисповѣданію они раздѣляются на православныхъ (63), лютеранъ

Крупныхъ коммерсантовъ и торговыхъ фирмъ между русско-поданными насчитывается всего одиннадцать¹⁾. Временные-же торговцы въ небольшомъ числѣ пріѣзжаютъ иногда изъ Россіи въ зимнее время для закупи хлопка. Русско-подданныхъ паломниковъ-мусульманъ проходитъ чрезъ Египетъ весьма много, но они большую частью слѣдуютъ по Суэзскому каналу, нигдѣ не останавливаясь, и потому число ихъ въ консульствѣ неизвѣстно. Православные же русскіе паломники ѣдутъ чрезъ Египетъ на Синай, но въ послѣднее десятилѣтіе число ихъ ежегодно уменьшается, и едва ли доходитъ до двухсотъ въ годъ. Изъ осѣдлыхъ на мѣстѣ русско-подданныхъ и покровительствуемыхъ Россіей, уроженцы Средней Азіи занимаются большею частью мелкой уличной торговлей, болгары продаютъ молоко и вообще молочныя произведенія, черногорцы служатъ сторожами при банкахъ и торговыхъ домахъ, одинъ изъ коренныхъ русскихъ состоитъ околочнымъ надзирателемъ въ составѣ Александрійской полиціи (онъ изъ бывшихъ военныхъ),²⁾ греки съ армянами банкирствуютъ и

(2), армяно-грегоріанъ (6), евреевъ (24) и мусульманъ (15). Въ Портъ-Саидѣ проживаютъ двое русско-подданныхъ, изъ нихъ одинъ православный, другой мусульманинъ. Въ Мансурѣ находятся на постоянномъ жительствѣ русско-подданныхъ 3 и проживающихъ подъ нашимъ покровительствомъ 7 человекъ, изъ нихъ 8 мусульманъ и 2 еврея. Въ Тантѣ русско-подданныхъ 5, подъ покровительствомъ 10, изъ коихъ 1 православный, 1 католикъ, остальные мусульмане. Въ провинціи Гарбіѣ подданныхъ 5, подъ покровительствомъ 11, изъ нихъ 1 православный, прочіе мусульмане. Въ провинціи Менуфіѣ подданныхъ 3, подъ покровительствомъ 1, изъ нихъ 1 православный, 3 мусульманъ. Въ провинціи Бехере подданныхъ 3, всѣ мусульмане. Въ Каирѣ подданныхъ 32, подъ покровительствомъ 31, изъ нихъ православныхъ 17, евреевъ 13 и мусульманъ 33 человека. Нѣкоторые, изъ числа этихъ русско-подданныхъ, снабжены паспортами отъ губернаторовъ изъ Россіи; тѣ же, которые приобрѣли русское подданство не бывъ въ Россіи, паспортовъ не имѣютъ, такъ какъ встрѣчаютъ затрудненія въ припискѣ ихъ къ какому-либо обществу въ Одессѣ и другихъ городахъ Черноморскаго побережья.

¹⁾ А именно, въ Александріи: 1) Амбургеръ и К^о, посылаетъ въ большомъ количествѣ хлопокъ въ Россію; 2) Антоніадисъ (греческій уроженецъ), болѣе занимается банкирскими дѣлами; 3) Вустросъ (сирійскій уроженецъ) и К^о, торгуетъ съ Сиріей и Англіей и ведетъ банкирскія дѣла; 4) Ашикданъ (уроженецъ Арменіи), занимается болѣе банкирскими дѣлами; 5) Сіагъ и 6) Кардахи (сирійскіе уроженцы), оба ведутъ внутреннюю торговлю и кромѣ того занимаются торговлей съ Сиріей. Въ Каирѣ: 7) Григорій д'Элла (армянинъ), занимается внутренней торговлей; 8) Богосъ Карабетовъ и сынъ—болѣе банкирскими дѣлами и 9) Али-Баба (уроженецъ Александрополя), внутренней торговлей. Въ Тантѣ: 10) Кардахи (Сиріецъ), внутренней торговлей, и въ Суэзѣ, 11) Коста—торговлей со странами, прилегающими къ Красному морю.

²⁾ Въ составѣ египетской полиціи въ Каирѣ и Александріи частью входятъ и иностранцы, и толь-

ведутъ болѣе или менѣе крупную отпускную и внутреннюю торговлю, а жидки ростовщичать, маклерствуютъ, рекомендуютъ дамъ полусвѣта и вообще, какъ всегда и вездѣ, занимаются мелкимъ и темнымъ «гешефтомъ». Нѣкоторые изъ русско-подданныхъ имѣютъ здѣсь процессы, но, вслѣдствіе судебной реформы, дѣла ихъ рѣшаются теперь въ смѣшанныхъ трибуналахъ безо всякаго участія консульствъ. Въ числѣ судей въ смѣшанныхъ судахъ находятся, по назначенію нашего правительства, трое русскихъ: г. Шпигельбергъ, председатель одного изъ гражданскихъ отдѣленій, и гг. Абаза и Фредериксъ. Смѣшанные трибуналы судятъ всѣ дѣла между египетскими подданными и иностранцами и между иностранцами различныхъ національностей; консульская же юрисдикція остается для дѣлъ между иностранцами, принадлежащими къ одной и той же національности.

Русская консульская часть въ Египтѣ, за исключеніемъ гг. Лекса и Свиларича, представлена слѣдующимъ персоналомъ: вице-консулы въ Каирѣ—Григорій д'Эліа, въ Даміетѣ—Улличи Бенедучи, въ Портъ-Саидѣ—Генрихъ Броннъ (германскій консулъ), въ Суэзѣ—Григорій-Никола Коста; агенты: въ Тантѣ—г. Кардахи, въ Мансурѣ—г. Бутари, въ Асиутѣ—Бутрошъ Фалтаусъ и въ Луксарѣ—Мустафа-ага. Всѣ они по-русски, разумѣется, ни въ зубъ толкнуть, но... надо же имѣть какихъ-нибудь агентовъ, тѣмъ болѣе, что, при всемъ ихъ несовершенствѣ и чуждости всему русскому, они все-таки приносятъ нѣкоторую пользу, какъ для торговли, такъ и въ оказаніи покровительства если и не странникамъ-богомольцамъ, то нѣкоторымъ интеллигентнымъ русскимъ путешественникамъ, каковыхъ ежегодно бываетъ довольно много въ Каирѣ и Верхнемъ Египтѣ. И. М. Лексъ говорилъ, что чувствуется надобность учредить вице-консульство въ Измаиліи, необходимое въ торговомъ отношеніи, и агентство въ Загазигѣ для торговли хлопкомъ; затѣмъ агентство въ Гире для путешественниковъ по Верхнему Египту, такъ какъ около Гире находятся развалины древняго Абидосскаго храма, и всѣ путешественники останавливаются тамъ для его осмотра; потомъ агентство въ Суакимѣ для торговли на Красномъ морѣ и съ Суданомъ и, наконецъ, агентство въ Масовѣ, для полученія торговыхъ и иныхъ свѣдѣній изъ христіанской и весьма сочувствующей намъ Абиссиніи. Всѣ главныя европейскія державы имѣютъ гораздо болѣе насъ агентовъ въ Египтѣ, и всѣ эти агенты,

разумеется, достаточно владѣютъ языкомъ той державы, которая удостоиваетъ ихъ такого почетнаго назначенія.

Замѣчено, что въ послѣдніе годы изъ иностранцевъ болѣе всего прибываютъ въ Египетъ греки, итальянцы и сирійцы, а французы, болгары, турки и армяне, напротивъ того, въ гораздо большемъ количествѣ оставляютъ Египетъ, чѣмъ прибываютъ въ него. Арабъ вообще терпитъ европейца, потому что этотъ послѣдній даетъ ему порядочный заработокъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ любилъ европейца и не былъ бы готовъ свернуть ему шею, еслибы только это не представляло опасности. Больше всего претятъ египтянамъ европейцы, состоящіе у нихъ на государственной службѣ, и дѣйствительно, министерство финансовъ, напримѣръ, окончательно заполонено ими; въ смѣшанныхъ трибуналахъ ихъ на двѣ трети болѣе, чѣмъ туземцевъ; въ военномъ министерствѣ тоже, но тутъ они гнѣзятся болѣе въ администраціи и въ канцеляріи, чѣмъ во фронтѣ. За то управленіе желѣзныхъ дорогъ, министерство публичныхъ работъ, министерство народнаго просвѣщенія, почтовое вѣдомство, управленіе портовъ, управленіе государственнаго общества пароходства *Хедивіе*, всѣ эти учрежденія переполнены европейцами, преимущественно англичанами. По замѣчанію И. М. Лекса, настоящее управленіе края быть можетъ и нѣсколько честнѣе стараго, но между служащими иностранцами бросается въ глаза отсутствіе практическихъ знаній и незнакомство со страной, которой они взялись управлять. Болѣе всего мѣшаетъ и имъ самимъ, и ихъ служебному дѣлу незнаніе мѣстнаго языка. Населеніе не только мусульманское, но и христіанское, даже иностранное, смотритъ на всѣ послѣднія реформы весьма недружелюбно, такъ какъ изъ-за нихъ множество турокъ, арабовъ и коптовъ лишились своихъ мѣстъ и теперь голодаютъ; мѣстный же иностранный элементъ недоволенъ реформами, потому что центральное правительство, у котораго онъ вообще не пользуется довѣріемъ, предпочло вызывать на административныя мѣста иностранцевъ изъ Европы, за что и платитъ имъ бѣшенныя деньги. Впрочемъ, для мѣстныхъ иностранцевъ кромѣ биржи никакихъ въ сущности интересовъ не существуетъ, и если они дуются на правительство за его реформы, такъ это единственно потому, что не въ ихъ карманы перенападаютъ тѣ крупныя куши, какими оплачиваются реформированныя должности.

Изъ мѣстныхъ элементовъ расположеніе къ Россіи болѣе всѣхъ выказываютъ православные армяне и православные арабы, копты, абиссинцы и *бѣдные* греки; симпатіи къ Франціи питаютъ, по старой памяти, сирійцы-католики, армяне-уніаты, отчасти греки и уніаты арабы. Чтò до Англіи, то расположеніе къ ней замѣчается только между *богатыми* греками и еврей-

ко въ этихъ двухъ городахъ она можетъ назваться посредственной; въ другихъ же городахъ полиція вообще плоха, а въ провинціяхъ почти не существуетъ. Поэтому здѣсь очень развиты мелкія кражи; разбой тоже бываетъ, но рѣдко, болѣе вслѣдствіе трусоватаго характера арабовъ.

ми. Средній и маленькій еврей сочувствует Австріи за ея покровительство ему; турки же въ отношеніи какъ насъ, такъ и Англіи съ Франціей, держатъ себя безразлично и, наученные горькимъ опытомъ, никому, кажется, больше не вѣрятъ, даже собственному правительству, какъ египетскому, такъ и стамбульскому.

Что касается нашей торговли съ Египтомъ, то она для насъ гораздо менѣе выгодна чѣмъ для Египта, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Въ пятилѣтній періодъ, съ 1874 по 1878 включительно, изъ Россіи привезено въ Египетъ на сумму 26.745.009 египетскихъ піастровъ ¹⁾, а вывезено изъ Египта въ Россію за тотъ же періодъ времени на сумму 235.992.529 піастровъ. Стало быть разница въ пользу Египта 209.247.520 піастровъ; а переводя это на металлическіе рубли, получимъ вотъ что: ввозъ на 1.671.813 руб., вывозъ на 14.749.533 руб., разница въ пользу Египта 13.077.970 руб., то-есть сверхъ нашихъ товаровъ мы еще приплачиваемъ Египту болѣе чѣмъ въ 7½ разъ противъ ихъ стоимости. Вывозъ въ Россію увеличился преимущественно въ послѣдніе годы, потому что хлопокъ, который мы прежде покупали въ Англіи, идетъ теперь прямо въ Россію чрезъ Одессу или Триестъ.

Такимъ образомъ, покупая этотъ продуктъ почти изъ первыхъ рукъ, мы имѣемъ на немъ ту выгоду, что не переплачиваемъ лишнихъ денегъ англійскимъ посредникамъ, но все же разница между нашимъ ввозомъ и вывозомъ слишкомъ еще велика, а между тѣмъ она могла бы быть хотя и не совсѣмъ уравнивлена, то все же значительно понижена, еслибы мы расширили кругъ предметовъ нашего ввоза, что вполне возможно ²⁾. Вся торговля между Егип-

томъ и Россіей производится на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли и на иностранныхъ: австрійскаго «Ллойда», французской «Messagerie Maritime» и наконецъ на частныхъ торговыхъ судахъ подъ иностранными флагами, такъ какъ собственно русскихъ коммерческихъ судовъ, кромѣ принадлежащихъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли, въ послѣдніе годы въ египетскихъ портахъ вовсе не видно, тогда какъ до 1870 года въ Александрійскій портъ и въ Портъ-Саидъ довольно часто приходили наши финляндскія суда, съ грузомъ англійскаго угля. Но въ послѣдніе годы паръ совершенно вытѣснилъ въ Средиземномъ морѣ парусъ, почему и наши парусныя суда въ Египетъ болѣе не приходятъ. Во внѣшней торговлѣ съ Египтомъ Англіи одной принадлежитъ почти 70%, потомъ идутъ Франція, Австрія, Италія, Германия, Россія, Соединенные Штаты, Индія, Японія, Греція и др. Въ 1874 году мы занимали шестое мѣсто во внѣшней торговлѣ Египта; въ 1878 заняли уже третье мѣсто, вслѣдъ за Англіей и Франціей, а съ 1879 года второе; по ввозной же торговлѣ пока все еще продолжаетъ занимать только восьмое мѣсто, а вышеприведенныя данныя, кажется, достаточно убѣдительно говорятъ, что въ этомъ отношеніи порамъ стать на болѣе высокій нумеръ, такъ какъ въ выборѣ предметовъ нашего ввоза есть къ тому полная возможность.

15-го іюля

Въ десять часовъ утра побѣжали мы осматривать «Махрусу», яхту хедива, и для этой цѣли прибыли сначала въ зданіе морскаго египетскаго управленія, находящееся въ портѣ, на берегу Западнаго рейда. Морской министръ

¹⁾ Египетскій піастръ составляетъ немного болѣе 25 сантимовъ.

²⁾ Для наглядности привожу перечень нашихъ ввозныхъ и вывозимыхъ товаровъ:

а) Товары ввозимые изъ Россіи въ Египетъ:

1) *Пшеница* въ 1874 году на сумму 5.213.550 египетскихъ піастровъ, а въ 1878 году на 6.912.450 египетскихъ піастровъ, ввозится преимущественно для французскаго общества паровыхъ мельницъ въ Александрію и Каиръ.

2) *Мука* въ 1876 году на 5.453.885 египетскихъ піастровъ; въ 1878 году на 192.070 египетскихъ піастровъ. Вывозъ муки изъ Россіи уменьшается потому, что предпочитаютъ вывозить ее изъ Австріи.

3) *Сало* въ 1874 году на 2.433 египетскихъ піастровъ; въ 1878 году на 9.955 египетскихъ піастровъ. Вывозъ сала изъ Россіи могъ бы быть сильно увеличенъ, такъ какъ въ Египтѣ въ немъ очень нуждаются, и изъ одной Англіи его вывозится сюда на 1.500.000 египетскихъ піастровъ.

4) *Маисъ* въ 1878 году на 95.190 егип. піастр.

5) *Ячмень* въ 1878 году на 64.765 егип. піастр.

6) *Икра*, преимущественно, и нѣкоторыя съѣдобныя продукты въ 1878 году на 4.952 егип. піастр. Кромѣ этихъ произведеній, могли бы быть ввезены изъ Россіи:

1) *Животныя* (лошади, быки, коровы). Съ 1864 по 1870 годъ вывозъ этотъ былъ очень силенъ, но затѣмъ сталъ значительно уменьшаться, а съ 1876 года и совершенно прекратился. Причина предполагается та, что караманійскіе и корфіотскіе быки дешевле нашихъ; наконецъ эпизоотія въ Египтѣ въ послѣдніе годы прекратилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ сильно уменьшилась и потребность въ иностранныхъ быкахъ и лошадахъ.

2) *Янтаръ* прежде вывозился изъ Россіи, но теперь предпочитаютъ австрійскій и итальянскій.

3) *Масло* (коровье) нынѣ вывозится изъ Италіи, Австріи и Франціи, но, по мнѣнію И. М. Лекса, наше, такъ-называемое, сибирское масло могло бы найти хорошій сбытъ на египетскихъ рынкахъ.

4) *Дерево*, прежде вывозилось изъ Россіи; такъ, въ 1874 году было ввезено сюда нами дерева на 1.215.124 египет. піастр.; въ 1876 году на 137.168 егип. піастр.; теперь же ввозъ совсѣмъ прекратился, и дерево вывозить стали изъ Австріи, Швеціи, Норвегіи и Италіи.

5) *Каменный уголь* преимущественно вывозится сюда изъ Англіи, но мы могли бы конкурировать съ англичанами нашимъ донецкимъ углемъ.

6) *Веревки* вывозятся преимущественно изъ Италіи и Австріи, но могли бы съ успѣхомъ вы

встрѣтил нашего адмирала у подѣзда управленія и предложилъ ему своего адъютанта въ качествѣ проводника. У пристани ожидали насъ два военныхъ катера, подѣ тентами, усталые на кормахъ богатыми коврами. Размѣстились мы въ нихъ и поплыли по заштилѣвшимъ водамъ рейда. Оригинальна манера гребли у египетскихъ военныхъ матросовъ: взглядывая другъ на друга, они всѣ, въ разѣ дѣлаютъ плавный медленный гребокъ и затѣмъ «сушатъ весла», выравнивая ихъ какъ по стрункѣ въ слегка приподнятомъ положеніи, между каждымъ гребкомъ проходитъ шесть или семь секундъ времени, когда катеръ

возится изъ Россіи, такъ какъ по качеству наши считаются лучшими.

7) *Мѣдныя издѣлія* пробовали вывозить изъ Россіи, но перестали, кромѣ самоваровъ, такъ какъ у насъ не приноравливаются ко вкусу арабовъ, и теперь всѣ мѣдныя издѣлія ввозятся сюда изъ Англіи.

8) *Желѣзо* прежде вывозили изъ Россіи, но съ 1875 года перестали, и теперь оно ввозится преимущественно изъ Англіи.

9) *Льняное сѣмя* идетъ сюда преимущественно изъ Англіи. Прежде вывозили его частью и изъ Россіи, но съ 1875 года почему-то перестали; между тѣмъ оно требуется въ Египтѣ въ большомъ количествѣ.

10) *Котонады* вывозятся преимущественно изъ Англіи. Въ 1874 году пробовали было привозить изъ Россіи, но неудачно, такъ какъ нашъ товаръ этого рода былъ слишкомъ дорогъ и не приноравленъ ко вкусу арабовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что при нѣкоторомъ пониженіи цѣны да при угодѣ мѣстному вкусу, наши, напримѣръ, Морозовскія издѣлія съ большимъ успѣхомъ могли бы конкурировать съ англійскими.

11) *Холстъ* вовсе не вывозятъ изъ Россіи, но могли бы, въ особенности грубыхъ сортовъ, годныхъ на паруса.

12) *Кожи* съ 1874 года перестали вывозить отъ насъ, а между тѣмъ требованіе на нихъ велико, и въ настоящее время весьма много кожъ вывозится изъ Греціи, вслѣдствіе ихъ дешевизны.

13) *Петроль* вывозится преимущественно изъ Америки; но наша нефть, безъ сомнѣнія, могла бы не только конкурировать съ американскимъ петролемъ, а и вовсе вытѣснить его съ рынка.

14) *Шелкъ* пробовали вывезти изъ Россіи въ 1875 году на 48.000 егип. піастр., но затѣмъ почему-то вдругъ перестали.

15) *Сахаръ* попробовали было ввозить отъ насъ въ 1874 году, но онъ не можетъ конкурировать съ дешевой мѣстной сахаромъ, хотя по обработкѣ несравненно лучше послѣдняго.

16) *Котры* пробовали вывезти съ Кавказа въ 1875 году на сумму 35.065 егип. піастр., но потомъ почему-то перестали.

Кромѣ всѣхъ этихъ произведеній, могли бы съ успѣхомъ вывозить изъ Россіи: деготь, свѣчи (ихъ ввозится въ Египетъ на 6.000.000 егип. піастр., преимущественно изъ Франціи), прессованное сѣно, прессованную солому, соленую и копченую рыбу, балыки, золотую и серебряную бить для вышивокъ.

6) Товары вывозимые изъ Египта въ Россію:
1) *Хлопокъ* въ 1874 году на 16.007.269 егип. піастр.; въ 1875 году на 28.819.736 егип. піастр.; въ 1876 году на 73.411.113 егип. піастр.; въ 1877 году на 30.144.732 егип. піастр. (вывозъ 1877 года уменьшился по случаю войны нашей

скользитъ по водѣ самъ собою, словно птица парящая съ неподвижно распростертыми крыльями. Эта манера гребли называется здѣсь «парадною» и употребляется только для оказанія военно-морской почести. Пристали къ правому борту яхты, которая представляетъ самое большое судно египетскаго флота; оно достаточно красиво въ общемъ своемъ видѣ, хотя и нѣсколько широко въ поперечномъ разрѣзѣ. На верхней палубѣ встрѣтили нашего адмирала командиръ судна, контръ-адмиралъ Гаммъ-паша, и взводъ почетнаго караула съ военно-морскимъ оркестромъ. Люди были одѣты въ бѣлыя матроски съ широкими отлож-

съ Турціей); въ 1878 году на 91.802.831 егип. піастр. Въ 1879 году точная цифра вывоза хлопка въ Россію еще не была извѣстна нашему консульству, но она сравнительно съ прежними весьма повысилась, и увеличеніе это произошло оттого, что съ ноября 1879 года пароходы нашего Общества Пароходства и Торговли начали совершать прямые ежедневные рейсы между Одессой и Александріей.

2) *Финики* въ 1874 году на 98.031 егип. піастр., а въ 1879 году на 252.659 егип. піастр.

3) *Сахаръ* въ 1878 году на 7.611 егип. піастр.

4) *Свиное* и *чинокъ* (старый) въ 1878 году на 3.742 егип. піастр.

5) Прочіе товары въ 1878 году на 44.983 егип. піастр.

Кромѣ этихъ произведеній могли бы быть вывозимы изъ Египта въ Россію:

1) *Гумми-арабикъ*: тальшъ, савакимъ и собственно аравійскій, вывозимые нынѣ въ большомъ количествѣ въ Англію, и попадающіе къ намъ уже изъ Англіи.

2) *Кофе*, котораго въ 1876 году было вывезено на 11.000 егип. піастр., но потомъ перестали. Лучшій кофе изъ Йемена, но онъ мѣшается въ Египтѣ съ абиссинскимъ и уже въ этомъ видѣ идетъ въ Европу, преимущественно въ Турцію и Англію, а оттуда частью въ Россію.

3) *Слоновая кость* идетъ къ намъ вся черезъ Англію.

4) *Бобы* пробовали вывозить въ 1874 году на 53.073 егип. піастр.

5) *Фрукты и зелень* прежде вывозили, но съ 1877 года перестали.

6) *Страусовыя перья* идутъ въ Россію черезъ Англію, а могли бы вывозиться съ мѣста.

7) *Ладанъ*, продуктъ Сенаара, продается собственно на Каирскомъ рынкѣ и почти сполна идетъ въ Англію, откуда, между прочимъ, попадаетъ и въ Россію, между тѣмъ какъ, для удовлетворенія своихъ церковныхъ потребностей, мы могли бы закупать его въ Каирѣ сами.

8) *Сенъ*—аптекарское растеніе, натръ, опиумъ, тамарискъ, шафранъ, черепаховая кость, перламутръ и пр.

Порты ввоза и вывоза для Россіи суть преимущественно Александрія и отчасти Портъ-Саидъ. Таможенные пошлины со ввозимыхъ въ Египетъ товаровъ взимаются, какъ и во всей Турціи, по 8%, съ вычетомъ изъ оныхъ 10%, что составляетъ 7 1/5%. Отѣнка товаровъ дѣлается по цифрѣ фактуръ, представляемыхъ въ таможену, согласно съ настоящей цѣнностью товара; но въ случаѣ протеста со стороны торговца, онъ можетъ уплатить пошлину натурой или потребовать переоцѣнки товара комиссіей арбитровъ.

Товары, вывозимые изъ Египта, платятъ 1% съ ихъ цѣнности.

ными воротниками алаго цвѣта и въ алыхъ фескахъ, а на начальникъ караула красовался расшитый шнурами и позументами жакетъ, скорѣе кавалерійскаго чѣмъ морского характера. Все судно глядитъ щеголевато и устроено очень комфортабельно. На верхней палубѣ разставлено нѣсколько салютаціонныхъ орудій, но болѣе серьезной артиллеріи «Махруса» на себѣ не носить. На стѣнкахъ, подъ мостикомъ и въ корридорахъ составлены очень красивые арматурные медальоны изъ ружей, магазинковъ, кортиковъ, палашей и интерпелей. Но верхъ роскоши представляетъ собою вторая палуба, гдѣ находится помѣщеніе самого хедива, его салонъ, столовая, уборная, кабинетъ, спальня и ванная. Видно, что Исмаилъ-паша, строившій «Махрусу», между прочимъ, для пріема императрицы Евгеніи, не жалѣя убилъ въ нее сумасшедшія деньги. Гаремный отдѣлъ еще роскошнѣе; здѣсь вы встрѣчаете на драпировкахъ изумительныя ткани, созданныя по особымъ рисункамъ исключительно для «Махрусы», гоблены, бронзы, мозаики изъ рѣдкихъ сортовъ дерева, инкрустаціи изъ золота, серебра, перламутра, черепахи и слоновой кости, севры и саксы, словомъ все, что только могло придумать самое тонкое искусство современной индустріи въ соединеніи съ изящнымъ вкусомъ и роскошью, не знающей мѣры деньгамъ. Никакой Клеопатрѣ, конечно, и не снились такія триремы, какъ эта «Махруса», съ такими «храмами сладострастія», какъ эти гаремные будуары. Кухня хедива, помѣщенія для его свиты, каютъ-компанія для судовыхъ офицеровъ, командирская рубка, жилая палуба для команды, машинное отдѣленіе, все это не только комфортабельно, но изысканно роскошно. Не забыты изящной отдѣлкой даже стойла для хедивскихъ лошадей. Пока мы осматривали и любовались, переходя изъ одного помѣщенія въ другое, оркестръ на верхней палубѣ не переставая наигрывалъ арабскія мелодіи, которыя мнѣ очень понравились своей оригинальностью: въ нихъ есть что-то порывистое, щемящее грустью и какая-то лихорадочная нервность. Осмотръ окончился командирской рубкой, гдѣ намъ предложили угощеніе разными сластями и кофе, а Гамиль-паша въ это время, при помощи нашего переводчика Менотто, сообщалъ адмиралу разныя свѣдѣнія о египетскомъ флотѣ. Впрочемъ, тѣ же самыя свѣдѣнія, только гораздо полнѣе, получили мы еще ранѣе отъ нашего консула.

На основаніи фирмана Порты, Египетское правительство не имѣетъ права владѣть броненосными судами. Во избѣжаніе увеличенія бюджета, здѣшнее морское министерство держитъ въ плаваніи только мелкія суда, стоящія въ разныхъ портахъ Краснаго моря, что конечно не требуетъ большихъ расходовъ. Болѣе крупныя суда, сваряженіе конхъ въ

плаваніе обошлось бы дорого, стоять на половину только вооруженныя на Александрійскомъ рейдѣ, и на нихъ находится лишь самое необходимое число команды собственно для поддержанія на судахъ чистоты и порядка. По бюджету морского министерства на 1880 годъ, было опредѣлено число всѣхъ военно-судовыхъ командъ въ размѣрѣ 25% полного комплекта, такъ что въ случаѣ надобности пришлось бы дополнять ихъ новобранцами. Вся численность морскихъ командъ при комплектѣ доведена здѣсь до 3.152 человѣкъ; въ настоящее время, при сокращенномъ бюджетѣ, считается налицо всего 800 человѣкъ.

Для образованія рулевыхъ, комендоровъ, машинистовъ и пр. нѣтъ никакихъ учреждений. Всѣ они, такъ же, какъ и унтеръ-офицеры, вырабатываются временемъ и службой на судахъ военныхъ и на пароходахъ общества «Хедивіе»; въ кочегары же и машинисты берутся преимущественно иностранцы. Образование морскихъ офицеровъ предоставлено также на произволъ судьбы. Морскаго училища не имѣется, учебныхъ судовъ тоже. Нѣкоторые офицеры получаютъ образованіе въ Англіи и Франціи, но большинство приобрѣло себѣ офицерскій чинъ, обладая лишь самой слабой подготовкой. Кораблестроеніе здѣсь неизвѣстно, такъ какъ всѣ суда, даже самыя мелкія, строятся въ Англіи и Франціи и исправляются тамъ же. Хотя имѣется хорошій пловучій докъ, приведенный изъ Англіи, но онъ служитъ только для очистки и окраски подводныхъ частей судовъ и для самыхъ мелкихъ исправленій. Впрочемъ, размѣры этого дока таковы, что онъ поднимаетъ «Махрусу». Египетскій военный флотъ состоитъ изъ десяти судовъ разнаго размѣра, на нихъ общее число орудій—132, различныхъ системъ. Общая вмѣстимость судовъ равняется 12.645 тоннамъ; самое большое судно имѣетъ 3.924 тонны, а самое мелкое 288 тоннъ.

По возвращеніи домой, нашъ адмиралъ съ супругой и всѣ лица его штаба получили приглашеніе на завтрашній день на обѣдъ къ хедиву. Приглашеніе это сообщено адмиралу чрезъ церемоніймейстера Тонинно-бея.

16-го іюля.

Желая видѣть строевыя занятія здѣшнихъ войскъ, я отпраивлся рано утромъ на восточную окраину города къ казармамъ пѣхотнаго полка, находящимся непосредственно у сухопутныхъ городскихъ верковъ. Батареи этихъ верковъ, скажу мимоходомъ, вооружены весьма плохо: старинныя чугуныя пушки, конечно, не представляютъ ни малѣйшаго сопротивленія противнику, вооруженному нарѣзной дальнѣйшей артиллеріей. Тѣмъ не менѣе, военное министерство, кажется, разсчитываетъ на ихъ защиту, потому что иначе не зачѣмъ было бы

обучать на этихъ орудіяхъ артиллерійскую при-
слугу боевымъ приемамъ, по всемъ правиламъ
отжившаго устава. На плацу я засталъ уже
пѣхотный батальонъ, выведенный на ученье.
Видъ чернолицаго строя въ красныхъ фескахъ,
одѣтаго въ бѣлыя куртки и широкія панталоны
съ гамашами, былъ красивъ и на первый
взглядъ производилъ дѣйствительно «военное»
впечатлѣніе, но, приглядѣвшись къ нему побли-
же, пришлось нѣсколько разочароваться. На-
родъ молодой, но жидкій и не столько рослый,
сколько долговязый; выправка неудовлетвори-
тельна, и люди глядять какъ-то сутуловато,
отъ арабской привычки гнуть напередъ шею;
во фронтѣ мало тишины: послѣ команды
«смирно» въ рядахъ все-таки продолжаютъ
кое-гдѣ перекидываться неоконченными разго-
ворами; унтеръ-офицеры дѣлаютъ поправки и
замѣчанія слишкомъ громко, и рядовой не-
рѣдко возражаетъ на обращенное къ нему за-
мѣчаніе унтера; иной солдатъ почешется, дру-
гой поправитъ на себѣ сумку или феску, а
обучающіе офицеры, повидимому, пропускаютъ
все это безъ малѣйшаго вниманія и продол-
жаютъ себѣ покуривать папироски. Судя по
тому что я видѣлъ, мнѣ кажется строевыя за-
нятія идутъ здѣсь спустя рукава, и хотя обу-
ченіе ведется по прусскому уставу, но я ду-
маю, что любой бранденбургскій фельдфебель
пришелъ бы въ ужасъ, увидавъ такую профа-
націю своей «строевой святыни». Впрочемъ,
корпусъ офицеровъ здѣсь очень плохъ: субал-
терны изъ туземцевъ не имѣютъ почти ника-
кого военно-образовательнаго ценза и производ-
ятся въ офицерскій чинъ, въ наилучшемъ
случаѣ, за усердіе къ дѣлу службы, исполни-
тельность и расторопность или же за безнорочную
выслугу въ унтеръ-офицерскихъ должностяхъ
извѣстнаго числа лѣтъ, а въ большинствѣ слу-
чаевъ просто по протекціи того или другого
паши, которые нерѣдко выводятъ въ офицеры
даже своихъ конюховъ и лакеевъ. Командир-
скія же должности заняты преимущественно
всякимъ сбродомъ изъ европейскихъ авантю-
ристовъ. Здѣсь найдете вы англичанъ, австрі-
йцевъ, французовъ и итальянцевъ, по большей
части вышвырнутыхъ за бортъ изъ армій
своего отечества. Это господа, *viveurs* по
преимуществу, любятъ «жуировать» жизнью и
заботятся не столько о своемъ прямомъ дѣлѣ,
сколько объ «урываніи лишннихъ кусковъ»,
благо Измаилъ-паша не скупился для нихъ на
подачки. Военная школа въ Каирѣ, гдѣ про-
фессорствуютъ европейцы, въ особенности же
американцы и нѣмцы, только въ послѣднее
время начала выпускать въ ряды египетской
арміи молодыхъ офицеровъ со сколько-нибудь
сноснымъ военнымъ образованіемъ, и надо ду-
мать, что со временемъ они поставятъ обуче-
ніе и дисциплину своихъ войскъ на надлежа-
щую ногу. Египетскія регулярныя войска со-

стоятъ изъ восемнадцати полковъ пѣхоты, че-
тырехъ стрѣлковыхъ батальоновъ, четырехъ
полковъ кавалеріи, четырехъ полковъ артил-
леріи, десяти ротъ негровъ и двухъ эскадръ
небунновъ на дромадерахъ. Все это въ
общей сложности составляетъ около 18.000
человѣкъ, но въ мирное время, ради сокра-
щенія бюджета, едва достигаетъ до 15.000.
Кромѣ того, имѣются кадры еще на 30.000
человѣкъ и войска нерегулярныя. Въ составъ
сихъ послѣднихъ входятъ арабскіе конные
контингенты пустыни до 50.000 человѣкъ и
5.000 человѣкъ пѣхоты, выставляемой Суда-
номъ.

Египетскій регулярный пѣхотный полкъ
дѣлится на четыре батальона, каждый ба-
тальонъ, на восемь ротъ, въ каждой ро-
тѣ 80 человѣкъ въ мирное и 100 чело-
вѣкъ въ военное время; но этотъ составъ
существуетъ только на бумагѣ, а въ дѣйстви-
тельности онъ вътрое менше. Военная служба
съ конца 70-хъ годовъ сдѣлалась обязательной
для всехъ египетскихъ подданныхъ, не исклю-
чая христіанъ и евреевъ; но въ ней допу-
скается замѣстительство, вслѣдствіе чего ря-
ды пополняются исключительно бѣдными клас-
сами населенія. Сверхъ того, въ силу ста-
ринныхъ привилегій, дарованныхъ еще султа-
нами, населеніе Каира и Александріи вовсе
не привлекается къ военной службѣ. Каждая
провинція должна поставлять извѣстное число
новобранцевъ, наборъ коихъ исполнѣ предостав-
ляется усмотрѣнію мѣстныхъ гражданскихъ
властей, обязанныхъ во что бы то ни стало,
поставить требуемую цифру. Срокъ службы
двѣнадцатилѣтній, причѣмъ на дѣйстви-
тельной службѣ полагается пробывать пять лѣтъ
и въ запасѣ семь лѣтъ; но въ мирное время
солдаты обыкновенно зачисляются въ запасъ
послѣ трехъ лѣтъ службы. Пѣхота вооружена
Ремингтоновскими ружьями, а полевая артил-
лерія орудіями Крупна. Обмундированіе и сна-
ряженіе войскъ не уступаютъ европейскимъ,
и какъ содержаніе, такъ и всѣ предметы до-
вольствія выдаются всемъ чинамъ исправно.
Обученіе первоначально производилось по фран-
цузскимъ строевымъ уставамъ, но съ 1871 года
предпочтенъ уставъ прусскій.

4-го апрѣля 1877 года между Англіей и
Египтомъ былъ заключенъ договоръ, имѣвшій
цѣлью уничтожить торговлю невольниками и
тѣмъ самымъ дававшій англичанамъ косвен-
ный, но довольно растяжимый предлогъ ко
вмѣшательству во внутреннія дѣла Египта.
Вскорѣ по заключеніи этого договора, по тре-
бованію англичанъ, былъ сформированъ осо-
бый полкъ баші-бузукъовъ, предназначенный
исключительно для прекращенія торговли не-
вольниками. Командиромъ сего полка назна-
ченъ былъ итальянскій подданный графъ
Сала, а его помощникомъ — австрійскій пол-

ковникъ Турнейзенъ. Районъ дѣйствій башибузуковъ графа Сала простирается отъ Кавра вверхъ по Нилу до Ассуана, главная квартира въ Ассиаутѣ. Постоми сего полка заняты всѣ дороги, ведущія изъ Дарфура въ Египетъ, именно оазисы въ Ливійской пустынѣ, и путь ведущій чрезъ Синахъ въ Триполи. Башибузуки дѣлаютъ свое дѣло исправно: арестуютъ невольничьи караваны, освобождаютъ невольниковъ изъ колодокъ и доставляютъ ихъ въ Ассутъ къ графу Сала, который въ тѣ же время состоитъ и главнымъ директоромъ Освободительнаго Агентства. Освобождаемые невольники отправляются подъ конвоемъ башибузуковъ въ Каиръ и тамъ уже «отпускаются на свободу», то-есть раздѣляются между нашими и беями, которые въ свою очередь раздариваютъ ихъ своимъ подчиненнымъ, а тѣ продаютъ ихъ за деньги либо частнымъ лицамъ, по знакомству, либо тайнымъ скушникамъ «живаго товара», который изъ Египта выпускается уже свободно въ предѣлы Аравіи или на суда, ведущія тайную торговлю невольниками въ Персидскомъ заливѣ. Дѣлается все это въ силу того же освободительнаго Англо-Египетскаго трактата, въ одной изъ статей коего поставлена на видъ невозможность, будто бы, отсылать невольниковъ обратно на ихъ родину,—именно третья статья сего трактата гласитъ, что «въ виду невозможности отсылать невольниковъ обратно по домамъ, допускается *дарить ихъ*». Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ—конфисковать контрабанду для того, чтобы раздарить ее своимъ знакомымъ, или самому продать, а при случаѣ, съ выгодой. Дипломатовъ Виконсфильдовской школы менѣе всего можно обвинять въ недостаткѣ предусмотрительности и, стало-быть, вводя въ трактатъ такую статью, они не могли не предвидѣть, что «освобожденіе» въ этомъ случаѣ будетъ только перемѣной формы рабства. Но для чего имъ понадобилось все это фарисейское лицемеріе—Господь ихъ знаетъ! Развѣ для того, чтобы дѣйствительно приобрести лишній поводъ вышательства во внутреннія дѣла Египта.

Возвращаясь съ учебнаго плаца, на большой улицѣ встрѣтилъ я хедива, въ колыскѣ эскортируемой нѣсколькими кавалеристами. Она подкатила къ подъѣзду школы *Измаиліе*, и хедивъ, прыгнувъ на землю, быстро скрылся въ распахнутыхъ дверяхъ. Онъ пріѣхалъ одинъ, безъ генераль- и флигель-адъютантовъ, и не въ форменномъ костюмѣ, а просто въ европейскомъ черномъ сюртукѣ и вишневоѣ фескѣ, безо всякихъ вышнихъ знаковъ отличія. Я съ моимъ гидомъ зашелъ узнать по какому случаю пріѣхалъ хедивъ въ школу. Оказывается, экзамены.

— Можно войти?

— Сколько угодно, экзамены производятся публично.

Мы тихо вошли и скромно сѣли на задней скамейкѣ за учениками. Хедива очевидно здѣсь не ждали, потому что ни министра народнаго просвѣщенія, ни кого-либо изъ начальствующихъ лицъ, кромѣ экзаменаціонной комиссіи, на-лицо не оказалось. Министръ прибылъ уже нѣсколько поздне, въ полной парадной формѣ. Безъ сомнѣнія, ему сію же минуточку дали знать о пріѣздѣ хедива, и онъ поспѣшилъ сюда въ видимо переполошенномъ состояніи духа. Вслѣдъ за министромъ появились и еще какія-то почетныя и начальственные лица въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и во всѣхъ регаліяхъ. Хедивъ между тѣмъ сидѣлъ со сложенными на груди руками, откинувшись на спинку кресла, рядомъ съ председателемъ экзаменаціонной комиссіи, и съ благодушной терпѣливостью выслушивалъ учениковъ, изрѣдка кивая головой и привѣтливо улыбаясь на болѣе удачныя и бойкіе отвѣты. Иногда онъ и самъ предлагалъ ученику какой-нибудь вопросъ, и когда тотъ нѣсколько конфузился, то хедивъ видимо старался ободрить и поощрить его своимъ простымъ привѣтливымъ обращеніемъ и благосклонною улыбкой. Онъ провелъ здѣсь болѣе часа, и когда поднялся съ мѣста, чтобы выйти изъ залы, то вслѣдъ за нимъ хлынула вся толпа учениковъ и экзаменаторовъ, начальство школы и почетныя лица съ министромъ. Объявленъ былъ перерывъ экзамена до четырехъ часовъ пополудни, и черезъ пять минутъ по отъѣздѣ хедива шумная школа почти совсѣмъ опустѣла. Въ залѣ осталось только три-четыре ученика, сосредоточенно углубившіеся въ свои книжки. Вслѣдъ за другими направился-было къ выходу и я, какъ вдругъ на площадкѣ парадной лѣстницы ко мнѣ подошелъ европейскій педагогъ—какъ оказалось потомъ, инспекторъ заведенія,—и любезно осведомился: не иностранецъ ли я пріѣзжій. Узнавъ, что я русскій и что привелъ меня въ эту школу интересъ къ дѣлу египетскаго просвѣщенія, онъ еще любезнѣе предложилъ мнѣ осмотрѣть все заведеніе и самъ повелъ меня по классамъ и кабинетамъ. Школа *Измаиліе* помѣщается въ хорошемъ, просторномъ каменномъ зданіи, устроенномъ соотвѣтственно всѣмъ требованіямъ современной педагогики и гигиены, и организована во всѣхъ отношеніяхъ по-европейски, въ типѣ, всѣмъ намъ болѣе или менѣе знакомомъ, а потому много распространяться о ней я не стану. Скажу только, что учебными пособиями снабжена она прекрасно, и завѣдываніе въ ней учебной частью отдано въ руки европейскихъ педагоговъ. Но здѣсь, полагаю, кстаги будетъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о состояніи народнаго просвѣщенія въ Египтѣ, свѣдѣній которыми я обязанъ все тому же И. М. Лексу.

Хотя уровень образованія въ туземномъ населеніи и несравненно ниже чѣмъ въ Европѣ, но изъ всѣхъ странъ востока Египетъ все же занимаетъ первое мѣсто по степени образованія, въ коемъ онъ сдѣлалъ большіе успѣхи, особенно въ послѣднее время.

Первымъ насадителемъ общественнаго образованія въ Египтѣ былъ Мехмедъ-Али, дѣдъ нынѣшняго хедива, но правильное устройство получило оно только во время управленія Измаиль-паши, который переформировалъ старыя школы и устроилъ множество новыхъ на современныхъ началахъ. Въ настоящее время общественное образованіе распространено по всему Египту, но болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе школы при мечетяхъ въ Тантѣ и Александріи, а также знаменитая школа *Эль-Азхаръ* въ Каирѣ, гдѣ въ иные годы число студентовъ доходило до десяти тысячъ человѣкъ. Кромѣ этихъ трехъ, не менѣе заслуживаютъ вниманія женскія школы *Суфіе* и *Керабіе*; школа *Хедивіе* для слѣпыхъ и муниципальныя школы въ Каирѣ, Александріи, Розеттѣ, Бейхѣ, Тантѣ, Бени-Суэфѣ, Ассіутѣ и пр.

Изъ числа гражданскихъ школъ Каира и Александріи на иждивеніи правительства содержатся: политехническая школа, школа счетоводства и межеванія, школа правовѣдѣнія, приготовительное училище, школа искусствъ и ремеселъ, медицинское и фармацевтическое училище, начальная школа, училище иностранныхъ языковъ и школа акушеровъ (какъ видите и здѣсь не безъ нихъ!).

Въ 1878 году первоначальныхъ школъ во всемъ Египтѣ насчитывалось 5.370 и въ нихъ 137.545 учащихся. По числу жителей, одна школа приходится на 1.026 человѣкъ, а учениковъ на 100 человѣкъ=2,49.

Чтобы показать движеніе образованія во время управленія Измаиль-паши, не лишнимъ будетъ упомянуть, что въ 1872 году во всемъ Египтѣ насчитывалось только 2.696 первоначальныхъ школъ съ 82.256 учениками; стало-быть за пять слѣдующихъ лѣтъ прибавилось 2.674 школы и 55.289 учащихся.

Первоначальныя школы здѣсь двухъ родовъ: въ однихъ, которыя составляютъ большинство или преобладающій типъ, учатъ читать и писать по арабски, арабской грамматикѣ, арабской каллиграфіи, турецкому языку и арифметикѣ; въ другихъ же, сверхъ этихъ предметовъ, преподаютъ еще французскій или англійскій языкъ, европейскую каллиграфію, географію и исторію. Въ муниципальных школахъ образованіе дается уже въ большихъ размѣрахъ; тамъ преподаютъ арабскую грамматику и каллиграфію, турецкій, французскій и англійскій языки, арифметику, алгебру, геометрію, географію, исторію, рисованіе и черченіе, Коранъ и его толкованія. Этихъ школъ

всего только двадцать четыре, а именно: въ Каирѣ семнадцать, въ Александріи двѣ и въ остальныхъ провинціяхъ пять. Всѣ онѣ были учреждены Измаиль-пашой, и въ нихъ считается теперь 3.000 учениковъ. Правительственныя гражданскія школы, гдѣ дается высшее образованіе, всѣ, кромѣ александрийской *Измаиліе* (болѣе приготовительной), находятся въ Каирѣ. Изъ одиннадцати школъ этого разряда, девять были учреждены Измаиль-пашой. Во всѣхъ одиннадцати воспитывается теперь болѣе 1.000 человѣкъ. Школъ при мечетяхъ (медресе) всего три: одна въ Каирѣ, *Эль-Азхаръ*, въ которой преподаетъ 231 профессоръ и учатся 7.695 студентовъ; другая въ Тантѣ, *Азмади*, съ 4.385 учащимися, и третья въ Александріи *Ибрагимъ-паша* съ 312 учащимися. Всего въ школахъ-медресе, дающихъ высшее мусульманское образованіе, обучаются 12.845 человѣкъ. Школа для слѣпыхъ учреждена Измаиль-пашой въ 1874 году. Въ ней 46 учащихся (36 мальчиковъ, 10 дѣвочекъ). Женскихъ школъ всего двѣ, обѣ въ Каирѣ. Одна изъ нихъ, *Суфіе*, основана въ 1873 году женой хедива Измаиль-паши, и въ ней находится 248 ученицъ; другая, *Керабіе*, учреждена правительствомъ въ 1875 году и воспитываетъ 142 ученицы. Всего, значитъ, получаютъ общественное образованіе въ Египтѣ только 390 дѣвочекъ.

Кромѣ вышеисчисленныхъ, собственно мусульманскихъ школъ, въ этой странѣ есть еще 152 школы иностранныя и разныхъ религіозныхъ обществъ, гдѣ воспитываются 7.622 мальчика и 4.625 дѣвочекъ, всего 12.247 человѣкъ, изъ которыхъ только 654 находятся въ интернатахъ.

Такимъ образомъ, школъ всѣхъ категорій въ Египтѣ 5.562 и въ нихъ учащихся 167.175 человѣкъ.

Что до ученыхъ обществъ, то ихъ тутъ два: Египетскій институтъ въ Александріи и Хедивіальное географическое общество въ Каирѣ, но оба въ упадкѣ. Въ Каирѣ же существуютъ весьма интересная для ориенталистовъ Публичная бібліотека, учрежденная Измаиль-папой, и Египетскій музей, директоръ коего, извѣстный ученый, Маріеттъ-паша. *) завѣдывалъ и археологическими раскопками; но съ 1879 года всѣ работы этого рода приостановлены за недостаткомъ средствъ.

Относительно періодическихъ изданій должно замѣтить, что въ Египтѣ издаются 27 газетъ и журналовъ, изъ коихъ 7 арабскихъ, 1 арабо-турецкій, 1 арабо-французскій, 1 арабо-франко-итальянскій, 9 французскихъ, 3 греческихъ и 5 итальянскихъ. Почти всѣ они выходятъ въ Каирѣ и Александріи. Всего

*) Нынѣ уже покойный.

печатаются номеровъ: ежедневныхъ газетъ 238.102, выходящихъ два раза въ недѣлю 12.293 и еженедѣльныхъ 34.505.

Таковы-то, вообще, итоги египетскаго просвѣщенія.

V.

Ключекъ Египта.

Александрийскій базаръ. — Видъ на Нильскую равнину. — Характеръ европейскихъ кварталовъ и „Place des consuls“. — Обѣдъ у хедива. — Веселая процессія. — Каковы здѣшнія квартиры. — Коллекція африканскихъ вещей у г. Менотто. — Гостиная въ египетскомъ вкусѣ. — Споровки здѣшнихъ продавцовъ рѣдкостей и древностей. — Александрийскія „трущобы“. — Альме и ихъ тапцы. — „Пчелка“. — Мусульманская свадьба. — Отѣздъ изъ Александрии. — Озера Абукиръ и Мариутъ. — Видъ страны и характерныя особенности ея пейзажа. — Агрикultura и сельскія жилища. — Кладбища. — Одежда жителей. — Какъ путешествуютъ гаремныя дамы. — Африканская растительность. — Экономическое состояніе страны и причины ея финансоваго упадка. — Жельзнодорожные порядки. — Древній прѣсноводный каналъ. — Пустыня и знойный вѣтеръ. — Городъ Имаиліе. — Дача Лессепса на Суэзскомъ каналѣ. — Серапеумъ. — Солёныя озера. — Корабли океана и корабли пустыни рядомъ. — Суэзъ. — Оригинальный обѣдъ въ русскомъ консульствѣ. — Нѣсколько свѣдѣній о Суэзѣ и о русскихъ паломникахъ. — Провинціальная администрація въ Египтѣ и парламентскія комедіи ех-хедива. — Арабскій клубъ въ Суэзѣ. — Слѣпой рапсоде и хоръ арабскихъ музыкантовъ. — Братья-ревуны или гуки и ихъ религіозныя радѣнія. — Обращеніи англійскаго „уваженія“ къ обычаю и праву. — Базаръ въ Суэзѣ. — Общій видъ съ Суэзкаго рейда. — Мое „до свиданія“ Египту.

Продолженіе 16-го іюля.

Изъ школы «Имаиліе» проѣхали мы на базаръ арабскаго города. Воображеніе мое еще на пути къ нему рисовало мнѣ всю роскошь, всѣ краски, всѣ узоры и оригинальное изящество искусныхъ произведеній Востока, какія надѣлся я встрѣтить на Александрийскомъ базарѣ, и я уже заранѣе смирялъ въ себѣ жажду приобрѣтенія предметовъ искусства и хорошаго оружія. Я внутренно приготавлилъ себя къ воздержанію отъ предстоящихъ мнѣ соблазновъ и думалъ, что предо мною вотъ-вотъ сейчасъ предстанетъ нѣчто, по меньшей мѣрѣ, въ родѣ стамбульскаго безестена. Но представьте же себѣ какое разочарованіе!.. За весьма и весьма немногими исключеніями, здѣсь не нашлось ровно ничего достойнаго вниманія по своимъ достоинствамъ, по старинѣ или по оригинальности вкуса и исполненія. Лавки наполнены европейскими, преимущественно вѣнскими, поддѣлками каляновъ и прочихъ «восточныхъ» вещей (и вдобавокъ преплохими поддѣлками), да заурядными стамбульскими чубуками и глиняными трубками, нѣмецкими зеленоватыми олеографіями, изображающими, вопреки запрещенію Корана,

гаремныя сцены и полногрудыхъ турчанокъ, французскими бархатными коврами съ шаблоннымъ изображеніемъ араба на бѣломъ кофѣ и англійскими тканями, якобы въ «восточномъ вкусѣ». Европейская индустрія проникла всюду и на все наложила свои фабричныя клейма. Патентованная станокъ и автоматически работающая машина отовсюду вытянули человѣческую, художнически-производящую руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ убили и личную идею, личный вкусъ, личное искусство мастера, душу убили. То, что прежде цѣнилось именно какъ личное и нерѣдко единственное произведеніе такого-то мастера, теперь встрѣчаете вы въ сотняхъ, тысячахъ, десяткахъ тысячъ фабричныхъ «экземпляровъ», вышедшихъ изъ-подъ одной и той же машины и какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга. Распространите вы самую лучшую, самую изящную вещь въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ, — и, въ концѣ-концовъ, она вамъ такъ намозолитъ глаза, что смотрѣть на нее станетъ противно. Это то же, что заигранный на шарманкахъ прекрасный мотивъ или что олеографія съ хорошей картины, какой «всякій» по дешевой цѣнѣ можетъ «украсить» свою комнату. Разумѣется, что кому нравится, и индустрія въ этомъ случаѣ отвѣчаетъ только на спросъ, вульгаризируя и низводя до всеобщаго рыночнаго равенства и общедоступности аристократизмъ *личнаго* искусства. Каюсь чистосердечно, въ этомъ отношеніи я вовсе не поклонникъ современной индустріи, и какъ ни будь хороша олеографія, никогда не «украшу» ею моего кабинета. Поэтому мнѣ столь же противны и всѣ европейскія издѣлія «въ восточномъ вкусѣ».

Произведеній мѣстнаго генія, мѣстнаго искусства, вовсе не нашелъ я на Александрийскомъ базарѣ. Тутъ были сундучки и шкапулки съ перламутровыми и иными инкрустациями, но это произведенія Индостана; было кое-что изъ мѣдно-чеканной утвари и кое-какіе ковры, но и то и другое доставлено сюда изъ Персіи, изъ Закавказья, изъ Туркменскихъ степей, и притомъ цѣны на всѣ эти предметы такъ безобразно дороги, что русскому любителю покупать ихъ здѣсь нѣтъ никакого расчета: въ «восточныхъ магазинахъ» Петербурга и Москвы такія вещи всегда можно достать впятеро дешевле.

А вотъ чего совсѣмъ уже не ожидалъ я здѣсь встрѣтить, такъ это нашихъ русскихъ самоваровъ, которые въ лавкахъ мѣдныхъ издѣлій цѣлыми рядами красуются на полкахъ, и говорятъ, что среди туземнаго населенія расходятся они не дурно. Обстоятельство это надо приписать тому, что чай, благодаря англичанамъ, все болѣе и болѣе начинаетъ входить здѣсь въ употребленіе.

Зашелъ я также въ одну лавчонку 'bric-à-

брас, въ надеждѣ не выужу ли въ ней чего «подходящаго», но увѣ!—нашелъ только европейскую поддѣлку (изъ динка) древняго оружія въ восточномъ вкусѣ, а остальное все хламъ, не стоящій никакого вниманія. Есть здѣсь также нѣсколько лавчонокъ торгующихъ, между прочимъ, и египетскими quasi-древностями. Тутъ найдете вы очень искусно поддѣланные вещицы изъ обожженной и необожженной красной и бѣлой глины, въ формѣ флакончиковъ, слезничекъ, лучеръ и маленькихъ муміекъ (последнія большей частью облиты голубой поливой), а также бронзовыхъ божковъ, Изиды, Озириса, Сераписа, и пр.

Какъ *souvenir d'Egypte* ихъ можно, конечно, приобрести нѣсколько штукъ, но, приобретая, отнюдь не слѣдуетъ вѣрить продавцамъ, которые непременно станутъ вамъ клясться, что это все дѣйствительно древнія вещи, найденныя въ пирамидахъ: такіа древности превосходно поддѣлываютъ во Франціи и доставляютъ въ Египетъ для сбыта доверчивымъ туристамъ, а глиняныя вещицы отчасти производятся и на мѣстѣ, преимущественно итальянскими лѣщниками. Но цѣны за нихъ запрашиваютъ безобразныя, и новички нерѣдко попадаютъ на эту удочку въ томъ убѣжденіи, что если дорого, значитъ—настоящее.

Итакъ, уѣхалъ я съ александрійскаго базара вполне въ немъ разочарованный, приобрѣти лишь нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ мѣстныхъ видовъ и типовъ; но и это нельзя сказать, чтобы стоило дешево: смотря по величинѣ, отъ одного до двухъ франковъ за снимокъ. Вообще съ прѣзжаго здѣсь всѣ и повсюду стараются сорвать какъ можно больше. О добросовѣстности со стороны продавца забудьте и думать: ее не встрѣтите вы ни въ убогихъ лавчонкахъ, ни въ блестящихъ магазинахъ съ зеркальными стеклами; сдерутъ и надуютъ вездѣ совершенно одинаково.

Въ половинѣ четвертаго часа дня, когда жара уже нѣсколько спала, захватилъ я совершенно приличнаго по вѣщности гида, «*monsieur Sebastopoulo*», и поѣхалъ съ нимъ въ открытомъ фаetonѣ прокатиться опять на каналы, а потомъ по европейскимъ кварталамъ города, чтобы ознакомиться съ ними поближе. Прѣхали мы на каналъ рано, когда обычной публики на набережной еще не было, и это дало мнѣ возможность приглядѣться нѣсколько къ мѣстности, открывающейся изъ-за деревьевъ набережной по ту сторону канала. Мѣстность эта представляетъ совершенную плоскость какъ столъ, и на ней верстѣ на двадцать въ поперечникѣ разливается мелководное, плоскодонное озеро Мариутъ, на отмеляхъ котораго вдали виднѣются, какъ бѣлая рати, большія стаи всякой водяной птицы: пеликановъ, журавлей и цапель, марабу и фламинго.

Горизонтъ этой мѣстности, благодаря необычайно прозрачному сухому воздуху, отодвигается на изумительно громадное разстояніе, такъ что, со своего относительно высокаго пункта наблюденій, вы ясно видите уходящую въ даль полосу Нила и, по увѣренію гида, можете, «если захотите», чуть-чуть различить въ серебристой воздушной дымкѣ даже легкій абрисъ чего-то вроде пирамиды. По крайней мѣрѣ мой гидъ божится, что оно такъ, и когда я выразилъ ему сомнѣніе: можетъ ли это быть, не другое ли что-нибудь тамъ виднѣется, на томъ основаніи что по прямой (воздушной) линіи отъ Александріи до пирамидъ считается около ста семидесяти верстѣ, то гидъ сталъ не только клясться, что это воистину видна верхушка пирамиды Хеопса и что я могу справиться объ этомъ у кого мнѣ угодно, но даже слегка «благородно оскорбился» на меня: неужели же подозреваю я, что онъ, гидъ Себастопуло—«знаменитый Себастопуло»—позволить себѣ такъ эксплуатировать доверіе именитыхъ путешественниковъ и тѣмъ подрывать собственную репутацію, которая ему, какъ честному гиду, дороже всего на свѣтѣ, такъ какъ онъ, во первыхъ, православный христіанинъ (въ удостовѣреніе чего даже перекрестился), а вторыхъ, имѣлъ честь служить въ качествѣ гида принцу такому-то, князю такому-то, герцогу такому-то, лорду такому-то и пошелъ, и пошелъ безъ конца высчитывать по пальцамъ, и сыпать «ослабляющими» именами. Надоѣлъ онъ мнѣ, впрочемъ, жестокимъ образомъ своею амбиціозностью, а главное получающимъ тономъ своихъ объясненій и этимъ вѣчнымъ сыпаньемъ кетати и не кетати титулованными именами, такъ что я закаялся брать впередъ «благородныхъ» гидовъ, которые при случаѣ надуютъ васъ точно такъ же, какъ и «неблагородные», но всегда уже нарвать усеѣтся въ коляскѣ рядомъ съ вами, вмѣсто того, чтобы лѣзть на свое мѣсто на козлахъ, и дѣлаютъ это еще съ такимъ видомъ, какъ будто не вы имѣ, а они вамъ оказываютъ одолженіе. Вскорѣ подѣхали сюда В. С. Кудринъ и еще кое-кто изъ нашихъ, такъ что я, воспользовавшись этимъ, поспѣшилъ сунуть въ руку «благороднѣйшему Себастопуло» приличный гоноляръ и отпустить его на всѣ четыре стороны.

Европейскіе кварталы города или «Новая Александрія» выстроены, что-называется, «по плану» и представляютъ ряды продолжныхъ и поперечныхъ проспектовъ и улицъ, прямыхъ и достаточно широкихъ, вымощенныхъ тесанной плитой, нарочно заказанной въ Триестѣ, причемъ каждый камень (толщиной въ 20 сантиметровъ) обошелся городу въ четыре марки. Эти улицы обставлены высокими, преимущественно сѣроватыми (*gris de perle*) каменными домами въ четыре и пять этажей съ балконами, фонариками и роскошными подѣздами; но, какъ мѣстную особенность, слѣдуетъ отмѣтить, что у

всѣхъ этихъ домовъ кровли исключительно плоскія, нерѣдко съ устроенными на нихъ цвѣтниками и навѣсами въ родѣ балдахиновъ, а на окнахъ непременно зеленены жалюзи и сверхъ того иногда маркизы или полосатыя длинныя сторы. Нижніе этажи представляютъ почти непрерывные ряды выѣсокъ и магазиновъ съ зеркальными стеклами, за которыми выставлены всевозможные европейскіе товары. Мѣстами и уголками этотъ городъ отчасти напоминаетъ нашу Одессу, да и въ характерѣ его подвижной, кипучей дѣятельности и разноплеменной толпы тоже есть нѣчто схожее съ ней. Нѣкоторыя улицы обсажены аллеями деревьевъ, преимущественно бѣлою акаціей, что также даетъ имъ сходство съ Одессой. Мѣстами, вмѣсто изгородей, попадаются заросли громадныхъ мѣстныхъ кактусовъ и алоэ; мѣстами, изъ-за бѣлыхъ глинобитныхъ заборовъ, гибкія пальмы слегка склоняютъ надъ улицей свои кроны; плющи, виноградъ и лавов кое-гдѣ ползутъ по стѣнамъ и верхамъ заборовъ. Тамъ и сямъ встрѣчаются небольшія площадки, украшенныя маленькими скверами съ вѣчно зелеными тропическими растеніями, красивыми клумбами, на которыхъ пестрѣютъ роскошныя душистые цвѣты. Въ скверѣ непременно устроенъ бассейнъ или бьетъ фонтанъ, освѣжая воздухъ и листву соседнихъ съ нимъ деревьевъ. На Place des Consuls устроенъ обширный бульваръ и скверъ съ такими же цвѣтниками, чугунными рѣшетками и мраморными скамейками. Тамъ, по срединѣ сквера, возвышается на красивомъ пьедесталѣ бронзовая конная статуя Мехмедъ-Али въ натуральную величину, а рядомъ съ ней, въ красивомъ открытомъ кіоскѣ, ежедневно съ пяти до девяти часовъ вечера играетъ оркестръ военной музыки. Площадь обстроена прекрасными многоэтажными домами, гдѣ сосредоточены банкирскія конторы, лучшіе магазины, гостиницы и рестораны. Это самое бойкое мѣсто европейской части города, всегда, кромѣ «мертвыхъ часовъ», полное народомъ, а въ особенности по вечерамъ, во время музыки, когда на Place des Consuls стекается подышать воздухомъ почти все мѣстное европейское населеніе. Вечеромъ обыкновенно въ полную силу пускаются фонтаны¹⁾, весь городъ освѣщается газомъ, и тогда на бульварѣ, дѣйствительно, очень пріятно бываетъ и отдохнуть и прогуляться подъ звуки офенбаховскихъ и лекоковскихъ мотивовъ, наигрываемыхъ чистокровными арабами (что дѣлать, офенбаховщина проникла и къ арабамъ, на то и «цивилизаци!»); но вашъ отдыхъ, къ сожалѣнію, ежеминутно отравляется назойливыми пристаиваньями нищихъ и разныхъ мальчишекъ и

дѣвчонокъ, требующихъ съ васъ за что-то «бакшингъ», а еще болѣе тѣми подозрительными личностями въ потертыхъ пиджакахъ, которыми таинственнымъ полусшепотомъ предлагаютъ вамъ свое содѣйствіе къ интересному знакомству съ «une dame de l'harem» или съ «una principessa di Torino».

Съ нашей прогулкой по городу мы чуть-было не опоздали на обѣдъ къ хедиву, впрочемъ, въ силу совершенно случайныхъ и мало зависящихъ отъ насъ обстоятельствъ.

Вернулись мы домой въ-пору, то есть какъ разъ настолько, чтобъ успѣть переодѣться во фраки и ѣхать. Но тутъ-то вотъ и случился непредвидѣнный казусъ: у нѣкоторыхъ изъ насъ, а въ томъ числѣ и у меня, не оказалось свѣтлыхъ лайковыхъ перчатокъ. Товаръ, казалось бы, такой, что можно смѣло рассчитывать достать его въ любомъ городѣ, но не тутъ-то было: свѣтлыхъ перчатокъ (можно ли этому повѣрить!) во всей Александріи не нашлось ни одной пары. Хватились мы о нихъ уже тогда, когда стали одѣваться и, кликнувъ отельнаго коммисіонера, поскорѣ послали его въ магазинъ принести намъ нѣсколько паръ на выборъ. Черезъ четверть часа коммисіонеръ вернулся и объяснилъ, что обѣгалъ всѣ лучшіе магазины, но свѣтлыхъ мужскихъ перчатокъ не нашелъ ни въ одномъ. Вотъ-те и н.!. Что тутъ дѣлать? Тѣ перчатки, что были на насъ при первомъ визитѣ къ хедиву, уже позалачкались, а безъ перчатокъ неудобно. Какъ же быть?

— Вотъ-те и Александрія!.. А еще столицей называется! — досадливо издѣвался мой сожигатель. — Это бы въ Петербургѣ у насъ не найти лайковыхъ перчатокъ! Скажите пожалуйста!.. Да не то что въ Петербургѣ, а въ каждомъ захолустьѣ, въ Бѣжецкѣ, въ какомъ-нибудь Весьегонскѣ и то навѣрно отыщете, а тутъ, на-ко! «мировой городъ!..»

Но вывелъ насъ изъ затрудненія А. П. Новосильскій, сразу разрубившій Гордіевъ узелъ.

— О чемъ вы сокрушаетесь! — пожалъ онъ плечами, — офицерскія-то ваши перчатки, замшевыя, есть у васъ? Ну такъ и надѣвайте ихъ, съ Богомъ! Кто тамъ станетъ еще разглядывать какія онѣ такія, лишь бы на рукахъ бѣгло!

И точно: послушались мы добраго совѣта, и дѣло шло отлично.

Обѣдъ былъ назначенъ въ половинѣ седьмого, и мы вышли изъ дому въ-пору, но тутъ случилось новое приключеніе: наше ландо значительно отстало отъ другихъ экипажей, и дурень арабаджи, вѣроятно новичекъ въ своемъ дѣлѣ, повезъ насъ совсѣмъ не тѣми улицами, какими слѣдовало. Колесилъ, колесилъ онъ по какимъ-то кривымъ и косымъ переулкамъ арабскаго города и наконецъ, вмѣсто Расельтинскаго дворца, привезъ насъ въ коммерческій портъ, гдѣ мы чуть было и совсѣмъ не застряли,

¹⁾ Прѣсная вода проведена въ городъ изъ Нила, для чего при Могаремской бухтѣ устроены особая водокачальня и резервуаръ, снабжающій водой также и арабскую часть города.

такъ какъ портъ отдѣленъ отъ остальнаго города сплошной стѣной, въ которой только двое воротъ, обыкновенно запираемыхъ на ночь, начинающая съ шести часовъ вечера. Одни изъ воротъ были уже закрыты, и мы такъ въ нихъ и уткнулись, но къ счастью арабаджи догадался повернуть поскорѣе назадъ, чтобы успѣть выскочить вонъ изъ порта, пока другія ворота еще отперты. Мы еле-еле успѣли подѣлаться къ нимъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда таможенные досмотрщики совсѣмъ уже смыкали ихъ створы. Тутъ новая исторія: досмотрщики не хотятъ пропускать арабаджи, торгуются съ нимъ, ругаются, галдятъ, намѣреваются чинить у насъ обыскъ и настойчиво требуютъ бакшиши за пропускъ. Пришлось выбросить имъ сколько-то мелкаго серебра, и то слава Богу, что хоть этимъ отдѣлались!.. Но тутъ опять бѣда: арабаджи рѣшительно не знаетъ куда ѣхать.

— Расъ-эль-тинъ... Расъ-эль-тинъ... хедивъ!..—внушаемъ мы ему настолько вразумительно, насколько могутъ внушать люди, ни слова не говорящіе по-арабски.

— Расъ-эль-тинъ, Расъ-эль-тинъ... Эге, Расъ-эль-тинъ!—безсмысленно повторяетъ въ отвѣтъ намъ извошикъ и продолжаетъ безъ толку плутовать по косымъ и кривымъ переулкамъ.

Мы уже совсѣмъ-было отчаялись попасть на обѣдъ къ хедиву, изъ-за чего, безъ сомнѣнія, вышла бы большая неловкость, но къ счастью повстрѣчались намъ на дорогѣ двое египетскихъ офицеровъ. Россель, стремительно ухватившись за возки, останавливалъ лошадей и съ помощью англійскаго языка обратился къ нимъ съ просьбой растолковать извошику дорогу. Славу Богу, тѣ уразумѣли наконецъ въ чемъ дѣло и направили нашего возницу на путь истинный. Онъ погналъ лошадей, и мы поспѣли во дворецъ какъ разъ въ послѣдній моментъ предъ выходомъ хедива. Еще одна минута, и было бы уже поздно.

Кромѣ С. С. Лесовскаго съ супругой и его штаба, къ обѣду были приглашены еще И. М. Лексъ и члены мѣстной русской колоніи съ ихъ дамами, а также высшіе чины египетскаго морскаго вѣдомства. Обѣденный столъ былъ накрытъ въ небольшой залѣ, освѣщенной по угламъ четырьмя громадными хрустальными канделябрами съ цѣлыми клубами свѣчныхъ огней, а по серединѣ большой люстрой, унизанной разноцвѣтными хрустальными подвѣсками, которыя свѣтились и играли милліонами искръ какъ самоцвѣтные камни. Но болѣе всего въ этой комнатѣ замѣчательнъ ея полъ изъ какого-то темнаго дерева съ деревянными же инкрустациями: полировка пашекъ доведена до такого совершенства, что мы сначала приняли-было его за яшмовый. Столъ былъ сервированъ по-европейски и притомъ съ большою роскошью. На немъ красовались серебряныя группы, хрустальныя плато, наполненныя прекрасными

фруктами, японскія вазы подъ массивными букетами прелестныхъ и рѣдкихъ цвѣтовъ. Хрусталь, фарфоръ, серебро—все это было представлено съ большимъ артистическимъ вкусомъ.

Хедивъ, на которомъ были надѣты русскіе ордена, велъ къ столу Екатерину Владиміровну, а С. С. Лесовскій жену доктора Шписса, состоящаго при нашемъ консульствѣ. Затѣмъ тутъ были еще двѣ, три русскія дамы. Въ составъ мѣли изобильнаго и длиннаго обѣда входили всѣ деликатесы какими только могутъ похвастаться фауна и флора Египта, такъ что обѣдъ этотъ, приготовленный мастеромъ кулінарнаго искусства, носилъ, если хотите, чисто мѣстный характеръ. Дрессировка прислуги замѣчательная: все ея дѣло около стола совершалось въ величайшей тишинѣ и отнѣнномъ порядкѣ, ловко, быстро, предупредительно. При началѣ и въ концѣ обѣда музыкальный хоръ гвардейскихъ зуавовъ, поставленный во дворѣ подъ окнами столовой, исполнялъ русскій народный гимнъ, который повторялся потомъ и въ моментъ нашего отъѣзда. Словомъ, хедивъ задалъ намъ обѣдъ на славу и до конца былъ самымъ любезнымъ и внимательнымъ хозяиномъ.

На возвратномъ пути, ѣдучи по арабскому городу, нагнали мы какую-то веселую процессію, которая на нѣсколько секундъ задержала нашу движеніе. Толпа мужчинъ и мальчиковъ шла съ фонарями и свѣчами, напѣвая веселую пѣсню подъ аккомпаниментъ арабской музыки: скрипокъ, торбановъ, дудокъ, треугольниковъ, тарелокъ и бубновъ. Впереди несли какой-то круглый подносъ или лотокъ, покрытый большимъ и высокимъ прозрачнымъ колпакомъ изъ розоваго тюля съ длинными ниспадающими концами. Подъ колпакомъ горѣли на подносѣ маленькія свѣчи и лежали букеты цвѣтовъ, разныя сласти и какія-то подарочныя вещи. Сколь ни объясняли мы нашему арабаджи, что надо остановиться (очень ужъ хотѣлось посмотреть что это за процессія), но онъ, къ сожалѣнію, не догадался о значеніи обращенныхъ къ нему экспликацій и на требованіе о томъ Росселя, выраженное жестомъ, вынулъ изъ кармана и подаль ему бумагу для свертыванія папиросъ, а самъ погналъ лошадей далѣе. Такъ мы и не узнали въ чемъ тутъ дѣло, но, повидимому, это было что-нибудь въ родѣ перенесенія свадебныхъ подарковъ.

17-го іюля.

Утро прошло въ хлопотахъ по случаю завтрашняго отъѣзда, да въ упаковкѣ моего смирнскаго ковра, а затѣмъ я сидѣлъ въ канцеляріи нашего консула и забиралъ кое-какія нужныя мнѣ свѣдѣнія и цифры. Въ шестомъ часу дня я отправился вмѣстѣ съ И. М. Лексомъ обѣдать къ Менотто, нашему драгоману изъ мѣстныхъ

левантинскихъ уроженцевъ. Живетъ онъ прекрасно: великолѣпная квартира въ бельэтажѣ одного изъ хорошихъ каменныхъ домовъ со всеми европейскими удобствами. Славно здѣсь устраиваются въ частныхъ домахъ квартиры: вездѣ высокіе потолки, просторныя комнаты, много воздуха, много свѣта, — не то что наши петербургскія стояла вмѣсто комнатъ въ домахъ новѣйшей конструкціи. Наши только и шеголяютъ дѣстничей съ газомъ и швейцаромъ, а что до помѣщеній, то изъ здѣшней одной комнаты петербургскій домохозяинъ ухитрился бы пожалуй выкроить цѣлую квартиру о трехъ комнатахъ съ прихожей и кухней и дралъ бы за нее съ жильца рублей шестьсотъ въ годъ, по крайней мѣрѣ, тогда какъ здѣсь цѣлая квартира, настоящая, что называется, «барская» квартира, идетъ въ годъ за полторы-два тысячи франковъ.

Самъ Менотто — замѣчательная личность. Прежде всего это лингвистъ изъ ряду вонъ, и право затруднительно было бы сказать какой языкъ должно считать его природнымъ, такъ какъ онъ въ одинаковомъ совершенствѣ владѣетъ русскимъ, греческимъ, итальянскимъ, французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ, арабскимъ, турецкимъ, коптскимъ, армянскимъ, да кромѣ того, свободно понимаетъ и можетъ объясниться по сербски и по-болгарски, такъ что, въ этомъ отношеніи, Менотто для нашего консульства просто золотой человекъ. Это довольно видный мужчина пожилыхъ лѣтъ съ сѣдовато-русой бородой и выразительными свѣтлыми глазами. Единственная его слабость, впрочемъ совершенно невинная, это ордена, ленты и отличія (больше орденовъ, какъ можно больше!), которыми онъ очень любитъ украшать свою грудь, а еще больше говорить о нихъ и не только о своихъ, полученныхъ имъ лично, но вообще объ орденахъ, какіе они бываютъ на свѣтѣ, чѣмъ отличаются, какія права съ собой соединяютъ, какія у нихъ степени, ленты, наружный видъ и т. п. И право же, это такой милый самъ по себѣ человекъ, что еслибъ отъ меня зависѣло, я бы съ удовольствіемъ навѣсилъ на него всѣ ордена сего міра: носи себѣ, батюшка, на здоровье! Кромѣ того, это человекъ съ порядочнымъ артистическимъ вкусомъ: онъ собралъ себѣ небольшую, но хорошую коллекцію картинъ и неподдѣльныхъ египетскихъ древностей, между которыми есть нѣсколько замѣчательныхъ скарабей въ видѣ разныхъ жуковъ и букашекъ изъ яшмы, лапсѣ-лазури и другихъ камней, представляющихъ очень изынное и полное подражаніе натуральнымъ формамъ этихъ насѣкомыхъ, а въ кабинетѣ, надъ широкой оттоманкой виситъ у него большой щитъ съ эффектно развѣшанной на немъ коллекціей оружія разныхъ дикихъ африканскихъ племенъ. Тутъ у него и мечи, и кинжалы, и булавы, и ассагаи на тонкихъ

дротикахъ, и стрѣлы отравленные, и круглый щитъ изъ шкуры носорога, — все это очень оригинально и вполне достойно вниманія любителя.

Остатокъ вечера провели мы на террасѣ «Райскаго кафе», наслаждаясь звуками вѣнской музыки и шумомъ морского прибоя.

18-го іюля.

Отъѣздъ нашъ отложенъ еще на однѣ сутки. Я этому и радъ, съ одной стороны, а съ другой — выходитъ очень досадно: знай я вчера утромъ, что такъ случится, укатилъ бы себѣ въ Каиръ и вернулся бы сегодня къ ночи, а теперь придется отложить поѣздку туда до возвращенія съ Тихаго океана, а можетъ и навсегда... Ну, нечего дѣлать!

Сегодня И. М. Лексъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Константинополь. Мы собрались позавтракать у Геннадія Гавриловича Шпигельберга, гдѣ я имѣлъ случай вѣдѣть налюбоваться на изынную обстановку его гостиной, составленную исключительно изъ произведеній мѣстнаго искусства и мѣстной промышленности. Майолики, мѣдно чеканная утварь, паласовые толстые ткани на мебели и на портьерахъ, ковры, настольныя салфетки, надкаминная рама вокругъ зеркала изъ полированныхъ мозаическихъ кафель, рѣзные шкафики и мушараби — эти прелестныя ажурныя ширмы съ полочками и выдающимися шкафчиками-фонариками, какъ это все хорошо, какъ оригинально, а главное, какъ все изычно и чуждо обще-европейскаго шабона, столь мозолящаго глаза вездѣ и повсюду!..

Проводивъ И. М. Лексу, пошли мы съ Г. Г. Шпигельбергомъ смотрѣть и торговать «настоящіе» египетскія древности у продавца «съ репутаціей». Но при этомъ надо замѣтить, что и у репутированныхъ продавцовъ бываетъ, что называется, «со всячинкой», и вамъ очень легко могутъ сойти поддѣлку за настоящую вещь, если вы не сумѣете ихъ отличить, тѣмъ болѣе, что французскія поддѣлки здѣшнихъ вещей иногда достигаютъ совершенства. На этотъ разъ, впрочемъ, я не гнался исключительно за подлинностью, а просто желалъ приобрести себѣ нѣсколько вещей въ античномъ родѣ на память о Египтѣ. На личное свое знаніе дѣла конечно я не могъ полагаться, и потому такой опытный руководитель какъ Г. Г. Шпигельбергъ былъ для меня сущимъ кладомъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, — такъ и въ этомъ дѣлѣ. Надо, наиримѣръ, знать какъ торговаться, ибо на это существуетъ здѣсь своя особая система. Здѣшній купецъ, торгующій «рѣдкостями», или вообще мѣстными произведеніями «для любителей», все равно будетъ ли онъ арабъ, армянинъ, еврей, или левантинецъ, никогда не скажетъ вамъ сразу настоящую цѣну вещи, а всегда заломитъ вдвое. Нуж-

но давать ему ничто в родѣ $\frac{1}{10}$ того, что онъ запросилъ и тогда можете рассчитывать, что, при нѣкоторой дальнѣйшей надбавкѣ съ вашей стороны, онъ вамъ спуститъ, и вы сторгуетесь на средней цѣнѣ окончательно. Нечего смущаться, если при этомъ по первому вашему слову онъ выпучитъ на васъ изумленные глаза и покажетъ видъ будто даже возмущенъ несообразностію предлагаемой цѣны: все это не болѣе какъ извѣстные маневры и штуки, которыми онъ пытается озадачить васъ и сконфузить: «какъ-толь несовѣстно давать такую ничтожную цѣну за такую дивную вещь! Это надо не имѣть никакого понятія о дѣлѣ, или же нарочно посмѣяться надъ честнымъ купцомъ! Послѣ этого, молъ, ни показывать, ни разговаривать съ вами больше не стоитъ!» Если вы послѣ такого маневра повернетесь и равнодушно станете уходить изъ лавки, онъ навѣрное остановитъ васъ, попроситъ вернуться и начнетъ божиться, что вещьца стоитъ даже больше тѣхъ денегъ, какія онъ запрашивалъ, но что ужъ такъ и быть, ради плохихъ временъ и застоя въ торговлѣ, готовъ уступить вамъ сколько лишь возможно и при этомъ сдѣлаетъ первую маленькую скидку. Но если вы имѣли неосторожность предложить ему половину или, хуже того, двѣ трети, а еще хуже — три четверти запрошенной имъ цѣны, то можете быть увѣрены, что ни за что не спуститъ вамъ ни одной копейки. Почему такъ? А очень просто: изъ вашего предложенія онъ сразу увидитъ, что вы новичекъ, настоящей цѣны не знаете, и думаетъ себѣ: «коли ты дашь мнѣ столько, то, не сегодня-завтра, данъ и всю цѣну, какую я съ тебя заломилъ, если ужъ больно хочется купить тебѣ именно эту вещьцу». И въ этомъ своемъ расчетѣ купецъ почти никогда не прогадываетъ. Онъ разуждаетъ такъ, что товаръ его не портится и ѣсть-пить не проситъ, а потому сбыть его за то, чего онъ дѣйствительно стоитъ, всегда возможно, если же судьба посылаетъ ему новичка, то этимъ надо пользоваться «во всю» и драть съ него какъ можно больше. Такимъ образомъ въ наихудшемъ случаѣ купецъ не въ убыткѣ, а въ наилучшемъ — сразу наживаетъ тысячу на сто. Проверить это я могъ и на своемъ собственномъ опытѣ. Въ тотъ самый магазинчикъ куда пришли мы теперь съ Геннадіемъ Гавриловичемъ, случайно заходилъ я еще вчера самъ и намѣтилъ себѣ пять вещицъ, въ числѣ которыхъ была одна премилая бронзовая мумійка, да намѣтивъ имѣлъ еще неосторожность поторговаться на нихъ съ продавцемъ; но въ цѣнѣ мы не сошлись: онъ просилъ пятьдесятъ франковъ, я давалъ сорокъ. Сегодня же, когда мой спутникъ спросилъ о цѣнѣ этой самой мумійки, то купецъ, очевидно узнавъ меня въ лицо и соображая, что я опять пожаловалъ къ нему именно за ней, за-

ломилъ вдругъ пятьдесятъ франковъ за нее одну, тогда какъ вчера самъ предлагалъ ее въ этой цѣнѣ вмѣстѣ съ четырьмя другими. Это мнѣ показалось курьезно, и я спросилъ его: что же стоятъ остальные.

— Всѣ вмѣстѣ двѣсти пятьдесятъ франковъ, — отвѣтилъ онъ съ невозмутимымъ видомъ.

— Но вѣдь вчера вы сами назначили за нихъ за всѣ пятьдесятъ?

— Двѣсти-пятьдесятъ франковъ и ни копейки менѣе, повторилъ онъ такимъ тономъ, который очевидно дѣлалъ бесполезными всѣ дальнѣйшія попытки сторговаться. Оставалось только пожелать ему тароватаго покупателя и уйти изъ магазина.

— И вотъ сегодня же, замѣтилъ мой спутникъ: — зайдѣ къ нему человекъ, который за эту самую мумійку предложилъ ему пять франковъ, онъ отдалъ ему навѣрное, потому что больше она и не стоитъ.

Опытный покупатель обыкновенно дѣлаетъ такъ, что зайдетъ въ лавку сегодня, зайдетъ и завтра и послѣзавтра, затѣмъ пообойдетъ нѣсколько дней и снова зайдетъ, но покупать не покупаетъ, а только все критикуетъ да хаетъ предлагаемая ему вещь. Но хаять надо умѣючи, съ толкомъ, потому что купецъ по вашей критикѣ смекаетъ про-себя: серьезно ли вы понимаете дѣло, или такъ только, зря, товаръ его бракуете. Поэтому всѣ старанія его направлены къ тому, чтобы раскусить васъ какой вы покупатель, знатокъ или просто себѣ любитель. Ради этого, съ каждымъ нашимъ заходомъ, угощая васъ кофеомъ, водой и папирсами, онъ постепенно показываетъ вамъ вещи болѣе и болѣе хорошихъ качествъ, расхваливая ихъ напропалую, но самыя лучшія все еще таитъ, и только когда наконецъ убѣдится, что вы дѣйствительно знаете толкъ, рѣшается показать вамъ «настоящее дѣло», но дѣлаетъ это съ такимъ видомъ, какъ словно бы хотѣлъ сказать: «ну, ужъ на, чортъ возьми! Тебя, какъ видно, не надуешь!» — и тутъ уже торгъ кончается въ нѣсколько минутъ, коль скоро вы дадите настоящую цѣну.

Выйдя ни съ чѣмъ отъ упрямаго продавца, мы однако добыли то, чего мнѣ хотѣлось въ другой лавочкѣ, по сосѣдству, и добыли очень сходно и очень скоро, благодаря единственно умѣнью моего спутника торговаться и опытному знанію нужныхъ при этомъ приемовъ. Затѣмъ предположили мы съ нимъ отправиться подышать воздухомъ, да заодно и пообѣдать въ Рамле — мѣстечко по линіи Розетта-Александрійской желѣзной дороги, наполненное садами и дачами на берегу моря, — но къ сожалѣнію опоздали на поѣздъ, и пришлось, измѣнивъ того, пообѣдать въ *Barre d'Egypte*, ближайшемъ къ станціи ресторанѣ.

Послѣ обѣда, простившись съ Г. Г. Шпи-

гельбергомъ, едва я вернулся домой, какъ узнаю, что нѣсколько изъ моихъ спутниковъ предполагаютъ совершить интересную экскурсію въ арабскую часть города, гдѣ одинъ изъ навязавшихся намъ гидовъ, полячекъ говорящій, между прочимъ, по-русски, обѣщалъ показать пляску альмей или такъ-называемыхъ *gavani*. Очевидно намъ предстояло отправиться куда-то въ родѣ александрійскихъ трущобъ, но что же! — тѣмъ интереснѣе, и я, конечно, немедленно же присоединился къ компаніи.

Отправились мы гнѣскомъ, подъ предводительствомъ гида, который вскорѣ повелъ насъ по какимъ-то узкимъ, кривымъ и вонючимъ переулкамъ, гдѣ уже не было ни триестинской мостовой, ни газоваго освѣщенія, а только изрѣдка мерцалъ кое-гдѣ масляный фонарь подвѣшенный на протянутой черезъ улицу веревкѣ. Встрѣчные мусульмане оглядывали насъ какъ-то подозрительно. Кое-гдѣ подъ заборами или на порогахъ домовъ лежали бездомные бедуины и феллахи, завернувшись въ лохмотья своихъ бурнусовъ и положивъ голову на камень или на нижнюю ступеньку лѣстницы. Это были всегдашнія мѣста ихъ ночлеговъ рядомъ съ бездомными собаками. Въ одной мелочной жидовской лавочкѣ шла еще какалто торговля при сальной свѣчкѣ, но въ сосѣднихъ закоулкахъ было совсѣмъ уже темно и тихо. На углу одного изъ таковыхъ нашъ гидъ наконецъ остановился предъ одностворчатую дверь и брякнулъ въ желѣзное кольцо. Отвѣта нѣтъ. Онъ брякнулъ еще посильнѣе, и на этотъ разъ послышался сверху вылый старушечій окликъ, а затѣмъ шарканье спускающихся съ лѣстницы шаговъ, и наконецъ дверь слегка приотворилась. Въ образовавшуюся щелку пошли какія-то таинственныя перешептыванья и переговоры между гидомъ и кѣмъ-то невидимымъ, а мы стоимъ и ждемъ.

— Послушай, чортъ тебя возьми, куда ты однако привелъ насъ?

— Але-жъ въ самое тоѣ мѣсто, куда вы хотите.

— Да ты не врешь ли?

— И, Боже-жъ мой, зачѣмъ врать!.. Помилуйте, я же тутай, съ шестидесять-третьяго року болтаюсь и, могу сказать, знаю всю Александрійку эту досконально.

— Да тутъ вѣдь чего добраго и зарѣжутъ?

— Нѣ, по малку можно. . . Зачѣмъ рѣзать!.. Народъ тихій, благородный, кобѣты ¹⁾

— Такъ чего жъ онѣ не выпускаютъ?

— А то-жъ заразы, заразы, панове.

И опять пошли перешептыванья.

Наконецъ дверь совсѣмъ растворилась, и мы чрезъ высокій порогъ вступили въ совершенно темный снп. Полячекъ чиркнулъ восковую свѣчку и освѣтилъ предъ нами узкую

и крутую деревянную лѣстницу, по которой мы поднялись во второй этажъ и затѣмъ очутились въ небольшой комнатѣ съ глинобитными стѣнами и такимъ же поломъ, на которомъ былъ разостланъ стоптанный коверъ. Въ стѣнахъ подѣланы были въ родѣ печурокъ небольшія ниши, и въ одной изъ нихъ стоялъ глиняный чаракъ, налитый кокосовымъ масломъ. Горючій фитиль, ссученный изъ хлопчатой бумаги, освѣщалъ неровнымъ, колеблющимся свѣтомъ и наполнялъ копотью это трупобное логово.

Ни сѣсть, ни примоститься некуда.

Вслѣдъ за нами вошла, въ какихъ-то болающихся лохмотьяхъ, длинная и тощая старуха съ темно-бронзовымъ лицомъ и курчавыми сѣдыми патлами волосъ, выбивавшихся изъ-подъ чернаго платка, повязаннаго на ней чалмой, — сущая вѣдьма пыганскаго типа, — вошла и, бормоча что-то про себя, неторопливо стала заправлять сальныя свѣчи въ глиняные подсвѣчники, а потомъ притащила нѣсколько засаленныхъ подушекъ и бросила ихъ у стѣны на полъ, предложивъ намъ садиться. Но вѣщность ихъ была такъ сомнительна, что никто изъ насъ не рѣшился присѣсть на нихъ, и потому гидъ распорядился притащить откуда-то табуретъ да три гнутые стула.

— Что же однако дальше-то будетъ? спрашиваемъ у него.

— А вотъ, заразы кобѣты танчить будутъ.

— Да гдѣ же эти кобѣты?

— Тутай!.. похвалились трошку... заразы выйдутъ. Но только, господа, вотъ что: эта я почтенна старушка напередъ деньги требуетъ, то треба дать ей, такой южъ порядокъ.

— Сколько же дать-то?

— Двадесеть франки, по меджидіе на каждую балетницу.

Дали. Но старуха недовольна и продолжаетъ торговаться, говоря, что это только четверемъ танцоркамъ, а самой ей ничего не приходится, тогда какъ она-то и есть главное лицо, пѣвица и музыкантша, и что стало-быть одинъ меджидіе надо прибавить и на ея сиротскую долю. Прибавили.

Пересчитавъ деньги, вѣдьма завязала ихъ въ какую-то тряпицу и опустила къ себѣ въ пазуху, затѣмъ зажгла сальныя свѣчи и вышла въ снп позвать танцовщицъ. Вмѣстѣ съ ней проскользнула туда же и нашъ полячекъ, безъ сомнѣнія, за тѣмъ чтобы тутъ же получить съ нея слѣдующій на его долю «куртажъ» изъ нашихъ денегъ за приводъ «гостей». Черезъ минуту изъ темныхъ снѣей появились четыре дѣвушки въ прозрачныхъ гренадиновыхъ сорочкахъ, затканыхъ въ узкую полоску золотой битью, съ длинными широкими рукавами и въ широкихъ ситцевыхъ шальварахъ розоваго цвѣта. Длинные шерстяные

¹⁾ Женщины.

шарфы, въ красную съ желтымъ полосу, охватывали имъ бедра, а курточки-безрукавки заставляли лифъ, стигивали на застежкѣ ихъ груди. На шеѣ болтались у нихъ разныя бусы, кораллы и монеты, въ волосахъ тоже сверкало ожерелье изъ мелкихъ монетъ, только не настоящихъ, на рукахъ серебряныя браслеты и намотанныя четки. Двѣ дѣвушки были въ алыхъ фескахъ, а другія двѣ оставались съ непокрытыми волосами, заплетенными въ мелкія косицы. Всѣ онѣ сохранили еще нѣкоторую свѣжесть молодости, хотя имѣли уже лѣтъ около двадцати отъ роду (что для Египта далеко не юность), и могли бы, пожалуй, назваться недурными собой, еслибы черты ихъ были менѣе рѣзкія и грубы и не безобразилась вдобавокъ продѣтымъ сквозъ ноздри серебрянымъ кольцомъ, на которомъ болталось нѣсколько мелкихъ сережекъ. Одни глаза, губки и нѣсколько дикіе, горѣли какъ угли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и были дѣйствительно прекрасны, да ровный рядъ зубовъ сверкалъ изумительной бѣлизной, когда ихъ крупныя, сладострастно очерченныя губы раскрывались для улыбки. Всѣ эти особы были несомнѣнно цыганскаго происхожденія, хотя и выдавали себя за чистокровныхъ арабовъ.

— От-то панна Айшѣ, рекомендую, а то мадемуазель Фатъмѣ; она же заразъ имѣетъ намъ «бджолку» станчить, развязно заявлялъ нашъ путеводитель, потирая руки. Онъ видимо желалъ показать, что здѣсь онъ совсѣмъ свой человѣкъ, старый пріятель.

Между тѣмъ старуха услыхъ на полу, прислонясь спиной къ дверямъ и, предварительно всласть наглотавшись отравленного халишемъ дыма изъ убогаго кальяна, приказала одной изъ дѣвушекъ подать себѣ музыкальный инструментъ, состоявшій изъ обыкновеннаго муравленнаго горшка, на который туго была натянута бечевками барабанная шкура. Айшѣ въ то же время сняла со стѣны инструментъ въ родѣ скрипки, называемый «рабаба» и состоящій изъ плоскаго четырехъ-угольнаго ящика съ придѣланнымъ къ нему грифомъ. На рабабу натягивается только одна струна, изъ которой извлекаютъ звуки посредствомъ согнутого въ дугу смычка самаго первобытнаго устройства. Усѣвшись рядомъ со старухой, Айшѣ уперла рабабу въ лѣвое колено и приготовилась дѣйствовать. Фатъмѣ вышла на середину комнаты и, приподнявъ на воздухъ обѣ руки, стала въ позитуру, а двѣ остальные дѣвушки усѣлись рядомъ нѣсколько въ сторону на подушкахъ.

Старуха подала сигналъ, ударивъ костлявыми пальцами по барабану, и вотъ послышалось въ комнатѣ слабое жужжанье, напоминающее звукъ пчелинаго полета: оно то усиливалось, то ослабѣвало, какъ будто пчелка приближалась и кру-

жилась около васъ и затѣмъ отлетала прочь въ другую сторону и снова приближалась, рѣя гдѣ-то надъ самымъ ухомъ. Этотъ однообразный звукъ извлекала Айшѣ изъ своей рабабы, тогда какъ старуха аккомпанировала ему медлительнымъ перебоемъ на барабанѣ, на которомъ она играла просто пальцами, уткнувъ его къ себѣ въ угловатыя колѣна. Двѣ остальные дѣвушки отбивали медленный тактъ въ ладоши, а Фатъмѣ, съ первымъ звукомъ пчелки, приняла видъ и позу будто прислушивается къ ея жужжанью, затѣмъ подняла голову, уловила изглаголомъ ея полетъ и стала слѣдить за нею глазами. Вотъ пчелка приближается къ дѣвушкамъ, вьется и кружится около нея, дѣвушка отъ нея отклоняется, отбѣгаетъ нѣсколько въ сторону, слегка отмахивается, но пчелка продолжаетъ настойчиво атаковать ее. Вотъ она запуталась въ ея волосахъ, дѣвушка быстро распускаетъ свои кудри и встряхиваетъ ими, чтобы сбросить пчелку. Послѣ этого кудри остаются уже распушевыми.

Надо замѣтить, что вся эта пантомима сопровождается и танцемъ, который, впрочемъ, кромѣ движеній рукъ и разныхъ позъ, состоитъ исключительно въ томъ, что танцовщица время отъ времени поводитъ плечами и крутитъ бедрами, выказывая тѣмъ пластичность формъ и гибкость своего стана.

Пчелка межъ тѣмъ, отлетѣвъ на нѣкоторое время въ сторону, о чемъ свидѣтельствуетъ все болѣе и болѣе ослабѣвающий звукъ ея полета, начинаетъ понемногу снова приближаться къ дѣвушкамъ. Увертываясь отъ ея нападеній, послѣдняя разстегиваетъ свою курточку-безрукавку, снимаетъ ее съ себя и начинаетъ ею отмахиваться, но это не помогаетъ, и курточка съ досадой швыряется въ сторону.

Тогда наступаетъ очередь пояса-шарфа. Танцовщица распускаетъ его на себѣ и разматываетъ, кружась на одномъ мѣстѣ. При этомъ шальвары ея падаютъ сами собой. Ловкимъ движеніемъ ступней она освобождастъ отъ нихъ свои щиколотки, отбрасываетъ ихъ ногой въ сторону и остается предъ зрителями въ одной прозрачной сорочкѣ, съ шарфомъ въ рукахъ, который теперь обращается для нея въ средство защиты отъ пчелки. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько ловкихъ, гибкихъ и довольно красивыхъ позъ и движеній съ выщипами вокругъ нея въ воздухѣ шарфомъ. Руки танцовщицы и ноги ея повыше щиколотокъ охватывались браслетами съ нанизанными на нихъ серебряными погремушками, которыя громыхали при каждомъ движеніи. Мнѣ такъ и вспомнились *Еврейскія мелодіи* Мейя:

Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной
скользитъ,
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ костей моихъ струится ароматъ,
На рукахъ запястья цѣвныя бренчать...

Пчелка межъ тѣмъ не отстаетъ; напротивъ все назойливѣе продолжаетъ свои нападенія, такъ что дѣвушка доведена ею наконецъ до истомы: она уже отъказывается отъ борьбы и, какъ бы обезсиленная, въ отчаяніи опускаетъ руки. Шарфъ тихо выскальзываетъ изъ нихъ, упавъ къ ея ногамъ, и она нѣкоторое время стоитъ неподвижно, озираясь словно дикая степная кобылица, впервые укрощенная уздой; лишь взволнованная грудь ея медленно колеблется глубокими вздохами.

Этого-то момента неподвижности только и ждалъ нападающій непріятель.

Вдругъ раздался рѣзкій и короткій взвизгъ рабабы. Дѣвушка испуганно вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и нѣрвно въ одинъ мигъ сорвала съ себя послѣдній свой покровъ и закружилась въ какой-то дикой, отчаянной пляскѣ. Пчелка ее ужалила.

Вмѣстѣ со взвизгомъ рабабы вдругъ измѣнились и тактъ ударовъ барабана, и хлопанье въ ладоши: они все учащались и учащались, сопровождаясь въ ладъ возгласами «гай-вай!.. гай-вай!..» Сообразно съ этимъ и пляска становилась все нервнѣе и быстрѣе. Фатмѣ порывисто металась изъ стороны въ сторону, извиваясь всѣмъ тѣломъ, такъ что у насъ въ глазахъ только сверкали ея ожерелья да мелькали рѣзкіе, какъ бы металлическіе блики на бронзово-смуглыхъ плечахъ. Взмахи голыхъ рукъ и кудрявой головы, заволокнутый взоръ и улыбка со стиснутыми зубами, и трепетаніе персей, все это выражало какое-то безумно-иступленіе сладострастіе и алканіе... И вотъ она вдругъ упала на коверъ и неподвижно распростерлась въ вызывающей позѣ. Этимъ и окончился танецъ.

Онъ грубъ, но характеренъ и вполне выражаетъ то, что хочетъ выразить. За то слѣдующій, въ которомъ приняли участіе всѣ четыре до-нага раздѣтыя танцовщицы, былъ только циничнаго. Въ немъ нѣтъ ровно ничего выразительнаго, а просто какое-то безмысленное толченіе ногами на мѣстѣ, въ прискокку, сопровождаемое ударами въ ладоши, и мнѣ сдается что этотъ послѣдній танецъ совсѣмъ не есть что-либо національное, а скорѣе составляетъ спеціальный продуктъ портового города, чтобы потрафить на вкусы пьяныхъ европейскихъ матросовъ.

Мы ушли изъ этого вертепа задолго до окончанія второго танца и, слѣдуя по тихимъ улицамъ арабскаго города, неожиданно попали на мусульманскую свадьбу.

Случилось это такимъ образомъ:

Идемъ мы по какому-то переулку и вдругъ видимъ, что онъ во всю ширину свою прегражденъ завѣсой изъ большихъ ковровъ и полотнищъ палатки. Но нашъ полячекъ, ничто же сумняся, приподнялъ край ковра и пригласилъ насъ проходить не стѣсняясь.

— Это куда еще?!

— Ни докуда, господа, ни докуда; проходите просто.

Мы очутились въ залѣ или гостиной (какъ хотите), импровизованной среди самой улицы. Точно такіе же ковровые завѣсы преграждали ее и съ другой стороны, и вся площадка въ огражденномъ пространствѣ была покрыта коврами. Большая люстра съ хрустальными подвѣсками висѣла посрединѣ на веревкѣ, протянутой черезъ улицу, и довольно ярко освѣщала всю залу. У стѣнъ противоположныхъ домовъ, тоже покрытыхъ коврами, набросаны были подушки и вальки для сидѣнія. Ряды мусульманскихъ гостей, исключительно мужчинъ, степенно и молчаливо сидѣли другъ противъ друга, поджавъ подъ себя ноги. Предъ ними, на круглыхъ мѣдныхъ подносахъ, стояли разныя угощенія: жареные пирожки и пышки, рахат-лакумъ и орѣхи, изюмъ и фишашки, винограды, бананы и персики. Тамъ и сямъ дымилось нѣсколько кальяновъ и трубокъ съ длинными чубуками, упертыхъ въ коверъ на маленькія мѣдныя тарелочки.

Видя, что попали куда-то не туда, мы переглянулись между собой и уже рѣшили-было ретироваться, какъ вдругъ подошелъ къ намъ почтенной наружности пожилой арабъ и съ любезными поклонами предложилъ занять мѣсто на подушкахъ. Отказаться отъ такого гостепріимства очевидно было бы крайне неловко, и мы, волей-неволей, очутились вдругъ гостями неизвѣстнаго намъ хозяина. Положеніе довольно глупое. Намъ тотчасъ же подали по чашкѣ кофе и каждому окурили ладономъ, а затѣмъ предложили кальянъ и трубку.

Теперь, пуская струи дыма, можно было не ~~на~~ скорую руку оглядѣться вокругъ и замѣтить нѣкоторыя детали. Въ лѣвомъ углу между завѣсой и входною дверью стояла большая мѣдная жаровня, на которой грѣлись металлическіе кофейники; здѣсь суетилась прислуга, кафеджи и чубукчи, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы гости не оставались безъ кофе и трубокъ. По срединѣ залы, на особой подушкѣ, возсѣдалъ пѣвецъ и сказочникъ съ торбаномъ въ рукахъ и задумчиво перебиралъ пальцами по струнамъ, извлекавая тихіе, мелодическіе звуки. На самомъ почетномъ мѣстѣ, между женихомъ и хозяиномъ дома который, оказалось, справлялъ теперь свадьбу своего сына, сидѣлъ, какъ бы согнувшись подъ тяжестью большой бѣлой чалмы, почтенный подслѣповатый старичокъ съ трясущеюся бородкой. Онъ изображалъ собою невѣсту, то-есть въ качествѣ ея старѣйшаго родственника, служилъ ея представителемъ, такъ какъ по мусульманскому обычаю, невѣста не можетъ присутствовать въ обществѣ мужчинъ и занимаетъ въ это время пріемомъ гостей-женщинъ у себя, на особой половинѣ. Этотъ старичокъ игралъ роль невѣсты и предъ кадіемъ, во время

самого обряда бракосочетанія, отвѣчая за нее на вопросы, требуемые закономъ и подписывая, по довѣренности, условія брачнаго контракта.

Гости состояли изъ родственниковъ и друзей дома жениха и невесты и изъ постороннихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, подобно намъ, случайно попавшихъ на свадьбу. Нѣсколько такихъ прохожихъ завернуло сюда и при насъ. Хозяинъ, не различая ихъ возраста и состоянія, неизмѣнно вставалъ предъ каждымъ на встрѣчу, кланялся, приложивъ руку къ сердцу и предлагалъ честь и мѣсто, а прислуга тотчасъ же подавала гостю кофе, трубку и окуривала его ладномъ, причемъ гость, зажмуривъ глаза, съ видомъ величайшаго наслажденія подставлялъ подъ волны ароматнаго дыма свою бороду и затѣмъ, схватясь за нее обѣими руками, кланялся и благодарилъ хозяина. Все это слѣдовало бы продѣлать и намъ, но увы! мы не знали обычая и потому добрый хозяинъ вѣроятно извинилъ намъ наше «френгистанское невѣжество».

Трубка была выкурена и чашка кофе выпита. Намъ уже собирались предложить по второй, но инстинктъ, на сей разъ довольно вѣрный, подсказалъ намъ, что пора откланяться, и мы немедленно исполнили это. Хозяинъ, вставъ съ мѣста, любезно пожалъ намъ руки, а прислуга, уже у самаго выхода, окропила насъ розовою водою изъ красивой мѣдной лоханочки. Крономъ служилъ пучекъ тамариска, перевязанный лентой.

19-го іюля.

Въ семь часовъ утра мы отправились изъ отеля на станцію желѣзной дороги, чтобы ѣхать въ Суэзъ, гдѣ должны были пересѣсть на почтово-пассажирскій пароходъ компаніи Messageries Maritimes.

Опять эти несносные хамалы и ихъ наглые приставайя!.. Вы не успѣли еще подкатить къ подъѣзду станціи, какъ они уже гурьбой кидаются на вашъ экипажъ, причемъ болѣе ловкіе кулаками отстраняютъ своихъ товарищей, вскакиваютъ съ обѣихъ сторонъ на подножки коляски и быстро папаютъ что попало подъ руку изъ вашего багажа, чтобы перенести его на вокзалъ, даже не спрашивая васъ нуждается ли вы въ этой услугѣ. Но чуть коляска остановилась, на этихъ ловкачей накидываются другіе хамалы, пытаясь вырвать у нихъ тотъ или другой сакъ, что нерѣдко имъ и удается, и такимъ образомъ ваши дорожныя вещи вдругъ оказываются у трехъ, четырехъ носильщиковъ, причемъ изъ-за нихъ между хамалами нерѣдко дѣло доходитъ до кулачнаго боя. За ними нуженъ глазъ да и глазъ, потому что одинъ рветъ у другого, другой у третьяго, кончая общую потасовку, среди которой, при малѣйшей вашей оплошности, сейчасъ же что нибудь изъ вашихъ вещей будетъ стащено. Они, кажется, нарочно съ этою цѣлью и устраиваютъ свои

потасовки. Это какое-то общее мазурничество, за которымъ, къ удивленію, мѣстная полиція вовсе не наблюдаетъ. Да добро бы мошенничали одни хамалы, а то отъ нихъ не отстаютъ, при случаѣ, даже и консульскіе кавасы. Такъ было съ нами: для пущей распорядительности русское консульство снабдило насъ своимъ кавасомъ, по происхожденію грекомъ, который, сдавъ пріемщикамъ общій нашъ багажъ, потребовалъ съ насъ, якобы въ уплату за него въ кассу, четыреста франковъ. Нѣкоторые изъ насъ, еще не зная что подъ общій нашъ багажъ сразу взято цѣлое отдѣленіе багажнаго вагона, уже раскошелились-было платить, но пріостановились только въ виду вопроса: кому, однако, и поскольку платить приходится? Потребовали у каваса квитанціи или какой-нибудь записки о числѣ принятыхъ мѣстъ и ихъ вѣсѣ, но онъ возразилъ, что безъ денегъ никакой записки не выдадутъ, надо-де сначала все свѣсить.

— Но въ такомъ случаѣ, почему же вы знаете, что это будетъ стоить именно четыреста франковъ?

— Такъ... мнѣ такъ кажется.

Тогда А. П. Новосильскій, рѣшивъ, что расплатится одинъ за всѣхъ (потомъ-де разочтемся), приказалъ кавасу вести себя къ багажной кассѣ. Тотъ сейчасъ же смутился и сталъ извиняться, увѣряя, что онъ ошибся, что за багажъ съ насъ собственно ничего не требуется, такъ какъ плата за цѣлое отдѣленіе багажнаго вагона уже внесена однимъ изъ нашихъ спутниковъ (Н. Н. Росселемъ), но что онъ позабылъ вторыхъ объ этомъ обстоятельстве и проситъ великодушно простить ему. Очевидно, расчетъ былъ на то, что за суетой и по неопытности, а въ особенности по граниньерству (здѣсь, сказать мимоходомъ, почему-то ужасно разсчитываютъ на граниньерство русскихъ) ему отсчитаютъ четыреста франковъ по одному лишь его голословному заявленію и не потрудятся даже лично справиться, точно ли употребилъ онъ ихъ на то, на что спрашивалъ. Вѣроятно продѣлка эта ему уже не разъ удавалась съ нашими соотечественниками.

Въ это время пріѣхалъ Тонино-бей, нарочно присланный хедивомъ пожелать отъ его имени С. С. Лесовскому счастливаго пути и сообщить, что хедивъ приказалъ приготовить для насъ отдѣльный вагонъ 1-го класса. Адмиралъ просилъ его передать хедиву нашу признательность за все любезное вниманіе, оказанное намъ его высочествомъ и выразилъ, что мы уносимъ изъ Александріи наилучшія впечатлѣнія какъ о самсѣмъ хедивѣ, такъ и о лицахъ его двора и министерства, съ которыми приходилось вступать въ какое-либо соприкосновеніе.

Дружески простясь съ Тонино-беємъ и лицами нашего консульства, мы ровно въ восемь часовъ тронулись въ путь по Каирской дорогѣ.

Въ началѣ она пролегаетъ по известковому грунту пещельно-сѣраго цвѣта, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей растительности. На обсыпкахъ откосовъ лежало и ползало множество ящерицъ, которыхъ, повидимому, нисколько не смущаетъ грохотъ поѣзда, вѣроятно уже привыкли. Это очень красивыя животныя, величиной около фута, съ темносиней и фіолетовой окраской кожи, которая имѣетъ свойство вдругъ переходить въ кроваво-красный цвѣтъ, чуть только тѣмъ-нибудь нарушается спокойствіе ящерицы.

Вскорѣ путь пошелъ по довольно узкому перешейку, между озерами Абукиръ и Маріутъ; значительная часть послѣдняго уже осушена и обработана подъ рисовыя пашни. Озера эти, впрочемъ, крайне мелководны, такъ что станъ стоящихъ посреди ихъ мрачныхъ марабу и розовыхъ фламинго лишь нѣсколько обмывающихъ въ ихъ водахъ свои длинныя голени. Мнѣ кажется это скорѣе обширныя лужи, въ родѣ нашихъ степныхъ среднеазіатскихъ «каковъ», чѣмъ озеро въ точномъ значеніи слова.

За перешейкомъ пейзажъ принимаетъ совершенно своеобразный характеръ: на гладкой, со всѣхъ сторонъ открытой плоскости вы видите полосы роскошной растительности рядомъ съ песчаною пустыней, на которой тамъ и сямъ мелькаютъ отдѣльныя оазы садовъ и милостивыхъ дачъ; затѣмъ, перемежаясь съ пространствами пустыни, идутъ воздѣланныя пашни и затопленныя рисовыя поля. На пашняхъ работаютъ поселяне плугами самаго первобытнаго устройства, причемъ въ такой плугъ нерѣдко впряжены рядомъ верблюдъ и корова. Поля изрѣзаны оросительными арыками, отведенными изъ нѣсколькихъ главныхъ каналовъ, по которымъ, несмотря на ихъ ширину, не выше трехъ аршинъ, ходятъ парусныя лодки, и это являетъ очень оригинальное зрѣлище: за выотою камальныхъ насыпей (*динъ*) вы не видите ни воды, ни лодки, а движется предъ вашими глазами только одинъ косой островерхій парусъ, который словно скользитъ самъ по себѣ прямо по зелѣющему полю. Вдоль этихъ каналовъ почти всюду видны древесныя насаждения, образующія нерѣдко цѣлыя рощи, изъ-за которыхъ кое-гдѣ мелькаютъ бѣлыя стѣны построекъ и торчатъ локомобильныя и кирпичныя трубы фабрикъ и заводовъ. Населенность страны довольно густая. Арабскія и коптскія деревушки встрѣчаются нерѣдко; но до чего невыскаательны эти феллахи въ своемъ домашнемъ обиходѣ! Ихъ жилища походятъ болѣе на муравьиныя кучи или опрокинутыя вверхъ дномъ ласточкины гнѣзда, а то и на кучи навоза. Иногда цѣлое селеніе состоитъ лишь изъ такихъ убогихъ кучекъ-конурокъ, въ иныхъ же деревняхъ онѣ

перемѣшаны съ глинобитными домиками, въ родѣ нашихъ среднеазіатскихъ саклей. Мечетъ или церковь среди этихъ селеній отличается въ тѣмъ, что надъ первой на глинобитномъ куполѣ торчитъ полумѣсяцъ, а надъ второй четырехконечный крестикъ. Между селеніями тамъ и сямъ разбросаны кладбища и отдѣльныя могилы марабутовъ, святыхъ отшельниковъ. Эти послѣдніе носятъ совершенно тотъ же характеръ что и наши среднеазіатскія мазарки: четырехстороння, кубической формы, мазанка увѣнчанная глинобитнымъ полусферическимъ или луковичнымъ куполомъ. Надъ такими могилами всегда почти болтаются на шестахъ конскіе хвосты и какія-то тряпицы.

Поселяне-копты ходятъ преимущественно въ черныхъ шерстяныхъ балахонахъ и женщины ихъ также, ничѣмъ почти, кромѣ серегъ въ носу, не отличающа отъ мужчинъ. Арабы же предпочитаютъ балахоны бѣлые изъ полотна или коленкора, а дамы арабскія, жены зажиточныхъ купцовъ и чиновниковъ, носятъ исключительно черныя шелковыя фередже. Ихъ много ѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ особо устроенныхъ для мусульманокъ женскихъ отдѣленійхъ. Одна изъ нихъ, должно-быть какая-нибудь «паниха», ѣдетъ съ цѣлымъ штатомъ своихъ гаремныхъ прислужницъ, черныхъ какъ сапогъ, или смуглыхъ какъ старая темная бронза. На рукахъ у нихъ находятся разныя дорожныя принадлежности ихъ госпожи: ридикюли, саки, вѣера, баночки, коробочки со сладостямъ, пористые кувшины съ водою, обезьянка на цѣпочкѣ и ученый попугай не въ клеткѣ, а просто на пальцѣ у одной изъ служанокъ. Съ нимъ она такъ и выходитъ на каждой станціи на прогулку, а за ней тинется и вся остальная когорта служанокъ. Сама же «паниха» не выходитъ, а только лѣниво смотритъ на нихъ изъ окна благосклонно улыбающимся взоромъ.

Чѣмъ дальше мы двигаемся, тѣмъ все чаще встрѣчается характерная африканская растительность: тамарискъ, алое, кактусы и финиковыя пальмы. Первый, это тотъ же нашъ среднеазіатскій степной *гребенникъ*, а бородавчатые сѣро-зеленые кактусы, напоминающіе своими формами то дыню, то тыкву, торчать на голыхъ солончакахъ прямо изъ земли. Ихъ тутъ впрочемъ нѣсколько разновидностей, и иные достигаютъ довольно значительнаго роста. На колючихъ алое нерѣдко красуются прелестныя большіе цвѣтки съ глянцоватыми пурпурными чашечками. Говорятъ, что кисло-сладкіе плоды алое на вкусъ очень пріятны. Но замѣчательнѣе всѣхъ остальныхъ представителей адрійшей флоры, это финиковая пальма, которая прекрасно растетъ только на песчаныхъ солончакахъ, тамъ гдѣ не выдерживаетъ никакое другое расте-

нѣ, и гибнетъ если ее пересадить въ лучшую почву. Можно сказать навѣрное, что гдѣ пальма эта особенно плодоносна, тамъ недостатокъ во всѣхъ остальныхъ дарахъ природы и прежде всего въ прѣсной водѣ. Въ Египтѣ за нею ухаживаютъ съ незапамятныхъ временъ и не даромъ, потому-что для кочевыхъ бедуиновъ и ихъ лошадей ея плодъ, по большей части, служитъ единственной пищей. Гибкій и стройный стволъ ея достигаетъ шестидесяти футовъ высоты и завершается метелкой перистыхъ листьевъ. Плоды ея, которыхъ съ одного дерева ежегодно собирается отъ пяти до семи съ половиной пудовъ, свѣшиваются изъ-подъ лиственной метелки громадными гроздьями. Въ Египтѣ эта пальма приноситъ достаточное количество плодовъ не только для мѣстнаго употребленія, но и для вывоза въ Сирію, Турцію и Европу. Изъ одного Александрійскаго порта ежегодно вывозится финиковъ около 6.000 центнеровъ на сумму до 2.000.000 франковъ. Здѣсь, между прочимъ, это дерево обложено огромной податью; и я узналъ изъ данныхъ нашего консульства, что въ Египтѣ считается 4.480.000 финиковыхъ деревьевъ, доходъ съ которыхъ превышаетъ 115.000.000 египетскихъ піастровъ.

Хотя земледѣліе есть главный, если не единственный источникъ богатства страны, однакоже оно въ послѣдніе годы приходитъ все въ болѣе упадокъ, вслѣдствіе непомерныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ феллаховъ. Гдѣ обработка почвы хороша, тамъ почти навѣрное можно сказать, что земля принадлежитъ не феллаху, а европейцамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна французская компанія купила 30.000 феддановъ ¹⁾ заброшенной земли и успѣла уже, какъ сказано выше, обработать часть бывшаго озера Маріутъ. Вслѣдъ за этою компаніей стали составляться и другія, съ такою же цѣлью, и правительство охотно уступаетъ имъ большія пространства пустынныхъ земель въ Нижнемъ Египтѣ. На пять съ половиной миллионъ всего населенія Египта собственно земледѣльцевъ считается 1.855.000 человекъ. Земли дѣлятся на государственныя (*миріе*), частновладѣльческія (*мулкъ*) и *онактъ*, пожертвованныя на благотворительныя учрежденія, то же, что турецкіе и наши среднеазіатскіе *вакуфы*. Земли, принадлежащія частнымъ лицамъ (*мулкъ*), дѣлятся на *ушури*, т.е. платящіе десятину, и *караджи*, съ которыхъ взимается податей гораздо больше чѣмъ съ первыхъ. Количество обработанныхъ феддановъ распадается по категоріямъ такимъ образомъ: караджи 3.460.685, ушури 1.281.925, миріе

1.017.497, а всѣхъ вообще 5.760.087 феддановъ. Изъ этого количества, за время управленія бывшаго хедива Измайлъ-паши, приведено въ состояніе годности къ обработкѣ 689.263 феддана.

Главные произведенія земли здѣсь хлопокъ, сахарный тростникъ, пшеница, ячмень, рисъ и мансъ, бобы, горохъ и чечевица, ленъ и конопля, берсимъ (клеверъ), индigo, хеннѣ, макъ, лукъ, табакъ и фрукты (финики, фиги, бананы, анельсины, мандарины, лимоны, миндаль, виноградъ, груши, дыни, арбузы и проч.). Всѣ вмѣстѣ взятые, лѣтнія, осеннія и зимнія произведенія земли даютъ продуктовъ на сумму 1.523.000.000 египетскихъ піастровъ, а средній доходъ съ феддана по всѣмъ этимъ произведеніямъ равняется 320 египетскимъ піастрамъ.

Что до скотоводства, то по статистическимъ свѣдѣніямъ 1880 года считается: конской породы (въ томъ числѣ ословъ, лошаковъ и муловъ) 8.740 головъ; быковъ, коровъ и буйволовъ 228.326 головъ; овецъ и козъ 320.000, такъ что на одну тысячу жителей приходится конской породы 1,5, рогатаго скота 41,3 и мелкаго скота 58,0. Изъ этого видно, что скотоводство въ Египтѣ стоитъ на весьма низкой степені, чему способствуетъ впрочемъ недостатокъ подножнаго корма, вслѣдствіе сухого жаркаго климата и отчасти эпизоотій.

Разработка минеральныхъ богатствъ въ настоящее время очень ограничена. Есть только каменоломни около Каира и въ пустынѣ между Суэзомъ и Жлифе, а въ Красномъ морѣ сѣра, которую лѣтъ восемь тому назадъ добывалъ маркизъ Баскано, но долженъ былъ прекратить добычу за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Находятся еще зеленый и розовый гранитъ около Асуана, мелкая бирюза у Синайской горы, соляныя копи въ Савакинѣ и натръ въ Нижнемъ Египтѣ.

Фабрики и заводы процвѣтали во времена Мехмедъ-Али, но теперь почти всѣ закрылись, такъ какъ не могутъ конкурировать по качеству и дешевизнѣ съ иностранными произведеніями. Въ Каирѣ кое-какъ существуетъ еще писчебумажная фабрика, которая производитъ бумагу низшаго сорта, исключительно для казны. Тамъ же работаютъ швейцарскій пивной заводъ и два заведенія для искусственнаго производства льда, а въ Среднемъ и Верхнемъ Египтѣ есть до двадцати сахарныхъ заводовъ. Эти послѣдніе почти всѣ были устроены ех-хедивомъ Измайлъ-пашой, но нынѣ нѣкоторые изъ нихъ уже перестали работать за недостаткомъ сахарнаго тростника, который почему-то перестали культивировать.

Ремесленность, сосредоточенная въ рукахъ различныхъ мелкихъ цеховъ, кое-какъ еще борется съ иностранцами вслѣдствіе дешевизны задѣльной платы. Въ Верхнемъ Египтѣ

¹⁾ Одинъ федданъ равняется 4.200 квадр. метрамъ.

феллахи выдѣлываютъ для себя только грубыя шерстяныя матеріи, а въ Нижнемъ—дешевыя шелковыя ткани, исключительно для мѣстнаго потребленія.

Торговля со внутренностью страны идетъ посредствомъ желѣзныхъ, водяныхъ и въючныхъ путей. Желѣзныхъ дорогъ въ Египтѣ построено всего 1.494 километра и на 8.539 километровъ проведено телеграфныхъ линий. По стоимости постройки, желѣзныя дороги ежегодно даютъ доходъ въ 15.275 франковъ на каждый километръ или всего 22.820.850 франковъ. Другихъ искусственныхъ дорогъ въ Египтѣ не существуетъ, но ихъ до извѣстной степени замѣняютъ *дики* по обоимъ берегамъ Нила и каналовъ, что въ совокупности составляютъ 3.000 километровъ. Кромѣ того, есть еще въючные или караванные пути между Верхнимъ Египтомъ и Краснымъ моремъ, между Бени-Суэфомъ и Райюмомъ, отъ Салихѣ на Кантару въ Сирію и другіе. Каналовъ, годныхъ для большой навигаціи, считается здѣсь двѣнадцать, изъ коихъ семь въ Верхнемъ и пять въ Нижнемъ Египтѣ, и по нимъ ходятъ до 12.000 средней величины барокъ, принадлежащихъ правительству и частнымъ лицамъ.

Внѣшняя торговля представляетъ слѣдующіе результаты въ египетскихъ годахъ:

Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Итогъ.
1874.....	507.074.155	1.342.347.221	1.849.411.381
1875.....	561.946.693	1.333.333.408	1.896.280.101
1876.....	425.319.102	1.356.128.582	1.781.447.689
1877.....	449.344.135	1.275.023.200	1.724.367.346
1878.....	488.434.195	809.727.699	1.294.161.894

По ввозу товаровъ первое мѣсто занимаютъ котонады, а второе каменный уголь; по вывозу же главная роль принадлежитъ хлопку, вторая сахару, несмотря даже на закрытіе нѣсколькихъ сахарныхъ заводовъ. Недавно компанія нашихъ русскихъ мануфактуристовъ приобрѣла себѣ здѣсь въ аренду большія хлопковые плантаціи, продукты коихъ доставляются теперь въ Одессу. Ввозъ въ Египетъ англійскихъ и французскихъ товаровъ за послѣдніе годы хотя и уменьшился, но слабо, тогда какъ вызовъ изъ Египта въ эти страны уменьшился почти на половину, и тѣмъ не менѣе англійскій коммерческій флагъ въ египетскихъ портахъ все-таки преобладаетъ надъ всѣми остальными.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ экономическое состояніе страны, остается сказать нѣсколько словъ о причинахъ ея финансоваго упадка. Причинами этимъ были: во-первыхъ, легкость, съ которой правительство Измаиль-паши брало, а европейскіе, даже мѣстные иностранно-подданные банкиры давали ему взаимныя огромныя суммы, обременявшія государство почти непосильнымъ для него долгомъ; во-вторыхъ значительныя суммы, которыя по-

сылалъ Измаиль-паша въ Стамбулъ, для исхода тайствованія и расширенія себѣ различныхъ правъ по внутреннему управленію страной; въ-третьихъ, Суэзскій каналъ, стоившій одному Египту около 300.000.000 фр. и уничтожившій вмѣстѣ съ тѣмъ сухопутную транзитную торговлю чрезъ Египетъ, которая приносила странѣ весьма большія выгоды; затѣмъ, желѣзныя дороги, каналы, порты, мосты и различныя украшенія на европейскій ладъ Каира и Александріи, сдѣланныя Измаиль-пашой; словомъ, вся эта «прессованная цивилизація», «реформы» и «развитіе подъ высокимъ давленіемъ», наложившія на плечи феллаховъ новую «египетскую работу», какъ во дни древнихъ фараоновъ, а наконецъ и необузданная расточительность и щедрость самого ех-хедива, все это довело страну до близкаго банкротства.

Въ 1875 году, когда Порта прекратила платежи процентовъ по займамъ, европейскія биржи начали показывать нѣкоторое безпокойство и насчетъ Египта, такъ что неограниченный дотолъ кредитъ Измаиль-паши былъ вдругъ подорванъ, и уже въ апрѣлѣ того же года Египетское правительство оказалось не въ состояніи уплатить *бани*—внутреннія долговые обязательства, коимъ срокъ кончился. Декретъ хедива, объявившій этотъ сюрпризъ, обратилъ на себя вниманіе Англіи, а затѣмъ и Франціи. Обѣ державы стали насылать въ Каиръ всевозможныхъ своихъ финансистовъ для изслѣдованія положенія страны: Ковъ, Вильсонъ, Вильетъ слѣдовали одинъ за другимъ, но они никогда не могли добиться истины, такъ какъ ее отъ нихъ тщательно скрывали. Наконецъ, въ 1876 году прибыли сюда Гошенъ и Жуберъ, которымъ тоже показали бюджетъ доходовъ въ весьма увеличенномъ размѣрѣ и скрыли истинную цифру долговъ разнымъ крупнымъ поставщикамъ, подрядчикамъ, чиновникамъ и арміи. Но Гошену съ Жуберомъ удалось, по крайней мѣрѣ, консолидировать всѣ долги имъ извѣстные. Офіціальныя бюджеты доходовъ Египта съ 1877 года показывались обыкновенно до девяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, но въ дѣйствительности доходы эти никогда не доходили до такой цифры. Бюджетъ на 1880 годъ показалъ доходъ въ 8.561.662 фунтовъ стерлинговъ, и эта цифра была признана довольно вѣрною, такъ какъ въ ней взятъ *минимумъ* предположеній. На необходимые же расходы страны, европейскіе контролеры сочли достаточнымъ положить 3.612.000 фунтовъ стерлинговъ, да на трибутъ Портъ 681.486 фунтовъ стерлинговъ. Но этотъ послѣдній весь сполна идетъ не въ Стамбулъ, а прямо въ Лондонъ, на обезпеченіе четырехъ турецкихъ займовъ 1854, 1855, 1871 и 1877 годовъ, сдѣланныхъ въ Англіи.

Подати и налоги непомѣрно велики и глав-

ною своею тяжестью падаютъ на феллаховъ. То, что собиралось съ народа въ дѣйствительности, значительно превышало официально обозначенную цифру сбора, но разниці вся расходилась по карманамъ пашей и вообще чиновниковъ администраціи. Однако, со времени вмѣшательства въ дѣла иностранныхъ контролеровъ, правительство стало заботиться о томъ, чтобы положить конецъ злоупотребленіямъ этого рода. При Измаилъ-пашѣ подати взимались подъ различными наименованіями и въ такомъ количествѣ, что со времени вступленія на престолъ Тевфика ихъ уже уничтожено 36 категорій, и, не смотря на это, феллахи все еще платятъ гораздо болѣе, чѣмъ напирмѣръ нашъ русскій крестьянинъ при земствѣ. Вмѣсто всѣхъ уничтоженныхъ податей, которыя приносили дохода до 600.000 фунт. стерлинговъ въ годъ, правительство увеличило на 29%, налогъ на земли *ушур*. Для сбора податей въ каждой провинціи есть особые чиновники, которые до сихъ поръ дѣйствовали совершенно произвольно, но есть надежда, что съ введеніемъ кадастра, начатаго въ 1879 году, дѣла въ этомъ отношеніи пойдутъ правильнѣе.

Что же до кочующихъ бедуиновъ, то эти не платятъ никакихъ податей, хотя официально и считаются въ числѣ платежныхъ силъ страны. Но еслибъ и вздумали заставить ихъ платить какими ни на есть способами, то они навѣрно отвѣтили бы на это бунтомъ. Да и мудроно заставить при ихъ кочевомъ образѣ жизни.

Почти всѣ государственные доходы, кромѣ тѣхъ податей съ нѣкоторыхъ провинцій, которыя назначены на содержаніе администраціи и войска и на уплату трибута Портъ, идутъ или въ «кассу погашенія долговъ», или въ «опекунское управленіе имѣніями (бывшими *даири*) Измаилъ-пашей», такъ какъ надо всѣмъ имѣніями ех - хедива и его семейства учреждена опека изъ комиссаровъ - европейцевъ, причѣмъ Англія, разумѣется, вездѣ играетъ первенствующую роль—и доходы съ имѣній семейства ех - хедива идутъ прямо въ руки Ротшильда. Увеличить хотя сколько-нибудь налоги въ настоящее время нѣтъ возможности, или иначе феллахамъ останется развѣ повѣситься. Но государственные доходы могли бы быть значительно увеличены еслибы, во-первыхъ, иностранцы, заправляющіе нынѣ судьбами Египта брали себѣ не столь бѣшеные кушны вмѣсто жалованья, а во-вторыхъ, еслибы паша и опять же такіе иностранцы, владѣющіе здѣсь имѣніями, правильно платили слѣдующія съ нихъ подати, а не уклонялись отъ платежа подъ разными предлогами. Сверхъ того, иностранно-подданные, коимъ принадлежитъ большая часть домовъ въ Александріи и значительное количество оныхъ

въ Каирѣ, никакихъ городскихъ повинностей не платятъ, что не согласно и съ капитуляціями, и наконецъ торгующіе иностранцы не желаютъ подвергаться даже и патентному сбору. Можете представить себѣ послѣ этого сколь они сладки и пріятны и сколь «навязли въ зубахъ» несчастнымъ феллахамъ, которыхъ и такъ и сякъ жмутъ въ податныхъ тискахъ, да еще кладутъ «подъ прессъ цивилизаціи».

Саранча, какъ извѣстно, нѣкогда фигурировала въ числѣ десяти казней египетскихъ. Нынѣ она вновь страшась надъ несчастной и неповинной за своего ех-хедива страной, — страшась въ образѣ ея жидо-европейскихъ кредиторовъ, банкировъ, администраторовъ, приживалокъ и прихлебателей. Нашествіе сыновъ Израиля, которые нѣкогда, по слову Моисеевой книги «Исхода», «обобрали египтянъ», снова какъ туча саранчи, какъ «тѣма египетская», повисло надъ страной во образѣ англичанъ и ихъ Ротшильдовъ и Ротшильдовыхъ свояковъ и родичей, брудеровъ и швагеровъ, парижскихъ, франкфуртскихъ, гамбургскихъ, вѣнскихъ, римскихъ и иныхъ, до нашихъ имулекъ и шлемокъ включительно. «И обереге египтянъ», было во время оно предсказано въ утѣшеніе ихъ предкамъ. «И оберутъ египтянъ», можно и въ наши дни предсказать, не будучи вовсе пророкомъ, «до конца оберутъ и кровь ихъ высосутъ».

А впрочемъ ужъ и обобрали...

Железнодорожныя станціи и полустанки часто слѣдуютъ другъ за другомъ. Безпрепятственные остановки поѣзда, на минуту, на двѣ, иногда болѣе. На платформахъ чисто восточная пестрота публики, среди которой тамъ и сямъ мелькаютъ англійскіе пробковые шлемы и бѣлыя жакетки европейцевъ. Вокругъ остановившагося поѣзда въ раскаленномъ воздухѣ стоитъ шумъ и гамъ туземнаго населенія. Полуголые смуглые мальчишки и курчавыя дѣвчонки съ кувшинами и стаканами прѣсной воды лѣзутъ чуть не подъ колеса; взрослые продавцы хлѣба, фруктовъ и орѣховъ то и дѣло шугаютъ ихъ и стараются оттереть отъ оконъ вагоновъ, но сталъ маленькихъ продавцовъ, на мигъ отступая въ разсыпную, снова продирается впередъ и протягиваетъ пассажирамъ воду, зная, что въ Египтѣ этотъ товаръ самый сбыточный. Надувательство тутъ, конечно, царитъ въ видѣ общаго правила, и иногда оно выходитъ поистинѣ комично. Такъ, напирмѣръ, на станціи Тельбарудъ, М. А. Поджіо, не выходя изъ вагона, торговалъ себѣ фунтъ свѣжихъ лѣсныхъ орѣховъ за три піастра и бросилъ продавцу деньги прежде чѣмъ получилъ товаръ. Тотъ, вмѣсто фунта, высыпалъ ему въ шляпу одну горсточку и откланялся, да еще самъ, отступая шага на три, тутъ же стоить и смѣется,

и такъ хорошо смѣется добродушно-плутоватымъ смѣхомъ, что и мы, глядя на его продѣлку, невольно разсмѣялись. Что съ ними подѣлаешь! Такъ много съ нихъ тянуть, что подобныя продѣлки не только понятны, но пожалуй и простительны.

Особенная толкотня и давка происходитъ на городскихъ станціяхъ, гдѣ находятся буфеты. Тутъ васъ навѣрное будутъ назойливо преслѣдовать непрощенныя услуги со стороны арабовъ и предложенія проводить до буфета. Иногда выскочатъ вдругъ и два, и три человека вмѣстѣ указывать вамъ дорогу къ буфету, хотя это вовсе и не требуется, такъ какъ вывеска, гласящая вамъ о его присутствіи, на англійскомъ, французскомъ и арабскомъ языкахъ, находится тутъ же, на виду у всѣхъ, и сама тычется въ глаза своими крупными золотыми литерами на черномъ фонѣ желѣзнаго листа; но арабы все-таки торопливо васъ провожаютъ, отталкивая и оттирая другъ друга, и вслѣдъ затѣмъ назойливо и неотступно пристають за бакшишемъ. Это какія-то всеобщія, повальныя требованія бакшиша и за дѣло, и безъ дѣла: все равно давай. По этому поводу М. А. Поджіо не безъ остроумія сдѣлалъ замѣчаніе, что въ Египтѣ, когда полугодовалой ребенокъ начинаетъ лепетать первые сознательные звуки, то онъ говорить не «папа» и «мама», какъ всѣ и повсюду, а такъ уже, по инстинкту, первымъ словомъ произноситъ «бакшишъ»! Это специальная страва бакшиша, гдѣ попрошайство составляетъ чуть ли не основную черту современнаго народнаго характера, и черта эта очень низменная, гадкая, унижающая человѣческое достоинство; но—что вы хотите!—вспомня экономическое положеніе народа, она опять-таки становится понятною.

По мнѣ гораздо гаже общее мазурничество со стороны здѣшнихъ торгующихъ за буфетами левантинцевъ и европейцевъ. У этихъ оно вызывается уже не нищетою, а хищническою алчностью наживы. Такъ, на одной изъ станцій вздумали мы купить сельтерской воды, чтобы взять ее съ собой въ вагонъ. «Что стоитъ бутылка?»—«Одинъ франкъ».—«Дайте четыре бутылки. Вотъ вамъ десятифранковикъ и позвольте сдачу». Отпустилъ буфетчикъ воду, но вмѣсто шести, даетъ только четыре франка сдачи. «Вы невѣрно сдали, надо дополчить еще два франка».—Итальянецъ или французъ (кто его тамъ знаетъ?) дѣлаетъ видъ, что не слышитъ замѣчанія. Ему повторяютъ требованіе. Тогда онъ съ видомъ удивленія, какъ человекъ совершенно правый, объявляетъ, что сдалъ совершенно вѣрно, что такъ и слѣдовало, именно четыре франка.—«Но вѣдь вы объявили цѣну однаго франка за бутылку».—«Я сказалъ полтора франка бутылка, вы меня не поняли», отрізалъ онъ безапелляціоннымъ то-

номъ и притомъ съ самымъ «благороднымъ» видомъ. Мы только переглянулись между собой въ виду такой наглости: всѣ очень ясно и отчетливо слышали первоначально объявленную цѣну. Въ это время раздается звонокъ, спорить нѣкогда, а пить въ вагонѣ захочется—и два лишніе франка (гдѣ наше не пропадало!) прибавляются къ выручкѣ «благороднаго» европейца. Здѣсь при расплатахъ надо вообще избѣгать необходимости сдачи; такъ какъ всѣ эти *chevaliers d'industrie* всегда норовятъ надуть на ней хоть на $\frac{1}{4}$ піастра. Другой, подобный же буфетчикъ долго отлынивалъ, чтобы не размѣнить мнѣ фунтъ стерлинга до второго звонка, въ расчетѣ, конечно, на всегдашнюю торопливость пассажировъ, когда учитывать его будетъ уже некогда, и я получилъ съ него сдачу не раньше, какъ заявивъ внушительнымъ тономъ, что сейчасъ же обращусь съ жалобой къ начальнику станціи.

Въ Тантѣ на платформѣ бродило нѣсколько торгашей съ произведеніями мѣстной кустарной промышленности. Одни продавали какія-то картинки и изреченія въ завиткахъ, намаленные красками на стеклѣ, другіе—мундштуки изъ тростника, третьи—вѣера изъ павлиньихъ и гусяныхъ перьевъ; послѣдніе были окрашены въ малиновый, желтый, фіолетовый и иные цвѣта, что выходитъ довольно красиво. Къ окну нашего вагона подошелъ пожилой продавецъ съ пучкомъ павлиньихъ вѣеровъ и на ломаномъ французскомъ языкѣ предлагаетъ купить у него. При здѣшней духотѣ, вѣеръ пожалуй вещь не лишняя, но арабъ заломилъ за него пятнадцать франковъ, тогда какъ красная цѣна ему франка четыре, не болѣе. Эту цѣну я и предложилъ, но продавецъ мотаетъ головой, ни за что не соглашается. Я пересталъ торговаться и не обращаю на него больше вниманія, а онъ все торчитъ у окна и старается соблазнить меня своимъ товаромъ, кажетъ его и такъ, и этакъ, и поигрываетъ, и помахиваетъ вѣеромъ—то на себя, то на меня, бормоча что-то съ подмигиваньями и подщелкиваньями языкомъ, но видя что это средство не дѣйствуетъ, началъ понемногу спускать цѣну. — «*Monsieur, quatorze francs... Hé?.. quatorze!.. Et bien, treize!.. Comment, vous ne voulez pas pour treize?.. Oho!.. C'est étonnant!.. Monsieur, treize francs, c'est plus que rien... N-no, bon! douze et demi!.. Douze francs! Seulement pour vous!*»

Я не отвѣчаю, а онъ не отступаетъ. Наконецъ раздается третій звонокъ, и поѣздъ трогается съ мѣста. Въ это мгновеніе мой арабъ стремительно кидается къ окошку и суетъ мнѣ вѣеръ, крича: «*Bon! bon! Quatre francs, quatre francs!.. Hé!.. hé!.. Prenez donc!.. Monsieur!.. Voilà!.. C'est ça!.. quatre francs!..*» Но было уже поздно и оставалось развѣ показать ему носъ. Надо было видѣть однако эту фигуру

и тотъ уморительный по своему внутреннему комизму испугъ жадности, какой искажилъ его лицо, когда онъ убѣдился, что добыча ускользаетъ изъ его рукъ. Видя, что я непреклоненъ, онъ остановился наконецъ на краю платформы и укоризненно покачалъ головою, а затѣмъ вдругъ плюнулъ отъ безсильной досады и съ гримасой показалъ мнѣ языкъ. Очевидно и четыре франка была цѣна болѣе чѣмъ хорошая, но продавецъ, тянулъ до послѣдняго момента, въ надеждѣ авось-либо удастся сорвать побольше. Это тоже черта чисто мѣстная.

Лѣвый рукавъ Нила пересѣкается желѣзною дорогой у Кафръ-Заята, послѣдней станціи предъ Тантой, а правый въ Бенка-Аслѣ; отсюда одна вѣтвь отдѣляется къ югу, прямо на Каиръ, другая же къ сѣверо-востоку, на Загазикъ, гдѣ опять дорога развѣтвляется: прямое продолженіе ея идетъ на Салихіе, кожная вѣтвь на Белбестъ, а срединная—прямо на востокъ, къ Измаиліе на Суэзскомъ каналѣ. Нашъ путь лежалъ по этой послѣдней. Хотя дорога эта и находится подъ управленіемъ англичанъ, но безпорядки на ней образцовые, не уступающіе даже пресловутымъ румынскимъ. Выйдя изъ вагона, вы рискуете остаться на станціи: на иной станціи назначено стоять двѣ минуты, а стоятъ двадцать; на другой, по расписанію, поѣздъ ждетъ четверть часа, а онъ вдругъ возьметъ да уйдетъ черезъ пять минутъ. И при этомъ хоть бы сигнальные звонки подавали, а то гдѣ подадутъ, а гдѣ и нѣтъ, какъ вздумается. Дверцы въ вагонахъ съ приходомъ на станцію не открываютъ,—справляйтесь сами какъ знаете; кондуктора, въ случаѣ надобности, не дозовешься. Вообще халатность изумительная. А мы-то еще бранимъ наши русскія дороги. Да тутъ и сравненія нѣтъ! Прокатитесь по любой румынской или египетской линіи, и наши покажутся вамъ идеаломъ порядка и порядочности. Внутреннее устройство здѣшнихъ вагоновъ перваго класса лишено всякаго комфорта: тѣсно, низко, грязно, засалено, и при этомъ рѣшительно никакихъ приспособленій для удобствъ пассажира, даже изъ числа самыхъ необходимыхъ. На самой худшей изъ русскихъ дорогъ первоклассные вагоны неизмѣримо лучше во всѣхъ отношеніяхъ: въ нашихъ можно и сидѣть, и лежать удобно, а тутъ узкія скамейки (на два человѣка каждая) расположены такъ, что вы съ вашимъ vis-à-vis непременно должны безпокоить другъ друга колѣнками, и притомъ скамейки эти обиты темнымъ бархатомъ, что совсѣмъ уже несообразно съ условіями климата: при убійственномъ зноѣ и ѣдкой солончаковой пыли бархатныя подушки служатъ чѣмъ-то въ родѣ развѣдывающихъ кожу припарокъ. Одно что хорошо въ устройствѣ здѣшнихъ вагоновъ—это двойныя крыши, изъ коихъ верхняя приподнята надъ нижнею на четверть

вродѣ тента для свободнаго тока воздуха, и окрашена бѣлою краской, чтобы отражать солнечные лучи. Ради той же цѣли и вагоны здѣсь бѣлые снаружи, а безъ этого въ нихъ надо бы просто задохнуться.

Отъ станціи Абу-Хамитъ начинается уже болѣе пустынная мѣстность, селенія рѣдкѣютъ, становятся все меньше, малолюднѣе, и вскорѣ вмѣсто нихъ на стены остаются только разбросанные кое-гдѣ отдѣльные дворы да убогія сакли. Путники и поселяне работающіе на поляхъ встрѣчаются все рѣже и рѣже, крупныхъ деревьевъ не видно, однѣ только тоненькія пальмочки изрѣдка торчатъ на желто-песчаныхъ или пенельно-сѣрыхъ равнинахъ. Но вдоль прѣсноводнаго канала, что тянется справа рядомъ съ дорогой, еще сохраняется кое-какая зелень, преимущественно лознякъ, осока и кусты тамариска. Этотъ каналъ, соединяющій Нилъ съ Суэзскимъ заливомъ Краснаго моря, говорятъ, будто бы относится къ числу сооруженій древнихъ фараоновъ. Вполнѣ забытый въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, онъ былъ случайно открытъ и реставрированъ только въ послѣдніе годы, во время работъ Лессепса, и имъ воспользовались для снабженія прѣсною водою пустынныхъ станцій Суэзкаго канала и желѣзной дороги. Шириной онъ не болѣе сажени, но, несмотря на то, по немъ все же ходятъ феллахскіе челноки подъ косымъ парусомъ, пропихиваясь баграми между камышевыми зарослями, которыя въ одно и то же время и благотѣльны, и вредны для этого канала: благотѣльны тѣмъ, что не даютъ наноснымъ пескамъ засорять его, но зато сами, разрастаясь все болѣе и гуще, задерживаютъ свободный токъ воды и заполняютъ его русло, вслѣдствіе чего здѣсь требуется постоянная расчистка. Стебли и корни камышей выдираютъ со дна желѣзными граблями и оставляютъ ихъ зеленыя стрѣлки, въ видѣ стоячей бахромы, только вдоль береговъ канала. Послѣдняя арабская деревушка, какую мы встрѣтили, была Расъ-эль-вади, около станціи того же имени. Расъ-эль-вади значитъ мысъ воды или мысъ, образуемый водою. И дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ какъ разъ подходитъ къ каналу и сливается съ нимъ подъ угломъ, образуя мысокъ, крайній изъ безчисленныхъ рукавовъ или протоковъ Нила, не простирающій своего теченія далѣе сего пункта. Несъ излишекъ воды этотъ рукавчикъ отдаетъ на пополненіе канала.

На станціи Расъ-эль-вади окно нашего вагона обступили штукъ пять или шесть арабскихъ дѣвочекъ, отъ пяти до семилѣтняго возраста, съ пористыми кувшинами-холодильниками. Одна изъ нихъ, старшенькая, была очень граціозна и развязна, и все щебетала намъ что-то и улыбалась, показывая свои перловобѣлыя зубенки. Вся эта смуглая дѣтвора

протягивала къ намъ ручки съ кувпинами, предлагая намъ напиться. Мы одарили малютокъ мелочью и пустыми бутылками изъ-подъ сельтерской воды, которымъ онѣ обрадовались даже больше чѣмъ деньгамъ. Проходившій сторожъ шугнулъ ихъ мимоходомъ, и онѣ съ веселымъ визгомъ въ мигъ разсыпались какъ воробьи во всѣ стороны, но тотчасъ же опять, смѣясь и скача, собрались у нашего окошка. Шагахъ въ трехъ за ними неподвижно стоялъ длинный и худой какъ скелетъ нищій арабъ, пораженный проказой. Все лицо его было наглухо закрыто спускавшимся съ темени до пятъ дырявымъ чернымъ бурнусомъ, въ прорѣху котораго глядѣло одно только стеклитое око съ вѣками, изъѣденными язвой. Никогда не забуду впечатлѣнія этого ужаснаго глаза! Онъ былъ страшенъ. Циклопъ, закутанный въ лохмотья, живое олицетвореніе человѣческаго несчастья, арабъ этотъ не кончилъ, не выпрашивалъ милостыню какъ всѣ нищіе, а только неотступно, въ упоръ глядѣлъ на насъ этимъ своимъ неподвижнымъ воспаленнымъ глазомъ. Мы выбросили ему сколько-то мелочи. Не сгибая ни шеи, ни спины онъ медленно опустился на корточки, неторопливо вынулъ изъ-подъ развѣваемыхъ вѣтромъ лохмотьевъ своей хламиды длинную костлявую руку, съ усиленіемъ заgrabасталъ узловатыми пальцами одну за другою мѣдныя монетки, сунулъ ихъ себѣ за щеку и снова вытянулся во весь ростъ, и снова смотритъ словно злобщій призракъ чумы или смерти.

За Растъ-эль-вади пошла уже голая пустыня, и одинъ только прѣсноводный каналъ тянется по ней узкою зеленою лентой, рядомъ съ лентой желѣзной дороги. Крупнозернистый, красновато-темный песокъ наполняетъ равнину по обѣ стороны пути, образуя иногда какъ бы застывшія волны, по которымъ тамъ и сямъ бѣлѣютъ кости верблюдовъ. Это уже пошла, такъ называемая, Аравійская пустыня, совсѣмъ мертвая, безъ малѣйшей растительности, и слѣдующая станція, Рамзесъ, вполне окружена ею. Говорятъ, будто названіе Рамзесъ дано этой станціи въ память фараона Рамзеса, предполагаемаго соорудителя прѣсноводнаго канала.

Пустыня привѣтствовала насъ свойственнымъ ей горячимъ вѣтромъ. Порывами вдругъ сталъ налетать онъ съ юга и обѣивалъ лицо жгучимъ своимъ дыханіемъ, словно изъ жерла калильной печи. Духота въ вагонѣ, благодаря этому вѣтру, сдѣлалась такая, что почти нечѣмъ было дышать. Пришлось закрыть съ правой стороны окна и когда, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, я дотронулся до стекла рукой, оно было горячо, словно его накалили надъ лампой. Къ счастью вѣтеръ продолжался не болѣе часа и, подѣзжая къ Измаиліе, мы его уже не чувствовали.

Признаки культуры опять начинаются толь-

ко около Измаиліе. Тутъ видна невдалекѣ роща, насажденная во время работъ на Суэзскомъ каналѣ, и нынѣ уже достигшая полного роста и развитія. Изъ-за ея верхушекъ видны строенія городка Измаиліе, стоящаго при самомъ каналѣ, на берегу озера Тимсахъ и часть большаго бѣлокаменнаго дворца хедива. Многія постройки на окраинѣ городка носятъ пока еще какъ бы временный, барачный характеръ, частію съ плоскими, частію съ двускатными деревянными кровлями. Все это сохранилось еще со времени Лессепсовой работы.

Отъ Измаиліе желѣзная дорога поворачиваетъ къ югу на Суэзъ и идетъ параллельно каналамъ Прѣсноводному и Суэзскому, вдоль береговой линіи большихъ горько-соленыхъ озеръ Эль-Амбакъ и Истме, чрезъ которыя проходятъ этотъ послѣдній. Здѣсь, близъ станціи Нефине, находится премиленькая деревянная дача Лессепса, построенная отчасти въ русскомъ стилѣ, съ рѣзнымъ гребешкомъ вдоль крыши и прорѣзными фестонами на деревянныхъ подзорахъ вдоль карнизовъ на галлерей и балконахъ. Необыкновенно мило и привѣтливо глядитъ ея тековые стѣны, окна съ узорчатыми балюстрадами и зелеными жалюзи и легкія крылечки и галлерейки изъ-за роскошной зелени палисадника, наполненнаго разными цвѣтами, павоями, пальмами и другими южными растеніями и деревьями. Среди мертвой пустыни эта прелестная дача-игрушка является для васъ совершеннымъ сюрпризомъ, и своимъ контрастомъ съ окружающею ее природой производитъ самое пріятное, отрадно-веселое впечатлѣніе. Здѣсь, говорятъ, Лессепсъ постоянно жилъ во время работъ на каналѣ, да и теперь, вспоминая прошлое, иногда навѣщаетъ свою дачу и проводитъ въ ней нѣсколько времени. Говорятъ, онъ очень ее любитъ, да и немудрено: съ нею должно соединяться у него столько дорогихъ воспоминаній о дняхъ великаго труда и великой борьбы съ природой и съ людскимъ недовѣріемъ къ осуществимости его грандіозной идеи. Подѣзжая къ слѣдующей затѣмъ станціи, среди песчано-холмистой (бархатистой) мѣстности, мы замѣтили справа, близъ самой дороги, крутой обнаженный холмъ и на немъ развалины какого-то мавзолея въ смѣшанномъ древне-персидскомъ и египетскомъ стилѣ, извѣстный подъ именемъ Серапеума. Здѣсь же, по близости, на самомъ берегу канала, находится небольшое мѣстечко того же имени, возникшее вмѣстѣ съ каналомъ и потому разбитое на правильные кварталы съ прямыми и широкими улицами.

Поверхность горько-соленыхъ озеръ среди желтой песчаной плоскости отличается глубоко-темнымъ синимъ цвѣтомъ, совершенно незнакомымъ и даже страннымъ для жителей сѣвера, которые къ такому цвѣту воды не привыкли. Это далеко не то, что цвѣтъ морской воды, а нѣчто совершенно особенное и своеобразное,

приближающееся къ тону индиго. Глядя на эти озера, я невольно вспоминалъ нѣсколько маленькихъ пейзажей. В. В. Верещагина изъ его индййскаго цикла, гдѣ написаны клочья точно такихъ же озеръ и такихъ же ярко-желтыхъ береговъ. Вспомнилось мнѣ, какъ нѣкоторые петербургскіе цѣнители и судьи, никогда и нигда не выѣзжавшіе дальше Парголова и Петергофа, безпощадно критиковали художника за эти «грубые и неестественные эффекты», которые, по ихъ мнѣнію, «невозможны въ природѣ». А вотъ тутъ какъ разъ они-то и есть налицо, словно прямо перенесенныя съ Верещагинскаго полотна въ живую дѣйствительность!..

Но еще болѣе оригинальный эффектъ производитъ видъ кораблей, слѣдующихъ по каналу. Миновавъ озера, вы подвигаетесь далѣе на югъ, уже не видя самой поверхности Суэзскаго канала, которую скрываютъ отъ глазъ прибрежныя плотины, такъ что вамъ кажется будто вокругъ нѣтъ ничего, кромѣ буро-желтой равнины,—и вдругъ вы видите, что по этому песчаному морю медленно движутся одинъ за другимъ черные корпуса кораблей, съ высокими мачтами и сложнымъ рангоутомъ и обгоняютъ ихъ, двигаясь по тому же направленію, цѣлый караванъ «кораблей пустыни». То бредутъ себѣ, медленнымъ шагомъ и вытянувшись гуськомъ, другъ за другомъ, одnogорбые высокие верблюды, съ сидящими на нихъ бедуинами въ бѣлыхъ, накинутахъ на голову бурнуссахъ.

Здѣсь общій характеръ пустыни уже не такъ монотоненъ, какъ около Рамзеса. Сначала, съ правой стороны, открываются послѣдовательно одинъ за другимъ два горные кряжа, Джебель-Генейфе и Джебель-Авебетъ, идущіе по направленію отъ запада къ востоку. Первый изборозженъ по сѣверному склону глубокими поперечными оврагами и на вершинѣ своей образуетъ довольно плоское плато; восточная оконечность его близко подходитъ къ дорогѣ и нѣсколько времени тянется вдоль ея двухъярусными уступами буро-красноватаго цвѣта. Второй хребетъ значительно острѣе и круче, въ особенности на своемъ южномъ склонѣ, по силуету его виденъ уже въ значительномъ отдаленіи отъ дороги. Наконецъ, одновременно вдали начинаютъ выступать, слѣва, вершины горъ Синайскаго полуострова, а справа, на африканскомъ материкѣ, сосѣднія съ Суэзомъ и господствующія надъ нимъ, крутыя и скалистыя высоты Джебель-Атака, отъ 2.200 до 2.700 слишкомъ метровъ надъ уровнемъ моря. Высоты эти совершенно голы и, при своемъ буро-красномъ цвѣтѣ, отличаются характеромъ безжизненной суровости. За то уединенныя желѣзнодорожныя сторожки вносятъ въ общій пейзажъ нѣкоторое оживленіе тѣмъ, что около нихъ разведены маленькіе неприхотливые огородцы и садики, — все же хоть какая-нибудь

зелень видна. Да и, кромѣ того, жизнь называется уже въ самомъ этомъ движеніи «кораблей пустыни» рядомъ съ «кораблями океана».

Мы подъѣзжали къ станціи Шалуфъ-эль-Терраба, когда солнце уже садилось. Рефлексы заката, при совершенно безоблачномъ и глубоко-ясномъ небѣ, отличались отсутствіемъ рѣзкихъ тоновъ и густыхъ красокъ: мягкая и нѣжная окраска неба, въ розовато-золотистый, блѣдный оттѣнокъ цвѣтъ, потухла на западѣ вскорѣ послѣ того, какъ верхняя окраина солнечнаго диска ушла подъ горизонтъ, и не прошло послѣ того и получаса, какъ небо совсѣмъ уже стемнѣло и вызвѣздились мириадами ярко искрившихся звѣздъ. У насъ на сѣверѣ, никогда этого не увидишь, такъ какъ нашъ влажный воздухъ никогда не бываетъ такъ чистъ и прозраченъ.

Въ Суэзъ прибыли въ началѣ восьмага часа вечера. На станціи встрѣтили адмирала мѣстный русскій вице-консулъ, Георгій Никола-Коста, и его племянникъ, молодой человекъ, служащій при вице-консульствѣ драгоманомъ въ силу того, что говоритъ по-французски. Оба они православные арабы и сами по себѣ очень милые и радужные люди. На вице-консулѣ, въ петлицѣ его форменнаго вицмундира, былъ надетъ египетскій орденъ, такъ какъ русскаго ордена у него пока не имѣется, а таковой, какъ узнали мы потомъ, составляетъ предметъ его завѣтныхъ мечтаній... На станціонномъ дворѣ насъ ожидали консульскіе люди съ фонарями и хамалы для сноса вещей; для адмирала же былъ приготовленъ кабріолетъ, запряженный великолѣпнымъ бѣлымъ муломъ, котораго съ обѣихъ сторонъ вели подъ уздцы два конюха, а впереди выступалъ консульскій кавасъ съ булавой. Такимъ образомъ это вышло нѣчто въ родѣ «торжественнаго въѣзда». Адмирала съ супругой отвезли въ консульскій домъ, гдѣ для нихъ было приготовлено помѣщеніе; мы же всѣ нѣшкомъ прошли въ англійскій Hotel d' Suez, гдѣ и получили комнаты, по 16 шиллинговъ за ночь съ каждой постели.

Еще на станціи вице-консулъ всѣхъ насъ пригласилъ къ столу, и теперь, едва успѣли мы освѣжить лицо водой, какъ посланецъ изъ консульства пришелъ доложить, что обѣдъ уже готовъ и что онъ присланъ къ услугамъ «русскихъ милордовъ» въ качествѣ провожатаго. На дворѣ «русскихъ милордовъ» опять ожидали люди съ фонарями, не столько для освѣщенія пути, сколько ради почета. Никола-Коста живетъ въ двухъ шагахъ, въ собственномъ домѣ, который у него построенъ о двухъ этажахъ, въ полувосточномъ и полувосточномъ родѣ. Довольно крутая деревянная лѣстница ведетъ во второй этажъ, гдѣ находятся двѣ смежныя залы. Въ первой изъ нихъ, съ совершенно голыми стѣнами, былъ теперь на-

крыть обѣденный столъ, а вторая служить *семьяникомъ*, официальною приемной. Здѣсь, вдоль стѣнъ, идутъ восточные диваны, и противъ двери, на первомъ мѣстѣ, виситъ портретъ Императора Александра II, довольно схожій, но въ совершенно фантастическомъ сине-голубомъ мундирѣ, съ фантастическими орденами и съ сине-черною лентой бывшаго польскаго «*virtutia*» (*virtuti militari*) черезъ плечо,—вѣроятно произведеніе какого-нибудь александрійскаго художника.

Обѣдъ—не преувеличивая—состоялъ ровно изъ восемнадцати жаркихъ, и только изъ однихъ жаркихъ, но за то здѣсь фигурировало все, что изобрѣла по этой части арабская кухня: жареный барашекъ съ какими-то горьковатыми травами (ужь не тѣми ли, что служили приправой пасхальному агнцу евреевъ при ихъ удаленіи изъ Египта?), потомъ баранина, жареная ломтиками въ собственномъ соку, затѣмъ нѣчто въ родѣ шашлыка, жаренаго на деревянныхъ спицахъ, жареная телятина съ чесночнымъ соусомъ, жареная говядина съ пореемъ и другими овощами, жареные перепела, дунеля, фазаны, куры, утки и проч. и проч. За столомъ подавались и вина, даже шампанское, но все такой плохой фабрикаціи, что наши «подмадеренные хереса» куда лучше! Оказывается, къ удивленію, что виноградными винами снабжаютъ Суэзь, кто бы вы думали?—преимущественно американцы изъ Санъ-Франциско. Европейцамъ возить сюда этотъ товаръ нѣтъ расчета, потому, что арабы вина не пьютъ и толку въ немъ не понимаютъ (вотъ аракъ или водка, это иное дѣло!); американцы же везутъ его между прочимъ и сбываютъ мѣстнымъ компрадорамъ (преимущественно въ кредитъ), у которыхъ оно и держится на случай спроса, весьма впрочемъ рѣдкаго, и продается по очень высокимъ цѣнамъ.

Отъ Никола-Коста, благодаря его племяннику-толмачу, пріобрѣли мы нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Суэзѣ, о нашихъ паломникахъ и о провинціальной египетской администраціи. По размѣрамъ своимъ Суэзь вовсе не великъ, но вмѣщаетъ въ себѣ свыше 11.000 жителей, живущихъ очень скученно. Здѣсь пять мечетей и три церкви: православная, католическая и протестантская. Жители снабжаются водой прѣсноводнаго канала, для чего близъ рейда устроенъ особый резервуаръ, изъ котораго наливаются водой за небольшую плату и корабли, стоящіе на рейдѣ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ, къ западу отъ города, пмѣются колодцы и особая цистерна для дождевой воды, служащей преимущественно для орошенія. Въ Суэзѣ находятся два порта: одинъ, собственно рейдъ, составляетъ государственную собственность, другой принадлежитъ компаніи Суэзскаго канала. Первый снабженъ порядочно набережною и очень хо-

рошимъ каменнымъ докомъ для большихъ судовъ, но неудобство его въ томъ, что онъ находится довольно далеко отъ города. Матеріаломъ для облицовки дока послужилъ камень, добываемый въ окрестностяхъ, именн въ Джебель-Генеффе. Второй же, или компанейскій портъ специально служитъ мѣстомъ остановки для судовъ, проходящихъ по каналу. Здѣсь происходятъ частію сгрузка и нагрузка товаровъ, и здѣсь же суда, идущія въ Средиземное море ожидаютъ своей очереди, чтобы втѣнуться въ каналъ.

Суэзь служитъ также станціоннымъ пунктомъ для русскихъ паломниковъ, отправляющихся на поклоненіе синайскимъ святынямъ. Здѣсь они обыкновенно выжидаютъ верблюдьего каравана, чтобъ отправиться въ Синайскій монастырь прямо чрезъ пустыню, такъ называемый «Моисеевымъ путемъ», или же слѣдуютъ туда на парусныхъ судахъ до Райфы, откуда уже рукой подать до Синая. Обыкновенно такихъ паломниковъ бываетъ въ годъ человекъ до двухсотъ. Въ 1879 году, напримеръ, собственно синайскихъ паломниковъ изъ православныхъ русскихъ было 93 человекъ, а русско-подданныхъ мусульманъ, слѣдовавшихъ на поклоненіе въ Мекку 394 человекъ, да сверхъ того 86 уроженцевъ Средней Азіи, изъ Болгаріи 405 человекъ, и это только тѣ, которые прошли чрезъ Суэзь и заявили въ мѣстное русское вице-консульство; но большая часть нашихъ мусульманъ, слѣдуя въ Мекку, не останавливается въ Суэзѣ, а идетъ на пароходахъ прямымъ сообщеніемъ изъ Константинополя въ Джидду.

Въ числѣ постоянныхъ жителей Суэза находится русско-подданныхъ шесть человекъ, изъ которыхъ одинъ православный, а остальные мусульмане. Послѣдніе, впрочемъ, не прямые подданные, а только состоятъ подъ нашимъ покровительствомъ, и живетъ имъ недурно, благодаря тому, что русское консульство подѣляетъ бокомъ. Чтѣ до центрального египетскаго правительства, то его отношенія къ иностранцамъ и вообще христіанамъ вполне толерантны, но, къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же о провинціальныхъ властяхъ, которыя на всѣхъ иностранцевъ смотрятъ недружелюбно, а на христіанъ въ особенности, не дѣлая исключенія даже и для египетскихъ подданныхъ коптовъ.

Въ административномъ отношеніи Египетъ раздѣляется на *махавзы* (генераль-губернаторства) и на *мудиріе* (губерніи), которыя дѣлятся на *марказы* или *кемы*, соотвѣтствующія нашимъ уѣздамъ, а эти послѣднія на сельскія общины. Отъ всѣхъ названныхъ административныхъ единицъ избираются представители, которые уже изъ своей среды посылаютъ депутатовъ въ Каирскій парламентъ, заведенный, изъ подражанія Европѣ, въ 1866 го-

ду. Но парламентарныя учрежденія плохо вьжутся со складомъ народной жизни, и потому съ самаго начала явились мертворожденнымъ плодомъ; народъ имъ не сочувствуетъ, да и само правительство Измайлъ-пашы, повидимому, никогда не смотрѣло на нихъ серьезно; собиралъ же ех-хедивъ своихъ «представителей страны», такъ сказать, ради политической комедіи въ тѣхъ случаяхъ, когда по его соображеніямъ пужно было почему-либо выставить на сцену эту декорацию, для 'отвода глазъ европейскимъ кредиторамъ. Поэтому свою «палату депутатовъ» хедивъ всегда держалъ въ рукахъ, и она выражала только такіе взгляды и рѣшенія, какіе строго согласовались съ его личными видами, доставляя ему то несомнѣнное удобство, что, въ случаѣ необходимости, онъ всегда могъ легальнымъ образомъ спрятаться за спину этой «палаты», ссылаясь на ея рѣшенія какъ на свободный голосъ страны. Съ этою цѣлью онъ и собиралъ ее не въ опредѣленные сроки, а такъ, когда ему понадобится, и на первыхъ порахъ немалымъ курьезомъ явилось то обстоятельство, что въ «палатѣ» не нашлось никакой «оппозиціи». Въ головѣ добрыхъ египтянъ не укладывалось, какимъ это образомъ они смѣютъ «дѣлать оппозицію» своему государю и его правительству, и рѣшительно ни одинъ человѣкъ не хотѣлъ идти на лѣвую, считая это не только неприличнымъ, но и не согласнымъ съ духомъ вѣрноподданства. Видя, что «оппозиція» никакъ не составляется, хедивъ, не долго думая, просто приказалъ, чтобы была оппозиція, и для этого внулшилъ подъ руку своему «премьеру» назначить столько-то человѣкъ въ оппозицію, и именно такихъ-то и такихъ-то, по списку, и велѣтъ имъ непремѣнно противорѣчить правительственнымъ предначертаніямъ и мѣропріятіямъ и говорить не стѣсняясь: чѣмъ рѣзче—тѣмъ лучше, чтобы въ газетахъ побольше шуму было, а буде плохо станутъ противорѣчить, то подвергнутся негласному штрафу; въ случаѣ же дальнѣйшаго упорства вернуть ихъ на родину и тамъ прикажутъ мудирамъ отдуть палками. Такимъ-то образомъ и составила наконецъ пресловутая египетская «оппозиція изъ-подъ палки». Съ восшествіемъ на престолъ Тевфика, парламентская затѣя повидимому оставлена; по крайней мѣрѣ правительство до сихъ поръ не изъясняло намѣренія собирать депутатовъ, да и европейскіе кредиторы давно уже не обманываются насчетъ этой комедіи.

Послѣ обѣда сдѣлали мы маленькую прогулку въ городъ, причемъ нашимъ чичероне вызвался быть все тотъ-же племянникъ вице-консула, молодой Никола-Коста.

Европейскихъ строеній здѣсь немного, и

мы почти съ-разу очутились среди туземнаго города. Пройдя нѣкоторое разстояніе по улицѣ, крытой сверху цыновками, вышли мы на площадь, значительная часть которой была иллюминирована очень оригинальнымъ образомъ. Эта часть примыкала къ арабской кофейнѣ, около которой рядами и кварталами стояло на площади очень много небольшихъ широкихъ диванчиковъ на высокихъ ножкахъ, съ деревянными рѣшетками вмѣсто спиннокъ и ручекъ. Почти квадратныя сидѣнія ихъ были покрыты цыновками, а кое-гдѣ и ковриками. На высокихъ стойкахъ, вбитыхъ въ землю между диванчиками, были протянуты въ разныхъ направленіяхъ проволоки, на которыхъ висѣло множество стеклянныхъ лампадокъ, налитыхъ кокосовымъ масломъ. При полномъ безвѣтріи, пересѣкающіяся гирлянды ихъ огоньковъ горѣли ровно, ясно и достаточно освѣщали всю площадь. Публика была исключительно туземная мусульманская, все бѣлыя чалмы, полосатые бурнусы, да красныя фески, и это мѣсто служить для нея чѣмъ-то въ родѣ общественнаго клуба. На диванчикахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣло по два, по три и по четыре человѣка отдѣльными группами, а въ серединѣ каждой изъ такихъ группъ стоялъ либо дымящійся кальянъ, либо круглый мѣдный подносикъ съ чашечками кофе. Иные играли въ шашки и шахматы. Народу было множество, но при этомъ тишина замѣчательная: вся публика, какъ одинъ человѣкъ, слушала арабскаго рапсода.

То былъ слѣпой старикъ съ лицомъ, извѣденнымъ оспой. Онъ сидѣлъ у дверей кофейни на такомъ же диванчикѣ, какъ и остальные, а по бокамъ его помѣщалось трое другихъ артистовъ-арабовъ. Одинъ изъ нихъ игралъ на *анитѣ*, это нѣчто въ родѣ цимбалъ или цитры, другой на *рудѣ*—инструментъ въ родѣ большой мандолины, исполняющій роль вторы, а третій на бубнѣ, который по-здѣшнему называется *рожа*. Инструментомъ же самого рапсода была однострунная *рабаба*, которою владѣлъ онъ очень искусно.

Спросивъ себя кофе, мы заняли ближайшій къ музыкантамъ диванчикъ, и они всѣмъ своимъ хоромъ сыграли намъ «саламъ», то-есть привѣтствіе въ честь нашу, а затѣмъ слѣпой рапсодъ, аккомпанируя себя на рабабѣ, заплѣлъ монотоннымъ и нѣсколько гнусливымъ голосомъ длинную былинку «Абузетъ», которая воспѣваетъ подвиги древнихъ всадниковъ-бедуиновъ. Вообще предметъ арабскихъ пѣснопѣній составляютъ либо былины про ихъ богатырей, либо оды въ честь лихаго «вѣтроподобнаго» коня, либо же элегіи о «кораблѣ пустыни», да о его бѣлыхъ костяхъ, усевающихся мертвыми пространствами песковъ и служащихъ указателемъ пути странникамъ. Воспѣвается также иногда стройная газель, оди-

покая пальма, ключъ живой воды въ степи, орелъ, парящій въ синевѣ небесъ, горная скала и вообще природа, окружающая бедуина, но женщина и любовь къ женщинамъ — никогда; или, по крайней мѣрѣ, пѣсни о женщинахъ и романсы, ей посвященные, никогда не поются рапсодами. Такъ увѣрялъ меня нашъ путеводитель.

Пѣль слѣпецъ такимъ образомъ, что споетъ одно двустипше и примолкнетъ на минуту, продолжая играть на рабабѣ, а затѣмъ начинается слѣдующее двустипше и опять примолкнетъ, и такъ далѣе. Окончивъ свою былинку, онъ измѣнилъ тактъ и запѣлъ намъ турецкую пѣсню, подъ названіемъ «Дулябъ». О чемъ собственно поется въ ней я не добился, такъ какъ нашъ путеводитель недостаточно знаетъ турецкій языкъ, но мотивъ ея нѣсколько напоминаетъ Шровскую арію Рогѣды, «Зашумѣло сине море». Одаривъ рапсода и его товарищей, мы направились далѣе, какъ вдругъ гдѣ-то тутъ же на площади, недалеко отъ насъ, раздались тихіе звуки свирѣли.

— Вы знаете чтѣ это за звуки?—обратился къ намъ молодой Никола-Коста.—Это призывъ братьевъ-гуковъ на молитву. Если хотите, мы легко можемъ увидѣть какъ это у нихъ дѣлается. Они пускаютъ къ себѣ всѣхъ, особенно когда еще заплатить имъ немного.

Видѣтъ братьевъ гуковъ (*гу-кешанъ*), иначе называемыхъ еще ревунами, было слишкомъ заманчиво, и потому, понятно, мы воспользовались предложеніемъ нашего путеводителя. Приведа насъ къ одному изъ низенькихъ глинобитныхъ домовъ, тутъ же на площади, онъ вызвалъ къ порогу двери какого-то араба, сказалъ ему нѣсколько словъ и предложилъ намъ входить не стѣсняясь.

— Потомъ, уходя, вы оставите имъ сколько-нибудь мелочи,—предупредилъ насъ Никола-Коста, когда мы уже хотѣли было оплатить впередъ право входа.

Пройдя черезъ маленькія сѣнцы, мы очутились въ низкой продлинноватой комнатѣ, два оконца которой за желѣзными рѣшетками выходили прямо на площадь. При полномъ отсутствіи какой-бы то ни было домашней обстановки, эта комната, съ ея голымъ глинобитнымъ поломъ и голыми стѣнами, скорѣе всего напоминала какой-нибудь карцеръ. Освѣщали ее двѣ лампадки или, вѣрнѣе, два стеклянные шкалика съ кокосовымъ масломъ, поставленные въ двѣ противоположныя настѣнныя ниши. Мы вошли и помѣстились у стѣны близъ двери. Съ противоположной стороны, между двумя оконцами, сидѣлъ на полу, прислонясь къ стѣнѣ, кто-то закутанный въ бѣлый бурнусъ и игралъ на свирѣли. Здѣсь мы застали уже въ сборѣ нѣсколько братій, да при насъ подошло еще человѣка

четыре. Всѣ они были одѣты какъ бы въ условный костюмъ: бѣлыя полотняныя рубахи, длинной ниже колѣнъ, подпоясанныя тесмчатыми поясами, ноги голы и босы; на головахъ феска.

Когда собралось двѣнадцать братій гу-кешановъ, они расположились въ два ряда, лицомъ другъ противъ друга, образовавъ между собою проходъ шага въ три шириной; разстояніе отъ человѣка до человѣка въ каждомъ ряду было около аршина. Тогда ихъ настоятель, закутанный въ бѣлый бурнусъ въ родѣ савана, поднялся съ мѣста и медленными шагами пошелъ вдоль срединнаго прохода, привѣтствуя каждого брата направо и налево молчаливымъ поклономъ. Братья отвѣчали ему тѣмъ же. Дойдя по проходу до двери, настоятель передалъ свирѣль тому арабу, который ввелъ насъ сюда, а самъ такими же медленными шагами, возвратился на свое мѣсто. Арабъ, получившій свирѣль сталъ съ нимъ рядомъ. Тогда настоятель, воздѣвъ руки къ небу, возгласилъ: «Керимъ-Аллахъ» (милосердый Боже)!

Въ отвѣтъ на это, гу-кешаны, сжавъ кулаки на груди, съ поклономъ въ его сторону всѣ въ разъ и въ одинъ голосъ глухо произнесли:

«Гу!!» то-есть «Онъ!»—одно изъ 99 именъ Бога (состаго имени никто изъ смертныхъ не знаетъ).

— Керимъ-Аллахъ! Керимъ-Аллахъ! повторилъ настоятель, приложивъ обѣ длани къ краямъ ушей своихъ.

— Гу!!—отвѣчали точно также братья съ поклономъ въ противоположную сторону.

Тогда, опустясь на колѣни и положивъ на нихъ обѣ свои вытянутыя руки, а очи и голову глубоко потупивъ долу, настоятель забормotalъ какую-то молитву. Въ это же время свирѣльщикъ заигралъ тихую и грустную мелодію. Подъ звуки свирѣли гу-кешаны, медленно и въ тактъ раскачивалось корпусомъ, отвѣшивали поклоны въ обѣ стороны—всѣ въ разъ налево и всѣ въ-разъ направо,—сопровождалъ каждый поклонъ восклицаніемъ «!гу!» Произносились эти возгласы сначала глухо, какъ бы съ оттѣнкомъ нѣкой таинственности, потомъ все громче и громче, но не обыкновеннымъ, а какимъ-то спертнымъ, утробнымъ голосомъ, словно звукъ его съ трудомъ выдавливался изнутри, изъ самой утробы, и излеталъ оттуда, вслѣдствіе усиленнаго выдыханія воздуха, съ хриплымъ шипѣніемъ и свистомъ. Звукъ этотъ похожъ на то, какъ еслибы нѣсколько человѣкъ стали въ разъ «отъ сердца» рубить топорами землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ и поклоны становились все размашистѣе и напряженнѣе. Надо замѣтить, что ноги гу-кешановъ, плотно приставленные одна къ другой, стояли на мѣстѣ въ полной неподвиж-

ности, а вся эквилибристика производилась только туловищемъ, обнаруживая замѣчательно развитую гибкость пояса. Братья какъ-то вихляло швырялись всею верхнею половиною своего тѣла справа направо и слѣва направо, описывая ея въ воздухѣ размашистую дугу, тогда какъ ихъ руки, съ судорожно сведенными кулаками, оставались плотно прижатыми къ персямъ. Въ этихъ странныхъ, почти автоматическихкихъ движеніяхъ было, что-то какъ бы сверхъестественное, и съ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ они приняли наконецъ какой-то конвульсивный, эпилептический характеръ. Казалось будто движетъ и стройно управляетъ ими уже не собственная воля, а какая-то посторонняя вошедшая въ нихъ сила. вмѣстѣ съ этимъ они при каждомъ размахѣ стали слегка подскакивать на мѣстѣ, подымаясь на носки и опускаясь на пятки. Налитые кровью глаза ихъ получили изступленное, дикое выраженіе; на губахъ накупѣла пѣна, потъ градомъ выступалъ на лбу и вискахъ, и капли его, вмѣстѣ со срывавшеюся пѣной, брызгали отлетая въ стороны, а въ возгласахъ «гу!» теперь уже слышался какой-то нечеловѣчскій, сдавленный ревъ и какъ бы предсмертное хрипѣніе... И вотъ, одинъ изъ братьевъ на половинѣ своего размаха вдругъ опрокинулся навзничъ, хлопнувшись затылкомъ объ полъ, и сталъ биться и корчиться въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Настоятель, поднявшись съ мѣста, подошелъ къ нему, опустился на колѣна и пошепталъ ему, что-то на ухо. Вошли двое прислужниковъ, вакинули на эпилептика бѣлый плащъ и вытащили его изъ комнаты. Между тѣмъ раскачиванья и возгласы остальныхъ продолжались безъ малѣйшаго перерыва, все съ большимъ и большимъ напряженіемъ. Всѣ гу-кешаны находились уже въ полномъ экстазѣ, который для каждаго изъ нихъ несомнѣнно долженъ былъ окончиться точно такимъ же припадкомъ эпилепсиса. Было просто страшно глядѣть на нихъ, — «за человѣка страшно», за этотъ «образъ и подобіе Божіе», низведенное, во имя религіознаго чувства, до такого нечеловѣческаго состоянія.

Основателемъ ордена гу-кешановъ въ первой половинѣ XIV столѣтія нашей эры былъ нѣкій шейхъ Хаджи-Бекташъ, славившійся своею святостію по всему мусульманскому Востоку. Между прочимъ, онъ же благословилъ и устройство корнуса янычаръ въ Турціи. Благодаря популярности самого Хаджи-Бекташа, основанный имъ орденъ получилъ весьма широкое распространеніе въ мусульманскихъ странахъ, отъ Кашгара до Стамбула и отъ Марокко до Судана. Гу-кешанами прозвали послѣдователей сего ордена въ просторѣчій, производя это слово отъ ихъ обычнаго возгласа «гу!» Въ офиціальномъ же и книжномъ языкѣ они называются дервишами-

бекташи. При вступленіи въ орденъ въ прежнія времена, отъ неофита требовался обѣтъ безбрачія и нищенства, но нынѣ, ради подержанія падающаго сообщества, его главы охотно допускаютъ въ свою среду и женатыхъ, и богатыхъ (богатыхъ даже въ особенности, въ расчетѣ на ихъ пожертвованія въ пользу ордена), требуя отъ вступающихъ одного только обѣта—непрерывно хвалить и прославлять Аллаха, участвуя притомъ въ общихъ братскихъ радѣніяхъ. Хваленіе Аллаха состоитъ въ безпрестанномъ бормотаніи какого-либо изъ 99 его именъ и эпитетовъ, а въ чемъ заключается радѣніе, мы уже видѣли. Впрочемъ, говорятъ, что въ нѣкоторыхъ сообществахъ гу-кешановъ удержался еще и доселѣ древній фанатическій обрядъ самообжиганія и самоистязанія, составляющій заключительный актъ радѣнія. По рассказамъ, это происходитъ такимъ образомъ: когда братья, вслѣдствіе своихъ раскачиваній и подскоковъ, придутъ уже въ полный экстазъ, то служители вносятъ къ нимъ пылающіе факелы, горячіе угли и раскаленные желѣзные прутья, а также кинжалы и большія иглы обвѣшанные погремушками. Эти послѣднія они втыкаютъ себѣ въ голову, подъ кожу и прокалываютъ насквозь обѣ щечки и мягкія части тѣла, затѣмъ берутъ въ каждую руку по кинжалу и продолжаютъ съ ними свои раскачиванья, царапая острыми себя и сосѣдей. Послѣ этого, облитые кровью, одни изъ нихъ хватаются за факелы и проводятъ огнемъ длинныя полосы по всему тѣлу; другіе прижигаютъ желѣзомъ раны, нанесенныя себѣ иглами и кинжалами; третій, наконецъ, кидаются на просыпанные по полу уголья и начинаютъ на нихъ кататься, вопи и ревя свое безконечное «гу!» Рассказываютъ про нихъ даже такія невѣроятныя вещи, будто иные радѣльцы глотають, во славу Аллаха, живыхъ скорпіоновъ, вслѣдствіе чего нерѣдко и умирають. Эти уже прямо зачисляются во святые главарями сообщества и память ихъ чтится послѣдователями, какъ добровольныхъ мучениковъ во имя Божіе. Тунеядцы и лѣнтяи, бѣгающіе отъ обыкновеннаго житейскаго труда, охотно вступаютъ въ братство гу-кешановъ, принимая на себя обѣтъ нищенства, который даетъ имъ право приставать ко всѣмъ прохожимъ, заходить въ лавки и въ частные дома съ требованіемъ себѣ подачекъ, и эти требованія нерѣдко сопровождаются грубостями и насиліемъ. Такъ, напримѣръ, многіе изъ нихъ имѣютъ обыкновеніе носить при себѣ живыхъ змѣй, обвивая ихъ вокругъ шеи и рукъ, и если какой-либо домохозяинъ, вмѣсто подачки, укажетъ такому попрошайкѣ на дверь, гу-кешанъ со злобыми укоридами кидаетъ къ его ногамъ одну изъ своихъ гадинъ и этимъ маневромъ поневолѣ вынуждаетъ того выбросить себѣ горсть денегъ, лишь бы изба-

виться отъ такой непрошеной гостии. Гу-кешаны вообще славятся какъ кудесники, змѣе-заклинатели и знахари; они заговариваютъ кровь, дурной глазъ, укушеніе змѣи, скорпіона, тарантула и разныя болѣзни, причемъ обыкновенно промышляютъ и продажей всевозможныхъ амулетовъ и талисмановъ. Турецкое правительство весьма недолголюбиваетъ ихъ и смотритъ на нихъ подозрительно, такъ какъ дервиши этого ордена и родственной ему фракціи «календарей» ¹⁾ нерѣдко подымали мятежи и, выдавая себя за Махди, ²⁾ успѣвали иногда своими фанатическими проповѣдями соединять вокругъ себя по нѣскольку десятковъ тысячъ вооруженнаго народа, съ которымъ опустошали цѣлыя провинціи, въ особенности въ азиатскихъ владѣніяхъ Турціи. Въ самомъ Стамбулѣ дервиши бекташи всегда принимали дѣйтельное участіе въ бунтахъ янычаръ и съ особеннымъ рвеніемъ возбуждали ихъ фанатизмъ во время мятежа 1828 года при султанѣ Махмудѣ. Еще Магометъ IV намѣревался уничтожить всѣ дервишскіе ордена, но суевѣрная приверженность къ нимъ мусульманской черни помѣшала ему привести въ исполненіе свой замыселъ. Въ эти ордена часто вписывались значительныя лица и даже самые султаны въ старину имѣли обыкновеніе надѣвать иногда, въ знакъ благочестія, дервишскій *юлафъ* (копакъ), въ каковомъ изображенъ и Магометъ II на знаменитомъ портретѣ писанномъ венеціанскимъ художникомъ Беллини. Наконецъ султанъ Махмудъ порѣшилъ вмѣстѣ съ янычарами и дервишей бекташи, объявивъ въ особомъ фирманѣ, что по очище-

ніи царства отъ янычарской язвы, онъ намѣренъ очистить и религію отъ ея искажителей, ложныхъ чадъ святаго мужа Хаджи-Бекташа, отступившихъ отъ его непорочной жизни. Трое настоятелей этого ордена были тогда казнены въ Стамбулѣ, текѣ (монастыри) ихъ разрушены, а братія сослана въ отдаленныя области ³⁾. Съ тѣхъ поръ гу-кешаны ни въ Константинополѣ, ни въ ближайшихъ къ нему провинціяхъ болѣе не появляются, но на окраинахъ Малой Азіи, въ Аравіи, Египтѣ и другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ и вассальныхъ областяхъ они удержались и, какъ мы видѣли, продолжаютъ дѣйствовать и по настоящее время. Несмотря на пристрастіе ихъ къ опиуму и спиртнымъ напиткамъ, несмотря даже на явный иногда развратъ гу-кешановъ, простой народъ продолжаетъ питать къ нимъ чувство суевѣрнаго благоговѣнія смѣшанное со страхомъ. Ихъ боятся, ибо убѣждены, что каждый гу-кешанъ можетъ наколдовать на чью угодно голову вслѣдствіе бѣды, болѣзни и напасти, а въ то же время ихъ и почитаютъ за религіозныя самоистязанія.

Не знаю чѣмъ кончилось радѣнье суэзскихъ гу-кешановъ, такъ какъ мы удалились изъ ихъ мрачнаго вертепа вслѣдъ за выносомъ брата подвергшагося припадку. Для сильнаго впечатлѣнія и для того чтобъ имѣть наглядное понятіе о братьяхъ-гукахъ было достаточно и того, что мы видѣли. Подавленный впечатлѣніемъ этой картины, я радъ былъ вырваться на свѣжій воздухъ.

И только что перешли мы на другой конецъ площади, какъ вдругъ изъ раскрытыхъ дверей и оконъ какого-то европейскаго кабака или Bierhalle вырвались на улицу разухабистые звуки «Стрѣлочка»... Опять эти противныя вѣнскія нѣмки со своими волями и тромбонами, опять вся эта европейская нахальная пошлость!.. И какимъ кричащимъ диссонансомъ насильственно и нагло врывается она въ своеобразный степенный строй мусульманской жизни! Какъ оскорбляетъ она на каждомъ шагу чувство мусульманской благопристойности, не говоря уже о нашемъ личномъ эстетическомъ чувствѣ! И все это гнѣздится тутъ же, рядомъ съ арабскими степными рапсодами и братьями-гуками. Эти мясистыя нарумяненные нѣмки и тирольки, пронохавъ, что въ городѣ появились русскіе и увидѣвъ теперь насъ на площади, пожелали сдѣлать намъ «комплиментъ», польстить нашему національному чувству и съ этою цѣлью «въ нашу честь» стали наяривать «Стрѣлочка». Но послѣ потрясающаго впечатлѣнія, только что выне-

¹⁾ Календаръ или каландеръ по-арабски значитъ *чистое золото*. Первый, принявшій названіе каландера, былъ одинъ испанскій арабъ, ученикъ Хаджи-Бекташа, который вполнѣдствіи основалъ орденъ дервишей каландери.

²⁾ Махди или Мехди—двѣнадцатый имамъ отъ рода Али. Сунниты вѣруютъ, что онъ взятъ живымъ на небо, какъ Энохъ, но что незадолго до свѣтопреставленія возвратится на землю и съ помощью трехсотъ шестидесяти чистыхъ духовъ распространитъ исламъ по всей землѣ. Шиты же утверждаютъ, что Махди, съ того дня, какъ пропалъ безъ вѣсти въ 260 году геджры, скрывается доселѣ въ какой-то пещерѣ или на днѣ какого-то священнаго колодца, и съ года на годъ ожидаютъ его появленія, съ цѣлью возстановить всемірный калифатъ. Уже нѣсколько разъ появлялись самозванцы Махди, и начало ихъ дѣятельности обыкновенно сопровождалось быстрыми успѣхами, какъ на религіозномъ, такъ и на политическомъ поприщѣ. Предпоследній Махди, дѣйствовалъ при султанѣ Мурадѣ IV, а послѣдній, не безъ значительнаго успѣха, какъ извѣстно, ведетъ свое дѣло въ Суданѣ и Верхнемъ Египтѣ въ настоящее время. Общее вѣрованіе мусульманской черни въ Махди заставило, между прочимъ, законодателей мусульманскихъ государствъ постановить закономъ, что калифъ непремѣнно долженъ быть *видимымъ* и вмѣнить ему въ обязанность показываться какъ можно чаще народу.

³⁾ Весьма интересныя подробности о янычарахъ и дервишахъ-бекташи можно найти въ сочиненіи К. Базили *Очерки Константинополя* (ч. I, изд. 1835 года) откуда отчасти и мы заимствовали нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія.

сеннаго нами отъ гу-кешановъ, это было уже совсѣмъ противно, и мы поспѣшили пройти мимо, заслуживъ себѣ тѣмъ по всей вѣроятности репутацию «*der ganz unmöglichen Kavalieren*».

20-го іюля.

Утромъ спустились мы пить чай во внутренний дворикъ гостиницы, гдѣ устроенъ небольшой садикъ. Нѣсколько олеандровъ и пальмочекъ въ кадкахъ, да какое-то вьющееся по стѣнѣ растеніе, вотъ и весь садикъ, а все же пріятно, потому что зеленъ.

Экій упрямый народъ эти англичане! Вчера вечеромъ мы учили-учили ресторатора, какъ заваривать чай по-русски и повидимому выучили, и онъ даже остался очень доволенъ урокомъ, самъ пилъ сдѣланный нами чай и очень его похваливалъ, говоря, что по-русски выходитъ гораздо вкуснѣе чѣмъ по-англійски, что тотъ же самый сортъ чая получаетъ въ нашей заваркѣ совсѣмъ другой ароматъ и пріятность и прозрачный цвѣтъ, не теряя должной крѣпости; а сегодня утромъ опять подали намъ къ завтраку подъ именемъ чая какой-то мутный и черный, какъ деготь, декоктъ, терпкій и горьковатый на вкусъ, такъ что пить его, при всемъ желаніи, не было никакой возможности.

— Зачѣмъ же это вы намъ опять по англійски приготовили?

— Чтѣ дѣлать, сударь! Мы уже такъ привыкли, у насъ уже всегда и всѣмъ такъ готовится.

— Но вѣдь мы же васъ просили сдѣлать намъ иначе.

— Oh, уез ! Но это невозможно!

— Почему же? развѣ оно такъ трудно?

— Oh, no! Напротивъ!.. Но это нарушило бы нашъ обычай.

Вотъ и толкѣй тутъ съ ними! Они всѣхъ и все гнутъ подъ свой «обычай», да еще и деньги за это дерутъ немалые.

Въ концѣ завтрака предъ нашимъ столомъ появился молодой арабъ въ розовомъ ситцевомъ балахонѣ, съ мѣднымъ тазикомъ въ рукахъ и, отрекомендовавшись по-французски куаферомъ, предложилъ не угодно ли будетъ кому воспользоваться его услугами. Желающіе нашлись, и въ томъ числѣ я первый. Онъ повелъ меня въ особый уголокъ на открытой галлереѣ, обрамлявшей внутренний дворикъ, спустилъ широкую стору, сдѣланную изъ тонкихъ деревянныхъ спицъ, усадилъ меня на стулъ, обуталъ пудермантелемъ и съ компетентнымъ видомъ истаго мастера своего дѣла спросилъ: угодно ли мнѣ бриться, стричься или завить-ся, или же все вмѣстѣ.

Я отвѣчалъ, что желаю только выбриться.

— Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ это будетъ стоять одинъ шиллингъ.

— Все равно, брѣйте.

Онъ приступилъ къ своему дѣлу, намылилъ мнѣ обѣ щеки и выбрилъ уже половину лица, но затѣмъ вдругъ остановился и преспокойно сталъ прятать свои бритвы и прочія принадлежности, словно окончивъ свое дѣло.

— Чтѣ же вы не продолжаете?—спрашиваю его.

— Видите ли, сударь... Я взялъ съ васъ слишкомъ дешево, и это мнѣ не выгодно... Мои кліенты обыкновенно соединяютъ бритье со стрижкой, и я за это беру съ нихъ по два шиллинга; но вамъ не угодно стичься, а брить за одинъ шиллингъ, къ сожалѣнію, мнѣ не выгодно.

— Но, чортъ возьми, объ этомъ слѣдовало предупредить раньше. Вы сами назначили цѣну, и я съ вами не торговался.

— Да, это такъ. Я виноватъ если хотите, но... что же дѣлать, когда мнѣ не выгодно!.. Я подумалъ и вижу, что это совсѣмъ не выгодно. Если вы согласны доплатить мнѣ еще шиллингъ, я съ удовольствіемъ добрѣю васъ.

Представьте себѣ комическое положеніе полубритаго человѣка съ намыленною щекой. Не говорю уже о досадѣ на то, что васъ подѣли на самую грубую и совсѣмъ уже неожиданную продѣлку, нѣчто въ родѣ мелкаго шантажа. Разсчетъ тутъ очевиденъ: два шиллинга за бритье—это слишкомъ дорого и такой цѣны ему, конечно, никто бы не далъ; поэтому въ началѣ онъ объявляетъ вамъ одну цѣну, а въ серединѣ другую: или платите, или оставайтесь недобритымъ. Нечего дѣлать, пришлось согласиться поневолѣ. Тогда арабъ-цирюльникъ потребовалъ уплаты впередъ и dokonчилъ свое дѣло не прежде, какъ положивъ въ карманъ мой два шиллинга. Въ концѣ всей операціи онъ пощекоталъ мнѣ зачѣмъ-то за ушами и подъ носомъ, давъ понюхать свои пальцы смоченные какимъ-то благовоннымъ масломъ. Возмущенный наглою продѣлкой, я заявилъ о ней рыжему джентльмену, стоявшему за бюро въ конторѣ гостиницы.

— О, это извѣстный плутъ,—отвѣчалъ мнѣ невозмутимый англичанинъ:—онъ постоянно и со всѣми продѣлываетъ подобныя штуки.

— Но если такъ, то зачѣмъ вы его пускаете въ свою гостиницу?

— А, это уже другая статья. Тутъ ничего не подѣлаешь. Онъ откупилъ себѣ у хозяина на нѣсколько лѣтъ монополію бритья въ нашемъ заведеніи и гарантировалъ себя формальнымъ условіемъ. Съ нашей стороны, конечно, эта была ошибка, недосмотръ, но къ сожалѣнію мы не предвидѣли возможности такихъ продѣлокъ и должны терпѣть ихъ... Этотъ плутъ въ полномъ своемъ правѣ и, разумеется, пользуется имъ какъ только можетъ.

Оставалось лишь пожать плечами предъ такимъ исключительнымъ, чисто англійскимъ ува-

женіемъ къ «легальности» всякаго права, даже права шантажа, если только этотъ послѣдній производится «на легальномъ основаніи». А впрочемъ—кто ихъ разберетъ!—можетъ-быть и всѣ они одного поля ягода.

Пользуясь лишнимъ часомъ, пока пароходъ, на которомъ мы должны были плыть далѣе не вытянулся изъ канала на рейдъ, отправились мы пошататься по базару. Особенность здѣшняго базара та, что онъ не покрытъ сверху цыновками, и потому въ лавкахъ свѣтло. Предъ каждою лавкой устроены надъ входомъ навѣсы, подъ которыми развѣшаны разные товары. Здѣсь кромѣ англійскихъ нашли мы и мѣстныхъ ткани: это преимущественно шелковые платки, шарфики и узкія шали; а также было нѣсколько довольно красивыхъ полшелковыхъ (на бумажной основѣ) платковъ, затканыхъ по пунцовому полю узорами изъ золотой бити. Не менѣе оригинальны полосатые шарфы, гдѣ сочетаются цвѣта желтый, пунцовый, синій, зеленый и бѣлый; на концахъ ихъ висятъ длинная, но довольно рѣдкая бахрома съ шелковыми разноцвѣтными кисточками. Цвѣты на всѣ эти ткани довольно сносны, и хотя съ насъ, какъ съ европейскихъ туристовъ, по обыкновенію, заломили въ три-дорога, но мы уже приобрѣли сноровку торговаться, и потому, скоро сойдясь въ цѣнѣ, купили себѣ нѣсколько подобныхъ платковъ и шарфовъ.

Но вотъ, на береговой сигнальной мачтѣ поднимается флагъ: это повѣстка, что пароходъ французскаго общества *Messageries Maritimes* уже въ виду, подходитъ къ каналу къ рейду. Мы поспѣшили вернуться въ гостиницу и застали тамъ мѣстнаго губернатора, Реуфъ-пашу, пріѣхавшаго съ визитомъ къ нашему адмиралу. У пристани уже стоялъ подъ парами казенный пароходъ съ русскимъ консульскимъ флагомъ на носу и египетскимъ на кормѣ, чтобы перевезти насъ на подходящій пароходъ «Пей-Хо». Сборы были не долгіе. Заплативъ неизбежную контрибуцію отельской прислугѣ и хамаламъ переносившимъ вещи, мы черезъ четверть часа были уже на пароходикѣ, куда вскочили вмѣстѣ съ нами и какой-то пиджачный продавецъ фотографическихъ видовъ Суэзскаго канала и другихъ достопримѣчательныхъ мѣстъ Египта. Онъ обмылъ намъ довольно много своего товара и рассчитывалъ еще больше сбыть его на палубѣ «Пей-Хо» другимъ пассажирамъ.

На пути мы прошли мимо островка, на которомъ воздвигнутъ, въ видѣ бронзоваго бюста на мраморномъ пьедесталѣ, памятникъ капитану (представьте мой вандализмъ: забылъ его имя!), впервые сдѣлавшему подробную рекогносцировку Суэзскаго перешейка и доказавшему теоретически возможность пересѣчь его морскимъ каналомъ. Говорятъ, что Лессепсъ,

которому пришлось осуществлять его идею, лично настоялъ на томъ, чтобы ему былъ воздвигнутъ здѣсь памятникъ. Затѣмъ прошли мы мимо карантиннаго зданія, возведеннаго на искусственно поднятой почвѣ, благодаря чему постройка этого небольшого дома обошлась правительству въ 10.000 фунтовъ стерлинговъ, и вышли на открытый рейдъ, гдѣ приостановился на нѣкоторое время «Пей-Хо».

Широкій пейзажъ двухъ противоположащихъ материковъ, африканскаго и азіятскаго, съ ихъ обнаженными скалистыми высотами былъ своеобразно красивъ, несмотря даже на отсутствіе растительности. Суэзъ, этотъ бѣлый городокъ съ двумя-тремя шпилями минаретовъ на буро-желтомъ фонѣ горъ Атаки, казался совсѣмъ маленькимъ въ общей широко-раскинувшейся картинѣ залива и его прибрежныхъ возвышенностей. Но что въ особенности придавало пейзажу оригинальную прелесть, такъ это удивительная свѣтлость его тоновъ и мягкость самыхъ нѣжныхъ красокъ воды, земли и неба; все это было какъ бы насквозь пропитано мягкимъ свѣтомъ и вырисовывалось легкими воздушными абрисами, словно художественный эскизъ, слегка намѣченный водянистыми акварельными красками. Блѣдно-лиловые горы, палево-золотистый песокъ на берегахъ, похожій на цвѣтъ созрѣвшей нивы, бирюзово-зеленоватыя волны и серебристо-голубое небо вообще напоминаютъ краски и тоны Неаполитанскаго залива, только еще гораздо мягче, нѣжнѣй и воздушнѣе.

Пароходикъ нашъ присталъ къ высокому борту «Пей-Хо», и здѣсь мы простились съ нашимъ вице-консуломъ и его племянникомъ-драгоманомъ. Заодно я мысленно простился и съ тѣмъ клочкомъ Египта, въ которомъ довелось мнѣ быть, пославъ ему свое «досвиданіе», съ надеждой увидѣть его вновь на возвратномъ пути въ Россію.

VI.

Въ Красномъ морѣ.

Наши спутники. — Виды береговъ. — Источники Моисея. — «Гора Откровенія». — Синайскій монастырь и его охранители. — Первая неприятности отъ моря. — Мглистость знойнаго воздуха. — Нѣчто объ Абиссиніи. — Архипелагъ Джебель-Зукуръ и Ганишъ. — Слѣды кораблекрушеній. — Рифы Краснаго моря. — Островъ Перимъ. — Сильныя и слабыя стороны его стратегическаго положенія. — Судьба французской факторіи на урочищѣ Шейхъ-Саидъ. — Какъ англичане украли Перимъ у французовъ. — Характеръ южныхъ прибрежій Краснаго моря. — Бабъ-эль-Мандебскій проливъ. — Приходъ въ Адень.

Продолженіе 20-го іюля.

На «Пей-Хó» попали мы прямо къ завтраку, который по количеству блюдъ стоялъ любого обѣда, отличаясь отъ послѣдняго только отсутствіемъ супа. Здѣсь былъ въ сборѣ весь первоклассный со-

ставъ нашихъ будущихъ спутниковъ и мы во время завтрака довольно удобно могли, съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться и сдѣлать, такъ сказать, бѣглый обзоръ остальнымъ. Ъхалъ тутъ какой-то monsieur Michel, который сразу прикомандировался къ А. П. Новосильскому и весьма словоохотливо сообщалъ нашему кружку характеристики и всякія біографическія и даже анекдотическія свѣдѣнія почти обо всѣхъ пассажирахъ, въ особенности о пассажиркахъ, о пароходномъ начальствѣ и даже о пароходной прислугѣ. Онъ ѣхалъ отъ самаго Марселя и потому за недѣлю пути успѣлъ уже достаточно приглядѣться ко всѣмъ и каждому. Это былъ жиденькій и юркій французикъ, вертлявый, искательный, любезный, съ кѣмъ находилъ это нужнымъ, нахальный съ людьми скромными или застѣнчивыми и сейчасъ же пасующій предъ тѣмъ, кто оборветъ его за нахальство. Рекомендовалъ онъ себя дипломатомъ отправляющимся въ Китай, но потомъ оказалось, что это не болѣе какъ клеркъ одного изъ французскихъ консульствъ въ Китаѣ. Галерея нашихъ спутниковъ предстала намъ въ такомъ порядкѣ: на первомъ планѣ двѣ англійскихъ дамы.—Одна изъ нихъ—да простятъ мнѣ Аллахъ и мой читатель—всѣмъ складомъ своей грузной фигуры и выраженіемъ угреватато-красной и пресыщенно-сонливой физиономіи, разительно напоминала то почтенное животное, которое Моисей и Магометъ запретили употреблять въ пищу своимъ послѣдователямъ. Видимо наѣвшись до отвала и отсмаковавъ нѣсколько рюмокъ «old Sherri», она растинулась теперь во всю длину на плетеномъ креслѣ-качалкѣ, причемъ, вѣроятно невзначай, выставила напоказъ свои верблюжьи ноги и эпикурейски лѣживо поглядывала на весь міръ Божій. Массивныя браслеты стягивали ея полнѣобразныя руки и длинная золотая цѣпь отъ часовъ охватывала жирную шею. По всѣмъ этимъ аллюрамъ въ ней скорѣе можно было признать американку, чѣмъ англичанку, но всевѣдущій monsieur Michel увѣряетъ будто она несомнѣнная дочь туманнаго Альбіона. Другая дама—очень милая и вполне приличная особа—была супруга японскаго дипломата, г. Йошитане Санномія, о женитбѣ котораго на англичанкѣ говорили въ свое время всѣ газеты. Теперь эта чета направлялась въ Японію, такъ какъ молодой супругъ нарочно взялъ отпускъ, чтобы познакомиться свою супругу съ ея новымъ отечествомъ.

Затѣмъ въ галереѣ нашей слѣдуютъ: рыжій аббатъ въ очкахъ, сопровождающій на островъ Мартинику небольшое общество французскихъ сестеръ ордена Sacré Cœur de Jésus. Между этими сестрами три или четыре довольно еще молодыя женщины, и у одной изъ нихъ, по замѣчанію monsieur Мишеля, «уди-

вительно страстные и алчущіе глаза». Онъ увѣряетъ, и конечно вретъ, будто тутъ кроется дѣлѣй романъ, который заставилъ-де эту «интересную особу» промѣнить свой салонъ въ faubourg St.-Germain на сутану сестры милосердія.

Тутъ же ѣдетъ какой-то рыжій нѣмецъ, назначенный куда-то на Пейлонъ вице-консуломъ. Это страстный охотникъ играть на фортепіано, но къ сожалѣнію очень плохо, — только все ноты разбираетъ и фальшивитъ, надобная всѣмъ до невыносимости своимъ безконечнымъ брѣнчаніемъ, отъ котораго некуда укрыться, развѣ только въ душную каюту. Піанино стоитъ на ютѣ, на открытомъ воздухѣ подъ тентомъ, гдѣ съ утра до ночи группируются всѣ пассажиры первыхъ двухъ классовъ, какъ въ самомъ покойномъ и прохладномъ мѣстѣ. Вотъ юная американка дѣвица, за которую я подержалъ бы какое угодно пари, что это наша російская нигилистка, до такой степени былъ знакомо-характеренъ ея костюмъ. Представьте себѣ обдерганное платье по шиколотку, безъ юбокъ и безъ пинуровки, широкій кожаный поясъ, сѣрый пледъ на рукѣ (въ такую-то жарынь), на носу золотыя очки, на головѣ остриженные волосы и, къ довершенію всѣхъ этихъ предестей, изъ прорѣхи бокового кармана торчитъ ручка револьвера. Около этой барышни неотступно увивается какой-то юный мулатъ, надъ которымъ она не стѣсняется проявлять свои капризы и всю непринужденность своихъ нѣсколько эксцентричныхъ манеръ: хлопаетъ его вѣеромъ по носу, щиплетъ повыше локтя или дѣргаетъ за ухо. Мишель рассказываетъ что вчера за обѣдомъ они оффициально предъ капитаномъ и всѣмъ обществомъ пассажировъ объявили себя женихомъ и невестой, хотя знакомство ихъ предъ тѣмъ не доходило далѣе однѣхъ сутокъ, такъ какъ барышня сѣла на пароходъ только въ Портъ-Саидѣ, нареченный же ея плыветъ изъ Марселя. Мишель находитъ будто это совсѣмъ по американски, но подобная «скоропалительность» не безызвѣстна и у насъ кое гдѣ на Выборгской, на Васильевскомъ или въ Подъяческихъ. Знакомые типы, знакомые нравы!..

Тутъ же ѣдетъ во второмъ классѣ и еще одна дѣвушка, но совсѣмъ другого пошиба. Это очень милая французенка-портниха, отправляющаяся въ Маниллу, куда ее выписала по контракту на пять лѣтъ какая-то хозяйка моднаго магазина, въ качествѣ старшей закройщицы. Одѣта она очень просто, даже пожалуй бѣдно, но по модѣ и со вкусомъ, и ножка обута хорошо; держитъ себя очень прилично. Вообще ото всей ея фигурки вѣетъ нѣкоторымъ изяществомъ, хотя по чертамъ лица ея далеко нельзя назвать хорошенькою.

Между второклассными пассажирами невольно обращаетъ на себя вниманіе одна идилли-

ческая чета голландских супругов, фдушихъ въ Батавію. Оба они бѣлы, мягки, рыхлы и румяны, оба кушаютъ съ отмыннымъ аппетитомъ, оба носятъ самые легкіе и прозрачные костюмы, оба улыбаются другъ другу дѣтски блаженными улыбками или безмятежно дремлютъ прислонясь другъ къ другу плечомъ и сложивъ на брюшкѣ свои пухлыя ручки. Голландскіе Маниловы, да и только!

Вдетъ также одна китаянка въ какомъ-то смѣшанномъ, полоевропейскомъ, полукитайскомъ костюмѣ, состоящемъ изъ длинной бѣлой кофты и такой же юбки; прическа у нея своя національная, а ноги обуты въ ботинки, и то обстоятельство, что ступни ея не изуродованы, а остаются такими какъ создала ихъ мать-природа, несомнѣнно указываетъ, что эта особа не принадлежитъ ни къ «благородному», ни даже просто къ зажиточному классу китайскаго общества, иначе нога ея непременно имѣла бы видъ маленькаго копытца. И точно, оказывается что она изъ разряда «чернорабочихъ», простая женщина долго жившая въ нянюшкахъ въ одномъ англійскомъ семействѣ, сначала въ Шанхаѣ, потомъ въ Лондонѣ, и теперь возвращается къ себѣ на родину. Говорятъ, будто китаянки вообще самыя лучшія няньки въ мірѣ, и я готовъ этому вѣрить, судя по фizioноміи той, которую вижу теперь предъ собой: ея скуластое лицо очень симпатично, и въ узкихъ щелочкахъ приподнятыхъ миндалевидныхъ глазъ теплится доброта безконечная.

Между мужской публикой выдѣляются по національностямъ двѣ группы: англичанъ и нѣмцевъ. Первые преимущественно офицеры отправляющиеся на службу въ Аденъ, вторые по большей части коммерсанты, прикащики и техники различныхъ специальностей. Эта послѣдняя группа держитъ себя довольно обособленно, разговаривая только между собой, и не стѣняясь дѣлаетъ громкія критическія замѣчанія насчетъ всѣхъ остальныхъ пассажировъ, какъ бы бравируя: мы-де германцы и потому самъ чортъ не братъ намъ.

Капитанъ парохода, бывалый морякъ, съ наружностью, какъ говорятъ, «морскаго волка», и своимъ видомъ внушаетъ полное довѣріе какъ ко своей личности, такъ и ко своей морской опытности. Онъ давно уже состоитъ на компанейской службѣ и считаетъ свои океанскія рейсы между Марселемъ и Шанхаемъ чуть ли не сотнями. Его лейтенанты, комиссаръ, судовой врачъ и старшій механикъ, все это очень любезные люди.

Представительный метръ-д'отель, съ бюрократическою наружностью и котлетовидными бакенбардами, отвелъ мнѣ каюту вмѣстѣ съ М. А. Поджіо, который, какъ человѣкъ бывалый, первымъ же дѣломъ перезнакомился со всѣми «нужными людьми», вслѣдствіе чего намъ и были негласно предоставлены разныя малень-

кія льготы и удобства въ общихъ правилахъ, въ родѣ, напримѣръ, разрѣшенія курить у себя въ каютѣ, при запертой конечно двери, и т. п.

Итакъ, мы съ моимъ каютнымъ сожителемъ, благодаря его опытности и умѣнью ладить съ людьми, съ первой же минуты отлично устроились въ нашемъ помѣщеніи, приспособивъ всѣ свои подручныя вещи такъ, чтобы никакая качка не могла нарушить ихъ равновѣсія или сдвинуть съ мѣста, и окончивъ всю эту укладку, поднялись на верхнюю палубу, подъ тентъ, подышать свѣжимъ, хотя и знойнымъ воздухомъ. Пароходъ уже плавно двинулся внизъ по Суэзскому заливу. Всѣ пассажиры были наверху, покоясь въ лѣгивомъ бездѣйствіи на глубокихъ и длинныхъ плетеныхъ креслахъ, съ удобствомъ замѣняющихъ кушетки и даже постели.

Почему это море называется «Краснымъ»? Въ первые часы своего на немъ пребыванія мы никакъ не могли опредѣлить чѣмъ именно, какою особенностью или какимъ его свойствомъ оправдывается такое названіе. Темносиній цвѣтъ воды его скорѣе всего напоминаетъ Черное море, которое тоже не совсѣмъ-то вѣрно называется «чернымъ», такъ какъ въ дѣйствительности оно изсѣро-синее, какъ стальное.

Берега Суэзскаго залива гористы. Сначала вдоль африканскаго берега виденъ рядъ буржелтыхъ кражей, прерываемыхъ незначительными низменностями песчанаго характера, а затѣмъ, южнѣе, тянется прибрежный иззубренный хребетъ бурокрасноватаго цвѣта. Но, сколько можно судить на глазъ, это не гранитныя скалы, а слоистыя шиферныя груды да песчаная обсыпка, поражающая своею мертвою пустынностью. Тамъ незамѣтно никакихъ признаковъ жизни въ родѣ какого либо кустарника, ни движенія людей или верблюдовъ, ни даже какой-нибудь одиноко бѣлѣющей могилы. Въ этой картинѣ, опаляемой нестерпимо жгучими лучами солнца, есть что-то гнетущее душу невыразимую тоской. Азіатскій берегъ нѣсколько мягче по своимъ тонамъ и контурамъ, но онъ также пустыненъ. Въ одномъ только маленькомъ уголкѣ его ваши взоры съ удовольствіемъ останавливаются на небольшой рощицѣ пальмъ и другихъ деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ бѣлѣютъ два или три небольшіе домика съ плоскими кровлями. Это мѣсто называется Елимъ, но болѣе извѣстно подъ названіемъ «источниковъ Моисея». Сюда, по переходѣ черезъ Черное море, привелъ великій вождь Израиля народъ свой на четвертый ночлегъ послѣ исхода, пространствовавъ предъ тѣмъ трое сутокъ въ безводной пустынѣ Суръ и у горько-соленого колодца Мера. «И пришелъ въ Елимъ, гдѣ было двѣнадцать источниковъ войны и семьдесятъ финиковыхъ пальмъ, и стали тутъ станомъ надъ водами» ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ *Исходъ*, гл. XV, стр. 27.

Замѣчательно, что число пальмъ осѣняющихъ этотъ маленький оазисъ осталось и по сейчасъ то же самое, что упоминается у Моисея въ книгѣ *Исходъ*: ихъ тутъ ровно семнадцать, и какъ въ оны дни Израилю, такъ и теперь дають онѣ тѣнь и прохладу караванамъ, проходящимъ отъ Сура и Мерры чрезъ пустыню Синъ къ горѣ Синайской и обратно. Такимъ образомъ, оазисъ Елимъ приблизительно сохраняетъ тотъ же самый видъ и характеръ какой имѣлъ онъ слишкомъ за три тысячи лѣтъ до нашего времени, и если что прибавилось къ нему новаго, такъ какъ развѣтъ двѣ-три убогія арабскія сакли, о которыхъ упомянуто выше. Мѣсто это составляетъ нынѣ частную собственность Николы-Коста, нашего суэзскаго вице-консула. Со времени работъ на Суэзскомъ каналѣ, европейскіе жители Суэза наѣзжаютъ сюда порой отдохнуть «ins Grüne», или устроить какой-нибудь маленький пикникъ, такъ какъ здѣсь находится единственная зелень и древесная тѣнь во всей окрестности; сообщеніе же Суэза съ Елимомъ очень удобно: небольшой пароходикъ перевозитъ на ту сторону менѣе чѣмъ въ часъ времени. Въ виду всего этого, одинъ австрійскій нѣмецъ вздумалъ было устроить тутъ для суэзскихъ жителей кафе-шантанъ съ буфетомъ и разными развлечениями, и уже выписалъ было изъ Портъ-Саида шансонетныхъ пѣвицъ и дѣвицъ съ тромбонами; оставалось только сговориться съ собственникомъ, чтобы снять у него въ аренду землю, но тутъ-то и выпѣлъ для австрійка камень преткновенія, тѣмъ болѣе неожиданный, что онъ предлагалъ за арендованіе оазиса довольно порядочную сумму: Никола-Коста отказалъ ему наотрѣзъ, и какъ не обхаживалъ его нѣмецъ, не поддался ни на какіе соблазны и выгодныя предложенія. «Это мѣсто свято, оно служитъ предметомъ поклоненія равно для всѣхъ христіанъ, мусульманъ и евреевъ, а вы на немъ хотите кабакъ устроить!.. Пока живъ Никола-Коста, такому заторопному дѣлу не бывать!» И нѣмецъ отъѣхалъ ни съ чѣмъ, вынужденный распустить своихъ дѣвицъ съ тромбонами и проклиная на всѣхъ перекресткахъ «упрямаго араба», лишившаго его такой выгодной спекуляціи.

Въ шестомъ часу вечера садящееся солнце озарило вдали золотисто-розовыми лучами скалистую вершину древне-библейской «горы Откровенія». Къ сожалѣнію, мимо Синая мы проходили уже вечеромъ, когда южная темная ночь вполне овладѣла природой и зажгла по темносинему куполу небесъ безчисленные мириады звѣздъ сверкавшихъ какъ алмазы своимъ дрожащимъ свѣтомъ, въ которомъ игралъ всѣ цвѣта спектра. Съ нами плылъ до Адена какой-то весьма скромный на видъ купецъ греческаго происхожденія. Вечеромъ онъ случайно очутился подлѣ меня, на верхней палубѣ

у самого борта, и глядя въ темную даль, гдѣ какъ одинокая красная звѣздочка мерцалъ какой-то огонекъ, сталъ набожно креститься. Сначала было я не домекнулся по какой причинѣ онъ это дѣлаетъ, и грекъ, вѣроятно замѣтивъ на моемъ лицѣ нѣкоторое недоумѣніе, спросилъ меня по-французски:

— Вы русскій?

— Русскій и православный, отвѣчалъ я.

— Тамъ Синай, сказалъ онъ, простирая руку по направленію къ огоньку:—мы какъ-разъ проходимъ теперь мимо.

Я тоже снялъ шляпу и перекрестился. Это послужило началомъ нашего непродолжительнаго знакомства. Оказалось, что грекъ постоянно проживаетъ въ Суэзѣ и служитъ агентомъ какой-то французской компаніи по закупкѣ кофе, а потому весьма часто совершаетъ рейсы до Бакка и Адена, знаетъ хорошо Египетъ, Нубію, Абиссинію, Палестину и Аравію и неоднократно бывалъ на Синаѣ. Отъ него, между прочимъ, узналъ я очень любопытное обстоятельство что Синайская обитель, прошедшая невредимо чрезъ всѣ политическія и религіозныя бури Востока, охраняется не инымъ чѣмъ какъ словеснымъ завѣтомъ Магомета, который не только запретилъ своимъ послѣдователямъ трогать монастырь или нарушать въ чемъ-либо права и спокойствіе монаховъ, но—мало того—еще поручилъ сосѣднимъ съ обителью племенамъ арбовъ защищать ее и исполнять для нея разныя послуги въ родѣ передачи почтъ, охраны въ пути паломниковъ и каравановъ слѣдующихъ къ монастырю и обратно, помощи въ агрикультурныхъ работахъ—по монастырскому саду и огороду, доставки топлива въ случаѣ надобности и т. п. И замѣчательно, что этотъ словесный завѣтъ Пророка до сихъ поръ соблюдается окрестными племенами свято и нерушимо, и при томъ безо всякаго внимательства правительственной власти турокъ, а исключительно по ихъ собственной доброй волѣ. Болѣе десятка вѣковъ протекло съ той поры какъ былъ изреченъ этотъ зарокъ, и сила его не умалилась даже до сего дня, несмотря на всѣ хищническіе инстинкты полу-дикихъ «сыновъ пустыни» и на весь пламенный религіозный фанатизмъ ислама, часто не знавшаго никакой пощады въ своей борьбѣ съ христіанствомъ. Какъ хотите, но это разительный примѣръ того что значить сила вѣры и вѣрности завѣту въ непосредственномъ, неизмѣненномъ «цивилизацией» человѣкѣ. Въ то самое время какъ «цивилизованный» христіанинъ мечтаетъ о выгодномъ устройствѣ кафе-шантанчика на источникахъ Моисея, полуголодные бѣдняки-мусульмане работаютъ на чуждую имъ христіанскую святыню и защищаютъ ея безопасность только потому, что такъ когда-то, болѣе тысячи лѣтъ назадъ, было за-

казано ихъ предкамъ. Монастырь, въ свою очередь, не остается предъ ними въ долгу и по силѣ возможности снабжаетъ ихъ въ неурожайные годы хлѣбомъ.

Устройство Синайской обители нерушимо зиждется на древнемъ уставѣ ея первыхъ подвижниковъ. Времени для нея какъ бы не существуетъ, и она въ наши дни является въ своемъ обиходѣ совершенно такою же, какъ и въ первые вѣка христіанскаго иночества. Въ самомъ монастырѣ проживаютъ не болѣе двадцати братій, остальные же, въ числѣ около 130 человѣкъ, разсѣяны по разнымъ православно-христіанскимъ странамъ, гдѣ находятся подворья ихъ обители и главнымъ образомъ въ Румыніи; епископъ же Синайскій, избираемый всегда изъ среды братій, постоянно пребываетъ въ Константинополѣ, такъ какъ тамъ у него сосредоточено управленіе всѣми филиальными учрежденіями и имуществами монастыря. Внутреннее управленіе въ самой обители находится въ рукахъ «совѣта старцевъ», периодически избираемого братіей. Пользуясь въ дѣлахъ своихъ полною самостоятельностью, Синайскій монастырь тѣмъ не менѣе числится въ подчиненіи у патріарха іерусалимскаго, но подчиненіе это чисто номинальное и выражается только въ томъ, что братія каждый годъ отправляетъ патріарху «дань» въ видѣ корзины финиковъ и корзины грушъ изъ монастырскаго сада. Патріархъ за это подаетъ имъ свое благословеніе и утверждаетъ выборы епископа и старцевъ совѣта. Все это узналъ и въ разговорѣ отъ моего случайнаго знакомаго—грека, стоя съ нимъ у пароходнаго борта и любясь на звѣздное небо пока мы проходили мимо Синая. Видъ этого неба немного уже измѣнился противъ того, какимъ онъ является въ болѣе сѣверныхъ широтахъ даже и въ самыя ясныя ночи. Такъ Большая Медвѣдица стояла очень низко, почти надъ самымъ горизонтомъ, за то въ полномъ блескѣ явилось созвѣздіе Скорпіона; Млечный путь опоясывалъ небосводъ съ незнакомою для насъ, Сѣверинъ, силой блага свѣченія, какъ бы оправдывая свое названіе. Нѣкоторые большія звѣзды горѣли такъ ярко, что свѣтъ ихъ замѣтно отражался вдали тонкими полосами на гладкой поверхности совершенно заштилѣвшаго моря. Переводить мечтательный взглядъ отъ неба къ водѣ и отъ воды къ небу, это почти единственное вечернее занятіе пассажировъ на верхней палубѣ, если они не желаютъ заниматься разговорами со своими спутниками или портить себѣ глаза чтеніемъ при свѣтѣ палубныхъ фонарей; и я тоже предался такому *dolce far niente*, наблюдая то небо, то воду въ которой ожидалъ найти явленія фосфорическаго свѣченія, но ожиданія мои на сей разъ были совершенно напрасны: никакого свѣченія въ морѣ не замѣчалось.

Мои мечтательныя наблюденія были неожиданно прерваны изумленнымъ возгласомъ помѣстившагося рядомъ О. Е. Толбузина:

— Батюшки! Это чтó еще за мода такая? Я повернулся къ нему съ вопросомъ въ чемъ дѣло.

— Глядите пожалуйста въ чемъ эти господа изволятъ парадировать!

И онъ кивнулъ головой на нѣсколькихъ англичанъ и нѣмцевъ прохаживавшихся по палубѣ.

Дѣйствительно, просторный костюмъ «этихъ господъ» для непривычнаго глаза казался нѣсколько страннымъ; онъ состоялъ изъ сѣренькой клѣтчато фланелевой кофты и такихъ же шальваръ. То и другое было широкаго покроя на завязкахъ и надѣвалось безъ бѣлья прямо на тѣло: обувь служили туфли, надѣтыя на босую ногу. Этотъ костюмъ, замѣняющій въ нѣкоторомъ родѣ халатъ, называется *патжамъ* и, несмотря на всю свою черезчуръ уже домашнюю безцеремонность, приобрѣлъ себѣ право гражданства на всѣхъ иностранныхъ пассажирскихъ пароходахъ, совершающихъ рейсы въ южныхъ водахъ: мужчѣнамъ разрѣшается облекаться въ *патжамы* послѣ восьми часовъ вечера и гулять въ нихъ свободно по палубѣ и въ каютъ-компаніи. На присутствіе дамъ при этомъ не обращается ни малѣйшаго вниманія, и замѣчательно, что ввели такое халатное обыкновеніе сами чопорные англичане, которые въ своихъ *патжамъ* не стѣсняются подходить къ дамамъ, подсаживаться рядомъ и вступать съ ними въ самыя любезныя разговоры. Говорятъ будто такой костюмъ застраховываетъ отъ вліянія вечерней морской сырости. Можетъ-быть и такъ, но не могу не замѣтить, что за все время плаванія никто изъ насъ, русскихъ, никакихъ *патжамовъ* не носилъ и никакихъ отъ этого вредныхъ послѣдствій не испытывалъ.

21-го іюля.

На разсвѣтѣ чуть не наткнулись на двѣ небольшія банки, весьма незначительно возвышающіяся надъ уровнемъ воды своею совершенно плоскою желтою поверхностью. Прошли мы отъ нихъ въ разстояніи не болѣе двадцати сажень и хорошо, конечно, что это случилось не ночью, когда такъ легко было бы на нихъ напороться, чтó въ Красномъ морѣ далеко не рѣдкость. Въ теченіе всего дня обогнали только одинъ пароходъ, и этимъ на сегодня ограничились всѣ наши морскія встрѣчи. Утромъ еще видны были берега, но уже въ слабыхъ очертаніяхъ и какъ бы въ серебристомъ туманѣ. Такъ, помнится мнѣ, являлся бывало иными днями азіатскій берегъ Мраморнаго моря во время нашей санъ-стефанской стоянки.

Пароходный комиссаръ (завѣдующій хозяйственною частью) затѣялъ устроить на палубѣ «домашними средствами» концертъ любителей въ пользу семействъ моряковъ, погибшихъ въ морѣ. Пароходное начальство вмѣстѣ съ устроителемъ обратилось къ нашему адмиралу съ просьбой взять на себя роль почетнаго предсѣдателя въ маленькой комиссіи по устройству этого благотворительнаго дѣла. С. С. Лесовскій изъявилъ свое согласіе и предложилъ намъ помочь добродушному активному образцомъ, то-есть принять непосредственное участіе къ музыкальной и вокальной части концерта. Отказываться не приходилось, тѣмъ болѣе, что и публика не могла быть особенно взыскательною по отношенію къ случайно попавшимся между пассажирами музыкальнымъ силамъ и способностямъ даже и не «любителей», а просто людей кое-какъ поющихъ или играющихъ. Главное заключалось въ томъ, чтобы помочь добродушному дѣлу, а потому, по пословицѣ «кто чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ», пришлось и намъ справиться благотворительно-музыкальную повинность. По этой части «привлекли къ отвѣтственности» Н. Н. Росселя и меня, такъ какъ нашимъ русскимъ спутникамъ было извѣстно, что Россель поетъ и играетъ, а я не столько пою, сколько *говорю* характерные пѣсни и романсы. Матросы подъ руководствомъ комиссара привели верхнюю кормовую палубу въ праздничный видъ, убравъ ее арматурами и флагами и освѣтивъ большими китайскими фонарями. Въ восемь часовъ вечера мы начали нашъ концертъ. Одинъ пассажиръ изъ нѣмцевъ исполнилъ нѣсколько пьесъ на цитрѣ; французъ Револютъ, извѣстный путешественникъ по Африкѣ, подъ аккомпанементъ пiанино, сыгралъ «на губахъ какъ на тромбонѣ», весьма удачно подражая, съ помощью приставленныхъ палочекъ ко рту ладоней, звукамъ валторны; мы съ Росселемъ спѣли дуэтомъ Гликинскую *Не искушай* и цыганскую *Я помню отрадно счастливые дни*, а затѣмъ я — одинъ романсъ *Что эта жизнь безъ любви ожиданія* и лихую цыганскую *Венгерку*, доставшуюся мнѣ, такъ сказать, по наслѣдству отъ покойнаго Аполлона Григорьева. Хотя ржаной капіѣ самой себя хвалить и не приходится, но все же, откинувъ излишнюю скромность, долженъ сказать, что *русская* часть концерта произвела на слушателей очень пріятное впечатлѣніе, благодаря оригинальной прелести нашихъ мотивовъ, оказавшихся для нихъ совершенно новыми, ни разу еще не слыханными, о чемъ они и заявляли намъ съ Росселемъ, сопровождая эти заявленія, конечно, «тысячью комплиментовъ», едва ли въ сущности нами заслуженныхъ. Юная американка, которая тоже должна была пѣть, вдругъ

предъ самымъ началомъ концерта заявила, что она больна и заперлась въ своей каютѣ, а едва концертъ окончился, какъ снова появилась на палубѣ со своимъ креоломъ, одѣтая въ розовый шлафрокъ, и проскользнула въ самое темное и уютное мѣстечко юта. «Не потому ли онъ и *юта*, что тамъ, удобно *ютится*, въ особенности влюбленнымъ парочкамъ?» скалбурить по этому поводу одинъ изъ нашихъ спутниковъ. Вообще поведение американской барышни начинается нѣкоторыхъ скандализовать, въ особенности англичанокъ, которыя, при видѣ ея, многозначительно переглядываются между собой, кидаютъ во слѣдъ ей сдержанно-негодующіе и недомѣивающіе взгляды и презрительно пожимаютъ плечами. Но барышня очевидно бравируетъ своею «независимостью», и совершенно, какъ наши соотечественницы нигилистическаго полстрига, какъ бы желаетъ показать всѣмъ и каждому, что ей на все «наплевать».

22-го іюля.

Тихое утро. На морѣ почти совсѣмъ заштипѣло. Бывалые люди говорятъ, будто надо ожидать очень жаркаго дня, но по какимъ это признакамъ — для меня пока еще непонятно. На мой взглядъ день какъ день, какъ и всѣ предшедшіе дни; утро какъ будто даже прохладнѣе чѣмъ вчера, а между тѣмъ предвѣщаютъ сильный зной. Пароходъ идетъ ровно, не колыхаясь. Сказываютъ, будто длинноусый нѣмецъ, чѣмъ ѣдетъ военнымъ инструкторомъ къ китайцамъ, сочинилъ какіе-то сатирическіе стишки насчетъ вчерашняго концерта и многіе весьма интересуются знанъ что именно. Однако, судя по этому, морская скука начинается-таки дѣйствовать: за отсутствіемъ болѣе крупныхъ интересовъ дня, мы незамѣтно поддаемся мелочному интересу сплетни и маленькаго злословія насчетъ ближняго. Впрочемъ это такъ понятно...

Съ полудня поднялся легкій вѣтерокъ и начало покачивать килевою качкой. Пароходъ рѣзалъ подъ прямымъ угломъ правильно и плавно набѣгавшія на него гряды пѣнившихся валовъ. Въ небесахъ не было ни облачка, но между тѣмъ въ воздухѣ стояла какая-то мгла, словно банный паръ затусклявшая солнце. Мѣдно-красоваватый дискъ его выдаѣлся сквозь этотъ шаръ совершенно безъ лучей, какъ бываетъ иногда на сѣверѣ зимой въ сильно морозные дни, и, несмотря на отсутствіе лучей въ воздухѣ, все же чувствовался гнетущій зной и стояла духота убійственная, точно весь міръ обратился въ одну паровую ванну. Предъ полуднемъ я имѣлъ неосторожность спуститься въ свою каюту съ цѣлю прилечь на койку отдохнуть немного, но тамъ меня незамѣтно размаяло до такой степени, что чрезъ часъ вышелъ я на палубу совсѣмъ

уже больной, испытывая отвращение и къ табаку и къ пищѣ, и такимъ образомъ промучился до вечера. Дѣйствовала на меня не столько качка, сколько пменно эта невозможная духота. Солнце еще задолго до заката совершенно скрылось въ густой бѣлосаватой мглѣ, такъ что даже и признаковъ его диска не было видно, а между тѣмъ гнетущій зной чувствовался и сквозь непроницаемый туманъ не менѣе сильно. Говорятъ, будто въ такіе «сѣренкіе» безсолнечные дни зной всегда даетъ себя чувствовать гораздо хуже, чѣмъ при самомъ яркомъ блескѣ полудня, и теперь я понимаю, почему по признакамъ утренняго тумана, опытные люди предсказывали на сегодня такую жару. Послѣ заката воздухъ все еще былъ сильно нагрѣтъ, но, слава Богу, по крайней-мѣрѣ исчезла эта ужасная духота и явилась возможность дышать свободно. Вечеромъ въ водѣ появились сегодня первые, хотя еще довольно слабыя, искры фосфорическаго свѣченія.

23-го іюля.

Весь день стояла надъ моремъ бѣлосаватая мгла, но уже гораздо легче и прозрачнѣе вчерашней. Солнце хотя и тускло было порой больше, порой меньше, но смотреть на него нельзя было такъ свободно какъ вчера: лучи уже нѣсколько дѣйствовали на глаза, да и мѣдно-красный цвѣтъ его измѣнился сегодня въ блѣдно-желтый. Въ сравненіи со вчерашнимъ днемъ, на верхней палубѣ, подъ двойнымъ тентомъ было менѣе жарко и душно, что поставяется въ прямую зависимость отъ меньшей плотности сегодняшняго тумана. Воздухъ не такъ спертъ, потому что слегка продувается тихій вѣтерокъ, не оказывающій впрочемъ вліянія на поверхность воды: на морѣ сегодня все время почти полный штиль, и мы не испытываемъ ни малѣйшей качки. Цвѣтъ воды изъ темносиняго сталъ переходить въ бутылочно-зеленый. «Вишнія событія» нынѣшняго дня заключились во встрѣчѣ съ двумя пароходами: одинъ изъ нихъ шелъ въ Суэзъ, другой спускался къ Бабъ-эль-Мандебу. Съ первымъ мы довольно быстро разминулись, второй обогнали, салютуя въ обоихъ случаяхъ другъ другу приспусканіемъ кормового флага. Замѣчательно какъ пріятно и даже оживляюще дѣйствуетъ на человѣка подобная встрѣча съ проходящимъ судномъ среди монотонной морской пустыни. Казалось бы что тутъ такого? Проходить мимо какой-то пароходъ — ну и Богъ съ нимъ! что до него за дѣло! А между тѣмъ всѣ пассажиры и наши и на томъ суднѣ кидаются къ борту, съ живымъ любопытствомъ направляются — тѣ сюда, а эти туда — свои пенсне, лорнеты и бинокли, приставляютъ щиткомъ къ глазамъ руки, иные машутъ платками и шляпами, не зная кому именно шлетъ это привѣтствіе. Все равно оно шлетъ людямъ,

невѣдомымъ собратьямъ, такимъ же путникамъ, какъ и мы. Сейчасъ же лица, улыбки и разговоры становятся оживленнѣе, слышатся замѣчанія насчетъ конструкции, вышшняго вида, назначенія, морскихъ качествъ и силы хода встрѣчнаго судна. Прошло оно, и черезъ нѣсколько минутъ о немъ позабыли, но самой встрѣчѣ съ нимъ, несомнѣнно, всѣ были рады: она послужила какъ-бы нѣкоторою новостью, доставила хотя минутное развлеченіе среди однообразія безбрежной морской картины, гдѣ не на чемъ остановиться взору; тѣмъ болѣе, что къ этому однообразію прибавляется еще однообразіе судового хода и стука мѣрно работающей машины, что въ совокупности начинаетъ нѣсколько утомлять нервы. Въ морѣ болѣе чѣмъ на сушѣ чувствуешь пустыню и притомъ пустыню стихій, болѣе чуждой чело-вѣку чѣмъ суша. Поэтому-то человѣкъ и радъ такъ случайной встрѣчѣ съ другими живыми людьми: при видѣ ихъ, все же кажется будто мы не такъ уже отчуждены на этой палубѣ отъ остальнаго міра.

Другимъ развлеченіемъ служило сегодня появленіе чаекъ и дельфиновъ. Первые долго кружились за кормой, то порывисто припадая грудью къ волнамъ, или мимолетно черкая ихъ поверхность концомъ остраго крыла, то вспаряя плавными кругами въ высь и какъ бы купаясь въ тепломъ воздухѣ. Дельфины же цѣлою стаей рѣзво гнались за пароходомъ, появляясь то съ одного, то съ другого борта и иногда обгоняли насъ, причемъ презабавно кувыркались въ водѣ, мелькая надъ ея поверхностью своимъ острымъ темнымъ плавникомъ, а иные съ разбѣгу и вовсе выпрыгивали вонъ, и мгновенно, описавъ пологую дугу по воздуху, съ плескомъ ныряли въ пучину. Въ этой игрѣ имъ очевидно доставляетъ особенное удовольствіе перегоняться съ пароходомъ.

Съ наступленіемъ вечерней темноты, въ водѣ опять появились фосфорическое свѣченіе, но впрочемъ значительно менѣе противъ вчерашняго. При волненіи это явленіе замѣтнѣе чѣмъ при полномъ затишьѣ. Надъ африканскимъ берегомъ, гдѣ-то очень далеко мигали тусклыми зарницы, и судорожно перебѣгающіе ихъ огни захватывали значительный районъ горизонта, на мгновеніе окрашивая водную даль то голубовато-зеленымъ, то красноватымъ отблескомъ. Мы долго любовались ихъ прихотливою игрой.

— Ого, какая однако гроза надъ Абиссиніей! — замѣтилъ подождая ко мнѣ мой вчерашній знакомецъ, грекъ изъ Суэза.

— Развѣ мы уже подъ 16 градусомъ сѣверной широты? — спросилъ я, не успѣвъ еще позабыть вычитанное мною только вчера у Гельвальда свѣдѣніе, что Абиссинія лежитъ между 16 и 8 градусами сѣверной широты ¹⁾.

¹⁾ Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ, „Живописная Африка“.

— Подъ какимъ именно градусомъ, про то ужъ не знаю,—отвѣтилъ мой грекъ,—но знаю по опыту, что это именно надъ Абиссиніей. Тамъ очень частыя и сильныя грозы,—горная вѣдь страна и при томъ орошена изобильно; на низменностяхъ много болотъ и дѣвственныхъ лѣсовъ, постоянныя испаренія... Но кромѣ того, нерѣдко бываютъ и сухія грозы, безъ дождя... Это самыя страшныя.

И дѣйствительно, судя по тому, что молніи вспыхивали одна вслѣдъ за другою почти непрерывно, гроза должно быть была очень сильная.

Мы разговорились. Я освѣдомился часто ли онъ бывалъ въ Абиссиніи. Оказалось, что дважды, и оба раза по кофейному дѣлу. По его словамъ, абиссинскій кофе не уступаетъ аравійскому, и восточная Африка считается даже его первоначальною родиной, но къ сожалѣнію туземцы культивируютъ его далеко не въ той степени, въ какой могли бы. Они довольствуются почти только тѣмъ что даетъ имъ сама природа, и потому этого продукта у нихъ едва лишь хватаетъ на собственное употребленіе, тогда какъ онъ могъ бы служить важною статьей вывоза и смѣло конкурировать съ аравійскимъ. Вѣда въ томъ, что абиссинцы вообще мало занимаются земледѣіемъ и плантационнымъ дѣломъ, предпочитая скотоводство, для котораго великолѣпныя луга ихъ обширныхъ плоскогорій и южныхъ степей представляютъ всѣ удобства. По натурѣ своей они болѣе всего склонны быть или купцами, или хорошими воинами, наѣздниками и стрѣлками; земледѣіе же и садоводство развиты у нихъ только въ размѣрахъ насущной необходимости. «Да и зачѣмъ, разсуждаютъ они, трудиться намъ надъ этимъ дѣломъ, если сама природа и помимо труда даетъ намъ все, что нужно и даже болѣе чѣмъ нужно?» И дѣйствительно, берега ихъ рѣкъ обрамлены богатѣйшими зарослями сахарнаго тростника, кукуруза растетъ цѣлыми кустами, маслина произрастаетъ въ дикомъ состояніи, равно какъ финики, баобабы и бананы, а затѣмъ, при нѣкоторомъ уходѣ, получаютъ нѣсколько сортовъ винограда и прекрасныя плоды отъ апельсинныхъ, персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ. Въ этой благодатной странѣ сходятся всѣ климаты отъ тропическаго до альпійскаго, и туземцы подраздѣляютъ ее на три пояса: въ нижнемъ средняя годовая температура равняется $+24^{\circ}$ R., въ среднемъ она подходитъ къ температурѣ южной Италіи, то-есть около $+12^{\circ}$ и въ верхнемъ отъ $+7$ до $+8^{\circ}$ R., падая по ночамъ нерѣдко ниже нуля, такъ что мѣстные горцы ходятъ въ овчинныхъ шубахъ. Змѣи, скорпіоны и хищныя животныя въ этотъ поясъ уже никогда не поднимаются, и такъ какъ на его плоскогорьяхъ находятся великолѣпныя клеверныя поля, то тутъ и развивается скотоводство въ полной безопасности и въ обширныхъ размѣрахъ. Типъ жи-

телей очень красивъ, и по чертамъ лица приближается къ индо-кавказской расѣ: они высоки, стройны, ловки и отличаются буро-оливковымъ цвѣтомъ кожи, который на сѣверѣ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ на югѣ, и женщины ихъ вообще славятся красотой. Вся Абиссинія, какъ извѣстно, исповѣдуетъ христіанскую вѣру толка монофизитовъ, коихъ догматы, осужденный на Халкидонскомъ соборѣ, заставляютъ страдать на крестѣ самое божество; но со стороны обряда они строго придерживаются установленій православной церкви, сохраняя всѣ ея таинства и употребляя въ таинствѣ св. причащенія хлѣбъ квасный и вино съ водою. Іезуитскіе миссіонеры до сихъ поръ пока тщетно стараются склонить ихъ къ уни; абиссинцы сильно тяготеютъ къ православію и желаютъ болѣе близкаго общенія съ восточно-каволическою церковью, изъ чего между прочимъ происходитъ и большое сочувствіе ихъ къ Россіи, которое, по словамъ моего собесѣдника, простирается до того, что они были бы рады и счастливы еслибы русскій монархъ объявилъ ихъ страну подъ своимъ протекторатомъ.

— Къ сожалѣнію,—прибавилъ онъ,—вы такъ мало ею интересуетесь, что не хотите даже имѣть въ Гондарѣ (столица страны) какого-нибудь дипломатическаго агента, хотя мнѣ извѣстно, что на службѣ у негуса (императора) Іоанна II въ войскахъ находится нѣсколько десятковъ вашихъ русскихъ выходцевъ изъ казаковъ.

Признаюсь, это послѣднее обстоятельство было для меня совершенно неожиданною новостью. Не знаю насколько оно достоверно, но во всякомъ случаѣ не считаю себя въ правѣ обойти его молчаніемъ.

24-го іюля.

Въ седьмомъ часу утра проходимъ подъ четырнадцатымъ градусомъ сѣверной широты, мимо архипелага Джебель-Зукуръ и Ганишъ, который, состоя изъ двухъ большихъ, двухъ среднихъ и около трехъ десятковъ малыхъ острововъ, разлѣянъ въ направленіи съ сѣвера на югъ на протяженіи тридцати морскихъ миль ($52\frac{1}{2}$ версты). Происхожденіе этихъ острововъ вулканическое; холмы ихъ, достигающіе на Джебель-Зукурѣ безъ малаго до 2.000 футовъ высоты, состоятъ изъ черной и красной лавы. Острова эти окружены многочисленными коралловыми рифами, изъ коихъ многіе сами образуютъ небольшіе островки, крайне опасныя для мореплавателей. Здѣсь на рифахъ около острова Джебель-Зукура и красивой скалы Готтъ, отдѣльно торчащей изъ моря какъ четырехгранная пирамида, видѣли мы печальныя остатки двухъ кораблекрушеній. Почти рядомъ, на протяженіи какой-нибудь полумили, лежали на боку два англійскіе парохода, разбившіеся о рифы. Одинъ, двухмачтовый, потерпѣлъ крушеніе въ ноябрѣ 1879 года, а другой-четырёх-

мачтовый, по имени «Герцогъ Ланкастерскій», только двѣ недѣли назадъ, половина его палубы находится еще подъ водой. Около него на берегу Джебель-Зукура разбито нѣсколько палатокъ и видны люди, работающіе надъ снятіемъ съ судна металлическихъ частей и прочаго, еще возможнаго ко спасенію матеріала.

Капитанъ нашего парохода говоритъ, что нѣтъ моря опаснѣе Краснаго, что оно самое предательское въ мірѣ, такъ какъ, слѣдуя по немъ, даже при всѣхъ наилучшихъ условіяхъ, вы никогда не можете быть увѣрены, что пройдете его благополучно, хотя бы шли по самой знакомой, такъ сказать, наторенной, исхоженной морской дорогѣ. Дѣло въ томъ, что въ Красномъ морѣ очень дѣятельно продолжается еще работа коралловъ; рифы въ немъ растутъ, если можно такъ выразиться, какъ грибы послѣ дождя. Вы сто разъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ходите по извѣстной дорогѣ, не встрѣчая на ней никогда ни малѣйшаго препятствія и не замѣчая, чтобы даже гдѣ-нибудь по близости существовали признаки какой-либо опасности, какъ вдругъ на сто первый разъ наталкиваетесь на подводный рифъ тамъ, гдѣ еще мѣсяцъ назадъ вы же сами прошли совершенно свободно. Но дѣло въ томъ, что можетъ быть въ этотъ-то именно мѣсяцъ кораллы и довели свою подводную работу до той высоты, гдѣ вы неизбежно должны на нее напороться. Это конечно несчастный случай, котораго могло бы и не быть, возьми вы нѣсколько вправо или нѣсколько влево, но подъ водой вѣдь не всегда увидишь! И можно навѣрно сказать, что тысячи, десятки тысячъ всевозможныхъ судовъ проходятъ мимо невѣдомаго подводнаго врага, пока случайно одно изъ нихъ не напорется на него. Тогда этотъ рифъ будетъ отмѣченъ на морскихъ картахъ особымъ крестикомъ, и суда станутъ обходить его уже сознательно. Два прекрасныя судна, лежащія теперь у Джебель-Зукура — жертвы подобныхъ же несчастныхъ случайностей. Другое зло Краснаго моря, свойственное только ему, это песчанныя бури, когда сильный береговой вѣтеръ несетъ въ море густыя тучи мелкаго песку или пыли, которыя до того затемняютъ воздухъ, что нѣтъ возможности разглядѣть что-либо впереди на разстояніи какихъ-нибудь двадцати саженъ. Во время такой-то бури «Герцогъ Ланкастерскій» и наткнулся на старый, хорошо извѣстный рифъ у самаго берега Джебель-Зукура.

Въ половинѣ второго часа дня проходимъ узкимъ или «Малымъ» проливомъ (Small Strait) между мысомъ Бабъ-эль-Мандебъ и островкомъ Перимъ, извѣстнымъ у туземцевъ болѣе подъ именемъ Мейюна. Такъ вотъ какой этотъ знаменитый Перимъ, «англійскій стражъ Краснаго моря», запирающій своимъ фортомъ всѣ доступы въ его воды изъ Индій-

скаго океана. Островокъ не великъ, — всего до четырехъ миль въ длину и около двухъ въ ширину; въ южной своей части онъ скалистъ, а въ сѣверной полого спускается къ морю и у береговой черты переходитъ почти въ полную низменность. Наивысшая точка его всего 214 футовъ и на ней-то стоитъ построенный англичанами въ 1861 году маякъ, окруженный небольшимъ фортомъ. Сосѣднія возвышенности Бабъ-эль-Мандеба значительно превосходятъ тѣ, что на Перимѣ. Тамъ, напримѣръ, Черный мысъ, лежащій противъ Пермскаго форта въ разстояніи $2\frac{3}{4}$ миль отъ послѣдняго, имѣетъ 300 футовъ высоты, Шейхъ Саидъ въ трехъ миляхъ до 550 футовъ и остроконечный пикъ Джебель-Мангали въ четырехъ миляхъ 886 футовъ надъ уровнемъ моря. Вообще Бабъ-эль-Мандебскія возвышенности командуютъ надъ Перимомъ, и тому что завладѣть ими, не трудно будетъ въ случаѣ войны съ англичанами сбить своими орудіями пушки Перима. Вѣроятно въ предвидѣніи подобной возможности англичане и протестовали, когда французская компанія Fraissinet et Rabaut устроила на урочищѣ Шейхъ-Саидъ свой складочный пунктъ. Одинъ изъ лейтенантовъ «Пей-хо» сообщилъ мнѣ, что вѣлѣдствіе англійскаго протеста компанія года два, три тому назадъ прекратила на Бабъ-эль-Мандебскомъ берегу свою коммерческую дѣятельность, сохранивъ однако за собой тотъ клочекъ аравійской береговой территории, гдѣ построены ея бараки и высокое бѣлое зданіе факторіи. Это злосчастное, нынѣ совсѣмъ покинутое зданіе, повидимому обречено на разрушеніе *).

Перимъ представляетъ совершенно обнаженную поверхность, частью скалистую, частью песчаную, и песокъ этотъ какого-то темнаго, какъ бы угольнаго цвѣта. На сѣверномъ склонѣ у подножія маячной возвышенности разбросано нѣсколько рыбацкихъ хижинъ и сарайчиковъ, но обитателямъ ихъ приходится ѣздить за водой на аравійскій берегъ, такъ какъ на Перимѣ нѣтъ прѣсноводнаго источника. Два или три водомойныя русла спадаютъ съ реберъ его возвышенностей во внутрѣнній заливъ, но они наполняются водой на самый короткій срокъ, лишь во время проливныхъ дождей, которые однако составляютъ здѣсь большую рѣдкость. Слышно, впрочемъ, что англичане выкопали на островѣ какой-то колодезь, но воды его далеко недостаточно на удовлетвореніе мѣстной потребности, и потому имъ постоянно приходится прибѣгать къ по-

*) Въ 1884 году компанія Fraissinet et Rabaut, какъ извѣстно, уступила принадлежащую ей на Шейхъ-Саидъ землю нѣмцамъ, которые, въ случаѣ надобности, вѣроятно съумѣютъ воспользоваться Бабъ-эль-Мандебскими высотами надлежащимъ образомъ, чтобы навсегда открыть себѣ свободный проходъ въ Красное море.

мощи опрѣснительнаго аппарата. Юго-восточная сторона Перима представляетъ хорошій портъ во внутреннемъ заливѣ, имѣющій въ ширину при входѣ около полумили и достаточно укрытый ото всѣхъ опасностей и вѣтровъ. Лейтенантъ «Пей-хо» сказывалъ мнѣ, что на берегу этого порта до сихъ поръ еще видны остатки построекъ французскаго лагеря, но когда и по какому случаю были французами заняты и потомъ оставлены этотъ островъ, объяснить мнѣ онъ не могъ. За то вполне извѣстно какимъ образомъ англичане, что называется изъ-подъ носа, украли его у французовъ. Исторія эта напоминаетъ отчасти басню про ворону и лисицу. Помните?—«Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру...» Нѣчто подобное произошло и въ этомъ курьезномъ случаѣ.

Надо сказать, что до занятія англичанами островка этотъ былъ совсѣмъ необитаемъ и, не представляя никому никакого интереса, не составлялъ ничьей собственности. Но вотъ Лессепсъ приступаетъ къ осуществленію своего гигантскаго проекта на Суэзскомъ перешейкѣ. Красное море изъ закрытаго и почти безполезнаго залива готовится сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ путей, и въ это время правительство Луи-Наполеона, увѣренное, что никто иной какъ только Франція будетъ держать въ своихъ рукахъ ключъ отъ этого пути у его сѣвернаго входа, домокнулось, что не дурно бы было захватить себѣ ключъ и отъ южныхъ воротъ Краснаго моря. По этому поводу въ морскомъ министерствѣ вспомнили о существованіи Перима, и вотъ капитанъ какого-то французскаго военнаго корвета получаетъ приказаніе идти въ Аденскій заливъ и занять именемъ Франціи въ Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ островокъ Перимъ. Капитанъ конечно тотчасъ же отправился, но послѣ длиннаго океанскаго перехода почувствовалъ необходимость зайти на денекъ въ попутный Аденъ, гдѣ можно освѣжить кое-какіе запасы и отдохнуть немного, тѣмъ болѣе что отъ Адена до Перима рукой подать. По приходѣ въ портъ развѣнялся корветъ салютомъ съ англійскою крѣпостью, и затѣмъ капитанъ съѣзжаетъ на берегъ сдѣлать визитъ мѣстному губернатору. Этотъ послѣдній, какъ истинный джентльменъ, встрѣчаетъ капитана весьма любезно, немедленно же отдаетъ ему визитъ на корветѣ и, кстати, при этомъ приглашаетъ его вмѣстѣ со всѣми офицерами къ себѣ въ тотъ же вечеръ къ обѣду. Тѣ въ назначенный часъ являются и застаютъ у любезнаго хозяина нѣсколько офицеровъ изъ мѣстнаго гарнизона. Размѣня взаимныхъ любезностей, затѣмъ изобильный обѣдъ и еще болѣе обильная возліянія. Англичане, въ качествѣ хозяевъ, стараются какъ можно болѣе и занимать и угощать своихъ гостей; на каждыхъ двухъ пришлось по одному французу, а на

долю губернатора самъ командиръ корвета. Послѣ обѣда, когда по англійскому обычаю хозяева и гости особенно приналегли на разные напитки, душа у капитана оказалась на распашку, и онъ нечаянно какъ-то проболтался губернатору, что идетъ, по порученію императорскаго правительства, занимать островъ Перимъ. Ничего не сказавъ ему на это англійскій губернаторъ, только сталъ еще болѣе угощать и удвоилъ свою любезность до того, что уложилъ французовъ даже спать въ своемъ домѣ, когда тѣ окончательно уже, какъ говорится, «не вязали лыка». На слѣдующій день, сопровождаемые тысячею любезностей и пожеланіями всякаго успѣха, французы оставили Аденъ и направились къ Бабъ эль Мандебу. Вотъ и Перимъ въ виду. На корветѣ уже готова десантная команда, готовъ и національный флагъ, который исполнительный капитанъ готовитъ собственными руками водрузить на вершинѣ Перима и быть можетъ получить за это въ награду «Почетнаго Легіона»; уже зарижены и пушки, чтобы съ триумфомъ салютовать этому флагу, когда разовьется онъ надъ островомъ; словомъ, все готовится къ близкому торжеству... Но вотъ корветъ входитъ во внутренний заливъ Перима, и что же?!.. Тамъ уже стоитъ на якорѣ какая-то военная шхуна подъ англійскимъ флагомъ; на берегу уже расположились люди англійскаго десанта, а на вершинѣ гордо развѣвается флагъ «коварнаго Альбіона».

Ворона каркнула во все воронье горло,—
Сыръ выпалъ, и съ нимъ была плутовка такова!.

Французы спустили однако шлюпку съ лейтенантомъ узнать въ чемъ дѣло и когда именно островъ занятъ англичанами. Тѣ очень любезно отвѣчали, что островъ занятъ именемъ королевы, по распоряженію его превосходительства, достопочтеннаго губернатора Адена, сего числа въ восемь часовъ пополудни. И французамъ, не солоно хлебавъ, пришлось вмѣсто своего отсалютовать англійскому флагу и уйти по добру по-здорову. Съ тѣхъ поръ островокъ этотъ остается за Англіей, составляя ея «непререкаемую» государственную собственность. Тотчасъ же было приступлено къ сооруженію маяка и сильнаго форта, постройка конхъ въ 1861 году была вполне уже окончена и фортъ вооруженъ въ должномъ количествѣ надлежащей артиллеріей. Перимъ, какъ всѣми припасами, такъ и гарнизономъ снабжается изъ Адена, состоя подъ вѣдѣніемъ тамошняго губернатора. Гарнизонъ, въ мирное время въ количествѣ одной роты и команды артиллеристовъ, перемѣняется здѣсь каждый мѣсяцъ, и люди, за время своей службы на островѣ, считались въ командировкѣ, получаютъ усиленное содержаніе. Долѣе мѣсяца оставлять команду въ этомъ пеклѣ нельзя: люди начинаютъ хирѣть

и чахнуть. По отбытіи срока ихъ обыкновенно возвращають въ Аденъ «для освѣженія», и на нѣкоторое время совершенно освобождаютъ отъ служебныхъ занятій. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили англійскіе офицеры, отправлявшіеся въ Аденъ на службу. А и въ самомъ-то Аденѣ, надо замѣтить, служба войскъ продолжается не болѣе полутора года, такъ какъ долѣе средній организмъ европейца не выдерживаетъ безнаказанно этого климата.

Какъ мертвенно угрюмъ характеръ южныхъ прибрежій Краснаго моря. Вотъ ужъ именно—мѣста Богомъ проклятыя!.. Нигдѣ ни единого кустика, ни клочка земли. Повсюду, куда ни кинешь взглядъ, однѣ только скалы и скалы съ зубристыми вершинами, покрытыя на своихъ болѣе пологихъ скатахъ крупно-зернистымъ чернымъ пескомъ и камнями, которые имѣютъ видъ какихъ-то перегорѣлыхъ шлаковъ; одни изъ нихъ совершенно черны какъ уголь, другіе темнобураго, третьи пепельнаго цвѣта. Песокъ у береговъ мѣстами совершенно бѣлый, издали словно снѣгъ, такъ что глазамъ даже больно смотрѣть на него подъ вертикальными лучами солнца.

Перимъ дѣлитъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ на двѣ неравныя части; изъ нихъ Аравійская шириной въ 1¹/₂ морскихъ миль и Африканская около девяти миль, но суда обыкновенно предпочитаютъ первый проходъ, такъ какъ онъ короче и, проходя имъ, не надо огибать большою дугою Перимъ. Въ проливѣ сталкиваются два противныя теченія, Красноморское и изъ Аденскаго залива, но это не оказываетъ никакого замѣтнаго вліянія на ходъ судна.

Прошли проливъ, и вдругъ въ воздухѣ стало свѣжѣе, какъ будто океаномъ пахнуло... Но это еще не океанъ, а только его преддверіе, дающее себя чувствовать залетными дуновениями океанскаго муссона. Остальную часть пути до Адена нѣсколько покачивало.

Пока до обѣда, всѣ наши принялись писать письма на родину, такъ какъ комиссаръ заявилъ, что тѣ изъ писемъ, которые будутъ сданы почтмейстеру за часъ до прихода *Пей-Хо* въ Аденскій портъ, пойдутъ въ Европу съ первымъ отходящимъ туда пароходомъ. Писали мы всѣ въ какую-компанію или залъ 1-го класса, причемъ приведенныя въ дѣйствіе *панки*¹⁾,

¹⁾ Панка—очень остроумное и благотѣльное изобрѣтеніе. Это не что иное какъ подвѣшенный къ потолку большой вѣтеръ, который приводится въ дѣйствіе или посредствомъ мѣтнаго дерганія за шнуръ человѣкомъ, или механически, посредствомъ соединенія этого шнура съ пароводною машиною. Устройство панки просто: легкая деревянная рама, аршина въ три длины и въ полтора ширины, обтягивается коленкоромъ, къ нижнему концу ея пришивается фальбара съ небольшими грузиками, а въ верхній край рамы ввинчиваются кольца, куда продвѣваются шнуры, служащіе для подвѣшиванія панки къ потолку; къ срединѣ

производя движеніе воздуха, навѣвали нѣкоторую прохладу и, благодаря имъ, мы не испытывали ни духоты, ни жару, тогда какъ въ это самое время термометръ въ тѣни показывалъ +33 градуса Реомюра.

Ахъ, просто ужасны эти любители брѣпчать на фортепiano не советѣмъ-то умѣлыми руками!.. До чего вѣдь надоѣдаютъ!.. И каково же это здѣсь, на пароходѣ, гдѣ отъ ихъ брѣчанья рѣшительно некуда укрыться! Съ нами, къ несчастію, ѣдетъ одинъ такой мучитель, рыжій нѣмецъ, отправляющійся куда-то на Цейлонъ вице-консуломъ. Ну можно ли быть такимъ мѣдлолобымъ человѣкомъ, чтобъ ежедневно, по цѣлымъ часамъ напгивать побѣдныя гимны, марши и пѣсни въ честь нѣмецкаго фатер-ланда, Бисмарка, Мольтке и проч. Изъ-подъ его фальшивыхъ пальцевъ то и дѣло раздаются звуки или побѣднаго марша «Vorwärts!» или «Wacht am Rhein», или «Heil dir im Siegerkranz!» и т. п., причемъ онъ, вѣроятно, забываетъ или не желаетъ принимать въ соображеніе, что ѣдетъ и продѣлываетъ все это на французскомъ суднѣ. Возмутительная безтактность! А еще дипломатическій чиновникъ...

Въ десятомъ часу вечера подошли къ Адену и, въ видѣ позывнаго сигнала, чтобы вызвать къ себѣ лоцмана, сожгли фальшфейеръ. Лоцманъ вскорѣ прибылъ въ лодкѣ съ нѣсколькими гребцами-арабами, которые, пристроившись на буксиръ у нашего лѣваго борта, время отъ времени нагѣвали всѣ въ унисонъ какія-то свои пѣсни гортанными, насажденными и какъ бы изъ глубины утробы исходящими голосами, словно они не поютъ, а нудятся и тужатся. Это выходитъ очень не красиво.

Безъ пяти минутъ въ десять часовъ вечера *Пей-Хо* бросилъ якорь на Аденскомъ рейдѣ, и не прошло послѣ того пяти минутъ, какъ надъ Аденомъ пролетѣлъ великолѣпный метеоръ, освѣщая всю окрестность сначала зеленымъ, а потомъ краснымъ свѣтомъ, и разсыпался въ безчисленныхъ искрахъ надъ степною пустыней.

Ахъ, и порядки же на этихъ иностранныхъ пароходахъ! Въ десять часовъ вечера, хоть умри, не достанешь перекусить ни кусочка. А буфетъ подъ бокомъ и самъ буфетчикъ налицо. То ли дѣло у насъ, на пароходахъ хотя бы Русскаго Общества!..

верхней планки прикрѣпляется кольцо со шнуромъ, играющимъ роль привода для приведенія панки въ дѣйствіе.

VII.

А д е н ь.

Флотилія арабскихъ лодокъ, ихъ публика и товары. — Арабчата-ныряльщики. — Желтоволосые арабы. — Картина Аденской мѣстности. — Наслѣдіе Каина. — Какъ ревниво оберегаютъ его англичане. — Наемное убійство французскаго консула. — Жебель-Гассанъ и Жебель-Шамшанъ. — Аденскій портъ. — Сосѣдняя степь и ея обитатели. — Арабскій городъ. — Торговое значеніе Адена. — Что сдѣлали изъ него англичане. — Условія ихъ службы въ Аденѣ. — Составъ гарнизона. — Артиллерійскія казармы и офицерскій клубъ. — Жизнь англійскихъ офицеровъ въ Аденѣ. — Европейская часть города. — Извозчики и ихъ экипажи. — Арабская деревушка. — Аденское ущелье и его укрѣпленія. — Характеръ аденскихъ построекъ. — Знаменитыя цистерны. — Неудачный садикъ. — Что такое для Адена дождь. — Курьезъ насчетъ утоленія жажды. — Аденскія женщины, ихъ татуировка и роль относительно ихъ англійскаго правительства. — Опять англійское фарисейство. — Арабская кофейня и ея публика. — Мой монокль въ роли шайтана. — Аденскій кофе какъ напитокъ. — Нашъ уходъ изъ Аденскаго порта. — Предъ океаномъ.

25-го и 26-го іюля.

Рано утромъ разбудили меня разнообразныя крики и гортанный говоръ множества суевѣвшихся арабовъ. Крики эти и говоръ неслись и съ верхней палубы, и извнѣ, изъ-за бортовъ парохода. Я выглянулъ въ открытый иллюминаторъ своей каюты и увидѣлъ, что весь бортъ съ нашей (правой) стороны парохода просто облѣпленъ разнообразными лодками и челночками, которые подбрасывало на волнахъ словно орѣховыя скорлупки. Въ этихъ утлыхъ посудинкахъ сидѣли, стояли и лежали арабы, старыя и молодые, и мальчишки, даже трехлѣтніе младенцы. Иные изъ нихъ были полуодѣты или задрапированы какимъ-нибудь дырявымъ полосатымъ бурнусомъ, другіе прикрыты только однимъ лоскутомъ, а третьи, преимущественно мальчишки, и вовсе безъ малѣйшей одежды. Только лодочники по ремеслу, или «питатные», были въ бѣлыхъ рубахахъ, на которыхъ съ лѣвой стороны груди видѣлся номеръ лодки, вышитый черной тесьмой.

Однѣ изъ лодокъ были обыкновеннаго европейскаго, другія же мѣстныхъ типовъ и довольно разнообразныхъ какъ по величинѣ, такъ и по конструкціи. Тутъ были и востроносые, и плосконосые, и плоскодонныя двукормовыя въ родѣ длинныхъ аякиковъ, и двуносые въ родѣ нашихъ душегубокъ, и совсѣмъ миниатюрныя челночки, выдолбленные изъ одного куска дерева, которые легко могутъ быть унесены любымъ мальчишкой на головѣ, а взрослымъ подъ мышкой. Въ этихъ послѣднихъ скорлупкахъ, напоминающихъ своимъ видомъ тѣ лодочки, что дѣлаютъ себѣ на забаву дѣти изъ расщепленныхъ на половину свѣжихъ стручковъ гороха, сидѣли исключительно маленькіе арабчата, и то не болѣе какъ по одно-

му человѣку, причемъ весла замѣняли имъ: по большей части свои собственныя ладони, опущенныя за бортъ. Что же касается вообще туземныхъ веселъ, то они отличаются очень оригинальной формой: нашу лопасть замѣняетъ въ нихъ деревянный плоскій кружокъ, около полутора фута въ діаметрѣ, прикрѣпленный къ короткой цилиндрической палкѣ. Въ большихъ лодкахъ употребляется отъ двухъ до шести паръ подобныхъ веселъ, а въ малыхъ сѣдокъ нерѣдко управляется и съ однимъ весломъ, но въ такомъ случаѣ деревянныя кружки бывають насажены на оба конца болѣе длинной палки. Система юленья съ кормы, какъ у итальянцевъ или китайцевъ, здѣсь не извѣстна; арабы просто гребутъ съ бортовъ, причемъ однако обходятся безъ уключинъ, широко хватаясь за веслице обѣими руками.

Вся эта флотилія, какъ уже сказано, тѣсно абординовала нашъ пароходъ, причемъ заднія лодки, въ настойчивомъ стараніи своихъ хозяевъ протискаться впередъ и оттереть сосѣдей, сталкивались носами и кормами и, шаркаясь одна о другую бортами, сильно кренились: то вправо, то влѣво, чрезъ что весь товаръ ихъ подвергался опасности вывалиться въ море. Соперники и конкуренты, желая раздобыть себѣ болѣе выгодное мѣсто и для того тискаясь поближе къ борту парохода, сбѣсѣли бортъ о бортъ свои лодки, нерѣдко съ величайшимъ азартомъ вступали другъ съ другомъ въ жестокую потасовку, которая обыкновенно встрѣчалась регочущимъ смѣхомъ, крикомъ, бранью, шутками и поощреніями со стороны всей остальной этой публики, тогда какъ мальчишки изъ своихъ скорлупокъ старались заплескать дерущихся водой. Нерѣдко такая же потасовка подымалась и между мальчишками. При этомъ скорлупки ихъ черпали бортомъ, опрокидывались, и маленькіе задорные бойцы вдругъ оказывались въ водѣ, но это не мало не охлаждало ихъ пыла: быстро схватясь одною рукою за опрокинутый челночекъ, чтобы имѣть точку опоры на водѣ, они другою рукою старались наносить противнику какъ можно большія удары, исцарапать ему лицо или вцѣпиться въ густую паклю длинныхъ курчавыхъ волосъ. Тогда побѣжденный прибѣгалъ къ послѣднему маневру, состоящему въ томъ, чтобы нырнуть поглубже и увлечь за собой побѣдителя. На глубинѣ они обыкновенно прекращали драку и, вынырнувъ каждый особо на свѣтъ Божій, заботились теперь только о томъ, чтобы поймать свои скорлупки. Эти чертенята совершенныя маленькіе тритоны для которыхъ вода — своя родная стихія.

Лодки взрослыхъ арабовъ были переполнены всякою всячиной изъ числа мѣстныхъ естественныхъ и кустарныхъ произведеній, и продавцы наперебой стремились показать и

продать свой товар пароходнымъ пассажирамъ. У однихъ пестрѣла и отливала перламутромъ гряда различныхъ раковинъ и рядомъ съ нею бѣлые и сѣрые кораллы, пунцовыя морскія звѣзды, радужныя морскія ежи, зубчатые длинные носы пила-рыбы; у другихъ, свѣжая только-что наловленная рыба или большія страусовыя яйца; у третьихъ—корзины и кубышки очень искусно и даже изящно, съ весьма своеобразнымъ узоромъ сшитенныя изъ соломы и камыша, окрашеннаго въ желтый, кубово-синій и буро-красный цвѣта; у четвертыхъ—разная посуда и въ особенности узкогорлые пористые кувшины-холодильники изъ необожженной бѣлой и желтой глины. Тѣ привезли сюда просо,—эти ялленые финики, иные живыхъ барановъ, иные—мѣшки кофе, цыновки, барсовыя шкуры, бурнусы изъ пальмовыхъ и конопляныхъ волоконъ и верблюжью шерсть, которая, впрочемъ, едва ли кому могла бы понадобиться на нашемъ пароходѣ. Всѣ эти торговцы и промышленники, вываливая каждый свои товары, невообразимо шумѣли и галдѣли своими гортанными голосами, выразительно жестикулировали и подмигивали, и протягивали руки, выпрашивая Богъ вѣсть за что бакшишъ, а иные, преимущественно молодые парнишки лѣтъ пятнадцати, ухитрялись какими-то судьбами по приставленнымъ изъ лодокъ къ пароходному борту баграмъ и весламъ взбираться до высоты нашихъ открытыхъ иллюминаторовъ съ какимъ-нибудь морскимъ ежомъ или красивою раковиною. Такихъ ловкачей наши матросы обыкновенно облавали съ верхней палубы струей воды изъ брайтспойта, потому что они подъ предлогомъ продажи всегда норовятъ стащить что-нибудь изъ каюты въ открытый иллюминаторъ. И вся эта оригинальная кутерма и базарная сутолока происходила на зыбкихъ волнахъ, которыя безпрестанно то поддавались вверху, то опускали внизъ качавшаяся съ боку на бокъ лодки.

Но забавнѣе всего были, конечно, голые мальчишки отъ шести до десяти лѣтъ, предлагавшіе изъ своихъ скорлупокъ купить у нихъ для чистки зубовъ нарѣзанные черенками (вершка въ два длины) кусочки какого-то обструганнаго желтоватаго дерева въ родѣ акаціи. Желая тутъ же на дѣлѣ показать и самый способъ употребленія этихъ черенковъ, они терли ими свои ровные блестящіе бѣлые зубы. Эти чертенята дразнили взрослыхъ, дразнились и между собой, плескались другъ въ друга водой, пѣли пѣсни, хлопали въ ладоши, скалили зубы, выпрашивали бакшишъ, кувыркались въ водѣ и предлагали показать свое искусство нырнія. Для того, чтобы видѣть последнее, съ верхней палубы парохода обыкновенно бросается въ море какая-нибудь мелкая серебряная монетка. Мальченка зорко

слѣдитъ за ея полетомъ въ воздухѣ, замѣчаетъ гдѣ именно упала она въ воду; затѣмъ, моментально выпрыгнувъ изъ своего челночка, ныряетъ за нею въ глубину. Проходитъ нѣсколько секундъ и курчаая голова показывается надъ водой, съ торжествомъ держа въ рукѣ или въ зубахъ пойманную монету, которая обыкновенно и служитъ мальчику наградой за ловкость. Но надо замѣтить, что для этой штуки кромѣ ловкости нужна еще и смѣлость, такъ какъ на рейдѣ иногда захакиваютъ изъ Аденскаго залива хищныя акулы, и рѣдкая недѣля проходитъ здѣсь безъ несчастнаго случая для подобныхъ смѣльчаковъ: у иного этотъ «морской тигръ», какъ величаютъ акулу мѣстные арабы, отхватитъ руку, у другого ногу; но это никого изъ нихъ не останавливаетъ, и большинство здѣшнихъ арабченковъ до того наловчатся въ своемъ искусствѣ, что хватаютъ монеты чуть не изъ-подъ пасти у акулы, пользуясь ея извѣстною неоворотливостью.

Къ числу особенностей туалета здѣшнихъ арабовъ должно отнести ихъ обыкновеніе намазывать себѣ голову какою-то смѣсью изъ извести и бѣлой глины, пѣвнящейся какъ мыло, отчего ихъ волосы получаютъ видъ сѣрой мерлушки, а высохнувъ принимаютъ тотъ рыжій цвѣтъ, которому быть-можетъ отъ души позавидовала бы любая парижская кокетка. Отъ продолжительной смазки этою смѣсью волосы окончательно теряютъ свой естественный черный цвѣтъ; они какъ бы выгораютъ или выцвѣтаютъ и становятся либо чалыми, либо желтоватаго бурыми, какъ у верблюдовъ. Такая «мода», какъ увѣряютъ, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что здѣшніе арабы не носятъ никакихъ головныхъ покрововъ и эта смѣсь, а въспослѣдствіи и самый цвѣтъ волосъ защищаютъ ихъ головы отъ дѣйствія вертикальныхъ лучей солнца.

Окончивъ поспорѣе свой туалетъ, я поднялся на верхнюю палубу, чтобы взглянуть на общій видъ города и береговъ Аденскаго бухты. Старшій лейтенантъ *Пей-Хо*, уже много разъ посѣщавшій эти воды и хорошо знакомый съ ихъ ближайшими береговыми окрестностями, весьма любезно сообщилъ мнѣ о нихъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній. Но сначала скажу объ общей картинѣ Адена. Первое, что поражаетъ васъ при взглядѣ на нее, это какъ бы опаленныя огнемъ и навороченныя въ чьей-то исполинской борьбѣ груды скалъ и совершенно безжизненныхъ крижистыхъ горъ красновато-бураго, пепельнаго и чернаго цвѣта, словно ихъ ребра и вершины были облизаны нѣкогда гигантскими языками адскаго пламени оставившими на нихъ неизгладимые слѣды копоти. Мѣстами кажется будто на нихъ застыла вулканическая лава и накинъ. Многіе камни, разбро-

санные на откосахъ и при подошвахъ этихъ законченныхъ скалъ, напоминаютъ своимъ видомъ перегорѣлые шлаки. Почва — камень и крупнозернистый черноватый песокъ. Силуэты горъ и скалъ прихотливо зубчаты, и около нихъ, ни внизу, ни вверху, ни малѣйшей растительности.

Къ сѣверу отъ береговъ бухты далеко и широко простирается въ глубь страны печальная низменность, кое-гдѣ словно кочками покрытая низенькимъ сѣрымъ кустарникомъ, и по этой равнинѣ разбросанно торчатъ вдали нѣсколько убогихъ сѣреныхъ пальмъ, которыя вовсе не поэтически напомнили мнѣ своимъ видомъ казарменные мочальныя швабры, выставленныя метлами вверхъ для просушки. Да простить мнѣ читатель такое неизящное сравненіе, но, въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ не было ровно ничего красиваго, и лучше бы ихъ тутъ вовсе не имѣлось, — тогда, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не нарушался бы характеръ пейзажа, лишеннаго зелени. Тѣмъ не менѣе, вся картина въ общемъ производитъ сильное, неволью давящее душу впечатлѣніе чего-то мертвенно мрачнаго, ужаснаго... Есть у здѣшнихъ арабовъ преданіе, будто въ этихъ мѣстахъ скитался Каинъ послѣ братоубійства и кончилъ жизнь свою на этихъ Богомъ проклятыхъ, знойныхъ скалахъ, изнемогая отъ неутоленной жажды. И въ самомъ дѣлѣ, въ характерѣ всей этой суровой мѣстности какъ будто сказывается нѣкій ужасъ, нѣчто Богомъ отверженное, спаленное гнѣвомъ Божиимъ, нѣчто такое, на чемъ лежить извѣчная печать проклятія. Есть у тѣхъ же арабовъ и другое преданіе, утверждающее будто Рай прародителей нашихъ существовалъ именно на этомъ мѣстѣ, но, послѣ ихъ грѣхопаденія, пылающій мечъ архангела превратилъ его въ такую печальную, мертвую пустыню затѣмъ, чтобы въ человѣчествѣ не осталось и слѣда воспоминаній о прежнемъ блаженствѣ. Поэтому и самое имя «Аденъ» производятъ будто бы отъ еврейскаго *Ганъ-Эйденъ* (Эдемъ, рай). Нельзя не замѣтить, что оба эти преданія, созданныя поэтическою фантазіей «сыновъ пустыни», какъ нельзя болѣе подходятъ къ характеру Аденской мѣстности: они выражаютъ собой весь ея смыслъ, всю ея сущность.

Въ настоящее время наслѣдіе Каина принадлежитъ англичанамъ, и такъ какъ Аденъ является однимъ изъ пресловутыхъ «ключей» отпирающихъ Индію, то они ревниво оберегаютъ свое достоинство отъ малѣйшихъ на него посягательствъ, не брезгая пользоваться для этого даже и каинскими средствами. Нынѣ совсѣмъ уже забытая, а въ свое время надѣлавшая не малаго шума, исторія убійства въ Аденѣ французскаго консула Ламбера, служилъ тому достаточнымъ подтвержденіемъ.

Ламберъ, офицеръ морской пѣхоты, исправляя обязанности французскаго консула въ Аденѣ, вознамѣрился основать на Аравійскомъ берегу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Адена, французскую факторію, которая могла бы служить центромъ для снабженія проходящихъ французскихъ судовъ припасами. Съ этою цѣлью онъ завязалъ дружескія сношенія съ шейхами сосѣднихъ кочевниковъ и часто совершалъ къ нимъ небольшія экскурсіи. Онъ сумѣлъ внушить имъ, что ихъ собственный интересъ требуетъ поставить хоть какую-нибудь преграду распространенію власти англичанъ, и что для этого самое лучшее было бы уступить за извѣстную плату часть ихъ территоріи французскому правительству, въ которомъ они могли бы находить противоязъ давленію Англичанъ. Арабамъ эта идея очень понравилась, и дѣло было почти уже сложено, какъ вдругъ однажды, возвращаясь домой изъ одной подобной экскурсіи, Ламберъ на глазахъ у англійскихъ часовыхъ былъ убитъ въ своей собственной лодкѣ, въ какихъ-нибудь пяти, шести саженьяхъ отъ берега, нѣсколькими кочевниками, кошельки которыхъ, какъ выяснилось потомъ, были набиты англійскимъ золотомъ. Жаколью, подробно повѣствующій объ этой исторіи, между прочимъ замѣчаетъ, что горестъ англійскаго коменданта Аденской крѣпости по поводу смерти его «искренняго пріятеля» могла сравниться развѣ съ горестью англійскаго же миссіонера Эллиса. Оттого-то и поспѣшилъ онъ послать своему правительству депешу, въ которой заклеилъ это преступленіе названіемъ «безсмысленнаго, совершеннаго фанатизма-арабами безо всякаго повода и единственно съ цѣлью удовлетворенія своимъ кровожаднымъ инстинктамъ». Франція тогда потребовала наказанія виновныхъ отъ Англіи, но та отвѣчала что, къ сожалѣнію, убійство было совершено въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія отъ границы англійской территоріи, а потому мы-де ничего тутъ не въ состояніи сдѣлать, но что Франція можетъ, если желаетъ, сама искать и преслѣдовать виновныхъ. Правительство Луи-Наполеона сдѣлало видъ будто удовлетворилось англійскою шуткой, такъ какъ это было во время его «сердечнаго союза» (*entente cordiale*) съ Англіей и послало къ берегамъ Аравіи военное судно. Благодаря указаніямъ «добрыхъ союзниковъ», командиръ этого судна арестовалъ тогда до пятнадцати человѣкъ разныхъ постороннихъ арабовъ, но слѣдствіе ровно ничего не открыло и, по слову одного изъ военныхъ судей, во время допроса мнимыхъ виновныхъ, судьи на каждомъ шагу чувствовали чье-то постороннее вліяніе, мѣшающее прямому ходу слѣдствія, и злились на свое безсиліе, такъ какъ вслѣдъ за приступомъ къ дѣлу получили свыше фор-

малыи приказъ не производить никакихъ серьезныхъ розысковъ относительно щекотливаго вопроса о томъ, кто былъ дѣйствительнымъ руководителемъ даннаго преступленія. «Еще и теперь, замѣчаетъ Жакольйо, хохочутъ надъ этимъ въ Foreign-Office, и мы (французы) слышемъ тамъ за націю, надъ которою очень легко издѣваться въ дѣлѣ колонизаціи». Но какъ бы то ни было, а англичане добились своего, такъ какъ съ тѣхъ поръ въ Аденѣ вѣтъ французскаго консула; обязанности же консульской агентуры исполняетъ агентъ компаніи Messageries Maritimes и ему строго запрещено касаться какихъ бы то ни было вопросовъ политическаго отнѣнка.

При входѣ въ Аденскій портъ съ открытаго моря, вы видите по бокамъ воднаго прохода въ четыре мили ширины двѣ большія скалистыя группы горныхъ вершинъ, восточную и западную. Та что высится слѣва, или западная, извѣстна подъ названіемъ Джебель-Гассанъ, а та, что справа—Джебель-Шамшанъ. Каждая изъ этихъ группъ образуетъ особый полуостровъ, примыкающій своимъ перешейкомъ къ равнинной низменности Аравійскаго материка, отъ которой впрочемъ оба полуострова почти отдѣлены руслами двухъ горныхъ потоковъ, обѣгающихъ въ бухту. Но эти послѣдніе наполняются водой только во время сильнаго дождя, составляющаго здѣсь довольно большую рѣдкость. Руслу эти придаютъ обѣмъ группамъ видъ какъ бы двухъ острововъ, оберегающихъ доступъ къ прекрасной бухтѣ, лежащей позади ихъ обширнымъ бассейномъ въ низменныхъ песчаныхъ берегахъ. Массивъ Джебель-Гассана состоитъ изъ гранита и занимаетъ пространство въ шесть миль отъ востока къ западу и въ три мили отъ юга къ сѣверу. Главная его вершина высится на 377 метровъ (1.131 футъ) надъ поверхностью моря и отличается продлинновато-коническою формою, почему и извѣстна мореходамъ подъ названіемъ «Сахарной головы». На восточной оконечности Джебель-Гассана находится почти отвѣсный двухвершинный пикъ въ 633 фута высоты, замѣчательный своею оригинальною формою, вслѣдствіе которой, по сходству, его называли «Ослиными ушами». Въ общемъ, зубчатыя очертанія Джебель-Гассана очень выразительны и красивы.

Джебель-Шамшанъ, извѣстный также подъ названіемъ Аденскаго мыса, точно также какъ и его западный сосѣдъ, представляетъ возвышенный и скалисто-кряжистый массивъ въ пять миль длины отъ востока къ западу и въ три мили ширины. Собственно Джебель-Шамшаномъ называется наиболѣе возвышенная часть этого полуострова, темъ которой носитъ на себѣ нѣсколько скалъ, похожихъ на башни (изъ этого сходства возникло и самое названіе

«Шамшанъ»). Наболѣе высокая изъ нихъ въ 1.623 фута надъ морскимъ уровнемъ видна съ моря въ ясную погоду за 60 миль отъ берега. Самый мысъ Аденскій состоитъ изъ плотнаго известняка и очень напоминаетъ скалу Гибралтара. Англичане овладѣли этимъ пунктомъ въ 1839 году и съ тѣхъ поръ понастроили на немъ укрѣпленій, которыя дѣлаютъ его почти неприступнымъ. Вершины Аденскаго мыса представляютъ гораздо болѣе широкую обстрѣла, чѣмъ самыя знаменитыя крѣпости въ Европѣ. Скалистые выступы, окружающіе этотъ горный массивъ, образуютъ множество заливчиковъ, которые въ бурю доставляютъ мелкимъ судамъ надежное закрытіе.

Бандеръ-Тувайгін, или западный заливъ, извѣстный болѣе подъ названіемъ Задняго Аденскаго порта (Arrière baie, Aden Back-Bay) лежитъ между Джебель-Гассаномъ и Джебель-Шамшаномъ и вдается въ глубь низменнаго солончаково-песчаннаго материка, на четыре мили къ сѣверу; ширина же его отъ востока къ западу восемь миль. Въ немъ есть еще три внутренніе залива, въ одномъ изъ коихъ и находится собственно портъ. Глубина воды здѣсь отъ 16 до 22 футовъ, дно илистое и песчаное. Остальные внутренніе заливы Тувайгін мелководны и доступны лишь для арабскихъ бакгалахъ, которыя впрочемъ отваживаются выходить и въ открытое море и переплываютъ океанскій Аденскій заливъ, въ Берберехъ, Зейлу и Таджуръ.

Равнинная низменность уходила къ сѣверу, теряясь безо всякихъ очертаній въ бѣлесоватой мглѣ горячаго воздуха; она вся казалась пепельно-бѣлою, и мѣстами, на солонцахъ, даже сверкала подъ лучами солнца какъ зеркало. Тамъ, въ разстояніи около семи верстъ отъ берега, ярко бѣлѣла могила шейха Кадыра, въ видѣ квадратной часовни, покрытой мавританскимъ куполомъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нея виднѣлась арабская деревушка Биръ-Ахмедъ (иначе Бйаръ-Ахмедъ), защищенная глинянымъ фортомъ арабской постройки. Надъ нею торчало нѣсколько тощихъ пальмочекъ. Хотя въ Биръ-Ахмедѣ не болѣе двухсотъ пятидесяти осѣдлыхъ жителей-арабовъ, тѣмъ не менѣе деревушка эта считается столицей султана независимаго племени Акраби, который и имѣетъ тамъ свою постоянную резиденцію. Племя или родъ Акраби, въ числѣ около шестисотъ человекъ, не считалъ дѣтей и женщинъ, кочуетъ въ окрестностяхъ Тувайгін, гдѣ ему принадлежатъ два маленькіе, доступные для бакгалахъ, залива—Бандеръ-Шейхъ и Кюръ-Кадыръ; территория же Акраби занимаетъ площадь около 20.000 десятинъ и главнымъ продуктомъ ихъ владѣній является *джовари*—просо, составляющее первый пред-

метъ ихъ отпускной торговли. Это маленькое племя окружено къ сѣверу и востоку племенами Абдали и Гасгаби, а съ западу—Зубейги. За стѣнами своего форта Акраби хранятъ свой племенной складъ кофе, проса, собственныхъ мануфактурныхъ произведеній и кое-какихъ иныхъ предметовъ торговли, въ родѣ барсовыхъ шкуръ, страусовыхъ яицъ и пальмовыхъ цыновокъ, всегда готовыхъ къ отправкѣ на *бакилахгахъ*, заходящихъ иногда въ Бандеръ-Шейхъ и Кюръ-Кадыръ, да и сами они дѣлѣютъ на берегу этихъ заливчиковъ кое-какіе свои собственные челноки и лодчонки, которыми и пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Аденскій портъ приходитъ съ моря большое пассажирское судно, чтобы продать на бортъ кое-что изъ своихъ произведеній, или стащить что плохо лежитъ.

Самый городъ Аденъ находится на территории племени Абдали, которое, по собственному показанію его сыновъ, насчитываетъ у себя до 10.000 мужскихъ душъ. Они всѣ безъ исключенія весьма строгіе мусульмане, до фанатизма слѣдуютъ велѣніямъ Корана и крайне враждебно настроены ко всѣмъ вообще европейцамъ, а къ англичанамъ въ особенности. Поэтому не совсѣмъ-то благоразумно выходить путешественнику за черту города, а высаживаться на берегъ съ пустынной западной стороны Тувайгій, на Гассанъ или на низменности и вовсе уже небезопасно: Абдали (а подъ ихъ руку порой и Акраби) того и гляди зарканятъ неосторожного туриста и уволочутъ его подалеже въ степь, чтобы потомъ потребовать за него богатый выкупъ или обратить его въ рабство и заставить вѣчно толочь для нихъ просо и таскать воду. Если же у плѣнника нѣтъ никого кто могъ бы внести за него нужную сумму и самъ онъ оказывается слабосильнымъ для рабскаго труда, то его просто прирѣзываютъ «во славу Аллаха». Подобные примѣры нерѣдко бывали прежде, да и теперь случаются.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей, европейской и мусульманской, которыя отдѣлены другъ отъ друга довольно значительнымъ разстояніемъ, такъ что въ сущности являются двумя особыми городами, хотя и находятся оба въ чертѣ англійскихъ укрѣпленій. Тотъ и другой расположены на Шамшанъ, но европейцы обсеили западную часть берега, обращенную къ порту Тувайгій, а туземцы, вмѣстѣ съ пришлецами изъ разныхъ странъ Азіи и Африки, и европейскими миссіонерами остались на восточной сторонѣ, глядящей въ океанъ. Арабскій Аденъ залегаетъ въ глубокой котловинѣ, какъ бы на днѣ потухшаго кратера, и окруженъ со стороны материка остроконечными иззубренными вершинами горныхъ массивовъ. Онъ занимаетъ площадь около половины квадратной мили, не считая

того участка, гдѣ находятся древнія цистерны. Восточный конецъ его выходитъ прямо къ морю, гдѣ прикрываетъ его небольшой скалистый островокъ Сирахъ, который, возвышаясь въ южной своей части на 393 фута, командуетъ всѣмъ восточнымъ рейдомъ, и потому англичане, конечно, не оставили его безъ надлежащихъ укрѣпленій. Пролитчикъ между материкомъ и Сирахомъ нынѣ переполненъ наноснымъ пескомъ, обнажающимся во время отлива, вслѣдствіе чего образуется какъ бы перешеекъ, соединяющій островокъ съ берегомъ. Въ арабскомъ городѣ остается теперь около 30.000 душъ населенія.

Аденъ былъ объявленъ англичанами порто-франко въ 1850 году и съ того времени перебилъ у Мокки почти всю кофейную торговлю, такъ какъ здѣшній портъ гораздо удобнѣе Моккского. Главнѣйшія статьи здѣшняго вывоза составляютъ кофе и медъ съ Геджасскихъ горъ, какъ говорятъ, самый вкусный въ свѣтѣ, а предметами ввоза служатъ каменный уголь, манчестерскія произведенія, кожа, выдѣланныя бараныи шкуры, лѣсъ въ видѣ бревенъ и досокъ, вина, спиртъ, шелковыя матеріи, стальные издѣлія и проч.

Аденъ болѣе всего страдаетъ отсутствіемъ прѣсной воды. Нѣсколько попытокъ добыть родной воду посредствомъ колодезевъ не привели къ желанному результату: во всѣхъ случаяхъ вода оказывалась со значительною примѣсью горьковатыхъ солей. Теперь недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени устраненъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ маленькихъ заливчиковъ Тувайгій англичане устроили дистиллярню для опрѣсненія морской воды, гдѣ постоянно работаютъ два опрѣснительные снаряда, благодаря чему, моряки могутъ получать здѣсь довольно сносную воду по 13 шиллинговъ (16 фр. 25 сант.) за тонну (бочка въ 60 пудовъ вѣсу), кромѣ стоимости бочекъ и доставки на бортъ. Аденъ служитъ одною изъ важнѣйшихъ угольныхъ станцій на пути между Европой, Азіей и юго-восточною Африкой; поэтому здѣсь сосредоточены громадные запасы каменнаго угля (преимущественно кардифъ), коего главный складъ принадлежитъ компаніи *Peninsulaire et Orientale*. Здѣсь же можно получать и провизію всѣхъ сортовъ, но фрукты и овощи довольно рѣдки и очень дороги.

Выше я сказалъ, что наслѣдіемъ Каина воспользовались англичане, и должны прибавить къ этому, что воспользовались съ толкомъ. Достаточно побывать въ Аденѣ и воочию увидѣть все, что сдѣлано здѣсь англичанами въ какія-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ, чтобы безусловно отдать справедливость ихъ національному генію. Одна уже рѣшимость жить въ такомъ мѣстѣ чего стоить! Правда, за то служба офицеровъ здѣшняго гарнизона и адми-

нистративных чиновников оплачивается отдельно. Говорят, что мѣсто здѣшняго губернатора (онъ же и комендантъ крѣпости и главный начальникъ надъ портомъ) съ обязательствомъ прослужить на немъ безвыѣздно четыре года, оплачивается правительствомъ по 3.000 фунтовъ въ годъ, кромѣ казеннаго дома со всею обстановкой, прислугой, лошадьми и экипажами. Но говорятъ въ то же время, что и выжить здѣсь четыре года есть въ нѣкоторомъ родѣ замѣчательный подвигъ самоотверженія, тяжелый искусь, который далеко не всѣ способны дотянуть до конца не разстроивъ окончательно свое здоровье. Если ужъ сами арабы, исконные жители этого мѣста, поселили сюда въ своей легендѣ Канна въ наказаніе за братоубійство, то можно представить себѣ, чтó это такое и какую пыткой должна быть жизнь въ условіяхъ этого климата и мѣстности для непривычнаго европейца! Но англичане живутъ и создали себѣ тутъ цѣлый городокъ, перестроили по своему плану арабскій городъ, понастроили казармъ для своихъ солдатъ и сипаевъ, всѣ выдающіеся скалистыя вершины увѣнчали каменными фортами, пробили въ толщѣ горныхъ кряжей туннели, для большаго удобства и краткости сообщеній въ крѣпости, и истратили громадныя суммы на реставрацію древнихъ арабскихъ цистернъ. Но эти грозныя форты вооружены пока старинными чугунными пушками, да и тѣхъ-то немного. Орудія современной конструкции, въ числѣ четырехъ или шести штукъ, находятся лишь на одной портовой батарѣ, защищающей доступъ къ морю къ европейскому городу.

Гарнизонъ Аденской крѣпости состоитъ изъ полка англійской пѣхоты, полка сипаевъ, артиллерійской роты и эскадрона регулярной кавалеріи, всего въ числѣ 1.500 человекъ. Теперь войска выведены въ лагерь, за три мили отъ города, но лагерь этотъ не имѣетъ ничего общаго съ европейскими лагерями; войска въ немъ помѣщаются въ кирпичныхъ, выбѣленныхъ извѣстью баракахъ, съ широкими галлереями-верандами, и существуетъ этотъ лагерь только для того, чтобы можно было периодически осмѣживать и ремонтировать крѣпостныя казармы. Ученія производятся дважды въ день: раннимъ утромъ и предъ закатомъ солнца, причемъ на каждое изъ нихъ употребляется отнюдь не болѣе часу времени.

Артиллерійскія казармы находятся въ портѣ, между европейскимъ городомъ и телеграфною станціей. Онѣ одноэтажныя, барачной системы, и снабжены широкими верандами, чтобы солнечные лучи не могли проникать сквозь окна въ комнаты. Предъ ихъ фронтомъ просторается небольшой плацъ, гдѣ стоятъ нѣсколько мортиръ и старыхъ чугунныхъ орудій. Тутъ же на плацу устроено мѣсто для игры lawn tennis. безъ которой не обходится ни

одна англійская казарма, какъ и ни одна англійская колонія во всѣхъ частяхъ свѣта. Казармы эти вытянуты на ровной низинѣ между двумя горбатыми скалами. На хребтѣ одной изъ нихъ стоитъ домъ телеграфной станціи, куда ведетъ высѣченная въ камнѣ лѣстница въ девяносто ступеней, а на скатѣ другой возвышается бѣлое двухэтажное зданіе офицерскаго клуба, построенное въ обычномъ англійскомъ «колоніальномъ характерѣ», то-есть корпусъ зданія въ обоихъ своихъ этажахъ опоясанъ широкими крытыми галлереями-верандами, съ легкими аркадами, которыя, на сей разъ, довольно неуклюже стараются изобразить собою нѣчто въ мавританскомъ вкусѣ. Впрочемъ, эта неудачная претензія не мѣшаетъ офицерскому клубу внутри быть очень комфортабельнымъ убѣжищемъ въ часы томительнаго зноя. Въ немъ повсюду царствуетъ пріятный мягкій полусвѣтъ, рѣзкія тѣни и яркіе блики не раздражаютъ глазъ, а устроенная въ каждой комнатѣ *панка* доставляетъ легкій вѣтерокъ и прохладу, благодаря которой офицеръ, окончившій служебныя занятія, можетъ цѣлые часы дремать за газетой или мечтать о далекой родинѣ, неподвижно лежа съ задранными вверхъ ногами (любимая ихъ поза) въ плетеномъ креслѣ-качалкѣ особаго устройства. Эти длинныя, горизонтально вытянутыя кресла приспособлены гораздо болѣе къ лежанію, чѣмъ къ сидѣнію, и вы всегда ихъ встрѣтите въ достаточномъ количествѣ на верандѣ каждаго англійскаго дома на Востокѣ. Кромѣ клуба офицеру здѣсь рѣшительно некуда дѣваться, и потому клубъ соединяетъ въ себѣ все, чтобы доставить своимъ посѣтителямъ какъ можно болѣе удобствъ и покоя. Избраннаго женскаго общества среди европейскаго населенія въ Аденѣ почти не существуетъ; семейныхъ вечеровъ и спектаклей не бываетъ, ухаживать кромѣ негритянокъ не за кѣмъ, и такимъ образомъ всѣ развлеченія офицеровъ поневолѣ ограничиваются крокетомъ, бильярдомъ, игрой въ карты, да разными родами спорта, между которыми выдающуюся роль играетъ устройство для арабовъ скачекъ съ препятствіями на верблюдахъ. Разбѣжавшійся вскачь неуклюжій верблюдъ и безъ того уже представляетъ забавное зрѣлище, а на преодоленіи разныхъ препятствій, въ родѣ небольшого рва или барьера, онъ, какъ рассказыываютъ очевидцы, способенъ заставить разсмѣяться самаго угрюмаго человека. Скачки эти всегда бывають на призы и потому въ охотникахъ между верблюжатниками никогда нѣтъ недостатка. Случается, что ихъ дромадеры, запнувшись или заупрямившись предъ какимъ-либо препятствіемъ, столкнутся въ одну ошалѣвшую кучку и ни съ мѣста. Тутъ же раздосадованные верблюжатники, сидя на ихъ горбахъ, принимаютъ хлестать по нимъ нагайками и хворостинами, и хлещутъ сначала своихъ, потомъ

чужихъ и наконецъ въ азартѣ, уже ничего не различая, сыпая удары другъ на друга, причемъ между ними, къ наивысшему удовольствію зрителей, среди рева и стога верблюдовъ, происходитъ генеральная тренка. Удовольствіе, нельзя сказать, чтобъ особенно возвышенное или изящное, но, за неимѣніемъ лучшаго, англичане и тѣмъ довольны. Впрочемъ, если кто и ѣдетъ сюда на службу, то уже конечно не изъ-за удовольствія служить въ такомъ мѣстѣ, а только ради крупнаго содержанія, чтобы поправить разстроеныя дѣла или скопить нѣсколько денегъ.

На Аденскомъ рейдѣ для мѣстныхъ служебныхъ надобностей всегда находятся два военныхъ судна, одно транспортное, чтобы держать сообщенія съ Перимомъ, Берберехомъ, Зейлой и другими сосѣдними приморскими пунктами, а другое—канонерка на всякій случай.

Европейскій городъ очень невеликъ. Въ немъ не болѣе трехъ, четырехъ десятковъ домовъ, исключительно каменныхъ, которые расположены у подножія скалистыхъ возвышенностей, столпившихся полукружіемъ надъ большою площадью, что примыкаетъ къ самому берегу. Здѣсь устроены молъ и крытая пристань. Дома строены широко, въ два и три этажа. По фронту нижнихъ этажей тянутся широкія каменные аркады, какъ у насъ въ гостиныхъ дворахъ, а вдоль верхнихъ устроены легкія крытыя галереи. Кровли большею частью плоскія и только на нѣкоторыхъ четырехскатныя, или полгодвухскатныя; стѣны сплошь выбѣлены известью; окна снабжены снаружи зелеными жалюзи. Компрдорскіе магазины, мануфактурныя, бакалейныя и иныя европейскія лавки сосредоточены исключительно въ нижнихъ этажахъ, подъ аркадами. Ближайшая къ берегу часть порта усажена маленькими лодочками, гичками и яхточками, принадлежащими исключительно европейскимъ жителямъ. Среди площади устроенъ сквозной навѣсъ для извозничьихъ экипажей, которые представляютъ здѣсь родъ маленькихъ четырехъ, и шестимѣстныхъ каретокъ съ легкимъ деревяннымъ или парусиннымъ верхомъ и боковыми шторками въ родѣ балдахина. Лошади мелкорослыя и не скажу чтобы красивыя,—въ отечествѣ арабскихъ коней можно бы было ожидать чего-нибудь получше, чѣмъ какіе-то убогія англійскіе пони. Извозчики исключительно арабы, и вся одежда ихъ состоитъ изъ куска миткала, обернутаго вокругъ бедеръ. У каждаго изъ нихъ непременно есть свой помощникъ, который во время ѣзды стоитъ сбоку на подножкѣ и, въ случаѣ надобности, моментально срывается съ мѣста и бѣжитъ къ лошадамъ, чтобы подбодрить или утишить ихъ бѣгъ, или направить его въ должную сторону. Нѣкоторое время онъ шибко бѣжитъ рядомъ съ ними по страшному солнцепеку, держитъ къ нимъ какія-то рѣчи, сопровождаемыя сильными же-

стами и восклицаніями, и затѣмъ снова вскакиваетъ такъ же моментально на подножку съ той или другой стороны экипажа и продолжаетъ свой прерванный разговоръ съ кучеромъ. Это повторяется у него поминутно, и я, право, не знаю, причемъ собственно тутъ кучеръ или причемъ его помощникъ.

Арабскій городъ находится въ разстояніи околомъ трехъ льѣ отъ порта. Отправляясь туда изъ европейской части надо проѣзжать довольно пустынную мѣстность, гдѣ торчатъ камни и плиты арабскаго и еврейскаго кладбища, а на половинѣ пути находится почти при самой дорогѣ жалкая арабская деревушка, обитатели которой живутъ въ шалахахъ и хижинкахъ, построенныхъ кое-какъ, на скорую руку, изъ тростника и цыновокъ, при помощи тонкихъ жердинокъ. Тутъ не замѣтите вы ни малѣйшей домовитости; ни куръ, ни козъ, ни осликовъ они не держатъ, потому, что ихъ нечѣмъ было бы кормить; даже вся домашняя утварь ихъ ограничивается глиняными кувшинами для воды, ручнымъ жерновомъ для размолки хлѣбныхъ и кофейныхъ зеренъ, чугуннымъ котелкомъ для варки пиши да нѣсколькими мѣшками, гдѣ хранится ихъ просо. Спятъ они на войлокѣ, и вмѣсто одежды обертываютъ себя, какъ простыней, полотнищемъ миткала или грубой холстины, но и эта одежда по большей части представляетъ лишь дырявыя, отрепанные лохмотья.

Чѣмъ именно занимаются и промышляютъ жители этой курьезной деревушки, въ точности никто не знаетъ: «живутъ, молъ, себѣ да и только»; случится какая-нибудь работа въ портѣ, въ родѣ перетаскиванія тяжестей, работаютъ; не случится, сидятъ безъ дѣла и ждутъ чѣмъ Богъ пошлетъ, при случаѣ выпрашиваютъ милостыню или назойливо пристають за бакшишемъ, при случаѣ поворочиваютъ (и это, кажется, главное), а выдается особенно счастливый случай въ ночное время, то не прочь и ограбить; но такъ вообще, народъ они смиренный, если видятъ на вашей сторонѣ перевѣсъ силы, и даже очень любятъ навязываться со своими услугами; послѣднее, впрочемъ, въ чаши бакшиша.

Между портовою и арабскою частями города проложено очень хорошее широкое шоссе, часть котораго идетъ зигзагами по откосамъ скалистыхъ горъ; мѣстами путь освѣщается по вечерамъ изрѣдка разставленными европейскими городскими фонарями; тутъ же рядомъ тянутся столбы телеграфа, соединяющаго городъ и разныя части обширной англійской крѣпости съ квартирой губернатора. На второй половинѣ пути между портовою частью и арабскимъ городомъ надо проѣзжать чрезъ узкое скалистое ущелье, надъ которымъ въ вышинѣ перекинута полукруглая арка, построенная англичанами въ качествѣ моста между двумя сосѣдними

укрѣпленіями, лежащими одно противъ друга на вершинахъ обѣихъ скалъ, образующихъ ущелье. Это довольно сильныя, хотя и слабо вооруженныя, каменные форты, снабженные широкими круглыми башнями, коихъ крылья, въ видѣ оборонительныхъ стѣнокъ, спускаются по кремнистымъ ребрамъ къ аркѣ, висящей надъ проходомъ. Самый проходъ точно также укрѣпленъ особою батареей, при которой находится казарма, служащая гауптвахтой. Послѣ девяти часовъ вечера желѣзные юрота въ ущелья запираются на замки, и сообщеніе между арабскимъ городомъ и портовою частью прекращается до разсвѣта.

Такъ какъ времени до отхода *Пей-Хо* оставалось очень немного, то по арабскому городу мы успѣли только прокатиться, чтобы взглянуть на знаменитыя аденскія цистерны, да и эти то послѣднія (не говоря уже о самомъ городѣ) могли видѣть лишь вскользь, мимоходомъ. Въ городѣ находится нѣсколько мечетей, но большею частью безъ минаретовъ, англійскій и французскій госпитали, англиканская и лютеранская церкви и монастырь католическихъ миссіонеровъ. Тутъ же, на обращенномъ къ сѣверу склонѣ горы, стоитъ officialный домъ губернатора, гдѣ помѣщаются канцелярія и разные правительственные учрежденія, а внизу расположены казармы кавалерійскаго эскадрона и баталіона сипаевъ; послѣднія обведены каменною стѣнкой съ бойницами и рвомъ, такъ что могутъ служить превосходнымъ редюитомъ на случай возмущенія въ городѣ. Зданія здѣсь исключительно каменные или глинобитныя, построены въ одинъ и въ два ряда съ полукруглыми окнами и плоскими кровлями, а корпуса лавокъ на базарѣ выглядываютъ изъ-подъ широкихъ аркадъ. Нѣсколько магазиновъ и складовъ съ европейскими колоніальными товарами содержатся почти исключительно купцами-персами, которые держатъ также и нѣсколько караванъ-сараявъ, носящихъ громкое названіе «отелей». По вечерамъ улицы арабскаго города освѣщаются фонарями, гдѣ въ стеклянныхъ лампадахъ горитъ кокосовое масло, а на углахъ и днемъ и ночью торчатъ кое-гдѣ англійскіе констабли изъ индійцевъ и малайцевъ, которыхъ вы легко признаете по красной суконной перевязи черезъ плечо и по извѣстной толстой полицейской палочкѣ. Вообще, большую часть этого города англичане успѣли уже перестроить радикальнѣйшимъ образомъ, разбивъ его на правильные кварталы съ широкими шоссированными улицами, такъ что въ Аденѣ съ перваго же шага поражаетъ васъ замѣчательная чистота и благоустроенность, вовсе несвойственная Востоку.

Тутъ же, на днѣ грандіознаго ущелья, находятся и знаменитыя цистерны. Онѣ какъ бы вдвинуты въ это ущелье и врѣзаются въ

глубь его клиномъ. Это цѣлый рядъ громаднѣхъ водоемовъ, расположенныхъ на различной глубинѣ и выложенныхъ цементированнымъ камнемъ съ парпетами, лѣстницами, массивными стѣнками, балюстрадами, площадками, мостиками, каналами и галлереями. Дно бассейновъ залито твердымъ цементомъ, а стѣны окончательно непроницаемы для влаги. Вообще все это громадное сооруженіе поражаетъ своей грандіозностью (чему, конечно, не мало способствуетъ и самая природа окружающихъ его скалъ) и носитъ въ себѣ нѣчто циклопическое, словно работали надъ нимъ какіе-то допотопные гиганты. Относительно времени постройки этихъ цистернъ нѣтъ вполне точныхъ указаній; однѣ преданія относятъ ихъ къ первому вѣку магометанской эры, другія же за двѣсти лѣтъ до Рождества Христова. Англичане въ началѣ шестидесятихъ годовъ привели ихъ въ совершенно исправный видъ, и эти реставрація, какъ говорятъ, обошлась имъ правительству болѣе чѣмъ въ 750.000 франковъ. Но тщетно истощаютъ они усилія въ попыткахъ преодолѣть природу и развести у цистернъ небольшой общественный садикъ. Почва такова, что высаженные въ нее деревья, несмотря на ежедневную поливку, сохнутъ, а тѣ, что несутъ еще листья, отличаются крайне чахлымъ видомъ; нѣсколько тропическихъ видовъ растутъ здѣсь въ кадкахъ, но листья ихъ вялы, безсильны и вообще вся эта растительность производитъ самое жалкое впечатлѣніе. Только въ немногихъ мѣстахъ, по нѣкоторымъ разсѣлинамъ, да подъ заслономъ высокихъ скалъ, гдѣ бываетъ болѣе продолжительная тѣнь, усилія человѣческой культуры отчасти превозмогли природу, и тамъ, при постоянной поливкѣ, довольно сносно растетъ бѣлая акація, джидда и тому подобныя виды невзыскательной растительности. Садикъ этотъ стали англичане разводить только съ тѣхъ поръ, какъ завелись у нихъ въ Аденѣ опрѣснители; до того же времени это было немислимо, какъ безумнѣйшая роскошь, потому что привозная издалека прѣсная вода покупалась очень дорого, и ее едва-едва доставало на утоленіе жажды и для необходимыхъ жизненныхъ потребностей. И вотъ оттого-то, что хорошая вода здѣсь такая рѣдкость, древніе обитатели Адена и соорудили для хранения ея эти обширныя цистерны. Онѣ наполняются исключительно дождевою водою, а дождь въ этихъ странахъ самъ по себѣ представляетъ чрезвычайно рѣдкое, почти исключительное явленіе. Среднимъ счетомъ, бываетъ онъ одинъ разъ въ три года, обыкновенно въ эпоху муссоновъ, но случается и такъ, что, несмотря на муссоны, періодъ бездождія продолжается до семи лѣтъ; за то уже разъ, что собралось надъ Аденомъ грозовыя тучи, съ величіемъ и силой здѣшной грозы, сопровождаемой ураганомъ, ничто не можетъ

сравниться. Тутъ уже дѣйствительно «разверзались хляби небесныя», и надъ мертвыми скалами, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а то и нѣсколькихъ сутокъ, изливается такая масса воды, что она сбѣгаетъ съ нихъ цѣлыми каскадами и наполняетъ собою цистерны на нѣсколько метровъ, а иногда и до верху; въ послѣднемъ случаѣ этого запаса, при очень умѣренномъ расходованіи, хватаетъ на цѣлое трехлѣтіе, но это бываетъ очень рѣдко; обыкновенно же дождевая вода держится въ цистернахъ отъ трехъ, четырехъ мѣсяцевъ до полутора года, иногда до двухъ лѣтъ; остальное же время, до новаго дождя, аденцы въ прежніе годы страшно бѣдствовали, и кто могъ тотъ бѣжалъ во внутрь страны, гдѣ есть водные источники. Опрѣсненная вода хотя и невкусна (она отзывается нафталиномъ), но все же возможна къ употребленію, и, заведя пару опрѣснителей, англичане оказали тѣмъ Адену величайшее благодѣяніе.

Въ то время, когда мы осматривали цистерны, въ нихъ не было ни капли воды; между тѣмъ, благодаря зною, сухости воздуха и мельчайшей фдкой пыли, всѣ мы испытывали сильную жажду. На спросъ вельзя ли гдѣ добыть чего напиться, проводникъ доставилъ насъ въ особый кварталъ на краю города, подъ скалой, гдѣ, какъ тотчасъ же оказалось, проживаютъ мѣстные альмеи. Изумленные такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, мы не безъ досады объяснили ему, что намъ нужно вовсе не этого.

— Oh yes, подхватилъ онъ съ увѣренностью, — я очень хорошо знаю, что милордамъ хочется пить... Я понялъ милордовъ съ перваго слова, потому-то и привелъ ихъ сюда.

— Ну, однако, ты оставь эти глупыя шутки и веди насъ въ какую-нибудь кофейню.

— Я вовсе не шучу, милорды, а кофейня, вотъ она, предъ вами, но тамъ вы можете напиться только кофе.

— Да мы хотимъ не кофе, а воды, сельтерской или содовой воды, понимаешь ли?

— О, я отлично понимаю, но воды, милорды, здѣсь не получаютъ, а вотъ если угодно милордамъ лимонаду...

— Ну, все равно, давай хоть лимонаду, но только поскорѣе.

— Въ такомъ случаѣ пожалуйста! Это именно здѣсь, куда я привелъ васъ.

Какъ это ни курьезно, однако въ самомъ дѣлѣ оказалось (если только проводникъ не схитрилъ), что лимонаду въ арабскомъ Аденѣ можно достать только у мѣстныхъ альмей. Но тѣ объявили, что могутъ угостить насъ (за наши собственные деньги, разумѣется) не иначе, какъ если мы напередъ сторгуемся съ ними въ цѣнѣ насчетъ танцевъ, которые онѣ изобразятъ намъ, и что при этомъ мы должны угостить лимонадомъ и ихъ самихъ. Условія, какъ видите, были довольно сложныя и накладныя. Мы од-

нако, несмотря на жажду, попытались вступить въ переговоры, объявивъ, что смотрѣть на танцы намъ некогда, а угостить ихъ лимонадомъ пожалуй согласны. Но альмеи не соглашались, настаивая непремѣнно на танцахъ; поэтому оставалось только обругаться съ досады и volens-nolens направиться утолять жажду въ сосѣдную кофейню. Этотъ рѣшительный маневръ подѣйствовалъ, и женщины тотчасъ же вытащили, въ догонку намъ, нѣсколько бутылокъ лимонаду. Мы тутъ же роспили ихъ съ величайшею жадностью и заплатили по шиллингу за бутылку, причемъ альмеи не замедлили конечно попросить еще и бакшишу. Лимонадъ оказался теплый и вообще прескверный, но и тропическая жажда не свой брать... Сначала надо было утолить ее, а потомъ уже разбирать качества напитка. Не скажу чтобъ эти женщины могли называться красивыми. У нѣкоторыхъ изъ нихъ еще сохраняются кое-какая свѣжесть молодости, но у большинства она уже блекнетъ, да и кромѣ того, на мой взглядъ, впечатлѣнію красоты мѣшаетъ рѣзкость и грубость ихъ чертъ не менѣе чѣмъ землисто-смуглый и даже какой-то зеленоватый цвѣтъ лица, изуродованнаго вдобавокъ татуировкой и кодыцами продѣтыми между ноздрями. Наколы татуировки обыкновенно идутъ у нихъ либо по щекамъ продольными бороздками, по три и по четыре рядомъ, либо лучами расходятся по лбу отъ межбровья либо же наконецъ отъ нижней губы направо и налево къ подбородку и скуламъ. Иногда эти бороздки принимаютъ узоръ въ родѣ елочки, а иногда располагаются кривою линіей, что называется «червячками». Цвѣтъ ихъ изсѣня-черный.

Меня увѣряютъ, что эти женщины доставляются сюда правительственными контрагентами частію изъ Египта и Судана, а больше все изъ разныхъ глухихъ мѣстъ красноморскаго и восточно-африканскаго побережья на казенный счетъ. Онѣ водворяются здѣсь на жительство мѣстными властями по негласному распоряженію англійскаго правительства, которое будто бы простираетъ заботливость о комфорта своего вербовочнаго солдата даже и до этой степени, хотя мѣстные власти и знаютъ по секрету, что наибольшій процентъ такихъ женщинъ попадаетъ сюда вовсе не добровольно, а продается купщикамъ въ рабство. Эти же правительственные контрагенты состоятъ здѣсь и отвѣтственными содержателями домовъ гдѣ обитаютъ альмеи. Я затруднился было повѣрить участію какого бы то ни было правительства въ подобномъ дѣлѣ, но люди свѣдущіе завѣряютъ меня, что клеветать имъ имѣтъ никакой надобности.

— Развѣ вы не знаете, прибавляютъ они, — что господа англичане во имя либеральныхъ и гуманыхъ принциповъ, громко преслѣдуютъ торговлю рабами только тамъ, гдѣ это не пере-

читать ихъ собственнымъ интересамъ, а тутъ въ Аденъ... да кто объ этомъ узнаетъ!.. Это ихъ домашнее дѣло!

На прощанье съ арабскимъ городомъ заглянули мы на нѣсколько минутъ и въ сосѣднюю кофейню, чтобы посмотреть, что это такое. Тамъ было полнымъ полно народу и мужчинъ, и дѣтей, и женщинъ, причемъ послѣднія не стѣснялись сидѣть съ открытыми лицами. Болѣе всего мелькали въ глазахъ обнаженные плечи, руки и спины всевозможныхъ темныхъ оттѣнковъ, вообще множество человѣческаго тѣла. Гортанный говоръ всѣхъ этихъ людей сливался въ какой-то неопредѣленный гомонъ и гулъ словно въ пчелиномъ ульѣ. Комната была заставлена скамейками и тростниковыми диванчиками, въ родѣ кроватей, на которыхъ поджавъ подъ себя ноги тѣсно сидѣла вся эта публика, а кому не достало мѣста тѣ толкались, гдѣ пошло столъ, или присѣвъ на корточкахъ. Тамъ и сямъ дымились высокіе кальяны, и голубоватый дымъ ихъ мѣшался съ куревомъ ладона. Свѣтъ проникалъ сюда только въ отворенную дверь, а окна были завѣшаны цыновками. На стѣнахъ съ помощью охры, синьки, яри и сажки были намалеваны, очевидно, мѣстными художниками-самоучками, парходы плывущіе по волнамъ и вазоны съ цвѣтущими померанцами. У средней стѣны, противъ входа, сидѣлъ на камышовомъ диванцѣ рапсода и аккомпанировалъ себѣ на трехструнной гитарѣ, корпусомъ которой служила половина скорлупы кокосоваго орѣха съ натянутымъ на нее, бычачьимъ пузыремъ и кое-какъ прилаженнымъ къ носу грифомъ.

Появленіе наше произвело здѣсь нѣкоторую сенсацию. Публика зашевелилась и загудѣла еще болѣе. Все, что только могло, тотчасъ же бросилось къ намъ и тѣсно обступило нашу кучку со всѣхъ сторонъ съ величайшимъ, но сдержаннымъ въ своихъ проявленіяхъ любопытствомъ. Видно было, что каждому изъ этихъ полудикарей ужасно и совершенно по дѣтски хотѣлось дотронуться до насъ, до нашего тѣла и лица, ощущать наше платье, наши вещи, посмотреть изъ чего и какъ все это сдѣлано. Но мой монокль въ особенности производилъ наибольшую сенсацию и просто повергалъ ихъ въ пучину недоумѣнія: какимъ это образомъ можетъ онъ самъ собою держаться у меня въ глазу, не будучи ничѣмъ приклеенъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что тѣ, на комъ случайно доводилось мнѣ останавливать нѣсколько пристальный взглядъ, обнаруживали вдругъ нѣкоторое смущеніе, безпокойство и тотчасъ же норовили спрятаться за спину сосѣда. Нѣкоторые юноши и мальчишки пытались было передразнивать меня, приставляя къ своему глазу кружокъ, составленный изъ большого и указательнаго пальцевъ, но какъ только я начиналъ замѣчать эту продѣлку,

они тотчасъ же присѣдали на корточки, пряча въ ладоняхъ свои черныя рожицы, или прятались за взрослыхъ. Что мальчишки шала дразнили меня, это было понятно, но я рѣшительно не могъ догадаться изъ-за чего прячутся отъ моего взгляда взрослые, пока наконецъ не вывелъ меня изъ недоумѣнія нашъ проводникъ служившій и за переводчика. Онъ объяснилъ, что его собратья очень боятся моего монокля, полагая, что въ немъ сидитъ шайтанъ, нечистая сила, — потому что какъ же иначе могъ бы онъ самъ собою держаться передъ глазомъ человѣка! — и такимъ образомъ, рѣшивъ, что тутъ не безъ шайтана, они стали пугаться моего взгляда, въ томъ убѣжденіи, что я легче легкаго могу сглазить человѣка и наслатъ на него всяческія болѣзни и бѣды.

Хозяинъ кофейни тотчасъ же очистилъ для насъ особый диванчикъ напротивъ рапсода, и кромѣ того притащилъ еще скамью, да низенькій столикъ, на который поставилъ нѣсколько фаянсовыхъ лоханочекъ, въ родѣ нашихъ полоскательныхъ чашекъ, и затѣмъ собственно-ручно розлилъ въ нихъ изъ большаго мѣднаго *кумана* кофе. Но увѣ! то оказалась теплая жиденькая водичка мутнокоричневаго цвѣта, и едва я попробовалъ одинъ глотокъ, какъ поспѣшилъ выплюнуть эту неподсахаренную, отчасти какъ будто солоноватую бурду, — до того она была невкусна и даже нисколько не напоминала кофе по запаху. А такъ какъ готовится этотъ мѣстный напитокъ несомнѣнно изъ косточекъ аравійскаго кофе, даже можетъ быть гораздо лучшаго качества чѣмъ тотъ, какой мы обыкновенно употребляемъ у себя дома, то тутъ стало-быть все дѣло зависить трлѣко отъ способа приготовленія. Послушавъ рапсода, гнусившаго себѣ подъ носъ какую-то монотонную пѣсню, мы расплатились и за его цѣніе, и за кофе, и поспѣшили вонъ изъ кофейни, гдѣ воздухъ былъ донельзя пропитанъ тяжелыми запахами ладона, табаку съ гашишемъ, живаго тѣла и кокосоваго масла. На улицѣ хотя и пышетъ зноемъ, но нѣтъ по крайней-мѣрѣ этихъ ужасныхъ одуряющихъ запаховъ.

На этомъ и кончилось наше мимолетное знакомство съ арабскимъ городомъ. Можетъ-быть придется еще побывать здѣсь на возвратномъ пути, а пока надо было торопиться на свой парходъ, которому скорѣе предстояло сниматься съ якоря, — и вотъ 26-го іюля, въ 6½ часовъ вечера, мы наконецъ снялись. Лоцманъ провелъ насъ до выхода изъ залива, и, пока не совсѣмъ еще стемнѣло, мы долго любовались отраженіями заката на коническихъ и почти отвѣсныхъ зубцахъ и шпилькахъ Джебель-Гассана и на крутыхъ каменистыхъ обрывахъ Аденакаго мыса. Спустилась часть эти берега уже остались далеко за нами

и едва видѣлись своими темными массивами на погасшемъ небосклонѣ. Впереди развертывалась полная таинственности, темная даль океана...

Однако начинаетъ покачиваться...

VIII.

Въ Индійскомъ океанѣ.

Видъ океана.—Приготовление къ шторму.—Первая трепка.—Океанская прохлада.—Молочное свѣченіе моря.—Вліяніе качки на моральное и физическое состояніе непривычнаго человѣка.—Арабъ спасенный отъ голодной смерти.—Участіе ко мнѣ С. С. Лесовскаго.—Закатъ солнца въ океанѣ.—Разница между температурой въ Красномъ морѣ и въ Индійскомъ океанѣ.—До чего доходитъ скука на суднѣ.—Легучія рыбы и ихъ враги.—Особенности фосфорического свѣченія въ океанѣ.—Экзальтація во время безсонницы.—Купецъ-невѣжа.—Пожарная тревога на суднѣ.

27-го іюля.

Къ шести часамъ утра уже сильно качало, и волны перѣдко хлестали на палубу. Поэтому пришлось закрыть люки. Видъ моря, на всемъ его доступномъ глазу пространствѣ, испещренъ безчисленнымъ множествомъ бѣлопѣнныхъ «барашковъ», словно гребни этихъ волнъ то и дѣло поднимаютъ на себѣ огромные хлопки пушистой ваты. Цвѣтъ воды глубоко-синій, какъ индиго. Небо заволокнуто сплошною пеленой бѣлаго тумана, сквозь который слабо просвѣчиваетъ солнце; но на палубѣ, по влажности испарины собственныхъ рукъ, замѣчаешь насколько жарко даже и въ этомъ воздухѣ, на много уже освѣженномъ и моремъ, и вѣтромъ.

Сегодня въ первый разъ мы обѣдаемъ «со скрипкой». Такъ называется на морскомъ языкѣ особаго рода приспособленіе, состоящее въ томъ, что вдоль стола туго натягивается съ извѣстными промежутками нѣсколько рядовъ бичевовъ, подъ которыми подкладывается поперекъ и потомъ ставится ребромъ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, рядъ прямыхъ и ровныхъ линеекъ. Это отчасти напоминаетъ кобылку подъ струнами скрипки; отсюда, по сходству, получилось и самое названіе даннаго приспособленія. Такимъ образомъ, продольныя бичевки и поперечныя линейки образуютъ ряды клѣтокъ и перегородокъ, куда ставляется посуда и разныя принадлежности столовой сервировки для того, чтобы придать имъ болѣе устойчивости и предохранить отъ паденія во время значительной качки.

Въ седьмомъ часу вечера, въ ожиданіи неизбѣжно предстоящей тридцати-шести-часовой качки во время прохожденія мимо острова Сокотры, гдѣ никогда почти не обходится безъ формальнаго шторма, матросы стали протягивать вдоль по палубѣ леера (веревки, служація во время бури поручнями при ходьбѣ); укрѣпили тентъ, набили съ навѣтренной сто-

роны на капитанскую рубку парусъ, чтобы предохранить ея внутренность отъ вкатывающихся на палубу валовъ,—словомъ, по всѣмъ статьямъ приготовились къ бурѣ, которая и не замедлила разыгратъ около десяти часовъ вечера.

Это была мучительная для меня ночь. По сосѣдству забыли закрѣпить какую-то дверь или рѣшетку, состоявшую изъ ряда желѣзныхъ выдвижныхъ болтовъ, и она, въ теченіе всей ночи, билась и хлопала обо что-то со страшнымъ шумомъ и грохотомъ при каждомъ наклонѣ судна, не давая мнѣ заснуть ни на минуту. Тѣло мое устало наконецъ отъ безсонницы и наболѣло отъ безпрестаннаго напряженія то тѣхъ, то другихъ мускуловъ при качкѣ, когда съ непривычки все стараешься балансировать и удерживаться, чтобы не вывалиться изъ койки. Въ особенности разболѣлась голова, словно ее нахло свиномъ, и почувствовалась ломота въ затылкѣ. Кромѣ того, каждый разъ, при ударѣ сильной волны въ нашъ бортъ (правый), меня обдавало брызгами даже и сквозь закрытый иллюминаторъ.

Непривѣтливо, однако, встрѣтилъ насъ океанъ чуть не на первомъ же шагѣ.

28-го іюля.

Около полудня вышелъ шатаясь на верхнюю палубу. Дулъ свѣжій юго-западный муссонъ, и на палубѣ, къ удивленію моему, сдѣлалось даже очень и очень прохладно. Море, какъ и вчера, было покрыто пѣнистыми «барашками», но приняло вмѣсто синяго какой-то зеленовато-сѣрый оттѣнокъ. Шумъ волнъ и качка продолжаютъ. Идемъ теперь среднимъ ходомъ, а ночью, во время «свѣжей погоды», шли только по десяти узловъ.

Сегодня вечеромъ въ водѣ наблюдалось одно изъ замѣчательныхъ явленій: все море окрестъ, доколѣ хватаетъ глазъ, представляло тускло свѣтящуюся молочнаго цвѣта поверхность, напоминающая свѣжныя поляны, озаренныя свѣтомъ, такъ что небо казалось гораздо чернѣе воды. Это была неизмѣримая масса мелкихъ, фосфорно-свѣтящихся организмовъ, сильно возбужденныхъ бурей.

29-го іюля.

Чувствую себя дурно. Скверный вкусъ во рту, ни малѣйшаго аппетита, поминутная, чисто нервная зѣвота. Противны стали всякіе запахи и въ особенности столь любимый мною запахъ хорошей сигары. Полная апатія, не хочется двинуться съ мѣста, даже какъ будто тяжело лишній разъ шевельнуть пальцемъ. Тѣмъ не менѣе я преодолѣлъ себя и вышелъ изъ каюты на палубу.

Качка все еще сильна, и вѣтеръ свѣжъ настолько, что пришлось надѣть пальто и даже

наглухо застегнуться. Или это во мнѣ лихорадочное состояние?..

Цвѣтъ воды стальной, цвѣтъ неба и облаковъ совершенно петербургскій, какъ бываетъ тамъ въ сырую переменчивую погоду. Тѣ же самыя краски.

Но какъ надоѣдаетъ этотъ вѣчный шумъ и плескъ волнъ, этотъ монотонный глухой стукъ машины и визгъ въ ней чего-то испортившагося или развинтившагося и, наконецъ, это вѣчное, содержание всего корпуса нашего судна! Какую тоску все это способно нагнать даже и на не особенно впечатлительнаго человека!.. Вѣроятно она у меня со временемъ пройдетъ, когда образуется уже нѣкоторая привычка, но сегодня я чувствую какъ порой становится ненавистнымъ мнѣ самый видъ моря. А я ли не любилъ его... въ особенности съ берега или на картинахъ Айвазовскаго!.. Но болѣе всего противенъ этотъ стоящій по всей палубѣ и даже внизу запахъ прѣли и именно прѣлага бѣлья, издаваемый, словно въ пращешной, намоченномъ полотнѣмъ тента и парусовъ, которое испускаетъ изъ себя испаряющуюся влагу. Отъ этого ненавистнаго запаха я испытываю тошноту со всѣми ея послѣдствіями, но увѣ! отъ него некуда дѣваться на суднѣ, онъ проникаетъ повсюду и въ особенности становится силенъ чуть только проглянетъ на нѣсколько минутъ солнце.

Сегодня, въ четыре часа дня, на пароходѣ произошло неожиданное открытіе. Кому-то изъ рабочихъ понадобилось спуститься за чѣмъ-то въ товарный люкъ, и тамъ онъ открылъ неизвѣстнаго араба, полумертваго отъ голода. Оказалось, что арабъ нанялся еще въ Аденѣ для временной работы по нагрузкѣ товаровъ на мѣстѣ, да прикурнулъ между ящиками и заснулъ такъ сладко, что не слышалъ какъ товарищи его кончили работу и ушли, какъ захлопнулась надъ нимъ крышка люка и какъ пароходъ снялся съ якоря. Еслибы не сегодняшній счастливый случай, вѣроятно мы привезли бы въ Пуант-де-Галль одинъ трупъ его. Когда этого несчастнаго вытащили на свѣтъ и привели въ себя, а затѣмъ накормили, онъ первымъ же долгомъ—что бы вы думали?!—потребовалъ со своихъ спасителей «бакшишъ». Такова уже арабо-семитическая натура! Поблагодарите его подачкой даже и за то, что вы спасли его отъ ужасной, мучительной смерти.

30-го іюля.

Погода прекрасная, не жарко, качка умеренная. Увидѣвъ меня на палубѣ, нашъ добрый адмиралъ выразилъ мнѣ большое участіе, ободрилъ меня и, взявъ подъ руку, довольно долго водилъ по палубѣ. Спасибо ему за это!.. Онъ говоритъ, что мнѣ необходимо приобрести себѣ «мор

скія ноги» чтобы свободно ходить въ качку по палубѣ, а это дается только навыкомъ. Поэтому надо практиковаться, и вотъ сегодня онъ далъ мнѣ первый практическій урокъ сему искусству. А послѣ урока я уже и самъ безъ посторонней помощи, принялся ходить по палубѣ и ничего себѣ, дѣло идетъ на ладъ.

Ахъ, все было бы хорошо, еслибы бы не этотъ противный невыносимый запахъ прѣли!..

День прошелъ тихо. Къ вечеру, въ шестомъ часу почти совсѣмъ заштилѣло, такъ что пришлось убрать паруса. Обѣдали сегодня въ первый разъ при свѣчахъ, — значитъ спускаемся все ближе къ экваторіальнымъ широтамъ, въ область вѣчнаго равноденствія, гдѣ день всегда продолжается, минута въ минуту, отъ шести часовъ утра до шести вечера, всецѣло представляя остальныя полсутки царству ночи. Сегодня въ шесть часовъ пополудни солнце стало закатываться. Я ждалъ великолѣпной картины южнаго заката въ океанѣ и, увѣ! разочаровался какъ нельзя болѣе. Солнечный дискъ былъ тускловатаго блѣдно-желтаго цвѣта, въ родѣ такъ-называемой бѣлой мѣди, и сообладалъ окружающимъ его облакамъ самую блѣдную окраску: на ближайшемъ планѣ заката они были перлово-сѣрыя, а на дальнѣйшихъ — блѣдно-палевыя. И говорятъ, что закатъ въ океанѣ всегда таковъ въ это время года.

Сегодня капитанъ сообщилъ намъ результаты девятидневныхъ наблюденій надъ состояніемъ барометра и температуры по Реомюру, со дня выхода изъ Суэза. Привожу цѣлкомъ этотъ интересный бюллетень.

20 іюля (ст. с.), въ Суэзскомъ заливѣ, въ полдень: баром. 762, темп. +34°, въ полночь: баром. 760, темп. +30°.

21 іюля, въ Красномъ морѣ, въ полдень: бар. 758, темп. +35°, въ полночь +32°.

22 іюля, тамъ же, въ полдень: бар. 759, темп. +37°, въ полночь +33°.

23 іюля, тамъ же, въ полдень: бар. 760, темп. +36°, въ полночь +33°.

24 іюля, тамъ же, въ полдень: бар. 760, темп. +36°, въ полночь +33°.

25 и 26 іюля, въ Аденѣ наблюденій не было.

26 іюля, въ Аденскомъ или Бабъ-эль-Мандебскомъ заливѣ въ 10 часовъ вечера, бар. 758, темп. +30°.

27 іюля, въ Индійскомъ океанѣ, въ 10 часовъ утра, баром. 758, темп. +34°, въ 2 часа ночи +24°.

28 іюля, тамъ же, въ 6 часовъ утра темп. +25°, въ полдень бар. 761, темп. +26°, въ полночь +25°.

29 іюля, тамъ же, въ полдень: бар. 763, темп. +26°, въ полночь +25°.

Такимъ образомъ въ океанѣ, несмотря на то, что приближаемся къ экватору, мы пользуемся въ полдень температурой отъ 10 до 11° ниже противъ Краснаго моря.

31-го іюля.

Полный штиль. Погода великолѣпная. Яркое солнце однако даетъ чувствовать жгучесть своихъ лучей даже и сквозь двойной тентъ, растянутый надъ палубой. Цвѣтъ воды голубой, но все же не такой чистѣйшій кобальтъ, какъ въ Средиземномъ морѣ. Чувствую себя гораздо лучше, почти нормально; и только когда курю, то какой-то особый вкусъ табаку (но не въ табакѣ, конечно, а у меня самого) доказываетъ, что организмъ все еще не пришелъ въ совершенно нормальное состояніе.

Скука между пассажирами доходитъ до того, что одинъ изъ нѣмцевъ, тотъ, который выдавалъ себя сначала за прусскаго офицера приглашеннаго на службу въ Китай, но потомъ оказался просто пивоваромъ, цѣлый день играетъ самъ съ собою въ шахматы.

Въ пятомъ часу дня ягнали какое-то парусное судно (штилюетъ, бѣдное!), но прошли очень далеко отъ него; видны были надъ горизонтомъ воды однѣ только его мачты, но и это маленькое «событіе» внесло на минуту нѣкоторое оживленіе въ среду скучающихъ пассажировъ.

Единственное развлеченіе, кромѣ разговоровъ о нашемъ возвращеніи въ Россію (а разговоры эти что-то начались у насъ уже давно!), доставляли намъ летучія рыбки, изъ которыхъ инныя залетали даже на палубу, гдѣ отъ удара съ разлету объ полъ или объ стѣну рубки, а также и отъ отсутствія воды умирали очень скоро. Интересно наблюдать какъ онѣ вдругъ выпархиваютъ изъ подъ носа судна и порывисто летятъ впередъ надъ волнами, точно вспугнутыя птички. И дѣйствительно, по характеру своего полета, летучія рыбки очень напоминаютъ ласточекъ-стрижей, когда тѣ мелькаютъ низко надъ уровнемъ воды. Но рыбки иногда поднимаются и на нѣсколько метровъ въ высь, и вотъ въ такихъ-то случаяхъ иногда попадаютъ на палубу. Летаютъ онѣ большею частью по двѣ, одна влѣдъ за другой, — вѣроятно самцы и самки, но — случаются перелеты и цѣлыми стаями, штукъ по восьми, по двѣнадцати, въ особенности при выпархиваніяхъ изъ-подъ настигающей ихъ громады корабельнаго носа. Бѣлое брюшко и бока въ соединеніи съ темностальной спиной, горбоносою тупою головой и черными, длинными, остроконечными крыльями-плавниками придаютъ издали этимъ рыбкамъ даже и наружное сходство съ ласточками. Въ сущности, это очень несчастныя созданія, обреченныя вести ежеминутную борьбу за существованіе со своими многочисленными подводными и воздушными врагами: въ водѣ ихъ настойчиво преслѣдуютъ хищные бониты, отъ которыхъ онѣ спасаются выпрыгивая на воздухъ, а здѣсь ихъ уже зорко сторожатъ прожорливыя морскія птицы съ необычайною быстротой и ловкостью подхватыва-

ющія на лету свою добычу. Отъ бонита въ воздухъ, отъ чайки въ воду — и въ этомъ, въ сущности, вся задача, весь смыслъ существованія маленькой, изящной летучей рыбки. Чайки, ради этой охоты, обыкновенно пускаются въ открытое море, гдѣ ихъ нерѣдко приходится встрѣчать за нѣсколько сотъ миль отъ материка, и освобождается легучая рыбка отъ своихъ воздушныхъ враговъ только на очень большихъ разстояніяхъ отъ береговъ, въ самыхъ пустынныхъ, центральныхъ пространствахъ океана, куда чайка уже не залетаетъ.

Вечеромъ наблюдалось сильное фосфорическое свѣщеніе воды въ областяхъ ближайшихъ къ бортамъ парохода и за кормой. Судно наше временами наплывало какъ бы на цѣлые оазисы или острова свѣтящихся моллюсковъ, такъ какъ они встрѣчались намъ періодически, то вдругъ появляясь цѣлыми массами, то совсѣмъ исчезая. Одни изъ моллюсковъ свѣтились яркими, но мелкими и притомъ мгновенными искорками, точно блестки; другіе же представляли цѣлые букеты или узоры болѣе крупныхъ искръ, соединенныхъ въ разнообразныя группы, прихотливо и какъ бы калейдоскопически мѣнявшія свои очертанія; наконецъ, третья, коихъ свѣтъ былъ наиболее продолжителенъ, являлись въ видѣ свѣтящихся пятенъ неопредѣленной формы и большей или меньшей величины и яркости. Эти послѣднія тѣла вообще свѣтятся тусклѣе, чѣмъ искровидныя, но все же настолько сильно, что свѣтъ ихъ ясно замѣтенъ на поверхности воды, когда само животное находится на нѣкоторой глубинѣ, — такъ, по крайней мѣрѣ, это представляется глазу.

Одно изъ существенныхъ неудобствъ судовой жизни, это — отсутствіе мускульнаго движенія, мотіона, и, чтобы восполнить сколько-нибудь этотъ недостатокъ, я рѣшилъ себѣ дѣлать ежедневно по шести тысячъ шаговъ, три тысячи утромъ и три тысячи вечеромъ, гуляя вдоль по палубѣ. Но, несмотря на такой мотіонъ, нынѣшнюю ночь почти всю напролетъ промучился безсонницей, хотя судно шло самымъ спокойнымъ образомъ, безъ малѣйшей качки. И что замѣчательно: не знаю почему, воображеніе мое въ часы этой безсонницы работало необычайно быстро, живо и ярко, словно подъ вліяніемъ гашиша. Представлялось мнѣ, какъ, дѣло совершенно возможное и легко осуществимое, какъ я, по возвращеніи въ Россію, куплю себѣ клочекъ земли въ Павловскѣ, и какой на этомъ клочкѣ сооружу себѣ домъ, и какой садъ разобью, и какимъ образомъ все это устрою относительно матеріальныхъ средствъ, и какъ уберу свой кабинетъ съ помощью разныхъ рѣдкостей и изящныхъ вещей, какія накуплю себѣ во время этого путешествія въ разныхъ странахъ Азіи. Такая работа воображенія, и притомъ ни съ того, ни съ сего, была по моей натурѣ совсѣмъ не нормальна. Не понимаю что это значить,

тѣмъ болѣе, что рѣшительно не знаю причины, которая могла бы обусловить такое явленіе.

1-го августа.

Ясно и тихо, какъ вчера. При такихъ условіяхъ въ морскомъ путешествіи есть своя прелесть, если только вы можете помириться съ тридцатиградусною жарой въ полдень и съ монотоннымъ ходомъ жизни на суднѣ. Впрочемъ, послѣднее неудобство мы стараемся по возможности облегчать себѣ интереснымъ чтеніемъ. Я еще въ Петербургѣ, готовясь къ дальнему плаванію, накупилъ себѣ цѣлую маленькую библиотечку разныхъ «путешествій» и этнографическихъ очерковъ тѣхъ странъ, гдѣ разсчитывалъ быть, и теперь, на досугѣ, поглощаю весь этотъ запасъ чтенія и дѣлюсь имъ съ товарищами.

Около десяти часовъ утра мимо насъ совсѣмъ близко прошелъ какой-то большой трехмачтовый пароходъ, который, не подымая своего флага, выкинулъ сигналъ съ вопросомъ «*который часъ?*» Капитанъ нашъ приказалъ оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта, на томъ основаніи, что вопрошавшее судно предложило его, не соблюдая предварительно требованій морской вѣжливости, которая обязывала его выкинуть свой національный флагъ, что равняется рекомендаціи себя тому къ кому обращаешься. По этой невѣжливости наши французскіе моряки-офицеры заключили, что встрѣтившійся пароходъ былъ навѣрное *Купецъ-Англичанинъ*.

Въ половинѣ четвертаго часа дня у насъ было сдѣлано по тревогѣ «пожарное ученіе». Тревога подана особымъ сигналомъ, но свистку, и чуть раздался онъ, какъ всѣ матросы и судовая прислуга, не исключая лакеевъ и метръ-д'отеля, обязательно выскочили наверхъ и принялись качать помпы, а часть матросовъ съ топорами стала особо, въ видѣ резерва, готоваго къ дѣйствію своимъ оружіемъ. Четыре рукава въ ту же минуту высокими фонтанами выбросили сильныя струи воды, направленные помпѣрами за оба борта, что доставило пассажирамъ развлекающее зрѣлище. Черезъ четверть часа былъ поданъ отбой, и обычная пароходная жизнь опять пошла своею чередой.

Только такими-то случайными и неслучайными «событіями» и разнообразится нѣсколько непреходимая скука нашего пароходнаго существованія.

IX.

Цейлонъ.

Признаки близости твердой земли.—Видъ западныхъ береговъ Цейлона и что онъ намъ напомнилъ.—Цейлонская пирога и ея устройство.—Неприятная особенность Пуанъ - де - галльского рейда.—Первое впечатлѣніе тропической природы.—Свѣтляки и ночныя бабочки.—Эффекты луннаго свѣта.—Пуанъ-де-Галль, какъ городъ.—Кофейный рынокъ и городской базаръ.—Бетель.—Рыбный и фруктовый рядъ.—Сингалезскій кабачокъ.—Обстановка сингалезскаго дома.—Цейлонскія баядерки.—Родія, цейлонскіе паріи.—Отношенія къ нимъ буддистскихъ и христіанскихъ миссіонеровъ.—Невозможный патриотъ.—Здѣшнія гостиницы и ихъ цѣны.—Змѣезаклинатели и фокусники.—Жилища европейцевъ и ихъ обстановка.—Магазины рѣдкостей и мѣстныхъ изящныхъ произведеній.—Старый голландскій фортъ.—Сингалезскій городъ.—Разнообразіе и роскошь растительности.—Сингалезскія хижины.—Европейскіе бенглоу.—Уличная жизнь въ сингалезскомъ городѣ.—Арбы и зебу.—Что такое кокосникъ для цейлонца.—Сингалезы.—Покорители Цейлона.—Легенда о бѣломъ магадѣ.—Какое живетъ сингалезамъ подъ англичанами.—Торгаша на палубѣ, «Пей-Хо».—Нашъ семейный праздникъ.—Видъ южныхъ береговъ Цейлона.—Пикъ Адама.—
Опять въ океанѣ.

2-го августа.

Погода прекрасная и море спокойное, такъ что насъ почти не качаетъ. Цвѣтъ воды зеленоватый, признакъ того, что подходимъ къ берегу, и точно: послѣ полудня въ прозрачномъ туманѣ стали обрисовываться легкіе контуры Цейлона.

Сѣли за обѣдъ, по обыкновенію, въ пять часовъ дня, и въ это время стало показывать все сильнѣй и сильнѣй. Говорятъ, что это также одинъ изъ признаковъ близости твердой земли: глубина моря здѣсь уже значительно меньше, а потому и волненіе сильнѣе.

Послѣ обѣда мы вышли на палубу, и здѣсь, къ общему удивленію и удовольствію, юго-западная оконечность Цейлона оказалась вдругъ совсѣмъ на виду, позволяя любоваться множествомъ красивыхъ деталей общаго пейзажа, который дѣйствительно предестенъ, и эту прелесть въ особенности придаютъ ему роскошные лѣса пальмъ, что покрываютъ и низменности береговъ и ихъ возвышенности. Сильный прибой мѣстами ударился о скалы, билъ такъ высоко, что всплески бѣлой пѣны походили на дымки пушечныхъ выстрѣловъ, а мѣстами застилали нѣкоторые части пейзажа точно серебристою пылью. Издали и въ общемъ этотъ пейзажъ отчасти напомнилъ мнѣ нашъ Петергофъ, когда подъѣзжаешь къ нему со взморья. Одинъ бенглоу, окаймленный бѣлою набережной и балюстрадой, расположенъ почти такъ же, какъ и нашъ Монплеизиръ, выглядывающій на взморье изъ-за купъ роскошныхъ деревьевъ. Вдали видѣется въ синеватомъ туманѣ какая-то возвышенность, тоже напоминающая своими контурами Дудерову гору, и положеніе ея въ

общемъ пейзажѣ такое же, какъ и Дудеровой горы въ общемъ видѣ петергофскаго берега. Затѣмъ, вѣravo, какъ петергофскій берегъ начинается нѣсколько подыматься въ направленіи къ Ораніенбауму, такъ точно и здѣсь плавно подымается берегъ, на которомъ расположена часть сингапурскаго города. Это сходство не мало потѣшило насъ своею неожиданностью. Нѣкоторые путешественники, записки коихъ довелось мнѣ теперь прочесть, говорятъ не иначе какъ съ восторгомъ и восклицательными знаками объ общемъ видѣ на Пуант-де-Галль и его побережье съ моря, и они, разумѣется, правы. А между тѣмъ не помнится мнѣ, чтобы кто-либо изъ печатавшихся путешественниковъ не только восторгался, но даже упоминалъ бы о нашемъ петергофскомъ побережьи, какъ о чемъ-либо замѣчательномъ. Это только доказываетъ, что все въ семъ мірѣ условно и относительно. Впечатлѣніе, производимое картиной цейлонскаго берега, дѣйствуетъ такъ сильно потому, во-первыхъ, что въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ не видѣли ничего, кромѣ утомляющаго своимъ однообразіемъ океана и неба, а во-вторыхъ потому, что путникъ, начиная съ Суэза и до Адена, видитъ только суровыя и угрюмыя очертанія безжизненно голыхъ скалъ и песчаныхъ равнинъ, гдѣ даже тощенькая пальмочка, являющаяся какъ рѣдкость, и та уже ласкаетъ до извѣстной степени взоръ, ибо хотя и бѣдно, но все же напоминаетъ о жизни среди мертвенности этихъ по-истинѣ Богомъ проклятыхъ мѣстъ. А тутъ, съ приближеніемъ къ Цейлону, предъ вами вдругъ развертывается панорама зеленыхъ береговъ въ изобиліи униженныхъ тропическою растительностію. За все предшествовавшее время вы слишкомъ уже отвыкли отъ красотъ растительной зелени и слишкомъ утомились однообразіемъ моря; поэтому внезапный видъ зелени и заселенности берега дѣйствуетъ на васъ вдвойнѣ чарующимъ образомъ. Отнимите всѣ эти предшествовавшія причины, и очень можетъ быть, что видъ Цейлона произвелъ бы на васъ не большее впечатлѣніе, чѣмъ заурядный берегъ Петергофа.

Вотъ приближается къ борту «Пей-Хо» плоскодонная пирога, какихъ не увидите вы нигдѣ, кромѣ Цейлона. Устройство этого угла суденышка чрезвычайно оригинально. Узкій и длинный корпусъ пироги вытесанъ и выдолбленъ изъ цѣльнаго куска дерева; къ нему подставлены или, вѣрнѣе сказать, пригнурованы пальмовыми веревками два высокіе прямые борта, каждый бортъ выкроенъ изъ цѣльной широкой доски и скошенъ съ обоихъ своихъ концовъ сверху такимъ образомъ, что въ пироги образуются два носа; промежутки между двумя бортами въ ихъ скошенныхъ носовыхъ частяхъ забраны каждый пѣльною доскою, служащею какъ бы надводнымъ ки-

лемъ. Сравнительно со своею длиной, лодка эта и очень высока и крайне узка, такъ какъ разстояніе между ея совершенно прямыми и параллельными бортами едва ли превышаетъ полтора фута. Поверхъ бортовъ устроено нѣсколько узенькихъ скамеекъ, на которыхъ вполне свободно можетъ уѣсться только ребенокъ, а взрослому человѣку приходится балансировать. Но самую оригинальную частью конструкціи этой пироги является особый снарядъ, служащій для придаванія ей устойчивости на водѣ, потому что безъ него эта посудина сейчасъ же перекувыркнулась бы. Снарядъ представляетъ собою длинный чурбанъ или поплавокъ, вытесанный въ видѣ заостренной съ обоихъ концовъ сглары изъ цѣльнаго бревна и по длинѣ своей равный нижнему, то есть выдолбленному корпусу пироги. Поплавокъ прилаживается параллельно судну, въ разстояніи около шести или семи футовъ отъ одного изъ его бортовъ и соединяется съ нимъ посредствомъ двухъ слегка выгнутыхъ поперечинъ, въ родѣ оглобелей, которыя однимъ концомъ своимъ прикрѣпляются веревками къ верхнему краю обоихъ бортовъ, а другимъ къ поплавку. Нижняя часть сего послѣдняго находится въ одной горизонтальной плоскости со вѣншиимъ дномъ пироги и такимъ образомъ скользитъ вмѣстѣ съ нимъ по поверхности волнъ, почти безо всякой осадки. Такое устройство придаетъ судну замѣчательную легкость, а благодаря тому, что у него два носа, оно можетъ, не прибѣгая къ поворотамъ, двигаться и въ эту и въ обратную сторону. На лодкѣ три весла, и всѣ онѣ находятся съ внутренней стороны, то есть между судномъ и поплавкомъ, продѣваясь въ канатныя ушки, по верхнему краю борта; одно изъ нихъ замѣняетъ руль, остальные служатъ для гребли. Весло состоитъ изъ короткаго веслица и продлинноватой лопатки съ двумя дырочками, въ которыя продѣвается перевочная петля, служащая для прикрѣпленія лопатки къ веслицу. Кромѣ того, пирога снабжена еще и косымъ парусомъ, для коего мачта прилаживается не внутри судна, а извнѣ, будучи привязана за нижній свой конецъ къ одной изъ поплавокowych поперечинъ, такъ что центръ вѣтроваго давленія на парусъ приходится между судномъ и поплавкомъ, облегчая и уравнивавшая движеніе того и другого. На всей этой посудинѣ нѣтъ ничего металлическаго, всѣ ея части сшиты между собой исключительно при помощи пальмоваго троса да деревянныхъ колковъ и заклепокъ; поэтому она легка настолько, что на берегу два человѣка безъ особенныхъ усилій могутъ ее поднять и перенести съ мѣста на мѣсто.

Пирога, приставшая къ борту «Пей-Хо», привезла къ намъ лодмана-англичанина, который долженъ былъ ввести нашъ пароходъ на рейдъ. Въ ней сидѣло нѣсколько голыхъ ма-

тросовъ-майлацевъ въ испанскихъ шляпахъ, коихъ форма сохранилась здѣсь вѣроятно по традиціи, еще со временъ португальскаго господства.

Спустя около получаса, «Пей-Хо» уже сталъ на якорь.

Пуанъ-де-Галль пользуется только открытымъ рейдомъ, который во время юго-западныхъ муссоновъ неудобенъ и даже не безопасенъ для стоянки океанскихъ судовъ. Такъ и теперь, напримѣръ, вѣтра нѣтъ ни малѣйшаго, а между тѣмъ пароходъ качаетъ все сильнѣе и сильнѣе, и качка не прекратилась даже послѣ того, какъ онъ сталъ на якорь,—напротивъ, съ этой минуты она получила размѣренную правильность маятника, что со сѣмъ непріятно даже и для людей не подверженныхъ морской болѣзни. Широкая, громадная и спокойная волна, не встрѣчая себѣ препятствія, мѣрно и плавно идетъ отъ запада, изъ пустыни океана, и бьетъ въ низменный песчаный берегъ порта, подкатываясь къ нему по мели роскошно-красивыми, громадными бурунами. Здѣсь вы словно чувствуете дыханіе и пульсъ океана. И что замѣчательно: въ то время, какъ правильность боковыхъ размаховъ на пароходѣ сдѣлалась несомною настолько, что заставила насъ поскорѣе бѣжать на берегъ, въ лодкѣ положительно не качало. Едва мы спустились въ нее и отвалили отъ борта «Пей-Хо», какъ уже не испытывали ни малѣйшаго колебанія волны и пристали къ берегу самымъ спокойнымъ образомъ. А между тѣмъ лица, слѣдившія за нашею плюпкой съ палубы парохода, говорили намъ потомъ, что она все время какъ бы ныряла по волнамъ, то совсѣмъ исчезая за валами, то взлетая на ихъ гребни. Мы же ничего подобнаго не замѣчали, и это потому, что океанская штилевая волна слишкомъ велика, широка и плавно спокойна, чтобы маленькая шлюпка могла ее почувствовать.

Уже смеркалось, когда мы вышли на пристань, отъ которой ведетъ на берегъ длинная сквозная галлерейя подъ дощатою крышей. Между большими ящиками и бочками разныхъ мускателей, готовыхъ къ нагрузкѣ, отдыхало лежа и сидя нѣсколько десятковъ почти совершенно голыхъ портовыхъ носильщиковъ. Они кинулись-было къ намъ съ предложеніемъ довести наши саки до гостиницы, но сдѣлали это безъ малѣйшаго гвалта, безъ нахальничанья и толкотни,—не то что неотвязные, назойливые арабы,—а затѣмъ, чуть увидѣли, что нашъ багажъ уже сданъ двумъ изъ ихъ сотоварищей, всѣ остальные тотчасъ же разступились и отстали, не напрашиваясь болѣе со своими услугами,—и это одно уже съ перваго шага расположило насъ въ пользу сингалезовъ.

Отъ порта къ городу ведетъ превосходное

шоссе, обсаженное роскошными тѣнистыми деревьями, и такъ какъ у пристани не оказалось ни одного извозничьяго экипажа, то намъ поневолѣ пришлось совершить по этому шоссе небольшую пѣшеходную прогулку до *Oriental Hôtel*, гдѣ мы рѣшили занять себѣ комнату до слѣдующаго утра, чтобы хотя одну ночь провести безъ качки. Вообще, долженъ сказать, что нужно прокататься нѣсколько сутокъ въ океанѣ, чтобы достойно оцѣнить «сухопутное положеніе», то есть твердую почву, и понять то внутреннее довольство какое доставляетъ человѣку ощущеніе ея подъ собою. Да мнѣ кажется, что и сами-то моряки если любятъ море, то едва ли ради его самого, а чуть ли не за то только, что оно даетъ имъ удовольствіе сѣзжать при первой возможности на берегъ.

Пока мы шли къ гостиницѣ, на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло и луна показалась изъ-за деревьевъ. Массивныя каменные стѣны старой голландской крѣпости, красиво обросшія ползучими растеніями и лишаями; старинныя зданія тяжелой архитектуры, подъ черепичными кровлями; террасы, убранныя рѣдкостными цвѣтами; колонны на верандахъ и балконахъ обвитыя лѣанами и иными выщипыющимися растеніями, между которыми въ особенности одно бросилось мнѣ въ глаза своими пышными звѣздами большихъ лиловыхъ цвѣтовъ, въ родѣ *belle-de-jour*; ярко освѣщенные окна и настежь раскрытыя двери въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ за приподнятыми драпировками, въ полосѣ свѣта, мелькаютъ порой силуэты женскихъ головокъ; китайскіе и японскіе расписные фонари подъ потолками на верандахъ; клумбы въ палисадникахъ, залитыя пестрыми цвѣтами и сады, наполненные роскошными тропическими деревьями; наконецъ, оригинальная наружность сингалезовъ съ ихъ женскими прическами и женскимъ костюмомъ—все это, озаренное какъ бы фосфорически-яркимъ свѣтомъ луны, походило скорѣе на прекрасную и нѣсколько фантастическую декорацию изъ какой-нибудь оперы или балета, чѣмъ на дѣйствительность.

Въ воздухѣ былъ разлитъ ароматъ мускуса и еще какой-то острый азіатскій запахъ, напоминающій духи *Chypre*. Въ первыя минуты, съ непривычки, это подѣйствовало на мои нервы одуряющимъ образомъ, и я, испытывая головокруженіе почти до полной дурноты, едва могъ дойти до гостиницы *Oriental*, къ счастью, оказавшейся по близости. Первымъ же дѣломъ, освѣжась сельтерскою водою и отдохнувъ на верандѣ—гдѣ, между прочимъ, я не воздержался отъ соблазна купить себѣ въ подвернувшася разноснаго продавца за двѣ рупіи красивую инкрустированную палку изъ эбеноваго дерева, мы заказали себѣ въ отелѣ комнату съ постелями и холодный ужинъ, а

сами, сдавъ свои веи кельнеру, отправились, подъ предводительствомъ приглашеннаго изъ гостиницы гида, осматривать городъ.

И вотъ опять развѣртывается предъ нами та же декорація изъ волшебнаго балета, только теперь она стала какъ будто еще фантастичнѣе. Луна подвиглась уже высоко и обливала своимъ свѣтомъ громадныя нѣжные листья банановъ и кроны высокихъ пальмъ, которыя цѣлымъ лѣсомъ, словно зачарованныя, склонялись надъ водой по ту сторону бухты. Внизу, подъ кущами садовъ и лѣса, лежала совсѣмъ черная тѣнь, въ которой лишь мѣстами проступали кое-гдѣ небольшія пятна и полосы луннаго свѣта; за то на выдающихся выпуклостяхъ вѣтвей, озаренныхъ этимъ свѣтомъ во всю его силу, листва, увлажненная легкою росой, не казалась неопредѣленно-сѣрою, какъ у насъ на сѣверѣ, а напротивъ, сохраняла свой зеленый цвѣтъ, но только съ нѣскольکو фантастическимъ оттѣнкомъ, какой бываетъ у ночной зелени, когда на нее падаетъ слабый отблескъ бѣлаго бенгальскаго огня или смягченный лучъ электрической лампы.

Въ воздухѣ, то вспыхивая, то мгновенно потухая, носились по всѣмъ направленіямъ огнистыя точки: свѣтящихся насѣкомыхъ, быстрый полетъ коихъ оставлялъ въ глазу впечатлѣніе какъ бы прерывчатыхъ нитей фосфорическаго свѣта, мелькавшихъ въ темномъ пространствѣ. А нѣкоторыя густолиственные деревья, какъ напримѣръ *сулеръ*, были такъ изобильно усыяны ими съ низу до верху, что дерево стояло словно бы облѣпленное маленькими горящими свѣчками, напоминающая отчасти наши рождественскія елки, и это искрящееся дрожанье и миганье огнисто-голубыхъ, зеленыхъ и золотыхъ точекъ на листьяхъ производило необычайный, просто сказочный эффектъ.

Но вотъ нѣчто еще чуднѣе: быстрою и легкою походкой вдругъ проскользнули мимо насъ двѣ молодыя дѣвушки - сингалезки, одна изъ нихъ съ большимъ красивымъ попугаемъ на пальцѣ—и у каждой надъ головой точно ореолъ сіяла дуга такого же фосфорическаго свѣта, и этотъ свѣтъ какъ бы дышалъ и рѣялъ надъ ними, то усиливаясь до полной яркости, такъ, что даже блѣдно озарялись ихъ смуглыя лица, то замирая до слабаго мерцанія. Это было и красиво, и поэтично, и какъ-то призрачно, точно райскія перы въ сіяющихъ вѣнцахъ промелькнули предъ нами... Гдѣ объяснилъ намъ, что у здѣшнихъ дѣвушекъ еще съ незапамятныхъ временъ существуетъ обыкновеніе украшать свою прическу свѣтящимися жучками. Для этого онѣ устраиваютъ себѣ изъ кисей, либо изъ тюля тюрбанъ въ родѣ книжки, куда напускаютъ нѣсколько жучковъ и затѣмъ, въ видѣ вѣнка

или повязки, надѣваютъ его себѣ на голову. Но до чего это кокетливо, если бы вы знали!..

Летучія мыши и ночныя бабочки, сфинксы и бомбиксы крупныхъ размѣровъ, точно маленькія птички, летали неровнымъ блуждающимъ полетомъ, купались въ лунномъ свѣтѣ, и нерѣдко присаживались на наши бѣлыя жакетки и шляпы, трепеща своими узорчатыми крылышками. Большіе темные жуки проносились мимо, гудя какъ струна контрбаса; міриады цикады стрекотали въ травѣ, сливаясь всѣмъ своимъ хоромъ въ одну безконечную музыкально-звенящую ноту. На бѣломъ пескѣ прибрежья тускло свѣтились подъ лунной блики разныхъ морскихъ ракушекъ, и мелкихъ, и крупныхъ, играли кое-гдѣ искрами своего перламутра, и тутъ же мѣрно, валъ за вадомъ набѣгалъ на берегъ могучій океанскій прибой, кипящій кудравую гѣбовъ. Шумно ударяясь о камни, онъ взметалъ вверхъ цѣлыя столбы всплесковъ и водяной пыли, пронизанной лунными лучами, и разсыпаясь съ шипѣньемъ и грохотомъ, отливалъ вспать, до новаго кипучаго набѣга.

При видѣ этой необычайной красоты и прелести, невольно какъ-то приходили на память стихи изъ роскошной «Фантазіи» Фета — помните?

Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной цѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры,—
Много снова проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры...
Переходятъ радужныя краски,
Раздражае око свѣтомъ ложнымъ...
Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.

Да, это былъ мигъ, одинъ только мигъ, этотъ чудный вечеръ въ Цейлонѣ и, наслаждаясь имъ всѣмъ существомъ своимъ, переживая его какъ употѣтельное сновидѣніе, я съ чувствомъ нѣкоторой шемашей боли въ душѣ сознавалъ, что онъ, увѣ! никогда, никогда уже болыне для меня не повторится.. Никогда—потому что развѣ приведетъ меня судьба сюда вторично?..

Въ Пуанъ-де-Галлѣ нѣтъ собственно того, что называется въ строгомъ смыслѣ слова «европейскимъ кварталомъ», хотя главная часть европейскихъ зданій, присутственныя мѣста, казенныя магазины, военныя казармы, помѣщенія официальныхъ лицъ и нѣкоторыя гостиницы расположены еще съ прежнихъ временъ внутри крѣпости. Но за всѣмъ тѣмъ, значительное число домовъ, принадлежащихъ европейцамъ, всѣ такъ-называемые «бенглю» съ ихъ садами, миссіонерскія учрежденія, часть казенныхъ зданій и складовъ, нѣкото-

рыя казармы, равно какъ и базарныя постройки вынесены за предѣлы крѣпостныхъ стѣнъ и переимѣшаны съ плантаціями, домами индійскихъ купцовъ и скромными хижинами туземцевъ. Въ крѣпостной части города лавки и магазины были уже заперты, да и не они собственно насъ интересовали. Гораздо любопытнѣе было намъ взглянуть на базары, гдѣ развертывается туземная жизнь и промышленность и гдѣ въ этотъ часъ вечера шла еще бойкая торговля при свѣтѣ лампадъ, наполненныхъ кокосовымъ масломъ.

Прежде всего посѣтили мы кофейный рынокъ. Это обширное длинное зданіе, въ родѣ манежа, на каменныхъ устояхъ, промежутки между коими забраны большими стеклычатыми рамами. Въ серединѣ, вдоль всего зданія оставленъ довольно узкій проходъ, по сторонамъ котораго сидятъ въ нѣсколько рядовъ надъ мѣшками и плетеными кошелками сингалезскія женщины и дѣвушки, занятыя сортировкой кофейныхъ зеренъ. Снаружи къ этому зданію примыкаетъ обширный дворъ, гдѣ происходитъ насыпка кофе въ мѣшки, а въ сосѣднихъ сараяхъ — его укупорка, взвѣшивание и складыванье въ бунты для храненія впредъ до отправки за море. Грандидье говоритъ ¹⁾ что хотя кофейныя плантаціи безспорно способствуютъ развитію на Цейлонѣ богатства, но всѣми выгодами отъ этого торговаго развитія пользуется не туземное населеніе, такъ какъ рабочіе прибываютъ сюда обыкновенно изъ чужихъ мѣстъ и спѣшатъ возвратиться на родину тотчасъ какъ только имъ удастся скопить сколько-нибудь денегъ; сами же владѣльцы плантацій, англичане, пріѣзжаютъ на Цейлонъ на время, для того только, чтобы разжиться, и потомъ возвращаются обратно въ Англію. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ тотъ же путешественникъ, не только произведенія цейлонской почвы употребляются внѣ острова, но и сбытъ ихъ обогащаетъ исключительно иностранцевъ». Что до собственниковъ здѣшнихъ плантацій, то замѣчаніе Грандидье, безспорно, вполне справедливо; относительно же рабочихъ долженъ сказать, что быть-можетъ въ 1863 году, когда Грандидье посѣтилъ этотъ островъ, оно было и такъ, но теперь въ числѣ работниковъ и работницъ кофейнаго рынка въ Пуанъ-де-Галлѣ мы видѣли почти исключительно туземныхъ жителей. Хотя первыя плантаціи кофе были заведены на Цейлонѣ голландцами уже болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ, но дѣйствительно промышленная культура этого растенія развилась здѣсь только въ половинѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, а въ настоящее время кофе составляетъ важнѣйшій предметъ здѣшняго вывоза,

наравнѣ съ корицей, которую вывозили отсюда индійскіе и арабскіе купцы-мореходы еще въ глубокой древности.

Съ кофейнаго рынка прошли мы на городской базаръ, гдѣ помѣщаются ряды: рыбный, мясной, овощной, фруктовый, рисовый и т. д. Здѣсь тоже горѣли лампады съ кокосовымъ масломъ, а торговля, повидимому, только-что входила въ полный разгаръ. Теперь пменно былъ часъ, когда множество всякаго рабочаго люда изъ порта и съ плантацій, по окончаніи дневныхъ трудовъ, спѣшило сюда къ закусочнымъ лавочкамъ, чтобы перекусить чего-нибудь на сонъ грядущій. Холостые мужчины и одинокія женщины-работницы толпились предъ закусочными ятками, ларями и лотками и ѣли стоя, либо присѣвъ на корточки, а то и на ходу; люди же семейные спѣшили купить какой-нибудь провизіи, въ родѣ рыбы, каракатицы, рисовыхъ лепешекъ и т. п., и, завернувъ покуску въ свѣжій банановый листъ, бережно несли ее къ себѣ домой, чтобы тамъ поужинать съ семьей. Голые продавцы и едва одѣтые торговки только поспѣвали обирать деньги и надѣлать покупателей съѣстными продуктами. Стручковый перецъ, помидоры, финики, лукъ, чеснокъ, мускатные орѣшки и готовый бетель, все это, подѣленное на порціи, разложено было маленькими симметричными кучками просто на фиговыхъ листьяхъ и выставлено на лоткахъ и прилавкахъ для приманки туземныхъ потребителей, поѣдающихъ подобныя пряности какъ лакомство. Тутъ же бродило не мало нищихъ, питающихся объѣдами и босыхъ английскихъ полицменовъ изъ малайцевъ и индійцевъ-магометанъ, одѣтыхъ въ низенькія круглыя шалочки съ номеромъ и съ неизмѣннымъ жезломъ констабля въ рукѣ. Полицмены нерѣдко заходили въ лавочки и тамъ, по знакомству, получали отъ хозяина *gratis* угощеніе бетелемъ или рисовою лепешкой, и все это какъ давалось, такъ и принималось вполне благодушно.

Курятъ здѣсь мало, но за то жуютъ бетель всѣ, отъ мала до велика, и мужчины и женщины, и потому, кромѣ отдѣльныхъ продавцовъ, торгующихъ исключительно этою жвачкой, бетель вы найдете и въ съѣстныхъ, и въ кофейныхъ, и въ любой лавкѣ, гдѣ покупатель предложитъ его какъ угощеніе для оказанія любезности и почета. Вообще сингалезы любятъ жевать всякую всячину, лишь бы она прямо щипала и жгла во рту, но бетель предпочитаютъ всему на свѣтѣ.

Обычай жевать бетель распространенъ по всему югу Индіи, на Цейлонѣ, въ Индо-Китаѣ, на всѣхъ Малайскихъ и отчасти Полинезійскихъ островахъ. Здѣсь ни одинъ чело-вѣкъ не позволить себѣ говорить съ выснимъ лицомъ, не положивъ предварительно въ ротъ

¹⁾ См. соч. его *Индія и Цейлонъ*, гл. VIII.

эту жвачку; даже люди равнаго положенія, встрѣчаясь другъ съ другомъ, начинаютъ свои привѣтствія и разговоры съ того же пріема, такъ какъ иначе они рисковали бы обнаружить свою неблаговоспитанность или сдѣлать невѣжливость относительно другъ друга. Вообще, кодексъ мѣстныхъ приличій требуетъ, чтобы бетель всегда находился за щекой порядочнаго челоѣка, и многіе, даже ложась спать, кладутъ его себѣ въ ротъ на ночь. При посѣщеніи малайца или сингалеза, хозяинъ первымъ же дѣломъ предложить своему гостю бетель, какъ у насъ предлагаютъ папирску, и повторить то же самое при прощаніи. У малайцевъ взаимный обмѣнъ бетелемъ считается даже символомъ вѣчной дружбы. Главнымъ ингредиентомъ, входящимъ въ составъ этой жвачки, служитъ кислый орѣхъ арековой пальмы, которая по наружности похожа на кокосовую, только листья ея нѣскольکو короче и окрашены въ болѣе яркій зеленый цвѣтъ. Тонкій стволъ ареки подымается въ вышину на сорокъ футовъ, и плоды ея, величиной съ каштанъ, свѣшиваются изъ-подъ кроны большими кистями. Арековый плодъ стружится или растирается въ крупный порошокъ на теркѣ и завертывается въ ароматическій листокъ бетелеваго перца,—растеніе, которое, подобно плющу, нерѣдко обвивается вокругъ ствола арековой пальмы. А чтобы листокъ не развертывался его обливаютъ снаружи составомъ *гинамъ*, который есть не что иное какъ известъ изъ пережженныхъ раковинъ, подкрашенная слегка кошенилью, вслѣдствіе чего она получаетъ очень пріятный блѣдно-розовый цвѣтъ. Приправленный такимъ образомъ бетель подается послѣ стола въ качествѣ средства, помогающаго пищеваренію и продается на всѣхъ перекресткахъ и базарахъ. Я-было рискнулъ его попробовать, но тотчасъ же выбросилъ вонъ, такъ какъ раньше еще, чѣмъ успѣлъ разобратъ его ароматъ и вязущій вкусъ, онъ уже сильно обжегъ мнѣ ротъ и стянулъ на внутренней сторонѣ губъ всю кожу. Судя по такому опыту, могу сказать, что это лакомство вполне достойное Люцифера, и удивляюсь, какимъ образомъ жуютъ его малые ребята, начиная съ пяти, шестилѣтняго возраста, а жуютъ они эту мерзость съ видимымъ удовольствіемъ.

Съ непривычки даже непріятно смотрѣть на жующаго бетель челоѣка, когда онъ говоритъ съ вами. Губы и десны его разъ навсегда принимаютъ темный, буровато-красный цвѣтъ и кажутся окровавленными, словно съ нихъ содрана кожа; а такъ какъ бетель возбуждаетъ обильную слюну и окрашиваетъ ее въ такой же цвѣтъ, то вся полость рта жевальщика представляется какъ бы наполненною кровью. Сверхъ того, отъ бетеля сильно

чернѣютъ и разрушаются зубы, такъ что здѣсь вовсе не рѣдкость встрѣтить тридцатилѣтняго мужчину или молодую женщину совершенно беззубыхъ. Но укоренившійся въ-каки обычаи столь силенъ, что некрасивыи и печальныи его послѣдствія никого не останавливаютъ, и челоѣкъ, однажды уже пріучившійся къ бетелю, не можетъ отстать отъ своей привычки.

Прошлись мы по рыбному ряду, гдѣ были выставлены на показъ всевозможные «дары океана», въ видѣ крупныхъ и мелкихъ рыбъ, омаровъ, крабовъ и каракатицъ; нѣкоторые экземпляры невольно бросались въ глаза своими размѣрами и оригинальными формами, но запахи... запахи совершенно напоминали мнѣ нашу Сѣнную, съ ея лавками вяленой и сушеной рыбы. Отсюда попали мы въ овощной и фруктовый рядъ, гдѣ были навалены груды бататовъ и ямса,¹⁾ большихъ кокосовыхъ орѣховъ, банановъ, ананасовъ и палокъ сахарнаго тростника. Мы купили за одинъ шиллингъ громадный ананасище, величиной въ родѣ снаряда восьми-дюймаго орудія, за который у насъ въ Милитиныхъ лавкахъ надо бы заплатить рублей 25 (да я и не впадалъ тамъ подобныхъ), а здѣсь, замѣтите, съ насъ еще что называется содрали въ три-дорога, какъ съ иностранныхъ путешественниковъ,—что запросили, то мы и дали безъ торгу. Тутъ же впервые познакомился я со вкусомъ банана и мангустана. Бананы продаются здѣсь какъ у насъ огурцы, на которые они и похожи величиной и формой. Совершенно дозрѣлый плодъ облеченъ нѣжною желтою кожурою, которая сдирается съ него очень легко; у недозрѣлаго же кожа зелена. Цвѣтъ самаго плода желтовато-бѣлый, матовый какъ захоложенное сливочное масло, а по вкусу на первый разъ онъ мнѣ не особенно понравился: очень нѣжный, мучнисто-маслянистый съ легкимъ привкусомъ Ландринскихъ, такъ-называемыхъ «ананасныхъ» карамелей. Впрочемъ, въ бананъ надо вѣряться, чтобы вполне оцѣнить и полюбить его, и это въ послѣдствіи ис-

¹⁾ *Бататъ* или сладкій картофель (*Convolvulus batata*) изъ семейства вьюнковыхъ, съ пурпуровыми вѣтками и угловатыми заостренными листьями. Клубни батата содержатъ въ себѣ много крахмала и достигаютъ значительной величины; нерѣдко отъ 40 до 50 клубней виситъ на одномъ растеніи. Что же до *ямса*, то корень этотъ получается отъ двухъ вьющихся растений—діоскорей: *Dioscorea sativa* и *alata*. Корни діоскорей дланевидны, въ одинъ футъ и болѣе шириной, внутри бѣлаго, а снаружи темно-бурого, почти чернаго цвѣта и вкусомъ напоминаютъ картофель. Діоскорей встрѣчаются вездѣ по лѣсамъ Цейлона. Большіе, гладкіе стрѣловидные листья ихъ сидятъ по длинѣ нѣжнаго, достигающаго до 20 футовъ вышины стебля, при основаніи коего развиваются мелкоцвѣтныя колосы. Платанціи ямса встрѣчаются во всѣхъ тропическихъ странахъ.

пыталъ я на самомъ себѣ, когда десертъ изъ банановъ сдѣлался для меня просто необходимостью. Но здѣсь онъ служить не однимъ только лакомствомъ, а по своей питательности замѣняетъ для бѣдняковъ и хлѣбъ насущный. Ёдятъ его и въ сыромъ, и въ вареномъ, и въ поджареномъ видѣ. Поджариваютъ обыкновенно на угляхъ недозрѣлый плодъ по снятіи кожурѣ, послѣ чего его смазываютъ коровинымъ или оливковымъ масломъ, и большинство работниковъ на базарѣ питалось именно этимъ кушаньемъ, тутъ же и приготовляемымъ; а въ вареномъ видѣ подаютъ его какъ овощъ, вмѣстѣ съ мясомъ. Кромѣ того, на здѣшнемъ базарѣ можно найти въ продажѣ банановую муку, похожую съ виду на наше толокно; выдѣлывается она изъ сушеныхъ плодовъ, которые толкутъ, а затѣмъ размалываютъ въ ступѣ и наконецъ просѣиваютъ сквозь сито; англичане обыкновенно употребляютъ ее для пуддинга. Здѣсь, во фруктовыхъ и овощныхъ лавочкахъ вы встрѣтите цѣлыя пучки или грозды банановыхъ плодовъ, подвѣшенные подъ потолокъ, и эти большія грозды кругло-конической формы, на основномъ стеблѣ которыхъ нерѣдко сидитъ до трехсотъ штукъ банановъ, вѣсятъ отъ 60 до 70 фунтовъ каждое. Плоды развиваются тѣсно примкнувъ одинъ къ другому и лежатъ спирально рядъ на рядѣ какъ черепицы, но дозрѣваютъ они не одновременно и когда верхній рядъ, при основаніи стебля, начинаетъ уже чернѣть и загнивать отъ перезрѣлости, нижніе, ближайшіе къ вершинѣ конуса ряды только еще наливаются и зеленеютъ. Поэтому грозды обыкновенно срѣзаются со стебля чуть только верхній рядъ пожелтѣетъ и затѣмъ его подвѣшиваютъ въ тѣнистое мѣсто, гдѣ оно могло бы провѣтриваться, что способствуетъ скорѣйшему дозрѣванію; снимаютъ же ряды плодовъ со стебля по мѣрѣ того какъ они желтѣютъ.

Но верхъ гастрономическаго наслажденія доставляютъ, безъ сомнѣнія, мангустанъ, этотъ, по выраженію малайцевъ, «царь фруктовъ», который даритъ обитателямъ ближайшихъ къ экватору странъ гарцинію, дерево съ листьями похожими на листья лавра и извѣстное въ ботаникѣ подъ именемъ *Garcinia mangostana*. Плодъ, величиной съ яблоко среднихъ размѣровъ, окрашенъ снаружи въ буро-гранатовый цвѣтъ и снабженъ довольно толстою рыхлою кожурой того же цвѣта, только болѣе чистаго оттѣнка. Кожура осторожно взрѣзается въ поперечникѣ, послѣ чего верхняя половина ея легко снимается прочь и тогда предъ вами открывается какъ куполокъ красиво расположенный, шестидольный, снѣжно-бѣлый студенистый плодъ, напоминающій съ виду порцію отлично заложеннаго лимоннаго мороженаго. Онъ очень соченъ, слегка ароматенъ, пріятно кислославъ и сладокъ, причемъ отлично освѣ-

жаетъ вкусъ и утоляетъ жажду, даже прохладаетъ, потому что имѣетъ свойство всегда сохранять въ себѣ подъ экваторіальнымъ солнцемъ холодную внутреннюю температуру. Во рту мангустанъ таетъ какъ мороженое, и лакомиться имъ въ знойный день, дѣйствительно, одно изъ величайшихъ наслажденій. Полной зрѣлости достигаетъ этотъ плодъ только подъ экваторомъ и въ ближайшихъ къ экватору широтахъ сѣвернаго и южнаго полушарія. Вы найдете его на Суматрѣ, въ Сингапурѣ, въ южной части Малаккайскаго полуострова, на Явѣ, но на Цейлонѣ уже не найдете, такъ какъ здѣсь, между 6° и 10° сѣверной широты, мангустанъ, какъ увѣряютъ меня, хотя и растетъ но уже не вызрѣваетъ и его привозятъ сюда изъ Ачина и Сингапура, причемъ значительная часть плодовъ не выдерживаетъ перевозки и въ теченіе пятисуточного пути портится еще въ дорогѣ.

Тутъ же на базарѣ заглянули мы въ сингалезскій кабачекъ, соединяющій въ себѣ и кондитерскую. Раскрытыя окна и длинная стойка этого заведенія были заставлены разнокалиберными флаконами и бутылками съ разноцвѣтными жидкостями, преимущественно ликерами и лимонадами мѣстнаго производства. Не было недостатка и въ англійскихъ аракахъ, брэнди, уиски и джинахъ, но туземцы предпочитали всѣмъ этимъ спиртуозамъ свой *калю*, хмѣльной напитокъ изъ перебродившаго сока кокосовыхъ орѣховъ. Рядомъ съ флаконами на стойкѣ были выставлены въ видѣ закусокъ финики, сотовой медъ, рахат-лукумъ и какія-то сладкія печенья, а надъ ними въ двухъ китайскихъ вазочкахъ возвышались большіе раскидистые букеты лилій и еще какихъ-то крупныхъ пунцовыхъ и желтыхъ цвѣтовъ, изъ-за которыхъ, словно нѣкій буддійскій идолъ или китайскій богъ благополучнаго богатства и благоутробія, выглядывало безбородое, луноподобное лицо и дородный, обнаженный торсъ хозяйина этого заведенія. Судя по женской причeskѣ, перехваченной высокимъ черепаховымъ гребнемъ, и по дородству персей мы было приняли его сначала за представительницу здѣшняго прекраснаго пола и потому даже слегка сконфузились, подумавъ что своимъ приходомъ учинили въ отношеніи ея нѣкоторую нескромность; но мнимая сингалезская матрона, ни мало не смущаясь откровенностью своего туалета, привѣтствовала насъ совершенно мужскимъ и даже нѣсколько хриплымъ басомъ, что и обнаружило тотчасъ же нашу невольную ошибку. Этотъ китайскій божокъ очень любезно предложилъ нашему выбору свои ликеры, брэнди и сласти, но отъ первыхъ мы отказались, предпочтя выпить по стакану содовой воды съ нѣсколькими каплями коньяку, такъ какъ увѣряютъ будто неподкрѣпленная нѣкоторою дозой алкоголя она

въ этомъ климатѣ небезвредна для желудка. Что же до разныхъ рахатовъ и печеній, то они оставили намъ по себѣ не совсѣмъ-то пріятное впечатлѣніе, такъ какъ при чрезвычайной приторности въ нихъ есть еще какой-то противный привкусъ кокосоваго мыла. По всей вѣроятности они изготовляются на кокосовомъ маслѣ.

Проводникъ, между прочимъ, предложилъ намъ взглянуть на танцы здѣшнихъ баядерокъ. (Это кажется единственное развлеченіе какимъ пока угощаютъ насъ на Востока). Отчего не взглянуть! Очень даже любопытно если вечеромъ ничего другого не увидишь, и мы отправились въ одинъ изъ прибрежныхъ кварталовъ, населенный кажется исключительно туземцами. Привели насъ въ какой-то домъ очень легкой постройки, такъ какъ часть его стѣнъ была забрана просто тростниковыми чіями¹⁾. Тутъ, повидимому, попали мы въ какое-то семейство кружкомъ сидѣвшее на полу за вечернею трапезой при свѣтѣ кокосовыхъ лампадъ. Пожилой *patet familias*, самой почтенной наружности, въ кофѣ и юбкѣ, какъ подобаетъ приличному человѣку, поднялся намъ навстрѣчу, и, нисколько не удивясь приходу незнакомцевъ, самымъ ласковымъ образомъ предложилъ намъ садиться. Инструментомъ для сидѣнья служила продлинноватая четырехъ-угольная рама на ножкахъ, съ туго натянутою на нее веревочною сѣткою изъ кокосовыхъ волоконъ, — нѣчто въ родѣ сартовской кровати, какія находятся въ повсемѣстномъ употребленіи въ Средней Азіи и очень хорошо знакомы русскимъ жителямъ Ташкента. Эластичная сѣтка этой кровати была покрыта барсовыми шкурами. Проводникъ объяснилъ отцу семейства цѣль нашего прихода, которою тотъ, повидимому, остался очень доволенъ и тотчасъ же отдать какое-то приказаніе дѣвчкѣ лѣтъ десяти, вѣроятно своей дочери. Дѣвчоночка живо вскочила съ мѣста и побѣжала куда-то изъ дому. Нѣсколько минутъ спустя она возвратилась и привела съ собой двухъ дѣвчонокъ-подростковъ, лѣтъ по четырнадцати, которыя, наскоро поздоровавшись со всѣми, полѣзли вмѣстѣ съ хозяйскими дочерьми и племянницами вверхъ по крутой, почти вертикальной лѣстницѣ упиравшейся въ край продланнаго въ потолокъ открытаго люка. Предъ лѣстницею висѣла спускающаяся изъ этого люка толстая веревка съ нѣсколькими узлами, за которую карабкавшіяся дѣвушки хватались руками какъ за поручню, а нѣкоторыя изъ нихъ взирались и прямо по веревкѣ, гимнастиче-

скимъ способомъ, не прибѣгая къ помощи лѣстницы, что совершенно напоминало обезьянью манеру лазанья. Но представьте наше затрудненіе когда вслѣдъ затѣмъ почтенный *patet familias* предложилъ и намъ совершить тѣмъ же способомъ путешествіе на антресоли. Нечего дѣлать, пришлось покориться и этой комической необходимости.

Верхняя комната была такой же величины, какъ и нижнее помѣщеніе, со тою разницей, что здѣсь уже не одна, а всѣ четыре стѣны были забраны тростниковыми чіями по бамбуковому каркасу, а вмѣсто потолка надъ головой простирался прямо скатъ кровли, крытой пальмовыми листьями. Убранство состояло изъ трехъ придвинутыхъ къ стѣнамъ кушетокъ, точно такихъ же, какъ та что внизу, съ накинутыми на нихъ барсовыми шкурами. Последнею влѣзла наверхъ пожилая особа, вѣроятно мать семейства, которой хозяинъ подалъ снизу *тебунч*, инструментъ въ родѣ двухъструнной гитары, и затѣмъ вскинулъ туда же *тамъ-тамъ*, очень ловко подхваченный на лету одною изъ дѣвушекъ.

Костюмъ ихъ состоялъ изъ длиннаго ситцеваго полотнища, обернутаго въ видѣ юбки вокругъ бедеръ и затѣмъ перекинутаго черезъ лѣвое плечо на спину, гдѣ конецъ его затыкался въ юбку у поясицы; грудь и плечи были въ обтяжку прикрыты коротенькою бѣлою кофточкой съ короткими рукавами; на шеѣ болтались ожерелья изъ разныхъ металлическихъ подвѣсокъ, монетъ и амулетовъ; обыкновенная прическа, съ пробормомъ посрединѣ, украшалась металлическою чешуйчатою повязкой въ родѣ обручика, которая закрѣплялась на вискахъ двумя серебряными выпуклыми розетками филигранной работы, и кромѣ того съ этой же повязки спускалась на лобъ, въ видѣ звѣздочки, такая же розетка, лишь нѣсколько меньшихъ размѣровъ, украшенная самоцвѣтными камнями, а вѣрнѣе просто стеклышками; въ ушахъ болтались тяжелыя крупныя серги въ бахромчатыхъ подвѣскахъ и сквозъ обѣ ноздри тоже были продѣты маленькія сережки, соединенныя между собой тонкою серебряною проволокою, на которой обыкновенно болтается надъ верхнею губою либо маленькая золотая монетка, либо жемчужина. Коса, закрученная въ узелъ на затылкѣ, прокалывалась черепашкою или серебряною шпилькой съ булками, и, кромѣ того, въ волосы каждой дѣвушки было еще заткнуто по одному большому цвѣтку: у однихъ магноліи, у другихъ что-то въ родѣ махровой астры. На рукахъ и ногахъ были надѣты браслеты, которые носятъ здѣсь всѣ вообще женщины, какъ молодыя, такъ и старухи. Ноги у всѣхъ были босыя. Дополненіемъ къ этому костюму обыкновенно служатъ либо складной китайскій, либо индійскій изъ павлиньихъ перьевъ, либо же наконецъ простой

¹⁾ Родъ циновокъ составленныхъ изъ ровно обрѣзанныхъ длинныхъ (около 2½ аршинъ) тростинковъ, которыя по концамъ и по срединѣ простегиваются суровою ниткой и вплотную прилегаютъ другъ къ другу

круглый вѣторъ изъ молодого засушеннаго листа зонтичной пальмы.

Всѣ молодые танцовщицы на видъ казались не старше лѣтъ пятнадцати, хотя въ дѣйствительности имъ могло быть и гораздо больше. Въ ихъ худощавыхъ недоразвившихся фигурахъ сказывалось что то дѣтское и, какъ говорится, сублинное; всѣ онѣ были небольшого роста и отличались тонкими чертами лица, съ какимъ-то задумчивымъ, кроткимъ и отчасти даже робкимъ выраженіемъ глазъ и улыбки. Манеры и движенія ихъ полны были скромности и природной граціи, а танцы не только не заключали въ себѣ чего-либо циническаго, но и просто страстнаго; въ нихъ даже не было особенной живости, и весь характеръ танца главнымъ образомъ состоялъ въ плавныхъ покачиваньяхъ корпуса изъ стороны въ сторону и какъ бы въ лѣнливыхъ движеніяхъ рукъ, плечъ и стала съ медленнымъ прихлопываніемъ въ ладоши; ноги менѣе всего участвовали въ мѣрномъ переступаніи въ тактъ мотива со ступни на ступню, въ приподниманіи на носкахъ, да иногда въ круженіи на одномъ мѣстѣ.

Съ понятіемъ о баядеркѣ у европейцевъ всегда соединяется представленіе о жрицѣ разврата, и конечно такое убѣжденіе сложилось не безъ основанія, но я долженъ замѣтить, что къ тѣмъ плясуньямъ, которыя теперь стояли предъ нами, менѣе всего могло бы быть примѣнено въ этомъ смыслѣ названіе баядерокъ: до такой степени вся ихъ наружность, выраженіе лицъ, манеры и танцы отличались безукоризненною скромностью. Глядя на нихъ, скорѣе всего можно бы было подумать, что намъ являютъ свое искусство благовоспитанныя дѣвицы изъ очень почтеннаго и благочестиваго семейства. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это были несомнѣнны баядерки. Значить естественная скромность, по всей вѣроятности, составляетъ врожденную черту въ характерѣ сингалезскихъ женщинъ. Потому мы узнали, что все это семейство принадлежигь къ числу *родіевъ*, цейлонскихъ парій, переселившихся въ Пуанъ-де-Галль изъ Кандійскаго округа. О родіяхъ, между прочимъ, находимъ нѣсколько весьма интересныхъ свѣдѣній у Грандидье, сообщающаго, что мѣстными традиціи вѣдутъ происхожденіе этихъ отверженцевъ отъ принцессы Наваратна-Валли, которая допустила себя до незаконной связи съ человекомъ низшей касты и случайно избѣжала смертной казни, коею по закону должна была искупить свое преступленіе. Отверженная обществомъ, она бѣжала вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ въ пустыню, гдѣ къ ней присоединились всѣ благородные цейлонцы, униженные и изгнанные изъ общества за измѣну или святотатство. Родіи раздѣляются на двѣ группы, *тирриннаес* и *гиллаи й*, которые хотя и живутъ вмѣстѣ, но не вступаютъ между собой въ браки изъ

опасенія унижить себя такимъ союзомъ, ибо каждая изъ названныхъ группъ ведетъ свой родъ непосредственно отъ царей. До перехода Цейлона подъ владычество англичанъ, родіи находились въ самомъ униженномъ положеніи. Всѣми презираемые и объявленные внѣ закона, они не имѣли права ни владѣть землей, ни заниматься торговлей, ни селиться иначе какъ только особнякомъ, вдали отъ жилищъ другихъ цейлонцевъ. Имъ запрещалось черпать воду изъ колодезь и рыть по близости городовъ и селеній и даже жить въ хижинахъ обыкновеннаго мѣстнаго устройства: для нихъ допускались только шалаши. Питаться они могли продуктами лишь собственной своей охоты и ловли и не имѣли права прикрывать одеждой ни ногъ своихъ, ни груди, а для прикрытія чреслъ разрывалось имъ носить только кусокъ грубого полотна. При выходѣ изъ своего шалаша родіи обязаны были опоясывать себя сухими пальмовыми листьями, шелестъ которыхъ предупреждалъ бы прохожихъ о приближеніи отверженца. Кроме того, онъ долженъ былъ предупреждать прохожаго своимъ крикомъ, дабы тотъ могъ приостановиться и выждать пока родія скроется. Во время господства туземныхъ раджей однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній для женщинъ высшаго класса считалось полученіе бетеля изъ руки родія. На этихъ паріяхъ лежала обязанность очищать дорогу отъ животной падали и доставлять раджамъ ежегодную дань ремнями для содержанія на привязи дикихъ, недавно изловленныхъ словенъ, и это былъ единственный промыселъ, которымъ они могли заниматься невзбранно. Даже скотъ принадлежавшій родіямъ считался нечистымъ и долженъ былъ, въ видѣ отличительнаго знака, носить на шеѣ скорлупу кокосоваго орѣха. Англичане однако установили полнѣйшую равноправность между всѣми жителями острова, и подъ ихъ владычествомъ родіи могли наконецъ вздохнуть свободно и зажить по-человѣчески, не стѣняясь ни въ образѣ жизни и жилища, ни въ родѣ занятій, ни въ пищѣ и одеждѣ. Тѣмъ не менѣе сила презрѣнія къ нимъ со стороны туземцевъ столь велика, что родіи всѣми благами равноправности могутъ свободно пользоваться только подъ крыломъ англичанъ, подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ англичане имѣютъ свою осѣдность: но за глазами ихъ, особенно внутри страны, окруженные одними туземцами, родіи доселѣ продолжаютъ влечить нѣкоторыя особенности своего прежняго существованія. Поэтому каждый изъ родіевъ, кто только можетъ, стремится переселиться въ города, поближе къ англичанамъ. Но, къ сожалѣнію, цѣлые вѣка жизни униженія и лѣни давно уже убили въ нихъ энергію и охоту къ труду. Самые трудолюбивые изъ нихъ готовятъ плетя

и ремни или воздѣлываютъ небольшія поля, за право пользованія коними обыкновенно обязываются доставлять владѣльцу известное количество ремней. Большинство же родіевъ чувствуетъ рѣшительное отвращеніе къ какой бы то ни было работѣ и предпочитаетъ легкія и темныя профессіи, въ родѣ прошенія милостыни, мелкаго воровства, рассказыванія сказокъ или пѣнія и плясокъ въ публичныхъ мѣстахъ. Въ особенности охотно промышляютъ они въ портовыхъ городахъ баядерствомъ своихъ женъ и дочерей, на чемъ нѣкоторые сколачиваютъ себѣ даже порядочныя состоянія. Тѣмъ чуднѣе кажется мнѣ въ этихъ людяхъ сочетаніе столь некрасивыхъ нравственныхъ качествъ съ такою повидимому патриархальною семейственностью ихъ домашняго быта и въ особенности съ безупречною наружною скромностью ихъ женщинъ. Родіи исповѣдуютъ буддизмъ, искаженный, впрочемъ, самыми грубыми суевѣріями и обходящійся безо всякихъ обрядовъ; ни браки, ни похороны у нихъ не сопровождаются никакими обрядовыми церемоніями: о предстоящемъ или состоявшемся бракѣ не увѣдомляютъ даже ближайшихъ родственниковъ, а покойника просто завертываютъ въ цыновку и зарываютъ въ землю на седьмой день по смерти. Родіамъ возбраненъ доступъ даже въ храмы для молитвы; тѣмъ не менѣе бывали примѣры, что къ нимъ отправлялись буддистскіе монахи для религіозной пропаганды. На упреки раджей миссіонеры эти отвѣчали, что буддизмъ не дѣлаетъ никакого различія между отверженцами и сильными міра сего. Но увы! далеко не такъ поступаютъ миссіонеры христіанскіе не только католической, но и англиканской церкви. Эти тоже не допускаютъ родіевъ въ храмы, оправдываясь тѣмъ, что если мы-де не станемъ изгонять ихъ изъ нашихъ церквей, то тѣмъ самымъ изгонимъ оттуда всѣ другія касты, которыя никогда не захотятъ находиться подъ однимъ кровомъ съ паріями. Замѣчательно какъ хорошо, не мѣшая одно другому, уживаются вмѣстѣ пресловутая англійская «равноправность», позволяющая родіамъ свободно селиться гдѣ угодно и еще свободнѣе торговать своими женами, и фарисейское лицемеріе англійскихъ миссіонеровъ, изгоняющее тѣхъ же родіевъ изъ церкви даже и въ томъ случаѣ, когда отверженецъ искренно ищетъ единственнаго пріблжища и утѣшенія въ лонѣ вѣры Христовой. Кто же кого тутъ дурачить? И ради чего все это?

А вотъ еще случайно подмѣченный маленькая картинка, не лишенная однако большой характерности.

Въ то время какъ баядерки плясали предъ нами подъ тихій аккомпаниментъ тебуні и тамъ-тама, съ сосѣдняго двора доносился къ намъ какой-то гомонъ, смѣшанный шумъ громкихъ разговоровъ и вестройнаго пѣнія съ виз-

гомъ и ударами въ тамъ-тамъ, на что сначала мы-было не обратили вниманія, но затѣмъ этотъ шумъ сталъ положительно мѣшать намъ слушать сингалезскую музыку. Желая узнать что тамъ такое, я раздвинулъ тростинки настѣннаго чія, и что же?—заглянувъ во дворъ, вижу, подъ раскидистымъ деревомъ сидятъ за столомъ, при свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей, наши парходные нѣмцы и наслаждаются пивомъ. Предъ ними пять или шесть баядерокъ, взявшись за руки, составили хороводный кругъ и движутся то вправо, то влѣво, подплясывая и напѣвая какую-то пѣсню, а въ серединѣ ихъ круга толчется чуть не въ костюмѣ праотца Адама тотъ усатый нѣмецъ, что обычно выдавалъ себя за прусскаго офицера ѣдущаго въ Китай инструкторомъ и, ударяя въ ладоши, поетъ или, вѣрнѣе сказать, оретъ съ великимъ энтузіазмомъ все ту же свою неизмѣнную «*Heil dir im Siegerkranz*», переходя затѣмъ къ «*Wacht am Rhein*» и путая ее съ какою-то «*Wir sind Deutsche, Deutsche, Deutsche...*» Остальные ему апплодировали и время отъ времени кричали «*Hoch*» и «*Hurrah!*»

Патріотизмъ конечно дѣло похвальное, но Боже мой, затѣмъ, они повсюду и кстати и некстати, такъ назойливо тычутъ имъ въ глаза всѣмъ и каждому!..

Здѣшнія гостиницы рекламируютъ себя, кромѣ газетъ, еще и особыми карточками, которыя со всѣхъ сторонъ суютъ вамъ въ руки проворные комиссіонеры, раньше всѣхъ появляющіеся на палубѣ, чуть лишь парходъ станетъ на якорь. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ былъ расписанъ на карточкѣ тотъ отель, гдѣ пришлось намъ остановиться (привожу рекламу съ буквальною точностью):

«*Ce large et confortable Hôtel est placé dans un des plus jolis endroits de la ville, en face du port, et jouissant d'une fraîcheur continuelle à cause de la brise de la mer. Les chambres sont larges et meublées avec toute élégance. A des prix modérés. Vins choisis. Prix et conditions très réduits.*»

Чѣмъ же однако оказались въ дѣйствительности эти «*chambres larges et meublées avec toute élégance*», и въ особенности эти «*prix modérés et très réduits*»? Общая столовая (она же имѣетъ съ тѣмъ и буфетная, и биллиардная, и гостиная, и читальня) дѣйствительно очень просторна и обставлена хотя просто, но не безъ комфорта. А главное ея достоинство—это чистота и обиліе воздуха. Но затѣмъ вся «*élégance*» этимъ и кончается. Комната же, которую мы заняли на ночь, была о двухъ окнахъ, но окна безъ стеколъ съ одними жалюзи, въ щели которыхъ свободно могли пробираться не только комары и мустики, но и всякая другая гадина; полъ былъ кирпичный, а потолокъ... потолока совсѣмъ не было: вмѣсто потолока была прямо крыша, состоявшая изъ

положенныхъ на стропила цыновокъ, что пожалуй и не дурно, такъ какъ этимъ увеличивается въ комнатѣ количество воздуха; но бѣда въ томъ, что по этой крышѣ и по стѣнамъ ползаютъ множество маленькихъ ящерицъ, которыя то и дѣло падаютъ къ вамъ на столъ, на постель, на платье, на голову и вообще куда ни попало. Положимъ это и совѣмъ безобидное животное, но все же съ непривычки какъ-то неприятно, когда неожиданно шлепнется оно къ вамъ на голову и побѣжитъ по лицу своими холодными лапками. Убранство комнаты состояло, во-первыхъ, изъ двухъ желѣзныхъ кроватей, обыкновеннаго больничнаго типа и даже безъ пружинныхъ тюфяковъ, но съ мустикерами; во-вторыхъ, изъ двухъ табуретовъ и простого стола, на которомъ стояли умывальная плошка съ кувшиномъ и обыкновенный стаканъ съ кокосовымъ масломъ и свѣтильней, замѣнявшей лампаду. Вся эта обстановка напоминала скорѣе какое-нибудь помѣщеніе для «благородныхъ» арестантовъ, чѣмъ номеръ въ порядочной гостиницѣ и тѣмъ не менѣе за одну ночь, проведенную тамъ, взяли съ насъ двадцать франковъ, не считая утренняго чая, а за ужинъ, состоявшій изъ шести ломтиковъ ветчины толщиной чуть не въ листокъ бумаги, четырехъ костлявыхъ кусковъ холодной курицы, ананаса, нами же самими купленнаго на рынкѣ и бутылки шампанскаго, заплатили мы по счету ровно шестьдесятъ франковъ. Это называется «по уменьшеннымъ и умѣреннымъ цѣнамъ». Каковы же были не «уменишенные»?!

3-го августа.

Долго не спалось намъ въ нашей «благородной арестантской». Воздухъ ли этотъ, напоянный пряными ароматами, картины ли цейлонской природы при эффектахъ луннаго освѣщенія, или невозможно крѣпкій англійскій чай возбудили до безсонницы наши нервы, ужъ не знаю. Ночью два раза принимался барабанить по крышѣ дождь со всею силой ливня и каждый разъ утихалъ менѣе чѣмъ чрезъ пять минутъ времени. Здѣсь такіе короткіе дожди являются истинною благодатью, освѣжая по нѣскольку разъ въ сутки сильно нагрѣтый воздухъ.

Разбудили насъ, какъ было приказано, въ пять часовъ утра на разсвѣтѣ и принесли вмѣсто чаю какой-то англійской бурды съ молокомъ, которая на видъ казалась шоколадомъ, а на вкусъ оказалась очень терпкимъ декоктомъ съ нѣкоторымъ запахомъ сильно перепрѣлаго чайнаго настоя. Наскоро совершивъ свой туалетъ и отвѣдавъ этой бурды, мы тотчасъ же отправились осматривать городъ при лучахъ восходящаго солнца, пока еще было не жарко. Предъ гостиницей, на небольшой площадкѣ уже торчало нѣсколько сингалезовъ въ

своихъ женскихъ костюмахъ. Одни изъ нихъ продавали эбеновыя палки и разныя точеныя вещицы изъ дерева и слоновой кости, другіе—плетенныя издѣлія изъ рисовой соломы и пальмовыхъ листьевъ, а два-три человѣка, съ маленькими обезьянками на плечѣ, держали въ рукахъ тщательно закрытыя деревянныя лукошки и кожаныя торбы съ кобрами и другими змѣями. Это были индійскіе фокусники и змѣезаклинатели, которые за самое пустяжное вознагражденіе показываютъ вамъ здѣсь же, не сходя съ мѣста, такія изумительныя вещи, предъ которыми невольно пасуетъ всякое человѣческое разуміе, и умъ отказывается объяснить какимъ образомъ это можетъ быть сдѣлано, если не впутывать сюда факторовъ въ родѣ «четвертаго измѣренія» и вообще участія какой-то невѣдомой намъ чертовщины. Объ этихъ фокусахъ многое и многими уже было писано, и я не стану повторять разсказа хотя бы о ячменномъ зернѣ,—какъ оно, будучи посажено въ горшокъ съ землей, чрезъ нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ разныхъ магнетическихъ пасовъ и манипуляцій фокусника, уже даетъ ростокъ, который черезъ четверть часа постепенно развивается въ стебель съ листьями и такъ далѣе, до полной зрѣлости колоса. Тутъ еще, хотя и съ большими натяжками, могутъ быть допустимы предположенія или объясненія въ родѣ существованія какого-нибудь особеннаго, неизвѣстнаго намъ химическаго состава почвы, въ которую бросается зерно, въ соединеніи съ дѣйствіемъ на него тоже неизвѣстной пока, особенной теплотворной силы и т. п. Но попытайтесь объяснить хотя бы слѣдующій фокусъ: въ рукахъ у фокусника вы видите слабо сматанную въ большое кольцо бичевку, въ родѣ морскаго линя, толщиной въ мизинецъ и длиною въ нѣсколько сотъ футовъ. На одномъ ея концѣ закрѣпленъ деревянный костылекъ, служащій ручкой, а на другомъ привязанъ обыкновенный бубенчикъ, величиною съ яблоко. Раскачавъ этотъ послѣдній конецъ до сильнаго вращательнаго движенія бубенчика, фокусникъ съ силой пускаетъ его вверхъ и затѣмъ только обѣими руками живо помогаетъ бичевкѣ разматываться. Конецъ съ бубенчикомъ между тѣмъ все выше и выше стремится вверхъ, въ совершенно вертикальномъ направленіи, словно его тянетъ туда какая-то посторонняя вѣйствующая сила. Но вотъ, наконецъ, все кольцо разматано, и фокусникъ, словно опасаясь какъ бы бичевка совѣмъ не ускользнула изъ его рукъ и не улетѣла бы въ небо, быстрымъ движеніемъ пропускаетъ конецъ ея между среднимъ и безымяннымъ пальцами лѣвой руки, которую при этомъ вдругъ рвануло кверху, какъ бы дѣйствіемъ все той же вѣйствующей силы; но онъ успѣлъ зажать костылекъ въ кулакъ и черезъ нѣсколько мгно-

вень, съ нѣкоторымъ усиленіемъ, но плавно опускаетъ руку до высоты своей груди. Совершенно вытянутая бичевка такъ и остается въ вертикальномъ положеніи, а верхняго конца ея съ бубенчикомъ даже нельзя разглядѣть въ блескѣ воздушнаго пространства, пропитаннаго яркими солнечными лучами. Тогда фокусникъ правою рукою снимаетъ со своего плеча маленькую макаку и подноситъ ее къ бичевкѣ, за которую обезьянка тотчасъ же хватается всѣми четырьмя руками и быстро лѣзетъ вверхъ, подбодряемая словами и жестами свободной руки фокусника. Черезъ нѣсколько мпнуть въ воздушной вышины она едва виднѣется уже какъ чуть замѣтная точка. Выждавъ нѣкоторое время и не выпуская костылька изъ руки, фокусникъ начинаетъ сматывать бичевку по-прежнему въ кольцо, но уже гораздо медленнѣе, чѣмъ шла размотка и не безъ нѣ котораго напряженія ручныхъ мускуловъ. Проходятъ еще нѣсколько времени, кольцо бичевки наматывается все больше и больше, а вертикальная часть ея становится все ниже, и вотъ вы видите какъ на самомъ концѣ ея преспокойно сидитъ себѣ верхомъ на бубенчикѣ маленькая макака, очевидно давно уже привыкшая къ такому роду воздушныхъ путешествій, и только старается покрѣпче держаться задними руками за бичевку. Черезъ минуту она опять уже гримасничаетъ на плечѣ у своего хозяина, а бичевка, сослужившая ему такую изумительную штуку, бросается въ мѣшокъ какъ «вервѣ простое». Вотъ и весь фокусъ, но объясните, если можете, какъ это дѣлается вопреки закону тяготѣнія и вообще что это такое?

А здѣсь это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фокусовъ, который охотно покажетъ вамъ любой уличный фокусникъ за нѣсколько пенсовъ.

Для скорѣйшаго осмотра города (такъ какъ времени въ нашемъ распоряженіи оставалось немного) наняли мы себѣ экипажъ — продлинноватую карету типа маленькихъ дилижансовъ, въ которую запряжена была пара *тату* (*ta-touh*), малорослыхъ туземныхъ лошадокъ, отличающихся замѣтельной силой и энергіей. Извозчикъ (по здѣшнему, *виндиангъ*) запросилъ было сначала по рупіи съ человѣка (насъ было трое), но, по врожденной мягкости сингапурскаго характера, тотчасъ же согласился повезти насъ вокругъ города за одну рупію¹⁾. Сѣли поѣхали, и сначала въ крѣпостной кварталѣ. Здѣсь европейскіе дома строены болѣею частью въ одинъ и рѣдко въ два этажа, но не выше. Строенія почти исключительно каменные, старинной солидной постройки, съ открытыми верандами, на которыхъ, противъ входной

двери, обыкновенно ставится заслонъ отъ постороннихъ любопытныхъ глазъ въ формѣ большого экрана, обтянутаго краснымъ кумачемъ, либо тростяниковою плетенкой. Принадлежностью каждой веранды непременно являются цвѣты въ горшкахъ и тропическія растенія въ кадкахъ, за которыми разбросано нѣсколько плетеныхъ бамбуковыхъ креселъ, устроенныхъ такъ, чтобы можно было растянуться на нихъ съ ногами; тутъ же всегда стоитъ большой круглый столъ, иногда съ мраморною доской, а около него обыкновенныя кресла, стулья и табуреты красного дерева, на которыхъ, впрочемъ, мягкія матерчатые сидѣнья и спинки являются какъ рѣдкое исключеніе: онѣ всегда здѣсь либо досчатые, либо изъ плетенки, по климату, чтобы не такъ жарко было сидѣть. Вообще замѣтно, что въ домахъ много комфорта специально приспособленнаго къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ.

Зашли въ одинъ изъ сингапурскихъ магазиновъ съ весьма неказистою внѣшностью. Здѣсь продается множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, начиная съ разныхъ драгоценныхъ камней въ отдѣлкѣ и безъ отдѣлки и кончая англійскою ваксой и персидскою ромашкой. Въ особенности хороши были камни азіатской отдѣлки (неграненые) вправленные въ перстни, серьги и кольца въ сингапурскомъ вкусѣ. Затѣмъ очень интересенъ былъ отдѣлъ такъ-называемыхъ изящныхъ произведеній мѣстнаго производства и характера. Тутъ были бьюары и шкатулки изъ черного и-кокосоваго дерева; украшенные рѣзбой сосуды изъ кокосовыхъ орѣховъ въ серебряной и бронзовой оправѣ; узорчатые коробки очень искусно сплетенныя изъ пальмовыхъ листьевъ, такимъ образомъ, что онѣ въ числѣ отъ шести до двѣнадцати штукъ свободно укладываются одна въ другую; женскіе рабочіе ящики, составленные изъ иголъ дикобраза; рѣзные эбеновыя трости, узорчато-инкрустированныя перламутромъ и слоновою костью, съ ручками въ видѣ змѣиной или слоновой головы; прессъ-папье въ образѣ слоновъ изъ эбеноваго же дерева или въ видѣ плитокъ, выпиленныхъ изъ слоновяго зуба и великолѣпно отшлифованныхъ, такъ что сначала вы легко можете ошибиться, принявъ ихъ за свѣтлую яшму съ прелестными молочными жилками зубчатого рисунка; наконецъ тутъ же продавались очень искусно сдѣланныя разной величины модели мѣстныхъ пирога со всѣми ихъ мореходными приспособленіями. Накупивъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ вещей, мы зашли въ другой магазинъ, гдѣ и приобрѣли фотографическую коллекцію видовъ Пуанъ-де-Галля и другихъ мѣстъ Цейлона и типовъ туземныхъ жителей. Отославъ все это съ носильщикомъ въ гостиницу, поѣхали мы наконецъ взглянуть на сингапурскую часть города, гдѣ, впрочемъ, жижины туземцевъ, какъ

¹⁾ Индійско-персидское слово отъ санскритскаго *rupya* — серебро. Англо-индійская рупія равняется 59,26 коп. мет.

уже сказано, перемѣшаны съ домами индійскихъ купцовъ и дачами (бенглоу) европейцевъ.

Путь лежалъ чрезъ крѣпостныя ворота, на фронтонѣ коихъ былъ высѣченъ какой-то гербъ, вѣроятно оставшійся еще отъ голландцевъ, построившихъ эту крѣпость. Каменные стѣны форта въ изобиліи покрыты лишайными, ползучими и иными растеніями, нашедшими себѣ мѣсто въ разсѣвшихся швахъ каменной кладки; многія изъ растеній еще въ цвѣту, и это придаетъ сѣрымъ стѣнамъ очень красивый видъ. Миновавъ мостъ, перекинутый черезъ крѣпостной ровъ, мы вышли на эспланаду въ видѣ обширной зеленой луговины, по другую сторону коей укромно ютится среди садовъ и пальмовыхъ рощ сингалезскій городъ и выглядываютъ изъ-за верхушекъ зелени дивныя бѣлыя башни и бѣлый куполъ католическаго костела, который, какъ намъ сообщали, остается еще памятникомъ владычества португальцевъ. Отсюда, изъ-за моста, я еще разъ бросилъ взглядъ на наружную часть форта. По стѣнамъ, на барбетахъ и въ амбразурахъ видѣлись кое-гдѣ старинныя чугунныя пушки, а на одномъ изъ исходящихъ угловъ торчалъ англійскій часовой, весь въ бѣломъ костюмѣ и въ бѣломъ пробковомъ шлемѣ. Стоя на часахъ, онъ преспокойно покурявалъ себѣ сигару, что, какъ видно, здѣсь допускается. На Цейлонѣ англійскихъ войскъ всего два батальона пѣхоты и одна батарея артиллеріи, разбросанные по разнымъ пунктамъ острова для содержанія гарнизоновъ; но, при спокойномъ, миролюбивомъ характерѣ сингалезовъ, пожалуй, больше и не требуется. По луговинамъ маршировали куда-то команда бѣлыхъ пѣхотинцевъ и отрядъ босыхъ полисменовъ въ синихъ мундирныхъ блузахъ и красныхъ шапочкахъ съ мѣднымъ на нихъ нумеромъ.

Миновавъ оштукатуренную ограду голландскаго кладбища, сооруженную, какъ значится въ наворотной надписи, еще въ 1783 году, мы поѣхали по набережной дорогѣ, мимо мяснаго ряда. Жемчужно-бѣлый бурунъ красиво катился по бѣлому песку отлогого, почти плоскаго берега и отпирывалъ назадъ у самой дороги, оставляя на ея окрайкѣ массу мелкихъ ракушекъ и много раковинъ крупныхъ и нерѣдко очень красивыхъ. Затѣмъ мы въѣхали, какъ показалось намъ съ перваго взгляда, въ тропическій лѣсъ, но это была одна изъ улицъ сингалезскаго города. Какая масса и роскошь растительности и что за разнообразіе растительныхъ формъ!.. Не даромъ же у индійцевъ есть преданіе, что рай нашихъ прародителей былъ именно здѣсь, на Цейлонѣ, и что въ память его сохранился на вершинѣ горы Адама въ дикомъ камнѣ слѣдъ гигантской пяты перваго человека. Все то, на что петербургцы любятъ въ миниатюрѣ въ императорскомъ ботаническомъ саду или въ теплицахъ, какинъ

были у покойнаго В. О. Громова, здѣсь обрѣтается въ дикомъ видѣ, въ гигантскихъ размѣрахъ и въ громадномъ изобиліи. Всѣ эти тамаринды, корнепуски, пламенники, мангу, баобабы, бананы и разнообразныя пальмы образуютъ надъ улицей какъ бы сплошной зеленый сводъ и такъ высоки, что не только люди, но и домики въ сравненіи съ ними кажутся карликами. Здѣсь, по выраженію поэта, дѣйствительно «все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры», и все это перепутано всѣяными гириандами и хвостами лианъ и ротанговъ, цвѣтущими въюнками, ползучими розами и виноградомъ, и все живая-живетъ, — живетъ всѣмъ радостнымъ трепетомъ и свѣжестью утренней жизни и дышетъ нѣгой, омытое за ночь дождемъ и исполненное яркихъ красокъ, теплой прозрачной тѣни и цѣлой музыки разнообразныхъ звуковъ, шелестовъ и «зеленаго шума», среди мелодическихъ высвистовъ, трелей, щебетанья и криковъ разныхъ птишекъ и красиво оперенныхъ сиворонокъ, попугаевъ, фазановъ и павлиновъ, глядя на которыхъ вамъ опять-таки невольно вспоминаются все тѣ же стихи нашего поэта:

На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ
Надъ водой качается жаръ-птица.

Словомъ, вся изумительная роскошь, всѣ чудеса растительнаго міра, какія только можете вы себѣ вообразить на фантастичной декорации, или какинъ мерещились вамъ порой въ поэтической грезѣ, здѣсь всецѣло предъ вами на яву, во всей своей реальной дѣйствительности; вы ихъ видите, осязаете, рвете ихъ пышныя цвѣты, обоняете ихъ ароматы, испытываете всѣми нервами чарующія красоты ихъ формъ, благоуханія и красокъ. Это какой-то сонъ на-яву, или волшебная сказка, осуществленная въ дѣйствительности. На сто футовъ отъ земли поднимается стройный цилиндрическій стволъ кокосовой пальмы и завершается въ вышнѣ пышнымъ букетомъ трехсаженныхъ листьевъ, изъ которыхъ нижніе красиво выгибаются и клонятся къ землѣ какъ султанъ изъ страусовыхъ перьевъ, и изъ-подъ этихъ роскошныхъ кронъ свѣшиваются громадныя гроздья плодовъ, съ двадцати до тридцати орѣховъ въ каждомъ и притомъ во всѣхъ степеняхъ развитія, начиная съ развѣтвленнаго початка бѣлыхъ цвѣтовъ и до вполне созрѣвшаго плода. Тутъ же растетъ и зонтичная пальма, которую сингалезы называютъ *талиподомъ* и пользуются ея листьями какъ дождевыми зонтиками. Ростъ талипода не превышаетъ шестидесяти футовъ, но крона—это въ своемъ родѣ вершъ красоты. Представьте себѣ громадный листовой черешокъ отъ четырехъ до пяти аршинъ длины, на которомъ развертывается исполинскій дискъ зуб-

чатаго листа, а чтобъ опредѣлить вамъ величину этого диска, достаточно сказать, что подъ нимъ двѣнадцать человекъ могутъ укрыться отъ дождя и зноя, и вотъ изъ такихъ-то листьевъ состоитъ роскошная крона зонтичной пальмы, покрывающая ее какъ шапка или куполъ. Гартвигъ рассказываетъ, что простоявъ въ такомъ видѣ отъ тридцати до сорока лѣтъ, талipotъ испытываетъ странную метаморфозу: изъ центра кроны вдругъ появляются глянцевито-бѣлая цвѣточная ось, которая чрезъ три-четыре мѣсяца достигаетъ тридцати футовъ высоты. На это явленіе какъ бы истощается вся растительная сила пальмы: листья спадаютъ, и голый стволъ стоитъ среди зеленого лѣса, какъ обнаженная громадная мачта. Но жизнь кипитъ въ цвѣточной оси, и въ три мѣсяца вырастаютъ изъ нея гладкія длинныя вѣтви (нижнія до 20 футовъ длинны) какъ огромныя канделябры. Изъ вѣтвей развиваются вѣточки, обсаженные множествомъ маленькихъ бѣлыхъ цвѣтковъ, что придаетъ имъ весьма красивый видъ. За цвѣтками развиваются маленькія ягоды, послѣ чего початки вянуть и дерево умираетъ, а количество его плодовъ, изъ которыхъ здѣсь точатъ шарики для браслетовъ, ожерелій и четокъ, достигаетъ до двадцати тысячъ. Тутъ же васъ поражаетъ своимъ исполинскимъ ростомъ стволъ священной смоковницы (*Ficus religiosa*), предметъ благоговѣйнаго поклоненія цейлонскаго буддиста, такъ какъ подъ одною изъ такихъ смоковницъ родился Вишну и проповѣдывалъ Сакья-муни, то есть самъ Будда. Вотъ и другой видъ смоковницы, только вышина ея не болѣе обыкновеннаго человѣческаго роста; она угловата и какъ бы спаяна изъ нѣсколькихъ стволовъ, а широкія вѣтви ея далеко расходятся въ стороны и изгибаются самымъ причудливымъ образомъ, спланиваясь между собой въ горизонтальномъ положеніи до такой степени плотно, что на образуемыхъ ими площадкахъ ходятъ домашнія козы и щиплютъ молодую листву. Эту извилистую смоковницу чаще всего вы встрѣтите во дворахъ, около сингалезскихъ хижинъ, гдѣ подъ сѣнью ея вѣтвей стоятъ маленькія буддійскія божнички. Въ нѣкоторыхъ садахъ видны небольшія темнозеленыя рошцы коричневаго дерева, и какъ красивы на темномъ фонѣ ихъ листья блѣдно-желтые и огненно-красныя листья молодыхъ побѣговъ корицы! Здѣсь не допускаютъ коричневыхъ деревьевъ до полнаго роста, такъ какъ кора стараго дерева менѣе цѣнится. Въ настоящее время на коричневыхъ плантаціяхъ, которыя наиболѣе распространены въ окрестностяхъ Коломбо, работаютъ около пятидесяти тысячъ сингалезовъ, коимъ впрочемъ не грозитъ теперь смертная казнь за тайную продажу корицы съ плантаціи, хотя бы даже не болѣе одной трубочки, какъ было во время гол-

ландцевъ, когда торговля этимъ продуктомъ составляла правительственную монополію.

Сингалезскія хижины, по мѣстному «каза», выходятъ прямо на улицу своими небольшими верандами. Дверей и оконъ у нихъ нѣтъ, а свѣтъ проникаетъ внутрь въ разборчатую переднюю стѣну, которая на ночь забирается деревянными или цыновочными ставнями. Строятся эти казы на бамбуковомъ или тростниковомъ каркасѣ, съ наугольными устоями и вѣнцами (нижнимъ и верхнимъ) изъ пальмовыхъ бревенъ. Подъ нижній вѣнецъ иногда подкладывается булыжный или плитняковый фундаментъ. Задняя и двѣ боковыя стѣны обліпляютъ изнутри и снаружи глиной, смѣшанною съ коровьимъ пометомъ и рѣзкой изъ рисовой соломы, и этотъ цементъ, быстро высыхая подъ лучами здѣшняго солнца, получаетъ плотность и твердость камня. Передній фасъ казы поддерживается и разгораживается на два или на три прохода деревянными стойками, въ родѣ колонокъ, утвержденными между нижнимъ и верхнимъ вѣнцами; къ нимъ-то и прислоняются ставни когда нужно защититься отъ зноя или непогоды. Крыши у хижинъ четырехскатныя, совершенно въ томъ родѣ, какъ у насъ на малороссійскихъ хатахъ, и кроются либо тростникомъ, либо сухими вѣтвями кокосовой пальмы. Нѣкоторые, впрочемъ, кроютъ и черепицей, но это уже роскошь, которую позволяютъ себѣ люди болѣе или менѣе зажиточные, ведущіе въ своихъ домахъ какую-либо торговлю. Рядомъ съ сингалезскими казами ютятся за глинобитными, бетонными или сырцово-кирпичными заборами европейскіе одноэтажные домики, исключительно подъ черепичными кровлями, сохранившіе въ нѣкоторыхъ наружныхъ украшеніяхъ карнизовъ и фасадовъ и въ закругленныхъ изгибахъ очертаній своихъ фронтоновъ вполне голландскій тяжеловатый характеръ, сказывающійся точно такъ же и въ массивныхъ, тумбообразныхъ, четырехстороннихъ столбикахъ съ шарами или конусами наверху, что служатъ въ заборахъ пролетами для воротъ и калитокъ. Да я думаю, что и уцѣлѣли-то они еще съ прошлаго столѣтія, со временъ голландскаго владычества. Англичане такихъ домовъ не строятъ, потому что у нихъ для своихъ бенгловъ вполне выработанъ собственный типъ колониальной архитектуры, въ которомъ отсутствіе художественнаго стиля восполняется избыткомъ комфорта. Но все-таки равно, и даже сингалезскимъ хижинамъ, придаетъ прелесть это изобиліе и разнообразіе окружающей ихъ растительности.

Въ туземномъ городѣ, когда мы проѣзжали по его улицамъ, дневная жизнь уже вступила въ періодъ своей дѣятельности. Сингалезскія дѣти и женщины, сидя на корточкахъ надъ небольшими полоскательными чашками, предъ

своими казми, тутъ же на улицѣ совершали свой утренній туалетъ, мылись, чистили себѣ зубы и расчесывали волосы. Матери семействъ у порога варили на очагахъ въ глиняныхъ горшкахъ какую-то похлебку на завтракъ, другіе крошили овощи, третьи потрошили и мыли рыбу; вездѣ шла очень дѣятельная стряпня, которою были заняты исключительно женщины. Мужчины тоже давно уже были за работой, одни въ порту, другіе на плантаціяхъ. Ремесленники, обнаженные до пояса, а другіе и вовсе голые (если не считать за одежду такъ-называемый *шомикку*, кусокъ полотна для обвертыванія бедеръ), стругали доски, пилили бруски и стучали своими молоточками въ открытыхъ снаружи мастерскихъ. Вочары (одна изъ важнѣйшихъ здѣшнихъ профессій) наколачивали обручи на разнокалиберныя бочки, служащія для вывоза сахарнаго тростника, кофе и кокосоваго масла. Мужчины и женщины изъ окрестныхъ селеній легкою походкой торопились на рынокъ, неся на продажу молоко, ключевую воду, яйца, куръ и разные овощи, цвѣты и фрукты. Рыбаки и рыбаки поспѣшали туда же съ разными продуктами своей предразсвѣтной ловли, неся на головахъ въ плетеныхъ кошелахъ омаровъ, крабовъ и шримсовъ, каракатицъ и разнообразныхъ океанскихъ рыбъ. На встрѣчу намъ часто попадались туземные двухколесные возы вродѣ среднеазиатскихъ арбъ, только съ болѣе низкимъ ходомъ, прикрытые сверху отъ солнца цыновочною кибиткой, съ запряженною въ ярмо парой горбатыхъ воловъ (*зебу*). Всѣ эти возы были нагружены мѣшками съ рисомъ, ячменемъ и просомъ. Нѣсколько въ сторонѣ, множество почти совсѣмъ голыхъ работниковъ толпились у складовъ кокосоваго масла, гдѣ онѣ накачивали его посредствомъ ручныхъ насосовъ въ бочки, положенныя правильными рядами и затѣмъ нагружали этими бочками плоскія двухколесныя платформы, для отправления въ портъ. Маленькіе, совершенно голые ребятишки съ любопытствомъ встрѣчали и провожали насъ глазами, но—замѣчательное дѣло—ни одинъ изъ нихъ не протянулъ руку за подавнѣмъ и ни одинъ не побѣжалъ за нашимъ экипажемъ. А будь это арабчата, тутъ бы ихъ бѣжала цѣлая арава.

Но вотъ прелюбопытное зрѣлище: молодой парень лѣтъ двадцати лѣзетъ на пальму громадной вышины, чтобы добыть съ нея нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ. Дѣлается это очень оригинальнымъ способомъ, на который стоитъ обратить вниманіе, тѣмъ болѣе что онъ одинаковъ какъ у индійцевъ съ сингалезами, такъ и у малайцевъ съ полинезійцами. Одежда парня, для наибольшаго облегченія при значительной мускульной работѣ, состоитъ изъ одного только шомикку да изъ бумажнаго полотенца, которымъ онъ въ родѣ чалмы обернулъ

себѣ голову, чтобы предохранить ее во время своего гимнастическаго путешествія по открытому стволу дерева отъ непосредственнаго дѣйствія вертикальныхъ солнечныхъ лучей. Усѣвшись на землю предъ самымъ стволомъ, парень связываетъ себѣ щиколотки ногъ веревкой изъ лыка кокосовой же пальмы такимъ образомъ, чтобы перемычка между ними была около пяти, шести вершковъ. Послѣ этого, поднявшись на ноги, онъ руками притягивается къ стволу и вспрыгиваетъ на него, стараясь попасть перемычкой на одно изъ рубчатыхъ колецъ, образующихся по стволу на мѣстахъ прикрѣпленія прежде бывшихъ вѣтвей; эти кольца, задерживая перемычку, служатъ ему какъ бы ступенями. Такимъ образомъ, постепенно притягиваясь руками по шероховатой корѣ дерева и перенося движеніемъ ногъ перемычку, съ кольца на кольцо, парень достигаетъ наконецъ самой вершины, которая эластически гнется и раскачивается подъ его тяжестью. Тамъ, подъ самою кроной, ухватясь лѣвою рукой за одинъ изъ надежныхъ листовыхъ черенковъ, онъ срываетъ орѣхъ за орѣхомъ и кидаетъ ихъ на землю, повернувъ напередъ острымъ концомъ внизъ для того, чтобы плодъ не раскололся при ударѣ о почву.

Здѣсь нѣтъ той хижины, которая не имѣла бы нѣсколько собственныхъ кокосниковъ и банановъ, нерѣдко служащихъ для ея обитателей единственнымъ средствомъ пропитанія и въ зеленомъ, и въ спѣломъ, и въ сыромъ, и въ вареномъ или жареномъ видахъ. Плодъ кокосника не только доставляетъ пищу и вкусное освѣжающее питье, но изъ него добывается еще и масло, идущее въ твердомъ состояніи на выдѣлку свѣчъ, а въ жидкомъ—горящее безъ копоти и запаха въ лампадахъ. Гартвигъ говоритъ, что кокосовое масло стало извѣстнымъ въ Европѣ только съ начала текущаго столѣтія и въ настоящее время приобрѣло уже серьезное торговое значеніе. Наибольшее количество этого продукта доставляется Цейлономъ, гдѣ за галлонъ (4½ литра) платится отъ 30 до 35 копѣекъ. Кокосовыя выжимки составляютъ прекрасный кормъ для свиней и домашней птицы; изъ твердой скорлупы выдѣлываютъ разные домашніе сосуды, какъ напримѣръ, ложки, сулецъ, калыны. Чашки и стаканы обыкновенно дѣлаются изъ нездорѣлой скорлупы, причемъ ихъ оскабливаютъ почти до прозрачности. Изъ самыхъ листочковъ сингалезы плетутъ прекрасныя корзины и цыновки, или такъ-называемые *каджаны* употребляемые для подстилки, обивки стѣнъ и для изгородей, а стволъ составляетъ имъ строительный матеріалъ для хижинъ, вѣтви же—для покрытія кровель; дерево это хорошо полируется, а потому идетъ и на столярныя подѣлки. Самые молодые и нѣжныя листочки въ поджареномъ или вареномъ видѣ составляютъ для сингалезовъ даже одно изъ лакомствъ, но только очень дорогое,

такъ какъ отъ обрыванія ихъ гибнетъ все дерево. Влагилица, поддерживающія листовые черешки, образуютъ плотную, волокнистую, эластическую съѣдъ, похожую на грубое сукно, которая можетъ сниматься большими кусками. Изъ этой ткани готовятъ рыбаки плащи, мѣшки и паруса для пирога, а изъ волокнистой оболочки плода, извѣстной въ торговлѣ подъ именемъ *коира* (*kôir*) высучиваютъ легкія, упругія и очень прочныя веревки и морскіе канаты. Цейлонъ въ особенностяхъ промышленности такими канатами. Изъ кожистой оболочки, прикрывающей цвѣты, прежде чѣмъ она раскроется, посредствомъ надрѣзовъ добывается сладкій сокъ, который до своего броженія дѣйствуетъ какъ укрѣпляющее и кровоочистительное средство; когда же, подъ влияніемъ солнечныхъ лучей, сокъ этотъ начинаетъ бродить, то сингалезы готовятъ изъ него *тодди* или пальмовое вино, а изъ перебродившей жидкости орѣха, какъ уже сказано выше, выдѣлывается хмѣльное *калю*. Такимъ образомъ, вотъ сколько проку и разнообразныхъ примѣненій и средствъ для жизни приноситъ обитателю тропиковъ одна только кокосовая пальма. Уже она одна, сама по себѣ, въ состояніи удовлетворить всѣмъ главнѣйшимъ потребностямъ его непритомливой жизни. И удивляться ли послѣ того, что сингалезъ по своей натурѣ склоненъ къ нѣкоторой лѣни? Для меня, напротивъ, удивительно то, что онъ, относительно говоря, еще много работаетъ, ибо для чего бы ему особенно трудиться если въ его распоряженіи всегда найдется нѣсколько никому не принадлежащихъ благодѣтельныхъ кокосниковъ, банановъ, смоковницъ и кириатумовъ или такъ - называемыхъ «молочныхъ деревьевъ» (*Gympneua lactifegum*), которые даютъ превкусный млечный сокъ, употребляемый сингалезами какъ у насъ молоко. Щедрая природа доставляетъ сингалезу все что нужно и даже болѣе того, сколько нужно для безбѣдной жизни.

Общій типъ сингалезовъ очень симпатиченъ; они отличаются стройнымъ среднимъ ростомъ, тонкостью стана и гибкостью членовъ, недостаточно впрочемъ развитыхъ въ мускулатурномъ отношеніи. У нихъ прекрасныя, умныя и очень добрыя глаза, нерѣдко сѣраго и даже голубого цвѣта, что производитъ весьма своеобразный эффектъ при черныхъ какъ смоль волосахъ и темнобронзовой кожѣ. Тихая, кроткая улыбка, веселый мелодическій говоръ, гибкая, легкая и граціозная походка, нѣсколько лѣнивая плавность манеръ и замѣчательная вѣжливость, простирающаяся до того, что ни одинъ сингалезъ не пропуститъ васъ при встрѣчѣ на улицѣ безъ привѣтствія, которое выражается въ прикладываніи правой руки ко лбу, — все это дѣлаетъ ихъ красивыми и очень пріятными въ обществѣ людьми. Жаколью говорить, что Цейлонцы робки и кротки какъ

дѣти и до такой степени безобидны, что можно проѣхать весь островъ одному и безъ оружія, не встрѣтивъ и тѣни опасности. По его словамъ, васъ вездѣ ожидаетъ самый ласковый пріемъ, и каждый окажетъ вамъ гостепріимство, сообразно своему положенію: бѣдный раздѣлитъ съ вами свою казу и станетъ служить вамъ, а богатый предложитъ свой дворецъ и цѣлый полкъ слугъ для предупрежденія малѣйшихъ вашихъ желаній. Но Грандиде нѣсколько иного мнѣнія на счетъ характера сингалезовъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что живое воображеніе своеобразно соединяется въ нихъ съ рѣдкою солидностью, что въ нихъ нѣтъ и слѣда того рѣзкаго увлеченія, которое мы привыкли встрѣчать у европейцевъ, что недостатокъ энергіи весьма ощутителенъ въ нихъ, являясь естественнымъ результатомъ климатическихъ условій страны; лѣнивые, трусливые и безцѣльные, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаются замѣчательною хитростью и сообразительностью; на Цейлонѣ вы будто бы не найдете ни искренности, ни предупредительности, ни великодушія, но недостатки эти нельзя-де приписывать исключительно влиянію почвы и климата, обуславливающихъ питаніе и физическое сложеніе жителей: тяготѣвшая надъ ними вѣковая правительственная тираннія оказала-де не малую долю влиянія на образованіе ихъ характера, а постепенно пробуждавшееся сознаніе своего полнѣйшаго безсилія предъ энергическимъ европейцемъ сдѣлало цейлонскій народъ еще хитрѣе, обративъ всѣ силы его ума на изощреніе въ себѣ этого качества. Живое воображеніе цейлонца, легко переносающееся отъ одного предмета къ другому, пріучаетъ его безропотно покоряться судьбѣ и въ сужденіяхъ его высказываются не столько доводы разума, какъ впечатлѣнія минуты. Сингалезы исповѣдуютъ буддизмъ, но у нихъ нѣтъ въ сущности никакихъ строго выработанныхъ религіозныхъ правилъ, и они мѣняютъ религію съ невѣроятною легкостью. Таково мнѣніе Грандиде. Что до меня, то я слишкомъ мало былъ въ Цейлонѣ, чтобы составить себѣ свой собственный взглядъ на народный характеръ сингалезовъ и судить, который изъ двухъ цитованныхъ мной французовъ въ этомъ случаѣ правѣ. Скажу только, что на меня лично сингалезы произвели самое пріятное впечатлѣніе.

По костюму вы почти не отличите мужчину отъ женщины. Какъ тѣ такъ и другія носятъ въ ушахъ серьги и приподнимаютъ на затылкѣ свои длинныя, никогда не подстригаемые волосы въ видѣ шиньона, заколотого высокімъ черепаховымъ гребнемъ; другой, меньшій дугообразный гребешокъ употребляемый только мужчинами отводить волосы назадъ ото лба и это составляетъ единственное отличіе мужской прически отъ женской. Одежда состоитъ изъ длиннаго куска миткаля или ситца, кото-

рый захватываетъ въ два или три оборота поясницу и ниспадаетъ до пятъ въ видѣ юбки или, вѣрнѣе, малороссійской плахты; затѣмъ, открытый спереди бѣлый жилетъ или кофточка, а у зажиточныхъ жакетъ европейскаго покроя, и вотъ вамъ весь костюмъ мужчины; придающій ему такую женоподобность. Голова покрывается иногда какою-нибудь бѣлою повязкой, но никогда никакою шляпой. Вообще сингалезы предпочитаютъ вовсе не носить головного убора, чтобы не скрывать красоты своихъ причесокъ, а отъ солнца защищаются листьями зонтичной пальмы. Женскій костюмъ разнится отъ мужского только легкою кофточкой, и потому-то такъ легко ошибиться, принявъ одинъ полъ за другой, тѣмъ болѣе, что женатые мужчины въ силу обычая не носятъ ни усовъ, ни бороды, предоставляя это украшеніе исключительно холостымъ; поэтому послѣдніе кажутся въ своихъ женскихъ юбкахъ и шиньонахъ какими-то Юліями Пастранами, съ тою лишь особенностью, что это все очень красивыя Пастраны. Костюмъ и прическа сингалезовъ, безъ сомнѣнія, являются у нихъ наслѣдіемъ глубокой древности, такъ какъ еще за 1700 лѣтъ до нашего времени Птоломей называлъ жителей Цейлона «людьми съ женскими волосами».

Сингалезы говорятъ на своемъ самостоятельномъ и столь же древнемъ языкѣ, какъ и санскритскій, изъ котораго впрочемъ въ него вошло не мало словъ. Такъ всѣ понятія касающіяся области философіи и науки выражаются словами санскритскими, а все, что относится до религіи—палійскими. Кромѣ того, сюда вошли еще слова тамульскаго (южно-индійскаго) языка, который вездѣ на Цейлонѣ понимаютъ довольно хорошо. Письмо у сингалезовъ фонетическое, и таковымъ оно было еще въ глубокой древности. Въ разговорѣ они любятъ употреблять кудрявыя выраженія вмѣстѣ со множественномъ тропомъ и метафорой. Нынѣшніе жители городовъ всѣ болѣе или менѣе понимаютъ, а многіе и говорятъ по-англійски, какъ отцы и дѣды ихъ говорили по-голландски, а прадѣды по-португальски. Теперь, разумѣется, эти языки позабыты за исключеніемъ можетъ быть нѣсколькихъ словъ, да и сами англичане постарались стереть здѣсь всякую память о своихъ предѣстникахъ, кромѣ каменныхъ стѣнъ форта, которыя и имъ, конечно, годятся.

Цейлонъ, прекрасное наслѣдіе магараджи Кандійскаго, былъ завоеванъ сперва португальцами, первоначально прибывшими сюда въ 1505 году. Затѣмъ, полтора столѣтія спустя, въ 1656 году португальцы были изгнаны голландцами, а этихъ въ свою очередь изгнали въ 1795 году англичане, которые въ 1802 году освятили свое владычество на этомъ островѣ Аміенскимъ трактатомъ. Будутъ ли современемъ изгнаны и англичане и кто ихъ изго-

нитъ, это пока еще вопросъ будущаго. Но, странное дѣло! у цейлонцевъ, какъ и у всѣхъ народовъ Индіи, есть невѣдомо когда и какъ сложившееся убѣжденіе или вѣрованіе, что освобожденіе отъ европейскаго ига должно придти къ намъ съ Сѣвера, что принесетъ его бѣлокурый народъ, у котораго покоя въ вѣкахъ живетъ все одинъ и тотъ же, никогда не умирающій, бѣлый магараджа и что по слову этого магараджи все и совершится: стоить только сказать ему это заветное слово, и тогда, освободивъ Цейлонъ отъ рыжихъ варваровъ, бѣлый магараджа восстановитъ въ прежнемъ достоинствѣ наслѣдниковъ магараджи Кандійскаго.

Каково живетъ сингалезамъ подъ англичанами, объ этомъ хотя и кратко, но достаточно вѣско свидѣтельствуетъ Жаколью, долго жившій въ Индіи. По его словамъ, до знакомства съ европейцами, сингалезы работали мало. Азіатская роскошь ихъ раджей обходилась гораздо дешевле, чѣмъ можно предположить: священные слоны уже цѣлыя столѣтія до того времени владѣли своими золотыми и рубиновыми украшениями; тронъ Кандійскаго магараджи, весь изъ золота и слоновой кости, тоже сдѣланъ былъ давно уже и всѣ коронныя сокровища собраны были постепенно, въ теченіе многихъ предшедшихъ вѣковъ; подати взимавшіяся магараджей и высокими кастами съ земли и съ труда судовъ (земледѣльцевъ) далеко не достигали до черезчуръ высокой цифры нынѣшнихъ податей. Но вотъ появились европейцы, сначала португальцы, потомъ голландцы и вмѣсто подати натурой стали брать ее деньгами; надо было больше обрабатывать землю, рубить пахучія деревья, корячневое дерево, гвоздичное и удвоить количество риса для вывоза, но это была еще небольшая бѣда, что пришлось работать и платить. Насталъ день когда во всей Европѣ вспыхнула война; французская республика боролась противъ коалиціи всѣхъ народовъ. Это была очень удобная минута, чтобы подъ шумокъ европейскихъ событій найти предлогъ къ ссорѣ съ тѣмъ, кто былъ не въ состояніи защищаться. Потому-то англичане (которыхъ въ 1782 году французскій флотъ, принедавшій на помощь къ своимъ союзникамъ-голландцамъ, прогналъ изъ Тринкемаале) порѣшили въ 1795 году, что настала благоприятная пора овладѣть Цейлономъ, на который они давно уже точили зубы. Въ Галлѣ, Коломбо и Негомбо они раздавили голландцевъ въ такой борьбѣ, гдѣ со стороны англичанъ приходилось пятеро на одного, а затѣмъ мало-по-малу съ помощью своей политики, добросовѣстности коей извѣстна всѣмъ, истребляли разными способами раджей во внутреннихъ странахъ острова. Съ нашествіемъ англичанъ цейлонцы окончательно простились даже и съ тѣсною свободной жизни. Надо было усиленно удобрить

почву, усиленно работать, чтобы наполнить золотом карманы Джонъ-Буля. Сборщикъ податей не церемонится: ничто такъ не развиваеъ кошелекъ какъ палочные удары и истязанія, и цейлонецъ платитъ... «Мнѣ не повѣрятъ, говоритъ Жакольйо, еслибъ я разсказалъ какимъ способомъ нѣкоторые англійскіе чиновники собираютъ подати на Цейлонъ и въ Индію; интересующійся этимъ долженъ прочесть пренія британскаго парламента относительно азіатскихъ колоній за цѣлое столѣтіе: онъ найдетъ тамъ такіа откровенія, какихъ я не осмѣливаюсь передать здѣсь, даже опираясь на авторитетъ Фокса, Шеридана и Борка». Послѣ этого становятся вполне понятны чалнія сингалезовъ своего спасенія отъ отеческой опеки «просвѣщенныхъ мореплавателей» и «всесвѣтныхъ филантроповъ». Непонятно только почему это спасеніе, въ силу ихъ чалнія, должно придти къ нимъ съ Сѣвера отъ блокажураго народа, по магическому слову *благое* магараджи? И кто вложилъ въ нихъ эту чисто стихійную надежду и мысль насчетъ «Сѣвера»? А она тамъ очень давно уже обращается среди народа. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли А. П. Новосильскаго люди знающіе и солидные, конечно только не англичане. Но объ этомъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ нѣсколько позднѣе.

Возвратясь на *Пей-Хо*, мы застали на вершнѣ палубѣ множество торгашей-сингалезовъ, мавровъ, евреевъ и индійцевъ. Одни изъ нихъ продавали очень изящныя шкатулки, ящички, несессеры и вообще различныя точеныя и рѣзныя издѣлія изъ эбеноваго, кокосоваго и сандальнаго дерева; другіе — сосуды изъ скорлупы кокосоваго орѣха, запонки, медальоны и разныя украшенія изъ перламутра, черепахи и слоновой кости, браслеты, кольца и четки изъ зеренъ талипода, прессъ-папье въ видѣ полированныхъ плитокъ изъ слоновыхъ коренныхъ зубовъ; третіе предлагали поугаеивъ и другихъ рѣдкихъ красивыхъ птицъ, живыхъ черепашекъ и жуковъ-великановъ изъ породы оленей и носороговъ, а также обезьянъ-павіановъ, мартишекъ и макаковъ; четвертые показывали мастерски плетенныя изящныя циновки, коробки и корзинки. Евреи соблазнили поддѣльными рубинами и всевозможными драгоценными камнями, которыми Цейлонъ снабжается изъ Лондона, чтобы сбывать ихъ довѣрчивымъ туристамъ въ качествѣ «настоящихъ цейлонскихъ» и «неподдѣльныхъ» драгоценностей. Индійцы развертывали свои ткани, шали, ковры и вышивки по сукну и атласу золотомъ и цвѣтными шелками. Иные сovali вамъ красивые громадныя букеты, другіе предлагали роскошныя тропическіе плоды, между которыми преобладающую роль играли ананасы, гуява, мангу, бананы и фиги. Цѣны при этомъ конечно запрашивались невозможныя, но я долженъ однако замѣтить,

что сингалезы далеко не такъ назойливы, какъ евреи и арабы, а торговаться съ ними, несмотря на первоначальный запросъ, почти не приходится, такъ какъ, по врожденной мягкости и уступчивости своего характера, сингалезъ отдаеъ вамъ вещь съ трехъ, четырехъ словъ, если только вы предлагаете ему мало-мальски подходящую цѣну, а за большимъ барышемъ онъ не гонится; онъ не любостяжатеивъ и не жаденъ.

Борты нашего парохода были обдѣланы дочками этихъ торгашей, и тутъ-то можно было и надивиться, и налюбоваться какими судьбами ухитряются они не только сами по нѣсколько человекъ умѣщаться въ такихъ, невозможно узкихъ и неустойчивыхъ посудинахъ, но еще и привозить съ собою кучу товаровъ.

Въ 10¹/₂ часовъ утра «Пей-Хо» снялся съ якоря, и я навсегда простился съ Пуант-де-Галлемъ.

Сегодня мы отпраздновали день именинъ нашего адмирала, хотя, собственно говоря, этотъ день былъ вчера, и ради именинника заказали повару особенное пирожное. Обѣдали за отдѣльнымъ столомъ одни только мы, русскіе, и поваръ за десертомъ вполне являлъ свое искусство, представивъ намъ цѣлый кіоскъ изъ каменныхъ и засахаренныхъ орѣховъ, увѣнчанный сахарною фигуркой Беллоны съ мечемъ, держащей въ рукѣ высоко поднятый вице-адмиральскій флагъ. Вечеръ провели всѣ вмѣстѣ, своимъ кружкомъ, болтали и немножко пѣли подъ аккомпаниментъ піанино, но шумъ волнъ и стукъ винта таковы, что заглушаютъ звуки, а духота въ каютъ-компани и безъ того заставила вскорѣ прекратить это занятіе.

До самаго вечера съ лѣваго борта видѣлись мягкія очертанія береговъ и отдаленныхъ внутреннихъ горъ Цейлона. Сначала, по выходѣ съ Галльскаго рейда, намъ ясно была видна пѣжелта-бѣлая песчаная полоса, окаймлявшая окраину береговъ; непосредственно надъ ней тянулась зеленая полоса пальмовыхъ лѣсовъ, а надъ ней — синеватыя контуры возвышенностей, въ которыхъ не замѣтно ни одной рѣзкой или зубчатой линіи суровыхъ горъ, съ какими познакомилъ насъ Аденъ. Напротивъ, здѣсь волнистыя линіи идутъ такъ плавно и мягко, что ихъ неровности нельзя даже назвать изломами, а только закругленіями. Иногда встрѣчались у береговъ скалистыя мѣста и рифы, но верхушки и склоны этихъ скалъ всегда покрыты кудрявою зеленою пальмъ и ползучихъ растений, да и самое присутствіе ихъ въ этой зелени обнаруживалось только благодаря хлеставшимъ въ нихъ жемчужно-бѣлымъ бурунамъ, которые у нѣкоторыхъ утесовъ бьютъ очень высоко, достигая даже до вершинъ и разсыпаясь на нихъ радужною пылью. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ невысокіе рифы занимаютъ вдоль береговъ болѣе или менѣе значительное пространство въ длину, брызги

прибор стояли сплошнымъ серебрянымъ туманомъ, который то уляжется на нѣсколько мгновений, то вновь подымается. Дальнія горы, наполняющія внутреннія страны острова, тоже были подернуты дымкой голубовато-серебристаго тумана, какъ и всегда бываетъ здѣсь въ это время года; порой эта дымка начинала все болѣе и болѣе сгущаться, такъ что горы совсѣмъ исчезли въ ней, и казалось будто весь островъ состоитъ изъ громадной низменной плоскости, покрытой сплошнымъ пальмовымъ лѣсомъ; но иногда этотъ туманъ поднимался вверхъ, или вѣтромъ относило его нѣсколько въ сторону, — и тогда изъ-за него, словно изъ-за театральной завѣсы, вдругъ открывались кокетливо мягкія очертанія вершинъ и возвышенностей. Въ одну изъ такихъ благоприятныхъ минутъ предъ нами открылся и пикъ Адама — наивысшая точка Цейлона; но увы! любоваться на него въ бинокли удалось намъ лишь нѣсколько мгновений, такъ какъ досадная пелена тумана опять спустилась на него, подобно театральной завѣсѣ, сокрывъ отъ насъ его конусъ совершенно и уже навсегда... Конечно, я никогда не увижу его болѣе.

Въ началѣ шестого часа дня узкая полоска береговъ Цейлона окончательно исчезла вдали, какъ бы испарилась на нашихъ глазахъ, и снова, плавно покачиваясь, неслись мы среди пустыни вѣчно волнующагося океана..

X.

Въ Малаккскомъ проливѣ.

Наблюдения надъ пассажирами какъ результатъ морской скуки. — Одинъ изъ примѣровъ того, что значить нѣмецкій характеръ. — Нѣмецкіе дамень-оркестры на Востока. — Лунный свѣтъ въ океанѣ. — Какова бываетъ иногда сырость. — Дождливый день. — Входъ въ Малаккскій проливъ. — Берега Суматры. — Холмы и пики. — Посѣвы горнаго риса. — Измѣненіе температуры и колорита въ окружающей природѣ. — Стада дельфиновъ и кашалотовъ. — Картина солнечнаго заката въ тропическомъ морѣ. — Гроза при лунномъ свѣтѣ. — Суматра просившаяся въ русское подданство. — Метеорологическія наблюденія. — Островокъ-игрушка. — Особый типъ малайской лодки. — Одинъ изъ нѣмцевъ вступаетъ въ знакомство съ нами. — Бурная ночь. — Виды Малаккскаго берега. — Слѣды ночной бури. — Морское марево.

4-го августа.

Опять та же морская скука...

Однообразный шумъ волнъ, плескъ случайно набѣжавшаго буруна о бортъ парохода, стукъ и монотонное повизгиванье машины... Вмѣстѣ съ этимъ у насъ какъ-то невольно, сами собою, являются разговоры или, скорѣе, взаимныя мечтанія вслухъ о родинѣ, о срокѣ возвращенія въ Россію и о томъ какимъ путемъ мы будемъ возвращаться. Чтѣ до меня, то я предпочелъ бы возвратный путь чрезъ Сибирь, чтобы хотя нѣсколько познакомиться съ этою страной, которая, несмотря на свой

близкій для насъ интересъ, знакома намъ во многихъ углахъ своихъ едва ли болѣе, чѣмъ внутреннія страны Новой Голландіи или пампасы Южной Америки.

Вмѣстѣ со скукой, и какъ прямой ея результатъ, являются также и наблюденія надъ нѣкоторыми пассажирами и почти невольные разговоры о томъ или другомъ изъ этихъ господъ. Кто чтѣ ни говори, но на этотъ разъ самыми несносными изъ пассажировъ были нѣмцы. Англичанинъ, тотъ въ гордомъ и самодовольномъ сознаніи своего англійскаго превосходства, уткнетъ носъ въ книжку удобнаго карманнаго формата и лежитъ себѣ цѣлый день задрать ноги на своемъ плетеномъ креслѣ, да мнетъ въ зубахъ дымящуюся сигару, а если не читаетъ, то созерцаетъ тусклымъ равнодушнымъ взоромъ однообразную картину моря и молчитъ, — молчитъ во всякомъ случаѣ: онъ скупъ на разговоры даже со своими, а не то что съ посторонними. Онъ скучаетъ «благороднымъ манеромъ», какъ выразился одинъ изъ нашихъ спутниковъ. Ты его не тронь, и онъ тебя не трогаетъ; онъ игнорируетъ все, кромѣ собственнаго комфорта и спокойствія. Англичанинъ вообще имѣетъ то великое преимущество, что его можно не замѣчать, какъ и самъ онъ, по большей части, никого и ничего не замѣчаетъ. Но нѣмецъ, нѣмецъ совсѣмъ иное дѣло. Нѣмецъ назойливо тычется всѣмъ въ глаза и всѣмъ надѣдаетъ. Нѣмцы на нашемъ пароходѣ устроились себѣ особымъ кружкомъ. Въ этомъ, разумеется, нѣтъ ничего дурнаго; свой къ своему на чужбинѣ поневолѣ льется. Но назойничаютъ они главнымъ образомъ своею безцеремонностью относительно всѣхъ остальныхъ пассажировъ, этими нахальными, вызывающими взглядами, которыми окидываютъ всѣхъ и въ особенности французовъ, этими громкими разговорами и спорами между собой, нарушающими общепринятую, ради приличія, тишину на палубѣ и въ каютъ-компаніи, этими своими прикашичками - буршевскими манерами, причѣмъ если одинъ изъ нихъ дастъ другому тычка въ спину или туза по шеѣ, то это считается лишь милою пріятельскою шуткой, и наконецъ болѣе всего надѣдаютъ они этимъ вѣчнымъ славословіемъ своихъ военныхъ подвиговъ и побѣдными гимнами въ честь Мольтке, Бисмарка и проч., гимнами которые они и между собою напѣваютъ, и на пианино наигрываютъ, рѣшительно не желая понять, насколько это неприлично на французскомъ суднѣ.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что при всѣхъ блестящихъ, завидныхъ достоинствахъ германской націи, упоеніе своею побѣдоносностью у отдѣльныхъ лицъ этой національности доходитъ до грубости, до полнаго невѣжества по отношенію къ постороннимъ людямъ, невольно связаннымъ съ ними общностью путе-

шестья. Такъ, напримѣръ, если англичанинъ неподвижно лежитъ въ плетеномъ креслѣ, при-ведя въ горизонтальное положеніе свои ноги, то нѣмецъ, лежа въ такомъ же креслѣ, непремѣнно раскинется и даже раскорчится до неприличія, несмотря на то, что тутъ же, въ пяти шагахъ отъ него сидятъ дамы. Правда, объясняется это жарой; но отъ жары и другіе страдаютъ не менѣе, однакоже держать себя прилично. Нѣтъ, принимая на своей лежалкѣ самыя расхлестанныя позы, допускаемыя свободно развѣ въ банѣ, онъ какъ будто хочетъ сказать этимъ: «чортъ васъ побери, я побѣдоносный нѣмецъ и потому плевать!» Это однако еще не все. Чуть пробьетъ восемь часовъ вечера, нѣмцы выходятъ въ какую-компанію и на палубу въ самыхъ легкихъ спальныхъ костюмахъ и наслаждаются вечернею прохладой, опять-таки задравъ кверху ноги, или начинають прогуливаться въ своихъ патжамахъ и халатахъ мимо тутъ же сидящихъ дамъ, причѣмъ ихъ ни мало не смущаетъ если порывъ вѣтра распахнетъ полы халата и обнаружитъ нѣкоторыя принадлежности непоказнаго туалета. Воображаю, какъ это должно коробить въ душѣ нашихъ дамъ и въ особенности англичанокъ.

У этихъ нѣмцевъ есть еще одна страсть: показывать свои костюмы. Болѣе половины ихъ кружка безо всякой надобности перемѣняютъ свое платье раза по три, по четыре въ день, словно желая похвастаться богатствомъ и разнообразіемъ своего гардероба. Не думаю, чтобы въ этихъ безпрестанныхъ перемѣнахъ костюма играла какую либо роль гигиеническая потребность и вообще что-либо кромѣ флистерскаго щегольства и тупаго тщеславія, потому что ни французы, ни мы, ни даже чопорные англичане, словомъ, никто не находитъ нужнымъ мѣнять подобнымъ образомъ свои костюмы, а тѣмъ менѣе щеголять въ халатахъ предъ дамами. Мы, «сѣверные варвары», надо отдать себѣ справедливость, въ этомъ отношеніи являемся безукоризненнѣе всѣхъ: мы находимъ вполне возможнымъ обходиться въ публикѣ безъ патжамовъ и халатовъ, оставаясь съ утра до поздняго вечера вполне одѣтыми, какъ того требуетъ приличіе, а также довольствуемся общепринятымъ способомъ сидѣнія на стульяхъ и скамейкахъ, не увеличивая своего комфорта задираніемъ ногъ. О раскидываніи побѣдныхъ гимновъ нечего и говорить, такъ какъ россияне вообще склонны скорѣе къ самооплеванію, чѣмъ къ самовосхваденію, и надо замѣтить, что скромность нашего поведенія не осталась безъ воздѣйствія и на другихъ. Такъ нѣкоторые изъ англичанъ (хотя разумѣется не всѣ), замѣтивъ что русскіе никогда не позволяютъ себѣ въ присутствіи дамъ ни одной мало-мальски небрежной позы и сами перестали валяться и заламывать кверху ноги. Но нѣмцы... Ахъ, эти нѣм-

цы!.. Имъ хоть колъ на головѣ теши, а они все свое «Was ist des Deutschen Vaterland...» Одавѣвъ изъ этимъ нѣмцевъ имѣлъ торговый дѣла въ Боливіи. При объявленіи войны съ Чилийскою республикой, всѣ европейцы, не принявшіе боливійскаго подданства, получили отъ высшей мѣстной власти приказъ покинуть страну въ 24 часа. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ нашъ нѣмецъ. Въ числѣ прочихъ, разумѣется, пришлось выгнать и ему, покинуть на произволъ судьбы свой домъ и всѣ свои дѣла и коммерческія предпріятія. Онъ ухлялъ въ Европу, гдѣ удалось ему законтрактоваться на должность прикащика въ одномъ изъ нѣмецкихъ торговыхъ домовъ въ Гонконгѣ. На пути къ Гонконгу, на одномъ пароходѣ съ нами, онъ неожиданно застаётъ въ Аденѣ телеграмму на свое имя изъ Боливіи, съ извѣщеніемъ что имущество его цѣло и всѣ дѣла, благодаря содѣйствію боливійскихъ друзей и властей, сохраняются въ наилучшемъ порядкѣ. Обрадованный нѣмецъ вновь почувствовалъ себя счастливымъ человѣкомъ; тѣмъ не менѣе, онъ находится теперь въ крайнемъ затрудненіи, какъ быть съ Гонконгомъ. Приходится платить неустойку, и онъ не придумалъ еще какимъ бы образомъ отъ нея избавиться. Но замѣтательно чѣмъ выразилось его довольство по поводу столь счастливаго оборота обстоятельствъ. До самаго Адена онъ ходилъ въ очень скромномъ, хотя совершенно приличномъ жакетѣ, а съ Адена вдругъ пошла перемѣна декорацій, и теперь нашъ счастливый нѣмецъ чуть ли не чаще и не ироничнѣе всѣхъ остальныхъ своихъ соотечественниковъ мѣняетъ свои костюмы, галстуки и головные уборы. Даже на вечернемъ бархатномъ беретѣ его вдругъ появилась шелковая кисть, которой до Адена не было.

— Вотъ чѣмъ выразилась его радость по поводу возвращеннаго благосостоянія, именно этою шелковою кистью, — замѣтилъ шутя В. С. Кудринъ.

— Какъ знать! — возразилъ на это М. А. Поджіо: — быть можетъ онъ сорвалъ ее въ минуту отчаянія и потому поспѣшилъ пришить ее въ минуту радости.

Но, шутки въ сторону, эти нѣмцы, съ ихъ настойчивою энергіей и предприимчивостью, а главное, съ ихъ выдержкой достойны уваженія и... *подражанія*, сказалъ бы я, еслибы русскій человѣкъ способенъ былъ въ чемъ-либо подражать нѣмцу, кромѣ его канцелярищины, да кантиковъ и петличекъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ самый многокостюмный нѣмецъ. Ему едва перевалило за тридцать лѣтъ, онъ еще молодой человѣкъ, даже жениться не успѣлъ (ибо приберегаетъ сіе подъ старость). Въ родной Германіи отбывъ онъ свою воинскую повинность, уволень въ запасъ унтеръ-офицеромъ и тотчасъ же съ вѣсколыми сотнями марокъ въ карманѣ (что составляло все его наследственное и,

частью, благопріобрѣтенное состояніе) пускается себѣ, ничтоже сумняся, въ какія-то невѣдомыя страны, въ Колумбію и Боливію, начинаетъ тамъ торговую дѣятельность, сначала въ качествѣ прикащика, потомъ, пригляdvшись къ дѣлу, пытается взяться за него и самостоятелно, «по маленькой», а потомъ все больше и больше; дѣлаетъ себѣ, относительно, въ короткій срокъ хорошее состояніе и... неожиданно прогораетъ, то-есть, повидимому, долженъ бы былъ прогорѣть, благодаря мѣстнымъ политическимъ обстоятельствамъ, а потому, основываясь на простой логикѣ, считаетъ себя прогорѣвшимъ. Но это не приводитъ его въ отчаяніе; напротивъ, заручившись въ отечествѣ новымъ, хотя и очень скромнымъ мѣстомъ, онъ снова пускается «въ невѣдомый путь», голько уже не на крайній Западъ, а на крайній Востокъ, и опять начинаетъ *с началъ*, то-есть со скромнаго положенія прикащика, ни на минуту не теряя бодрости и надежды на лучшую будущность. Я желалъ бы видѣть русскаго (истинно-русскаго, а не русско-подданнаго) человѣка, который въ годы полныя силъ пустился бы, не говорю уже въ какую-нибудь Боливію или Перу, а хотя бы на наши русскія дальнія окраины съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать себѣ тамъ состояніе путемъ коммерческаго или промышленнаго труда и осуществилъ бы это намѣреніе на дѣлѣ... Такихъ вы назовете у насъ дватри имени, не болѣе. Правда, было время, которое кажется и до сихъ поръ не совсѣмъ-то кончилось, когда наши идеалисты «свободнаго труда» пускались на авось въ Сѣверо-Американскіе Штаты; но кому неизвѣстна жалкая судьба ихъ и то несчастное существованіе, какое влчатъ эти люди въ Америкѣ!

Я вотъ сейчасъ чуть не гимнъ воспѣлъ въ честь нѣмецкой энергіи и характера, да тутъ же и раздумался, вспоминая что читалъ, не далѣе какъ вчера вечеромъ у Жакольйо, про «бѣлокуроухъ дщерей сѣверной Германіи», эмигрирующихъ на Востокъ ради профессиональной проституціи, «не мѣшающей имъ мечтать о Фрицахъ, Гансахъ и Карлахъ, къ которымъ онѣ возвратятся чрезъ нѣсколько лѣтъ *съ сердцемъ оставшимся чистымъ, такъ какъ онѣ сумѣли предохранить его метафизическимъ тылеснаго растлѣнія*». Это у Жакольйо, въ самомъ дѣлѣ, тонко подмѣчено. Онъ рассказываетъ про «бѣлокуроухъ дщерей» сѣверной Германіи; я же позволю себѣ въ рѣпандъ къ этому рассказать о другой весьма характерной профессіи, въ коей упражняются тоже «бѣлокуроухы дщери Германіи», но только не сѣверной, а южной, преимущественно изъ Швабіи. Я говорю о *дамень-оркестрахъ*. Еще во время стоянки нашихъ войскъ подъ стѣнами Константинополя впервые познакомился

я въ Санъ-Стефано съ тѣмъ, что называется «ein deutsches Damen-Orches'tet» (не *Frauen*, а именно *Damen*, такъ оно и въ афишахъ значится). Это есть собраніе доброй дюжины, или около того, швабскихъ (нѣнскихъ, чешскихъ и тирольскихъ) дѣвицъ изъ которыхъ однѣ играютъ на скрипичахъ, другія на тромбонахъ, третьи на барабанахъ. Честь играть на турецкомъ и на обыкновенномъ барабанѣ всегда и во всѣхъ дамень-оркестрахъ принадлежитъ исключительно дѣвицамъ, и лишь инструменты задняго плана, какъ контрабасы и большія мѣдныя трубы, предоставляются мужчинамъ, этимъ, по-истинѣ, шаріамъ дамскихъ музыкальных артелей, которые только терпимы въ нихъ по необходимости, ибо дамы почему-то не любятъ пилить на контрабасахъ. Но мужчины и не играютъ тутъ никакой выдающейся роли. Это почти все пожилой и очень скромный народъ, прячущійся въ сосредоточенной меланхоліи на заднихъ скамейкахъ; переднія же и боковыя мѣста, какъ болѣе видныя, принадлежатъ исключительно артистическимъ дѣвицамъ, дабы доставить имъ возможность всегда быть на виду у публики, сгрѣблять глазами и являть въ полномъ блескѣ какъ свое искусство, такъ и еще болѣе свои прелести. Начиная отъ Рунука и продолжая Константинополемъ, Смирной, Александріей, Суэзомъ, Аденомъ и далѣе, какъ увѣряютъ, до Йокотамы, съ одной стороны, и до Мельбурна, съ другой, почти нѣтъ того порта, гдѣ не было бы своего нѣмецкаго *дамъ-оркестра*. Эти юныя Швабки, часто едва достигнувъ семнадцати лѣтъ и научившись кое-какъ пилить на скрипичѣ или трещать на барабанѣ, бросаютъ свою родину и семью, чтобъ отправиться куда-нибудь на край свѣта, за тридцать земель, съ цѣлью дѣлать себѣ посредствомъ музыки по разнымъ кафешантанамъ «карьеру и приданое». На видъ онѣ держатъ себя довольно скромно, и послѣ каждаго двухъ подъ рядъ сыгранныхъ пьесъ, одна изъ болѣе привлекательныхъ дѣвицъ, по очереди съ другими болѣе или менѣе привлекательными подругами, сходитъ съ эстрады съ тарелочкой или съ тетрадкой нотъ въ рукахъ и начинаетъ обходить всю публику, собирая съ нея усиленную ленту. Весь этотъ вечеровой сборъ поступаетъ въ общую кассу и ежемѣсячно дѣлится между членами артели не поровну, а смотря по степени ихъ важности, красоты или полезности. Бываетъ нерѣдко, что нѣкоторые изъ публики влюбляются въ этихъ юныхъ артистокъ до безумія, что и понятно на Востокѣ при недостаткѣ тамъ европейскихъ женщинъ, а влюбившись иной предлагаетъ вѣнстъ съ сердцемъ и свою руку, или же начинаетъ какъ азартный игрокъ тратиться «во всю» на подарки, въ надеждѣ купить себѣ наконецъ неподатливое сердце

какой-нибудь *viola-прима* или турецкаго барабана. Въ первомъ случаѣ вопросъ разрѣшается просто и коротко: карьера сдѣлана, и турецкій барабанъ, вавѣсивъ предварительно всѣ шансы, стоитъ или не стоитъ ему выходить замужъ за такого-то, рѣшаетъ въ случаѣ подходящихъ условій положительнымъ «да»; тогда осиротѣвшій инструментъ переходитъ къ новой кандидаткѣ, а нѣжная ручка прежней его обладательницы, привыкшая выколачивать *dumt-bumt* на собачьей шкурѣ барабана, нерѣдко продолжаетъ то же полезное упражненіе на щекахъ или спинѣ своего супруга. Во второмъ же случаѣ, когда законный бракъ почему-либо невозможенъ, *виоля-прима*, сколь бы ни нравился ей самой ея обожатель, никогда не поступитъ относительно своихъ чувствъ и влеченій неосмотрительно, съ опрометчивою поспѣшностью. Она прежде разъ десять примѣритъ чѣмъ одинъ отрѣжетъ; она постарается высосать изъ обожателя все что можно и затѣмъ, по большей части, оставить его въ дуракахъ, при несбывшихся надеждахъ, ибо никогда не забываетъ, что ей прежде всего требуется сдѣлать себѣ карьеру и приданое, а если ужъ рѣшается «пожертвовать» собою, то не иначе какъ за хороший кушъ, котораго сразу хватить ей на полное «приданое», тѣмъ болѣе что эти артистки не выходятъ изъ предѣловъ скромности въ предполагаемыхъ и желаемыхъ цифрахъ сего приданого. Отъ трехъ до пяти тысячъ гульденовъ, это ихъ желаемый предѣлъ; а десять, о! десять тысячъ это уже идеаль, до котораго, впрочемъ, нынѣ и достигаютъ, сколачивая себѣ такой кушъ не сразу конечно, а съ благоразумною постепенностью, откладывая «маленькія сбереженія» отъ каждаго новаго «самопожертвованія». Такимъ образомъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бродячаго кафе-шантаннаго существованія, вдосталь покочевавъ отъ Александрии до Адена, а то и дальше, *виоля-прима* скажетъ наконецъ сама себѣ «jetzt ist genug!», она выйдетъ изъ музыкальной артели и возвращается на родину, въ объятія своихъ «бѣдныхъ но честныхъ» родителей, и стыдливо отдаетъ свою руку давно поджидавшему ее жениху, ради котораго собственно и кочевала она по бѣлу свѣту, съ цѣлью принести ему на разжигу и въ основаніе будущаго супружескаго счастья свои «маленькія сбереженія». Она всегда, всегда любила этого жениха; за все время ея артистическихъ скитаній воспоминаніе о немъ не покидало ея сердца, но... для того чтобъ онъ могъ жениться, ему нужно принести маленькое приданое, на которое онъ откроетъ какое-нибудь торговое или ремесленное заведеніе и заживетъ самъ хозяйномъ со своею «gnädige Frau». И онъ очень хорошо знаетъ ради чего собственно его «Geliebte» отъ-

ѣзжаетъ въ дальнія страны, но по ея возвращеніи, видя что вернулась она не съ пустыми руками, онъ благоразумно не интересуется остальнымъ, получаетъ приданое, женится, и новая нѣмецкая счастливая пара начинаетъ плодиться и множиться.

Вхатъ Богъ-вѣсть куда, обречь себя на нѣсколько лѣтъ чисто собачьяго существованія и все лишь затѣмъ, чтобы добиться «маленькаго приданого и супружеской карьеры», на это, какъ хотите, нужно много энергіи и силы воли. Это тоже *характеръ*, знающій куда онъ идетъ и чего хочетъ. Все это такъ, но только... что же въ этомъ хорошаго?..

Нѣтъ, Богъ съ ними совѣмъ!.. Не пожелаю я для русской женщины ни такой «карьеры», ни такого «характера».

Явленія фосфоричности совѣмъ не замѣчается болѣе въ океанѣ. За то сегодня картина луннаго свѣта великолѣпна. Водный горизонтъ вдали словно весь залитъ растопленнымъ золотомъ, и столбъ луннаго отраженія на волнахъ ложится зыблущимися блестками чрезъ все видимое пространство водъ, отъ горизонта почти до самаго борта. Не оторвался бы отъ этой картины, такъ хорошо!

5-го августа.

Проснулись—солнца нѣтъ, небо все въ тучахъ, совѣмъ осеннее. Въ воздухѣ насквозь проникающая сырость. Иллюминаторы закрыты, но сырость эта проникаетъ повсюду, въ коридоры и каюты и такъ она сильна, что настѣнное зеркало въ нашей каютѣ, сколько ни протираю я его полотенцемъ, безпрестанно покрывается крупнымъ потомъ. Бѣлье, платье, бумаги и книги, все это пропитано сыростью. Одѣваешься во все мокрое. Еще на разсвѣтѣ шелъ мелкій дождь, который съ девяти часовъ утра превратился въ тропическій ливень и продолжался до полудня, затѣмъ пересталъ, но небо оставалось покрыто сплошными тучами до вечера, когда изъ-за громадныхъ разорвавшихся облаковъ стала порой проглядывать луна. Капитанъ опасается какъ бы и завтра не было дождя, потому что если туманъ или дождевое прясло застелетъ горизонтъ, то намъ, не видя береговъ, невозможно будетъ войти въ Малаккскій проливъ и придется, быть-можетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ пролива, ожидать когда прояснятся погода, а такое ожиданіе можетъ продлиться и нѣсколько сутокъ если капитанъ не вздумаетъ идти на авось, рискуя посадить судно на рифы, которыхъ здѣсь такъ-достаточно. Уже и теперь у насъ значительно уменьшили пары и убрали паруса. Изъ предосторожности подви-гаемся черепашнымъ ходомъ.

6-го августа.

Около семи часовъ утра, при пасмурной, но слава Богу не туманной погодѣ, впереди стали тускло обрисовываться берега Суматры, а спустя два съ половиной часа «Пей-Хо» благополучно вступилъ въ Малаккскій проливъ. Коонецъ океану!

Справа видѣлись одинъ за другимъ два скалистые рифа, похожіе издали (въ особенности передній) на развалины какихъ-то храмовъ съ башнями, колоннами и шатровиднымъ куполомъ. Они предшествуютъ сѣверо-западной оконечности Суматры, материкъ которой находится отъ нихъ въ разстояніи не болѣе двухъ-трехъ кабельтовоу. Здѣсь расположенъ городъ Ачинъ, котораго, впрочемъ, за скалами и легкимъ туманомъ не могли мы разглядѣть. При входѣ встрѣчается довольно значительное теченіе изъ пролива, сила коего, по наблюденіямъ нашего капитана, равняется тремъ узламъ въ часъ. На одномъ изъ выступовъ возвышеннаго берега бѣдетъ высокая башня голландскаго маяка и при немъ нѣсколько бѣлыхъ каменныхъ домиковъ, а на вершинѣ сосѣдняго холмика—чей-то могильный мавзолей съ полусферическимъ куполомъ, въ обыкновенномъ мусульманскомъ стилѣ. Съ лѣвой стороны отъ насъ видны два острова, на обыкновенныхъ картахъ не обозначенные; тѣмъ не менѣе размеры ближайшаго изъ нихъ довольно крупны. Оба они съ окрайки берега и до самой макушки покрыты роскошнѣйшею растительностью, которая сплошь кудрявится по ихъ склонамъ, какъ мерлушка; но ни тотъ, ни другой, кажись, не обитаемы. Суматра покрыта точно такою же растительностью. Силуэтъ этого острова представляется въ видѣ непрерывнаго ряда холмовъ разнообразныхъ очертаній, то пологихъ и волнисто мягкихъ въ линіяхъ своихъ изломовъ, то иззубренныхъ, то коническихъ; но всѣ они сплошь поросли тропическими лѣсами. Въ глубинѣ острова, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, синѣютъ два коническіе пика, вершины коихъ вырѣзываются въ небѣ изъ-за грядъ облаковъ, охватившихъ ребра этихъ гигантовъ на половинѣ ихъ высоты. Дальнѣйшій пикъ кажется выше и коничѣе перваго. Общій видъ на Суматру съ моря широкъ и картиненъ. Жаль что нѣтъ солнца: въ туманѣ скрывается отъ насъ множество интереснѣйшихъ деталей. Вотъ открылся было и третій пикъ, но чрезъ нѣсколько минутъ его совсѣмъ закутало густыми, изсиня-бѣлыми облаками.

Плывемъ далѣе вдоль береговъ Суматры, въ разстояніи отъ нихъ около пяти миль. Прибрежная всхолмленная полоса покрыта частію лѣсами, частію кустарникомъ, но чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ все чаще начинаютъ встрѣчаться холмы, покрытые только травой буро-желтаго

цвѣта, словно она уже выжжена солнцемъ; лишь на болѣе возвышенныхъ или затѣненныхъ мѣстахъ видны блѣдно-зеленыя полосы посѣвовъ. Это такъ называемый суходольный или горный рисъ, составляющій растительную особенность именно Суматры. Культура горнаго риса не требуетъ предварительнаго превращенія нивы въ болото, ни предварительной расады рисовыхъ ростковъ. Такъ какъ дожди выпадаютъ здѣсь круглый годъ и только съ апрѣля по июль устанавливаются болѣе сухіе дни, то этимъ временемъ земледѣльцы пользуются, чтобы разрыхлить деревянными мотыками почву, достаточно размыченную предшествовавшими дождями, и сѣютъ горный рисъ такимъ же способомъ, какъ ячмень и пшеницу. Горный рисъ родитъ только самъ-тридцать, достигая иногда до самъ-сорока, тогда какъ культивированный при посредствѣ искусственнаго орошенія приноситъ не менѣе какъ самъ-пятьдесятъ; но за то горный или суходольный способъ гораздо проще, не требуетъ такихъ хлопотъ и ухода, да и не такъ вреденъ для здоровья въ странѣ, гдѣ злокачественныя болотныя или такъ-называемыя «рисовыя» лихорадки уносятъ столько жизней среди земледѣловъ.

Въ проливѣ полный штиль, качки ни малѣйшей. Солнце скрыто за сплошнымъ туманомъ, задернувшимъ все небо въ зенитѣ, но жаръ его все же чувствителенъ. Несмотря на легкій вѣтерокъ, стало значительно жарче, чѣмъ въ океанѣ, гдѣ мы чувствовали себя въ прекрасной умѣренной температурѣ, и не будь тамъ порою такой всепроницающей сырости, какъ вчера, лучшаго и желать бы не надо. Цвѣтъ воды въ Малаккскомъ проливѣ пока еще синій, но при отраженіи этого неба, закутаннаго дымкой тумана, поверхность воды приняла, на взглядъ очень пріятный, мягкій, сѣро-перловый цвѣтъ. Вообще колоритъ небесъ, облаковъ и моря напоминаетъ сегодня наши сѣверныя краски, какими вы можете любоваться и на Финскомъ заливѣ.

Опять появились дельфины, рѣзвость которыхъ доходила порой до того, что иные изъ нихъ совсѣмъ выпрыгивали изъ воды и, описавъ въ воздухѣ небольшую пологую дугу, ныряли внизъ головой. Часъ спустя, вѣтло отъ нашего парохода въ разстояніи менѣе версты, появилось громадное стадо кашалотовъ. Эти «чудища облаы, огромны, озорны» въ своей охотѣ за стаями мелкой рыбы, производили очень оживленные маневры и выставляли иногда надъ поверхностью воды свои массивныя черныя спины. На пространствѣ, занятомъ кашалотами, безпрестанно иѣнились бѣлые «барашки», тогда какъ надъ остальными водами царилъ лѣнивый покой полного штиля. Около четырехъ часовъ дня опять появились стаи летучихъ рыбокъ, улетавшихъ чуть не изъ-подъ бортовъ парохода.

Сегодня я въ первый разъ имѣлъ случай любоваться дивною картиной солнечнаго заката въ тропическомъ морѣ.

Я замѣчалъ доселѣ, что въ открытомъ океанѣ краски заката блѣдны и монотонны, что въ нихъ есть нѣчто какъ бы мертвенное, тусклое (впрочемъ быть-можетъ это только въ теперешнюю пору года). Впервые въ тропическихъ широтахъ пришлось мнѣ увидѣть въ закатѣ краски, болѣе яркія и разнообразныя чѣмъ прежде, только 3-го августа, когда мы прошли мимо Цейлона, оставивъ его на западѣ, за собою. Но это все же было не то, что сегодня. Доводилось мнѣ на своемъ вѣку видывать закаты и среди скалъ Финляндіи, и во многихъ полосахъ Европейской Россіи, и въ степяхъ Молдавіи, и на Балканахъ, и на Босфорѣ, и всѣ эти закаты, каждый самъ по себѣ, были очень красивы, но прелестная и оригинальная картина заката въ Малаккскомъ проливѣ, на мой взглядъ, превосходитъ все видѣнное мною доселѣ. Описать ее во всей ея чудной прелести очень трудно, почти невозможно. Эти дивныя, почти неуловимыя переливы самыхъ нѣжныхъ и самыхъ густыхъ тоновъ могла бы схватить и перенести на полностью развѣ кисть Айвазовскаго..

— Вѣдь напиши все это художникъ, — замѣтилъ любясь на этотъ закатъ докторъ Кудринъ, — на Сѣверѣ никто не повѣритъ ему! Скажутъ: вретъ, фантазируетъ!

И точно: представьте себѣ массивы облаковъ различной плотности, отъ самыхъ густыхъ, почти непроницаемыхъ солнечными лучами, до самыхъ эфирныхъ и тонкихъ, какъ дымка легкаго вуала, которые насквозь пропитаны солнцемъ. Однѣ изъ этихъ облачныхъ массъ ложатся вдоль горизонта то прямыми, то волнистыми, то клубковатыми полосами съ широкими и узкими просвѣтами; другія же массы, клубясь въ самыхъ прихотливыхъ очертаніяхъ, поднимаются вверхъ изъ-за черты моря въ перпендикулярномъ къ ней направленіи, словно балли какихъ-то фантастическихъ развалинъ, и все это какъ бы таеъ, насквозь пропитанное горячими косыми лучами. Представьте себѣ цѣлую вереницу воздушныхъ перспективъ, образуемыхъ грядями этихъ облаковъ, лежащими одна за другою и окрашенными во всевозможные оттѣнки цвѣтовъ, начиная съ густаго изъбра-фіолетоваго и сѣро-синяго и переходя затѣмъ къ пурпурнымъ, дымчато-розовымъ, золотисто-желтымъ и къ растопленному золоту на окраинахъ до блѣдно-палевыхъ и блѣдно-зеленоватыхъ тоновъ въ самомъ небѣ, которое проглядываетъ мѣстами въ дырѣя и щели между облаками. И все это въ самыхъ фантастическихъ причудливыхъ формахъ, гдѣ воображеніе ваше легко нарисуетъ цѣлыя озера, заливы, рѣки, берега, долины и горы, и рядомъ гигантскіе силуэты формъ какихъ-то животныхъ, верблюдовъ, слоновъ и птицъ съ распростертыми

крыльями, склоненныхъ и какъ бы молящихся людей въ монашескихъ капюшонахъ... Всѣ эти вереницы кудравыхъ клубовъ и продлинноватыхъ полосъ, рисуясь однѣ на другихъ, ежеминутно мѣняютъ свою окраску, переливаясь и играя всѣми цвѣтами радуги, а подъ ними вырѣзываются очертанія береговъ и возвышенностей Суматры, точно такъ-же залитыхъ свѣтомъ заката. Онѣ то блещутъ, то мѣются въ золотѣ и пурпурѣ, мѣняя свою свѣтлую окраску, словно гигантскіе опалы, вынырнувшіе изъ глубины океана. И отраженіе всѣхъ этихъ красокъ перламутромъ играетъ на стеклистой поверхности моря.

А въ то же время на югѣ скопляются массы облаковъ другого характера. Онѣ собираются тамъ надъ самою Суматрой, надъ внутреннею частью страны. Надземная нижняя полоса ихъ, густо слилась въ одну тяжелую, сплошную темно-синюю тучу холодноватаго тона, а верхи клубятся гигантскими группами жемчужно-сѣраго и бѣлаго цвѣта, и только крайки ихъ, обращенныя къ западу, слегка румянятся розоватымъ отливомъ. Здѣсь, въ этихъ южныхъ тучахъ, гуляетъ гроза: поминутно разсѣкаются онѣ и вдоль и поперекъ голубовато-зелеными молніями, яркій блескъ которыхъ гаситъ на мгновеніе краски заката, но послѣ того онѣ выступаютъ снова еще привлекательнѣе. Это явленіе продолжалось около получаса; затѣмъ переливы свѣтовыхъ тоновъ стали слабѣть и краски сгущаться, потомъ тускнѣть и наконецъ блекнуть, а молніи на югѣ все болѣе и болѣе черкали и раздирали своими стрѣлами темно-синій фонъ грозовыхъ тучъ, сверкая все ярче и ярче. И едва-солнце скрылось за чертою водъ, какъ въ вышинѣ, на юго-восточной сторонѣ неба, появилась полная луна и залила всю эту картину своимъ холоднымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Одновременный эффектъ луннаго свѣта и этихъ молній былъ необычайно красивъ, и его уже едва ли въ состояніи была бы перенести на полностью кисть самаго гениальнаго художника. Я долго не могъ оторваться отъ этой дивной картины.

Проходя мимо Суматры, не излишне будетъ сообщить моимъ соотечественникамъ, что могущество русской державы въ средѣ мѣстнаго населенія этого острова, повидимому, пользуется большимъ обаяніемъ. Полагаю, вамъ не безынтересно будетъ узнать, что не далѣе, какъ годъ тому назадъ *) Россія легко могла бы, если бы только захотѣла, сдѣлать себѣ роскошное приобрѣтеніе въ экваторіальныхъ странахъ по южную сторону Индіи, такъ какъ населенія Суматры просили особою петиціей принять ихъ въ русское подданство.

Теперь уже это дѣло прошлое и покончен-

*) Писано въ 1880 году.

ное, а потому нѣтъ причины, чтобъ, оно оставалось долѣе подъ покровомъ канцелярской тайны. Вотъ какъ это случилось:

Въ концѣ ноября и въ декабрѣ 1878 года клиперъ «Всадникъ», состоявшій въ то время подъ командой капитана 1-го ранга Андрея Павловича Новосильскаго, находился въ теченіе около трехъ недѣль въ Пенангѣ (портъ на западномъ берегу Малаккского полуострова, противъ Суматры) для нѣкоторыхъ исправленийъ на суднѣ. 4-го декабря на бортъ «Всадника» явилось нѣсколько человѣкъ азіатовъ, одѣтыхъ весьма богато въ свои живописные парадные костюмы. Судя по виду, это все были люди очень солидные, сановитые, съ умными и выразительными лицами. На вопросъ вахтеннаго офицера: чтó имъ угодно, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ по-англійски, что они имѣютъ надобность переговорить непосредственно съ самимъ командиромъ судна. Будучи приняты въ капитанской каютѣ, люди эти заявили капитану Новосильскому, что желаютъ говорить съ нимъ совершенно секретно, по дѣлу громаднаго для нихъ значенія. Андрей Павловичъ отвѣчалъ, что готовъ выслушать и что они могутъ высказаться, не опасаясь ни за какую нескромность. Тогда гости объявили, что они уполномоченные посланцы султана ачинскаго, который поручилъ имъ нѣкое дѣло государственной важности. Затѣмъ разказали что народъ ачинскій и сосѣднія съ нимъ племена доведены до отчаяннаго положенія, но что, истощаясь въ военной борьбѣ съ голландцами, они ни подъ какимъ видомъ не хотятъ покориться ихъ тяжкому и суровому владычеству; что берега ихъ острова находятся въ тѣсной блокадѣ со стороны голландскихъ крейсеровъ, вслѣдствіе чего подвозъ оружія и военныхъ запасовъ становится невозможнымъ, но, несмотря на все это, ачинцы рѣшились скорѣе погибнуть всѣ до послѣдняго съ однимъ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ счесть себя побѣжденными. А потому, пользуясь пребываніемъ въ Пенангѣ русскаго военнаго судна, ихъ султанъ и сосѣдніе съ нимъ владѣтельные князья рѣшились наконецъ привести въ исполненіе планъ, давно ими задуманный и пользующійся на всемъ островѣ, а въ Ачинѣ въ особенности, большою популярностію, — именно: ходатайствовать предъ престоломъ великаго Бѣлаго царя о принятіи ихъ подъ непосредственное покровительство всемогущей русской державы. При этомъ они завѣряли, что если Бѣлый царь отнесется къ сему ходатайству благосклонно, то вслѣдъ за Ачиномъ вся Суматра съ радостью отдастся «подъ сѣнь его высокой руки». Они умоляли Новосильскаго не отказать ихъ просьбѣ принята на себя передачу ходатайства ихъ султана и князей къ подножію русскаго престола, такъ какъ снаряжать особое посольство въ Петербургъ ни султанъ ачинскій, ни другіе

владѣтели при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ не имѣютъ возможности.

Выслушавъ столь неожиданное заявленіе, А. П. Новосильскій почувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны, думалось ему, не становится ли онъ жертвой какой-нибудь мистификаціи, такъ какъ гдѣ же видано въ самомъ дѣлѣ, чтобы подданство цѣлаго султаната съ трехмилліоннымъ населеніемъ и съ перспективой присоединенія затѣмъ громаднаго острова съ 19 милліонами населенія, предлагалось подобнымъ образомъ! Но съ другой стороны, видя такую серьезность и настоятельность просьбы, а также важность возлагаемаго на него порученія, сопряженнаго съ облегченіемъ участи трехъ милліоновъ людей и съ добровольнымъ присоединеніемъ къ Россіи одной изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ, онъ не счелъ себя въ правѣ отвітить этимъ людямъ безусловнымъ отказомъ.

— Мы знаемъ, что вы въ войнѣ съ голландцами, — сказалъ имъ между прочимъ Новосильскій; — но если вамъ въ самомъ дѣлѣ пришлось уже такъ плохо, отчего же вы не обратились за протекторатомъ къ англичанамъ?

— Къ англичанамъ?! — весь востепенувшись выпучилъ на него глаза объяснявшійся ачинецъ. — Къ англичанамъ?!

— Ну да, къ англичанамъ. Они же къ вамъ гораздо ближе и вы ихъ хорошо знаете. Чтó это васъ такъ удивляетъ?

— О, да!.. Конечно, мы ихъ знаемъ! мы даже хорошо ихъ знаемъ!.. Но вѣдь это все равно, какъ еслибы мы обратились за помощью къ голландцамъ. Англичане быть-можетъ и помогли бы намъ, но они будутъ такіе же, какъ и голландцы, если не хуже... Нѣтъ, избави насъ Богъ отъ тѣхъ и отъ другихъ!.. Ни къ кому и ни подъ кого, только подъ руку русскаго императора! — рѣшительно добавилъ онъ убѣжденнымъ и вѣскимъ тономъ.

Подумавъ какимъ бы образомъ удобнѣе перевести это дѣло на практическую почву, Новосильскій предложилъ посланцамъ приложить къ петиціи англійскій переводъ ея текста, скрѣпить то и другое именными печатами султана ачинскаго и всѣхъ прочихъ владѣтельныхъ князей Суматры и переслать на его имя до востребованія въ Неаполь. На все это онъ далъ имъ трехмѣсячный срокъ, такъ какъ рассчитывалъ къ марту мѣсяцу быть со своимъ клиперомъ на неаполитанскомъ рейдѣ. При этомъ было условлено, что какой бы оборотъ ни получило дѣло въ Петербургѣ, онъ увѣдомитъ о его результатѣ проживающаго въ Пенангѣ агента султана ачинскаго (бывшаго въ числѣ уполномоченныхъ) условною телеграммой.

Къ назначенному сроку петиція была прислана въ Неаполь, и А. П. Новосильскій представилъ ее при рапортѣ по начальству, для передачи въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

По прошествии некоторого времени ему было отвѣчено, что прошеніе султана Ачинскаго и прочихъ не можетъ быть принято во вниманіе, такъ какъ Россія находится съ Голландіей въ дружественныхъ отношеніяхъ. Тогда Новосильскій телеграммой на имя султанскаго агента отвѣтилъ, какъ было условлено, двумя словами: «No chance» (нейдетъ), и на томъ дѣло было покончено ¹⁾.

7-го августа.

Сегодня капитанъ сообщилъ намъ бюллетень метеорологическихъ наблюдений на суднѣ съ 30-го іюля по 6-е августа. Результаты выражены дробями, причемъ барометрическія данныя находятся на мѣстѣ числителя, а термометрическія (по Реомюру) на мѣстѣ знаменателя. Вотъ эта таблица:

	Полд.	Полн.
30 іюля (11 августа)	$\frac{764}{30}$	$\frac{763}{29}$
31 іюля (12 августа)	$\frac{764}{32}$	$\frac{763}{28}$
1 (13) августа	$\frac{761}{31}$	$\frac{76}{28}$
2 (14) августа	$\frac{761}{30}$	(на якорѣ въ Пуанъ-де-Галль наблюденій не было).
3 (15) августа	$\frac{764}{29}$	$\frac{763}{28}$
4 (16) августа	$\frac{761}{30}$	$\frac{763}{27}$
5 (17) августа	$\frac{764}{30}$	$\frac{763}{28}$
6 (18) августа	$\frac{76}{29}$	$\frac{760}{29}$

Изъ этого можно бы вывести заключеніе, что чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ легче пожалуй, и что насчетъ жары хуже Краснаго моря и на свѣтѣ вѣтъ. А впрочемъ, поживемъ увидимъ.

Въ теченіе ночи берега Суматры совершенно скрылись изъ виду. Малаккскаго берега тоже не видать пока, и мы плывемъ проливомъ точно въ открытомъ морѣ. Подный штиль. Поверхность водъ гладка какъ зеркало и отражаетъ въ себѣ длинными полосами блики жемчужно-бѣлыхъ облаковъ. Солнце спрятано въ дымокъ тумана, но печетъ сегодня такъ, что и подъ двойнымъ тентомъ чувствительно.

Попались два парусныя судна: одно, совершенно бѣлое, шло навстрѣчу; другое держалось въ сторонѣ, направляясь къ берегамъ Суматры. Около трехъ часовъ пополудни проплы мимо совершенно одиокаго миниатюрнаго островка пирамидальной формы, называемаго Пуло Джара, что значитъ лошадиный островъ, но лошадямъ тутъ рѣшительно негдѣ держаться, такъ какъ окружность всего островка, судя на глазъ, едва ли будетъ во сто сажень. Впрочемъ лейтенантъ *Лей-Хо* говоритъ, что у малайцевъ подъ именемъ *джара* извѣстно одно дерево, растущее между прочимъ и на этомъ островкѣ, которое отличается необычайною крѣпостью: оно неподатливо ноу какъ желѣзо. Такимъ образомъ, вѣрнѣе можетъ быть,

что островокъ получилъ свое имя отъ этого дерева. Могу сказать одно только, что онъ прелестенъ въ полномъ смыслѣ слова. Это какъ-кал-бо-игрушка. Покрытый отъ окрайки береговъ своихъ и до самой макушки густѣйшею и роскошнѣйшею растительностью и среди разнообразныхъ отбѣжковъ зелени испещренной цвѣтами, онъ представляется совершеннымъ букетомъ, вынырнувшимъ изъ глубины воднаго пространства. Узенькая полоска бѣлаго коралловаго рифа, служащаго ему подводнымъ основаніемъ, представляется въ видѣ изящнаго бордюра, надъ которымъ словно «Венерины кудри» махрово свѣшиваются къ водѣ кудрявыя свѣтлозеленыя вѣтки прибрежныхъ кустарниковъ и молодыхъ деревьевъ. Прелестіе и своеобразіе этой картинки трудно и представить себѣ что-либо. Тутъ же невдалекѣ лавировала и небольшая малайская лодка съ тремя полосатыми парусами. Часомъ позднѣе мы встрѣтили другую такую же лодку, проскользнувшую у насъ почти подъ самымъ бортомъ. Это малайское рыбацье суденышко отличалось совершенно особенною конструкціей: низкій зарывающійся носъ и высокая приподнятая корма, гдѣ находится каютка; въ срединѣ что-то въ родѣ садка или ящика съ люкомъ, служащаго какъ бы палубой; на суднѣ три небольшія мачты: средняя выше остальныхъ торчитъ прямо вверхъ по срединѣ судна, другая, пониже, съ нѣкоторымъ наклономъ впередъ, на самомъ концѣ носа, а третья, совсѣмъ маленькая съ уклономъ назадъ—на самомъ концѣ кормы. На каждой мачтѣ поднимается по одному прямому четырехъ-угольному парусу соответственныхъ размѣровъ. Паруса здѣсь рогожныя: они весьма искусно плетутся отдѣльными узкими полотнищами изъ тонкаго пальмоваго лыка и сшиваются полотнище съ полотнищемъ въ нѣсколько продольныхъ или поперечныхъ полосъ: одна полоса буро-красная, другая желтая. Поперекъ паруса, на равныхъ промежуткахъ, пропускаются въ нашитыя ряды петли нѣсколько тонкихъ бамбуковыхъ реекъ, но къ мачтѣ прикрѣпляется только верхняя рейка, отъ коей веревочная снасть пропускается черезъ мачтовый блокъ и свободный конецъ ея находится подъ рукой кормчаго. Такое устройство парусовъ имѣетъ ту выгоду, что, при внезапномъ налетѣвшемъ шквалѣ, одинъ человекъ можетъ убрать ихъ моментально: для этого ему стѣитъ только отдать свободные концы снастей и паруса тотчасъ же упадутъ внизъ, какъ падаетъ штора или какъ складывается вѣтеръ.

Счастливымъ нѣмецъ съ кисточкой съ нѣкотораго времени подсаживается отъ скуки къ нашей сестрѣ Степанидѣ Алексѣевнѣ и вступаетъ съ ней въ бесѣду; онъ по-нѣмецки, она по-русски. Когда ему нужно объяснить ей что-либо, онъ пускаетъ въ ходъ и мимику, и зву-

¹⁾ Разсказъ записанъ со словъ А. П. Новосильскаго, тогда же ему прочтенъ и одобренъ имъ относительно вѣрности.

коподражаніе, и жестикуллцію, что въ совокупности выходитъ преуморительно. Сегодня вечеромъ, желая объяснить своей собесѣдницѣ что-то касающееся крови, онъ подходитъ и спрашиваетъ у кого-то изъ нашихъ, какъ по-русски будетъ *das Blut*. Ему отвѣчаютъ *кровь*. Тогда нѣмецъ поясняетъ, что желалъ узнать у сестры, много ли она на войнѣ видѣла крови и правда-ли, что въ нашей Дунайской арміи была и чума, и холера. Dr. Кудринъ, вмѣшавшись въ разговоръ, замѣтилъ, что, какъ военный врачъ бывшій на Дунаѣ, онъ можетъ засвидѣтельствовать что ни той, ни другой у насъ не было, а былъ тифъ и нерѣдко въ очень тяжелыхъ формахъ. Затѣмъ завязался съ нѣмцемъ разговоръ, въ которомъ нашъ докторъ отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы. Къ разговору присоединились и еще нѣкоторые изъ нашихъ а на прощанье нѣмецъ, благодаря доктора за его интересныя сообщенія, прибавилъ не безъ пріятнаго удивленія:

— Однако, я замѣчаю, что вы всѣ, господа русскіе, говорите по-нѣмецки?!

— Да, болѣе, или менѣе, согласился докторъ.

— Такъ почему же, въ такомъ случаѣ... началъ было нѣмецъ, но вдругъ какъ-то осѣкся и не досказалъ своей фразы. Очевидно, онъ хотѣлъ спросить: почему же мы въ такомъ случаѣ не разговариваемъ съ его камрадами, но, какъ видно, спохватился по-время, докннувшись, что причиной этому вовсе не незнаніе наше съ языкомъ Германіи и что если между ними и нами не произошло до сихъ поръ никакого сближенія, то не мы въ томъ виноваты.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера мы увидѣли съ лѣвой стороны, какъ разъ на траверзѣ нашего судна, перемежающіеся огни маяка на Малаккскомъ берегу. Вскорѣ послѣ этого къ полуночи засвѣжѣло, а въ пять часовъ утра стало такъ трепать, что пришлось закрыть всѣ люки.

8 го августа.

Къ семи часамъ утра вѣтеръ упалъ совершенно и волненіе стало улегаться. Погода по вчерашнему, только, какись, еще жарче. Цвѣтъ морской воды опять сталъ зеленоватымъ. Суматры не видать; за то слѣва тянется низменная, поросшая пальмовыми лѣсами полоса Малаккского берега, на которомъ кое-гдѣ синѣютъ отдѣльные, довольно впрочемъ пологіе холмы, а за ними, еще дальше, сквозь дымку знойнаго тумана, порой можно разглядѣть болѣе высокую гряду внутреннихъ горъ полуострова. На поверхности моря время отъ времени встрѣчаются цѣлуvcія деревья, либо подмытыя бурунами, либо сложенные бурей. Попадались на волнахъ и кокосовые орѣхы, вѣроятно сорванные съ прибрежныхъ пальмъ по-

рывами сегодншняго ночнаго вѣтра. Куда-то занесетъ ихъ!..

Ниче въ первый разъ мы видимъ морское марево: отдѣльно стоящія на низменномъ берегу деревья, вслѣдствіе рефракціи, представляются гигантами необычайной вышины, и такъ какъ полоска земли совсѣмъ ускользаетъ отъ глазъ въ зеркальномъ блескѣ морского горизонта, то кажется будто эти деревья поднимаются прямо изъ моря, а еще нѣсколько времени спустя начинается казаться будто они висятъ просто въ воздухѣ, надъ водой, въ которой только чуть замѣтно ихъ отраженіе.

XI.

Сингапуръ.

Сингапурскій архипелагъ.—Свайныя постройки.—Портъ и рейдъ.—Отъ порта до города.—Характеръ городскихъ построекъ.—Вывѣски.—Жизнь на каналѣ.—Китайскій праздникъ въ честь Злого Духа.—Пріемная и домашній алтарь въ китайскомъ жилищѣ.—Русскія дамы въ Сингапурѣ.—Прогулка по городу.—Lorve Hôtel и его Concerthall.—Артистическое семейство.—Какъ отыскали мы себѣ ужинъ.—Хваленый отельный комфортъ.—Утренняя уличная жизнь Сингапура.—Свинья въ почетѣ.—Китайскіе каменщики на постройкѣ.—Двѣ буддистскія пагоды.—Сіамскій регентъ съ семействомъ и ихъ костюмы.—Площадь Raffles square.—Мечеть на Кампомглавъ.—Дворецъ сингапурскаго раджи.—Малайское оружіе.—Кокосовое молоко.—Табачныя и мануфактурныя лавки въ Индійскихъ рядахъ.—Китайскія цыновки.—Сингапурское населеніе.—Каоэдальный соборъ.—Крокетъ и его любители.—Англійскіе солдаты мѣстнаго гарнизона.—Обратные “русскіе пассажиры.—Загородныя сады.—Ботаническій садъ.—Китайскій галантерейный торговецъ въ разность.—Броши, серьги и браслеты какъ талисманы.—Русская кухня въ Лоръв-отелѣ.—Сино-Малайскій театръ.—Содержаніе пьесы, которую мы видѣли.—Сингапурскій high life на вечерней прогулкѣ.—“Сливки” и “подонки”.—Англійскій военный оркестръ.—Индусъ политикъ.

Продолженіе 8-го августа.

Половина третьяго часа дня. Подходимъ къ Сингапуру. Остается не болѣе полутора часа пути.—Земля видна уже и налѣво, и направо, и впереди. Низменные, слегка кое-гдѣ всхолмленные берега сплошь покрыты лѣсами. Противъ 1-го бакана, вдаль, на берегу Сингапура прежде всего кидается въ глаза желтизной своихъ глинисто-песчаныхъ обсыпей какой-то высокій, круглый холмъ. Онъ совершенно голъ, какъ черепъ, но на самомъ темени его подымается тѣсная группа очень высокихъ кокосниковъ: издали точно чубъ на макушкѣ плѣшивой головы. Впереди справа, на краю группы небольшихъ острововъ, бѣлѣетъ на отдѣльной скалѣ стройная колонна маяка, высотой во 105 футовъ. Проходъ Салатъ-Синки, вдоль котораго мы теперь слѣдуемъ, обставленъ на балкахъ и рѣфахъ баканами-маячками на якоряхъ, гдѣ по ночамъ зажигаются фонари. По обѣимъ сторонамъ прохода

разбросаны живописныя группы прелестных маленьких островковъ, изъ которыхъ каждый, словно курчавую шапкой, покрытъ купами роскошной растительности. Точно букеты и корзинки цвѣтовъ выдвигаются они изъ тихихъ водъ къ вамъ навстрѣчу. Между ними есть совсѣмъ миниатюрныя, не болѣе десяти шаговъ въ поперечникѣ. И какъ хороши на нихъ эти густыя заросли саговыхъ пальмъ, латаній и кокосниковъ, перепутанныхъ ротангами и разными павами!.. Есть тамъ также и другія какія-то деревья, похожія своей листвою на наши европейскія породы. Зеленъ вездѣ чрезвычайно свѣжа и колоритна. На нѣкоторыхъ островахъ зеленѣютъ отдѣльные холмы, въ родѣ кургановъ, покрытые одною лишь травой (иногда весь островокъ состоитъ только изъ такого холмика), но за то на ихъ подножіяхъ словно накинута вѣнка: такъ пышно окружены они бордюромъ изъ всевозможной тропической заросли, кустарниковой и древесной. Кое-гдѣ видны на островахъ среди зелени скалистыя глыбы розоваго гранита, а на склонахъ пригорковъ слѣва, между густыми рощами—какія-то плантаціи, гдѣ насажденія разбиты правильными рядами.

Вода приняла свѣтло-зеленый цвѣтъ, какъ въ Смирнскомъ заливѣ, и море, похожее теперь скорѣе на озеро, становится все оживленнѣе: то и дѣло попадаются мѣстныя лодки съ плетеными полосатыми парусами, снующія въ разныхъ направленіяхъ между островками. Тамъ и сямъ торчатъ частоколы рыбацкихъ забоекъ; тамъ и сямъ на утлыхъ маленькихъ челнокахъ рыбацать темно-бронзовые малайцы, а на отмеляхъ и банкахъ они и просто бродятъ въ водѣ по колѣно, копошатся тамъ за какимъ-то дѣломъ и словно ищутъ чего-то. Вдали, на самомъ горизонтѣ, справа виднѣются особую группой нѣсколько высокихъ деревьевъ, подъ которыми совсѣмъ незамѣтно почвы, словно онѣ поднимаются прямо изъ воды. Это опять-таки очень эффектное дѣйствіе рефракціи.

Приостановились на минуту, чтобы принять лопмана и идемъ далѣе. Розоватыя обрывы на островахъ попадаютъ все чаще; они состоятъ изъ песчаного, вывѣтривагося гранита. Вотъ, на самой крайкѣ берега одного изъ такихъ островковъ, при входѣ въ портъ, торчитъ бѣлая игла, въ родѣ обелиска, и на ней доска съ четкою черною надписью: «Harbour Limit» (граница порта). Входъ очень узокъ, такъ что двумъ морскимъ судамъ здѣсь, пожалуй, и не разойтись. Онъ защищенъ старою и совершенно ничтожною земляною батареей, на которой нѣтъ и орудій. Западная часть порта очень узка и идетъ какъ бы каналомъ между сингапурскимъ берегомъ съ лѣвой и островами съ правой стороны, гдѣ на холмахъ и площадкахъ розовыхъ обрывковъ растутъ араукаріи, замѣняющія здѣсь наши елки. Всѣ эти

островки—тѣ же наши финскія шхеры, только съ тропическою растительностью. На нихъ изъ-за зелени привѣтливо выглядываютъ европейскія бенглоу подъ черепичными и гошовыми кровлями, съ уютными верандами, зелеными жалюзи и холщевыми маркизами. Но тутъ же вы можете видѣть и живые образцы свайныхъ построекъ. Это Тангонгъ-роо, цѣлая малайская деревня, въ нѣсколько десятковъ хижинъ, съ сарайчиками, лавками и даже съ трактиромъ и кабачками, выстроенная прямо въ водѣ, на довольно тонкихъ сваяхъ. Строенія вытнуты въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что образуютъ нѣчто въ родѣ водяныхъ улицъ и переулковъ. Постройка обыкновенно идетъ такимъ образомъ, что во время отлива вбиваютъ въ иловатый грунтъ морского дна обожженные и осмоленные снизу бревна, преимущественно пальмовыя. Вбиваютъ ихъ правильными рядами, съ извѣстными промежутками другъ отъ друга, на протяженіи всей площади, какую предполагается занять подъ будущее строеніе, и затѣмъ для связи надѣваютъ на ихъ верхніе концы продольныя и поперечныя перекладины, на которыя настилаютъ плотными рядами сперва жерди, а потомъ доски, и прикрѣпляютъ ихъ къ перекладинамъ гвоздями или деревянными шипами. Такимъ образомъ, на высотѣ отъ трехъ до пяти аршинъ надъ уровнемъ воды получается досчатая платформа, гдѣ уже и строится самая хижина о двухъ или четырехъскатной, довольно высокой кровлѣ, иногда съ наружною галлерею въ родѣ веранды. Наугольные и средніе устои, по которымъ накладывается каркасъ хижины, вбиваются въ грунтъ вѣтвѣ со сваями, вдвое превосходя послѣднія длиной. Стѣны и кровля обшиваются по каркасу пальмовыми или камышевыми циновками, причемъ стѣны обмазываются иногда глиной и штукатурятся снаружи известкой. Отъ дверей хижины всегда спускается къ водѣ приставная лѣстница, гдѣ рядомъ съ нею прививаются къ сваямъ хозяйскіе челны и легкія лодки, которыя на ночь поднимаются на канатахъ вверхъ подъ платформу. Здѣсь, въ самомъ портѣ, есть двѣ такія свайныя деревни, и въ обѣихъ живутъ рыбаки, грузовики, портовые носильщики, лодочники-перевозчики и каботажники, люди занимающіеся ловлей и продажей раковинъ, крабовъ, улитокъ, и потому подобный народъ, перебивающійся изъ куска хлѣба или живущій поденною работою собственно при портѣ.

Въ половинѣ четвертаго часа мы вышли изъ узкаго канала въ болѣе просторную часть порта, откуда виденъ широкій рейдъ, и къ четыремъ часамъ дня уже ошвартовались у самой пристани, въ разстояніи менѣе десяти сажень отъ берега, подойдя къ ней вплотную лѣвымъ бортомъ. Пристань эта, въ видѣ свайной эстакады, тянется широкимъ помостомъ

на нѣсколько сотъ шаговъ предъ громадными каменноугольными складами; она такъ велика, что вдоль ея борта могутъ грузиться углемъ нѣсколько большихъ пароходовъ сразу.

Сингапурскій рейдъ — одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ мірѣ. По южную его сторону, въ разстояніи околомъ десяти миль, виднѣются покрытые растительностью берега большихъ острововъ Баттама и Бинтанга, а позади ихъ, уже въ очень значительномъ отдаленіи, чуть синійско горныя вершины Суматры.

Мы еще только подходили къ пристани, какъ уже были окружены цѣлою флотиліей малайскихъ лодокъ съ двухскатными цыновочными кровлями и миниатюрныхъ челночковъ, выдолбленныхъ изъ цѣльной колоды краснаго дерева, по формѣ совершенно такихъ же, какъ въ Аденѣ, и въ нихъ голые малайчата кричали и плескались водой точно такъ же, какъ и тамъ арабченки. Не успѣли мы ошвартовиться, къ правому борту уже пристало нѣсколько широкихъ шаландъ съ тюками какихъ-то товаровъ, которые долженъ былъ принять «Пей-Хо» для перевозки въ одинъ изъ попутныхъ ему портовъ крайняго Востока. Каждую такую шаландой очень умѣло управляли только двое голыхъ китайцевъ, которые, стоя на кормѣ, вдвоемъ гребли съ руля однимъ большимъ и длиннымъ весломъ, и дѣлали это столь искусно, что такая, повидимому, неуклюжая посудина шла у нихъ впередъ, лавировала между другими лодками и дѣлала должныя повороты достаточно скоро и ловко.

На пристани ожидали «Пей-Хо» нѣсколько европейцевъ въ бѣлыхъ каскахъ и толпа полуголыхъ бронзовыхъ и черныхъ людей разныхъ національностей въ яркихъ и пестрыхъ лоскуткахъ вмѣсто одежды. Далѣе же на берегу стояло нѣсколько извозничьихъ каретъ въ родѣ небольшихъ продолговатыхъ дилижансовъ со сквозною двойною крышей и съ жалюзи вмѣсто стеколъ.

Къ нашему адмиралу тутъ же явились адъютантъ мѣстнаго губернатора съ привѣтствіемъ отъ имени своего начальника, голландскій консулъ, исполняющій въ то же время обязанности и русскаго консула, командиры стоящихъ на здѣшнемъ рейдѣ нашихъ военныхъ судовъ: капитанъ-лейтенантъ Алексѣевъ («Африка») и Ломенъ («Забіака»), а также капитанъ-лейтенантъ Постельниковъ, сопровождающій военноморскіе грузы на зафрахтованномъ нами суднѣ «Малага», и командиръ 2-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго батальона, полковникъ Флоренскій. С. С. Лесовскій принялъ всѣхъ очень любезно и, отпустивъ англійскаго офицера съ голландскимъ консуломъ, пригласилъ русскихъ остаться на «Пей-Хо», чтобъ отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ.

Хотѣли мы было тотчасъ же отправиться въ городъ, но задержала возня съ прачками, роль

которыхъ здѣсь исполняютъ мужчины малайцы и китайцы. У насъ на «Пей-Хо» не берутся мыть бѣлье пассажирамъ, и потому всегда приходится пользоваться для этого остановками въ попутныхъ портахъ, гдѣ могутъ наскоро и прескверно, да вдобавокъ еще путаютъ ваши вещи съ чужими. Въ ожиданіи когда подойдетъ моя очередь сдать прачкѣ-малайцу свой узелъ бѣлья, я стоялъ на палубѣ и по-неволѣ смотрѣлъ на процедуру тасканія китайскими кули каменнаго угля въ наши трюмы. У сходней, ведущихъ съ пристани къ угольному складу, сидѣлъ за маленькимъ столикомъ китаецъ-подрядчикъ и отмѣчалъ у себя въ книжкѣ каждую корзину угля, проносимую на коромыслѣ двумя голыми кули. Предъ нимъ стояла плетенка, наполненная мѣдными центами. Каждая пара кулевъ, возвращавшаяся съ парохода съ пустою корзиной, останавливалась на минуту предъ столикомъ и получала съ рукъ на руки отъ подрядчика по центу, а затѣмъ шла въ складъ за новою нагрузкой. Все это дѣлалось быстро и ловко, безъ малѣйшаго замѣшательства, толкотни и споровъ. Круговратное движеніе кулевъ отъ склада на пароходъ и съ парохода къ складу совершалось какъ нѣчто хорошо разученное, съ автоматическою точностью, напоминая выплывающихъ *уточекъ* въ извѣстной дѣтской игрушкѣ. Но что за отвратительный запахъ какой-то смѣси кокосоваго масла съ касторовымъ и чесноку съ пачули установился въ окружающей атмосферѣ!.. Это характеристичный запахъ китайцевъ, который внесли съ собою работающіе въ потѣ лица своего кули.

Въ городъ отправились мы послѣ обѣда, когда уже стемнѣло. Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ деревянныхъ хижинокъ и барачныхъ лавчонокъ, пріютившихся около угольныхъ складовъ, свернули на шоссе, идущее берегомъ, мимо свайныхъ построекъ малайской деревни. Затѣмъ шоссе входитъ въ болотистый лѣсъ и тамъ идетъ мѣстами дамбой, обрамленное дренажными канавами. Но какъ сейчасъ же сказывается практическій геній англичанина, не жалѣющій денегъ ради пользы и комфорта! Мало того, что шоссе это само по себѣ превосходно, оно еще на всемъ своемъ протяженіи освѣщено газовыми фонарями и особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ чрезъ пустырь болотистаго лѣса. За лѣсомъ пошли сады, плантаціи, дачи на маленькихъ холмикахъ и китайское кладбище со своими подковообразными могилами. Но вотъ наконецъ и городъ. Вы въѣзжаете прямо въ главную улицу, которая длиннымъ проспектомъ прорѣзываетъ весь Сингапуръ въ сѣверо-восточномъ направленіи и носитъ нѣсколько названій: сначала, до моста на каналѣ, она называется Southbridge, потомъ Кааедральнымъ проспектомъ, потомъ Victoria Queen, а дальнѣйшихъ названій не

знаю. Улица эта однако далеко не блещет изысством своих построек — по крайней мѣрѣ въ районѣ Southbridge дома, въ большинствѣ случаевъ, хотя и каменные, но безо всякаго архитектурнаго стиля; за то въ каждомъ изъ нихъ безусловно сказывается меркантильно-промышленный характеръ. Зданія не высоки и отличаются замѣчательнымъ однообразиемъ постройки: всѣ онѣ полутрехэтажныя, то-есть надъ нижнимъ этажемъ, гдѣ, подъ неизмѣнною крытою галлерейкой помѣщаются исключительно лавки и ремесленные заведенія, имѣется надстройка въ половину высоты нижняго этажа, служащая жилымъ помещеніемъ. Въ этой надстройкѣ непременно есть своя маленькая верандочка, гдѣ изъ-подъ цыновочныхъ шторъ всегда торчатъ наружу какія-нибудь подушки, пестряя одѣяла и разныя принадлежности домашняго обихода и туалета. Есть нѣсколько домовъ и европейскаго характера, обыкновенно двухъэтажныхъ, но опять-таки не ищите какого-либо стиля въ ихъ приземисто-коренастой, основательной архитектурѣ: они строены безъ затѣй и безъ вкуса, но прочно, солидно, на вѣки-вѣчныя, и глядятъ точно англійскіе бульдоги съ ожирѣлымъ затылкомъ. Всѣ вообще сингапурскія постройки крыты черепицей. Выставясь на улицу изъ-подъ лавочныхъ навѣсовъ, какъ ленты, качаются на крючкахъ китайскія вывѣски, написанныя сверху внизъ золотыми и черными литерами на продолговатыхъ красныхъ, желтыхъ, черныхъ и зеленыхъ доскахъ, или на листахъ жести и лакированномъ картонѣ. Точно также вывѣсками служатъ и бумажные китайскіе фонари разнообразныхъ формъ, горящіе предъ входами въ лавки. Повсюду газовое освѣщеніе, а на каналѣ даже своеобразная иллюминація: тамъ, въ покрытыхъ цыновками лодкахъ, живетъ цѣлое населеніе туземцевъ, которое еще нельзя причислить къ безусловнымъ бѣднякамъ, такъ какъ у каждого изъ нихъ «свой домъ», своя собственность, въ видѣ крытой лодки, служащей для цѣлой семьи мѣстомъ постоянного жительства. На крышахъ нѣкоторыхъ лодокъ развѣдены даже миниатюрные цвѣтники и огородцы. Тамъ обыкновенно на носу или на кормѣ устроенъ очажокъ, на которомъ варится пища, и эти-то костерки, вмѣстѣ съ лодочными фонарями, подвѣшенными у входа подъ цыновочныя кровли, каждый вечеръ доставляютъ каналу своеобразную, оживленно движущуюся иллюминацію.

Пріѣхавъ въ городъ, мы какъ-разъ попали на большой общественный праздникъ въ китайскомъ кварталѣ. Этотъ день желтокожіе «сыны неба» посвящаютъ умилоствленію «Злого Духа» и облачаютъ его всяческими лакомствами, курениями и музыкой, лишь бы только онъ втеченіе года не дѣлалъ имъ какихъ-ни-

будь особенно крупныхъ пакостей; безъ мелкихъ же само собою, какъ чортъ, онъ обойтись не можетъ, но «сыны неба» за это на него уже и не претендуютъ. Весь китайскій кварталъ былъ залитъ огнями разнообразной иллюминаціи. Тутъ горѣли свѣчи и лампы, плашки и шкалики, ламіоновы и стеклянные разноцвѣтные шары, бумажные фонарики и люстры изъ разнокалиберныхъ фонарей и даже цѣлыя фонарища, *des lanternes monstres*, съ намалеванными на нихъ драконами: китайщина мѣшалась съ европейщиной, включительно до газовыхъ звѣздъ, букетовъ и вензелей въ видѣ китайскихъ литеръ. Тутъ же жгли большіе костры изъ сухого тростника и пальмовыхъ листьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вдоль тротуаровъ, этотъ матеріалъ для костровъ лежалъ цѣлыми грядами на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, и нерѣдко такія гряды нарочно поджигались, такъ что казалось будто горить сплошь цѣлая сторона улицы, и остается только удивляться какъ при этомъ и въ самомъ дѣлѣ не случилось ни одного пожара.

Кромѣ иллюминаціи «Злого Духа» было устроено еще и громадное пиршество. Каждый китаецъ, какъ богатый, такъ и бѣдный, по мѣрѣ возможности, непременно заготовилъ къ этому дню какія-нибудь яства, сласти и вино, расположилъ ихъ по красивѣе на блюдахъ и плетенкахъ, украсилъ цвѣтами, маленькими флагами и свѣчами изъ растительнаго воска, и затѣмъ отнесъ все это въ пагоду. Тамъ вокругъ храма и вдоль улицъ, окружающихъ его ограду, бонзы уже заранѣе наставили длинныя ряды широкихъ столовъ, на которыхъ очень красиво размѣстили въ извѣстномъ порядкѣ всѣ доставленныя въ пагоду блюда. Надъ столами висѣли на проволокахъ лампы и группы разнообразныхъ цвѣтныхъ фонарей, а равно и на столахъ горѣли канделябры и солнечныя лампы съ шарами. Углы и центръ каждаго стола были украшены пирамидальными сооруженіями изъ сладкихъ пирожковъ. Одни изъ этихъ сооруженій имѣли фигуру конуса, другіе — цилиндра, третьи — видъ громадныхъ широкогубыхъ флаконовъ съ длиннымъ, постепенно сужающимся горломъ и расширяющимся, какъ у музыкальной трубы, устьемъ, и всѣ эти пирамиды, конусы, цилиндры и флаконы были увиты цвѣточными гирляндами, усыпаны зеркальными блестками, утыканы трехъ-угольными маленькими флагами и тлѣющими палочками священнаго курева, иллюминированы множествомъ свѣчъ изъ разноцвѣтнаго воска. Кромѣ того, цвѣточные гирлянды и пестрые флаги различной величины входили въ убранство столовъ, балконовъ, оконъ и дверей, какъ самостоятельное украшеніе. Между блюдами особенно почетное мѣсто занимали жареные поросята и огромные свиньи окорока, шкурка которыхъ отличалась ярко-малино-

вымъ цвѣтомъ, что придавало имъ и красивый, и особенно вкусный видъ. Затѣмъ, на блюдахъ красовались превосходно зажаренные цыплята и куры, фазаны, утки, индѣйки и гуси, а рядомъ съ ними высились груды круглыхъ караваевъ пшеничнаго и рисоваго хлѣба, пироги, пышки и великолѣпные торты, украшенные сахарными узорами и бумажными цвѣтами, совершенно какъ наши пасхальные бабы и куличи. Наконецъ, немалымъ украшеніемъ столовъ служили плоды и фрукты, между которыми ананасы, баобобы, мангустаны, орангпаваны, сахарный тростникъ, мандарины, громадные апельсины, чуть не съ дѣтскую голову, каштаны и бананы играли выдающуюся роль; вообще же изъ плодовъ и овощей здѣсь было соединено все, что производитъ мѣстная флора. А чего она не производитъ! Каждое блюдо яствъ и каждая корзина фруктовъ или овощей непременно были украшены живыми и искусственными цвѣтами, трехъ-угольными маленькими флагами и горящими свѣчами. Въ общемъ, все это очень напоминаетъ наши пасхальные столы у церковныхъ оградъ, въ ожиданіи освященія, только здѣсь оно является въ болѣе массивномъ видѣ. Тутъ же пускали въ разныхъ мѣстахъ ракеты, огненные фонтаны, колеса, бенгальскіе огни и тысячи шутихъ и хлопнушекъ. Въ одномъ мѣстѣ показываютъ китайскіе тѣни, коихъ силуэты вырѣзаны артистически и вполне натурально; въ другомъ—театръ маріонетокъ, совершенно какъ наши «петрушки»; въ третьемъ—клоуны и жонглеры изумляютъ толпу зрителей своимъ проворствомъ рукъ и акробатическою ловкостью. Всѣ эти представленія сопровождаются оглушительною музыкой. Мелодію флейтъ и гитаръ не только разобрать, но и разслушать невозможно, такъ какъ она заглушается звуками гонговъ, тамъ-тамовъ, трещотокъ и какихъ-то большихъ металлическихъ сковородъ. Сочетаніе звуковъ всѣхъ этихъ инструментовъ выходитъ дѣйствительно адское, раздражающее человѣчeskій слухъ, и потому, вѣроятно, должно нравиться китайскому «Злому Духу».

Толпы китайскаго люда чинно прохаживались по иллюминированнымъ улицамъ и вдоль столовъ, любуясь на ихъ лакомства и украшенія, причемъ отцы и матери нерѣдко таскали на плечахъ и за спиной маленькихъ дѣтей. Надъ толпой гудѣлъ веселый праздничный говоръ, но веда она себя въ высшей степени чинно и благопристойно; на веселыхъ лицахъ сіяло радушіе и просто дѣтское наслажденіе блестящимъ зрѣлищемъ. И замѣчательно, во всей этой безчисленной толпѣ (говорятъ, будто китайское населеніе Сингапура простирается до двухсотъ тысячъ душъ) не встрѣтили мы ни одного пьянаго. Правда, были подгулявшіе и то не особенно много, но такихъ чтобы, какъ говорится, лыка не вязали—положительно ни одного.

Послѣ полуночи должно было пачаться угощеніе, и всѣ эти богатые приношенія поступали въ пользу бѣдныхъ, которые отлично скушались ихъ за здоровье «Злого Духа». Конечно, не забыли себя при этомъ и многочисленные бонзы, служители китайскихъ храмовъ, но и бѣдныхъ въ Сингапурѣ не мало, такъ какъ каждый кули, живущій поденнымъ трудомъ, имѣетъ полное основаніе причислить себя къ разряду неимущихъ. Къ утру все уже было съѣдено, украшенія разобраны любителями «на память», флаги и фонари сняты, столы убраны, и улицы съ восходомъ солнца приняли свой обычный видъ.

Во время праздника двери всѣхъ китайскихъ жилищъ были раскрыты настежь: входил кто хочетъ. Приемныя комнаты освѣщены; въ нихъ наготовѣ разставлены чай, различные сласти, рисовыя лепешки, сигары и особаго устройства маленькіе мѣдные кальяны—для гостей, а можетъ и для «Злого Духа». Желая взглянуть на внутреннюю обстановку китайскаго жилища, мы остановились на минуту предъ входомъ одного изъ нихъ. Въ комнатѣ никого не было; вѣроятно, хозяева отправились на праздникъ. Створки входныхъ дверей шли не до верхняго, а только до половины боковыхъ косяковъ; онѣ были изъ краснаго дерева и великолѣпно украшены ажурною рѣзбою, нѣсколько напоминавшею въ общемъ Царскія врата нѣкоторыхъ нашихъ иконостасовъ. У стѣны, противоположной входу, находился домашній алтарь, который представлялъ собою продлинноватый узкій столикъ съ нѣсколькими завитыми кверху боковыми краями столешницы. Ножки, ящики и полочки внизу были пройдены рѣзбою съ позолотой и покрыты краснымъ и чернымъ лакомъ. Надъ столикомъ висѣлъ на стѣнѣ образъ какого-то китайскаго бога, писанный мѣловыми красками на большомъ и широкомъ листѣ бумаги; сверху и по бокамъ онъ былъ задрапированъ въ родѣ балдахина алымъ сукномъ съ вышитыми на немъ шелкомъ и золотомъ изображеніями драконовъ, птицъ, цвѣтовъ и бабочекъ. Такая же расшитая пелена лежала на столикѣ, спускаясь съ него вершковъ на шесть. Верхняя часть драпировки была еще украшена какими-то картонажами, въ видѣ продолговатыхъ сердецъ изъ золотой бумаги, съ блестящими, зеркальными и павильными перьями. Все это имѣетъ значеніе какихъ-то талисмановъ. Изъ подъ нихъ висѣли длинныя шелковыя кисти съ перламутровыми амулетами и свернутыя особымъ образомъ полоски бумажекъ съ начертаніями молитвъ и заклинаній. Оленьи рога, этотъ общій всему востоку символъ могущества и силы, вѣнчали собой верхній край драпировки, изъ-подъ которой китайскій богъ глядѣлъ на васъ какъ изъ ниши. Предъ нимъ на столикѣ стояла оловянная жертвенная курильница кра-

сивой и характерной формы, увѣнчанная пластическимъ изображеніемъ «корейскаго льва» (болѣе впрочемъ похожаго на собаку-болонку), съ дрожашими на спиральныхъ пружинахъ хвостомъ и яблокомъ въ лапѣ, а по бокамъ этой курильницы—пара оловянныхъ подсвѣчниковъ, въ формѣ какого-то символическаго знака изъ китайской азбуки, и въ нихъ курительныя свѣчи, связанныя красивыми пучками, въ видѣ тонкихъ и длинныхъ конусовъ съ украшеніями изъ пурпуровой и золотой бумаги. Кромѣ этихъ предметовъ, на алтарѣ стояли еще двѣ китайскія вазочки съ цвѣтами, маленькая мѣдная жаровня, наполненная бѣлымъ пепломъ, и фарфоровая чашка съ рисомъ, въ качествѣ жертвоприношенія богу. На боковыхъ стѣнахъ висѣли на катушкахъ длинные свитки красной и бѣлой бумаги. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были изображены золотыми литерами какието изреченія назидательнаго и философскаго характера, а на другихъ—живописныя сцены изъ какого-то романа съ пояснительнымъ текстомъ. Нѣсколько широкихъ стульевъ съ прямыми низкими спинками вдоль тѣхъ же боковыхъ стѣнъ и квадратный столъ посреди нѣ комнаты, уставленный угощеніями, дополняли обстановку этой парадной пріемной. Полъ ея былъ устланъ чистыми цыновками очень тонкой работы.

Вдоволь наглядѣвшись на оригинальное убранство этого жилища, мы отправились въ лучшую изъ здѣшнихъ гостиницъ, Hôtel de l'Europe, чтобы занять себѣ комнаты на ночь. Рекомендацію этого отеля, писанную по-русски, получили мы еще на пристани отъ комиссіонера, который поднесъ намъ ее на особомъ листѣ, за подписью всего общества армейскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ добровольца «Россія». Въ общей залѣ, гдѣ устроены билліардъ, читальня, справочное бюро и обширный буфетъ прохладительныхъ и горячительныхъ напитковъ, мы неожиданно нашли большое русское общество: тутъ были моряки съ «Африки» и «Забіяки», артиллеристы, инженеры и стрѣлки съ «Малаги» и, къ довершенію пріятной неожиданности, много русскихъ дамъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ со своими мужьями-офицерами чрезъ Сингапуръ въ Хабаровку и другія мѣста Приморской области. Экая, подумаешь, страна, эта матушка Россія! Чтобы съ одного конца ея попасть на другой «скорѣйшимъ и удобѣйшимъ путемъ», надо обогнуть половину вселенной, спуститься къ экватору и подняться чуть не до полярнаго круга. Только извѣдавъ на опытъ весь этотъ путь, начинаешь *чувствовать* что это за громада—

Владѣнья Русскаго Царя,
Въ которыхъ солнце не заходитъ.

И ничего, ѣдутъ не только дамы, но и малыхъ ребятъ везутъ съ собой.

Проведя около часа на верандѣ гостиницы въ бесѣдѣ со знакомыми моряками и офицерами съ «Малаги», мы отправились своимъ маленькимъ обществомъ бродить по Сингапуру. Былъ десятый часъ вечера. Прогулка по тропическимъ аллеямъ, при лунномъ свѣтѣ и вечерней прохладѣ, когда съ моря вѣетъ легкая бриза,—это прелесть что такое! Какъ красивы показались намъ при лунѣ городской соборъ со своею готическою колокольней на обширной лужайкѣ, бѣлыя зданія суда и театра, обелискъ и монументъ съ бронзовою фигурой слона, высокій цѣпной мостъ на каналѣ и широкій видъ на рейдъ со спящими на немъ вдали черными громадами океанскихъ судовъ... Повернули на Coleman-Street, противъ Кафедральной площади, и вдругъ, слышимъ звуки музыки и видимъ освѣщенный парой фонарей входъ въ садикъ. Читаемъ вывеску: «Loge Hôtel. Concerthall». Зайдемъ взглянуть: что такое. Входъ бесплатный. Зала, освѣщенная нѣсколькими настѣнными лампами, и въ ней разбросано десятка три легкихъ столиковъ съ мраморными досками, вокругъ которыхъ, съ сигарами въ зубахъ, сидятъ на буковыхъ стульяхъ за пивомъ и абсентомъ съ содой группы англійскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ и иныхъ «каптейновъ», арматоровъ, компандровъ, коммерсантовъ, приказчиковъ и конторщиковъ и нѣсколько посѣтителей того общественнаго шаблона, отъ встрѣчи съ которымъ вы никогда и нигдѣ не избавлены, но по которому труднѣе всего опредѣлять дѣйствительную національность и родъ занятій даннаго субъекта: чортъ его знаетъ, не то французъ, не то швейцарецъ, не то грекъ или итальянецъ, а не то и жидъ, и послѣднее почти всегда оказывается наиболѣе вѣроятнымъ, чуть только вы нѣсколько внимательнѣе въ него взглянете и уловите въ его лицѣ тотъ особенный, прирожденный «семитическій нервъ», который иногда очень удачно скрывается его обладателемъ подъ космополитическимъ доскомъ общевропейской маски. Въ концѣ залы были устроены подмостки «домашней» сцены съ размалеванными кулисами и стояло на нихъ сбоку старенькое піанино, а посрединѣ пять пюпитровъ, за которыми пять благородныхъ сыновъ Израиля «зъ Броды чи зъ Радзивилдова» съ нервными жестикюляциями и кривляніями «назривали» на «воляхъ и флюткахъ» что-то жидо-венгерское. Когда же они кончили при жиденскихъ апплодисментахъ и китайскій кули въ бѣломъ балахонѣ убралъ послѣ нихъ стулья и пюпитры, то на сцену вышелъ унылаго вида худощавый нѣмецъ и сѣлъ за піанино, а затѣмъ выплыла его дебелая пожилая лѣтъ супруга, въ декольте и со взбитыми шиньономъ съ розами и првизжала, къ удивленію нашему, по-русски романсъ «Зацѣлуй меня до смерти». Послѣ нея вышелъ мальчикъ

лѣтъ двѣнадцати, наряженный въ женское платье со шлейфомъ, и спѣлъ «Стрѣлочка». Затѣмъ всталъ изъ-за піанино самъ нѣмецъ и продекламировалъ какіе-то куплеты по-нѣмецки; затѣмъ тотъ же мальчикъ, но уже пере-ряженный въ жидовскій лапсердакъ и ермолку съ пейсами, выскочилъ на сцену со своею маленькою сестренкой и протанцовали они, такъ-называемый, «еврейскій танецъ», какой не разъ, вѣроятно, случалось видѣть и вамъ на подмосткахъ разныхъ ярмарочныхъ балагановъ въ Россіи. Очевидно, все это продѣлывалось ради насъ, русскихъ, дабы намъ «ein Compliment machen» (Богъ ихъ знаетъ почему, но это уже въ который разъ мы замѣчаемъ, что при всей нашей скромности, гдѣ бы мы ни появились, въ насъ сейчасъ признаютъ русскихъ). Оставалось только поблагодарить ихъ за такую любезность нѣсколькими шиллингами, что мы конечно и исполнили. Но откуда вдругъ взялись всѣ эти «Стрѣлочки» и «Зацѣлуй» въ Сингапурѣ? По справкѣ оказалось, что артистъ унылаго вида, въ нѣкоторомъ родѣ, нашъ соотечественникъ. Онъ рижскій нѣмецъ, держалъ гдѣ-то въ Якобштадтѣ или въ Феллинѣ увеселительный кафе-пиантанъ, прогорѣлъ и пустился со всею своею семьей въ «артистическое путешествіе» по бѣлу-свѣту, пока не очутился наконецъ въ Сингапурѣ. Дѣла его, разумѣется, идутъ плохо, концертныхъ заработковъ едва на перекуску хватаетъ, и чѣмъ онъ будетъ жить завтра, гдѣ очутится послѣ завтра и когда вернется «nach Riga», да и вернется ли, это для него самого пока еще «темна вода во облацѣхъ».

Не было еще одиннадцати часовъ, когда мы вернулись въ «Европейскую гостиницу» нѣсколько проголодавшись. Обращаемся за буфетъ, нельзя ли намъ дать какой-нибудь холодной закуски?

— Нелзя.

— Почему такъ?

— Время уже прошло: у насъ даютъ только до десяти часовъ вечера, а теперь кухня закрыта.

— Но вѣдь у насъ за буфетомъ остались же какіе-нибудь бутерброды, хлѣбъ, сыръ, ветчина?

— О, конечно.

— И стало-быть достать ихъ изъ буфета не представляетъ особеннаго труда.

— Ни малѣйшаго.

— Такъ доставьте же, пожалуйста.

— Невозможно. Это нарушаетъ принятый порядокъ.

Что тутъ подѣлаешь противъ такого педантизма! А вѣстъ хочется. Подумали мы да и рѣшили: дай, махнемъ на счастье въ «Lorne Hôtel», авось тамъ достанемъ. И что же? Дѣйствительно достали, да еще съ какимъ приятнымъ сюрпризомъ: оказалось, что хозяинъ хорошо говорить по-русски. Онъ привелъ насъ

въ особую столовую и просилъ заранѣе быть не особенно взыскательными относительно ужина, такъ какъ гостей онъ не ждетъ, а чѣмъ богать, тѣмъ и радъ, къ нашимъ услугамъ. Подали намъ холодную тушеную говядину и десертъ изъ ананасовъ, да двѣ бутылки норвежскаго пива. Ужинъ вышелъ чисто по семейному, потому что за столъ вмѣстѣ съ нами сѣли самъ хозяинъ, его жена и свояченица. Разговорились. Онъ повѣдалъ намъ о себѣ, что фамилія его Берковицъ, что родомъ онъ изъ Угорской Руси, славянинъ, австрійскій подданный, жилъ нѣсколько лѣтъ по торговымъ дѣламъ въ Подольской губерніи и въ Одессѣ, а потому вполнѣ-де понимаетъ какъ должно быть досадно русскому человѣку не получить, изъ-за глупыхъ административныхъ порядковъ, ужина, когда ему вѣстъ хочется. Часа полтора за столомъ прошли у насъ очень пріятно, а когда дошло дѣло до расплаты, то хозяинъ объявить, что съ насъ ничего не слѣдуетъ, что мы его гости и онъ очень радъ если могъ раздѣлить съ нами свой семейный столъ. Всѣ наши протесты не повели ни къ чему, и единственное, на чемъ онъ наконецъ согласился помириться, вслѣдствіе нашихъ настояній, это чтобы мы заплатили буфету за пиво. Не желая все-таки оставаться въ долгу, мы ему заказали обѣдъ на завтра къ шести часамъ дня, но съ тѣмъ, чтобы за этимъ обѣдомъ онъ со своимъ семействомъ были нашими гостями. Берковицъ принялъ приглашеніе и вызвался приготовить обѣдъ по-русски.

— Вамъ, вѣроятно, уже надоѣлъ-таки французскій да англійскій столъ. Хотите,—предложу вамъ: я вамъ приготовлю лѣнныя щи, жаренные пирожки съ говяжьей начинкой, разварную рыбу и цыплятъ по-польски?

Русскій обѣдъ въ Сингапурѣ—чего же лучше и чего еще неожиданнѣе! Мы, разумѣется, изъявили свое согласіе и уже заранѣе, такъ-сказать, мысленно предвкушали предстоящее намъ гастрономическое баловство.

Возвратились мы въ Hôtel de l'Europe около часу ночи и чуть-было не нажили себѣ пренепріятную исторію. Отель этотъ занимаетъ цѣлый обширный кварталъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльных корпусовъ и домиковъ, соединенныхъ между собою крытыми галлереями и расположенныхъ среди цвѣтниковъ и садиловъ, что придаетъ всей этой гостиницѣ очень уютный и пріятный характеръ. Общая зала была уже пуста, но за бюро сидѣлъ еще при лампѣ главный конторщикъ, нѣмецъ, и сводилъ дневные счета. Онъ сообщилъ намъ, что ключи отъ своихъ комнатъ найдемъ мы у боя ¹⁾, который находится при

¹⁾ *Boy*—англійское названіе слуги, соответствующее нашему «*малому*» и получившее всеобщее право гражданства въ Индіи и на всемъ крайнемъ Востока.

нашемъ корнусѣ на нижней галлерей. Дѣйстви- тельно, какъ разъ въ указанномъ мѣстѣ, нашли мы спавшаго на плетеномъ диванѣ слугу, кита- йца, который, послѣ долгаго буженія, поднялся наконецъ на ноги, но лишь для того, чтобы пробормотать какое-то китайское ругательство и снова повалиться на свое мѣсто. Новосиль- скій опять принялся его расталкивать, и на этотъ разъ озлившись «сынъ неба», вскочивъ на ноги, накинулся на насъ съ грубыми ру- гательствами по-английски. Тщетно пытались объяснить ему, что мы здѣшніе постояльцы, что нами заняты такіе-то нумера и что мы тре- буемъ отъ нихъ ключей. Въ отвѣтъ на это онъ послалъ насъ къ чорту и объявилъ, что у него нѣтъ никакихъ ключей и чтобы мы не смѣли беспокоить его болѣе. Невозможно наглый тонъ этого человѣка видимо былъ на то, чтобы вы- звать насъ на, такъ-называемое, «оскорбленіе дѣйствіемъ» и дѣйствительно трудно было уде- ржаться отъ искушенія вытянуть его палкой. Мы однакоже воздержались и отправились съ жалобой къ конторщику, пригласивъ его всту- питься въ дѣло. Нѣмецъ отправился вмѣстѣ съ нами, и только благодаря его личному вмѣ- шательству, удалось намъ наконецъ проникнуть въ наши комнаты.

— Этотъ негодяй, конечно, завтра же будетъ прогнанъ,—объявилъ намъ конторщикъ изви- няясь:—но что прикажете дѣлать! Такова уже почти вся прислуга въ здѣшнихъ отеляхъ, и это прямой результатъ отношенія къ своему дѣлу здѣшнихъ, англійскихъ судей.

Мы непритворно выразили недоумѣніе, при- чемъ же тутъ могутъ быть судьи. Не оказа- лось, что очень и очень «причемъ». Дѣло въ томъ, какъ объяснилъ намъ конторщикъ, что у этихъ судей есть два мѣрила справедливости: одно для англичанъ и другое для иностран- цевъ. Случись подобная исторія съ англичани- номъ, судья непременно присудилъ бы боя- китайца въ тюрьму и оправдалъ бы англича- шина даже и въ томъ случаѣ, еслибы послѣд- ній избилъ его: *бой* во всякомъ случаѣ былъ бы виноватъ и наказанъ, знай-де каково на- дерзить англичанину! Но совсѣмъ яной оборотъ получаетъ исторія, когда на мѣстѣ англичанина является иностранецъ. Для примѣра контор- щикъ рассказалъ намъ недавній случай съ од- нимъ пробѣжимъ французомъ, слѣдовавшимъ на одномъ изъ пароходовъ «Messageries Maritimes» въ Сайгонъ по какому-то срочному дѣлу. Точно такъ же, какъ и мы, остановился онъ на однѣ сутки въ этомъ же отелѣ и точно такъ же, какъ и намъ, корридорный слуга-китаецъ надѣлалъ ему по какому-то поводу грубостей. Тотъ не воздержался и въ запальчивости вытянулъ его хлыстомъ по лицу два раза. *Бой* съ воплями и плачемъ, царапая себѣ до крови лицо, тотчасъ же бросился къ полиціену составлять прото- колъ, причемъ два-три другіе, боя, такіе же

китайцы, явились свидѣтелями, и протоколъ немедленно былъ переданъ судѣ для разбира- тельства. Судья въ тотъ же часъ обязалъ француза чрезъ полицію подпиской о невѣздѣ и проморилъ его въ ожиданіи разбора дѣла цѣлую недѣлю, а при разборѣ порѣшилъ тѣмъ, что присудилъ француза за личное оскорбленіе уплатить *бою* пять фунтовъ, да за нарушеніе тишины въ общественномъ мѣстѣ къ аресту на однѣ сутки. И, такимъ образомъ, бѣдный французъ, потерявъ свое мѣсто на пароходѣ, долженъ былъ взять новый билетъ до Сайгона и заплатить штрафъ китаецу, проживався цѣлую недѣлю въ гостиницѣ, опоздать къ мѣсту своего назначенія и наконецъ перенести обиду тюремнаго ареста. Вся эта исторія, кромѣ по- тери времени и прочаго, стоила ему болѣе ты- сячи франковъ. Знай-де что значить оскор- бить англійскаго подданнаго! ¹⁾ Такимъ-то де- шевымъ способомъ англійскіе судьи приобрета- ютъ себѣ популярность между туземцами и китайцами и въ то же время практически научаютъ ихъ разницѣ, что значить имѣть дѣло съ англичаниномъ и что съ иностранцемъ. Поэтому ни одинъ китаецъ никогда не осмѣ- лится оскорбить самаго паскуднаго англича- нина и охотно лѣзетъ на оскорбленіе иностранца, съ цѣлью быть побитымъ и получить за то весьма выгодное вознагражденіе. Всѣ эти *бой* отлично знаютъ эту штуку—и вотъ намъ при- чина почему просто нѣтъ сладу со здѣшнею отельною прислугой. *Бой* во всякомъ случаѣ не въ накладѣ: прогнать его сегодня съ мѣста изъ этой гостиницы, онъ, какъ говорящій по- англійски, сегодня же будетъ принятъ на та- кое же мѣсто въ другую и, конечно, при пер- вомъ удобномъ случаѣ, постарается такую же продѣлкой заработать себѣ выгодный штрафъ съ иностранца.

Вотъ вамъ и хваленое англійское правосу- діе! Но нельзя не замѣтить, что въ этомъ ска- зывается у судей своя система, въ силу ко- торой они явно стараются отгнать въ гла- захъ туземцевъ рѣзкое различіе между значе- ніемъ англичанина и всего остального чело- вѣчества.

Комнаты наши мы нашли весьма простор- ными. Окна были безъ стеколъ, полы устланы циновками, надъ кроватью мустикеръ, предъ дверью экранъ, а на стѣнахъ и потолкѣ яще- рицы, словомъ, все какъ и быть должно въ «порядочной» гостиницѣ на крайнемъ Востокѣ.

9-го августа.

Насъ будятъ въ шесть часовъ утра. Опять эта ужасная бурда съ молокомъ вмѣсто чая!

¹⁾ Многіе китайцы, переселясь въ англійскіе города, принимаютъ и англійское подданство, что для нихъ во многихъ отношеніяхъ весьма удобно. Съ возвращеніемъ же на родину они бросаютъ его какъ излишнее.

И какъ это могутъ англичане пить такую мерзость да еще похваливать ее!.. Приступаемъ къ утреннему туалету—опять бѣда: полное отсутствіе приспособленій къ одиночному умыванію. вмѣсто умывальнаго шкафчика съ педалью поставлена на полу просто плешка съ кувшиномъ и справляйтесь съ ней какъ знаете. Вотъ и хваленый англійскій комфортъ, да еще въ лучшей гостиницѣ! Впрочемъ, мы кое-какъ справились съ этимъ затрудненіемъ при взаимной помощи другъ другу. Ыдемъ въ портъ, на «Пей-Хо», узнать нѣтъ ли какихъ распоряженій на сегодня. Прекрасная погода, не жарко, улицы уже политы и лавки открыты. Торговая и ремесленная дѣятельность спѣшатъ пользоваться часами пока еще нѣтъ томительнаго зноя. Лавки съ овощами и со свѣжею, сушеною и вяленою рыбой уже осаждаются хозяйками и рабочими людьми. Китайцы, сидя на корточкахъ на улицѣ въ тѣни, наскоро закусываютъ рисомъ, рыбой и кореньями; китайскіе цирюльники, тоже на воздухѣ, являютъ свое искусство надъ роскошными длинными косами «сыновъ неба», моютъ ихъ, расчесываютъ и заплетаютъ жгутомъ. Это былъ часъ морского отлива, и жилыя лодки въ каналахъ представляли теперь зрѣлище жалкой безпомощности: многія изъ нихъ лежали покосившись на - бокъ на обнаженномъ илистомъ и зловонномъ днѣ въ ожиданіи прибыли воды, причемъ, разумѣется, и цвѣтники съ огородами на ихъ цыновочныхъ кровляхъ приняли неестественное наклонное положеніе. Движеніе на улицахъ становится все больше и больше. Вотъ катитъ на парѣ пони желтый омнибусъ съ совершенно голымъ желтокожимъ возницей на козлахъ; вотъ тащатъ какихъ-то большихъ рыбъ и тяжелыя грозды банановъ; проскрипѣла арба, наполненная грудой ананасовъ; вотъ несутъ кому-то новый гробъ, китайскій, выдолбленный изъ цѣльной колоды краснаго дерева и отлично отполированный; тащатъ на коромыслахъ какое-то черное дрожащее желе въ большихъ полусферическихъ чашкахъ; двое кули очень бережно несутъ откормленную до-нельзя черную китайскую свинью съ глубокимъ рыломъ и отвислыми ушами, какъ у лягавой собаки, и какъ еще несутъ! На оглобляхъ, въ особой клѣткѣ, сплетенной изъ бамбуковаго драгья, гдѣ и тѣнь надъ нею нарочно устроена изъ свѣжихъ банановыхъ листьевъ, и вынесли они ее, какъ бы вы думали, зачѣмъ? На прогулку, подышать свѣжимъ воздухомъ. Вы недовѣрчиво улыбаетесь? А между тѣмъ это въ самомъ дѣлѣ правда. Здѣсь за китайскими свиньями ухаживаютъ гораздо больше, чѣмъ за людьми, и житье имъ, надо думать, куда привольнѣе чѣмъ многимъ и многимъ тысячамъ этихъ самыхъ кули. Свинья, вынесенная на утреннюю прогулку, безъ сомнѣнія, принадлежитъ какому-нибудь богатому

китайскому коммерсанту, и такъ какъ китайцы богѣе всего любятъ свиное мясо и окорока, то богатые люди для своего стола нарочно откармливаютъ лучшихъ отборныхъ свиней, доставляя имъ всяческій комфортъ до того роковаго часа, когда ножъ повара покончитъ счастливое существованіе выхоленнаго животнаго. Но и въ этомъ существованіи не безъ терній. Для того чтобы свинья наѣдала себѣ какъ можно болѣе жиру, ее совсѣмъ лишаютъ движенія, оплетая всю бамбуковою клѣткой и оставляя свободнымъ одно только рыло; но за то уже не только кормятъ и поятъ до-отвала и не только на прогулку выносятъ, а еще и моютъ, и чешутъ, и даже нанимаютъ мальченка чтобы вѣялъ на нее вѣеромъ, когда она начинаетъ выказывать признаки истомы отъ духоты и жару.

Вотъ строить кирпичный домъ; постройка доведена уже до второго этажа, и какъ своеобразно простъ китайскій способъ доставки кирпичей на второй этажъ! Одинъ рабочій внизу кидаетъ по кирпичику вверхъ, а другой, стоя на краю стѣны, живо ловитъ его руками и передаетъ третьему, который уже складываетъ кирпичи въ извѣстный порядокъ—вотъ и все, вмѣсто того чтобы обременять себя доставкой на собственной спинѣ по лѣстницѣ. И какая замѣчательная сноровка: заинтересовавшись этою эквилибристическою штукой мы приостановились здѣсь на минуту, въ теченіе которой было переброшено такимъ образомъ кирпичей пятьдесятъ по крайней мѣрѣ и ни одинъ изъ нихъ не пролетѣлъ мимо рукъ верхняго человѣка. Работа эта идетъ не только ловко, но и чрезвычайно быстро, такъ что третій человѣкъ только успѣвая подхватывать!

На улицѣ Southbridge находятся рядомъ двѣ буддистскія пагоды, огражденные высокими каменными заборами. Надъ входомъ одной изъ нихъ высится двѣ стройныя четырехъ-угольныя тонкія башни въ тринадцать низенькихъ этажей, съ парой маленькихъ, въ родѣ голубиныхъ, оконъ въ каждомъ этажѣ по каждому фасу и съ ажурною каменною рѣшеткой надъ крытыми воротами. Обѣ башни увѣнчаны грушевидными куполками съ продольными бороздками. Слѣдующая пагода тоже стоитъ внутри двора, отдѣленной отъ Southbridge каменнымъ заборомъ, на гребнѣ котораго размѣщены на равныхъ дистанціяхъ изваянія нѣсколькихъ лежащихъ коровъ съ поднятыми головами. Надъ главными воротами этого храма высится широкая плоская башня въ три этажа съ разными изваяніями и колоннами въ индійскомъ стилѣ. Кровля ея увѣнчана продольнымъ гребнемъ въ видѣ пяти широкихъ копій, заключенныхъ между парой гигантскихъ коровьихъ роговъ. Мы зашли во дворъ этой послѣдней пагоды, которая представила собою довольно широкое одноэтажное

зданіе, окруженное со всѣхъ сторонъ крытою галлереей и раздѣленное внутри поперечными балюстрадами и колоннами на три части. На фронтонѣ, украшающемъ главный входъ пагоды, находятся различныя каменные изваянія, между коими центральная фигура въ особенности остановила на себѣ наше вниманіе. Она представляетъ женщину какъ бы исходящую изъ цвѣточной чашечки лотоса; ногъ ея не видать: фигура обрѣзана по нижній край чреселъ и облечена въ ризы; руки ея приподняты до высоты лица и длани вытянуты ладонями наружу; на голову накинута покрывъ. Изъ лона этой женщины исходитъ возсѣдающій на лотосѣ младенецъ съ руками, простертыми для благословенія всего міра. Очень любопытно было бы взглянуть на внутреннее устройство и украшенія пагоды, но, къ сожалѣнію, бонза, встрѣтившій насъ во дворѣ и очень свободно изъяснявшійся по-английски, объявилъ, что входъ туда недоступенъ, а взамѣнъ того предложилъ открыть намъ часовню, находящуюся въ томъ же дворѣ, гдѣ мы свободно можемъ созерцать изваянія нѣкоторыхъ буддистскихъ «духовъ» и «святыхъ подвижниковъ». Но это были грубо вырѣзанныя изъ обрушковъ дерева и вдобавокъ пребезобразныя фигуры, щедро размазанные синькой, охрой, кинварью и ярью, тронутыя кое-гдѣ сусальною позолотой. Если онѣ имѣютъ интересъ древности, то и тотъ въ значительной мѣрѣ нарушенъ новѣйшею подмалевкой. Кромѣ того, стояли эти истуканы какъ попало, безо всякой подходящей обстановки, которая хоть сколько-нибудь напоминала бы объ ихъ религіозномъ значеніи и о религіозномъ чувствѣ ихъ хранителей. Эта часовня скорѣе похожа на кладовую для всякаго храмового хлама, да, вѣроятно, таково и назначеніе ея въ дѣйствительности. Пока мы смотрѣли на идоловъ, бонза вынесъ изъ храма сковороду, наполненную очень чистымъ бѣлымъ пенломъ, въ которомъ лежали какіе-то розовые цвѣты, и привѣтливо вручилъ каждому изъ насъ по одному цвѣтчку: «отъ Будды». Взамѣнъ этого мы ему вручили два шиллинга «на Будду». Онъ остался очень доволенъ и съ низкими поклонами проводилъ насъ до улицы.

Кирпичные тротуары со сточными канавками съ краю доходятъ до самаго конца города, а шоссе продолжается и далѣе, вѣтвясь въ разныя стороны между платациями и бенгловъ по всему острову, и пролегаетъ мѣстами въ родѣ плотины вдоль канавъ и болотистыхъ зарудъ. На видъ оно все, и земля, и щебенка, желѣзисто-красноватого цвѣта и всегда полито въ мѣру, такъ что въ громадномъ городѣ и его окрестностяхъ, на самыхъ отдаленныхъ улицахъ вѣтъ ни малѣйшей пыли, ни грязи. Вотъ подъѣзжаемъ къ Тангонгъ-роо, и здѣсь случайно обратилъ я вниманіе на малайскій кофейный домъ на свалхъ, гдѣ на платформѣ

въ ящикахъ наполненныхъ землей, разведень цвѣтникъ, въ которомъ среди тропическихъ цвѣтовъ киваютъ оранжево-красными головками и наши сѣверные «бархатцы» да «ноготки», невольно напомнившіе мнѣ родину...

Только что прибыли мы на нашъ, пароходъ, какъ слѣдомъ за нами посѣтилъ его Сіамскій регентъ съ тремя своими женами. Самъ онъ былъ одѣтъ въ синюю суконную куртку поверхъ пестрой шерстяной юбки, а на женахъ красовались китайскія парчевыя курмы (родъ косоворотыхъ длинныхъ кофть съ широкими рукавами) поверхъ широкихъ штановъ изъ синяго, пунцоваго и желтаго атласа. Двѣ изъ этихъ женъ были совсѣмъ уже старухи, хотя сказываютъ, что одной изъ нихъ только тридцать, а другой двадцать семь лѣтъ отъ роду; за то третья глядѣла совсѣмъ дѣвочкой лѣтъ четырнадцати, но какъ старая, такъ и молодая вовсе не отличались красотой. Сопровождали ихъ какой-то очень толстый сіамскій *gentier* со своею, еще болѣе толстою супругой, пріѣхавшіе въ прекрасной европейской коляскѣ. Они пріѣхали просто изъ любопытства и просили капитана показать имъ все устройство нашего судна. Тотъ конечно съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу и поручилъ комиссару быть ихъ путеводителемъ.

Узнали мы, что нашъ адмиралъ съ супругой приглашенъ сегодня на обѣдъ къ сингапурскому губернатору и что никакихъ особыхъ распоряженій на нынѣшній день не имѣется, а потому послѣ завтрака тотчасъ возвратились въ городъ.

На прекрасной площади *Raffles-square*, посреди коей разбитъ прелестный садикъ съ фонтаномъ, обнесенный красивою чугунною рѣшеткой на гранитномъ цоколѣ, находятся лучшіе каменные дома Сингапура о двухъ и даже трехъ этажахъ, построенные очень солидно въ колоніальномъ стилѣ, съ аркадами, балконами и верандами. Здѣсь же помѣщаются и лучшіе европейскіе магазины, гдѣ чего хочешь того и просишь, отъ корабельныхъ канатовъ и копытной мази до брюссельскихъ кружевъ и дѣтскихъ сосокъ включительно. Въ одинъ изъ такихъ магазиновъ подъ фирмой «*Katz brother*», завелъ насъ М. А. Поджіо, и по старому знакомству попросилъ хозяина снабдить насъ хорошимъ малайскимъ драгоманомъ, достаточно знающимъ по англійски, который могъ бы быть путеводителемъ по городу. Мистеръ Катцъ охотно исполнилъ эту просьбу и далъ намъ смышленнаго малага изъ своихъ туземныхъ артельщиковъ, съ которымъ, не теряя времени, отправились мы въ экипажъ куда-то на край свѣта, въ отдаленный малайскій кварталъ покупать малайское оружіе. Но сначала завернули въ улицу Кампомгланъ посмотреть на мусульманскую мечеть. Это зданіе, стоящее среди открытаго двора за сквозною

оградой, представляет весьма странное сочетание въ одномъ цѣломъ архитектурныхъ стилей, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Оно совершенно квадратное и, по обыкновенію, обнесено со всѣхъ сторонъ крытою галлереей, на каменныхъ устояхъ съ романскими пило-страми. Къ этой галлерей съ cadaго фаса придѣлано по одному греческому портику, которые покоятся на колоннахъ дорическаго ордена. Фронтоны портиковъ испещрены красивою вязью арабскихъ текстовъ, а трехъярусная чешуйчатая крыша, съ курносими наугольниками и рядами шиповидныхъ зубцовъ на боковыхъ продольныхъ граняхъ, является въ себѣ характеръ чисто китайскій. Бѣлокаменный минаретъ стоитъ отдѣльно въ видѣ шестигранной трехъярусной башни, охваченной по двумъ нижнимъ ярусамъ легкою баллюстрадой и увѣнчанной остроконечною крышей изъ родъ китайской шляпы, которая сидитъ на нѣсколькихъ деревянныхъ подпоркахъ, образуя подъ собою сквозную бесѣдку, откуда муэдзинъ въ урочные часы призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Извольте разобраться въ этомъ смѣшеніи элементовъ романскаго и греческаго съ арабскимъ и китайскимъ! Но англійскій строитель, «создавшій» проектъ этой мечети почему-то находить, что оно такъ и нужно и что ему удалось остроумно сочетать несочетаемое. Впрочемъ, англичане въ своихъ колоніальныхъ постройкахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, какія мы видѣли до сихъ поръ) вообще не отличаются особеннымъ изяществомъ вкуса и выдержкой какого-либо стиля, если не считать за таковой то, что у нихъ называется «колоніальнымъ стилемъ».

На длинномъ пути въ малайскій конецъ города показали намъ только одну «достопримѣчательность», нынѣшнюю обитель сингапурскаго раджи, которой названіе «дворца» англичане дали вѣроятно въ насмѣшку. Снаружи это очень невзрачный, даже бѣдный домикъ съ деревяннымъ заборомъ и кое-какими надворными хозяйственными постройками. Другихъ «достопримѣчательностей» не оказалось, и мы наконецъ благополучно прибыли въ малайскую часть, гдѣ драгоманъ остановилъ нашего извозчика предъ оружейными мастерскими.

Малайскіе мастера производятъ только ходное оружіе, преимущественно кинжалы, а затѣмъ мечи и копыя. Желѣзо они свариваютъ слоями изъ особо приготовленной проволоки, и, закаливъ клинокъ, по большей части не подвергаютъ его шлифовкѣ, а оставляютъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, при слоисто пещеристой поверхности. Дѣлается это будто бы для того, что если такой шершаво-бугристый клинокъ напоить ядомъ, то ядъ остается въ его сжати-нахъ и пещеркахъ навсегда, тогда какъ со шлифованной поверхности свести его легко.

Оружіе малайцевъ вообще, а кинжалы въ особенности, отличаются оригинальностью своихъ формъ. Наиболѣе употребительная изъ нихъ есть форма змѣеобразно извилистаго клинка, какой иногда въ видѣ пламеннаго меча можно видѣть на нѣкоторыхъ религіозныхъ изображеніяхъ; другая же, рыбообразная, представляетъ обоюдно изогнутыя лезвія, такимъ образомъ, что въ первой половинѣ клинка, начиная отъ широкаго основанія (хвостъ), онъ въ видѣ выгнутыхъ дугъ плавно и постепенно суживается къ серединѣ, а затѣмъ въ видѣ дугъ выпуклыхъ (рыбы бока) столь же плавно и постепенно расправляются до второй его половины и оттуда спускаются къ концу острія какъ бы къ носу. Ручки кинжаловъ изъ дерева и кости вообще несудобы тѣмъ, что онѣ неестественно изогнуты и коротки такъ, что могутъ вполнѣ прійтись по рукъ развѣ мальчику, но отнюдь не взрослому человѣку. Бываютъ впрочемъ еще ручки мѣдныя (исключительно у кинжаловъ), которые представляютъ собою глубокую дугу съ внутреннею перемычкой; эта послѣдняя собственно и служить ручкой, а назначеніе самой дуги предохранять кисть руки. Ножны малайцами употребляются не только для мечей и кинжаловъ, но надѣваются въ видѣ деревяннаго чехла и на копыя. Онѣ дѣлаются обыкновенно изъ камфарнаго дерева съ расширенными чушками для нижней части эфеса, на видѣ довольно красивы, всегда отлично отполированы и нерѣдко украшаются роговыми или костяными гайками, перехватками и наконечниками.

Едва мы вошли въ мастерскую, по обыкновенію, вполнѣ открытую съ улицы, какъ туда тотчасъ же набѣжала толпа ротозѣевъ и эфвакъ, которые сразу стали вышниваться въ торгъ и давать свои совѣты, одни намъ, другіе хозяину-мастеру, такъ что сейчасъ же изъ нихъ образовались какъ бы двѣ партіи: одна за насъ, другая противъ; одна хвалитъ, другая хааетъ оружіе и зоветъ насъ въ другія мастерскія; одна убѣждаетъ хозяина уступить, другая уговариваетъ не спускать ни копѣйки, и ругаетъ его даже за то, что дешево-де запросилъ, цѣну товару сбываешь. Начинается споръ, гвалтъ, руготня между собою, чуть не драка и во всякомъ случаѣ большая помѣха торгѣ. Хозяинъ совсѣмъ уже было продалъ намъ два копыя и два кинжала, но затѣмъ вдругъ отказывается отъ денегъ, беретъ всѣ вещи назадъ и извиняясь объявляетъ, что онъ раздумалъ, что это слишкомъ дешево, такъ дешево, что ему даже совѣстно предъ добрыми людьми, которые за это надъ нимъ смѣются и простаконъ называютъ. Оставалось только плюнуть и уйти. Но когда онъ увидѣлъ, что мы не шута ушли изъ его мастерской и готовы ухватъ, то сію же минуту бросился вслѣдъ за нами и уступилъ, ругая все тѣхъ же «добрыхъ людей».

которые-де только путаютъ, сами не зная зачѣмъ, и сбиваютъ съ толку честнаго человѣка. Очевидно, все это не болѣе какъ очень наивныя торгашескія хитрости и уловки, но онѣ способны раздосадовать непривычнаго человѣка и во всякомъ случаѣ совершенно бесполезно заставляютъ васъ тратить свое время на лишніе разговоры.

На возвратномъ пути для утоленія жажды заѣхали въ одну изъ овощныхъ лавокъ и спросили себѣ кокосоваго молока. Намъ дали на выборъ нѣсколько молодыхъ зеленыхъ орѣховъ и, проткнувъ въ одномъ изъ нихъ глазокъ, нацѣдили изъ него полный стаканъ совершенно прозрачной и холодной воды, на вкусъ напоминающей нѣсколько коровье молоко съ легкимъ, но не противнымъ специфическимъ привкусомъ кокоса. Питье это чрезвычайно освѣжаетъ и надолго утоляетъ жажду.

Проѣхали въ индійскіе торговые ряды, гдѣ пріютилось также большинство табачныхъ и мѣняльных лавокъ. Въ табачныхъ на первомъ планѣ фигурируютъ манильскія черутты, а также и мѣстные маленькія сигары, затѣмъ тутъ же найдете вы разные сорта, такъ-называемыхъ, турецкихъ и японскихъ табачковъ (послѣдніе въ великолѣпной тончайшей крошкѣ) и русскія папиросы Лаферма, специально направляемыя въ Индію подѣ особенною бандеролью, на штемпелѣ которой изображенъ слонъ. Здѣсь же продается и тертый нюхательный табакъ, употребляемый, впрочемъ, многими туземцами не для нюханья, а для закладки подѣ языкъ или за щеку. Въ индійскихъ лавкахъ повсюду смѣсь товаровъ европейскихъ съ туземными, но манчестерскіе ситцы и вообще англійскія ткани преобладаютъ надъ индійскими, которые, по словамъ здѣшнихъ купцовъ, съ каждымъ годомъ приходятъ все въ болѣе и болѣе упадокъ, не выдерживая, какъ ручная работа, машинной англійской конкуренціи, и уже не далеко время, когда всѣ эти туземныя кисеи, гренадины, парчи и кашемиры отойдутъ въ область преданій. Въ одной изъ такихъ лавокъ, гдѣ между прочимъ были выставлены разные токарныя, рѣзные и инкрустированныя вещицы, я спросилъ продащицу шкатулку для женскихъ перчатокъ. Отвѣчаютъ что такихъ нѣтъ, всѣ вышли, а вотъ не угодно ли туалетныя шкатулки изъ чернаго и сандальнаго дерева. Нечего дѣлать, пришлось купить туалетную, которая, все-равно, предназначалась мною для подарка на далекой родинѣ, и это дѣйствительно была великолѣпная вещица, вся въ мельчайшихъ инкрустаціяхъ, звѣздочками и точками, обложенная бордюрами изъ слоеной кости. Но лишь только мнѣ ее завернули, какъ продавецъ вдругъ вытащилъ изъ-за прилавка болѣе дюжины именно такихъ перчаточныхъ шкатулокъ, какія я спрашивалъ.

— Какъ же вы сказали что у васъ нѣтъ такихъ!?

— Это было маленькое недоразумѣніе, отвѣтилъ продавецъ съ извиняющеюся, но лукавою улыбкой:—но не все ли равно? такъ какъ вы купили уже туалетную, то что вамъ стоитъ докупить и перчаточную! Тѣмъ болѣе, что это такъ хорошо и такъ дешево.

Это видимо была опять-таки торгашеская уловка, чтобы заставитьъ васъ купить побольше, и расчетъ купца на сей разъ вполне оправдался: по слабосердечію къ изящнымъ вещамъ, я соблазнился и купилъ еще одну шкатулку.

Искали мы индійской мѣдно-чеканной посуды съ инкрустаціями и рѣзбой, но нигдѣ не нашли; за то купили очень тонкія китайскія цыновки, какъ нельзя болѣе удобныя въ качествѣ постельной подстилки, именно въ тропическихъ странахъ, гдѣ нагрѣтые въ теченіе знойнаго дня матрацы не остываютъ и къ ночи, а эти цыновки такъ мягки, нѣжны и такъ хорошо прохладяютъ истомленное жарой тѣло.

Весь Сингапуръ, это въ сущности громаднѣйшій базаръ; за исключеніемъ загородныхъ европейскихъ бенгловъ, здѣсь нѣтъ ни одного дома, гдѣ нижній этажъ не былъ бы сплошь занятъ лавками. Но, кромѣ немногихъ европейскихъ и индійскихъ купцовъ, вся торговля находится въ рукахъ пришлыхъ китайцевъ. Малайцы почти совсѣмъ не занимаются ею; они земледѣльцы, рыбаки, чернорабочіе и ремесленники, но и во всѣхъ этихъ отрасляхъ труда китайскіе кули съ каждымъ годомъ все болѣе являются для нихъ опасными конкурентами. Я уже говорилъ, что китайцевъ здѣсь ~~около~~ 200.000 душъ, а осѣдлыхъ европейцевъ, не считая войскъ, всего 500 человѣкъ!.. Тѣмъ не менѣе, вы видите тутъ и прекрасное шоссе, и газовое освѣщеніе, цѣльныя мосты, широкіе каналы, роскошныя зданія собора, гимназій, суда, театра, клуба, словомъ, полное благоустройство на европейскую ногу. Но не думайте, чтобъ англійскому карману стоило оно хоть одну копейку: все это устроено на податныя средства мѣстнаго населенія. Какимъ прессомъ эти средства выжимаются, про то не спрашивайте; но фактъ налицо: ради собственнаго комфорта, англичане умѣютъ широко примѣнить ихъ къ дѣлу.

Возвращаясь съ базара, заѣхали мы взглянуть на внутренность кафедральнаго собора, но нашли въ немъ только одну особенность, а именно панку, которая во время богослуженія дѣйствуетъ надъ рядами скамеекъ, для доставленія молящимся освѣжительной прохлады. Во всемъ своемъ внутреннемъ строѣ и въ архитектурныхъ украшеніяхъ храмъ этотъ представляетъ самое ординарное зданіе въ англо-готическомъ стилѣ. Ни по части рѣзбы, ни по части изваяній, ни въ живописи, ни въ цвѣтныхъ окнахъ, словомъ, ни

въ чемъ не даетъ онъ ничего такого, на чемъ особенно стоило бы остановить вниманіе: все это, пожалуй, хорошо, но хорошо какимъ-то самымъ безцвѣтнымъ, заурядно шаблоннымъ образомъ, какъ будто на все на это наложено печать самодовольно солидной посредственности: много комфорту, но ни капли вдохновенія.

На лужайкѣ предъ соборомъ, на самомъ солнцекѣ устроена игра въ lawn tennis, на которую любители выходятъ въ особыхъ костюмахъ: тѣлеснаго цвѣта фуфайки, бѣлые панталоны и пунцовый шелковый поясъ, въ видѣ шарфа, сплетеннаго мелкою сѣткой съ длинными кистями. Для солдатъ же мѣстнаго гарнизона игра эта является чѣмъ-то въ родѣ обязательнаго занятія, такъ какъ выводятъ ихъ на нее командами, въ каскахъ, и ведетъ она подъ надзоромъ офицеровъ. Въ то время какъ одни изъ солдатъ играютъ, товарищи ихъ, отпущенные послѣ занятій въ городъ, прогуливаются тутъ же по аллеѣ, въ легкихъ шотландскихъ шапочкахъ, съ сигарами въ зубахъ и съ тросточкой въ рукѣ. Одѣты они очень чисто, даже щеголевато; при встрѣчѣ съ офицерами отдаютъ имъ честь не безъ пріятной граціи, скорѣе какъ бы по знакомству чѣмъ по долгу службы. Повидимому они очень заняты собой, своимъ щегольскимъ костюмомъ, вообще своею «партикулярностью», какъ говорятъ наши писари, и по макерамъ стараются держать себя вполне джентльменами, но... при всемъ этомъ въ нихъ не достаетъ чего-то военного, — «косточки военной» нѣтъ, «жилки» военной не хватаетъ. Не знаю, можетъ-быть я и ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ таково было при взглядѣ на нихъ мое первое впечатлѣніе, которое не измѣнилось и впоследствии.

Пріѣзжаемъ въ Лорнъ-отель, гдѣ неожиданно застаемъ нѣсколькихъ пассажировъ съ «Нижняго Новгорода», возвращающихся изъ Приморской области и Усурійскаго края въ Россію. Познакомились, разумеется.

— Чтò новаго?—спрашиваемъ.

— Да ничего,—отвѣчаютъ: все благополучно. Это у васъ надо спрашивать про новости... Вы, такъ-сказать, у источника.

— Да мы пока ничего еще не знаемъ.

— Ну, а мы и того менѣе.

— Однако, чтò же китайцы? На границѣ-то какъ?

— Да никакъ, по старому. Перемины никакой незамѣтно.

— Къ войнѣ готовятся?

— Кто это? Китайцы-то?.. Зачѣмъ?.. Никакой войны не будетъ, вотъ посмотрите... Все обойдется и такъ! Ни имъ, ни намъ воевать тамъ пока не сподручно, да и расчета нѣтъ. Или развѣ отъ скуки въ Петербургѣ сочинять войну?

Такъ вотъ каково убѣжденіе людей, ѣду-

щихъ «съ мѣста». Они даже не вѣрятъ въ возможность войны между Россіей и Китаемъ. «Все, молъ, и такъ обойдется благополучно». Такая спокойная увѣренность нѣсколько разочаровала и охладила наши ожиданія... Но что же, въ результатѣ все-таки окажется (по крайней мѣрѣ для меня) очень интересная поѣздка въ страны крайняго Востока.

Въ половинѣ пятаго часа пополудни, когда жара уже нѣсколько спала, намъ привели занавѣе заказанное ландо, чтобы ѣхать въ Ботаническій садъ, куда въ обыкновенныхъ извозничьихъ экипажахъ днемъ почему-то не пускаютъ, а вечеромъ можно. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ объявили нынче утромъ въ Европейской гостинницѣ, кстати предложивъ поэтому къ нашимъ услугамъ свое ландо.

Дорога туда идетъ все время загородными садами, среди коихъ виднѣются европейскія бенгловы, китайскія фанзы и малайскія хижины, выбѣгающія иногда и на самое шоссе, которое и въ этомъ участкѣ все также прекрасно содержится, всегда въ мѣру полито, и по вечерамъ освѣщается газовыми фонарями. Каменные мостики на немъ, возведенные надъ дренажными трубами, отличаются весьма солидною постройкой; боковыя канавы наполнены чистою проточною водою и, сообщаясь со множествомъ побочныхъ арыковъ и съ особыми цистернами (которыя замѣчаете вы тутъ же, нѣсколько въ сторонѣ), входятъ въ составъ цѣлой оросительной сѣти, распространяющейся по всѣмъ прилежащимъ садамъ и плантаціямъ. Вправо, изъ-за зелени, виднѣется на небольшой возвышенности обширный губернаторскій домъ съ колоннами, бельведерами, широкими балконами, террасами и со многочисленными службами, — цѣлый дворецъ, необходимый «для внушительности» и поддержанія англійскаго «престижа» среди туземцевъ, на гроши которыхъ онъ и выстроенъ. Живую изгородь садовъ служатъ здѣсь преимущественно граціозно-легкая, перистая мимоза, не терпящая никакого прикосновенія, даже дождя и вѣтра. Изъ-за кустовъ ея поднимаются въ высь тысячи всевозможныхъ пальмъ, корнелуковъ и другихъ тропическихъ гигантовъ. Въ особенности хороши папоротники и вѣрные пальмы. Вѣтви послѣднихъ образуютъ не шапку или метелку, какъ всѣ другіе виды пальмъ, а плоскій, вертикально поставленный на верхушкѣ ствола полудискъ, походящій на распушенный обыкновенный вѣтеръ. Нередко изъ-за изгородей свѣшиваются къ дорогѣ вѣтви разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, обремененныя зрѣлыми и поспѣвающими плодами. Такъ вы видите тутъ апельсаны, апельсины и мандарины, мангу, въ видѣ громадныхъ желтыхъ сливъ; ¹⁾ пло-

¹⁾ Мангу—очень красивое дерево, часто изображаемое на индійскихъ шелковыхъ матеріяхъ.

ды благовоннаго пандана, похожіе на сосновыя шишки, вѣсомъ отъ четырехъ до восьми фунтовъ, и напоминающіе вкусомъ наши лѣсные орѣхи; смоковницы, баобабы, мангустаны... О банапахъ, кокосахъ и арекахъ уже и не говорю: ихъ тутъ массы. Но вотъ прекрасное дерево: это саговая пальма, кроны которой еще роскошнѣе чѣмъ у кокосовой и стволъ очень массивенъ. Изъ сердцевины ея добывается саго, и въ Сингапурѣ, говорятъ, болѣе тридцати заводовъ заняты обработкой этого продукта. Вотъ перечныя плантаціи, гдѣ растеніе это, напоминающее по виду обыкновенный плющъ, вьется, подобно нашему хмѣлю, вокругъ тычинъ насаженныхъ правильными рядами на грядкахъ, попеременно съ банапами, которые нарочно разводятъ на перечныхъ плантаціяхъ для доставленія перечного выюку тѣни и влаги. Мускатныя, гвоздичныя, кориичевыя и ванильныя деревья также наполняютъ здѣшніе сады вмѣстѣ съ гигантскими павловіями, араукаріями, эбенами, сандалнымъ деревомъ и гуттабанами¹⁾. Но всей этой роскоши растительнаго царства и не перечислишь!..

Путь къ Ботаническому саду не близокъ, и пока его пройдешь, успѣшь вдосталь любоваться на тропическую флору. Но, увы! вмѣсто чистаго воздуха вы все время принуждены дышать противною гарью распространяемою кизякомъ, который нарочно жгутъ въ садахъ ради избавленія отъ комаровъ и москитовъ. Здѣсь такое множество этихъ несносныхъ воздушныхъ кусахъ всевозможныхъ родовъ и видовъ что безъ кизяковой гари отъ нихъ подь вечеръ и житья бы не было. Поэтому изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее и чуть не задыхаться отъ дикаго

У Индусовъ есть преданіе, что одинъ изъ ихъ божественныхъ героев похитилъ это дерево изъ заповѣдныхъ садовъ великана на Цейлонѣ и принесть въ даръ ихъ предкамъ сладкіе плоды его, за что и былъ обращенъ въ отвратительную обезьяну, Ганумана. Оно, какъ конскій каштанъ, покрывается превосходными жирандолями цвѣтовъ, которые послѣ замѣняются большими плодами похожими на сливы. Но плоды не культивированной мангу не особенно вкусны, и Гартивигъ (см. *Тропическій мѣръ*, 247) говоритъ, что они едва ли лучше клочка пакли облитой соусомъ изъ терпентина. Культивированный же плодъ вкусенъ и соченъ; онъ кислотовато-сладокъ, и хотя легкій терпентинный привкусъ въ немъ остается, но не дѣлаетъ его непріятнымъ.

¹⁾ Мѣстное названіе гуттаперчи. Это могучее дерево, отъ 40 до 60 футовъ высоты, растетъ чрезвычайно быстро, и съ особеннымъ успѣхомъ воздѣлывается въ Сингапурѣ ради того, что оно можетъ давать до 60 фунтовъ каучука въ годъ. Добыча этого вещества производится посредствомъ надрѣзовъ въ корѣ, чрезъ которые вытекаетъ млечный сокъ, подвергаемый выпариванію въ большихъ колодахъ. Дерево отъ надрѣзовъ нисколько не страдаетъ и, помимо прямой своей пользы, приноситъ еще съѣдобные сладкіе плоды.

дыма, который иногда какъ туманъ стелется пеленой по низинамъ садовъ, подь деревьями.

О самомъ Ботаническомъ садѣ приходится сказать немногое. Онъ очень обширенъ и славится тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ рѣшительно всѣхъ представителей растительности тропической Азіи и острововъ Остъ-Индскаго и Японскаго архипелаговъ. Впрочемъ, какъ исключеніе или, скорѣе, какъ рѣдкость, встрѣчаются въ немъ и нѣсколько деревьевъ болѣе умѣренныхъ и даже сѣверныхъ широтъ какъ ель, кедръ, лиственница и др., за которыми здѣсь въ особенности ухаживаютъ,—все равно какъ у насъ за экзотическими растеніями. Была, говорятъ, одно время и наша береза, да не выдержала климата, зачахла. Садъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ какъ паркъ, соединяя въ себѣ обширные газоны съ клумбами цвѣтовъ и бордюрныхъ растеній и широкія луговины съ отдѣльными кучами различныхъ кустарниковъ и древесныхъ рощъ, перерѣзанныя извилистыми дорожками и тѣнистыми аллеями для катанья верхомъ и въ экипажахъ. Здѣсь эту прихотливо-роскошную тропическую флору англійскіе ученые садоводы заставили сбросить съ себя всю необузданность ея дикаго роста и свободнаго развитія, составляющихъ ея главную прелесть и художественную красоту въ индійскихъ лѣсахъ и джонгляхъ, и педантически подчини ея извѣстному «режиму», кое-что подстригли, кое-гдѣ подчистили, тамъ подрубили, тутъ пообкарнали и вообще заставили дикарку познакомиться съ англійскою, нѣсколько щепетильною чистотой и наложенною опрятностью. Но и въ этомъ видѣ, поставленная какъ бы «подъ ранжиръ», классифицированная по семействамъ, родамъ и видамъ и изображающая собою декорацію парка въ англійскомъ вкусѣ, эта флора все же прелестна. За то ботаникъ, который захотѣлъ бы во всей подробности изучить растительность южной и островной Азіи, найдетъ здѣсь сразу все что ему нужно, и въ этомъ, конечно, несомнѣнная заслуга учредителей сада предъ наукой. Въ саду находится и птичникъ съ нѣсколькими экземплярами рѣдкихъ и нарядныхъ пернатыхъ; но вообще для мѣстной орнитологіи въ немъ могло бы быть собрано гораздо больше интересныхъ и разнообразныхъ особей. Теперь же многія отдѣленія птичника совсѣмъ пусты.

Гуляющей публики въ саду было немного, и то болѣе изъ проѣзжихъ иностранныхъ гостей, въ числѣ коихъ находилось и нѣсколько русскихъ дамъ съ «Малаги» и «Нижняго Новгорода» а также и сіамскій резидентъ со своими женами и свитой. Что же до мѣстныхъ жителей-европейцевъ, то въ эту пору дня они почти совсѣмъ тутъ не гуляютъ; мы, по крайней мѣрѣ, встрѣтили только одно тильбюри съ какимъ-то проглотившимъ аршинъ трехполѣннымъ джентль-

меномъ, который каталъ своего чернокожаго, обезьяноподобнаго карлика-грума, да одно ландо, въ нѣдрахъ коего вмѣщалось цѣлое англійское семейство съ представителями и представительницами трехъ, если не четырехъ поколѣній. За то изъ туземной публики здѣсь прокатило мимо насъ нѣсколько крупныхъ китайскихъ торговцевъ, видимо щеголявшихъ своими великолѣпными фаэтонами и колясками. Европейская публика собирается сюда гораздо позднѣе, уже послѣ обѣда, въ десятомъ часу вечера, подышать вечернею прохладой при звукахъ военнаго оркестра. Къ этому времени и мы намѣрены возвратиться сюда; а пока спѣшимъ въ Лорнъ-отель, гдѣ ожидаютъ насъ русскія щи и прочія прелести отечественной кухни.

Пока до обѣда расположились мы въ Лорнъ на верандѣ, выходящей въ уличный садикъ, и здѣсь я впервые познакомился съ типомъ мелкаго торговца-китайца, который всю свою лавочку носитъ на ручномъ лоткѣ, да въ заплечномъ корбѣ. Но чего-чего только нѣтъ у него въ этой лавочкѣ!.. Мнѣ оны совершенно напомнилъ тѣхъ юркихъ жидковъ-коробейниковъ нашего западнаго края, безъ знакомства съ которыми не обойдется ни одинъ проѣзжій, остановившійся на почтовой станціи или въ «забѣдномъ домѣ». Разница только та, что китайцы этого сорта не такъ назойливы какъ жидки и держатъ себя солиднѣе, съ большимъ достоинствомъ. Изъ числа всякой всячины, выложенной предъ нами китайцемъ на выборъ, болѣе всего обратила на себя вниманіе пре-оригинальная парюра, состоявшая изъ броши серегъ и браслета. Первые три вещицы были сдѣланы изъ когтей, а послѣдняя изъ цѣлаго ряда зубовъ тигра въ золотой оправѣ тончайшей филигранной работы съ легкимъ эмалевымъ узоромъ. Тутъ же были брелоки и медальоны тоже изъ тигровыхъ когтей и еще одно кольцо изъ зубовъ акулы, которые, надо отдать имъ справедливость, по своей формѣ и по изумительно бѣлой бѣлой эмали, не только красивы, но даже можно сказать изящны и, будучи соединены въ одну общую цѣпь легкими золотыми звеньями, дѣйствительно составляютъ весьма недурное украшеніе. Но что за своеобразная, чисто китайская фантазія — употребить такіе предметы для женскихъ украшеній! Впрочемъ, по объясненію торговца, они все имѣютъ значеніе какъ талисманы, предохраняющіе отъ опасныхъ встрѣчъ съ дурными людьми и хищными животными и придающіе носящимъ ихъ лицамъ лишнюю дозу храбрости.

Наконецъ раздѣлись въ палисадникѣ зычныя удары въ гонгъ, служашіе въ здѣшнихъ гостиницахъ обычнымъ призывомъ постояльцевъ и абонентовъ за *table d'hôte*, и мы отправились по вчерашнему въ особую столовую имѣеть съ хозяевами Лорнъ-отеля. Лѣнивыя щи и пироги съ ливерною начинкой, и цып-

лята, и все прочее вышло просто на славу, точно мы и въ самомъ дѣлѣ благоудушествовали за столомъ не въ Сингапурѣ, а гдѣ-нибудь у себя на родинѣ.

Послѣ обѣда отправились мы въ Сино-Малайскій театръ, гдѣ даетъ смѣшанныя представленія труппа, состоящая изъ китайскихъ и малайскихъ артистовъ. За входъ съ насъ взяли по доллару — нельзя сказать чтобы особенно дешево, но это во вниманіе къ тому что мы «европейскіе туристы», а туземная публика платитъ за мѣсто всего лишь по нѣсколькимъ центовъ. Театръ находится внутри какого-то двора, куда надо пробираться узкими закоулочными проходами, по минованіи коихъ вы прямо наталкиваетесь на китайскій буфетъ съ прохладительными и горячительными напитками, фруктами, сладкими, жареными пирожками и совершенно европейскими «бутербродами» съ ветчиной. Самый театръ представляетъ собою открытый сарай, безъ боковыхъ стѣнъ, одна половина котораго занята сценой, а другая мѣстами для зрителей. Сцена устроена весьма своеобразно, съ боковыми крыльями, въ видѣ подковы, обращенной выемкой къ публикѣ. Кулисы и боковыхъ декораций не полагается, а въ случаѣ надобности, предъ заднею стѣной ставится небольшой экранъ, на которомъ намалевано что требуется по ходу пьесы: домъ, садъ, лѣсъ, море, небо съ облаками, геена огненная и т. п. Это и служитъ декорацией, по которой зрители знаютъ гдѣ происходитъ дѣйствіе. На обоихъ концахъ задней стѣны находится по одной навѣшенной двери, которые ведутъ въ уборныя. Въ эти двери обыкновенно входятъ и выходятъ во время представленія дѣйствующія лица. Сцена и зрительная зала освѣщаются подвѣшанными къ потолку и на столбахъ лампами безъ стеклянныхъ колпаковъ, гдѣ горитъ кокосовое масло. Музыканты въ числѣ пяти-шести человекъ помѣщаются вдоль задней стѣны, на сценѣ же, и въ случаѣ надобности принимаютъ со своими инструментами непосредственное участіе въ самомъ ходѣ пьесы, какъ актеры. Зрительная зала раздѣляется на три отдѣленія: первое помѣщается на возвышенной эстрадѣ, находящейся противъ сцены, тамъ гдѣ у насъ «мѣста за креслами». Здѣсь наиболѣе дорогія мѣста, предоставляемыя «избранной» туземной публикѣ. Отъ этой эстрады вплоть до подножія сцены идетъ по срединѣ узкій проходъ, раздѣляющій залу на двѣ боковыя половины, гдѣ съ каждой стороны устроено по одной досчатой трибунѣ, которыя уставлены рядами скамеекъ и спускаются наклонною плоскостью къ сценѣ. Онѣ соответствуютъ нашему партеру, причѣмъ лѣвая сторона предоставляется мужчинамъ, а правая женщинамъ и дѣтямъ. Наконецъ, послѣднія мѣста устроены снаружи театра параллель-

но боковымъ крыльямъ сценическихъ подмостковъ, и здѣсь уже царство исключительно «сѣрой» или самой «дешевой» публики, которая всегда принимаетъ живѣйшее участіе въ ходѣ пьесы, громко выражалъ свое одобреніе или порицаніе дѣйствующимъ лицамъ, но не какъ актерамъ, а именно какъ героямъ пьесы, заслужившимъ своими поступками ея симпатіи или антипатіи. Въ первомъ случаѣ на сцену нерѣдко летятъ апельсины и сласти, а въ послѣднемъ—апельсинныя и дынные корки, кожура банановъ и мангустановъ и шелуха орѣховъ. Эта же публика зачастую вступаетъ и въ приватные разговоры съ актерами, спрашивая у нихъ поясненія тому или другому дѣйствію и подавая свои совѣты, какъ, по ея мнѣнію, слѣдовало бы поступить герою въ томъ или другомъ случаѣ. Въ узкомъ проходѣ расхаживаютъ время отъ времени продавцы свѣжей воды, сигаръ и фруктовъ, командимуемые отъ буфета.

Костюмы и гримировка артистовъ очень экецентричны: бѣлила, карминъ, сурикъ и сажа въ большомъ ходу для разрисовки лица, равно какъ конопляная пакля и конскій волосъ для бородъ, усовъ и париковъ. Нерѣдко характеръ гримировки напоминаетъ нашихъ црковныхъ клоуновъ; загримированные чертами приставляютъ себѣ бычьи рога и хвосты и намазываютъ все тѣло сурикомъ или сажей, а добрыхъ духовъ изображаютъ набѣленны и на-румяненны дѣти въ голубыхъ и бѣлыхъ балахончикахъ. Женскія роли исполняются исключительно мужчинами, причемъ для женъ-премьерокъ избираются обыкновенно красивые мальчики лѣтъ пятнадцати. Костюмы очень богаты и строятся изъ самыхъ дорогихъ матерій: атласа, затканнаго пышными букетами и драконами, парчи и бархата расшитаго золотомъ и блестками. Характеръ костюмовъ либо національно-китайскій, либо фантастическій, въ томъ родѣ какой вы можете видѣть на китайскихъ же картинкахъ, изображающихъ романтическія или боевыя сцены и похождения ихъ многочисленныхъ полубоговъ и героевъ. Усиленная экспрессивность мимики, позъ и движеній обыкновенно бываетъ утрирована до того, что впадаетъ въ карикатуру, особенно въ моменты трагическихъ положеній. Но это только на нашъ европейскій взглядъ; туземцы же восхищаются ими самымъ серьезнымъ образомъ. При насъ шла какал-то опера, сюжетъ которой, насколько можно было понять изъ самаго дѣйствія, заключался въ томъ, что молодой чужестранный принцъ влюбленъ въ принцессу, въ которую влюбленъ въ то же время и злой колдунъ, препятствующій ихъ браку съ помощью темныхъ силъ ада. Но молодымъ влюбленнымъ покровительствуютъ добрые гении, и когда злые духи вызванные волшебникомъ на сцену, въ количествѣ цѣлой дюжины

красныхъ и черныхъ чертей, уже выслушавъ его распоряженія, готовы начать всякія каверзы противъ молодого принца, ангелы-хранители и покровители влюбленныхъ появляются изъ другой двери и вступаютъ съ ними въ споръ, который вскорѣ принимаетъ очень горячій характеръ. Черти съ деревянными мечами и двурогими копьями, въ родѣ нашихъ ухватовъ, гурьбой кидаются на двухъ гениевъ-покровителей, которые въ этотъ моментъ черта въ воздухѣ своими жезлами какой-то таинственный знакъ—и на сцену выбѣгаетъ дюжина малыхъ ребятъ отъ шести до двѣнадцати лѣтъ, имѣя въ рукахъ цѣлѣйшія гирлянды и махалки изъ бѣлаго конского волоса, какія употребляются бонзами при буддистскомъ богослуженіи. Ребята эти изображаютъ рать добрыхъ духовъ и окружаютъ двухъ гениевъ-покровителей. Тогда рать становится противъ рати и начинается воистинный балетъ, изображающій битву злыхъ духовъ съ добрыми. Злые, въ самыхъ невозможныхъ воинственно-патетическихъ и фехтовальныхъ позахъ, нападаютъ со своими ухватами на добрыхъ, а добрые отмахиваются отъ нихъ махалками и хвостами цѣлѣйныхъ гирляндъ и, наконецъ, побѣждаютъ злыхъ. Послѣдніе кричась, якобы въ корчахъ ужаса, бѣгутъ со сцены, провожаемые ребятами, которые дунутъ ихъ по спинѣ своими махалками и гирляндами. Итакъ, добродѣтель и любовь на первый разъ торжествуютъ, и гении-покровители, утомленные борьбой, идутъ предаться сладкому сну. Но не дремлетъ изобрѣтательность злаго волшебника, который вызываетъ къ себѣ на тайный совѣтъ главнаго начальника злыхъ духовъ. У этого послѣдняго одна сторона тѣла красная, другая черная, вмѣсто волосъ длинная золотая грива, рога и когти тоже золотые и даже хвостъ позолоченъ. Волшебникъ задаетъ мыслію отвлечь вниманіе гениевъ-хранителей отъ влюбленной четы, дабы тѣмъ легче похитить влюбленного принца и овладѣть принцессой. Для этого на совѣтѣ съ главнымъ начальникомъ чертей рѣшено наслать на всю страну всяческія напасти, борьба съ которыми всецѣло заняла бы гениевъ-хранителей, и въ виду необходимости спасти человечество отъ общаго бѣдствія, заставила бы ихъ отвлечь хотя временно свое вниманіе отъ личныхъ судебъ влюбленной пары. Съ этою цѣлью златогривый дьяволъ посылаетъ на землю, во-первыхъ ужасную грозу. Предъ заднею стѣной ставятъ экранъ, изображающій небо съ клубящимися тучами и молніями. При этомъ рать чертей опять выбѣгаетъ на сцену и подымаетъ ужаснѣйшую возню: они бѣгаютъ какъ ошалѣлые, вертятся, кривляются, кувыркаются, барахтаются между собою и вообще производятъ въ нѣкоторомъ родѣ кавардакъ во вселенной. Чтобъ изобразить грозу, подни-

мается ужаснѣйшій шумъ и трескъ. Одни изъ чертей колотятъ, что есть мочи въ гонги, тамъ-тамы, барабаны, бьютъ доской о доску, трещать въ трещетки и потрясаютъ жестяными листами, а другіе производятъ сандаракowymъ порошкомъ огненные вспышки. Это значитъ громъ и молнія. Гроза зажигаетъ ужаснѣйшій пожаръ. Для этого на сцену вносятъ бумажные домики и подпаливаютъ ихъ сандараковой вспышкой. Зрители должны понимать, что это горитъ столичный городъ и дворецъ гдѣ живетъ принцесса со своимъ возлюбленнымъ. Второе бѣдствіе заключается въ наводненіи и изверженіи огневдышащей горы. На сцену вносятъ два экрана: на одномъ волнующееся море, на другомъ вулканъ. Для усиленія впечатлѣнія, одинъ изъ дьяволовъ становится позади послѣдняго экрана, и поджигаетъ шипучій фиберверочный фонтанъ; тысячи искръ сыплются на сцену, а черти, взявшись за руки, начинаютъ дрожать и подпрыгивать. Это значитъ землетрясеніе. Пока одна половина чертей производитъ всѣ сіи бѣдствія, другая спѣшитъ переодѣться за сценой въ костюмы обыкновенныхъ обывателей и появляется вновь уже въ роли мирныхъ гражданъ, разоренныхъ и удрученныхъ всѣми случившимися злоключеніями. Мирные граждане съ жемами горя и отчаянія взываетъ къ небу о помощи, и вотъ на сцену выходятъ геніи-хранители съ сонмомъ добрыхъ духовъ и начинаютъ врачевать раны и горести страждущаго человѣчества: однимъ даютъ деньги; другимъ подносятъ плоды, третьихъ снабжаютъ одеждой. Для меня осталось только не совсѣмъ ясно — точно ли это добрые обыватели, дѣйствительные представители страждущаго человѣчества, или же черти притворившіеся таковыми съ тѣмъ, чтобы лучше надуть благодѣтельныхъ геніевъ. Во всякомъ случаѣ эти послѣдніе такъ увлеклись своимъ добрымъ дѣломъ, что и не замѣчаютъ какъ на сценѣ появляется влюбленная чета. Принцъ и принцесса изнемогаютъ отъ страданій и усталости и засыпаютъ на концѣ праваго крыла сцены, и въ то время какъ добрые геніи разсѣлаютъ свои благодѣянія на лѣвомъ. Пользуясь этимъ, злой волшебникъ съ златогривымъ дьяволомъ тишкомъ-молчкомъ прокрадываются къ спящей четѣ и похищаютъ сперва соннаго принца, котораго дьяволъ утаскиваетъ, вѣроятно, въ преисподнюю; затѣмъ они возвращаются за принцессой и уже берутъ ее сонную къ себѣ на руки, какъ вдругъ добрые геніи, кстати уже успѣвшіе удовлетворить человѣчество, замѣтили этотъ маневръ волшебника и злаго духа. Они повелительно заграждаютъ имъ путь и вступаютъ въ борьбу за спящую принцессу. Опять появляется рать злыхъ духовъ, и зрители наслаждаются новымъ воинственнымъ балетомъ. Одинъ изъ геніевъ-хранителей всту-

паетъ въ единоборство со златогривымъ дьяволомъ. Въ рукахъ у обоихъ длинныя китайскіе бердыши, какіе вы опять-таки можете видѣть на героическихъ китайскихъ картинахъ. Каждый противникъ держится за свой бердышъ обѣими руками, какъ за балансиръ, и принимаетъ съ нимъ разныя позы. Начинается танецъ съ фехтованіемъ, изображающій поединокъ. Конечъ, разумеется, тотъ, что добрый геній побѣждаетъ злаго и допытывается у него куда онъ дѣвалъ несчастнаго принца. Между тѣмъ злополучная принцесса въ отчаяніи что у нея пропалъ возлюбленный и не знаетъ что ей дѣлать. Добрые геніи утѣшаютъ ее и сообщаютъ, что принцъ ея живъ и здоровъ, но что злой духъ запряталъ его въ какую-то отдаленную страну, куда принцесса должна отправиться за нимъ на поиски, если желаетъ получить его обратно. Принцесса, конечно, желаетъ и немедленно снаряжается въ путь; съ нею отправляется и ея наперстница, отыскавшая наконецъ свою госпожу послѣ всѣхъ погромовъ, произведенныхъ во вселенной злыми духами. На сцену вносятъ экранъ, изображающій рѣку съ цвѣтущими берегами и китайскими лодками, а посреди аван-сцены ставятъ одинъ за другимъ два стула: тотъ что впереди съ обыкновенною, а задній съ высокою спинкой, къ которой привязано весло. Это значитъ лодка. Кормщикъ, наставляемый добрыми духами, взбирается на задній стулъ, садится на его спинку и начинаетъ юлить весломъ. Принцесса помѣстилась на переднемъ стулѣ, а наперстница у ея ногъ. Одинъ изъ музыкантовъ подходитъ и подаетъ наперстницѣ четырехъ-струнную плоско-круглую мандолину; звуками которой она должна развлекать тоскующую принцессу. Итакъ, напутствуемые добрыми геніями странники пускаются въ продолжительное плаваніе, въ теченіе коего кормщикъ на заднемъ стулѣ безъ устали юлитъ своимъ весломъ, изображая греблю. Плаваніе дѣйствительно выходитъ черезчуръ уже продолжительнымъ, такъ что мы даже соскучились, слушая какъ грустная принцесса поетъ безконечную пѣсню подъ тихій акомпанементъ мандолины и другихъ струнныхъ инструментовъ. Гонги и тамъ-тамы въ этомъ акомпанементѣ, къ счастью не участвуютъ, и это обстоятельство, въ соединеніи съ продолжительностью пѣнія, помогло мнѣ не только уловить, но и запомнить мотивъ аріи принцессы. Безъ сомнѣнія, вы удивитесь когда я скажу вамъ, что онъ очень напоминаетъ извѣстную русскую пѣсню: «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской по дороженькѣ». Если вы первыя два колѣна этой пѣсни споете выѣсто мажорнаго въ минорномъ тонѣ, а послѣднія два будете пѣть совершенно такъ же, какъ они поются въ нашей пѣснѣ, то это будетъ вполнѣ точное воспроизведеніе китайской аріи. Молодой актеръ

изображавший принцессу, довольно удачно поддѣлывалъ свой высокій фальцетъ подъ женскій голосъ, и слушая его я долго не могъ понять почему въ его аріи чудится мнѣ что-то знакомое, но что именно—этого я сначала, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ вспомнить. Да и мудрено въ самомъ дѣлѣ, чтобы такое странное сочетаніе какъ китайская арія и подмосковная русская пѣсня могло сразу придти въ голову, да еще гдѣ—въ Сингапурѣ! Наконецъ я вспомнилъ, и, не довѣряя самому себѣ, сталъ вслушиваться: точно ли это такъ, не ошибаюсь ли я? Но нѣтъ, сходство мотива несомнѣнное. Да и не одному мнѣ оно такъ показалось: когда я спросилъ моихъ сотоварищей не напоминаетъ ли имъ этотъ напѣвъ нашу «Вдоль по Питерской», то они согласились, что дѣйствительно напоминаетъ. Отмѣчаю это въ видѣ курьеза.

Чѣмъ однако кончились похождения прекрасной принцессы, я не знаю, потому что отвратительный запахъ китайскаго табаку, несмотря на все ваше долготерпѣніе, выкурить насъ наконецъ изъ театра.

Китайцы курятъ въ театрѣ почти всѣ, и даже нѣкоторые женщины, употребляя отчасти манильскія и сингапурскія сигары, а въ большинствѣ—трубку и карманный кальянъ; но бѣда въ томъ, что курятъ они свой мѣстный, очень грубый табакъ, да еще вдобавокъ одобренный бараньимъ саломъ (свѣчнымъ) и опійнымъ растворомъ. Можете себѣ представить, каковъ ароматъ изъ этого выходитъ!

Былъ уже десятый часъ вечера, стало-быть какъ-разъ пора въ Ботаническій садъ, чтобы взглянуть на high life сингапурскаго общества.

Поѣхали мы въ двухъ экипажахъ, причемъ я сѣлъ въ послѣдній, вмѣстѣ съ А. П. Новосильскимъ. Малаецъ-извозчикъ вскорѣ отсталъ отъ передоваго экипажа, и должно-быть мы не вразумительно ему втолковали, куда ѣхать, только онъ завезъ насъ совсѣмъ не въ то мѣсто, куда слѣдовало. Разговаривая мы и не замѣтили какъ очутились гдѣ-то за городомъ, въ болотистой низинѣ, у цилиндрическихъ резервуаровъ газоваго завода, гдѣ болотныя испаренія сразу охватили насъ прѣлою сыростью. Во избѣжаніе лихорадки, оставалось только поскорѣе выбраться отсюда, и къ счастью, возница нашъ, на сей разъ совершенно ясно понявъ моего спутника, благополучно доставилъ насъ, спустя около получаса, къ Ботаническому саду.

Здѣсь уже все общество было въ сборѣ. Среди обширной бархатистой лужайки, на зеленомъ пригоркѣ расположился у люпитровъ кругъ музыкантовъ военнаго оркестра. У подножія пригорка, на круговой дорожкѣ столпились собственные экипажи, исключительно ландо и коляски, въ которыхъ сидѣли нарядныя дамы и солидные джентльмены,—мужья и дя-

дюшки. Извозчики каретки, остановившіяся поодаль, были распряжены, и ихъ кургузые пони преспокойно паслись себѣ на лужайкѣ, тогда какъ возницы, устыдившись за каретками на короточки въ свой особый кружокъ, съ увлеченіемъ предавались игрѣ въ четъ-нечетъ на китайскіе *чохи*¹⁾. Кромѣ этихъ извозчиковъ, никого изъ туземной «сѣрой» публики сюда не пускаютъ, такъ какъ англичане вообще не любятъ мѣшаться гдѣ бы то ни было съ туземцами, даже съ людьми высшихъ кастъ и европейски образованными; да извозчики-то проникаютъ сюда только потому, что наняты на вечеръ англичанами. Впрочемъ, чета толстыхъ сіамцевъ и три-четыре китайскіе купца присутствовали тутъ въ собственныхъ коляскахъ.

«Чистая», то есть европейская, публика прогуливалась пѣшкомъ на кругу впереди «собственныхъ» экипажей. Тутъ были почти исключительно одни мужчины, если не считать проѣзжихъ россиянокъ, француенокъ и голландокъ. Англичанки же возсѣдали только въ экипажахъ, и въ то время какъ проѣзжія дамы гуляли въ обыкновенныхъ сѣреныхъ костюмахъ, эти были положительно en pleine toilette, въ легкихъ гренадиновыхъ, батистовыхъ и кисейныхъ платьяхъ бѣлыхъ и блѣдныхъ цвѣтовъ, съ кружевами, manches courtes, съ букетами на груди и въ рукахъ, едва прикрытыя воздушными шляпками. Сообразно климату здѣшнія дамы и днемъ носятъ хотя и самые легкіе туалеты, но всегда съ col montant и длинными рукавами, чрезъ которые однако достаточно сквозятъ ихъ плечи и руки; къ обѣду же онѣ переодѣваются, причемъ декольте и короткіе рукава считаются какъ бы обязательными, и въ этомъ послѣднемъ туалетѣ остаются уже на весь вечеръ и ѣдутъ на прогулку, захвативъ съ собою въ экипажъ, на случай сырости, кашемировую шаль или какую-нибудь болѣе существенную накидку. Бѣдныя женщины! Представьте себѣ, что среди постоянныхъ обитательницъ Сингапура, которыхъ видѣли мы въ теченіе нынѣшняго дня, не встрѣтилъ я ни одного свѣжаго, здороваго лица! И не только женщины европейскія, но даже дѣти ихъ поражаютъ васъ своимъ болѣзненнымъ видомъ.

Это все какія-то вялыя, малокровныя, испитыя лица съ желтизной и зеленоватымъ оттѣнкомъ, костлявыя плечи, спичкообразныя фигурки, словомъ, то, что у насъ весьма мѣт-

¹⁾ Самая мелкая монета, съ дырочкой по срединѣ, для того, чтобы ее удобно было напихивать въ связки. Въ одномъ китайскомъ *чии* (на наши деньги 1 руб. 82 коп. сер.) этихъ *чоховъ* приходится что-то около полутора тысячъ штукъ, если не болѣе. Сплавъ, изъ котораго чеканятся чохи, самаго низкаго достоинства и такъ хрупокъ, что монету легко разломать на куски между пальцами.

ко называется «дохленькими». Причина этому, конечно, климатъ, къ которому, за весьма рѣдкими исключеніями, не могутъ привыкнуть сѣверныя женщины, а тутъ еще эта болотисто-низменная, лихорадочная мѣстность.

Пріятное исключеніе изъ общаго правила на сей разъ составила только наружность супруги голландскаго консула; но и то потому, что эта особа еще недавно поселилась въ Сингапурѣ. И тѣмъ жалче становится глядя на нее, когда подумаешь, что не далѣе какъ черезъ годъ и эту снѣжную, цвѣтущую здоровьемъ и молодостью женщину, по всей вѣроятности, ожидаетъ общая участь здѣшнихъ европейнокъ. Только женщины, родившіяся отъ европейскихъ родителей въ самомъ Сингапурѣ и въ немъ выросшія, уже не такъ подвержены влиянію климата, а нѣны даже и совсѣмъ хорошо его переносятъ. Вполнѣ же нечувствителенъ онъ только для туземокъ и метисокъ.

Мужская публика, гулявшая по кругу пѣшкомъ, имѣла смѣшанный характеръ: тутъ были и фраки съ бѣлыми галстуками, и черныя рединготы, и бѣлые фланелевые жакеты, и совсѣмъ уже демократическіе пиджаки. По всѣмъ этимъ костюмамъ вы могли бы почти безошибочно опредѣлять къ какому слою общества принадлежатъ ихъ обладатели, отъ «сливокъ» и до «подонокъ». Тутъ были и болѣе крупные чиновники администраціи, и крупные негоціанты, и консулы со своими секретарями, и офицеры мѣстнаго гарнизона, гулявшіе въ разстегнутыхъ форменныхъ курткахъ изъ краснаго сукна съ золотыми галунами и въ красныхъ же шапочкахъ безъ оружія. Это все «сливки». Затѣмъ идетъ «молоко» въ видѣ разныхъ коммисіонеровъ, конторщиковъ, техниковъ, мелкихъ чиновниковъ, клерковъ, лопмановъ, каптейновъ и тому подобнаго люда, и наконецъ пиджачные «подонки», изображаемые разными отельными коммисіонерами, вольными матросами, маклерами, лакеями безъ мѣста, поварами, отставными солдатами, навсегда оставшимися въ Сингапурѣ и тѣми неопредѣленными личностями, которыя чаще всего встрѣчаете вы около кабачковъ и гостиницъ. Но надо отдать справедливость, все это было въ высшей степени чинно и даже чопорно, хотя легкій послѣобѣденный букетъ brandy, old cherry и портвейна замѣтно носился въ воздухѣ. Англичане, какъ извѣстно, ни подъ какими широтами не измѣняютъ своимъ островнымъ привычкамъ, благодаря чему и мрутъ въ значительной пропорціи какъ мухи. Но это ихъ не удерживаетъ. «Сливки» держались совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь съ плебсомъ, и по большей части оставались около экипажей, любезно бесѣдуя съ дамами. Все гулянье это происходило при яркомъ лунномъ освѣщеніи. Музыканты, въ красныхъ мундирахъ и черныхъ обтяжныхъ брюкахъ,

играли почти исключительно піесы англійскаго репертуара, причемъ нѣкоторыя были весьма серьезнаго характера, а другія сопровождались частью и хоровымъ пѣніемъ. Какъ особенность этого оркестра можно отмѣтить, что въ числѣ его инструментовъ (мѣдныхъ и духовыхъ деревянныхъ) находился и контрабасъ: но почему только одинъ контрабасъ, этого я ужъ не знаю. Оркестръ этотъ, говорятъ, играетъ здѣсь три раза въ недѣлю съ девяти часовъ вечера до одиннадцати.

На возвратномъ пути заѣхали мы съ А. П. Новосильскимъ въ одинъ изъ знакомыхъ ему индійскихъ магазиновъ, гдѣ давеча былъ имъ заказанъ шелковый гамакъ (сѣтчатая койка), который обѣщали ему приготовить къ вечеру. Хозяинъ, почтеннаго вида сѣдобородый индусъ, встрѣтилъ насъ очень любезно, и извиняясь, что гамакъ еще не принесенъ изъ мастерской, просилъ подождать пока за нимъ сбѣгаютъ и пригласилъ насъ въ особую заднюю комнату при магазинѣ, служащую ему кабинетомъ и интимною пріемной. Радужно пожимая обѣими руками, усадилъ насъ на буковые кресла и принялся подчивать холоднымъ лимонадомъ съ кальяномъ и манильскими сигарами. Здѣшніе индусскіе и китайскіе купцы всѣ болѣе или менѣе знаютъ англійскій языкъ, а этотъ владелъ имъ совершенно свободно, и потому у него съ Андреемъ Павловичемъ, какъ со старымъ знакомымъ, завязалась очень оживленная бесѣда, принявшая вскорѣ, какъ показалось мнѣ, тонъ какой-то таинственности; по крайней мѣрѣ хозяинъ сталъ говорить тише чѣмъ въ полголоса, но очень выразительно, какъ бы стараясь убѣдить въ чемъ-то своего собесѣдника. Но такъ какъ я по-англійски не говорю, то мнѣ гораздо интереснѣе была моя сигара, на бѣломъ пеплѣ которой я и сосредоточилъ пока свое вниманіе. Минутъ чрезъ двадцать изъ магазина пришли сказать, что гамакъ принесенъ, и мы разстались съ радужнымъ хозяиномъ.

— Бываютъ же чудачки на бѣломъ свѣтѣ! Вы знаете о чемъ онъ говорилъ мнѣ? — съ улыбкой обратился ко мнѣ Андрей Павловичъ, когда мы поѣхали далѣе. — Представьте себѣ, ни болѣе, ни менѣе какъ объ ожиданіи прішествія русскихъ!

— Куда это? — спросилъ я.

— Да все сюда же, въ Индію!.. Началось съ того, что спрашиваетъ онъ меня: правда ли, что мы сосредоточиваемъ во Владивостокѣ очень сильную эскадру, какъ пишутъ въ ихнихъ газетахъ. Я говорю: правда. «Ну, и неужели же, говоритъ, это вы въ самомъ дѣлѣ противъ китайцевъ?» Да, говорю, на всякій случай. «Полноте, изъ-за чего вамъ воевать съ Китаемъ? Китайцы вамъ не враги, у васъ здѣсь есть враги гораздо посерьезнѣе и мы всѣ убѣждены, что вы готовитесь противъ Китая только

такъ, для виду, а въ сущности совсѣмъ для другого». Я ему отвѣтилъ, что виды правительства мнѣ неизвѣстны, и что коли приказъ, то будемъ драться противъ кого бы то ни было. «Ну, вотъ это такъ! Это другое дѣло!.. Но во всякомъ случаѣ, говоритъ, будетъ ли у васъ война теперь или впослѣдствіи, а только, по нашему мнѣнію, вамъ не мѣшало бы постоянно держать во Владивостокѣ сильную эскадру». То есть для чего же?—спрашиваю его. «А для рѣшенія *Восточнаго вопроса*». Признаюсь вамъ, это неожиданное упоминаніе Восточнаго вопроса порядкомъ таки меня озадачило. Смотри пожалуй политикъ какой выискался! Но все же, думаю, интересно знать, какъ онъ это понимаетъ, и спрашиваю: гдѣ же мы тутъ рѣшать его будемъ? «А здѣсь, говоритъ, въ Сингапурѣ». Вотъ-те и разъ!.. Я на него даже глаза выпучилъ. А онъ мнѣ: «не изумляйтесь, говоритъ, была бы охота, а дѣло вполне возможное» и сталъ развивать свою мысль. «Представьте себѣ, говоритъ, что у васъ во Владивостокѣ сильная эскадра и пять-шесть тысячъ десантнаго войска. Пять, шесть, или сколько бы тамъ ни понадобилось, большихъ транспортныхъ пароходовъ вы всегда можете, въ случаѣ надобности, нанять въ Санъ-Франциско или въ Японіи. Отъ Владивостока до Сингапура только тринадцать дней пути. Въ самомъ началѣ войны, подъ прикрытіемъ своей эскадры, вы бросаете эти пять-шесть тысячъ десантныхъ войскъ въ Сингапуръ, ничѣмъ въ сущности не защищенный. Мѣста для высадокъ тутъ есть, и очень удобныя, мы ихъ знаемъ. Планъ конечно смѣлый, но не невозможный. А затѣмъ что? Англичане, конечно, изъ кожи вонъ выльзутъ, но постараются собрать двадцать, тридцать тысячъ сухопутнаго войска, чтобы въ свою очередь форсировать высадку на Сингапуръ. Очень возможно, что это имъ удастся, и они вашъ отрядъ сбросятъ въ море, возьмемъ наихудшую случайность. Но, во всякомъ разѣ, пока-то это еще случится, пройдетъ по меньшей мѣрѣ три-четыре мѣсяца, въ которые англичане будутъ собирать свой 20—30 тысячный корпусъ (въ Англіи вѣдь это не такъ легко дѣлается), да пока-то они перевезутъ его къ Сингапуру пройдетъ и еще мѣсяца полтора-два, а всего стало-быть отъ пяти до шести мѣсяцевъ. Но вѣдь вы въ это время, занимая Сингапуръ, окончательно зарѣжете всю транспортную англійскую торговлю. Вѣдь Сингапуръ, это центральный узелъ всѣхъ морскихъ торговыхъ путей между Европой, Африкой и Индіей, съ одной стороны и Западною Америкой, Австраліей и крайнимъ Востокомъ, съ другой стороны, и мимо этого узла не пройдетъ. Вѣдь ни одинъ англійскій «купецъ» не выйдетъ въ море; англійскій товаръ будетъ подорванъ на одномъ лишь высокомъ фрахтѣ

да на страховой преміи, а главное, что за это время всѣ фрахты изъ англійскихъ рукъ перейдутъ въ руки германскаго, французскаго и другихъ торговыхъ флотовъ, да и китайцы съ японцами кое-чѣмъ попользуются. А разъ, что торговля нашла себѣ новый транспортъ, она не вернется къ старому. За примѣромъ недалеко ходить, та же Сѣверная Америка: вспомните чѣмъ былъ ея коммерческій флотъ до междоусобной войны и что онъ теперь! Да, ударъ на Сингапуръ есть ударъ прямо въ сердце, и мы думаемъ, что вы одни только въ состояніи когда-нибудь нанести его. Но для этого надо быть сильными во Владивостокѣ». Что вы на это скажете?

— Вы меня это спрашиваете?—отозвался я на вопросъ Новосильскаго

— Да хоть я васъ, пожалуй.

— Что жъ, скажу, что это очень смѣлая и пожалуй игривая индійская фантазія.

— Фантазія, да. Конечно, фантазія. Но я и не беру ее съ серьезной стороны какъ проектъ стратегическій. Для меня тутъ всего интереснѣе видѣть *какою рода* «фантазіи» разыгрываются въ головахъ ихъ индусовъ и въ какомъ направленіи. И знаете ли что я скажу вамъ,—прибавилъ Андрей Павловичъ:—не въ первый разъ ужъ приходится мнѣ плавать въ этихъ водахъ и сталкиваться съ этимъ народомъ. Съ этимъ купцомъ, напримѣръ, мы вѣдь старые пріятеля, да и другихъ такихъ же есть у меня по разнымъ портамъ не мало. Ну, такъ вотъ что: во всѣхъ въ нихъ живетъ какал-то странная, непонятная для меня вѣра въ то, что спасеніе придетъ къ нимъ съ Сѣвера. Откуда и когда она возникла, гдѣ ея начало и какъ она распространилась по лицу всей Азіи, это для меня необъяснимая загадка. Но фактъ тотъ, что вѣра въ какого-то полумистическаго «Бѣлаго Царя» который долженъ придти съ сѣвера съ «русымъ народомъ» и возвеститъ имъ спасеніе, эта вѣра, это чаяніе у нихъ доходитъ до своего рода мессіанизма. Въ немъ есть вѣчто стихійное... И мы сами не подозреваемъ даже насколько сильны мы нравственно въ Индіи этою стихійною вѣрой въ насъ ея народовъ! Вотъ съ какой стороны важна для меня «фантазія» моего сингапурскаго пріятеля.

Во второмъ часу ночи возвратились мы на «Шей-Хо», гдѣ только къ этому времени прачка-малаецъ привезъ наше бѣлье. Утомленный всѣми впечатлѣніями дня, я съ наслажденіемъ бросился въ свою койку, но несносная работа царовой лебедки, принимавшей въ трюмъ товарные грузы съ портовыхъ шаландъ, до самаго разсвѣта не давала уснуть спокойно.

XII.

Отъ Сингапура до Сайгона.

Уходъ изъ Сингапура.—Маякъ на камнѣ.—Южное Желтое море.—Жара.—Новая картина заката.—Знойная ночь.—Покойникъ на суднѣ.—Еще одинъ закатъ.—Мысъ св. Іакова.—Устья Ме-Конга.—Прибрежныя селенія.—Характеръ береговъ.—Джонгли и виды мѣстной растительности.—Рукавъ Фокъ-Бингъ-Конгъ.—Типы аннамскихъ судовъ.—Извилистость рѣки.—Сѣрые буйволы.—Хижины на деревьяхъ и на сваяхъ.—Рисовыя поля.—Луга и рощи.—Административные сампанги.—Цвѣтъ воды и разный соръ Ме-Конга.—Птицы.—Сходство Ме-Конга съ нижнимъ Дунаемъ.—Первое впечатлѣніе производимое видомъ Сайгона.—Капризная пушка.—Приходъ въ Сайгонъ.

10-го августа.

Въ семь часовъ утра приняли лоцмана и вышли изъ Сингапурскаго порта. Надъ зелеными водами рейда еще носился легкими слоями серебристый туманъ, въ которомъ какъ сквозь вуаль вырисовывались стоящіе на якорахъ суда и между ними наши военные: «Забіяка» и «Африка».

Плоскіе берега обрамлены пальмовыми лѣсами, за которыми виднѣются тамъ и сямъ одинокіе холмы, но-большей части полого-коническаго профиля. Лоцманъ вывелъ насъ за урочную черту, получилъ свой гонораръ, и, сдѣлавъ на прощанье характерно-англійское shake-hands капитану, спустился въ свою паровую шлюпку, которая все время шла у нашего борта на буксирѣ.

Прощай, Сингапуръ!..

Берега стали какъ бы раступаться и отдаляться отъ насъ все болѣе и болѣе, открывая морю большій просторъ. Островъ Бинтангъ остался наконецъ далеко позади, и только слѣва въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ тянулся еще въ голубовато-серебристой дымкѣ берегъ Малакки, усѣянный рифами.

Вотъ проходимъ мимо высокой бѣлой колонны маяка, одиноко брошенной среди открытаго моря на маленькомъ камнѣ, окружность коего едва ли превышаетъ 12 — 15 метровъ. Это значитъ, что отошли отъ Сингапура уже 32 мили. Но, Боже мой, какова должна быть скука жить на такомъ маякѣ, вдали отъ всего живаго, на убійственномъ и вѣчномъ солнцепекѣ, никогда не видя ни малѣйшей зелени, такъ какъ тутъ на совершенно голомъ камнѣ не растутъ ни травинки,—жить среди безконечнаго шума и плеска волнъ разбивающихся о крошечную скалу, гдѣ даже и прогуляться то негдѣ, потому-что основаніе маяка занимаетъ какъ разъ всю ея поверхность, едва лишь на нѣсколько футовъ приподнятую надъ воднымъ уровнемъ... А вѣдь живутъ же люди!

Итакъ, мы вступили въ Южное Желтое море, пользуясь у моряковъ наравнѣ съ Восточнымъ и Сѣвернымъ Желтыми морями

весьма дурною репутаціею и, благодаря своимъ рифамъ, пиратамъ и тайфунамъ¹⁾, въ которыхъ нерѣдко погибаютъ суда цѣлыми сотнями. Но сегодня оно къ намъ милостиво, если только это не предательская ласка, и встречаетъ насъ полнѣйшимъ штилемъ. Водная гладь какъ растопленное стекло, и неподвижно горитъ подъ вертикальными лучами солнца нестерпимымъ блескомъ, такъ что больно глядѣть на нее: глаза рѣжетъ и выступаютъ слезы. Движеніе нашего судна какъ бы выдавливаетъ эту стеклистую массу, гладкую поверхность которой слегка бороздятъ порой стаи маленькихъ летучихъ рыбокъ, выпархивающихъ изъ-подъ килей на воздухъ и снопами разлетающихся въ стороны.

Но и жара же сегодня! Даже Красное море напоминаетъ... Въ половинѣ шестаго часа дня, то-есть за полчаса до заката, Реомюръ показывалъ 38° на солнцѣ.

Зато закатъ сегодня дивный! Горизонтъ на западѣ горитъ въ тяжелыхъ густо-лиловыхъ тучахъ, изъ которыхъ поминутно сверкаютъ зигзаги молній, а изъ-за этихъ тучъ по ясному небу раскинулись радіусами до самаго зенита снопы розовыхъ лучей и отъ нихъ вся поверхность моря приняла перламутровый отсвѣтъ.

Мы жадно ожидали ночи, надѣясь что она принесетъ намъ хотя сколько-нибудь прохлады, но увъ! даже и къ десяти часамъ вечера воздухъ еще не остылъ, и было въ немъ что-то гнетущее. Жара продолжалась и позднюю ночью. Отъ раскаленныхъ за цѣлый день бортовъ и переборокъ въ каютахъ установилась такаа духота, что, несмотря на открытыя иллюминаторы, почти нечѣмъ было дышать.

Нѣтъ, эти тропическія жары, пожалуй, будутъ похуже нашихъ сѣверныхъ морозовъ!..

11-го августа.

Съ восходомъ солнца мы находились уже почти на половинѣ пути между Сингапуромъ и Кокхинхой. Курсъ NNO. Въ десять часовъ утра Реомюръ показывалъ 26° въ тѣни подъ двойнымъ тентомъ. Ужасная жара и ни малѣйшаго дуновенія въ раскаленномъ воздухѣ. Чувствую какъ мнѣ трудно работать, даже записывая въ дневникъ мои краткія замѣтки. Не только что каждое значительное физическое движеніе становится въ тягость, тяжело даже водить карандашемъ по бумагѣ, тяжело сосредоточивать свои мысли на какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ. Чтобы писать и думать, надо дѣлать надъ собою большое усиліе, да и то работа подвигается медленно, черепашьимъ шагомъ, со значительными и частыми перерывами.

¹⁾ Такъ называются круговращательные ураганы китайскихъ морей и Восточнаго океана. Тай по-китайски значитъ великій, сильный, бунъ—вѣтеръ.

вами: угнетенный мозгъ и тѣло изнеможенное жарой требуютъ безпрестаннаго отдыха.

Начиная съ третьяго часа ночи, на верхней палубѣ, гдѣ-то тамъ на носу, стала вдругъ звать матросская судовая собака. Протяжный вой ея длился всю ночь, да и теперь продолжается, какъ ни цыкаютъ на нее матросы. Проснувшись поднимаемся на верхнюю палубу и видимъ приопущенный флагъ на кормѣ и накрестъ оплеченныя рей, знакъ траура. Узнаемъ печальную новость, что у насъ на суднѣ покойникъ. Въ третьемъ часу ночи скончался отъ послѣдствій солнечнаго удара одинъ изъ пассажировъ, молодой хромоногий шотландецъ, только что сданный въ Англію экзаменъ на степень доктора медицины и фхавиній въ Гонконгъ на службу врачомъ тамошняго гарнизона. Еще не далѣе какъ третьяго дня утромъ мы его видѣли въ Сингапурѣ совершенно здоровымъ и веселымъ, и вдругъ... Что за причина? Отчего это съ нимъ случилось? Одинъ изъ его спутниковъ, англичанинъ, рассказываетъ, что въ Сингапурѣ покойный встрѣтился съ какимъ-то своимъ пріятелемъ, который пригласилъ его позавтракать вмѣстѣ въ «Европейской гостиницѣ»; за завтракомъ они выпили по бутылкѣ шампанскаго, только и всего; а затѣмъ отправились осматривать городъ въ два часа дня, то есть въ самое неудобное для подобныхъ экскурсій время, когда дѣйствіе солнечныхъ лучей достигаетъ своего maximum. Вечеромъ шотландецъ возвратился на «Пей-Хо» со страшною головою болью, продолжавшеюся у него и весь вчерашній день съ такою силой, что онъ не могъ поднять съ подушки голову и поневолѣ долженъ былъ цѣлый день вылежать въ убійственно душной каютѣ, а сегодня въ ночь и Богу дуну отдалъ, бѣдняга... По словамъ судового врача, почти ни одинъ рейсъ не проходитъ безъ того, чтобы на суднѣ не оказалось одной или двухъ жертвъ солнечнаго удара, и все больше въ этихъ проклятыхъ Красномъ и Желтомъ моряхъ! Этотъ климатъ не прощаетъ новичку ни малѣйшей неосторожности.

Трупъ вынесенъ теперь въ одну изъ запасныхъ каютъ, гдѣ двое матросовъ «обшиваютъ» его въ послѣднее странствіе. Въ присутствіи судового начальства и соотечественниковъ почившаго составленъ врачомъ актъ о смерти, а комиссаромъ—инвентарь его вѣличнаго имущества, которое опечатоано и положено на храненіе въ трюмъ до сдачи англійскому консульству въ Сайгонъ. По исполненіи этихъ необходимыхъ формальностей трупъ, зашитый въ холщевый мѣшокъ съ привязанной къ ногамъ трехпудовою балластной, положили на рѣшетчатый трапъ вмѣсто носилокъ и покрыли англійскимъ національнымъ флагомъ, а затѣмъ поднесли къ открытому люку съ лѣваго борта, гдѣ одинъ изъ англичанъ прочиталъ надъ нимъ по книжкѣ нѣсколько молитвъ. Въ машинное отдѣленіе

была между тѣмъ подана команда остановить ходъ, послѣ чего четверо матросовъ подняли трапъ, выдвинувъ конецъ его за бортъ, и едва лейтенантъ успѣлъ схватить съ покойнаго флагъ, какъ внутренний конецъ трапа поднялся кверху, а вслѣдъ затѣмъ въ морѣ раздался плескъ упавшаго тѣла. Мгновеніе и все было кончено... Въ машину тотчасъ же данъ сигналъ полнаго хода, кормовой флагъ поднять на обычное мѣсто, рей поставлены прямо, и «Пей-Хо», какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ себѣ далѣе... Осталось только на нѣкоторое время общее грустное настроеніе и раздумье среди пассажировъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ мало нужно здѣсь чтобы это страшное солнце убило совершенно здороваго и сильнаго человѣка!.. Мы еще въ первый разъ въ жизни пришлось быть свидѣтелями «морскихъ похоронъ» во всей ихъ суровой, но трогательной простотѣ, и на меня оны произвели болѣе грустное впечатлѣніе чѣмъ какія бы то ни было похороны «сухопутныя», если будетъ позволено употребить такое выраженіе.

Въ три часа дня небо заволочко тучами и подулъ легкій сѣверо-западный вѣтерокъ, а вскорѣ затѣмъ и небольшой дождикъ приснулъ. Слава Богу, хоть чуточку освѣжило, есть чѣмъ дышать! А то этою ночью отъ недостатка воздуха я чуть-было не задохся, проснувшись въ четвертомъ часу ночи со страшною тяжестью въ груди, шумомъ въ ушахъ и головою болью, такъ что долженъ былъ на цѣлый часъ высунуться въ открытый иллюминаторъ, чтобы хоть сколько-нибудь отдышаться.

Дождикъ скоро прошелъ, но сѣверо-западный вѣтеръ, къ счастью, остался.

Закатъ опять великолѣпенъ и опять-таки являетъ собою новую совершенно оригинальную картину. На этотъ разъ изъ-за громады облаковъ, которыя въ тропическихъ странахъ всегда массивны, самаго солнца не видно. Облака перваго плана носятъ изъѣра-лиловатую окраску, а дальнѣйшія, заднія—совсѣмъ лиловую, и изъ-за нихъ полнеба объято золотисто-розовымъ заревомъ. Рефлексъ на водѣ—лиловый, мѣстами съ зеленымъ отливомъ, въ родѣ того какъ бываетъ на шелковыхъ «матеріяхъ *chapeantes*». Минуть двадцать спусти, всѣ эти тоны сгустились, тучи на западѣ приняли еще болѣе темный лилово-сѣрый оттѣнокъ, и сквозь нихъ только въ трехъ, четырехъ мѣстахъ, какъ бы въ маленькія дырѣя на громадной завѣсѣ, просвѣчивалъ огненно-багровый отбѣтъ садящагося солнца. Хорошо, коли этотъ багровый свѣтъ не предвѣщаетъ намъ тайфуна... Капитанъ что-то съ беспокойствомъ поглядываетъ то на закатъ, то на барометръ, и все какъ бы внохаетъ воздухъ.

12-го августа.

Ночь, однакоже, прошла спокойно.

Въ восемь часовъ утра подошли къ мысу св. Иакова (по аннамски Муи-Вунгъ-тау), на лѣвой оконечности устья Ме-Конга. Мысъ этотъ представляетъ холмъ около 480 футовъ высоты, поросшій травой и кустарникомъ, гдѣ на самой вершинѣ устроенъ маякъ, огонь котораго бываетъ обыкновенно видимъ за 28 миль отъ берега. При маякѣ находится просторный домъ колоніальнаго типа съ небольшою вышкою, гдѣ помѣщается фонарь съ рефлекторами и съ семафорною мачтой, а впереди поставлена сигнальная пушка. Холмистый кряжикъ, на концѣ котораго стоитъ маякъ, тянется на протяженіи около версты вверхъ по устью, до деревеньки Вунгъ-тау, гдѣ изъ предѣстной рощицы выглядываютъ два-три европейскіе домика подъ черепичными кровлями, а выше, по ту сторону деревни— французская земляная батарея.

Вскорѣ къ борту «Пей-Хо» присталъ форменный катеръ съ аннамскими гребцами, подъ флагомъ «Messageries Maritimes» и высадивъ къ намъ агента общества, лоцмана и двухъ чиновниковъ таможенной и санитарной службы, въ какой-то полу-французской, полу-англійской формѣ. Они прошли въ капитанскую рубку для осмотра судовыхъ бумагъ, послѣ чего, спустя нѣсколько минутъ, «Пей-Хо» получилъ разрѣшеніе тронуться далѣе.

Входимъ въ устье Ме-Конга. Оно покрыто лагунами, между которыми извивается безчисленное множество рукавовъ и протоковъ, и занимаетъ нѣсколько десятковъ миль въ ширину, въ родѣ нашей Волги. Намъ предстоитъ подыматься вверхъ по лѣвому руслу, которое на мѣстномъ языкѣ называется Фуокъ-Бингъ-Конгъ (*конгъ* или *киангъ* значить рѣка). При входѣ оно имѣетъ до двѣнадцати миль ширины, но потомъ суживается до пяти миль. Правый берегъ его (отъ насъ глядя — лѣвый) представляетъ низменность, покрытую кустарникомъ и предшествуемую большими отмелями, по которымъ ходятъ буруны, а налѣво тянется рядъ кудряво-зеленыхъ холмовъ, перемежающихся низменными лощинками и небольшими равнинами, гдѣ въ изобиліи растутъ разнообразныя кустарники и роскошныя пальмы.

Лишь только вступили въ устье, вода сейчасъ же стала мутно-желтою, какъ бы глинистою, а на отмеляхъ, едва прикрытыхъ ею, она принимаетъ охристо-красноватый отсвѣтъ. Со всѣхъ сторонъ видны рыболовныя забойки, къ которымъ иногда пристають на-русныя рыбацкія лодки, чтобы забрать тамъ свою добычу, наловившюся на разсвѣтѣ. Вотъ и рыбацкія деревушки видны, пройдя около пяти миль вверхъ по устью: одна вправо отъ насъ, на мыскѣ подъ холмомъ, дру-

гая нѣсколько выше, влѣво, на низменности. Последняя называется Канджэ; при ней находится бухточка, наполненная джонками и сампангами, и рядомъ маленькое укрѣпленіе, назначеніе коего, равно какъ и предшедшей батареи, обстрѣлъ устья Фуокъ-Бинга, какъ перваго доступа къ Сайгону.

Противъ Канджэ разомъ обрывается цѣпь отдѣльныхъ холмовъ, отошедшихъ отъ лѣваго берега рѣки вглубь материка миль на десять, и оба берега становятся теперь низменно-плоскими, съ совершенно одинаковымъ характеромъ растительности: и тотъ и другой сплошь покрыты мелкимъ кустарникомъ со значительно - обнаженными корнями, вслѣдствіе того, что грунтъ подъ ними постоянно подмывается. Издали, на видѣ, эти кусты похожи на нашъ ольшаникъ и представляютъ огромныя заросли, надъ которыми лишь изрѣдка выдѣляются кое-гдѣ верхушки низкорослыхъ деревьевъ, — тоже что-то въ родѣ ольхи или осины, насколько можно судить опять-таки издали и на-глазъ. Впослѣдствіи, когда въ одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ рѣки мы подошли къ берегу сажень на десять, то оказалось, что между зарослями этого, скажемъ, ольшаника спорадически произрастаютъ и чисто тропическіе виды, какъ перистыя кустовидныя пальмы, кокосники юкки и драцены, ротангъ и папоротники, бамбукъ и нѣчто похожее по листьямъ на олеандръ, но все это отличается своею низкорослостью и, такъ-сказать, тундристымъ характеромъ: ни одно изъ пальмовидныхъ не достигаетъ развитія полнаго дерева, а произрастаетъ кустарникомъ. Вся эта растительность на болотистой почвѣ, это здѣшніе *джонгли*, излюбленные мѣста тигровъ и каймановъ, которыхъ, впрочемъ, мы не видѣли ни одного, хотя за убывлю воды и пришлось простоять тутъ на мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, въ ожиданіи пока морской приливъ не повыситъ на нѣсколько футовъ рѣчной уровень.

Въ дальнѣйшій путь тронулись только за полчаса до полудня, держа курсъ по Фуокъ-Бингу на рѣчной маякъ, устроенный на разсвѣщенной мачтѣ стараго мореходнаго судна, надъ которымъ натянутъ сплошной бѣлый тентъ въ видѣ крыши.

За маякомъ, принявъ въ себя устье широкаго протока Соангъ-Віамъ-чу, рѣка суживается до 360 сажень, но фарватеръ ея все еще стѣсненъ частыми мелями и перекатами, благодаря чему пароходъ можетъ пробираться между ними только съ большою осторожностью, самымъ малымъ ходомъ. Мѣстами берега прорѣзываются устьями протоковъ, рѣчекъ, ручейковъ, дренажныхъ и оросительныхъ канавъ, отъ нѣсколькихъ сажень до двухъ аршинъ шириной.

У береговъ иногда попадались намъ жилия

лодки обыкновеннаго китайскаго типа съ шалашами въ видѣ полукруглыхъ или двускатныхъ цыновочныхъ кровель, называемая *сампанами*. На кормѣ у нихъ курятся костерки, женщины варятъ обѣдъ, а ихъ голые ребятишки собираютъ по берегу валежники; мужчины же сидятъ на носу или подъ навѣсомъ и безпечно покуриваютъ свои крошечныя трубочки. Все это полуголое, темнокоричневое плывущее населеніе занимается, повидимому, дровосѣчнымъ и углеобжигательнымъ промысломъ: около такихъ сампанговъ на берегу постоянно видны были жиденькія дрова, сложенные въ кубики, и кучки древеснаго угля.

Другой типъ лодокъ, преимущественно рыбачьихъ, это узкій и низко поставленный носъ и широкая, нѣсколько приподнятая, на концѣ заостренная корма; посреднѣй маленкій шалашикъ и короткая мачта съ однимъ квадратнымъ парусомъ, прикрѣпляемымъ къ ней сбоку какъ знамя къ древку. При лодкѣ паратонкихъ и узкихъ весель почти безъ лопасти: однимъ гребутъ съ носа по правому борту, другимъ—съ кормы по лѣвому. Лодки третьяго типа, это длинныя, узкія, плоскодонныя челны въ родѣ пирога съ низкими бортами. Мачта съ парусомъ на нихъ не ставится, гребетъ же только одинъ человекъ съ кормы, стоя, двупластнымъ весломъ. Главное назначеніе такихъ лодокъ ходить по узкимъ ирригаціоннымъ канавамъ, обводняющимъ рисовыя поля. Наконецъ, четвертый туземный типъ, это большія каботажная лодка въ родѣ китайской джонки, но съ острыми и возвышенными носомъ и кормой. На ней три мачты, изъ коихъ передняя, самая низенькая, помѣщается на концѣ носа. На каждой мачтѣ по одному цыновочному парусу съ рейками; передній распускается прямо, средній вправо, а задній влѣво, что издали придаетъ судну видъ летящей гигантской бабочки или летучей мыши. Съ носа спускается деревянный якорь въ видѣ рогули, а за кормою косою руль нѣсколько причудливаго излучистаго рисунка и долбленный челночекъ на буксирѣ. Характернымъ украшеніемъ судна являются двѣ черныя полосы по обѣимъ сторонамъ носа, въ которыхъ намалевано по одному бѣлому глазу съ чернымъ овальнымъ зрачкомъ, «чтобы судно видѣло куда оно плыветъ и чтобы злые духи моря, воплощенные въ акулъ и другихъ чудницъ, думали будто это не судно, а грозный драконъ съ распушенными крыльями». Такова, по словамъ лейтенанта «Пей-Хо», традиція, сохранившаяся по преемственному завѣту у аннамцевъ, какъ и у китайцевъ, еще отъ временъ первобытнаго мореплаванія. На такихъ джонкахъ обыкновенно бываетъ до дюжины матросовъ, и занимаются онѣ перевозкой тяжелыхъ грузовъ и туземныхъ пассажировъ не только по всей

рѣкѣ, но и по морскому побережью Кохинхины и Камбоджи. Суда всѣхъ названныхъ типовъ встрѣчались намъ хотя и не особенно часто, но все же движеніе ихъ придавало рѣкѣ нѣкоторое оживленіе.

Рѣка чѣмъ дальше тѣмъ все излучистѣе, почему пароходу приходится дѣлать безпрестанныя и нерѣдко очень крутыя повороты. Извилины теченія въ особенности дали себя знать, когда мы изъ Фуокъ-Бинга вошли въ его рукавъ Монгомъ: здѣсь, при устьи протока, приходилось безпрестанно давать самый малый ходъ, а то и вовсе останавливать машину и поминутно предупреждать о себѣ на поворотахъ пронзительными свистками аннамскія лодки. Въ совокупности, при ужасной жарѣ и однообразіи береговъ, все это выходитъ очень скучно и надоедливо.

Въ одномъ мѣстѣ, уже по выходѣ изъ Монгома опять въ Фуокъ-Бингъ, берега по обѣ стороны рѣки явились очищенными отъ кустарниковъ; лѣсъ былъ выкорчеванъ, и почва осушена настолько, что служить теперь пастбищемъ буйволамъ. Здѣсь эти животныя отличаются, кажется, преимущественно сѣрою шерстью; намъ по крайней мѣрѣ попалось два стада: одно паслось, а другое купалось въ зеленомъ болотѣ, и оба были сѣро-пегельнаго цвѣта.

На расчищенномъ мѣстѣ построено нѣсколько хижинокъ. Строительнымъ матеріаломъ, послѣ необходимаго дерева, послужили имъ главнѣйшимъ образомъ цыновки для стѣнъ и тростники для крыши. Иныя изъ такихъ жилищъ имѣютъ форму шалашей и нерѣдко устраиваются какъ гнѣзда на толстыхъ сучьяхъ сухаго ствола, по одному и по два на одномъ деревѣ, для чего между пологими вѣтвями кладутся жерди и плетневый помостъ, а самый шалашъ строится на немъ изъ тычинокъ и кроется камышемъ. Такія гнѣзда висятъ иногда надъ самою водой, и подъ ними стоятъ на привязи челны.

Съ этихъ же расчищенныхъ пространствъ открываются и рисовыя поля, среди которыхъ виднѣются иногда на каналахъ хижины, построенныя на сваяхъ, въ родѣ сингапурскихъ, и чѣмъ дальше плывемъ мы, тѣмъ все чаще встрѣчаются или стоящія отдѣльно, или разбросанныя тамъ и сямъ небольшими группами хижины и сарайчики всѣхъ вышеказанныхъ родовъ. Мѣстность становится культурнѣе, попадаются небольшія луговины съ густою, сочною травой, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега виднѣются отдѣльныя купы лѣсковъ и рощицъ высокорослыхъ деревьевъ. На рисовыхъ поляхъ идутъ какія-то сельскія работы. Вотъ попались два-три сампанга подфранцузскими флагами. Это значитъ «административныя лодки», гдѣ officialный флагъ является привилегированнымъ знакомъ того, что судно принадлежитъ какому-нибудь участковому старшинѣ въ родѣ нашего волостнаго, или сбор-

щику податей, или наконецъ рѣчному либо сельскому полицейскому чину изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Чѣмъ дальше по рѣкѣ, тѣмъ все желтѣе и мутнѣе становится вода, и плыветъ по ней разная дрянь, въ родѣ клочковъ сѣна и сухихъ вѣтокъ, обугленныхъ головешекъ, дохлыхъ собакъ, животныхъ, рыбныхъ отбросовъ и т. п. Странное дѣло, однако: водяныхъ птицъ совсѣмъ не видно, да и болотной дичи тоже. А ужъ тутъ ли, кажись, для нея не раздолье! Вообще, изъ царства пернатыхъ пока замѣчаются только истреба да коршуны, парящіе надъ джонглями, или отдыхающіе на сухихъ вѣтвяхъ надъ самою рѣкой.

Въ началѣ третьяго часа дня, прямо предъ носомъ парохода, изъ-за джонглевой низменности, впервые завидѣли мы вдали верхушки большихъ корабельныхъ мачтъ и длинныя красныя кровли какихъ-то зданій. То Сайгонъ открывается.

Теперь уже на правомъ берегу рѣки виднѣются огромныя пространства рисовыхъ полей, за которыми поднимаются большіе дымы: то аннамцы выжигаютъ джонгли подъ новые посѣвы. Вотъ опять засинѣли вдали невысокія горы, въ родѣ добруджескихъ, на нижнемъ Дунаѣ. Вообще, Ме-Конгъ отчасти напоминаетъ нижній Дунай, какимъ тотъ является въ добруджескихъ плавняхъ, со всѣми его плесами и притоками, мелями и перекатами и съ подобнымъ же мутно-желтымъ цвѣтомъ воды, которая здѣсь плыветъ теперь цѣлою массой, такъ какъ съ выходомъ изъ Фуокъ-Бинга въ Тамъ-Конгъ-Кадъ, берега вдругъ раздвинулись въ обѣ стороны, расширяясь, приблизительно, на 750 сажень. Безъ малаго десять верстъ шли мы этимъ широкимъ и почти прямымъ участкомъ Ме-Конга, а затѣмъ круто свернули влѣво, опять въ извилисто узкій рукавъ Танъ-бингъ, на которомъ и стоитъ Сайгонъ. Здѣсь опять пошли луга и рисовыя поля, иногда залитыя водой, и въ разбродъ по нимъ тѣ же свѣденыя и надренныя хижины. Городъ открывается все болѣе и болѣе, показываясь сообразно излучинамъ рѣки то съ лѣваго, то съ праваго борта нашего парохода. Желтыя и бѣлыя стѣны нѣсколько «казеннаго» характера, да красныя черепичныя кровли, за которыми виднѣются кое-гдѣ зеленыя верхушки садовъ, да еще двѣ колокольни католическаго собора, вотъ его общее и, на первый взглядъ, далеко не картинное впечатлѣніе.

Подходя къ Сайгону, пароходы общества «Messageries Maritimes» всегда даютъ оповѣстительный выстрѣлъ изъ маленькой пушки, въ знакъ того, что почта идетъ. Но на этотъ разъ пушка почему-то закапризничала: что ни приложить къ ней фитиль—на затравкѣ только *тишк*, а выстрѣла нѣтъ. И такъ нѣсколько разъ. Комиссаръ съ двумя матросами на нее

уже и рукой махнули,—войдемъ-де и безъ сигнала,—и ушли прочь, даже сконфузясь, потому что столько разъ предупреждали дамъ что вотъ-вотъ сейчасъ палить будемъ, а она все не палитъ. Нервные дамы только напрасно трудились уши себѣ затыкать. И только-что они отошли, какъ пушка, сверхъ всякаго ожиданія, вдругъ возьми да и выпали сама. Картина.

При входѣ въ портъ рѣка опять расширяется, образуя довольно большой бассейнъ, именуемый рейдомъ, гдѣ могутъ просторно располагаться военныя суда и самыя большіе пароходы. Здѣсь она получаетъ названіе Доннаи. Проходимъ мимо какихъ-то казенныхъ магазиновъ и угольныхъ складовъ, и ровно въ три съ половиною часа пополудни швартовимся наконецъ у пристани.

XIII.

Сайгонъ.

Губернаторскій сампангъ и привѣтствіе С. С. Лесовскому.—Обиходное устройство аннамскаго сампанга.—Его символическій знакъ.—Малозначительность сайгонскаго порта.—Неудобство сообщенія съ берегомъ.—„Малабары“ и туземныя лошади.—Сайгонскія гостиницы.—Мускусныя крысы и прочіе враги человѣческаго спокойствія.—Гекко, его недостатки и заслуги.—Сайгонская сырость и лихорадки.—Предохранительная гигиена.—Злоупотребленія спиртными напитками.—Въ мѣстномъ французскомъ обществѣ.—Сверный кофе и поддѣльное молоко.—Улица *Satimat*.—Характеръ европейскіхъ построекъ.—Растительность.—Ящерицы *kamke* и древесныя змѣи.—Кафедральный соборъ.—Торговая часть города.—Господство китайцевъ въ мѣстной коммерціи.—Отношеніе мѣстныхъ французовъ къ колонизаціи Кокхинны.—Портовый каналъ и городской рынокъ.—Крокодилы и мясо.—Аннамцы, какъ раса, ихъ наружность, костюмъ, образъ жизни, привычки и культура.—Музыкальные инструменты.—Терракотовыя куклы и инкрустированныя тонкинскія издѣлія.—Сайгонскіе мальчишки-тащишки и ихъ обычаи и нравы.—Мертвые часы дня.—Что стоитъ здѣсь иногда самый скромный завтракъ.—Ботаническій садъ и его зоологическій отдѣлъ.—Ароматическій жукъ.—Дворецъ губернатора Кокхинны.—Военныя и административныя команды изъ туземцевъ.—Французскія войска и ихъ казармы.—Неудобное сосѣдство со змѣями.—Не состоявшаяся гроза.—Отсутствіе вечернихъ развлеченій въ Сайгонѣ.—Выходъ изъ Сайгонскаго порта.—Восходъ солнца въ Китайскомъ морѣ.

Продолженіе 12-го августа.

Еще не успѣли ошвартовиться, какъ къ борту «Пей-Хо» подошелъ богато украшенный въ китайскомъ вкусѣ рѣзбой, лакомъ и золотомъ большой сампангъ съ роскошною каютой въ зеркальныхъ стеклахъ, занимающею самую средину лодки. Гребцы были одѣты въ форменныя матроски и въ маленькія китайскія шляпочки, форму которыхъ всего ближе сравнить съ грибомъ. За кормой сампанга развѣвался большой французскій флагъ изъ шелковой матеріи, полоскавшійся въ водѣ. Изъ каюты вы-

шелъ и поднялся къ намъ на палубу адъютантъ сайгонскаго губернатора, лейтенантъ морской пѣхоты, въ полной парадной формѣ, присланный привѣтствовать нашего адмирала отъ лица своего шефа, по случаю прибытія въ портъ и передать ему вмѣстѣ съ флагъ-капитаномъ (А. П. Новосильскимъ) приглашеніе на сегодня къ обѣду.

Пароходъ нашъ между тѣмъ сейчасъ же былъ окруженъ множествомъ сампанговъ, которыми управляли почти исключительно молодые двушки-аннамитки, работаа веслами — одна съ кормы, другая на носу. Гребутъ всегда стоя, и для этого существуютъ особыя приспособленія: высокія, около аршина, уключины, и на борту особая приступка для упора ступни. Здѣсь я имѣлъ возможность разглядѣть нѣсколько ближе обиходное устройство сампанга. Каждая такая лодка покрывается въ средней своей части сплошнымъ навѣсомъ изъ цыновокъ или прошитаго тростника, въ родѣ нашей почтовой кибитки, только подлиннѣе. Корма и носъ остаются открытыми и застилаются досчатыми полушалубами, подъ которыми устроены внутри маленькіе чуланчики для всякаго домашняго скарба. Переднее и заднее отверстія кибитки, въ случаѣ надобности, закрываются плетеными или матерчатыми шторками. На кормѣ помѣщается кухня, гдѣ огонь разводится въ небольшомъ переносномъ очагѣ изъ обожженной глины. Здѣсь женщины стряпаютъ обѣдъ и готовятъ чай, и здѣсь же, въ задней части кибитки, помѣщаются у нихъ подъ-рукой всѣ принадлежности стряпни и вся утварь, состоящая изъ нѣсколькихъ фаянсовыхъ чашекъ, одного или двухъ блюдовъ, вертела, сковороды, пары горшковъ и холодильнаго кувшина. Дно подъ кибиткой плоско, покрыто досками и застлано цыновкой. У одной изъ боковыхъ стѣнокъ помѣщается иногда небольшой алтарики съ буддистскимъ образомъ или какою-нибудь священной статуеткой, украшенный нарядными картонажами, павлиньими перьями, вѣерами, искусственными цвѣтами и тому подобными предметами, имѣющими символическое или талисманическое значеніе. Внутренность сампанга освѣщается кокосовою лампадой, и если нужно куда плыть вечеромъ, то на носу выставляется бумажный фонарь. Тутъ живутъ цѣлыми семьями, гдѣ самымъ дѣятельнымъ и работающимъ элементомъ являются женщины. Въ носовой части каждаго сампанга, съ обѣихъ сторонъ, по наружной сторонѣ бортовъ, непремѣнно нарисованъ особый символическій знакъ: яйцо, какъ зародышъ всего сущаго. Оно соответствуетъ тѣмъ глазамъ, что рисуются на мореходныхъ джонкахъ и составляетъ неизмѣнную принадлежность жилыхъ, семейныхъ сампанговъ. Рисунокъ этого символа имѣетъ такую форму: бѣлый ободокъ, обозначающій скорлупку, и въ немъ двѣ грушеобразныя половин-

ки, вродѣ запятыхъ, — одна красная, хвостомъ вверхъ, другая черная, хвостомъ внизъ, — мужское и женское начало.

До заката солнца оставалось еще слишкомъ два часа, и этимъ временемъ надо было воспользоваться, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ городомъ.

Рейдъ, какъ я уже сказалъ, довольно обширенъ, но на немъ далеко не пестрѣло столько иностранныхъ флаговъ, какъ въ попутныхъ на китайскіе джонки отвѣдено особое мѣсто, по ту сторону рейда, подъ берегомъ, который занять тамъ почти исключительно туземными постройками на сваяхъ, и по числу своему эти джонки далеко превосходили суда европейскія. Нѣсколько парусныхъ шхунъ и «кораблей» подъ голландскимъ, испанскимъ и одно финляндское судно подъ русскимъ флагами, пять-шесть пароходовъ средней величины, принадлежащихъ англичанамъ, французамъ и американцамъ, да нѣсколько малыхъ и буксирныхъ пароходиковъ, приписанныхъ къ порту, вотъ и все, что нашли мы на Сайгонскомъ рейдѣ, гдѣ чуть не на первомъ планѣ, точно нѣкій допотопный мастодонтъ, высится трехдечный военный корабль «Тильзитъ», — судно старинной конструкціи, обращенное теперь въ военную тюрьму, да за-одно уже въ портовый маякъ и семафорный телеграфъ. Наибольшее оживленіе рейду придавали только сампанги, сновавшіе по немъ во всѣхъ направленіяхъ, но, конечно, не эти утлые посудинки могли свидѣтельствовать о торгово-промышленномъ значеніи Сайгона. Какъ морская станція, онъ лежитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ примыхъ мореходныхъ путей, а потому суда, посѣщающія его, заходятъ сюда развѣ по какому-нибудь особому случаю. Даже и пароходы «Messageries Maritimes» появляются въ Сайгонѣ только потому, что въ силу своего условія съ правительствомъ Общество это обязано держать между Марселемъ и Кохинѣиной правильные рейсы для доставленія почты и казенныхъ грузовъ. Вообще, сравнительно съ англійскими портами, Сайгонъ можетъ пользоваться развѣ третьестепеннымъ значеніемъ.

Станционная пристань и склады «Messageries Maritimes» помѣщаются на небольшомъ островкѣ, не имѣющемъ даже мостоваго сообщенія съ городомъ (англичане непремѣнно устроили бы мостъ), хотя островокъ отдѣляется отъ городской набережной ничтожнымъ протокомъ въ какія-нибудь десять, пятнадцать саженъ ширины. Но чтобы добраться до этой набережной, надо нанимать сампангъ, а по таксѣ это стоитъ полфранка съ человѣка, то есть ужасно дорого, если вспомнить, что на самыхъ длинныхъ нескіихъ перевозахъ въ Петербургѣ мѣсто въ общественномъ яликѣ стоитъ не болѣе двухъ копѣекъ. Начиная уже съ такихъ

мелочей, вы сразу чувствуете разницу между колонизационными режимами англичан и французов.

Прибытие **срочного** и почтового парохода всегда и во всех портах **вызывает** вькоторую сенсацию: кь нему тотчас же стремятся всевозможные разносные торговцы, коьльнеры, комиссионеры, репортеры, компрадоры, поставщики и тому подобный людъ; но развѣ тѣнь чего-либо подобнаго встрѣтила въ Сайгонѣ прибытіе «Пей-Хо». Повидимому, никто имъ не интересовался, и даже настолько, что съѣхавъ на берегъ, мы не безъ труда докричались наконецъ «малабара» (такъ зовутъ здѣсь извозчиковъ), уныло торчавшаго въ единственномъ числѣ на отдаленномъ углу набережной. Экипажами служатъ здѣсь каретки, въ родѣ сингапурскихъ, и особаго вида двуколки съ легкимъ навѣсомъ, куда вы садитесь затылкомъ въ сторону движенія, что называется, задомъ напередъ. Въ тѣ и другія впрягается по одной мелкокорослой лошадеиъ туземной породы, всегда гнѣдой масти съ черною полосой вдоль спины. Лопадки эти бѣгаютъ хорошею иноходью, ни мало не утомляясь отъ зѣшняго солнца. Что до европейскихъ лошадей, то въ Сайгонѣ ихъ не найдете: онѣ не переносятъ зѣшняго климата и чахнутъ отъ изнурительной лихорадки, либо гибнутъ отъ солнечнаго удара.

Въ городѣ только два отеля. Лучшій изъ нихъ Hôtel du Parc, гдѣ имѣется и табльд'отъ, но, къ сожалѣнію, нѣтъ свободныхъ нумеровъ: всѣ заняты мѣсячными «пансионерами» изъ мѣстныхъ французскихъ чиновниковъ и торговыхъ агентовъ; а второй, Hôtel de l'Univers, на улицѣ Vannier, до нашего приѣзда былъ закрытъ за отсутствіемъ постояльцевъ. Есть еще и третій отель, — de Paris, но этотъ находится въ полномъ запущеніи, почти въ развалинахъ: двери безъ петель, въ окнахъ поломанныя жалюзи, на верандѣ разрушенныя перила и перегородки, словомъ, «мерзость запустѣнія».

Въ Сайгонѣ путешественники такъ рѣдки и даже притокъ французовъ столь малъ, что, по мѣстнымъ отзывамъ, не стоить содержать гостиницъ. Въ Hôtel de l'Univers, гдѣ мы остановились, тоже было очень скверно, но, за неимѣніемъ лучшаго пришлось довольствоваться тѣмъ, что есть. Комнаты далеко не просторны, на стѣнахъ сырость, въ воздухѣ затхлость, вентиляция плохая, въ коридорѣ запахъ масляной краски и кокосоваго масла, обстановка убогая, въ приспособленіяхъ для умыванья полный недостатокъ, да и все остальное въ самомъ ужасномъ, варварскомъ видѣ, какой развѣ въ Румыніи можно встрѣтить. Ванна устроена въ сарайчикѣ, куда отъ грязи и сырости даже заглянуть противно. Китайская прислуга плохо понимаетъ и еще плоше изъясняется по-французски. Кромѣ голыхъ стѣнъ и постелей съ дырявыми мустикерами, въ этомъ отелѣ нѣтъ ничего:

не только поѣсть, но даже кипятку для чаю мы не достали. Пришлось посылать въ чайную за кипяткомъ, на базаръ за хлѣбомъ и въ лавки за свѣчами, спичками и сахаромъ. При этомъ очень добросовѣстный, но безтолковый **бой**, **вмѣсто** того, чтобы закупить все сразу, беретъ у васъ **деньги** и **приноситъ** что-нибудь одно вмѣстѣ со сдачей, затѣмъ опять спрашиваетъ деньги и отправляется за слѣдующею покупкой и такъ далѣе. Одно только удобство и есть, это балконъ-веранда, гдѣ можно посидѣть въ тѣни. Во внутреннемъ дворикѣ гостиницы устроенъ убогій садикъ, гдѣ поразилъ меня сильный запахъ мускуса, который въ особенности усилился съ наступленіемъ вечерней темноты, когда по этому дворику пошла ужаснѣйшая бѣготня и возня множества большихъ крысъ, ящерицъ и толстыхъ жабъ, скачущихъ высокими прыжками. Все это подпольное население находится въ вѣчной войнѣ между собою и не даетъ вамъ покоя своимъ пискомъ и кваканьемъ. Вечерніе часы, это по преимуществу время его сраженій, ареной которыхъ служатъ дворикъ. Я было думалъ сначала, что поразившій меня мускусный запахъ издаетъ какое-нибудь растеніе, но ничуть не бывало: оказалось, что это крысы, особая мѣстная порода, такъ и слышущая подъ названіемъ *мускусной*. Ихъ тутъ великое множество.

Вообще, съ наступленіемъ вечера въ нашихъ комнатахъ оказалось много постороннихъ жильцовъ (впрочемъ, съ ихъ точнаго зрѣнія, это вѣроятно мы были посторонними); черные тараканы-исполины, съ какими впервые мы познакомились еще въ Египтѣ, поволокли по постелямъ и по полу, мускиты и мотыли цѣлыми эскадронами закружились около свѣчей, ящерики забѣгали по стѣнамъ и по потолку; одна изъ нихъ даже шлепнулась ко мнѣ въ стаканъ и погибла въ двѣтѣ лѣтъ, опшаренная горячимъ чаемъ. Залетѣла въ комнату летучая мышь, которую долго не могли выжить. Но это еще что! Иногда забираются въ комнаты и болѣе опасныя гадины: черные скорпионы, желтопятнистыя сороконожки, укушеніе которыхъ въ иныхъ случаяхъ влечетъ за собою даже смертельный исходъ, и ядовитыя змѣи. Поэтому, ложась въ постель, никогда не мѣшаетъ предварительно осмотрѣть ее, а равно и вставая прежде всего освидѣтельствуйте внутри ваши туфли и осмотрите полъ и углы комнаты; иначе вы рискуете неожиданно встрѣтиться съ очень непріятною гостьей. Бываютъ примѣры, что прибрежныя и желтокожія водяныя змѣи, между которыми, какъ увѣряютъ, есть и ядовитыя, забираются на палубы судовъ и въ каюты, почему не безопасно оставлять на ночь иллюминаторъ открытымъ. Но этимъ еще не кончатся непріятности, которыми вы случайно можете подвергнуться въ Сайгонѣ со стороны разныхъ кусакъ и кровососовъ изъ міра животнаго: пауки - мигалы, кусающіеся очень

больно, черные пауки-телефоны съ хвостомъ, испускающіе отвратительный рѣзкій запахъ, отъ котораго вы долго не избавитесь, если, замѣтивъ, что паукъ пробѣгаетъ по вашему тѣлу или платью, захотите его смахнуть; наконецъ, муравьи нѣсколькихъ видовъ, большіе и малые, черные и красные, причисляемые положительно къ бѣдствіямъ Кохинхины. Укусъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности такъ называемаго мелкаго *оганна* муравья, оставляетъ по себѣ на нѣсколько часовъ острую жгучую боль, и если такая рать нападетъ на вашу постель (что и случается нерѣдко), то, проснувшись отъ сильной боли, вамъ остается только бѣжать поспѣше отъ своего ложа и намазывать противнымъ кокосовымъ масломъ, которое, какъ увѣряютъ здѣсь, хорошо утоляетъ боль и будто бы даже предохраняетъ отъ укушеній муравьевъ и другихъ мелкихъ насѣкомыхъ.

Чуть наступить вечерняя темнота, городъ уже оглашается громкимъ соединеннымъ концертомъ кузнечиковъ и лягушекъ. Последніе мірадами населяютъ рисовыя поля, и отъ ихъ кваканья въ воздухѣ просто стонъ стоитъ по всей окрестности. А къ этому присоединяется еще хриплое скрипѣнье гекко, налминающее по звуку скрипъ нашихъ коростелей, но только гораздо громче и рѣзче. Стрекотанье кузнечиковъ и сверчковъ тоже весьма громко, но въ его однообразной нотѣ есть своя музыкальность, тогда какъ эти гекко продолжительностью своего скрипѣнья неприятно дѣйствуютъ вамъ на нервы. А между тѣмъ, этотъ же гекко считается здѣсь благотѣльнымъ гениемъ по тѣмъ услугамъ, какія оказываетъ онъ жителямъ. Вотъ какими чертами описываетъ его французскій натуралистъ докторъ Морисъ: «Эта большая ящерица, говоритъ онъ, живетъ и въ лѣсахъ, и въ развалинахъ, точно такъ же, какъ и въ аннамскихъ хижинахъ и во французскихъ домахъ; она очень обыкновенна въ Кохинхинѣ и придаетъ совершенно особенный характеръ фаунѣ этой страны. Представьте себѣ громадную земляную саламандру, на ея изсѣра-голубоватой кожѣ возвышается множество пупырышковъ, каждый въ серединѣ оранжеваго пятна; ея большіе глаза окружены золотистою радугою. Благодаря пластинкѣ у подошвы ея лапъ, дѣйствующей какъ присасывающіяся банки, она можетъ ходить по самымъ скользкимъ мѣстамъ вопреки законамъ тяжести. Крикъ ея, давшій ей названіе на всѣхъ языкахъ, странно рѣзокъ; слыша его въ первый разъ, можно испугаться. Дребезжащее ворчанье служить прелюдией; потомъ въ пять, въ шесть, въ восемь различныхъ приступовъ, правильно понижая голосъ каждый разъ на полтона, большая ящерица выкрикиваетъ слово *гекко* или иногда *такке*, и фраза заключается опять ворчаніемъ довольства. Животное это оказываетъ намъ истинныя услуги,

такъ какъ громадною лапью оно проглатываетъ множество противныхъ мускусныхъ крысъ, которые портятъ провизію и вина (въ боченкахъ); кромѣ того, оно ѣстъ таракановъ, противное насѣкомое, столь обыкновенное во всѣхъ колоніяхъ. Гекко по природѣ домовѣдъ и никогда не уходитъ далеко отъ избраннаго имъ мѣста жительства. Не будь онъ такъ безобразенъ и не кричи такъ, что дѣйствительно мѣшаешь, въ особенности когда въ домѣ ихъ штукъ десять и они всю ночь переключаются, онъ былъ бы безобиднымъ сообщникомъ человека и въ этомъ отношеніи заслуживалъ бы уваженіе».

Мы хотѣли было выйти на прогулку въ легкихъ пикейныхъ костюмахъ, но насъ предостерегли не дѣлать этого. Мѣстные французы вечеромъ не выходятъ изъ дому иначе какъ во фланели,—предосторожность далеко не излишняя, такъ какъ сырость здѣсь ужасная; почти всѣ дома покрыты грибовидными лишайми и зеленовато-черными потеками плесени, а въ воздухѣ сырость отзывается тепличною прѣлью смѣшанною съ запахомъ мускуса и какихъ-то пряно-ароматическихъ растений. Эта сырость пропитываетъ все ваше платье и грозитъ такою лихорадкой, отъ которой нѣые даже и возвратясь въ Европу уже во всю свою жизнь не могутъ отдѣлаться. Поэтому и французскіе солдаты, присылаемые сюда на службу не болѣе какъ на полтора года, ходятъ всегда въ суконномъ платьѣ. Но какова же должна быть пытка носить грубое, тяжелое сукно въ такой банѣ! Да и то, говорятъ, около четверти общаго числа солдатъ становятся жертвами желтой и рисовой лихорадки и находятъ себѣ здѣсь безвременную могилу. Впрочемъ, мѣстные обжившіеся французы, благодаря фланели, сохраняютъ здоровье и даже имѣютъ весьма бодрый видъ. Для этого надо только соблюдать извѣстнаго рода діету, напимѣръ, пить воду и вино только во время завтрака и обѣда; вода же какъ прохладительное, особенно въ промежуткѣ отъ завтрака до обѣда, очень вредна, ибо грозитъ диссентеріей; никогда не слѣдуетъ пить воду или вино холодныя и тѣмъ болѣе со льдомъ, а чтобъ устранить вредность воды, должно подбавлять въ стаканъ небольшое количество коньяку. Мы замѣтили однако, что французы, обѣдавшіе въ *Hôtel du Parc* за табльдотомъ, злоупотребляютъ не столько водою, сколько спиртными напитками, въ особенности коньякомъ, который здѣсь предлагается посѣтителамъ *gratis*, именно въ видахъ гігіеническихъ, и для того откупоренныя бутылки его стоятъ на каждомъ отдѣльномъ столѣ на верандѣ, приходи и пей кто хочетъ, если только при этомъ спроситъ себѣ за буфетомъ что-нибудь изъ «комсоматій». Здѣсь его пьютъ и съ чаемъ,

и съ кофе, и съ шипучими водами, и просто «голякомъ», послѣдній способъ даже предпочтительнѣе всѣхъ остальныхъ. Но позволительно усомниться, чтобы это могло быть особенно полезнымъ въ такомъ климатѣ гдѣ жара на солнцѣ нерѣдко достигаетъ 63° Реомюра.

13-го августа.

Въ семь часовъ утра отправились мы пить кофе въ *Hôtel de Rare*, а коньякъ на столікахъ уже стоялъ къ услугамъ посѣтителей, и многіе французы, являясь сюда къ чаю, прямо съ него и начинали. Кофе намъ подали въ китайскихъ чашкахъ, въ родѣ нашихъ полоскательныхъ, но далеко не вкусный. Это былъ такъ-называемый *café au lait*, но дѣло въ томъ, что настоящее молоко здѣсь очень дорого, такъ какъ мѣстные коровы даютъ его только по одному литру въ сутки, а европейскія, дающія до четырнадцати литровъ, плохо выдерживаютъ климатъ и потому онѣ здѣсь вообще довольно рѣдки. Кромѣ того, молочная торговля находится исключительно въ рукахъ аннамцевъ и малайцевъ, которые коровье молоко по большей части замѣняютъ буйволовымъ, да и къ этому въ значительной мѣрѣ подбавляютъ кокосовую эмульсію.

Напившись кофе, отправились знакомиться съ городомъ. Надо было пользоваться утренними часами, пока еще гнетущій зной не согналъ все живое съ улицъ въ тѣнь подъ закрытые навѣсы и въ глубину закупоренныхъ жилищъ. Пошли по главной улицѣ, носящей названіе *Catinat*, въ честь тридцатипушечнаго корвета, принимавшаго участіе въ кохинхинской экспедиціи, которая доставила Франціи обладаніе этою колоніей. Параллельная ей улица носитъ названіе *Национальной*, а прочія окрещены преимущественно именами начальствовавшихъ лицъ и разныхъ героев экспедиціи. Сайгонъ стоитъ на красной глинистой почвѣ; шоссированныя улицы тоже кажутся красными, тѣмъ болѣе, что ихъ широкіе тротуары сложены изъ плитокъ обожженаго кирпича, и красная пыль, покрывающая ихъ, при малѣйшемъ вѣтрѣ въ изобилии садится на ваше платье и оставляетъ на немъ грязно-красноватые слѣды. Дома на *Catinat* принадлежатъ, кажется, исключительно европейцамъ; по крайней мѣрѣ всѣ они строены въ европейскомъ вкусѣ изъ обожженаго кирпича, въ одинъ или два этажа, нерѣдко съ каменными аркадами и непременно съ верандами и палисадниками, и всѣ крыты черепицей. Кромѣ того, на каждомъ изъ нихъ непременно торчатъ по два или по четыре громоотвода, такъ какъ грозы здѣсь очень часты и раздражаются съ неимоверною силой. Трехъэтажныя постройки являются уже

какъ исключеніе, и то преимущественно на портовой набережной, какъ напримѣръ, домъ Вантай, бывшій «Космополитическій отель». Вообще строенія расположены правильными улицами и довольно просторно, безъ скученности. Въ садахъ и палисадникахъ при нихъ также нѣтъ недостатка: тамъ мѣшались между собою музы, бамбукъ, рипинники, бальзамины, датуры и манговыя деревья, увитыя лианами и дикимъ виноградомъ. Тротуары на *Catinat* и на нѣкоторыхъ другихъ улицахъ обсажены аллеями тамариндовъ и бѣлыхъ акацій, быстро достигающихъ здѣсь весьма почтенныхъ размѣровъ. Прогуливаться въ тѣни подъ ихъ вѣтвями очень приятно, но, говорятъ, не безъ того чтобы не испытать иногда невольнаго испуга при встрѣчѣ съ древесною змѣей, которая, свѣсившись съ вѣтки, какъ хвостъ лианы, показывается надъ вашей головой. Впрочемъ, говорятъ, онѣ не ядовиты, хотя и кусаются. Змѣи эти въ особенности любятъ тамариндовыя деревья, по той причинѣ, что на ихъ вѣтвяхъ всегда обитаютъ зобатыя, большегривыя ящерицы *kanke* (*Calotes versicolor*)—предметъ ихъ охоты. Водопроводныя каналы, цистерны и даже фонтаны все это встрѣчается по сторонамъ главной улицы, на которой въ то же время европейскіе обыватели не стѣсняются развѣшивать свое бѣлье для просушки. Есть и общественныя скверики, но мы нашли ихъ въ очень запущенномъ и неряшливомъ видѣ, съ поломанными рѣшетками и съ разрушенными калитками, съ сорною травой на загложившихъ дорожкахъ. Въ одномъ изъ такихъ сквериковъ, близъ нашего отеля *de l'Univers*, находится монументъ въ память адмирала Риго де-Женульи, одного изъ главныхъ дѣятелей кохинхинской экспедиціи, бронзовая фигура котораго въ полный ростъ и въ адмиральскомъ костюмѣ стоитъ на возвышенномъ пьедесталѣ; но и это обстоятельство, повидимому, никому не прибавило заботы содержать скверъ въ болѣе опрятномъ видѣ. Другой памятникъ, небольшой обелискъ въ честь французскихъ воиновъ, павшихъ въ Кохинхинѣ, стоитъ тоже въ скверѣ, при концѣ портового канала, проведеннаго въ городъ изъ Доннаи, но и этотъ не въ болѣемъ почетѣ, чѣмъ скверъ адмирала. При встрѣчѣ за табльдотомъ съ однимъ изъ мѣстныхъ французовъ, который самъ пожелалъ познакомиться съ нами и оказался милѣйшимъ и услужливѣйшимъ человекомъ, разговоръ случайно какъ-то коснулся именно этого предмета, и знаете ли какое странное объясненіе этой неряшливости далъ намъ нашъ новый знакомецъ?

— Что дѣлать!—сказалъ онъ со сдержанно грустнымъ вздохомъ, — у насъ теперь республиканское правительство, а герои кохинхинской экспедиціи были люди режима имперіи,

и этого совершенно достаточно, чтобы люди республики плевали на ихъ заслуги.

Главная улица образуетъ перспективу, замыкаемую въ концѣ двухбашеннымъ фронтономъ католическаго кафедральнаго собора, стоящаго на площади. Мы зашли туда. Кроме хорошаго запредельнаго изваянія Богоматери и нѣсколькихъ барельефовъ, изображающихъ страсти Христовы, да нѣсколькихъ образовъ на стеклахъ расписныхъ оконъ, здѣсь не на что полюбоваться; оголенность внутреннихъ стѣнъ производитъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго: на нихъ нѣтъ ни фресокъ, ни скульптурныхъ орнаментовъ; онѣ только на-чисто оштукатурены.

— Все, что вы здѣсь видите, — замѣтилъ старый сакристанъ, показывавшій намъ соборъ, — эта святая Мадонна, эти окна, все это пожертвовано правительствомъ еще во времена имперіи... Послѣ имперіи для храма никто и ничего болѣе не дѣлаетъ... Поэтому онъ и стоитъ въ такомъ видѣ, почти-что вчера: тогда его, къ сожалѣнію, не успѣли докончить, а теперь мы стараемся только содержать его въ чистотѣ и кое-какъ, на собственные скудные средства, уберегать то, что есть отъ разрушенія.

— А городъ? — спросили мы, — вѣдь это же городской соборъ? Развѣ вашъ муниципалитетъ не поддерживаетъ его?

— Увы, сударь!.. У насъ теперь республиканское правительство, и муниципалитетъ въ оппозиціи клерикализму... На соборъ не ассигнуется болѣе ни копѣйки. Одни только прихожане удѣляютъ кое-что изъ собственныхъ средствъ въ кружечный сборъ, и это все что мы теперь имѣемъ.

А жаль: соборъ начать былъ не безъ грандіозности и до сихъ поръ еще служить лучшимъ архитектурнымъ украшеніемъ Сайгона.

Отъ собора направились мы въ торговую часть города, расположенную близъ порта, по набережной городского канала. Здѣсь большая часть домовъ двухъ-этажные, съ верхними и нижними галереями на колоннахъ или на аркадахъ. Нижніе этажи сплошь заняты лавками и магазинами, съ вывѣсками на китайскомъ и французскомъ языкахъ, но въ этихъ лавкахъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ компрадорскихъ магазиновъ, полное царство китайскихъ кунцовъ и прикащиковъ. Малайцы и аннамцы удержались только на городскомъ базарѣ, да и то на половину съ китайскими. Нѣсколько французскихъ именъ замѣтили мы лишь на вывѣскахъ ремесленниковъ, какъ напримѣръ, портныхъ, башмачниковъ, куаферовъ, часовщиковъ, да и въ этихъ профессіяхъ конкурируютъ съ ними китайцы. Словомъ, что касается мѣстной промышленности, ремесла и торговли, то здѣсь еще болѣе чѣмъ въ Сингапурѣ вы можете ви-

дѣть, какъ желтокожій человѣкъ оспариваетъ мѣсто у бѣлаго и даже мало-по-малу вытѣсняетъ послѣдняго. Въ крупныхъ же коммерческихъ дѣлахъ Сайгона начинаютъ играть выдающуюся роль англичане и нѣмцы.

Французъ въ Кохинхинѣ, это преимущественно чиновникъ, военный или агентъ какой-нибудь торгово-промышленной компаніи. Такихъ, которые остались бы въ краѣ навсегда, приобрѣтя себѣ собственность, завели какую-нибудь плантацію или какое-нибудь дѣло и лично занялись бы хозяйствомъ, здѣсь пока еще немного. Даже и тѣ, что уже обзавелись кое-чѣмъ и выстроили себѣ дома, спѣшатъ продать ихъ, — по большей части новоприбывающимъ на службу, а то и китайцамъ, — если только судьба посылаетъ имъ благопріятный случай возвратиться во Францію. Можетъ быть въ будущемъ все это измѣнится, и страна когда-нибудь увидитъ здѣсь настоящихъ колонистовъ-французовъ, дѣйствительно заводящихъ и обрабатывающихъ французскія плантаціи, а не устранивающихъ только компаніи на акціяхъ или на паяхъ, «для эксплуатаціи кохинхинскихъ богатствъ», съ «правленіями» и «директорами» въ Парижѣ, которые «управляютъ» двумя кохинхинскими «предпріятіями» за тысячи миль отъ Кохинхины; но пока еще не замѣтно, чтобы дѣло твердо выступало на эту единственную практическую дорогу, и здѣшній французъ все еще продолжаетъ считать себя какъ бы временнымъ гостемъ этой страны, обязаннымъ только пройти свой «терминъ», чтобы затѣмъ уступить мѣсто вновь прибывающему соотечественнику. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризуютъ нынѣшнее положеніе дѣла тѣ французы, съ которыми довелось мнѣ познакомиться въ Сайгонѣ.

Портовый каналъ не широкъ: сажень около пятнадцати. Черезъ него перекинуты два хорошіе желѣзные моста одинаковаго рисунка, на каменныхъ устояхъ. Откосы канала выложены плитнякомъ; по нимъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, спускаются къ водѣ каменные лѣсенки; вдоль обѣихъ набережныхъ тянутся ряды деревянныхъ тумбъ съ желѣзными крючьями, за которые привязываются бичевы промысловыхъ сампанговъ, причаливающихъ къ откосамъ и выгружающихъ прямо на набережную дрова, кирпичъ, песокъ, щебень, ободья, мѣшки съ рисомъ, бататы, ананасы и иные сельскіе продукты.

Сюда же, на набережную канала, выходитъ одною своею стороною и городской рынокъ, состоящій изъ шести сквозныхъ продолговатыхъ павильоновъ (по три въ рядѣ), подъ двухъярусными, высокими и широкими крышами, съ отлично устроенною вентиляціей. Здѣсь на лоткахъ, открытыхъ столахъ и ларяхъ, установленныхъ правильными рядами, съ продольными и поперечными проходами,

продаются всё необходимые для жизни припасы: живность, овощи, бакалея, рыба, фрукты, а также свѣчи, посуда, дешевая мебель и пр. Въ числѣ живности, между прочимъ, фигурируетъ и крокодилъ мясо, не имѣющее здѣсь, какъ увѣряютъ, мускуснаго запаха и, несмотря на нѣкоторую жесткость, очень любимое аннамцами. Тутъ же помѣщается и своего рода «обжорный рядъ» для туземной публики. Базаръ стоитъ на площадкѣ, обрѣзанной съ трехъ сторонъ разнокалиберными домами торговаго характера, гдѣ въ галлереяхъ подъ аркадами и подъ холщевыми навѣсами продаются разныя «галантерей», ситцы и вообще мануфактурные товары, смѣсь европейской производительности съ азиатскою и преимущественно, конечно, китайскою.

На базарѣ вы легче всего можете познакомиться со всѣми представителями мѣстнаго населенія: аннамцами, малайцами, китайцами и малабарскими индусами. Все это тутъ толчется, покупаетъ, продаетъ, куритъ, закусываетъ, жуетъ бетель и табакъ и узнаетъ всевозможныя новости дня, отчасти изъ мѣстной газеты *Gia-dinh-bao*, читаемой нѣкоторыми продавцами⁴⁾, а больше все изъ устной передачи у чайныхъ и закусовыхъ ларей. Служащихъ для туземцевъ своего рода клубами.

Аннамцы — мелкорослый и худощавый, что называется, жиденькій народъ, съ выгнутою, какъ бы сѣдлою поясницей. Судя на взглядъ, они должны быть слабосильны. Цвѣтъ кожи у простого народа темно-коричневый, у зажиточныхъ людей болѣе свѣтлый, съ разными оттѣнками, но преимущественно оливковый и всегда блѣдный; глаза узковаты и тусклы, лицо приплюснутое и безъ растительности, которая появляется уже въ преклонномъ возрастѣ, да и то весьма жидкая; за то волосы у нихъ на головѣ, черные отъ природы, и длинные, и густы; губы очень крупны и всегда кажутся окровавленными отъ привычки вѣчно жевать бетель. Тотъ же складъ лица преобладаетъ и у женщинъ, но, конечно, нѣсколько смягченнѣе, нѣжнѣе, даже до такой степени, что между ними встрѣчаются иногда и недурныя собою (хорошенькими назвать ихъ было бы слишкомъ много). Онѣ еще меньше ростомъ чѣмъ мужчины, такъ, что кажутся даже дѣвочками. Костюмъ ихъ состоитъ изъ панталонъ и широкаго косоворотнаго балахона-рубашки съ широкими рукавами. Преобладающие цвѣта—либо бѣлый, либо черный, а матерія—

шелковый ластикъ или коленкоръ. Къ этому присоединяется иногда какой-нибудь яркій поясъ. Густые и длинные волосы гладко зачесываются назадъ и укладываются тѣсколко сбоку двумя или тремя буфами въ шиньонъ, заколотый шпилькой. Въ ушахъ онѣ носятъ особаго рода серьги, въ видѣ пуговки или головки гвоздя, плотно сидящей на ушной мочкѣ, а ожерелья ихъ состоятъ изъ янтарныхъ и каменноугольныхъ бусъ и изъ серебрянаго или мѣднаго кольцеобразнаго ошейника съ колечками. Кромѣ того, всегдашнюю принадлежность женскаго убора составляютъ ручные и ножные браслеты въ видѣ колецъ—у зажиточныхъ серебряные, а у простыхъ изъ каменнаго угля или изъ желтаго стекла. Обувь, состоящую изъ остроносыхъ загнутыхъ кверху туфель, носятъ на босую ногу только богатые женщины, воѣ же остальные предпочитаютъ ходить босикомъ и ногъ себѣ не уродуютъ по китайской модѣ. Нарядъ аннамитки дополняется иногда плоскоковническою шляпкой изъ бамбука или рисовой соломки, съ длинною шелковою кистью, которая болтается сзади почти до поясницы. На базарѣ, какъ и на сампангахъ, нерѣдко встрѣчаются женщины съ маленькими ребятими, которыхъ онѣ носятъ совершенно своеобразно, нигдѣ еще невиданнымъ мною способомъ, а именно: ухитряясь какими-то судьями усаживать младенца верхомъ къ себѣ на бедро и поддерживая его за спину рукой. При этомъ не употребляется рѣшительно никакого приспособленія, въ родѣ мѣшка или перетяжки, и какъ эти дѣти не соскальзываютъ и не расшибаются, я рѣшительно не понимаю. Мнѣ даже случилось видѣть, что мать, стоя на кормѣ сампанга, одною рукой работала весломъ, а другою поддерживала своего малютку, который, держась за ея рубашку и откинувшись къ ней на ладонь, преспокойно себѣ спалъ убаюканный мѣрнымъ качаніемъ ея корпуса при греблѣ. Докторъ Морисъ говоритъ, между прочимъ, что имъ совсѣмъ неизвѣстенъ поцѣлуй: матери не цѣлуютъ своихъ дѣтей, а только дышать на нихъ, поднося къ своему носу.

Костюмъ мужчинъ тоже весьма не сложенъ: на головѣ черная небольшая повязка, въ родѣ чалмы, прикрытая соломенною шляпочкой грибокъ или плоскоковническою, какъ у женщинъ, только безъ большой кисти; затѣмъ черный или синій балахонъ, но съ узкими рукавами и бѣлые панталоны: на ногахъ плетенныя китайскія туфли. Это костюмъ людей зажиточныхъ, а рабочіе обыкновенно носятъ короткую безрукавную кофту, въ родѣ еврейскаго *лапсердака*, съ боковыми прорѣзами, и коротенькіе штаны выше колѣна; то и другое изъ бѣлаго коленкора; ноги всегда босы, на головѣ плетеный грибокъ или плоскоковническая шляпка. Питались они на базарѣ преимущественно

⁴⁾ Португальскіе миссіонеры давно уже изобрѣли аннамитскую азбуку, прибавивъ къ китайскимъ знакамъ латинскія буквы. Французское правительство приняло эту систему и обязательно ввело ее во всѣ городскія начальныя школы съ бесплатнымъ обученіемъ, учрежденныя для туземцевъ. Этими же буквами печатается и мѣстная газета на аннамскомъ языкѣ—*Gia-dinh-bao* (*Сайгонскій листокъ*).

рыбой и сырыми овощами: рѣдкой, огурцами, чеснокомъ, заѣдая все это стручковымъ перцемъ.

Я ничего не могу сказать о нравахъ и характерѣ этого народа. такъ какъ слишкомъ мало былъ въ Кохинхинѣ, чтобъ имѣть право судить о нихъ, развѣ положиться на авторитетъ Dr. Мориса, который говоритъ объ аннамцахъ, что рабство, невѣжество и лѣнь сдѣлали ихъ расу бѣдною, нелюбознательною и трусливою. По его словамъ, это народъ вялый, лживый и трудно поддающийся вліянію, но при всемъ томъ у него есть и достоинства, подающія большія надежды: веселость, часто весьма остроумная, необыкновенная способность къ ученію и къ пониманію и какая-то національная гордость, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ. Образъ жизни самый неудобный и антигигіенический: они пьютъ очень много простой неочищенной воды, изрѣдка чай и рисовую водку *самъ-шеу* или *самъ-шумъ*, но особенной склонности къ вину не имѣютъ; ѣдятъ иногда свинину какъ праздничное блюдо, но это мясо тамъ крайне опасно тѣмъ, что порождаетъ ленточныхъ глистовъ; при ѣдѣ употребляютъ китайскія палочки. Одежда ихъ, которую они мѣняютъ только тогда, когда она падаетъ лохмотьями, нисколько не предохраняетъ ихъ во время сырыхъ и, относительно, холодныхъ ночей, проводимыхъ подъ открытымъ небомъ, точно также и въ декабрьскія или январьскія утра, когда аннамцы дѣйствительно дрожатъ отъ холода при температурѣ въ 18° Цельсія. Поэтому очень много дѣтей умираетъ у нихъ въ первомъ возрастѣ отъ легочныхъ и желудочныхъ болѣзней. Хижины у аннамцевъ всегда строятся на сваяхъ и стоятъ наполовину въ водѣ, наполовину на землѣ или на грязи, и потому тоже очень вредны для здоровья. Разведеніе риса и рыболовный промыселъ сдѣлали изъ этого народа нѣчто въ родѣ амфибій. Вода нерѣдко покрываетъ полъ въ хижинѣ аннамита, въ особенности во время сильныхъ приливовъ, и тогда туземецъ сидитъ на семейномъ столѣ или качается въ своемъ грубомъ гамакѣ, напѣвая унылую пѣсню и покуривая папирску¹⁾. Замѣчательна также способность аннамцевъ грести безъ усталости въ продолженіи десяти часовъ и при этомъ терпѣливо переносить свое жгучее солнце. Признавая въ нихъ расу очень способную, Морисъ говоритъ будто ей не достаетъ чувства художественности, хотя самъ

же свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторыхъ настоящихъ рисункахъ живая природа въ видѣ цвѣтговъ, птицъ и насекомыхъ изображена очень искусно, но что скульптура имъ почти неизвѣстна, поэзія бѣдна, танцевъ нѣтъ, а о наукахъ нечего и говорить, такъ какъ литературныя знанія ихъ ограничиваются изученіемъ нѣсколькихъ китайскихъ знаковъ. Что до музыки, то она очень монотонна и рѣзка и, по словамъ Мориса, не нравится европейцамъ, какъ и европейская, въ свою очередь, не понравилась бы аннамцамъ. Насколько мнѣ довелось видѣть на базарѣ аннамскихъ музыкантовъ, могу сказать только, что инструменты у нихъ китайскіе, то есть: двухструнные скрипичы, гитары, мандолины, торбаны, флейты, дудки, маленькіе гонги, тамтамы и барабаны. Но въ чемъ окончательно не могу согласиться съ докторомъ Морисомъ, такъ это въ его мнѣніи о недостаткѣ въ аннамитахъ художественнаго чувства. Мы зашли въ два, три магазина, гдѣ торгуютъ почти исключительно тонкинскими произведеніями¹⁾. Фарфоровыя чашки, въ видѣ рыбацкихъ плетеныхъ корзинокъ, по которымъ съ наружной стороны разсажены раки, краббы и шримпсы; затѣмъ куклы изъ терракоты, пройденныя цвѣтною поливой и изображающія представителей и представителей разныхъ общественных слоевъ и профессій въ разныхъ провинціяхъ южнаго Китая, Аннама и Камбоджи, и наконецъ совсѣмъ миниатюрныя фигурки изъ сѣрой глины, представляющія птичекъ, разныхъ животныхъ и человѣчковъ (большую частію типы изъ низшихъ классовъ населенія),—все это исполнено съ такою естественностью, съ такою простотой и жизненною правдой, а послѣднія фигурки даже съ оттѣнкомъ такого милаго, добродушнаго юмора, что я ихъ ставлю положительно выше чисто китайскихъ произведеній этого рода, такъ какъ въ послѣднихъ, несмотря на большую степень совершенства ихъ техники, всегда есть нѣчто натянутое, утрированное, такъ или иначе кричащее вопреки чувству простоты и естественности. Наконецъ, возьмемъ аннамскую мебель и иныя столярныя и токарныя вещицы тонкинскаго издѣлія, продающіяся въ этихъ же магазинахъ. Всѣ эти шкафчики, поставцы, шифоньерки, этажерки, шкатулки, вѣера и подносы изъ черного и краснаго дерева, пройденные чрезвычайно искусными и тонкими инкрустациями изъ перламутра, изображающими драконовъ, бабочекъ, птичекъ, жучковъ и цвѣтныя гирлянды,—во всемъ этомъ столько изящества и вкуса, что достаточно только взглянуть на нихъ, чтобы никогда больше не сомнѣваться въ художественномъ чувствѣ аннамитской расы. Жаль только, что всѣ эти тон-

1) Табакъ, употребляемый китайцами въ сигарахъ и трубокъ или въ особаго рода маленькомъ кальянѣ, курится аннамцами въ папирсахъ. Бумага у нихъ чрезвычайно плотная, а самый табакъ (лучшій изъ Лоян-танга) пахнетъ такъ, что его толчася же слышно. Говорятъ, что при приготовленіи его поливаютъ мочей буйвола. Докторъ Морисъ не выдаетъ этого за вѣрное, но замѣчаетъ, что изъ европейцевъ мало кто куритъ его.

1) Тонкинъ—сѣверная провинція Аннама.

гинскія инкрустація въ продажѣ стоѣтъ весьма не дешево; желая приобрести одинъ экземпляръ для своей коллекціи, я выбралъ очень красивый овальный подносъ длиной въ 13 и шириной въ 9 вершковъ; купецъ какъ назначилъ на него цѣну въ 20 долларовъ, такъ и не спустилъ ни одной копѣйки, а разные шкафчики и поставы идутъ отъ ста и до трехсотъ долларовъ. Правда, за то и вещи!..

Чуть только я сторговалъ подносъ и нѣсколько статуэтокъ, около меня завертѣлось трое или четверо длинноволосыхъ мальчишекъ лѣтъ десяти, двѣнадцати, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ однихъ бѣлыхъ штанцовъ да пояса, на которомъ прикрѣплена была спереди кожаная сумочка съ мѣдными бляшками, служащая вмѣсто портъ-монѣ и кармана. На плечѣ у каждого изъ этихъ мальчугановъ, словно шить, висѣла круглая плетеная корзина. Едва прикашикъ завернулъ мои покупки, какъ къ нимъ разомъ протянулось восемь рукъ, на перебой старавшихся перехватить добычу. Купецъ было цыкнулъ на мальчишекъ, но они обетупили меня, строя умильно просящія рожицы и, показывая на свои корзины, лепетали: «Capitaine, une corbeille!.. Bon capitaine! Voyage quel panier, capitaine!» Намъ объяснили, что это особый типъ сайгонскихъ уличныхъ мальчишекъ-аннамитовъ, которые промышляютъ единственно тѣмъ, что носятъ за европейцами ихъ покупки; поэтому они всегда толкуются предъ лавками и на базарахъ, валяясь на землѣ около аркадъ и навѣсовъ, не взирая на ужасный солнцепекъ, или сидя въ своихъ корзинкахъ играютъ другъ съ другомъ въ орлянку, пока не завидятъ европейскаго покупателя. Они страстные игроки, и орлянка это ихъ любимѣйшее занятіе, причемъ нерѣдко спускается весь заработокъ. Всѣ такіе мальчишки непременно болтаютъ кое-какъ по-французски и могутъ служить для иностранца отличными проводниками по городу. Этотъ типъ—совершенно то же, что наши ташкентскіе «ташишки», сартовскіе мальчуганы, вѣчно торчащіе на базарѣ и предлагающіе русскимъ свои услуги донести до дому ихъ покупки, съ тою только разницей, что у сартенковъ вмѣсто корзины служатъ полы ихъ собственнаго халата заворачиваемыя сзади на плечи. Какъ эти по-французски, такъ и тѣ болтаютъ всѣ по-русски и даже обогатили нашъ лексиконъ, словомъ «ташишки» (отъ глагола *тащить*) ихъ собственнаго изобрѣтенія.

Изъ четырехъ мальчугановъ, окружавшихъ меня въ тонкинской лавкѣ, надо было отдать предпочтеніе которому-нибудь одному,—но какому же? Сайгонскіе «ташишки» живо разрѣшили этотъ вопросъ сами: каждый изъ нихъ вынулъ изъ своей сумочки по одной монеткѣ съ какою-нибудь особою, извѣстною имъ мѣткою и бросилъ ее къ одному изъ товарищей

въ конецъ пояса сложенный мѣшечкомъ. Тогда одинъ изъ «ташишекъ» запустилъ туда руку и живо выудилъ первую появившуюся монетку. Всѣ остальные зорко наблюдали за нимъ, чтобы при этомъ не было какой-нибудь плутни, и чуть только монетка была вывута, какъ всѣ бросились къ ней разсматривать мѣтку, чтобы собственными глазами удостовѣриться кому именно принадлежитъ она. Собственникъ монетки и явился въ этомъ случаѣ уже безспорнымъ обладателемъ права тащить ваши вещи. Тотчасъ же нагрузивъ ими свою корзину, онъ поднялъ ее къ себѣ на голову и съ важностью понесъ впереди насъ въ гости-нищу.

Съ десяти часовъ утра и до трехъ пополудни въ городѣ прекращается всякая дѣятельность: не только люди, но и домашнія животныя, изнеможенные зноемъ до полнѣйшей апатіи, погружаются въ спячку, скрываясь за тщательно закрытыми жалюзи и опущенными цыновками. Магазины и лавки, за исключеніемъ нѣсколькихъ китайскихъ мелочныхъ лавчонокъ, въ это время тоже запираются, а на улицахъ рѣдко-рѣдко когда видны только рабочіе-кули не знающіе, какъ, ни отдыха, ни усталости, да еще рѣже провлачить свои ноги европейецъ въ *салако* ¹⁾ и подъ бѣлымъ зонтикомъ, выгнанный изъ дому развѣ какою-нибудь крайнею, безотлагательною необходимостью. Въ кофейняхъ и ресторанахъ въ эти часы съ величайшимъ трудомъ достанешь даже сифонъ содовой воды, и то для этого надо будить *боя*, который не хочетъ вставать и всячески отговаривается невозможностью добыть требуемое. Чтобы уломать его, надо употребить особую настойчивость въ соединеніи съ обѣщаніемъ дать ему на водку. И тогда только еле-еле сдвинется съ мѣста и принесетъ вамъ тепловатой шипучей водицы.

Желая позавтракать, мы около трехъ часовъ дня зашли въ одну французскую кофейню. Намъ подали небольшой бѣлый хлѣбъ, два тоненькіе ломтика ветчины, по которой подзали бѣлые черви, уснѣвшіе вдосталь отнѣдать ее гораздо раньше насъ, три чашки холоднаго чернаго кофе, сифонъ сельтерской воды и двѣ бутылки самаго легкаго французскаго пива, и взяли за это восемь съ половиною долларовъ. Не дурно?! Сорокъ два франка за такое удовольствіе. Положительно надо

¹⁾ Трехъярусная бѣлая круглая шляпа, въ видѣ трехъ толстыхъ выпуклыхъ колецъ большой средней и малой величины, наложенныхъ одно на другое и обтянутыхъ легкою, но плотною матеріею; внутри ея есть особый вѣнчикъ надѣваемый на голову и соединенный проволокою съ концами шляпы, сидящей на головѣ какъ колоколь, подъ которымъ свободно можетъ циркулировать воздухъ. Такія *салаки* носятъ европейцы въ Сайгонѣ.

имѣть бѣшенныя деньги чтобы путешествовать по европейскимъ колоніямъ крайняго востока.

Около четырехъ часовъ дня намъ привели коляску и мы побѣжали подышать воздухомъ въ Ботаническій садъ, которымъ справедливо гордятся сайгонскіе французы. Директоръ его г. Пьеръ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ успѣлъ сдѣлать изъ него не только роскошный и изящный уголокъ для прогулокъ мѣстныхъ жителей, но и учрежденіе весьма полезное для науки, такъ какъ въ немъ собраны, по возможности, всѣ представители тропической флоры не только азіатской, но и другихъ странъ свѣта, и надъ многими растеніями постоянно производятся опыты акклиматизаціи и обращенія ихъ изъ одного состоянія въ культурное. Въ саду устроены звѣринецъ и птичникъ. Въ клѣткахъ перваго содержатся дикіе звѣри обитающіе въ Кохинхинѣ. Тутъ мы нашли нѣсколько тигровъ, между которыми была одна пара малорослыхъ, причисляемыхъ мѣстными жителями будто бы къ особенной породѣ этого звѣря, водящейся въ западныхъ частяхъ Кохинхины. Рядомъ помѣщены были гіены и шакалы и пріятельскій экземпляръ маленькаго малайскаго медвѣдя, что не мѣшаетъ ему быть очень свирѣпымъ. Тутъ же содержатся: дикій буйволъ, какъ говорятъ, одно изъ самыхъ злыхъ и опасныхъ животныхъ въ Кохинхинѣ, мускусный олень и безрогий олень-пигмей, ростомъ не выше обыкновенной левретки, премилое животное. Въ отдѣленіи обезьянъ собраны всѣ мѣстные представители отряда четверорукихъ, между которыми въ особенности обращаютъ на себя вниманіе яркостью и разнообразностью окраски своей кожи павіаны. Отдѣленія амфибій и пресмыкающихся здѣсь мы не замѣтили; за то въ птичникѣ, который весьма богатъ видами мѣстной куриной породы, вѣдаль можно было налюбоваться на красавцевъ-фазановъ, кохинхинскихъ гѣтуховъ, павлиновъ и такъ-называемыхъ султанскихъ куръ съ голубоватымъ брюшкомъ и красными хохлами.

Въ то время какъ мы любовались на этихъ красивыхъ птицъ, подошелъ къ намъ какой-то аннамитскій мальчишка, осторожно державшій двумя пальцами небольшого голубоватаго жука съ длинными усами и, повидимому, предлагалъ купить его. Мелькомъ взглянувъ на наѣдокъ, мы оставили было мальчишку безъ вниманія, но онъ не отставалъ и, продолжая показывать намъ своего жука, безпрестанно подносилъ его къ носу и обнюхивалъ съ очень комическою гримасой полнаго упоенія его ароматомъ, послѣ чего жестами своими приглашалъ понюхать и насъ. Это наконецъ меня заинтересовало, — въ чемъ тутъ дѣло? Въ полной увѣренности встрѣтить что-нибудь похожее на острый или мало пріятный запахъ, испускаемый и нашими сѣверными жуками, въ ро-

дѣ нѣкоторыхъ жукажилицъ, я нагнулся къ поставленному мнѣ голубому длинноусу и потянулъ къ себѣ воздухъ. Но представьте же неожиданное и пріятное удивленіе, когда вдругъ разлился предо мною прелестный ароматъ цвѣтущей розы. Сначала даже какъ-то не вѣрилось, чтобы какой-то жучекъ могъ испускать такой нѣжный запахъ, но, приобрѣтя его у мальчишки за нѣсколько су, я убѣдился въ несомнѣнности этого факта и выпустилъ своего плѣнника на волю. Не знаю, какое ученое названіе носитъ онъ у энтомологовъ, но въ числѣ отличительныхъ его признаковъ должно отмѣтить желтую полоску, идущую вдоль металлическо-голубоватой спинки.

Въ обширномъ паркѣ, часть котораго составляетъ Ботаническій садъ, находится обширный и великолѣпный въ архитектурномъ отношеніи дворецъ французскаго губернатора Кохинхины. Это три высокіе двухъ-этажные павильона, соединенные между собой двумя корпусами, вдоль которыхъ, какъ въ верхнемъ такъ и въ нижнемъ этажѣ, идутъ подъ аркадами широкія галлерей-веранды. Широкая каменная лѣстница и два боковые полукруглые вѣзда съ баллюстрадами ведутъ къ крыльцовой террасѣ центральнаго павильона, уставленной самыми красивыми изъ роскошнѣйшихъ тропическихъ цвѣтовъ и растеній. Надъ этимъ павильономъ возвышается въ видѣ четырехъ-сторонней усѣченной пирамиды, массивная кровля, въ родѣ луврскихъ, а на вѣнчающемъ ее фонарикѣ развѣвается большой французскій флагъ. Двѣ женскія фигуры надъ фронтономъ, по бокамъ циферблата большихъ часовъ и лѣвныя работы прочихъ фигуръ, колоннъ и карнизовъ, а также высокій ажурный гребень крыши и всѣ остальные детали исполнены съ чисто французскимъ вкусомъ и *шикомъ* — если позволено такъ выразиться. Словомъ, эффектъ этого дворца долженъ служить въ глазахъ аннамцевъ видимымъ и внушительнымъ доказательствомъ величія, роскоши, вкуса и богатства Франціи, хотя, скажемъ въ скобкахъ, собственно французскихъ денегъ на него не потрачено ни копѣйки: вся постройка, какъ говорятъ, произведена, по примѣру англичанъ, исключительно на счетъ мѣстныхъ источниковъ. Вообще французское правительство весьма благоразумно старается не только всю мѣстную свою администрацію, но и войска содержать на средства изымаемые изъ самой колоніи, изъ ея податныхъ силъ и другихъ источниковъ, не обременяя, впрочемъ, населеніе налогами, какъ англичане своихъ индусовъ, и отъ этого въ населеніи незамѣтно никакого враждебнаго или недоброжелательнаго отношенія къ своимъ покровителямъ; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли насъ на «Пей-Хо» и въ Сайгонѣ наши французскіе знакомцы. И я этому охотно готовъ вѣрить, хотя бы уже только

потому, что у французовъ нѣтъ того высокомерія по отношенію къ туземцамъ, какое составляетъ самую характеристическую и препротивную черту англичанъ въ Индіи. Французы вообще проще, гуманнѣе и, такъ сказать, демократичнѣе англичанъ относятся къ своимъ азіятамъ, и въ этомъ они много напоминаютъ наши собственныя отношенія къ нашимъ кавказскимъ, средне-азиатскимъ и сибирскимъ инородцамъ.

Предъ фронтомъ дворца лежитъ обширный шоссированный дворъ, въ центрѣ котораго находится большой газонъ, обсаженный кустовидными пальмами, агавами и другими растеніями. Дворъ огражденъ бронзированной рѣшеткою изящно-легкаго рисунка съ такими же воротами и фонарями посрединѣ. Караулъ у воротъ содержатъ мѣстные милиціонеры. Этотъ оригинальный родъ воинства заслуживаетъ, чтобы разказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

Вскорѣ послѣ пріобрѣтенія Кокхинины, французы организовали изъ туземцевъ двойкаго рода милицію: *митанъ* и *матъ*. Первая пополняется посредствомъ вербовки и образуетъ, такъ называемыя, «туземныя роты», состоящія подъ командой французскихъ офицеровъ. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, войско регулярное, исполнѣе обученное по французскому уставу, носящее и форму, и вооруженіе такія же какъ у французской морской пѣхоты и подчиняющееся всѣмъ условіямъ французской военной службы и требованіямъ солдатской вѣнщины, даже до необходимости обрѣзывать свою роскошную косу и стричь подъ гребенку волосы. Вторая же, *матъ*, составляетъ родъ гражданской стражи, несущей вмѣстѣ съ тѣмъ и полицейскія обязанности. Милиціонеры этого рода конвоируютъ арестантовъ, держатъ караулы при тюрьмахъ, казенныхъ складахъ, магазинахъ и при управленіяхъ территориальныхъ инспекцій (въ родѣ нашихъ становъ). У каждаго инспектора есть подчиненная ему команда *митъ*, численности коей находится въ зависимости отъ величины инспекціи и потребностей мѣстной административно-полицейской службы. Люди поступаютъ въ *матъ* не на какой-либо опредѣленный срокъ, а по вольному найму, за извѣстное жалованье, въ родѣ того, какъ у насъ полицейскіе городовые, и имъ присвоена извѣстная форма, приспособленная къ ихъ привычкамъ и климатическимъ условіямъ. Они ходятъ всегда босикомъ, такъ какъ обувь, даже самая легкая, стѣсняетъ непривычнаго къ ней аннамита-простолюдина; косы своихъ могутъ и не сбрѣзать, если не желаютъ, и потому почти вся *матъ* носитъ ихъ шиньономъ подъ небольшою головною повязкой изъ черной или синей крашенины. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ маленькой плоскоовато-конической шляпки съ мѣдною шишечкой, къ которой иногда прикрѣпляется красная или черная кисточка изъ кон-

скаго волоса, рассыпающаяся по окружности всей шляпки, что, кажется, служить извѣстнымъ отличіемъ ихъ чиновъ и званій, каковы суть *каи* и *дан*, соответствующіе капралу и сержанту, и *толаи*—то же что курьеры или разсылные. Мундиръ замѣняетъ свѣтлосиняя распахная рубаха, обшитая по бортамъ и на рукавахъ желтымъ басономъ, что также служитъ отличіемъ чиновъ, если басонъ нашивается на рукавахъ мысомъ кверху въ одинъ, два и три ряда. Носится эта рубаха поверхъ исподней бѣлой сорочки или фуфайки безъ воротника и стягивается кожанымъ ремнемъ, на которомъ надѣты съ лѣваго бока штыковыя ножны. Остальной нарядъ дополняется длинными, пощиколотку, штанами изъ бѣлаго колена и широкимъ краснымъ шерстянымъ поясомъ. На этомъ поясѣ, подъ мундирною рубахой, всегда виситъ кисетъ съ табакомъ или бетелемъ и китайскій столовый приборъ, состоящій изъ двухъ костяныхъ палочекъ и небольшого ножа, помѣщенныхъ въ узенькомъ футлярѣ. Вооруженіе *матъ* состоитъ изъ ударныхъ ружей, носимыхъ на запячленномъ ремнѣ, и иногда изъ короткой малайской пики, а снаряженіе дополняется кожаной патронною сумкою на портупеѣ, надѣваемой черезъ лѣвое плечо. Такіе-то *матъ*, въ видѣ парныхъ часовыхъ, держатъ караулъ и у воротъ губернаторскаго дома.

Остальныя, уже чисто французскія войска состоятъ исключительно изъ морской пѣхоты, одѣтой въ синіе жакеты изъ грубаго сукна и широкіе шальвары зуавскаго покроя съ гамашами; головнымъ уборомъ служитъ легкая бѣлая каска англійскаго образца; вооруженіе—шашенъ и ятаганы (*sabre-baïonnette*). Этого рода войска въ мирное время находится здѣсь не болѣе трехъ тысячъ, распределяемыхъ казарменнымъ порядкомъ въ нѣсколькихъ наиболѣе важныхъ пунктахъ колоніи. Въ Сайгонѣ находится одинъ баталіонъ, и мы видѣли его казармы, расположенныя невдалекѣ отъ Ботаническаго сада. Это—прекрасное трехэтажное зданіе на широкомъ кирпичномъ фундаментѣ, опоясанное трехъярусною галлереей на тонкихъ желѣзныхъ устояхъ и съ рѣшетчатыми подзорами, выкрашенными бѣлою краской. Какъ снаружи такъ и внутри, казармы эти содержатся въ величайшей чистотѣ и порядкѣ; въ помѣщеніяхъ достаточно свѣта и воздуха, а благодаря широкимъ наружнымъ галлереймъ съ подзорами и хорошей вентиляціи, въ нихъ никогда не проникаетъ солнце и постоянно ощущается легкая прохлада. На черепичной кровлѣ размѣщены три громоотвода, а предъ галлерейми, для большей тѣни, разсажено нѣсколько большихъ густолиственныхъ деревьевъ. Зданіе это помѣщается внутри упраздненнаго редута съ запущеннымъ валомъ и ровомъ, густо поросшимъ всякою болотною растительностью,

гдѣ, какъ говорятъ, въ изобиліи водятся кобры и другія змѣи, между которыми попадаются и большіе удавы. Сосѣдство, надо полагать, не изъ особенно пріятныхъ.

— Но почему же въ такомъ случаѣ не распорядятся очистить ровъ, уничтожить всю эту сорную поросль?—спросили мы у сообщившаго намъ объ этомъ обстоятельствѣ француза.

— Какъ его очистить? — пожалъ онъ плечами:—выжечь? всѣ эти гадины расплзутся, а отчасти пожалуй еще переселятся и въ самыя казармы. Выкосить и выдолбить; но это еще опаснѣе: во время такой работы онѣ могутъ перекусать Богъ знаетъ сколько народа... Нѣтъ, ужъ лучше оставить ихъ въ покоѣ, какъ есть. Въ этомъ болотѣ онѣ менѣе опасны, и если когда выползаютъ изъ него, то это лишь случайность; притомъ выползаютъ поодиночкѣ или парой, такъ что убить ихъ ничего не стоить. Впрочемъ, случаи укушенія между солдатами до сихъ поръ бывали весьма рѣдко.

Еще во время прогулки по саду, надъ Сайгономъ стали собираться тяжелыя, грозныя тучи, чтѣ и заставило насъ поспѣшить домой, пока еще не хлынулъ тропическій ливень. Но на сей разъ, слава Богу, обошлось безъ грозы: вѣтеръ отогналъ тучи въ сторону, и мы благополучно доѣхали до Папскаго отеля, поспѣвъ туда прямо къ обѣду за табльд'отомъ. Вечеръ провели на верандѣ гостиницы, по неволѣ слушая концертъ гекко, цикадъ и лягушекъ и глядя какъ французы потягиваютъ коньякъ съ кофе и просто цѣлкомъ, или устраиваютъ себѣ изъ него особое питье со льдомъ, подмѣшивая въ него лимоннаго соку и мелкаго сахара, а затѣмъ сосутъ его чрезъ соломинку.

Ни концертовъ, ни театра въ Сайгонѣ на сей день не было, да кажется и давно уже тамъ ничего подобнаго не бываетъ, а потому купивъ, при помощи мѣстнаго аптекаря, весьма безбазнаго и обязательнаго человѣка, нѣсколько фотографическихъ видовъ и типовъ Сайгона, мы предпочли доскучать остатокъ вечера на «Пей-Хо», чѣмъ коротать его попусту на папской верандѣ, къ тому же и опустѣвшей частъ спустя послѣ обѣда. Сайгонъ, какъ видно, ложится спать рано: въ девять часовъ вечера всѣ улицы уже пусты, и только кое-гдѣ мелькаетъ свѣтъ одинокой лампы изъ-за зелени палисадника.

Въ три съ половиною часа ночи пароходъ нашъ отошелъ отъ пристани и тронулся въ дальнѣйшій путь, при помощи отлично опытнаго лоцмана, который безъ особыхъ приключеній, хотя и черепашнымъ ходомъ, благополучно вывелъ его мимо всѣхъ мелей и перекатовъ въ устье Ме-Конга. Къ шести часамъ утра мы подходили уже къ мысу св. Іакова. Здѣсь пристала къ нашему борту казенная шлюпка съ форменными аннамскими гребцами

изъ команды *матѣ* и приняла отъ насъ исполнявшаго свою обязанность лоцмана.

Утро вставало ясное, спокойное, величественное. Пурпурно-огненное солнце, испускающая столпы розоватаго свѣта, расходящіяся радіусами по холодному еще небу, подымалось къ намъ на встрѣчу изъ-за сѣро-стальной глади спокойнаго моря, чуть подернутаго вороненою предутреннею рябью. Холодные тѣни ночи какъ бы не успѣли еще совсѣмъ слетѣть съ него, а бѣлыя чайки и рыбацкія паруса уже тамъ и сямъ мелькали вдали надъ водами.

XIV.

Отъ Сайгона до Гонконга.

Явленія морской сырости.—Китайская колонія на палубѣ „Пей-Хо“.—Въ ожиданіи тайфуна.—Грозное кольцо.—Ждать или не ждать въ Гонконгѣ.—Русское чаепитіе.—Шу-Кіангскій архипелагъ.

14-го августа.

Зеленый цвѣтъ Желтаго моря у береговъ напоминаетъ свою изумрудностью цвѣтъ воды Босфора. Благопріятная погода, легкій прохладяющій вѣтерокъ. Идемъ въ виду холмистыхъ береговъ Кюхинхины, гдѣ ярко желтѣютъ полосы прибрежнаго песку.

Весь день стояла надъ моремъ весьма опутительная сырость: руки, бѣлье и платье были совершенно влажны, и это тѣмъ страннѣе, что небо было ясно, почти при полномъ отсутствіи облаковъ, даже на горизонтѣ, чтѣ въ этихъ широтахъ крайняго Востока составляетъ довольно рѣдкое явленіе. Съ нами ѣдетъ изъ Сайгона цѣлая колонія китайцевъ, возвращающихся на родину, въ окрестности Кантона. Они заняли всю носовую часть верхней палубы, устроили у бортовъ изъ циновокъ разные шалашики, расположили подъ ними своими постели (та же циновка, подбитая легкимъ войлокомъ) и весь походный скарбъ, состоящій изъ чемодановъ, саковъ, узелковъ, картоновъ и сундуковъ, и благодушествуютъ себѣ подъ этими «кущами»: валяются по нѣскольку часовъ подрядъ, не вставая съ мѣста, жрутъ чеснокъ и вяленую рыбу, распиваютъ чай, курятъ свой противный табакъ, смоченный опіумомъ и пропитанный свѣчнымъ саломъ, и азартно играютъ въ кости да въ орлянку, а главное, успѣли уже заразить всю палубу своимъ специфическимъ китайскимъ запахомъ до такой степени, что просто съ души воротить!

15-го августа.

Ужасная жара, въ тѣни 33° Реомюра. Кажись еще жарче, чѣмъ въ Красномъ морѣ. Отошли отъ береговъ, и цвѣтъ воды опять измѣнился: вмѣсто изумрудно-зеленаго сталъ свѣтло-синимъ, какъ кобальтъ, въ родѣ Средиземнаго моря, только не такого безукоризненно чистаго оттѣнка. Вѣтеръ попутный и потому

почти нисколько намъ не замѣтенъ. Приближаемся къ зонѣ тайфуновъ, свирѣствующихъ въ закрытыхъ китайскихъ моряхъ водни равноденствій и почти въ каждое новолуніе. Хотя небо сегодня яснѣе даже, чѣмъ въ предшествовавшіе дни, тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи возможности тайфуна, на «Пей-Хо» сдѣланы нѣкоторыя приготовленія: паруса не ставятся, верхнія реи спущены и съ кормовой палубы снятъ верхній тентъ, вслѣдствіе чего тамъ стало жарко почти не въ моготу. Попытались мы было спуститься въ каюты, но тамъ, несмотря на открытые иллюминаторы, такая духота, что просто смерть. Солнце до такой степени накаляетъ борта, что пропекаетъ насквозь всѣ обшивки судна. Приложишь днемъ руку къ наружной стѣнѣ своей каюты и чувствуешь, какъ тепла эта стѣна, словно вчера истопленная голландская печка. Къ ночи она едва охладится, а къ десяти часамъ утра опять уже голландскую печь напоминаетъ.

Нѣтъ, тяжела ты, благодатная полоса тропиковъ!...

Солнце закатилось спокойно. Закатъ былъ совершенно ясенъ, и западъ окрашенъ въ золотисто-желтый ровный цвѣтъ, безо всякихъ красивыхъ тоновъ и оттѣнковъ. Но едва наступила вечерняя темнота, какъ по всему горизонту, а въ особенности на западѣ, надъ китайскими берегами засверкали частыя и сильныя молніи. Порою онѣ вспыхивали одновременно въ разныхъ концахъ горизонта и почти безъ промежутка во времени и пространствѣ. Все небо какъ бы вздрагивало, озаряемое ихъ трепещущимъ свѣтомъ. Мы шли охваченные сплошнымъ кольцомъ грозы, которая по видимому была ужасна, въ особенности надъ китайскимъ материкомъ, но у насъ все было въ высшей степени спокойно: и неподвижный воздухъ, и стеклянистое море. А ясное небо вызвѣздилось надъ нами какъ будто еще ярче обыкновеннаго. Млечный путь, въ особенности въ своей южной половинѣ, былъ замѣчательно яркъ, и отъ нѣкоторыхъ крупныхъ звѣздъ ложился по спокойнымъ пространствамъ водъ блѣдно-серебристый столбъ отраженнаго свѣта. Это сверканіе перебѣгающихъ молній продолжалось далеко за полночь. Я долго наслаждался на палубѣ ночнымъ воздухомъ, не столь сырмъ сегодня какъ вчера, и любовался на фантастическую игру молній, но, не дождавшись конца грозы, которая вѣроятно длилась до разсвѣта, ушелъ спать въ свою душную каюту.

16-го августа.

Жарко по вчерашнему: тѣ же 33° въ тѣни. Есть предположеніе, заявленное нашимъ адмираломъ, что быть-можетъ мы не пойдемъ теперь далѣе Гонконга и потому вѣрно быть готовымъ, на всякій случай, къ оставленію нашего парохода завтра же утромъ. Эта пред-

полагаемая остановка должна находиться въ зависимости отъ политическихъ извѣстій, какія разсчитываетъ адмиралъ получить отъ нашего гонконгскаго консула и отъ телеграммы морского министра, которую быть-можетъ мы тамъ застанемъ. Если же нашъ, какъ говорится, «политическій горизонтъ» будетъ ясенъ, то можно надѣяться, что черезъ 36 часовъ пойдемъ на этомъ же пароходѣ и далѣе, до Шанхая.

Послѣ завтрака, благодаря М. А. Поджіо, мы отлично устроились на площадкѣ жилой палубы, рядомъ съ нашими каютами, между двумя открытыми бортовыми дверями, гдѣ продуваетъ легкій сквозной вѣтерокъ. Можно дышать, не изнемогая отъ зноя. Здѣсь намъ поставили небольшой столикъ, вокругъ котораго мы, въ своей маленькой компаніи, уже нѣсколько дней въ эти часы совершенно порусски «прохлаждаемся» чаемъ, такъ что французская прислуга, глядя на насъ, видимо изумляется—какое количество кипятку могутъ поглощать въ такую жару эти господа русскіе!.. Впрочемъ, нѣкоторые пассажиры, кажись, даже завидуютъ немножко нашему комфорту. Сегодня мистриссъ Санноміа съ мужемъ нарочно пришли полюбоваться, какъ это мы устроились на прохладѣ, и, повидимому, они остались очень довольны остроумнымъ изобрѣтеніемъ Поджіо. Чай, благодаря все ему же, у насъ свой, русскій, предусмотрительно взятый имъ въ достаточномъ количествѣ еще въ Петербургѣ. Какъ человѣкъ бывалый, онъ зналъ, что ни на французскихъ, ни на англійскихъ пароходахъ, а равно и въ гостиницахъ, ихняго чая пить не возможно: онъ и плохъ самъ по себѣ, да и заваривать его не умѣютъ; русскій же чай, приготовленный по нашему, очень нравится и японцу Санноміа, и его супругѣ, и англичанину Эллиоту (пресимпатичному между прочимъ человѣку), и бельгіцу Мишелю. Поэтому М. А. Поджіо каждый день въ два часа пополудни очень любезно угощаетъ ихъ всѣхъ этимъ «прохладительнымъ» напиткомъ. Санноміа даже находитъ, что хотя чай и принадлежитъ Китаю, гдѣ его пьютъ уже съ незапамятныхъ временъ, но если кто «создалъ» его какъ дѣйствительно вкусный напитокъ, то это отнюдь не китайцы, а русскіе.

17-го августа.

Въ шесть часовъ утра «Пей-Хо» поравнился съ находящимся въ устьяхъ Шу-кианга архипелагомъ шхеристыхъ острововъ, предшествующихъ Гонконгу. Острова эти вообще не велики. Иные изъ нихъ не болѣе, какъ надводные камни и банки, другіе выпуклы какъ хребетъ черепахи, третьи конусообразны, и всѣ вообще покрыты кое-гдѣ скудною травкой; нѣкоторые достигаютъ нѣсколькихъ миль въ окружности, другіе можно обойти вокругъ пѣшкомъ не бо-

лѣе какъ въ полчаса. Общимъ же видомъ и характеромъ своихъ обнаженныхъ каменистыхъ вершинъ они напоминаютъ скорѣе всего острова Эгейскаго архипелага и расположены двумя грядами; восточная вправо отъ насъ тянется въ направленіи ОНО, дѣлясь на двѣ большія группы, Кійпонгъ и Лема, а западная распадается на нѣсколько мелкихъ группъ, пока не завершается наконецъ большимъ противолежащимъ Гонконгу островомъ Лентао, который окруженъ дѣльнымъ ожерельемъ изъ небольшихъ острововъ и камней. Пароходъ идетъ между этими грядами какъ бы воднымъ корридормъ, встрѣчая и обгоняя массу китайскихъ джонокъ.

ХУ.

Гонконгъ.

Видъ острова Гонконга.—Пикъ Викторіи и пикъ Альберта.—Общій видъ пика и города Викторіи съ рейда.—Закрытое положеніе города.—Встрѣча съ русскимъ коммерческимъ консуломъ.—Гонконгская набережная и ея пристань.—Паланкины.—Характеръ европейскихъ построекъ въ Гонконгъ.—Сады и красивые уголки.—Благоустройство города.—Hôtel de l'Univers и его обстановка.—Услуга со стороны солда моимъ сигарамъ.—Ботаническій садъ.—Воскресный день у гонконгскихъ англичанъ.—Городскіе храмы.—Костюмъ католическихъ монаховъ и православный звонъ колоколовъ.—Гонконгскіе клубы и ихъ значеніе въ мѣстной жизни.—Интересъ здѣшнихъ англичанъ къ нашимъ дѣламъ съ Китаемъ.—Улица Королевы и характеръ ея построекъ.—Магазины китайскихъ издѣлій и ихъ нарядная внѣшность.—Проявленія художественнаго чувства въ китайцахъ.—Лавки безъ запроса и лавки съ запросомъ.—Какъ китайцы любятъ торговаться и какого покупателя они уважаютъ.—Китайскія подѣлки стараго фарфора.

Продолженіе 17-го августа.

Въ 8½ часовъ утра подходимъ къ массивному гранитному краю, составляющему островъ Гонконгъ, на которомъ, по другую сторону горы, на ея сѣверномъ склонѣ расположенъ городъ Викторіи. Гора эта въ 1.825 футовъ вышины, также носитъ имя королевы Великобританской, ее называютъ здѣсь «пикомъ Викторіи». Островъ тянется отъ запада къ востоку на протяженіи 16 километровъ, имѣя въ ширину отъ трехъ до восьми километровъ, при очень прихотливомъ очертаніи береговъ, въ особенности южныхъ, врѣзающихся въ глубь его заливами и выдающихся длинными мысами. Крайя его, отъ 500 до 600 метровъ высоты, представляетъ дѣльный рядъ вершинъ и вершиннокъ, соединенныхъ между собой сѣдловинами, и спускается къ береговой линіи постепенно понижающимися холмами и террасами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крутыми утесами. Пикъ Викторіи находится на западномъ концѣ острова, а на восточномъ высится пикъ Альберта, нѣсколько ниже пернаго (1.711 футовъ); на обоихъ виднѣтся по одно-

му семафорному флагштоку и нѣсколько домиковъ. На Викторіи, кромѣ того, устроено что-то въ родѣ укрѣпленія, насколько можно судить снизу и тамъ развѣшается національный англійскій флагъ. Гранитный пикъ Викторіи мѣстами покрытъ довольно скудною травой и кое-гдѣ искусственно разведенными садами, среди которыхъ отдѣльно и широко другъ отъ друга стоятъ нѣсколько бѣлыхъ домовъ, уже знакомаго намъ англо-колоніальнаго типа, принадлежащихъ мѣстнымъ богачамъ, переселяющимся на лѣто повыше, чтобы пользоваться болѣе чистымъ и прохладнымъ воздухомъ. Между этими бенглоу указываютъ и дачу гонконгскаго губернатора, которымъ теперь состоитъ нѣкто Генесси, извѣстный въ 1863 году полонофилъ и заклятый врагъ Россіи.

Въ девять часовъ утра, пройдя узкостью между берегомъ Гонконга и маленькимъ островкомъ Зеленымъ (названъ такъ потому, что весь покрытъ травой), на которомъ въ полугорьѣ выстроены невысокій маякъ, входимъ на Гонконгскій рейдъ. Здѣсь приближается вышедшій къ намъ навстрѣчу паровой катеръ подъ русскимъ консульскимъ флагомъ и, опивъ дуру, идетъ бокъ-о-бокъ съ нами. Вотъ открывается городъ, расположенный амфитеатромъ по склону пика Викторіи до половины его высоты; а внизу рядъ каменныхъ зданій, по большей части коммерческаго характера, унизалъ собою весь берегъ слегка вогнутою широкою дугой. Съ этой стороны пикъ Викторіи представляется въ видѣ тупого, неправильнаго конуса съ закругленною вершиной. На первый взглядъ городъ не показался мнѣ особенно красивымъ, быть-можетъ потому, что очень ужъ намъ его нахвалили, именно со стороны картинности, и тѣмъ заставили ожидать чего-то необычайнаго. Въ общемъ, это нѣсколько горизонтальныхъ линій, образуемыхъ большими трехэтажными каменными домами съ широкими окнами и аркадами по всѣмъ этажамъ; линіи эти мѣстами пересѣкаются зеленью деревьевъ, а задніе планы тонуть въ садахъ, изъ которыхъ тамъ и сямъ выглядываютъ крыши и верхніе этажи отдѣльно разбросанныхъ домовъ болѣе уютнаго характера. На первый взглядъ кажется, что городъ стоитъ точно въ котлѣ: съ тылу закрытъ онъ Гонконгскимъ краемъ и пикомъ Викторіи, а съ фронта, по ту сторону рейда, и съ боковъ—Каудунскимъ берегомъ китайскаго материка и другими островами. Говорятъ, что, влѣдствіе такого положенія, онъ мало провѣтривается и страдаетъ отъ ужасной жары, какую нынутъ раскаленные скалы.

Чуть только бросили якорь, пароходъ, по обыкновенію, былъ окруженъ массой разнообразныхъ лодокъ, среди которыхъ преобладали китайскіе сампанги. Въ подобныхъ сам-

пангахъ живетъ на рейдѣ цѣлое населеніе. Первымъ присталъ паровой катеръ, изъ котораго поднялся къ намъ на палубу русскій коммерческій консулъ, г. Реймерсъ (германскій подданный) и тотчасъ же представился С. С. Лесовскому. Онъ долженъ передать адмиралу нѣкоторыя свѣдѣнія, и въ бесѣдѣ съ нимъ рѣшается теперь важный для насъ вопросъ: останемся ли пока въ Гонконгѣ или пойдемъ далѣе? Десять минутъ спустя было уже извѣстно, что здѣсь не остаемся. Адмиралъ съ супругой съѣхалъ на берегъ въ консульскомъ катерѣ, который вскорѣ возвратился опять къ нашему борту, чтобы забрать свиту адмирала и вещи.

Плывемъ къ прекрасной набережной Бедаръ, облицованной бетоновою стѣнкой и гранитными плитами. У пристани толпится много сампанговъ, но суеты между ними нѣтъ ни малѣйшей и порядокъ поддерживается самими лодочниками, такъ что присутствіе здѣсь одного полицейскаго, рослаго и красиваго индуса въ красной чалмѣ и бѣломъ кителѣ съ нашитыми на воротникѣ мѣдными нумерами, оказывается, повидимому, болѣе для парада, чѣмъ по необходимости. Пристань весьма удобна и находится какъ разъ противъ дома нашего консула. Рядомъ съ нимъ идутъ вдоль набережной такіе же трехъэтажные съ аркадными верандами дома другихъ консуловъ и пароходныхъ компаній; надъ каждымъ изъ нихъ развѣвается на флагштокѣ свой національный или компанейскій флагъ. Набережная полна оживленнаго, чисто портового движенія.

Только-что мы высадились, къ намъ подошло нѣсколько носильщиковъ-китайцевъ съ плетеными бамбуковыми паланкинами. Каждый паланкинъ устроенъ только на одного пассажира и подымается двумя кули, носящими его на длинныхъ шестахъ, повидимому, безъ труда, очень легкой, согласной и довольно быстрой походкой, которая замедляется нѣсколько лишь при подъемѣ въ гору. Экипажъ этотъ, испытанный мною здѣсь впервые въ жизни, оказался очень удобнымъ. Прежде всего онъ очень легокъ, представляя собой кресло, утвержденное на маленькой платформочкѣ, служащей ему дномъ или поломъ, и защищается отъ солнца зеленымъ клеенчатымъ навѣсомъ, полы котораго, смотря по надобности, вы можете спустить и съ боковъ, и спереди, и сзади. Тутъ вы со всѣхъ сторонъ прикрыты отъ солнечныхъ лучей, а сквозной вѣтерокъ достаточно освѣжаетъ васъ во время движенія. Паланкинны замѣняютъ въ Гонконгѣ извозчиковъ. (Кстати: я говорю «въ Гонконгѣ», а не въ «Викторіи», потому что городъ называется Викторіей только на официальном языкѣ, а въ просторѣчій всѣ и даже сами англичане, зовутъ его Гонконгомъ). Поэтому на каждомъ паланкинѣ съ обоихъ боковъ четко

выставлены крупными цифрами его нумеръ, а паланкинщики болѣе или менѣе всѣ извѣстны полиціи. Ихъ однако тутъ больше тысячи человекъ, судя по тому, что мнѣ довелось быть несомымъ въ № 555. На набережной, предъ отелями, предъ клубомъ и на всѣхъ перекресткахъ вы всегда найдете группу нѣсколькихъ поставленныхъ въ рядъ паланкиновъ. Это для нихъ уже опредѣленные мѣста, все равно какъ у насъ извозчики биржи. Внутри каждого паланкина прибита такса, гдѣ обозначены цѣны за конецъ и по часамъ, вообще недорогія.

Мимо четырехъугольной башни съ городскими часами поднялись мы въ гору по отлично шоссированной улицѣ; тротуары по обѣимъ сторонамъ ея обсажены высокими вѣтвистыми деревьями, которые сплошь покрываютъ шоссе своей пріятной тѣнью. Дома, обрамляющие съ обѣихъ сторонъ эту улицу, всѣ выстроены весьма фундаментально, во три и четыре этажа и кажутся очень массивными, благодаря своимъ каменнымъ террасамъ, верандамъ и галлереймъ на толстыхъ каменныхъ аркадахъ и гранитнымъ фундаментамъ, изъ коихъ тѣ, что стоятъ на склонахъ горы, высятся на нѣсколько аршинъ вверхъ и имѣютъ видъ крѣпостныхъ стѣнъ, покрытыхъ ползучими растеніями и папоротниками, вырастающими изъ расщелинъ и швовъ ихъ камней. Каждый домъ имѣетъ свой садъ или цвѣтникъ, съ нѣсколькими тѣнистыми деревьями, разведенный на террасѣ, которая служитъ продолженіемъ того же гранитнаго фундамента, такъ что въ Гонконгѣ вы почти вездѣ видите сады, какъ бы нависшіе одни надъ другими, и изъ зелени этихъ садовъ выглядываютъ гдѣ уголокъ какого-нибудь дома, гдѣ балконъ или крытая галлерей, гдѣ вышка или башенка, и всѣ эти *motseaux de tableau* очень красивы каждый въ отдѣльности. Поэтому, долженъ сознаться, насколько не понравился мнѣ видъ города съ рейда, настолько же самый городъ внутри своихъ улицъ сдѣлалъ на меня пріятное по своей оригинальной красотѣ впечатлѣніе. На всѣхъ улицахъ вы встрѣчаете великолѣпное, всегда начисто подметенное и вспыснутое шоссе и широкіе мощеные тротуары; вездѣ проложены подземныя сточныя трубы, вездѣ цистерны и краны водопровода и газовое освѣщеніе, словомъ, здѣсь соединены всѣ условія для самой възыскательной въ отношеніи общественнаго комфорта городской европейской жизни. И надо сознаться, что *такъ* жить и *такъ* устраиваться умѣютъ одни только англичане: это ихъ преимущество, это дѣло ихъ національнаго гения, что въ особенности бросается вамъ въ глаза послѣ французскаго Сайгона: тамъ тоже и газъ, и шоссе, и водопроводы, но въ устройствѣ самыхъ жилищъ уже далеко нѣтъ такой основательности и такого всеобъемлющаго комфорта какъ здѣсь. Въ Сайгонѣ, напримѣръ,

нѣтъ даже вполнѣ порядочной гостиницы, тогда какъ здѣсь *Hôtel de l'Univers* на Wyndham street, въ которомъ мы остановились, это въ своемъ родѣ дворецъ: широкія прохладныя сѣни, широкія выложенныя и покрытыя коврами лѣстницы, обширная прохладная столовая, кабинетъ для чтенія, гостиная, веранда для послѣобѣденнаго отдыха; видно, что на устройство всего этого средствъ не жалѣлось, а главное, видно умѣнье устроиться. Помѣщенія для постояльцевъ тоже отличаются просторомъ: стѣны въ восемь аршинъ высоты, широкія и высокія окна, дающія много свѣта и воздуха, а стоитъ лишь надавить въ рамѣ пружину, и вы, благодаря жалюзи, моментально очутитесь въ пріятномъ полумракѣ. Вдоль каждаго этажа устроены снаружи широкія крытыя галлерей и особые балконы-веранды, гдѣ вдосталь можно валяться въ длинныхъ плетеныхъ креслахъ, наслаждаясь видомъ кудрявыхъ сосѣднихъ садовъ съ выглядывающими изъ нихъ зданіями и любоваться ребрами горъ или рейдомъ съ его сампангами, драконовидными джонками, парходами и пестрящими на мачтахъ многочисленныхъ судовъ флагами чуть не всѣхъ приморскихъ странъ и народовъ. Благодаря этимъ галлереймъ и балконамъ, солнце никогда не заглядываетъ въ самыя комнаты, такъ что въ нихъ нѣтъ надобности даже и въ панкѣ. Обстановка нечего и говорить: она полна чисто англійскаго, самаго требовательнаго комфорта и блещетъ не только чистотой и лоскомъ, но даже роскошью. Вездѣ громадныя ковры, чугунныя каминныя, на каминныхъ бронзовыхъ и фарфоровыхъ вазы—произведенія китайскихъ и японскихъ фабрикъ. Что же мудренаго, если послѣ сайгонской пародіи на гостиницу, какія вы встрѣтите развѣ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ захолустныхъ городовъ, *Hôtel de l'Univers* въ Гонконгѣ показался намъ просто дворцомъ и не оставилъ желать ничего лучшаго! А это еще, говорятъ, не лучшая гостиница въ городѣ и относительно цѣнъ даже довольно дешевая. Двое сутокъ, проведенныхъ въ ней, обошлись каждому изъ насъ со столомъ и разными «консомациями» среднимъ счетомъ по десяти долларамъ. Двадцать пять франковъ въ сутки за весь этотъ комфортъ и обильный столъ, какъ хотите, не дорого.

Чтобы убить какъ-нибудь время пока не спадетъ дневная жара, мы слегка закусили, напились чаю, который приготовили себѣ сами, ибо англійскому приготовленію больше не довѣряемъ, и предались полному кейфу, то-есть лежанью въ широкихъ, длинныхъ эластическихъ креслахъ на прохладной верандѣ. Жгучіе лучи солнца касались только ея каменной балюстрады, которую я воспользовался въ это время, чтобы высушить свои сигары, купленные въ Сингапурѣ и отсырѣвшія за нѣсколько сутокъ плаванія до такой степени, что ни од-

ной изъ нихъ невозможно было раскурить. Солнце сдѣлало свое дѣло, и менѣ чѣмъ черезъ часъ мы уже наслаждались прекрасными, вполнѣ сухими гаванскими сигарами. Но увы! наслажденіе это будетъ продолжаться лишь до выхода въ море, до новой ночи, проведенной въ душной каютѣ, въ ея воздухѣ перепрѣломъ отъ всепроникающей теплой сырости.

Около четырехъ часовъ дня мы спустились внизъ, усѣлись въ паланкины, услужливо поднесенныя къ самой лѣстницѣ носильщиками, и отправились осматривать городъ.

Зимній губернаторскій домъ съ выпкой и флагштокомъ, на которомъ гордо развѣвается англійскій флагъ, стоитъ отдѣльно въ полугорѣ, окруженный великолѣпнымъ Ботаническимъ садомъ, гдѣ роскошь тропической растительности спорить съ англійскимъ желаніемъ придать ей еще болѣе красоты самымъ устройствомъ и расположеніемъ сада, съ его широкими гранитными лѣстницами, ротондами, фонтаномъ, балюстрадами и пестрыми цвѣтниками.

Такъ какъ день былъ воскресный, то всѣ англійскія конторы и правительственныя учрежденія, разумѣется, были закрыты. Даже въ частныхъ домахъ, занятыхъ англичанами, жизнь затаилась гдѣ-то внутри, невидимая для посторонняго глаза, да и на улицѣ какой-нибудь джентльменъ, весь въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, съ неизмѣннымъ пробковымъ шлемомъ на головѣ, являлся въ видѣ рѣдкаго исключенія. И если въ этотъ разъ мы встрѣтили нѣсколько десятковъ европейцевъ, то достаточно было взглянуть на ихъ фізіономію, чтобы подержать пари, что по крайней мѣрѣ $\frac{9}{10}$ изъ нихъ не англичане, а нѣмцы, французы, голландцы, да и тѣ-то на половину были моряки или туристы, переселившіеся сюда, подобно намъ, на нѣсколько часовъ, прямо съ пароходнаго борта.

Въ городѣ есть англиканская церковь, вся бѣлая, въ готическомъ вкусѣ, съ трехъярусною башней, безъ шпиля, въ замѣтъ котораго на верху ея торчатъ четыре шпилька наугольныхъ башенокъ. Кромѣ того, есть еще католическій монастырь, большое зданіе съ двумя колоколенками по бокамъ главнаго фасада. Монахи его бородъ не брѣютъ и носятъ сандалиі, широкополыя шляпы изъ чернаго плюша и бѣлыя сутаны съ капюшономъ, что очень красиво. По случаю вечерней службы, на этихъ колоколенкахъ звонили и, что меня особенно удивило, колокольный перезвонъ былъ вовсе не католическій, а скорѣе нашъ, православный; и колокола здѣсь не самозвоны, то-есть не раскачиваются на осяхъ, и звонятъ въ нихъ дергая не за рычагъ, а прямо за языкъ, какъ у православныхъ; притомъ сочетаніе ихъ звуковъ представляетъ очень искусно подобранную музыкальную гамму, дающую полный аккордъ.

Въ Гонконгѣ имѣются два клуба: англійскій и нѣмецкій; оба помѣщаются въ большихъ, прекрасно и специально съ этою цѣлью построенныхъ домахъ. Для холостыхъ и одинокихъ своихъ членовъ эти клубы представляютъ то удобство, что въ нихъ можно пользоваться особыми комнатами для постоянного житія на полномъ пансіонѣ, за умѣренную плату. Здѣсь же главный резервуаръ всѣхъ коммерческихъ и политическихъ новостей, которые получаютъ въ Гонконгѣ весьма быстро, благодаря телеграфному кабелю, соединяющему этотъ городъ съ Лондономъ. Редакція мѣстной газеты иногда по нѣскольку разъ въ день вывѣшиваетъ въ клубахъ печатные бюллетени съ самыми свѣжими новостями и самыми послѣдними биржевыми цѣнами Лондона, Парижа, Берлина и Шанхая. Въ настоящее время здѣшніе англичане съ особеннымъ интересомъ слѣдятъ за ходомъ нашихъ переговоровъ съ Китаемъ, и всѣ правительственныя мѣропріятія, какъ съ нашей, такъ и съ китайской стороны, касающіяся «конфликта», всѣ распоряженія и назначенія, перемѣненія военныхъ судовъ, частей войскъ и начальствующихъ лицъ, все это, спустя не позднѣе сутокъ, уже становится извѣстнымъ въ Гонконгѣ и подвергается очень оживленнымъ обсужденіямъ въ клубахъ, которые, за отсутствіемъ театра и другихъ общественныхъ развлеченій, кромѣ бѣговъ на ипподромѣ, являются единственными мѣстами, соединяющими въ себѣ здѣшнее европейское общество.

Спустясь съ горы, мы повернули мимо англійскаго клуба натыво на Queen's Road (Королевскую улицу), идущую параллельно набережной. Это главная улица города Викторіи. Съ обѣихъ сторонъ ея тянутся многоэтажные каменные дома, съ глубокими по всѣмъ этажамъ галереями на колоннахъ, съ массивными балюстрадами и плоскими кровлями, на которыхъ, подобно тому, какъ въ Александріи, устроены на деревянныхъ стойкахъ холщевые навѣсы въ родѣ балдахиновъ и цвѣтники, гдѣ въ большихъ китайскихъ горшкахъ и расписныхъ вазахъ культивируются разные рѣдкіе цвѣты и растенія, съ которыми китайскіе садоводы дѣлаютъ что имъ угодно, превращая карликовъ въ гигантовъ и гигантовъ въ карликовъ.

Галереи нижнихъ этажей подъ арками сплошь заняты магазинами. Европейскіе, то есть англійскіе магазины были, разумеется, заперты; зато китайскіе, японскіе и индійскіе полны торговой дѣятельности. Что за роскошныя и оригинальныя выставки товаровъ! И какъ поневолѣ разбѣгаются глаза, глядя на всю эту роскошь, гдѣ изящество и восточная шестрота, споря между собою, даютъ своими красками и формами богатѣйшій матеріалъ для художника! Индійскія и китайскія шелковыя

ткани, шитые по сукну и атласу шелками и золотомъ, китайскіе парчи и крепы, японскія вазы и бронзы, кантонскія надѣлія, фарфоровая расписная посуда, фаянсовые блюда и тарелки, игрушки точенныя изъ слоновой кости, причудливые вѣера и фонари, акварели на шелку и на рисовой бумагѣ, ажурно рѣзаныя и инкрустированная мебель изъ чернаго дерева, экраны, этажерки, шкафчики, фарфоровыя табуреты въ видѣ боченковъ, модели джонковъ и пагодъ изъ кости, деревянные, бронзовые и фарфоровыя куклы и бурханы (идолы) и тысячи иныхъ вещей и бездѣлушекъ, всѣ эти «chinoiseries» блещутъ на виду разноцвѣтными яркими красками, серебромъ и позолотой; все это картинно расположено на столахъ и въ витринахъ, и разставлено на полкахъ такъ ловко и красиво, что каждый магазинъ со всею обстановкой, съ этими полуобнаженными мускулистыми куліями и одѣтыми въ бѣлыя кофты, длиннокосыми, гладкими, выхоленными хозяевами и прикащиками, самъ по себѣ составляетъ цѣлую картину, которую прямо бери и пиши, а ужъ раздолье тонамъ и краскамъ будетъ! Уже насколько придаютъ улицѣ оригинальности и какой-то праздничной нарядности хотя бы однѣ эти наружныя вывѣски китайскихъ магазиновъ, спускающіяся съ высоты вторыхъ и третьихъ этажей въ видѣ разноцвѣтныхъ лентъ, испещренныхъ золотыми, красными и черными китайскими надписями. А эти легкія, прорѣзные, лакированныя двери, ведущія въ магазинъ, эти божницы съ зажженными свѣчами и лампадами, ютящіяся гдѣ-нибудь въ почетномъ мѣстѣ задняго плана каждой китайской лавки, эти узорчатые раззолоченныя рѣшетки изъ кедроваго и краснаго дерева, отдѣляющія, подобно алькову или театральнымъ кулисамъ, заднюю часть лавки отъ передней, все это прелесть какъ хорошо и оригинально!.. Достаточно взглянуть на устройство хорошей китайской лавки, на выставочную группировку и разстановку ея товаровъ, не говоря уже объ ихъ достоинствѣ и отдѣлкѣ, чтобы признать въ китайцахъ людей съ большимъ артистическимъ, хотя и крайне своеобразнымъ вкусомъ. Своего рода художественное чувство китайца проглядываетъ даже и въ томъ, *какъ* продаетъ онъ вамъ какую-нибудь хорошенькую вещьцу, съ какимъ наслажденіемъ самъ любитъ ее въ это время. На его лицѣ ясно отражается насколько самъ онъ чувствуетъ и глубоко понимаетъ всю ея *китайскую* прелесть.

Въ одномъ изъ рекомендованныхъ намъ магазиновъ, № 62, мы сторговали на выборъ нѣсколько кантонскихъ тарелокъ за 20 долларовъ. Хозяинъ сначала было уступилъ ихъ, но затѣмъ самому вдругъ стало жалко своего товара. Ужъ онъ и вздыхалъ, и разсматривалъ каждую тарелочку, указывая на достоинство

и тонкость ея рисунка и фарфора, и бормоталъ что то себѣ подъ-носъ, и высчитывалъ, — словомъ, видимо не хотѣлъ выпустить красивый товаръ изъ своихъ рукъ, и наконецъ попробовалъ даже сказать, что онъ ошибся въ цѣнѣ, на что ему, впрочемъ, было замѣлено нами, что это, молъ, уже не по джентльменски. Тогда, нечего дѣлать, полюбовавшись въ послѣдній разъ своими тарелками, купецъ махнулъ рукой и со вздохомъ приказалъ кули завертывать ихъ и упаковывать. Тутъ, очевидно, соединялось въ немъ два чувства: одно—артистическое любованіе хорошею вещью, съ которою просто жаль разстаться, а другое — простая жадность къ деньгамъ и сожалѣніе за чѣмъ продешевилъ товаръ покупателю-варвару, который, можетъ быть, далъ бы за него п дорожѣ, еслибы поторговаться съ нимъ поупорнѣе.

Лавка № 62 была рекомендована намъ за такую, гдѣ торговля идетъ безъ запроса, но, испытавъ ее на дѣлѣ, я не возму на себя отстаивать именно это ея качество. Прицѣнясь къ подобнымъ вещамъ въ другихъ лавкахъ, мы убѣдились, что «китаецъ безъ запроса» все-таки запросилъ и получилъ съ насъ противъ дѣйствительной цѣны, только на томъ основаніи, что у него якобы «безъ запроса». Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ другихъ лавкахъ, гдѣ торгуютъ «съ запросомъ», можно было бы приобрести такія же точно вещи доллара на три, на четыре дешевле. Съ китайцами, какъ и вообще со всѣми азіятами, можно и должно торговаться. Китаецъ любитъ продать, но и поторговаться тоже любитъ. Ему повидимому нравится самый процессъ торгованья, выторговыванья и уступки. Это торгошъ не только по профессіи, но и по натурѣ, и если онъ назначаетъ вамъ цѣну, смѣло давайте ему одну четверть того, что запрошено. Онъ непременно начнетъ васъ убѣждать и божиться, что меньше взять никакъ невозможно, но не обращайтесь на это никакого вниманія и, пожалуй, уйдите изъ лавки. Можете быть увѣрены, что не только на возвратномъ вашемъ пути, но и завтра, и послѣзавтра, даже нѣсколько дней спустя, если вамъ придется проходить мимо, китаецъ (онъ уже хорошо и притомъ сразу замѣтилъ вашу наружность) встрѣтитъ васъ у дверей своей лавки не иначе, какъ вѣжливымъ поклономъ, съ самою любезною улыбкой, и привѣтливо попроситъ зайти къ нему, напомнивъ, что вы тогда торговали у него такую-то вещь. Заходите къ нему смѣло. Васъ усадятъ на бамбуковый или фарфоровый табуретъ, предложатъ чашку чая и мавильскую сигару, и вновь поставятъ предъ вами интересующую васъ вещь. Тутъ уже начинается новый торгъ какъ со знакомымъ. Китаецъ хотя и старается самымъ любезнымъ образомъ убѣдить васъ въ невоз-

можности цѣны дешевле той, какую онъ запросилъ, тѣмъ не менѣе, по всѣмъ его приемамъ, вы замѣчаете, что внутренне онъ расположенъ къ уступчивости. Тогда начинайте ему набавлять, но отнюдь не сразу, а понемножку; онъ же понемножку будетъ спускать и, наконецъ, ко взаимному вашему удовольствію, вы сойдетесь на половинѣ, или немного болѣе, чѣмъ на половинѣ цѣны, первоначально запрошенной. Нѣкоторые изъ русскихъ думаютъ, что торговаться вообще «неприлично», — не барское, молъ, дѣло, — и даютъ сразу цѣну, какую бы съ нихъ ни запросили. Но этимъ они только портятъ цѣны и совсѣмъ напрасно воображаютъ, будто китайцы, понимая такую барскую тенденцію, уважаютъ ихъ за это. Увы! что хорошо въ петербургскихъ ресторанахъ съ татарами, совсѣмъ неумѣстно съ китайскими купцами на крайнемъ Востока. Напротивъ, подобающій покупатель китаецъ вовсе не уважаетъ, и если продаетъ ему вещь, — да и какъ не продать, когда тотъ сразу даетъ что ни запросишь! — то продаетъ безо всякаго удовольствія. Именно «безъ удовольствія», потому что такой покупатель самого его лишаетъ пріятности пройти лишній разъ весь любезный ему процессъ торгованья, выторговыванья и уступки. Неудобство при этомъ, разумѣется, то, что вамъ приходится терять много лишняго времени, и китаецъ чувствуетъ это, а потому-то и старается, показывая товаръ лицомъ, всячески быть любезнымъ и утонченно вѣжливымъ съ вами, всячески занимать и, пожалуй, даже развлекать васъ, такъ-сказать, добрить, умягчить вашу душу для того, чтобы вы подались на его цѣну. Но, отвѣчая любезностью на любезность, все-таки будьте тверды и стойки, хотя отнюдь не упрямы: набавляйте не увлекаясь, понемножку, если хотите купить выгодно и унести съ собою уваженіе китайскаго купца. Въ этомъ случаѣ онъ самъ наблюдаетъ за особенно тщательною укупоркой вашихъ вещей, и, не беря денегъ въ лавкѣ, самъ будетъ сопровождать своихъ кули съ этими вещами къ вамъ на квартиру, гдѣ и получить за нихъ по счету.

Китайскій фарфоръ вообще очень хорошъ, какъ старый, такъ и новый; но здѣсь, какъ и въ Европѣ, существуютъ поддѣлки стараго фарфора, въ особенности такъ называемыхъ *cracquelées*, то-есть вещей, на которыхъ глазурь отъ времени и долгаго употребленія дала трещины въ мелкую клятку. Неподдѣльные *cracquelées* и въ самомъ Китаѣ цѣнятся очень дорого, и для того, чтобы купить ихъ, по большей части нуженъ хорошій случай; значить прежде всего нужно время, котораго у такихъ путешественниковъ, какъ мы, очень мало, а во-вторыхъ, большія деньги и, наконецъ, въ-третьихъ (что всего важнѣе), опыт-

ность, потому что на отлично поддѣланныхъ *sacques* очень легко можно быть надутымъ. Поэтому новички поступаютъ гораздо благоразумнѣе, если станутъ покупать вещи завѣдомо новой фабрикаціи, тѣмъ болѣе, что сами по себѣ онѣ вполне могутъ удовлетворить какъ изяществомъ своей формы, такъ и красотой рисунка, да и надуть на нихъ нельзя, такъ какъ цѣны на такія вещи всегда извѣстны и доступны.

Наружность и характеръ англійскихъ солдатъ. — Мѣстный *high life* на предобѣденной прогулкѣ. — Дѣловой складъ жизни въ Гонконгѣ и отсутствіе общественныхъ развлеченій. — Китайцы чернорабочіе (кули). — Обѣды вмѣсто ужиновъ. — Женское молоко вмѣсто коровьяго. — Какъ ѣдятъ англичане въ Гонконгѣ и какъ пьютъ они. — Китайская прислуга. — Столовая во время табль-д'ота — Китайскіе повара и *мен* нашего обѣда. — Составъ табль-д'отной публки. — Ночная буря. — Корпорация паланкинныхъ носильщиковъ. — Гонконгскій климатъ. — Китайская часть города. — Холмъ Таль-Шинъ-Шанъ и характеръ его публки. — Англійская полиція въ Гонконгѣ. — Игрные дома и англійское фарисейство. — Количество и составъ мѣстнаго населенія. — Толкучій рынокъ. — Ручныя колясочки. — Что значитъ спущенная или подобранная коса у китапца. — Уличныя азартныя игры и лотереи. — Населеніе „Счастливой Долины“. — Мастерская китайскихъ художниковъ, ихъ произведенія, приемы и способы работы. — Китайскія поддѣлки европейскихъ вещей. — Взглядъ китапца на европейскую цивилизацію. — Точно-ли китайскій „застой“ то, за что его выдаютъ европейцы? — Переменчивая погода. — Предвѣстники урагана. — Вечерніе сигналы у англійскихъ солдатъ. — Какъ мы кончили свой день.

Уже начинало темнѣть, когда послѣ осмотра нѣсколькихъ лавокъ мы предприняли небольшую прогулку пѣшкомъ по верхнимъ улицамъ. Это часъ, когда англійскіе солдаты мѣстнаго гарнизона, пользуясь своими рекреационными часами, выходятъ небольшими группами, а болѣе всего отдѣльными парами, на вечернюю прогулку. На точно такихъ же франтоватыхъ солдатъ съ округло отставленными въ стороны локтями (что называется «фертомъ»), съ жирными ляшками, на которыхъ красуются туго обтянутыя и безукоризненно бѣлыя брюки, въ шотландской шапочкѣ черзчуръ уже «молодецки» заломленной набекрень и непремѣнно съ легкою тросточкой или хлыстикомъ въ рукахъ,—на такихъ солдатъ, говорю я, мы уже насмотрѣлись и въ Аденѣ, и въ Пуанъ-де-Галлѣ, и въ Сингапурѣ, и здѣсь вотъ видимъ опять совершенно подобныхъ. Это значитъ, уже основной типъ англійскаго солдата повсюду одинъ и тотъ же, но типъ, надо сказать, совсѣмъ не военный, хотя мундирный англичанинъ, повидимому, изъ кожи лѣзетъ, чтобы казаться какъ можно молодцеватѣе и воинственнѣе. Вотъ, наприимѣръ, французскій солдатъ въ Сайгонѣ: этотъ и

одѣтъ гораздо небрежнѣе англійскаго, даже мѣшковато какъ-то сидитъ на немъ его синяя жакетка изъ грубаго сукна, и о походкѣ своей не заботится онъ, идетъ съ развальцемъ или въ легкую припрыжку, не думая о томъ достаточно ли «молодецки» сидитъ на немъ его, заимствованный у англичанъ, же пробковый шлемъ, или какъ подобаешь держать прекраснѣе локти, насколько нужно выпатить впередъ свою грудь, какое выраженіе придать физиономіи, словомъ, идетъ себѣ человекъ совсѣмъ просто, безъ натяжки, какъ бы забывшая даже о своемъ солдатствѣ, а между тѣмъ, Богъ-вѣсть почему именно, но въ немъ невольно какъ-то *чувствуется* военный настоящій, а не наряженный только въ форменный костюмъ. Военную «косточку», какую-то неувловимую «жилку» военную чувствуете вы въ немъ и ни на минуту не усомнитесь, что предъ вами настоящій, такъ сказать, прирожденный солдатъ, тогда какъ въ англичанинѣ вы явно замѣчаете, что, идучи въ публнкѣ, онъ постоянно старается самому себѣ напоминать о своемъ званіи: я, дескать, военный и потому не долженъ забывать, что мнѣ слѣдуетъ держаться такъ-то и такъ-то, дабы всѣмъ было видно сразу, что я, «чортъ возьми, военный!» Эта молодцеватость въ немъ дѣланная, напускная, вовсе неестественная и потому въ военномъ смыслѣ онъ держитъ себя съ натянутою развязностью и производитъ ничѣмъ не побѣдимое впечатлѣніе бѣлотагла, выхоленнаго прикащика, для чего-то переряженнаго въ совершенно несвойственную ему военную форму.

Въ часъ вечерней прохлады, пока солнце еще не закатилось, верхній городъ сталъ оживленнѣе. Показались даже двѣ-три леди въ щегольскихъ паланкинахъ, у которыхъ сбоку шли пѣшкомъ ихъ мужья или *kavalieri sergenti* и разговаривали, чрезъ тонкую рѣшетку паланкиннаго окна, со своими дамами. Эти дамы и кавалеры направлялись къ верхнимъ террасамъ горы, гдѣ разбитъ по скатамъ прекрасный паркъ съ великолѣпнымъ видомъ на рейдъ, окруженный гористыми очертаніями противулежащихъ острововъ и Каулунскаго берега.

Это часъ, когда сливки европейскаго здѣшняго общества совершаютъ свою предобѣденную прогулку: ни ранѣе, ни позже вы никогда не увидите мѣстныхъ дамъ на улицахъ, да и мужчины, занятые или въ разныхъ *offices*, или въ банкирскихъ и коммерческихъ конторахъ, тоже почти не показываются, развѣ въ случаяхъ безотлагательной надобности. Жизнь сложилась здѣсь самымъ дѣловымъ образомъ: раннее утро отдается занятіямъ, затѣмъ слѣдуетъ плотный завтракъ, послѣ котораго наступаютъ часы всеобщаго оцѣлѣнія отъ жары, въ комнатахъ съ опущенными жалюзи и легка продувающимъ сквознячкомъ. Съ половины

третьяго часа дня опять начинается дѣловая жизнь, но ея отправленія въ обширныхъ помѣщеніяхъ конторы и правительственныхъ «оффисъ» совершаются незримо и какъ бы таинственно, при вѣліи громадныхъ опахалъ (*панка*), въ полусвѣтѣ опущенныхъ шторъ, причемъ сами дѣльцы сидятъ, по большой части, безъ куртокъ и безъ галстуковъ и только отпиваются холодною содовою водою съ абсентомъ и еще какими-то спиргуозами. Работа въ это время подвигается, конечно, лѣнливѣе чѣмъ утромъ, но все же идетъ безостановочно и правильно, какъ машина съ уменьшеннымъ ходомъ, и такъ проходитъ время до пяти часовъ, когда всѣ конторы закрываются и дѣльцы, закончивъ свой «дѣловой день», расходятся домой или по своимъ личнымъ надобностямъ. Три часа времени, отъ пяти до восьми вечера, предоставляются въ ихъ собственное распоряженіе. Въ это время они дѣлаютъ свои визиты, прогулки, катанья въ гичкахъ и яхточкахъ по рейду, или моціонъ на кургузыхъ лошадакахъ по ипподрому. Въ восемь — обѣдъ, какъ въ гостиницахъ и клубахъ, такъ и въ семейныхъ домахъ, послѣ чего мужчины остаются еще часа два за столомъ, но уже безъ дамъ, смакуя портвейнъ, коньякъ и ликеры и толкуя о биржевыхъ цѣнахъ да о политикѣ, а къ одиннадцати часамъ вечера носильщики разносятъ всѣхъ этихъ побагровѣвшихъ и осовѣлыхъ джентльменовъ по ихъ квартирамъ. Въ одиннадцать весь Гонконгъ, за исключеніемъ китайскаго конца, уже предается Морфею. Общественныхъ развлеченій, какъ видите, никакихъ, да при такомъ порядкѣ жизни для нихъ не остается и мѣста. Впрочемъ, виноватъ: есть и развлеченія. Это — игорные дома на Талъ-Пинъ-Шанъ и въ Голирудъ-Родъ, содержимые китайцами, якобы для китайцевъ же, но куда пробираются нерѣдко и европейцы подъ покровомъ ночи.

Итакъ, пока фешенебельный Гонконгъ занимается на террасахъ парка предобѣденнымъ моціономъ и наслаждается картиннымъ закатомъ солнца, Гонконгъ чернорабочій ни на мигъ не прекращаетъ своей кипучей дѣятельности. Въ это время китайскіе кули (и только они одни) копошатся внизу какъ муравьи, поспѣвая взадъ и впередъ по улицамъ и таща на голой спинѣ или на плечахъ, съ помощью бамбуковыхъ шестовъ и особенныхъ коромыселъ всевозможныя тяжести — мѣшки, боченки, тюки и ящики. Для этого замѣчательно дѣятельнаго рабочаго люда, въ теченіе дня отъ разсвѣта до поздняго вечера, кажись, нѣтъ и минуты отдыха. Неся какіи-либо тяжелыя вещи или корзины съ какими-то продуктами и плодами, кули мимоходомъ, не останавливаясь, покупаютъ себѣ у разнощика горсточку чего-нибудь съѣстнаго (чаще всего рису), на ходу закусываетъ, на ходу курятъ себѣ свою крохот-

ную трубочку и останавливаются на секунду развѣ у цистерны, чтобъ ослѣжить себѣ глоткомъ воды пересохшую отъ жажды глотку. При этомъ кули, повидимому, всегда бодръ и веселъ: походка его легка и эластична, на лицѣ добродушная улыбка и звонкимъ голосомъ перекидывается онъ разными шуточками со встрѣчнымъ знакомымъ товарищемъ. Кажется во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе дѣятельнаго, трудолюбиваго, неприхотливаго и неутомимаго работника, какъ этотъ китайскій кули, и, видя ихъ, исполнѣ понимаешь почему американцы, жаждые на долларъ, поднимаютъ полный опасеній и ненависти гвалтъ противъ эмиграціи въ Америку этихъ могучихъ и главное дешевыхъ работниковъ. Европейскому или американскому поденщику и въ пятую долю не сдѣлать противъ самаго зауряднаго кули.

Сопровождаемые цымбальными звуками какой-то бродячей шарманки, вернулись мы въ гостиницу въ исходѣ восьмага часа вечера, какъ разъ къ обѣду, о которомъ и здѣсь, какъ въ Сингапурѣ, всѣмъ ея постояльцамъ было возвыщено нѣсколькими оглушительными ударами въ мѣдный китайскій гонгъ. Обыкновеніе это введено здѣшними европейцами, вѣроятно, ради мѣстнаго колорита, но пріятнаго въ себѣ оно ровно ничего не заключаетъ, и европейскій колокольчикъ могъ бы сослужить ту же самую службу чтѣ и гонгъ, не подвергая пытки ничего слуха.

Обѣды у европейцевъ на крайнемъ Востокѣ замѣняютъ въ нѣкоторомъ родѣ ужинъ, причемъ обѣдъ, начинающійся въ половинѣ восьмага, считается еще раннимъ. Въ частныхъ домахъ садятся за столъ въ половинѣ девятаго, а въ парадныхъ случаяхъ даже и около девяти. Понятное дѣло, что, просидѣвъ за столомъ, по англійскому обыкновенію, около двухъ часовъ сряду, уже не захочешь ужинать, а лишь выкуришь на балконѣ свою сигару да и подумаешь какъ бы убраться поскорѣе на покой. Впрочемъ, для людей, поднимающихся съ постели съ восходомъ солнца, то-есть въ шесть часовъ утра, такой поздній обѣдъ дѣйствительно служить ужиномъ.

Въ шесть часовъ утра, подобно всѣмъ здѣшнимъ европейцамъ, вы можете потребовать себѣ въ гостиницѣ чаю, кофе или шоколаду, но и то, и другое, и третье съ непривычки покажется вамъ довольно мизернымъ. Въместо чаю, какъ уже извѣстно, вамъ подадутъ какой-то деготь, который можете, если угодно, разбавить жиденькимъ-прежиденькимъ молочкомъ, и тогда у васъ получится буроватая жидкость, цвѣтомъ въ родѣ очень крѣпкаго кофе, слегка окрашеннаго сливками. Въместо сахару приносятъ вамъ на блюдечкѣ порцію далеко не благоуханнаго, сыроватаго сахарнаго песку, кусочекъ талаго коровьяго масла и пару поджаренныхъ гренковъ. Жиденькій шоколадецъ

лучше и не пробуйте: онъ готовится здѣсь не на молокѣ, а на кипяткѣ. Если же хотите кофе, то онъ послѣдуетъ съ тѣми же «приложеніями», что и чай, но о сливкахъ и не мечтайте: о нихъ здѣсь и понятія не имѣютъ, а то, что подадутъ вамъ подъ именемъ сливокъ, лучше и не пить. Не знаю насколько справедливо, но увѣряютъ совершенно серьезно будто недостатокъ коровьяго молока пополняется здѣсь женскимъ. Записывая это въ свой дневникъ, я невольно ставлю три восклицательныя и три вопросительныя знака, выражая тѣмъ полное свое удивленіе и недоумѣніе къ такому странному обстоятельству. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли это быть? Но мѣстные европейцы увѣряютъ, что не только можетъ, а и есть. Они говорятъ, что промышленныя этимъ многія бѣдныя китайки, въ ущербъ своимъ собственнымъ груднымъ дѣтямъ. Онѣ будто бы каждое утро приходятъ въ молочныя лавки, содержимыя исключительно китайцами, и тамъ доятъ себя въ чашки. Качество молока каждой женщины подвергается каждый разъ предварительной пробѣ самимъ скупщикомъ, который, если найдетъ его годнымъ, то допускаетъ женщину къ дальнѣйшему доеню, взвѣшиваетъ надоенное, платитъ ей за него по вѣсу столько-то копѣекъ и затѣмъ, разливъ весь утренній удой по крынкамъ, даетъ ему отстояться и охладиться на ледникѣ. Самодоеніемъ промышленныя не одни только гонконгскія, но и окрестныя женщины съ острововъ и Каулунскаго берега, нарочно прѣзжающія для этого въ своихъ сампангахъ къ скупщикамъ, еще на развѣгѣ. Коровъ въ Гонконгѣ держатъ очень мало, ихъ можно найти развѣ въ нѣсколькихъ англійскихъ семействахъ, гдѣ есть маленькія дѣти, и потому коровье молоко и молочные продукты, доставляются сюда съ Каулунскаго берега, но далеко не въ достаточномъ количествѣ. Чтобы пополнить таковое, мѣстные продавцы-скупщики и прибѣгаютъ къ помощи женскаго молока, обходящагося имъ дешевле чѣмъ коровье, которое къ тому же идетъ главнымъ образомъ на выработку масла и прочихъ молочныхъ продуктовъ. Если же дѣйствительно такъ, то какова же должна быть бѣдность въ простомъ населеніи окрестной страны, коль скоро матери рѣшаются торговать собственнымъ молокомъ, предоставляя питанію ребенка на цѣлыя сутки лишь то, что накопится послѣ утренняго удоя!..

Вообще, утреннія питія англійскаго обихода здѣсь далеко не вкусны и требуютъ особенной привычки. Къ нимъ, въ видѣ неизмѣннаго «приложенія», приносятъ вамъ пару куриныхъ, а всего чаще утиныхъ яицъ, сваренныхъ въ полукругую, и два-три ломтика ветчины, тоненькихъ до такой степени, что остается только удивляться замѣчательному форшнейдер-

скому искусству того, кто ихъ нарезывалъ. Смотри по желанію, можете потребовать къ этому и небольшой только-что зажаренный кусокъ бифштекса. Въ десять часовъ утра слѣдуетъ завтракъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, но безъ бульона, и въ числѣ ихъ два-три блюда мясныя, неизмѣнная яичница, съ которой и начинается завтракъ, затѣмъ неизмѣнно какая-нибудь зелень и очень изобильный десертъ, такъ что этотъ завтракъ, въ сущности, стоитъ либато обѣда. Въ полдень можете, буде захотите, спросить себѣ бульону, холоднаго мяса, разныхъ закусокъ и опять-таки десерту, но затѣмъ до восьми часовъ вечера уже ничего не получите. Впрочемъ, для конторской жизни мѣстныхъ европейцевъ такой порядокъ питанія, вѣроятно, представляется самымъ удобнымъ, но для меня, какъ человѣка не привыкшаго къ нему даже и на нашемъ пароходѣ, выходить, что, въ сущности, я остаюсь цѣлые дни ни сытъ, не голоденъ: не ѣшь какъ слѣдуетъ ни утромъ, ни за завтракомъ, ни въ полдень, ни даже за обѣдомъ, а такъ только смакуешь себѣ всякой всячины понемножку. Да и жара къ тому же отнимаетъ аппетитъ. Но на мѣстныхъ европейцевъ, а въ особенности на англичанъ, она, повидимому, не оказываетъ такого вліянія: я вижу ихъ за всѣми фазами дневной ѣды и могу только смиренно удивляться такому непобѣдимому аппетиту. За обѣдомъ въ особенности они имѣютъ обыкновеніе и наѣдаться, и напиться въ плотную, приправляя каждое блюдо разными ядовитостями въ родѣ кайенскаго перца, имбиря, всевозможныхъ сой, острѣйшихъ пикулей и заливая все это хересомъ, уиски, коньякомъ, портвейномъ, бургонскимъ et cetera... По отзыву мѣстныхъ врачей, такое перенесеніе привычекъ «туманнаго и хладнаго Альбіона» на тропическую почву бываетъ по большей части губительно для англичанъ, которые отъ такого образа жизни и мрутъ какъ мухи, но—что вы хотите!—Англичанинъ нигдѣ не любитъ измѣнять никакимъ своимъ привычкамъ и думаетъ скорѣе подчинить себѣ климатъ и солнце, чѣмъ подчиниться имъ.

Прислуга въ отелѣ и за табльд'отомъ исключительно китайская, очень чистоплотная, расторопная и вѣжливая. Объясненія на англійскомъ языкѣ не составляютъ для нея затрудненія. Вся она одѣта въ бѣлыя колѣнокоровыя или шелковыя курмы, такія же панталоны съ гамашами и бабшаки на мягкой толстой подошвѣ; все это чистоты и свѣжести самой безукоризненной. Лицо и передняя половина головы гладко выбриты и длинная черная коса спускается съ макушки до самыхъ плечъ—верхъ элегантности и вѣжливости со стороны китайца, ибо еслибъ онъ не видѣлъ надобности быть вѣжливымъ и почтительнымъ, то не преминулъ бы эту великолѣпную свою косу

взять и обмотать вокруг головы, въ видѣ нѣкой діадемы. Весь процессъ прислуживанья за столомъ, благодаря этимъ мягкимъ подошвамъ, совершается безъ малѣйшаго шума, и прислуга такъ хорошо выдрессирована, что вы и голоса ея не услышите.

Столовая во время табль-д'ота представляетъ довольно оригинальное зрѣлище: обширная бѣлая зала, бѣлыя колонны, бѣлые буфы поднятыхъ шторъ, множество бѣлыхъ, отлично сервированныхъ столовъ, масса обѣдающихъ, преимущественно въ бѣлыхъ же костюмахъ, веселое миганье газовыхъ рожковъ въ матовыхъ колпачкахъ на стѣнахъ и въ люстрахъ, мельканье цѣлой дюжины плавно качающихся бѣлыхъ *панк* надъ столами и безшумное движеніе взадъ и впередъ многочисленной бѣлой прислуги. А въ распахнутыя настежь окна и двери льетъ мягкая вечерняя прохлада и глядитъ темная, глубоко-синія ночь, усыпанная звѣздами. Обѣдъ, приготовленный поваромъ-китайцемъ на европейскій ладъ, оказался въ полуанглійскомъ, полуфранцузскомъ вкусѣ. Кстати, здѣсь всѣ повара исключительно китайцы, вообще очень способные къ кулинарному искусству, и между ними нерѣдко встрѣчаются истинные артисты и мастера своего дѣла, вполне удовлетворяющіе самому взыскательному европейскому вкусу. Но въ Гонконгѣ, конечно, дѣло потрафляется на специально англійскій вкусъ, даже и въ чисто французскихъ блюдахъ. На сей разъ обѣдъ начался съ супа, свареннаго на кайенскомъ перцѣ, отъ котораго съ первой же ложки намъ обожгло весь ротъ. Супъ этотъ, кромѣ того, былъ еще и очень солонъ, вѣроятно, для того чтобы лучше возбуждать въ луженыхъ англійскихъ желудкахъ жажду, утоляемую не иначе какъ виномъ и спиртными напитками. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ разнообразныхъ блюдъ, въ числѣ которыхъ фигурировали и рыба, и ветчина, и мясо, и баранина, и жареная домашняя птица, и дичь, и зелень, и ко всему этому, въ видѣ неизмѣннаго добавленія, вареный разсыпчатый картофель, подаваемый въ особыхъ вазахъ. Затѣмъ, сладкій, изготовленный на ромѣ со всевозможными приностями, пуддингъ, острые сыры и разнообразный десертъ. Но между пудингомъ и сырами было предложено еще одно блюдо,—пресловутое *керри*, безъ него же не кончается ни одинъ обѣдъ на крайнемъ Востока. Это не болѣе какъ разварной рисъ, къ которому подается какая-то зеленоватая подлива, напоминающая и видомъ и вкусомъ бѣленое масло, и разныя приправы, состоящія изъ мелкихъ кусочковъ мяса, дачи, сушеной рыбы, острыхъ соевъ, пикулей и всякихъ ядовитостей, сводящихъ вамъ ротъ, дерущихъ въ горлѣ и обжигающихъ желудокъ. Говорятъ, будто безъ этого блюда нельзя обойтись, такъ какъ оно необходимо въ чисто гигиеническихъ

видахъ, для поддержанія дѣятельности желудка. Но мнѣ кажется, что для него надо имѣть особенный, какой-то луженый желудокъ, а потому я предпочитаю лучше пренебрегать требованіями гигиены, чѣмъ отравляться всѣми этими ужасными спеціями,—и ничего, до сихъ поръ, слава Богу, не чувствую никакихъ худыхъ послѣдствій отъ такого пренебреженія. Думается мнѣ даже, что керри нужно не столько для гигиены, сколько для возбужденія жажды, заливаемой опять-таки портвейномъ и проч. Пьютъ здѣсь, можно сказать, богатырски, и выпивается за обѣдомъ масса, несмотря на то, что вина (исключительно привозныя) очень дороги, и это одно уже показываетъ какими деньгами шутя соряютъ здѣшніе англичане. Кто же однако составляетъ всю эту публику? Не считая проѣзжихъ, большинство ея состоитъ изъ мелкихъ холостыхъ чиновниковъ разныхъ учреждений и холостыхъ прикащиковъ торговыхъ англійскихъ домовъ. Можете судить поэтому какія жалованья они получаютъ.

Къ счастью, всѣ блюда за столомъ подавались еще въ довольно умѣренныхъ дозахъ, хотя въ общей сложности все это составляло такое количество пищи, котораго человѣку непривычному нельзя вынести безнаказанно, и потому болѣе половины этихъ ѣдко приправленныхъ блюдъ я пропускалъ мимо, но и то почувствовалъ къ концу, что послѣ такого обѣда не остается ничего, какъ только раздѣться и спать—спать до утра непробуднымъ сномъ. Но не тутъ-то было! Въ одиннадцать часовъ хлынулъ вдругъ сильный дождь и зашумѣлъ вѣтеръ такими бѣшенными порывами, что отъ его ударовъ дрожали и скрипѣли окна, а внизу и въ сосѣднихъ пустыхъ номерахъ поднялось неистовое хлопанье дверей и ставень, пока-то наконецъ прислуга не сооблаговолила затворить ихъ, что, впрочемъ, случилось не скоро, да и то лишь по нашему настоятельному требованію. Какъ видно, такіа бурныя передраги дѣло здѣсь привычное.

18-го августа.

Рано утромъ насъ разбудилъ стукъ въ дверь. То былъ не по разуму услужливый *monsieur Michel*, которому почему-то вздумалось будить насъ въ шестомъ часу утра. Разбуженный среди самаго сладкаго предутренняго сна, я, съ просонокъ, хотя и захлопнулъ дверь предъ самымъ носомъ этого услужливаго нахала, тѣмъ не менѣе, послѣ такой помѣхи спалось уже плохо, и, около семи часовъ утра, мы съ М. А. Поджіо подыались съ постелей. Вышелъ на балконъ. Улицы были совсѣмъ еще пусты; вдоль тротуаровъ стояли ряды паланкиновъ, въ которыхъ спали ихъ носильщики, одинъ товарищъ сидя, а другой лежа на землѣ, на подостланной цыновочкѣ и положивъ голову на дно паланкина, какъ на подушку. У этихъ людей, говорятъ, нѣтъ постоянныхъ

квартиры; день и ночь они проводят на открытомъ воздухѣ, забираясь въ случаѣ дождя подъ аркады нижнихъ этажей, и всѣ заботы ихъ направлены только къ тому, чтобы содержать какъ паланкинъ такъ и свой собственный костюмъ въ опрятномъ и приличномъ видѣ, такъ какъ отъ этого зависитъ ихъ прямая выгода: англичане избѣгаютъ садиться къ оборванцамъ и замарашкамъ. Весь небольшой свой скарбикъ, состоящій, по большей части, изъ пары запаснаго платья на перемѣну, держатъ они въ ящикѣ подъ сидѣньемъ, и въ этомъ скарбикѣ, да еще въ самомъ паланкинѣ состоятъ все ихъ имуществы, такъ что каждый носильщикъ болѣе чѣмъ кто-либо имѣлъ бы право, даже съ нѣкоторою гордостью, сказать о себѣ «omnia mea posui portis». Закуску свою, вмѣсто обѣда, совершаютъ они нерѣдко на ходу, покупая горсть какой-нибудь пищи съ дотка уличнаго разнощика, а для чаепитія пользуются случаемъ остановки, если гдѣ-нибудь поблизости китайская чайная. Старожилы очень хвалятъ ихъ трезвость и честность. Первая обуславливается самымъ свойствомъ труда носильщиковъ, требующаго совершенно твердой, увѣренной и плавной походки, а на счетъ второй говорятъ, что не было еще при-мѣра, чтобы вещь, случайно забытая европейцемъ въ паланкинѣ, не была тотчасъ же возвращена по принадлежности или не представлена въ полицейское бюро. Носильщики представляютъ здѣсь какъ бы цѣлую корпорацию, строго соблюдающую установленныя между собой правила, привычки и обычай.

Утро было сѣроватое, почти пасмурное, еслибы промежъ ключевъ разорванныхъ тучъ не сквозило кое-гдѣ голубое небо. Окрестныя горы точно курились тяжелымъ густымъ дымомъ: то были низко спустившіяся тучи. Все обѣщало на нынѣшній день если не совсѣмъ дождливую, то перемѣчивую погоду. И дѣйствительно, не успѣли мы напиться чаю какъ прсынулъ вдругъ частый и крупный дождикъ, скрывшій за своимъ прясломъ весь рейдъ и очертанія горъ, лежащихъ по ту сторону онаго. Томсонъ, описывая гонконгскій климатъ, говоритъ, что здѣсь около шести мѣсяцевъ въ году продолжается засуха при холодныхъ ночахъ и совершенно безоблачномъ небѣ; за то когда возвращаются жары и дожди, то небо точно опускается и виситъ въ видѣ громадной губки надъ вершинами холмовъ: эта губка прижимается къ горѣ Викторин и изъ нея потоками льется дождь и наводняетъ улицы, а потомъ поднимается опять въ видѣ горячаго пара. И книги, и газеты, и все тогда сырѣетъ и плеснѣетъ, — точно сидишь въ паровой ваннѣ и едва имѣешь только силы слѣдить взоромъ за крылатыми муравьями, которые въ ту пору тысячами падаютъ въ лампы, на столъ и, опустивъ крылья, какъ черви ползутъ и на та-

редку, и въ кушанья. Тѣмъ не менѣе, принимаемая предосторожности выработанныя опытомъ, люди привыкаютъ ко всѣмъ этимъ неудобствамъ и находятъ, что все-таки Гонконгъ для нихъ не вреденъ и не непріятенъ.

Очевидно, небо намѣревалось на сегодня изображать собою Томсоновскую губку; тѣмъ не менѣе, мы спустились внизъ, сѣли въ паланкины и отправились знакомиться съ китайскими кварталами города.

Улица королевы (Queen's Road) прорѣзываетъ городъ параллельно набережной, съ востока на западъ. Побочныя улицы исходятъ изъ этой главной артеріи — однѣ вправо, къ порту, другія влево, на склоны пика Викторин, образуя и тамъ, и здѣсь цѣлую сеть мелкихъ улицъ и переулковъ. Въ западномъ концѣ города на холмѣ Таль-Пинъ-Шанъ, мимо котораго проходитъ все та же улица Королевы, сгруппировались самыя характерныя «учрежденія» китайскихъ кварталовъ: тутъ что ни шагъ, то какой-нибудь кабачекъ, таверна, опійная курильня, игорный домъ или притонъ разврата. Достаточно сказать, что однихъ кафе-кабачковъ «съ консомациями» считается здѣсь до двухсотъ, — и все это не только живетъ, но и процвѣтаетъ въ своей грязи, содержимое въ большинствѣ китайцами, а частью и европейцами. Тамъ и сямъ раздаются звуки китайскихъ струнныхъ инструментовъ и европейскихъ шарманокъ, играющихъ въ кабачкахъ для увеселенія публики. Въ открытыя двери и окна, рядомъ съ китайскими физіономіями, виднѣются и загорѣлыя рожки всевозможныхъ европейскихъ и американскихъ матросовъ въ шапкахъ заломленныхъ на затылокъ. Скверные смѣшанные запахи опійнаго дома, просаленного табаку, вяленой рыбы, чесноку, кунжутаго чада, кокосоваго масла, камфары и пачули слишкомъ чувствительно доказываютъ вамъ, что вы попали въ самый круговоротъ китайской жизни. Желпинъ тутъ много, но исключительно китаянки, а изъ европейцевъ даже и солдатскія женки, отправляющіяся на рыбный и мясной базары, стараются обходить подальше «холмъ великаго мира», какъ называется въ переводѣ Таль-Пинъ-Шанъ. Здѣсь уже съ самаго утра открывается въ полномъ разгарѣ кипучая, но скверная дѣятельность, а потому, слѣдуя по этимъ переулкамъ, не забывайте беречь ваши карманы, такъ какъ всѣ эти вертепы, между прочимъ, кишатъ мелкими, но чрезвычайно ловкими мазуриками. Бѣглые матросы, въ концѣ протгорѣвшіе аферисты, спившіеся шатуны всѣхъ европейскихъ національностей (только не англичане, ибо этихъ послѣднихъ убираетъ отсюда сама администрація, чтобы не позорили англійскаго имени), индусскіе ростовщики, пройдошливые жидки австрійскіе и русскіе (безъ нихъ нигдѣ не обойдется!)

и наконецъ все отребье, всѣ подонки китайскихъ городовъ, привлеченные сюда относительно свободой дѣлать всякія пакости «подъ защитой англійскихъ законовъ», не опасаясь за цѣлость собственной головы,—вотъ какіе элементы составляютъ публику всѣхъ этихъ притоновъ. Но матросы, спущенные «погулять» съ судовъ стоящихъ на рейдѣ, являются среди нея, безъ сомнѣнія, самымъ шумливымъ и буйнымъ народомъ. Они пляшутъ въ кабакахъ свою «джигу», напиваются *самъ-шумомъ*,—скверною китайскою водкой, орутъ пѣсни и, чуть что не по нимъ, сейчасъ лѣзутъ въ драку, причемъ иногда выходятъ и побоища, такъ сказать, международнаго характера, если, напримеръ, англичане сѣются съ французами или американцами, а французы съ нѣмцами или итальянцами. Тутъ уже дѣло нерѣдко и до ножей доходитъ. А полиція въ такихъ случаяхъ безсильна, и для прекращенія драки зачастую является надобность высылать военную команду.

Чтобы судить о томъ какова гонконгская полиція, я буду говорить не отъ себя, а сошлюсь на англичанина Томсона, котораго мнѣ всего можно заподозрить въ какомъ бы то ни было недоброжелательствѣ къ своимъ соотечественникамъ и всѣмъ ихъ дѣяніямъ и учрежденіямъ. «Гонконгская полиція, говоритъ онъ, и велика, и дорого стоить, а безопасность ея нерѣдко служитъ предметомъ замѣчаній со стороны печати города Викторіи; но въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго, такъ какъ большинство полицейскихъ—китайцы, служащіе подъ начальствомъ европейцевъ, большею частью не знающихъ ни языка, ни правовъ своихъ подчиненныхъ. Съ другой стороны, часть полиціи состоитъ изъ индусовъ, почти не знающихъ китайскаго языка и, слѣдовательно, не приносящихъ пользы при раскрытіи преступленій; индусы же, знакомые съ мѣстными нравами, знаютъ какъ дорого платятъ китайцы за молчаніе свидѣтелей». Дальнѣйшіе комментаріи, полагаю, будутъ излишни, за исключеніемъ развѣ того, что «не все то хорошо, что англійское». При такомъ составѣ полиціи нечего удивляться, что лѣтомъ 1878 года шайка пиратовъ въ восемьсотъ человѣкъ преспокойно высадились въ Гонконгѣ, разнесла чуть не въдребезги часть китайскаго города, разграбила и подожгла нѣкоторые товарные склады, перерѣзала нѣсколько десятковъ человѣкъ, надѣлала массу безчинствъ и, нагнавъ величайшую панику на европейскіхъ жителей, уплыла на своихъ джонкахъ ранѣе, чѣмъ поднятый по тревогѣ гарнизонъ былъ поставленъ въ ружье и приведенъ на мѣсто scandalнаго разгрома.

Игорные дома Талъ-Пинъ-Шана полны уже съ утра, и замѣчательно, что въ каждомъ изъ нихъ, у входной внутренней двери, непремѣнно сидитъ англичанинъ, агентъ городской ад-

министраціи, обязанность коего состоитъ въ томъ, чтобы сортировать посѣтителей, указывая привратнику кого изъ нихъ можно пропустить и коего нельзя. Такимъ образомъ, напримеръ, вся домашняя прислуга, солдаты въ военной формѣ и купеческіе прикащики (китайцы и европейцы) одинаково находятся подъ запретомъ. Но говорятъ, что подъ покровомъ ночи, благодаря «рукопожатію съ долларомъ», эти сортировщики часто «ошибаются» и пропускаютъ въ игорную залу, въ особенности прикащиковъ, подъ видомъ «вольныхъ иностранцевъ» и «знатныхъ путешественниковъ, изучающихъ нравы». Съ одной стороны, они состоятъ на жалованьи у администраціи; съ другой, купцы и банкиры платятъ имъ и отъ себя «нѣкоторую лепту» за то, чтобы они строже относились къ своимъ обязанностямъ, а съ третьей, и содержатели игорныхъ домовъ не остаются передъ ними въ долгу за ихъ «невольныя ночныя ошибки». Въ концѣ концовъ у такихъ агентовъ нерѣдко составляются «кругленькія состояніяца», съ которыми они либо уѣзжаютъ на родину, либо покупаютъ домикъ и открываютъ тоже какой-нибудь притончикъ, а иногда, продолжая занимать мѣсто, негласно вступаютъ въ долю съ содержателями игорнаго дома и тогда уже (буде ихъ не выгнать начальство) чрезъ нѣсколько лѣтъ у нихъ вдругъ объявляется громадный капиталъ, съ которыми они становятся видными и «достопочтенными» дѣателями, открывая какую-нибудь торговлю en gros или банкирскую контору, но, разумеется, изъ деликатности не въ Гонконгѣ, а въ какомъ-нибудь другомъ англійскомъ центрѣ крайняго Востока.

Обращаясь опять къ Томсону, чтобы показать вамъ до чего иногда доходитъ англійское фарисейство. «Правительству, говоритъ онъ, было необыкновенно трудно уничтожить здѣсь пороки, обыкновенные почти во всѣхъ приморскихъ городахъ, и оно ограничилось наконецъ тѣмъ, что *наложило пошлину* на то, чего не могло уничтожить и этимъ средствомъ удержало за собой возможность слѣдить за всѣмъ». Такимъ образомъ, здѣсь обложены пошлиной всѣ эти «учрежденія», не исключая даже и китайскихъ жрицъ культа Венеры, точно также платящихъ свою подушную подать «за право разврата» въ пользу англійскаго правительства. Во время пребыванія Томсона въ Гонконгѣ, страсть къ игрѣ, присущая всѣмъ китайцамъ, справедливо считалась тамъ главною причиною преступленій и воровства, совершаемыхъ прикащиками и служащими по торговой части. Полиція положительно-де не знала какъ уничтожить этотъ общій порокъ, все болѣе и болѣе развивавшійся, и рѣшила наконецъ дѣйствовать «мягкими средствами». Въ чемъ же однако состояли эти «мягкія средства»? Ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ,

что она сама устроила игорные дома якобы затѣмъ, чтобъ «имѣть возможность наблюдать и контролировать зло». Ну, скажите же по совѣсти, это ли еще не квинтъ-эссенція чисто англійскаго фарисейства?! Но такое «мягкое мѣропріятіе» было черезчуръ уже нагло; со стороны порядочныхъ людей раздались громкіе протесты, такъ что правительство наконецъ сконфузилось и рѣшилось передать свои игорные дома въ руки частныхъ антрепренеровъ.

Мы свернули въ своеобразно красивый переулокъ, спускающійся изъ — подъ каменной арки внизъ къ портовой набережной. Его рѣзные балконы и галереи, бумажные фонари съ фаміліями домовладѣльцевъ и собственниковъ торговыхъ заведеній, длинныя разноцвѣтныя ленты вывѣсокъ, испещренныя символическими знаками, а главное, масса желтогожа народа въ широкополыхъ, коническихъ, соломенныхъ шляпахъ, все это ясно свидѣтельствоваало, что попали мы въ улицу специально китайскую, и только тутъ воочию убѣждаешься насколько, въ самомъ дѣлѣ, велико населеніе города. Европейскую часть, относительно говоря, можно назвать почти безлюдною, тогда какъ въ китайской — народъ кишитъ. Говорятъ, что все населеніе Гонконга простирается до 130.000 человѣкъ, но европейцевъ изъ этого числа не болѣе двухъ тысячъ, около того же придется на различныя національности Азіи, каковы: индусы, малайцы, японцы, арабы и персы, а всю остальную массу составляютъ исключительно сыны Небесной имперіи, изъ коихъ по крайней мѣрѣ двѣ трети народъ все крайнее подозрительный: бѣглецы каторжники, неисправные и потому тоже бѣглецы должники, люди, исключенные за разные проступки изъ состава своихъ общинъ, люди жадные до легкой наживы, фокусники и комедіанты, искатели приключеній, формальные мазурики, разбойники, пираты и тому подобная сволочь. Чѣмъ живуть и промышляютъ всѣ эти отброски, не знаетъ сама англійская администрація, какъ неизвѣстна ей въ точности и численность такихъ гонконгскихъ «гражданъ»; вообще же официальнымъ предлогомъ ихъ пребыванія въ Гонконгѣ считается «портовая работа». Остальную часть китайскаго населенія составляютъ люди болѣе или менѣе честные и порядочные, то-есть купцы, прикащики, ремесленники, отельные и домашніе слуги, паланкинники и чернорабочіе, почти всѣ наперечетъ извѣстные мѣстной полиціи. Что же до женщинъ-китаянокъ, проживающихъ собственно въ городѣ, то это, какъ увѣряютъ насъ, исключительно проститутки.

На улицѣ, гдѣ мы теперь находимся, можно наблюдать чуть не всѣ отправления китайской жизни, начиная отъ утренняго туалета, совершаемаго всенародно. Купля и продажа съ

рукъ идетъ какъ у насъ на Толкучкѣ, только, кажись, еще оживленнѣе. Связки башмаковъ и плетеныхъ сандалій, столбики изъ соломенныхъ шляпъ, пучки вѣровъ, все это продается въ разностъ, вмѣстѣ съ разнымъ сильнымъ платьемъ. Бродячіе портные, башмачники, цирюльники, слесари, точильщики и прочій подобный ремесленный людъ работаетъ тутъ же на улицѣ, среди толпы, удовлетворяя уличному спросу, и нерѣдко вы видите такую сцену, пока цирюльнику приводятъ въ надлежащій порядокъ какому — нибудь китайцу его косу, башмачникъ тутъ же починаетъ его обувь и рядомъ портной кладетъ заплату на снятую имъ кофту; самъ же онъ, чтобы не мѣшкать, закусываетъ съ лотка у разнощика какими — нибудь снѣдами и въ то же время успѣваетъ любоваться на фокусы уличнаго жонглера или выслушивать предсказанія гороскопщика о своей судьбѣ на сегодня. Множество всевозможныхъ продавцовъ съ лотками и бамбуковыми корзинами на коромыслахъ, выкликающія на разные голоса, снуютъ въ толпѣ въ разныя стороны. Въ особенности много продается тутъ всякихъ китайскихъ сластей, бетеля, тамарисковыхъ орѣшковъ, яблоковидныхъ грушъ, въ родѣ ранетъ, банановъ и грецкихъ орѣховъ. Тутъ же впервые увидѣли мы особаго рода ручныя колясочки на двухъ колесахъ, возимыя людьми; одинъ человѣкъ впрягается въ оглобли вмѣсто лошади, а другой подпихиваетъ колясочку сзади, при движеніи въ гору, или присоединяется къ своему переднему товарищу, когда надо задерживать ходъ колесъ при спускѣ. Въ такихъ колясочкахъ катаются преимущественно зажиточные китайцы и англійскіе матросы. Еще замѣтили мы, что человѣкъ со спущенною косою является рѣдкимъ исключеніемъ въ этомъ кипящемъ котлѣ китайской жизни; всѣ кобы подобраны въ шяньюнъ или закручены вокругъ головы діадемой, и это, какъ увѣряютъ, служитъ между китайцами своеобразнымъ выраженіемъ независимости: я, дескать, не слуга, а самъ-себѣ господинъ и уважать никого не желаю. Но мнѣ кажется, что и помимо независимости, чернорабочему должно быть гораздо удобнѣе работать съ подобранною, чѣмъ со спущенною косою. Исключеніе составляютъ одни только паланкинники, у которыхъ коса всегда спущена, такъ какъ носятъ они почти исключительно европейцевъ, и еслибы который изъ нихъ позволилъ себѣ посадить въ паланкинъ англичанина, позабывъ въ ту же минуту спустить свою косу, то, за такой знакъ явнаго невниманія и неуваженія къ просвѣщенному европейцу, былъ бы немедленно вытянутъ имъ по спинѣ хлыстомъ или палкой. Еще замѣчаніе: черныя шелковыя скуфейки, въ какихъ всегда можно видѣть членовъ китайскаго посольства въ Петербургѣ, здѣсь почти не по-

сятся, за исключеніемъ развѣ немногихъ купцовъ и прикащиковъ (впрочемъ, быть-можетъ, это есть принадлежность болѣе сѣвернаго наряда). Кушцы болѣею частью носятъ сѣрыя поярковыя шляпы и котелки европейскаго фасона, а прислуга ходить и вовсе безъ головныхъ уборовъ, прикрывая темя отъ солнца развѣ только вѣтромъ или какимъ-то широкимъ листомъ въ родѣ лопуха и, что замѣчательно, въ то время какъ у европейцевъ послѣдствіемъ малѣйшей въ этомъ отношеніи неосторожности зачастую является солнечный ударъ, привычныя къ своему солнцу китайцы могутъ ходить съ непокрытою головою сколько имъ угодно, не испытывая отъ того никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но портовые грузовики и паланкинщики, которымъ приходится подолгу и ужъ именно «въ потѣ лица» работать на солнцѣ, носятъ всѣ безъ исключенія очень широкополыя коническія шляпы изъ бамбуковой или соломенной плетенки, доставляющей имъ болѣе тѣни во время работы.

На этой же самой улицѣ можно было видѣть до чего простирается у китайцевъ страсть къ азартнымъ играмъ всякаго рода: въ кости, въ орлянку, въ четъ и нечетъ, въ угадку количества зажатыхъ въ ладони чоховъ и т. п. Играютъ на ходу, и стоя, и сидя на корточкахъ, то по-двое, то цѣлыми кучками, играютъ и старый и малый, въ буквальный смыслъ, потому что за игрой вы встрѣчаете здѣсь дряхлыхъ, трясущихся отъ опіума старикашекъ и маленькихъ мальчиковъ лѣтъ семи, восьми, а въ промежутокъ между сими двумя крайностями предаются игрѣ рѣшительно всѣ возрасты, и преимущественно распространена уличная игра между чернорабочими, которые доходятъ до такого азарта, что нерѣдко проигрываютъ съ себя послѣднюю кофту и остаются совершенно голыми. Ходячія лотереи также собираютъ не малую ленту со страсти къ выигрышамъ. Мы видѣли тутъ два рода этихъ лотерей: одинъ, въ видѣ разныхъ грошевыхъ бездѣлушекъ европейскаго издѣлія, помѣщаются сполна на разномъ лоткѣ промышленника; другія болѣе разнообразныя, возятся людскою силою на небольшой платформѣ на колесахъ, при двухъ или трехъ промышленникахъ, которые о своемъ приближеніи возвѣщаютъ уличной публикѣ ударами въ гонгъ или бубны. Въ этихъ послѣднихъ лотереяхъ разыгрывается всякая всячина до сладкихъ пирожковъ включительно, а для приманки выставлено нѣсколько блестящихъ европейскихъ вещейъ, въ родѣ мельхиоровыхъ подсвѣчниковъ и портсигаровъ, хрустальныхъ вазочекъ и флаконовъ, золоченыхъ запонокъ, браслетовъ, карманныхъ часовъ и т. п. У лоточныхъ разнощиковъ играютъ на кости, которые носятъ въ стаканѣ, а у развозныхъ лотерейщиковъ имѣется какой-то инструментъ

въ родѣ рулетки, гдѣ судьбу выигрыша или проигрыша рѣшаетъ катящийся по кругу коstitialной шарикъ. Промыселъ этотъ долженъ быть необычайно выгоденъ, потому что чуть только появляется гдѣ лотерейщикъ, толпа тотчасъ же окружаетъ его, сначала съ цѣлю поглазѣть, а затѣмъ мало-по-малу увлекается и пристаётъ къ числу играющихъ. Иногда къ такому сборищу подойдетъ и полицейскій, но ловкій лотерейщикъ тотчасъ, съ видомъ знакомаго человѣка, дѣлаетъ ему выразительный shake-hands,—и ублаженный блюститель общественнаго порядка отходитъ прочь, какъ бы ничего не замѣчая. Лотереи собственно здѣсь не запрещены, но полицейскимъ платится за то, чтобъ они не разгоняли толпу игроковъ, часто мѣшающихъ свободѣ уличнаго движенія.

Вся западная часть города заселена почти исключительно китайскимъ людемъ темныхъ и сомнительныхъ профессій да портовыми чернорабочими; хорошіе же ремесленники, какъ портные, сапожники, и прочіе, работающіе на европейцевъ и имѣющіе свои собственныя мастерскія, помѣщаются въ другомъ концѣ города, преимущественно въ улицѣ Вонъ-Ной-Шонгъ, что значитъ «счастливая долина». Это всѣ люди солидные, добросовѣстные, хорошіе мастера и не имѣютъ ничего общаго съ Талъ-Пинъ-Шаномъ, кромѣ быть-можетъ нѣкоторой страсти къ игрѣ (да и то далеко не всѣ), которой если когда и предаются, то подъ большимъ секретомъ—никогнито и ночью.

Вернувшись изъ китайской части города, заходимъ въ магазинъ нашего консула, г. Реймерса, гдѣ, по обыкновенію большихъ магазиновъ всѣхъ европейскихъ колоній, *все есть* чего бы вы ни спросили. Здѣсь приобрѣли мы нѣсколько гонконгскихъ видовъ, но нельзя сказать, чтобъ особенно дешево (по $\frac{1}{2}$ доллара штука), а типы и того дороже. Это заставило насъ идти къ фотографу-китайцу, онъ же и живописецъ, въ надеждѣ добыть себѣ типы подешевле. Мастерская китайскаго фотографа помѣщается на четвертомъ этажѣ одного большаго дома въ улицѣ Королевы. Вести туда узкая деревянная лѣстница, какъ нельзя удобнѣе приспособленная къ тому, чтобъ посѣтитель могъ на ней ломать себѣ и ноги, и шею,—до того она крута. Поднявшись по ней до самаго верха, мы чуть не уткнулись головою въ опущенный деревянный люкъ какъ на чердакахъ и принялись стучать въ него палками, чтобы намъ отворили. Стукъ былъ услышанъ и деревянная крышка поднялась надъ нами. Входимъ. Полутемная прихожая; тутъ же за перегородкой кухня и семейный покой. Слѣдующая затѣмъ комната—мастерская художниковъ. По стѣнамъ безъ симметріи и порядка развѣшаны фотографіи, гуашь, акварели и масляное писанье: виды

Гонконга, портреты матросовъ, китайскихъ купцовъ, англійскихъ негоціантовъ, какихъ-то дамъ и кораблей разныхъ флотовъ. Нѣсколько мастеровъ и учениковъ сидятъ за пюпитрами и рисуютъ: одни предъ окнами тыкаютъ остренькимъ пинзелькомъ въ негативы, исправляя ихъ погрѣшности, другіе раскрашиваютъ портреты яркими китайскими и умѣренными европейскими красками (это смотря по желанію заказчика), третьи живописуютъ гонконгскіе виды. Меня въ особенности заинтересовалъ европейскій пріемъ или пошпѣй китайскихъ художниковъ въ живописи. Нѣкоторые изъ показанныхъ намъ видовъ и портретовъ были писаны совершенно европейскою манерой; другіе же, какъ напримѣръ, морскіе виды и портреты кораблей — смѣсь европейскаго пошпа съ китайскими, воздухъ и вода по-европейски, волно, широко, перспективно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сочно, а паруса и въ особенности корабельныя снасти совсѣмъ по-китайски, по линейкѣ и даже съ такими подробностями, которыя въ натурѣ хотя и существуютъ, но съ разстоянія не могутъ быть видимы простымъ глазомъ. Третья манера — въ портретной живописи, совсѣмъ уже китайская (пунктиръ и самый мелкій, тончайшій штришекъ), но съ сохраненіемъ удивительнаго сходства. Эта манера прилагается къ перерисовкѣ портретовъ въ уменьшенномъ или увеличенномъ размѣрѣ, причѣмъ какъ рисунокъ оригинала, такъ и полотно или картонъ копій разбиваются карандашомъ по линейкѣ въ клѣтку, на равное число квадратныхъ и каждая часть лица, заключенная въ извѣстномъ квадратикѣ на оригиналѣ, срисовывается въ соотвѣтствующемъ квадратикѣ въ копіи. Впрочемъ, пріемъ этотъ небезызвѣстенъ и европейскимъ копистамъ. Но тутъ въ особенности замѣчательна отдѣлка въ иллюминированіи копій столь нѣжными штрихами, что портретъ масляной живописи по своей глянцевитой гладкости и вѣжности тоновъ на взглядъ дѣлаетъ впечатлѣніе акварели на слоновой кости. Словомъ, китайскіе художники, судя по тому, что я видѣлъ, умѣютъ угодить на всякій вкусъ, смотря по желанію заказчика, и убѣжденіе, господствующее пока еще въ Европѣ, будто они совсѣмъ не знаютъ ни перспективы, ни естественности красочныхъ и свѣтовыхъ тоновъ и вообще не умѣютъ работать иначе какъ «по-китайски» — совершенно ошибочно: имъ знакомы въ достаточной степени и европейскіе пріемы въ живописи. Да и въ одной ли живописи! Въ нашемъ гостиничномъ номерѣ, напримѣръ, нашли мы настольную вазочку изъ матоваго голубаго стекла съ полурельефнымъ рисункомъ на ней букета и съ золочеными пуговками. На взглядъ я бы не задумавшись сказалъ, что это богемская или французская, во всякомъ случаѣ

европейская работа; но по штемпелю на исподѣ донца она оказалась китайскою, и совершенство поддѣлки таково, что едва ли вы отличите ее отъ оригинала; напротивъ, она исполнена какъ будто еще чище и тщательнѣе, съ добросовѣстною китайскою кропотливостію. Точно такимъ же образомъ они имитируютъ и многія европейскія вещи, если видятъ въ томъ для себя нужду, не исключая даже, какъ говорятъ, и скорострѣльныхъ ружей Генри Мартини и Ремингтона и револьверовъ Смитъ и Вессона. Толкуйте послѣ этого о неподвижности и неспособности китайцевъ къ чему бы то ни было кромѣ своей, вѣками выработанной да на томъ однажды и застывшей «китайщины». Эта «китайщина» сама по себѣ есть цѣлый міръ, въ своемъ родѣ совершенный, достигшій по своему высокой степени развитія и цивилизаціи. Худа ли она, хороша ли, нравится намъ или не нравится, — это другой вопросъ, но она есть и съ нею еще быть — можетъ придется считаться Европѣ. Этотъ китайскій міръ, прожившій нѣсколько исторически достовѣрныхъ тысячелѣтій своею собственною жизнью, пожалуй и имѣетъ нѣкоторое основаніе смотрѣть съ недовѣріемъ на такую, сравнительно молодую цивилизацію, какъ европейская, съ ея конституціями, революціями, социализмами, нигилизмами и прочимъ. «То, что у васъ нерѣдко является какъ новость, какъ послѣднее слово науки», говорятъ европейцамъ китайцы, «для насъ давно уже не новость, и мы, въ нашихъ старыхъ книгахъ и лѣтописяхъ, открываемъ свидѣтельства о такихъ идеальныхъ и общественныхъ движеніяхъ и даже о такихъ изобрѣтеніяхъ, подобіе которымъ у васъ появилось только сегодня, а у насъ они уже нѣсколько вѣковъ назадъ оставлены за ненадобностію и позабыты». Китаецъ ничему не удивляется, и это одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ каждаго образованнаго, по-своему, китайца.

Народъ въ высшей степени способный, трудолюбивый и, позволю себѣ сказать, по своему весьма интеллигентный: въ этомъ съ перваго взгляда убѣждаютъ васъ его мануфактурныя издѣлія, его постройки, его искусство, его умѣнье жить по своему, оригинально, но вполне удобно (я говорю, разумеется, не о гонконгскихъ подонкахъ), его приличныя манеры, его умѣнье держать себя съ достоинствомъ и самоуваженіемъ. Правда, говорятъ что жестокость, вѣроломство и узкій утилитаризмъ составляютъ также существенныя черты національнаго китайскаго характера, но я и не считаю его за совершенство. Мнѣ кажется только, судя опять-таки по тому, что я успѣлъ пока еще видѣть, — хотя это и очень немного, — мнѣ кажется, такъ-называемый «китайскій застой» въ дѣйствительности чуть ли не принадлежитъ къ числу европейскихъ заблужденій. Правда, китайцы

не перенимаютъ у европейцевъ зря всего безъ разбору; но, напримѣръ, китайскіе пароходы съ китайскими же шкиперами и матросами уже бороздятъ воды Желтыхъ морей и Тихаго океана, китайскіе арсеналы въ Гиринѣ, какъ слышно, уже выдѣлываютъ скорострѣльные ружья новѣйшихъ системъ и строятъ броненосныя паровыя лодки для плаванія по рѣкѣ Сунгари. Круппъ и Армстронгъ снабжаютъ пушками ихъ суда и блиндированныя батареи, англичане строятъ имъ по заказу чрезвычайно удобныя, примѣненныя къ мѣстнымъ условіямъ канонерки, нѣмецкіе инженеры укрѣпляютъ имъ нѣкоторые порты и стратегическія позиціи, а прусскіе инструкторы съ успѣхомъ обучаютъ регулярному строю часть арміи Ли-Хунъ-Чана. Все это китайцы понимаютъ отлично и заводятъ у себя даже съ особеннымъ удовольствіемъ; въ этомъ отношеніи у нихъ что-то не видится «застоя», и мнѣ кажется что съ результатами такого рода переимчивости Европѣ придется рано или поздно считаться серьезнымъ образомъ.

Мы опять отправились по китайскимъ лавкамъ и—слабъ человекъ!—не удержался я отъ соблазна и накопилъ нѣсколько вещей, съ утилитарной точки зрѣнія пожалуй и бесполезныхъ, но милыхъ, красивыхъ, характерно-изящныхъ и при всемъ этомъ, не дорого, сравнительно съ цѣнами на нихъ въ Европѣ.

Весь день сегодня стоитъ переменчивая погода. Небо какъ-то кукуется: то проглянетъ изъ-за тучъ блѣдное солнце, то опять вдругъ припуститъ крупный дождь; черезъ пять минутъ онъ проходитъ, а еще пять минутъ спустя—на улицахъ уже сухо и солнечный зной даетъ себя чувствовать даже и сквозь облачную завѣсу. Вѣтеръ на сей разъ оказался тоже очень капризнымъ: то совсѣмъ затихнетъ, то вдругъ налетаетъ неистовыми порывами и притомъ въ разныхъ направленіяхъ. Облака тоже то поднимаются вверхъ и на нѣсколько мгновеній почти совсѣмъ исчезаютъ съ неба, группируясь въ массивныя тучи лишь на окраинахъ горизонта, то вдругъ опять, откуда ни возмись, насаждаютъ на горы, кутаютъ собою ихъ вершины и опускаются все ниже и ниже, до уровня воды, чтобы черезъ нѣсколько минутъ спустя разразиться новымъ ливнемъ. Грозы хотя и нѣтъ, но совокупность всѣхъ этихъ атмосферическихъ явленій не предвѣщаетъ ничего хорошаго, и здѣшніе купцы-китайцы, опасливо глядя на небо, съ озабоченнымъ видомъ говорили намъ въ лавкахъ, что гдѣ-нибудь по близости навѣрное «тайфунъ гуляетъ», что это либо его отголоски, такъ сказать, окраины его вращательно-поступательнаго круга, либо его предвѣстники. Сегодня же въ мѣстной газетѣ напечатано особое официальное извѣщеніе о проявившихся признакахъ тайфуна и

что въ случаѣ несомнѣнной опасности, населеніе будетъ извѣщено о приближеніи циклона, во-первыхъ, пушечными выстрѣлами и, во-вторыхъ, чернымъ сигналомъ на семафорной мачтѣ. Не скажу чтобъ особенно пріятно было готовиться къ выходу въ море при такихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ.

Къ вечеру вѣтеръ усилился еще болѣе, такъ что когда я, пожелавъ отравить на «Шей-Хо» купленные мною вещи, послалъ на приставъ нанять сампангъ, то ни одинъ перевозчикъ не взялся доставить ихъ на пароходъ, отговариваясь тѣмъ что опасно, неравно и лодка опрокинется. Къ одиннадцати часамъ вечера порывы вѣтра достигли наконецъ такой силы, что въ ихъ ревѣ развѣ очень опытное ухо не признало бы силы урагана, тѣмъ болѣе что шквалы налетали съ разныхъ сторонъ, то съ юго-востока, то съ запада. Порой казалось будто отъ этихъ неистовыхъ налетовъ дрожать самыя стѣны нашего дома, фундаментальность коего, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалась обратно пропорціональна его высотѣ: чѣмъ выше, тѣмъ стѣны его становились съ каждымъ этажемъ все тоньше, такъ что въ нашемъ третьемъ этажѣ ширина ихъ была не болѣе одного фута и, сдается мнѣ, чуть ли онѣ были не глиняныя на бамбуковомъ каркасѣ, но изнутри и снаружи оштукатурены, для болѣе солиднаго вида.

Подъ завыванье и свистъ этого вѣтра легли мы спать вскорѣ послѣ того, какъ въ портѣ раздался выстрѣлъ заревой пушки, стрѣляющей ровно въ девять часовъ вечера, причѣмъ на гауптвахтѣ и въ казармахъ рожки начинаютъ трубить зарю. Въ половинѣ десятаго часа трубится новый сигналъ и затѣмъ еще одинъ подается для чего-то въ десять; утрення же заря трубится въ шестомъ часу, на разсвѣтѣ; такъ было въ оба эти дни въ Гонконгѣ, изъ чего можно заключить, что по англійскому воинскому уставу это есть, вѣроятно, обычное правило.

Нашъ адмиралъ обѣдалъ въ этотъ день у мѣстнаго губернатора, а насъ всѣхъ хотя и приглашали на обѣдъ къ нашему коммерческому консулу, но мы съ В. С. Кудринимъ предпочли собственный «кейфъ» необходимости облекаться въ такую духоту во фраки и, отговорясь нездоровьемъ, сочли за лучшее пообѣдать у себя въ гостиницѣ, несмотря даже на всѣ ядовитости ея кухни.

Подъ несмолкаемый ревъ бури, около полуночи мы наконецъ заснули.

XVI.

Отъ Гонконга до Шанхая.

Зловѣщее утро. — Маленькія лодочки. — Корпорация гонконгскихъ перевозчиковъ. — Несостоявшаяся ожиданія тайфуна. — Восточный выходъ съ гонконгскаго рейда. — Туманъ и качка. — Берега Сватоу. — Формозскій проливъ и выходъ изъ тропическихъ широтъ. — Игра фосфорическаго свѣченія моря. — Скудный день. — Устья Янь-цзы-Кланга и Вуаунга. — Низменность береговъ. — Грязнѣйшая въ мірѣ рѣка. — Мѣстечко Вуаунгъ. — Китайскіе форты. — Мы покидаемъ экспромтомъ „Пей-Хо“. — Береговыя плотины. — Военныя джонки. — Встрѣча съ соотечественниками. — Расположеніе Шанхая. — «Городъ дворцовъ» и видъ его съ рейда. — Опійные склады подъ прикрытіемъ англійскаго военнаго флага. — Непрошенныя услуги. — Теорія «самопомощи» на практикѣ. — «Hôtel des Colonies».

Съ вечера еще было сказано, что «Пей-Хо» уходитъ съ рейда въ семь часовъ утра. Поэтому мы поднялись въ пять. Солнце еще было за горизонтомъ, но зловѣще багровый отблескъ его лучей уже окрашивалъ окраины тяжелыхъ тучъ на востокъ. Горы курились облаками еще болѣе чѣмъ вчера, словно онѣ были усыяны маленькими кратерами, изъ коихъ каждый испускалъ свое облако сѣраго дыма. Вѣтеръ сталъ значительно тише, но далеко еще не уюмонился, и порывы его порой, хотя и рѣже, а все еще напоминали вчерашнюю полночную силу.

Отъ пристани до «Пей-Хо» надо было переплыть разстояніе около версты и можно было опасаться, что при значительномъ волненіи двѣ дѣвочки-китайки — одна 13, другая 14 лѣтъ, заправлявшія нашимъ сампангомъ, не выгребутъ, но ничего — справились какъ нельзя лучше. А трудность увеличивалась еще тѣмъ, что закупоренный ящикъ съ моими вещами не, установившійся на двѣ лодки, пришлось поставить на носу, на полуалубѣ: отягощая носъ, этотъ лишній грузъ долженъ былъ затруднять и все управленіе лодкой, тѣмъ не менѣе наши маленькія лодочницы такимъ наметаннымъ глазомъ всегда умѣли заранѣе разсчитать ударъ идущей волны и такъ ловко поставить въ разрѣзъ ей носъ сампанга, что оставалось только удивляться ихъ замѣчательному умѣнью и хладнокровію, каковыя вырабатываются, конечно, только опытомъ и привычкой къ морю еще съ колыбели, — а колыбелью для нихъ, безъ сомнѣнія, была та же самая лодка. Мы были стали требовать на пристани, чтобы намъ дали взрослыхъ гребцовъ, какъ болѣе надежныхъ, но оказалось — нельзя: очередь; а противъ закона очереди, установленнаго самими лодочниками и строго ими соблюдаемаго, ничего не подѣлаешь. Очередь была за лодкой двухъ дѣвочекъ-сиротокъ (у нихъ недавно умеръ отецъ), и этого права уже никто не смѣлъ перебить у нихъ. По отцу, онѣ прина-

длежали къ корпорации лодочниковъ содержащихъ перевозъ на главной городской пристани у Прайя Педаръ ¹⁾, что противъ часовой башни, и по смерти его унаследовали, вмѣстѣ съ сампангомъ, всѣ его права, какъ члена данной корпорации. Каждая пристань имѣетъ здѣсь свою особую артель перевозчиковъ, со своими уставами и правилами выработанными самостоятельно, внѣ участія правительственной администраціи, которая вѣдаетъ только число лодокъ и перевозчиковъ каждой пристани и устанавливаетъ для нихъ извѣстную таксу за конецъ до разныхъ опредѣленныхъ пунктовъ. Но сверхъ этихъ, такъ-сказать, штатныхъ перевозчиковъ въ Гонконгѣ, по словамъ Томсона, находится болѣе тридцати тысячъ семействъ живущихъ въ своихъ сампангахъ и существующихъ рыбною ловлей или перевозкою службой при корабляхъ стоящихъ на рейдѣ.

Мы поблагодарили нашихъ смѣлыхъ лодочницъ надбавкой сверхъ положенной таксы, чѣмъ онѣ остались чрезвычайно довольны и проводили насъ на бортъ поклонами и свѣтлыми улыбками, съ присовокупленіемъ какихъ-то добрыхъ напутствій и пожеланій по-китайски.

Капитанъ нашъ оказался «любителемъ» тайфуна. Когда его спросили не рисковано ли пускаться въ море въ такую погоду, онъ отвѣчалъ:

— Ничего. Я даже буду радъ. Мнѣ еще не доводилось видѣть настоящій ураганъ въ Желтыхъ моряхъ, и было бы любопытно сравнить, таковъ ли онъ какъ въ Океанѣ. Конечно, — прибавилъ онъ: — очень можетъ быть, что потеряю одного, двухъ матросовъ, но что жъ изъ того? Судно, надѣюсь, выдержитъ.

— Все равно умирать-то: во гробѣ плотски, или въ морѣ по-флотски. — пошутилъ при этомъ А. П. Новосильскій. — Тайфунъ-то, — обратился онъ ко мнѣ, — это будетъ почище всякаго вашего сухопутнаго сраженія.

— А что такъ? — отозвался я.

— А то, что тамъ противъ васъ люди, а у людей нервы, и болѣе восемнадцати часовъ сряду никакой вашъ бой безъ перерыва продолжаться не можетъ, потому что никакіе нервы большаго напряженія не выдержатъ безъ отдыха. А тутъ извольте-ка бороться со стихійными силами у которыхъ нервовъ нѣтъ и которыя могутъ трепать васъ нѣсколько сутокъ сряду, безъ передышки.

— Главное — качаться, вотъ что скверно; съ сухопутной точки зрѣнія — путя замѣтилъ М. А. Поджіо.

— Помиритесь на томъ, что и то и другое скверно, — предложилъ я: — и сухопутный бой,

¹⁾ Прайя — набережная, португальское слово, получившее право гражданства на всемъ крайнемъ Востокѣ.

и бой съ тайфуномъ; «оба лучше», какъ говорятъ.

— А вотъ увидите, тогда и судить будете, — не согласился со мной Новосильскій.

По этому поводу, между прочимъ, припомнили страшный тайфунъ 1874 года, когда въ одномъ Гонконгѣ погибло до шести тысячъ человѣкъ: сила вѣтра была такъ велика, что португальскій корветъ, стоявшій на рейдѣ Макао, выбросило волнами на берегъ и протащило по землѣ болѣе двухъ верстъ, пока наконецъ не очутился онъ на боку среди рисоваго поля. Желѣзные крыши летали тогда по воздуху какъ легкіе листки бумаги, а что погибло туземныхъ судовъ, джонокъ и сампанговъ, такъ и не считано; извѣстно только, что обломками ихъ были усѣяны берега страны на громадномъ протяженіи.

Во время нашего разговора, капитану «Пей-Хо» доставили съ берега бюллетень, нарочно присланный начальникомъ надъ портомъ. Бюллетень содержалъ въ себѣ полученную часть назадъ телеграмму изъ Маниллы о томъ, что надъ этимъ городомъ пронесся вчера тайфунъ съ ужасающею силой.

— Ну, если пронесся, стало-быть намъ онъ больше не угрожаетъ, — порѣшилъ капитанъ и отдалъ приказъ сниматься съ якоря.

Направились мы восточнымъ проходомъ на Тотонгскій фарватеръ мимо шхеристыхъ острововъ и камней, одинъ изъ которыхъ, по имени Келлетъ, укрѣпленъ батареей на два орудія, долженствующія дѣйствовать съ барбетовъ черезъ банкъ. Говорю *долженствующія* потому, что самыхъ орудій здѣсь пока не имѣется. Въ проходѣ «Пей-Хо» ткнулся было въ песокъ, но поправился и, что называется, «молодецки» прошелъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега. Случилось это неподалеку отъ каменоломни и маленькой кумирни, прислонившейся на берегу къ дикому сѣрому камню весьма почтенныхъ размѣровъ. Въ это же время густой туманъ спустился къ водѣ и скрылъ отъ насъ и рейдъ, и городъ, и весь пикъ Викторіи.

Въ открытомъ морѣ было тоже туманно и шла громадная зыбь, заставлявшая насъ испытывать одновременно бортовую и килевую качку. Размахи судна порой были такъ сильны, что въ буфетѣ втораго класса разбилась плохо закрѣпленная столовая посуда. Къ вечеру небо прояснилось, и хотя качка еще продолжалась, но погода стала уже тихою. Теперь качало только на мертвой зыби, да и та мало-по-малу улеглась.

Предъ закатомъ солнца, влѣво отъ насъ открылась картина береговъ Сватоу. То были перспективы возвышенностей и горъ, уходящихъ параллельными грядами внутрь страны все выше и выше, и на каждой грядѣ лежали свои особые воздушные краски и тоны, которые чѣмъ дальше тѣмъ становились все легче и какъ бы прозрачнѣе. На одной изъ берего-

выхъ высотъ торчала стройная колонна маяка, озаренная съ одной стороны румянцемъ заката.

Приближаемся къ Формозскому проливу, соединяющему Южно-Желтое море съ Восточнымъ-Желтымъ.

20-го августа.

Сегодня совсѣмъ заштило и зыбь почти улеглась. На разсвѣтѣ вступили въ Формозскій проливъ и пересѣкли тропикъ Рака. Вправо виденъ архипелагъ Пескадорскихъ (Рыбачьихъ) острововъ шхеристаго характера, а за ними, въ серебристомъ туманѣ, голубѣющихъ высокія горы Формозы.

Сегодня первый день, что можно дышать; на палубѣ не жарко, а порой даже слегка прохладно. Слава Богу, наконецъ-то вышли изъ этой ужасной тропической духоты!..

Вечеромъ всѣ мы долго любовались удивительною игрой фосфорическаго свѣченія воды, которая какъ бы горѣла за кормой голубовато-зеленымъ огнемъ въ молочно-бѣлой полосѣ пѣны, взбудораженной вѣтромъ. Это свѣченіе передивалось игрою опаловыхъ тоновъ на изломахъ ближайшихъ къ намъ волнъ и сверкало яркими искрами на всемъ пространствѣ моря болѣе мили въ окружности. За все наше плаваніе, сегодня только впервые достигло явленіе это такой выразительной силы и яркости. Говорятъ, что послѣ тайфуна и вообще большаго волненія, оно всегда бываетъ сильнѣе, чѣмъ послѣ нѣсколькихъ сутокъ штилевой погоды.

21-го августа.

Полный штиль и ни малѣйшей зыби. Одинъ изъ самыхъ скучныхъ дней, такъ какъ ни береговъ не видно, ни встрѣчныхъ судовъ не попалось. Мы уже въ Восточномъ Желтомъ морѣ, и морская скука опять начинаетъ оказывать свое вліяніе на пассажировъ. Положительно она въ состояніи портить людскіе характеры: тѣ же самые люди, которые на берегу полны доброты и любезности, здѣсь, подъ гнетомъ этой монотонной скуки, какъ-то уходятъ сами въ себя, угрюмо молчатъ и либо злятся въ душѣ безпричинною злостью, либо предаются полной апатіи. Такіе часы надо просто вычеркнуть изъ своей жизни. Спать самое лучшее, и блаженъ кто можетъ!..

22-го августа.

Ночью шли мимо острововъ Чусанъ и Тайшанъ, а предъ разсвѣтомъ прошли между архипелагомъ небольшихъ островковъ, носящихъ общее имя Чин-Санъ. Въ шесть часовъ утра вступили въ мутно-желтое устье Янцзы-Кіанга и направились вверхъ по устью его праваго рукава, извѣстнаго подъ именемъ Вузунга или рѣки Вонгъ-Пу. Это послѣднее устье, въ нѣсколько миль шириною, изливается между очень низменными и совершенно плоскими берегами, которые на глазъ обоана-

чаются лишь узенькою темною полоской на горизонтѣ, гдѣ мѣстами обозначаются силуэты ничтожной древесной и кустарниковой растительности. Впрочемъ, вслѣдствіе такой низменности, паруса джонокъ и рыбацкихъ сампанговъ, лавировавшихъ около береговъ, казались гораздо болѣе высокими, чѣмъ бываютъ они въ дѣйствительности.

Никогда и нигдѣ еще не видалъ я такой мутной и грязной рѣки, какъ эта. И не мудрено когда подумаешь сколько десятковъ милліоновъ рабочаго люда населяютъ не только берега Янъ-цзы-Кианга, но и поверхность самыхъ водъ его, куда ежедневно, втеченіе по крайней мѣрѣ четырехъ историческихъ тысячелѣтій, эти десятки милліоновъ людей и домашнихъ животныхъ спускаютъ всѣ нечистоты своего обихода, все свое отребье и всѣ отбросы своего стола. А затѣмъ возьмите въ расчетъ всегда подмываемые глинистые берега, подмытые кусты и деревья, перегнившіе камыши, остатки соломы и сѣна, уносимые разливомъ съ прибрежныхъ луговъ, трупы птицъ и животныхъ, и подумайте, что, прежде чѣмъ дойти до устья, все это растворяется и разлагается въ этой теплой водѣ подъ палящимъ солнцемъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ извилистаго течения рѣки, и заражаетъ ее до такой степени, что трупы людей, имѣвшихъ несчастье потонуть въ ней, всплываютъ чрезъ два-три часа уже въ состояніи полного разложенія и черные какъ уголь.

Близъ мѣстечка Вузунгъ пароходъ нашъ остановился за невозможностью пройти рѣчной баръ, ставшій мелководнымъ вслѣдствіе отлива, особенно сильнаго здѣсь въ новолуніе.

Мѣстечко Вузунгъ находится на плоскости лѣваго берега, и съ рѣки почти не видимо за цѣлымъ лѣсомъ китайскихъ матѣ, столпившихся у его пристани. Еслибы не малая калача, да не стѣна каменнаго форта, недавно перестроеннаго китайцами, то мы и совсѣмъ бы его не замѣтили съ пункта нашей остановки. Устье рѣки защищается двумя фортами съ праваго и лѣваго берега, такъ что на лѣвомъ берегу прямо предъ нами имѣетъ мѣсяцевидное очертаніе, а на правомъ — овальное. Но послѣдній былъ слишкомъ далекъ отъ насъ, а что до ближняго, то этотъ на рожкахъ своего полумѣсяца фланкированъ небольшими выступами; на его выгнутомъ фронтѣ, обращенномъ къ рѣкѣ, находятся въ толщѣ каменной стѣны одиннадцать блиндированныхъ амбразуръ, наглухо закрытыхъ деревянными щитами, и крайняя изъ нихъ къ югу обшита снаружки желѣзною броней.

Вскорѣ къ борту «Пей-Хо» присталъ небольшой компанейскій (Messageries Maritimes)

пароходикъ и вдругъ нашъ комиссаръ совершеннымъ экспромптомъ объявляетъ пассажирамъ, чтобы всѣ какъ можно скорѣе пересаживались на этотъ пароходикъ, имѣющій отойти немедленно, такъ какъ неизвѣстно когда въ состояніи будетъ «Пей-Хо» пройти баръ, можетъ-быть сегодня, можетъ-быть завтра, а можетъ и дня черезъ три-четыре, что зависитъ отъ того, насколько и когда подымется въ устьѣ вода. Это распоряженіе застало болѣшую часть пассажировъ совершенно въ располыхъ. Еле-еле успѣвъ захватить съ собою лишь кое-какія нашія вещи, изъ первыхъ попавшихся подъ-руку, мы посигналили покинуть палубу «Пей-Хо», въ грустной надеждѣ получить остальной багажъ Богъ вѣсть когда и какъ. Нѣкоторые, за неожиданною сгѣпшностью отъѣзда, не успѣли захватить съ собою даже перемѣну бѣлы и платья. Пассажиры, почти всѣ безъ исключенія, остались очень недовольны этимъ экспромптомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя было заранѣе предупредить о неизбежно предстоящей задержкѣ, которая, по обыкновенію свойству этой рѣки, должна бы быть хорошо извѣстна и капитану, и комиссару. Но нечего дѣлать, пришлось кое-какъ побросать на дно пароходика свои саки и самими скакать туда же съ трапа. Чрезъ нѣсколько минутъ мы отплыли отъ борта, размѣстивъ въ тѣснотѣ на этой грязно-закопѣлой посудинкѣ, которою управлялъ шкиперъ-китаецъ, и управлялъ, надо отдать справедливость, очень ловко, лавируя между многочисленными судами.

Прошли подъ стѣной вышеописаннаго блиндированнаго форта, который, какъ оказалось теперь, стоитъ за землянымъ валомъ, что тянется непрерывною полосой на нѣсколько миль вдоль лѣваго берега Вузунга, для защиты низменности отъ наводненій. Тотчасъ же вслѣдъ за фортомъ, въ направленіи вверхъ по рѣкѣ, этотъ валъ защищенъ отъ подмывающаго дѣйствія воды еще и деревянною плотиною, да кромѣ того «приспособленъ» и къ артиллерійской оборонѣ. Но что это за приспособленія!.. На протяженіи около версты въ немъ прорѣзано множество открытыхъ амбразуръ (впрочемъ, не вооруженныхъ), одна рядомъ съ другою, и только. Не успѣли мы пройти мимо этой оригинальной батареи, какъ на противуположномъ берегу появилась точно такая же, и тутъ же стояли на якорахъ двѣ военныя джонки, каждая подъ желтымъ одноязычнымъ флагомъ, съ изображеніемъ синяго дракона извергающаго свой огненный языкъ на красное солнце. Джонки эти расписаны яркими красками, между коими преобладаютъ киноварь и зеленая, и вооружены старыми чугунными пушками, по три съ cadaго борта. Суда эти очень неуклюжи, и для военныхъ цѣлей, разумѣется не годятся; но за то художникъ на-

вѣрное остался бы очень доволенъ возможностью нарисовать ихъ въ своемъ альбомѣ. Эти джонки красиво-безобразны, какъ и все, что является плодомъ оригинальной фантазіи китайцевъ.

Вотъ подплываетъ къ намъ навстрѣчу хорошенкій паровой катеръ подъ русскимъ консульскимъ флагомъ. Изъ него пересаживаются къ намъ шанхайскій нашъ консулъ г. Редингъ, и гонконгскій коммерческій вице-консулъ, г. Реймерсъ, успѣвшій какими-то судьбами раньше насъ очутиться въ Шанхаѣ, гдѣ у него есть свои коммерческія дѣла, а вмѣстѣ съ ними прибылъ въ полной парадной формѣ и капитанъ-лейтенантъ Старкъ, командиръ шхуны «Горностай», которая находится на постоянной станціи въ Ханькоу, но теперь нарочно перешла на Шанхайскій рейдъ для встрѣчи нашего адмирала, на случай какихъ-либо особыхъ съ его стороны приказаній. Адмиралъ очень любезно принялъ новоприбывшихъ лицъ, и дальнѣйшій путь до города мы совершили уже вмѣстѣ съ ними.

Шанхай расположенъ на лѣвомъ берегу Ву-зунга въ разстояніи тринадцати миль отъ его устья. На протяженіи этихъ тринадцати миль широкая рѣка извивается въ видѣ латинскаго S; форму этой же буквы, но, конечно, въ значительно меньшемъ размѣрѣ имѣетъ она и въ томъ мѣстѣ, гдѣ растянулся самый городъ съ его частями: американскою, англійскою, французскою и китайскою. Городская набережная, вдоль которой разбитъ бульваръ, занимаетъ протяженіе около семи верстъ; часть ея почти на двѣ сажени приподнята надъ уровнемъ воды и прекрасно облицована каменными плитами. Американскій кварталъ занимаетъ сѣверную часть города и отличается дѣловымъ, рабоче-портовымъ характеромъ: здѣсь находятся доки, верфи, мастерскія, угольные и товарные склады, конторы и пароходныя пристани съ подъемными кранами и лебедками. Здѣсь вѣчно стучатъ молоты и вѣчно воняетъ копотью каменнаго угля и кокса, перегорѣлыми остатками коихъ усыпаны многія улицы и переулки вмѣсто щебенки.

Между американскимъ и англійскимъ участками протекаетъ рѣчка Сушау, облицованная каменною набережною; черезъ нее перекинутъ мостъ, соединяющій оба участка. Къ югу отъ этого моста, вдоль прекрасной набережной, вверхъ по теченію рѣки, начинается «городъ дворцовъ», представляющій, если смотрѣть съ рѣки, картину, не лишенную своего рода грандіозности. Надъ зеленою каймой бульвара высятся длинный рядъ домовъ великановъ въ три, четыре и болѣе этажей, массивной постройки съ тяжелыми колоннами, балюстрадами, аркадами и вышками-бельведерами. Тамъ и самъ надъ этими домами развѣваются консульскіе флаги чуть не всѣхъ государствъ сего міра, съ прибавкой еще и разныхъ компаней-

скихъ флаговъ. Рѣка предъ городомъ имѣетъ до четырехсотъ сажень ширины и устья множество разнообразныхъ судовъ, на которыхъ тоже пестрятъ всякіе флаги и вымпела, и есть между ними нѣсколько военныхъ. Все это издали придаетъ городу праздничный видъ, словно онъ по случаю какого-то торжества весь раздвѣтился флагами.

— Поглядите-ка сюда, вы знаете ли, что это такое?—сказалъ мнѣ А. П. Новосильскій, указывая на нѣсколько разснащенныхъ военныхъ судовъ старинной конструкціи, вытянутыхъ въ линію на рѣкѣ предъ англійскимъ кварталомъ. На ихъ верхнихъ палубахъ были построены деревянные бараки, что-то въ родѣ складочныхъ магазиновъ подъ двускатными кровлями.

— Это англійскіе опійные склады,—пояснилъ Новосильскій.—Откуда-то вотъ и идетъ въ Китай главная отравы. Устроить ихъ на берегу англичане не смѣютъ, боятся какъ бы народъ въ одинъ прекрасный день не разнесъ все это въ прахъ, и держатъ свои запасы подальше отъ берега въ этихъ садкахъ. Такъ-то безопасно. А чтобъ и совсѣмъ было спокойно такъ, вотъ видите, позади ихъ этотъ военный корветъ? Посмотрите какъ гордо развѣвается на немъ англійскій военный флагъ! Онъ здѣсь находится постоянно для охраны этихъ складовъ, и чуть что, пушки его не задумаются. Это его специальное назначеніе. Съ невольнымъ чувствомъ нѣкотораго презрѣнія взглянулъ я на этотъ бѣлый военный флагъ, столь гордо прикрывающій собою самую позорную отрасль англійской торговли.

Едва подошли мы къ одной изъ пристаней, какъ цѣлая стая какихъ-то оборванцевъ куліевъ словно на штурмъ полѣзла къ намъ съ гамомъ, шумомъ черезъ бортъ, и всю гурьбой суетливо накинудась на пассажирскія вещи. Каждый изъ нихъ спѣшилъ только нахватать себѣ побольше всякихъ вещей, не разбирая одному ли хозяину принадлежатъ онѣ, и затѣмъ торопился съ набранною кладью выскочить черезъ бортъ обратно на пристань и бѣжалъ далѣе къ набережной. Такое усердное растаскиваніе было небезопасно тѣмъ, что нѣкоторыя вещи легко могли и вовсе исчезнуть. Поэтому пришлось вырывать ихъ изъ рукъ нѣсколькихъ человекъ и защищать свое добро палкой, прежде чѣмъ явилась возможность сдать его настоящимъ нумерованнымъ носильщикамъ. Въ этомъ отношеніи здѣсь, какъ видно, практикуется теорія «самопомощи», какъ со стороны какихъ-то мазуриковъ, нападающихъ на чужую кладь, такъ и со стороны пассажировъ, защищающихъ ее отъ ихъ непрошеной услужливости. Никакой полиціи на пристани и даже по близости не замѣчалось, и не подоспѣй сюда нумерованные носильщики, многія вещи наши вѣроятно исчезли бы безслѣдно.

Остановились мы въ «Hôtel des Colonies», во французскомъ кварталѣ, куда послѣдили прямо къ завтраку, и экспромптомъ были накормлены похлебкой совершенно тождественною съ лѣнвымищами.

XVII.

Шанхай.

Расположеніе и характеръ города. — Его окрестности. — Цикавейскій кабачекъ. — Какъ кутятъ англійскіе прикащики. — Гулянья на газонѣ. — Американскій участокъ. — Портовые рабочіе. — Обѣдъ въ китайскомъ ресторанѣ. — Древнія стѣны китайскаго города. — Земельные участки. — Отчія могилы и ихъ значеніе для землевладѣльца. — Древности. — Гранитныя бревна и доски и ихъ назначеніе. — Хлопковые плантаціи. — Іезуитская коллегія въ Цикавѣи, ея устройство и дѣятельность. — Католическая пропаганда въ Китаѣ. — Причины народнаго нерасположенія къ миссіонерамъ и китайцамъ-христіанамъ. — Китайская улица въ англійскомъ участкѣ. — Лавки съ предметами буддійскаго культа. — Идоложервенныя ямбы и свѣчи. — Опійныя курильни и курильщики. — Англійскіе проповѣдники въ ихъ борьбѣ съ опиѣмъ.

Продолженіе 22-го августа.

Освѣжась ванной и переодѣвшись въ городской костюмъ, отправились мы послѣ завтрака, первымъ дѣломъ, осматривать городъ. Я уже сказалъ раньше, что городъ, расположенный вдоль лѣваго берега рѣки, въ общемъ очертаніи своемъ слѣдуетъ изъяснить теченія, образу латинское S. Сѣверная часть, или головка этого S, занята америкайскимъ участкомъ; шейку литеры образуетъ англійскій участокъ, а ея толщину и хвостикъ — участокъ французскій, который съ сѣверной, восточной и юго-восточной стороны вплотную охватилъ своими строеніями набережную крѣпостнаго рва, окружающаго старый застѣнный китайскій городъ, нынѣ совершенно уже отгѣсненый Европой отъ берега Вузунга. Этого китайскаго города вы и не увидите, пока не подойдете, чуть не вплотную, къ его древней кирпичной стѣнѣ съ бойницами и стрѣльницами. Такимъ образомъ, на первый взглядъ, посмотрите ли вы съ рейда, пройдете ли вдоль набережной и по прилегающимъ къ ней улицамъ, Шанхай сдѣлаетъ на васъ впечатлѣніе совершенно европейскаго города, гдѣ китайскую фizioномію носить на набережной одно только зданіе государственной таможни, состоящей впрочемъ подъ управленіемъ англійскихъ чиновниковъ сэръ-Роберта Гарга. Все остальное до такой степени Европа, что вамъ даже какъ-то странно встрѣчать на этихъ прекрасно шоассированныхъ, освѣщенныхъ газомъ и монументально обстроенныхъ улицахъ длинноносаго, полуголаго кули и валкаго коммерсанта въ круглыхъ очкахъ и синей курмѣ, лепечущихъ что-то своимъ мягкимъ дѣтскимъ говоромъ на непонятномъ вамъ языкѣ. Здѣсь эта китайщина совсѣмъ даже не кстати, и не

будь ее, рѣшительно ни что не напомнило бы вамъ, что вы въ «Царствѣ Цвѣтовъ» или, иначе, въ «Срединной Небесной Имперіи». Магазины съ зеркальными стеклами въ окнахъ щеголяютъ выставками всевозможныхъ европейскихъ товаровъ и *bijouteries*; тутъ и французскія вина, и гавайскія сигары, а рядомъ въ полномъ блескѣ манчестерскія и лондонскія ткани, и шефилдскія стальные издѣлія, французскій форфоръ и англійскій фаянсъ и богемскій хрусталь; и тутъ же парижскія модистки и куаферы съ ихъ парфюмеріями, и лондонскіе портные, и нѣмецкія *биргалле*, и вѣнскія фотографіи... Затѣмъ банкирскія и комиссіонерскія конторы *en gros*, редакціи мѣстныхъ газетъ, величественные клубы и отели, предъ которыми стоятъ щегольскіе фавтоны и шарабаны, въ ожиданіи выхода своихъ леди и джентльменовъ, чтобы быстро укатить съ ними вдоль набережнаго бульвара... И наконецъ, этотъ рядъ дворцовъ съ массивными подъездами и, нерѣдко, съ прекрасными тропическими палисадниками въ полномъ цвѣту, все это можетъ, пожалуй, заставить васъ отдать полную справедливость зиждательной энергіи англичанъ и соревнующихъ имъ французовъ, успѣвшихъ въ такое, сравнительно, короткое время создать изъ грязнаго, болотистаго Шанхая, настоящую столицу крайняго Востока. Но увы! — эта все та же Европа, уже порядкомъ прискучившая вамъ и у себя дома... А вы, какъ туристъ, ищите совсѣмъ другихъ красокъ и другихъ впечатлѣній... Впрочемъ, не отчаивайтесь: это только наружная, показная сторона Шанхая; въ другихъ, болѣе внутреннихъ улицахъ французскаго и преимущественно англійскаго участковъ, вы встрѣтите и китайскія лавки, и китайскіе рестораны, и уличную китайскую жизнь, которая отлично устраивается рядомъ съ европейскими магазинами, на европейскомъ шоссе, при газовомъ освѣщеніи. Это даже любопытно посматрѣть какимъ образомъ повліяло на китайца столь близкое соприкосновеніе съ европейскою жизнью. Въ силу трактатовъ, англичане съ французами арендовали себѣ у китайскаго правительства на девяносто девять лѣтъ территорію вокругъ застѣннаго Шанхая, а теперь сами же китайцы арендуютъ у нихъ городскія мѣста и земли по клочкамъ и, конечно, за цѣну вдесятеро большую, которая къ тому же съ каждымъ годомъ все возрастаетъ. Но ничего уже не подѣлаешь, какъ ни пеняй на собственную оплошность!.. Китайцы платятъ много и будутъ платить еще больше, и все-таки станутъ брать въ аренду мѣста чуть не съ аукціоннаго боя, ибо такова уже притягательная сила этого универсально-торговаго пункта, созданнаго на ихъ глазахъ изъ ничего «рыжими варварами».

Городъ большой, а развлеченій въ немъ никакихъ! И добро бы жили тутъ одни ан-

гличане; тѣмъ ужъ, какъ говорится, и Богъ велѣлъ быть скучными; но удивительно какъ это французы не завели у себя ни оперы, ни водевиля, ни даже кафе-шантана какого-нибудь. Сидятъ всѣ въ конторахъ, а вечеръ въ клубѣ, и если не сколачиваютъ деньгу, то предаются Бахусу.

Единственнымъ мѣстомъ развлеченія, если не считать скакового поля, является здѣсь кабачекъ въ Цикавеѣ, содержимый какими-то жидо-нѣмками. Цикавея или Ци-ка-вей—это небольшая деревушка въ семи верстахъ отъ города, гдѣ находится іезуитская коллегія, и такъ какъ вечеромъ въ Шанхаѣ дѣваться рѣшительно некуда, то мы предъ сумерками наняли двѣ коляски и поѣхали въ цикавейскій кабачекъ, смотрѣть какъ развлекается шанхайская Европа. Повезли насъ туда не прямою дорогою, а мимо скакового поля и европейскихъ дачъ, гдѣ предъ балконами разныхъ миссъ и мистриссъ гарцовали на задерганныхъ росинантахъ англійскіе прикащики, хотя и старавшіеся изображать изъ себя бравыхъ кавалеристовъ, но никакъ неумѣвшіе справиться со своими оттопыренными и прыгающими локтями. Тутъ же катались въ тильбюри и какіе-то усатые китайцы въ своихъ шелковыхъ кофтахъ, съ вѣерами въ рукахъ.

Цикавейскій кабачекъ помѣщается въ двухъ-этажномъ домѣ съ верандой, выходящею въ небольшой садикъ. Здѣсь къ удовольствію публики предлагаются кегельбанъ и билліарды. Но болѣе всего обратили на себя мое вниманіе двѣ большія гравюры, висящія въ залѣ и изображающія банкеты достопочтенныхъ англійскихъ купцовъ, переодѣтыхъ въ генеральскіе, а иные даже въ гусарскіе мундиры. Я было подумалъ сначала, ужъ не чины ли это пресловутой «арміи спасенія», но оказалось по подписи, что тутъ изображены все историческія лица, портреты дѣйствительныхъ и даже знаменитыхъ адмираловъ и генераловъ Англіи, сподвижниковъ Нельсона, Веллингтона, Кардигана, Раглана, Непира и другихъ; только глядятъ они совершенными купцами: толстые, откормленные, съ двойными подбородками и все безусые, съ одними бакенами, вродѣ Бобчинскаго съ Добчинскимъ, а которые и съ усами, то все-таки видъ у нихъ до такой степени «штатскій», что совѣстно за ихъ мундиры. Такіе упитанные и вышеченные типы биржевыхъ коммерсантовъ вы и сейчасъ можете встрѣтить у насъ на Васильевскомъ островѣ.

На цикавейской верандѣ застали мы цѣлую компанію молодыхъ, налощенныхъ и прилизанныхъ англійскихъ прикащиковъ, съ проборами на затылкахъ и съ подбритыми зачатками бакенбардъ, пущенныхъ какъ двѣ колбаски до нижняго края уха, съ открытыми шеями, нагло выползающими изъ громадныхъ

фокелей, и въ клѣтчатыхъ панталонахъ и жакеткахъ того характернаго покрою, который такъ любятъ молодые снобсы, желающіе порисоваться пластикой своихъ формъ. По волоснымъ затылкамъ и по этой вышеченной упитанности, которая такъ и напрашивается на сравненіе съ розовою телятиной, въ нихъ смѣло можно бы было признать родныхъ сыновъ и внуковъ тѣхъ достопочтенныхъ «генераловъ», что изображены на только-что описанныхъ гравюрахъ. Компанія тѣсно сидѣла за столомъ, на которомъ не стояло ничего кромѣ стакановъ съ шампанскимъ, и была уже какъ говорится «въ подпитіи», о чемъ достаточно свидѣтельствовали побагровѣвшіе затылки и лица. Къ этимъ господамъ поочередно присаживалась та или другая изъ хозяекъ кабачка, стараясь быть какъ можно любезнѣе со своими *habitués*, а одна изъ нихъ болѣе молодѣя и смазливая находилась тутъ даже безотлучно, составляя центръ вниманія, любезностей и тостовъ пріятной компаніи. Прикащики очевидно кутили, но замѣчательно какъ и въ чемъ проявлялись особенности ихъ кутежа.

На полу у рѣшетки, позади ихъ стола стояли ряды раскупоренныхъ и едва початыхъ бутылокъ шампанскаго, а между тѣмъ прислуживающій *бой* то и дѣло приносилъ и откупоривалъ новыя, — откупорить одну, долить изъ нея по нѣскольку капель въ стаканы со-стольниковъ и отставлялъ въ сторону на полъ, какъ негодную больше. Состольники провозгласятъ какой-нибудь тостъ, чокнутся съ дамами, чокнутся между собою, отхлебнутъ глотокъ, а *бой* опять подливаетъ имъ уже изъ новой, только-что откупоренной бутылки. Оказалось, что это дѣлается изъ любезности къ хозяевамъ, для «поддержанія» заведенія, чтобы дать имъ «заработать» и что расплачиваться эти джентльмены будутъ по счету бутылокъ стоящихъ у рѣшетки, куда смысленный *бой* незамѣтно присоединилъ кстати и наши двѣ скромныя бутылки, получивъ за нихъ предварительно что слѣдовало. Скажите на милость, чѣмъ же все это лучше нашихъ «соврасовъ»?.. Слыхалъ я, будто сибирскіе купцы-золотопромышленники играютъ иногда въ кегли, замѣняя деревянныя болванки бутылками шампанскаго, тоже «для поддержанія коммерціи». Развѣ это не въ томъ же родѣ? Россійскіе «саврасы» стало-быть могутъ или утѣшиться, или огорчиться, смотря что кому болѣе «по нраву»: они не единственные въ мірѣ «саврасы», такъ какъ англичане, повидимому, могутъ быть въ этомъ отношеніи достойными ихъ соперниками. Но какія однако бѣшенныя деньги надо получать вмѣсто жалованья, или какъ обворовывать хозяйскую кассу, чтобы позволять себѣ такіа безобразныя траты!...

Я долженъ однако повиниться: оказалось,

что кромѣ цикавейскаго кабачка въ Шанхаѣ есть и еще одно общественное развлеченіе, куда, по возвращеніи изъ Цикавеи, прямо и доставили насъ китайскіе возницы, по собственной своей инициативѣ. Это небольшой скверъ съ прекраснымъ зеленымъ газономъ на мыскѣ, откуда открывается широкій видъ на рейдъ и зарѣчную сторону. Въ центрахъ круглаго газона выстроена легкая открытая ротонда, гдѣ играетъ маленькій хорикъ бродячихъ испанскихъ музыкантовъ, одѣтыхъ для чего-то въ военные костюмы. Сюда собирается по вечерамъ публика изъ англійскаго участка и въ теченіе двухъ часовъ изображаетъ собою нѣчто въ родѣ похоронной процессіи, медленно и молчаливо двигаясь въ одну сторону по кругу. При этомъ для многихъ джентльменовъ домашніе кули выносятъ сюда и ставятъ на газонъ ихъ плетенныя «протягновенныя» кресла, съ какими мы давно уже познакомились на палубѣ «Пей-Хо», и въ этихъ креслахъ сѣро- и бѣло-пиджачные джентльмены въ пробковыхъ шляпахъ покойно лежатъ себѣ съ сигарами въ зубахъ, задрывъ къверху ноги и апатично созерцаютъ блуждающую мимо ихъ похоронную публику. Скука надо всѣмъ этимъ царитъ невообразимая, чисто англійская, какъ и должно, впрочемъ, быть на каждомъ фешенебельномъ, специально англійскомъ собраніи. Были здѣсь, конечно, и голоногія дѣти съ няньками и гувернантками, и прелестныя миссъ съ выраженіемъ застыившаго удивленія въ лицѣ, и не менѣе прелестныя леди съ лошадинымъ оскаломъ, гусиными шеями и большими плоскими ступнями на толстыхъ американскихъ подошвахъ; были даже какія-то англійскія книгоноши въ матросскихъ цыпакахъ и съ буклями вдоль щекъ, совавшія всѣмъ и каждому въ руки какія то душеполезныя брошюры за одинъ пенни. Но, Боже мой, до чего тощи и малокровны эти бѣдныя дѣти! Большинство ихъ просто поражаетъ своею хлѣдостью и болѣзненностью; всѣ онѣ какія-то вялыя, сонныя, дряблыя;—ни дѣтской рѣзвости, ни дѣтскихъ кликовъ, ни игръ и бѣготни, ничего подобнаго, столь присущаго дѣтямъ, не встрѣтилъ я между этими разряженными восковыми куколками. Очевидно здѣшній климатъ не по нутру европейскому ребенку. То же долженъ сказать и относительно большинства европейскихъ женщинъ. Кромѣ того, между ними почти нѣтъ ни одной действительно хорошенькой, тогда какъ среди китайнокъ, при всемъ своеобразіи ихъ типа, мы встрѣтили сегодня нѣсколько очень красивыхъ.

Не дуренъ былъ съ газона видъ рѣки устьянной огнями цвѣтныхъ бумажныхъ фонарей на китайскихъ лодкахъ и отражавшей въ себѣ огни фейерверка, пускаемаго въ видѣ ракетъ, колесъ и римскихъ свѣчъ съ нѣсколькихъ джонокъ.

Остатокъ вечера скоротали у себя дома, за чаемъ, въ номерѣ В. С. Кудрина.

23-го августа:

«Пей-Хо», говорятъ, уже пришелъ, но на рейдѣ его не видно. Ъду въ американскій участокъ розыскивать контору и пристань Messageries Maritimes, гдѣ можно о немъ справиться. Переѣхавъ черезъ мостъ на Сушау, я очутился въ одной изъ чисто китайскихъ улицъ американскаго участка съ лавочно-торговымъ характеромъ. Въ одной лавкѣ продавались бумажные фонари, въ другой зонтики, въ третьей шелковыя кисти, тамъ плетенныя и поярковыя шляпы, тутъ свиные окорока, или восковыя и сальныя свѣчи, здѣсь рѣзныя и точеныя издѣлія, трости, игрушки, модели сампанговъ и джонокъ. Множество почти голыхъ кули таскаютъ на спинахъ и на коромыслахъ тюки разныхъ товаровъ; одни спѣшатъ отъ пристаней къ складочнымъ магазинамъ, другіе отъ магазиновъ къ пристанямъ; съ одной стороны трещать лебедки, съ другой бьютъ по желѣзнымъ листамъ и цилиндрамъ десятки молотовъ въ портовыхъ мастерскихъ; запахъ коксовой гари, пыхтѣнье паровиковъ, грохотъ машинъ, всацескій шумъ и гамъ и человѣческій гомонъ, все говоритъ вамъ, что портовая работа въ полномъ разгарѣ. Какая масса ящиковъ, бочекъ, тюковъ и мѣшковъ, и какое множество голаго рабочаго люда!.. И что это за неутомимый народъ! Подумайте только, цѣлыми часами таскать на спинѣ пятипудовыя тяжести при такой жарѣ, когда намъ тяжело таскать на ногахъ и свою-то собственную особу, а имъ какъ ни почемъ!... Нѣтъ, что хотите, но этотъ желтокожій человѣкъ—страшный конкурентъ европейскому рабочему въ будущемъ и быть можетъ не особенно отдаленномъ. Не даромъ уже Америка отъ него отрешивается.

Извозчикъ подвезъ меня къ пристани у которой стоялъ ошвартовавшійся «Пей-Хо». Контора тутъ-же. Справляюсь о багажѣ, никто ничего не знаетъ. «Ступайте, говорятъ, на пароходъ, можетъ тамъ что-нибудь разыщете». Иду на пароходъ, но и тамъ не лучше. Завѣдующій багажнымъ отдѣленіемъ уѣхалъ въ городъ, а безъ него никто ничего не знаетъ и не имѣетъ права выдать вещи. Можете представить себѣ мою досаду—ѣхалъ ѣхалъ по солонку чортъ знаетъ куда, еле-еле добрался, и все это задаромъ! Полъ дня пропало съ этими хлопотами совершенно напрасно. Но нѣтъ худа безъ добра. Въ то время какъ метръ-дотель на мой вопросъ «что жъ теперь дѣлать?» почтительно совѣтовалъ мнѣ пріѣхать за вещами въ другой разъ, то-есть завтра или послѣ завтра,—случайно вышелъ на палубу одинъ изъ помощниковъ капитана «Пей-Хо», всегда чрезвычайно милый и внимательный къ намъ

человѣкъ. Узнавъ о моемъ затрудненіи, онъ посовѣтовалъ мнѣ лучше ужъ дожидаться багажного теперь, чѣмъ проѣзжаться въ такую даль вторично.

— Но это очень скучно, — возразилъ я. — Ждать неизвѣстно сколько времени, а онъ быть можетъ и до вечера не вернется. И къ тому же я съ утра еще ничего не ѣлъ, я голоденъ.

— Вотъ и прекрасно! — весело воскликнул лейтенантъ. — Это какъ нельзя болѣе кстати, потому что я иду завтракать. Хотите, пойдемте вмѣстѣ, а тѣмъ часомъ можете и багажный вернуться. Вы ничего не имѣете противъ китайской кухни? — спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что совсѣмъ еще не знакомъ съ нею.

— Такъ вотъ прекрасный случай познакомиться, потому что я иду въ китайскій ресторанъ. Какъ любознательному туристу, это должно быть вамъ на руку, — замѣтилъ лейтенантъ. — А ресторанъ, рекомендую, очень хорошій; онъ даже считается здѣсь лучшимъ, и васъ тамъ могутъ накормить, смотря по желанію, и по-европейски, и по-китайски. Тамошніе повара — мастера на всѣ руки и отлично умѣютъ приготовить, какъ вегетину съ горошкомъ, такъ и молочная шенка, гарнированная кошачьими хвостами.

Я невольно разсмѣялся при одномъ представленіи себѣ этого послѣдняго блюда.

— Что вы смѣетесь? Ей-богу правда! Этотъ ресторанъ даже славится своими шенками, — увѣрялъ лейтенантъ. — Но мы съ вами, конечно, не будемъ ихъ пробовать, — продолжалъ онъ, — а отвѣдать какой-нибудь обыкновенной живности, приготовленной по-китайски, это, впрочемъ говорю вамъ, будетъ недурно.

Итакъ, мы отправились на моемъ извозникѣ. Ресторанъ этотъ (къ сожалѣнію, тогда не записалъ, а теперь уже позабылъ его китайское названіе) находится въ американскомъ участкѣ, на углу набережной Вузунга и Суншау, какъ разъ противъ моста. Это двухэтажный деревянный домъ въ полувосточномъ, полукитайскомъ стилѣ, опоясанный рѣзнымъ балкономъ, на который выходятъ широкія сплошныя окна верхняго этажа, замѣняющія собою наружныя стѣны. Внизу помѣщаются лавки, принадлежащія тому же ресторану и, между прочимъ, зеленая и живностная, гдѣ вы сами, если угодно, можете выбрать для себя любую провизію изъ мяса, дичи или рыбы, которую при васъ же отправятъ на кухню. Тутъ же къ услугамъ посѣтителя и винный погребокъ, гдѣ на окнахъ красуются ряды флаконовъ со всевозможными ликерами и брэнди и гдѣ найдете вы все, начиная съ шампанскаго до японской *саки* и китайскаго *ханшима*. Самый ресторанъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ, вмѣстѣ съ чайною. И здѣсь — та же смѣсь китайскаго съ европейскимъ, какъ и въ архитекту-

рѣ самаго аданія: полъ устланъ сплошь очень чистыми бамбуковыми циновками, на стѣнахъ висятъ длинныя пунцовыя свитки съ золотымъ привѣтственными изреченіями и картины, изображающія букеты яркихъ цвѣтовъ, бѣлыхъ журавлей и какихъ-то мифическихъ героевъ, нарисованныхъ клеевыми красками на такихъ-же длинныхъ свиткахъ, только бѣлаго цвѣта. На почетномъ мѣстѣ, съ одной стороны, домашній алтарь съ оловянною курильницей и подсвѣчниками, задрапированный краснымъ сукномъ, по которому вышиты шелками цвѣты и драконы, а съ другой — европейскіе круглыя настѣнные часы. Вдоль стѣнъ — рядъ небольшихъ столиковъ китайскаго рисунка, но на высокихъ ножкахъ, съ мраморными досками, а между ними китайскіе табуреты и плоскіе стулья. Одна сторона комнаты занята длинною буфетною стойкой съ мраморною доской, совершенно какъ у насъ въ какомъ-нибудь Маломъ Ярославцѣ или у Палкина, и эта широкая мраморная доска заставлена множествомъ маленькихъ блюдецъ и фарфоровыхъ чашечекъ съ самыми разнообразными закусками, мариладами, солениями, печеньями, вареньями и сластями. Тутъ же красовались на выставкѣ превосходно зажаренныя куры и фазаны, громадные омары и свиной окорокъ со шкуркой прелестнаго малиноваго цвѣта, а въ видѣ украшенія стояла фарфоровая лохань съ плавающими пучеглазыми золотыми рыбками и вазонъ съ какимъ-то хвойнымъ растеніемъ въ родѣ можжевельника, которое искусственно заставили расти въ видѣ башни китайской пагоды.

Мы спросили себѣ отдѣльную комнату, а пока подошли закусить къ буфету. Я намѣтилъ тамъ одно блюдо, на которомъ лежали какъ показалось мнѣ, отлично зажаренныя снѣжки подъ бешемелью. Послѣ маленькой рюмки джина это оказалась превкусная закуска, такъ что я, разлакомившись, спросилъ себѣ еще одно блюдо.

— А вы знаете что это такое? — съ лукавою улыбкой спросилъ меня мой спутникъ.

— Не знаю что именно, но знаю только, что это прелесть какъ вкусно и такъ хорошо на зубахъ хруститъ, что я съ голоду готовъ уничтожить хоть цѣлую дюжину такихъ блюдецъ.

— Это... Нѣтъ, ужъ лучше не говорить! Наслаждайтесь, оставаясь въ блаженномъ невѣдѣніи, а то пожалуй весь эффектъ испортите. Вообще, — прибавилъ онъ въ видѣ назиданія, — въ китайскихъ ресторанахъ лучше никогда не спрашивать чѣмъ васъ кормятъ, если вы не сами выбрали себѣ хорошо извѣстную вамъ провизію.

Но я настоялъ, чтобъ онъ все-таки объяснилъ мнѣ чего такого я отвѣдалъ.

— Это вяленая саранча, насухо поджарен-

ная съ тертымъ овечьимъ сыромъ. Довольны ли вы этимъ открытіемъ?

— Какъ нельзя болѣе и, знаете ли, еслибы вы предупредили меня заранѣе, я бы, конечно, не сталъ ее ѣсть; но разъ уже фактъ совершенъ, остается только спросить себѣ вторую порцію.

Такимъ образомъ состоялось мое гастрономическое знакомство съ саранчей.

Мы ѣли на этотъ разъ попросту ветчину съ варенымъ разсыпчатымъ картофелемъ, причемъ вмѣсто салфетокъ служили намъ листки мягкой рисовой бумаги. Желая имѣть понятіе о специально китайскомъ обѣдѣ, я съ помощью моего спутника-лейтенанта спросилъ себѣ порціонную карту (здѣсь уже заведено это европейское обыкновеніе). Намъ принесли *тени* сегодняшняго обѣда написанное китайскими знаками на листѣхъ пунцовой бумаги. Но что же съ нимъ дѣлать? Какъ перевести его на удобопонятный языкъ?

— Нѣтъ ничего легче, — отозвался мой спутникъ, — для этого стоитъ только обратиться къ хозяину, который сидитъ за конторкой, онъ прекрасно владѣетъ англійскимъ языкомъ и переведетъ намъ.

— Но я, къ сожалѣнію, не знаю по-англійски.

— О, въ этомъ случаѣ я помогу вамъ своимъ знаніемъ: буду переводить вамъ съ англійскаго на французскій, а вы съ французскаго записывайте у себя въ книжкѣ по-русски. Это процессъ немножко сложный, но все-таки съ помощью его мы доберемся до желаемого.

Любезный хозяинъ съ полною готовностью исполнилъ нашу просьбу, и, вздѣвъ на нозь круглыя очки въ черепахой оправѣ, методическимъ тономъ сталъ переводить намъ слѣдующее *тени*:

1) Основное блюдо: разварныя жабры молодой акулы, подъ соусомъ изъ протертыхъ омаровъ. Сопровождающія его блюда: голубиныя яйца съ шампиньонами, разварныя куры и ветчина.

2) Основное блюдо: дикія утки съ красною капустой. Сопровождающія: жареная рыба, свинина съ рисомъ.

3) Закуска между блюдами (*entremets*): тушенныя лиліи, салатъ изъ молодыхъ ростковъ бамбука, редиска въ сиропѣ.

4) Основное: морская рыба. Сопровождающія: фазанъ начиненный жареными шампиньонами, домашняя утка подъ сладкимъ соусомъ.

5) Основное: куры жареныя на кунжутномъ маслѣ; сопровождающее: кулики и перепелки со сладкими приправами.

6) Дессертъ.

Какъ видите, здѣсь ни собачины, ни кошатины, ни другого чего въ подобномъ родѣ не имѣется, и, за исключеніемъ акульныхъ

жабръ (о которыхъ, впрочемъ, знатоки весьма хорошаго мнѣнія), всѣ блюда могутъ быть удобосѣдмы и для европейца. Правда, въ такихъ *тени* фигурируютъ иногда филейныя части мускусныхъ крысъ и лапки зеленыхъ лягушекъ, а также садовыя улитки съ чесночною пастой, но двумя послѣдними снѣдими любители не брезгаютъ и въ Европѣ, а въ Италіи этихъ самыхъ улитокъ съ чеснокомъ вы найдете чуть ли не въ каждомъ ресторанѣ. Что касается собачины и щенятинъ, то хозяинъ объяснилъ намъ, что эти деликатесы можно имѣть только на заказъ, но что для любителей существуютъ особые рестораны, которые такъ и называются собачьими, гдѣ всегда обязательно имѣется разварная собачина подъ какимъ угодно соусомъ.

Относительно раздѣленія блюдъ на основныя и сопровождающія, тотъ же любезный хозяинъ пояснилъ намъ, что таковъ уже древній обычай; сопровождающія вносятся и ставятся на столъ вмѣстѣ съ основнымъ въ каждой перемѣнѣ, основное блюдо вы кушаете, а сопровождающими лакомитесь и обычай требуетъ, чтобы при каждомъ основномъ было не менѣе одного сопровождающаго. Подаютъ вамъ ихъ уже заранѣе нарезанными на кусочки и наложенными на блюдца и въ чашечки, а вы только кушайте, не затрудняя себя европейскимъ обычаемъ разрѣзыванія, — зачѣмъ-де брать на себя лишній трудъ, который долженъ лежать на обязанности повара, а не господина! На прощанье онъ очень любезно благодарилъ насъ за посѣщеніе, прося не лишать его и впредь этой высокой чести, такъ какъ у него всегда найдется самый разнообразный выборъ европейскихъ блюдъ, къ услажденію нашего тонкаго вкуса.

Вернувшись на «Пей-Хо», мы нашли уже тамъ возвратившагося багажнаго, и я безъ дальнѣйшихъ затрудненій получилъ мои вещи.

24-го августа.

Сегодня утромъ мы предприняли поѣздку въ Цикавен, чтобы осмотрѣть іезуитскую коллегію и всѣ состоящія при ней учрежденія. На этотъ разъ повезли насъ прямою дорогой, мимо западной стѣны китайскаго города. Стѣна эта представляетъ почтенную древность и такъ какъ о реставраціи ея, повидимому, не заботятся, то отъ этого она кажется еще древнѣе чѣмъ можетъ быть на самомъ дѣлѣ. Матеріаломъ для ея постройки служилъ обожженный желтоватый кирпичъ въ видѣ большихъ массивныхъ плитокъ; она имѣетъ около двѣнадцати аршинъ вышины и снабжена верхними бойницами и буржами, которые слѣдуютъ въ разстояніи около шестидесяти саженъ одинъ отъ другого. Въ сѣверозападномъ углу ея изъ-за бойницъ выглядываютъ характерныя китайскія кровли дворца мандарина-губернатора

и буддйской пагоды. Отъ западныхъ воротъ, къ которымъ прилегаеъ старое китайское кладбище, дорога поворачиваетъ на юго-западъ и идетъ мимо небольшихъ деревушекъ и отдѣльныхъ домиковъ, разбросанныхъ среди отлично обработанныхъ полей и хлопковыхъ плантацій. Мѣстность представляетъ совершенно открытую низменную равнину, изрѣзанную оросительными каналами и разбитую на небольшие владѣльческіе участки, обнесенные живыми или бамбуковыми изгородями. Почти на каждомъ такомъ участкѣ виднѣются въ какомъ нибудь углу надгробные памятники на отчихъ могилахъ. Китайскіе землевладѣльцы придають громадное значеніе тому, чтобы прахъ ихъ родителей и дѣтей покоился непременно на родномъ полѣ. По ихъ понятіямъ это еще болѣе закрѣпляетъ землю за ея владѣльцемъ. «Здѣсь плоть и кость моихъ предковъ и моя», говоритъ въ такомъ случаѣ китаецъ, «и гдѣ они покоятся, то мѣсто у меня уже неотъемлемо: безспорность моего права на него освящена этими могилами». На одномъ изъ такихъ участковъ мы видѣли гробъ еще непреходящій землѣ и одиноко стоявшій въ травѣ среди поля, такъ какъ у многихъ китайцевъ скорое погребеніе не въ обычаѣ, и нерѣдко бываетъ, что наглухо зафланканные гробы покойниковъ изъ зажиточныхъ семействъ стоятъ въ фамилльных усыпальницахъ иногда отъ одного года до трехъ лѣтъ, прежде чѣмъ родственники приступятъ къ окончательной церемоніи ихъ погребенія. Скорыя и даже быстрыя похороны, почти тотчасъ вслѣдъ за смертью, бывають только у бѣдняковъ живущихъ въ лодкахъ: эти, по немѣнной необходимости, а иногда и права на могилу въ землѣ, топятъ своихъ покойниковъ въ рѣкѣ, привязавъ къ нимъ тяжелый камень, а то и просто спускають ихъ на воду.

Въ одномъ мѣстѣ близъ дороги лежали разбитыя статуи какихъ-то животныхъ въ родѣ лошадей, грубо высѣченные изъ камня и, по видимому, очень древняго происхожденія, а также попадались мѣстами четырехъ-гранныя бревна и толстыя доски, до четырехъ аршинъ длиною, высѣченные изъ цѣльнаго гранита. Подобныя доски употребляютъ здѣсь для настилки мостовъ черезъ каналы, а бревна вмѣсто фундаментальныхъ устоевъ подъ сельскія хижины, приподнятыя надъ почвой на низменныхъ берегахъ протоковъ и рѣчекъ. Деревянные устои на сухихъ мѣстахъ подгниваются муравьями въ родѣ термитовъ, а на влажныхъ скоро подгниваютъ и не выдерживаютъ напора воды во время сильныхъ разливовъ и наводненій. Поэтому практическій геній китайцевъ и подсказалъ имъ, еще въ незапамятные времена, замѣну дерева такимъ основательнымъ и неуязвимымъ матеріаломъ какъ гранитъ, которому они придали эти свое-

образныя формы досокъ и тесаныхъ бревенъ.

Въ окрестностяхъ много хлопковыхъ плантацій. Изъ многочисленныхъ видовъ и разновидностей хлопчатника здѣсь развѣдятся преимущественно травянистый видъ съ темно-зелеными сердцобразными листьями и довольно большими желтыми цвѣтами, переходящими на доныцъ чашечки въ пурпуровую окраску. Въ окрестностяхъ Шанхая, какъ и вообще въ Китаѣ, производится хлопчатой бумаги очень много, но почти исключительно для своего домашнего употребленія; вывозъ же въ сыромъ, необработанномъ видѣ пока еще ничтоженъ.

По дорогѣ мы обгоняли не мало китайско-христианокъ и дѣтей, въ праздничныхъ нарядахъ по случаю воскреснаго дня, шедшихъ въ Цикавей къ обѣднѣ, или располагавшихся группами на кратковременный роздыхъ подъ древесною тѣнью. Лица все добродушныя, хорошія, и достаточно было взглянуть на неизуродованныя ступни этихъ женщинъ и дѣвушекъ, чтобы безошибочно сказать, что это все представительницы китайскаго рабочаго простонародья.

Экипажъ нашъ остановился предъ воротами каменной ограды монастыря. Мы прошли въ калитку и очутились среди небольшого, почти квадратнаго двора, мощенаго плитой, противъ церковной паперти. Налѣво отъ воротъ стоитъ небольшая каменная сторожка привратника, въ окна которой вмѣсто переплета вставлены въ рамахъ ажурно-рѣзные и въ то же время рельефныя изображенія деревьевъ съ кудрявыми вѣтвями и цвѣтами, исполненные очень искуснымъ рѣзцомъ по красному дереву. Направо отъ воротъ—часовня, устроенная на китайскій ладъ. На встрѣчу намъ вышелъ изъ сторожки послушникъ-китаецъ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ: что намъ угодно. М. А. Поджю подаль ему свою и наши визитныя карточки, приказавъ передать ихъ отцу-настоятелю и сказать ему, что мы просимъ разрѣшенія осмотрѣть храмъ и всѣ учрежденія коллегіи. Пока послушникъ ходилъ съ этимъ порученіемъ, мы вошли въ часовню отдохнуть подъ ея сѣнью отъ солнечныхъ лучей ужасно накаливавшихъ помость и стѣны двора. Обстановка этой часовни была въ высшей степени оригинальна. Посрединѣ ея стоялъ квадратный китайскаго рисунка столъ, въ родѣ обѣденнаго а по сторонамъ его, справа и слѣва, по одному ряду китайскихъ стульевъ съ рѣзными спинками. За этою группой мебели со всѣхъ сторонъ оставалось еще достаточно свободнаго пространства комнаты. У стѣны противъ входныхъ дверей помѣщался престолъ, совершенно такой же, какъ мы видѣли въ буддйско-китайскихъ кумирняхъ Сингапура и Гонконга. Надъ нимъ висѣлъ запрестольный образъ, написанный акварелью на продолгова-

томъ шелковомъ свиткѣ, подклеенномъ бумагой и отороченномъ парчевою матеріей. На немъ было изображено бѣгство св. Семейства въ Египетъ. Картина представляла горный пейзажъ въ китайскомъ вкусѣ, съ искривленными соснами и кедрами. Пресвятая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ представлена сидящею на осликѣ, котораго ведетъ за поводъ св. Иосифъ. Костюмы на нихъ совершенно китайскіе отъ остроконечныхъ соломенныхъ шляпъ до мягкихъ туфель на толстой бѣлой подошвѣ, а равно и чертамъ лицъ приданъ вполне китайскій характеръ, такъ что не будь изображены надъ ними золотые вѣнчики, нельзя бы и подумать, что это сюжетъ изъ Священнаго Писанія. По бокамъ этого образа висятъ въ черныхъ рамахъ два портрета какихъ-то кардиналовъ, одѣтыхъ въ пунцовыя китайскія курмы и лакированные черныя каски безъ козырьковъ, но съ торчащими изъ-за ушей черными же крыльями стрекотинной формы, — головной уборъ, какой нерѣдко встрѣчается на изображеніяхъ разныхъ мистическихъ героевъ Китая. На боковыхъ стѣнахъ развѣшаны свитки китайскихъ же картинъ, изображающихъ какіе-то виды и красивыхъ птицъ надъ пышными цвѣтами.

Возвратившійся послушникъ - привратникъ почтительно объявилъ намъ, что отецъ-настоятель сейчасъ пожалуетъ самъ и проситъ насъ войти пока въ церковь.

Убранство этой церкви, вопреки обычаю католическихъ храмовъ вообще, отличается нѣкоторою простотой; здѣсь ни въ чемъ незамѣтно ни малѣйшей роскоши и въ то же время ничего выдающагося, ничего такого, что предпочтительно останавливало бы на себѣ или развлекало бы вниманіе молящихся. Правый рядъ скамеекъ, предназначенный для мужчинъ, былъ совершенно пустъ, и вообще изъ китайцевъ мы не нашли тутъ ни одного взрослого мужчины; на лѣвыхъ же скамьяхъ сидѣло десятка три женщинъ-китайокъ съ дѣтьми разныхъ возрастовъ. Одна изъ нихъ, чередуясь чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени съ сосѣдками, громко читала на китайскомъ языкѣ и китайскимъ же речитативомъ какія-то молитвы по часослову; остальные внимательно слѣдили за ней по книжкамъ, иногда обмахиваясь, ради прохлады, вѣерами. Въ притворѣ, около столика съ купелью, дождалась священника группа изъ трехъ-четырехъ женщинъ и одного мужчины, принесшихъ крестить новорожденного младенца. Не успѣли мы порядкомъ все разсмотрѣть, какъ откуда-то сбоку входитъ пожилой лѣтъ монахъ-французъ въ бѣломъ китайскомъ балахонѣ, съ вѣеромъ и четками въ рукахъ; передняя половина его головы была выбрита, а остальные сѣнькие волосы собраны на макушкѣ и заплетены въ длинную косу по-китайски. Лицо добродушнаго, даже нѣсколько бабьяго вида,

и не было въ немъ рѣшительно ничего такого, съ чѣмъ обыкновенно соединяется понятіе объ иезуитизмѣ. Подойдя къ намъ, онъ очень любезно пожалъ всѣмъ руки, откомендовавшись отцомъ-экономомъ, и пригласилъ насъ слѣдовать за собою.

Начали мы осмотръ коллегіи съ монашескихъ и студентскихъ келій, убранство и расположение коихъ совершенно одинаковы, съ тою лишь разницей, что монашескія, какъ предназначенныя для житія одного человѣка, нѣсколько тѣснѣе студентскихъ, гдѣ обыкновенно помѣщаются отъ двухъ до четырехъ человѣкъ. Вотъ, напримѣръ, монашеская келія: у правой отъ входа стѣны стоитъ подъ кисейнымъ мустикеромъ китайская кровать или кушетка съ плетенымъ камышевымъ сидѣньемъ; на ней положенъ тощій тюфячекъ или сѣнникъ съ подушкой, покрытый бѣлымъ тканевымъ одѣяломъ; въ углу — металлическій умывальникъ; у противоположной стѣны — простой тесовый столъ и два-три стула; въ переднемъ углу, или въ межъ-оконномъ простѣнкѣ — небольшой алтарикъ, служащій въ то же время молитвеннымъ аналоемъ и книжнымъ шкафчикомъ; надъ алтарикомъ — распятіе; по стѣнамъ двѣ-три литографіи или гравюры со священными изображеніями, вотъ и все. У студентовъ — то же самое, только число кроватей измѣняется сообразно съ числомъ квартирентовъ. Здѣсь, какъ видите, ни малѣйшей роскоши и ничего лишняго. За кельями слѣдуетъ большая рекреаціонная зала, гдѣ развѣшаны по стѣнамъ большія китайскія гравюры, изображающія сраженія китайцевъ съ монголами, смотры ихъ войскъ и лагерную жизнь. На одной изъ такихъ картинъ монголы отстрѣливаются отъ наступающихъ китайцевъ изъ-за сбатованныхъ лошадей, совершенно какъ наши казаки. Присутствіе картинъ столь воинственнаго содержанія въ такомъ мирномъ пріютѣ объясняется тѣмъ, что онѣ изображаютъ историческіе эпизоды изъ временъ покоренія Небесной имперіи нынѣ царствующею Манчжурскою династіей. Тутъ же виситъ большой, рѣзной изъ дерева, образъ Богоматери съ группой Святыхъ, — работа одного изъ здѣшнихъ монаховъ, обучавшаго искусству рѣзбы по дереву молодыхъ учениковъ Коллегіи нынѣ уже умершаго. Его же рѣзцу принадлежатъ и оригинальныя окна въ сторожкѣ, и можно только удивляться какъ ловко въ этихъ своихъ произведеніяхъ умѣлъ онъ поддѣлываться подъ вкусъ и стиль китайцевъ.

Изъ рекреаціонной залы провели насъ въ домашнюю монастырскую капеллу, гдѣ застали мы на молитвѣ одного монаха-китайца. Капелла посвящена Христу Спасителю; за престольный образъ Спасителя написанъ безъ уступокъ китайскому вкусу, а такъ какъ обыкновенно пишется. Свѣтъ проникаетъ сюда сквозь раз-

ночью узорчатые розетки въ окнахъ и падаютъ очень эффектно на два позолоченныя изваянія Христа и Богоматери, стоящія съ обѣихъ сторонъ у балюстрады, впереди главнаго алтаря. Оба эти изображенія носятъ на себѣ (и вѣроятно не безъ умысла) нѣсколько буддійскій характеръ; лица ихъ раскрашены, глаза чуть ли не стеклянные, а борода и кудри у Христа изъ натуральныхъ волосъ; все же остальное ярко вызолочено. Но работа эта не китайская: обѣ статуи сооружены усердіемъ римскихъ братій ордена Іисуса специально для Цикавейской коллегии, и, конечно, потому онѣ и отличаются, этимъ языческимъ пошибомъ.

Послѣ капеллы показали намъ монастырскую бібліотеку, помѣщенную въ трехъ залахъ, изъ коихъ послѣдняя посвящена Китаю. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ тщательно собрано, по возможности, все что существуетъ въ европейскихъ литературахъ по части синологіи; тутъ вы найдете какъ общедоступныя, такъ и чрезвычайно рѣдкія и дорогія изданія по языкознанію, исторіи и этнографіи Китая, а также множество книгъ и рукописей на китайскомъ языкѣ, посвященныхъ буддійскому богословію, философіи, исторіи, поэзіи и пр. Тутъ же имѣется и очень хорошая нумизматическая коллекція, гдѣ собраны, по возможности, отъ древнѣйшихъ временъ монеты Китая, Тибета, Монголіи, Кореи, Аннамъ, Бирмы, Сіама, Индіи, Японіи и вообще тѣхъ странъ, съ которыми приходила въ соприкосновеніе китайская торговля; но первенствующая роль въ этой коллекціи принадлежитъ, конечно, монетамъ китайскимъ. Изъ бібліотеки мы прошли въ классныя комнаты, убранныя по обще-европейскому типу; особенность состояла развѣ въ томъ, что на стѣнахъ висѣли географическія карты съ китайскими подписями и портреты разныхъ монаховъ-миссіонеровъ и епископовъ подвизавшихся въ Китаѣ.

Въ нѣкоторыхъ комнатахъ сидѣло по нѣскольку учениковъ старшаго возраста за какими-то письменными работами, подъ руководствомъ монаховъ-наставниковъ. Отецъ-экономъ пояснилъ намъ, что хотя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ никакихъ учебно-классныхъ занятій не бываетъ, но отцы-преподаватели не возбраняютъ заниматься желающимъ по своей доброй охотѣ, и почти всегда сами помогаютъ имъ въ этихъ работахъ.

Изъ классовъ пригласили насъ спуститься на рекреаціонный дворъ, гдѣ мы застали болѣе полусотни бойкихъ и веселыхъ китайскихъ мальчиковъ, игравшихъ въ какую-то игру въ родѣ *пятнашекъ*, или качавшихся подъ навѣсомъ крытой галлерей на качеляхъ. Въ углу этой галлерей грѣлся на жаровнѣ большой мѣдный чайникъ, около котораго «прохлаждались» чайкомъ изъ фарфоровыхъ ча-

шекъ болѣе взрослые воспитанники. Какъ старшіе, такъ и младшіе, а равно, и монахи-наставники были одѣты въ однообразныя китайскіе костюмы изъ легкой сѣро-синей матеріи. Здѣсь выпелъ къ намъ отецъ-настоятель, тоже сивый, только болѣе худощавый человекъ, съ наполовину обритымъ черепомъ и короткою заплетеною косицей, въ такомъ же сѣро-синемъ балахонѣ и мягкихъ башмакахъ, какъ и всѣ остальные. Его загорѣлое морщинистое лицо съ подщипанною сивою бородкой и опущенными книзу усами до такой степени окитаилось, что въ первую минуту я-было принялъ его за чистокровнаго сына Небесной Имперіи, и сходство это еще усиливалось большими круглыми очками, какіе носятъ въ Китаѣ всѣ болѣе или менѣе зажиточно-солидные чиновные и ученые люди. Но достаточно было нѣсколькихъ произнесенныхъ имъ словъ, чтобы по выговору признать въ немъ настоящаго француза и даже парижанина. И опять-таки, ни въ лицѣ, ни въ разговорѣ, ни въ манерахъ этого человека не было ровно ничего «іезуитскаго»; напротивъ, эти «отцы» какъ-то сразу и вполне искренно располагали васъ въ свою пользу, и вы невольно подумали-бы въ душѣ: какіе однако симпатичные, простые и добрые люди!

Съ какою охотой, съ какою любовью и заботливостью ко всему своему учрежденію показывали и объясняли они намъ всѣ его стороны! Какъ видимо были рады нашему вниманію и любознательности! По всему было замѣтно, что дѣло воспитанія и духовнаго просвѣщенія этихъ, чуждыхъ имъ по племени, юношей было для нихъ близко-сердечнымъ дорогимъ дѣломъ, которому однажды и навсегда беззавѣтно отдано все ихъ скромное и далеко не безопасное здѣсь существованіе. Я ожидалъ-было, что мы, какъ «схизматики» и «москвиты», много-много если будемъ встрѣчены здѣсь съ холодною вѣжливостью и что намъ далеко не охотно станутъ показывать внутреннее устройство этой обители; напротивъ, мы нашли полное радушіе, привѣтливость и откровенность въ всякихъ вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій.

«Отцы» повели насъ въ монастырскій садъ, насажденный ихъ собственными руками и взрошенный лично ихъ заботливостью. Въ немъ теперь достаточно тѣни и влаги. много цвѣтовъ, лѣкарственныхъ растений и фруктовыхъ деревьевъ. Тутъ же находятся, во-первыхъ, огородъ, надъ которымъ практикуются воспитанники, обучаемые также и садоводству, а во-вторыхъ, мастерскія: столярная и шлюпочная, гдѣ сами воспитанники дѣлаютъ всякую мебель, ящики, рѣзную работу и строятъ лодки подъ руководствомъ свѣдущаго учителя.

Изъ сада провели насъ на монастырскую метеорологическую обсерваторію, состоящую

въ завѣдываніи отличнаго специалиста, отца Марка Дешеврана (Marc Dechevrens, S. I.). Уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ этотъ рыжеватый, чахоточно-сухопавый молодой человекъ (ему съ небольшимъ лѣтъ тридцать), непрерывно и съ величайшею любовью занимается термометрическими, барометрическими и магнитными наблюденіями, для которыхъ имъ усовершенствованы прежніе и, частію, изобрѣтены новыя приборы, съ примѣненіемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ фотографіи. Много пользы принесено имъ уже и для науки, и для мореходовъ, потому что, благодаря его атмосферическимъ наблюденіямъ, цикавейскіе бюллетени имѣютъ возможность предупреждать по телеграфу всѣ порты крайняго востока о готовящемся тайфунѣ, а это сохранило уже не одну тысячу человѣческихъ жизней и не одинъ миллионъ коммерческихъ состояній. Онъ ведетъ постоянный журналъ своихъ наблюденій, печатаемый въ іезуитской типографіи, учрежденной при сиротскомъ приютѣ въ сосѣдней деревушкѣ Ту-се-вей, и разсылаетъ его обсерваторіямъ всего міра въ обмѣнъ на ихъ изданія. Его брошюра *Le Typhon du 31 Juillet 1879* пользуется не только въ кругу специалистовъ, но и между европейцами крайняго Востока весьма почтенною извѣстностью. При обсерваторіи учреждена бібліотека астрономическихъ и метеорологическихъ изданій, въ числѣ коихъ отецъ Маркъ показывалъ намъ и русскія *Лѣтописи Метеорологической Обсерваторіи*. Между прочимъ, онъ высказывалъ намъ свои крайнія сожалѣнія по поводу затруднительности сношеній со Владивостокскою обсерваторіей, вслѣдствіе чего, на примѣръ, наблюденія его за направленіемъ движенія тайфуновъ съверіѣе Чифу, часто страдаютъ неполнотой. Онъ говорилъ, что въ этомъ отношеніи былъ бы совершенно счастливъ, еслибы во Владивостокѣ стали къ нему отзвѣчивѣе, отчего выиграла бы и наука, и обща польза въ мореходномъ дѣлѣ.

По выходѣ изъ обсерваторіи, мы разстались съ «отцами», угостивъ ихъ на прощанье палатками.

Іезуитовъ упрекаютъ въ томъ, что они чересчуръ уже подлаживаются къ китайскому языческому культу, воспроизводя въ своихъ канликахъ обстановку буддійскихъ кумиренъ и изображая Богородицу китайкой, а Христа нѣкоторымъ подобіемъ Будды, на томъ основаніи, что это-де знакомо, родно китайцу, и потому доступно его пониманію. Но они возражаютъ противъ такого упрека, что важна *сущность*, важенъ *духъ* христіанства, а не его внѣшняя обстановка, и если вы стремитесь къ распространенію въ массахъ духа вѣры Христовой, то со стороны чисто внѣшней, обстановочной, нѣ только уступка, а и нѣкоторое подлаживание подъ уровень привыч-

наго пониманія и религіознаго воображенія грубой массы вполне-де извинительны, тѣмъ болѣе, что обстановочная сторона буддизма вовсе не такъ уже далека отъ таковой же стороны христіанства; между ними есть даже много общаго, и потому-то, говорятъ іезуиты, выставляя на видъ именно эти внѣшнія стороны, общія обѣимъ религіямъ, мы тѣмъ самымъ, какъ бы говоримъ приходящимъ къ намъ буддистамъ: смотрите, это вовсе не такъ далеко отъ васъ, какъ вамъ кажется, а потому не бойтесь идти ко Христу, который за подвиги братской любви, милосердія, кротости и всепрощенія, даетъ вамъ жизнь безконечную, блаженную жизнь разума и духа въ лонѣ Небеснаго Отца, тогда какъ Будда за тѣ же высокіе подвиги общается вамъ только, безсознательный покой нправны въ лонѣ небытія. Сначала, говорятъ іезуиты, мы заботимся только о томъ, чтобы уловить человека въ сѣти религіи, причислить его къ вѣрующимъ, хотя бы только формально, или ради какихъ-либо его личныхъ мірскихъ выгодъ. А когда онъ уже уловленъ, мы начинаемъ постепенно проповѣдью и дѣлами приводить его къ познанію духа и истины вѣры Христовой; мы открываемъ наши школы для его дѣтей, и эти послѣднія выходятъ отъ насъ уже истинными, глубоко убѣжденными христіанами, способными даже на самоотверженные подвиги пропаганды, и для нихъ возвратъ къ язычеству уже немыслимъ, какъ нѣчто нравственно невозможное.

Какъ видите, это все та же «цѣль, оправдывающая средства», и съ этой стороны китайскіе миссіонеры остаются вѣрны принципу своего ордена.

Тѣмъ не менѣе, народъ китайскій не любить ни миссіонеровъ, ни христіанъ, изъ числа своихъ соотечественниковъ; онъ только еле-еле терпитъ ихъ, а при случаѣ, въ минуты разгара народныхъ страстей, никогда не прочь отъ насилій и всякихъ жестокостей надъ христіанами. Вспомните кантонскія, тьянцзинскія и другія волненія. О китайскихъ чиновникахъ уже и не говорю. Эти, какъ представители образованнаго класса, ближе понимающіе политическія отношенія своего отечества къ иностранцамъ, и дорожащіе паче всего его замкнутой самостоятельностью и неприкосновенностью, терпѣть не могутъ иностранцевъ вообще и миссіонеровъ въ особенности. И замѣчательно, до сихъ поръ еще не было примѣра, чтобы принялъ христіанство кто-либо изъ мандариновъ или «интеллигентныхъ» людей Китая, хотя по отношенію къ своей собственной религіи, они вовсе не фанатики. Прозелитовъ своихъ находятъ миссіонеры почти исключительно въ средѣ рабочаго простонародья, и парій въ родѣ кантонскихъ лодочниковъ, лишенныхъ нѣкоторыхъ гражданскихъ

правъ. Причина презрѣнія народа къ китайцамъ-христіанамъ заключается въ томъ, что членъ какой-либо семьи принявшій христіанство невольнымъ образомъ вноситъ нѣкоторый разладъ въ свою семью, служащую въ Китаѣ краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго и общественнаго строя. Точно также если обращается ко Христу цѣлая семья, то она вноситъ собою источникъ разлада и розни въ среду своей общины, связанной съ нею экономическою и нравственною солидарностью. Такая семья, напримѣръ, уже не можетъ, не нарушая своихъ христіанскихъ убѣжденій, участвовать въ общественныхъ сборахъ и складчинахъ на устройство религиозныхъ празднествъ съ церемоніальными процессіями и пиршествами въ честь злыхъ и добрыхъ духовъ, вредителей и покровителей земледѣлія и рыболовства, охранителей жилищъ, селеній, полей и разныхъ общественныхъ угодій, коими въ то же время семья эта пользуется; точно также она не несетъ уже общественныхъ расходовъ на содержаніе кумирни и бонзовъ, каковыя расходы по раскладѣ падаютъ, за выдѣломъ ея, уже на меньшее число членовъ общины, несущихъ стало-быть большую долю денежныхъ повинностей, а это весьма существенно, такъ какъ артельное начало едва ли гдѣ развито въ такой степени, какъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, отдѣльный ли членъ семьи, или вся семья съ принятіемъ христіанства непременно, и притомъ какъ бы невольнымъ образомъ, нарушаютъ вѣковѣчные устои семейно-общественнаго строя китайской жизни, и отсюда уже само-собою, понятно непріязненное отношеніе къ нимъ массы китайскаго общества. Но, кромѣ того, есть и еще причины антипатіи, какъ къ такимъ христіанамъ, такъ и къ миссіонерамъ въ особенности. Это именно то, что миссіонеры, считая себя обязанными всегда оказывать нравственную, и по возможности матеріальную поддержку, своимъ прозелитамъ, стараются частью сами, а болѣе черезъ посредство дипломатическихъ агентовъ католическихъ державъ, доставлять этимъ прозелитамъ разныя льготы какъ имущественныя, такъ и сословныя, на какія тѣ, по своему общественному положенію, никакихъ правъ не имѣютъ. А такъ какъ подобныя ходатайства нерѣдко достигаютъ предъ высшимъ правительствомъ цѣли, хотя бы только и въ видѣ исключенія, то это все же порождаетъ въ остальномъ мѣстномъ населеніи неудовольствіе и ропотъ на несправедливость, и зависть къ семейству, получившему ту или другую льготу только за то, что оно отступилось отъ религіи своихъ предковъ. Кромѣ того, въ случаѣ какихъ-либо притѣсненій, со стороны ли мѣстныхъ китайскихъ властей, или со стороны общины, прозелиты обыкновенно обращаются къ защи-

тѣ миссіонеровъ, а эти ищутъ для нихъ покровительства, опять-таки, у своихъ дипломатическихъ представителей, которые въ свой чередъ обращаются съ настойчивыми требованіями къ высшимъ властямъ объ удовлетвореніи потерпѣвшихъ и наказаніи виновныхъ, въ чемъ нерѣдко и успѣваютъ. А такая мѣра, какъ взысканіе съ общины какихъ-либо убытковъ въ пользу потерпѣвшаго христіанина или смѣщеніе изъ-за него съ должности какого-нибудь мелкаго административнаго чиновника, являющагося въ такомъ случаѣ, съ китайской точки зрѣнія невинно пострадавшимъ за правду и патріотизмъ, конечно, не можетъ способствовать увеличенію въ народѣ симпатій ни къ своимъ христіанамъ, ни къ ихъ защитникамъ-миссіонерамъ, тѣмъ болѣе, что тутъ у китайца страдаетъ даже его національное самолюбіе: «Какъ, дескать, вы, будучи китайскими подданными, осмѣливаетесь искать защиты и покровительства противъ своихъ же у этихъ пришлепцовъ, у варваровъ-иностранцевъ!» Императорское правительство Франціи изъ соперничества съ англичанами, всегда стремилось, чрезъ свое посольство въ Пекинѣ, и посредствомъ консульскихъ агентовъ въ городахъ Китая, оказывать въ особенности широкое и энергичное покровительство миссіонерамъ и ихъ прозелитамъ, въ расчетѣ поддержать этимъ свой высокій престижъ. Да и республиканское правительство при Макъ-Магонѣ и Тьерѣ слѣдовало въ этомъ отношеніи тѣмъ же традиціямъ, вслѣдствіе чего у китайцевъ и образовалась ненависть къ французамъ не меньшая, чѣмъ къ англичанамъ, которые проповѣдуютъ имъ Библию, и въ то же время отравляютъ ихъ своимъ опіумомъ.

На возвратномъ пути изъ Цикавеа прошли мы пѣшкомъ по одной изъ заднихъ улицъ англійскаго участка, сплошь занятой китайскими лавками, ремесленными и иными заведеніями туземнаго характера. Здѣсь были, напримѣръ, лавки въ которыхъ специально продавались связки ямбовъ изъ посеребренной и позолоченой бумаги. Ямбъ, какъ извѣстно, есть опредѣленнаго вѣса слитокъ серебра или золота, имѣющій форму овальной толстодонной коробочки, съ нѣсколькими откинутыми боками и расширенными ушками; каждый ямбъ всегда бываетъ проштампованъ печатью государственнаго казначейства и замѣняетъ собою болѣе мелкія деньги при крупныхъ взносахъ и расплатахъ. Такъ вотъ, на подобіе такихъ-то слитковъ дѣлаются ямбы изъ легкаго картона, а то и просто изъ бумаги. Я думалъ-было, что это не болѣе какъ дѣтскія игрушки и готовъ былъ удивиться какую массу игрушекъ именно этого рода производятъ въ Шанхаѣ, но М. А. Поджіо, хорошо знакомый съ китайскими обычаями,

ми, еще со времени своей службы въ Пекинѣ, объяснилъ мнѣ, что бумажные ямбы изготовляются специально въ качествѣ жертвоприношеній злему духу, чтобы подкупить и умиловить его въ томъ случаѣ, если китаецъ готовится совершить какое-нибудь дѣло или предпріятіе. Польщенный этою взяткой, корыстолюбивый духъ не станетъ дѣлать приносителю никакихъ препятствій въ задуманномъ имъ дѣлѣ, причемъ предполагается, что онъ не умѣетъ отличить настоящаго серебра или золота отъ сусальной бумаги и не можетъ обнаружить обмана со стороны приносителя, такъ какъ связка ямбовъ немедленно же сжигается предъ его идоломъ. Такимъ образомъ, китаецъ въ одно и то же время и умиловываетъ своего чорта, и надуваетъ его; да иначе ему и нельзя, потому что еслибъ онъ сдѣлалъ чорту дѣйствительно цѣнное приношение, то этимъ жестоко обидѣлъ бы своихъ добрыхъ геніевъ, которые за такую обиду стали бы ему мстить, а теперь и чортъ удовлетворенъ, и добрые геніи довольны, подсмѣиваясь между собой втихомолку, что вотъ-де какой догадливый человекъ—обманулъ дурака и задобрилъ его! Это выходитъ совсѣмъ по нашей пословицѣ: «и Богу свѣчка, и чорту кочерга». Но такъ суетѣрить, конечно, только простонародье; люди же, болѣе просвѣщенные насчетъ своей религіи, объясняютъ этого рода жертвоприношеніе тѣмъ, что въ немъ выражается готовность чело­вѣка пожертвовать всѣмъ своимъ достоинствомъ, даже сжечь его для умиловленія злаго генія, про­образованіемъ чего и служить связка бумажныхъ ямбовъ. Судя по количеству такихъ связокъ, продаваемыхъ въ лавкахъ, надо думать что китайскій дьяволъ далеко не терпитъ недостатка если не въ деньгахъ, то по крайней мѣрѣ въ увѣреніяхъ готовностью жертвовать ими. Все же кредитъ своего рода. Въ этихъ же лавкахъ продаются и жертвенныя курительныя свѣчи, приготовляемыя изъ особен­ной массы (родъ княка), въ составъ которой входитъ превращенный въ порошокъ коровій пометъ, такъ какъ корова—животное весьма угодное Буддѣ. Эти свѣчи тлѣютъ очень ровно, оставляя по себѣ превосходный бѣлый пепелъ, всегда наполняющій жертвенныя курильницы, но дымъ ихъ не имѣетъ никакого аромата и запахомъ напоминаетъ жженую солому. Простѣйшая форма такихъ свѣчъ, представляетъ длинную круглую палочку какъ карандашъ; но затѣмъ, смотря по цѣнѣ, торговцы комбинируютъ изъ множества подобныхъ палочекъ цилиндро-коническія фигуры, длиной около аршина и болѣе, украшенныя крендельками, спиралями и бахромой изъ той же массы и оклеенныя пунцовою и серебряной бумагой. Этого рода свѣчи насаживаются на шпильки особаго вида храмовыхъ оловянныхъ подсвѣч-

никовъ и ставятся въ кумирняхъ предъ образами и изваяніями Будды.

Въ той же улицѣ встрѣчаются лавки, наполненныя бумажными фонарями всевозможныхъ формъ и размѣровъ, отъ обыкновеннаго складнаго или шарообразнаго до громадныхъ ромбическихъ и тюльпановидныхъ, какіе вѣшаются вмѣсто люстръ въ кумирняхъ и пагодахъ. Здѣсь же, рядомъ, найдете вы всевозможную китайскую мебель, отъ простѣйшихъ до самыхъ затѣйливыхъ образцовъ съ инкрустациями, мозаикой и живописью, фарфоровую посуду, деревянную и мѣдную утварь, лакированныя вещи, всевозможныя вѣера, башмаки, сандалии и туфли, сѣдла, уздечки, мундштуки и подковы совершенно своеобразнаго устройства, и множество другихъ предметовъ китайскаго обихода. Тутъ же продаются разные фрукты, между которыми въ особенности обращаютъ на себя вниманіе желтомясыя арбузы и кондитерскіи произведенія: конфекты, леденцы, желе, пеперменты и сладкіе пирожки изъ жаренаго и слоенаго тѣста. Въ закусочныхъ или простонародныхъ ресторанахъ выставлены на прилавкахъ ракушки и садовыя улитки съ лукомъ и чеснокомъ, вареные крабы и омары, вяленые, сушеные и свѣжевареные креветки и шримпсы, саранча и маленькія жареныя рыбки въ родѣ снятковъ или колюшки, жирныя угри (а можетъ-быть и змѣи), свернутые въ кольцо, разныя колбасы, сосиски и превосходная свинина, на видъ все это очень аппетитно.

Въ этой же улицѣ посѣтили мы двѣ опійныя курильни. Надо замѣтить, что кромѣ китайскаго города, всѣ онѣ сосредоточены только въ англійскомъ участкѣ; французская же администрація совсѣмъ не допускаетъ на своей территоріи этого рода заведеній. Особенный специфическій запахъ опійнаго дыма уже благо­временно предупреждаетъ васъ о близости курильни и раздражительно щекочетъ обоняніе курильщика, который чуть заслышитъ знакомый запахъ, такъ его и тянетъ переступить порогъ заветнаго убѣжища. У дверей этихъ заведеній, полуприкрытыхъ опущенною цыновкой, намъ приходилось встрѣчать совершенныхъ бѣдняковъ, подверженныхъ этой ужасной слабости, которые, не имѣя средствъ на покупку одной трубки, довольствовались тѣмъ, что жадно вдыхали и выдохивали въ себя выходявшій на улицу запахъ опійнаго дыма, — и какое мучительное томленіе было написано на изможденныхъ лицахъ у этихъ несчастныхъ!.. Достаточно заглянуть хотя однажды въ курильню и всмотрѣться тамъ въ лица и фигуры закоренѣлыхъ курильщиковъ, чтобы потомъ вы могли уже сразу и гдѣ бы то ни было безошибочно узнать чело­вѣка, одержимаго этой страстью, до того характерны эти фигуры и

физиономіи. Мутный и какъ бы омертвѣлый взоръ, зеленовато-блѣдный цвѣтъ лица, истощенныя дряблыя руки и ноги, сильно впалая грудь, на которой глазами можно пересчитать всѣ ребра, затѣмъ сутуловато приподнятыя плечи, такъ что кажется будто голова совсѣмъ ушла въ нихъ, безъ шеи, слабость и вихливость походки, трясучка въ пальцахъ и какая-то общій пришибленность и робость въ движеніяхъ и взглядахъ,—вотъ вамъ вѣрный портретъ курильщика въ «трезвомъ» состояніи. А между тѣмъ, если онъ выкурить *о́з мѣру*, вы его совсѣмъ не узнаете, до такой степени тотъ же человѣкъ измѣняется. Онъ бодръ, веселъ, энергиченъ и способенъ работать, такъ что многіе поддерживаютъ въ себѣ жизненную энергію и способности только куреніемъ; но все это, увы! лишь до тѣхъ поръ, пока ядъ производитъ свое дѣйствіе, а затѣмъ или надо прибѣгнуть къ новой покуркѣ, или переносить всѣ страданія тяжелой неудовлетворенной потребности. Dr. Кенъ, американецъ, спеціально занимавшійся изслѣдованіемъ дѣйствія опиума на человѣческій организмъ, говоритъ, что всѣ, подверженные страсти куренія этого яда, постоянно жалуются на бессонницу; оно производитъ бѣднѣе, исполненное ложныхъ представленій: курильщикъ чувствуетъ себя совершенно счастливымъ, въ мирѣ и согласіи съ самимъ собой и со всѣмъ свѣтомъ, готовымъ простить обиды и сдѣлать все хорошее для людей, его окружающихъ. Чувство душевнаго покоя и полнаго довольства овладѣваетъ всѣмъ существомъ его. Онъ полонъ всякихъ пріятныхъ и блестящихъ надеждъ, и если выкуренное имъ количество опиѣ не велико, то къ этимъ ощущеніямъ присоединяется еще внутреннее просвѣтленіе, связанное съ необычайной подвижностью и легкостью. Походка курильщика въ это время совсѣмъ измѣняется, въ ней замѣчается нѣкоторое ускореніе темпа и эластичность шага; вся фигура его дышетъ несвойственными ему бодростью и энергіей. Это, можно сказать, сновидѣніе при полномъ бодрствованіи есть результатъ совершеннаго господства воображенія надъ дѣйствительностью: вся неприглядность будничнаго существованія и окружающей обстановки исчезаютъ, и жизнь окрашивается блестящими красками лучшихъ и самыхъ счастливыхъ моментовъ, пережитыхъ когда-либо курильщикомъ. Опиный дымъ въ одно и то же время застилаетъ грубую дѣйствительность и замѣняетъ ее какъ бы мыльнымъ пузыремъ самыхъ радужныхъ цвѣтовъ. Такое пріятное ощущеніе продолжается различно, смотря по темпераменту субъекта и по количеству выкуреннаго имъ опиѣ. Волѣдъ за тѣмъ наступаетъ иногда расположеніе ко сну, но радужныхъ и счастливыхъ сновидѣній никогда не бываетъ. Напротивъ, если накуриться до из-

лишества, то въ результатъ получается иногда глубокій сонъ, исполненный самыхъ ужасныхъ видѣній, фантазмагорій и невозможныхъ сценъ, которыя приводятъ спящаго въ ужасъ, но онъ тщетно силится проснуться. За цѣлымъ рядомъ такихъ кошмаровъ при пробужденіи слѣдуетъ стѣсненіе въ груди, затрудненное сердцебиеніе, сильное чувство тошноты, сопровождаемое иногда рвотой, и наконецъ угнетенное состояніе всего организма. Чтобы не страдать тошнотой, надо никогда не выходить изъ маленькихъ дозъ, но рѣдко кто можетъ удержаться на грани такой умѣренности. Мало-помалу курильщикъ приходитъ къ убѣжденію, что пріятное ощущеніе первыхъ мѣсяцевъ его опыта исчезаетъ совсѣмъ и безвозвратно, но отстать отъ куренія онъ уже не въ силахъ и продолжаетъ свое обычное занятіе исключительно ради того, чтобы избѣжать страданій, которыми сопровождаются попытки поконить эту пагубную привычку. Добрый геній магической трубки исчезаетъ безслѣдно, а вмѣсто него вырастаетъ демонъ, крѣпко оковавшій по рукамъ и ногамъ свою жертву. По наблюденіямъ доктора Кена, влияніе опиума на физическую природу и умственные способности выражается: неспособностью заниматься чѣмъ-либо, требующимъ продолжительнаго напряженія ума; сила воли слабѣетъ, человѣкъ становится нерѣшительнымъ, терлетъ память; у него чувствуется боль въ глазахъ и наступаетъ исхуданіе тѣла, сопровождаемое припадками геморроя, упорными запорами, разстройствомъ пищеваренія, воспалительнымъ катарромъ глотки и кишекъ, чувствомъ постоянной усталости и другими еще болѣе тяжелыми разстройствами преимущественно нервной системы. Вообще человѣкъ, предавшійся опиуму, долженъ считаться погибшимъ.

Обстановка обѣихъ курильень, куда мы заглянули, была совсѣмъ неприглядна, и одна отъ другой почти ни чѣмъ не отличалась. Въ обѣихъ случаяхъ это была небольшая и довольно грязная комната съ совершенно голыми, нѣкогда выбѣденными стѣнами; полъ застланъ циновками, на которыхъ сидѣли и лежали курильщики; по двумъ стѣнамъ шли деревянные нары, предназначенныя для болѣе почетныхъ посѣтителей, которые и возлежали тамъ на подостланныхъ циновкахъ съ соломенными вальками или подушками подъ головой. Предъ каждымъ курильщикомъ ставятъ на подносикъ маленькую лампаду въ мѣдной подставкѣ, подъ стекляннымъ колпачкомъ съ дырой наверху, и иногда чашку чая; на томъ же подносикѣ лежитъ и приготовленная для него трубка.

Это инструментъ въ родѣ короткой флейты изъ бамбука въ два пальца въ діаметрѣ; нижній конецъ чубука наглухо закрытъ деревянною втулкой, а самая трубка или резервуаръ

опія насаживается на продолженіи самага чубука, отступя на одну треть его длины отъ закрытаго нижняго конца; въ верхній же конецъ иногда вставляется янтарный или нефритовый мундштукъ. Самый резервуаръ представляетъ собою фарфоровый синуэнуто-плавидный соуидикъ съ двумя маленькими дырочками: одна наверху, чрезъ которую опій соприкасается съ огнемъ лампы, а другая въ нижнемъ горлышкѣ, вставляемомъ въ отверстіе чубука, служитъ дымоводомъ. Перѣдко эти чубуки бываютъ украшены серебряными и золотыми пластинками и драгоценными камнями въ родѣ рубиновъ, яхонтовъ, сапфировъ и алмандиновъ, но это, конечно, только у богатыхъ людей; въ общественныхъ курильняхъ всѣ чубуки самые простые. Чтобы привести опіумъ въ состояніе, годное для куренія, его кинятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ похожъ на черную патоку, и этотъ процессъ требуетъ большой сноровки: надо уметь *почувствовать* мѣру, опредѣляемую цвѣтомъ, и степенью тягучести матеріала, а иначе легко перепустить и загустить его, отчего уже теряется и вкусъ и легкость затяжекъ. Одна покурка или порція опія, заключающая въ себѣ $\frac{1}{100}$ унціи, стоитъ 800 чохъ или поддоллара, а наши бумажки около 1 рубля. Обыкновенный курильщикъ истребляетъ ежедневно около трехъ драхмъ, и это количество по дѣйствию своему равняется шести драхмамъ сыраго опія, принятаго внутрь. Удовольствіе, какъ видите, очень дорогое, и потому понятно, что предавшіеся ему люди забываютъ и семью, и домъ, и обязанности, жертвуютъ всѣмъ и доходятъ до разоренія, до полной нищеты и зачастую кончаютъ преступленіемъ, воровствомъ или убійствомъ, для добычи денегъ на покурку. Докторъ Кенъ говоритъ, что онъ знавалъ людей, истреблявшихъ отъ 1 до $1\frac{1}{4}$ фунта въ день, и эти, очень рѣдкіе, къ счастью, экземпляры называются на жаргонѣ курильщиковъ «врагами опіума».

Приступая къ процессу куренія, любитель обыкновенно ложится на бокъ какъ ему удобнѣе, придвигаетъ къ себѣ лампаду, беретъ въ одну руку чубукъ, а въ другую мѣдную шпильку и приставляетъ отверстіе трубки къ верхнему краю пламени. Черная патока начинаетъ кипѣть, пузырится и слегка потрескивать, наполняя атмосферу своимъ одуряющимъ запахомъ, а курильщикъ продолжительно и съ видомъ упоенія втягиваетъ въ себя струи дыма, ковыряя въ то же время шпилькой въ отверстіи трубки, чтобы не давать опію скипаться. Двѣ-три хорошія затяжки и эффектъ готовъ. Накурившіеся лежатъ съ закрытыми глазами или сидятъ прислонясь спиной къ стѣнѣ и смотрятъ своимъ тусклымъ, ничего не выражающимъ взоромъ куда-то въ неопредѣленную точку пространства, мимо всего окружающаго.

Большинство изъ нихъ самоуглубленно молчитъ; но нѣкоторые бормочутъ что-то про себя, а иные громко и очень весело разговариваютъ съ сосѣдомъ. Эти послѣдніе принадлежатъ къ числу умѣренныхъ, на которыхъ ядъ еще дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, вліяя на подъемъ силъ и энергіи. Поболтавъ съ сосѣдомъ они, можно сказать навѣрное, вскорѣ пойдутъ по своему дѣлу и бодро примутся за работу, пока не перестанетъ дѣйствовать эффектъ покурки.

Но если что представляетъ зрѣлище высокаго комизма, то это, конечно, англійскіе миссіонеры въ длинныхъ рединготахъ и бѣлыхъ галстукахъ съ характернымъ видомъ Reinecke-Fuchs, появляющіеся въ курильняхъ своего собственнаго квартала, для того, чтобы сладко благочестивыми проповѣдями противъ куренія дѣйствовать на совѣсть курильщиковъ и исправлять ихъ. Во имя человечества, во имя Бога общаго всѣмъ сущимъ на землѣ, во имя долга, семьи, нравственности и проч., взываютъ они къ курильщикамъ и заклиняютъ ихъ бросить свою пагубную страсть, живописуя ужасныя ея послѣдствія. А тѣ слушаютъ себя да курятъ, пока наконецъ, кому-нибудь изъ нихъ не надоѣстъ, или пока не подступитъ кто къ проповѣднику съ вопросами весьма ехиднаго свойства: «Все это, молъ, прекрасно и говорите вы чрезвычайно краснорѣчиво; но скажите на милость, кто же ввозитъ къ намъ опіумъ? Кто эти мерзавцы, эти развратители и кровопійцы, которые доводятъ насъ до такого положенія? Кто охраняетъ этотъ опіумъ своими пушками и своимъ государственнымъ флагомъ? Если вы такъ хорошо знаете каковы бываютъ ужасныя послѣдствія этого зла, если по вашему это такой великій грѣхъ, такое тяжкое преступленіе противъ Бога, семьи и общества, то зачѣмъ же вы, вы сами внесли его въ наше общество? Зачѣмъ вы все это дѣлаете, и сами же противъ дѣла своихъ вопіете, не переставая однако продолжать ихъ?» Кончается обыкновенно тѣмъ, что фарисей сконфуженно удаляется, но тотчасъ же входитъ въ новую курильню и, какъ ни въ чемъ не бывало, начинаетъ тамъ повтореніе тѣхъ же своихъ разглагольствованій.

XVII. Шанхай.

Китайский городъ.—Городской водяной ровъ и торговая на немъ дѣятельность.—Китайскіе извозчики и ихъ экипажи.—Ворота Монтобана.—Китайскій караулъ и гауптвахта.—Характеръ улицъ.—Городской прудъ и чайный павильонъ на водѣ.—Базарная часть города.—Площадка Большой и Малой Медвѣдицъ.—Устройство дома богатаго китаецъ, его садъ и убранство приемной гостиной.—Главная городская пагода и молящіеся китаецы.—Китайскій театръ въ Шанхаѣ.—Знаки общественнаго почтенія къ началству и театральныя мѣста по рангамъ и сословіямъ.—Ночная уличная жизнь въ китайскихъ кварталахъ.—Аристократическая опійная курильня и иные темные притоны.—Мой гидъ-китаецъ.—Похоронная и двѣ мандаринскія процессіи.—Содержаніе чиновниковъ.—Экскурсія за китайскимъ оружіемъ.—Его характеръ и качества.—Лавки и мастерскія въ китайскомъ городѣ.—Отношеніе китаецевъ ко мнѣ, какъ къ русскому.—Нищие и больные.—Жители и ихъ помѣщенія.—Китайскія собаки.—Любители свержковъ, кузнечиковъ и пѣвчихъ птицъ.—Страсть къ уличной азартной игрѣ и къ держанію пари.—Китайскій судъ, его обстановка и отношеніе публики къ судопроизводству.—Два рода китайской живописи.—На волосокъ отъ смерти.—Нашъ праздникъ на «Горностаѣ».—Регулярныя китайскія войска, ихъ ученіе, обмундированіе, вооруженіе и содержаніе.—Европейскіе военные инструкторы.—Торговая конкуренція европейцевъ въ Китаѣ и нынѣшнее состояніе чайной торговли.—Отъѣздъ изъ Шанхая и переходъ до Нагасаки.

У подъѣзда нашей гостиницы встрѣтилъ насъ молодой китаецъ, парень лѣтъ девятнадцати, обратившійся къ намъ на очень бойкомъ французскомъ языкѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ въ качествѣ гида по китайскому городу. Предложеніемъ этимъ мы воспользовались и, отдохнувъ послѣ завтрака у себя въ номерѣ, отправились вмѣстѣ съ М. А. Поджіо въ четвертомъ часу дня въ китайскій городъ, оказавшійся довольно близко отъ нашей гостиницы. Гранитный мостъ черезъ каналъ или водной ровъ, окружающій снаружи городскую стѣну, привелъ насъ къ полукруглой аркѣ сѣверныхъ воротъ, окрещенныхъ французами названіемъ воротъ Монтобана. Каменная стѣна того же характера, какъ и на пути въ Цикавей, окружаетъ городъ неправильнымъ оваломъ на протяженіи почти пяти съ половиной верстъ (2.700 сажень). Площадь, заключенная въ этомъ овалѣ, имѣетъ въ длину, считая отъ сѣверныхъ до южныхъ воротъ, безъ малаго двѣ, а въ ширину, отъ восточныхъ до западныхъ воротъ—полторы версты. На всемъ протяженіи стѣны находится сорокъ буржей для ея фланговой обороны и шесть воротъ, въ томъ числѣ двое съ сѣверной и одинъ съ юго-восточной стороны. По широкому парапету кое-гдѣ стоятъ на неуклюжихъ лафетахъ старинныя чугунныя пушки. Вышній каналъ соединяется тремя протоками съ Ву-

зунгомъ, а отъ него уже растекаются по городу внутреннія развѣтвленія. Во время высокой воды сампанги съ углемъ, кирпичемъ, бамбукомъ и иными грубыми произведеніями могутъ свободно входить изъ Вузунга въ протоки и далѣе въ каналъ, гдѣ и разгружаются обыкновенно у городскихъ воротъ. Поэтому почти у каждыхъ воротъ на берегу вы всегда встрѣтите склады черепицы, кирпичныхъ плитокъ, бревенъ и теса и прислоненныя къ стѣнѣ связки длинныхъ бамбучинъ. Здѣсь же обыкновенное мѣсто стоянки или биржа китайскихъ извозчиковъ, коихъ въ Шанхаѣ различается три рода: первый—одноконныя каретки того типа, съ какимъ мы познакомились еще въ Сингапурѣ, экипажъ никогда въ застѣнный городъ не въѣзжающій; второй—ручныя колясочки, какія мы впервые встрѣтили въ Гонконгѣ, и наконецъ, третій—ручныя одноколки, изобрѣтеніе, кажись, специально шанхайское и для однихъ китаецевъ, такъ какъ европейцы въ нихъ никогда не садятся. Это инструментъ въ родѣ плоской тачки безъ бортовъ, по серединѣ которой въ продольномъ разрѣзѣ вертится одно обыкновенное колесо. Два сѣдока садятся съ обѣихъ сторонъ этого колеса, а для того, чтобы оно, вертась, не портило ихъ платья, имѣются по бокамъ его предохранительныя ручки, на которыя можно облокотиться. Извозчикъ везетъ этотъ экипажъ предъ собою, какъ возятся обыкновенныя тачки, пихая его впередъ, для чего самъ онъ впрягается сзади въ удлиноватые ручки, пропуская соединяющій ихъ ремень къ себѣ подъ мышку и на затылокъ. Экипажъ, надо отдать ему справедливость, совсѣмъ неудобный, и вывалиться изъ него, кажется, нѣтъ ничего легче, при малѣйшемъ нарушеніи баланса; но китаецы и въ особенности киталки пользуются имъ, повидимому, съ удовольствіемъ.

Итакъ, мы очутились предъ низкимъ полукруглымъ сводомъ воротъ, надъ которыми вѣдлана въ стѣну мраморная доска въ продольной каменной рамѣ съ золотою надписью, обозначающею вѣроятно ихъ названіе. По бокамъ арки были вывѣшены на стѣнѣ какія-то длинныя разноцвѣтныя китайскія афиши и полицейскія объявленія. Пройдя нѣсколько сажень подъ аркой воротъ, запираемыхъ на ночь тяжелыми деревянными створами, мы увидѣли примыкающую къ нимъ справа китаяскую гауптвахту, которую я принялъ было сначала за оружейную лавку, благодаря тому, что у балюстрады ея открытаго спереди навѣса стояло десятка два затѣйливой формы аллебарды, протазановъ, пикъ и широкихъ ножей, насаженныхъ на дровки, а часового не было. Въ городъ пропустили насъ совершенно свободно; караульные солдаты на гауптвахтѣ даже и вниманія не обратили на появленіе двухъ «западныхъ варваровъ» и преспокойно продолжа-

ли себѣ играть въ кости, разсѣвшись въ кружокъ на цыновкѣ.

Всѣ улицы здѣсь, разумѣется, и узки, и вонючі, но, попавъ въ китайскій городъ, съ этимъ обстоятельствомъ всегда уже приходится мириться; мы пошли по одной изъ наиболѣе широкихъ, гдѣ непрерывными рядами справа и слѣва тянутся китайскія лавки и ремесленные мастерскія. Тутъ сгруппированы самыя разнообразныя ремесла и рукодѣлья и перемѣшана всякая всячина въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ, какъ на толкучемъ рынкѣ. Тутъ вы встрѣчаете рядомъ фарфоръ и оловянные издѣлія, дѣтскія игрушки и рѣзбу печатей, желѣзо, жести и москатели съ бакалеями, магазины акварельныхъ картинъ и свитковъ съ нравоучительными и привѣтственными изреченіями и рыболовные крючки и свасты, книжныя лавки и штыковую мѣдь, купоросъ и искусственные цвѣты, палатки уличныхъ писцовъ и рисовальщиковъ и выставку нефритовыхъ вещицъ. Затѣмъ идутъ лавки музыкальных инструментовъ и барабановъ, лавки бронзовыхъ издѣлій, въ родѣ вазъ, жаровень, курильницъ, подсвѣчниковъ, тарелокъ, гонговъ и т. п.; трубочныя и калѣйныя мастерскія, башмачныя и портныя заведенія, продажа туши и красокъ въ фарфоровыхъ чашечкахъ, продажа рисовальныхъ и письменныхъ кистей, скупка тряпья и стараго платья, лавчонки *bric-à-brac*, въ пестромъ хламѣ которыхъ мы однако не нашли ничего «подходящаго». Но особенно выдаются на этой улицѣ золотошвейни, гдѣ вышиваются шелками и битью по сукну и атласу и бархату разныя принадлежности домашнихъ алтарей и кумиренъ, напестольныя пелены, военные знамена и флаги, вышивки на спинки мундирныхъ чиновничьихъ куртъ, равно какъ и на женскія платья, шали и шарфики. Тутъ же, еще чаще, чѣмъ въ англійскомъ участкѣ, встрѣчаются лавки, исключительно посвященные продажѣ предметовъ религіознаго значенія, каковы связки курительныхъ палочекъ и жертвенныя свѣчи изъ краснаго воска, бумажные ямбы и древесныя кропила для освященной по буддѣйскому обряду воды, образа въ свиткахъ и бронзовые или деревянные *бурханы* (статуэтки разныхъ идоловъ). Кромѣ того, на каждомъ шагѣ встрѣчается множество иныхъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ и товаровъ, которые я не берусь перечислить.

Прогулку собственно по лавкамъ отложили мы до другого раза, а теперь хотѣли только получить общее понятіе о городѣ и потому не заставались подолгу предъ выставками товаровъ. Вскорѣ проводникъ привелъ насъ на берегъ квадратнаго, въ нѣсколько десятковъ сажень, пруда, посрединѣ котораго на гранитныхъ сваяхъ высилося очень красивое двухъ-

этажное зданіе чайнаго павильона, въ характерно-китайскомъ стилѣ, съ узорчатымъ кіоскомъ наверху и выпукло прилѣпившимся къ нему многогранными фонариками-белъведерами. Издали зданіе это какъ бы сквозило, благодаря сплошному ряду затѣйливо-ажурныхъ рѣшетокъ, вмѣсто оконъ, и рѣзнымъ балюстрадамъ вокругъ открытыхъ галлерей и балконовъ, образующихъ прелестныя уголки и уютныя закоулки подъ сѣнью многолопастныхъ черепичныхъ крышъ изогнуто-остроконечной формы, выдающихся впередъ въ два яруса своими вздернутыми кверху курносими наугольниками. Вся эта постройка, увѣнчанная золотымъ шаромъ, а на немъ какимъ-то артишокомъ съ двумя позолоченными грушевидными булками и шпичемъ, была чрезвычайно искусно сгруппирована въ одно цѣлое, въ родѣ какого-нибудь изящнаго драмика, подѣ основаніемъ котораго сквозитъ уровень воды между просторно поставленными каменными устоями. Опрокинутое отраженіе всего этого зданія отчетливо рисовалось въ неподвижной глади пруда, берега котораго обрамлены гранитнымъ бордюромъ, и отъ нихъ съ двухъ сторонъ ведутъ къ чайному павильону два длинныя пѣшеходные мостика съ красивыми перилами, на гранитныхъ же сваяхъ, построенные на всемъ своемъ протяженіи небольшими прямоугольными зигзагами. Мы перешли туда по одному изъ этихъ мостиковъ и, поднявшись наверхъ, расположились въ одномъ изъ фонариковъ, откуда открывается видъ на три стороны берега. Здѣсь намъ подали своего рода «пару чая», приготовленнаго по-китайски. Эта «пара» заключалась въ двухъ расписныхъ фарфоровыхъ чашкахъ, поставленныхъ на продолговатые серебряные подчашники, наминающіе своею формою отчасти лодочку, отчасти сухарный лотокъ въ миниатюрѣ. Заварка состоитъ въ томъ, что двѣ-три щепотки чая кладутъ прямо въ чашку и наливаютъ ее не совсѣмъ до верха крутымъ кипяткомъ. Послѣ этого чашка покрывается небольшимъ опрокинутымъ блюдцемъ, края котораго чуть-чуть входятъ внутрь ея, и подается потребителю. Чай готовъ, остается только смаковать его, высасывая жидкость въ щелочку между краями блюда и чашки. Ни сахару, ни лимона или чего-либо такого, что обыкновенно подается къ чаю у европейцевъ, здѣсь, конечно, не полагается, — извольте смаковать этотъ чистѣйшій «лянъ-синъ» во всей его, такъ сказать, неприкосновенности, что безъ привычки едва ли покажется вамъ особенно вкуснымъ.

Сидя у раздвинутой оконной рамы, мы, ради мѣтнаго колорита, старались по возможности «наслаждаться» этимъ чаемъ и находить его превкуснымъ, а сами тѣмъ часомъ любовались на открывавшуюся предъ нами origi-

нальную картину. Этот пруд со своим павильономъ является если и не географическимъ, то настоящимъ, по значенію своему, центромъ городской жизни. У береговъ его тамъ и сямъ видѣются красивые кіоски и часовни; подъ навѣсами продаются разные фрукты, сласти и прохладительные напитки, въ палаткахъ показываютъ стереоскопы, діорамы, китайскія тѣни и театръ маріонетокъ. Тутъ съ одной стороны помѣщается главная городская пагода, съ другой — открытый павильонъ всенароднаго суда, рядомъ съ нимъ полицейское управленіе, и все это окружено ларями и навѣсами городского базара, лучшими въ городѣ лавками и домами зажиточныхъ гражданъ. Здѣсь вѣчно толпится народъ, который собирается въ отдѣльныя кучки и всегда на что-нибудь поглядѣть, узнать новости, слушаетъ сказочниковъ и декламаторовъ и разсуждаетъ о злобахъ своего дня, въ число коихъ входитъ и политика тоже. Женщинъ видно мало, и то больше все изъ простонародья; мандаринскихъ же дочерей и женъ проносятъ изрѣдка въ совершенно закрытыхъ паланкинахъ.

Одинъ изъ мостиковъ, ведущихъ отъ чайнаго павильона, упирается прямо въ подошву небольшого пригорка, окруженнаго нѣсколькими, отдѣльно стоящими деревьями и усѣяннаго группами сѣраго ноздреватаго камня. Игра природы, а можетъ и фантазія китайца поставила дыбомъ на этомъ пригоркѣ двѣ большія глыбы такого же камня, носящія названіе Большой и Малой Медвѣдицъ. И дѣйствительно, въ общихъ своихъ очертаніяхъ онѣ напоминаютъ поднявшихся на дыбы и сложившихъ переднія лапы медвѣдей, а въ особенности тотъ, который больше и стоитъ на самой макушкѣ пригорка. Величина сего послѣдняго камня равняется приблизительно тремъ человѣческимъ ростамъ, а второй на половину меньше; стоятъ же они на этомъ мѣстѣ, какъ увѣряютъ, еще со временъ незапамятныхъ, съ тѣхъ поръ, будто бы, какъ вышла изъ-подъ воды почва Шанхая. И, глядя на эти ихъ сквозныя дырѣя, промоины и вообще ноздреватость, надо думать, что нѣкогда вода дѣйствительно вліяла главнѣйшимъ образомъ на образованіе данныхъ формъ въ обоихъ камняхъ. Нѣкоторые изъ китайцевъ думаютъ тоже будто это «древніе боги», которымъ поклонялись ихъ предки за много вѣковъ до принятія буддизма.

Нашъ проводникъ устроилъ какими-то судьбами, что намъ еще въ павильонѣ предложили осмотрѣть домъ одного богатаго гражданина. Самъ хозяинъ этого дома находился въ отлучкѣ изъ Шанхая по своимъ дѣламъ, а домоправитель его, случайно встрѣченный проводникомъ въ павильонѣ, былъ такъ любезенъ, что не отказалъ его просьбѣ показать намъ хоромы своего господина. Мы пришли къ вы-

сокому каменному заборѣ, за которымъ ничего не было видно. Парадные ворота съ навѣсомъ въ родѣ трехъярусной кровли, окованныя красивыми желѣзными скобами, были заперты, но домоправитель отперъ ключомъ небольшую, продѣланную въ нихъ калитку и впустилъ насъ въ первый дворъ, вымощенный плитою и содержимый очень чисто. Со всѣхъ сторонъ ограждался этотъ дворъ точно такими же высокими стѣнами, какъ и наружная, но былъ совершенно пустъ. Отсюда прошли мы еще нѣсколько мощеныхъ дворишковъ, также огражденных высокими каменными заборами, но каково могло быть ихъ назначеніе и зачѣмъ ихъ понадобилось столько—это осталось для насъ не разъясненнымъ. Въ нѣкоторыхъ стѣнахъ, отдѣлявшихъ одинъ дворикъ отъ другого, продѣланы сквозныя каменныя рѣшетки красиваго рисунка; однѣ изъ нихъ четырехъ-угольныя, другія—круглыя.

Наконецъ-то привели насъ въ небольшой садъ, въ которомъ чего, чего только не было!.. На просторствѣ, гдѣ европейскій садовникъ не разбилъ бы и одного порядочнаго газона, мы видѣли кристально-прозрачныя (вѣроятно родниковыя) прудки и каналы, съ переброшенными черезъ нихъ прямыми и горбатыми мостиками и затѣйливыми кіосками, съ фонтанами, островками и водонадомъ, сбѣгающимъ по навороченнымъ глыбамъ гранита и ноздреватаго камня, усѣяннаго блестящими перламутровыми раковинами, зеленымъ мхомъ и кораллами. Этими же камнемъ обложены и берега прудковъ, около которыхъ кутятся группы прелестныхъ водныхъ растений, каковы: лотосъ, ирисъ лиловый, особаго вида лилія съ розовыми крапинками и другія. Въ прозрачной водѣ, гдѣ вы видите все дно, усѣянное ракушками и блестящею мелкою галькой, рѣзко плаваютъ разнообразныя красивыя рыбки и ползаютъ черепахи. Надъ клумбами нестрыхъ, оригинальныхъ и частью совсѣмъ, неизвѣстныхъ мнѣ цвѣтовъ нависли въ видѣ скалъ большія мшистыя глыбы ноздреватаго камня, гдѣ изъ пещеристыхъ дыръ и расщелинъ вырастаютъ причудливо изогнутыя сосны и туи и зелеными каскадами сбѣгаютъ по ребрамъ и западинамъ пучки и гирлянды разнородныхъ ползучихъ растений. Маленькія музы, араукаріи, разныя пальмочки, карлики—кедры и дубы, карлики апельсины и мандарины въ періодъ полного своего развитія, декоративная рицина и лапчатая аралія, орхидеи и разнообразныя бегоніи и множество еще другихъ растений, цвѣтовъ и кустарниковъ наполняютъ въ красивыхъ отѣнкахъ и сочетаніяхъ зелени этотъ оригинальный садъ, долженствующій изображать въ миниатюрѣ «дикую природу», съ долинами, рѣками, озерами и горами, и все это на просторствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ сажень. Кто что ни говори противъ

китайскихъ садовъ съ ихъ специальною идеей уродливости, ради которой деревья - гиганты превращаются въ карликовъ и карлики въ гигантовъ, но скажу только одно, что *для глаза* все это сгруппировано очень красиво, и вы любуетесь такимъ садомъ, какъ престелною дѣтскою игрушкой.

Извилистыя и якобы «натуральныя» лѣстницы изъ дикаго, необтесаннаго камня и грубыхъ плитъ ведутъ изъ сада въ домъ, гдѣ на маленькой площадкѣ прежде всего вы находите съ правой стороны небольшую домашнюю кумирню въ видѣ особой пристройки, съ характеромъ нагоды, весьма схожую по обстановкѣ съ цикавейскою часовней. Даже и портретъ-то въ ней виситъ чуть ли не одного изъ тѣхъ святыхъ, что въ Цикавей.

Одна дверь, направо, ведетъ съ площадки въ кумирню, а другая, прамо, въ домъ, гдѣ показали намъ одну только гостиную, выходящую на эту площадку, предваривъ очень деликатно, что дальнѣйшія помѣщенія, какъ предназначенныя для внутренняго домашняго обихода, не могутъ быть обращены въ предметъ любопытства людей постороннихъ. Уважая обычай и неприкосновенность всякаго семейнаго очага, мы, конечно, и не настаивали на показѣ, ограничась разсматриваніемъ того что было доступно.

Входъ въ гостиную былъ заставленъ изнутри большимъ экраномъ, расшитымъ по атласу разноцвѣтными шелками, и для того, чтобы попасть въ эту комнату надо было предварительно свернуть зигзагомъ въ сторону. Китайцы обыкновенно ставятъ экраны въ комнатахъ предъ входными дверями для того, чтобы защитить домъ отъ нашествія злыхъ духовъ. Извѣстно, что китайскіе демоны ходятъ къ цѣли всегда кратчайшею, то-есть прямою дорогой (совѣтъ не такъ какъ европейскіе!), и если видятъ предъ собою препятствіе, вынуждающее ихъ къ обходу въ сторону или къ пути зигзагами, то очень смущаются и улетаютъ прочь. Потому-то вотъ и лѣстница ведущая сюда идетъ извилинами, потому и мостки на городскомъ пруду имѣютъ такую оригинальную форму. Двѣ стѣны этой довольно углубленной и просторной гостиной были составлены изъ раздвижныхъ рамъ подклеенныхъ бѣлою бумагой, а другія двѣ раздѣланы *al fresco* китайскою живописью, представлявшею сочетаніе какихъ-то пейзажей съ пышными букетами и фантастическихъ чудовищъ съ райскими птицами. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ висѣли во всю высоту стѣны пурпурные свитки (*дуй цзи*) съ золотыми изреченіями; въ углахъ стояли двѣтри большія кантонскія вазы и фарфоровый горшокъ съ деревцомъ въ родѣ камеліи. Потолокъ былъ рѣзной деревянный (что должно считаться за роскошь немалую, такъ какъ по-дѣлочный лѣсъ въ Китаѣ вообще дорогъ), а

полъ затянута превосходными мягкими цыновками, гдѣ по гляцевитому соломенному фону былъ заплетенъ очень изящный узоръ соломенно-матоваго оттѣнка. На этомъ бы хозяину и остановиться, но нѣтъ: на самомъ видномъ мѣстѣ комнаты лежалъ еще, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, бархатный коверъ, несомнѣнно европейскаго фабричнаго происхожденія. Того же происхожденія была и бронзовая люстра, висѣвшая на потолкѣ вмѣсто этого престелнаго китайскаго фонаря съ расписными стеклами, деревянными рогулками и вислыми кистями, которому тутъ-то бы и настоящее мѣсто. Но его-то и не было... Европейскій коверъ и люстра — это значитъ уже верхъ роскоши. Вглядываясь далѣе и — о, ужасъ! — замѣчаю на стѣнахъ нѣмецкія олеографіи въ багетовыхъ рамкахъ: какія-то полногрудыя Лотхенъ-Гретхенъ зеленоватаго оттѣнка и пьяненькіе патеры-капуцины съ красными смѣющимися рожами; одинъ отправляетъ къ себѣ въ носъ добрую понюшку табаку, другой вливаетъ въ себя бокалъ вина. Изъ этого заключаю, что хозяинъ, должно-быть, человѣкъ, съ одной стороны, не безъ клубничной, а съ другой, не безъ сатирической жилки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи европейцевъ и ихъ миссіонеровъ: знать же вѣдь что повѣситъ у себя на стѣну въ утѣшеніе своему національному самолюбію! — дескать, вотъ каковы европейцы! Но въ то же время это человѣкъ, очевидно, уже тронутый европейскою «цивилизацией», иначе онъ, конечно, не вывѣсилъ бы на показъ этихъ полногрудыхъ дѣвицъ и хранилъ бы ихъ гдѣ-нибудь у себя подъ замкомъ и только изрѣдка показывать бы по секрету добрымъ пріятелямъ.

Продолжаю разсматривать обстановку: по срединѣ комнаты аквариумъ съ рѣдкими рыбками и раковинами, а за нимъ большой, кантонской работы столъ чернаго дерева съ перламутровыми инкрустациями и такіе же стулья; кромѣ того, кантонскіе фарфоровые табуреты-бочонки и европейскія буковые качалки. На двухъ-трехъ китайскихъ этажеркахъ и столикахъ около стѣнъ — опять-таки къ своему комическому ужасу — замѣчаю керосиновую лампу со стеклиннымъ шаромъ и разныя европейскія бездѣлушки въ родѣ вазочекъ изъ бѣлаго молочноматоваго стекла, фарфоровыхъ собачекъ, глиняныхъ пещельницъ изображающихъ упавшую даму въ криволиніи и синички, тоже съ раскрашенными глиняными дамами въ однихъ сорочкахъ; далѣе европейская копилка въ видѣ сидящаго въ креслѣ доктора Струсберга, которому вы кладете въ протянутую руку гривенникъ, а онъ его проглатываетъ и киваетъ головой. Домоправитель даже считаетъ почему-то нужнымъ въ особенности обратить наше вниманіе на эти бездѣлушки, думая, вѣроятно, что намъ должно быть очень пріятно

встрѣтись съ европейскими произведеніями въ китайскомъ домѣ, а можетъ и желая похвастаться европеизмомъ своего патрона.

Охъ, ужъ эта портовая «цивилизція»! Попортилъ себѣ человѣкъ свою прекрасную національную обстановку пошлою европейскою дрянью и воображаетъ, поди-ка, что это и не вѣсть какъ хорошо!... Конечно, онъ покупаетъ то что видитъ, и не его вина, если по части изящнаго сюда не привозятъ ничего кромѣ подобной дряни. Но изъ всей этой обстановки я заключаю, что и у китайцевъ есть иногда такое же пристрастіе къ европейскимъ вещамъ и «рѣдкостямъ», какъ у насъ къ китайскимъ и вообще азиатскимъ.

Изъ дома богатаго гражданина отправились мы въ главную городскую пагоду. Она занимаетъ своими постройками довольно большой кварталъ, окруженный каменною стѣной. Главныя ворота храма, съ живописными изображеніями добрыхъ геніевъ, были украшены, по обыкновенію, многояруснымъ навѣсомъ со вздернутыми кверху наугольниками и въ избыткѣ пройдены по всѣмъ карнизамъ и бордюрамъ затѣйливою рѣзбой, которая пестро раскрашена самыми яркими красками. По сторонамъ воротъ были расположены разные барельефы и стояли на гранитныхъ пьедесталахъ два каменные изваянія, такъ-называемые «корейскіе львы», похожіе, впрочемъ, болѣе на собакъ-болонокъ. Безъ такихъ львовъ не обходится ни одна буддійская пагода въ Китаѣ.

Этими воротами вступаемъ мы въ первый храмовый дворъ, окруженный открытыми внутри его галлереями съ рѣзными перилами и легкими колоннами. Въ этомъ дворѣ по сторонамъ прохода стоятъ ряды торговцевъ, продающихъ съ лотковъ рисовыя лепешки, сладости, фрукты, свѣчи, ямбы, амулеты и изображенія Будды и разныхъ геніевъ, отпечатанныя вмѣстѣ съ молитвами на желтой рисовой (клякспирной) бумагѣ.

Какъ разъ противъ главныхъ воротъ находится здѣсь, по ту сторону двора, фантастическій павильонъ, въ верхней части котораго устроено нѣчто въ родѣ бесѣдки или часовни, а въ нижней—вторыя ворота, ведущія во внутренний дворъ. Украшенія этого павильона состоятъ главнѣйшимъ образомъ изъ рельефной рѣзбы по дереву: это цѣлая масса тонкихъ и самыхъ затѣйливыхъ кружевъ, завитковъ, фестоновъ, листковъ и рогулекъ. Но въ общемъ оно очень красиво.

Въ нишахъ по бокамъ подворотнаго прохода стоятъ искусно вырѣзанныя изъ дерева и раскрашенныя фигуры геніевъ-хранителей храма въ полный и натуральный ростъ, а предъ ними на особыхъ пьедесталахъ опять-таки корейскіе львы.

Второй дворъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ, но точно такъ же какъ и первый вымо-

щенъ каменными плитами въ пашку и обрамленъ съ боковъ двухъэтажными галлереями, гдѣ продольные гребни на черепичныхъ кровляхъ являютъ собою цѣлый рядъ искусно выточенныхъ каменныхъ кружевъ. По срединѣ двора возвышается громадная бронзовая ваза-курильница, которой насчитываютъ уже болѣе 2000 лѣтъ существованія на этомъ мѣстѣ, при этомъ самомъ храмѣ. Миновавъ вазу, вы подымаетесь на гранитный помостъ широкаго и перспективно углубленнаго портика самого храма. Предъ входомъ опять стоятъ корейскіе львы изъ литой бронзы на массивныхъ пьедесталахъ, а нѣсколько въ сторону отъ нихъ—священные деревья огражденные рѣшетками. На краю гранитнаго помоста, раздѣляя главный проходъ на двѣ равныя части, стоитъ другая бронзовая и тоже очень древняя ваза-курильница съ рельефно-чеканными изображеніями драконовъ.

Навѣсъ и фронтонъ портика, это опять-таки цѣлый міръ фантастическихъ позолоченныхъ кружевъ, поддерживаемый нѣсколькими рядами позолоченныхъ колоннъ, по которымъ спиралью обвиваются змѣевидные чешуйчатые драконы великолѣпной рельефной работы. Глядя на эти колонны, остается только изумляться высокому искусству старыхъ мастеровъ Китая. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это хорошо и какъ своеобразно!..

Вступаемъ во внутренность храма. Тишина, прохлада, полумракъ... И въ этомъ полумракѣ изъ глубины капища, сквозь дымку священнаго курева, сверкаютъ кое-гдѣ блики золота и дорогихъ наалтарныхъ парчей. Позолоченныя изваянія высокихъ идоловъ окутаныверху таинственнымъ мракомъ, въ которомъ лицъ ихъ почти не видно, и предъ каждымъ изъ нихъ горятъ въ высокихъ подсвѣчникахъ по нѣскольку красныхъ восковыхъ свѣчъ и струится дымокъ священнаго курева изъ темныхъ бронзовыхъ курильницъ.

Молящихся довольно много, и между ними постоянное движеніе: одни уходятъ, другіе приходятъ, ставятъ свѣчи, втыкаютъ въ бѣлый пепелъ курительныя палочки, кладутъ къ подножіямъ алтарей связки бумажныхъ ямбовъ, тихо ударяютъ три раза въ ладони, чтобы вызвать къ себѣ духа, которому хотятъ помолиться, затѣмъ опускаются на колѣни и творятъ земные поклоны, а иныя, желая узнать насчетъ чего-нибудь волю неба, гадаютъ на священныхъ палочкахъ, для чего подбрасываютъ ихъ кверху и, смотря по тому какъ онѣ лягутъ при паденіи на цыновку, угадываютъ благоприятное для себя или неблагоприятное рѣшеніе. Но все это дѣлается тихо, чинно, такъ что въ храмѣ слышенъ только шестъ шаговъ да жужжащій гомонъ сдержаннаго говора шопотомъ.

Вскорѣ къ намъ подошелъ бритоголовый

бонза въ желтомъ облаченіи и слегка поклонился съ вопросительною миной. Мы объяснили ему чрезъ проводника, что желали бы получше разсмотрѣть лица боговъ и геніевъ. Бонза тотчасъ же вынулъ изъ ближайшаго канделябра свѣчу и сталъ освѣщать ею одно за другимъ лица идоловъ, для чего иногда взлѣзалъ даже на ихъ пьедесталы. Всѣ эти лица очень экспрессивны, а яныя даже слишкомъ утрированы въ своей выразительности, въ особенности тѣ, у которыхъ гнѣвное выражение, и надо отдать справедливость древнимъ художникамъ: они вполне обладали искусствомъ придавать своимъ изваяніямъ достодолжную выразительность и индивидуальный характеръ. Въ числѣ другихъ, намъ показали одну деревянную статую, пояснивъ, что это—изображеніе какого-то писателя.

— Не Конфуція ли, спросилъ я:—или Лаодзы?

Бонза въ отвѣтъ пробормоталъ намъ что-то, чего гидъ не сумѣлъ или не захотѣлъ перевести, и такимъ образомъ вопросъ мой остался безъ отвѣта.

Выходя уже изъ храма, замѣтилъ я, между прочимъ, въ притворѣ, подъ портикомъ, подвѣшанныя къ потолку модели сампанговъ и джонокъ съ парусами—жертвоприношеніе мореходовъ. Это какъ нельзя болѣе напомнило мнѣ точно такой же обычай, существующій у финновъ: тѣ тоже подвѣшиваютъ модели корабликовъ въ своихъ киркахъ. Но любопытно бы дознаться, откуда взялась такая общность обычая?

Вечеромъ отправившись мы въ китайскій театръ, въ англійскомъ участіи европейскаго города. Онъ находится въ одной изъ заднихъ, специально китайскихъ улицъ и расположенъ въ глубинѣ открытаго съ улицы двора или глухаго переулка, по бокамъ котораго съ обѣихъ сторонъ идутъ открытыя галлерей, гдѣ помѣщаются обширный ресторанъ и еще болѣе обширная чайная, принадлежащія театру. Надъ входомъ въ театръ, во всю длину фасада тянется вывѣска, размалеванная разными фигурами и сценами и транспарантно освѣщенная сзади газовыми рожками, а снаружи иллюминированная китайскими фонариками. Входъ совершенно такой же, какъ въ обыкновенныхъ нашихъ театрикахъ—балаганахъ, и при входѣ касса. Съ насъ, какъ съ европейцевъ, взяли за билеты по доллару; китайская же публика за лучшія мѣста платитъ не болѣе двухъ шиллинговъ, а въ заднихъ рядахъ по нѣскольку центовъ. Зала освѣщена газомъ. Партеръ наполненъ рядами отдѣльных столиковъ и вокругъ каждаго изъ нихъ разставлено по шести стульевъ, которые заняты исключительно мужскою китайскою публикой. Здѣсь каждому зрителю подаютъ gratis чашку чая и кальянъ

съ табакомъ, право на которые приобретається оплаченнымъ мѣстомъ. По бокамъ и позади партера тянется нижняя галлерей съ дешевыми мѣстами, предназначенная для простонародья, а въ верхнемъ ярусѣ устроены мѣста для дамъ и семейныя ложы; надъ каждой ложей, ради прохлады, качается особая панка. Сцена приподнята надъ зрительною залой аршина на два съ половиной и окружена тоненькою баллюстрадой, которая прерывается въ серединѣ, въ томъ мѣстѣ гдѣ должна быть рампа, замѣняемая здѣсь желѣзнымъ прутомъ, къ коему прикрѣплено шесть лампъ съ рефлекторами, обращенными внутрь сцены. Кромѣ этихъ лампъ, сцена освѣщается еще сверху изъ-за подзоровъ и съ боковыхъ колоннокъ фонарями и газовыми рожками. Вверху, по бокамъ передняго подзора вырѣзаны изъ картона и пестре раскрашены два дельфиновидные дракона съ чудовищными мордами, назначеніе коихъ охранять сцену и актеровъ во время дѣйствія отъ покушенія злыхъ духовъ, которые нерѣдко имѣютъ причины личнаго неудовольствія на бѣдныхъ артистовъ за недостаточно страшное и чересчуръ уже карикатурное ихъ изображеніе. Нѣ, кулись, на боковыхъ стѣнкахъ на сценѣ не имѣется, а есть только въ глубинѣ ея одна задняя переборчатая стѣна, въ которой устроены по бокамъ двѣ двери, завѣшанныя портьерами съ изображеніемъ драконовъ долженствующихъ оберегать отъ злыхъ духовъ уборныя. Изъ правой двери артисты выходятъ на сценическія подмостки, а въ лѣвую удаляются со сцены. Украшеніемъ задней стѣны, между прочимъ, служить зеркало и по бокамъ его пара европейскихъ круглыхъ или такъ-называемыхъ конторскихъ часовъ; но зачѣмъ именно пара, этого я уже объяснить не умѣю. Вѣроятно, просто для симметріи. На одну изъ переднихъ колоннъ обыкновенно вывѣшивается длинная афиша, гласящая крупными знаками о томъ какая пьеса и какое именно дѣйствіе оной идетъ на сценѣ. Это совершенно необходимо, потому что пьесы у китайцевъ очень длинны и изобилуютъ количествомъ актовъ, такъ что нерѣдко одна пьеса идетъ въ теченіе двухъ и даже трехъ представленій, начинающихся съ утра и прерываемыхъ за полночь. Зритель, не попавшій къ началу, можетъ купить себѣ въ кассѣ подробную программу или либретто пьесы, и тогда, благодаря вывѣшенной афишѣ, ему легко уже ориентироваться относительно дѣйствія.

Я уже говорилъ о китайско-малайскомъ театрѣ, описывая наше пребываніе въ Сингапурѣ. Теперь мнѣ остается только дополнить мое тогдашнее сообщеніе нѣсколькими новыми свѣдѣніями и наблюденіями, отмѣтить сходство и разницу въ приѣмахъ игры и сценической обстановки между сингапурскимъ и шанхай-

скимъ театрамъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что мы случайно попали сюда на представленіе той же самой пьесы. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ году она явится модною новинкой, такъ какъ публика и тамъ, и здѣсь смотритъ ее съ большимъ одушевленіемъ и любопытствомъ.

Музыканты помѣщаются на сценѣ же, но не у задней стѣны, а сбоку, и прикрываются съ фланга отъ публики небольшою переносною ширмой. Аккомпанементомъ пѣнію служатъ только гитары, скрипки и кастаньеты, такъ, что обычнаго шума музыка здѣсь не производитъ, вводя шумные инструменты только въ мѣста патетическія, да въ антрактыныя интермедіи. Быть-можетъ въ этомъ уже сказалось нѣкоторое вліяніе европейзма, какъ и въ газовомъ освѣщеніи, или въ подобіи лампы и въ подзорахъ. Появленію каждаго дѣйствующаго лица непременно предшествуютъ нѣсколько ударовъ въ тамъ-тамъ, и чѣмъ существеннѣе или важнѣе лицо, тѣмъ удары сильнѣе и число ихъ больше. Костюмы великолѣпны и покроемъ своимъ относятся сполна къ до-манчжурской эпохѣ, причемъ замѣчательно, что женская одежда съ тѣхъ поръ почти не измѣнилась, тогда какъ современный мужской костюмъ принялъ въ себя немало манчжурскаго. Китайцы вообще большіе мастера въ декламациі, а здѣсь на нее обращено особенное вниманіе: актеры произносятъ свои рѣчи величественно и мѣрно, съ сильными повышеніями и пониженіями голоса, причемъ и каждый ихъ жестъ, каждое движеніе и вся мимика размѣрены и рассчитаны заранее. Здѣсь, говорятъ, преобладаетъ классическая традиція, и потому даже въ грубыхъ и тривіальныхъ мѣстахъ, неизбѣжныхъ въ каждой пьесѣ и наполненныхъ чересчуръ уже крупною и часто непристойною (съ нашей точки зрѣнія) солюю, артисты продолжаютъ сохранять свой возвышенный тонъ и величественный жестъ; но отъ этого будто бы ихъ слабрзости и шутки выходить еще забавнѣе. Вѣроятно это и дѣйствительно такъ, судя по тому, что дружные взрывы хохота публики иногда сопровождали самые, повидимому, серьезные діалоги.

Пьесу, которую мы смотримъ уже второй разъ, нельзя назвать, въ строгомъ смыслѣ, ни трагедіей, ни драмой, ни комедіей, ни фарсомъ, а между тѣмъ въ нее входятъ всѣ эти элементы. Мнѣ кажется, что ближе всего можно бы охарактеризовать ее въ смыслѣ мелодраматично-комическаго представленія, тѣмъ болѣе, что въ ней немало есть и пѣнія, какъ одиночнаго такъ и хорового, причемъ, конечно, поютъ и аккомпанируютъ всѣ въ унисонъ или въ октаву.

Что касается декоративной части и въ особенности, такъ - называемыхъ, «превращеній», то въ этомъ отношеніи Сингапуръ далеко

отсталъ отъ Шанхая. Впрочемъ, какъ тамъ такъ и здѣсь то подобіе декораціи какое мы видимъ на сценѣ является нововведеніемъ. Въ прежнее время, говорятъ, бывало такъ, что если нужно изобразить садъ, то на сцену выходилъ режиссеръ и объявлялъ публикѣ, что у актеровъ будутъ въ рукахъ пѣвты, ибо дѣйствіе происходитъ въ саду; а если требовалось сраженіе, то выносили и клали на полъ нѣсколько мечей, щитовъ и копій съ одной и съ другой стороны, и публика должна была понимать, что это, молъ, битва или, наконецъ, при перенесеніи мѣста дѣйствія въ другую страну, либо въ другой городъ, актеръ просто садился въ паланкинъ и его носили нѣсколько разъ кругомъ по сценѣ, послѣ чего, выходя, онъ объявлялъ, что я-де уже не въ деревнѣ, а въ Пекинѣ. Теперь все это дѣлается нѣсколько иначе, и если должно идти сраженіе, то на сцену выходятъ настоящіе фехтовальщики и начинаютъ драться на мечахъ, алебардахъ и копьяхъ, выказывая при этомъ все свое искусство. Но все-таки остается еще множество вещей и приемовъ дѣтски-наивныхъ. Декораціи, какъ и въ Сингапурѣ, устанавливаются и убираются во время самаго представленія, подобно съ ходомъ дѣйствія, не стѣнясь присутствіемъ зрителей. Понадобилось, напримеръ, изобразить ночь подъ открытымъ небомъ, сейчасъ же вносятся на двухъ бамбуковыхъ шестахъ синее полотно съ изображеніемъ знаковъ зодіака, звѣздъ, луны и солнца. Въ Сингапурѣ подобная декорація была наклеена на экранѣ, а здѣсь ее прямо протянули и закрѣпили вдоль задней стѣны, причемъ одинъ изъ работниковъ взлѣзъ на столъ и прикрылъ изображеніе солнца доскутомъ синей матеріи—это значитъ ночь. А когда настала, по пьесѣ, день, то тотъ же работникъ одернулъ доскутъ съ солнца и тѣмъ же порядкомъ завісиль имъ луну,—публика и понимаетъ, что то была ночь, а теперь значитъ утро. Нужно изобразить городъ вечеромъ—сейчасъ же, подобно тому какъ и въ Сингапурѣ, вносятся небольшіе картонные домики и мосты освѣщенные изнутри свѣчами и ставятся на полу предъ декораціей неба. Но въ изображеніи путешествія героини принцессы по рѣкѣ произошли уже нѣкоторыя замѣтныя улучшенія: на сценѣ поставили два ряда стульевъ, какъ бы, борть противъ борта—это значитъ сампангъ или джонка; на мѣстѣ кормы—столъ, на столѣ стулъ, на стулѣ кормчіи и весло, которымъ онъ, какъ и въ Сингапурѣ, юлитъ по воздуху все время, пока длится сцена путешествія, и вотъ, по мѣрѣ того, какъ джонка плыветъ, работники убираютъ со сцены постепенно одинъ за другимъ, мосты, дома и башни, замѣняя ихъ кустами, деревьями, горой и опять кустами, и т. д. Это обозначаетъ измѣненіе картины разнообразныхъ береговъ.

Если помнить читатель, героиня въ грустномъ настроеніи все плачетъ и очень долго поетъ нѣчто похожее на нашу «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, по дороженькѣ», а наперстница, къ которой въ Шанхаѣ присоединяются еще нѣсколько подругъ, пытается вмѣстѣ съ ними утѣшать принцессу; но та все поетъ и все плачетъ пока наконецъ не появляется на сценѣ рѣшетка какого-то сада. Здѣсь уже противъ сингапурской постановки замѣчаются нѣкоторые варианты, пзмѣняющіе ходъ дѣйствія. Какъ только появилась садовая рѣшетка, всѣ подруги встаютъ со стульевъ, — значитъ пріѣхали. Стулья уносятся, кормчіи съ весломъ соскакиваютъ со стола и исчезаютъ, а изъ правой двери предшествуемый сильными ударами тамъ-тама въ оркестръ, появляется какой-то престарѣлый сановникъ со свитой и приглашаетъ героиню къ себѣ въ домъ. При этомъ въ рѣшеткѣ растворяется калитка, въ которую всѣ проходятъ гуськомъ другъ за другомъ и затѣмъ рѣшетка сейчасъ же исчезаетъ, а на ея мѣстѣ появляется декорація дома; звездное же небо все остается на своемъ мѣстѣ. Появленіе этого дома обозначаетъ, что пріѣзжіе, послѣдовавъ приглашенію сановника вошли къ нему во дворъ. Тутъ ихъ приглашаютъ въ комнаты, и декорація дома моментально исчезаетъ, а вмѣсто нея появляются освѣщенные изнутри ширмы, изображающія богатую комнату. Здѣсь къ услугамъ героини являются ея охранители, шесть добрыхъ геніевъ въ маскахъ, сдѣланныхъ въ видѣ кошачьихъ и тигровыхъ головъ, впрочемъ съ очень благодушными мордами (это потому что они добрые). По ихъ мановенію, сейчасъ же происходятъ разныя чудесныя превращенія: откуда ни возмись появляется вдругъ китайскій гробъ наполненный картонными костями и черепами, который превращается въ цвѣточный кустъ, усыянный горящими восковыми свѣчками; домъ стоявшій противъ гроба, тоже превратился въ подобный же букетъ, и все это чрезвычайно быстро и ловко, такъ что иллюзія превращенія достигается вполне. Послѣ этого къ увеселенію героини появляются фокусники, танцовщики и жонглеры. Но это уже совершенно то же, что и въ Сингапурѣ.

Съ началомъ интермедіи какой-то мандаринъ въ бѣломъ балахонѣ, сидѣвшій впереди насъ, поднялся уходить, и вдругъ вслѣдъ за нимъ разомъ поднялось съ мѣстъ очень много изъ находившихся въ партерѣ китайцевъ, склоняя въ знакъ почтенія головы. То были зрители изъ собственно китайскаго города, для которыхъ мандаринъ былъ прямое начальство, и усѣлись они вновь не раньше чѣмъ онъ удался. Такова-то въ застѣнномъ городѣ пока еще сила уваженія къ сану и власти. По этому поводу мы узнали, что въ китайскихъ театрахъ для мандариновъ и ученыхъ людей всегда

имѣются особыя почетныя мѣста и что тутъ вообще наблюдается строгое различіе между чинами и сословіями, въ зависимости отъ чего находится и самое устройство различныхъ мѣстъ. Купецъ, напримѣръ, никакъ не можетъ сидѣть рядомъ съ мандариномъ, какъ и чернорабочій рядомъ съ купцомъ. Это строго обусловлено закономъ и хорошо извѣстно каждому, а потому въ отношеніи мѣстъ въ театрѣ никогда не бываетъ никакихъ недоразумѣній: всякій самъ знаетъ не свыше какого ряда дозволено ему забираться. И вотъ что замѣчательно: хотя этотъ театръ и находится на англійской территоріи и большинство его посѣтителей, будучи жителями англійскаго участка и состоя подъ англійскою юрисдикціей, могли бы и не исполнять подобнаго рода церемоній, обязательныхъ только въ чертѣ собственно китайскаго города, тѣмъ не менѣе уваженіе къ *своему* закону и обычаю столь велико, что требованія того и другаго совершенно добровольно исполняются всѣми гдѣ бы то ни было. Какъ хотите, но по моему это черта народа гражданственнаго и, что главное убѣжденнаго въ превосходствѣ своей гражданственности.

Мы оставили театръ въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи, и, несмотря на такую позднюю пору, уличная жизнь въ китайскихъ кварталахъ англійскаго участка еще кипѣла: улицы были полны гуляющаго народа, но исключительно китайскаго; изъ ресторановъ неслись звуки флейтъ и гитаръ и раздавались голоса пѣвицъ; множество туземныхъ лавокъ были еще открыты и освѣщены добрымъ десяткомъ лампъ и фонарей каждая; уличная лотерея работала какъ не надо лучше; разносчики при свѣтѣ своихъ бумажныхъ фонарей продавали съ лотковъ всякую всячину; продавцы душе-спасительныхъ брошюръ англійскаго изданія на китайскомъ языкѣ по два цента за экземпляръ конкурировали съ продавцами иллюстрированныхъ скабресныхъ поэмъ и романовъ, а нерѣдко и сами продавали то и другое вмѣстѣ, кому что нравится.

Тутъ же предлагаютъ вамъ карикатурныя картинки и куклы, изображающія клѣтчатыхъ англичанъ съ рыжими баками и англійскихъ леди съ москками и молитвенниками, и надо отдать справедливость — карикатуры эти сдѣланы очень смѣшно и мѣтко: въ нихъ схвачены самыя характерныя англійскія черты, и мы замѣтили, что въ любителяхъ и въ спросѣ на этотъ сатирическій товаръ между китайцами нѣтъ недостатка. Англичане изъ традиціоннаго своего уваженія къ «свободѣ» не преніяютъ у себя распространенію на самихъ же себя карикатуръ и насмѣлокъ, такъ какъ это нисколько не мѣшаетъ имъ въ распространеніи сбыта своего опіума.

Гуляющая публика тутъ же и закусываетъ, покупая съ лотковъ фрукты, а сосиски и ры-

бу прямо съ жаровни. Уличный способ поджариванья съѣстнаго у китайцевъ весьма не сложенъ: на землю ставится наполненная тлѣющими углями глиняная жаровня съ поддува-ломъ, благодаря которому она обращается въ своеобразную переносную печку, а на эту жаровню накладывается рѣшетка о четырехъ короткихъ ножкахъ, сдѣланная изъ тонкихъ желѣзныхъ прутьевъ. На этой-то рѣшеткѣ непосредственно и поджаривается все что угодно. Бродячій уличный поваръ всю свою кухню обыкновенно носитъ на коромыслѣ въ подвѣшенныхъ къ нему бамбуковыхъ плетенкахъ: съ одной стороны у него виситъ жаровня, а съ другой — двѣ корзинки съ запасомъ углей и съ провизией. Съ этимъ снарядомъ онъ и бродитъ по городу, выкрикивая *тепи* своихъ закусокъ. Кому захотѣлось закусить, стоитъ только остановить повара и выбрать себѣ что по вкусу—черезъ минуту кушанье готово.

Мимоходомъ заглянули мы, между прочимъ, въ одну аристократическую опиѣнную курильню. Въ первой комнатѣ не замѣчается никакихъ принадлежностей заведеній этого рода и вообще ничего подозрительнаго, кромѣ легкаго специфическаго запаха. Обстановка приличная; два-три китайскіе фонаря проливаютъ съ потолка довольно слабый свѣтъ на голубыя стѣны и мягкую европейскую мебель. Дверь въ смежную комнату прикрыта спущенною цыновкой, и тамъ-то, въ таинственной полутьмѣ, на мягкихъ, толстыхъ цыновкахъ, застланныхъ простеганными одѣялами, и на европейскихъ пружинныхъ отоманкахъ, въ полной тишинѣ наслаждаются сановные курильщики. Они пощипаютъ этотъ пріютъ только позднимъ вечеромъ, и уже конечно не въ помпезныхъ паланкинахъ, а пѣшкомъ, да и то стараются проскользнуть въ него незамѣтно, не съ улицы, а со двора, чернымъ ходомъ, и предаются своему наслажденію тайкомъ, незамѣтно для посторонняго глаза. Понятно, что при такихъ условіяхъ, со стороны содержателя аристократической курильни требуется прежде всего безусловная скромность и выборъ прислуги умѣющей молчать и какъ бы ничего не видѣть тѣмъ болѣе, что кромѣ мандариновъ, сюда за-хаживаютъ и нѣкоторые тузы изъ европейцевъ для которыхъ имѣется особая комната. Замѣчательно, что люди состоятельные, имѣющие у себя дома и опиѣ, и полный приборъ для куренія, все-таки предпочитаютъ предаваться этому дѣлу въ курильняхъ. Ихъ какъ бы тянетъ сюда, все равно какъ пьяницу въ кабакъ, и объясняется это, во-первыхъ, нѣкоторою внутреннею потребностью находиться въ обществѣ другихъ, равныхъ себѣ, курильщиковъ, дескать, не я одинъ подверженъ «слабости», а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ воздухѣ насыщенномъ дымомъ и парами приготовляемаго опиѣ, эффектъ одуренія наступаетъ полнѣе

и быстрѣе. Кромѣ того, играетъ нѣкоторую роль и желаніе скрыть свою слабость отъ дамскихъ.

Заглянули мимоходомъ и въ открытое окно другого пріюта изъ числа «темныхъ», какихъ тутъ цѣлый рядъ. Входы ихъ обыкновенно прикрыты, рѣшеткой, подпираемую изнутри коломъ, во избѣжаніе литурма буйныхъ посѣ-тителей, преимущественно пьяныхъ матросовъ. Сквозь раскрытое окно мы увидѣли диванъ; на немъ два прилично одѣтые англичанина, растянувшись, пьютъ пиво; стѣны, освѣщаемыя изъ-подъ потолка висячею лампой, оклены кит-айскими письменами; на полу апатично си-дять на цыновкѣ и курятъ кальяны три полу-раздѣтые дѣвочки, совѣтъ еще дѣти, лѣтъ десяти, двѣнадцати.. И въ такіе годы уже такой ужасный промыселъ!.. Но англійская администрація фарисейски закрываетъ глаза на это отвратительное явленіе, благо и оно тоже не мѣшаетъ распространенію опиума.

26-го августа.

Въ семь часовъ утра я проснулся и раство-рилъ у себя окно, какъ вдругъ, гляжу—съ про-тивуположнаго тротуара нашъ вчерашній про-водникъ радостными кивками и восклицаніями даетъ мнѣ знать о своемъ присутствіи и го-товности опять сопровождать меня въ лаби-ринтъ китайскаго города. Оказывается, что онъ чуть не съ пяти часовъ утра безотлучно дежурилъ противъ моихъ оконъ въ ожиданіи нашего пробужденія. Вчера, между прочимъ, онъ такъ близко принималъ къ сердцу наши интересы, торгуясь за насъ въ нѣкоторыхъ лавкахъ, что китайцы чуть-было не побили его за это.

Полчаса спустя, я вышелъ изъ дому и отправился вмѣстѣ съ нимъ по направле-нію къ китайскому городу. Но не успѣли мы завернуть за уголъ, какъ на встрѣчу намъ—китайская похоронная процессія. Вме-реди шелъ человекъ, медленно ударившій ко-лотушкой въ зычный гонгъ; за нимъ герольды, несшіе на бамбуковыхъ палкахъ *най-изы*, или доски съ обозначеніемъ имени и званія покой-наго; за герольдами два человека несли сто-ликъ, украшенный цвѣтами, на которомъ стояла металлическая курильница, испускавшая ои-міамъ; далѣе слѣдовали по два въ рядъ во-семь бонзъ, въ бѣлыхъ (траурныхъ) облаче-ніяхъ, воспѣвавшие какіе-то гимны; за бонза-ми восемь носильщиковъ несли продолговатый паланкинъ, съ наглухо закрытыми створками въ которомъ помѣщался гробъ; съ правой стороны возлѣ паланкина, слегка придержи-ваясь за него рукой, шла плачущая женщина въ бѣлой повязкѣ, а позади—небольшая кучка родныхъ, знакомыхъ и слугъ покойнаго; далѣе тянулись въ рядъ около десяти ручныхъ ко-лясочекъ, гдѣ сидѣли провожающія лица.

Встрѣчные китайцы большею частью останавливались и, пропуская мимо себя гробъ, дѣлали ему *чинг-чинг*, то-есть: привѣтствіе, заключавшееся въ молчаливомъ нѣсколько медленномъ поклонѣ съ согбенною спиною.

Не успѣли мы пропустить мимо себя эту печальную процессію, какъ медленные удары въ гонгъ съ другой стороны возвестили приближеніе новаго шествія. Но на этотъ разъ шествіе было уже не похоронное, а мандаринское, и двигалось оно вотъ въ какомъ порядкѣ: впереди, гонгъ; за нимъ двое полицейскихъ съ бамбуковыми тростями, чтобы гнать съ дороги встрѣчный нечиновный людъ, что не касалось впрочемъ европейцевъ. Но для большей внушительности за ними шли еще два флагоносца, у которыхъ на красныхъ одноязычныхъ флагахъ было вышито бѣлыми литерами *Цзинг-дао*, то-есть «очищать дорогу!» За флагоносцами—слуга при двухъ ассистентахъ несъ высокій красный зонтикъ съ кумачною сборчатою фалборой—знакъ сановнаго достоинства¹⁾; за зонтикомъ—офицеръ верхомъ на маленькой лошади, которую съ обѣихъ сторонъ вели подъ уздцы два конюха; за этимъ офицеромъ, два палача, изъ коихъ каждый волежалъ за собою по одной длинной деревянной линейкѣ, специальный инструментъ для наказанія ударами по пятамъ. За палачами шла пара герольдовъ съ красными *пай-изы*, на которыхъ золотыми знаками было изображено имя, званіе, рангъ и должность шествовавшего мандарина. За герольдами опять гонгъ, за гонгомъ двое людей съ фонарями, для освѣщенія пути въ вечернюю пору. Эти фонарики предшествовали синими, со всѣхъ сторонъ закрытымъ носилкамъ, таинственно вмѣщавшимъ въ себѣ особу мандарина. По рангу для него полагалось четыре носильщика, раздѣляемые на двѣ смѣны. По бокамъ носилокъ, кромѣ запасныхъ носильщиковъ, шли еще четыре человѣка, изъ коихъ двое переднихъ несли такъ-называемые «официальные вѣера» весьма солидныхъ размѣровъ (около аршина), имѣющіе главнѣйшимъ образомъ то назначеніе, чтобы, при встрѣчѣ мандарина съ другимъ равнымъ ему по чину, закрыть ихъ другъ отъ друга спереди и сбоку и тѣмъ избавить обоихъ отъ необходимости взаимнаго *чинг-чина*, или привѣтствованія, такъ какъ ни тому, ни другому изъ самолюбія не хочется дѣлать *чинг-чинг* первымъ, да и не удобно продѣлывать это изъ тѣснаго паланкина по всѣмъ правиламъ чиновничьяго этикета. За вѣероносцами слѣдовали съ каждой стороны по одному тѣлохранителю съ копьями. Позади же паланкина шли восемь челядинцевъ, по четыре въ рядъ. Одинъ изъ нихъ несъ покрытый парчой ящикъ съ мандаринскою печатью цингъ-

миномъ, или патентомъ на должность, и кандалами, какъ знакомъ власти и въ то же время покорности и повиновенія богдыхану²⁾, другой—кальянъ, кисетъ съ табакомъ и пачку особенныхъ бумажекъ, для раскуриванья трубки, третій—чайникъ и футляръ съ фарфоровою чашкой и четвертый—футляръ съ письменнымъ приборомъ и складное кресло. Остальные четверо въ задней шеренгѣ шли съ пустыми руками, вѣроятно въ качествѣ смѣны.

Итакъ, для того чтобы поднять и пронести по нѣсколькимъ уликамъ одного чиновника потребовалось 34 человѣка, и это только для одной его особы! Но не думайте, чтобы тутъ уже былъ и конецъ процессіи: за восемью челядинцами слѣдовали гуськомъ еще четыре паланкина, но уже открытые спереди и отдѣленные безъ пышности. Въ нихъ засѣдали, обмахиваясь вѣерами, чиновники низшихъ ранговъ, состоящіе при особѣ мандарина, съ круглыми очками на носу и въ бѣлыхъ балахонахъ. То были его секретарь, регистраторъ и два *бу-тина*, или писца, старшій и младшій. Этимъ полагалось тоже по четыре носильщика на каждого и по два полицейскихъ съ бамбуковыми тростями, которые и замыкали собою шествіе. И того 62 человѣка свиты и носильщиковъ!

По точной справкѣ оказалось, что это изволилъ шествовать мандаринъ V класса, въ коемъ полагается быть губернскимъ чиновникомъ (чжи-чжоу), въ родѣ нашихъ совѣтниковъ губернскаго правленія. Отличія ихъ: бѣлый прозрачный шарикъ на шапкѣ, шитье на спинкѣ курмы изображающее птицу, красный зонтикъ, синія носилки и весь комплектъ вышеописанной свиты. Такъ вотъ, съ какой помпой носятъ здѣсь китайскихъ совѣтниковъ;—не то что у насъ, гдѣ они сами «на своихъ на двоихъ» пробираются въ притруску по тротуару съ портфелькомъ подъ мышкой... А когда такая процессія слѣдуетъ по китайскому городу, то весь встрѣчный людъ сторонится и отдастъ паланкину *чинг-чинг* съ соответственнымъ его рангу степеню почтенія, отъ простаго поклона до колѣнопреклоненія и земного prostиранія ницъ включительно. Въ европейскихъ кварталахъ, гдѣ жители-китайцы не подлежатъ китайской юрисдикціи, они при подобной встрѣчѣ только почтительно сторонятся; но тѣ которые забрели сюда лишь на время, по какому-нибудь дѣлу изъ китайскаго города и опять должны туда возвратиться, тѣ и кланяются, и чебурахаются самымъ исправнымъ образомъ. И это понятно: для нихъ такой мандаринъ есть прямое начальство, и въ случаѣ еслибы кто изъ его свиты замѣтилъ съ ихъ стороны непочтительность, оплошавшіе по возвращеніи въ застѣнный городъ легко могутъ быть узаны, разысканы и

¹⁾ Ранги и классы чиновниковъ различаются, между прочимъ, и количествомъ сборокъ на зонтахъ.

²⁾ Чиновникъ, получившій указъ о своемъ арестѣ, обязанъ немедленно же надѣть на себя эти кандалы и отправляться въ нихъ на судъ въ Пекинъ.

наказаны по пятамъ бамбуками. Такія церемоніальныя шествія, съ боемъ въ гонги, въ извѣстные часы утра и вѣскорѣ послѣ полудня, ежедневно появляются на нѣкоторыхъ улицахъ европейскихъ участковъ, при слѣдованіи должностныхъ мандариновъ на службу въ таможеню, въ китайскую часть порта и въ одно изъ китайскихъ предмѣстій Шанхая, подлежащихъ застѣнной юрисдикціи, чтобы чинить тамъ судъ и расправу. Утромъ они слѣдуютъ туда, а послѣ полудня обратно, и при возвращеніи домой имъ, по положенію, салютуютъ съ городской стѣны тремя пушечными выстрѣлами.

Третьяго дня, на пути изъ Цикавеи, мы встрѣтили еще болѣе пышную процессію: шествовали разомъ два мандарина V класса и потому весь описанный выше кортежъ слѣдовалъ въ двойномъ количествѣ, а мандариновъ несли рядомъ другъ подлѣ друга и на этотъ разъ имъ предшествовали особыя носилки, на которыхъ стоялъ красный съ золотыми разводами кивотъ, прикрытый красною, расшитую шелкамъ, пеленой съ изображеніемъ золотого дракона. Въ этомъ кивотѣ хранится особый богдыханскій указъ, въ силу коего означенные въ немъ мандарины въ извѣстныхъ случаяхъ проявляютъ свои полномочія. Такъ мнѣ объяснили все это у насъ въ гостиницѣ за табльд'отомъ мѣстные жители, французы. Бой въ гонгъ при этомъ случаѣ также былъ особенный, а именно: послѣ двухъ протяжныхъ ударовъ слѣдовали три короткіе. Говорятъ, что по уставу китайскихъ церемоній, на разные случаи и для различныхъ ранговъ установлены и особые бой въ гонгъ. При этомъ должно замѣтить, что, кромѣ вышшняго почета, китайскіе чиновники пользуются еще и весьма приличнымъ содержаніемъ. Губернаторъ, напримеръ, получаетъ въ годъ 20.000 таэлей, то есть на наши деньги 36.000 рублей ¹⁾, а младшій канцелярскій писецъ 180 таэлей, или 324 рубля. Жить можно!

Я взялъ извозчика съ ручною колясочкой и поѣхалъ въ застѣнный городъ. Проводникъ мой бѣжалъ рядомъ. Изъ жалости къ нему я приказалъ было возницѣ идти шагомъ, но проводникъ и за себя, и за него увѣрялъ меня что шагомъ хуже—бѣжать-де гораздо сподручнѣе обонимъ. Ну, Богъ съ вами, бѣгите какъ знаете, коли вамъ такъ легче!.. Ыдемъ вдоль стѣны, гдѣ у воротъ расположились продавцы четоковъ, амулетовъ и разнаго стараго хлама, въ родѣ поломанныхъ шандаловъ, битой посуды, старыхъ гвоздей и т. п. Тутъ же неподалеку валяются грубыя изваланія коней, подобныхъ тѣмъ, что видѣли мы по пути въ Цикавеи. Вскорѣ проводникъ, которому заранѣе было объяснено, что мнѣ нужно китайскаго

оружія, остановилъ меня предъ одною лавкой, гдѣ продавались алебарды и рѣзакі; вылитые изъ олова и украшенные разноцвѣтными стеклами въ видѣ драгоцѣнныхъ камней.

— Да развѣ это можно употребить какъ оружіе? — съ удивленіемъ спрашиваю у продавца чрезъ переводчика-гида.

— Это оружіе, но не для кровопролитія,— было мнѣ отвѣтомъ,—а употребляется оно въ домахъ для устрашенія злыхъ духовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ украшеніе комнаты, все равно какъ и этотъ мечъ.

И съ этими словами онъ снялъ со стѣны и положилъ предо мною кортикъ, чрезвычайно курьезно сдѣланный изъ мѣдныхъ чоховъ (монетъ), навязанныхъ на шелковую тесьму и крѣпко связанныхъ ея переплетенными концами.

— Это чрезвычайно полезно вѣшать надъ кроватью во время сна,—пояснилъ продавецъ,— ничто такъ хорошо не отгоняетъ отъ спящаго человека злыхъ духовъ, какъ именно этотъ амулетъ. Самое вѣрное средство!.. Могу продать съ уступкой.

Я поблагодарилъ за предложеніе, но пояснилъ гиду, что мнѣ нужно оружіе настоящее, а не нносказательное. Но для того, чтобы объяснить какое именно, пришлось приказатъ везти себя къ воротамъ Монтобана, гдѣ находится китайская гауптвахта. Колесили, колесили по разнымъ улицамъ и переулкамъ, наконецъ привезли. Часового у фронта не было и сегодня, изъ чего я заключилъ, что вѣроятно такового здѣсь и не полагается, а потому свободно взопелъ вмѣстѣ съ гидомъ на платформу, гдѣ стояло дреколье. «Вотъ, молъ, чего мнѣ надо, гляди!» И онъ мало того, что глядѣлъ, а еще взялъ да потрогалъ всѣ эти протазаны руками, прикинулъ ихъ на вѣсъ и рассмотрѣлъ на желѣзѣ клеймо. Курьезіе всего то, что караульные солдаты, сидѣвшіе въ кружокъ подъ навѣсомъ, даже и не пошевелились не только при нашемъ появленіи у нихъ на платформѣ, но и когда гидъ сталъ трогать оружіе: они преспокойно продолжали курить свои трубки и играть въ кости.

Уразумѣвъ наконецъ чего мнѣ хочется, проводникъ посовѣтовалъ мнѣ отпустить извозчика, такъ какъ намъ придется идти неудобными для ѣзды улицами и повелъ меня какимъ-то длиннымъ и довольно пустыннымъ переулкомъ, гдѣ не только двумъ встрѣчнымъ колясочкамъ не разѣхаться, но и одной не проѣхать, такъ какъ по самой серединѣ проѣзда былъ насланъ рядъ высокихъ плоскихъ камней для пѣшиходовъ, на случай невылазной грязи, въ которой впрочемъ и теперь, несмотря на продолжительную сухую погоду, не было недостатка.

Слѣдуя по этому переулку, я имѣлъ достаточно времени насмотрѣться на китайскихъ носильщиковъ тяжестей, направлявшихся въ

¹⁾ 1 таэль равняется 6 маркамъ, или 1 рублю 80 копѣйкамъ.

числѣ нѣсколькихъ паръ по одной съ нами дорогѣ. Шли они, разумеется, гуськомъ; каждая пара несла на длинной оглоблѣ по одному подвѣшенному подъ нее большому тюку, причѣмъ всѣ шагали въ ногу и въ тактъ довольно быстро, эластичною походкой, которую скорѣе даже можно назвать побѣжкой. Въ этомъ у нихъ выработана замѣчательная сноровка. Передовой носильщикъ командуеъ начало и конецъ движенія, скорость шага и остановку для раздыха и перемѣны плеча подъ тяжестью; остальные исполняютъ его команду моментально, съ отчетливостью регулярнаго солдата въ строю. На ходу движеніе сопровождается общимъ отсчитываніемъ такта, такимъ образомъ, что въ каждой парѣ передній возглашаетъ «разъ, два», а задній отвѣчаетъ ему «три, четыре», и сбѣгается это всѣмъ хоромъ, въ унисонъ и съ совершенною точностью, безъ малѣйшей оттяжки. Увѣряютъ, что такой способъ чрезвычайно облегчаетъ имъ трудъ и сохраняетъ силы.

Изъ длиннаго переулка, называемаго «Улицей портныхъ и башмачниковъ», повернули мы въ болѣе просторную улицу, гдѣ обитаютъ съ одной стороны кузнецы, слесари, оружейники и мѣдники, а съ другой — столяры, отдѣльно по каждой специальности столярнаго дѣла. Такъ въ одномъ дворѣ живутъ мебельщики, въ другомъ токари, въ третьемъ бочары, въ четвертомъ мастера, выдѣлывающіе деревянную домашнюю посуду, въ пятомъ гробовщики и т. д. Всѣ работы производятся, можно сказать, прямо на улицѣ, подъ навѣсами открытыхъ сараевъ, служащихъ въ то же время и лавками для сбыта своихъ произведеній. Гробы изъ камфарнаго дерева темно-желтаго и красновато-коричневаго цвѣта всѣ крыты лакомъ и превосходно отполированы; въ изголовьи у каждаго находится рѣзное и вызолоченное изображеніе какихъ-то цвѣтовъ, завитковъ и животныхъ, среди которыхъ, въ случаѣ заказа, вырѣзывается также и имя покойника, купно съ его званіемъ, рангомъ и проч. Словомъ гробы «такъ хороши, что хочется умереть», какъ выразился намъ одинъ мастеръ, къ которому мы зашли посмотреть его произведенія. Деревянная точеная посуда тоже очень хороша. Она покрыта красною и черною лаковою краской и нерѣдко украшена блѣдно-золотистыми разводами. Вообще, этого рода вещи очень напоминаютъ нашу «татишевскую посуду», бывшую вмѣстѣ съ мебелью «русскаго стиля», лѣтъ десять тому назадъ (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), въ такой модѣ въ Петербургѣ.

У оружейника (онъ же и кузнечныхъ дѣлъ мастеръ), къ которому привелъ меня гидъ, готоваго оружія не оказалось. Нашлись только двѣ алебарды да два протазана, и то вчерні и безъ древковъ, такъ что напередъ необходимо было ихъ отдѣлать. Хозяинъ сначала не

хотѣлъ браться за это, такъ какъ срокъ, назначенный мною на завтра къ шести часамъ вечера, былъ слишкомъ коротокъ, но упрощенный мною, онъ наконецъ взялся, предупредивъ впрочемъ, что по краткости времени работа не можетъ быть особенно тонка, но что вещи будутъ сдѣланы такъ, какъ онѣ обыкновенно дѣлаются для городской стражи.

— Готовыхъ же, объяснилъ онъ, — нѣтъ, потому что со стороны солдатскаго начальства спросъ на нихъ бываетъ не часто, а со стороны любителей и того еще рѣже. Почти не стоить и держать такой товаръ, который къ тому же у китайцевъ не въ уваженіи.

И дѣйствительно, достаточно взглянуть на это неуклюжее, съ трудомъ поворачиваемое въ рукѣ и вовсе уже не смертоносное оружіе, чтобы признать въ «сынахъ неба» народъ далеко не воинственный. Ихъ сабли, мечи и алебарды щеголяютъ болѣе отдѣлкой эфесовъ, ножонъ и древковъ; чѣмъ выдѣлкой и качествомъ желѣза. Вы видите иногда дивно инкрустированныя лаковыя ножны какого-нибудь обоюдоостраго меча и думаете: вотъ должно-быть прелесть! вотъ, вѣроятно, дивный клинокъ! Но увы! — лишь только вынули вы мечъ изъ ноженъ, сейчасъ же полное разочарованіе: предъ вами оказывается дурно выкованная и еще хуже отшлифованная полоса желѣза, годная развѣ колоть щепки на лучину. Стрѣлы ихъ — то же самое: прекрасная отдѣлка колчана и отвратительные наконечники, мягкаго желѣза и безо всякой закалки. Да и кромѣ того, даже самая форма оружія указываетъ на невоинственность и даже какую-то дѣтскость китайцевъ на этотъ счетъ. Китаецъ какъ будто рассчитываетъ устрашить врага не столько боевыми качествами своего затѣйно-причудливаго оружія сколько его «страннымъ видомъ». Достаточно взглянуть хотя бы на этотъ протазанъ, которымъ никого и ничего проткнуть невозможно, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Но за то для эффектнаго вида, въ составѣ какой-нибудь почетной стражи, протазанъ этотъ будетъ совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, и для подобной цѣли лучше его, пожалуй, ничего и не придумаешь. Впрочемъ, долженъ оговориться: все, сказанное мною, справедливо только въ отношеніи къ *чисто-китайскому* оружію, производимому *китайскими же* мастерами, но не относительно клинковъ и наконечниковъ манчжурскаго производства. Тѣ манчжурскіе клинки, какіе впоследствии привезъ мнѣ въ подарокъ изъ Пекина М. А. Поджіо, положительно хороши, съ прекраснымъ отвѣсомъ для рубки и ловко сидятъ въ рукѣ, — словомъ, это оружіе дѣйствительно военное, боевое, и менѣе всего щеголяетъ отдѣлкой ножонъ и т. п.

Что до огнестрѣльнаго оружія, то Китай до послѣднихъ годовъ снабжался изъ Англіи всякой европейской калѣбью, браковками или

арсенальнымъ хламомъ, вышедшимъ изъ употребленія. Но въ послѣднее время, при помощи европейскія, въ особенности нѣмецкя мастера, китайцы стали выдѣлывать себѣ ружья сами, по европейскимъ образцамъ и европейскими способами производства. И увѣряютъ иные, будто по своимъ качествамъ это оружіе не уступаетъ европейскому, а по внѣшней отдѣлкѣ даже превосходитъ его. Такъ ли это, судить не могу, потому что не видѣлъ ни одного образца, за исключеніемъ развѣ охотничьихъ двустволокъ въ Сингапурѣ; но то была просто рыночная грубая работа.

На возвратномъ пути отъ оружейника зашли мы въ нѣсколько лавокъ; въ одной изъ нихъ торговали специально вѣерами, въ другой шелковыми кистями, въ третьей фарфоровую посудой. Далѣе шли лавки зонтиковъ, женскихъ уборовъ, рисовальныхъ и письменныхъ принадлежностей и проч. Вѣера очень разнообразны и дешевы. Напримѣръ, шелковый двусторонній вѣеръ, натянутый на кругломъ обручѣ и изящно разрисованный легкою эскизною акварелью (двѣ птички надъ цвѣтущей вѣткой), стоитъ всего одинъ шиллингъ, то-есть менѣе тридцати копѣекъ серебромъ на наши деньги. Самые дорогіе вѣера были не дороже полудоллара. А съ меня, конечно, еще запрашивали въ три-дорога, какъ съ иностранца. Въ посудной лавкѣ въ особенности обратили мое вниманіе вещи изъ чайной и столовой посуды употребляемыя простонародьемъ: круглыя чашки, миски, чайники, блюда, судки и фарфоровыя хлебательныя ложки. При своей замѣчательной просто грошевой дешевизнѣ, онѣ отличались чистотой выдѣлки и красивой разрисовкой, что несомнѣнно указываетъ на развитіе въ массахъ до извѣстной степени изящнаго чувства и вкуса. Въ особенности оригинальны были здѣсь ажурные фарфоровые фонари, замѣняющіе наши ночныя лампы: они имѣютъ форму обыкновеннаго четырехсторонняго фонаря и нерѣдко отличаются очень медкимъ и тонкимъ сквознымъ узоромъ. Зашелъ я, между прочимъ, въ златошвейную мастерскую, которую замѣтилъ еще вчера. Первое что заставило меня здѣсь обратить особенное вниманіе, былъ образъ Будды, въ аршинъ длины и поларшина ширины, вышитый шелками на атласѣ небесно-голубаго цвѣта. Всеблагой Будда, въ золотомъ вѣничкѣ вокругъ головы, съ исходящимъ изъ него во всѣ стороны ореоломъ лучей, былъ представленъ стоящимъ на лазоревомъ облакѣ, въ длинномъ хитонѣ и мантии, съ рукой, поднятой для благословенія. Работа замѣчательно изящная и тонкая, не говоря уже о замѣчательности своего сюжета. Въ этой же мастерской изготовляютъ военныя знамена, обыкновенно имѣющія форму продолговатаго трехугольнаго флага съ вырѣзанными по краямъ его зубча-

тыми фестонами и съ изображеніемъ полумѣсяца (рожками вверхъ) на оловянномъ наконечникѣ, насаженномъ на бамбуковое древко. Съ обѣихъ сторонъ cadaго такого знамени по суконному огненно-оранжеваго цвѣта полотнищу были вышиты разноцвѣтными шелками изображенія дракона, разинувшаго пасть на пылающій дискъ солнца. Кстати, вчера за табль-д'отомъ я слышалъ такое объясненіе смысла этого изображенія: «Драконъ», какъ извѣстно, издревле составляетъ государственныи гербъ Небесной Имперіи, какъ «Восходящее Солнце»—такой же гербъ Японіи, и то обстоятельство, что на Дайцинскихъ гербахъ послѣднихъ двухъ столѣтій драконъ всегда изображается зарящимся на солнце, подаетъ японцамъ поводъ думать, что Китай зарится на Японію и будто нынѣ господствующая въ немъ династія манчжурскихъ завоевателей символизируетъ въ этомъ изображеніи свое тайное стремленіе къ завоеванію и поглощенію Японіи, «но поглотить солнце еще никому не удавалось, и оно сожжетъ своими лучами дерзновеннаго». Таково мнѣніе японцевъ.

Я спросилъ чрезъ переводчика, для чего въ мастерской столько знаменъ. Отвѣчали, что это заказалъ губернаторъ для мѣстныхъ войскъ, такъ какъ старыя знамена поизорвались.

— А нельзя ли у васъ приобрести одно такое знамя?

— Отчего же, съ удовольствіемъ. Это будетъ стоить четыре доллара.

— И если вы мнѣ продадите, на это никто не будетъ въ претензіи?

— За что же? Мы получили заказъ и исполняемъ его къ назначенному сроку, а такъ какъ времени до срока еще достаточно, то мы успѣемъ на мѣсто этого знамени изготовить другое.

И я приобрѣлъ себѣ китайское знамя вмѣстѣ съ пеленами и драпировками для буддйскаго алтаря, благо китайцы не стѣсняются продавать вещи такого значенія первому встрѣчному *ян-гуй-зо*, то-есть *заморскому чорту*, названіе, которое вы въ Китаѣ всегда можете услышать себѣ во слѣдъ не только отъ ребятъ, но и отъ взрослыхъ.

Еще раньше я замѣчалъ, что алтарныя пелены и драпировки, какъ въ домашнихъ божницахъ, такъ и въ кумирняхъ и пагодахъ, постоянно бываютъ краснаго цвѣта; точно то же въ предметахъ сего рода встрѣтилъ я теперь и въ златошвейной мастерской. Это навело меня на мысль, что выборъ цвѣта, вѣроятно, тутъ не безъ значенія, и дѣйствительно оказалось, что красный цвѣтъ вообще почитается у китайцевъ наилучшимъ «симпатическимъ» предохранительнымъ средствомъ противъ всякаго зла, напасти, худого глаза и т. п., потому что злые духи его терпѣть не могутъ, а добрые, напротивъ, очень любятъ. На этомъ-

то основаніи и бумага для всякаго рода поздравленій, привѣтствій, пожеланій, *дуй-изи* и визитныхъ карточекъ, равно какъ амулеты, жертвенныя свѣчи, алтарныя драпировки и т. п. всегда бываютъ краснаго цвѣта.

Большое неудобство для иностранца-путешественника, при хожденіи по китайскому городу, а еще болѣе при покушкахъ, составляетъ уличная празднующаяся толпа, которая по своей доброй охотѣ сопровождаетъ его рѣшительно повсюду, и избавиться отъ нея нѣтъ никакой возможности. Въ такой толпѣ всегда найдутся добродѣтельные гиды и охотники торговаться, которые непременно навязываются къ вамъ со своими непрошеными услугами и вмѣшиваются въ вашъ торгъ съ продавцами, поднимаютъ споры *за и противъ* достоинствъ и цѣны покупаемой вами вещи, одни корятъ продавца за неуступчивость, другіе подзадориваютъ его не соглашаться, на вашу цѣну и совѣтуютъ ему заламывать съ *янг-гуй-зо* побольше. Но это уже необходимое зло, съ которымъ волей-неволей приходится мириться. У жителей портовыхъ городовъ вообще образуется навѣкъ узнавать по первому взгляду національность иностранца. Такъ точно и здѣсь всѣ сразу узнали, что я русскій, и потому въ бродившей за мною толпѣ любопытныхъ не было недостатка. Въ двухъ лавкахъ обратились ко мнѣ чрезъ переводчика съ разспросами, точно ли мы намѣрены воевать съ ними и за что именно. Я отвѣчалъ, что намъ насчетъ войны ничего не извѣстно, равно какъ и о томъ существуютъ ли къ ней какіе-либо поводы; это-де дѣло разумнѣе высшихъ властей, а не наше. Мнѣ отвѣчали на это, что въ Шанхаѣ недавно появилась брошюра какого-то пекинскаго цензора общественныхъ нравовъ (называли и имя, да позабылъ), въ которой онъ взвѣшиваетъ шансы войны и мира съ Россіей и склоняется въ пользу войны, вызывая къ патриотизму яація.

— Ну что жъ, если быть войнѣ, то будемъ воевать, а пока мы въ мирѣ, я буду у васъ покупать, а вы мнѣ продавайте,—отвѣчалъ я на это въ шутовскомъ тонѣ, и китайскіе купцы очень любезно соглашались со мной. Но вообще я ни въ комъ и ни въ чемъ не замѣтилъ ни малѣйшей по отношенію къ себѣ враждебности, хотя и провелъ въ китайскомъ городѣ почти цѣлый день и хотя за мной постоянно ходила толпа простонародныхъ зѣвакъ.

Въ числѣ своихъ уличныхъ наблюденій я долженъ отмѣтить фактъ, что въ китайскомъ городѣ очень мало профессиональныхъ нищихъ или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе, чѣмъ можно бы было ожидать, судя по скученности и бѣдности населенія. Но въ томъ-то и сила, что здѣсь бѣдное населеніе есть въ то же время и рабочее населеніе, находящее себѣ въ какомъ бы то ни было ремесленномъ или мус-

кульномъ трудѣ источникъ своего дневнаго пропитанія. Въ числѣ профессиональныхъ нищихъ большинство составляли вдовы женщины, да и тѣхъ-то было немного: на весь городъ я встрѣтилъ не болѣе десяти или двѣнадцати. Онѣ обыкновенно съ груднымъ ребенкомъ, положеннымъ на цыновкѣ на землю, сидятъ отвернувшись отъ улицы, лицомъ къ стѣнѣ или къ канавѣ, такъ что подающій опускаетъ свое подаваніе въ цыновку или въ чашку сзади, черезъ плечо женщины, не видя ея лица, равно какъ и нищая не видитъ лица подающаго. Изъ мужчинъ же просятъ милостыню исключительно слѣпые или такіе калѣки, которые уже окончательно неспособны ни къ какой работѣ, какъ напримѣръ, паралитики или лишенные всѣхъ четырехъ конечностей. Но кто мало-мальски можетъ хоть что-нибудь работать, тотъ уже не нищенствуетъ. Мнѣ, напримѣръ, тутъ же пришлось видѣть безногаго, который, вмѣсто прошенія милостыни, занимался выдѣлываніемъ искусственныхъ цвѣтовъ, продавая ихъ прохожимъ и этимъ зарабатывая себѣ свой кусокъ хлѣба. Но за то среди рабочихъ часто встрѣчаются такіе бѣдняки, у которыхъ нѣтъ никакого крова, которые, отработавъ свой день, укладываются спать на улицѣ, на парпетахъ домовъ, на лѣстницахъ, въ проходахъ и т. п. Между ними попадаются и больные, лежащіе гдѣ-нибудь въ тѣни прикрывшись цыновкой. Сострадательные прохожіе не оставляютъ ихъ безъ посильной помощи: одинъ принесетъ чашку воды, другой апельсинъ для освѣженія вкуса, третій горсточку риса, но о правильной медицинской помощи тутъ, разумѣется, нечего и думать.

Женщинъ, такъ же какъ и вчера, видно очень мало; если онѣ и показываются гдѣ, то это преимущественно въ овощныхъ, мясныхъ и рыбныхъ лавкахъ. Семейства городскихъ жителей ютятся большею частію въ каморкахъ и на чердакахъ своихъ полутораэтажныхъ домовъ, гдѣ низъ всегда занятъ лавкой или мастерской; живутъ крайне скученно и грязно; всѣ естественныя отправленія совершаются тутъ же на улицѣ—и безъ собакъ, являющихся единственными дезинфекторами города, была бы бѣда. Собаки эти, между прочимъ, очень ласковыя къ китайцамъ, кидаются со злобнымъ лаемъ на европейцевъ, вѣроятно оттого, что европеецъ въ китайскомъ городѣ является какъ рѣдкое исключеніе.

На рынкѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ замѣтилъ я въ продажѣ сверчковъ и кузнечиковъ; первые были посажены за стекломъ въ красныхъ коробочкахъ, а вторые попрыгивали въ маленькихъ клѣточкахъ изъ очень тонкихъ бамбуковыхъ прутьевъ. Оказывается, что китайцы и тѣхъ и другихъ очень любятъ носить при себѣ въ карманахъ, ради ихъ стрекотанья. Но въ особенности между ними есть

много любителей птичьего пѣнія, для которыхъ въ китайскомъ Шанхаѣ существуетъ даже особый птичій рядъ, гдѣ продаются преимущественно пѣвчія птицы. Подъ вечеръ, обыкновенно, каждый хозяинъ-любитель выходитъ погулять со своею кѣткой, чтобы дать подышать птицѣ свѣжимъ воздухомъ. Такіе любители постоянно собираются на одной изъ городскихъ площадей, близъ базара, и здѣсь между ихъ птицами происходятъ состязанія — чья лучше поетъ, причемъ, по китайскому обыкновению, дѣло никогда не обходится безъ битвы обѣ закладъ за ту или другую птицу.

Вообще страсть къ игрѣ и къ пари распространена и здѣсь не менѣе чѣмъ въ Гонконгѣ. Доходитъ, напримѣръ, до того что хозяйка, приходя къ мяснику или колбаснику, не просто покупаетъ что ей нужно, а ставитъ свои деньги на пари. Ей, положимъ, надо бы было купить четыре сосиски; но если она угадаетъ сразу на глазъ сколько именно сосисекъ назнано у продавца на той или другой бамбуковой спицѣ, то онъ, къ четыремъ купленнымъ за деньги, прибавляетъ ей еще четыре сосиски даромъ, а если не угадаетъ — иди домой безъ денегъ и безъ сосисекъ! И представьте, что рѣдко которая изъ хозяекъ откажетъ себѣ въ удовольствіи поиграть въ ставку на сосиски, на трепанги, на сушеные грибы и тому подобные кулинарные продукты.

Точно также на базарѣ вы нерѣдко встрѣчаете кучку людей, окружившихъ одного человека и внимательно слѣдящихъ за тѣмъ, какъ онъ, взрѣзавъ пополамъ апельсинъ, считаетъ въ немъ количество зеренъ. Это тоже игра. Каждый изъ кучки поставилъ свою ставку, держа пари на то или другое число зеренъ въ апельсинѣ. Угадавшій получаетъ ставки всѣхъ остальныхъ и взрѣзанный апельсинъ въ придачу. Или вотъ еще уличная азартная игра, извѣстная подъ названіемъ «фанъ-тамъ». Сущность ея въ томъ, что каждый игрокъ ставитъ кушъ какой ему заблагоразсудится, обыкновенно чохами. Крупье собираетъ всѣ ставки въ одну кучу, изъ которой начинаетъ раскладывать по одной монетѣ на четыре равныя части. Остатокъ, за пополненіемъ четырехъ кучекъ равнымъ количествомъ монетъ, можетъ оказаться въ одинъ, два или три чоха. На угадываніи этого остатка и строится вся игра: кто угадалъ, тотъ получаетъ свою ставку втройніѣ, а если всѣ чохи разойдутся безъ остатка, то крупье загребаетъ въ свою пользу всѣ четыре кучки.

Между прочимъ, видѣлъ я сегодня и судебное разбирательство. Павильонъ суда, какъ уже сказано, находится около пруда съ чайнымъ павильономъ и площадки Большой и Малой Медвѣдницы. Зданіе его представляетъ собою нѣчто въ родѣ сарая на каменномъ основаніи, съ двумя раздвижными рѣшетчатыми

и двумя неподвижными переборчатыми стѣнами подъ высокою черепичною кровлей съ курносими наугольниками. Ко главному входу въ него ведетъ широкій, вымощенный плитой тротуаръ, по срединѣ коего, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ входа, находится широкая, приземистая каменная тумба, въ родѣ простой монской капители отъ круглой колонны, на которой совершается всенародно казнь отсѣченія головы и четвергованія. Пока до прибитія судьи, мы свободно разрѣшили осмотрѣть внутренность судебной залы. Я поднялся на три ступеньки широкой каменной лѣстницы и очутился въ просторномъ продлинноватомъ сараѣ, по срединѣ котораго, какъ разъ противъ главнаго входа, стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотомъ бахромой. На столѣ находились два письменные прибора, одинъ съ кияварью, другой съ тушью, и двѣ небольшія фарфоровыя вазы, въ коихъ лежали четыре лакированные палочки, съ виду въ родѣ толстыхъ, неочиненныхъ карандашей. По словамъ моего гйда, онѣ имѣютъ двойное назначеніе. Если, напримѣръ, судья находитъ нужнымъ арестовать и привести кого-либо въ суду, то онъ вручаетъ исполнительному комиссару одну изъ этихъ палочекъ, съ которою тотъ и отправляется, въ сопровожденіи стражи, за искомымъ лицомъ. Безъ предъявленія арестуемому судебной палочки, арестъ не считается законнымъ и обращается въ простое насилие надъ личностью гражданина, который если хочетъ, то можетъ и защищаться. Но сопротивленіе послѣ предъявленія палочки есть уже само по себѣ очень крупное преступленіе, приравненное — по закону къ сопротивленію императорской власти и влекущее за собою смертную казнь. Поэтому въ Китаѣ сопротивленіе при законномъ арестѣ есть неслыханное дѣло, если, впрочемъ, арестуемый не формальный разбойникъ, котораго во всякомъ случаѣ ожидаетъ плаха. Второе назначеніе, палочекъ состоитъ въ томъ, что съ помощью ихъ судья, во время разбирательства, подаетъ исполнителямъ своей судебской воли нѣкоторые сигналы, значеніе коихъ не всегда извѣстно подсудимому. Такъ, если онъ во время допроса подсудимаго возьметъ и броситъ на полъ одну палочку изъ правой вазы, то палачи обязаны тотчасъ же отпустить подсудимому извѣстное число ударовъ, дабы заставить его быть откровеннѣе. Если брошено вмѣстѣ по одной палочкѣ изъ каждой вазы, то это значить, что судья желаетъ свести на очную ставку свидѣтелей истца и отвѣтчика; если же палочка брошена назадъ черезъ плечо судьи, то допросъ считается оконченнымъ, и подсудимаго или свидѣтеля слѣдуетъ удалить изъ залы.

На боковыхъ переборчатыхъ стѣнахъ висѣли кандалы, клещи, щемилки, колодки, тяжелые

досчатые ошейники, иногда надѣваемые на подсудимаго, и разные другіе пыточные инструменты, а на продольной стѣнѣ, вверху, за судейскимъ мѣстомъ была вывѣшена черная лакированная доска съ золотыми надписями, изображавшими какія-то относящіяся до правосудія изреченія.

Около девяти часовъ утра удары въ гонгъ возвѣстили прибытіе судьи, котораго привесли въ паланкинѣ со всею подобающею его рангу помпой. Толпа народа тотчасъ же сплотилась по бокамъ главнаго входа, а въ ней я нашелъ себѣ мѣстечко вмѣстѣ со своимъ гидомъ. Судья, съ помощью двухъ слугъ, всенародно облачился въ мундирную курму, надѣлъ мандаринскую шапочку съ шарикомъ, и переважно, даже съ нѣкоторою театральностью, возсѣлъ на свое судейское кресло. Вынулъ изъ вазы одну палочку, онъ двумя пальцами приподнялъ ее предъ собою и объявилъ засѣданіе открытымъ. Разбиралась какая-то гражданская тяжба. Истецъ и отвѣтчикъ были введены одновременно, и оба опустились на колѣни на циночкахъ шагахъ въ пяти предъ судейскимъ столомъ, истецъ справа, отвѣтчикъ слѣва, на разстояніи около трехъ аришинъ другъ отъ друга. Все разбирательство шло на словахъ, а когда истцу понадобилось предъявить судѣ какой-то письменный документъ, то онъ, не вставая съ колѣнъ, вынулъ его изъ-за пазухи и подаль для передачи одному изъ служителей, который въ свой чередъ вручилъ его секретарю, а тотъ уже, со знаками почтенія, положилъ бумагу предъ судьей. Чѣмъ кончилось дѣло, не знаю, такъ какъ, за неимѣніемъ лишняго времени, я не могъ оставаться въ публикѣ долѣе получаса, да и это было своего рода пыткой—стоять на солнцѣ и нюхать въ непосредственной близости специфическій запахъ китайцевъ, состоящій изъ смѣси кастороваго и кокосоваго масла, чесноку и лачули. Но долженъ сказать, что за все время судья ни разу не прибѣгнулъ къ бамбуковымъ увѣщаніямъ, быть-можетъ потому что дѣло было гражданское, да и присутствовавшая публика веда себя въ высшей степени дисциплинированно, безъ толкотни и говора между собою. Глядя на ея поведение, мнѣ казалось что вся она видимо проникнута сознаніемъ какъ бы священнои важности отправляемаго предъ нею правосудія. Говорятъ, будто китайскіе судьи, а еще болѣе ихъ прислѣшники и слуги, берутъ большія взятки и по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, какъ съ истца, такъ и отвѣтника, рѣшая дѣло въ пользу того, кто больше дастъ. Но мнѣ кажется, что едва ли это такъ просто, въ виду хотя бы того, что судопроизводство совершается гласно и всенародно, а при такихъ условіяхъ единоличныи и отвѣтственный предъ высшею властію судья, какой бы онъ ни былъ самъ по себѣ, едва ли ужъ

такъ безцеремонно и нагло можетъ попирать справедливость на глазахъ у столькихъ контролеровъ его публичной дѣятельности, вооруженныхъ страшнымъ оружіемъ общественной молвы, которая разлетается быстро и разными путями восходитъ очень высоко¹⁾. Да и кромѣ того, тѣ знаки уваженія, какіе выказывала эта разношерстная толпа, какъ къ отправленію судебного акта, такъ и къ личности самого судьи, едва ли можно объяснять только страхомъ бамбуковъ; мнѣ кажется, что главнѣйшую роль тутъ играетъ личный авторитетъ и нравственное достоинство человека, облеченнаго въ судейское званіе. Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, вынесенное мною лично изъ того что я видѣлъ.

Въ шестомъ часу дня, только-что возвратившись домой, встрѣчалъ на лѣстницѣ Н. Н. Росселя, который останавливаетъ меня вопросомъ, не хочу ли я купить себѣ цѣлую коллекцію фотографическихъ видовъ и типовъ Шанхая.

— Разумѣется, хочу.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ вмѣстѣ со мною, это въ двухъ шагахъ отсюда.

Мы пришли въ очень скромную мастерскую китайскаго художника-фотографа, гдѣ встрѣтилъ насъ старикъ-хозяинъ, объясняющійся очень бойко по-англійски. Повидимому, это человекъ не безъ нѣкотораго доска европейской цивилизации, по крайней мѣрѣ мы застали его за чтеніемъ газеты *Shanghai Mercury*. Я выбралъ у него сорокъ десятидюймовыхъ снимковъ, да Россель штукъ около тридцати, и заплатили мы за нихъ всего-на-всего четыре доллара, изъ коихъ два съ половиной пришлось на мою долю. Можетъ ли быть что-нибудь дешевле! Эти люди, кажется, рѣшительно ни во что не ставятъ свой личный трудъ, а цѣнятъ чуть ли не одинъ только матеріалъ, потраченный на пропаздество.

Въ первой комнатѣ мастерской, кромѣ фотографическихъ изображеній, висѣли еще на стѣнахъ разные картинки въ чисто-китайскомъ жанрѣ, съ которыми какъ нельзя болѣе гармонировалъ стоявшій на окнѣ въ фарфоровомъ вазонѣ кустъ можжевельника въ курьезной формѣ гуса съ вытянутою шеей. Но, заглянувъ въ отворенную дверь въ другую комнату,

¹⁾ Въ Китаѣ, какъ извѣстно, существуетъ цензура музыки, театра и печати. Последняя, то есть цензура печати, имѣетъ весьма важное значеніе и вліяніе, такъ какъ чиновникамъ ея повсемѣстно предоставлено право критиковать дѣйствія не только мандариновъ, но и самого императора въ особыхъ докладахъ, отсылаемыхъ лично на его имя. При допущеніи къ тому же обличительной литературы, дѣйствія чиновниковъ постоянно подвергаются критической оцѣнкѣ въ газетахъ и памфлетахъ, но съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, что обличитель непременно долженъ, въ случаѣ надобности, неопровержимо доказать правдивость своего обличенія.

я, къ немалому своему удивленію, увидѣлъ тамъ на стѣнныхъ полкахъ цѣлый рядъ картинъ совершенно иного пріема живописи. Всѣ онѣ были писаны масляными красками на очень тонкомъ холстѣ, натянутомъ на обыкновенные подрамки, и изображали виды разныхъ китайскихъ мѣстностей и городовъ, съ точнымъ соблюденіемъ воздушной перспективы и естественнаго колорита. Я, при помощи Росселя, попросилъ хозяина показать мнѣ нѣкоторые изъ нихъ.

— Неужели для васъ это можетъ быть интересно?—спросилъ старикъ съ нѣсколько недобривую улыбкой.

— Даже очень, потому что я еще впервые вижу китайскую живопись перспективнаго характера... Я не подозрѣвалъ, что у васъ есть такая...

— А между тѣмъ она, какъ видите, существуетъ,—замѣтилъ хозяинъ, снимая съ полокъ нѣсколько видовъ.

— Но это, вѣроятно, у васъ только недавно стали писать въ подобномъ родѣ и, вѣроятно, подъ вліяніемъ европейскихъ заказчиковъ?

— О, нѣтъ... совсѣмъ нѣтъ! — разсмѣялся старикъ:—европейцы такихъ картинъ у насъ вовсе не требуютъ. Европейцамъ, напротивъ, нравится наша безперспективная живопись, вотъ какъ эта (и онъ указалъ на картинку первой комнаты); они называютъ ее «китайскимъ жанромъ», и ее-то главнѣйшимъ образомъ и требуютъ. А эти картины мы держимъ спеціально для своихъ китайскихъ покупателей.

— Которые желаютъ обставиться нѣсколько на европейскій ладъ?—спросилъ Россель.

— О, нѣтъ!.. опять-таки нѣтъ,—замоталъ старикъ головой, —перспективная живопись существуетъ у насъ уже давно, гораздо раньше, чѣмъ появились европейцы въ Шанхаѣ. Я еще мальчишкой учился рисовать такіа картины, а училъ меня мой отецъ, который въ то время былъ немногимъ развѣ моложе, чѣмъ я теперь, но и мой отецъ далеко не былъ изобрѣтателемъ этого рода. Въ точности сказать вамъ какъ давно существуетъ въ Китаѣ перспективная живопись и откуда она пошла, я къ сожалѣнію, не могу, но знаю только, что ею мы обязаны вовсе не европейцамъ. Да и что же мудренаго,—продолжалъ словоохотливый художникъ,—вѣдь нашъ глазъ видитъ природу такъ же, какъ и вашъ, и замѣчаетъ въ ней тѣ же краски, и то же разстояніе и величину предметовъ, стало-быть тутъ все дѣло только въ точной передачѣ того, что видишь. Этого мы и достигаемъ и даже точнѣе, чѣмъ ваши художники. Вотъ, напримѣръ, смотрите,—и онъ поставилъ предъ нами одну картину,—вотъ вамъ видъ мѣстечка Вампоо на Чу-киангѣ. Смотрите на эту высокую пагоду; перспективно она нахо-

дится на третьемъ планѣ, и, если вы смотрите на нее съ разстоянія двухъ-трехъ шаговъ, вы вѣдь не видите ея деталей, предъ вами только одинъ общій контуръ, главные краски, и главные тѣни; но попробуйте совсѣмъ подойти къ картинѣ, и взгляните на пагоду вблизи, и вы увидите, что въ ней выписана самымъ тщательнымъ образомъ каждая деталь, такая есть въ дѣйствительности. Наша живопись въ этомъ отношеніи дѣлаетъ то же, что фотография,—пояснилъ старикъ.—Вы смотрите на фотографическій видъ и схватываете только его *общее*, а взгляните въ лупу, и предъ вами выступитъ каждый малѣйшій штришокъ, существующій въ природѣ этого пейзажа. Вотъ чего не достигаютъ европейскіе художники!—прибавилъ онъ въ заключеніе, не безъ нѣкоторой національной гордости.

Изъ дальнѣйшаго разговора для насъ, между прочимъ, выяснилось, что у китайскихъ художниковъ существуетъ два рода живописи: одинъ безъ перспективы, изображающій предметы независимо отъ ихъ взаимнаго соотношенія въ природѣ, и нашъ собесѣдникъ, какъ мнѣ кажется, весьма удачно назвалъ этотъ родъ *предметнымъ* (object-painting), такъ какъ онъ даетъ вамъ не картину природы, а только рядъ извѣстныхъ предметовъ, въ ней находящихся или отвлеченныхъ, идейныхъ, какъ напримѣръ, драконы, но имѣющихъ въ каждомъ данномъ случаѣ какое-либо свое, особое значеніе, и съ этой-то стороны подобный родъ можетъ быть названъ отчасти, пожалуй, *символическимъ*. Онъ употребляется преимущественно въ разныхъ ремесленныхъ произведеніяхъ, какъ напримѣръ, въ живописи на фарфорѣ, на лаковыхъ вещахъ, на вѣерахъ и т. п. Его-то европейцы и понимаютъ какъ жанръ спеціально китайскій, а такъ какъ съ ихъ стороны главный спросъ обращается на произведенія именно этого жанра, то китайскіе мастера въ шутку прозвали его «европейскимъ». Въ настоящее время они нерѣдко пишутъ въ подобномъ жанрѣ даже особые картины, но это спеціально для европейцевъ. Китайскіе же любители предпочитаютъ произведенія перспективнаго или «естественнаго» характера, и оттого-то эти послѣднія у нашего старичка-художника и запрятаны въ задней комнатѣ; оттого-то онъ и усомнился, могутъ ли онѣ интересовать меня.

Что сказать вамъ объ этой послѣдней живописи? Она любопытна развѣ какъ доказательство, что и китайцамъ извѣстны понятія о перспективѣ и воздушныхъ тонахъ. Но самое исполненіе отличается тою кропотливою заливчатостью, какая замѣчается иногда въ акварельныхъ работахъ юныхъ и старательныхъ институтокъ, изъ числа «подающихъ надежды». Въ самомъ приемѣ кисти есть что-то дѣтское, несмѣлое, лишенное широты размаха и силы удара, вслѣдствіе чего общее впечатлѣніе, полу-

чаемое отъ такого пейзажа, несмотря на все стремленіе живописца къ вѣрности тоновъ и красокъ, разлитыхъ въ природѣ, является все-таки впечатлѣніемъ чего-то плоскаго, нарисованнаго и потому, безжизненнаго. Тѣмъ не менѣе, для образца, я все-таки купилъ у старика три наиболѣе понравившіяся мнѣ картины, и между ними видъ мѣстечка Вампоо, заплативъ за каждую по два доллара.

26-го августа.

Сегодня у насъ праздникъ—день коронаціи. Поэтому всѣ мы, въ полной парадной формѣ, отправляемся на «Горностаѣ» къ молебну. Доѣхавъ до американскаго участка, пересѣли въ двѣ ожидавшія насъ военныя шлюпки, присланныя съ нашего стационера. Но тутъ не обошлось безъ приключеній, которыя чуть было не кончились катастрофой. По незнакомству съ фарватеромъ рѣки, рулевой посадилъ нашу шлюпку на мель. Но это доставило лишь нѣсколько минутъ возни нашимъ гребцамъ, которые, съ помощью багровъ и весель, кое-какъ сдвинулись съ мели. А надо замѣтить, что омывающая американскій участокъ лѣвая сторона рѣки заставлена вокругъ мели множествомъ разнаго рода стоящихъ у пристаней рѣчныхъ судовъ: шаландъ, джонокъ и большихъ грузовыхъ сампанговъ, образующихъ своими рядами какъ бы плотную стѣну. И вдругъ изъ-за этой стѣны, въ ту минуту какъ мы уже стали ее огибать, неожиданно выскакиваетъ полнымъ ходомъ наперерѣзъ нашему пути маленькій рабочій пароходикъ, тащившій за собою на короткомъ буксирѣ большую грузную шаланду. Мы были на быстромъ теченіи внизъ по рѣкѣ и потому, прежде чѣмъ успѣли принять надлежащія мѣры къ предотвращенію столкновенія, шаланда уже очутилась противъ насъ въ разстояніи менѣе сажени. Еще мгновеніе, и она неминуемо должна была своею правую щеку ударить въ лѣвый бортъ нашу шлюпку и, конечно, смять ее подъ себя, но къ счастью лѣвобортные гребцы успѣли подставить ей навстрѣчу свои весла и тѣмъ парализовали силу удара. Благодаря этому маневру, шлюпка, отпихнувшись отъ шаланды, повернула носомъ вправо, по одному съ нею направленію, и шаланда проскользнула вдоль ея борта, сильно обда него шагнувшись и накренивъ шлюпку на правую сторону. Слава Богу, отдѣлались только однимъ сломавшимся при ударѣ весломъ, да нѣсколько помятымъ бортомъ. Вторая шлюпка, гдѣ находились флагъ-офицеры Родіоновъ и Россель, слѣдуя зади, уже совсѣмъ было изготовилась спасти насъ, ибо, по словамъ обоихъ, катастрофа казалась имъ неминуемою: были уже, какъ говорится, на волосокъ отъ смерти, но... стало-быть не судьба потонуть намъ сегодня въ

этихъ быстрыхъ и противно грязныхъ волнахъ Вузунга.

На «Горностаѣ» адмиралъ былъ встрѣченъ по уставу командиромъ судна, капитанъ-лейтенантомъ Старкомъ, съ рапортомъ, причемъ почетный караулъ отдалъ ему воинскую почесть. Судовые офицеры были выстроены въ рядъ на шканцахъ, а команда вдоль бортовъ остальной части судна. Поздоровавшись съ людьми и принявъ представленіе офицеровъ, адмиралъ приказалъ дать сигналъ «на молитву». Тутъ же на верхней палубѣ, подъ большимъ тентомъ, былъ поставленъ на столѣкъ судовой образъ, предъ коимъ совершенно молебствіе съ возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору и царствующему Дому. За отсутствіемъ священника, подобающія молитвы и ектенія произносилъ одинъ изъ чиновъ команды, а хоръ составленъ былъ изъ матросовъ. По окончаніи молебствія, адмиралъ поздравилъ команду съ праздникомъ и поднялъ чарку во здравіе Государя. Затѣмъ онъ сдѣлалъ наружный осмотръ судна, отличавшагося самымъ щеголеватымъ видомъ: общая чистота и лоскъ, свѣжесть окраски и полировки, блескъ орудіи и металлическихъ частей и множество флаговъ, развѣвавшихся на мачтовыхъ снастяхъ, все это придавало маленькому «Горностаю» весьма нарядный и вполне праздничный видъ. Послѣ осмотра, по приглашенію командира, мы всѣ спустились въ капитанскую каюту, гдѣ ожидала насъ горячая русская кулебяка съ капустой, русская водка и русскія закуски, которыхъ мы не видали уже съ самой Одессы.

Сегодня же насъ ожидалъ еще офиціаль-ный праздникъ у мѣстнаго консула, отца Рединга, а въ семь часовъ вечера такой же обѣдъ у гонконгскаго нашего коммерческаго консула, г. Реймерса. Понятно, что за всѣмъ этимъ нынѣшній день уже не могъ быть посвященъ мною никакимъ экскурсіямъ и осмотрамъ чего бы то ни было въ китайскомъ горѣ и окрестностяхъ. Относительно завтрака и обѣда у консуловъ, долженъ замѣтить, что ихъ повара-китайцы обладаютъ замѣчательнымъ кулинарнымъ искусствомъ и умѣютъ въ совершенствѣ готовить какія угодно европейскія блюда. Очень нравятся мнѣ тоже здѣшнее обыкновеніе украшать столъ цвѣтами, преимущественно розами, разсыпаемыми прямо по скатерти и вѣерамъ, которые кладутся предъ каждымъ приборомъ.

27-го августа.

Сегодня нашъ адмиралъ даетъ завтракъ обоимъ консуламъ, командиру и офицерамъ «Горностаѣ», своему штабу и знакомымъ, съ которыми онъ съ супругой наиболѣе сблизился на «Пей-Хо». Завтра мы покидаемъ Шанхай, а потому я долженъ былъ заранѣе распор-

даться надежной упаковкой кое-каких накупленных здѣсь вещей. Это, впрочемъ, не помѣшало мнѣ послѣ завтрака еще разъ отправиться съ моимъ гидомъ-китайцемъ въ застѣнный городъ. На этотъ разъ довелось видѣть очень любопытное зрѣлище, а именно ученіе пѣхотной роты и артиллерійской команды регулярныхъ китайскихъ войскъ, входящихъ въ составъ малосильнаго шанхайскаго гарнизона.

Въ сѣверо-западномъ концѣ города, прилегающа къ его древней стѣнѣ, находится небольшая открытая площадка, около 100 саженъ въ поперечникѣ, лежащая какъ разъ предъ дворцомъ мѣстнаго губернатора. На эту-то площадку и были выведены солдаты для ученья. Пѣхотная рота состояла изъ 96 человекъ, въ томъ числѣ фельдфебель 1, унтеръ-офицеровъ 4, знаменщикъ 1, трубачей 2, рядовыхъ 88 человекъ. При ротѣ находились три офицера: капитанъ-европеецъ и какъ кажется мнѣ, англичанинъ, а два субалтерна — китайцы. Въ строевомъ отношеніи рота дѣлилась на два взвода и четыре полувзвода; послѣдними командовали унтеръ-офицеры. Форма людей состояла изъ китайчатаго кителя, покроемъ вродѣ блузы сѣро-синяго цвѣта съ желтымъ воротникомъ, обшлагами и погонами, того же цвѣта и той же матеріи панталонъ и китайскихъ баншиковъ на толстой войлочной подошвѣ, съ бѣлыми гамашами; головнымъ уборомъ служить небольшая чалма свѣтло-синяго цвѣта, а у офицеровъ — плоское кепи американскаго образца съ прямымъ козырькомъ и какимъ-то металлическомъ гербомъ; мундиръ же ихъ состоялъ изъ французской форменной жакетки съ черными гусарскими шнурами и рейтузовъ съ лампасами. У солдатъ на спинѣ, а у нѣкоторыхъ и на груди кителя былъ нашитъ желтый крутъ и въ немъ какіе-то черные знаки китайской азбуки, — вѣроятно нумеръ и наименованіе части. Къ зимнему времени имъ выдаются плащи изъ грубаго верблюжьего сукна и весь форменный костюмъ подбивается ватой. Снаряженіе людей состояло изъ чернаго лакированнаго кушака съ бликой и двухъ такихъ же широкихъ португей, носимыхъ накрестъ, черезъ оба плеча; на одной изъ нихъ висятъ штыковыя ножны, на другой патронташъ изъ черной лакированной кожи. Унтеръ-офицеры при томъ же снаряженіи отличались желтыми басонными шевронами надъ обшлагами обоихъ рукавовъ блузы, а фельдфебель — галунными, и вооруженіе сего послѣдняго состояло изъ револьвера и офицерской сабли въ желѣзныхъ ножнахъ. Что до ружей, то тутъ была полная мѣшанина: Шасспо и Пибоди, и Снайдеръ, и старыя винтовки ударной системы. Впрочемъ, говорятъ, будто это только такъ, для домашнего употребленія, а на случай войны въ арсеналахъ-де уже лежитъ полный

запасъ ружей Снайдера. Снаряженіе и обмундированіе у артиллеристовъ въ общемъ такое же какъ и въ пѣхотѣ; отличие состоятъ только въ цвѣтѣ чалмы, воротничковъ и наспинныхъ знаковъ, которые у нихъ огненно-краснаго цвѣта, да въ томъ еще, что вооруженіе ихъ составляютъ карабины (не знаю какой системы), носимые за спиной. У трубачей, какъ въ пѣхотѣ такъ и въ артиллеріи, трубы французскаго образца и носятъ черезъ плечо на шелковомъ шнурѣ, а что до знамени, то оно совершенно такое же какое третьяго дня я купилъ себѣ у златошвея.

Команда артиллеристовъ, не считая трубача и двухъ фейерверкеровъ, состояла изъ восемнадцати человекъ при трехъ маленькихъ орудіяхъ, въ числѣ коихъ была одна коронада, а остальные короткотѣлые, крупнокалиберныя пушки, Богъ вѣсть когда уже вышедшія изъ употребленія. Лафеты и колеса у нихъ низенькіе, какъ у горныхъ орудій, а передки о двухъ продолговатыхъ снарядныхъ ящикахъ, приспособленные подъ одноконную упряжку. Но здѣсь, на ученіи, вмѣсто лошадей, таскали ихъ на себѣ сами солдаты, запрягаясь въ лямки. Ученіе артиллеристовъ состояло въ приемахъ снятія орудій съ передковъ и поднятія на оныя, въ поворотахъ орудій и въ обученіи зарядженію по темпамъ, а у пѣхоты оно ограничивалось ружейными приемами и маршировкой съ ломкой фронта. Обучающій капитанъ, если требовалось объяснить что-либо людямъ, обращался къ одному изъ своихъ субалтерновъ по-англійски, а тотъ уже громко передавалъ командирское замѣчаніе на весь фронтъ по-китайски. А когда надо было выругать, то въ этихъ случаяхъ капитанъ самъ уже принимался выкрикивать какія-то бранныя туземныя слова, грозно потрясая своею саблей. Мой гидъ объясняетъ это тѣмъ, что англійскій инструкторъ, кромѣ нѣсколькихъ скверныхъ ругательствъ, ровно ничего не смыслить по-китайски. Но это не мѣшаетъ ему обучать черезъ переводчика и получать за это очень солидное жалованье.

Видъ у фронта не особенно воинственный, въ родѣ рекрутскаго; нѣтъ еще въ людяхъ ни выправки, ни выдержки настоящей, да не знаю и будетъ ли. Лица у большинства людей испытаны и обнаруживаютъ пристрастіе къ опиуму. Отношеніе къ своему дѣлу у нихъ вялое, апатичное, вниманіе во фронтѣ довольно слабое, въ исполненіи движеній и приемовъ нѣтъ ни отчетливости, ни энергіи. Вообще какъ-то сразу замѣтно, что военное дѣло для истаго китайца не совсѣмъ-то сердечное дѣло, хотя нельзя сказать, чтобы они были вовсе не годны для военной службы: глядя, какъ эти голые мускулистые кули по нѣсколькимъ часамъ сряду таскаютъ на спинѣ портовые грузы, достаточно убѣждаешься въ ихъ мускульной силѣ и въ

ихъ выносливости, а что китаецъ не прихотливъ на счетъ пищи и вообще въ своихъ житейскихъ требованіяхъ, то это фактъ общеизвѣстный. Все это такія данныя, которыя, при извѣстной выработкѣ, могли бы обѣщать изъ него очень хорошаго солдата, но въ настоящемъ своемъ видѣ воинство это не кажется особенно грознымъ.

Вотъ нѣсколько свѣдѣній о китайскомъ войскѣ, какія мнѣ удалось собрать изъ разспросовъ, частію у нашихъ консуловъ, частію у мѣстныхъ французовъ. Контингентъ китайскихъ войскъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, доставляли только сѣверо-восточныя провинціи изъ природныхъ манчжуровъ, которые и распредѣлялись по гарнизонамъ разныхъ городовъ на безсрочную службу. Но теперь принимаются въ солдаты и китайцы, изъ безземельныхъ бобылей и бездомныхъ пролетаріевъ, которыхъ привлекаетъ въ военные ряды возможность имѣть болѣе или менѣе обезпеченный кусокъ хлѣба и получать весьма значительное жалованье. Иногда они убѣгаютъ со службы и становятся пиратами, а иногда бросаютъ ремесло пирата и поступаютъ въ солдаты. Это тѣмъ болѣе легко, что при поступленіи начальство не спрашивается о прошломъ новобранца. Стало-быть ряды китайской арміи наполняются только наемными добровольцами, которые главнымъ образомъ и поступаютъ нынѣ въ войска регулярныя. Манчжуры не любятъ регулярнаго строя и считаютъ за обиду для себя подчиняться иностраннымъ инструкторамъ, которыхъ они и ненавидятъ, и презираютъ. Но войны манчжурскаго контингента, расселенные для службы по разнымъ городамъ, давнымъ-давно уже утратили всѣ свои боевыя качества и военныя способности. Они вовсе даже и не занимаются военнымъ дѣломъ, а только стрѣляютъ изъ салютаціонныхъ пушекъ да держать караулъ при городскихъ воротахъ, и мы видѣли въ Шанхаѣ сколь хорошо они его держатъ. Войны этого сорта, живя на «вольныхъ квартирахъ», предпочитаютъ занятія мелкимъ торгашествомъ, маклерствомъ или какимъ-нибудь ремесломъ, и такъ уже «окитайлись», что утратили всю свою манчжурскую подкладку, и нерѣдко тако-го манчжура даже и по наружности не отличишь теперь отъ китаецъ. Но есть и еще причина, по которой европейскіе инструкторы избѣгаютъ имѣть дѣло съ манчжурами,—это то, что гордый манчжуръ, нѣкогда славный побѣдитель Китая, не позволяетъ съ собою грубаго обращенія, тогда какъ китайскіе бродяги не претендуютъ, если инструкторскіе фухтели гуляютъ по ихъ спянкамъ. Но, вообще говоря, въ нравственно-военномъ смыслѣ, такой обродѣ людей, удерживаемый въ рядахъ только прианкой хорошаго жалованья, не можетъ представлять элемента надежнаго въ какомъ бы

то ни было отношеніи. Иное дѣло, еслибы въ Китаѣ была воинская повинность, тогда, нѣтъ сомнѣнія, въ солдатахъ служили бы порядочные и честные люди, которые, при указанныхъ выше физическихъ и моральныхъ качествахъ китайскаго работника, могли бы быть и въ чисто военномъ смыслѣ прекрасными солдатами. Но... еще одна или двѣ не совсѣмъ удачныя войны—и Китай, вѣроятно, дойдетъ до сознанія этой необходимости.

Въ настоящее время каждый регулярный пѣхотинецъ и артиллеристъ получаетъ въ мѣсяцъ по одному, а кавалеристъ по два съ половиной лана, что на наши деньги равняется безъ малаго десяти и двадцати пяти рублямъ¹⁾; унтеръ-офицеры въ пѣхотѣ получаютъ, смотря по годамъ службы, отъ двухъ до четырехъ, а фельдфебели до восьми лановъ въ мѣсяцъ. Кроме того, ежедневный рационъ солдата состоитъ изъ 1½ джина²⁾ муки или проса и 1½ джина мяса. Деньги ассигнуются командирамъ частей, которые и продовольствуютъ свои части; но при этомъ они вычитаютъ изъ жалованья нижнихъ членовъ ежемѣсячную стоимость мяса, фуража и ремонта мундирной одежды и обуви (послѣднее только съ тѣхъ, кому ремонтъ потребовался), а остальное выдается людямъ на руки. Но случается, что эти остатки не всегда выдаются командирами съ должною аккуратностью, вслѣдствіе чего люди нерѣдко мародерствуютъ и грабятъ мѣстныхъ жителей. Также бываетъ иногда, что начальники частей, по частному и, конечно, негласному соглашенію съ нижними чинами, выдаютъ имъ вмѣсто мясныхъ порцій опиумъ, который солдаты курятъ очень охотно, несмотря на то, что приказы обоихъ главнокомандующихъ, западнаго—Цзо-зунъ-тана и восточнаго—Ли-хунъ-чана, строго воспрещаютъ употребленіе этого наркотика. При такихъ порядкахъ нечего удивляться, если офицеры, въ особенности изъ туземцевъ, не имѣютъ надъ своими людьми ни должнаго надзора, ни тѣмъ болѣе нравственнаго на нихъ вліянія. Нерѣдко, для увеличенія своихъ средствъ, офицеры эти занимаются содержаніемъ игорныхъ и публичныхъ домовъ, посѣщаемыхъ ихъ же собственными солдатами.

Что до европейскихъ инструкторовъ, то среди ихъ встрѣчаются офицеры и унтеръ-офицеры разныхъ европейскихъ армій, преимущественно, впрочемъ, англичане и нѣмцы, идущіе сюда по контрактамъ съ правительствомъ на извѣстное число лѣтъ, при весьма солидномъ содержаніи; но большинство ихъ не знаетъ китайскаго языка и должно объясняться со своими подчиненными чрезъ переводчи-

¹⁾ Китайскій ланъ=9 руб. 96 коп.

²⁾ Одинъ джинъ, гинъ или катти равняется шестнадцати тельсамъ или 1 фунту 46 золотникамъ.

ковъ, не всегда достаточно свѣдущихъ и добросовѣстныхъ, вслѣдствіе чего обученіе регулярному строю и тѣмъ требованіямъ, кои предъявляются солдату современной тактикой, далеко не всегда можетъ идти успѣшно. Но есть надежда, что современемъ, какъ инструкторы болѣе ознакомятся съ языкомъ, дѣло пойдетъ лучше. По общему отзыву, наиболѣе добросовѣстными и отвѣчающими своему назначенію между инструкторами бываютъ германскіе (преимущественно прусскіе) отставные фельдфебеля и унтеръ-офицеры, равно какъ наибольшую пользу приносятъ китайскому правительству германскіе же техники и инженеры, какъ Ганнекенъ и другіе, избирающіе и укрѣпляющіе для нихъ полевые позиціи и приморскіе пункты и завѣдующіе сухопутными и морскими арсеналами.

Въ настоящее время число регулярныхъ войскъ, состоящихъ подъ главнымъ начальствомъ Ли-хунъ-чана, доходитъ до 42.000 человекъ, кромѣ, такъ-называемыхъ, «восьми знаменъ» манчжурскаго контингента, которыя въ прежнее время считались въ Китаѣ за регулярное войско. Каждое «знамя» по своей численности равняется, приблизительно, нашей дивизіи, и есть предположеніе, чтобы современемъ, когда обученіе дѣйствительно регулярнаго корпуса дойдетъ до желаемой высоты, влить эти 42 тысячи обученныхъ людей въ восемь манчжурскихъ знаменъ, въ качествѣ инструкторскаго элемента, дабы имѣть на сѣверо-восточной границѣ Дайцинской имперіи двухсотъ-тысячную китайскую армію, всегда готовую къ наступательному движенію на Владивостокъ и къ Амуру. Такова завѣтная мечта нашихъ европейскихъ доброжелателей, подвизающихся въ Китаѣ.

Вечеромъ за табль-дѣтомъ познакомился я съ однимъ изъ здѣшнихъ коммерсантовъ. По происхожденію онъ швейцарецъ и потому ко всѣмъ тремъ «участковымъ» шанхайскимъ національностямъ относится нейтрально и безпристрастно, а такъ какъ находится онъ въ краѣ уже болѣе пятнадцати лѣтъ, постоянно вращался и работая въ коммерческомъ мірѣ, то и по этой части свѣдѣнія его весьма основательны и любопытны. По его словамъ, англійская торговля въ Китаѣ, помимо опиума, держится преимущественно громадностью капиталовъ, которые именно, въ силу своей громадности, могутъ легче, чѣмъ другіе конкурирующіе съ ними капиталы, допускать долгосрочные кредиты. Но главная выгода, извлекаемая англичанами изъ торговли къ Китаю, заключается вовсе не въ манчестерскихъ, шеффилдскихъ и прочихъ издѣліяхъ, а прямо въ возможности сбывать въ громадномъ количествѣ свой ость-индскій опій, ежегодный сбытъ котораго простирается свыше чѣмъ на двѣнад-

цать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. По торговлѣ же собственно мануфактурными издѣліями нѣмцы и американцы извлекаютъ болѣе выгоды, чѣмъ ихъ манчестерскіе соперники; первые потому, что сами расходуютъ меньше, да и живутъ экономнѣе, не такъ широко, какъ англичане, а вторымъ не рѣдко и самое производство обходится дешевле, чѣмъ англійское. Такъ, напримѣръ, не далѣе какъ на сихъ же дняхъ, американцы снова понизили цѣны на свои плотные дриллинги до такой степени, что сбытъ англійскихъ дриллинговъ совершенно прекратился. Но и съ долгосрочными кредитами, привлекающими оптовыхъ покупателей, англичане начинаютъ въ послѣднее время терпѣть нѣкоторый, хотя быть-можетъ только временный убытокъ. Дѣло въ томъ, что въ зависимости отъ хода дипломатическихъ переговоровъ китайскаго правительства съ русскимъ, сильныя колебанія курса подвергли многихъ китайскихъ купцовъ большимъ потерямъ, вслѣдствіе чего спросъ на долгосрочно-кредитный товаръ съ ихъ стороны сократился до такой степени, что теперь они забираютъ только то, что необходимо для удовлетворенія насущной потребности, и потому имѣетъ вѣрный сбытъ, какъ, напримѣръ, холстъ и шертинги. Въ виду всего этого, англичанамъ хотѣлось бы добиться у китайскаго правительства исключительно для себя свободнаго доступа на внутренніе рынки Китая. Нынѣ вся европейская торговля производится лишь въ нѣсколькихъ приморскихъ портахъ, да въ нѣкоторыхъ городахъ по Янъ-цзы-киангу; внутри же страны продажа европейскихъ товаровъ находится въ рукахъ китайскихъ посредниковъ, которые, терпя при провозѣ всевозможныя притѣсненія отъ мѣстныхъ властей на внутреннихъ таможахъ, доставляютъ товары въ отдаленныя мѣста по цѣнамъ вдвое большимъ, чѣмъ могли бы продавать англичане, еслибы доставляли ихъ туда сами. Тогда, конечно, на мѣстахъ непосредственнаго сбыта всѣ англійскія произведенія явились бы внѣ всякой конкуренціи и могли бы расходиться въ несравненно большемъ количествѣ. Французовъ англичане не боятся, почти не считая за конкурентовъ въ Шанхаѣ; но имъ сильно хотѣлось бы устранить какими бы то ни было путями конкуренцію американцевъ и нѣмцевъ, такъ какъ эти соперники видимо идутъ къ тому, чтобы въ будущемъ, и, вѣроятно, даже не въ столь отдаленномъ, совершенно вытѣснить англійскій мануфактурный товаръ съ китайскаго рынка, оставя англичанъ лишь при опиумѣ. Нѣмцы, напримѣръ, въ послѣднее время совершенно отбили у нихъ и еще одинъ весьма выгодный видъ торговли, а именно: всѣ громадныя поставки оружія и военныхъ принадлежностей для китайскаго правительства производится

вынѣ уже не англійскими, а нѣмецкими контр-агентами и притомъ исключительно съ германскихъ оружейныхъ заводовъ.

Наконецъ, что касается вывозной, или собственно чайной торговли, то есть шансы предвидѣть, что въ будущемъ Китай сохранитъ за собою, вѣроятно, только русскій рынокъ, благодаря слишкомъ уже вкоренившейся, всенародной русской привычкѣ къ китайскому чаю. Еще не далѣе, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ, Китай былъ единственнымъ поставщикомъ этого продукта во все остальные страны и, казалось, стоялъ онъ въ этомъ отношеніи внѣ всякой конкуренціи. Торговля съ Японіей еще не открывалась, объ яванскомъ чаѣ не было и слуху, а на опыты разведенія этого деревца въ Остъ-Индіи смотрѣли какъ на попытки, едва ли обещающія успѣхъ для собственно торговыхъ цѣлей, такъ какъ никто и не думалъ, чтобы производство когда-либо достигло тамъ такихъ размѣровъ, при которыхъ остъ-индскій чай могъ бы сдѣлаться серьезнымъ предметомъ вывоза. Но, въ теченіе послѣднихъ двадцатилѣтій, дѣло приняло иной оборотъ: первыми, измѣнившими китайскому чаю, были американцы, обратившіеся за этимъ продуктомъ къ Японіи, какъ только открылся для нихъ Иокогамскій портъ, и теперь Америка значительное количество чая вывозитъ уже изъ Японіи, и вывозъ этотъ съ каждымъ годомъ все увеличивается. Точно такъ же и въ Англіи употребленіе остъ-индскаго чая вытѣсняетъ китайскіе чай, а изъ Афганистана, Персіи и всей Средней Азіи они и совсѣмъ уже вытѣснены своимъ остъ-индскимъ соперникомъ. Голландцы на всѣхъ островахъ Малайскаго Архипелага, да и у себя дома, съ большимъ успѣхомъ вводятъ свой яванскій чай, обходящійся имъ дешевле китайскаго. Оставался еще австралійскій рынокъ, гдѣ потребленіе этого продукта весьма значительно и съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, вслѣдствіе быстрого увеличенія населенія; но съ 1879 года и Австралія стала измѣнять Китаю: въ этомъ году тамъ были сдѣланы первыя попытки обратиться къ замѣнѣ китайскаго чая остъ-индскимъ, и такъ какъ попытки эти удались, то есть уже положительныя свѣдѣнія, что на 1881 годъ изъ Австраліи сдѣланы очень большіе заказы остъ-индскимъ поставщикамъ. Стало быть, и съ этой стороны китайскимъ производителямъ предстоитъ не малый убытокъ. По всѣмъ видимостямъ, уже не далеко время, когда Англія и все ея колоніи будутъ поставлены въ полную независимость отъ китайскаго рынка, относительно чая для собственного употребленія, и если англичане будутъ еще покупать его въ Китаѣ, то развѣ въ качествѣ коммерческихъ посредниковъ, для снабженія другихъ странъ, куда и теперь уже идетъ большая часть чая, покупаемаго ими на

здѣшнихъ рынкахъ. Да наконецъ, и въ самой Европѣ, какъ слышно, возникаетъ для Китая новый соперникъ, такъ какъ опыты, производимые въ Сициліи, около Мессины, идутъ настолько успѣшно, что общаются надежные результаты. Такимъ образомъ, будущность собственно китайской чайной торговли представляется далеко не въ розовомъ свѣтѣ: она неизбежно должна все болѣе падать и падать...

28-го августа.

Ровно въ часъ пополудни колесный пароходъ японскаго общества Іерушима-Мару отошелъ отъ своей шанхайской пристани. Находится онъ подъ командой капитана-американца, дѣтины атлетическаго сложенія, съ лицомъ добродушнымъ и румянымъ какъ піонъ. Матросы все японцы, маленькіе, худощавые, но ловкіе и цѣпкіе какъ кошки. Въ каютъ-компаніи есть нѣсколько японскихъ и китайскихъ пассажировъ и, между прочимъ, молодая японская дама, въ національномъ костюмѣ. За табль-д'отомъ китайцы удалились за особый столъ, а японцы остались вмѣстѣ съ европейцами. Англійскій столъ на пароходѣ изобилуетъ и вкусенъ; все блюда ставятся сразу, на грѣлкахъ, и всякій можетъ брать по собственному выбору, что ему угодно.

При входѣ изъ устья Янъ-цзы-кианга, погода стала портиться. Закатъ былъ багровый, а въ десятомъ часу вечера пошелъ дождь. Нѣкоторые высказываютъ опасенія, какъ бы не поднялся тайфунъ, для борьбы съ которымъ наша старая, неуклюжая, плоскодонная посудина американской рычаговой системы, съ громадными колесами и цѣлымъ домомъ надъ верхнею палубой, въ сущности, приспособленная только для рѣчнаго плаванія, окончательно не годится.

29-го августа.

Штиль и дождь—цѣлый день, безъ перерыва. Въ воздухѣ значительно похолодѣло. Въ каютъ-компаніи сидѣть совсѣмъ не въ моготу: тамъ изъ разныхъ каютъ слышатся то подавленные стоны и удушающій капсель какого-то чахоточнаго пассажира, то ревъ какихъ-то англійскихъ «беби», которыхъ тщетно стараются уговорить заботливыя мамушки, нянюшки и тетушки. Поэтому сию цѣлый день вмѣстѣ съ какимъ-то пассажиромъ-китайцемъ въ особой курительной каютѣ и работаю надъ своимъ дневникомъ. Къ счастью, этотъ китаецъ куритъ манильскія сигары, а не свое просаленное, вонючее зелье. Подъ вечеръ пришелъ М. А. Поджіо и вызвалъ меня на верхъ полюбоваться закатомъ. Дождь съ полчаса какъ пересталъ, и небо стало разясняться. Востокъ и югъ небосклона отливали густыми лиловыми тонами, а западъ почти съ зенита былъ ярко-

палевый, золотистый. Чрезвычайно эффектно!

Послѣ обѣда небо прояснилось еще больше; кое-гдѣ показались звѣзды и выглянули из-за облака молодой мѣсяцъ.

Завтра будемъ въ Нагасаки, и я увижу Японію...

XVIII.

Нагасаки.

Русскій вѣтеръ.—Архипелагъ Гото и культура его острововъ.—Китайскіе и японскіе паруса.—Чувство берега.—Нагасакскій маякъ.—Старыя батареи.—Островки.—Паценбергъ и его жертвы.—Нагасакская бухта.—Приходъ на рейдъ и встрѣча съ русскими.—Таможня.—«Камаринскій» въ Нагасаки и матросскіе кабачки.—Гостиница „Belle Vue“.—Омуру, европейскій участокъ города.—Русское консульство и его садъ.—В. Я. Костылевъ.—Обѣдъ на крейсере „Азія“.—Прогулка въ русскій госпиталь.—Медузы.—Предмѣстье Иноса или „Русская деревня“, ея русскіе жильцы и ихъ лодочники.—„Холодный домъ“ или гостиница „Нева“.—Русское кладбище.—Водяная змѣя.—Знакомство съ А. А. Сига.—Первый приказъ С. С. Лесовскаго по эскадрѣ и военное совѣщаніе.—Обмѣнъ салютовъ.—Распределение и особые назначенія судовъ нашей эскадры.—Курумъ и дженерикши.—Децима, бывшая голландская факторія и ея бывшее значеніе.—Японская часть города, ея общій характеръ и особенности.—Торговля, ремесла и промышленность.—Церемонія встрѣчныхъ поклоновъ у туземцевъ.—Национальные костюмы и ихъ смѣшеніе съ европейскими.—Татуировка.—Физическій складъ японской расы.—Наружность мужчинъ и женщинъ.—Японскія дѣти.—Базаръ фарфоровыхъ издѣлій въ Децимѣ.—Вазы, какъ образцы японскаго искусства.—Мѣстныя цѣны на фарфоръ.—Ресторанъ „Фукуя“.—Буддйскій благовѣстъ.—Процессія геекъ (цѣвицъ и танцовщицъ).—Что такое гейки въ Японіи.—Шелкошвейная мастерскія и ихъ работы.—Накашима, ея мѣстоположеніе и достопримѣчательныя древности.—Черепаша-человѣкъ.—Архитектурное и внутреннее устройство мѣшавскаго дома.—У японскаго антикварія.—Нравственное и безнравственное по понятіямъ европейцевъ и японцевъ.—Чайный домъ, его обстановка и угощенія.—Концертъ геекъ, ихъ наружность, костюмы и музыкальные инструменты.—Застольные обычаи, пѣсни, куплеты, пляски и игры.—Нѣчто о японской музыкѣ.—Второй приказъ по эскадрѣ.—Тайфунъ въ миниатюрѣ.

30-го августа.

Свѣтлое и нѣсколько прохладное утро. Освѣжающій вѣтерокъ повѣваетъ съ сѣверо-запада, свой, родной, изъ Россіи, хотя положимъ и изъ сибирскихъ тундръ, да все же русскій вѣтеръ, съ далекой родины! И какъ ласкаетъ опаленныя зноемъ лица его бодрящее вѣяніе!.. Дышется легко и ѣмко, всею грудью. Организмъ, измученный жарами предшествовавшихъ дней, сегодня отдыхаетъ, словно воскресая къ новой жизни. Тѣло сухо. Слава Богу, наконецъ-то эти ужасныя тропическія широты пройдены.

Поздравили адмирала и другъ друга съ общимъ русскимъ праздникомъ, днемъ именинъ Государя. Всѣ были на верхней палубѣ, же-

лаи, послѣ столькихъ сутокъ мученія отъ зноя днемъ и духоты ночью, въ волю надышались первкою прохладой, которою подарилъ насъ, какъ лучшимъ подаркомъ для дня нашего праздника, нашъ русскій вѣтеръ. На долго ли только?..

Около девяти часовъ утра проходимъ мимо южной оконечности крайняго изъ острововъ архипелага Гото. Издала кажется, будто весь этотъ островъ снизу до верху исполосованъ зеленѣющими лентами, очень правильно расположенными одна надъ другою въ горизонтальномъ направленіи, такъ что весь онъ является взору какою то измрудно-зеленой игрушкой токарной работы, хотя при этой зелени на всей его поверхности не замѣтно не только деревьевъ, но даже ни малѣйшаго кустика. Отъ подошвы, омываемой пѣнистымъ бурнымъ, и до самой его макушки идутъ террасообразными ступенями одна надъ другою японскія пашни, разбитыя на правильные участки и засѣяныя (въ это лѣто уже вторично) ячменемъ и пшеницей. Напрасно ищеть глазъ какой-нибудь хижинки, усадьбы, деревушки на всемъ пространствѣ небольшого островка, — ни съ запада, ни съ юга, ни съ востока не замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго жилья; быть-можетъ оно кроется гдѣ-нибудь тамъ съ сѣверной, какъ наиболѣе прохладной стороны, гдѣ мы не можемъ его видѣть, проходя южнѣе острова, но люди бывалые увѣряютъ, будто въ этихъ мѣстахъ вовсе не въ рѣдкость встрѣтить какой-нибудь крошечный островокъ, совершенно пустынный и тѣмъ не менѣе сплошь обработанный самыми культурнымъ образомъ. Хозяинъ подобнаго островка, живущій гдѣ-нибудь по сосѣдству, арендуетъ его у казны и въ извѣстные сроки приливаетъ къ нему въ утлой лодочкѣ, чтобы воздѣлывать свою пашню и тщательнѣе ухаживать за нею. Благодаря очень искусной системѣ орошенія, одинаковой во всей Японіи, эти небольшія пашенки обезпечены отъ засухи и всегда приносятъ хорошій и вѣрный доходъ своимъ хозяевамъ. Все это сообщалъ намъ капитанъ нашего парохода, человѣкъ уже не первый годъ совершающій еженедѣльные срочные рейсы между Шанхаемъ и Нагасаки, и, сколько можно было заключить изъ его разсказовъ, хорошо знакомый съ условіями жизни прибрежнаго Китая и Японіи.

Намъ пришло на мысль: неужели же такое уединенное положеніе этихъ островныхъ пашень, при полномъ отсутствіи на нихъ жилья, не служитъ иногда великимъ соблазномъ для какихъ-нибудь тунеядцевъ, которымъ очень легко подѣлать къ островку ночью, во время приближающейся жатвы, и болѣе или менѣе воспользоваться даромъ плодами чужого труда?

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ капитанъ съ полной увѣренностію,—въ Японіи пока еще свято

уважають человѣческій трудъ и собственность. Въ Японіи,—прибавилъ онъ,—даже замки на дверяхъ если и употребляются, то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились европейцы, а внутри страны замковъ почти и не знаютъ: въ нихъ нѣтъ надобности.

Блаженная, какъ видно, страна въ своемъ азіатскомъ «варварствѣ», невольно подумалось мнѣ при этомъ характеристическомъ замѣчаніи.

Насколько можно было замѣтить сквозь дымку легкаго тумана; дальнѣйшіе, болѣе къ сѣверу лежащіе острова архипелага Гого всѣ воздѣланы точно такъ же, какъ и южный островъ: точно такіе же горизонтально расположенныя полосы и черточки указываютъ на существованіе террасообразныхъ нивъ, также на скатахъ и тѣхъ отдаленныхъ высокихъ горъ, что воздвигаются къ небу непосредственно изъ нѣдръ моря. Очевидно тутъ не пропадаетъ даромъ ни одного клочка мало-мальски годной почвы, такъ какъ японцы отлично сумѣли воспользоваться даже и тѣмъ ничтожнымъ ея слоемъ, который прикрываетъ гранитно-кряжистый и мѣстами совсѣмъ обнаженный массивъ южнаго острова.

Чѣмъ ближе къ берегамъ тѣмъ оживленнѣе становится море: и тамъ, гдѣ сямъ появилось на немъ много каботажныхъ джонокъ и рыбацкихъ лодокъ, на которыхъ японцы по дерзости далеко пускаются въ открытое море въ какую бы то ни было погоду. Намъ еще раннимъ утромъ приходилось сегодня встрѣчать ничтожные рыбацкіе челноки съ однимъ, двумя гребцами, но чаще подъ парусомъ, за нѣсколько десятковъ миль отъ берега, когда контуры даже самыхъ высокихъ горъ еще не выступали изъ-подъ черты воднаго горизонта.

Въ конструкціи японскихъ лодокъ и въ особенности джонокъ есть нѣчто общее съ китайскими, но существенную разницу замѣтилъ я въ парусахъ. Китайскій парусъ, изъ грубой бумажной ткани буро-кирпичнаго цвѣта, обыкновенно сшивается въ сплошную площадку и, въ родѣ распускснаго вѣера, держится на нѣсколькихъ поперечныхъ бамбуковыхъ рейкахъ, прикрѣпленныхъ сзади къ полотнищу по всей ширинѣ его, что даетъ такому парусу возможность, въ случаѣ надобности, моментально спуститься внизъ, вмѣстѣ съ верхнею, болѣе тяжелою реей. А когда китайская джонка плыветъ подо всѣми своими парусами, то издалека, какъ я уже упомянулъ раньше, она принимаетъ фантастическій видъ не то гигантской бабочки, не то исполинской летучей мыши. Японскіе же паруса бываютъ либо цыновочные, либо изъ бумажной ткани, но только всегда бѣлаго цвѣта, и для cadaго изъ нихъ требуется лишь двѣ реи: верхняя и нижняя, между которыми продольно протягивается отъ трехъ до пяти цыновокъ или полотнищъ, шириною каждое около десяти вершковъ. Про-

должныя внутренніе края этихъ цыновокъ соединены между собой плотнымъ длиннымъ лентомъ. Въ верхней части средняго или одного изъ крайнихъ полотнищъ иногда изображается какой-нибудь знакъ, въ родѣ шифра, герба или символа, а чаще всего просто нашивается черная коленкоровая полоса около четверти шириной и вершковъ 10—12 длиной; какое значеніе она имѣетъ, мнѣ не пришлось дознаться. Система гребли на японскихъ лодкахъ—исключительно юлой, съ кормы и притомъ не иначе какъ стоя.

Въ одиннадцатомъ часу утра впереди, на востокъ открылись голубовато-сѣрыя очертанія возвышенностей громаднаго острова Кіу-Сіу, или, правильнѣе, Кью-Сю и лица всѣхъ пассажировъ сразу какъ-то стали еще оживленнѣе, чѣмъ за минуту до этого. Я не разъ уже замѣчалъ, что всѣмъ, не исключая и заматорѣлыхъ моряковъ, становится вдругъ какъ-то пріятнѣе, когда судно приближается къ берегамъ, чѣмъ когда оно, въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, плыветъ въ совершенно открытомъ безбрежномъ морѣ, хотя первые часто бываютъ несравненно опаснѣе послѣдняго. Эти берега, и даже самыя неприглядныя, плоскіе, скучные, все-таки вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ монотонную картину безпредѣльнаго моря; благодаря имъ, все-таки видишь хоть какую-нибудь неровность, волнистую или ломаную линію, на которой можно отдохнуть глазъ, утомленный однообразиемъ ровной черты горизонта. А тутъ еще, на этотъ разъ, берега возвышались намъ цѣль, ради которой мы посланы изъ Россіи; они возвышались предѣлъ нашего странствія въ качествѣ «вольныхъ» пассажировъ. Тамъ, у этихъ береговъ, на Нагасакскомъ рейдѣ мы встрѣтили русскія военныя суда на которыхъ у насъ начнется новая жизнь, опредѣляемая словомъ «служба».

Пароходъ держалъ курсъ прямо на маякъ, ярко бѣлѣвшій вдали на солнцѣ у самаго входа въ Нагасакскій заливъ, и въ два часа дня мы уже были на траверсѣ этого маяка. Онъ поставленъ на гребнѣ кряжистаго островка, который съ вѣшней, то-есть западной своей стороны, спадаетъ въ море отвѣсными скалами, а съ восточной или внутренней, обращенной къ Кіу-Сіу, покрытъ кудрявою зеленью, гдѣ среди зарослей замѣтна рѣшетка и цвѣточныя клумбы сада, разведеннаго при бѣлыхъ домикахъ маячной службы.

Входъ въ Нагасакскій портъ идетъ довольно широкимъ заливомъ, мимо небольшихъ островковъ шхеристаго характера. На нѣкоторыхъ изъ нихъ видны батареи, сложенныя стѣнками изъ дикаго цементованнаго камня и покрытыя въ верхней части бруствера дерномъ. Но нынѣ онѣ не только разоружены, а и въ концѣ запущены, такъ что и валы, и брустверы, и

парапеты заросли сорными травами, вьюнками и какими-то цвѣтущими кустарниками. Между тѣмъ топографія этихъ островковъ и расположение ихъ батарей указываютъ, что древніе строители сихъ послѣднихъ руководствовались весьма правильнымъ тактическимъ взглядомъ относительно мѣстной береговой обороны, такъ что еслибъ и въ настоящее время потребовалось возвести для защиты Нагасакскаго порта небольшія укрѣпленія современнаго типа, то лучший выборъ пунктовъ для ихъ расположенія едва ли можно бы было придумать: съ моря эти укрѣпленія были бы почти незамѣтны, а районъ обстрѣла вполне удовлетворялъ бы прекрасной защитѣ бухты, потому что судно которое рискнуло бы въ нее проникнуть должно бы было пройти подъ непрерывнымъ продолжнымъ и перекрестнымъ огнемъ этихъ батарей.

Между шхеристыми островками коихъ берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрѣплены каменными стѣнками бетонной кладки, образующими своего рода набережныя, разсѣяны небольшія скалы и отдѣльно торчащіе изъ воды камни, которые представляютъ и въ общемъ, и каждый самъ по себѣ очень изящный видъ, благодаря тому, что на ихъ вершинкахъ и въ разсѣлинахъ пріютились красиво искривленные японскія сосенки и иные деревца и кустарники, окутанные разнообразными вьюнками, тогда какъ другія ползучія растенія цѣлыми пучками и гирляндами свѣшиваются внизъ, къ водѣ, по обнаженнымъ гранитнымъ глыбамъ. Въ серединѣ прохода, откуда заливъ поворачиваетъ къ сѣверу, образуя уже самую бухту, возвышается скалистый островокъ Такабоку, извѣстный у европейцевъ болѣе подл именемъ Паленберга, — названіе данное ему голландцами въ воспоминаніе того, что въ 1622 году японцы сбросили съ него въ море палскихъ миссіонеровъ и четыре тысячи челоуѣкъ ихъ туземныхъ послѣдователей, благодаря впрочемъ болѣе политическимъ интригамъ папистовъ чѣмъ религіозной нетерпимости правительства. Мѣсто казни высится надъ поверхностью моря совершенно отвѣсною стѣной. Во время отлива у его подножія обнажается изъ-подъ воды берегъ усыпанный острыми камнями и галькой, а на вершинѣ Паленберга разрослась небольшая хвойная роща.

Нагасакская бухта простирается въ глубь островнаго материка на четыре морскія мили (семь веретъ), при средней ширинѣ въ одну милю (875 сажень). Съ трехъ сторонъ она отлично защищена отъ вліянія вѣтровъ склонами горъ до 600 футовъ высоты, покрытыхъ террасообразными пашнями, плантаціями, садами, кудравымъ кустарникомъ, бамбуковыми зарослями и хвойными лѣсами, дремлющими на болѣе отдаленныхъ и возвышенныхъ вершинахъ. Подъ сѣнью всей этой роскошной растительности, то тамъ, то здѣсь—глядишь—

пріютилась рыбацья хижинка, либо маленькая буддійская капличка, либо цѣлый храмъ занимающій вершину горы среди священной рощи, такъ что снизу намъ видна только его высокая темная кровля. На западной сторонѣ бухты идутъ цѣлымъ краемъ холмы Иноса-таке, на восточной—горныя группы Хико-санъ и Хоква-санъ, а съ сѣвера общій видъ замыкается горой Компира.

Не мало я видѣлъ на своемъ вѣку разныхъ красотъ природы, но не думаю чтобы нашлось на свѣтѣ много мѣстъ красивѣе Нагасакской бухты. Общій видъ ея, безспорно, принадлежитъ къ числу самыхъ прелестныхъ и картинныхъ уголковъ въ цѣломъ мірѣ. Прихотливыя сочетанія этихъ горъ, мысковъ, заливчиковъ, скалъ и богатой растительности, на каждомъ шагу и куда ни обернись, представляютъ восхитительные пейзажи. Про Нагасакскій заливъ мало сказать что онъ красивъ, онъ изященъ.

Со вступленіемъ въ бухту закрытую горами, температура вдругъ переизмѣнилась: вѣтеръ сразу упалъ, сдѣлалось жарко до духоты, и опять стали мы обливаться тропическимъ потомъ.

Въ два съ половиною часа пополудни пароходъ бросилъ якорь. На рейдѣ, по сосѣдству, стояли японскій и англійскій военные корветы, а изъ русскихъ судовъ крейсера: «Азія» подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ и «Африка», иллюминированные флагами по случаю тезоименитства государя. На гротъ мачтахъ японскаго и англійскаго судовъ были подняты русскіе военные флаги—тоже въ честь нашего народнаго праздника.

Къ борту парохода тотчасъ же пристало нѣсколько военныхъ катеровъ, на которыхъ явились представиться адмиралу начальникъ нашей эскадры, контръ-адмиралъ баронъ О. Р. Штакельбергъ со своими флагъ-офицерами, и командиры обохъ крейсеровъ, капитанъ-лейтенанты Амосовъ («Азія») и Алексѣевъ («Африка»). Съ ними же прибылъ, въ мундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, исправляющій должность нашего консула В. Я. Костылевъ. Прибыли также и съ чужихъ военныхъ судовъ по одному офицеру, которые нарочно были посланы своими командирами чтобы поздравить адмирала съ благополучнымъ прибытіемъ.

Въ три съ половиною часа пополудни мы на военномъ катерѣ сѣхали на берегъ и пристали къ просторной пристани, сложенной изъ цементированнаго камня и спускающейся къ водѣ широкими ступенями. Здѣсь медлительно покачивалось на легкой зыби нѣсколько десятковъ японскихъ лодокъ, *фундъ*, съ крытыми будочками въ родѣ каютокъ и длинными приставными носами. Въ общемъ эти *фундъ* нѣсколько напоминаютъ венеціанскія гондолы.

На верхней площадкѣ пристани, завидя приближеніе пассажировъ, тотчасъ же столпилось

около десятка *курума* или *дженрикшей*, мѣстныхъ извозчиковъ, одѣтыхъ крайне легко, чуть не нагишемъ, съ легкими ручными двухколесными колясочками какія мы уже видѣли въ Гонконгѣ и Шанхаѣ, и на перебой, но очень вѣжливо и любезно стали предлагать намъ свои услуги. Но такъ какъ до гостиницы «Belle-Vue», гдѣ мы располагали остановиться, было лишь нѣсколько шаговъ, то въ ихъ услугахъ не предстояло и надобности, тѣмъ болѣе, что наши матросы сами вызвались перенести наши вещи, «съ таможенной-де меньше хлопотъ будетъ». И дѣйствительно, хлопотъ не оказалось ровно никакихъ. Въ таможенномъ павильонѣ досмотрщики, увидя чемоданы въ рукахъ русскихъ матросовъ, просто черкнули на каждомъ изъ нихъ мѣломъ какой-то знакъ и не разворачивая любезно пропустили ихъ и насъ въ другую дверь павильона. Такимъ образомъ, форменный костюмъ военныхъ матросовъ послужилъ достаточною гарантіей въ томъ, что мы не имѣемъ контрабандистскихъ цѣлей и намѣреній. Нѣсколько *курумъ*, ведя свои колясочки, все-таки слѣдовали за нами, и весело болтая между собою, вѣроятно на нашъ же счетъ, разсматривали насъ съ наивно добродушнымъ любопытствомъ.

Едва прошли мы сотню шаговъ по набережной канала впадающаго въ бухту, какъ вдругъ слышимъ раздаются знакомые звуки. Нѣсколько голосовъ распеваютъ какую-то русскую пѣсню, которая невпопадъ мѣшается со звуками шарманки, наигрывающей то же что-то русское. Вслушиваемся, что такое? Батюшки, да это несомнѣнный «Камаринскій»! Но какими же судьбами попалъ онъ, сердечный, въ Нагасаки?... Подходимъ ближе, выѣска и на ней крупными бѣлыми буквами надпись: «Санктъ-Петербургскій трактиръ». Изъ этого трактира въ раскрытые настѣжь большія широкія окна несутся звуки «Камаринскаго». Десятка два нашихъ матросовъ разбившись на группы сидятъ вокругъ столиковъ, а нѣсколько человекъ изъ нихъ же, обнявшись другъ съ другомъ какъ «кавалеръ съ дамой», топчутся по серединѣ комнаты, выплясывая нѣчто въ родѣ вальса, и продѣлываютъ это съ самымъ серьезнымъ солиднымъ выраженіемъ въ лицѣ. Дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати вертитъ ручку шарманки, поставленной около буфета на самомъ, можно сказать, почетномъ мѣстѣ. Пользуясь своимъ партикулярнымъ платѣмъ, не успѣли мы остановиться на минутку чтобы взглянуть поближе на эту оригинальную сцену, какъ изъ раскрытыхъ дверей выскочили на встрѣчу къ намъ самъ хозяинъ этого «заведенія» со своею супругой и нѣсколько чумазыхъ ребятишекъ, уцѣпившихся за ея юбку. Хозяинъ словно какимъ-то собачьимъ нюхомъ почуялъ въ насъ русскихъ и потому сразу на русскомъ языкѣ любезно привѣтствовалъ съ благополучнымъ прибытіемъ; но уже одинъ акцентъ, не говоря о фізіономіи,

не оставилъ никакихъ сомнѣній на счетъ сѣмитическаго происхожденія этого джентльмена. Съ перваго же слова онъ поспѣшилъ заявить, что онъ «зъ Россія, зъ Одесгу».

— Но какими же судьбами попали вы въ Нагасаки?

— Такъ уже минѣ Богъ далъ... Штоби быть пріятнымъ русскимъ матросамъ.

Напротивъ этого «Санктъ-Петербургскаго трактира», по другую сторону небольшой площадки, процвѣтаетъ «заведеніе» такого же сорта съ надписью «Salon Universel», гдѣ виднѣлось нѣсколько французскихъ матросовъ съ коммерческаго судна. Оказывается, что здѣсь для матросовъ каждой національности имѣются свои спеціальныя кабакки, содержимые, однако, почти исключительно сынами Израиля.

Чтобы попасть въ «Belle-Vue», надо пройти съ площадки въ ущелье, искусственно просѣченное въ массивной известняковой глыбѣ и подняться нѣсколько въ гору, по ступенямъ каменной лѣстницы, ведущей къ широкой верандѣ мимо цвѣточныхъ клумбъ цвѣтущихъ азалій, банановъ, латаній, саговыхъ пальмочекъ и другихъ прелестей, тропической флоры. На верандѣ встрѣтила насъ хозяйка отеля, зятая въ корсетъ француженка уже далеко не первой молодости, съ нѣсколько змѣинымъ выраженіемъ лица, еще сохранившаго нѣкоторые остатки уплывающей красоты, и, тотчасъ же кликнувъ кельнера-японца, распорядилась отводъ намъ комнатъ. Такъ какъ насъ было нѣсколько человекъ, то мы тотчасъ же заняли въ верхнемъ этажѣ нѣсколько номеровъ подъ рядъ, выходившихъ стескочатыми дверями во внутренній дворикъ на одну общую галлерею, столбы и перила которой были съ низу до самой крыши роскошно заваты и окутаны какимъ-то вьющимся растеніемъ съ пучками мелкихъ бѣлосоватыхъ и очень ароматичныхъ цвѣточковъ. Внутри дворика—цвѣточная клумба, обрамленная дикими камнями, а надъ нею на вѣтвяхъ какого-то деревца подвѣшаны большія раковины-аргонавты, служащія горшками для разныхъ красивыхъ растеній, ниспадающихъ за ихъ край и висящихъ въ воздухѣ цѣлыми прядями.

Убранство комнатъ не ахти какое, принямая въ соображеніе цѣну по два доллара въ сутки за постель, и вичѣмъ не лучше заурядныхъ гостиницъ любого нашего провинціального городишки. Широкая желѣзная кровать съ кисейнымъ мустикеромъ, убогій умывальникъ, безо всякихъ удобныхъ приспособленій, столъ съ зеркальцемъ, да два-три стула, вотъ и вся обстановка. Зато видъ изъ окна противуположнаго двери на часть города и бухты и на зеленую гору Компиро—просто прелесть, такъ что ради его охотно примиряешься со всѣми маленькими неудобствами, было бы только чисто.

Переодѣвшись, мы отправились съ визитомъ къ В. Я. Костылеву, въ русское консульство, гдѣ временно было отведено помѣщеніе нашему адмиралу и его супругѣ.

Русское консульство помѣщается въ полугорѣ, надъ новымъ участкомъ города, носящимъ имя Омуру и застроеннымъ вдоль набережной преимущественно домами европейскихъ негоціантовъ, въ обыкновенномъ «колоніальномъ» вкусѣ съ нѣкоторою своеобразною примѣсью японщины. Лучшие изъ нихъ напоминаютъ своимъ прихотливо-затѣйливымъ характеромъ, вообще дачныя постройки, бьющія на миловидность и изящество. Въ Омуру помѣщаются всѣ европейскіе магазины, компрадорскіе склады, конторы, комиссіонерства и консульства, которыя вы легко отличаете съ перваго взгляда по ихъ національнымъ флагамъ, развѣвающимся на высокихъ мачтахъ. Тутъ же телеграфъ и почта, устроенные на европейскую ногу по англійскому образцу, а выше, на взгорьяхъ, покрытыхъ садами, выглядываютъ изъ зелени крыши и веранды отдѣльно и широко другъ отъ друга стоящихъ европейскихъ домовъ, дачъ, коттеджей и готическіе шпильки двухъ кирокъ, англиканской и реформатской.

Чтобы попасть изъ «Belle-Vue» въ наше консульство, надо подняться по узкой шоссированной дорогѣ вверхъ до половины горы и, дойдя до церкви католическаго миссіонерства, украшенной на фронтонахъ японскою надписью, свернуть вправо, мимо старорослыхъ тѣнистыхъ садовъ и живыхъ изгородей, ограждающихъ эти сады съ таинственно ютящимися во глубинѣ ихъ дачами. Здѣсь вы уже окружены полною тишиной и чувствуете себя почти за городомъ, который остался тамъ, внизу подъ горой. Шоссейная дорожка приводитъ васъ прямо къ одноэтажному, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, домику съ русскимъ государственнымъ гербомъ надъ входомъ. Тутъ помѣщается канцелярія нашего консульства, извѣстная болѣе подъ названіемъ «офицы». Домикъ построенъ въ русскомъ вкусѣ, съ рѣзными изъ дерева (въ прорѣзъ) шпалотенцами, пѣтушками и коньками по гребню крыши и надъ фронтономъ сквознаго крыльца, чрезъ площадку котораго вы проходите прямо въ садъ консульства. При офицѣ, направо, маленький дворикъ, и тутъ на высокихъ бамбуковыхъ шестахъ качаются три презабавныя макаки, одна изъ которыхъ премурунительно отдаетъ честь проходящимъ, прикладывая руку къ виску и громко щелкая языкомъ.

Садъ нашего консульства, это въ своемъ родѣ маленький *chef d'oeuvre*; онъ весь разбитъ на террасахъ, высокія стѣны которыхъ, словно крѣпостныя сооруженія, сложены изъ цементованнаго дикаго камня. Дорожка, иногда преры-

ваемая рядомъ ступеней, зигзагами ведетъ между этихъ стѣнъ къ главному дому, гдѣ живетъ самъ консулъ. Это одноэтажное зданіе, устроенное довольно просторно и комфортабельно, съ наружною стеклянатою галлереей, откуда широко открывается дивный видъ не только на весь рейдъ, усѣянный разнообразными судами, и на горы противоположнаго берега съ предмѣстными Акунарь и Иносѣ, но и на Компиро-яма съ ея буддійскими храмами, и на часть города, приютившуюся подъ этою послѣднею горой, которая командуетъ надо всею окрестностью. Внизу на набережной идетъ гомонъ кипучей промышленной жизни, тамъ духота стоитъ въ воздухѣ, тамъ пышетъ зноемъ отъ раскаленныхъ камней и носится пыль отъ шоссе и токасимскаго угля, а здѣсь, на возвышенности, свѣжій, чистый, бальзамическій воздухъ и масса тѣнистой разнообразной зелени. Великолѣнные кусты большихъ бѣлыхъ розъ лѣзутъ своими вѣтвями прямо въ окна этого дома вмѣстѣ съ поспѣвающими померанцами и миканами¹⁾. Латаніи и сатовыя пальмы, лавръ и слива, разнообразныя хвой, азалии, магноліи, гигантскія камеліи, криптомеріи, клены и камфарное дерево (всего не перечести) составляютъ красу и роскошь этого сада, гдѣ всегда достаточно и тѣни, и даже нѣкоторой прохлады. Будь это у себя на родинѣ, кажется, Богъ знаетъ чего не отдалъ бы, чтобы жить всегда въ такомъ поэтически счастливымъ уголкѣ и любоваться такою картиной!..

В. Я. Костылевъ принялъ насъ съ самымъ сердечнымъ радушіемъ и тотчасъ же заглопотался, распоряжаясь насчетъ угощенія, такъ что намъ даже совѣстно стало, что мы своимъ посѣщеніемъ причиняемъ ему столько безпокойства.

— Ахъ, господа, вамъ это непонятно, — говорилъ онъ, потчuya насъ и папиросами, и сигарами, и разными прохладительными напитками. — Надо прожить столько лѣтъ, какъ я, на чужой сторонѣ, вдали отъ всего родного, въ нравственномъ одиночествѣ, чтобы понять то чувство, какое испытываешь, увидя вдругъ свѣжаго человѣка съ родины!

— Да развѣ здѣсь такъ плохо? — спросили мы. — Глядите какая прелесть!

— А Богъ съ нею, съ этою прелестью!.. Не плохо здѣсь, чтѣ Бога гнѣвить, но... все тянетъ *туда*... Тоска беретъ порой... Вотъ что!

И въ самомъ дѣлѣ жить безъ близкаго человѣка, безъ родного слова, безъ живого задушевнаго обмѣна мыслями, знать о родинѣ только изъ газетъ, которыя доходятъ сюда лишь черезъ два мѣсяца по выпускѣ, — жить, такъ-сказать, вѣчно на сторожѣ, потому что

¹⁾ Японскій апельсинъ.

разные западно-европейскіе «друзья-коллеги» всегда готовы учинить вамъ какую-нибудь подпольную каверазу — не вамъ лично, положимъ, а тому дѣлу, которому вы служите, ради котораго вы сюда посланы; все это, дѣйствительно, должно быть очень и очень тяжело порой.

Къ семи часамъ вечера, С. С. Лесовскій съ супругой, всѣ лица его штаба, командиры обоихъ русскихъ судовъ и В. Я. Костылевъ прибыли по приглашенію барона О. Р. Штакельберга на обѣдъ, который, по случаю тезоименитства Государя Императора, онъ устроилъ у себя на крейсере «Азія» въ роскошной адмиральской каютѣ. Уже сидѣли за столомъ, когда съ вахты пришли доложить, что сейчасъ прибылъ на рейдъ крейсеръ «Забіяка», нѣсколько дней предъ симъ посланный въ Иокогаму за нашимъ посланникомъ въ Японію К. В. Струве, съ которымъ С. С. Лесовскому необходимо было лично переговорить и условиться о нѣкоторыхъ важныхъ предметахъ. Баронъ Штакельбергъ тотчасъ же отправилъ на «Забіяку» одного изъ своихъ флагъ-офицеровъ передать посланнику и командиру судна, капитанъ-лейтенанту Ломену, приглашеніе къ столу. Минуть черезъ десять они явились, и здѣсь я имѣлъ случай впервые познакомиться съ К. В. Струве.

Въ одиннадцатомъ часу вечера вернулся въ свою гостиницу — и прямо спать... Какое въ самомъ дѣлѣ наслажденіе улечься не въ тѣсную каютную койку, а въ хорошо приготовленную постель и чувствовать, что не качаешься, что подъ тобою твердая почва!

31-го августа.

Нашъ флагманскій докторъ, В. С. Кудринъ, пригласилъ меня посѣтить вмѣстѣ съ нимъ русскій госпиталь, расположенный въ предмѣстіи Иносѣ, а кстади посмотрѣть и эту самую Иносу которал, у всѣхъ иностранцевъ давно уже извѣстна подъ названіемъ «русской деревни».

И въ самомъ дѣлѣ чтѣ за курьезъ такой: русская вдругъ деревня въ Японіи, да еще на югѣ Японіи!

Не принимайте этого однако въ буквальномъ смыслѣ: здѣсь русскихъ переселенцевъ не имѣется. Тѣмъ не менѣе деревня зовется «русскою». Въ чемъ же тутъ дѣло?

Заинтересованный этимъ вопросомъ, я вмѣстѣ съ В. С. Кудринымъ спустился къ пристани, гдѣ мы кликнули очередную *фуне* (японскіе лодочники-перевозчики, также какъ и гонконгскіе, строго наблюдаютъ между собою очередь) и одного слова «Иносѣ» было достаточно чтобы, перевозчикъ понялъ насъ въ полной мѣрѣ.

— Иносѣ?.. Харасѣ! — сказалъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ, видимо щеголяя предъ нами знаніемъ русскаго слова «хорошо».

Съ нами вмѣстѣ отправлялся туда же докторъ съ «Африки», А. В. Куршаковъ, временно завѣдывавшій госпиталемъ.

Рейдъ былъ зеркально спокоенъ: въ его изумрудно прозрачныхъ водахъ, озаренныхъ проникающими въ глубину лучами яркаго солнца, плавало множество круглыхъ медузъ съ четырьмя симметрично расположенными глазами по срединѣ наружной поверхности ихъ тѣла. Однѣ изъ нихъ были совершенно безцвѣтны, какъ хрусталь, и напоминали своимъ видомъ нѣчто въ родѣ кружева, другія имѣли по краямъ диска нѣсколько молочный оттѣнокъ и съ исподней своей стороны распускали длинныя, мочально-косматые пряди хвостовъ пурпурнаго, оранжеваго и фіолетово-синяго цвѣта съ радужными отливами. Замѣчательно, что вынутая изъ своей стихіи и положенная на солнцепекъ беззастѣная медуза начинаетъ разлагаться необычайно скоро, издавая при этомъ нѣкоторое зловоніе; она какъ бы таетъ и подъ конецъ превращается въ безформенную маленькую пленку. Въ первый же моментъ, какъ только вынешь ее изъ воды, прикосновеніе къ ней доставляетъ не совсѣмъ то пріятное, нѣсколько жгучее ощущеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ощущеніе это довольно значительно, словно вамъ приставили къ ладони горчичникъ или обожгли ее крапивой; въ другихъ оно гораздо слабѣе, а бываетъ и такъ, что вы ровню ничего не чувствуете. Въ послѣдствіи я не разъ испытывать все это на самомъ себѣ, но, не будучи специалистомъ въ зоологіи, не могу представить объясненія, отчего именно зависить такая неравномѣрность отпора, даваемого медузой вѣроятно въ видахъ самозащиты. Если эта способность жечься составляетъ для медузы средство самозащиты, то во многихъ случаяхъ оно вполне достигаетъ своей цѣли. Случалось, что, пlying на *фуне* по Нагасакской бухтѣ, предложишь иногда какому-нибудь мальчугану, подручному лодочника, поймавъ особенно приглянувшійся по красотѣ экземпляръ медузы. Мальчикъ отнѣкивается, но, соблазненный показанною ему серебряною монеткой, опуститъ руки за бортъ, ловко схватитъ медузу, но нерѣдко бывало, что въ тотъ же мигъ, быстро, непроизвольнымъ движеніемъ выпуститъ ее въ воду.

— Наній-то (чтѣ такое)? — спросишь его бывало

— А, хв!.. Ататакай (огонь! горячо)! — съ гримасой отвѣчаетъ мальченка, потряхивая головой и руками, и быстро начинаетъ потирать ладони о бедра.

Иносѣ лежитъ противъ города, на сѣверо-западной сторонѣ Нагасакской бухты, недалеко отъ ея пята. Расположена эта деревня по берегу и на скалистыхъ возгорьяхъ западныхъ холмовъ, такъ что пробираться отъ домика къ домику

нерѣдко приходится разными закоулками, по каменнымъ, ступенямъ, мимо бетоновыхъ заборовъ и скалистыхъ глыбъ сѣраго и краснаго гранита, но всегда среди самой разнообразной растительности. Здѣсь наше правительство уже нѣсколько лѣтъ арендуетъ у мѣстнаго жителя, г. Сига, участокъ земли, на которомъ построены у насъ шлюпочный сарай, подѣлочныя мастерскія и небольшой госпиталь для своихъ моряковъ. Последний помѣщается въ двухъ японскихъ домахъ, передѣланныхъ и приспособленныхъ, насколько было возможно, къ госпитальнымъ требованіямъ руками нашихъ матросовъ, подъ руководствомъ командировъ и судовыхъ врачей. Госпиталь, конечно, маленький, но по мирному времени больше, пожалуй, и не требуется. Здѣсь, среди больныхъ, нашли мы нѣсколько жертвъ послѣдняго тайфуна, выдержаннаго «Африкой» въ Китайскомъ морѣ: у кого голова или грудь разбита, у кого рука вывихнута, а бѣдный гардемаринъ Раковичъ, сброшенный волною въ трюмъ, до того расшибся, что у него отнялись ноги. Впрочемъ, всѣ они теперь понемногу поправляются.

По осмотру госпиталя, вышли мы на дворъ и видимъ: изъ мезониннаго окна сосѣдняго японскаго дома вывѣшены на крышу, ради провѣтриванія, гражданскій мундиръ съ шитьемъ и принадлежности съ лампасами. По этимъ признакамъ В. С. Кудринъ сейчасъ же догадался, что тутъ долженъ жить самъ Александръ Алексѣевичъ Сига, православный японецъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ назадъ секретаремъ при японскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Мы сейчасъ же постучались къ нему, но, къ сожалѣнію, не застали дома и оставили свои карточки. Затѣмъ пошли побродить по Иносу, посмотрѣть какая она такая. Ничего, деревня, какъ деревня: ступеньчатая дорога ведетъ легкимъ подъемомъ въ гору, образуя улицу, по бокамъ которой ютятся деревянные, большей частью, одноэтажные домишки, съ открытыми легкими галлереями и верандочками. У лавчонокъ, вмѣсто вывѣсокъ, качаются большіе, продолговатые фонари, испещренные черными японскими литерами. Встрѣчаются и русскія вывѣски на доскахъ съ надписями: «здѣсь размѣнъ денегъ», «мелочная лавка» и т. п. Тамъ и сямъ изъ-за бетоновыхъ заборовъ виднѣются цвѣтущіе садикъ и стѣны, покрытыя ползучими растеніями. Время отъ времени, поперекъ улицы или сбоку ея попадаются оросительныя ручейки, рѣзко выбѣгающіе изъ-подъ маленькихъ арочекъ въ каменныхъ заборахъ и журчащіе въ солнечныхъ искрахъ по разноцвѣтной мелкой и крупной галькѣ, между папоротниками и зелено-мишастыми камнями. На взгорькахъ разбросано нѣсколько красивыхъ, отдѣльно стоящихъ домиковъ японскаго стиля, около которыхъ мелькнетъ иногда бѣлая матросская фуражка

офицерскаго «вѣстового». Въ такихъ домикахъ по большей части квартируютъ офицеры съ русской эскадры «на семейномъ положеніи». Цѣна за квартиру, то есть въ сущности за весь домъ—отъ 20 до 30 іенъ *) въ мѣсяцъ, причемъ домохозяева, если жильцу угодно, будутъ въ той же цѣнѣ и кормить его произведеніями японской кухни. Каждый квартирантъ необходимо имѣетъ и свой собственный «экипажъ», роль котораго играетъ здѣсь *фунѣ*, для ежедневныхъ сообщеній съ городомъ и судами на рейдѣ. *Фунѣ* нанимаются тоже по мѣсячно, обыкновенно за 30 іенъ, и нанятый такимъ образомъ лодочникъ уже во всякое время дня и ночи безусловно находится въ распоряженіи своего хозяина. Какъ бы ни сидѣлся офицеръ въ городѣ, или сколько бы ни пробылъ онъ у себя на суднѣ, лодочникъ неотлучно будетъ ожидать его у извѣстной, указанной ему пристани, или терпѣливо качаться въ своей *фунѣ* на волнахъ, невдалекѣ отъ лѣваго борта судна. Это, впрочемъ, не представляетъ для него особеннаго неудобства, такъ какъ *фунѣ* есть не только «экипажъ», но въ то же время и его жилище, гдѣ подъ сидѣньемъ, въ ящикѣ, да въ кормовомъ шкафчикѣ хранится весь необходимый ему скарбикъ. Каждый изъ помѣсячныхъ лодочниковъ непременно сочиняетъ для себя свой особый флагъ, подѣломъ предлогомъ, чтобы хозяину примѣтнѣе была его *фунѣ*, а въ сущности ради утѣхи собственному самолюбію; «я, дескать, плаваю подъ флагомъ капитана такого-то», и не иначе какъ «капитана», ибо у лодочниковъ и извозчиковъ всякій офицеръ непременно «капитанъ». Всѣ они болѣе или менѣе понимаютъ и даже говорятъ нѣсколько словъ и фразъ по-русски, по крайней мѣрѣ настолько, что въ случаѣ надобности можно объясниться съ ними и безъ японскаго словаря. Впрочемъ, знакомство съ русскимъ языкомъ среди жителей Иносы вовсе не рѣдкость: благодаря постоянному пребыванію на рейдѣ русскихъ стаціонеровъ, имѣющихъ ежедневныя сношенія со «своимъ» берегомъ въ Иносу, жители этой «русской деревни» уже вполне съ нимъ пріобыкли, освоились съ нимъ и въ большинствѣ своемъ научились кое-какъ объясняться по-русски. Въ особенности охотно перебираютъ наши слова и пѣсни мѣстные ребятишки, мальчики и дѣвочки; а между поставщиками и ремесленниками, какъ Кихѣ, Цунитаро, Бенгора, Гейшо и другіе, попадаютъ люди даже весьма порядочно говорящіе по-русски, что вообще свидѣтельствуетъ объ очень хорошихъ лингвистическихъ способностяхъ японцевъ.

*) Металлическій іенъ равенъ 1 р. 29 к. сер.; кредитные же іены періодически подвержены довольно сильнымъ колебаніямъ своей стоимости. Такъ, въ промѣнѣ за одинъ мексиканскій долларъ даютъ иногда по курсу 1 іенъ и 70, даже 80 центовъ, а иногда 1 іенъ и 20 центовъ.

На одномъ изъ холмовъ стоитъ здѣсь довольно большой двухъ-этажный домъ, прозванный почему-то нашими моряками «холоднымъ домомъ», хотя самъ онъ имѣетъ претензію называться «гостиницей Невой», о чемъ свидѣлствуется и его вывѣска. Замѣчательно, что эта «гостиница Нева», съ буфетомъ и билліардами, содержится какимъ-то японскимъ семействомъ исключительно для русскихъ. А чтобы не затесался въ нее какъ-нибудь посягатель иной національности, хозяева сочили за нужное прибить надъ входомъ особую доску съ предупреждающими надписями по-японски, по-русски и по англійски, которыя гласятъ, что «сюда допускаются только русскіе офицеры». Въ качествѣ русскихъ, и мы зашли туда поглядѣть что это такое, и были съ особымъ почетомъ встрѣчены хозяевами, которые проводили насъ въ столовую залу верхняго этажа. Но за раннимъ часомъ, мы отказались отъ всякихъ угощеній, кромѣ чая, безусловно необходимаго въ силу японскаго этикета, и предпочли отдохнуть нѣсколько минутъ на глубокомъ крытомъ балконѣ, откуда открывается прелестный видъ на рейдъ, на весь городъ и противоположныя зеленныя горы.

Въ этотъ же разъ поспѣлъ я въ Иносѣ и русское кладбище, расположенное въ западномъ концѣ селенія. Здѣсь, на одной «Божьей Нивѣ» соединены участки японскій, голландскій и русскій. Японскія могилки содержатся въ отмѣнной чистотѣ и украшаются цвѣтами: почти у каждаго памятника вы видите какую-нибудь цвѣтущую вѣтвь или цѣлый букетъ въ большомъ бамбуковомъ стаканѣ. Памятниками служатъ или гранитныя столбики на ступенчатыхъ пьедесталахъ, или стоячія плиты; тѣ и другія покрыты изсѣченными надписями, а на одномъ изъ столбиковъ замѣтили мы каменное и очень хорошо сдѣланное изваяніе Будды, погруженнаго въ глубокое созерцательное спокойствіе. Въ голландскомъ участкѣ, глазъ поспѣвателя безпрепятственно скользить по цѣлымъ рядамъ и шеренгамъ однообразныхъ надгробныхъ плитъ, отличающихся одна отъ другой развѣ своими надписями. Ни крестовъ, ни цвѣтовъ, ни памятниковъ здѣсь не имѣется, за исключеніемъ одного монументика, поставленнаго надъ могилой какого-то англичанина. За то въ русскомъ отдѣлѣ мы нашли и цвѣты, и пальмы, и сосны съ кипарисами и туйями, и инныя растенія, посаженныя надъ могилами. Всѣхъ могилъ тутъ счетомъ шестьдесятъ, и покоятся въ нихъ подъ православными крестами все наши матросы да нѣсколько офицеровъ. Надгробная плита Федора Яковлевича Карніюлина, умершаго въ 1875 году, постоянно бываетъ украшена букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ,—приношеніе мѣстныхъ японцевъ, высоко чтущихъ его память. Тутъ же находятся могилы мичмана Владиміра Павлов-

скаго, съ клипера «Изумрудъ», скончавшагося въ 1866 году, и корпуса инженеръ-механиковъ подпоручика Николая Владыкина († 1872 года). Роднымъ и друзьямъ нашихъ соотечественниковъ, погребенныхъ въ Иносѣ, вѣроятно, отрадно будетъ узнать, что русское кладбище, благодаря постоянному и заботливому уходу за нимъ нашихъ друзей японцевъ, содержится въ отмѣнной чистотѣ и прекрасномъ порядкѣ. Японцы расчищаютъ въ немъ дорожки, выпалываютъ дурную траву, подстригаютъ деревца и нерѣдко украшаютъ русскія могилы букетами, а ихъ бонзы, живущіе при мѣстномъ кладбищенскомъ храмѣ, во дни посвященные буддійскою религіей памяти усопшихъ, добровольно приходятъ молиться и надъ нашими могилами. Черта весьма трогательная.

На возвратномъ пути изъ Иносы въ Нагасаки, мы видѣли въ водѣ довольно большую (около семи футовъ) змѣю, не обнаружившую никакого безпокойства когда наша *фуне* очень близко поравнялась съ нею. Японцы увѣряютъ, будто здѣшнія водяныя змѣи ядовиты, и потому они очень боятся этихъ пресмыкающихся.

По возвращеніи въ «Belle Vue», мы застали у себя А. А. Сига, который, вернувшись къ себѣ домой, нашелъ наши карточки и тотчасъ же поспѣшилъ опять въ городъ, съ цѣлью отыскать насъ и познакомиться. Г. Сига или Сига-санъ, по-японски, — молодой человекъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, усвоившій себѣ вмѣстѣ съ костюмомъ вполнѣ европейскую вѣщность и приемы. Онъ прекрасно говоритъ и пишетъ по-русски, и кажется, мы приобретаемъ въ немъ живого и въ высшей степени интереснаго истолкователя множества такихъ явленій оригинальной японской жизни, которыя, встрѣчаясь намъ теперь на каждомъ шагѣ, невольнымъ образомъ вызываютъ въ насъ вопросы: что, молъ, это такое? какъ? почему? и т. д.

Сегодня нашъ адмиралъ отдалъ свой первый приказъ по эскадрѣ слѣдующаго содержанія:

«Высочайшимъ повелѣніемъ я назначенъ главнымъ начальникомъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ. Вступая въ исполненіе должности, предписываю командиру крейсера «Африка» сегодня вечеромъ поднять мой флагъ, о чемъ, по вѣренной мнѣ эскадрѣ, объявляю».

Въ тотъ же день, въ помѣщеніи главноначальствующаго, на крейсерѣ «Африка» происходило совѣщаніе высшихъ чиновъ эскадры, на которомъ присутствовать и нашъ посланникъ въ Японіи, К. В. Струве. Между прочимъ, адмиралъ отдалъ распоряженіе, чтобы для наиболѣе удобныхъ и быстрыхъ сношеній съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Пекинѣ были назначены два военные стационера:

клиперъ «Наѣздникъ» въ Шанхай и крейсеръ «Забіяка» въ Чи-фу.

Въ шесть часовъ вечера, по спускѣ флага, у С. С. Лесовскаго, на верхней палубѣ «Африки» былъ сервированъ обѣденный столъ, къ которому приглашены К. В. Струве, баронъ Штакельбергъ, командиры наличныхъ русскихъ военныхъ судовъ и нѣкоторые другіа лица. Кормовая часть палубы была въ видѣ палатки очень изящно убрана флагами и роскошно освѣщена парой электрическихъ лампъ Яблочкова. Но особенно эффектенъ былъ видъ этой кормы снаружи, съ воды, уже темнымъ вечеромъ; когда мы возвращались съ «Африки» на берегъ по неподвижной глади залива. Разноцвѣтныя стѣны палатки освѣщенные изнутри электрическимъ свѣтомъ, сквозившимъ въ ихъ щели, отражались въ водѣ длинными радужными полосами въ перемежку со столбами бѣлаго свѣта. Эффектъ игры этого отраженія, въ давней обстановкѣ, при такой роскошной декорации, какую представляетъ собою вся здѣшняя природа и въ особенности при этой теплой, глубоко-синей и прозрачной ночи, былъ необычайно, волшебю прекрасно.

1-го сентября.

Въ восемь часовъ утра, при подъемѣ флаговъ, на бизань-мачтѣ «Африки» впервые развился флагъ главноначальствующаго русскихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ. Волѣдъ за этимъ съ флагманскаго судна былъ сдѣланъ салютъ пятнадцатью выстрѣлами въ честь японской націи. Отвѣтъ на него послѣдовалъ немедленно же съ восьми-орудійной японской батареей, расположенной на берегу за Деңимой, въ самой пятѣ залива. При этомъ салютѣ на флагштокѣ батареи былъ поднятъ русскій военный флагъ. За симъ, всѣ русскія и японскія военныя суда вмѣстѣ съ англійскимъ корветомъ «Comus» салютовали, пятнадцатью выстрѣлами каждое, флагу главнаго начальника нашей эскадры. Громъ выстрѣловъ, разносимый горнымъ эхо по соседнимъ скаламъ и ущельямъ походилъ на громъ небесный, — столь долги и эффектны были перекаты рокошующаго звука, благодаря условіямъ мѣстности.

Въ этотъ же день, особымъ приказомъ главнаго начальника, суда Тихо-океанской эскадры раздѣлены на два отряда: первый подъ начальствомъ контръ-адмирала барона Штакельберга, которому назначено имѣть свой флагъ на крейсерѣ «Африка», и второй — подъ начальствомъ контръ-адмирала Асланбегова (флагъ на крейсерѣ «Азія»). Въ составъ 1-го отряда назначены: крейсеръ «Африка», фрегатъ «Мининъ», клипера «Джигитъ», «Стрѣлокъ», «Наѣздникъ» и «Пластунъ», а въ составъ втораго — крейсеръ «Азія», фрегатъ «Князь Пожарскій», клипера: «Крейсеръ», «Разбойникъ», «Абрекъ», «Забіяка». Оба отря-

да въ непродолжительномъ времени должны сосредоточиться во Владивостокѣ. Съ прибытіемъ же крейсера «Европа», главный начальникъ подниметъ свой флагъ на этомъ послѣднемъ суднѣ. Итакъ, наши боевыя силы въ Тихомъ океанѣ состоятъ пока изъ тринадцати военныхъ судовъ, не считая нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ, какъ «Горностай» (въ Шанхаѣ) «Нерпа» (въ Чи-фу) и др., и нѣсколькихъ большихъ судовъ, прибытіе коихъ еще ожидается.

Въ девять часовъ утра къ намъ явился А. А. Сига, съ которымъ еще вчера мы условились, что онъ покажетъ намъ, то-есть К. В. Струве, Поджіо и мнѣ, японскій городъ. Кликнули четырехъ *курумъ* и размѣстились, по одному пассажиру, въ ихъ легонькихъ, лакированныхъ *дженерикшахъ*. Но прежде позвольте объяснить что это такое.

Дженерикшами называются въ Японіи маленькія, ручныя, чрезвычайно легкія и изящно отдѣланныя колесочки на двухъ высокихъ и тонкихъ колесахъ на лежащихъ рессорахъ. съ откиднымъ верхомъ, который сдѣланъ изъ непромокаемой (просмоленой) толстой бумаги, натянутой на три бамбуковые обруча. Образцы подобныхъ экипажей мы уже видѣли въ Гонконгѣ и Шанхаѣ, но истинная родина ихъ — Японія. Хотя это изобрѣтеніе едва ли насчитываетъ себѣ полтора десятка лѣтъ, тѣмъ не менѣе оно такъ быстро и прочно привилось во всей странѣ, что теперь вы встрѣчаете *дженерикши* рѣшительно вездѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ самыхъ глухихъ селеніяхъ внутреннихъ провинцій; здѣсь оно стало національнымъ, и благодаря этому, изобрѣтатель *дженерикши*, какой-то столяръ въ Тоокіо, очень быстро составилъ себѣ значительное состояніе. *Карумъ* — названіе, присвоенное возчику и въ буквальномъ смыслѣ значить: «это — лошадь»¹⁾, хотя нерѣдко и возчика, и его экипажъ безразлично называютъ *дженерикшею*.

Курумъ, это совсѣмъ особый людъ, замѣняющій въ Японіи нашихъ легковыхъ извозчиковъ. Они обыкновенно обладаютъ хорошо развитою, здоровою грудью и сильными мускулистыми ногами. Нехитрый костюмъ ихъ состоитъ изъ синеватаго бумажнаго платка для головной повязки да изъ синей бумажной же распашонки-сорочки, часто съ какимъ-нибудь особымъ узорчатымъ знакомъ на спинѣ, затканымъ бѣлою нитью. Бедрa у *курумъ* всегда перетянуты длиннымъ бѣлымъ полотенцемъ, *фундаши*, которое служитъ основаніемъ костюма каждаго, уважающаго себя, японца, отъ мигадо до послѣдняго кули, а ноги остаются зиму и лѣто совершенно голыми, ступни же обуты въ плетенныя соломенныя *зори* — родъ сандалій²⁾.

¹⁾ *Куру* — это, *ма* — лошадь

²⁾ Впрочемъ въ Тоокіо и въ европейскихъ кварталахъ Йокогамы, Коби и Нагасаки полиція

Экипажи их снабжены тонкими оглоблями, соединенными между собою особою перемычкой, въ которую возникъ на ходу упирается руками и грудью. Онъ самъ впрягается въ эти оглобли, заминая собою лошадей, и отсюда протекаетъ его названіе *куру-мъ*, равно какъ и *дженерикша*, значитъ: силой человѣка возимое. По вечерамъ и ночью бумажный фонарь съ четко обозначеннымъ нумеромъ экипажа является необходимою, закономъ установленною принадлежностью каждого *курумы*, и полиція строго слѣдитъ за соблюденіемъ этого правила, а чуть у кого фонарь не зажженъ, того сейчасъ останавливаютъ, велятъ при себѣ зажечь и записываютъ нумеръ, для взысканія потомъ установленнаго штрафа. *Курумы* до такой степени втянуты въ свое трудное занятіе, что въ состояніи пробѣгать рысью (а иначе они и не возятъ), безъ малѣйшей передылки, просто изумительныя разстоянія и когда бѣгутъ цѣлою партіей, какъ, напримѣръ, въ этотъ разъ, то поощряютъ другъ друга мѣрнымъ выкликомъ въ тактъ слова *харасё*, такъ что кажется будто кричатъ они наше русское *хорошо*. *Курумъ*, не задумываясь, претъ и въ грязь, и въ воду, если нельзя иначе, но гдѣ есть лишь малѣйшая возможность, то всегда старается выбрать для своего экипажа болѣе ровную и мягкую дорогу. Этотъ способъ передвиженія довольно быстръ и очень дешевъ: за конецъ обыкновенно платится десять кредитныхъ центовъ, что равняется нашимъ пятнадцати копейкамъ, хотя бы конецъ этотъ, не выходя изъ черты, города, состоялъ изъ нѣсколькихъ верстъ. Но такая плата считается еще очень высокою и взимается только съ иностранцевъ; туземцы же ѣздятъ вдвое дешевле, причемъ нерѣдко садятся въ одну *дженерикшу* по двое. Если вамъ нужно сдѣлать длинный путь, или вы желаете доѣхать поскорѣе, то *курумъ* приглашаетъ въ помощь къ себѣ товарища, который подпихиваетъ экипажъ сзади и время отъ времени чередуется съ возничкомъ, или тянетъ *дженерикшу* вмѣстѣ съ нимъ, становясь впереди и перекинувъ къ себѣ на плечо въ видѣ лямки свой поясъ, привязанный къ оглоблевой перемычкѣ. Въ этомъ случаѣ плата удваивается, причемъ можно радиться и по часамъ, — отъ 20 до 30 центовъ за часъ. Все это, сравнительно съ трудомъ, необыкновенно дешево. Всѣ вообще *курумы* — люди добродушно-веселаго нрава, очень смѣшленные и безукоризненно честные. Лишняго ни одинъ изъ нихъ никогда не запроситъ, приставать къ вамъ за дачей «на водку» не станетъ, — онъ слишкомъ самолюбивъ для этого, а если вы забыли у него на си-

дѣлкѣ какую-нибудь покупку, можете быть увѣрены, что *курумъ* непременно разыщетъ васъ и возвратитъ позабытое. Вообще это типъ чревычано симпатичный.

Итакъ, мы покатили на четырехъ *дженерикшахъ* вдоль великолѣпно шоссированной набережной, мимо молодого бульвара и красивыхъ палисадниковъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ очень нарядные европейскіе домики дачнаго характера. Здѣсь помѣщаются почта и телеграфъ, а нѣскольکو далѣе — характерное зданіе старой китайской факторіи съ высокими флажниками. Отсюда влѣво виденъ маленькій низменный островокъ, берега коего укрѣплены бетоновою набережною и застроены двумя-тремя зданіями европейско-колоніальнаго стиля въ перемежку съ каменными складочными магазинами. Въ длину островокъ не болѣе ста, а въ ширину около пятидесяти сажень, и отдѣляется отъ материка небольшимъ каналомъ, чрезъ который перекинуты два моста, Восточный и Сѣверный. Здѣсь возвышается шпильскъ голландской кирки и флажники голландскаго и германскаго консульствъ. Это знаменитая Децима, старая голландская факторія, основанная въ 1638 и уничтоженная въ 1858 году въ силу договора, открывшаго Нагасакискій портъ для всѣхъ націй.

Въ теченіи 220 лѣтъ Индійская Нидерландская компанія пользовалась исключительнымъ правомъ торговаго посредничества между Японіей и Европой, но это монопольное право давалось ей цѣною очень тяжелаго и даже нравственно оскорбительнаго существованія, какое вынуждена была вести Децимская факторія среди населенія, чуждаго и враждебно настроеннаго этнографически инородцевъ. Здѣшніе голландскіе негодіанты находились подъ вѣчнымъ, тайнымъ и явнымъ, присмотромъ *якунинаговъ* (японскихъ чиновниковъ), безъ особаго разрѣшенія коихъ не имѣли права даже переступить за предѣлы островка, а когда и разрѣшалось имъ это, то не иначе какъ подъ конвоемъ тѣхъ же *якунинаговъ* и японскихъ стражниковъ. На обоихъ мостахъ стояли рогатки, охраняемые военнымъ карауломъ, и часовые не пропускали рѣшительно никого ни въ ту, ни въ другую сторону, безъ личнаго приказа дежурнаго пристава. Такимъ образомъ жизнь голландцевъ въ Децимѣ была чѣмъ-то въ родѣ тюремнаго заключенія. Чрезъ каждые четыре года Децимская факторія была обязана отправлять къ сѣгуну, а иногда и къ самому мпкдо особое посольство съ выраженіемъ своей покорности; но членовъ такихъ посольствъ обыкновенно проносили отъ Децимы до Іеддо въ закрытыхъ *наримонахъ* (носилки), окруженныхъ, подъ видомъ якобы почета, густымъ конвоемъ, дабы они не могли видѣть окружающую ихъ страну и жизнь народа. Мало того, при представленіи членовъ посольства сѣгуну, котораго они не

требуетъ отъ *курумъ*, чтобъ они являлись къ управленію своего промысла въ панталонахъ, каковые и носятся ими въ обтяжку, какъ наше трико. Эта часть костюма шьется изъ толстой бумажной матеріи темно-синяго цвѣта.

могли даже видѣть въ лицо, такъ какъ онъ принималъ ихъ сидя за свѣтлагою ширмой, они были обязаны забавлять его грубыми клоунскими сценами, говорить между собою по-голландски, чтобы дать ему возможность потѣшиться надъ ихъ «варварскимъ» языкомъ, надѣлать другъ друга пощечинами, затѣвать между собою драку, изображать изъ себя пьяныхъ, кувыркаться и пускаться въ пляску. Говорятъ также, будто при этомъ ихъ заставляли глядѣть какъ сѣгунскіе *бето* (конюхи) попираютъ ногами крестъ, а однажды и самихъ заставили продѣлать ту же комунственную церемонію... И это все совершалось почти вплоть до 1858 года!.. Нидерландское правительство только въ послѣднемъ своемъ договорѣ съ сѣгуномъ выговорило себѣ отмѣну «пріемовъ оскорбительныхъ для христіанства».

Наконецъ наши *курумы* повернули налѣво и вѣхали въ одну изъ улицъ нижняго японскаго города. Часа два подъ рядъ колесили мы по разнымъ мѣстамъ и частямъ этого города, извѣдали по крайней мѣрѣ десятка три улицъ и переулковъ, но всѣ они до такой степени однообразно похожи другъ на друга, что новому человѣку ориентироваться въ нихъ съ перваго раза рѣшительно нѣтъ возможности. Всѣ улицы, за немногими исключеніями, вообще довольно узки, отъ шести до двѣнадцати аршинъ въ поперечникѣ; однѣ изъ нихъ вымощены большими широкими плитами, другія прекрасно поссированы. По бокамъ каждой улицы устроены глубокія проточныя канавки, тщательно выложенныя по дну и стѣнкамъ гранитными брусками. Чистота повсюду замѣчательная. Дома слѣдуютъ непрерывными рядами, другъ подлѣ друга, и большая часть изъ нихъ строена въ одинъ или въ полтора этажа, причемъ низъ всегда занятъ открытою снаружи лавкой и мастерскою. Двухъ-этажные дома съ наружными галлереями въ самомъ центрѣ нижняго города встрѣчаются лишь изрѣдка, они отодвинулись больше къ окраинамъ да на взгорья, гдѣ вообще просторнѣе, нѣтъ этой скученности, и воздухъ чище, и зелень тѣнстѣе. За рѣдкими исключеніями, всѣ вообще постройки здѣсь деревянные, подъ тяжелыми черепичными кровлями аспидно-сѣраго цвѣта. Вывѣсокъ очень мало, такъ какъ прохожій и безъ нихъ свободно можетъ видѣть съ улицы, гдѣ что продается или производится; издѣлія и товары всѣ налицо, такъ что вся внутренняя часть нижняго города, въ сущности, есть большая выставка японской торговой ремесленной и промышленной производительности. Изрѣдка, впрочемъ встрѣчаются и вывѣски, но совершенно своеобразныя. Вотъ, напримеръ, надъ одною изъ лавокъ торчатъ, высунувшись на улицу, громадный распушенный вѣеръ, испещренный самыми яркими ря-

сунками; вотъ, не менѣе громадный, мужской чулокъ, вырѣзанный изъ широкой доски и обтупенный бѣлою бумажною матеріей; на одномъ перекресткѣ качается на жердинкѣ бѣлый шаръ покрытый множествомъ рогулекъ, это вывѣска кондитерской лавки, изображающая гигантскій обсахаренный булдегомъ; въ другомъ мѣстѣ выставлена большая уродливая маска. Кроме того, вывѣсками служатъ большіе фонари, а иногда и бамбуковый шестъ съ носикомъ, въ видѣ буквы Г, на который надѣта на кольцахъ длинная полоса бѣлой бумажной матеріи съ крупными черными надписями. Входы въ нѣкоторые магазины прикрыты снаружи особаго рода занавѣсками изъ грубой бумажной ткани темносіяго или бурокраснаго цвѣта, въ видѣ пяти-шести отдѣльных узкихъ полотнищъ, на каждомъ изъ которыхъ находится бѣлое изображеніе условнаго знака, нѣчто въ родѣ герба или девиза той или другой фирмы, либо начертано имя хозяина. Войти въ такой магазинъ можно не иначе, какъ раздвинувъ какую-либо пару изъ этихъ занавѣсокъ.

Промышленность и торговля въ Нагасаки не выдѣляются въ особые группы по роду производства или товаровъ; вы, напрямѣръ, не найдете тутъ того, что называется у насъ «рядами», — рѣдъ цѣлая улица, или нѣсколько смежныхъ лавокъ торгуютъ какими-либо однѣми издѣліями, въ родѣ бумажно-ткацкихъ, столярныхъ, посудныхъ и т. п. Напротивъ, тутъ перемѣшаны всевозможныя торгово-промышленныя и ремесленныя спеціальности въ самомъ неожиданномъ сосѣдствѣ между собою, хотя при этомъ каждая лавка въ отдѣльности строго специализовалась на какомъ-либо одномъ родѣ товаровъ. Тутъ встрѣчаются вамъ рядомъ магазинъ шелковыхъ матерій и рыбная или колбасная лавка, столярная мастерская и пѣвоточная продажа, лаковые издѣлія и овощная торговля, книжный или фарфоровый магазинъ и лавчонка соломенной и деревянной обуви; тутъ выдѣлываютъ идоловъ, домашніе алтари и кіоты, здѣсь бумажные фонари или зонтики, а рядомъ обширная торговля бронзовыми и мѣдными издѣліями, гдѣ вы встрѣтите вмѣстѣ со всевозможною домашнею посудой и утварью прекрасныя вазы, флаконы, жаровни, курительницы, гонги, бубенчики, фонари и колокола для буддійскихъ часовенъ. Далѣе наталкиваетесь на продажу риса, туши и письменныхъ принадлежностей, цыновокъ, тортовъ-кастеръ, бамбуковыхъ жердей, табаку и трубокъ, дѣтскихъ игрушекъ, бумажныхъ змѣевъ и раскрашенныхъ картинокъ; изрѣдка мелькнетъ вдругъ какая-нибудь лавчонка *bric-à-brac* со всевозможными японскими рѣдкостями. Но *курумы* наши быстро пробѣгаютъ мимо, а вниманіе мое только поверхностно можетъ скользить по этому

безчисленному и разнообразному множеству выставленных предметов японской промышленности.

Но что болѣе всего поражаетъ новаго чело-вѣка въ японскомъ городѣ, такъ это замѣчательная тишина при многолюдномъ и бойкомъ движеніи на улицахъ. Тутъ все движеніе исключительно пѣшеходное, даже *дженерикиши* попадаютъ рѣдко; вы не слышите ни грохота колесъ, ни стука подковъ о мостовую, ни вообще тѣхъ звуковъ, къ которымъ такъ привыкло ваше ухо въ городахъ европейскихъ. Случается, проводить по улицѣ караванъ вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ рисомъ или товарными тюками, но и тогда не раздается ихъ топотъ, потому что въ Японіи, вмѣсто подковъ, надѣваются на копыта мягкіе соломенные башмаки. Изрѣдка раздается только мѣрный сухой стукъ деревянныхъ калашъ (*сёки* или *тетъ*) какой-нибудь торопливо пробирающейся горожанки; но такъ какъ громадное большинство обывателей ходитъ въ сухую лѣтнюю погоду въ соломенныхъ *зори*, то на улицахъ, гдѣ даже не раздается особенно громкаго говора, слышенъ только какой-то легкій шелестъ и мягкій гомонъ, словно въ пчелиномъ ульѣ, и это на первый разъ производитъ съ непривычки очень странное впечатлѣніе: все какъ будто не достаетъ вамъ чего-то.

Затѣмъ еще замѣчательная черта: вы положительно не встрѣчаете угрюмыхъ, недовольныхъ или уныло озабоченныхъ лицъ, безъ которыхъ въ Европѣ не найдется ни одной улицы. Здѣсь, напротивъ, въ каждой туземной фізіономіи прежде всего бросается въ глаза добродушно веселая улыбка внутренняго, душевнаго мира, какъ будто всѣ эти люди вполне довольны собою, своимъ положеніемъ и всѣмъ окружающимъ. При этомъ неадъ отгѣнная вѣжливость и радушіе. Встрѣчаются, напримѣръ, два знакомые между собою японца. Они тотчасъ же останавливаются и дѣлаютъ другъ другу продолжительный и низкій поклонъ, который производится не иначе, какъ по извѣстнымъ этикетнымъ правиламъ. Такъ, прежде чѣмъ поклониться, они слегка сгибаютъ колѣни, какъ бы полуприсядая, и упираются въ нихъ ладонями, а затѣмъ уже, быстро втянувъ въ себя струю воздуха, отъ чего получается короткий, какъ бы испуганный или удивленный присвистъ въ видѣ звука «ихъ!» начинаютъ низко сгибать свои спины и головы. При этомъ, конечно, оба бормочатъ другъ другу какія-то привѣтственные любезности, затѣмъ приподымаются и тотчасъ же снова присѣдаютъ въ той же позѣ почтительнаго согбенія, и такъ иногда продѣлывается это до трехъ разъ и болѣе, смотря по старшинству или значительности котораго-либо изъ нихъ, причемъ младшій или низшій, искоса, но зорко наблюдаетъ, чтобы не подняться раньше стар-

шаго. Встрѣтивъ такую курьезную сцену въ первый разъ, вы, можетъ-быть, не воздержитесь отъ невольной улыбки и помыслите: сколько, однако, времени тратятъ эти добряки на выраженіе своихъ привѣтственныхъ церемоній! Но подумайте, не даетъ ли вамъ эта самая сцена весьма наглядное понятіе о томъ, насколько развиты въ японскомъ обществѣ чувство взаимнаго уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ патріархальная почтительность къ старшимъ, по возрасту ли, по положенію, или по личнымъ заслугамъ, на какомъ бы то ни было частномъ поприщѣ? Самая общепринятость подобныхъ формъ вѣжливости, еще съ незапамятныхъ временъ вошедшая какъ бы въ плоть и кровь этого народа, есть одинъ изъ важныхъ устоевъ его прочно сложившейся общежителности и несомнѣнно является чертою высокой, хотя и своеобразной цивилизации. Знакомыя женщины, при встрѣчѣ между собою, продѣлываютъ ту же церемонію, но—сколько я замѣтилъ—ограничиваются однимъ или много двумя поклонами.

Чрезвычайно странное впечатлѣніе производить также смѣшеніе принадлежностей европейскаго и мѣстнаго костюма на туземцахъ. Національный японскій костюмъ состоитъ изъ *кирумонъ* или *киримонъ*—нѣчто въ родѣ халата съ широкими, какъ у рясы, рукавами, который бываетъ двухъ видовъ: верхній и нижній; у послѣдняго рукава значительно уже и полы спускаются по шиколотку, а у перваго надаютъ немного ниже, чѣмъ по колѣно; женскій же *киримонъ* нерѣдко дѣлается и длиннѣе, чѣмъ по шиколотку, образуя шлейфъ, подобный для пышности ватой, и кроится онъ гораздо шире и полнѣе мужскаго. Сорочекъ ни тотъ, ни другой полъ не носитъ, но ихъ замѣняетъ еще одинъ, исподній, *киримонъ* изъ какихъ-нибудь легкихъ тканей; у женщинъ онъ обыкновенно бываетъ изъ шелковаго крепка свѣтлыхъ кожеровъ, въ родѣ бѣлаго, блѣдно-голубаго или свѣтло-лиловаго, а болѣе всего пунцовый; у мужчинъ же либо бѣлый, либо свѣтло-голубой съ синими мушками. Верхній *киримонъ*, безъ котораго неприлично показываться на улицѣ, шьется обыкновенно изъ плотной бумажной матеріи темныхъ цвѣтовъ съ сѣроватыми отгѣнками; преимущественно же бываютъ они сѣро-синіе, благодаря чему видъ уличной толпы en masse имѣетъ въ Японіи всегда сѣровато-синюю окраску. Шелковыя матеріи употребляются только на парадные *киримонъ*, которые однакоже никогда не измѣняютъ скромному характеру темныхъ цвѣтовъ, въ родѣ сѣни, индиго, темно-стальнаго, табачно-зеленаго и т. п., а совершенно черные считаются у мужчинъ даже наиболѣе соответствующими требованіямъ строгаго изящества и вкуса, или тому, что у французовъ называется *distingué* и *comme il faut*. Ярковыѣт-

ныя одежды носить только дѣти, преимущественно дѣвочки, и очень молодыя дѣвушки до пятнадцатилѣтняго возраста; съ выходомъ же замужъ, онѣ тотчасъ облачаются въ темное. Подпоясывается *киримонъ* у женщинъ широкимъ, длиннымъ поясомъ, *оби*, изъ какой-нибудь узорчатой, толстой шелковой матеріи, гдѣ могутъ сочетаться какъ темныя, такъ и свѣтлыя, даже яркія краски, хотя для повседневной носки предпочитаютъ все-таки темныя. Эти *оби* нерѣдко представляютъ собою чисто художественныя произведенія, когда по нимъ бываютъ затканы или вышиты разноцвѣтными шелками и золотомъ изображенія птицъ, цвѣтовъ, вѣровъ, драконовъ и т. п. Существуютъ даже особыя ткацкія фабрики, специально занятыя изготовленіемъ однихъ *оби*, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ роскошныхъ, цѣнимыхъ въ двѣсти и болѣе іенъ, что для японскихъ цѣнъ чуть не баснословная дороговизна. *Оби*, вмѣстѣ съ пышною прической, составляютъ главный предметъ щегольства японскихъ дамъ, которыя носятъ этотъ поясъ очень кокетливо, завязывая его сбоку или сзади пышнымъ бантомъ, напоминающимъ бабочку съ распушенными крыльями.

Мужчины, кромѣ исподняго *киримона*, носятъ еще узкіе, въ обтяжку, панталоны, а простолудины нерѣдко довольствуются одной коротенькой синей распашонкой, у которой на спинѣ и по нагруднымъ бортамъ отложнаго широкаго воротника иногда бываютъ вытканы бѣлою нитью по два, съ каждой стороны, какіе-то красивые литерные знака, а на полахъ—бѣлыя поперечныя полосы, въ родѣ басонныхъ петлицъ. Нижний мужской *киримонъ* подпоясывается иногда узкимъ, въ родѣ шарфа, матерчатымъ поясомъ, иногда же красиво-сплетеннымъ шелковымъ шнуромъ, а верхній обыкновенно носится на тесемчатыхъ завязкахъ. Кромѣ того, *фундаши*, длинный набедренный поясъ, какъ уже сказано, составляетъ первое основаніе каждой мужской одежды. Обувь, какъ мужская, такъ и женская, состоитъ изъ сине-или бѣло-бумажныхъ шивныхъ носковъ съ отдѣльнымъ большимъ пальцемъ, что придаетъ ногамъ видъ копытцевъ фантастическаго гнома; но такая кройка носка необходима, потому что въ промежность большого пальца продѣвается мягкій шнуръ, поддерживающій на ступнѣ соломенную или деревянную подошву, которая бываетъ двухъ видовъ: *сѣкки* и *гетта*¹⁾.

¹⁾ *Сѣкки* представляетъ собою скругленный съ обоихъ концовъ деревянный брусокъ, величиной въ длину обыкновенной ступни и вершка въ два вышиной. Исподняя часть его, для облегченія ноги, имѣетъ глубокую выемку противъ середины подошвы, а въ передней своей половинѣ, для большого удобства при ходженіи, обыкновенно скашивается снизу вверхъ, отъ края выемки до края носка; въ верхней же плоскости, на которой покоится ступня, прикрѣпляется съ

Женщины и дѣти остаются безусловно вѣрны какъ своему національному костюму, такъ и національнымъ прическамъ; но у мужчинъ, особенно у молодыхъ, нерѣдко встрѣчается смѣшеніе японскихъ принадлежностей съ европейскими, и, не могу сказать, чтобы было особенно красиво, когда на какомъ-нибудь одномъ субъектѣ надѣты *киримоны* и англійская пробковая каска (а то еще цилиндръ, или вулгарный «котелокъ»), а на другомъ — жакетъ съ крахмальною сорочкой и японскіе панталоны. Тоже самое и относительно обуви: *сѣкки* при европейскихъ штанахъ и американскія ботинки при голыхъ икрахъ. Что до мужскихъ куафюръ, то традиціонную національную прическу, требующую продольнаго пробритія темени и укладки на немъ кренделькомъ проклеенной и стянутой въ жгутъ косицы (*менго*), хотя еще и сохраняютъ, но уже очень немногіе, преимущественно старики и простолудины, среднее же сословіе и чиновники носятъ волосы по европейски и даже запускаютъ не только усы, но и бороды. Для чиновниковъ ношеніе европейскаго костюма на службѣ и на улицѣ сдѣлано даже обязательнымъ.

У всѣхъ японцевъ черные, блестящіе и густые, но совершенно прямые волосы, что для бороды на европейскій глазъ, выходитъ не совсѣмъ красиво. Женщины всѣхъ сословій придаютъ красотѣ своихъ волосъ очень большое значеніе и занимаются ихъ уборкой самымъ тщательнымъ образомъ, сообщая прическамъ эластическую упругость и необыкновенный блескъ и лоскъ при помощи какой-то клейкой помады-фиксатуара. А самыхъ причесокъ насчитывается что-то чуть не до пятидесяти родовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свое особое значеніе, и нѣкоторыя составляютъ даже принадлежность только придворныхъ особъ и дамъ благороднаго сословія; другія же, какъ напримѣръ, куафюра съ большими черепаховыми шпильками, являются исключительнымъ отличіемъ куртизанокъ японскаго полусвѣта со всѣми его нисходящими градаціями.

Вѣрзь составляетъ необходимую принадлежность какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и даже дѣтей всѣхъ общественныхъ классовъ и положеній. Во многихъ случаяхъ онъ замѣняетъ и зонтикъ, и шляпу; но большинство вы-

краевъ, въ обхватъ подъема ноги, мягкій, набитый ватой шнуръ, съ которымъ соединяется прибитая къ носку, мягкая, шнуровая или тесемчатая перемычка для промежности большого пальца. Второй же видъ, *гетта*, предназначается собственно для ходженія по грязи или по снѣгу и состоитъ изъ скругленной подошвы, въ палецъ толщиной, прикрѣпленной къ двумъ высокимъ (вершка въ два) поперечнымъ брускамъ, отчего въ общемъ *гетта* имѣетъ видъ скамеечки. Шнуры, и вообще все приспособленіе для носки *гетта* на ногѣ—такое же, какъ и въ *сѣкки* и въ соломенныхъ сандаляхъ (*зори*).

ходить на улицу всегда съ большимъ зонтомъ изъ промасленной бумаги, который очень хорошо предохраняетъ и отъ дождя, и отъ жгучаго солнца; шеголихи же употребляютъ парасоли значительно меньшихъ размѣровъ изъ проклейной шелковой матеріи, по которой разрисованы акварелью цвѣты и даже цѣлые ландшафты и сцены изъ японской жизни. Есть еще небольшіе бумажные зонтики, раскрашенные очень ярко и пестро, но носятъ ихъ исключительно дѣти.

Въ числѣ особенностей мѣстной костюмировки необходимо отмѣтить также «естественный» нарядъ нѣкоторыхъ чернорабочихъ, такъ называемыхъ *куи* или *курэски*, который весь ограничивается во время работы легкою головною повязкой и полотенцемъ-фундаши, перетягивающимъ поясъ и бедра. Вообще татуированіе въ большомъ обычаѣ у рабочихъ, вынужденныхъ изъ-за тяжелаго труда на солнцѣ снимать съ себя одежду. У нихъ обыкновенно вся спина и грудь, плечи, руки и ладони разрисованы самою затѣйливою татуировкой, гдѣ преобладаютъ синій и буро-красный цвѣта и изображаются всевозможные мифическіе драконы, птицы фео, военные сцены, женщины, змѣи, черепахи, ласточки, жуки, цвѣты и листья; даже помѣщаются цѣлыя изреченія и стихотворенія, но никогда никакихъ непристойныхъ изображеній. У нѣкихъ бываетъ прописано и собственное имя, такъ что въ удостовѣреніе личности и паспорта никакого не нужно. Художникъ, производящій такую роскошную татуировку нерѣдко ухитряется помѣстить въ какомъ-нибудь скромномъ уголкѣ и свое собственное имя. Никогда не подвергаются татуировкѣ только лицо, голова, шея и оконечности рукъ и ногъ. Очень часто куи татуируютъ на себѣ рисунокъ одежды изъ общепринятой бумажной матеріи, и такимъ образомъ нагѣ кажутся одѣтыми.

На первый разъ также бросается въ глаза общая малорослость японцевъ. Большинство изъ нихъ ниже нашего средняго роста, такъ что, если взять среднюю мѣру, то для мужчины она будетъ два аршина и три вершка, а для женщины—около двухъ аршинъ и даже менѣе. Встрѣчаются, конечно, люди и болѣе высокіе, но въ общемъ впечатлѣніе остается на сторонѣ малорослости. Въ этомъ усматривается признакъ фізіологическаго измѣненія рассы, въ зависимости отъ очень раннихъ браковъ, допускавшихся въ теченіе почти трехъ послѣднихъ столѣтій. Но нынѣшнее правительство уже издало законъ, воспрещающій, подъ страхомъ очень строгой кары, брать въ замужество или конкубинатъ дѣвушекъ ранѣе пятнадцатилѣтняго возраста. Большинство обоого пола, при малорослости, отличается еще и худощавостью, какъ бы недоразвитостью; но это, повидимому, не мѣшаетъ мужчинамъ исполнять

работы, нерѣдко требующія продолжительнаго напряженія физическихъ силъ, а естественная ловкость и гимнастическая увертливость въ соединеніи съ какою-то, чисто кошачьею, гибкостью и цѣпкостью, составляетъ довольно общую черту въ японцахъ.

Въ физическомъ сложеніи ихъ тоже замѣчаются нѣкоторыя особенности. Такъ, напримѣръ, голова, сравнительно съ общимъ ростомъ, кажется нѣсколько велика и какъ бы вдавлена въ плечи, и эта большеголовость въ особенности замѣтна у женщинъ, благодаря ихъ высокой и пышной причeskѣ; ноги же относительно туловища нѣсколько коротки, причемъ бедра мясисты, а икры черезчуръ худощавы; ручная пясть и ступня малы и сформированы красиво, но поставъ носка обращенъ нѣсколько внутрь, отъ привычки сидѣть на пяткахъ; торсъ достаточно широкъ и живото нѣсколько втянутъ. Плотные, мускулистые мужчины встрѣчаются нерѣдко, въ особенности между рабочими, но толстяки составляютъ большое исключеніе. Вообще по натурѣ это болѣе холерики, отнюдь не лимфатики. Чтѣ до типа лица, то, при нѣкоторой скуловатости и узкоглазій онъ своеобразно красивъ, а между женщинами зачастую встрѣчаются положительно хорошенкыя; но въ этихъ чертахъ нѣтъ ровно ничего монголо-китайскаго, хотя нѣкоторые ученые и причисляютъ японцевъ къ Туранской расѣ. Мнѣ кажется, что они скорѣе приходятся съ родни нашимъ якутамъ, и между ними нерѣдко можно встрѣтить людей съ орлиными и горбатыми носами. Эме Гюмберъ, авторъ извѣстной книги о Японіи, находитъ въ нихъ нѣкоторое сходство съ обитателями Зондскихъ острововъ и говоритъ, что у тѣхъ субъектовъ, у которыхъ лобъ убѣгаетъ назадъ, а скулы широки и выдаются впередъ, лицо, если смотрѣть на него прямо, представляетъ скорѣе фигуру трапеціи, чѣмъ овалъ и что другая, болѣе общая особенность японскихъ лицъ состоитъ въ томъ, что глазныя впадины ихъ не глубоки и хрящевыя части носа слегка приплюснуты, вслѣдствіе чего глаза несравненно ближе къ поверхности, чѣмъ у европейцевъ; вообще японское лицо продолговатѣе и правильнѣе, чѣмъ монголо-китайское. Относительно того, чтѣ зовется узкоглазіемъ,—сколько я могъ наблюдать,—это скорѣе есть мифическій прорѣзъ глаза, въ сущности вовсе не маленькаго, а только слегка приподнятаго на наружныхъ углахъ, и это даже придаетъ многимъ женскимъ лицамъ особенную прелесть. Чтѣ до цвѣта лица, то въ общемъ онъ матово-оливковый, какъ у испанцевъ, и у женщинъ вообще свѣтлѣе, чѣмъ у мужчинъ; но тутъ есть множество отгѣнковъ, въ зависимости отъ условій жизни, начиная съ темно-бронзоваго, наблюдаемаго у многихъ рабочихъ, вынужденныхъ всегда работать на солнцѣ, до европей-

ски благо, какой нерѣдко встрѣчается у женщинъ-аристократокъ.

Японскія женщины вообще оченъ милостивы, не лишены своеобразнаго изящества и кокетливой граціи. Люди, знакомые съ ними поближе, называютъ ихъ даже француженками крайняго Востока. Къ сожалѣнію, въ силу древняго обычая, многія женщины съ выходомъ замужъ начинаютъ чернить свои предестинные зубы и сбивать или выщипывать себѣ брови, замѣняя ихъ искусственными мазками тушью на лбу, на дюймъ выше ихъ естественнаго мѣста. Последнее, впрочемъ, дѣлаютъ только придворныя аристократическія дамы; горожанки же довольствуются только выщипываньемъ. Говорятъ будто это дѣлается для вящаго доказательства мужу всей силы любви къ нему, которая не задумывается пожертвовать для него даже лучшимъ достояніемъ женщины, ея красотой, чтобы никогда уже никакой мушкетеръ, кромѣ мужа, даже случайно, мимоходомъ, не могъ обратить на нее нескромное вниманіе. Быть-можетъ въ силу этого и нарушеніе со стороны женщинъ супружеской вѣрности считается въ Японіи такою рѣдкостью, что статистика преступленій, какъ увѣряютъ, насчитываетъ не болѣе одного или двухъ случаевъ въ столѣтіе. Да и кромѣ того взгляды на прелюбодѣліе самихъ женщинъ таковы, что жена, нарушившая обѣдъ вѣрности, никогда уже не найдетъ себѣ мѣста между честными женщинами, будь то самая близкія ей подруги или родныя, и ей уже не остается ничего, какъ только покончить съ собою самоубійствомъ. или сбѣжать предъ *коцэ* горсточку рису съ ложкой ¹⁾).

Впрочемъ, теперь, подъ вліяніемъ присутствія европейскихъ женщинъ и новѣйшей «цивилизациі», принимаемой японцами, обычай черненія зубовъ начинаетъ уже понемногу выводиться, особенно въ мѣстахъ, открытых для европейцевъ, и, я думаю, что супружеская вѣрность, при такомъ взглядѣ на нее самихъ женщинъ, отнюдь не пострадаетъ отъ отмѣны этого обычая, а красота ихъ положительно выиграетъ, лишь бы онѣ и впредь не измѣнили своему красивому національному ко-

стюму, съ которымъ такъ гармонируютъ и ихъ прически, и ихъ характерныя лица.

Но что за прелесть эти японскія дѣти, которыхъ мы встрѣчаемъ повсюду на улицахъ, на галлерейкахъ домовъ, въ садикахъ и священныя рощахъ около храмовъ, гдѣ они рѣзвятся со своими трещетками, погремушками, жуками, привязанными на нитку, и пускаютъ бумажныхъ змѣевъ. Лица у нихъ у всѣхъ здоровыя, бѣлыя, румяныя; зубенки при улыбкѣ сверкаютъ, какъ рядъ жемчужинъ; острые, черные глазки смотрятъ бойко, умно и привѣтливо, и никогда ни одной плаксивой рожицы!.. Темя у мальчугановъ, начиная съ полуторогодоваго возраста, всегда пробрито, а волосы оставлены только отдѣльными пасмочками на вискахъ и внизу на затылкѣ, да еще на чубѣ, макушкѣ, гдѣ они закручиваются въ два коротенькіе, торчащие кверху, завиточка, что придаетъ этимъ бутузамъ преуморительный видъ. У дѣвочекъ волосы только слегка подстригаютъ и зачесываютъ чубикомъ назадъ, оставляя на вискахъ продлинноватыя, въ родѣ пейсиковъ, ровно подстриженные космы. Эта прическа иногда украшается настоящими или искусственными цвѣтами. Мальчиковъ одѣваютъ въ коротенькія распашонки или въ халатики, а дѣвочекъ въ ярко-пестрые *киримоны*, гдѣ преобладающими колерами являются пунцовый и розовый. Кромѣ того, у дѣвочекъ отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ здѣсь принято бѣлить лицо и шею безвредными бѣлилами и слегка подрумянивать щеки, что придаетъ имъ видъ какъ бы фарфоровыхъ куколокъ. Съ переходомъ изъ дѣтскаго возраста въ дѣвическій, притиранія иногда еще употребляютъ; но съ семнадцати лѣтъ, или съ выходомъ замужъ этотъ родъ кокетства уже бросается, и женщина довольствуется своимъ естественнымъ цвѣтомъ лица. Исключеніе составляютъ только пѣвицы и танцовщицы, такъ-называемыя *гейки* или *гейши*, да публичныя куртизанки, которыя сохраняютъ за собою какъ бы право и на ношеніе яркочвѣтныхъ костюмовъ. Замѣчательно еще то, что японскія дѣти нерѣдко служатъ няньками для своихъ младшихъ братишекъ и сестренкокъ. Иногда такую няньку и самое-то еде отъ земли видно, а она, будучи пяти-шести лѣтъ отъ роду, уже преважно таскаетъ у себя за спиной какого-нибудь восьмилѣтняго или годовалаго *анко* (мальчика), посадивъ его либо просто къ себѣ за *киримонъ*, либо въ особый мѣшокъ съ длинными тяжами, накрестъ перетянутыми съ плечъ подъ мышки и завязанными на поясъ. Этотъ же способъ носки младенцевъ обыкновенно употребляютъ и матери, причемъ для нихъ является то удобство, что ребенокъ не мѣшаетъ работать.

Во время нашей сегодняшней прогулки мы посѣтили нѣсколько лавокъ и магазиновъ, тор-

¹⁾ *Коцэ*—мѣстный участковый старшина, исполняющій административныя и нѣкоторыя судебныя, нотаріальныя и фискальныя обязанности въ своемъ участкѣ. Что до вкушенія риса съ ложкой, то должно объяснить, что въ Японіи рисъ ѣдятъ не иначе, какъ съ помощью извѣстныхъ палочекъ, или, въ крайнемъ случаѣ, руками; ѣсть же его ложкой считается до такой степени неприличнымъ, постыднымъ и даже отвратительнымъ, что древній обычай установилъ это, какъ позорный обрядъ для женщинъ, вступающихъ на попріе открытой проституціи, обусловленной поступленіемъ ихъ въ *юкиро* (кварталь домовъ терпимости). Обрядомъ этимъ знаменуется, что такая женщина разрываетъ навсегда всѣ свои связи съ семьей и честнымъ обществомъ.

гующих лаковыми издѣліями и фарфоромъ. Между прочимъ, заѣхали напоследокъ и на базарную выставку фарфоровыхъ вещей въ Децимѣ, гдѣ любовались на громадныя вазы необыкновенно изящной работы съ изображеніями на одной—вереницы летящихъ цѣпью водяныхъ птицъ, а на другой—стаи плавающихъ рыбъ. Различныя положенія, повороты и моменты движенія, повидимому, самые неуловимые, равно какъ смѣлые ракурсы и профили рыбы и птицъ схвачены талантливымъ художникомъ-японцемъ съ поразительною вѣрностью природѣ и изображены мастерски, съ большимъ художественнымъ чувствомъ и вкусомъ, въ высшей степени жизненно и въ то же время съ изящно небрежною, эскизною легкостью рисунка. Этой китайской кропотливости и зализанной вырисовки тутъ и слѣда нѣтъ; напротивъ, ударъ кисти повсюду смѣлъ, штрихъ и твердъ, и легко, такъ что во всей композиціи намъ сразу сказывается свободная сила и увѣренная въ себѣ рука истиннаго художника. Тутъ же стоитъ бѣлая ваза, испещренная синими рисунками, вышиной около четырехъ аршинъ, если не болѣе. Другая, парная къ ней, ваза разбилась, и потому остающаяся продается сравнительно очень дешево, но покупателей все еще не находится, такъ какъ украшать собою она можетъ развѣ какой-нибудь роскошный царскій садъ, или площадку парадной лѣстницы обширнаго дворца. Много вещей дѣлается здѣсь уже совершенно въ европейскомъ стилѣ и примѣнительно къ европейскимъ потребностямъ, какъ, напримѣръ, столовые, чайныя и кофейныя сервизы, но орнаментация и рисунки на нихъ неизмѣнно сохраняютъ японскій характеръ. Цѣны на лакъ и фарфоръ оказались вовсе не такъ баснословно малы, какъ увѣряли насъ еще на «Шей-Хо»; но все же надо сказать, что онѣ вполне доступны, въ особенности сравнительно съ цѣнами на тѣ же предметы въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что расплата за нихъ на мѣстѣ идетъ не на доллары, а на бумажные іены, которые нынѣ ходятъ по курсу 140 (вмѣсто ста) центовъ за одинъ серебряный долларъ. К. В. Струве, напримѣръ, купилъ пару прекрасныхъ маленькихъ вазъ очень изящной и оригинальной работы за 18 іенъ, что на серебро составляетъ 12 съ небольшимъ долларовъ.

Затѣмъ мы завтракали въ лучшемъ изъ здѣшнихъ ресторановъ подѣ фирмой «Фукуя» или «Фукуя», путь къ которому лежатъ по холмамъ предгорья Гико-сана, мимо буддійскихъ пагодъ и одного изъ городскихъ кладбищъ, а это послѣднее просто поражаетъ красотой и тихою прелестью своихъ поэтически изящныхъ уголковъ. Но подробности о немъ—мимо, до другого раза. Въ Фукуя встрѣтила насъ съ этикетнымъ почетомъ сама хозяйка, г-жа Ока-

на (по-японски Оканесанъ), красивая, изящная особа, лѣтъ двадцати трехъ, окруженная штатомъ своихъ помощницъ и прислужницъ, но на колѣни онѣ не опускались, такъ какъ начисто вылощенный полъ, въ виду постоянныхъ посѣщеній европейцевъ, не былъ покрытъ циновками. Обстановка и мебель здѣсь европейскія, съ примѣсью нѣкоторыхъ японскихъ украшеній въ видѣ фарфоровыхъ вазъ, картинъ на шелку и причудливо изгибистыхъ растений въ горшкахъ. Ресторанъ стоитъ на площадкѣ одного изъ холмовъ, окруженный небольшимъ, но тѣнистымъ садомъ, съ нѣсколькими огромными деревьями; домъ въ японскомъ стилѣ, двухъ-этажный, и съ верхняго балкона его открывается прекрасный видъ почти на весь, распростертый внизу, японскій городъ, на часть рейда, устьянаго европейскими и туземными судами и на противулежащія горныя вершины съ ихъ буддійскими храмами, плантаціями, рисовыми полями, бамбуковыми и сосновыми рощами. Городъ съ этого пункта представляется громадною площадью, сплошь покрытою тѣнящимся множествомъ аспидно-сѣрыхъ двускатныхъ крышъ, отороченныхъ по краямъ и ребрамъ полосами бѣлой штукатурки; улицы и переулки, словно на шахматной доскѣ, намѣчаются узкими полосками въ продольномъ и поперечномъ направленіяхъ, иногда съ незначительными уклонами; то тамъ, то сямъ видѣются изъ-за крышъ деревца миниатюрныхъ садиловъ, и такъ всѣ эти крыши скучены, что изъ-за нихъ совсѣмъ не видать уличнаго движенія. По ту сторону бухты видѣются сады и домики Иносы и Акунора, и надо во всемъ этомъ—прелестная, чистѣйшая лазурь безоблачнаго неба, залитаго блескомъ полуденныхъ лучей.

Въ одномъ изъ отдѣльных кабинетовъ Фукуя намъ подали очень порядочный завтракъ изъ европейскихъ блюдъ, причемъ къ закускамъ пріятнымъ сюрпризомъ явилась русская водка, русская паюсная икра, свѣжая редиска и отменная ветчина, въ видѣ цѣлаго окорока, своего домашняго приготовленія, чѣмъ въ особенности славится здѣшняя хозяйка. Въ выборѣ такихъ закусокъ уже несомнѣнно сказалось влияние русскихъ морскихъ офицеровъ, всегдашнихъ посѣтителей этого ресторана.

Вечеромъ, въ шесть часовъ, обѣдали на «Африкѣ», у адмирала. На сей разъ была сдѣлана первая проба нашего «обыкновеннаго» обѣда, приготовленнаго русскимъ поваромъ. Но прежде чѣмъ сѣсть за столъ всѣ мы присутствовали при церемоніи спусканія флага, причемъ, по пробитіи «заря», былъ сдѣланъ выстрѣлъ пѣз четырехфунтоваго кормоваго орудія.

Послѣ обѣда, когда мы наслаждались на верхней палубѣ вечернею прохладой и чуднымъ видомъ темно-синяго звѣзднаго неба, вдругъ въ глубокой тишинѣ всей природы донесся до

насть съ нагорнаго берега густой, протяжный звонъ большого колокола. То буддійскій храмъ расположенный въ полугорьяхъ, выше города, призывалъ изъ своихъ священныхъ роуцъ къ вечерней молитвѣ. Звонъ этотъ, медленный и протяжный, совершенно напоминалъ намъ нашъ великопостный благовѣстъ, и было въ немъ, среди этой дивной природы и чуткой тишины воздуха, что-то мистически таинственное, что-то такое, что невольно вноситъ въ душу поэтически грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйно свѣтлое настроеніе. И не успѣлъ еще замереть звукъ послѣдняго удара этого колокола, какъ на нашей палубѣ пробили 8 склянокъ (8 часовъ вечера), урочный часъ вечерней молитвы, и вся команда «Африки», выстроенная вдоль шканцевъ, стройными звуками Отче нашъ огласила окрестныя воды и горы.

2-го сентября.

Съ девяти часовъ утра мы опять отправились въ японскій городъ вмѣстѣ съ Сига-саномъ, и первое что бросилось намъ въ глаза, когда мы проникли въ центръ торговыхъ кварталовъ, была процессія пѣвицъ и танцовщицъ (*гейки*). Около сорока молодыхъ дѣвушекъ въ яркихъ костюмахъ, со своими музыкальными инструментами и цвѣтами въ рукахъ, шли парно серединой улицы, держа себя въ высшей степени прилично. На мой вопросъ: что это за процессія, Сига-санъ отвѣчалъ что вѣроятно всего «цвѣточная команда» направляется съ поздравленіями къ какой-нибудь бывшей своей товаркѣ вышедшей вчера замужъ; *гейки* поднесутъ новобрачной цвѣты, зададутъ ей серенаду, которая будетъ для нея уже пропастью, а молодая въ отвѣтъ выставитъ для нихъ угощеніе, сопровождаемое какими-нибудь подарочными бездѣлками «на память», и визитъ окончится пирушкой.

Японскія *гейки*, по словамъ Сига-сана, нѣрѣдко дѣлаютъ себѣ блестящія супружескія партіи, выходя за людей богатыхъ и знатныхъ, и это только потому, что ихъ таланты, проявляемые публично въ чайныхъ домахъ, скорѣе чѣмъ гдѣ-либо иначе находятъ себѣ цѣнителей и поклонниковъ, которые, увлекаясь кромѣ таланта еще красотой и молодостью той или другой пѣвицы, зачастую кончаютъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ сердцемъ предлагаютъ ей и свою руку. *Гейки* вообще славятся своимъ остроуміемъ, удачными отвѣтами, умѣемъ поддерживать свѣтскій разговоръ и нѣкоторымъ обязательнымъ для нихъ образованіемъ. Что до послѣдняго, то кромѣ знанія музыки, пѣнія, декламации и хореографическаго искусства (здѣсь, говорятъ, есть даже своя традиціонная школа классическаго балета), онѣ весьма свѣдущи въ отечественной мѣлологіи, поэзій и вообще въ изящной литературѣ, и нѣрѣдко сами слагаютъ весьма удачныя стихи; кромѣ

того, большинство изъ нихъ умѣетъ рисовать акварелью, дѣлать искусственные цвѣты и вышивать шелками, и все это благодаря чайнымъ домамъ, гдѣ онѣ съ малыхъ лѣтъ получаютъ такого рода образованіе вмѣстѣ съ манерами и свѣтскимъ лоскомъ. Люди высшихъ классовъ, конечно, не отдаютъ своихъ дочерей въ чайные дома, потому что имѣютъ возможность давать имъ блестящее образованіе и воспитаніе у себя дома; но для дочерей среднихъ классовъ и особенно для мѣщанства чайный домъ еще и до сихъ поръ является въ своемъ родѣ школой свѣтскости и общеобразовательнымъ заведеніемъ, несмотря на правительственныя начальныя школы для дѣтей обоего пола въ каждой сельской и городской общинѣ. Вообще, по словамъ Сига-сана, оказывается, что чайные дома въ Японіи далеко не то, чѣмъ привыкли считать ихъ въ Европѣ со словъ иныхъ путешественниковъ, не задавшихъ себѣ труда провѣрить свои поверхностныя заключенія.

Въ торговой части города мы любовались сегодня въ нѣсколькихъ мастерскихъ замѣчательными произведеніями злато- и шелкошвейнаго искусства. Основаніемъ для выпивки обыкновенно служатъ *rou-de-soie*, атласъ, сукно или бархатъ, натянутые на пальцы. Но этимъ, казалось бы, по преимуществу женскимъ трудомъ заняты въ осматриваемыхъ нами заведеніяхъ исключительно мужчины. Закажите и они выплѣютъ вамъ что угодно, хотя бы даже вашъ собственный портретъ. Мы видѣли здѣсь выпитые для подушекъ и настѣнныхъ картинъ гербы, букеты, профили европейскихъ военныхъ судовъ, фигуры мужчинъ и женщинъ, но въ особенности хорошъ былъ одинъ экранъ съ бѣлымъ пѣтухомъ, красиво поднявшимъ свой пышный хвостъ среди семейства куръ и цыплятъ, клюющихъ зерна между цвѣтами и травами. Эта вещь была исполнена артистически, съ большимъ художественнымъ вкусомъ какъ въ подборѣ колеровъ такъ и въ расположеніи самой группы. И что замѣчательно: японскіе шелкошвейны рѣдко работаютъ имѣя оригиналъ предъ глазами; отъ оригинала они, по большей части, заимствуются только однимъ контуромъ рисунка, а затѣмъ уже отъ себя, по собственному усмотрѣнію и вкусу, подбираютъ въ шелкахъ нужные имъ цвѣта и оттѣнки, и вы никогда не встрѣтите въ такомъ подборѣ ни малѣйшей дисгармоніи между цвѣтами. Вырисовка же контура производится очень скоро: либо рисунокъ декалькируется на бѣлый листъ бумаги и нашивается на натянутую въ пальцахъ матерію, либо же послѣ декалькировки онъ весь еще проходитъ по карандашу булавочными наколами. Въ послѣднемъ случаѣ, нашивливъ листъ на пригодную къ работѣ матерію, мастеръ въ зависимости отъ ея цвѣта беретъ на пушокъ, а то и просто на вату цвѣтной порошокъ изъ квасной

охры; графита или магнезия и пудрить имъ этотъ листъ, въ результатъ чего на матерія получается контуръ рисунка воспроизведенный рядомъ мелкихъ точекъ, по которымъ мастеръ затѣмъ уже проводитъ чернымъ или бѣлымъ карандашомъ и приступаетъ къ вышивкѣ. Въ первомъ случаѣ шелкошвейная работа идетъ по бумагѣ и рисунокъ получается выпуклый, рельефный, а во второмъ—плоскій: Шелкошвейныя вещи эти замѣчательно дешевы: экранъ съ пѣтухомъ, напрымѣръ, стоилъ всего двѣнадцать йенъ, а подушки, смотря по величинѣ, отъ полутора до четырехъ йенъ. То есть положительно эти люди почти ни во что не цѣнятъ свой собственный личный трудъ и время на него потраченное. При назначеніи цѣны за какую-либо вещь они прежде всего принимаютъ въ соображеніе не цѣнность этого труда, а стоимость употребленнаго на нее матеріала.

Побродивъ по торговымъ кварталамъ, проѣхали мы въ одну изъ болѣе возвышенныхъ предгорныхъ частей города, извѣстную подъ именемъ Накашима или Накадзима (произносится и такъ, и такъ). Цѣлью этой поѣздки была мастерская мѣстнаго японскаго фотографа, гдѣ я сдѣлалъ себѣ большой выборъ нагасакскихъ видовъ и типовъ, превосходно иллюминированныхъ анилиновыми красками. Накашима, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ картинныхъ мѣстъ этого города. Лежитъ она вверхъ по теченію горнаго потока, что струится въ обрывистыхъ берегахъ, гдѣ по руслу наворочены большіе мшистые камни, да крупныя валуны и въ изобиліи разбѣяна разноцвѣтная галька. Съ береговыхъ обрывовъ, нерѣдко укрѣпленныхъ дико-каменными стѣнками, служащими высокими фундаментомъ для легкихъ набережныхъ построекъ, спускаются внизъ цѣлыя каскады лапчатой, зубчатой, ползучей и выходящей заросли, которая соединяетъ въ себѣ разные оттѣнки зелени, отъ темнаго съ синеватымъ налетомъ до буро-краснаго и нѣжно-золотистаго, и придаетъ всему этимъ камнямъ, буддійскимъ часовенкамъ, водянымъ мельницамъ и деревяннымъ домикамъ съ ихъ висающими надъ обрывомъ галлереями и балкончиками такую прелесть, что словами ее и не выразишь; но пейзажистъ нашелъ бы тутъ для своего альбома чистый кладъ совершенно новыхъ оригинальныхъ, никѣмъ еще не тронутыхъ мотивовъ. А какъ хороши эти старыя корявыя сосны съ ихъ причудливо искривленными вѣтвями, что раскинулись мѣстами вкривь и вкосъ надъ обрывомъ и надъ черепичными кровлями! Какъ хороша перспектива этого потока, образующаго мѣстами словно ступени изъ ряда камней, между которыми, одна ниже другой, лежатъ искусственныя заруды, необходимыя для орошенія ближнихъ садовъ и для водяныхъ мельницъ! Черезъ потокъ перекинута нѣсколько мостовъ, каждый обь одной полукруглой аркѣ, очень

древней постройки изъ тесанаго камня съ каменными же сквозными перилами. Мосты эти, тоже обросшіе мхомъ и мелкими выюнками, расположены на извѣстномъ разстояніи, такимъ образомъ, что если глядѣть снизу около русла на мостъ Амида, то изъ-подъ арки словно изъ рамы вамъ видна въ перспективѣ арка другого моста съ кусочкомъ окружающаго его пейзажа. Это прелесть что за картинка!... Но и въ общемъ видѣ Накашима съ дальними планами, коими служатъ вершины Компиро-ямы и Хоква-сана, ни въ чемъ не уступаетъ своимъ отдѣльнымъ деталямъ. Тутъ все хорошо, и что ни шагъ, то новая картинка, новый мотивъ для пейзажа.

Неподалеку отъ фотографіи, надъ самымъ обрывомъ, стоитъ памятникъ глубокой японской древности. Это священный фонарь, составленный изъ грубыхъ плитъ и крупныхъ осколковъ диаго камня. Съ виду онъ похожъ на два грибка, поставленные одинъ на другомъ. Стержнемъ верхняго грибка служитъ выточенный внутри каменный шаръ съ двумя противуположными мѣсяцевидными отверстіями. Внутрь его вставляется лампада, и по вечерамъ эти темно свѣтящіяся полумѣсяцы указываютъ путнику, что здѣсь напротивъ фонаря находится буддійская часовня, замѣчательная своею древнею статуей лежащей коровы, отлитой почти въ половину натуральной величины изъ темной бронзы. Мы нарочно зашли туда чтобы полюбоваться на это образцовое произведеніе древняго японскаго искусства. Какое спокойствіе и сила и вмѣстѣ съ тѣмъ какая простота и естественность въ позѣ, въ поворотѣ головы и во всей фигурѣ животнаго! Тутъ нѣтъ никакой условности и никакой утрировки, столь свойственныхъ, напрымѣръ, китайскимъ изображеніямъ подобнаго рода. Не говоря уже о достоинствѣ самаго металла, остается только удивляться техникѣ литейнаго дѣла и тому совершенству до какого еще во времена глубокой древности успѣло достигъ скульптурное искусство въ Японіи, равно какъ тому тонкому пониманію природы и чувству пластической красоты какими очевидно былъ отмѣченъ талантъ невѣдомаго художника, столь ярко сказавшійся въ этомъ его произведеніи, пережившемъ цѣлый рядъ вѣковъ, среди которыхъ давно уже успѣло позабыться имя самого автора.

Къ завтраку мы вернулись въ Belle-Vue и расположились въ общей столовой. Вдругъ входитъ туда и садится по сосѣдству съ нами за отдѣльный столикъ раздобѣвній, гладко выбритый туземецъ среднихъ лѣтъ и довольно высокаго (для японца) роста. Прическа у него европейская, а костюмъ національный.

— Ба! да никакъ это Гейшо-санъ?—воскликнулъ В. С. Кудрявъ, вскинувъ на него глаза.
— Кхе!.. Онъ самый, къ вашимъ услугамъ!—

съ вѣжливымъ европейскимъ поклономъ и пріятною веселою улыбкой отвѣтилъ японецъ, совершенно чисто по-русски.

— Здравствуйте, старый знакомый! Вы можете меня не помнить?

— О, нѣтъ, я помню... Я очинь... очинь васъ помню... Господинъ докторъ?.. Вы были на «Свѣтланѣ» съ великимъ княземъ ¹⁾. Я очинь хорошо помню!—удовольбралъ японецъ, радостно пожимая руки доктору.

— Господа,—обратился къ намъ послѣдній,—позвольте васъ познакомить: Гейшо-санъ, иначе *черепаха-человѣкъ*, неизмѣнный пріятель всѣхъ русскихъ.

— Очинь радъ,—очинь радъ!—отчетливо отчеканивалъ слова японецъ, съ тою же изысканно пріятною улыбкой совершая *shake-hands* поочередно со всѣми нами.

Пока онъ продѣлывалъ это, я вопросительно взглянулъ на доктора: почему-молъ *черепаха-человѣкъ*? имя, что ли, такое?

Оказалось, какъ объяснили мнѣ въ послѣдствіи, что это буквальный переводъ, его прозвища, а прозывается онъ такъ потому что держитъ извѣстную во всей Японіи мастерскую черепаховыхъ издѣлій и самъ славится какъ лучшей мастеръ-артистъ своего дѣла.

— Ну съ, *черепаха-человѣкъ*,—обратился къ нему докторъ, — присаживайтесь къ намъ и расскажите что у васъ есть новенького, но не дорогого?

— Извините!.. Душевно бы радъ, душевно!.. но жду одного знакомаго, общалъ вмѣстѣ кушать... Пожжалуста извините!—отпѣкивался Гейшо-санъ, прижимая къ груди свои руки,—очинь жаль, очинь!.. А впрочимъ, пока его нѣтъ, присяду на минутку... съ удовольствіемъ. И подвинувъ себѣ стулъ, онъ сѣлъ съ краю около доктора.

— Новенькое есть, конечно; продолжалъ онъ,—милости прошу ко мнѣ, тамъ посмотрите... И пѣны не дорогія, очинь не дорогія! Даже очинь, очинь дешевыя!

— Вы, Гейшо-санъ, должно-быть долго жили въ Россіи?—спросилъ я.

— Отчего вы такъ думаете, господинъ капитанъ?

— Вы такъ хорошо говорите по-русски.

— Кхе! Немножко могу, дѣйствительно... Но въ Россіи я не жилъ.

— Гдѣ же вы такъ научились нашему языку?

— Дома, господинъ капитанъ, здѣсь, въ Нагасаки... еще мальчикомъ, понемножку отъ господъ русскихъ.

Оказалось, что столь же хорошо, если еще не лучше, онъ говоритъ по-англійски и, частью, по-французски, и все это самоучкой съ наслуху да съ навыку. Замѣчательная способность.

Вскорѣ пришелъ его знакомый, тоже япо-

нецъ въ *киримонъ*, и *черепаха-человѣкъ*, повторивъ намъ свое приглашеніе, удалился за отдѣльный столѣкъ.

Мы сегодня же, вскорѣ послѣ завтрака, посѣтили его мастерскую, для чего пришлось ѣхать опять въ Японскій городъ. Тамъ, встрѣтивъ насъ, какъ отменно любезный хозяинъ, съ разными угощеніями, чаемъ и сигарами, Гейшо-санъ разложилъ предъ нами множество дѣйствительно прелестныхъ вещей изъ черепахи. Каждая изъ нихъ хранилась не иначе какъ въ сосновомъ, очень аккуратно и даже изящно сдѣланномъ ящичкѣ съ крышкой. Тутъ былъ большой выборъ какъ мужскихъ такъ и дамскихъ бездѣлокъ, въ родѣ испанскихъ высокихъ гребней для косы, головныхъ булавокъ, цѣпочекъ съ крестами, вѣровъ, портмоне и портсигаровъ, футляровъ для визитныхъ карточекъ, крышекъ для альбомовъ и записныхъ книжекъ и т. п. Все это блистало изяществомъ, тонкостью и чистотой отдѣлки, достигаемой при помощи самыхъ простыхъ и притомъ исключительно ручныхъ инструментовъ, разныхъ пилъ, шильцевъ, бурчавчиковъ, рѣзцовъ и т. п. Но цѣны у *черепахи-человѣка* далеко не «очинь дешевыя», напротивъ, онъ запрашиваетъ въ три-дорога и уступаетъ «очинь, очинь» мало, но за то очень ловко успѣетъ соблазнить покупателя, разговорить его и подкупить своею неисчерпаемою любезностью, такъ что хочешь не хочешь, а въ концѣ концовъ все-таки купишь у него и нужное и ненужное. Больно ужъ вещи то хороши, да и хозяинъ пріятель. И чувствуешь даже что какъ-то неловко уйти отъ него ничего не купивши.

Узнавъ, что я хочу приобрести старое японское вооруженіе, Гейшо-санъ тотчасъ же сообщилъ нашимъ *курамамъ* адресъ одного своего знакомаго купца-антикварія, къ которому мы прямо отсюда и поѣхали.

Домикъ антикварія находится въ одномъ изъ переулковъ ведущихъ въ гору, къ кумирнямъ и храмамъ, ютящимся подъ сѣнью старыхъ, развѣсистыхъ деревьевъ. Онъ выстроенъ сообразно общему зрѣвшему типу японскихъ построекъ, и если я вамъ опишу его, то это выйдетъ, что въ общихъ чертахъ я описалъ ихъ всѣ. Домикъ поставленъ на невысокомъ фундаментѣ изъ большихъ осколковъ дикаго, нетесаннаго камня, цементованныхъ по своимъ изломамъ известью, что придаетъ имъ прихотливо неправильный, но въ общемъ очень милый, какъ бы мозаичный узоръ. Въ основаніе стѣнъ употребляется дерево: изъ нѣсколькихъ бревенъ составляется начальный каркасъ будущаго жилища; двѣ боковыя стѣны его (обыкновенно сѣверная и южная) забираются плетнемъ, изъ тонкихъ бамбучинъ и, все это вмѣстѣ образуетъ какъ бы скелетъ постройки. Стѣны, забранныя плетнемъ, об-

¹⁾ Алексѣемъ Александровичемъ.

дѣлаются изнутри и снаружи особою вязкою массой изъ глины, песку, навозу и рубленой соломѣ. Толщина смастерованной такимъ образомъ стѣны не превышаетъ четырехъ вершковъ, но бываетъ и тоньше. Восточная же и западная сторона постройки, вмѣсто стѣнъ, обыкновенно забирается рѣшетчатыми рамами съ натянутою на нихъ бѣлою бумагой и раздвижными досчатыми ставнями, которыя на ночь и въ холодное время закрываютъ собою эти рамы снаружи. Одновременно со скелетомъ постройки возводятся и стропила двускатной кровли, которая покрывается какъ чешуей толстыми аспидно-сѣрыми черепицами, изъ нихъ же каждая имѣетъ на своемъ нижнемъ ребрѣ особое выпуклое украшеніе въ видѣ розетки. Гребень и ребра крыши окрашиваются полосой бѣлой извести, а углы ихъ украшаются изваянными мордами и торсами какихъ-то фантастическихъ животныхъ: не то львовъ, не то псовъ¹⁾. Снаружи стѣны бѣлятся, а со внутренней стороны весьма тщательно штукатурятся особымъ цементомъ желтовато-сѣраго или перловаго цвѣта. Двухъ-этажные дома строятся такимъ же способомъ, и сообщеніемъ между этажами служатъ внутреннія деревянныя лѣстницы, обыкновенно отполированные и наощенныя самымъ усерднымъ образомъ. Оба этажа всегда имѣютъ балкончики или наружныя галлерейки, которыя устраиваются преимущественно со стороны раздвижныхъ стѣнъ, но иногда обрамляютъ и все зданіе вокругъ. Внутреннія перегородки состоятъ или изъ цыновокъ, или же изъ ширмъ и деревянныхъ рамъ оклеенныхъ бумагой и могутъ быть свободно передвигаемы съ мѣста на мѣсто для увеличенія или уменьшенія размѣровъ той или другой комнаты. Дверью по большей части служить тоже выдвигаемая досчатая ставня, свободно ходящая въ пазахъ. Остальныя внутреннія подѣлки какъ карнизы, рамы и полочки, всѣ изъ лакированного дерева. Надъ входомъ со внутренней стороны помещается деревянная божничка съ рѣзными фигурками или отпечатаннымъ на бумагѣ изображеніемъ двухъ страшилищъ: *Цзин-сю* и *Умино-ками*; первый изъ нихъ — геній-покровитель и стражъ мѣстнаго жилища, нѣчто въ родѣ нашего *Домового*, а второй — духъ-покровитель моряковъ. Надпись надъ ними гласитъ: «Они берегутъ отъ пожара и воровъ на сушѣ, а плавающихъ по морямъ — отъ потопленія». Полъ приподнятъ отъ основанія фута на два и весь застланъ цыновками, которыя вездѣ и

всегда дѣлаются одинаковой величины, такъ что цыновка служитъ даже условною мѣрой при разбивкѣ плана будущаго дома¹⁾.

Въ парадной пріемной комнатѣ непременно есть особое «почетное мѣсто», соответствующее по своему значенію «красному углу» въ нашихъ крестьянскихъ избахъ. Оно всегда помещается посрединѣ одной изъ капитальныхъ (неподвижныхъ) стѣнъ и состоитъ изъ досчатого плато, въ родѣ ступеньки, аршина въ полтора длиной и около аршина въ ширину. Приподнятой отъ пола вершка на четыре и отгороженной съ обеихъ своихъ боковъ тесовыми, такой же ширины, переборками, доходящими до потолка. Въ глубинѣ этого плато стоятъ маленькій столикъ на очень низенькихъ ножкахъ и на немъ другой, подобный же, только еще меньше, а на этомъ послѣднемъ обыкновенно ставится бронзовая или фарфоровая ваза цилиндрической или флаконной формы, съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ, въ родѣ ириса, лотоса и лилій, а раннею весной — просто съ вѣтвью цвѣтушей сливы, либо какого другого фруктоваго дерева изъ тѣхъ, что покрываются цвѣтами ранѣе облиствленія; ставить также и вѣтви цвѣтушихъ камелій, азалий и т. п. На стѣнѣ, надъ этою вазой, обыкновенно виситъ акварельная картина нарисованная на продлинноватой полосѣ шелковой матеріи, наклеенной на плотную бумагу, и отороченная парчевымъ бордюромъ. Сига-санъ объяснилъ намъ, что въ каждомъ зажиточномъ домѣ всегда есть цѣлая коллекція подобныхъ картинъ религіознаго, историческаго, бытоваго и пейзажнаго содержанія, равно и картинъ изображающихъ предметы растительнаго и животнаго царства; инныя изъ нихъ принадлежатъ кисти знаменитыхъ японскихъ художниковъ и дѣются очень дорого; но онѣ никогда не вывѣшиваются всѣ разомъ, а лишь по одной, и именно на стѣнѣ почетнаго мѣста, за то перемѣняются довольно часто, — по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, и чѣмъ чаще ихъ мѣняютъ, тѣмъ считается лучше, такъ какъ этимъ удовлетворяется и чувство изящнаго, и тщеславіе зажиточнаго хозяина. Остальныя же картины домашней коллекціи хранятся свертками въ особыхъ ящикахъ и темныхъ сухихъ кладовыхъ, гдѣ солнечный свѣтъ не вліялъ бы на яркость и свѣжесть ихъ красокъ. Поэтому каждая такая картина не вставляется въ раму, а укрѣпляется, какъ свитокъ на двухъ деревянныхъ лакированныхъ валькахъ,

¹⁾ Японская идея верховнаго божества олицетворяется въ фантастическомъ образѣ *Амиды*, котораго изображаютъ въ девяти различныхъ видахъ, выражающихъ его воплощенія и совершенства. Эмблемой одного изъ послѣднихъ служитъ песья голова. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить присутствіе такихъ изваяній на крышѣ почти cadaго японскаго дома?

¹⁾ Длина цыновки обыкновенно 6 футовъ и 3 дюйма, а ширина 3 фута и 2 дюйма, толщина же 4 дюйма. Обычнымъ матеріаломъ для плетенія служитъ рисовая солома, и выдѣлка отличается большою тщательностью. Ковровъ японцы не употребляютъ; цыновка же замѣняетъ имъ и тюфякъ для сна, и скатерть для обѣда. Поэтому-то они и содержатъ свои цыновки въ такой педантической чистотѣ.

украшенных металлических набалдашниками и снабженных завязками. На почетномъ мѣстѣ въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ устанавливается и домашній алтарь, въ силу чего оно считается, въ нѣкоторомъ родѣ, священнымъ, и хозяева дома всегда сажаютъ подъ него своего гостя, если желаютъ оказать ему особенный почетъ; но садится гость отнюдь не на ступеньку, а передъ нею, потому что иначе онъ выказалъ бы верхъ невѣжества и непочтительности къ хозяевамъ.

Въ одной изъ заднихъ, уединенныхъ комнатъ дома непременно помѣщается домашній алтарь, въ видѣ металлическаго круглаго зеркала (*канами*), если семья исповѣдуетъ древне-японскій (государственный) культъ *Синто*, или же въ видѣ лакированного спаружи и позолоченнаго внутри шкафчика, гдѣ, среди обстановки, чрезвычайно напоминающей устройство католическаго алтаря въ миниатюрѣ, помѣщается рѣзное изъ дерева изображеніе Будды, сидящаго на лотосѣ и благословляющаго міръ. Подъ нимъ, ступенью ниже, «семь геніевъ домашняго счастья», изъ числа коихъ наибольшимъ почетомъ пользуется *Бентенъ*, олицетворяющая собою идеалъ женщины, семьи, гармоніи и моря, какъ элемента, доставляющаго островной Японіи главнѣйшіе продукты ея питанія. Наравнѣ въ *Бентенъ* такое же уваженіе оказывается и *Шю-Ро*. Это геній долголѣтствія, съ огромнымъ лысымъ лбомъ, выросавшимъ у него по мѣрѣ того, какъ онъ жилъ на землѣ въ теченіе безчисленнаго количества лѣтъ, предаваясь наблюденіямъ, соображеніямъ и размышленіямъ надъ явленіями жизни физической и духовной. Его атрибуты — журавль и черепаха, составляющіе эмблему долголѣтності: поэтому при каждомъ домашнемъ алтарѣ непременно есть бронзовый шалдадь въ видѣ журавля, стоящаго на черепахѣ. Третій геній — рыбакъ *Иебисъ*, братъ солнца, заботящійся о хлѣбѣ и вообще насущномъ питаніи счастья островной Японіи, изображаемый всегда съ улыбкой довольства на устахъ и съ удочкой въ рукѣ. Эти три генія навѣрное есть въ каждомъ домѣ, а если въ семьѣ имѣются и дѣти, то къ нимъ прибавляется еще геній талантовъ, старецъ *Тосси-Тіку*, покровитель дѣтскаго возраста, изобрѣтатель разныхъ дѣтскихъ игръ и работъ изъ бумаги. Затѣмъ остальные три генія носятъ уже нѣкоторый сословный характеръ. Такъ, поэты, писатели, самюре, военные люди и гражданскіе чиновники чтутъ *Бизжемона*, бога славы; поселяне — *Готен*, олицетворяющаго внутреннее довольство среди бѣдности и лишеній, а купцы — толстоухаго тучнаго карлика *Дайкока*, бога богатства матеріальныхъ, который впрочемъ и помимо купцовъ пользуется почетомъ со стороны всѣхъ, къ нему стремящихся, безъ различія сословій. Предъ ликомъ Будды всегда

теплится двѣ лампадки, а во время семейныхъ молений зажигаются еще и восковыя свѣчи.

Мебели внутри домовъ нѣтъ, за исключеніемъ двухъ столиковъ почетнаго мѣста и двухъ-трехъ лаковыхъ этажерокъ да поставцовъ, красиво уставленныхъ бронзовою и фарфоровою утварью, лаковыми вещами и рѣзными или точеными изъ дерева и слоновой кости бездѣлушками. Иногда въ капитальной стѣнѣ бываетъ ниша, и тогда въ ней устраиваются въ видѣ зигзага, двѣ деревянныя полочки: одна съ правой, другая повыше, съ лѣвой щеки ниши и обѣ доходятъ до ея середины, гдѣ соединяются колонками или рѣзною перемычкой. На нихъ тоже ставятся разная утварь болѣе крупныхъ размѣровъ, или кладутся носильныя вѣщи.

При каждомъ домикѣ непременно устроены, во-первыхъ, кухня съ вѣчно тлѣющими углями на очагѣ, гдѣ всегда грѣется большой металлическій чайникъ для скорѣйшей заварки чая; во-вторыхъ, ванна для ежедневныхъ омовеній и, въ-третьихъ, внутренній дворикъ съ садикомъ, бассейномъ, горбатымъ мостикомъ, островкомъ и аквариемъ. Все это, конечно, въ самыхъ маленькихъ, игрушечныхъ размѣрахъ, но очень мило, уютно; а у иныхъ любителей имѣются еще и комнатныя акваріи и терраріи, наполненные особенно рѣдкими рыбками, улитками, ящерицами и черепашками. Таковъ-то, въ общихъ чертахъ, былъ домикъ антикваря, къ которому прикатили насъ неутомимые *курамы*.

При входѣ въ него, къ намъ выглянула изъ кухни какая-то старуха, весь костюмъ которой состоялъ только изъ одной синей юбки, обернутой вокругъ бедеръ, въ родѣ малороссійской плахты; женщина эта отпривнула назадъ, задвинувъ за собою кухонную дверь и крикнула кому-то внутрь дома о прибывшихъ посетителяхъ. Послѣ этого къ намъ сейчасъ же вышелъ хозяинъ въ сопровожденіи хозяйки и домочадцевъ, которые приняли насъ со всѣми условными знаками японской вѣжливости, на колѣняхъ, и любезно попросили войти въ домъ. Мы скинули у порога обувь и взобрались на цыновки приподнятаго пола, гдѣ въ первой же комнатѣ глаза мои разбѣжались предъ цѣлою выставкой разнообразныхъ изящныхъ произведеній стариннаго японскаго искусства. Тутъ были и лаки, и бронзы, и фарфоръ, и костяные миниатюры, и разное оружіе, какъ напримѣръ, панцири и шлемы, копья и стрѣлы, сабли благородныхъ *самюре*, ножи-*гаракири* (для вспарыванія себѣ брюха) и ножи-бердыши, насаженные на инкрустованныя дѣвкі. Я купилъ для своей коллекціи полное рыцарское вооруженіе за 45 бумажныхъ іенъ, то-есть почти что даромъ. Антикварій вздыхая, жаловался намъ, что шны на старинное оружіе вообще очень упали съ тѣхъ поръ, какъ правительство преобразовало армію

на европейскій ладъ и запретило всѣмъ *самюре* носить по двѣ сабли; со стороны же европейцевъ спросъ на вещи этого рода ничтоженъ.

Между разными курьезами, рѣдкостями и древностями хозяинъ разложилъ предъ нами нѣсколько иллюстрированныхъ свитковъ и книжекъ романческаго содержанія. Нѣкоторые изъ нихъ, судя по картинкамъ, были далеко не изъ скромныхъ, и въ этомъ отношеніи въ особенности выдѣлялся одинъ превосходно разрисованный свитокъ, изображающій цѣлую эпопею любовно-комическихъ похожденій двухъ *самюре*, заброшенныхъ бурей на «Островъ Люви», населенный исключительно одними женщинами. Несмотря на всю свою веселость и остроуміе, картинки этого свитка были по большей части слишкомъ откровенны, доходя мѣстами до полнаго, хотя и наивнаго, цинизма. Мы однако не нашли удобнымъ разсматривать ихъ, такъ какъ тутъ же въ комнатѣ сидѣла рядомъ съ нами молоденькая, сестра хозяина, дѣвушка лѣтъ тринадцати, повидимому, совершенно скромная и порядочная. Но тѣмъ страннѣе показалось намъ, что антикварій ни мало не стѣснялся ея присутствіемъ; хоть бы удалилъ ее, что ли, подъ какимъ предлогомъ! Мы невольно переглянулись между собою и отложили этотъ свитокъ въ сторону, какъ ненужный, а дѣвушка, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ же стала помогать брату ровнѣе наворачивать его на скалку. Но недоумѣніе наше, минутой спустя переніло въ окончательное смущеніе, когда та же дѣвушка, экспонируя предъ нами вмѣстѣ съ братомъ разные вещицы, куколки и древнія монеты, достала, между прочимъ, изъ поставца два плоскія, но слегка рельефныя изображенія румянаго яблока и абрикоса, прекрасно сдѣланные изъ шелковаго крепа (*сгѣре де Шине*), и сама показала намъ ихъ секретную сторону, разнявъ искусно сложенное яблоко на двѣ половинки.

— Вы напрасно, господа, смущаетесь, — замѣтилъ Сига-санъ со снисходительною улыбкой: — эти изображенія понимаются вовсе не такъ какъ въ Европѣ, и если вы готовы порицать нравственность молодой особы, то это съ вашей стороны будетъ большое заблужденіе: нравственность ея отъ этого нисколько не страдаетъ, она тутъ не причѣмъ.

— Однакоже! — не воздержались мы отъ недовѣрчиваго восклицанія.

— Да ужъ повѣрьте!

Намъ это показалось очень курьезнымъ, и, несмотря на увѣреніе Сига-сана, все-таки не совѣмъ вѣроятнымъ. Поэтому мы попросили его разъяснить болѣе убѣдительнымъ образомъ столь очевидную несообразность.

— Для европейцевъ оно не совѣмъ понятно, — началъ нашъ милѣйшій, спутникъ и руководитель: — и это оттого, что европейцы,

извините меня за откровенность, всегда подкладываютъ подъ подобныя вещи какой-то особенный, непростойный смыслъ, котораго мы, буддисты, не допускаемъ. Вамъ это изображеніе кажется только... *сoмme une chose impudente, obscene*, — не правда ли? — а для насъ это въ нѣкоторомъ родѣ предметъ религіозный; и если вы, напримѣръ, посѣтите наши монастырскіе храмы, то бонзы, по всей вѣроятности, предложатъ вамъ въ подарокъ на память точно такіе же яблоки или абрикосы. Для насъ это есть священная эмблема жизни, воплощенія всего сущаго, мужское и женское начало, или, говори философски — элементъ активнаго и пассивнаго, дѣйствующій и страдательный. Словомъ это *символъ* равносильный тому изображенію двухъ половинокъ яйца въ одномъ кругѣ, какое вы постоянно встрѣчаете на бортахъ нашихъ лодокъ и судовъ, на стѣнахъ многихъ домовъ, въ храмахъ и иногда на памятникахъ. Это еще уцѣлѣвшіе остатки древне-азійскаго религіознаго культа лингама, и могу смѣло васъ увѣрить, что японскія дѣвушки, смотря на подобное изображеніе, нисколько не щекочетъ тѣмъ свое воображеніе въ извѣстную сторону, и остается все такую же вполне скромною и нравственно чистою. Все зависитъ отъ того какъ смотрѣть на вещи.

И точно, достаточно было взглянуть въ это время на нашу молодую хозяйку, чтобы почувствовать и убѣдиться насколько въ самомъ дѣлѣ правъ Сига-санъ: ни краски дѣвическаго смущенія, ни наглой или двусмысленной улыбки, ни притворной или дѣйствительно дѣтской наивности, вообще ничего такого, что при данныхъ обстоятельствахъ могло бы быть прочтано въ лицѣ европейки, даже и легкою тѣнью не молькнуло на этомъ спокойномъ и серьезномъ личикѣ.

— Вотъ, наталкиваясь на что-либо подобное и не зная сущности дѣла, европейцы по большей части и приходятъ къ совершенно фальшивымъ выводамъ на счетъ нравственности японскаго народа, — заключилъ Сига-санъ свое поучительное разъясненіе.

Въ девять часовъ вечера отправился мы послушать японскихъ гѣвицъ и посмотреть на ихъ танцы, заранѣе условившись на счетъ этой экскурсіи съ А. А. Сигъ, который взялъ на себя всѣ хлопоты по ея устройству и обѣщалъ къ назначенному часу ожидать нашего прибытія на мѣстѣ. *Курамы* привезли насъ къ одному изъ лучшихъ чайныхъ домовъ, гдѣ при входѣ мы были встрѣчены двумя молодыми хозяйками, которыя одновременно пріѣхали предъ нами на колѣни и перегнулись корпусомъ впередъ, опираясь на ладони съ вытянутыми впередъ пальцами. Эта поза, подающая идею земнаго поклона, обязательно требуется правилами японскаго этикета при встрѣчѣ гостя съ хозяйкой дома. По деревянной

лѣтницѣ, прекрасно отполированной темнымъ лакомъ, обѣ хозяйки провели насъ на верхъ во второй этажъ, гдѣ предъ входомъ въ одну изъ комнатъ предложили намъ скинуть обувь «не столько для сохранности цыновокъ», какъ увѣрили онѣ, «сколько для нашего же собственнаго удобства». Здѣсь, на порогѣ встрѣтить насъ Сигъ-санъ, одѣтый (вѣрнѣе было бы сказать раздѣтый) по японски: въ легкій креповый киримонъ голубого цвѣта, какъ то требуется обычаями здѣшняго сибаритства для воспріятія вечернихъ удовольствій со всѣми удобствами ¹⁾.

Комната куда насъ пригласили оказалась довольно просторною, въ родѣ небольшой залы. Ея наружная стѣна, составленная изъ раздвижныхъ рамъ оклеенныхъ бѣлою бумагой, была совсѣмъ снята, чтобы дать болѣе доступа сюда внѣшнему, мягко-прохладному воздуху. Полъ этой залы силовъ былъ застланъ мягкими цыновками очень тонкой и красивой работы; что же до мебели, то ее не было вовсе, кромѣ двухъ европейскихъ стульевъ, только сейчасъ внесенныхъ сюда собственно для насъ. Сидѣнья этихъ стульевъ, ради пущей вѣжливости, хозяйки прикрыли небольшими цыновочками. Но такъ какъ насъ было пятеро, кромѣ Сигъ, то троемъ все-таки приходилось сидѣть или лежать на полу, и хозяйки, на случай еслибы всѣ

мы предпочли послѣднее, принесли сюда вслѣдъ за стульями нѣсколько простеганныхъ ватныхъ одѣяльцевъ квадратной формы, величиной въ аршинъ, и подложныя плетеныхъ изъ камыша *макуръ*, совершенно особенный инструментъ, употребляемый въ Японіи подъ голову вмѣсто подушки ¹⁾.

Комната, когда мы вошли въ нее, была уже освѣщена двумя бѣлыми фонарями, въ видѣ четырехъ-угольных, кверху расширенныхъ вазончиковъ ²⁾, которые помѣщались на высокихъ деревянныхъ подставкахъ; теперь же, для болѣе наряднаго освѣщенія, въ нее внесли нѣсколько высокихъ деревянныхъ подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами ³⁾. На «почетномъ мѣстѣ» висѣла картина, изображающая сцену охоты съ дрессированными кречетами, и предъ священною ступенькой возсѣдалъ на сей разъ Сигъ-санъ, какъ инициаторъ праздника, а насъ пригласили размѣститься рядомъ съ нимъ по правую и по лѣвую руку.

Какъ только мы разсѣлись, молодыя *незаны* (дѣвочки-прислужницы) внесли сюда нѣсколько лаковыхъ *таберо* ⁴⁾ и, размѣстивъ ихъ

¹⁾ По внѣшнему своему виду, *макура* отчасти напоминаетъ маленький стереоскопъ, съ тою разницей, что донце ея лунообразно закруглено наружу, такъ что можетъ качаться въ обѣ стороны. *Макуры* бываютъ лѣтнія и зимнія: первая дѣлается изъ сквозной плетенки, чтобы лучше продувало воздухомъ падъ затылкомъ, а вторая изъ деревянныхъ сплошныхъ дощечекъ. Въ верхней плоскости *макуры* прикрѣпляется маленький валежъ, — лѣтомъ свернутый изъ одной бумаги, а зимой набитый ватой. Въ такомъ видѣ этотъ своеобразный инструментъ подставляется собственно не подъ голову, а подъ затылокъ, чтобы не портить во время сна прическу, въ чемъ, кажется, и заключалась главнѣйшая цѣль выдумки этого, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполне неудобнаго приспособленія. Одѣяльца же, свернутыя вдвое, служатъ для того, чтобы подкладывать ихъ подъ локоть или подъ *макуру*, если хочется лечь повыше.

²⁾ Устройство ихъ таково, что къ деревянному квадратному дощцу прикрѣпляется каркасъ изъ четырехъ обструганныхъ плабочекъ, соединенныхъ на верху деревянною же рамочкой. На каждую изъ четырехъ боковыхъ сторонъ каркаса наклеивается бѣлая пропускная или промасленная бумага. Фонарь этой формы — одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ простомъ домашнемъ хозяйствѣ; онъ же служитъ и ночникомъ.

³⁾ Такой подсвѣчникъ состоитъ изъ круглаго толстаго донца, въ которое втыкается круглая палка, около аршина длиною, а на нее насаживается деревянная болванка, выточенная въ видѣ чашки, изъ которой торчитъ кверху желѣзный шпинежъ; на этотъ послѣдній надѣвается свѣча, сдѣланная изъ растительнаго воска. Фитиль ея, полый внутри, свертывается изъ мягкой бумаги. Форма свѣчи, суженная у основанія, нѣсколько расширяется кверху. Такія же свѣчи различной величины и толщины, разрисованныя красками, употребляются и въ буддійскихъ храмахъ на алтаряхъ и предъ иступками.

⁴⁾ Маленькіе низенькіе столики, на которые ставятся кушанья. Именемъ *таберо* въ Японіи безразлично называется и подобный столикъ, и судки, въ которыхъ носятъ кушанья, самій обѣдъ.

¹⁾ Вся процедура приема и переодѣванія почетнаго гостя обыкновенно совершается слѣдующимъ образомъ. Когда, бывало, въ прежнее до-реформенное время горделивый самюрэ (дворянинъ), а нынѣ военный офицеръ входитъ вечеромъ въ чайный домъ, онъ видитъ у ногъ своихъ хозяйку дома и сопровождающихъ ее экономокъ, причемъ самая младшая или самая хорошенкѣя изъ нихъ, приподнявшись, умоляетъ его о позволеніи ей принять въ свои руки и отвести къ мѣсту саблю благороднаго посѣтителя. Тотъ обыкновенно удостоиваетъ ее этой милости и подаетъ свое оружіе. Тогда она поспѣшно вынимаетъ шелковый платокъ, обертываетъ имъ правую руку, беретъ саблю у самаго наконечника ноженъ и держитъ ее такъ предъ собою до тѣхъ поръ, пока всѣ не войдутъ въ гардеробную, гдѣ младшая дѣвушка осторожно кладетъ ее на особый постаментъ, специально устроенный, чтобы класть на него оружіе. Въ гардеробной, съ помощью женской свиты, почетный гость немедленно приступаетъ къ самымъ мелочнымъ приготовленіямъ своего туалета: голова его завязывается креповою косынкой, въ видѣ ночного колпака, затылокъ и плечи обертываются вмѣсто шали толстымъ шелковымъ фуляромъ, городской киримонъ замѣняется просторнымъ шлафрокомъ, застегнутымъ на груди изящно переплетенными шелковыми шнурками; наконецъ пара бѣлыхъ носковъ, замѣняющихъ туфли, дополняетъ костюмъ, и гость, вымывъ лицо и руки душистою водою, величественно направляется въ гостиную, гдѣ уже приготовлено для него угощеніе. Обыкновенно комната эта выбирается въ отдаленной части дома, но соединяется съ переднею длинными галлереями, которыя проходятъ надъ частью сада. Такъ описывалъ все это, въ 1864—65 годахъ Эме Гюмберъ; таковымъ же оно остается и до сего времени.

предъ нами, начали ставить на нихъ разные угощенія. Первымъ дѣломъ, конечно, появилось *саки* въ фарфоровыхъ бутылочкахъ, формой въ родѣ нашихъ рейнвейновыхъ, вмѣстѣ съ которыми были принесены на лаковыхъ подносикахъ и фарфоровыя миниатюрныя чашечки, изъ коихъ *саки* испивается. Запахъ и вкусъ этого рисоваго вина не противенъ; оно довольно мягко и, по степени крѣпости своей, отчасти напоминаетъ сухой хересъ. Японцы любятъ пить его значительно подогрѣтымъ, но на мой вкусъ, холодное *саки* кажется лучше.

Затѣмъ *незаны* внесли и поставили къ стонкамъ бронзовый *хибачъ* (жаровня), наполненный совершенно бѣлою золой, подъ которою безъ малѣйшаго запаха, тлѣли древесные угли. На этомъ *хибачѣ* грѣлись одинъ большой, чугунный, и нѣсколько маленькихъ, глиняныхъ чайничковъ. Изъ этихъ послѣднихъ *незаны* разлили, слабый на взглядъ, настой японскаго чая въ такія же миниатюрныя чашечки, изъ какихъ мы только-что пили *саки* и поставили ихъ предъ нами. Этотъ чай отчасти напоминаетъ зеленый, и заварка его хотя вовсе не сложна, повидимому, но требуетъ особенной сноровки: во-первыхъ, надо знать какой величины щепотку слѣдуетъ положить въ чайничекъ, сообразно его величинѣ, а затѣмъ, наливъ его кипяткомъ и закрывъ крышечкой, надо знать или, вѣрнѣе, *чувствовать* какимъ-то особымъ чутьемъ, сколько секундъ слѣдуетъ продержать его на золѣ *хибача*. Въ этомъ-то и состоитъ главное искусство завариванія, потому что недостоявшій чай не дастъ вамъ надлежащаго понятія о своемъ достоинствѣ, опредѣляемомъ вкусомъ, ароматомъ и цвѣтомъ, а перестоявшійся получаетъ не только неприятную горьковатость и терпкость, но и вредно дѣйствуетъ на организмъ, производя сильное сердцебіеніе и расстройство нервовъ, при сильномъ ихъ возбужденіи въ началѣ. Чай приготовленный какъ слѣдуетъ, почти безцвѣтенъ, имѣя самую легкую изжелта-зеленоватую окраску, и на вкусъ въ немъ должна быть маленькая пріятная терпкость; что же до аромата, то онъ очень легокъ и хорошъ, но совершенно своеобразенъ, нисколько не походя на китайскій. Для заварки употребляются преимущественно маленькіе чайники изъ темной, или свѣтло-сѣрой пористой глины. Выборъ чайника (по величинѣ) зависитъ отъ того, сколько человекъ будутъ пить; если, напримѣръ, пьетъ одинъ, то миниатюрность этого сосуда переходитъ въ нѣчто совершенно игрушечное, такъ какъ вмѣстимость его рассчитана только на двѣ чашечки, а вся-то чашечка равняется одному глотку со столовою ложку. Послѣ второй чашки, чайники обыкновенно выполаскиваются и тогда приступаютъ къ новой заваркѣ. Японцы пред-

почитають заваривать чай въ сосудахъ изъ пористой глины вотъ почему: хотя такіе чайники и протекають въ началѣ, сильно всасывая въ себя влагу, но со временемъ поры ихъ такъ напитываются мелчайшими, микроскопическими частичками чая, что становятся уже непроницаемы, и тогда-то самыя стѣнки чайника приобрѣтають, такъ-сказать, квинтъ-эссенцію чайной ароматичности, которую и сообщаютъ напитку. Поэтому чѣмъ старѣе, чѣмъ дольше былъ въ употребленіи подобный чайникъ, тѣмъ выше цѣнится онъ знатоками.

Вслѣдъ за чаемъ, *незаны* стали вносить къ намъ одно за другимъ, но въ извѣстной постепенности и съ небольшими промежутками, разные кушанья и закуски, начиная со сладкихъ печеній, и такъ-называемой *кастѣра*, отмѣнно вкуснаго, легкаго и нѣжнаго торта, въ родѣ рыхлаго бисквита изъ рисовой муки, которая, если не ошибаюсь, замѣшивается на меду съ желтками. Послѣ *кастѣры* слѣдовали тонкіе горячіе блинчики; затѣмъ—компактная масса, въ формѣ толстаго диска, изъ вареныхъ и запеченыхъ макаронъ, нѣчто въ родѣ еврейскаго кугля; потомъ подали маринадъ изъ молодыхъ ростковъ бамбука и просоленную рѣдьку; далѣе—уху изъ омаровъ, цвѣтную капусту, и разные варенныя овощи; свѣжій виноградъ и большую, толстую, красноперую рыбу *тай* въ жареномъ видѣ, чудо и красу каждаго японскаго пиршества, которая всегда вносится съ нѣкоторою торжественностью и не иначе, какъ поставленная среди блюда на собственное брюшко, съ распущенными плавниками, разинутымъ ртомъ, выпученными большими глазами, и красиво вздернутымъ кверху хвостомъ, что составляетъ *chef d'oeuvre* японскаго кулинарнаго искусства. Главное въ томъ, чтобы, жаря рыбу, сумѣть сохранить ей не только эффектное положеніе, но и золотисто-красный цвѣтъ ея кожи. Послѣ рыбы *тай* вносили еще, и еще, и еще что-то съѣдобное и, какъ объяснилъ намъ Сигъ-санъ, продолжали бы носить и больше, все время пока мы оставались бы у нихъ въ гостяхъ, еслибы Сигъ, по нашей просьбѣ, не прекратилъ этого бесполезнаго угощенія, въ которомъ, тотчасъ же послѣ обѣда, никто изъ насъ не ощущалъ ни малѣйшей потребности.

Всѣ эти блюда, блюда, чашечки, бутылочки и лакированные подносики, поставленные прямо на дыновки и освѣщенные сверху четырьмя оплывающими свѣчами, представляли собою довольно оригинальную картинку, словно дѣтскія игрушки среди взрослыхъ людей. Тутъ же стояло нѣсколько *табаконювъ*, лакированныхъ деревянныхъ ящичковъ съ полнымъ курительнымъ приборомъ и особый фарфоровый *хибачъ* изящной работы, наполненный золой, во глубинѣ которой тлѣли уголья

для закуриванія сигаръ и трубокъ. Любезныя хозяйки тотчасъ же принесли нѣсколько маленькихъ тоненькихъ чубуковъ, снабженныхъ мѣталлическими мундштуками и чашечками гораздо меньше наперстка, куда онѣ собственноручно наложили по крохотной щепоткѣ табаку и, раскуривъ, предложили каждому изъ насъ по трубкѣ. Двѣ затяжки и трубка выкурена. Тогда хозяйка беретъ ее у васъ, и ударяя чубучкомъ о край табакобона надъ глинянымъ стаканчикомъ съ водой, стряхиваетъ туда золу, затѣмъ снова набиваетъ трубочку, снова сама раскуриваетъ ее съ уголька взятаго щипчиками, и вторично подаетъ вамъ. Эти двѣ трубки составляютъ для хозяевъ дома обязательный актъ вѣжливости относительно своего гостя; затѣмъ гость уже можетъ самъ вытряхаты, набивать, раскуривать и курить сколько ему угодно: готовый табакъ всегда въ достаточномъ количествѣ находится въ одномъ изъ отдѣленій табакобона ⁴⁾.

Между тѣмъ въ комнату мало-по-малу, одна послѣ другой, входили гейки, танцовщицы и пѣвицы, со своими инструментами, и сѣлись противъ насъ широкимъ полукругомъ. Набралось ихъ тутъ семь довольно красивыхъ особъ, отъ четырнадцати до девятнадцатилѣтняго возраста, одѣтыхъ очень нарядно въ ярко-цвѣтные шелковые *киримоны* и богатые *оби*. Жаль только, что губы ихъ не въ мѣру густо были подкрашены какою-то фіолетовою помадой; за то пышныя прически очень мило украшались двумя топазовыми булавками и небольшими букетиками цвѣтовъ съ какими-то бахромчатыми нисюлками. Каждая гейка принесла съ собою свой *самисинъ* или *самсенъ* — трехструнный инструментъ въ родѣ четырехугольной гитары съ длиннымъ грифомъ и лайковыми деками, а одна изъ дѣвушекъ вооружилась *тамъ-тамомъ*, очень оригинальнаго устройства, похожимъ съ виду на песочные часы, и долго настраивала его, перетягивая на обручикахъ переплеть изъ шелковыхъ лило-

выхъ шнуровъ и ударяя пальцами по натянутой шкурѣ, то съ одной, то съ другой стороны. Инструментъ этотъ издаетъ глуховатые звуки, которые однако, на нашъ слухъ, далеко не могутъ назваться музыкальными: они очень напоминаютъ отрывистый собачій лай, и такъ какъ ими сопровождается и пѣніе, и игра на *самсинахъ*, то можете себѣ представить, насколько такой аккомпанементъ мѣшаетъ слушать, и то, и другое. Поэтому, быть можетъ вопреки японской вѣжливости, мы со всевозможною любезностью просили милую артистку не утруждать себя дальнѣйшею игрой на своемъ прекрасномъ инструментѣ, который во время дѣйствія она кладетъ къ себѣ на правое плечо и ударяетъ по немъ пальцами правой же руки, поддерживая шнуры переплетавшою.

Долго шла настройка инструментовъ и долго перемигивались да пересмѣивались между собою артистки, прежде чѣмъ явить намъ свое искусство. Но вотъ, наконецъ, всѣ онѣ вразъ ударили роговыми *плектрами* по струнамъ *самсина* и начали вступительную пьесу своего концерта. Я не привыкъ еще къ японской музыкѣ и пѣнію, а потому воздержусь пока отъ окончательнаго о нихъ сужденія. Скажу только, что мелодія (если таковая была) осталась для меня вполне неуловимою, такъ какъ въ ней замѣчается особенное богатство не только полутоновъ, но вся она, можно сказать, основана на четвертыхъ и даже восьмыхъ дѣленіяхъ тона. Затѣмъ должно замѣтить, что голосъ главной пѣвицы быть-можетъ и хорошъ, но самая мавера пѣнія не грудью, а горломъ и при томъ въ ностъ, напоминаетъ скорѣе ночное кошачье мауканье. *Самсины* аккомпанируютъ всѣ въ унисонъ и, болѣею частью, въ разладъ съ голосами пѣвицъ, тоже маюкающихъ подобно своей примадонѣ и, наконецъ, мауканье это очень монотонно, а главное, слишкомъ уже продолжительно. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, все время пока гейки пѣли, думалось, что было бы очень хорошо, еслибы японскія пѣсни были покороче. Можетъ статься, на самомъ дѣлѣ онѣ вовсе не длинны, но кажутся такими, вслѣдствіе своей монотонности.

М. А. Поджіо попросилъ *геэкъ* спѣть что-нибудь повеселѣе, и онѣ обѣщали ему исполнить на этотъ разъ самую веселую пѣсню, какая только есть въ ихъ репертуарѣ. Но увы! — и «самая веселая» оказалась столь же медлительною по темпу и столь же монотонною. То была знаменитая *Ясокой*, заздравная пѣсня, въ родѣ нашихъ народныхъ величаній, съ повторяющимся послѣ каждого стиха хорошимъ припѣвомъ *ясо-кой! ясо-кой!* что значитъ *многая лѣта*. Послѣ двухъ-трехъ исполненныхъ такимъ образомъ пѣсней, приступили къ балету. Сигъ-санъ объяснилъ намъ, что пѣсня,

⁴⁾ Обыкновенно табакобонъ представляетъ слѣдующее устройство: Это деревянный ящикъ въ родѣ четырехъ-угольнаго ведерка съ длинными ушками, въ которыхъ продѣта деревянная ручка. Онъ имѣетъ двойное дно, въ промежуткѣхъ коего помѣщается выдвижной ящичекъ для храненія трубокъ. Верхняя часть табакобона разгорожена на нѣсколько отдѣленій, изъ коихъ нѣкоторыя со съемчатыми крышками. Здѣсь помѣщаются: фарфоровый стаканъ, служащій пепельницей, мѣдная чашка и щипчики для угля, игла и щеточка для прочистки чубуковъ и трубокъ, и табачница для табаку, чрезвычайно нѣжной и тонкой крошки. Табакъ японцы курятъ исключительно туземный; онъ очень ароматиченъ; съ какимъ-то сладковатымъ привкусомъ и чрезвычайно легокъ. Курильщику турецкихъ и южно-русскихъ табачковъ къ нему трудно привыкнуть; но въ умѣренномъ смѣшеніи съ ними онъ очень пріятенъ и могъ бы служить предметомъ ввоза въ Россію.

подъ которую будетъ плясать дѣвица, играющая на барабанѣ, носить сатирическій характеръ, осуждая поведение придворныхъ, чиновниковъ и ученыхъ, которые вмѣсто того, чтобы посвящать время своимъ пріимымъ обязанностямъ и занятіямъ, играютъ въ кости, спятъ, визкопклонничаютъ и вообще бездѣлничаютъ. Танцовщица, обладающая замѣчательною мимикой, изобразила все это жестаи и движеніями своего лица и тѣла. Чтѣ же до музыки, то и «сатирическіе куплеты» японцевъ насколько не отличаются по характеру мотива отъ гѣсенъ, только-что прослушанныхъ нами. Второю танецъ, подъ аккомпанементъ *самисювы* и гѣвня, исполненъ былъ тремя артистками, которыя начали его всѣ вмѣстѣ, а потомъ продолжали каждая въ отдѣльности, поочередно, и пока одна изъ нихъ плясала, двѣ остальные стояли неподвижно у стѣны, *отвернувшись* къ ней лицомъ. Куплеты, сопровождавшіе этотъ послѣдній танецъ, передаютъ ощущенія первой любви трехъ дѣвушекъ четырнадцати, шестнадцати и восемнадцати лѣтъ, сообразно чему, каждая изъ трехъ артистокъ, соответственнаго возраста, изображала мимикой эти ощущенія. Танецъ довольно удачно сочетаетъ въ себѣ комическій элементъ съ женственною граціей.

За симъ послѣдовалъ отдыхъ, которымъ, по предложенію Сигѣ-сана, мы воспользовались, чтобъ угостить *геск* нѣсколькими чашечками *саки* и сладостями. При этомъ я имѣлъ случай наглядно познакомиться съ однимъ изъ обычаевъ утонченной японской любезности. Это именно—обычай выпрашивать у сосѣда его чашечку *саки*. Кто-нибудь изъ пріющихъ, желая оказать кому-либо изъ гостей (преимущественно своему сосѣду или сосѣдкѣ) особенное вниманіе, обращается къ нему съ такою просьбой:

— Господинъ сосѣдъ (или сударыня-сосѣдка), будьте столь снисходительны, позвольте мнѣ хлебнуть изъ вашей чашечки.

— Ахъ, помилуйте!—возражаетъ просямая особа:—какъ это можно, чтобы вы, такой высокочтимый господинъ, омочили ваши благородныя уста въ напитокъ изъ того сосуда, къ которому уже прикасались мои недостойныя губы.

— Вотъ именно потому-то я и прошу васъ, что вы осчастливили этотъ фарфоръ прикосновеніемъ вашихъ благоуханнѣхъ устъ.

— Ахъ, нѣтъ, помилуйте! Это никакъ не возможно! Я никогда не могу допустить такого съ вашей стороны низведенія своей высокой особы до моего ничтожества.

— Но если я усиленно прошу васъ!?

— О, слишкомъ много чести!.. Слишкомъ много!.. Вѣрите, господинъ мой, я чувствую, я высоко цѣню знакъ такого съ вашей стороны тонкаго вниманія, но... все же никакъ не могу согласиться.

— Въ такомъ случаѣ, что же! Неужели мнѣ,

несчастному, остается прибѣгнуть къ насилію и взять эту чашечку самому, безъ вашего благосклоннаго позволенія?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я буду защищать ее!

— Но къ чему же!... Къ чему, если *саки* пригубленное вами, именно *вами*, покажется мнѣ въ тысячу разъ... Нѣтъ, что я, въ тысячу!—въ миллионы разъ вкуснѣе и вообще неизмѣримо пріятнѣе моего!!

— О, господинъ! Вы мнѣ льстите!.. Я никакъ не могу этому вѣрить, потому что это было бы для меня слишкомъ, слишкомъ большаго чести, на какую мною пока еще не заслужено права.

Этотъ споръ, состоящій изъ потока взаимныхъ любезностей, могъ бы длиться до безконечности, еслибы не являлось на выручку третье лицо, посредникъ, изъ числа пирующихъ:

— Ну,—говоритъ онъ:—я вижу ваше препирательство не кончится во вѣки и потому, съ вашего позволенія, попытаюсь разрѣшить дѣло по справедливости.

Съ этими словами онъ беретъ спорную чашечку у гостя и передаетъ ее хозяину дома, а чашечку сего послѣдняго ставитъ предъ гостемъ; тогда хозяинъ мѣняется ею съ тѣмъ, кто такъ настойчиво домогался отхлебнуть изъ нея, и послѣ уже безпрепятственно слѣдуетъ взаимное испиваніе. Такая-то процедура была проведена Сигѣ-саномъ и со всѣми *гейками*, къ особому ихъ удовольствію, послѣ чего съ одною изъ нихъ затѣялъ игру въ «лисицу, браконьера и досмотрщика». Вытянутая рука играющаго мушны изображаетъ собою охотника-браконьера, а колѣно играющей женщины—досмотрщика; лисица же, какъ предметъ охоты, олицетворяется самою женщиной. Игроки садятся другъ противъ друга. Охотникъ стремится поймать или подстрѣлить лисицу, причемъ знакомъ его успѣха служить то, если ему удастся схватить ее рукой (это значить поймалъ живьемъ), или же коснуться до нея пальцемъ, что равносильно подстрѣлу, такъ какъ подъ пальцемъ подразумевается стрѣла; но въ томъ и другомъ охотнику препятствуетъ досмотрщикъ. По правиламъ игры, однако, присутствіе досмотрщика обнаруживается только въ томъ случаѣ, когда лисица, которой предоставляется защищаться обѣими руками, успѣетъ ловкимъ ударомъ по рукѣ мушны уронить ее на свое колѣно; если это достигнуто, то значить досмотрщикъ тутъ, на мѣстѣ; и охотникъ потерялъ свою добычу; но если онъ успѣлъ увернуться изъ-подъ удара лисицы, то проигрываетъ эта послѣдняя. Стало-быть, тутъ все дѣло во взаимной ловкости и сметкѣ. Проигравшая сторона обязана платить выкупъ,—обыкновенно что-нибудь изъ принадлежностей собственнаго туалета, пока не проиграетъ всего, до тѣхъ предѣловъ скромности, дальне которыхъ идти не считается возможнымъ. Иногда же, вмѣсто вещевого фанта,

штрафъ заключается въ томъ, что проигравшая сторона должна выпить чашечку саки.

Другая игра — «Джонаке», въ которую здѣсь тоже играли *гейки*, похожа на наши «ладушки» и состоитъ въ томъ, что двое играющихъ должны въ извѣстномъ порядкѣ, но быстро и отнюдь не сбиваясь, ударять своими ладонями объ ладони противника, прямо и на-крестъ, причемъ каждому изъ такихъ ударовъ обязательно предшествуетъ ударъ въ свои собственные ладоши. Сбившійся платитъ штрафъ фантомъ или выпивкой. Игра эта всегда сопровождается слѣдующею дѣтскою пѣсенкой:

Джонаке, джонаке,
Джонъ, джонъ! Наки, наки!
Хакодате, Нагасаки,
Токогама хой!

Въ заключеніе концерта, *гейки* всѣ хоромъ сыграли одну пѣсню, въ которой, къ удивленію моему, оказался не только темпъ *allegro*, но и довольно опредѣленный рисунокъ мотива. Я, конечно, сейчасъ же полюбопытствовалъ узнать, что это за веселая пѣска и какъ она называется? — Оказалось, однако, что то была одна русская матросская пѣсня, отчасти передѣланная на японскій ладъ, и что артистки исполнили ее, какъ заключительную пѣсню, въ честь нашего посѣщенія, чтобы, въ нѣкоторомъ родѣ, польстить нашему національному чувству. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ пришлось мнѣ остаться при томъ же неопредѣленномъ впечатлѣніи относительно японской музыки, какъ и въ началѣ. Можетъ-быть она непонятна только нашему непривычному къ ней уху, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ ней, надо думать, есть свои достоинства, способности улаживать слухъ и дѣйствовать на чувства японцевъ, народа вообще артистическаго, одареннаго большимъ чувствомъ изящнаго и тонкимъ пониманіемъ красотъ природы. Еслибъ это было иначе, то конечно у нихъ не существовало бы и самой музыки, тогда, какъ напротивъ, извѣстно, что здѣсь еще издревле существуютъ цѣлые ученые трактаты по части теоріи музыки, цѣлая музыкальная литература, есть своя система нотъ и цѣлый циклъ своихъ музыкальных инструментовъ. Кроме того, уже одно то обстоятельство, что японскія пѣвицы и музыкантши чрезвычайно быстро усваиваютъ и вѣрно воспроизводятъ наши русскіе и европейскіе мотивы служить, мнѣ кажется, достаточнымъ доказательствомъ музыкальности ихъ слуха и пониманія музыки; онѣ находятъ только европейскіе мотивы слишкомъ грубыми, рѣзкими и потому всегда стараются, хоть немножко, смягчить ихъ добавленіемъ отъ себя уже нѣсколькихъ переходныхъ и промежуточныхъ полутоновъ; въ этомъ видѣ они кажутся имъ нѣжными, округленными. Поэтому повторяю, что, не ознакомившись съ симъ дѣломъ основательно, я не рѣшаюсь произнести о немъ рѣшительнаго

мнѣнія, а ограничиваюсь передачей лишь своихъ личныхъ впечатлѣній, и то впечатлѣній *перваго раза*. Быть-можетъ въ послѣдствіи я и пойму кое-что, когда болѣе прислушаюсь и усвою себѣ хотя нѣкоторые изъ японскихъ мотивовъ, и тогда, очень возможно, что впечатлѣнія мои измѣнятся въ пользу японской музыки.

При прощаніи объ хозяйки и всѣ *гейки* проводили насъ съ такими же церемоніями и поклонами, какъ при встрѣчѣ, благодарили за честь посѣщенія ихъ чайнаго дома и просили не оставлять ихъ и впредь нашимъ добрымъ вниманіемъ. Все удовольствіе это обошлось намъ сущую бездѣлицу — около восьми долларовъ. Замѣчательно дешево для портоваго города.

3-го сентября.

Въ восемь часовъ утра К. В. Струве отплылъ на «Забіякъ» въ Токогаму, а нашъ адмиралъ, несмотря на дождливую погоду, отправился въ Иносу осматривать русскій госпиталь, откуда возвратился около полудня.

Въ этотъ же день былъ полученъ личный отвѣтъ Государя на всеподданнѣйшее поздравленіе, принесенное адмираломъ со днемъ тезоименитства Его Величества. Эта монаршая милость возвышена морякамъ Тихо-океанской эскадры въ слѣдующемъ приказѣ: «На мое поздравленіе съ высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства Государя Императора, Его Императорское Величество соизволило осчастливить меня отвѣтною телеграммой слѣдующаго содержания: «Примите мою искреннюю благодарность за поздравленія и пожеланія, выраженные отъ вашего имени и отъ именій моихъ храбрыхъ моряковъ вашей эскадры. *Александръ*». Въ этихъ словахъ нашего обожаемаго Монарха я усматриваю знакъ особой милости и благоволенія къ морякамъ эскадры Тихаго океана и увѣренъ, что они всегда оправдаютъ довѣріе Великаго Государя и покажутъ себя достойными Его милости. Прикажъ этотъ прочесть при командѣ насухахъ эскадры».

Дождь пошелъ еще съ полуночи и продолжался съ небольшими перерывами до пяти часовъ пополудни, когда всѣ сосѣднія вершины вдругъ закурились зловѣщими сизыми тучами и налетѣлъ первый шквалъ, сразу поднявшій въ бухтѣ сильное волненіе. Съ каждою минутой вѣтеръ все дѣричалъ, и порывы его становились все неистовѣе, срывая верхушки пѣнистыхъ волнъ и разнося ихъ водяною пылью довольно далеко въ глубь по сушѣ. Мы любовались шкваломъ, стоя на балконѣ отеля «Belle-Vue», отстоящаго отъ берега шаговъ на триста, по прямой линіи и насъ изрядно-таки обдавало этою пылью.

Черезъ нѣсколько минутъ массивныя, клубящіяся тучи сдвинулись въ одну свинцово-сѣрую пелену, которая заволочла все небо уже безо всякихъ оттѣнковъ и очертаній отдѣльных

облаковъ, и тутъ вдругъ хлынулъ неистовый дождь. Японскія лодки метало изъ стороны въ сторону и швыряло на волнахъ, какъ легкія орѣховыя скорлупки; онѣ сгѣшались съ разныхъ сторонъ залива укрыться въ городскомъ каналѣ, куда направилась и англійская военная шлюпка. Иныя лодки носились по рейду безъ гребцовъ, иныя совсѣмъ перевернулись кверху дномъ, а въ одной изъ нихъ, почти по серединѣ бухты, сидѣлъ японскій ребенокъ, мальчикъ лѣтъ шести, одинъ-одинешенекъ и повидимому совершенно парализованный страхомъ, или же выполнѣ равнодушный къ неистовству бури, потому что съ его стороны незамѣтно было ни малѣйшаго движенія, которое указывало бы на борьбу со стихіей, на стремленіе добраться до берега, или на мольбу о помощи. Вѣроятно, хозяева этой лодки незадолго предъ бурей сошли на берегъ, оставя ребенка въ каютѣ, и не успѣли вовремя къ ней вернуться, такъ какъ буря разразилась моментально. Замѣчательная и поразительная внезапность!.. Говорятъ, рѣдкій изъ подобныхъ штормовъ обходится безъ жертвъ, которыми преимущественно становятся неосторожныя японскія дѣти.

Нѣсколько лодокъ столкнулись и сцѣпились между собою, переломавъ свои длинныя, тонкія приставные носы, и блуждали по заливу въ одной безобразной кучѣ; три или четыре изъ нихъ залило водой, и онѣ пошли ко дну, вѣроятно, похоронивъ вмѣстѣ съ собою все достояніе своихъ хозяевъ. За одною изъ лодокъ, перевернувшуюся вверхъ дномъ, двое отважныхъ пловцовъ, не раздѣваясь, бросились съ возвышенной набережной, достигли до нея вплавъ и послѣ долгихъ отчаянныхъ усилій благополучно втащили ее наконецъ въ каналъ и привязали къ кольцу у берега.

Ураганъ между тѣмъ бушевалъ съ какимъ-то снѣгомъ и гуломъ, въ которыхъ сливались и глухіе удары громадныхъ буруновъ, высоко хлеставшихъ въ каменную стѣнку набережной, и шипящій шумъ волнъ, сшибавшихся между собою на просторѣ всего залива, и дикий вой вѣтра, нагнетавшаго старорослыя деревья, и трескъ ломающихся вѣтвей и сучьевъ. Порой цѣлыя вереницы такихъ вѣтвей и отдѣльных листьевъ, комки сѣна и соломы, клочки бумаги и хлопка, дѣтскіе «змѣи» и какія-то тринки, неистово кружась, неслись въ воздухѣ. Окна, двери и жалюзи дрожали и трещали при каждомъ буйномъ налетѣ вихря. Оставался долѣе на нашемъ балконѣ уже не было никакой возможности: все платье и бѣлье на насъ было мокрошенько, хотъ выжми, отъ дождя и водяной пыли, досылаемой къ намъ бурунами. Двѣнадцатіи веселыя шлюпка и паровой катеръ, посланные съ «Африки» къ берегу за С. С. Лесовскимъ, не могли подойти къ пристани: ихъ такъ швыряло, что они рисковали разбиться въдребезги о гранитную стѣнку, и от-

пущенные адмираломъ обратно, цѣлые три часа лавировали около судна, не имѣя возможности пристать къ его борту. Двѣнадцать дюжихъ матросовъ, несмотря на всѣ свои усилія, не могли выгresti противъ вѣтра, направленіе коего въ теченіе четырехъ часовъ времени, пока продолжалась буря, обошло почти весь румбъ.

Около девяти часовъ вечера буря стихла почти также моментально, какъ и началась, и, чрезъ какую-нибудь четверть часа послѣ удара послѣдняго шквала, легкій вѣтерокъ сгонялъ съ неба уже послѣдніе клочки разорванныхъ тучъ, изъ-за которыхъ мелькала полная луна. А спустя еще около получаса эта луна уже въ совершенной тишинѣ лила на землю свой серебристый свѣтъ, ни на мгновеніе не заслоняемый болѣе даже легчайшею дымкою мимолетнаго облачка.

Это былъ небольшой обрачикъ циклона, такъ сказать тайфунъ въ миниатюрѣ, и если такова его сила въ отлично закрытой бухтѣ, то каково же пришлось судамъ, застигнутымъ въ открытомъ морѣ!..

Завтра уходимъ къ Шантунскимъ берегамъ Китая, въ Чи-фу, гдѣ пробудемъ дня два и и затѣмъ возвратимся въ Нагасаки. А сегодня такъ и не удалось мнѣ осмотрѣть буддійскіе храмы и японскія кладбища. Впрочемъ, это до слѣдующаго раза.

XIX.

Отъ Нагасаки до Чифу.

На военномъ суднѣ.—Особенности морской дисциплины.—Одно изъ сухопутныхъ заблужденій насчетъ моряковъ.—Ходъ жизни и службы въ морѣ.—Вахтенный журналъ.—Раздача винной порціи командѣ.—Морскія койки.—Что такое камбузъ для матроса.—Игры и развлеченія на бакѣ.—Судовыя работы.—Церемонія поднятія и спуска флага.—Тревога.—Артиллерійское ученіе.—С. С. Лесовскій на повѣркѣ занятій.—Пожарная тревога.—Астрономическія и метеорологическія наблюденія.—Цвѣтеніе моря.—Продолженіе судовыхъ работъ.—Островъ Россѣ и Группа Гидрографовъ.—Полуночныя наблюденія и счисленія.—Характеръ береговъ Шантунга.—Приходъ на Чифускій рейдъ.

4-го сентября.

Мы на крейсерахъ «Африка».

Я въ первый разъ въ жизни иду на военномъ суднѣ. Какая здѣсь своеобразная жизнь, какой порядокъ и что за идеальная чистота!.. Куда ни кинешь взглядъ, все на своемъ мѣстѣ, все сдѣлано прочно и глядитъ солидно. И такъ оно тщательно пригнано и подобрано къ своему опредѣленному мѣсту, нигдѣ ничего лишняго; въ машинномъ отдѣленіи все исправно, ничто не вязжитъ, не стучитъ, не хлябаетъ, такъ что и не слышенъ ходъ всего этого сложнаго механизма; одинъ только мѣрный шумъ бурлящей воды за кормомъ напоминаетъ о работѣ

винта. Отъ трюма до шканцевъ, ¹⁾ и снаружи и внутри все вымыто, вычищено, вылощено, отполировано, словно сейчасъ только изъ мастерской. Каждая принадлежность судна, даже каждая мелочь, всѣ деревянные подѣлки и металлическія вещи, все это видимо щеголяетъ своимъ лоскомъ и блескомъ. А въ общемъ картина судна съ его палубой, тяжелыми пушками, стройными мачтами, парусами и снастями даже очень красива. Во всемъ этомъ вы чувствуете просто художественное сочетание формъ и линий, чувствуете творческую мысль, создавшую это стройное цѣлое, и я понимаю теперь, почему многие моряники такъ любятъ изображать военныя суда на своихъ картинахъ.

Но что въ особенности поражаетъ съ непривычки меня, офицера сухопутныхъ войскъ, такъ это своеобразная морская дисциплина. Не ждите, напримеръ, чтобы проходящій матросъ отдалъ вамъ честь, приложивъ руку къ шапкѣ; онъ это сдѣлаетъ «на берегу», но не здѣсь, потому что *здѣсь* онъ непременно *при дѣлѣ*, на вахтѣ, и если попался вамъ на встрѣчу, то значитъ навѣрное посланъ за чѣмъ-нибудь нужнымъ. Точно также, если люди сидятъ на палубѣ за какою-либо работой и мимо ихъ пройдетъ вдругъ офицеръ, не ждите, чтобъ они вскочили предъ нимъ съ мѣста и стали на вытжку: нѣтъ, каждый преспокойно продолжаетъ себѣ сидѣть и заниматься своимъ дѣломъ. А когда офицеръ обратится къ матросу съ какимъ-либо распоряженіемъ, тотъ только подыметъ на него глаза и, выслушавъ, отвѣтитъ сидя однимъ лишь отрывистымъ «*стѣ!*», но отъ заданнаго дѣла не оторвется даже на секунду. За то едва лишь раздастся сигнальный свистокъ или призывная команда, все это въ мигъ встрепенется; кинется на верхъ, и не пройдетъ еще минуты, какъ вы уже видите, что каждый человѣкъ на своемъ мѣстѣ, у того дѣла, къ коему предназначенъ, и если нужно «крѣпить» или «убирать» паруса, то скольнибудь сильнѣ вѣтеръ, какъ ни швыряй волны судно, какъ ни будь велики его размахи и кренъ, ни одинъ матросъ не задумается лѣзть на самую верхушку брамъ-стенги или на концы брамрей, и всѣ, сколько потребуется, въ тотъ же мигъ, какъ муравьи, побѣгутъ вверхъ по вантамъ. ²⁾ И тутъ уже не будетъ ни одного, кто

бы позамѣшкаться или не пошелъ туда, куда его посылаютъ. Въ этомъ-то вотъ и состоитъ морская дисциплина.

Кстати также, сказать: у большинства людей, незнакомыхъ съ бытомъ моряковъ на морѣ, почему-то существуетъ странное и рѣшительно ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто морскіе офицеры въ плаваніи злоупотребляютъ въ какотъ-компаніи крѣпкими напитками, или «запиваютъ морскую скуку». Это величайшій вздоръ изъ всѣхъ вздоромъ, какіе я только знаю. Даже тѣни чего-либо подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Впервыхъ, для моряка на морѣ нѣтъ скуки, а есть одно только *дѣло*, служба, и служба серьезная, тяжелая, сопряженная съ величайшею нравственною отвѣтственностію; поэтому скучать ему некогда. Не говоря уже о томъ, что у каждаго офицера на суднѣ есть какая-либо своя, особо ему порученная специальность, но просто отстоять иногда двѣ вахты въ сутки, одну въ теченіе четырехъ, а другую въ теченіе шести часовъ времени, это вовсе не шутка, да смотря еще въ какую погоду придется стоять, и, исполняя такую службу, человѣку въ пору только поѣсть, подкрѣпить свои силы да скорѣе въ койку, отдохнуть сколько возможно, пока не раздастся команда «всѣ наверхъ!», по которой онъ долженъ быть готовъ на своемъ посту въ ту же минуту. А во-вторыхъ, въ морѣ моряки пьютъ менѣе чѣмъ гдѣ-либо. Рюмка водки предъ закуской, рюмка марсалы за обѣдомъ, вотъ и все, да и эту-то дозу принимаетъ далеко не каждый. Здѣсь господствуетъ самая воздержанная жизнь, и не потому только, что *Морской уставъ* запрещаетъ то или другое, но потому, что собственное достоинство и нравственное чувство не допускаетъ моряка до такой слабости. Это, наконецъ, просто не въ морскихъ нравахъ, и нетрезвый офицеръ на суднѣ во время плаванія представилъ бы собою такое небывалое постыдное явленіе, что онъ сразу потерялъ бы во мнѣніи товарищей всякое уваженіе и довѣріе къ себѣ, послѣ чего ему, конечно, не оставалось бы иного исхода, какъ только «списаться» съ судна при первой же возможности. «На берегу другое дѣло, тамъ можно иногда и кутнуть; на то онъ и берегъ». Но на суднѣ—никогда ¹⁾.

Надо же однако дать вамъ нѣкоторое понятіе о заведенномъ порядкѣ жизни на военномъ суднѣ въ морѣ. Для этого, самое лучшее, я обращаюсь къ помощи «вахтеннаго журнала», исключивъ изъ него только то, что черезчуръ уже специально и сопроводивъ кое-что своими замѣчаніями и поясненіями. Вотъ что записано

¹⁾ Шканцы—часть верхней палубы между бизань (заднею) и гротъ (среднею) мачтами: мѣсто, считающееся почетнымъ, гдѣ читаются выдержки изъ морскихъ законовъ, объявляются приказы и судебныя рѣшенія. Всякій изъ военныхъ, приѣзжающій на судно, входя на шканцы, обязанъ приподнять свой головной уборъ для отданія почетному мѣсту чести.

²⁾ Брамъ-стенга — верхняя составная часть мачты; брамъ-рея—верхняя рея, подымающаяся по брамъ-стенгѣ; ванты—проволочный шросъ (веревки)—держашій мачту съ боковъ и прикрѣпленный къ бортамъ; для бѣганья по вантамъ, между ними привязываются тонкія веревочки, называемыя *выбленками* и служащія лѣстницами.

¹⁾ Утверждаю это на основаніи личнаго убѣжденія, вынесеннаго мною изъ моихъ плаваній на военныхъ судахъ во время нашей Тихоокеанской экспедиціи 1880—1881 годовъ.

въ вахтенномъ журналѣ крейсера «Африка» подъ 4 числомъ сентября 1880 года:

«Въ половинѣ одиннадцатаго часа по полуночи пары были готовы. Вызвали всѣхъ наверхъ съ якоря сниматься. Въ одиннадцать часовъ снялись, дали ходъ машинѣ и пошли въ море. Въ пятьдесятъ пять минутъ двѣнадцатаго, пройдя меридіанъ маяка Иво-Симо, въ разстояніи двухъ съ половиной кабельтовыхъ¹⁾, взяли курсъ по главному компасу на SWtW.

«Въ двѣнадцать часовъ прошли параллель того же маяка въ разстояніи одной итальянской мили. Поставили форъ-трисель, форъ-стенги-стаксель²⁾. Дали командѣ вино и обѣдать.

«По наблюденіямъ въ полдень, направление вѣтра было NW, сила его 2 балла³⁾, ходъ шесть узловъ⁴⁾ при пятидесяти двухъ оборотахъ винта въ минуту. Состояніе погоды и неба — ясно, 7⁵⁾, состояніе моря 1 (тахое). Высота барометра 30,0, температура наружнаго воздуха +22½°, температура моря +23°. Высота воды въ трюмѣ семь дюймовъ, температура угольныхъ ящиковъ +21°/+25°. Давленіе пара 65 фунтовъ».

Подобныя наблюденія на суднѣ повторяются во время хода по нѣскольку разъ въ сутки, а именно: въ полдень, въ три часа пополудни, въ восемь часовъ вечера, въ полночь, въ четыре часа пополудни и въ девять часовъ утра.

«Въ пятьдесятъ минутъ перваго часа дня обросопили⁶⁾ реи по вѣтру. Въ два часа раз-

будили команду и дали чай. Въ три часа поставили гротъ-трисель и крюйсъ-стенги-стаксель¹⁾. Взяли курсъ по главному компасу на SW, 65°. Въ двадцать минутъ четвертаго часа развели команду по судовымъ работамъ. Въ пять часовъ окончили всѣ работы. Въ четверть шестого пробили боевую тревогу для повѣрки расписаній абордажнаго и пожарнаго. Въ сорокъ минутъ шестого команда изъ бѣлыхъ рубашъ переодѣлась въ синія (фланелевыя). Въ шесть часовъ дали ей вино и ужины».

Любопытно наблюдать процедуру раздачи людямъ винной порціи. Изъ шести часовъ дни «баталеръ», то-есть унтеръ-офицеръ, принимающій и выдающій на кораблѣ провизію и ведущій ей отчетность, подымается на верхней палубѣ въ сопровожденіи двухъ очередныхъ матросовъ, которые бережно несутъ за нимъ большую луженую «ендову» (лохань), наполненную ромомъ, и ставятъ ее на шанцахъ предъ рубкой. Ароматъ крѣпкаго рома разливается въ окружающемъ воздухѣ. Въ одной рукѣ у баталера мѣрная чарка, равняющаяся вмѣстимостью доброму стакану, въ другой карандашъ и форменная книга, гдѣ онъ отмѣчаетъ палочками и крестиками пьющихъ и непьющихъ. Послѣдніе вмѣсто своей порціи получаютъ при общемъ періодическомъ разчетѣ извѣстную сумму денегъ, въ зависимости отъ стоимости рома (обыкновенно по пяти копѣекъ за каждую чарку).

Какъ только ендова поставлена на палубу, вокругъ нея собираются всѣ боцманъ²⁾ и съ нѣкоторымъ душевнымъ томленіемъ поглядываютъ то на ромъ, то на томтъ, въ приятномъ ожиданіи, когда стоющій тамъ вахтенный лейтенантъ отдастъ имъ приказаніе «свистать къ вину». Вотъ бьютъ въ колоколъ «четыре склянки», что по сухопутному означаетъ шесть часовъ дня³⁾, и вслѣдъ за тѣмъ ожидаемое приказаніе отдано. Тотчасъ же всѣ боцмана дружно и что есть мочи принимаются свистать въ свои оловянные «морские» свистки, висящіе у нихъ на шеѣ на длинныхъ мѣдныхъ цѣпочкахъ и заливаются на всѣ тоны по нѣскольку

¹⁾ *Кабельтовъ* — мѣра длины во сто сажень, каковой мѣры дѣлаются всѣ морскія веревки, изъ нихъ толстыя (въ 6 дюймовъ и болѣе въ окружности) также называются кабельтовыми.

²⁾ Косые паруса, изъ коихъ первый, въ формѣ трапеціи, натягивается по *фокъ* (передней) мачтѣ и фоксовому *шпелю* (деревянный реекъ, упирающійся однимъ концомъ въ верхнюю часть фокъ-мачты и идущій назадъ вдоль судна). *Форъ-стенги-стаксель* — треугольный парусъ, поднимаемый по снасти между *форъ-стенгой* (средняя составная часть мачты) и *бугшпритомъ* (короткая наклонная мачта на носу). На „Африкѣ“ же, вслѣдствіе большой длины судна, бугшприта нѣтъ, но снасть, по которой ходитъ форъ-стенги-стаксель, закрѣплена у *форштевня* (основное переднее ребро носа).

³⁾ Сила вѣтра опредѣляется по тому, какіе возможно нести паруса. Полный штиль соотвѣтствуетъ 0 балловъ, свѣжій вѣтеръ — отъ 6 до 8 балловъ, штормъ отъ 8 до 10 и ураганъ отъ 10 до 12.

⁴⁾ *Узелъ* равняется 1 итальянской милѣ (1¼ версты); названіе же узелъ происходитъ отъ того, что скорость хода измѣряется бичевой, на которой навязываются узелки, число коихъ показываетъ соотвѣтственную скорость въ итальянскихъ миляхъ.

⁵⁾ При 0 балловъ небо совершенно закрыто облаками, а при 10 баллахъ — совершенно безоблачно.

⁶⁾ *Обросопить*, значитъ повернуть реи въ горизонтальную плоскости по вѣтру такимъ образомъ, чтобы онѣ представили собою наименьшее ему сопротивленіе.

¹⁾ *Гротъ - трисель* — парусъ, соотвѣтственный форъ-триселю, только поднимаемый на гротъ-мачтѣ; *крюйс - стени - стаксель* — треугольный парусъ, такой же, какъ и форъ-стенги-стаксель, между гротъ и бизань-мачтами.

²⁾ Старшіе унтеръ-офицеры на суднѣ. *Боцманъ* — простые унтеръ-офицеры.

³⁾ Морскія сутки раздѣляются на шесть четырехъ часовыхъ періодовъ, изъ коихъ въ каждомъ отбивается по восьми склянокъ. Бьются склянки чрезъ каждые полчаса такимъ, напримѣръ, образомъ: въ полдень — восемь склянокъ, заканчивающихъ собою предшествовавшій періодъ; въ половинѣ перваго часа дня — одна склянка, въ часть — двѣ, въ половинѣ втораго — три, въ два — четыре и т. д. По восьми склянокъ бьется въ полдень, въ четыре часа дня, въ восемь вечера, въ полночь, въ четыре часа ночи и въ восемь часовъ утра.

разъ протяжными посвистами. Это у матросовъ называется «соловьи поютъ». Какъ только «соловьи» пропѣли, на шканцы высыпаетъ изъ жилой палубы толпа матросовъ, и баталеръ передаетъ чарку старшему боцману. Тотъ зачерпываетъ ею до верху изъ ендовы и выпивъ передаетъ по старшинству второму по себѣ чину. Такимъ образомъ, сначала «кушаетъ» начальство, господа боцмана и прочіе боцман-маткаго ранга люди, а затѣмъ уже приходится очередь матросовъ, начиная съ марсовыхъ, потомъ «первостатейныхъ» ¹⁾ и далѣе, которыхъ баталеръ выкликаетъ по списку. Но люди такъ уже хорошо знаютъ каждый свою очередь, что баталеръ можетъ и не утруждать себя выличкой: ни одинъ не ошибется,—усиляй только отмѣчать палочки да крестики!

Замѣчательно, что весь процессъ выпиванія матросы продѣлываютъ въ высшей степени серьезно, словно совершая нѣкій актъ великой важности, причемъ на каждой физиономіи отпечатлѣвается самое солидное, чинное и сосредоточенное выраженіе. Каждый приступаетъ къ чаркѣ не иначе какъ снявъ предварительно шапку, и большинство, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ финновъ и эстовъ, да и то не всѣхъ, еще и крестится при этомъ. Пьютъ они, разумеется, безъ запинки, залпомъ, даже и глазомъ не моргнувъ, послѣ чего каждый крикнетъ, оботретъ рукавомъ усы, сдѣлаетъ невѣдомо кому общій поклонъ и передаетъ чарку слѣдующему. Послѣднимъ «кушаетъ» баталеръ и затѣмъ ендова немедленно же убирается до слѣдующихъ «соловьевъ». Такъ неизмѣнно повторяется это по два раза въ сутки, подъ какими бы широтами нашъ матросъ ни плавалъ. Даже зной Краснаго моря, повидимому, не оказываетъ на него въ этомъ отношеніи никакого вліянія, что объясняется впрочемъ тою усиленно-дѣятельною, трудовою жизнію, какую ведетъ матросъ на суднѣ. А кто ужъ не пьетъ, тотъ все равно нигдѣ пить не станетъ, даже и въ Ледовитомъ океанѣ. Ромъ, надо отдать ему справедливость, на нашихъ военныхъ судахъ всегда бываетъ отличный, крѣпкій и душистый, «горлодеръ первый сортъ, такой что ахъ!.. просто бархатъ», говорятъ о немъ матросы, для которыхъ, по замѣчанію одного стараго моряка, и спиртомѣра никакого не нужно; надлежащую крѣпость каждый изъ нихъ безособично опредѣляетъ «по горломѣру».

«Въ пять минутъ седьмого часа прошли меридіанъ маяка Озе-Саки въ девяти итальянскихъ миляхъ и взяли курсъ по компасу

¹⁾ Матросы раздѣляются на *марсовыхъ*, получающихъ это званіе, сопряженное съ увеличеннымъ содержаніемъ, за хорошую службу на *марсалахъ* (площадка наверху мачты), на *первостатейныхъ* и на *матросовъ второй стамы*. Званіе первостатейнаго дается также за хорошую службу вообще и сопряжено съ увеличеніемъ жалованья.

NW83°. Въ половинѣ восьмого дали командѣ койки».

Я нарочно взглянулъ въ жилую палубу, чтобы посмотреть какъ управляютъ люди съ этимъ спальнымъ приспособленіемъ. Каждая койка состоитъ изъ достаточно длиннаго и широкаго полотнища, которое на веревочкахъ собирается къ двумъ кольцамъ, отъ коихъ подвѣшивается подъ потолокъ въ родѣ люльки или гамака, на толстыхъ веревкахъ; а чтобы въ койкѣ человѣкъ не сдавливалось, то въ концахъ ея вставляются деревянные распорки. Спать въ такой постели говорить очень удобно, но нужна нѣкоторая привычка. На каждую койку выдается подушка и тюфякъ, набитый мелкою пробкой и служащій при случаѣ спасательнымъ поясомъ; кромѣ того, простыни и байковое одѣяло. Всю снятую съ себя одежду матросъ подкладываетъ къ себѣ подъ голову, чтобы въ каждую минуту быть готовымъ по первой тревогѣ. Тутъ же въ койкѣ онъ одѣвается и спрыгиваетъ на полъ. Койки подвѣшиваются подъ *бисмы* ¹⁾ правильными рядами въ нѣсколько шеренгъ, смотря по числу команды, и каждый человѣкъ разъ навсегда знаетъ опредѣленное ему мѣсто.

«Въ половинѣ девятаго маякъ Озе-Саки скрылся на NO 80° и прекратили огонь подъ камбузомъ».

Вотъ и еще одно незнакомое для сухопутнаго читателя слово. Камбузъ—это судовая кухня, состоящая изъ большой мѣдной печи съ плитой и котлами, въ одной изъ коихъ грѣется прѣная вода для чая, и разъ что камбузъ потушенъ, этого напитка до слѣдующаго утра уже не подучишь. У камбуза, обыкновенно, любимѣйшее мѣсто каждого матроса; это нѣчто въ родѣ клуба, гдѣ въ свободные часы люди любятъ покалякать, а въ холодное время погрѣться и, частнымъ образомъ, по благоизволенію «юка», то-есть повара-кашевара, «побаловаться» собственнымъ чайкомъ, у кого есть въ запасѣ. Пища въ камбузѣ готовится съ помощію пара.

Послѣ вечерней чарки и по спускѣ флага, часть команды, свободная отъ службы, обыкновенно собирается на бакъ (въ носовой части судна) подышать вечернею прохладой, покурить и поиграть «въ линьки», а иногда пѣсенники составляютъ тамъ кругъ и начинается подъ хоровую пѣсню бойкая пляска «въ присядку съ вывертомъ». Тутъ уже для команды находится ея дѣйствительный клубъ, потому что курить, напримѣръ, можно только на бакѣ, ради чего тамъ имѣется фитиль въ фонарѣ и ставится ведро съ водой для выгряхиванія золы изъ «носогрѣекъ» и бросанія окурковъ. Игра «въ линьки», кажись, одна изъ самыхъ любимыхъ между матросами. Кому первому

¹⁾ Брусъ, положенные поперекъ судна и служащіе основаніемъ верхней палубы и крѣпленіемъ самаго корпуса.

подставить свою спину под жгутъ обыкновенно рѣшается жребіемъ, а иногда и «по назначенію», если подвернется молодой, неопытный и добродушный матросикъ. Вынувшій жребій нагибается впередъ и кладетъ свою голову въ колѣни сидящаго на чемъ-нибудь матроса, который заслоняетъ ее съ боковъ ладонями такъ, чтобы тотъ ничего не могъ видѣть. Играющіе при этомъ собираются въ кружокъ и кто-нибудь изъ охотниковъ ударяетъ жеребья по лямкамъ короткимъ пеньковымъ жгутомъ или просто рукой. Жеребьякъ долженъ угадать кто именно его «попотчивалъ», и если угадаетъ, то ударившій безпрекословно обязанъ замѣнить его собой, а если нѣтъ, жеребьякъ продолжаетъ подвергаться тому же испытанію, пока не выручитъ его счастливая угадка. «Угоспачаютъ» же въ это время разные охотники, причемъ только строго наблюдается, чтобы ударъ наносилъ кто-нибудь одинъ, а не двое или трое разомъ. Если же въ увлеченіи игрой случится такая оплошность, то проштрафившагося безъ разговоровъ отправляютъ на мѣсто жеребьяка. На силу шлепка игроки не обижаются и говорятъ, что это имъ «кровь подируетъ». Но замѣчательно до чего иные изъ нихъ наметываются угадывать по силѣ и характеру удара, кто именно нанесъ его: угадываютъ сразу и почти безъ промаха, даже не подымая головы, что всегда служитъ для товарищей источникомъ веселаго смѣха. Очевидно, что для этого нуженъ предварительно большой практической опытъ. Но нѣкоторые угадываютъ еще и по фizioноміи, для чего испытуемый имѣетъ право послѣ каждого удара встать и окинуть взглядомъ лица стоящихъ вокругъ его товарищей. Обыкновенно ударившій тотчасъ же состроитъ себѣ самую невинную или равнодушную рожу, но тутъ-то притворщикъ и выдаетъ себя по глазамъ, съ которыми не всякій умѣетъ сладить. Въ это же время другіе, обыкновенно, стараются сбить угадчика съ толку, строя себѣ нарочно такіа фizioноміи, которыя явно стремятся выразить, что это, молъ, я тебя такъ попотчивалъ. Но опытный игрокъ на такую штуку никогда не поддается, а ищетъ «глаза настоящіе». Такъ продолжаютъ у нихъ эти игры или пѣсни до раздачи коекъ. Предъ этою раздачей команда по свистку выстраивается на шканцахъ и вся общиною хоромъ поетъ вечернюю молитву — *Отче нашъ* и *Спаси Господи люди Твоя*, послѣ чего, за исключеніемъ вахтенной части, люди разбираютъ свои койки и укладываются спать въ жилой палубѣ.

«Въ половинѣ десятаго часа взята высота полярной звѣзды (α Polaris) $33^{\circ}18'$ — широта получилась $32^{\circ}34'$ N — ая.

«Въ одиннадцать часовъ закрѣпили всѣ паруса.

«Въ полночь счислимая широта была $33^{\circ}37'$ N — ая и счислимая долгота $127^{\circ}24'30''$ O — вая

отъ Гринича. Взяли курсъ по главному компасу на W. Направление и сила вѣтра D—2, ходъ $11\frac{1}{2}$, узловъ при 57 оборотахъ винта въ минуту. Небо ясно, состояніе моря—2, высота барометра 30,06. Температура наружнаго воздуха $+19^{\circ}$, температура моря $+18\frac{1}{2}^{\circ}$. Высота воды въ трюмѣ 9 дюймовъ. Температура въ угольныхъ ямахъ $+21^{\circ}$ / $+25^{\circ}$. Давленіе пара 68 фунтовъ.

Въ четыре часа ночи, при тѣхъ же условіяхъ, вѣшняя температура понизилась до $+17\frac{1}{2}^{\circ}$, а вода въ трюмѣ повысилась до 10 дюймовъ.

5-го сентября.

Продолжаю мой дневникъ по вахтенному журналу.

«Находясь подъ парами, въ Желтомъ морѣ, подъ вице-адмиральскимъ флагомъ, съ полуночи имѣли слѣдующіе случаи:

«Въ половинѣ перваго часа развели огонь подъ камбузомъ.

«Въ двадцать минутъ третьяго часа открылась на NW 22° гора Auckland на островѣ Кельпартѣ (Quelpart). Въ пять часовъ разбудили команду, а въ половинѣ шестого дали ей завтракать кашницу (не кашипу, а именно кашницу, по морскому) съ масломъ и сахарною «толченкой». Въ шесть часовъ *скатили* обѣ палубы (верхнюю и жилую, то-есть обмыли ихъ морскою водою), затѣмъ прибирались у орудій, чистили мѣдь и желѣзо, а потомъ обтирали абордажное оружіе.

«Въ восемь часовъ утра, по рапорту, крейсера и команда обстоятъ благополучно, больныхъ нижнихъ чиновъ въ лазаретѣ нѣтъ, приходящихъ (къ доктору) три человѣка, воды въ трюмѣ 10 дюймовъ».

Принятію начальникомъ рапорта обыкновенно предшествуетъ поднятіе флага, совершаемое съ нѣкоторою церемоніей, а именно: всѣ офицеры выходятъ на верхъ, къ дежурной части, и въ то время какъ, по командѣ вахтеннаго лейтенанта «флагъ поднять!», двое матросовъ принимаются тянуть его вверхъ на бизань-мачту — всѣ боцмана даютъ долгую трель на своихъ свисткахъ и люди стоятъ смирно, а офицеры обнажаютъ головы, пока свернутый флагъ не достигнетъ до надлежащаго своего мѣста, гдѣ онъ моментально развертывается и гордо начинаетъ вѣять въ воздухѣ, осѣняя своимъ Андреевскимъ крестомъ корму военного судна. При спускѣ флага, по закату солнца, повторяется та же самая церемонія.

«Въ восемь часовъ прошли траверсъ горы Аугландъ (6,558 футовъ).

«Въ девять часовъ пробили «сборъ» для осмотра команды. Въ половинѣ десятаго, по приказанію главнаго начальника морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ, генералъ-адъютанта, вице-адмирала Лесовскаго, пробита боевая тревога съ одною дробью. Орудія были готовы къ дѣй-

ствію всѣ черезъ двѣ минуты, а самое первое, лѣвое шканечное, шестидюймовое, черезъ 1 $\frac{1}{4}$ минуты. Послѣ изготовки орудій, его превосходительство С. С. Лесовскій производилъ у каждаго изъ нихъ смотръ одиночныхъ учений, а затѣмъ приемы заряджанія. Въ десять часовъ пробили «отбой» и начали крѣпить орудія по походному; закрѣпили всѣ въ продолженіе 2 $\frac{1}{4}$ минутъ. Его превосходительство, оставшись доволенъ быстрымъ изготовленіемъ орудій къ дѣйствию и скорымъ выполненіемъ различныхъ приѣмовъ по сигналамъ, благодарилъ команду за усердіе».

Сегодня мнѣ впервые довелось видѣть артиллерійское ученіе на суднѣ. Едва раздались первые звуки тревоги какъ изнутри жилой палубы послышался торопливый дробный топотъ многочисленныхъ босыхъ ногъ по трапу, и вся верхняя палуба въ ту же минуту покрылась множествомъ людей въ бѣлыхъ штанахъ и рубашкахъ¹⁾. Все это живо разбѣгалось въ разные стороны и мѣста по назначенію, одни—въ крѣйтъ-камеру за зарядами или въ бомбовые погреба за снарядами; другіе къ ихъ люкамъ для приѣма и подноски тѣхъ и другихъ; третьи къ орудіямъ на шканцы, на корму, на бакъ; тѣ къ картечницамъ, эти на марсы... Стукъ открываемыхъ люковъ, лязгъ отмыкаемыхъ цѣпей, грохотъ станковыхъ колесъ катящихся по рельсамъ, топотъ, бѣготня, командные крики, выемка и подноска тяжелыхъ снарядовъ, наводка, заражаніе и наконецъ «пли!»—все это кипитъ, мелькаетъ въ глазахъ и совершается съ изумительною быстротой и энергіей. На первый разъ, съ моей сухопутной точки зрѣнія, мнѣ показалось даже, что во всемъ этомъ есть какъ будто одинъ недостатокъ, а именно: излишекъ суетливости и какой-то нервности, словно бы мечутся предъ вами какіе-то «оглашенные». У насъ въ полевой артиллеріи дѣлается это какъ-то плавно и спокойно. Мы стояли съ А. П. Новосильскимъ на мостикѣ, въ качествѣ зрителей, и я не воздержался, чтобы не подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями.

— У насъ иначе нельзя, — возразилъ онъ мнѣ: — Здѣсь дорога не то что минута, а каждая секунда, чтобы *предупредить* непріятеля своимъ огнемъ; вѣдь онъ тоже не дремлетъ и достаточно съ его стороны одного удачнаго перваго выстрѣла, чтобы пустить васъ ко дну.

Я продолжалъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ ученія, за этою кажущеюся суетней и, къ концу, долженъ былъ сознаться, какъ самому себѣ такъ и своему сосѣду,

что первоначальное мое заключеніе было скороспѣло и потому ошибочно. Суетня эта только кажущаяся; на самомъ же дѣлѣ все идетъ совершенно стройно, точно, какъ нельзя болѣе аккуратно. Ни сортировщики, ни подносчики снарядовъ ни разу не сбились въ калібръ, хотя орудія тутъ разнокалиберныя; ни разу они не загнулись и не столкнулись въ тѣсныхъ проходахъ нара съ парой, шмыгая отъ люковъ къ пушкамъ и обратно, а все это такъ легко, такъ возможно и, казалось бы, даже неизбежно должно случаться на такомъ ограниченномъ и узкомъ пространствѣ, какъ палуба легкоходнаго крейсера. Я убѣдился наконецъ, что все это быстрое движеніе кажется такимъ суетливымъ именно вслѣдствіе тѣсноты пространства на которомъ оно происходитъ. Нѣтъ, здѣсь каждый, можно сказать, до тонкости знаетъ свою роль, свое назначеніе и сопряженное съ нимъ дѣло, и каждый съ увлеченіемъ отдаетъ ему все свое вниманіе, не замѣчая уже ничего и никого посторонняго. Нашъ адмиралъ во время перемѣны направленія орудій, тоже увлекшись, неосторожно приблизился къ работавшимъ, и одинъ изъ прислуги, не замѣтивъ своевременно его присутствія, по нечаянности довольно чувствительно задѣлъ его гандшпугомъ. Но Степанъ Степановичъ даже и не поморщился. Любо было посмотрѣть на старика въ эти минуты: онъ весь какъ бы преобразился, голова приподнята, глаза горятъ, взглядъ орлиный, нижняя скула энергично поджата и стиснута, и самъ весь полонъ энергія, словно бы помолодѣлъ и выросъ, — видно сразу что чело-вѣкъ попалъ въ свою настоящую родную стихію и что въ минуту дѣйствительнаго боя онъ сѣмьѣлъ бы быть настоящимъ начальникомъ. Это какъ-то чувствуется.

Не успѣло кончиться артиллерійское ученіе, какъ въ половинѣ одиннадцатаго пробили въ колоколъ пожарную тревогу, и ровно черезъ полторы минуты всѣ помпы были уже готовы и извергали за бортъ сильныя струи высокихъ дугообразныхъ фонтановъ. Видно, что и въ этомъ дѣлѣ команда вышколена прекрасно. Черезъ четверть часа дали «отбой» и разоружили помпы. Въ то же время нашъ крейсеръ прошелъ параллель горы Аукландъ, и предъ нимъ впереди, въ направленіи NW11°, открылся островъ Россъ. Въ четверть двѣнадцатаго командѣ дали вино и обѣдъ, а затѣмъ положенный отдыхъ.

Въ полдень измѣрили высоту солнца; получилось 58°33'30" къ S. Суточное теченіе въ этомъ мѣстѣ идетъ на SO 33° и равняется 3 $\frac{1}{4}$ итальянскимъ милямъ. Ходъ судна 11 узловъ при 56 оборотахъ винта. Небо все такъ же ясно, море спокойно, высота барометра 30,12, температура воздуха +28°, температура моря +19°, въ угольныхъ ямахъ +20° — +24°.

1) Въ жаркое время матросы на суднѣ, для облегченія и чистоплотности, вовсе не носятъ обуви, хотя имъ полагаются по парѣ бѣлыхъ парусинныхъ башмаковъ.

давление пара 66 фунтовъ, въ трюмъ воды на 10 дюймовъ.

Поверхность моря, при полномъ безвѣтрѣ, приняла на взглядъ какую-то стеклистость, словно мы плывемъ по гладкой массѣ расплавленного стекла. Близъ бортовъ нашего судна морская гладь покрыта сплошь буровато пылью. Это явленіе называется *цзттеиэм* моря.

Въ три четверти второго часа разбудили отдохавшую команду и дали ей чай, а полчасъ спустя развели людей по работамъ: красить бѣлою сниртовой краской жилую палубу и паровой катеръ, комендоровъ же — прибираться у орудій ¹⁾. Въ половинѣ четвертаго, послѣ того какъ двукратное пеленгованье ²⁾ возвышенности острова Росса показало, что мы находимся отъ него на разстояніи 14½ итальянскихъ миль, взяли курсъ на NW 20° и спустя четверть часа прошли траверзъ этого острова. Въ половинѣ пятаго начали опрѣснять воду для машины, такъ какъ запасъ ея взятый на берегу былъ уже на исходѣ. Въ пять часовъ открылась на сѣверо-востокъ группа рифистыхъ островковъ, извѣстная у мореходовъ подъ названіемъ «Группы Гидрографовъ» (*Hydrographer group*). Въ шесть часовъ всѣ судовыя работы, кромѣ окраски жилой палубы, окончились; командѣ велѣно переодѣться въ синія рубашки, и затѣмъ дали ей вино и ужинъ. Въ семь часовъ окончили окраску жилой палубы и спустили флагъ; въ восемь выдали командѣ койки и въ четверть девятаго потушили огонь подъ камбузомъ.

Въ полночь считалимая сѣверная шпрота была 35°13' и восточная долгота 124°18' отъ Гринвича. Ясно, штиль; наружная температура +19°, температура моря +18½°, ходъ 11 узловъ.

Теперь читатель имѣетъ нѣкоторое понятіе о теченіи служебныхъ и специально-морскихъ занятій на военномъ суднѣ во время его хода, а потому безъ особенной надобности впредь я не стану больше утруждать его вниманіе цифрами и выписками изъ вахтеннаго журнала. Но полагаю, что читателю не моряку не безынтересно будетъ познакомиться со взаимными отношеніями морскихъ офицерскихъ чиновъ и вообще съ тѣмъ, какъ живутъ и проводятъ вѣи службы свое время офицеры въ морѣ.

Прежде всего, на первомъ планѣ стоитъ, конечно, командиръ судна. На своемъ суднѣ это особа весьма большая, пользующаяся полнымъ престижемъ, громадными правами и безусловнымъ авторитетомъ. Командиръ, разъ

что онъ не на берегу, всегда живетъ отдѣльно, даже, можно сказать, замкнутою жизнью, и потому одиночество и сопряженная съ нимъ нѣкоторая бытъ-можетъ скука являются неизбежными спутниками его высокаго положенія. У командира въ кормовой части судна, по положенію, есть совершенно отдѣльное, большое сравнительно съ прочими и даже роскошное помѣщеніе, необходимое ему для представительности предъ иностранцами. Это свое помѣщеніе онъ временно уступаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримеръ, на его судно переносить свой флагъ начальникъ эскадры. Тутъ уже командиръ «перевѣживаетъ на дачу», то-есть переходитъ въ отдѣленіе собственнаго своего кабинета въ рубкѣ. Но отъ переселенія къ нему начальника эскадры роль его въ отношеніи своего судна и команды нисколько не измѣняется, такъ какъ этотъ послѣдній обыкновенно не вмѣшивается ни въ какія его распоряженія, касающіяся собственно вѣреннаго ему судна. Поэтому всегда, и во всѣхъ случаяхъ командиръ остается полнымъ хозяиномъ своего корабля, и только ежедневно рапортуетъ флагману ¹⁾ о состояніи судна и команды. Онъ обѣдаетъ отдѣльно отъ своихъ офицеровъ, посѣщая какотъ-компанію обыкновенно только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, при парадномъ осмотрѣ всего судна послѣ «обѣдницы», когда садится со всѣми вмѣстѣ за общій столъ. Но это уже съ его стороны актъ любезности, которою онъ отвѣчаетъ обществу офицеровъ на ихъ приглашеніе. Тутъ уже онъ у нихъ какъ бы въ гостяхъ, и за исключеніемъ этого раза, никто изъ нихъ никогда не смѣетъ обратиться къ нему первый съ какимъ-либо постороннимъ разговоромъ или вопросомъ. Общая дань почтенія къ командиру простирается даже до того, что если онъ прохаживается по одной сторонѣ шканцевъ, то всѣ офицеры, кромѣ вахтеннаго, обязаны немедленно перейти на другую. Въ сухопутныхъ войскахъ дисциплина тоже не менѣе значительна, но здѣсь всѣ особенности ея условій рѣзче бросаются въ глаза, благодаря замкнутости и ограниченности пространства, на которомъ совершается весь кругъ судовой жизни и службы. Ни въ какія мелочи той и другой командиръ обыкновенно не входитъ: это дѣло «старшаго офицера»; онъ только дѣлаетъ общія распоряженія, даетъ общее направленіе порядку службы и жизни, руководясь въ этомъ, конечно, «Морскимъ уставомъ» и особыми инструкціями, если таковыя ему даны высшимъ начальствомъ. Онъ рѣдко дѣлаетъ самъ ученія, но почти всегда

¹⁾ Званіе *комендоровъ* носятъ старшіе изъ орудійной прислуги во флотѣ.

²⁾ *Пеленговать*, отъ голландскаго слова *pleegdan*, — значить опредѣлять на морѣ положеніе судна по береговымъ предметамъ.

¹⁾ *Флагманъ* — начальникъ эскадры или отдѣла эскадры, имѣющій право на поднятіе своего флага. Въ послѣднемъ случаѣ онъ называется младшимъ или вторымъ флагманомъ.

присутствует при нихъ, сообщая по окончаніи свои замѣчанія офицерамъ; рѣдко даже показывается безъ надобности въ той, или другой части судна, но за то появленіе его предъ командой всегда бываетъ авторитетно и внушительно. И это очень хорошо, по отзыву самихъ моряковъ, потому что люди такъ уже и знаютъ заранее, что колы скоро «самъ» появился на мостикѣ и непосредственно принялъ командованіе, значитъ моментъ весьма серьезный и безусловно требуетъ отъ каждого чловѣка полного вниманія къ дѣлу и всесовершеннаго усердія.

Ближайшимъ помощникомъ командира является «старшій офицеръ», обыкновенно въ штабъ-офицерскомъ рангѣ. На немъ лежитъ главная масса всѣхъ заботъ и вся, такъ-сказать, черновая работа на суднѣ. Онъ входитъ рѣшительно во все, смотритъ за порядкомъ и исправностью судна и команды во всѣхъ отношеніяхъ, наблюдаетъ за всѣми судовыми вещами и принадлежностями, за продовольствіемъ и снабженіемъ людей, за ихъ работами, обученіемъ и поведеніемъ, а во время общихъ ученій или судовыхъ эволюцій становится самъ на вахту и самъ командуетъ. Онъ же и обязательный предсѣдатель каютъ-компаніи, какъ за столомъ, такъ и во всѣхъ ея общественныхъ вопросахъ, дѣлахъ и начинаніяхъ, а потому отъ его такта, умѣнья, ума и характера зависитъ какъ повести каютъ-компанію, дать то или другое направленіе обществу офицеровъ, сдружить, сплотить или разъединить ихъ, сгладить или обострить какія-либо шероховатости въ личныхъ отношеніяхъ общества къ начальству или къ кому-либо изъ своихъ членовъ, примирять споры и несогласія, тушить ссоры и дразги, не допускать интригъ и партій и собственнымъ примѣромъ заставить всѣхъ и каждого относиться къ своему дѣлу съ охотой и любовью. Безъ его вѣдома и разрѣшенія рѣшительно ничто не можетъ твориться на суднѣ, и потому онъ долженъ знать все, находится въ готовности въ каждую минуту дать обо всемъ полный отчетъ командиру и быть предъ нимъ представителемъ и ходатаемъ за всѣ офицерскія и матросскія нужды. Должность весьма важная, сложная, отвѣтственная, и можно съ увѣренностью сказать, что тотъ морякъ, который съ успѣхомъ проплавалъ нѣсколько лѣтъ въ должности старшаго офицера, навѣрное будетъ всесторонне опытнымъ и хорошимъ командиромъ.

Что касается службы остальныхъ офицеровъ, то тутъ нѣтъ ни одного лишняго чловѣка,—всѣ заняты, и притомъ у каждого, какъ мы уже говорили, есть еще свое особое дѣло, своя специальность: одинъ изъ лейтенантовъ непременно находится въ должности «ревизора», то-есть ведетъ всѣ хозяйственные ра-

счеты съ «берегомъ» и казначейскую часть, другой состоитъ въ должности «ротнаго командира» и вѣдаетъ фронтное обученіе людей, третій, лейтенантъ или мичманъ, заведуетъ минною частью на суднѣ, четвертый крѣпко-камерой, пятый ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Затѣмъ уже слѣдуютъ специальности: штурманская, механическая, артиллерійская и врачебная. На врача же обыкновенно возлагается заведываніе небольшою судовою бібліотекой и веденіе естественно-историческихъ изслѣдованій и наблюденій.

Вся судовая команда раздѣляется на двѣ вахты, а каждая вахта на два отдѣленія, сообразно чему и суточная служба распадается тоже на двѣ вахты, по двѣнадцати часовъ каждая, съ соответственными подраздѣленіями. Отъ полудня, напримѣръ, до полуночи несетъ службу въ двѣ смѣны: 1-я вахта, а съ полуночи до слѣдующаго полудня, въ три смѣны, 2-я вахта, причемъ вахтенное время раздѣляется на шестичасовыя и четырехчасовыя смѣны слѣдующимъ образомъ: 1-я) съ полудня до 6 часовъ вечера; 2-я) съ 6 часовъ вечера до полуночи; 3-я) съ полуночи до 4 часовъ ночи; 4-я) съ 4 часовъ ночи до 8 часовъ утра, и 5-я) съ 8 часовъ утра до полудня. Сообразно этому раздѣлены на пять очередей и лейтенанты съ заступающими иногда ихъ мѣсто старшими мичманами. У каждого изъ нихъ непременно есть свой помощникъ, «подвахтенный», изъ мичмановъ или преимущественно гардемариновъ. Штурманская и машинная части ведутъ свои вахты особо, примѣняясь только ко времени общей вахтенной смѣны. Тамъ чередуются старшій штурманъ и инженеръ-механикъ со своими помощниками, а въ подвахтенныхъ состоятъ у нихъ «кондуктора» (то же что гардемарины) соответственныхъ специальностей.

Каютъ-компанія есть, такъ-сказать, центръ всѣхъ служебной офицерской жизни на судахъ, да и по устройству своему всегда занимаетъ центральное расположеніе относительно офицерскихъ каютъ, изъ коихъ большая часть выходятъ въ нее своими дверями. Дневной свѣтъ падаетъ въ нее сверху, сквозь большой стеклянный люкъ, а по вечерамъ освѣщается она висячими солнечными лампами. Полъ ея затянутъ хорошимъ ковромъ, въ простѣнкахъ между дверями идутъ мягкіе триповые диванчики, середина занята большимъ обѣденнымъ столомъ, по обѣ стороны котораго неподвижно утверждены длинныя скамьи съ откидными плетеными спинками. Всѣ двери и настѣнные подѣлки сдѣланы весьма изящно изъ краснаго, ясеневаго, тисоваго и другихъ дорогихъ сортовъ дерева, скобы и ручки бронзовыя, и все это очень прочно и красиво. На передней стѣнѣ виситъ образъ и размѣ-

находятся портреты Государя, Императрицы и некоторых особъ Императорскаго Дома, а въ противоположной продѣлано окно въ буфетное отдѣленіе. Въ углу помѣщается книжный шкафъ, рядомъ съ нимъ лѣнино — и вотъ все убранство каютъ-компаніи, полное изящной простоты и комфорта.

Посмотримъ теперь на устройство отдѣльной офицерской каюты. Въ этомъ устройствѣ главная задача въ томъ, чтобы на пространствѣ какихъ-нибудь трехъ или трехъ съ половиной квадратныхъ аршинъ не только совмѣстить, но и удобно расположить и уютно приспособить все необходимое для жизни одного, а нерѣдко и двухъ человекъ, привыкшихъ всетаки къ извѣстному комфорту въ своей домашней обстановкѣ. Каюту главнѣйшимъ образомъ предназначается для отдохновенія; для сна, а потому главное мѣсто занимаетъ въ ней, конечно, постель. У одной изъ поперечныхъ переборокъ, справа или слѣва отъ входа, во всю длину стѣны устроенъ довольно узкій ящикъ, покрываемый пружиннымъ тюфякомъ который уходитъ нѣсколько во внутрь этого ящика, такъ что съ наружнаго бока постели образуется деревянный бортъ, препятствующій спящему человеку вывалиться изъ койки во время сильной качки. Лежать въ такомъ тѣсномъ ящикѣ надо почти какъ въ гробу. Повернуться на тотъ или другой бокъ еще можно, но совсѣмъ согнуть колѣни уже не такъ удобно, потому что непременно будешь упираться ими либо въ бортъ, либо въ стѣну. Если же въ каютѣ помѣщаются двое, то вторая койка устраивается надъ первую, въ видѣ узкой нары съ бортовой загородкой. Въ этомъ случаѣ обоимъ жильцамъ нужна большая осторожность и сноровка, чтобы ложась или вставая не стукаться теменемъ верхнему обѣ потолокъ, а нижнему обо дно верхней койки. Подъ тюфякомъ нижней постели, въ ящикѣ, устраивается обыкновенно складъ для кое-какой рухляди, лишней пары сапоговъ, ношеннаго бѣлья и т. п. Тамъ же помѣщаются и пробковые пояса на случай крушенія. Противъ койки, къ другой стѣнѣ привинченъ высокій комодъ съ откидною доской, которая открываетъ за собою небольшую конторку и служитъ письменнымъ столомъ. Въ углу устроенъ небольшой умывальникъ, а надъ нимъ полочка съ гнѣздами для стакана, графина и умывальныхъ принадлежностей; рядомъ проходитъ тепловодъ въ видѣ цинковой трубы съ мѣднымъ краномъ. На наружной (бортовой) стѣнѣ укрѣплено зеркало и рядомъ съ нимъ висячій шандаль съ матовымъ колпакомъ, свободно качающійся на шарнирахъ во всѣ стороны, дабы пламя свѣчи всегда могло сохранять вертикальное направленіе. Полъ обитъ клеенкой. На первый взглядъ все это такъ тѣсно и такъ обито, что непривычный чело-

вѣкъ даже понять не можетъ какимъ образомъ возможно тутъ устроиться двоимъ, да еще съ необходимыми вещами. А между тѣмъ чего-то только въ иной каютѣ не помѣщается!.. Тутъ и весь гардеробъ офицерскій, котораго не мало-таки приходится имѣть, такъ какъ нуженъ во-первыхъ, большой запасъ бѣлья, чтобы обходиться безъ стирки во время продолжительныхъ океанскихъ переходовъ, а во-вторыхъ, кромѣ форменнаго еще и партикулярное платье на случай сѣзда на берегъ въ чужеземныхъ портахъ; необходимо нужна и фрачная пара, если офицеръ желаетъ бывать въ обществѣ. Тутъ и личные книги офицера, его тетради и бумаги; тутъ и фотографическіе портреты дорогихъ и близкихъ ему лицъ, покинутыхъ на далекой родинѣ, и «портретъ» своего судна, сдѣланный по заказу въ Гонконгѣ извѣстнымъ китайскимъ живописцемъ Гунгъ-Шеонгъ-Шингомъ, и какія-нибудь японскія бронзы, вазочки и тарелки или лаковая шифоньерка пріобрѣтенная въ Нагасаки, и чучело какой-нибудь рѣдкостной птицы или рыбы, и японскія сабли, и оригинальное оружіе какихъ-нибудь дикарей... И если только приглядишься внимательнѣй, то заметишь многое множество вещей и вещичекъ, размѣщенныхъ по всѣмъ угламъ, ящикамъ и полочкамъ, такъ что въ концѣ концовъ вамъ остается развѣ только удивляться какимъ образомъ на такомъ ничтожномъ пространствѣ возможно было умѣстить столько всякой всячины, да не только умѣстить, а еще и приладить каждую вещь такъ, чтобы она прочно держалась на своемъ мѣстѣ, не рискуя упасть во время качки. Но такое умѣнье вырабатывается, конечно, только опытомъ. Дневной свѣтъ проникаетъ въ каюту обыкновенно съ борта, чрезъ такъ-называемый «иллюминаторъ» — круглое окошко, около фута въ діаметрѣ, съ толстымъ стекломъ на шарнирѣ, такъ что въ случаѣ надобности его можно и отвинтить, чтобы освѣжить каюту чистымъ воздухомъ, если только состояніе моря позволить сдѣлать это безнаказанно.

На каждыхъ двухъ или трехъ офицеровъ полагается для личныхъ услугъ по одному вѣстовому, которые прислуживаютъ и за столомъ въ каютъ-компаніи. Это все народъ преимущественно изъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній, сохраняющій всѣ особенности мѣстной рѣчи, почему, между прочимъ, многіе изъ нихъ никакъ не могутъ усвоить себѣ привычку говорить съ офицерами на *вы*. Нерѣдко, напримеръ, слышишь какъ такой сѣверякъ, сохраняя полную почтительность добродушнаго тона, будитъ своего офицера: «Вставай, ваше благородіе, на вахту пора», или послѣ вахты: «Ложись-ка, ваше благородіе, я ты раздѣваю». Препотѣшно это у нихъ выходитъ.

Въ каютъ-компаніи совершается весь кругъ

офицерской общественной жизни. Въ восемь часовъ утра обыкновенно подается чай съ галетами или бѣлымъ хлѣбомъ (если есть), причемъ фигурируютъ консервированное масло въ жестянкахъ, и консервированное сгущенное молоко, иногда ветчина и сухое мясо, по-английски; но желающіе могутъ имѣть чай и раньше. Въ полдень слѣдуетъ завтракъ изъ двухъ блюдъ, въ шесть часовъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ и въ девять вечерній чай. Предсѣдатель за столомъ всегда старшій офицеръ, а хозяйствомъ офицерскаго стола завѣдуетъ «содержатель», избираемый всѣмъ обществомъ изъ своей среды. По большей части, обязанность эта падаетъ на штурмана, механика или артиллериста. Гардемарины и кондукторы пользуются офицерскимъ столомъ, но ѣдятъ отдѣльно: у нихъ имѣется своя особая общая каюта, въ центральной части судна, между машиннымъ отдѣленіемъ и жилой палубой, служащая имъ и спальней, и столовой. И набито же ихъ тамъ, какъ сельдей въ боченки!.. Въ офицерской каютъ-компаніи они не появляются иначе, какъ по дѣламъ службы. Положеніе ихъ вообще какое-то странное, такъ сказать, межеумочное: ни офицеръ, ни нижній чинъ, ни воспитанникъ, или, пожалуй, отчасти и то, и другое, и третье вмѣстѣ. При выговорахъ и внушеніяхъ, въ одномъ случаѣ имъ говорятъ: «Не забывайте, что вы еще не офицеръ», а въ другомъ: «Вы забываете, что вы уже не школьникъ», или «Вы не нижній чинъ, чтобы позволять себѣ то-то и то-то». Но ближе всего, по характеру служебныхъ обязанностей, большею частію впрочемъ не самостоятельныхъ, а только подручныхъ, ихъ можно назвать по казацки заурядъ-офицерами. Сами же гардемарины, опредѣляя родъ своего положенія, нерѣдко въ шутку называютъ себя гермафродитами.

Въ чемъ состоятъ развлеченія каютъ-компаніи? Какая бы то ни было игра въ карты ни въ какомъ случаѣ на суднѣ не допускается. Можно играть только въ шашки, шахматы, домино и въ трикъ-тракъ, но отнюдь не на деньги, а только «въ пустую» и изъ всѣхъ этихъ игръ, какъ-я замѣтилъ, трикъ-тракъ является преобладающею. На тѣхъ судахъ гдѣ въ каютъ-компаніи есть піанино, желающіе могутъ играть на немъ, составляя изъ себя вокальные хоры, задавать себѣ концерты, въ особенности если есть между офицерами любители, играющіе на какомъ-либо инструментѣ; но все это не позже какъ до десяти часовъ вечера, — урочное время когда огни, за исключеніемъ одной лампы, гасятся. Иногда, впрочемъ, съ разрѣшенія командира судна, время это можетъ быть продлено и до полуночи, даже нѣсколько позднѣе. Курить разрѣшается только въ каютъ-компаніи, и для этого тамъ у дежурнаго вѣстового всегда имѣется тлѣющій фитиль въ мѣдномъ

фонарѣ, который онъ и подноситъ вамъ каждый разъ для закурки. Разговоры въ вольнодумномъ родѣ на политическія и религіозныя темы строго исключены изъ цикла бесѣдъ допускаемыхъ въ каютъ-компаніи и это, конечно, весьма благоразумно, чтобы не задѣвать ни чьихъ личныхъ убѣжденій и не возбуждать непріятныхъ споровъ. Но можно сколько угодно вести бесѣды чисто научнаго, военнаго, спеціально морскаго и литературнаго характера, для чего судовая бібліотека всегда можетъ дать достаточныя темы. Каталогъ ея именно къ этому и приспособленъ; онъ не великъ, но составленъ весьма удачно и разнообразно. Остается, стало-быть, чтеніе, — и дѣйствительно, морскіе офицеры въ часы досуга посвящаютъ ему не мало времени, что весьма замѣтно отражается на уровнѣ ихъ общаго развитія. Вообще, вступая въ каютъ-компанію, вы входите въ среду людей вполне образованныхъ, благовоспитанныхъ, въ среду привѣтливо любезную и очень интересную, такъ какъ изъ ея членовъ почти каждый немало уже на своемъ вѣку поплавалъ, немало повидалъ прибрежныхъ странъ и народовъ земного шара, немало переиспыталъ разныхъ впечатлѣній и походовъ, и у каждого въ запасѣ собственной памяти всегда найдется много воспоминаній и темъ для интереснаго разговора.

6-го сентября.

Въ два часа дня проходимъ мимо (траверсъ) бѣлаго маяка, расположеннаго на одной изъ сѣловинъ мыса Шантунга. Еще въ девятомъ часу утра появились впереди, на сѣверо-западѣ, первые признаки скалистыхъ береговъ китайскаго материка, а часа полтора спустя, съ мостика уже можно было хорошо различать ихъ зубчатые очертанія. Съ моря они представляются сплошнымъ массивомъ вулканическаго происхожденія и, благодаря воздушной перспективѣ, кажутся лиловыми съ болѣе свѣтлыми или темными отгѣнками, переходящими кое-гдѣ въ синій. Восточная сторона береговыхъ выступовъ и склоновъ совершенно обнажена; сѣверные же склоны покрыты, словно сукномъ, изжелта зеленою травкой, и мѣстами видны на нихъ какъ будто широкія ступени террасообразныхъ пашень, которые не трудно отличить по ихъ желтовато- и буровато-зеленымъ горизонтальнымъ полоскамъ.

Плѣтъ воды, вчера еще изсиня темно-зеленый, сегодня, въ виду береговъ, по обыкновенію, принялъ нѣсколько мутный, свѣтло-зеленый отгѣнокъ съ желтизной. На морѣ полный штиль, даже флагъ не колыхнется и дымъ изъ трубы подымается столбомъ почти вертикально.

Въ половинѣ третьяго часа дня Шантунгскій мысъ съ бѣлымъ маякомъ былъ уже обогнутъ, и «Африка», взявъ курсъ прямо на W,

пошла мимо сѣверныхъ береговъ Шантунга. Склоны этихъ береговъ, на всемъ ихъ, видимо, отъ насъ, протяженіи, кончаются скалистыми обрывами, отъисно спадающими прямо въ море. Кое-гдѣ небольшими островками разсыяны отдѣльныя скалы, на которыхъ склоны, обращенные къ сѣверу, все такъ же покрыты травой, какъ бы въ видѣ желто-зеленыхъ пятенъ или плѣшинъ на красновато-буromъ черепѣ каменныхъ массивовъ. Эта травянистая растительность именно сѣверныхъ склоновъ, въ то время какъ склоны обращенные къ остальнымъ странамъ свѣта совершенно голы, являясь, на мой взглядъ, одною изъ характеристическихъ особенностей Шантунгскаго берега и зависить, вѣроятно, оттого, что на сѣверные склоны не падаютъ всеосвѣжающіе лучи солнца. Но болѣе возвышенныя вершины горъ, что видѣются позади пояса береговыхъ скалъ, совершенно каменисты и голы даже на сѣверныхъ склонахъ, хотя наибольшая изъ нихъ, носящая названіе Ваде (Vade) не превышаетъ 1.860 футовъ надъ поверхностью моря. Природа этихъ береговъ дика и пустынна; нигдѣ не замѣтили мы на нихъ человѣческаго жилья, и даже рыбачьихъ парусовъ не видно.

Плывемъ дальше, но характеръ береговъ все такой же, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что отъисы скалъ нрѣдка прерываются и какъ бы разступаются, чтобы дать мѣсто отлогимъ песчанымъ откосамъ, сбѣгающимъ въ море плоскою изменностью. И все та же унылая голъ: за исключеніемъ сукунистой травки, нигдѣ ни единого кусточка, не то что деревца,—и такъ-то весь день, съ утра до вечерней тьмы, тянулись въ лѣвой рукѣ отъ насъ эти скучныя скалы. Даже надобно глядѣть на нихъ.

Ровно въ восемь часовъ вечера пришли мы на Чифускій рейдъ, застопорили машину и отдали лѣвый якорь на глубинѣ 7½ сажень. Вокругъ насъ тамъ и сямъ мелькали огоньки судовыхъ фонарей на мачтахъ англійской эскадры, отъ начальника коей тотчасъ же былъ присланъ на «Африку» флагъ-офицеръ поздравить русскаго адмирала съ прибытіемъ.

XX.

Ч и ф у.

Иностранная эскадра на Чифускомъ рейдѣ.—Обмѣвъ салютовъ и визитовъ.—Характеръ рейда.—Серебристые туманы и ихъ вліяніе на нерв.—Компрадорскіе магазинъ Зитасъ и К^о.—Европейскій участокъ города.—Янтай или Tower-point.—Китайская таможня.—Большая цистерна.—Морскія купанья и гостиницы.—Христіанскія церкви и католическій монастырь.—Характеръ европейскихъ построекъ.—Китайскіе кварталы Чифу и ихъ торгово-промышленная дѣятельность.—Присутственные мѣста.—Мѣстный начальник и его обязанности.—Буддйскія молельни.—Огороды и плантаціи.—Цирульни и съѣстные заведенія.—А. Д. Старцевъ и его домъ въ Чифу.—Англійскія каверзы.—Чифускій ка-

мень.—Китайская крѣпость и ея военныя запасы.—Пароходныя компаніи.—Торговое значеніе Чифу.—Состояніе русскаго чайнаго дѣла въ Китаѣ.—Русская общественная жизнь въ Ханькоу.—Вопросъ о Ханьковскомъ православномъ храмѣ.—Дождливый день на рейдѣ.—Визитъ англійскаго адмирала.—Возвращеніе въ Нагасаки.

7-го сентября.

С. С. Лесовскій рассчитывалъ заранѣе найти на Чифускомъ рейдѣ англійскаго и французскаго адмираловъ, командующихъ эскадрами своихъ націй въ водахъ Тихаго океана, и даже шель сюда нарочно съ тою дѣлюю, чтобы повидаться съ ними и, кстати, познакомиться съ мѣстоположеніемъ и современнымъ состояніемъ этого порта, куда въ послѣднее время нрѣдко заходятъ военныя суда всѣхъ морскихъ націй. Тѣмъ не менѣе, для насъ было нѣкоторымъ сюрпризомъ, когда на утро мы увидѣли, что здѣсь стоятъ цѣлая эскадры военныхъ судовъ: пять англійскихъ, четыре германскія, три французскія, два американскія и одно испанское,—словно всѣ онѣ собрались нарочно, въ ожиданіи нашего прибытія, посмотреть что изъ этого выйдетъ¹⁾. Тутъ же находился и нашъ русскій стационеръ, канонерская лодка «Нерпа», а ближе къ берегу—китайская канонерка «Тай-Ань» и цѣлая флотилія военныхъ джонокъ.

Начался громъ салютовъ. Сначала мы привѣтствовали своими пушками англійскаго вице-адмирала Кута, такъ какъ, на основаніи международныхъ морскихъ обычаевъ, изъ двухъ адмираловъ равнаго чина первымъ салютуетъ тотъ, кто пришелъ въ портъ позднѣе; потомъ Кутъ насъ, потомъ опять мы, но на сей разъ уже не его собственно, а англійскій флагъ; потомъ Кутъ отсалютовалъ нашему флагу; потомъ мы германскому, германскій нашему, мы французскому, французскій нашему и т. д. А командиръ китайской канонерки «Тай-Ань» (онъ же начальникъ и здѣшней флотиліи военныхъ джонокъ), когда его спросили съ нашей стороны будетъ ли онъ отвѣчать въ случаѣ нашего салюта китайской націи, самъ поспѣшилъ поднять у себя русскій военный флагъ и первый отсалютовалъ ему двадцать однимъ выстрѣломъ, вмѣсто пятнадцати, и мы ему тоже двадцать однимъ отвѣтили. Ужасно много сожгли пороху...

¹⁾ Въ составѣ англійской эскадры: яхта *Виджилентъ* (Vigilent), подъ флагомъ вице-адмирала Кута (Coote), корветы: *Модестъ* (Modest) и *Энкаунтеръ* (Encounter), шлюпы *Альбатросъ* (Albatros) и канонерская лодка *Лили* (Lily). Въ составѣ германской эскадры: корветъ *Винета* (Vineta), командиръ Цирцовъ (Zigow), который вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ отряда; корветъ *Фрейя* (Freya) и канонерскія лодки *Циклонъ* и *Польвъ*. Французская эскадра изъ двухъ корветовъ: *Тенисъ*, подъ флагомъ контръ-адмирала Дюперре (Duperré) и *Querquelen* и одно авизо. Американская эскадра изъ двухъ судовъ: колесный пароходъ *Ашелотъ* и канонерская лодка *Алертъ*. Испанскій корветъ *Донья Марія де-Молина*.

С. С. Лесовскій сдѣлалъ визитъ вице-адмиралу Куту. Что же до французскаго адмирала Дюперре, то оказалось что онъ въ отсутствіи, въ Пекинѣ. Затѣмъ представители прочихъ эскадръ и судовъ явились съ визитами къ Степану Степановичу, причемъ начальникъ германскаго отряда, бравый, высокій штабъ-офицеръ, поразилъ насъ своею чисто-сухопутною фронтовою выправкой, какой въ моряхъ другихъ націй мы не встрѣчаемъ. На эти визиты отвѣчалъ А. П. Новосильскій, какъ флагъ-капитанъ русской эскадры. Словомъ, во взаимныхъ любезностяхъ не было недостатка, и заняли онѣ довольно долгое время.

Но за то вовсе ужъ не любезны въ отношеніи насъ оказались мѣстные компрадоры. На англійскія суда они доставили и свѣжую провизію, и прѣсную воду, а къ намъ даже и не подумали заглянуть, хотя бы изъ коммерческаго любопытства, не нужно ли молъ чего. А ужъ какъ у насъ-то нуждались на сегодня въ свѣжихъ припасахъ и какъ ждали этихъ компрадоровъ!.. Нечего дѣлать, пришлось спустить «четверку» и самимъ ѣхать къ нимъ на берегъ. Если гора не хочетъ идти къ Магомету, то Магометъ самъ пойдетъ къ горѣ. Пользуясь случаемъ, чтобы взглянуть вблизи на китайскій городъ, я съ М. А. Поджіо, что называется «примазались» къ нашему штабному «содержателю» Н. П. Росселю и вмѣстѣ съ нимъ и мичманомъ Поплавскимъ спустились въ утлую четверку.

Отъ мѣста нашей стоянки до берега было мили четыре, такъ что гребти напимъ матросикамъ пришлось около двухъ часовъ, время болѣе чѣмъ достаточное, чтобы присмотрѣться къ окрестной мѣстности.

Чифускій рейдъ очень обширенъ, и моряки съ нашего стаціонера даже хвалятъ здѣшнюю стоянку, которая, благодаря отличному илисто-песчаному грунту морского дна, совершенно безопасна; но, по ихъ же отзыву, при восточныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ (отъ О черезъ N и до NW), на рейдѣ разводится весьма безпокойная зыбь, направление коей часто не соотвѣтствуетъ направленію дующаго вѣтра, и въ такихъ случаяхъ военнымъ судамъ приходится переходить подъ прикрытіе мыса Чифу или на S.W. отъ острова Кунгъ-Кунга. Въ особенности неприятны сѣверные вѣтры, когда сообщеніе съ берегомъ почти прекращается, вслѣдствіе чего погрузка на суда каменнаго угля и наливка водой становятся невозможными, да и доставка свѣстныхъ припасовъ дѣлается сомнительною, такъ какъ на обратномъ пути отъ судовъ приставаніе къ берегу въ совершенно открытой шлюпочной пристани очень опасно. Навигация не прекращается здѣсь круглый годъ, хотя въ январѣ и февралѣ на отмеляхъ стоятъ сплошной ледъ, а по рейду плаваютъ свободныя льдины. Рейдъ

хорошо распознаваемъ и въ ночное время, благодаря маяку, устроенному на возвышенномъ (въ 200 футовъ) пунктѣ Кунгъ-Кунга. Этотъ небольшой островокъ виднѣется вправо отъ насъ вмѣстѣ съ цѣлою грядою другихъ меньшихъ островковъ или вѣрнѣе, надводныхъ камней, торчащихъ на отмеляхъ. Они совершенно голы и безжизненны, а по внѣшней формѣ наши сибирскіе моряки очень характерно называютъ ихъ «коврижками». Влѣво отъ насъ тянется небольшая цѣпь материковыхъ возвышенностей, изъ коихъ самая большая не превышаетъ 1.330 футовъ, но горы эти также совершенно голы, какъ и гряда Кунгъ-Кунга. Впереди на общемъ фонѣ берега, нѣсколько выдѣляется темный скалистый горбъ Чифускаго мыса, гдѣ бѣлѣютъ какія-то строенія. Зелени нигдѣ не замѣтно, и въ цѣломъ картина эта съ рейда производитъ довольно безотрадное впечатлѣніе.

На полупути встрѣтили мы легкую гичку подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ, съ четырьмя гребцами-китайцами. Господинъ въ европейскомъ костюмѣ, сидѣвшій на рулѣ, привѣтствовалъ насъ поклономъ и, отрекомендовавшись, спросилъ: кто пришелъ на русскомъ суднѣ. Ему отвѣтили, что адмиралъ Лесовскій, и лодка наши разминулись. То былъ русскій купецъ А. Д. Старцевъ, обыкновенно проводящій лѣтніе мѣсяцы въ Чифу, гдѣ у него есть участокъ земли и прекрасный домъ, построенный въ лучшемъ мѣстѣ города.

Солнце было скрыто за легкою бѣлесоватою дымкой, которая ровно и сплошь затянула все небо до краевъ горизонта, такъ что окружающіе предметы кидали отъ себя лишь самую слабую, почти незамѣтную тѣнь; но, не смотря на это, зной чувствовался весьма сильно, а бѣлесоватая дымка, обладавшая какою-то особенною серебристостью, отражалась на совершенно гладкой поверхности водъ сплошнымъ серебрянымъ отсвѣтомъ, который сильно раздражалъ намъ глазные нервы. Въ этомъ ровномъ безъ малѣйшей зыби, металлически бѣломъ и какъ бы тускловатомъ блескѣ было что-то неприятное, гнетущее. Позднѣе мы узнали, что такое состояніе атмосферы и зависящій отъ него отсвѣтъ воды нерѣдко вліяютъ очень болѣзненно, въ особенности на новичка, не принимающаго свсвременно должныхъ предосторожностей. Я испыталъ на самомъ себѣ это странное дѣйствіе невидимаго солнца, и случилось это вотъ какимъ образомъ:

Плыли мы въ нашей четверкѣ и, отъ нечего дѣлать, разбирали по національнымъ флагамъ какія суда разбросанно стоятъ тамъ и самъ по рейду, какъ вдругъ замѣчаю я, что мои глаза теряютъ способность различать цвѣта предметовъ, которые всѣ стали казаться мнѣ какими-то сѣровато-темными, какъ на фото-

графин; а затѣмъ и самые эти предметы начинали какъ-то тускнѣть, двоиться, путаться и сливаться между собою, а въ глазахъ у меня заряблили зигзаги и дуги изъ мелкихъ серебряныхъ зубчиковъ съ черною каемкой. Никогда еще не испытывавъ подобнаго явленія, я закрылъ вѣки чтобы дать отдохнуть глазамъ, но это помогло весьма мало. Предметы хотя и перестали сливаться, но красокъ ихъ все-таки различить я не могъ, какъ ни старался. Между тѣмъ, четверка наша подошла къ сѣверо-западной оконечности Чифускаго мыса и тамъ пристала къ совершенно открытой съ моря пристани, оставя вправо отъ себя цѣлый пловучій городъ китайскихъ санпанговъ и джонковъ изукрашенныхъ пестрыми флагами. Между послѣдними развѣвалось нѣсколько красныхъ штандартовъ на военныхъ джонкахъ, какъ ихъ отличительный признакъ. На берегу первымъ дѣломъ надо было отыскать какого-нибудь компрадора. Въ числѣ нѣсколькихъ попавшихся навстрѣчу намъ китайцевъ, одинъ оказался маракующимъ кое-что по-англійски. Онъ понялъ обращенный къ нему вопросъ и указалъ намъ на магазинъ, принадлежащій нѣмецкому торговому дому Зитасъ и К°. Въ Чифу существуютъ три shipshandler'a, но этотъ считается лучшимъ, такъ какъ у него можно получить почти все, что нужно для снабженія судовъ, и прикащики его, имѣя отличныя шлюпки, выѣзжаютъ къ судамъ почти во всякую погоду. Представитель фирмы оказался нѣмцемъ, и притомъ очень любезнымъ нѣмцемъ. Онъ принялъ насъ въ своей конторѣ, рядомъ съ магазиномъ, и, по обычаю европейцевъ крайняго Востока, немедленно предложилъ манильскихъ сигаръ и выставилъ цѣлую батарею «прохладительныхъ», между которыми, рядомъ съ содовою водою, фигурировали разные бальзамы, ликеры, эссенции, коньякъ, вина и пиво. Пока Россель занимался реестровкой необходимыхъ ему хозяйственныхъ припасовъ, мы пошли осматривать компрадорскій магазинъ, вполне достойный того, чтобы дать о немъ читателю хотя приблизительное понятие. Четыре обширныя залы, защищенные отъ солнца большими жалюзи, вслѣдствіе чего въ нихъ всегда господствуетъ полусумракъ, были наполнены длинными столами и рядами полныхъ восходившихъ до потолка, гдѣ находились всевозможные предметы морского обихода: парусина, пенька, канаты, веревки и бичева, мазильныя кисти и краски, гуттаперчевыя рукава, помпы, анкерки, блоки, фонари и компасы, термометры и барометры, морскіе бинокли и трубы, механическіе лаги, астролябии и астрономическіе инструменты, меркаторскіе и мореходныя карты, хронометры и песочныя часы, койки, подушки и байковые одѣяла, жестянки со всевозможными консервами, бочки спирта, рома, вина, смолы и масла,

ящики сигаръ и галетъ, голландскіе и швейцарскіе сыры, копченныя колбасы, окорока и многое множество иныхъ предметовъ и продуктовъ, которыхъ не то что перечестъ, но и разглядѣть-то сразу невозможно. Только замѣчаю я, что въ разговорѣ языкъ мой начинаетъ какъ-то заплетаться и путать слова, вставляя окончаніе одного въ начало другого и наоборотъ, въ родѣ того, какъ одинъ изъ моихъ пріятелей говорилъ нѣкогда «*палкиръ трактина*» вмѣсто «трактиръ Палкина» и «*семинарія воспитанскаго*» вмѣсто «воспитанія семинарскаго». Замѣтивъ въ себѣ такую странность и видя, что она является у меня какъ-то механически, совсѣмъ помимо собственной воли, я желаю, конечно, скорѣе поправиться, произнести слово какъ слѣдуетъ, но это дается мнѣ лишь съ нѣкоторымъ усиленіемъ, словно приходится впервые произносить какое-нибудь многосложное слово на совершенно незнакомомъ языкѣ. Но вслѣдъ за этимъ—еще того чуднѣе!—нѣкоторые слова начинаю я вовсе забывать. Положимъ, нѣтъ еще ничего мудренаго, если было тутъ позабыто мною не русское по происхожденію и довольно рѣдко употребляемое слово *гамакъ*; но какъ забыть вдругъ такіа совершенно русскія слова, какъ *застракъ*, *черный*, *длинный*, *полка* или *потникъ*?... Хотя представленія обо всѣхъ этихъ предметахъ и понятіяхъ въ мозгу моемъ стояли совершенно ясно, но я забылъ какъ они называются; изъ моей памяти вдругъ совершенно выскользнули звуки и слоги, изъ коихъ эти слова составляются. Это обстоятельство крайне меня озадачило и даже нѣсколько обеспокоило, такъ какъ случилось оно со мною лишь въ первый разъ въ жизни. Въ ожиданіи когда Россель кончитъ съ компрадоромъ расчеты, я присѣлъ къ столу и здѣсь чрезъ нѣсколько минутъ почувствовалъ сильнѣйшую нервную боль надъ бровями, которая вскорѣ затѣмъ распространилась на всю лѣвую половину головы. Мигрень эта продолжалась часа три, пока стаканъ чая, предложенный мнѣ А. Д. Старцевымъ, не освѣжилъ моихъ нервовъ. Инженеръ-механикъ Ватсонъ, съ которымъ я познакомился въ домѣ г. Старцева, объяснилъ мнѣ, что подобнаго рода болѣзненные явленія здѣсь весьма часты и находятся въ прямой зависимости отъ такихъ дней, какъ нынѣшній, и именно отъ этого тускло серебрянаго отвѣта воды, раздражающаго глазные нервы болѣе, чѣмъ когда въ ней сверкаетъ отраженіе самаго яркаго солнца, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ блескъ водной глади нестерпимъ для непривычнаго глаза и вы поневолѣ избѣгаете смотрѣть на нее. Но при такомъ предательскомъ отвѣтѣ, какъ сегодня, вы сначала можете довольно долго смотрѣть на поверхность моря совершенно спокойно и доверчиво, не подозрѣвая въ ея серебристости

никакой опасности для ваших нервовъ, антъ тутъ-то она и подкрадывается незамѣтно и затѣмъ вдругъ обнаруживаетъ свое начало тѣмъ, что ваши глаза теряетъ способность различать краски. Къ причинамъ этого явленія присоединяется еще и то важное условіе, что всѣ окрестные берега совершенно голы и поэтому глазъ ни на минуту не можетъ отдохнуть на зелени какой-либо растительности, имѣющей свойство вообще смягчать слишкомъ рѣзкія или разнообразить черезчуръ монотонныя краски пейзажа. Такимъ образомъ солнце здѣсь гораздо опаснѣе, когда верхніе слои атмосферы заволокнуты легкою дымкой серебристаго тумана, тѣмъ при совершенно ясномъ, безоблачномъ небѣ. Раздраженіе глазныхъ нервовъ, производя мигренную боль въ надглазной полости, а затѣмъ и во всей головѣ, подготовляетъ организмъ къ легчайшему воспріятію солнечнаго удара, такъ какъ внѣшняя температура при такомъ состояніи атмосферы обыкновенно нисколько не умѣряется: теряется только жгучесть солнечныхъ лучей, но жаркая, чисто банная духота становится гораздо сильнѣе. Поэтому здѣсь необходимо всегда имѣть при себѣ синіе или дымчатые очки, чтобы пользоваться ими, въ особенности во время серебристыхъ тумановъ.

Отъ компрадора отправились мы въ гостиницу, содержащую какимъ-то нѣмецкимъ семействомъ. Товарищи мои сѣли за общій столъ позавтракать въ обществѣ двухъ не старыхъ еще хозяекъ отеля, которыя подсѣли къ нимъ сами, безо всякихъ приглашеній, сочтя почему-то своею обязанностью угощать и занимать ихъ разговорами. Я же, мучимый своею мигренью, остался въ бильярдной и только-что прикурнулъ было въ уголъ плетенаго дивана, съ намѣреніемъ заснуть хоть на полчаса, какъ вдругъ откуда ни возмись четыре нѣмецкія дѣвочки, отъ трехъ до шести лѣтъ, надъ самымъ моимъ ухомъ подыали такой усердный и пронзительный визгъ, изображая всѣ въ разъ какъ свиститъ пароходъ, что я давай Богъ ноги!.. Но не тутъ-то было: маленькія мучительницы пустились за мною, преслѣдуя меня своимъ подражаніемъ пароходному свистку. Такъ и не дали покою, пока не кончился завтракъ, послѣ котораго мы поспѣшили оставить гостиницу, чтобы осмотрѣть городъ.

Европейская здѣшняя колонія расположена на небольшомъ возвышенномъ полуостровѣ, который, подобно полуострову египетской Александрии, имѣетъ форму буквы Т, образуя двѣ отдѣльныя полукруглыя бухты, восточную и западную. Корымсело этого Т представляетъ собою возвышенный каменистый бугоръ, постепенно понижающійся къ перешейку полуострова, который переходитъ наконецъ въ низменность и сливается съ материковымъ берегомъ, замыкаемымъ, отступая въ глубь страны

версты на три, крижистою цѣпью голыхъ возвышенностей.

Въ центрѣ чифуской *темы* (Т), между перешейкомъ и корымсело, возвышается почти круглый холмъ, называемый китайцами Янъ-тау (гора иностранцевъ) или, по мѣстному произношенію, Янтай; англичане же окрестили его въ Tower-point. На темени и склонахъ этого холма, равно какъ и при его подошвѣ, разбросаны безъ особеннаго порядка и правильности дома европейцевъ, таможня съ ея пакгаузами, полицейско-судебное управленіе и пять европейскихъ консульствъ, которые легко распознать по ихъ національнымъ флагамъ, развѣвающимся на высокихъ мачтовидныхъ флагштокахъ. Но русскаго флага между ними не имѣется по той простой причинѣ, что не имѣется и самаго консульства, а коммерческія суда наши, въ случаѣ какихъ-либо надобностей, обращаются за содѣйствіемъ приватныхъ образомъ къ любезности германскаго консула. На самой вершинѣ Янтая бѣлѣетъ, въ формѣ усѣченной пирамиды, четырехугольная башня съ зубчатыми бойницами китайской постройки, увѣнчанная особою вышкой въ видѣ легкаго кіоска. Но назначеніе ея самое мирное: возвѣщать жителямъ о судахъ, приходящихъ съ моря, для чего при ней и устроена сигнальная станція съ высокою мачтой, служащею семафорнымъ телеграфомъ. Нѣсколько плохенькихъ гостиницъ и тавернъ тянутся по западному берегу перешейка, къ югу отъ Янтая. Содержать ихъ отчасти европейцы, отчасти китайцы, но для европейскихъ, а не своихъ кліентовъ, а больше всего—жидки вездѣшніе, безъ которыхъ кабачный «гайдель» и ростовщицы «Leich-Casse» и здѣсь не обходятся.

Юго-западный уголъ перешейка занятъ китайскою таможней, и набережная съ этой стороны прекрасно выложена дикимъ камнемъ. Здѣсь у пристани всегда качается достаточное количество китайскихъ сампанговъ, на которыхъ единственно производится сообщеніе берега съ судами, стоящими на рейдѣ. Таможня, по обыкновенію, находится подъ управленіемъ англійскаго чиновника изъ сателитовъ сэръ-Роберта Гарта, а китайскій мандаринъ-контролеръ существуетъ только pro forma, болѣе для поддержанія правительственнаго «престижа» въ глазахъ китайской черни, чѣмъ для существеннаго участія въ таможенной службѣ. Зданія таможни построены въ европейско-колониальномъ характерѣ, но съ китайскими сѣро-черепичными кровлями. Для пушекъ внушительности и якобы ради отпугивки пиратамъ, главные ворота этихъ зданій и флагштокъ оберегаются снаружи тремя старинными чугунными пушками на морскихъ станкахъ, поставленныхъ прямо на землю; на одномъ изъ нихъ развалился китайскій стражъ и мирно дремлетъ себѣ, отставивъ въ сторону свой

«страшный» ножъ, насаженный на длинное древко. Главными предметами контрабанды здѣсь, какъ и вообще въ китайскихъ портахъ, являются: соль, составляющая государственную монополию, и опій, «неправильное» распространение коего (то-есть не чрезъ англійскія руки) идетъ въ ущербъ англійскимъ торговымъ интересамъ. Поэтому сэръ-Робертъ Гартъ, въ лицѣ своихъ агентовъ, щедро оплачиваемыхъ китайскимъ правительствомъ, какъ увыряютъ, въ особенности зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто, помимо его соотечественниковъ не покушался на ихъ священное договорное право отравлять китайцевъ.

На западномъ же берегу устроена большая каменная цистерна, наполняемая изъ естественныхъ источниковъ прѣсною водою, право на которую, какъ слышно принадлежитъ одному изъ судовыхъ поставщиковъ; онъ снабжаетъ ею за извѣстную плату мѣстныхъ жителей, а главное, суда, стоящія на рейдѣ, доставляя воду на послѣднія, по востребованію, въ особыхъ водоналивныхъ бакахъ съ помпами, по одному доллару за тонну. Тутъ-же неподалеку находятся и каменно-угольные склады; но уголь въ нихъ исключительно привозной, по преимуществу токасимскій, изъ Японіи. Не рѣдко впрочемъ привозится и австралійскій, даже англійскій; но всѣ эти сорта, за исключеніемъ Кардифа, значительно уступаютъ по своимъ качествамъ нашему сидемійскому углю¹⁾, который могъ бы не только конкурировать съ ними, но даже вытѣснить ихъ съ рынка, еслибы мы надумались наконецъ приступить къ серьезной его разработкѣ. Такого мнѣнія нашихъ моряковъ, изслѣдовавшихъ качества сидемійскаго угля, не уступающаго Кардифу.

Съ восточной стороны перешейка тянется отменный песчаный бережокъ, частью загороженный тростниковыми цыновками. Здѣсь—мѣсто морскихъ купаній, для чего имѣются даже двѣ-три будочки на колесахъ. Тутъ же на берегу находятся клубъ и двѣ гостиницы въ двухъ-этажныхъ каменныхъ домахъ колониальнаго типа, который вездѣ одинъ и тотъ же, такъ что давно уже успѣлъ намозолить намъ глаза своею скучною казенщиной. Третья гостиница, точно такого же типа, выстроена отдѣльно, версты на полторы отъ перешейка, если идти вдоль берега. Стоитъ она одиноко, на прибрежномъ пустырьѣ и существуетъ почти исключительно въ качествѣ пансіона для больныхъ, пріѣзжающихъ сюда изъ болѣе южныхъ приморскихъ мѣстъ, даже изъ внутреннихъ губерній, пользоваться морскимъ воздухомъ и купаньями. Здѣшній климатъ, по отзыву европейцевъ, гораздо умѣреннѣе и здо-

ровнѣе, чѣмъ въ другихъ приморскихъ мѣстностяхъ, не говоря уже о континентальныхъ. Хороши же тѣ, должно-быть, если это называется умѣреннымъ...

Хотя европейское населеніе Чифу не велико, но въ его участкѣ уже существуютъ двѣ церкви, англиканская и католическая (послѣдняя еще не достроена). Кроме того, есть и католическій монастырь, построенный за городомъ, на возгоры, гдѣ живутъ французскіе миссіонеры. У нихъ, говорятъ, есть тамъ и школа, и больница, и ремесленные мастерскія, и кабинеты для естественно-научныхъ и метеорологическихъ наблюденій, по примѣру Цикавейской станціи, и наконецъ хорошій садъ, изъ котораго открывается широкій видъ на весь городъ и рейдъ. Но мы, за дальностью разстоянія, не успѣли побывать тамъ, а видѣли издали только его бѣлую четырехугольную башню, въ родѣ каедральной гонконгской, безъ шпица, но съ четырьмя наугольными башенками-фонариками.

Дома европейцевъ вообще довольно порядочны и для лѣтней жизни устроены съ полнымъ комфортомъ. Всѣ они, конечно, въ неизбѣжномъ англо-колониальномъ стилѣ, какъ наиболѣе соответствующемъ условіямъ жаркаго климата; большіе дворы ихъ всегда обнесены сплошными, невысокими бетонowymi стѣнками; кое-гдѣ есть и растительность, пока еще довольно жидкая, молодая, но иные садики уже начинаютъ разрастаться. Лучшій изъ чифу-скихъ частновладѣльческихъ домовъ, совмѣстившій англо-колониальный характеръ съ чисто русскими приспособленіями, въ родѣ зимнихъ рамъ, печей и т. п., принадлежитъ нашему соотечественнику А. Д. Старцеву, и эти послѣднія приспособленія дѣлаютъ его удобообитаемымъ круглый годъ.

По юго-западную сторону отъ перешейка растнулся Китайскій городъ, который, впрочемъ, не признается за таковой его природными жителями, по той причинѣ, что не обнесенъ каменною стѣной. Да и дѣйствительно, Чифу ни съ китайской, ни съ европейской точки зрѣнія не заслуживаетъ пока названія города, въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ какъ колонія на Янтаѣ находится еще въ періодѣ созиданія: между отдѣльно разбросанными дворами и строеніями тамъ остается еще не мало пустырей, ожидающихъ себя новыхъ владѣльцевъ и домостроителей. Чтѣ же до собственно китайской части Чифу, то это просто большое прибрежное селеніе, перерѣзанное вдоль и поперекъ нѣсколькими длинными, узкими улицами и кривыми переулками, вѣчно грязными и вонючими, благодаря множеству гниющихъ лужъ и кухонныхъ отбросковъ, выкидываемыхъ хозяевами прямо на улицу, предъдверья своихъ обиталищъ. Дома здѣсь все узкіе, одноэтажные, съ двускатными сѣро-черепичными кровлями, часто не въ мѣру длинные, и строены они почти исклю-

¹⁾ Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, въ Славянской бухтѣ.

чительно из сѣраго обожженаго кирпича. Но тщетно было бы искать въ нихъ то, что извѣстно подъ именемъ китайскаго стиля; всё они напоминаютъ скорѣ складочные сараи, чѣмъ жилые дома, и каждый такой домъ непременно вмѣщаетъ въ себя какое-нибудь промышленное либо торговое заведеніе, но все это въ крайне убогомъ или примитивномъ видѣ: въ одномъ продаютъ какой-то жиръ, въ другомъ лукъ и чеснокъ, въ третьемъ веревки, въ четвертомъ рисъ, въ пятомъ самую грубую гончарную посуду; но въ цѣломъ городѣ не замѣтилъ я ни одной мало-мальски порядочной лавки, такъ что если Чифу и представляетъ какія-либо особенности китайской торговли, то онѣ, судя по тому, что мы видимъ, заключаются въ самыхъ грубыхъ или мало обработанныхъ произведеніяхъ, идущихъ на потребу сельскаго и бѣднаго рабочаго люда.

Присутственные китайскія мѣста находятся позади таможни, въ ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ и отличаются тѣмъ, что во дворѣ ихъ торчатъ двѣ высокія деревянныя колонны или мачты, въ родѣ тѣхъ, что воздвигаются у насъ при торжественныхъ иллюминаціяхъ для декоративныхъ штандартовъ и флаговъ. Въ часы засѣданій, на обѣихъ этихъ мачтахъ вывѣшиваются длинныя бѣлые штандарты съ какими-то крупными черными надписями. Входъ во дворъ присутственныхъ мѣстъ охраняется карауломъ, то-есть, вѣрнѣе сказать, пиками и алебардами, приставленными къ наружной сторонѣ забора, такъ какъ сами караульщики гдѣ-то отсутствуютъ (мы нашли ихъ потомъ въ сторонкѣ, подъ навѣсомъ, за какою-то стряпней и игрой въ кости); но главную охрану этого входа составляетъ широкій досчатый экранъ, поставленный противъ него по ту сторону. Украшенный какими-то надписями и живописными изображеніями человѣческихъ фигуръ, онъ заслоняетъ собою проходъ изъ воротъ въ присутственную залу, такъ что прямымъ путемъ въ нее никакъ не попадешь. Но это отнюдь не надо понимать въ смыслѣ иносказательнаго напоминанія просителямъ о тѣхъ путяхъ, какими должны они слѣдовать, чтобы добиться здѣсь успѣха въ своихъ дѣлахъ и просьбахъ, — экранъ служить только средствомъ для отвращенія злыхъ духовъ, которые, какъ я говорилъ уже раньше, могутъ проникать куда-либо только по прямому направленію, а предъ заворотами и зигзагами отступаютъ. Въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, какъ и въ Шанхаѣ, происходитъ устный и скорый судъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, причемъ во дворѣ же бываетъ и немедленная вслѣдъ за рѣшеніемъ расправа. Здѣсь же обсуждаются муниципальныя и инныя дѣла по мѣстной администраціи.

При насъ четверо носильщиковъ принесли сюда въ синемъ паланкинѣ мандарина среднихъ

лѣтъ, одѣтаго въ синюю же курму, съ синимъ матовымъ шарикомъ на головномъ уборѣ. Предъ нимъ несли красный распушенный зонтикъ съ фолброй, а позади ѣхали верхомъ на клячахъ два офицера въ соломенныхъ шляпахъ, покрытыхъ жидкимъ султаномъ изъ краснаго конскаго волоса, и шли два палача съ длинными бамбуковыми планками, — необходимый атрибутъ чиновничьей власти. Синій цвѣтъ паланкина и принадлежности наряда, какъ намъ объяснили въ послѣдствіи, есть законченная форменная принадлежность чиновниковъ въ рангѣ «чжи-фу», то-есть 2-й степени 4-го класса.¹⁾

Встрѣченный нами чжи-фу состоитъ здѣсь исправляющимъ должность солянаго пристава и, въ то же время, председателя уголовной и казенной палаты, хотя первая изъ этихъ должностей выше его собственнаго ранга на двѣ, а послѣдняя даже на три степени. Исправляя эти должности, онъ не пользуется только нѣкоторыми вышними ихъ отличіями, — напримеръ, не можетъ носить на спинѣ своей парадной курмы вышитаго золотомъ павлина, но три выстрѣла изъ пушки при въѣздѣ въ свой домъ ему полагаются. Здѣсь, на мѣстѣ, онъ является высшимъ представителемъ правительственной власти и, въ качествѣ такового, обязанъ между прочимъ въ день рожденія богдыхана облекаться въ полное парадное одѣяніе и принимать поздравленія отъ иностранныхъ консуловъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, а въ случаѣ смерти богдыхана, исполнять «печальныя церемонія», одѣться въ бѣлое (траурное) платье, не брить бороды и всенародно громко вздыхать, стонать и плакать «какъ о своемъ собственномъ отцѣ», доколѣ не получитъ приказъ о прекращеніи плача. Послѣдняя обязанность, говорятъ, не изъ легкихъ, ибо какой запасъ слезъ надо имѣть, если исполнять ее добросовѣстно въ теченіе довольно долгаго періода времени. Говорятъ, что по смерти послѣдняго богдыхана даже всѣ текущіе дѣла въ Чифу остановились по причинѣ слезъ этого чиновника. Бывало, придетъ къ нему по дѣлу кто изъ консуловъ: — «Можно видѣть майдарина?»

— Нельзя, мандаринъ плачетъ.

— Какъ здоровы мандарина? — спрашиваютъ европейцы при встрѣчѣ кого-либо изъ чиновниковъ.

— Ахъ, онъ плачетъ... плачетъ мандаринъ нашъ, плачетъ...

— Что подѣлываетъ мандаринъ? Чѣмъ занятъ?

¹⁾ Въ Китаѣ есть своего рода табель о рангахъ, какъ для военныхъ, такъ и для гражданскихъ чиновъ. Она раздѣляется на девять классовъ, а каждый классъ подраздѣляется еще на двѣ степени, 1-ю и 2-ю. Не только каждому классу, но и каждой степени присвоены особыя форменныя отличія и особый церемониаль, до количества лицъ свиты и цвѣта паланкина включительно.

— Плачешь.

— А что мандаринъ вапъ? Все плачешь?

— Плачешь...

И это неизмѣнное «плачешь» долго еще служило единственнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы о мандаринѣ.

Заглянули мы между прочимъ и въ двѣ буддйскія моельни, находящіяся одна насупротивъ другой, по одной и той же улицѣ. Первая изъ нихъ, по лѣвую руку, устроена въ видѣ эстрады совершенно въ томъ же родѣ, какъ открытыя театральныя сцены нашихъ лѣтнихъ кафе-штановъ. На площадкѣ предъ нею стояла толпа зрителей, часть конхъ помѣщалась и на храмовой баллюстрадѣ, спустившись голыя ноги. Одни изъ этой толпы глядѣли на фокусы какого-то бродячаго жонглера, другіе принимали азартное участіе въ игрѣ въ кости, — что-то въ родѣ нашей орлянки. Нельзя сказать, чтобы вся эта публика выказывала какое-либо уваженіе къ своей святынѣ, подобно тому, какъ мы видѣли въ Шанхаѣ. Зрители не только сидѣли къ своимъ богамъ задомъ, но даже располагались, какъ кому удобнѣе, и на самомъ престолѣ, чтобы лучше слѣдить оттуда, какъ съ наиболѣе возвышеннаго пункта, за игрой и фокусами. Въ противоположной кумирнѣ было нѣсколько чиннѣе, хотя на дворѣ ея тоже кишѣлъ народъ: тамъ шель какой-то торгъ «въ ручную и поштучно», какъ у насъ на толкучкѣ. Въ обѣихъ моельняхъ, точно такъ же, какъ и въ Шанхаѣ, мы замѣтили нѣсколько моделей китайскихъ мореходныхъ джонокъ, подвѣшенныхъ подъ потолокъ, изъ чего можно заключить, что вѣроятно у китайцевъ это въ такомъ же обычаѣ какъ и у финновъ.

Съ южной стороны городъ окруженъ правильными участками воздѣланной земли, занятой преимущественно подъ конопляники, которые чередуются съ многочисленными огородами, гдѣ разводятся лукъ, чеснокъ, рѣдька, огурцы и тыквы. На грядахъ нерѣдко красуются и пышные махровые подсолнухи, которые вообще очень идутъ къ характеру китайскаго пейзажа. Въ самомъ пѣвѣткѣ этомъ есть что-то китайское.

Побродивъ по городу и видя, что это все одно и то же и что ничего болѣе «достопримѣчательнаго» тутъ не откроемъ, направились мы вдоль по его грязной и вонючей набережной, гдѣ пришлось однако пробираться не безъ труда, то спускаясь въ ямы, то взбираясь на бугры и перепрыгивая съ камня на камень. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ европейскимъ участкомъ китайскіе дома уже смотрятъ уютнѣе и чище. Въ растворенныя двери, продѣланныя въ ихъ заборахъ, видны кое-гдѣ уголки внутреннихъ дворовъ съ садиками и клосками; но къ сожалѣнію, «отженители злыхъ духовъ» — досадные экраны мѣшаютъ разсмотрѣть детали ихъ обстановки, а войти во дворъ

безо всякаго предлога и не зная языка казалось неловкимъ. Тутъ же помѣщаются нѣсколько цирюленъ и съѣстныхъ. У первыхъ, вмѣсто вывѣски, болтается на бамбуковой тростинѣ надъ входомъ распущенная фальшивая коса, а послѣднія и безо всякихъ вывѣсокъ достаточно заявляютъ о себѣ изобильнымъ чадомъ жаренаго кунжутнаго масла. Обыкновенныя ихъ снѣди — рыба и сосиски — жарятся тутъ же на воздухѣ, какъ и на всемъ впрочемъ востокѣ, начиная съ Румыніи.

Наконецъ, вернувшись въ европейскій участокъ, мы поднялись на Янтай и тамъ неожиданно встрѣтились съ А. Д. Старцевымъ, который между тѣмъ успѣлъ возвратиться отъ адмирала съ «Африки». Тотчасъ же, разумѣется, познакомились, и онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы были приняты его семействомъ съ полнымъ радушіемъ. Тамъ же, между прочимъ, познакомились мы съ однимъ англійскимъ инженеръ-технологомъ, г. Ватсономъ, и его сестрой. Оба они родились, выросли и долго жили потомъ въ Москвѣ, превосходно говорятъ по-русски, хорошо знакомы съ нашею литературой и сохранили въ душѣ наилучшія симпатіи къ Россіи и русскимъ, вмѣстѣ съ многими привычками русской жизни въ своемъ обиходѣ. Поэтому домъ и семья Старцевыхъ кажутся имъ милѣе и роднѣе чѣмъ иные чопорные дома ихъ коренныхъ соотечественниковъ.

Домъ А. Д. Старцева стоитъ особнякомъ, на вершинѣ скалистаго сѣверо-восточнаго берега, и съ его веранды открывается прекрасный видъ на весь рейдъ, и на всю юго-восточную часть города съ примыкающею къ нему частью воздѣланной равнины, и на Чифускія горы съ ихъ ущельемъ, которыя замыкаютъ съ юга всю окрестную панораму. Постройка этого дома, вмѣстѣ со стоимостью земли, обошлась хозяину въ 6.500 долларовъ¹⁾. Участокъ принадлежащій нашему соотечественнику довольно обширенъ, и за постройками у него остается еще много свободной земли, которая въ случаѣ надобности могла бы быть уступлена имъ русскимъ коммерческимъ людямъ если бы между ними нашлись охотники здѣсь поселиться. Въ предвидѣніи такой возможности, мѣстнымъ англичанамъ крайне не хочется пускать сюда русскихъ: они опасаются какъ бы съ легкой руки г. Старцева не учредилась тутъ русская колонія, и потому-то эти господа, а въ особенности англійскій консулъ, пускали въ ходъ разныя интриги и ка-

¹⁾ Хотя бы монета здѣсь — мексиканскій долларъ съ изображеніемъ фригійскаго колпака въ сѣяніи; она принимается безо всякаго учета на мелкое серебро, какъ англійское и американское такъ и японское. Другіе же доллары, тоже мексиканскіе, но съ изображеніемъ вѣсовъ, принимаются не иначе, какъ съ учетомъ отъ 5 до 6.

верзы, чтобы только помѣшать покупкѣ; дѣло дошло наконецъ до суда, который и разрѣшилъ процессъ въ пользу г. Старцева. Съ тѣхъ поръ англичане только скалятся на него со злости зубы, но молчатъ и наконецъ начинаютъ успокаиваться, видя что до сихъ поръ никто изъ русскихъ еще не послѣдовалъ его примѣру. Точно такія же каверзы пытались было они дѣлать и нѣмцамъ, но тоже провалились, и съ тѣхъ поръ количество нѣмцевъ прибываетъ здѣсь съ каждымъ годомъ, такъ что они уже начали оказывать англичанамъ замѣтную конкуренцію въ торговлѣ. А. Д. Старцевъ прїѣзжаетъ въ Чифу съ семействомъ только на лѣто, ради климата; остальное же время года, по дѣламъ чайной торговли, онъ долженъ проводить въ Ханькоу и Тяньцзинѣ.

Послѣ чая мы всѣмъ обществомъ сдѣлали маленькую прогулку на вершину Янтай, къ семафорной башнѣ, а оттуда спустились внизъ до морского уровня, къ «Чифускому камню». Исторія этого камня заключается въ томъ, что болѣе ста лѣтъ назадъ ударъ молнии отщепилъ однажды часть береговой скалы, и этотъ массивный отломокъ ея прекурьезно упалъ поперекъ острымъ ребромъ своимъ на такое же ребро другого лежащаго камня, да такъ и остался. Ни вѣчный прибой, ни множество бывшихъ съ тѣхъ поръ сильнѣйшихъ тайфуновъ не могли сдвинуть его съ мѣста, хотя по видимому, точка его опоры сама по себѣ слишкомъ незначительна, даже ничтожна сравнительно съ размѣрами камня и, казалось бы, никакъ не могла дать ему надлежащую устойчивость; между тѣмъ камень стоитъ на ней непоколебимо, въ видѣ стола или неправильнаго конуса съ отлогими боками, поставленнаго вершиной внизъ. Китайцы считаютъ это чудомъ и потому высѣкли на изломѣ скалы и на самомъ камнѣ приличные надписи въ воспоминаніе событія бывшаго причиной чуда. Они нерѣдко являлись сюда чтобы устраивать маленькіе пикники на верхней плоскости курьезно стоящаго камня, а другіе, настроенные болѣе мистическимъ образомъ, избираютъ его мѣстомъ своихъ жертвоприношеній въ честь духа бурь и грома.

Съ площадки семафорной башни открывается широкій видъ на весь горизонтъ. На западномъ берегу бухты находится возвышенность, восточный склонъ которой занятъ четырехстороннимъ укрѣпленіемъ, лежащимъ какъ разъ на параллели Янтай (Tower-point) и рассчитаннымъ на весьма значительное количество орудій, до сихъ поръ однако отсутствующихъ; гарнизонъ же его, предполагаемый въ 1.500 человекъ, состоитъ пока изъ шести солдатъ-сторожей. Крѣпость эта,—по замѣчанію командира нашего стационера, капитанъ-лейтенанта Татаринова,—хотя и вѣрной китайской конструкціи, могла бы однако по своему

положенію дѣйствительно командовать всѣмъ рейдомъ. Въ юго-западномъ углу бухты, подъ самымъ берегомъ и какъ бы подъ фактивнымъ прикрытіемъ этой крѣпости, стоитъ стационаромъ китайская канонерская лодка «Тай-Ань», а за нею, въ двѣ линіи, двѣнадцать парусныхъ военныхъ джонокъ, вооруженныхъ каждая четырьмя гладкостѣнными пушками на четырехколесныхъ станкахъ, преимущественно старыми датскими. Канонерка «Тай-Ань» большую часть года стоитъ неподвижно, и только въ декабрѣ переходитъ на зимовку въ Тяньцзинъ. Команда ей обучается артиллерійскимъ дѣйствіямъ у одного изъ офицеровъ американскаго стационера (пароходъ «Мопасасу»). Въ Чифу и его ближайшихъ окрестностяхъ китайскихъ войскъ не имѣется вовсе, но, по замѣчанію г. Татаринова, на западномъ берегу бухты, въ одномъ изъ сараевъ, подъ присмотромъ двухъ сторожей, хранятся запасы недавно доставленныхъ сюда ружей Ремингтона; были и восемь полевыхъ четырехфунтовыхъ крупновскихъ орудій, сгруженныхъ въ Чифу нѣмцами въ 1879 году, но мѣсяца два тому назадъ ихъ увезли куда-то къ западу, черезъ горы.

Благодаря г. Татаринovu, я имѣю возможность сообщить также нѣсколько небезынтересныхъ свѣдѣній о мѣстныхъ способахъ сообщеній; и о чифуской торговлѣ. Телеграфнаго сообщенія Чифу ни съ какимъ пунктомъ не имѣетъ, но телеграммы могутъ быть посылаемы лѣтомъ съ почтой въ Шанхай, чрезъ консульства, для отправленія по назначенію. Чтò же до почтоваго и пассажерскаго сообщеній, то между Чифу и Шанхаемъ оно поддерживается на пароходахъ круглый годъ и идетъ почти регулярно черезъ день, а съ Тяньцзинемъ только девять мѣсяцевъ, съ первыхъ чиселъ марта до начала декабря. Держать эти линіи пароходы двухъ обществъ: «China Merchant Steam Navigation Company», подъ китайскимъ, и «China Coast Steam Navigation Company», подъ англійскимъ флагами. Первое изъ нихъ, съ основнымъ капиталомъ въ три милліона таэлей, хотя и считается акціонернымъ, но въ сущности почти всецѣло принадлежитъ китайскому правительству и нѣсколькимъ знатнымъ князьямъ; оно владѣетъ двадцатью шестью хорошими пароходами, содержащими сообщеніе по всему берегу, начиная съ Гонконга и до Тяньцзина, а также и по Янъ-Цзы-Кіангу до Ханькоу. Второе же (англійское) общество владѣетъ только двѣнадцатью пароходами. Тѣ и другія отходятъ отъ конечныхъ пунктовъ (то-есть Шанхая и Тяньцзина) безо всякихъ расписаній, по мѣрѣ готовности, и по пути заходятъ въ Чифу, минуя иногда этотъ пунктъ лишь по воскреснымъ днямъ, или когда уже имѣютъ полный грузъ. Обѣ компаніи держатъ на этой линіи обыкновенно по пяти пароходовъ каждыя. Плаваніе

отъ Чифу до Шанхая совершается при нормальныхъ условіяхъ въ 60 часовъ, а отъ Чифу до Тяньцзиня въ 26 часовъ. На тѣхъ и другихъ пароходахъ стоимость первокласнаго билета въ первомъ случаѣ 30 таэлей, а въ послѣднемъ 26 таэлей.

Что до чифуской торговли, то въ нашемъ распоряженіи имѣются цифровыя свѣдѣнія только за 1879 годъ; но такъ какъ вполне достоверно, что за послѣднія десять лѣтъ цифры пріема и отпуски; а равно и количества судовъ, ежегодно заходящихъ на рейдъ, остаются почти безъ измѣненій, то ихъ можно принять за нормальныя и для настоящаго времени, тѣмъ болѣе, что портовые условія Чифу, при отсутствіи телеграфа, желѣзной дороги и прочихъ необходимыхъ сооружений, насколько не измѣнились противъ прежняго времени ни къ лучшему, ни къ худшему.

Въ теченіе 1879 въ Чифу заходило всего 688 судовъ вмѣстимостью и въ 406.872 тонны^{*)}; вывезено товаровъ на сумму 4.456.546 долл. (безъ малаго на 9 милл. руб. кредитныхъ). Изъ всей этой суммы собственно въ чужіе края отправлено на 298.005 долл. (въ томъ числѣ во Владивостокъ на 47.014 долл.), а остальные въ южные порты Китая²⁾.

Ввезено въ тотъ же годъ: опія 4.173 пикюля (т.-е. 5.518,670 англійскихъ фунтовъ) на сумму 3.022.570 долл.; изъ китайскихъ портовъ домашнихъ произведеній на 3.032.265 долл.³⁾ и изъ другихъ странъ на 1.047.481 долл. Итого, ввозъ на сумму 7.102.316 долл. (около 14 милл. кред. рублей). Пошлины за ввозъ, вывозъ и другихъ сборовъ собрано 454.706 долл.

Обративъ вниманіе на приведенныя цифры, не трудно замѣтить, что какъ ввозъ разныхъ товаровъ внутренняго произведенія изъ китайскихъ портовъ, такъ и специально англійскій ввозъ одного только опія держатся почти въ одинаковыхъ цифрахъ—разница всего лишь на 9.695 долл., и на сей разъ она склонилась въ пользу внутреннихъ китайскихъ произведеній, во за то въ другіе годы бываетъ, и даже значительно, въ пользу опія. Изъ этихъ дан-

^{*)} Паровыхъ подъ европейскими флагами 221 (150.000 тоннъ), подъ китайскимъ флагомъ 208 (162.305 тоннъ). Парусныхъ подъ европейскими флагами 258 (94.110 тоннъ), подъ китайскимъ флагомъ 1 (457 тоннъ).

²⁾ Главные предметы *вывоза*:
Ленешки изъ бобовъ на сумму . 1.247.708 долл.
Бобы на сумму 273.622 »
Шелкъ въ коконахъ и другихъ 713.049 »
видахъ 713.049 »
Солома плетеная 863.097 »
Вермишель 614.145 »

³⁾ Главные предметы *возвза* собственно китайскихъ произведеній: бумаги писчая разныхъ сортовъ на 563.675 долл., шелковыхъ издѣлій на 291.575 долл., сахаръ песокъ, рафинадъ и леденецъ на 1.036.970 долл.

ныхъ безошибочно можно признать что опій и всѣ прочіе, балансирующие съ нимъ, предметы внутренняго ввоза стоятъ у мѣстнаго населенія на равной степени потребности, то-есть это значитъ, что если китайскій потребитель расходуетъ на весь свой суточный обиходъ положимъ одинъ долларъ, то другой долларъ въ теченіе тѣхъ же сутокъ онъ прокурируетъ.

Изъ тѣхъ же цифръ видно, что общая сумма ввоза превышаетъ такую же сумму вывоза на 2.645.770 долл. Но если взять во вниманіе, что главная масса чифускаго вывоза (на 4.158.541 долл.) направляется въ свои же китайскіе порты, то-есть относится ко внутренней торговлѣ, а въ чужія страны вывозится всего лишь на 298.005 долл., то окажется, что иностранцы ежегодно эксплуатируютъ Чифу на 3.772.046 долл., и изъ этого счета болѣе трехъ милліоновъ долларовъ падаютъ на одинъ только опій. Отсюда выводъ ясенъ, а именно: Чифу, какъ и всѣ прочіе открытыя для европейской торговли порты Китая, всецѣло находятся въ рукахъ своихъ отравителей, англичанъ, которые какъ морской спрутъ присосались къ Китаю всѣми своими щупальцами, и отравляя вытягиваютъ изъ него всѣ жизненные соки.

Познакомивъ съ А. Д. Старцевымъ, естественно было коснуться въ разговорѣ чайнаго дѣла, коего онъ состоитъ однимъ изъ видныхъ нашихъ коммиссіонеровъ въ Китаѣ. Замѣтивъ, что я очень интересуюсь этимъ дѣломъ, онъ не отказался познакомить меня съ нимъ въ главныхъ чертахъ, а затѣмъ, благодаря его же содѣйствію, я получилъ отъ П. А. Пономарева изъ Ханькоу весьма любопытныя свѣдѣнія о современномъ состояніи нашей чайной торговли съ Китаемъ, съ правомъ воспользоваться ими при случаѣ, почему и предлагаю ихъ теперь вниманію интересующагося читателя.

Русская чайная торговля обосновалась теперь главнѣйшимъ образомъ въ двухъ пунктахъ Китая: въ портѣ Ханькоу и въ Фукао. Въ первомъ изъ нихъ она производится слѣдующими пятью торговыми фирмами: «П. А. Пономаревъ и К^о.», «Токмаковъ, Шевелевъ и К^о.», «Пятковъ, Молчановъ и К^о.», «Черепановъ и Марьянъ» и «А. Л. Родіоновъ и К^о.»

Положеніе русской торговли въ Ханькоу, по сколькою оно касается сбыта нашихъ отечественныхъ произведеній, можно назвать самымъ печальнымъ. Уже нѣсколько лѣтъ сряду на здѣшній рынокъ не поступало ни одного куска русскихъ матерій, а продано еще въ 1878 году было всего только сто «половинокъ» драдедама фабрики Тюллева⁴⁾, поступившаго

⁴⁾ 3.645 аршинъ, по 46 фынтъ за каждый; всего на сумму 1.676 ланъ и 70 фынтъ.

на китайскіе рынки въ 1872 году. Прележавъ шесть лѣтъ на складѣ, товаръ этотъ пошелъ по самой низкой цѣнѣ изъ-за того лишь что-бы не сгнилъ окончательно. Въ 1880 году русской мануфактуры на тьянцзинскомъ складѣ уже не было. Насколько регрессировалъ сбытъ нашихъ шерстяныхъ товаровъ, можно весьма наглядно уяснить себѣ изъ сопоставленія только слѣдующихъ данныхъ:

Въ 1868 продано драдедаму 5.780 полов. на 202.300 ланъ (606.900 р.). Въ 1878 продано драдедаму 100 полов. на 1.677 ланъ (5.031 р.). Въ 1879 продано драдедаму 0 полов. на 0 ланъ.

Точно также и бумажные товары русской мануфактуры уже давно не ввозятся, тогда какъ англійскій и германскій ввозъ все возрастаетъ. Даже морской капусты, добываемой преимущественно у нашихъ же приморскихъ береговъ Уссурийскаго края и Сахалина, и той ввезено сюда—только не нами, а иностранцами — за четыре года (съ 1875 по 1878) почтенное количество въ 364.142 пикюля. Стало быть, экономически, въ торговомъ отношеніи мы вполне являемся данниками Китая. Посмотримъ же какъ идетъ наше чайное дѣло.

Чайный сезонъ обыкновенно открывается въ первой половинѣ мая мѣсяца (по нов. ст.). Въ началѣ сезона 1878 года покупки чаевъ русскими были крайне ограничены: всѣми пятью русскими фирмами въ первый днѣ недѣли было приобретено лишь 16 партій среднихъ, хорошихъ и высокихъ чаевъ; англійскими же фирмами въ это самое время было куплено 217 партій. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ двухъ недѣль русскіе купили 42 партіи, англичане же 584. Причину ограниченности заказовъ, даваемыхъ изъ Россіи на покупку чаевъ къ началу сезона, тьянцзинскіе наши комиссіонеры относятъ къ плохому состоянію нашихъ курсовъ на европейскихъ биржахъ. Русскіе, приобретая здѣсь чай, переводятъ на этотъ предметъ капиталы изъ Россіи большею частью чрезъ лондонскія банкирскія фирмы, такъ какъ русскаго банка въ Китаѣ нѣтъ, что при плохихъ курсахъ на нашъ кредитный рубль, значительно увеличиваетъ стоимость купленнаго для Россіи чая. Въ Лондонѣ хотя и есть отдѣленіе «Русскаго для Внѣшней Торговли Банка» и его кредитивы высылаются иногда въ Китай, но такъ какъ у него нѣтъ здѣсь своего отдѣленія, то и существованіе его не приноситъ пользы для русскихъ заказчиковъ. Вѣроятно по этой же причинѣ, какъ думаютъ здѣшніе русскіе комиссіонеры, дальнѣйшіе приказы изъ Россіи на покупку чаевъ, для отправки въ Кяхту, хотя и были довольно значительны, но касались почти исключительно, дешевыхъ сортовъ и въ особенности черного кирпичнаго чая.

Кромѣ русскихъ, здѣсь покупаютъ чай для Россіи еще и китайцы изъ Сансѣйской губерніи, направляя ихъ исключительно въ Кяхту для мѣнновой торговли. Тьянцзинскій рынокъ въ особенности сталъ привлекать ихъ съ 1877 г., и на слѣдующій же годъ они произвели тамъ свои покупки уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ чѣмъ прежде, когда чай для Кяхты покупались ими почти исключительно на Калганскомъ рынкѣ.

Пятью русскими фирмами куплено и отправлено байхового (краснаго) чаю въ Европу (то-есть чрезъ Лондонъ, Марсель и другіе пункты въ Россію), на Амуръ, въ Тьянцзинъ и Японію:

Въ 1877 году. Мѣстъ 106.928, пикюлей 58.745, русск. фунт. (8.694.344), на 4.378.368 руб. Въ 1878 году. Мѣстъ 96.673, пикюлей 53.703, русск. фунт. (7.948.044), на 3.792.546 руб.

То-есть въ 1878 году противъ 1877 года меньше на 10.255 мѣстъ, на 5.042 пикюля, на 585.822 рубля. Съ каждымъ годомъ эти цифры прогрессивно все понижаются, если сравнить ихъ хотя бы съ цифрами 1873 года, когда было вывезено 79.588 пикюлей, на 2.313.940 ланъ¹⁾.

Но для здѣшнихъ русскихъ комиссіонеровъ остается еще надежда на кирпичные чай, выдѣлкой коихъ они занялись сами весьма энергично. Опытъ 1877 года наглядно убѣдилъ ихъ въ пользу совокупныхъ дружныхъ дѣйствій при покупкѣ матеріала для черного чая. Съ тѣхъ поръ они покупаютъ этотъ матеріалъ чрезъ одно, выбранное изъ своей среды лицо, чѣмъ и достигли значительнаго удешевленія своего фабрикаата. Не устроивъ комиссіонеры этого соглашенія, дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ, такъ какъ спросъ на *хусянъ* (матеріалъ, употребляемый для выдѣлки черного кирпичнаго чая) въ Англію, Америку и Австралію былъ значительно больше чѣмъ въ предыдущіе годы и, кромѣ того, заказы изъ Россіи на этотъ сортъ тоже значительно повысились противъ прошедшихъ лѣтъ. Обѣ эти причины имѣли настолько сильное вліяніе, что несмотря на полное согласіе между русскими комиссіонерами при покупкѣ хусяна, имъ не удалось купить полного его количества; но все же самая трудная задача, то-есть возможно дешевая покупка оного, была исполнена ими съ успѣхомъ. Въ началѣ сезона 1878 года китайцы вдругъ стали назначать за хусянъ очень высокія цѣны: отъ 7½ до 9 ланъ за 100 гиновъ лучшаго сорта. Англичане для Лондона, Америки и Австра-

¹⁾ Ланъ=3 рублямъ, по приблизительному курсу; ланъ съ десятичными подраздѣленіями составляетъ какъ денежную такъ и вѣсовую единицу.

ли сдѣлали за это время массы покупокъ, платя безъ стѣсненія требуемыя китайцами цѣны; русскіе же вынуждены были находить-ся въ выжидательномъ положеніи, такъ какъ покупать по такимъ цѣнамъ хуасянъ было бы крайне неблагоприятно. Цѣны на этотъ матеріалъ стали склоняться въ пользу русскихъ лишь въ іюнѣ мѣсяцѣ и упали къ сентябрю до 4 и даже 3 ланъ за 100 гиновъ, когда дошедшія сюда свѣдѣнія о продажахъ хуасяна на Лондонскомъ рынкѣ оказались крайне печальными для покупавшихъ его здѣсь по такимъ высокимъ цѣнамъ: нѣкоторыя фирмы понесли отъ этой операціи до 25% убытка.

Переходя къ производству кирпичнаго чая на туземныхъ русскихъ фабрикахъ, прежде всего нельзя обойти молчаніемъ то воровство, которое производится на нихъ китайцами и на которое русскіе сильно и много, но бесполезно, жалуются. Тутъ практикуются всевозможные способы воровства: крадутъ все, начиная отъ гвоздя и кончая прессованнымъ чаемъ и чайнымъ листомъ для обыкновеннаго и зеленого чаевъ; послѣдній крадутъ китайски-отборщицы, сохраняя его въ мѣшечкахъ, нарочно вышитыхъ для этой цѣли въ такое мѣсто исподняго платья гдѣ обыскивать ихъ неудобно. Обращаться за помощью къ китайской полиціи бесполезно. Черезъ наше вице-консульство ежегодно передается въ эту полицію съ рукъ на руки множество воровъ съ полчинымъ, но она уже нѣсколько лѣтъ сряду не въ состояніи отъ нихъ добиться, кому обыскать краденое рабочіе и посѣтители фабрикъ и кто потомъ перепродаетъ его въ передѣланномъ видѣ китайцамъ, для мѣстнаго потребленія и для вывоза изъ Ханькоу въ Хонань. Если же полиція, по требованію вице-консульства, и накажетъ вора, то это отнюдь не способствуетъ къ уменьшенію кражъ. Пойманный воръ, напримѣръ, сидитъ въ ставнѣ (деревянный ошейникъ) у фабрики, и въ это же время караульные или городскіе полицейскіе ловятъ на той же фабрикѣ другого. Услѣдить все воровство на нашихъ фабрикахъ, при многолюдствѣ ихъ рабочихъ, чрезвычайно трудно. Со стороны же приказчиковъ-китайцевъ кража идетъ другимъ способомъ, а именно, посредствомъ приписки въ счетахъ на матеріалы, требуемые фабрикой при выдѣлкѣ чаевъ.

Приготовленіе кирпичныхъ чаевъ русскими производится въ Ханькоу и отчасти въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще и по сію пору существуютъ фабрики арендованныя нѣкогда русскими у китайцевъ. Въ Ханькоу, какъ въ главномъ центрѣ этого производства, работаютъ нынѣ у русскихъ шесть заведеній; седьмое же, за недостаткомъ матеріала, занято лишь выдѣлкой ящиковъ и служитъ казармой для рабочихъ. Три фабрики пользуются улучшенною системою распариванія матеріала по-

средствомъ паровыхъ ящиковъ, изобрѣтенныхъ однимъ русскимъ, и двѣ изъ этихъ же трехъ имѣютъ паровыя прессы для приготвленія чая. Вообще на прессованіе чая въ Ханькоу русскіе обратили особенное вниманіе и прилагаютъ стараніе къ улучшенію и удешевленію этого производства. Теперь уже всѣ фирмы имѣютъ въ Ханькоу собственныя фабрики, и только, по старой привычкѣ, нѣкоторыя изъ нихъ продолжаютъ еще арендовать таковыя въ горахъ у китайцевъ.

Стараніе улучшить и удешевить производство кирпичнаго чая выразилось, кромѣ покупокъ сообщая хуасяна, еще и въ примѣненіи къ этому дѣлу паровыхъ машинъ, хотя послѣднія едва ли на много удешевятъ выдѣлку продукта при изобиліи и дешевизнѣ здѣсь рабочихъ рукъ. Выгода развѣ въ томъ, что съ уменьшеніемъ числа рабочихъ, быть-можетъ уменьшатся нѣсколько кражи, да еще въ томъ, что въ сравненіи съ ручными прессами чай прессуется значительно крѣпче, и браку бываетъ менѣе. А что до дешевизны, то достаточно сказать, что плата за ручную прессовку, обертку въ бумагу и укупорку въ ящики бываетъ лишь отъ 25 до 33 копѣекъ съ ящика въ 64 кирпича, на русскія кредитныя деньги.

Съ 1878 года, одинъ изъ русскихъ въ Ханькоу сталъ, между прочимъ, производить опыты прессованія чаевъ новымъ усовершенствованнымъ гидравлическимъ прессомъ, который прессуетъ хуасянъ въ формѣ шоколадныхъ плитокъ. Эти опыты по отношенію къ улучшенію производства дали очень хорошіе результаты: прессованный матеріалъ сохраняетъ всецѣло ароматъ и даетъ чайный настой въ три раза крѣпче, противъ того же самаго матеріала въ непрессованномъ видѣ, что весьма естественно, такъ какъ давленіе прессы на плитку чая въ четверть фунта равняется 3.600 пудамъ. Вслѣдствіе такого громаднаго давленія, раздробляются всѣ ткани чайныхъ листочковъ и раскрываются мельчайшія микроскопическія клѣточки, сохраняющія въ себѣ эфирное масло, фибринъ, бѣлковину, гематинъ и тейнъ, которыя, при обычномъ способѣ настоя, остаются всегда нераскрытыми и теряются въ вываркахъ бесполезно для потребителей. По мнѣнію П. А. Пономарева, плиточный чай, хотя не въ близкомъ будущемъ, положительно замѣнить въ употребленіи низкіе сорта байховатаго чая, такъ какъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу его, какъ экономическаго продукта, служитъ тотъ фактъ, что настой плиточнаго чая даетъ колеръ воды гуще отъ ста до трехсотъ процентовъ въ сравненіи съ бѣловыми чаями. Но, чтобы ввести его въ употребленіе въ Россіи, по его же мнѣнію, потребуется пожалуй не менѣе десяти лѣтъ времени и много энергіи со стороны тѣхъ лицъ, которыя будутъ вводить его.

Чайныя фабрики, заведенныя русскими въ Ханькоу, всѣ построены на земляхъ, купленныхъ у англичанъ и китайцевъ. Сверхъ того, русскіе начинаютъ приобрѣтати въ свою собственность, кромѣ земель, еще и дома, находящіеся въ англійскомъ кварталѣ. На всѣхъ вмѣстѣ русскихъ фабрикахъ въ 1878 году было приготовлено кирпичныхъ чаевъ 77.132 мѣста въсомъ въ 77.996 пикудей (11.531.635 русск. фунт.) на сумму 373.515 лановъ или 1.120.545 рублей. Производство это увеличивается; въ сравненіи съ предшедшимъ годомъ, въ 1878 году приготовлено было болѣе на 19.801 мѣсто, въсомъ въ 20.909 пикудей, на сумму 222.796 рублей. Плиточные чаи нашихъ фирмъ довольно успѣшно направляются во Владивостокъ, Николаевскъ на Амурѣ и въ Петропавловскъ, для Камчатки ¹⁾.

Кромѣ кирпичныхъ чаевъ, въ 1878 году было выдѣлено китайцами въ Хунанѣ на пробу по заказу русскихъ комиссіонеровъ для Средней Азіи, двадцать *полънъ* чая, по 64 гина въ каждомъ ²⁾. Этого рода «полѣнчатый чай» называется здѣсь «цой-ву-чжуанъ», а въ Средней Азіи, «Атбашъ»; ханьковская же таможня дала ему названіе «яо-ца», то есть лѣкарственный чай, вслѣдствіе того, что въ чайный листъ примѣшивается четвертая часть какого-то лѣкарственного матеріала. Были, говорятъ, случаи что приготовленный безъ этой примѣси чай среднеазіятскіе потребители не покупали, находя его невкуснымъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, сбытъ этого продукта въ Средней Азіи довольно значителенъ. Китайцы отправляютъ его ежегодно изъ Ханькоу по рѣкѣ Ханьянъ съ небольшимъ сухопутнымъ волокомъ до Желтой Рѣки, а оттуда до Кукухото, Улясутая и Кобдо выюкомъ, на верблюдахъ. Теперь для русскихъ комиссіонеровъ вопросъ въ томъ, насколько дороже или дешевле будутъ расходы и доставка этого продукта въ Среднюю Азію черезъ Кяхту, хотя взимаемый «лицзинъ» (полупошлина) и пошлина съ полѣнчатого чая обстановлены въ Ханькоу чрезвычайно выгодно, а именно лишь 37½ фынъ ³⁾ со ста гиновъ того и другого до Кяхты. Китайцы же, при провозѣ этого продукта чрезъ упомянутыя мѣстности, по

всей вѣроятности, переплачиваютъ очень много разныхъ поборовъ. Это послѣднее и даетъ надежду на развитіе торговли полѣнчатымъ чаемъ съ нашими новыми подданными и сосѣдями въ Средней Азіи чрезъ посредство русскихъ, а не китайцевъ. Двадцать полѣнъ, въсомъ въ 12,4 пикудей, стояли до Тяньцзиня со всѣми расходами 62 лана 99 фынъ или около 3 ланъ 15 фынъ за полѣно. Есть однако надежда и на дальнѣйшее его удешевленіе при покупкѣ, такъ какъ первый опытъ одѣланъ былъ нашими комиссіонерами чрезъ китайцевъ, а если при большихъ заказахъ послать въ Ханькоу русскаго, тогда стоимость по выдѣлкѣ обойдется еще дешевле.

Что до отправки чаевъ и фрахта, то до сихъ поръ русскіе грузы перевозились изъ Ханькоу англійскою, американскою и китайскою пароходными компаніями, причемъ таовароотправители нерѣдко подвергались необходимости платити довольно высокій фрахтъ, благодаря стачкамъ пароходныхъ компаній, которыя при этомъ поставляютъ еще русскимъ въ непремѣнное условіе не давать постороннимъ пароходамъ въ Тяньцзинѣ никакого груза. До чего доходитъ въ этомъ отношеніи производъ стачнувшихся компаній показывается хотя бы слѣдующій примѣръ: за провозъ изъ Ханькоу въ Тяньцзинѣ одной тонны кирпичнаго чернаго чая, упакованнаго въ 15 ящикахъ, въ 1877 году пароходныя компаніи брали 5 ланъ, а въ 1878 году за такую же тонну, въ 10 ящикахъ, заломили 10 ланъ. Такое положеніе вещей навело представителей здѣшнихъ русскихъ фирмъ на мысль выйти изъ-подъ давленія мѣстныхъ пароходныхъ компаній, учредивъ свое собственное пароходство по китайскимъ водамъ, для перевозки какъ русскихъ, такъ и постороннихъ грузовъ, причемъ предполагается пригласити къ участію въ этомъ пароходномъ обществѣ всѣхъ своихъ доверителей въ качествѣ акціонеровъ. Фактическія цифры, выведенныя въ проектѣ сего пароходства, между прочимъ, указываютъ, что отъ перевозки однихъ только русскихъ грузовъ изъ Ханькоу въ Тяньцзинѣ, не считая китайскихъ и прочихъ, оставался бы дивидендъ, на затраченный капиталъ *до одиннадцати процентовъ въ годъ*, при хорошемъ вознагражденіи всѣхъ служащихъ на пароходахъ и приличномъ содержаніи послѣднихъ.

Дѣйствительно, было бы въ высшей степени желательно осуществленіе русской пароходной компаніи въ китайскихъ водахъ, такъ какъ это положило бы прочное основаніе здѣсь русскому коммерческому флоту, и можно было бы ожидать постепеннаго его развитія. Если теперь уже наши «добровольцы» поднимаютъ значительное количество чайныхъ грузовъ, направляемыхъ въ Одессу, то всѣ грузы, которые нынѣ идутъ сухимъ путемъ на Кяхту,

¹⁾ Камчатскій транспортъ направляется черезъ Японію.

²⁾ Для громадскихъ предметовъ въсь считается на *гину* или *цзинъ*, которые бывають въ 16, 18, 20 и 24 лана; казенный гинъ равенъ 16 ланамъ или 1,4 русскаго фунта; сто такихъ гиновъ составляютъ англійскій пикудъ или 147 русскихъ фунтовъ. Для взвѣшиванія употребляютъ *контаръ*, родъ безмѣна съ подраздѣленіемъ на ланы и ихъ десятичныя части, а также обыкновенные вѣсы съ гирами, начиная отъ столанной доли.

³⁾ Въ ланѣ считается 10 цановъ или 100 фынъ; стало-быть одинъ фынъ равенъ приблизительно нашимъ 3 копейкамъ.

въсь первосборные байховые и весенние кирпичные чай могли бы идти через Амуръ до Срѣтенска, и тогда вся провозная плата поступила бы въ руки русскихъ, а не англичанъ, китайцевъ и монголовъ, которые пользуются теперь ежегодно *сотнями тысячъ рублей звонкою монетою* отъ одной только перевозки принадлежащихъ русскимъ чаевъ¹⁾.

Между прочимъ, какъ на одинъ изъ важныхъ тормозовъ въ дѣлѣ развитія русской чайной торговли, наши ханьковцы указываютъ на крайнюю затруднительность въ полученіи корреспонденціи изъ Иркутска, и это благодаря лишь нашему почтовому вѣдомству. Къ удивленію, письма изъ Иркутска отправляются не на Кяхту, какъ было прежде, а почти что вкругъ свѣта, черезъ Европу, съ англійскими и французскими почтами и достигаютъ сюда лишь черезъ 85 и даже 96 сутокъ, хотя адреса на нѣкоторыхъ заказныхъ письмахъ были ясно *отпечатаны*: «черезъ Тяньцзинь въ Ханькоу». Несмотря на это, нѣсколько писемъ побывали даже въ Москвѣ, вернулись въ Кяхту и потомъ уже получались черезъ Тяньцзинь въ Ханькоу. Отсылаемая отсюда корреспонденція не доходила до получателей въ Иркутскъ по простествіи двухъ и болѣе мѣсяцевъ, а нѣсколько простыхъ писемъ затерялись безвозвратно. Отъ неправильной же пересылки корреспонденціи и несвоевременной выдачи ея въ Иркутскъ негодяны не мало теряютъ въ своихъ коммерческихъ оборотахъ, такъ какъ бывали случаи, что заказы на первосборные чай получались тогда, когда на здѣшнемъ рынкѣ ихъ уже не было. Также нерѣдко здѣшніе отправители писемъ, наводя справки въ Тяньцзинь, отправлены ли такія-то письма, получаютъ отвѣтъ, что отправлены своевременно, а между тѣмъ изъ Иркутска сообщаютъ, что писемъ въ полученіи нѣтъ. При подобной пересылкѣ коммерческой корреспонденціи, конечно нельзя различивать на развитіе нашей торговли съ Китаемъ, которая и безъ того все уменьшася²⁾. Какія причины побудили почтовый департаментъ измѣнить пересылку корреспонденціи адресуемой, черезъ Тяньцзинь въ Ханькоу здѣсь неизвѣстно, но ропотъ на это большой.

Разсказавъ о состояніи нашего чайнаго дѣла въ Ханькоу, слѣдуетъ перейти къ другому русскому чайному центру, каковымъ съ 1875 года сдѣлался Фучао, приобретающій все большее значеніе.

Хотя фучаоскій рынокъ по сбыту чая, есть

¹⁾ Напримѣръ, въ сезонъ 1878 года за перевозку нашихъ чайныхъ грузовъ только изъ Фучао въ Тяньцзинь заплачено англійскимъ и китайскимъ пароходнымъ компаніямъ 77.270 долларовъ или 154.540 руб.

²⁾ Напримѣръ, фирма «Черепановъ и Марьянъ» съ 1 января 1879 года вовсе прекратила свои дѣла, чему одною изъ причинъ служила и несвоевременность доставки писемъ.

самый древній и самый громадный въ Китаѣ, тѣмъ не менѣе русскіе, обосновавшіеся въ Ханькоу, не имѣли съ нимъ до 1872 года никакихъ дѣлъ. Первая мысль о Фучао была подана имъ изъ Москвы, покойнымъ чаоторговцемъ К. А. Поповымъ, вслѣдствіе чего въ 1872 году отправился туда изъ Ханькоу М. О. Пятковъ, сначала лишь для ознакомленія съ дѣломъ. Помѣстился онъ тамъ въ американскомъ домѣ и сталъ «помаленьку» приобретать чай въ небольшомъ количествѣ, а самъ тѣмъ временемъ «приглядывался» и, приглядываясь, обратилъ вниманіе, что мелкія выскѣвки и чайная пыль выбрасываются китайцами, какъ никуда негодный соръ, а если и продаются когда, то за самую ничтожную цѣну. Г. Пятковъ рискнулъ попробовать спрессовать изъ этого продукта черныи кирпичный чай. Не бывъ практически знакомъ съ выдѣлкой кирпичныхъ чаевъ, онъ установилъ съ помощью китайцевъ какой-то самобытный, тяжелый и медленно работающій прессъ, на которомъ приготавлилось едва лишь по семи ящичковъ въ день; тѣмъ не менѣе въ цѣлый сезонъ ему удалось спрессовать на немъ до 900 ящичковъ выскѣвковаго чая на пробу. Хотя и плохо спрессованный, чай этотъ по выдѣлкѣ стоилъ почти на двѣ трети дешевле противъ ханьковскихъ чаевъ и принесть въ Сибирь громадную пользу производителю. На слѣдующій годъ сибиряки уже сами прислали ему заказы на кирпичные чай, каковыхъ и было въ томъ году приготовлено для нихъ г. Пятковымъ до 6.000 мѣствъ. Дешевизна сравнительно съ ханьковскими плитками привлекла къ нему еще больше заказчиковъ изъ Сибири, такъ что для удовлетворенія ихъ ему пришлось, кромѣ Фучао, заарендовать у китайцевъ еще нѣсколько фабрикъ въ горахъ, гдѣ на 1875 годъ и было приготовлено до 16.000 ящичковъ.

Съ этого-то года и началось въ Фучао быстрое развитіе выдѣлки кирпичныхъ и покупка байховыхъ чаевъ для Россіи. Тѣмъ и другимъ дѣломъ г. Пятковъ занялся весьма серьезно: для приготовленія кирпичныхъ чаевъ досталъ онъ изъ Ханькоу свѣдущихъ мастеровъ, а къ покупкѣ байховыхъ приложилъ свое собственное умѣнье и опытность. Ему безспорно принадлежитъ честь основанія русскихъ торговыхъ дѣлъ въ Фучао. Въ томъ же 1875 году онъ открылъ тамъ собственную фирму торговаго дома въ компаніи съ г. Молчановымъ, а затѣмъ стали открывать отдѣленія своихъ фирмъ и другіе русскіе ханьковцы, такъ что теперь въ Фучао существуютъ уже три русскіе торговые дома: Пятковъ, Молчановъ и К°, П. А. Пономаревъ и К° и Токмаковъ, Шевелевъ и К°, занятые выдѣлкой кирпичныхъ и покупкой байховыхъ чаевъ. Требованіе послѣднихъ для Сибири съ каждымъ

годо́мъ увеличивается, изъ чего можно заключить, что потребители постепенно привыкають ко вкусу фучаоскихъ чаевъ, тогда какъ при первомъ ввозѣ ихъ, въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ Кяхту, покупатели ихъ обѣгали, находя во вкусѣ большую разницу противъ ханьковскихъ, къ коимъ успѣли привыкнуть за время почти десятилѣтней дѣятельности русскихъ въ Ханькоу. По мнѣнію П. А. Пономарева, низкіе сорта байховыхъ фучаоскихъ чаевъ значительно лучше ханьковскихъ по вкусу, и настоя даютъ гораздо крѣпче, но въ нихъ есть одинъ недостатокъ, а именно: много попадаетъ мелкаго ломанаго листа и хуасяна. Тѣмъ не менѣе, есть всѣ основанія предполагать, что со временемъ фучаоскіе низкіе сорта чаевъ получатъ въ сибирскомъ сбытѣ преобладающую роль предъ ханьковскими, вслѣдствіе чего должно ожидать блестящаго развитія русскаго дѣла въ Фучао въ будущемъ, и въ концѣ-концовъ, Фучао будетъ пожалуй преобладать надъ Ханькоу не только по покупкѣ байховыхъ, но и по выдѣлкѣ кирпичныхъ чаевъ.

Попытка торговли въ Фучао русскими мануфактурными товарами, сдѣланная г. Пятковымъ въ 1872 и 1873 годахъ, была неудачна: привезенное туда мезерицкое сукно, въ количествѣ 150 половинокъ, было продаваемо нѣсколько лѣтъ маленькими партіями, по цѣнамъ, существовавшимъ въ Шанхаѣ для партіонныхъ продажъ. Да и вообще, фучаоскій рынокъ далеко не изъ первыхъ для сбыта европейскихъ мануфактурныхъ произведений. Въ этомъ отношеніи англичане едва ли не безвозвратно завоевали себѣ наше прежнее мѣсто. А было время, когда въ Китаѣ съ успѣхомъ шли только русскія сукна, такъ что англійскіе мануфактуристы, чтобы дать сбытъ своимъ, должны были прибѣгать къ наглому обману и выставлять на своихъ сукнахъ русскія фабричныя клейма... Впрочемъ и ихъ царствію, казись, наступаетъ начало конца: китайцы начинаютъ заводить собственныя фабрики, чтобы самимъ обрабатывать свои сырые продукты. Въ 1879 году сами же англійскіе инженеры начали строить для нихъ двѣ большія фабрики съ новыми усовершенствованными машинами: одну въ Шанхаѣ, для выдѣлки бумажныхъ тканей, а другую въ провинціи Ганьсу, въ городѣ Ланьчжоу, для выдѣлки разныхъ сортовъ суконъ. Кромѣ того, въ Шанхаѣ англійскіе евреи строятъ большой паровой заводъ для выдѣлки кожъ, такъ какъ послѣднія до сего времени въ громадномъ количествѣ вывозятся въ сыромъ видѣ изъ Китая въ Англію и Германію. Быть можетъ не далеко то будущее, когда Китай начнетъ самъ обрабатывать всѣ свои сырые продукты и перестанетъ отправлять ихъ для

выдѣлки въ Европу, какъ дѣлается теперь съ хлопкомъ, шерстью, кожей и т. п.

Приготовленіе русскими фирмами чаевъ въ самомъ Фучао производится пока еще въ небольшихъ размѣрахъ и едва ли превышаетъ 17.000 ящиковъ въ годъ; но за то главная ихъ масса прессуется внутри страны, въ горныхъ нашихъ фабрикахъ, и это вслѣдствіе того, что Китайское правительство за провозъ хуасяна изъ горъ въ Фучао взымаетъ пошлину по 1 лану и 32 фына со ста гиновъ, а за готовый спрессованный чай изъ тѣхъ же мѣстъ только по 33 фына съ того же вѣса. Выходить, что сырой матеріалъ оплачивается пошпиной вчетверо дороже, чѣмъ фабрикатъ изъ него приготовленный. Но выдѣлка кирпичныхъ чаевъ внутри страны, въ горахъ, сопряжена съ громаднымъ рискомъ и многими неудобствами и непріятностями. Главные риски зависятъ отъ огня (ибо страховать фабрики невозможно) и отъ бунтовъ китайской черни, которая однажды уже ограбила одну изъ русскихъ фабрикъ и переломала въ ней большую часть вещей; затѣмъ при доставкѣ готовыхъ чаевъ въ Фучао водой, по рѣчкамъ, изобилующимъ камнями и порогами, лодки нерѣдко разбиваются и гибнутъ вмѣстѣ съ грузомъ. За всѣ подобныя потери не разъ уже и сильно-таки платились русскіе комисіонеры. Наконецъ, китайцы, живущіе на русскихъ чайныхъ фабрикахъ въ горахъ въ качествѣ приказчиковъ и въ особенности управляющіе приписываютъ въ счетахъ неимовѣрно громадныя суммы, благодаря чему сами наживаются очень быстро, и вотъ эти-то наживы также тяжело ложатся на стоимость нашихъ чаевъ. Русскіе же фабриканты не въ силахъ строго ихъ контролировать, такъ какъ въ противномъ случаѣ «обиженный» китаецъ легко подстрекнетъ толпу черни на грабежъ фабрики, а то и самъ подожжетъ ее. Отъ главныхъ пороговъ въ рѣчкахъ можно бы избавиться, построивъ фабрики ниже ихъ, но китайское правительство почему-то никакъ не соглашается на это и въ то же время тормозитъ тяжелымъ налогомъ свободный ввозъ хуасяна въ Фучао. Еслибъ удалось устранить эту тягость налога, то фучаоскіе наши дѣятели, по примѣру ханьковцевъ, тотчасъ же перевели бы свои фабрики съ горъ въ Фучаоскій портъ и тѣмъ избавились бы не только ото всѣхъ нынѣшнихъ своихъ рисковъ, но, главное, отъ тяжелой опеки китайцевъ-приказчиковъ и управляющихъ, этихъ піявицъ, высасывающихъ всевозможными способами лучшіе соки изъ производства русскихъ кирпичныхъ чаевъ. Съ перенесеніемъ фабрикъ ниже рѣчныхъ пороговъ, или съ пониженіемъ пошпины на хуасяна, наши фучавцы могли бы дѣйствовать совокупно при покупкѣ матеріала и тѣмъ вы-

гадывали бы громадные суммы, а это прямо влияло бы на удешевление кирпичных чаевъ въ Россіи. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ помочь имъ могло бы только наше правительство чрезъ посредство своего представителя въ Пекинѣ.

Въ фуцзаскомъ районѣ работаютъ въ настоящее время девять русскихъ фабрикъ ¹⁾ и одна англійская, принадлежащая фирмѣ «Jardine, Matheson and Co». Дѣло это, какъ ничтожное въ оборотахъ для такой солидной фирмы, она поручаетъ своему компрадору, китайцу, у котораго въ горахъ его сородичи и прессуютъ чай, однакожь весьма недобросовѣстно, «по врожденному уже у этой нации обычаю», говоря словами почтеннаго П. А. Пономарева. Не имѣя надъ собою европейскаго контроля и зная, что производимый ими продуктъ идетъ исключительно на потребление европейцами, «сыны неба» не стѣсняясь подмѣшиваютъ къ хусяну песочную пыль, траву, разное удобрение и тому подобную дрянь и приготавливаютъ кирпичные чай для сбыта на Амуръ, въ Кяхту, Иркутскъ и далѣе. Для неспециалистовъ кирпичнаго чайнаго дѣла, чай *Ихэ* (китайское названіе фирмы «Jardine, Matheson and Co») не представляетъ большой разницы *по виду*, но не излишне было бы нашей администраціи обратить на этотъ чай «ихэ» вниманіе, сдѣлавъ тщательный химическій его анализъ, и если дѣйствительно окажутся въ немъ посторонніи примѣси и земля, то запретить ввозъ его въ Сибирь и на Амуръ.

Общая сумма всего непосредственно русскаго оборота по чайному дѣлу въ обоихъ китайскихъ портахъ въ 1878 году представляла слѣдующія данныя: Оборотъ въ Ханькоу по вывозу и ввозу 1.788.463 лана. Оборотъ въ Фуцао по вывозу и ввозу 754.067 лана. За перевозку въ предѣлахъ Китая 1.006.581 лана.

Итого весь русскій оборотъ 3.549.111 ланъ, или 7.098.222 рубля серебряныхъ (звонкою монетой), или 10.647.333 рубля кредитныхъ. Но если сравнить эту сумму съ таковою же, значущеюся въ отчетѣ по китайскимъ тамошнямъ за 1877 годъ, то она окажется очень скромною, такъ какъ сумма годового оборота всѣхъ иностранцевъ (преимущественно англичанъ) въ Китаѣ представляетъ почтенную цифру въ 143.529.968 ланъ, или на наши деньги, по приблизительному курсу 3 рубля за ланъ, 430.589.904 рубля ²⁾.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о ходѣ общественной жизни русской колоніи въ Ханькоу. До 1874 русскіе жили совершенно отдѣльно отъ англичанъ, и лишь двое-трое изъ представителей нашихъ фирмъ были членами мѣстнаго англійскаго клуба; но съ 1874 года всѣ русскіе ханьковцы стали записываться его членами и покупать его акціи. Въ концѣ слѣдующаго года, на одномъ изъ собраній въ комитетѣ клуба, П. А. Пономаревъ предложилъ акціонерамъ выписывать для русскихъ нѣсколько газетъ изъ Россіи, на что акціонеры весьма охотно согласились и, такимъ образомъ, съ 1876 года тамъ постоянно выписываются за счетъ клуба четыре газеты и журналъ, а въ концѣ 1878 года, на послѣднемъ общемъ засѣданіи акціонеровъ, однимъ изъ нихъ было предложено—къ существующей большой англійской библіотекѣ присоединить и русскую, для чего ежегодно отчислять изъ прибылей клуба отъ 25 до 50 фунтовъ стерлинговъ на покупку русскихъ книгъ, а на первый разъ ассигновать для обзаведенія библіотеки отъ 70 до 100 фунтовъ (отъ 700 до 1.000 руб. на наши деньги). Предложеніе это было принято сочувственно всѣми акціонерами не только русскими, но и англійскими; тотчасъ же поручили секретарю клуба просить отъ русскихъ членовъ списокъ книгъ, какія нужны для основанія русской библіотеки; кромѣ того, вслѣдствіе заявленія секретаря, нѣкоторые русскіе акціонеры и члены клуба пожертвовали для той же цѣли бывшія у нихъ сочиненія Пушкина, Гоголя и другихъ русскихъ писателей, коихъ тогда же набралось болѣе ста томовъ. Библіотека, учрежденная такимъ образомъ при клубѣ, полезна не только для постоянно живущихъ здѣсь русскихъ (въ каждомъ русскомъ домѣ есть небольшія собственныя библіотеки и получаютъ ежегодно газеты и журналы), но въ особенности для офицеровъ и командъ русскихъ военныхъ лодокъ, находящихся здѣсь почти постоянно. Для развлеченія офицеровъ служили до того времени лишь кегля да билліардъ, иногда концерты и любительскіе спектакли на клубной театральн. сценѣ. Почти треть англійскаго клуба въ Ханькоу, со всею обстановкой, принадлежитъ теперь русскимъ, а изъ постоянныхъ членовъ въ немъ половина русскіе; другая же половина состоитъ изъ англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, португальцевъ и американцевъ.

Русская колонія обзавелась даже собственною своею типографіей, которая печатаетъ ей коммерческіе бюллетени и отчеты для разсылки своимъ корреспондентамъ и заказчикамъ въ Сибирь и Европейской Россіи. Собранъ нѣкоторый капиталъ и для постройки церкви, для чего начало положено было еще въ 1871 году, въ Москвѣ; но, принимая во вниманіе, кромѣ

¹⁾ А именно: въ Фуцао 3, въ Сицзинъ 2, въ Навакеу 2, въ Тайпинъ 1 и въ Шимынъ 1.

²⁾ Цифра эта заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ она показана въ отчетѣ сэръ-Роберта Гарта, на основаніи отчетовъ, составленныхъ управляющими въ портахъ таможенными чиновниками, англичанами, а не китайцами.

расходовать на самую постройку, еще необходимость исполнить обеспечения фонда на содержание храма и на вѣчное обеспечение его священнослужителей, собранной пока суммы (42.059 р.) далеко еще недостаточно. Вслѣдствіе этого, въ 1876 году, по предложенію нашего тогдашняго посланника въ Пекинѣ, Е. К. Бютцова, П. А. Пономаревъ, во время своего пребыванія въ Кяхтѣ, составилъ добровольную подписку, которую и предлагалъ въ Сибиря и Россіи всѣмъ купцамъ, ведущимъ торговлю въ Китаѣ, съ тѣмъ, чтобъ они въ теченіе семи лѣтъ платили на означенную цѣль комитету, имѣющему быть въ Ханькоу, нѣкоторый жертвовательный сборъ съ байховыхъ чаевъ, а именно: съ яшниковъ по 10 фынь (30 к.), съ полуяшниковъ по 7 фынь (21 коп.), съ четверть-яшниковъ по 4 фыня (12 к.), съ кирпичныхъ чаевъ по 6 фынь (18 к.) и съ сахара-леденца по 4 фыня. Подобный сборъ отнюдь не былъ бы обременительнымъ для лицъ, ведущихъ торговлю дѣла съ Китаемъ, и въ семь лѣтъ собралась бы исполнѣй достаточная, съ имѣющагося въ наличности, сумма. Многіе отнеслись тогда къ этому предмету весьма сочувственно и безпрекословно обязались вносить ежегодно свою лепту, нѣкоторые же подписали съ разными оговорками, въ родѣ слѣдующей: «Если всѣ будутъ участвовать во взносѣ этого сбора, какъ-то: русскіе ханьковскіе комиссіонеры и ихъ довѣрители и чайные фабриканты, тогда и я обязуюсь вносить означенную сумму съ приобрѣтаемыхъ для меня чаевъ». Затѣмъ три-четыре человѣка вовсе отказались участвовать во взносѣ сбора. Вслѣдствіе отказовъ какъ этихъ, такъ и съ оговорками вродѣ приведенной надписи, комитетъ въ Ханькоу учрежденъ не былъ, и до сего времени ни какого сбора не начиналось. Хотя нѣкоторые лица, ведущія здѣсь солидныя дѣла, предлагали П. А. Пономареву лично и чрезъ своихъ комиссіонеровъ непременно брать съ нихъ ежегодно деньги на постройку храма и при немъ дома для причта и служащихъ, но онъ отказался, «ибо сборъ лишь съ нѣкоторыхъ, а не со всѣхъ вообще, никогда не приведетъ къ желательнымъ результатамъ». Такимъ образомъ дѣло о постройкѣ церкви, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ не двигается, тогда какъ, къ стыду нашему, и англикане, и католики во всѣхъ, открытыхъ для нихъ, портахъ Китая давно уже имѣютъ свои исполнѣй приличные храмы.

8-го сентября.

Какъ зарядилъ съ ночи ливень, такъ и идетъ весь день, не переставая. Я въ первый разъ еще вижу такое удивительное постоянство силы дождя: это не то, что у насъ въ лѣтнюю пору, когда онъ вдругъ возьметъ да припустить на нѣкоторое время, а тамъ опять

сдастъ полегче и снова припустить, — нѣтъ, здѣсь вотъ ужъ болѣе полусутокъ непрерывный ливень, ливень въ буквальный смыслъ слова—идетъ совершенно ровно, съ одинаковою силой, не сдавая и не припуская, все равно какъ наши осенніе, мелко сѣющіеся дожди. Погода отвратительная, въ особенности благодаря этой прѣлой, всепроникающей сырости. Надъ всею окрестностью дождь стоитъ непроницаемымъ туманомъ. Сосѣднія суда смутно вырисовываются одними лишь силуэтами, словно призрачныя тѣни, а болѣе отдаленныхъ и совсѣмъ не видно. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ развелъ на рейдѣ пренепріятное волненіе, которое наша «Африка», благодаря своимъ размерамъ и осадкѣ, чувствуетъ лишь слегка, но бѣдную «Нерпу» такъ и качаетъ съ борта на бортъ сильными размахами, и притомъ съ непрерывною правильностью часового маятника. Одно изъ англійскихъ военныхъ судовъ сдрейфовало, и его чуть не натащило на насъ. Надъ нашею палубой натянута широкая большій тентъ и на немъ скопится столько дождевой воды, что тяжесть ея угрожаетъ даже цѣлости полотна; ее поминутно сгоняютъ оттуда цѣлыми каскадами. Съ берегомъ почти ни какого сообщенія, да и ѣхать туда не охота.

Англійскій вице-адмиралъ Кутъ, въ сопровожденіи командира своей яхты, отдалъ сегодня визитъ С. С. Лесовскому. Его встрѣтили съ почетнымъ карауломъ, причемъ барабанщикъ и горнистъ проиграли «встрѣчу». Этотъ адмиралъ, безъ сомнѣнія, почтенный и достойный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но фizioномія у него болѣе напоминаетъ методистскаго пастора, чѣмъ военнаго моряка. По отбытіи этихъ гостей, нашъ адмиралъ отдалъ визиты посѣтившимъ его вчера представителямъ французской и германской эскадры, и этимъ всѣ «злобы» нынѣшняго дня были исчерпаны. Скука, сырость; двое изъ нашихъ офицеровъ схватили легкую простуду... Наползаютъ ранніе осенніе сумерки, а дождь такъ и закатывается, наполняя окрестность своимъ глухимъ барабаниющимъ шумомъ. Я весь день проработалъ въ своей каютѣ.

9-го сентября.

Съ разсвѣтомъ снялись съ якоря и двинулись обратно въ Нагасаки. Погода нѣсколько лучше: небо пасмурно; въ воздухѣ, на горизонтѣ, какая-то сѣроватость; но по крайней мѣрѣ нѣтъ дождя, и то слава Богу.

10-го сентября.

Въ Желтомъ морѣ. Погода благопріятная. Новаго ничего.

11-го сентября.

При благопріятной мягкой погодѣ, подѣ вчеръ, около пяти часовъ пополудни, вступаемъ

въ Нагасакскую бухту. На траверзѣ маяка Иво-Симо встрѣтили «Россию», пароходъ Добровольнаго флота, возвращающійся подъ коммерческимъ флагомъ въ Европу. Команда и офицеры «России» были выстроены лицомъ къ намъ на пшанцахъ. Отсалютовали другъ другу троекратнымъ приспусканіемъ флаговъ и разминувшись.

Въ Нагасакской бухтѣ застали два наши клипера: «Навздняки» и «Забіяку», возвращавшіяся послѣ отвоза К. В. Струве, изъ Иокогамы. Адмиралъ сообщаетъ, что черезъ два дня, 14 сентября, уходимъ во Владивостокъ, гдѣ назначенъ сборъ всей эскадры.

Пребываніе во Владивостокѣ и другихъ мѣстахъ Южно-Усурійскаго края уже описано авторомъ въ рядѣ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1882 и 1883 годовъ, а потому дальнѣйшій рассказъ начинается съ возвращенія генераль-адъютанта Лесовскаго изъ Владивостока въ Нагасаки.

XXI.

Въ штормѣ.

Выходъ съ Владивостокскаго рейда. — Морскія примѣты и повѣрья. — 13 число. — Начало шторма. — Что творилось внутри судна ночью. — Несчастныя случаи съ С. С. Лесовскимъ. — Критическій моментъ. — Наши потери. — Угрожающія скалы. — Островъ Дажелетъ и камни Менелай и Оливуца. Положение С. С. Лесовскаго. — Буря стихаетъ. — Дѣти на нашемъ суднѣ. — Сюрпризъ волны. — Приходъ въ Нагасакскую бухту. Распоряженія, отданныя адмираломъ.

18-го ноября.

13 ноября, въ три часа и пятнадцать минутъ пополудни, крейсеръ «Европа», на коемъ находился флагъ главнаго начальника эскадры Восточнаго океана, снялся съ якоря на Владивостокскомъ рейдѣ, чтобы слѣдовать въ Нагасаки.

Хотя погода стояла ясная, солнечная, съ морозомъ въ пять-шесть градусовъ, но барометръ началъ падать еще съ утра; притомъ же сѣверный вѣтеръ еще на рейдѣ, до снятія съ якоря, порывисто и злобиво шумѣлъ между снастями. Все это являло признаки не совсѣмъ-то благоприятныя для судна, выходящаго въ здѣшнія моря въ эту пору года; но, съ другой стороны, моряки полагали, что если и захватитъ насъ штормъ, то при курсѣ на S онъ будетъ попутнымъ и потому, вмѣсто обычныхъ десяти-двѣнадцати, мы бытъ-можетъ понесемся со скоростію пятнадцати-шестнадцати узловъ въ часъ; вѣтеръ гнать будетъ въ корму и тѣмъ значительно сократитъ время нашего перехода.

Но старая истина, что «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», какъ нельзя выразительнѣе подтвердилась надъ нами. Не даромъ моряки не любятъ, когда профаны мор-

ского дѣла, «сухопутные» пассажиры въ родѣ меня, задаютъ имъ *въ морѣ* вопросъ: «когда, молъ, придемъ мы туда-то?» Старога или бывалаго моряка при подобномъ вопросѣ всегда непріятно покоробитъ, и онъ, поморщившись, непременно отвѣтитъ сдержанно-недовольнымъ тономъ: «Когда Богъ дастъ!» И другаго отвѣта вы отъ него не дождетесь. Иной добрый человекъ развѣ прибавитъ къ этому еще въ назиданіе:

— Никогда не спрашивайте на суднѣ «когда, придемъ».

— А чтò такъ?

— Да такъ, примѣта не хорошая. Не любимъ мы этого.

— А въ чемъ же примѣта-то?

— Примѣта въ томъ: коли скажешь «придемъ тогда-то», то навѣрное какая ни на есть мерзость или задержка да ужъ случится, словно вѣтъ нарочно, не загадывая молъ!

— Да неужели вы вѣрите въ подобныя примѣты? — спросилъ я одного моего моряка-пріятели.

— Э, батюшка, повѣришь, какъ на собственнѣйшій шкурѣ неоднократно убѣдишься сколь онѣ оправдываются. Чудно, поди-ка, вамъ кажется, а оно такъ. Примѣты, скажу я вамъ, разные бываютъ у насъ. Вотъ тоже, напримѣръ, какъ започуютъ гардемарины у себя въ «камчаткѣ» этотъ самый дуэтъ: «*Будетъ буря, мы поспоримъ*», — ну, и будетъ буря... неизбѣжно будетъ, такъ ужъ и жди!..

— А пѣли развѣ?

— Да какъ же!.. Вчера вечеромъ дернула ихъ нелѣгая, словно прорвало... Я даже плюнулъ съ досады, пошелъ да цыкнулъ имъ въ люкъ: чего, молъ, каркаетъ!.. Ну, замолчали, спасибо.

Дѣйствительно, какъ поприглядѣлся я, между моряками тоже иногда не безъ суевѣрій, въ особенности между людьми, «видавшими виды морскіе» и не разъ испытывавшими смертнѣю опасность въ жестокихъ штормахъ. Поэтому въ каютъ-компаніи, между прочимъ, слышались мнѣнія и замѣчанія на счетъ 13 числа: «не хорошій, молъ, день для выхода въ море... Дай Богъ, чтобы все обошлось благополучно...»

На этотъ разъ суевѣрному убѣжденію относительно 13 числа суждено было оправдаться въ полной мѣрѣ.

Когда мы шли еще по проливу Босфоръ Восточный, сила сѣвернаго вѣтра уже равнялась шести балламъ. Въ исходѣ четвертаго часа, пройдя мимо маяка на островѣ Скрыленѣ, взяли курсъ на юго-западъ (собственно на StW) и поставили паруса: марсели, брамсели, кливеръ и фокъ ¹⁾, съ которыми крей-

¹⁾ На каждой мачтѣ находятся три поперечныя рей. Парусъ, привязанный къ нижней реѣ, смотря по мачтѣ, называется *фокъ* или *гротъ*; на средней реѣ, смотря опять-таки по мачтѣ, — *форъ-марсель*,

серъ, при 56-ти фунтахъ пару и 56-ти оборотахъ винта, имѣлъ отъ 12 $\frac{1}{4}$ до 13 узловъ ходу.

Уже съ полуночи начало насъ значительно покачивать. Къ часу ночи 14 ноября порывы вѣтра стали налетать все чаще, а въ половинѣ второго сила его достигла десяти балловъ, при направленіи отъ NNO. Около двухъ часовъ ночи вызвали наконецъ наверхъ всѣхъ офицеровъ и команду, чтобъ убрать паруса. Но при уборкѣ лопнули шкоты и гитовы ¹⁾, и однимъ сильнымъ напоромъ вѣтра сразу вырвало оба брамсея. Та же участь постигла и гротъ-марсель, взятый на гитовы; закрѣпить его не представлялось уже никакой возможности, такъ какъ штормъ къ этому времени достигъ полной своей силы (12 балловъ), а реи и снасти покрылись слоями льда. Люди ползли-было по вантамъ, но ноги ихъ соскальзывали съ обледенѣлыхъ выбенокъ, и закованные пальцы лишь съ крайнимъ трудомъ могли держаться за снасти. Всѣ усилія не привели ни къ чему, и эти паруса такъ и остались у насъ трепаться клочьями по волѣ вѣтра. Уже съ вечера морозъ доходилъ до 15°, а теперь онъ все болѣе крѣпчалъ; вся палуба, весь мостикъ, поручни, борты, стекла въ рубкѣ, — словомъ, все что было снаружи, — покрылось льдомъ, слой котораго нарастали все толще и висѣли со снастей большими сталактитовыми сосульками. Иногда вѣтеръ срывалъ ихъ, и онѣ съ дребезгомъ разбивались о крѣпкіе предметы при паденіи, или какъ головешки летѣли черезъ судно въ море. Студенцыя волны то и дѣло хлестали черезъ палубу, а шпигаты ²⁾ затагивало льдомъ; поминутно приходилось расчищать ихъ, чтобы дать стокъ водѣ, переливавшейся съ борта на бортъ. Снѣжная завихруха и замороженные брызги неистово крутились въ воздухѣ, били въ лицо, коля его какъ иголками, и заплывали глаза. На верху почти ничего не было видно, — черное небо, черныя волны и масса матающихся снѣжинокъ... Вѣтеръ и море слились въ одинъ непрерывный лютый ревъ, мѣшавшій различать крики командныхъ словъ и приказаній. Судно швыряло съ боку на бокъ и сверху внизъ, какъ пепку; при этомъ обнажавшійся винтъ каждый разъ начиналъ вертѣться на воздухѣ со страшною быстротой, наполняя все судно грохотомъ своего движенія и заставляя трепетно

содрогаться весь его корпусъ. Налетавшіе валы съ шумомъ, подобнымъ глухому пушечному выстрѣлу, сильно ударяя въ тотъ или другой бортъ, напирали на его швы, вслѣдствіе чего все судно скрипѣло и стонало какимъ-то тяжкимъ продолжительнымъ стономъ, точно больной человѣкъ въ предсмертной агоніи. И это его крахтенье и стоны наводили на душу тоску невыразимую...

Никто, разумѣется, не спалъ, да и до сна ли тутъ было!.. Вода въ большомъ количествѣ проникла въ жилую палубу и съ плескомъ перекачивалась изъ стороны въ сторону по корридорамъ и каютамъ. Люки закрыли наглухо и потому внизу была духота; воздухъ спертый, дышется трудно. Диваны въ каютъ-компаніи гудели изъ угла въ уголъ, посуда звенѣла и билась, офицерскія и инныя вещи, чемоданы, саки, коробки срывались и падали со своихъ мѣстъ, швырялись по полу, и весь этотъ хаосъ, въ добавокъ, сопровождался еще громкимъ плачемъ и криками перепуганныхъ дѣтей. Мы везли съ собой семейства двухъ морскихъ офицеровъ Сибирской флотилии, находившихся на зимней стоянкѣ въ Нагасаки. Дамы, впрочемъ, оставались стойчески спокойны, какъ истинныя жены бывалыхъ моряковъ, и всѣ свои усилія вмѣстѣ съ няньками направляли къ тому лишь, чтобы хоть какъ-нибудь успокоить дѣтей. Держаться на ногахъ почти не было возможности, въ особенности мнѣ, какъ человѣку непривычному, да и привычные-то люди наполучили себѣ достаточно ссадинъ, шишекъ и ушибовъ, между которыми нѣкоторые оказались весьма серьезными ³⁾. Степень крена наглядно показывали висѣщія лампы: уголъ ихъ уклона въ сторону отъ вертикальной линіи достигалъ сорока градусовъ.

Между тѣмъ мы продолжали идти съ попутнымъ штормомъ подъ форъ-марселемъ, фокомъ и кливеромъ. С. С. Лесовскій находился на верху на мостикѣ. Вдругъ большая волна, быстро и сильно накренившая судно на бокъ, послужила причиной того, что адмиралъ, не удержавшись на ногахъ, ужалъ грудью на поручни, окружающіе наружные края мостика. Ушибъ былъ значителенъ, и хотя нашего почтеннаго адмирала упростили сойти внизъ, въ его каюту, тѣмъ не менѣе, едва успѣвъ оправиться, Степанъ Степановичъ чрезъ полчаса опять уже былъ на верхней палубѣ. Но надо же быть несчастію! Громадный валъ, вкатившійся съ кормы, вдругъ подхватилъ его на себя и бросилъ впередъ на нѣсколько са-

или *гротъ-марсель*, а на верхней — *брамсель* (*форъ* и *гротъ*). *Кливеръ* — косой трехугольный парусъ (какъ форъ-стенги-стаксель, только большей величины) поднимаемый на бакѣ.

¹⁾ *Шкоты* — веревки которыя притягиваютъ нижніе концы паруса къ слѣдующей реѣ, а *гитовы* служатъ при уборкѣ парусовъ для подтягиванія паруса къ той реѣ, къ которой онъ привязанъ сверху.

²⁾ Отверстія, въ которыя стекаетъ за бортъ вода, попавшая на верхнюю палубу.

³⁾ Одинъ изъ сильнѣйшихъ ушибовъ въ ногу полученъ былъ Dr. Кудринимъ въ ту самую минуту, когда его потребовали въ капитанскую рубку для подаванія помощи адмиралу Лесовскому. Несмотря на сильнѣйшую боль, В. С. Кудринъ стойчески исполнилъ какъ врачъ свою обязанность.

жень къ гротъ-мачтѣ. При паденіи адмиралъ ударился правымъ бедромъ объ окованный мѣдью уголъ одного изъ ея кнехтовъ ¹⁾. Когда къ нему подошли, чтобы помочь подняться, онъ уже не могъ встать на ноги и держаться безъ опоры, не могъ даже слегка коснуться о палубу правою ступней. На рукахъ перенесли его въ капитанскую рубку и позвали флагманскаго доктора, В. С. Кудрина, который вмѣстѣ съ судовымъ врачомъ П. И. Преображенскимъ, осмотрѣвъ ушибленное мѣсто, нашелъ переломъ правой ноги въ верхней части бедровой кости. Адмирала уложили на койку и наложили повязку; но болѣе существенной помощи невозможно было ему подать, пока продолжалась эта неистовая буря, и можете представить себѣ то горестное впечатлѣніе, которое произвелъ этотъ несчастный случай на всѣхъ, находившихся на суднѣ.

Въ исходѣ шестого часа утра, при 14^{1/2} узлахъ ходу, крейсеръ вдругъ рыснулъ, то-есть самопроизвольно бросился въ сторону, вправо (рулевые выбились изъ силъ въ своемъ обледенѣломъ платьѣ и руки у нихъ заоченьли), и несмотря на руль, тотчасъ же положенный на бортъ и на стоявшіе еще передніе паруса, привелъ на правый галсъ ²⁾. При этомъ вырвало форъ-марсель и фокъ. Въ такомъ опасномъ положеніи, стоя поперекъ волненія и подставляя ударомъ налетавшихъ волнъ свой правый бортъ, мы оставались довольно долгое время, такъ что въ половинѣ седьмага часа утра крейсеръ черпнулъ наконецъ лѣвымъ бортомъ. Судно положило совсѣмъ на бокъ да такъ и оставило. Вотъ когда насталъ самый ужасный, самый критическій моментъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ баркасъ, стоявшій на шкафутномъ планширѣ, наполнился водой и, отъ удара вкатившейся съ нѣвѣтра волны, повисъ на носовой шлюпъ-балкѣ ³⁾. Теперь вопросъ жизни или смерти заключался въ томъ, налетитъ ли сейчасъ съ нѣвѣтру новый сильный валъ, который окончательно опрокинетъ судно. Къ счастью, стоявшій на вахтѣ молодой мичманъ, Петръ Ивановичъ Тыртовъ, не растерялся, а показалъ себя истиннымъ молодцомъ. Онъ тотчасъ же крикнулъ «топоры!» и приказалъ скорѣе обрубить тали, чтобы предохранить бортъ судна отъ колотившагося объ

него баркаса. Несмотря на крайнюю трудность, работа эта была исполнена живо, молодецки; быть-можетъ, ей помогало сознание крайней опасности, въ какой находилось положенное на бокъ судно. Какъ только освобожденный баркасъ упалъ въ воду, оно довольно тихо стало подыматься и приняло вновь нормальное свое положеніе. Но тутъ замѣчена была новая бѣда: якорь сорвался вдругъ съ найтова ⁴⁾ и сталъ колотить въ бортъ носовой части, но къ счастью безъ серьезныхъ послѣдствій, потому что, хотя и съ неимоверными усиліями, его успѣли поднять и вновь занайтовить надлежащимъ образомъ. И все это во время величайшей трепки, когда насъ швыряло, буквально какъ легкую щепку, по волѣ волнъ и качало такими сильными размахами, что люди валились съ ногъ, если не успѣвали за что-нибудь схватиться руками.

Вскорѣ послѣ этого послѣдняго эпизода, вновь налетаетъ громадная волна, вышибаетъ во внутрь желѣзный гакка-бортъ и сноситъ въ море картечницу Пальмкранца, стоявшую на кронштейнѣ выше лѣвой раковины ⁵⁾. Ураганъ свирѣпѣлъ все болѣе и болѣе; силой волнъ у насъ смыло съ подвѣтренныхъ боканцевъ ⁶⁾ катеръ, четверку, минный буксирный шестъ и приспособленія для бросательныхъ минъ; послѣднія частію уцѣлѣли, но въ совершенно исковерканномъ видѣ.

Пришлось на время прекратить дѣйствіе машины: еслибъ еще и она испортилась, положеніе наше стало бы уже окончательно плохо; надо было всемірно побережъ ее, да и винтъ, безпрестанно обнажавшійся наружу, сильно потрясалъ весь корпусъ судна. Къ счастью, топки еще не залило.

Между тѣмъ, насъ несло по направленію къ Корейскому берегу, одному изъ самыхъ непривѣтливыхъ и опасныхъ, благодаря его голымъ и большею частію отвѣснымъ скаламъ, гдѣ насъ ожидала бы неизбежная гибель. Чтобы не приближаться къ нему, командиръ крейсера, въ два часа пополудни, приказалъ дать ходъ машинѣ и повернуть судно на правый галсъ въ направленіи на NNO^{1/2}O. Хотя и съ трудомъ, но къ счастью это удалось исполнить, и въ такомъ-то положеніи, грудью противъ вѣтра, стараясь лишь удерживать свое мѣсто, для чего машинѣ надо было работать изо всѣхъ силъ, оставались мы около пятнадцати часовъ до разсвѣта 15 ноября; но и адская сила шторма

¹⁾ *Кнестами* называются деревянные брусья, укрѣпленные вертикально въ палубѣ; въ нихъ прорѣзаны *шквы* (отверстія), въ которыя проходятъ снасти и крѣпятся за верхнюю часть самаго кнехта.

²⁾ *Галсъ*—положеніе плывущаго судна относительно направленія вѣтра: онъ дулъ намъ въ корму, а теперь въ правый бокъ, такъ что судно стало поперекъ волненія.

³⁾ *Шкафутномъ* называется пространство палубы между гротъ и фокъ-мачтами; *планширъ*—верхняя часть борта. *Шлюпъ-балки*—толстые желѣзные брусья съ блоками, на которыхъ висятъ подтягивающія воды шлюпки, на веревочныхъ таяхъ.

⁴⁾ *Найтовъ*—довольно толстая веревка, служащая для удержанія якоря у борта, для чего она кладется въ нѣсколько оборотовъ.

⁵⁾ *Гакка-бортъ*—кормовая часть наружнаго борта; *раковина* судна—часть, гдѣ начинается закрученіе кормы.

⁶⁾ *Боканцы*—то же, что шлюпъ-балки. Подвѣтренною называется часть, противоположная той, съ которой дуетъ вѣтеръ. Если вѣтеръ справа, то лѣвый бортъ будетъ подвѣтреннымъ.

оставалась все та же. Лишь 15 числа, къ девяти часамъ утра, штормъ началъ нѣсколько стихать, почему командиръ рѣшился спуститься, то-есть повернуть судно такъ, чтобы вѣтеръ дулъ опять въ корму и взялъ курсъ St W¹/₄W. До этого дня, вслѣдствіе нѣкоторой неточности счисленія, мы было думали, что успѣли пройти Дажелетъ еще 14-го предъ разсвѣтомъ, но теперь, по провѣркѣ, оказалось, что мы его не миновали. Дажелетъ—это брошенная посреди Японскаго моря голая пустынная скала, около десяти миль въ окружности, съ отвѣсно утесистыми и почти неприступными берегами ¹⁾. Высота его пика, возвышающагося по срединѣ острова, опредѣлена нашими гидрографами въ 2.100 футовъ, англичане же считаютъ его до 4.000 футовъ. Дажелетъ совершенно безводенъ и потому никогда и ни гдѣмъ не былъ обитаемъ; кто разбивается о его скалы, тотъ гибнетъ ²⁾.

Но еще болѣе чѣмъ Дажелетъ были опасны находящіеся въ окрестности его два камня, Менелай и Оливуца, нѣкогда открытые русскими мореходами и названные по имени судовъ, сдѣлавшихъ это открытіе, чѣмъ оказана мореплаванію немаловажная услуга, такъ какъ оба эти камня торчатъ отдѣльно въ открытомъ морѣ, далеко, на сотни миль отъ ближайшихъ обитаемыхъ острововъ и на самомъ перепутьи судовъ, идущихъ къ сѣверу или къ югу по Японскому морю. Не желая проходить мимо Дажелета и этихъ камней, командиръ крейсера 15 числа вечеромъ, въ половинѣ девятаго часа, повернулъ судно назадъ и, давъ машинѣ малый ходъ, пошелъ обратнымъ курсомъ NtO, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ разсвѣту опять быть на прежнемъ мѣстѣ.

Въ этотъ день, несмотря на килевую и бортовую качку, нашему бѣдному адмиралу успѣли нѣсколько облегчить его положеніе, вложивъ переломленную ногу въ ящикъ, особливо къ тому приспособленный. Несмотря на страданія, Степанъ Степановичъ былъ чрезвычайно бодръ и не измѣнилъ даже ни единымъ звукомъ голоса своему обычному настроенію духа; только лицо его стало блѣднѣе. Онъ привѣтливо принималъ посѣщенія лицъ своего штаба, приходившихъ навѣщать его, и, со всегдашнимъ своимъ радушиемъ участіемъ, спрашивалъ насъ, какъ перенесли мы штормъ, и разговаривалъ о разныхъ эпизо-

дахъ, случившихся на суднѣ за время этой бури, хотя и стихшей, но далеко еще не кончившейся; въ морѣ все еще было, какъ говорится на языкѣ моряковъ, «очень свѣжо». Съ самаго выхода изъ Владивостока мы ничего не ѣли и не пили, да и камбузъ не топился. Только вечеромъ 15 числа, уже послѣ того, какъ судно привели противъ вѣтра и дали малый ходъ, собрались мы по сосѣдству въ каюту Н. Н. Росселя и закусили черствою булкой съ сыромъ да паюсною икрой, выпивъ предварительно по рюмкѣ водки. О стаканѣ чаю нечего было и думать.

Но вотъ съ разсвѣтомъ 16 числа увидѣли мы наконецъ за собою въ направленіи къ NO островъ Дажелетъ, по которому и получили возможность съ точностью опредѣлить свое положеніе въ 37° 10' сѣверной широты и 130° 23' восточной долготы. Слава Богу, удалось благополучно миновать его ночью. Этотъ день, говоря относительно, прошель уже спокойно; хотя качка все еще была непріятна и неправильна, тѣмъ не менѣе явилась возможность и на палубѣ, и на мачтахъ, и въ каютахъ прибрать печальные слѣды нашихъ потерь и разрушеній, а «кѣдки» на кухнѣ попытались готовить горячую пищу.

Темой большей части разговоровъ на первое время, разумѣется, были разные впечатлѣнія и эпизоды только-что перенесеннаго шторма, и замѣчательная черта въ характерѣ моряковъ: разъ что буря прошла, о ней уже говорится весело и не особенно много. Въ каютъ-компаніи раздались веселые звуки пианно, и дѣти, переставшія плакать, уже совершенно спокойно заходили тутъ же около стола и дивановъ, придерживаясь за нихъ ручонками, и гурьбой облѣпили нашего добрейшаго Ивана Ивановича Зарубина ¹⁾, который ради ихъ развлечения принялся имъ рисовать китайскою тушью пушки, коньковъ, пѣтушковъ и кораблики.

— Ну что, батюшка,—весело обратился ко мнѣ А. П. Новосильскій:—помните нашъ разговоръ при уходѣ изъ Гонконга?

— Какой это?—отозвался я.

— Да по поводу тайфуна-то, когда я вамъ говорилъ, что это будетъ почище всякаго важнаго сухопутнаго сраженія. Вы предложили тогда помириться на томъ, что «оба лучше», а я сказалъ, что какъ увидите, то и судить будете. Ну, вотъ вы теперь и видѣли... Такъ какъ же: «оба лучше»?

— Ну, нѣтъ, говоря чистосердечно, пять сухопутныхъ сраженій предпочту я одному вашему «хорошему» шторму, какъ этотъ, чтобы ему пусто было!..

— То-то батюшка!.. Только не ругайтесь: ругать едва окончившійся штормъ никогда не слѣдуетъ.

¹⁾ Генераль-механикъ нашей эскадры.

¹⁾ Дажелетъ, по-японски Мату-сима, находится подъ 37° 30' сѣв. шир. и 130° 30' 50" вост. долг.

²⁾ Исключенія рѣдки, и одно изъ таковыхъ имѣло мѣсто въ 1871 году, когда на этотъ островъ было выброшено съ разбившагося судна какое-то нѣмецкое семейство. По счастью, оно было вскорѣ замѣчено съ проходившаго мимо нашего корвета „Витязъ“ и снято съ берега нарочно посланнымъ туда лейтенантомъ А. Р. Родионовымъ, нынѣшнимъ нашимъ флагъ-офицеромъ, за что Императоръ германскій пожаловалъ ему орденъ.

— А что, примѣта такая?..

— Н-да, примѣта.. Не надо этого, не хорошо. Прошелъ и слава Богу, коли цѣлы.

— Да какой же прошелъ, коли все еще вонъ какъ качаетъ?

— Ну, и тѣмъ болѣе не надо браниться.. Впрочемъ, это что ужъ за качка! Этакъ-то и малыхъ ребятъ въ люлькѣ качаетъ. Вонъ они, видите, какъ Ивана Ивановича обѣщали!..

На 17 ноября, ночью, въ четверть второго часа, находясь у сѣверной оконечности острова Цу-сима въ Корейскомъ проливѣ, крейсеръ опять сообщалъ машинѣ малый ходъ, до разсвѣта, и взялъ курсъ S³/₄W. Съ разсвѣтомъ же, опредѣлившись по острову Цу-сима, мы пошли уже въ виду архипелага Готô.

Тутъ со мной случилось плачевно-комическое приключеніе. Умываясь въ своей каютѣ, я не устоялъ предъ искушеніемъ хоть чуточку освѣжить въ ней страшно смертый, застоявшійся за трое сутокъ воздухъ, и рискнулъ открыть иллюминаторъ. Но едва повѣяла на меня освѣжающая, благодатная струя свѣжаго воздуха, какъ вдругъ—надо же случиться такой бѣдѣ!—какая-то шальная зеленая волна ударила въ нашъ правый бортъ, и сильнымъ, толстымъ каскадомъ стремительно вкатилась ко мнѣ, обдавъ меня съ головы до ногъ холоднымъ душемъ и моментально затопивъ на цѣлый аршинъ каюту. По колѣна въ водѣ, еле еле успѣлъ я захлопнуть иллюминаторъ, и хорошо, что мнѣ удалось повернуть замыкающій стержень на два-три оборота, раньше чѣмъ новая волна, какъ разъ прихлынувшая опять къ нашему борту, закрыла собою его стекло. А то бытъ бы у меня еще большому потопу!.. Спасибо, вѣстовые ведрами вычерпали воду и кое-какъ обсушили мою каюту. Самъ я, безо всякихъ послѣдствій для здоровья, отдѣлался только холодною ванной, послѣ которой, конечно, пришлось переменить и обувь и все платье, а при входѣ въ каютъ-компанію былъ награжденъ общимъ веселымъ смѣхомъ. Впередъ наука: не открывай иллюминаторовъ въ свѣжую погоду!

Къ вечеру, въ началѣ шестого часа, при полномъ штилѣ и совершенно прояснившемся тепломъ небѣ, нашъ избитый, истерзанный крейсеръ, безъ шлюпокъ, безъ парусовъ и съ вышпленнымъ гакка-бортомъ, вошелъ въ Нагасакскую бухту и бросилъ якорь въ виду Россійскаго консульства. Здѣсь, на рейдѣ мы застали англійскій броненосный фрегатъ «Iron Duke» и японскій корветъ «Амади». На этомъ переходѣ крейсеръ «Европа» находился подъ парами 112¹/₄ часовъ, израсходовавъ 7 487¹/₂ пудовъ угля.

Адмирала въ тотъ же вечеръ перевезли на берегъ и помѣстили въ домѣ занимаемомъ его супругою. На слѣдующій день, утромъ, на ногу ему была наложена гипсовая повязка нахо-

дящимися въ Нагасаки нашими флотскими врачами, подъ руководствомъ Дг. Кудрина, и адмиралъ чувствовалъ себя уже настолько хорошо, что могъ даже заниматься служебными дѣлами, принимая доклады и дѣлая соотвѣтственные распоряженія. Между прочимъ, о прискорбномъ этомъ происшествіи одною телеграммою было сообщено въ Петербургъ, а другою послано во Владивостокъ предписаніе контръ-адмиралу барону Штакельбергу прибыть немедленно въ Нагасаки.

По первоначальному предположенію главнаго начальника, намъ предстояло, зайдя предварительно на короткій срокъ въ Нагасаки, идти въ Йокогаму, такъ какъ С. С. Лесовскій получилъ чрезъ японскаго морскаго министра, адмирала Еномото (бывшаго посланника при петербургскомъ Дворѣ) приглашеніе туда отъ имени его величества микадо. Теперь предстояло объяснить японскому Двору невозможность для нашего адмирала воспользоваться въ настоящемъ его положеніи высокими приглашеніемъ императора Японіи, и эту миссію долженъ исполнить баронъ Штакельбергъ, какъ старшій, послѣ главнаго начальника, флагманъ.

XXII.

Опять въ Нагасаки.

Нагасакская зима.—Лѣстница священныхъ тори.—Храмъ Сува.—Дощечки жертвователей.—Средство противъ зубной боли.—Храмовый дворъ и его древнія бронзы.—Зеркало Изанами.—Религіозный культъ Kami или Синто.—Общественный садъ въ Нагасаки.—Буддійскій храмъ Дайондзи.—Обѣдъ въ японскомъ ресторанѣ.—Наша собесѣдница.—Церемоніальная встрѣча и обходъ затрудненій съ обувью.—Обстановка столовой комнаты, ея холодъ и согрѣвательныя средства—хибачъ и саки.—Таберо.—Японскія закуски.—Сюрпризъ съ грибомъ.—Порядокъ японскаго обѣда и характеръ его блюдъ.—Оригинальная дань благодарности за угощеніе.—Черта самолюбія и гордости въ слугѣ-японцѣ.—Нашъ уходъ въ Йокогаму.

9-го ноября.

Прелестная погода. Совершенно ясное, лазурное небо, солнце грѣетъ. Въ нашемъ консульскомъ домѣ двери (онѣ же и окна) выходя на веранду, въ садъ, отворены настежь. Пальмы, лавры, камеліи и многія другія деревья одѣты густою свѣжею зеленью; румяные померанцы и блѣдно-золотые миканы (японскій апельсинъ) зрѣютъ на вѣткахъ; подъ окнами цвѣтутъ алыя и бѣлыя розы и, кивая своими пышными бутонами, заглядываютъ къ намъ въ комнату. И все это 19 ноября!.. Воображаю какая теперь слякоть и мерзость въ Петербургѣ!..

Нынѣшній день посвятилъ я осмотру нагасакскихъ храмовъ. Судьба на сей разъ послала мнѣ въ соговарища г. Раковича, хорошо знакомаго не только съ Нагасаки, но и съ

японскимъ языкомъ, которымъ владѣютъ весьма порядочно иные изъ нашихъ моряковъ, особенно служащіе въ сибирской флотиліи. Мы сѣли въ *дженерикши* и приказали везти себя къ сѣверной части города, лежащей на взгорьяхъ той группы холмовъ коихъ высшею точкой является гора Компира. Отъ нашего консульства будетъ туда три версты слишкомъ, и чтобы добраться до мѣста, надо пройти вдоль почти весь городъ; тѣмъ не менѣе, наши курамы не болѣе какъ чрезъ полчаса были уже у подножія лѣстницы священнаго тори, ведущей во храмъ Сува. Но прежде надо объяснить вамъ что такое *тори*? Присутствіе *тори* во всякомъ случаѣ служить необходимымъ указателемъ близости какого-либо священнаго мѣста. Это—священные врата, въ которыя долженъ пройти путникъ, желающій поклониться святынь; онѣ всегда имѣютъ одну и ту же строго опредѣленную форму; разница можетъ быть въ величинѣ, въ матеріалѣ, но отнюдь не въ формѣ. *Тори* по большей части бываютъ деревянныя, иногда каменныя, иногда бронзовыя или окованныя листовою мѣдью, смотря по значенію и богатству ихъ священнаго мѣста. Они представляютъ два столба поставленные нѣсколько наклонно одинъ къ другому и связанные между собою на извѣстной высотѣ двумя поперечными перекладинами, изъ коихъ нижняя, прямая и плоская, продѣвается въ оба столба насквозь, а верхняя, потолще и съ нѣсколько изогнутыми къ небу концами, вѣнчаетъ ихъ собою. Между перекладинами оставляется просвѣтъ шириной около двухъ футовъ или менѣе, смотря по величинѣ *тори*, а въ серединѣ обѣ онѣ связаны стоячимъ брусомъ, на которомъ иногда прикрепляется доска въ узорчато-рѣзной или изваянной каменной рамѣ, гдѣ начертана пояснительная надпись или молитва. Не только каждый храмъ или капличка, но даже каждое сколько нибудь красивое, уединенное мѣсто, въ родѣ небольшой рошцы, древняго вѣтвистаго дерева, источника, скалы или камня обросшаго мхомъ и ползучими растеніями, почти обязательно имѣетъ свое *тори*, такъ какъ почти съ каждымъ подобнымъ мѣстомъ связана какая-нибудь религіозная или демонологическая легенда, въ силу коей оно служитъ предметомъ или священнаго поклоненія, или суевѣрнаго ужаса. Нерѣдко бываетъ такъ, что ко священному мѣсту послѣдовательно ведетъ цѣлый рядъ *тори*, невольно напоминая европейскому страннику идею греческихъ пропилеевъ.

Лѣстница ведущая въ Сува—одно изъ древнѣйшихъ и самыхъ монументальныхъ сооружений Нагасаки. Она вся сложена изъ правильно обтесанныхъ гранитныхъ брусевъ и окаймлена по бокамъ гранитнымъ же бордюромъ, имѣя какъ въ основаніи такъ и въ вершинѣ одинаковую ширину въ десять аршинъ. Внизу, какъ разъ предъ первою ступенью, высится массив-

ное гранитное *тори* на двухъ круглыхъ колоннахъ въ восемь аршинъ вышиной; ширина прохода между колоннами четыре аршина, а длина верхней перекладины изъ цѣльнаго камня болѣе десяти аршинъ. Отсюда вы видите въ перспективѣ еще нѣсколько подобныхъ же гранитныхъ *тори*, украшающихъ собою каждую площадку высокой, но отлогой лѣстницы, гдѣ по бокамъ ихъ стоятъ массивные оригинальной формы фонари, высѣченные изъ камня и украшенные на пьедесталахъ деревянными надписями. Поднимаясь по лѣстницѣ, вы не видите куда ведутъ васъ эти японскія пропилеи, такъ какъ самый храмъ, гдѣ-то тамъ наверху, совершенно скрытъ въ кудрявой зеленой чащѣ могучей растительности. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы и ея площадокъ ютятся разныя деревянные домики, часовни, божнички и лавочки, построенныя на массивныхъ парапетахъ и террасахъ, сложенныхъ изъ дикаго камня, покрытаго мелкими ползучими растеніями. На этихъ отдѣльныхъ небольшихъ террасахъ, расположенныхъ безъ симметріи, но очень красиво,—одна выше, другая ниже, третья какъ-то въ бокъ или угломъ,—и соединяющихся тамъ и сямъ каменными лѣсенками, вы замѣчаете отдѣльные дворики, садики, пѣтнички, съ журчащимъ каскадиномъ, и небольшія кладбища съ изящными каменными памятниками, подъ сѣнью полого распростертыхъ надъ ними широковетвистыхъ изогнутыхъ сосенъ. А главнаго храма все еще не видать изъ-за зелени громадныхъ деревьевъ, въ которой какъ будто теряется и самая лѣстница. Эти великаи-деревья: сосны, кедры, криптомеріи и камеліи, изъ коихъ каждому насчитываютъ не менѣе какъ по триста, а то и свыше семисотъ лѣтъ, составляютъ неизмѣнное и лучшее украшеніе всѣхъ здѣшнихъ храмовъ.

Но вотъ предъ нами еще одна, уже послѣдняя, лѣстница въ 86 или около того отлогихъ ступеней, и наконецъ мы на верхней площадкѣ. По краямъ ея, примыкая съ обѣихъ сторонъ къ лѣстницѣ, тянутся длинныя каменные перила на прямыхъ четырехстороннихъ столбикахъ, а надъ перилами—деревянныя рѣшетчатыя галереи на колоннахъ. Прямо предъ нами раскрывается сѣнь своего широкаго навѣса узорчато-рѣзной деревянный фронтонъ главныхъ воротъ храма, весь раззолоченный и расписанный по рѣзбѣ ярью, киноварью, лазурью и прочими красками. За этими вратами находится передній дворъ, посреди коего видна древняя бронзовая статуя священнаго коня въ натуральную величину, того знаменитаго бѣлаго коня альбиноса на которомъ, по преданію, были привезены въ Киото свитки «добраго закона» всеблагаго Будды.

Мы зашли сначала посморгнуть окружающій этотъ дворъ наружныя галереи. Здѣсь въ особыхъ рамахъ вставлены безконечныя ряды

деревянныхъ дощечекъ, длиной дюймовъ до десяти и около двухъ въ ширину; на каждой изъ нихъ записано имя кого-либо изъ жертвователей въ пользу храма. Дощечекъ этихъ здѣсь, кажись, десятки если не сотни тысячъ, что далеко не свидѣтельствуетъ о религіозномъ индифферентизмѣ японцевъ, въ которомъ хотятъ увѣрить насъ нѣкоторые изъ европейскихъ писателей. И не надо также думать, будто побужденіемъ къ пожертвованію служитъ тщеславіе, «чтобъ и мое, дескать, имя красовалось на ряду съ другими», нѣтъ, тщеславіе тутъ не при чемъ уже потому, что на этихъ простыхъ тесаныхъ дощечкахъ, безо всякихъ красокъ, лаковъ и орнаментаций, пишется только личное имя жертвователя (будь то мужчина или женщина¹), но ни титуловъ, ни цифры пожертвованной суммы не выставляется. Одинъ даетъ тысячу долларовъ, другой нѣсколько мѣдныхъ грошей, но имена ихъ стоятъ рядомъ по порядку поступленія жертвъ. Тутъ же по стѣнамъ висятъ изображенія нѣкоторыхъ полумифическихъ героевъ, прославившихся преимущественно своимъ патриотизмомъ, а также картины представляющія торжественныя процессіи и разные эпизоды большого праздника, которое ежегодно совершается всѣмъ городомъ въ честь Сува. Далѣе идутъ изображенія мореходныхъ *фунѣ* (родъ джонокъ) и нѣкоторыхъ дѣвицъ-геекъ, въ качествѣ артистокъ, угодныхъ божеству своимъ пѣніемъ и игрой на разныхъ инструментахъ. Что же до фунѣ, то изображенія ихъ приносятся въ Сува тѣми изъ судовладельцевъ и мореходовъ которые, отправляясь въ плаваніе, поручаютъ свои суда покровительству Бентенъ, богини моря. Одинъ благочестивый человекъ пожертвовалъ зачѣмъ-то даже пару оленьихъ роговъ, такъ что еслибы тутъ были примѣнимы европейскія понятія, то можно бы подумать, что это жертва радости по случаю смерти супруги; но рога въ Японіи, какъ и на всемъ Востокѣ, являются символомъ силы и могущества; поэтому нерѣдко встречаемъ мы ихъ и на старыхъ шлемахъ здѣшнихъ *самурѣ*¹).

Тутъ же въ правой галлерей можно найти и оригинальное цѣлительное средство отъ зубной боли. Мы были очень удивлены увидѣвъ большой деревянный щитъ, исписанный въ разныхъ мѣстахъ какими-то благочестивыми изреченіями и молитвами и усаженный небольшими картонажными барабанчиками въ дюймъ вышиной и дюйма два въ діаметрѣ. Каждый такой барабанчикъ оклеенъ съ боковъ золотою бумагой и двомъ своимъ прилѣпленъ къ деревянному щиту надъ молитвою или подъ нею; верхній кружокъ его плотно обтянутъ бѣлою тонкою бумагой, а внутри заключенъ талисманъ, — бумажка испи-

санная какими-то таинственными словами. Самое курьезное здѣсь то, что весь щитъ носить на себѣ безчисленные слѣды плевковъ жеваной бумагой, которая, приставъ къ доскѣ, на ней и засыхаетъ. Помните въ ваши школьные годы извѣстную игру «въ жвачку», когда школяры, изжевавъ во рту клочекъ бумажки пока онъ не обратится въ мягкую массу, старались попадать этою жвачкой посредствомъ плевка въ черную классную доску? То же самое и тутъ; только школяры игравали бывало въ жвачку (а можетъ и теперь играютъ) на стальное перо, на карандашъ или на булку, а здѣсь—это магическое средство противъ зубной боли. Страдающій зубами приходитъ во храмъ и покупаетъ у дежурнаго бонзы свернутую бумажку на которой внутри написана какая-то заклинательная молитва. Подойдя съ этою бумажкой къ деревянному щиту, но отнюдь не развертывая ее чтобы, Боже сохрани, не прочесть что тамъ написано, страдалецъ отрываетъ отъ нея кусочекъ и начинаетъ жевать его, читая въ то же время про себя по порядку начертанныя на щитѣ молитвы. Вотъ онъ трижды прочесть первую; клочекъ во рту къ этому времени уже изжеванъ, остается только нацѣлиться въ барабанчикъ, приклеенный надъ первою молитвой и ловко плюнуть въ него жвачкой. Если удалось попасть прямо въ цѣль и пробить верхнюю бумажную шкурку барабанчика, зубная боль проходитъ; а не удалось, надо отрывать новый клочекъ отъ магической бумажки и пережевывать его, трижды читать слѣдующую молитву и затѣмъ цѣлится въ слѣдующій барабанчикъ; не удалось,—начинай съ третьей и такъ далѣе пока не удастся. Но дѣйствительно ли такое средство, надо спросить, конечно, не у бонзы, которые клятвенно увѣряютъ въ его несомнѣнности.

Изъ правой галлерей прошли мы во дворъ посмотреть на бронзоваго коня, по обѣмъ сторонамъ коего, отступя на приличное разстояніе, красуется пара громадныхъ каменныхъ фонарей на высокихъ пьедесталахъ. Тутъ же, посрединѣ двора, за конемъ стоитъ громадная бронзовая ваза очень древней и превосходной чеканной работы, гдѣ по праздникамъ возжигаются жертвенныя куренія. Осмотрѣвъ всѣ эти достопримѣчательности, мы направились къ широкимъ каменнымъ ступенямъ, ведущимъ къ главному храму, представляющему собою подобіе деревянной хижины приподнятой на деревянномъ помостѣ, метра на два надъ землей, и окруженной со всѣхъ сторонъ открытою верандой, куда ведутъ нѣсколько деревянныхъ ступенекъ. Помостъ, служащій для храма основаніемъ, составленъ изъ цѣлой системы блоковъ, стоекъ, раскосовъ и поперечныхъ брусевъ, которые въ общемъ придаютъ ему весьма красивый сквозной рисунокъ. Особенно же оригинальную, строго условную форму по-

¹) Рыцарское дворянское сословіе, обязанное въ прежнее дореформенное время нести военную и государственную службу.

силь соломенная крыша этого храма-хижины, сравнительно очень высокая и лежащая на приподнятых вкось выступахъ потолочныхъ балокъ, такъ что покрываетъ собою всю веранду; она отличается еще тѣмъ, что верхніе концы ея стропилъ выходятъ изъ-за гребня наружу и торчатъ въ воздухъ симметричными желобковатыми развилками, въ видѣ римской цифры V или словно рядъ ижицъ поставленныхъ вдоль гребня, на равномъ разстояніи одна отъ другой, а въ каждомъ ихъ промежуткѣ положено поперекъ гребня по одному небольшому бревнушку, равномерно обточенному съ обоихъ концовъ въ родѣ веретена. Это типичнѣйшая форма всѣхъ храмовъ культа Ками или Синто, носящихъ общее названіе *миа*, равнозначашее слову *святиня*. Каждый такой храмъ забранъ съ трехъ сторонъ неподвижными досчатыми переборками, а передняя сторона его остается открытою и только въ случаѣ непогоды закрывается выдвижными деревянными ширмами или ставнями. Материаломъ для всей постройки, какъ снаружи такъ и внутри, служитъ исключительно кедровое дерево. Внутренняя обстановка *миа* крайне проста, въ силу требованій культа, но за то отличается безукоризненною, даже блестящею чистотою и опрятностью. Алтарь состоитъ изъ небольшого возвышенія въ двѣ или три ступеньки и не покрывается никакими чехлами; на верхней ступенькѣ стоитъ главная эмблема всего культа—зеркало Изанами (по-японски *камитами*); надъ нимъ ни балдахина, ни ореола изъ лучей, ни какихъ-либо изображеній изъ міра животнo-фантастическаго или растительнаго; вообще, нѣтъ ничего побочнаго, украшающаго, что могло бы мѣшать сосредоточенію мысли и развлекать вниманіе молящагося. Зеркало представляетъ собою металлическій дискъ большей или меньшей величины съ простою ручкой, которая вставляется въ деревянный рѣзной постаментъ, изображающій клубящіяся облака. Металлическая поверхность зеркала отшлифована такъ искусно, что оно сіяетъ рѣзкимъ блескомъ въ глубинѣ полусумрачной *миа* противъ отвореннаго входа, напоминая вѣствующее изъ-за облаковъ солнце, государственную эмблему Японіи. Надъ зеркаломъ, отъ одной стѣны до другой протянута тонкая веревка, сплетенная изъ рисовой соломѣ, и къ ней подвѣшено вѣсколку фигурно сложенныхъ лентъ изъ бѣлой бумаги; слагается же каждая лента такимъ образомъ, чтобы изъ нея образовалось семь трехъ-угольныхъ колѣвъ, выражающихъ символъ семи духовъ небесныхъ, покровителей Японіи. Эти бумажныя фигурки называются *дзин-дзи*, ¹⁾ и число ихъ можетъ быть неопредѣленное; онѣ

безпрестанно встрѣчаются и въ разныхъ другихъ мѣстахъ: на *тори*, надъ входами домовъ и въ самыхъ домахъ, на стѣнахъ часовенъ и храмовъ и даже на веревкахъ протянутыхъ надъ крышами черезъ улицу, по близости какого-нибудь священнаго мѣста. *Дзин-дзи*, въ смыслѣ священно-символическаго знака, усвоены не только синтоистскимъ, но и буддѣйскимъ культомъ, какъ и всѣми вообще религіозными сектами Японіи, потому что, будучи посвящены семи духамъ-покровителямъ страны, имѣютъ и патристическое значеніе. Стѣны *миа* совершенно голы, не крашены, даже не наведены политурой, но за то обструганы рубанкомъ до идеальной гладкости и это придаетъ имъ своего рода большое изящество. Полъ какъ и вездѣ застланъ циновками, но очень тонкой, дорогой работы, въ чемъ сказывается единственная уступка въ пользу нѣкоторой роскоши. Культъ нарочно бьетъ на простоту, что, какъ увидимъ ниже, имѣетъ свое значеніе. Изъ прочихъ принадлежностей культа, находящихъ себѣ мѣсто въ *миа*, можно упомянуть только о двухъ бамбуковыхъ стаканахъ съ букетами цвѣтовъ, посвященныхъ богинѣ Изанами, да о кропилѣ лежащемъ между ними на одной изъ нижнихъ ступенекъ алтаря предъ зеркаломъ. Это кропило состоитъ изъ прикрѣпленнаго къ кедровой палочкѣ пучка тонко нарѣзанныхъ бумажныхъ лентъ (для чего бумага предварительно должна быть овящена) и служить какъ для окропленія стѣнъ, такъ и для обмахиванья вокругъ себя во время молитвы, ради отогнанія вліяній злыхъ духовъ, привносимыхъ съ собою извнѣ молящичками. Вотъ и вся обстановка *миа*. Но, чтобы она стала понятною, надо рассказать легенду связанную съ *камитами*—зеркаломъ Изанами, которое мы видимъ на жертвенникахъ синтоистскихъ *миа*.

Когда божественная чета (седьмая въ японской ееогоніи) Изанаги и Изанами вызвала къ жизни низшій міръ въ видѣ Японскаго архипелага, то почувствовала влеченіе къ своему созданію и задумала спуститься на землю. Опершись на баллюстраду своего небеснаго жилища, боги смотрѣли на это свое созданіе; взоры ихъ остановились на граціозномъ бассейнѣ Внутренняго моря Японіи, и божественная чета рѣшила направиться къ самому красивому изъ острововъ, Авадзи, который, подобно корзинкѣ съ листьями и цвѣтами, покоился на глубокихъ и тихихъ водахъ, защищенныхъ съ одной стороны скалами Сикока, съ другой—плодоносными берегами Ниппона. Спустившись туда, боги долго не могли насытиться прелестями этого уединеннаго убѣжища. Послѣ долгихъ годовъ наслажденія жизнью и природой на Авадзи, они произвели наконецъ свое потомство и имѣли счастье видѣть, какъ на порогѣ ихъ простаго жилища играли ихъ веселыя дѣти. Однакоже, по мѣрѣ того, какъ

¹⁾ Отъ китайскаго слова *дзинъ*—духъ; *дзин-дзи* значитъ *посвященные духамъ*.

дѣти подрастали, облако печали нерѣдко туманило взоры родителей. Небесная чета знала непреложный законъ, въ силу коего все рожающееся на землѣ подлежитъ смерти. Поэтому и дѣти ихъ, какъ рожденные на землѣ, должны были рано или поздно умереть. Эта ужасная мысль заставляла содрогаться кроткую Изанами, которая не въ состояніи была равнодушно представить себѣ, что настанетъ день когда она должна будетъ закрыть глаза своимъ дѣтямъ, оставаясь сама при своемъ божескомъ безсмертіи. Ей хотѣлось бы лучше умереть вмѣстѣ съ ними. Видя это, Изанаги рѣшился положить конецъ такому состоянію своей супруги, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ она становилась все грустнѣе, и началъ убѣждать ее возвратиться съ нимъ въ небесное жилище прежде чѣмъ образъ смерти омрачитъ на землѣ ихъ семейное счастье. «Правда,—сказалъ онъ ей,—дѣти наши не могутъ послѣдовать за нами на небеса, въ мѣсто вѣчнаго и ненарушимого блаженства; но, разставаясь съ ними, я сумѣю облегчить имъ горестъ разлуки такимъ наслѣдіемъ, которое дастъ имъ способъ приблизиться къ намъ, сколько это возможно для смертныхъ». Итакъ, рѣшивъ покинуть землю, Изанаги предъ разлукой попросилъ дѣтей отереть слезы и внимательно выслушать его послѣднюю волю. «Хотя здѣсь на землѣ,—сказалъ онъ имъ,—вы никогда не будете обладать тѣмъ блаженствомъ какое предназначено міру высшему, но отъ васъ будетъ зависѣть въ теченіе земной своей жизни имѣть какъ бы долю его, то-есть созерцать и *предвкушать* это блаженство, съ тѣмъ, конечно, чтобы вы свято исполняли мои заповѣди». Съ этими словами онъ поднялъ правою рукой отполированный серебряный дискъ, много разъ отражавшій въ себѣ чистый образъ его божественной супруги, съ тѣхъ поръ какъ она низошла на землю, велѣлъ дѣтямъ стать на колѣни и торжественно продолжалъ: «Оставляю вамъ этотъ драгоцѣнный памятникъ. Онъ будетъ напоминать вамъ благословенныя черты вашей матери. Но въ то же время вы въ немъ увидите и свой собственный образъ. Правда, для васъ это будетъ невыгоднымъ сравненіемъ, но не останавливайтесь надъ грустнымъ разглядываніемъ самихъ себя, а старайтесь усвоить себѣ божественное выраженіе возлюбленнаго образа, который отнынѣ вамъ придется искать только на небѣ. Предъ этимъ зеркаломъ вы должны каждое утро становиться на колѣни. Оно укажетъ вамъ морщины, проводимыя земными заботами на вашемъ лицѣ, — стирайте эти печати зла, возвращайтесь къ душевной гармоніи, къ ясному спокойствію и затѣмъ обращайтесь съ молитвой къ намъ, но просто и величественно. Знайте, что боги читаютъ въ вашей душѣ такъ же, какъ вы читаете на своемъ лицѣ смотря въ это зеркало. Если

въ теченіе дня вы почувствуете въ душѣ какое-нибудь мятежное чувство, нетерпѣніе, зависть, жадность, гнѣвъ, и не въ состояніи будете побороть его въ началѣ, приходите скорѣй во святилище утреннихъ вашихъ молитвъ и повторите въ немъ омовеніе, размышленія и молитвы. Наконецъ, каждый вечеръ, предъ отходомъ ко сну, послѣдняя мысль ваша да будетъ обращеніемъ къ самому себѣ и новымъ *стремленіемъ къ блаженству того высшаго міра, въ который мы предшествоуемъ вамъ*».

Такимъ образомъ культъ Камы оставляетъ своимъ послѣдователямъ надежду на будущую загробную жизнь въ лучшемъ мірѣ.

По преданію, смертныя дѣти Изанаги освятили мѣсто гдѣ простились они со своими божественными родителями и воздвигли на немъ первый алтарь изъ кедроваго дерева, по подобію хижины въ какой обитали родители, безо всякихъ украшеній, кромѣ зеркала Изанами и пары ея бамбуковыхъ стакановъ, гдѣ всегда стояли любимые ею цвѣты. Предъ этимъ алтаремъ онѣ каждодневно сходились всѣ для утренней и вечерней молитвы, какъ было завѣщано ихъ божественнымъ отцомъ. Онѣ жили на землѣ Японіи въ семи поколѣніяхъ, въ теченіе около двухъ милліоновъ лѣтъ и умирая, въ свою очередь, содѣлывались безсмертными, блаженными духами *ками*, достойными религиозныхъ почестей. Эти-то *ками* и являются національными геніями-хранителями Японіи и ея народа, какъ непосредственныхъ своихъ потомковъ, и предстателями за нихъ предъ богами. Первая дщерь Изанами, блистательная и животворная Тенсэ, въ видѣ солнца, и до сихъ поръ ежедневно приходитъ къ своимъ потомкамъ встрѣчать ихъ утреннія молитвы божественной четѣ своихъ создателей, а въ лицѣ послѣднихъ и верховнѣйшему Куно-токо-тадзи, Богу-творцу вселенной.

«Кангами», или зеркало Изанами служить символомъ всевидящаго ока великаго божества и его полнаго вѣдѣнія тайниковъ души человеческой, равно какъ и символомъ абсолютной истины. Бѣлыя же семиколѣнчатыя бумажныя ленты, кромѣ напоминанія о семи геніяхъ-покровителяхъ, по объясненію Кемпфера, еще напоминаютъ вѣрующимъ и о томъ, что они должны входить въ *міа* съ сердцемъ чистымъ и тѣломъ омытымъ отъ всякой грязи. Последнее требованіе удовлетворяется тѣмъ, что при входѣ въ ограду *міа* всегда стоятъ подъ особымъ навѣсомъ каменный водоемъ съ освещенною водой для омовенія лица и рукъ, тутъ же, для обтиранія ихъ, висятъ небольшія красныя, синія и бѣлыя полотенца съ набойчатыми изображеніями какихъ-то священ-ныхъ изреченій ¹⁾.

¹⁾ Правила очищенія должны охранять вѣрущихъ отъ пяти наибольшихъ золъ, а именно: отъ небеснаго огня, чло болѣзни, бѣдности, изгнанія изъ отечества и преждевременной смерти.

Теперь понятен и самый тип постройки *миа* в их традиционной формѣ хижины и непременно изъ кедра, непременно съ рядомъ разилокъ на высокой кровлѣ и прочими подобными атрибутами: таковъ былъ первоначальный типъ жилищъ Айновъ, первобытныхъ обитателей Японіи (въ буквальномъ переводѣ—*первыхъ людей*), и, конечно, религія, посвященная чествованію ихъ памяти, должна была сохранить его для своихъ послѣдователей въ полной чистотѣ тѣмъ болѣе, что этотъ типъ напоминаетъ имъ о патриархальной простотѣ жизни древнѣйшихъ предковъ, слѣдовать которой повелѣвается и самый завітъ Изанаги.

До введенія буддизма, культъ Kami вовсе не имѣлъ особаго духовнаго сословія: старшій представитель семьи или общины былъ въ то же время и главнымъ молитвенникомъ въ *миа*, тѣмъ болѣе, что обряды культа вовсе не сложны: соблюденіе духовной и физической чистоты, празднованіе памяти *ками* и предковъ, посѣщеніе священныхъ мѣстъ, прославленныхъ ихъ рожденіемъ или подвигами, вотъ и все. Для перваго требуется только тщательно оберегать у себя огонь на очагѣ и чистую воду, какъ два очищающія начала, и ежедневно совершать утреннее и вечернее омовеніе¹⁾, а для втораго и третьяго—участіе, хотя бы разъ въ годъ, въ процессіи *матсури*, въ честь великихъ *ками*, которая всегда направляется къ какому-либо посвященному имъ мѣсту. Но замѣчательно, что моленіе предъ *канами* въ подобной *миа* никогда не обращается къ самому *ками*: молящіеся только призываютъ его для посредничества и предстательства за нихъ предъ богами. Впрочемъ, какъ религія безъ жреческой касты, культъ Kami не удержался во всей чистотѣ послѣ введенія въ странѣ буддизма: эта послѣдняя религія сразу пошла на компромиссъ и охотно ввела у себя *канами* Изанами, въ числѣ прочихъ своихъ наалтарныхъ украшеній, но за то исподоволь ввела и въ культъ Kami разныя рельефныя

изображенія въ родѣ священнаго «коня закона», корейскихъ полульвовъ-полуболонокъ, вазъ-ѳиміамницы, колоколь для связку бубенчиковъ надъ входомъ въ *миа*, для пробужденія и вызыванія духа, наконецъ ввела даже идоловъ, подъ видомъ якобы тѣхъ же *ками*, только подвергшихся по смерти закону переселенія душъ и перевоплотившихся во святыхъ подвижниковъ буддійскаго культа. Поэтому въ современной намъ Японіи вы болѣе всего встрѣчаете храмы смѣшаннаго синто-буддійскаго характера, что въ значительной мѣрѣ отразилось и на нагасакскомъ Сувѣ. Это смѣшеніе или соединеніе двухъ исповѣданій получило даже особое названіе *Рюбу-Синто*, вслѣдствіе чего буддизмъ въ Японіи сдѣлался преобладающею религіею. Подъ влияніемъ буддизма же, мало-по-малу образовалось и въ культѣ Синто¹⁾ или Kami нѣчто въ родѣ привилегированнаго духовенства. Началось оно съ того, что младшіе сыновья почетнѣйшихъ фамилій стали назначаться для надзора и охраненія *миа*, а затѣмъ и для священнодѣйствія. Съ этого времени и были введены извѣстнаго рода правила и блескъ внѣшней обстановки для религіозныхъ процессій, порядокъ священнослуженія, условныя молитвы и жертвоприношенія. Но все-таки уваженіе къ преданію столь сильно, что *кануси* (синтоискіе жрецы) никогда не осмѣливались соединиться въ замкнутую касту и, облачаясь въ извѣстный костюмъ только для богослуженія, тотчасъ же по окончаніи послѣдняго, переодѣваются въ свою свѣтскую одежду. Въ настоящее время, какъ неоднократно доводилось мнѣ видѣть въ послѣдствіи, синтоиское богослуженіе на восходѣ солнца сопровождается особою музыкой (*канура*) при участіи флейтраверсовъ (инструментъ въ родѣ румынскаго *нуи* или флейты бога Пана), простыхъ тростниковыхъ флейтъ, барабановъ и *кандико* (высокотонный небольшой гонгъ). Жрецъ облачается въ особый костюмъ вродѣ какого-то крылатаго ширококраватнаго киримона, надѣваетъ лаковый головной уборъ въ видѣ коробки съ заушными воскрыліями, и, взявъ въ руку иногда обаженную саблю, а чаще всего кропило или вѣрѣ, производитъ на эстрадѣ предъ *миа* священную пляску, сопровождаемую усиленною мимикой и жестикulyацией, которыя подъ конецъ переходятъ въ кривлянье и коверканье. Перебрасывая кропило изъ руки въ руку, или нервно и съ трескомъ распуская и сжимая вѣрѣ или, наконецъ, описывая надъ головой разныя эволюціи и круги священною саблей, *кануси* мечется предъ *миа*, какъ угорѣлый, подъ завывающіе звуки флейтъ, и затѣмъ, почувствовавъ надлежащую силу «наитія духа», спускается съ

¹⁾ Нечистыми считаются: имѣвшие предосудительную связь, тѣ, у кого умерли единокровные родные, кто прикасался къ трупу, кто проливалъ кровь, опачкавшіеся кровью и вѣвшие мясо домашняго рабочаго скота. Чтобы выйти изъ состоянія нечистоты, требуется покаяніе, смотря по винѣ, въ теченіе большаго или меньшаго срока. Очищающіеся мужчины не могутъ стричь себѣ волосы и брить бороду, женщины же должны носить бѣлую повязку на головѣ, а затѣмъ и тѣ и другія, безразлично, обязаны въ теченіе всего срока покаянія вести уединенную жизнь, сидѣть дома, воздерживаться отъ извѣстныхъ кушаній и всякихъ шумныхъ развлеченій и, наконецъ, отправляться на богомолье, по возвращеніи съ котораго родные, въ знакъ радости о состоявшемся очищеніи, устраиваютъ имъ семейное празднество, причемъ среди двора зажигается большой костеръ и весь домъ окропляется, для очищенія, освященною водой и обсыпается цѣсколыми пригоршнями выпаренной морской соли.

¹⁾ Синто есть китайское названіе этого культа, привившееся однако въ Японіи, не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ ихъ собственное *Ками*.

лѣсенки и мѣрно, нѣсколько театральнымъ шагомъ, проходитъ между рядами своихъ прихожанъ, сбѣгая ихъ направо и налево кропотливо или распускаемымъ и сжимаемымъ вѣтромъ, и бормоча какія-то молитвы; а тѣ въ это время лежатъ ницъ, припавъ лбами къ циновкѣ, и только гортаннымъ звукомъ «кге» (что значитъ *да, такъ, вѣрно, хорошо* и т. п.) выражаютъ принятіе этого духовнаго наитія. Въ этомъ и состоитъ все богослуженіе. Въ обыкновенные же часы дня каждый желающій помолиться приходитъ къ *міа*, ударяетъ въ колоколь, или за отсутствіемъ такового держитъ за ленту, привязанную къ одному большому либо къ связкѣ малыхъ бубенчиковъ надъ входомъ, — «будитъ духа», затѣмъ вѣшаетъ предъ *кантами* одну или нѣсколько бумажныхъ *дзин-дзи* и, склонивъ голову, молится про себя съ минуту, причѣмъ иногда коротко втягиваетъ въ себя воздухъ, такъ что получается свистящій звукъ «иш!»; а въ заключеніе, потеревъ ладонь объ ладонь и испустивъ гортанное «кге!» отходитъ прочь и удаляется по своему дѣлу, увѣренный, что добрый *ками* за него похлопочетъ предъ божественною четой.

Изъ ограды храма Сува мы спустились въ городской общественный садъ, разбитый на одной изъ высокихъ площадокъ той же горы. Цвѣточныя клумбы, съ красивыми декоративными растеніями, извилистыя дорожки, посыпанныя мелкою галькой, водоемъ, неумолкаемо бьющій фонтанчикъ, все это очень мило и въ самомъ опрятномъ видѣ группируется подъ зелеными сводами разныхъ японскихъ хвой, перечныхъ и камфарныхъ деревьевъ. Тутъ же приютились на лужайкахъ два-три небольшие чайныя домика и два тира для стрѣльбы въ цѣль изъ лука тупоносими стрѣлами. Это одно изъ любимѣйшихъ и популярнѣйшихъ упражненій у японцевъ, въ которомъ постоянно принимаютъ участіе и женщины, и дѣти. Десять выстрѣловъ стоить всего одинъ центъ (копѣйка), и, благодаря такой дешевизнѣ, предъ тирами никогда не бываетъ пусто; тамъ всегда толпятся кучки любителей, терпѣливо ожидающихъ своей очереди, если всѣ луки заняты. Мишенью же обыкновенно служитъ дискъ мѣднаго гонга или большой плоскій барабанъ съ туго натянутою и размазванною шкурой; при вѣрно попавшемъ ударѣ стрѣлы и тотъ и другой возвѣщаютъ торжество побѣдителя громкимъ густымъ и продолжительнымъ звукомъ, причѣмъ всѣ зрители непремѣнно выражаютъ свое одобреніе разными знаками и нѣсколько рычащимъ горловымъ звукомъ «а-э-э!». Въ тирахъ, какъ и въ чайныхъ домахъ, распоряжаются и заправляютъ всѣмъ дѣломъ молодые красивыя дѣвушки, очень привѣтливныя, очень кокетливыя, но вполне скромныя. Изъ

сада открывается великолѣпный видъ на весь городъ, раскинувшійся внизу подъ ногами, и на всю Нагасацкую бухту, далеко за Папенбергъ, за острова Койяки и Оки, до лиловыхъ профилей Такосимы, гдѣ въ серебристо-голубомъ зенитѣ едва уловимая черта морского горизонта сливается съ небомъ.

Спустился изъ сада къ нижнему *тори*, гдѣ насъ ожидали наши дженерикши, мы переѣхали, въ противоположную храму Сува, сѣверовосточную часть города. Тамъ, на возгорыяхъ Гикосана, находится главный городской храмъ Дайондзи, буддійскаго вѣроисповѣданія.

Миновавъ необходимое *тори*, мы очутились предъ входомъ въ главный крытый ворота, ведущія въ ограду храмоваго двора. Здѣсь находятся отдѣльныя часовенки, гдѣ за рѣшетчатыми окнами вы видите изваянныя и рѣзныя изъ дерева изображенія Будды, сидящаго въ цвѣточной чашечкѣ лотоса, и раскрашенные истуканы какихъ-то святыхъ и героевъ. Тутъ же, рядомъ съ одной изъ такихъ часовенекъ, бритоголовый старый бонза подъ циновочною яткой продаетъ съ прилавка амулеты и талисманы, вѣшаемые на шею, разные четки, символы оплодотворенія, скрытые въ изищной формѣ нѣжно разрисованнаго раздвижнаго яблоса или абрикоса изъ китайскаго крепа, жертвенныя свѣчи и курительныя палочки, тонкія облатки изъ рисоваго тѣста, разные священныя изображенія на тонкихъ бумажныхъ листахъ, душеспасительныя книжки и молитвы.

Священные врата главнаго входа, какъ и въ синтоискромъ храмѣ, изобильно изукрашены позолотой, красками и очень изящною рѣзбой по дереву: какіе-то листья, цвѣты, гирлянды, драконы и т. п. Внутри ограды, на главномъ дворѣ — такія же многовѣковыя деревья, какъ и въ Сува; между ними въ особенности замѣчательны массивныя японскія сосны съ искривленными стволами и прихотливо, даже какъ-то фантастически изогнутыми и вывернутыми вѣтвями. Говорятъ, это достигается искусственнымъ путемъ, когда дерево находится еще въ раннемъ періодѣ своего развитія. Дорожки во дворѣ тщательно вымощены массивными гранитными плитами; остальное пространство двора отлично утрамбовано мелко щебенкой. Повсюду чистота замѣчательная, просто идеальная. Дворъ и здѣсь, какъ въ Сува, украшенъ изваянными изъ камня массивными фонарями и древними бронзами въ видѣ большихъ, выше человѣческаго роста, чашъ-курильницъ и пары корейскихъ львовъ, сидящихъ на каменныхъ цоколяхъ и охраняющихъ проходъ ко храму. Изваяніе подобныхъ львовъ, спеціально называемыя *кома-ину*, первоначально, говорятъ, были вывезены изъ Кореи и распространены по храмамъ Японіи

знаменитою покорительницей Корейскаго полуострова, императрицей Цингу¹⁾, изображение коей можно видѣть на бумажныхъ іенахъ, выпускаемыхъ государственнымъ банкомъ въ Токио.

Въ одной сторонѣ двора, на высокомъ каменномъ фундаментѣ возвышается особый, затѣйливо скомпонованный и узорчато-изукрашенный рѣзьбою деревянный павильонъ, гдѣ въ вышкѣ подъ характерною, высокою и массивною кровлей виситъ большой бронзовый колоколъ, которому приписываютъ здѣсь очень большую древность; въ него ударяютъ не внутреннимъ языкомъ, а снаружи деревяннымъ бѣломъ въ видѣ продолговатаго бруса, подвѣшеннаго горизонтально къ особой перекладинѣ на двухъ веревкахъ. Форма колокола не такая какъ у насъ, а цилиндрическая съ закругленною верхушкой, и на позелѣвшей отъ времени его поверхности видны какія-то чеканные орнаментации, письма и драконы. Въ этотъ колоколъ, какъ и во всѣ ему подобные при буддійскихъ монастыряхъ и храмахъ, въ извѣстные часы дня и ночи дѣлаютъ особо положенное для каждаго раза число ударовъ. Предъ колокольною храма Дайондзи, въ особомъ постаментѣ, покрытомъ небольшимъ навѣсомъ, выставлены въ рамкахъ длинные ряды поминальныхъ дощечекъ, точно такихъ же, какъ и въ галлереяхъ синтойскаго Сува, и назначеніе ихъ здѣсь то же самое, что и тамъ: онѣ были восприняты культомъ Синто отъ *буккью*, то есть отъ буддизма.

У подножія каменной лѣстницы, ведущей къ главному portalу храма, около пары бронзовыхъ львовъ, стоятъ подъ навѣсами двухъ легкихъ павильоновъ два водоема, высѣченные изъ камня въ видѣ саркофаговъ четырехъугольной продолговатой формы и украшенные снаружи вѣчными надписями; а надъ ними, такъ же какъ и въ Сува, развѣшены рядами небольшія разноцвѣтныя и узорчатыя лототенца.

И вотъ мы уже предъ самымъ храмомъ Дайондзи, со ступенекъ коего спустился на встрѣчу намъ дежурный бонза, и, узнавъ, что мы желаемъ осмотрѣть эту буддійскую святыню, тотчасъ охотно предложилъ свои услуги въ качествѣ путевода. Я окинулъ взглядомъ общій наружный видъ храма. Корпусъ постройки конечно весь изъ дерева, на каменномъ, нѣсколько возвышенномъ основаніи, съ выступающимъ впередъ дуговиднымъ фронтономъ, который покоится какъ крыльце надъ

каменную лѣстницей на четырехъ поставленныхъ въ рядъ деревянныхъ колоннахъ. Высокая массивная кровля изъ сѣрой цилиндрической черепицы съ разными украшеніями, сложенная такимъ образомъ, что черепицы эти представляются непрерывными рядами колѣчатыхъ бамбучинъ, широко покрываетъ своими выгнутыми скатами и приподнятыми выступами все это зданіе съ окружающею его галлереей, но въ общемъ отнюдь не давить его; напротивъ, все это одно съ другимъ очень гармонируетъ, сохраняя какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ вполне самобытный типъ и художественно выработанный стиль, полный своеобразной красоты, какой нигдѣ, кромѣ Японіи, не встрѣтишь. Въ углахъ по обѣ стороны фронтальной лѣстницы посажены священные пальмы, а вверху изъ-за кровли выглядываютъ высокіе кедровые раскидистые сосны. Хорошо, красиво, уютно, и все вышѣ исполнено какой-то гармонической тишины и безмятежно яснаго спокойствія. Надо отдать справедливость, мѣсто для храма въ этомъ уголкѣ окружающей природы выбрано какъ нельзя поэтичнѣе.

Бонза путевода любезно предложилъ намъ снять и оставить у входа нашу обувь, послѣ чего мы были введены имъ въ одну изъ боковыхъ дверей внутрь храма. Досчатый полъ его, до нельзя вылощенный и даже лакированный, былъ покрытъ толстыми, эластично мягкими циновками отменной чистоты и замѣчательно изящной выдѣлки. Два ряда рѣзныхъ деревянныхъ лакированныхъ колоннъ раздѣляютъ внутренность храма на три продольныя части, изъ коихъ средняя значительно шире боковыхъ. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ отдѣловъ, съ потолка, разбитаго балками на квадратныя раззолоченныя клѣтки, спускается множество самыхъ разнообразныхъ фонарей: бумажныхъ, шелковыхъ, стеклянныхъ и ажурно-бронзовыхъ самой причудливой формы, начиная съ простѣйшей складной цилиндрической до шарообразныхъ, ромбовидныхъ, шести- и восьмигранныхъ и тюльпановыхъ. Одни изъ нихъ были громадные, другіе средней величины, третьи маленькіе, и всѣ вообще ярки, но изящно расписаны разноцвѣтными узорами и знаками японскаго алфавита или украшены по стеклу матовымъ рисункомъ. Фонари эти, на опредѣленныхъ мѣстахъ, частью группируются какъ бы въ цѣлыя кусты и со вкусомъ подобранные букеты, частью висятъ отдѣльно или парами, но все это съ соблюденіемъ строгой симметріи и при томъ необходимомъ условіи, чтобы въ общемъ оно представляло красивую картину.

Главный алтарь находится во глубинѣ средней отдѣла. Передній планъ предъ алтаремъ занятъ такъ-называемымъ «колесомъ закона» и музыкальными инструментами, употребляе-

¹⁾ Цингу или Дзинъ-гу-Коого, царствовала въ Японіи 69 лѣтъ, съ 204 по 273 годъ по Р. Х. Рассказы про нее и про ея сына, шестнадцатаго императора, Хачимана-дайджина, составляютъ любимое чтеніе въ народѣ. Кромѣ того, въ воспоминаніе о нихъ въ Японіи ежегодно бываютъ шумно-торжественныя празднества и процессіи.

мыми при буддйскомъ богослуженіи. Здѣсь стоятъ разной величины тамъ-тамы, металлическія тарелки, какъ у нашихъ военныхъ пѣсенниковъ, пара гонговъ и нѣсколько барабановъ, отъ самаго маленькаго, издающаго металлическій звукъ, подобный колокольчику, до громаднаго, повсюду разрисованнаго золотомъ и красками барабанища, на особой подставкѣ, который гудитъ и гремитъ столь громоподобно, что съ нимъ не сравнятся никакія наши литавры. Чтò же до «колеса закона» (по-японски *ринсоо*), это тоже родъ барабана, вращающагося на внутренней вертикальной оси; на ободѣ его плотными рядами утверждены свернутые свитки священныхъ книгъ «благаго закона» и весь ритуалъ буддизма. Это — остроумное изобрѣтеніе первосвященника Фудайзи, пришедшаго нѣкогда изъ Китая. Каждый добрый буддистъ, по установленію позднѣйшихъ учителей и истолкователей этой религіи, обязанъ ежедневно прочитывать весь благой законъ и въ особенности богослужебныя книги онаго, чтò на ихъ метафорическомъ языкѣ обозначается выраженіемъ «обернуть колесо закона». Но такъ какъ это невозможно физически, ибо для внимательнаго прочтенія буддйскихъ книгъ нужны не дни, а годы, то первосвященникъ Фудайзи, не желая, чтобы послѣдователи «благаго закона» могли укорить его истолкователей въ противорѣчіи поставляемыхъ ими требованій со здравымъ смысломъ, ухитрился дать ихъ знаменитой фразѣ просто буквальное истолкованіе на самой реальной почвѣ и притомъ въ чисто механическомъ примѣненіи. Съ этою цѣлью онъ и придумалъ барабанообразное колесо, которое достаточно разъ обернуть вокругъ, чтобы буквально исполнить требованіе отцовъ-истолкователей. Ученики Фудайзи, въ награду за свое благочестіе и смотря по степени послѣдняго, получали отъ него разрѣшеніе обернуть *ринсоо* на четверть круга, на полкруга или на три четверти, и только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ особой величайшей милости, разрѣшалось тому, или другому изъ нихъ сдѣлать полный оборотъ колеса. Съ тѣхъ поръ это считается столь же важнымъ, благочестивымъ дѣломъ, какъ прочесть громко отъ начала до конца всѣ священные книги. Изобрѣтеніе Фудайзи, вещь въ высшей степени удобная, охотно было принято буддйскими жрецами во всей Азіи, и, получивъ самое широкое примѣненіе, оказалось для нихъ очень выгоднымъ дѣломъ: жрецы стали просто торговать правомъ верченія *ринсоо*, продавая его богомольцамъ, по извѣстной таксѣ за четверть круга, полкруга и т. д. Въ настоящее время, вслѣдствіе вообще нѣкотораго упадка благочестія, это стоитъ даже очень дешево, такъ что богомольный любитель за какіе-нибудь десять,

пятнадцать центовъ можетъ хоть каждый день доставлять себѣ такое благочестивое удовольствіе, а заплативъ нѣсколько больше, вертѣтъ сколько ему угодно.

Надъ главнымъ алтаремъ, въ таинственной и сумрачной глубинѣ особаго кіота, помѣщается позолоченная статуя Будды, сидящаго на лотосѣ. Размѣры ея въ полтора человѣческаго роста. Во лбу идола свѣтится крупный алмазъ, замѣняющій тотъ небольшой клокъ сѣдыхъ волосъ, что въ дѣйствительности, по преданію, ростъ у Сакья-муни на этомъ самомъ мѣстѣ, и въ то же время служащій символомъ его блистательно свѣтлыхъ, чистыхъ и высокихъ думъ.

Изъ главнаго храма насъ провели небольшимъ коридорчикомъ въ особый придѣлъ, посвященный памяти умершихъ. Здѣсь, у задней стѣны, во всю ширину этой часовни поставленъ большой, длинный столъ, отъ котораго пологими ступенями идутъ вверхъ почти до потолка такой же длины полки, сплошь заставленные съ низу до верху рядами небольшихъ двустворчатыхъ кіотиковъ. Эти послѣдніе сдѣланы всѣ изъ дорогихъ сортовъ дерева, сваружи наведены чернымъ японскимъ лакомъ, а внутри вызолочены и заключаютъ въ себѣ разныя священные изображенія, чрезвычайно тонкой работы, изъ слоновой кости, бронзы, серебра, а болѣе всего изъ дерева. Предъ каждымъ кіотикомъ на дощечкахъ написаны имена умершихъ.

Деревянная лѣстница ведетъ изъ этого придѣла въ верхній этажъ, гдѣ находится подобная же часовня, но только посвященная памяти японскихъ императоровъ. Хотя императоры, какъ первосвященники культа Сяито или Камы, обязательно исповѣдуютъ эту государственную религію, но она съ теченіемъ времени, какъ уже сказано, освоилась и даже переплелась съ буддизмомъ. Въ силу давнымъ-давно уже установившагося обычая, по смерти каждаго микадо, его вдова или наслѣдникъ обязательно присылаютъ въ Дайондзи кіотикъ и пару скрижалей съ именемъ покойнаго властителя. Почти всѣ изъ императорскихъ кіотиковъ представляютъ замѣчательные образцы изумительно тонкой, артистической работы, гдѣ достойно спорятъ между собою искусства рѣзчика, лакировщика, инкрустатора, художника-миниатюриста и каллиграфа. Это такой музей національно-религіознаго японскаго искусства, какой врядъ ли гдѣ можно еще встрѣтить въ подобномъ хронологическомъ порядкѣ и количествѣ образцовъ.

По выходѣ изъ храма, мы расположились на одной изъ его галлереекъ, выходящей во внутренний храмовый дворикъ, онъ же и садикъ. Въ своемъ родѣ, это верхъ японскаго изящества. Тутъ, на небольшомъ пространствѣ,

ласкаютъ вашъ глазъ искусственно нагроможденные камни, изображающіе цѣлыя скалы съ пещерами и гротами, и прихотливо извивающійся прудокъ съ совершенно прозрачною ключевою водою, гдѣ плаваютъ веселыя вереницы маленькихъ золотыхъ рыбокъ, ружейко, телескоповъ и всякой иной рыбешки, отливающей чуть ли не всѣми цвѣтами радуги. Дно его устлано перламутровыми ракушками и разноцвѣтною галькой, и поднимаются съ него на поверхность воды лотосъ и другія водяныя растенія; надъ ними рѣютъ въ воздухѣ пригрѣтыя солнцемъ блестящія мушки, жучки и голубыя коромысла. Въ двухъ мѣстахъ черезъ прудокъ перекинута каменные мостики; малорослыя латаніи, саго и инны пальмы кокетливо смотрятся въ его кристаллыя воды; причудливо искривленные карлики кедръ торчатъ изъ разсѣлины искусственныхъ скалъ, а декоративнымъ фономъ всему этому дворику со стороны, противоположной нашей галлерейкѣ, служитъ природная громадная скала, по отвѣсу которой взбѣгаютъ вверхъ массы разнородныхъ ползучихъ растений, роскошно опутывающихъ своими густыми побѣгами корни и стволы огромныхъ многовѣковыхъ деревьевъ, что красятъ своею темною зеленою вершину скалы и склоняются вѣтвями, а отчасти и самими стволами надъ храмовымъ дворикомъ, словно охраняя его своею сѣнью. И вездѣ-то, вездѣ и во всемъ, сказывается у этого народа присущее ему чувство изящнаго вмѣстѣ съ тонкимъ чутьемъ къ красотамъ природы!..

— Куда же мы теперь?—обратился ко мнѣ мой сотоварищъ, когда мы очутились за воротами Дайондзи, предъ нашими дженерикашами.

— Да обѣдать, куда же больше! Осматривать кладбища уже поздно.

— И прекрасно. Въ такомъ случаѣ, знаете что, поѣдемте ѣсть настоящій японскій обѣдъ. Это тутъ не особенно далеко, и хозяйки кстати мнѣ знакомы.

Я освѣдомился, не въ Фукуя ли.

— Нѣтъ, къ Джьютен, на Мума-мачи; тамъ совсѣмъ ужъ по японски. А Фукуя что! Фукуя на европейскій ладъ норовить.

— Ну, къ Джьютен, такъ къ Джьютен, мнѣ все равно. Вѣдемъ!

Оно въ самомъ дѣлѣ любопытно было на собственномъ опытѣ составить себѣ нѣкоторое понятіе о настоящей японской кухнѣ, безъ примѣси чего бы то ни было европейскаго.

Войкіе *курамы* покатили насъ обычною мѣрною рысью. При подъемѣ на одну довольно крутую горку, желая облегчить имъ трудъ, мы вышли изъ дженерикшей, какъ вдругъ въ это самое время до насъ долетаетъ молодой женскій голосокъ:

— Гей, кôнни чива, Раковичи-санъ! (Здравствуйте, г. Раковичъ!)

Оборачиваемся,—у самого подъема въ горку, шагахъ въ десяти отъ насъ, на порогѣ маленькаго домика, стоитъ въ растворенныхъ дверяхъ молоденькая дѣвушка, изящно одѣтая въ киримонъ темнаго цвѣта, еще изящнѣе причесанная, но босая, по домашнему. Оказалось—знакомая моему сотоварищу гейка.

— Хотите, за одно ужъ, для полноты японскаго стола, пообѣдаемъ и въ японскомъ обществѣ?—предложилъ онъ мнѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ же пригласилъ свою знакомку.

Та отпросилась у своей *окка-санъ* (то-есть «великой госпожи», какъ величаютъ здѣсь дѣти матерей), очень кстати появившейся въ дверяхъ, чтобы процензуровать съ кѣмъ разговариваетъ дочка, и затѣмъ какъ была, только насунувъ на босыя ножки деревянныя ступанцы-*соки*, да кокетливо проронивъ намъ мимоходомъ: «*май-римашо-о!*» вотъ и я, молъ! порхнула въ первую попавшуюся дженерикшу, въ нихъ же никогда нѣтъ недостатка на японскихъ улицахъ, и мы, поднявшись на горку, покатали далѣе гуськомъ въ трехъ экипажахъ.

Вотъ и Мума-мачи, одна изъ удаленныхъ отъ городскаго центра, хорошихъ и широкихъ улицъ, гдѣ вы менѣе всего встрѣчаете лавочекъ и ремесленныхъ заведеній, которые все больше и больше уступаютъ мѣсто укромно скрывшимся за заборы отдѣльнымъ домикамъ съ садиками. Здѣсь, такъ сказать, аристократическій уголокъ города, гдѣ мирно и тихо, по семейному, живутъ въ свое удовольствіе или доживаютъ на покой вѣкъ, невдалекѣ отъ нагорныхъ храмовъ, люди ученые и зажиточные, старые *самюре* прежняго режима или нынѣшніе мѣстные чиновники изъ тѣхъ, что поважнѣе, или, наконецъ, богатые коммерсанты, уже прекратившіе свои дѣла, либо ведущіе ихъ «въ городѣ», отдѣльно отъ своихъ жилищъ, словомъ, всѣ тѣ, кто можетъ доставить себѣ болѣе комфортабельное существованіе въ болѣе чистомъ воздухѣ и приличной обстановкѣ, подальше отъ вѣчной базарно-ремесленной суеты городского центра. Тутъ же находится и лучшая японская гостиница для туземныхъ постояльцевъ и лучший ресторанъ, привлекающіе фирмѣ Джьютен (*Jiutei*), которая кромѣ Нагасаки держитъ подобныя же заведенія еще въ Осака и Кіото, центральной древней столицѣ Японіи.

Вотъ и самый этотъ ресторанъ или, по крайней мѣрѣ, входъ въ него, прорѣзанный раздвижными воротами въ высокоомъ деревянномъ заборѣ и примѣтный еще издали по двумъ качающимся въ немъ, большимъ бумажнымъ фонарямъ съ какими-то цвѣтами и красными надписями вмѣсто вывѣски. Самый ресторанъ помѣщается въ глубинѣ закрытаго двора, въ

одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, къ которому отъ уличнаго входа ведетъ каменный тротуаръ, чрезъ небольшой садикъ наполненный по обыкновенію причудливо развѣвающимися деревцами, маленькими пальмами, пышными кустарниками и цвѣточными клумбами въ коралловыхъ бордюрахъ.

У входа, на крылечкѣ, насъ встрѣтили три молодыя дѣвушки, въ роли хозяекъ, и первымъ же дѣломъ, послѣ обычныхъ привѣтствій съ колѣнопреклоненіемъ и поклономъ чуть не до земли, предложили намъ скинуть обувь. Но послѣ продолжительной прогулки по двумъ храмамъ и безъ того уже чувствуя, что ступни мои съ непривычки просто заледенѣли, я наотрѣзъ отказался отъ повторенія въ третій разъ этой церемоніи, рискуя лучше заслужить себѣ названіе «идзингана», сирѣчь «господина варвара», и предпочитая вовсе отказаться отъ прелестей японскаго обѣда, если уже нельзя обойти такое требованіе этикета. Тогда молодыя хозяйки, не желая упустить выгодныхъ гостей (ибо съ европейцевъ всегда берутъ гораздо дороже, чѣмъ съ туземцевъ), пошли на компромиссъ: по ихъ приказанію, одна изъ *незанъ* (служанокъ) сейчасъ же явилась съ какою-то тряпкой и обтерла ею мои подошвы, хотя на улицахъ не было ни малѣйшей грязи, ни пыли. Послѣ этого насъ провели по галлерейкѣ въ одну изъ боковыхъ пристроекъ, долженствовавшую служить намъ столовой.

Хотя любезныя хозяйки, непрерывъ одна предъ другою, обращались къ намъ съ любезными приглашеніями садиться, *Дзю о каке ку да сай!* тѣмъ не менѣе исполнять это при всемъ желаніи не представлялось возможности, такъ какъ на полу здѣсь кромѣ циновокъ не было никакой мебели; не имѣлось даже приступки, «почетнаго мѣста», обыкновенно встрѣчаемой въ японскихъ домахъ у одной изъ неподвижныхъ стѣнъ, гдѣ устроены шкафчики и полки. Циновки, значить, должны были замѣнять намъ и столъ, и стулья, и диваны для послѣобѣденнаго кейфа.

Наружныя стѣны состояли только изъ широкихъ раздвижныхъ рамъ съ тоненькими рѣшетчатымъ переплетомъ, на который былъ натянута бѣлая клеенка-папиръ; а между тѣмъ, съ закатомъ солнца, въ воздухѣ вдругъ значительно похолодѣло, и отъ этого въ комнатѣ, гдѣ у японцевъ всегда прохладнѣе, чѣмъ на улицѣ, сдѣлалось такъ холодно, что у насъ зубъ на зубъ не попадалъ. Чтобы пособить бѣдѣ, *незаны* притащили бронзовый *хибачъ* съ горячими угольями для грѣтья; но, увы! это оказалось болѣе воображаемымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ холода, прогнавшаго сюда тонкими струями въ щели рамъ и ставень. Просто удивительно, какъ эти люди могутъ жить зимою безъ печей и ками-

новъ въ такихъ игрушечно-карточныхъ домикахъ!

Вслѣдъ за *хибачемъ* внесли къ намъ пару толстыхъ восковыхъ свѣчей въ высокихъ деревянныхъ подсвѣчникахъ и нѣсколько маленькихъ ватныхъ одѣялецъ, сложенныхъ вдвое и даже вчетверо, чтобы класть ихъ подъ локоть; но и это послѣднее приспособленіе ни мало не помогло намъ. Товарищъ мой уже привыкъ къ японскимъ обыкновеніямъ и потому относился къ нимъ съ чувствомъ должной покорности, я же, не обладавъ искусствомъ сидѣть долгое время на корточкахъ или съ накрестъ поджатыми подъ себя ногами, безъ того, чтобы не почувствовать несносной боли въ колѣнахъ, рѣшительно не могъ даже лежа приспособиться къ мало-мальски удобному положенію. Волей-неволей приходилось лежать, опираясь на локоть, который отъ этого вскорѣ затекъ до одеревенѣнія, и все-таки это положеніе изъ всѣхъ прочихъ было наименѣе неудобно. Но... охота пуще неволи говорится, и «мѣстный колоритъ» за то былъ соблюденъ во всей своей неприкосновенности, безъ малѣйшихъ уступокъ европейскимъ привычкамъ.

Пока шли всѣ предварительныя распоряженія и приготовленія, захлопотавшіяся хозяйки, то я дѣло подбодряя *незанъ* возгласами «*гай-ку широ!*» — скорѣй, торопись ты! — безпрестанно шмыгали, то изъ комнаты на галлерейку, то обратно, что конечно не способствовало увеличенію теплоты въ нашей столовой. Но съ этимъ обстоятельствомъ, нечего дѣлать, надо уже было кое-какъ мириться въ ожиданіи чего-либо «согрѣвательнаго». За то эти прелестныя особы въ своихъ нарядныхъ киримонахъ съ толстыми, подбитыми ватой шлейфами, изящно перехваченныя въ талии пышными *оби*, видимо стремились восполнить недостатокъ тепла своею сугубою любезностью и, являясь поочередно на смѣну другъ другу, старались занимать насъ пріятными разговорами. При этомъ, подсаживаясь въ первый разъ ко мнѣ или къ моему товарищу, каждая изъ нихъ непремѣнно считала нужнымъ обратиться напередъ къ тому, около котораго садилась съ кокетливымъ вопросомъ: «*Ожиги асоба сума?*» (Вы меня не прогоняете?), на что конечно мы со всюю предупредительностью должны были каждой отвѣчать любезнымъ приглашеніемъ: «*О! дзю о каке а со да сай!*» (Садитесь де пожалуйста), или: «*Гойенрию на-ку!*» (Не церемоньтесь, не стѣсняйтесь ни мало).

Но вотъ наконецъ намъ дали обѣдать.

Началось, по обыкновенію, съ японскаго зеленого чая, безъ сахара. «О-ча ниппонъ» поставили предъ нами со всѣмъ необходимымъ приборомъ на циновкѣ и налили по крошечной чашечкѣ, «чтобы погрѣться», какъ пояснили хозяйки.

— *Макотони о-ча де су!*—Вашъ чай-де превосходенъ, дѣлаемъ мы обязательный комплиментъ хозяйкамъ,—но... нѣтъ ли коньяку, джину или уиски? Это, молъ, будетъ посущеннѣе, въ особенности прозябнувъ и проголодавшись.

Но увь! оказалось что въ японскомъ ресторанѣ есть только *саки* и... шампанское какой-то невозможной нѣмецкой марки. Это единственная уступка въ пользу европейскихъ напитковъ, допущенная ради тѣхъ изъ японцевъ, чтó успѣли уже нюхнуть европейской «цивилизаци». Нечего дѣлать, *саки* такъ *саки*!

Принесли расписанный цвѣтами фарфоровый горшокъ съ кипяткомъ, куда былъ погруженъ по горлышко фарфоровый же флакончикъ. Налили намъ изъ него тепленькаго *саки* въ миниатюрныя фарфоровыя чашечки и съ обычными вѣжливостями, то-есть благоговѣнно приподнимая эти чашечки до чела, поставили по одной предъ каждымъ изъ обѣдающихъ. Подогрѣтое *саки*, на мой вкусъ, гораздо хуже холоднаго, но изъ вѣжливости, ради того, что хозяйки сами его наливали и съ такими церемоніями ставили предъ нами, пришлось скрѣпитъ и до конца проглотить его. «Ну, думаю, для начала плохо; что-то будетъ потомъ...»

А хозяйки между тѣмъ налили по другой—и намъ, и себѣ, и поднимая чашечки до чела, съ поклономъ заявляютъ, что пьютъ за наше здоровье: «*О ме де тд-о!*» Нечего дѣлать, надо глотать вторую, съ пожеланіемъ и имъ того же. Двѣ чашечки *саки* считаются обязательными; отъ третьей, слава Богу, можно отказаться, не шокируя тѣмъ любезности хозяекъ.

Незаны между тѣмъ принесли и поставили предъ каждымъ изъ обѣдающихъ миниатюрныя квадратныя столики (*таберо*), вышиною въ $2\frac{1}{4}$, вершка и шириною не болѣе какъ въ одну четверть. На эти игрушечныя *таберо* поставили игрушечныя мисочки, одну съ отварнымъ рисомъ, замѣняющимъ хлѣбъ, другую съ ломтиками квашеной и слегка просоленной рѣдьки, замѣняющей соль, и третью съ какими-то желтоватыми кореньями и грибами, какъ показалось мнѣ на первый взглядъ, маринованными въ уксусѣ. Ничто же сумняся, я поспѣшилъ заѣсть проглоченное *саки* грибомъ, казавшимся на видъ больше и вкуснѣе прочихъ, и—о, ужасъ!—эти грибки и коренья оказались очень сладкимъ вареньемъ на сахарномъ сиропѣ. Должно-быть фizioномія моя изобразила при этомъ очень комическій ужасъ, потому что Раковичъ, глядя на меня, невольно разсмѣялся. Но мнѣ-то было вовсе не до смѣху, когда, опять-таки изъ вѣжливости къ юнымъ и столь любезнымъ хозяйкамъ, пришлось проглотить и грибокъ, пропитанный сиропомъ.

— Чтó жъ это такое! Помилосердуйте! За чтó это онѣ насъ такъ притѣсняютъ!?—взываю къ моему состояннику:—Могъ ожидать я всѣхъ

кихъ диковинокъ, до акульихъ жабръ включительно; но чтобы голодному человѣку начинать свой обѣдъ прямо съ десерта, да еще такого какъ варенье изъ рыжичковъ,—«благодарю, не ожидать!»

Раковичъ объяснилъ мнѣ, что тонкій обѣдъ у японцевъ принято начинать со сладкаго и кончать ухю.

— Такъ нельзя ли начать прямо съ конца и постепенно перейти къ началу?

— Никакъ,—говоритъ,—невозможно: этимъ радикально нарушился бы весь порядокъ японскаго обѣда.

— Буди воля твоя, покоряюсь!

Затѣмъ принесли маринованные въ сладкомъ уксусѣ молодые ростки бамбука, наръзанные пластинками, и вареные бобы съ водянистою подливкою; сладкую яичницу съ соленою рыбой и лукомъ, посыпанную въ добавокъ мелкимъ сахаромъ; апельсинный мусъ кусками и сладкое рисовое тѣсто, наръзанное правильными кубиками, въ которомъ отдѣльныхъ зеренъ не существовало: онѣ были протерты сквозь мелкое сито и спрессованы въ одну массу, въ родѣ крутого гороховаго киселя. Принесли очищенные шейки морскихъ рачковъ (примпсовъ), но тоже сладкія; разварную рыбу подѣлымъ сладкимъ соусомъ и со сладкими потатами (родъ картофеля). Всѣ эти блюда приносили на лаковыхъ подносахъ отдѣльно, одно по окончаніи другаго, ставили ихъ на цыновку и накладывали намъ въ маленькія чашечки съ помощью двухъ палочекъ, которыми японки захватываютъ отдѣльные кусочки словно щипчиками, держа ихъ между пальцами одной руки, и вообще управляются ими необыкновенно ловко. Но можете представить себѣ удовольствіе кушать всѣ эти прекрасныя блюда подѣ разными сиропными соусами и подливками!.. А тутъ еще внимательныя хозяйки то и дѣло, ухаживаютъ за вами: «*Наній во са ши-а-гѣ ма шоо ка?*.. *Наній га о-су-ки де су?*»—Чѣмъ могу-де служить? Что вамъ угодно? Что вы желаете?

Вамъ остается только благодарить на всѣ стороны:—«*Ариатô, ариатô! Окине ариатô!.. Ариатô о мо-о-та-ку санъ де су!*»—Безконечно, молъ, вамъ благодаренъ, не беспокойтесь пожалуйста...

Но это только усиливаетъ ихъ внимательность.

— *Видонъ на де су?* Какъ вы находите это блюдо?—обращается къ вамъ то та, то другал, то третья.

— *Кѣкко о де су!.. Кѣкко!.. О-и-шу уюцай ма су!*—Оно превосходно, прелестно, усладительно!—посылаете вы въ отвѣтъ комплименты и направо, и налѣво. Хозяйки самодовольно улыбаются и подкладываютъ вамъ то того, то другаго. Всѣ эти ихъ порціи такъ миниатюрны, какъ бывають только у дѣтей, когда тѣ игра-

ютъ въ «угощеніе» со своими куклами. Но миниатюрность порцій искупается количествомъ блюдъ, хотя должно замѣтить, что японцы вообще ѣдятъ очень мало. Всѣ, пересчитанные мною кушанья, составляли только начало или первую, вступительную часть обѣда, который въ дальнѣйшемъ своемъ *тени* состоялъ изъ разныхъ рыбныхъ и мясныхъ блюдъ, причемъ яйца были отъ различныхъ домашнихъ и дикихъ птицъ. Но вотъ чего ужъ никакъ не могъ ожидать я: принесли въ фарфоровой логаніи живую рыбу, величиной около полуаршина (не знаю какой породы), сначала дали намъ на нее полюбоваться, затѣмъ вынули, положили на большой лаковый подносъ и стали тутъ-же соскабливать съ нея чешую, съ живой-то! Рыба вся трепетала и билась хвостомъ, но выскользнуть изъ привычныхъ рукъ двухъ ловкихъ *незанъ* не могла, и мы видѣли какъ онѣ, очистивъ шелуху, стали вдругъ рѣзать несчастную рыбу, со спинки острыми какъ бритва ножомъ, на тоненькіе поперечные ломтики, посолили, посыпали перцемъ и, переложивъ на блюда, торжественно поставили ее предъ нами. Увѣряютъ будто это необыкновенно вкусно, — «самый деликатесъ» — *макотони іерошии сакана де су!* — Но... несмотря на увѣренія, у меня не хватило духу попробовать. Еслибъ еще не на глазахъ ее рѣзали, — ну куда ни шло; но въ томъ то и «шикъ», чтобы обѣдающіе видѣли всю эту процедуру, чтобы у нихъ не могло уже быть и тѣни сомнѣнія — не подали ль имъ вмѣсто живой рыбы сонную.

Далѣе шли блюда изъ разной отварной зелени, причемъ главную роль играла цвѣтная капуста; потомъ блюда изъ отварныхъ устрицъ, каракатицъ, морской капусты, опять грибовъ и слизняковъ какихъ-то. Нечего и говорить, что все это было прѣсно и, болѣе или менѣе, приторно; а кто хотѣлъ подсолить или придать кушанью нѣсколько пикантности, тотъ могъ присоединять къ нему въ первомъ случаѣ ломтики квашеной рѣдьки, а во второмъ — японскую сою изъ черныхъ бобовъ подвергаемыхъ броженію, или индійскій перецъ, — такой горлодеръ, что съ нимъ едва ли и кайенскій сравнится.

Разочаровавшись на самомъ началѣ, я уже съ трудомъ рѣшался отвѣдывать дальнѣйшія блюда, а больше все смотрѣлъ какъ кушаютъ ихъ мои состольники. Тѣмъ не менѣе любезныя хозяйки, укоряя меня въ томъ что я ничего не ѣмъ, *«наній мо мейианъ аримасенъ!»*, что я *«амаріо шо-о-шъ ку де су»*, то-есть очень плохой ѣдокъ, — продолжали накладывать мнѣ на блюда каждаго новаго кушанья, такъ что онѣ вытянулись наконецъ предъ мною цѣлымъ строемъ. Каждое блюдо сопровождалось глоткомъ тепленькаго *саки*, потому что въ такую маленькую чашечку, какія обы-

кновенно употребляютъ въ Японіи для этого напитка, болѣе глотка и не входитъ, и я полагаю, что нужно употребить громадное количество этихъ глотковъ, чтобы почувствовать наконецъ нѣкоторое охмѣлѣніе. Хозяйки между тѣмъ зорко слѣдили чтобы чашечки-наперстки не оставались пустыми.

Но вотъ торжественно принесли цѣлое блюдо, выше верху наполненное жареною дичью. То были какія-то болотныя птички, вродѣ куличковъ, приготовленные особымъ способомъ, состоящимъ въ томъ, что всѣ кости, кромѣ бедровыхъ, предварительно удаляются прочь изъ мяса, которое затѣмъ какъ-то выворачивается, получая видъ котлетки, и жарится на кунджутномъ маслѣ. Хозяйки при этомъ объявляли, что такъ какъ японскій обѣдъ обыкновенно кажется европейцамъ чрезчуръ тощимъ, то это послѣднее блюдо приготовлено собственно для насъ. — «Ну, думаю себѣ, и за то спасибо! По крайней мѣрѣ, вознагражу себя за постъ хотя птичками». И попросивъ предварительно раздобыть для меня гдѣ-нибудь кусочекъ хлѣба (чрезъ пять минутъ притащили цѣлые десятки булокъ), попробовалъ я положить себѣ въ ротъ одну птичку, но увы!... трижды увы! — оказалось, что птички облиты сахарнымъ сиропомъ. Далѣе этого мои попытки утолить голодъ уже не простирались, и я рѣшился лучше оставаться до конца въ пассивной роли посторонняго наблюдателя.

Наша милая гостя-гейка первая окончила свой обѣдъ, не дожидаясь его продолженія, и при этомъ очень громко, что называется отъ всей души, икнула, присовокупивъ съ легкимъ поклономъ: *«Го чизо онѣнъ оримасита»*, что значитъ: «Я сдѣлала честь вашему обѣду».

Пораженный этою неожиданностію, я невольно состроилъ недоумѣвающую физиономію, да спасибо Раковичъ поспѣшилъ предупредить меня.

— Бога ради не расхохочитесь, — сказалъ онъ; — иначе вы ее обидите... *Этимъ* она выразила свой комплиментъ достоинствамъ обѣда и, въ нѣкоторомъ родѣ, благодарность намъ за сытное угощеніе. Таковъ обычай.

Я, конечно, поспѣшилъ устроить себѣ самое серьезное лицо и, вмѣстѣ съ товарищемъ, въ свой чередъ воздалъ ей дань благодарности за компанію: *«Аригато а мо-о-таку санъ де су»*.

Въ концѣ концовъ, выйдя изъ Джютея съ легкимъ желудкомъ, отправился я обѣдать въ Фукуя, къ милѣйшей Оканасанъ, которая кормитъ если и не изысканно, то все же по европейски. Тамъ нашелъ я нашихъ: М. А. Поджію, В. С. Кудрина и Новосильскаго, съ которыми и пообедалъ какъ слѣдуетъ. Объ этомъ, впрочемъ, нечего было бы и вспоминать если бы не одно маленькое, но чрезвычайно характерное обстоятельство. Расплатившись за обѣдъ и выходя изъ отдѣльной столовой, мы оста-

вили на тарелкѣ два шиллинга «на чай» прислуживавшему намъ, молодому лакею-японцу. Вдругъ онъ нагоняетъ насъ уже на дворѣ и почтительно докладываетъ на англійскомъ языкѣ М. А. Поджіо, что кто-то изъ обѣдавшихъ русскихъ джентльменовъ позабылъ на столѣ деньги.

— Какія деньги?

— Два шиллинга, вотъ они.

И самъ подаетъ ихъ на тарелкѣ.

Ему пояснили, что это оставлено собственному ему, въ его пользу, за услуги. Японецъ, повидимому, сначала удивился, а затѣмъ нѣсколько сконфузился.

— Извините, — промолвилъ онъ съ наивозможною деликатностью: — за мои услуги я получаю жалованье и не считаю себя въ правѣ принимать какіе бы то ни было подарки отъ посѣтителей. Эти деньги вовсе мнѣ не слѣдуютъ и, воля ваша, я не могу принять ихъ... Увольте пожалуйста и не сердитесь на меня за это.

Оно, конечно, пустякъ, но какова черта народного характера, черта самолюбія и благородной гордости, сказавшаяся даже въ такой мелочи! Какой бы это другой національности трактирный слуга не принялъ отъ посѣтителя на водку!

— Э, господа, погодите, потрутся около европейцевъ еще годковъ съ десятокъ и всѣ такими же мерзавцами слѣлаются, какъ и прочіе, — утѣшилъ насъ В. С. Кудринъ.

20-го ноября.

По приглашенію В. Я. Костылева, В. С. Кудринъ, Поджіо и я перебрались въ домъ нашего консульства, гдѣ много свободныхъ помѣщеній. Очень удобно и жить, и работать, а столъ у насъ общій, въ складчину.

21-го ноября.

Въ восемь часовъ утра пришелъ изъ Владивостока и бросилъ якорь въ Нагасакомъ рейдѣ крейсеръ «Африка», подъ флагомъ контръ-адмирала барона Штакельберга. Переходъ совершенъ вполне благополучно.

22-го ноября.

Приказомъ по эскадрѣ объявлено, что на время своей болѣзни С. С. Лесовскій передаетъ командованіе контръ-адмиралу барону Олаву Романовичу Штакельбергу.

30-го ноября.

А. П. Новосилскій и я назначены состоять при баронѣ Штакельбергѣ. Остальные лица штаба остаются пока въ Нагасаки съ С. С. Лесовскимъ. Вчера вечеромъ перебрались мы на «Африку», а сегодня, въ семь часовъ утра, снялись съ якоря. Идемъ въ Иокогаму.

XXIII.

И о ко га ма.

Ночной пожаръ въ Иокогамѣ. — Американская со- вѣсть. — Иокогамскіе лодки и лодочники. — Видъ на Иокогаму съ рейда. — Bound. — Характеръ европейскаго квартала. — Культъ всемогущаго доллара. — Его международные жрецы и жрицы. — Эксплоатація японскаго казначейства европейцами въ прежнее время. — Некрасивое поведение дипломатовъ. — Мѣстоположеніе Иокогамы, характеръ улицъ и построекъ. — Японская фотографія и магазины на Ханчо-дори. — Специальность мѣстной японской торговли и промышленности. — Какъ и почему возникла Иокогама. — Составъ ея населенія и состояніе торговли. — Складъ общественной жизни. — Визитъ въ русское посольство. — Путь между Токио и Иокогамою. — Железная дорога. — Устричный промыселъ. — Каторжники. — Хутора и усадьбы. — Питомники фруктовыхъ деревьевъ. — Полевые могилы и ихъ значеніе. — Японскія скруды. — Сенга-яма и пѣсня „Чижики“ по-японски. — Визитъ японскимъ министромъ. — Прогулка въ окрестности Иокогамы. — Японскія похороны. — Христіанское кладбище и русскій памятникъ. — Культурный видъ страны и способы хлѣбопашества. — Дѣти и типы. — Канагава и ея вочная жизнь. — Японская полиція. — Генераль Сайго. — Обѣдъ у министра иностранныхъ дѣлъ. — Рейдовые визиты и салюты. — Базаръ на палубѣ. — Землетрясеніе на морѣ.

4-го декабря.

Вчера, въ два часа ночи, крейсеръ «Африка» бросилъ якорь на Иокогамскомъ рейдѣ. Я уже спалъ въ это время; но случайно проснувшись въ четвертомъ часу, съ изумленіемъ вижу, что на стѣнѣ моей каюты играетъ красновато-огненный отблескъ сильнаго зарева. Смотрю въ иллюминаторъ, — надъ берегомъ значительная полоса большого пожара, отраженіе которой зыблется въ темныхъ водахъ залива. Иокогама горитъ, и горитъ не на шутку. Къ семи часамъ утра двухъ кварталовъ города какъ не бывало. Сгорѣло нѣсколько лучшихъ европейскихъ домовъ, нѣсколько магазиновъ и складовъ. Убытки, говорятъ, весьма значительны. Но тутъ это случается довольно часто. Въ 1866 году, напримѣръ, 20 ноября Иокогама выгорѣла вся, почти сплошную, а чрезъ шесть мѣсяцевъ не было уже ни малѣйшихъ слѣдовъ пожара, все застроилось вновь и гораздо лучше прежняго. Говорятъ, что владельцы складовъ иногда и сами поджигаютъ ихъ чтобы воспользоваться хорошою страховою преміей, если можно обдѣлать дѣло такъ ловко, что размѣры ея превысятъ дѣйствительную стоимость застрахованнаго имущества и товара. При извѣстномъ умѣнїи и опытности, такія дѣла по большей части проходятъ здѣсь безнаказанно, и если о нихъ говорятъ, то даже съ нѣкоторою похвалою и завистью: ловко, молъ, слѣлаю, хорошо и чисто обработано! Тутъ на этотъ счетъ, что называется, «американская совѣсть».

Утромъ я вышелъ на палубу, въ намѣреніи

сѣхатъ на берегъ. Громадный и неспокойный рейдъ. А стали мы довольно далеко отъ берега, такъ что надо съ часъ времени, чтобы добраться съ борта до пристани. Тѣмъ не менѣе, клипсулъ *фуне*, которыя цѣлою группой держались на волнахъ въ недалекомъ отъ насъ разстояніи, поджидая себѣ пассажировъ.

Иокогамскія *фуне* не такія какъ въ Нагасаки; здѣсь онѣ открытыя, безъ будочки, но съ нѣкоторымъ подобіемъ палубы въ носовой части куда пассажиръ садится тыломъ напередъ, то есть лицомъ къ кормѣ. Носъ у нихъ туповатый, обрѣзанный, но это, говорятъ, не мѣшаетъ скорости хода, и на водѣ онѣ очень устойчивы. Гребцы, въ образѣ двухъ «голоштанниковъ», прикрытыхъ лишь однимъ *кири-мономъ*, въ родѣ нашихъ «затрапезныхъ» халатовъ, и перетянутыхъ по чресламъ извѣстнымъ полотенцемъ (*фундаши*), гребутъ не иначе какъ стоя, юлой, въ два весла. Одинъ изъ нихъ всегда взрослый, а другой, по большей части, мальчикъ. Каждый полукруглый поворотъ весла въ водѣ вправо и влево сопровождается у нихъ въ тактъ шипящимъ звукомъ «кшестъ!... кшестъ!... кшестъ!» Лица у нихъ такія же добродушно безаботныя, какъ и у нагасакскихъ лодочниковъ. Поддавало насъ шибко и раза два хлестнуло шальнойю волной черезъ бортъ, но они ничего, только улыбаются, скаля свои бѣлые зубы. Досталось отъ второй волны и моему пальто: все промокло насквозь. Мнѣ досадно, а они, канальи, смѣются. Гляди на нихъ, и самому смѣшно стало. Это ихъ добродушіе просто заразительно и способно утѣхомирить въ васъ самое брюзгливое настроеніе духа.

Общій видъ Иокогамы съ моря не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ Фузи-ямы, потухшаго вулкана въ 12.500 футовъ высоты, который, подымаясь правильнымъ конусомъ изнутри страны, то открывается вдругъ вдали, весь покрытый снѣгомъ, то вновь исчезаетъ подъ завѣсой быстро проносящихся облаковъ. Находясь въ разстояніи около ста верстъ отъ берега, онъ виденъ здѣсь съ каждаго открытаго пункта и придаетъ исключительную оригинальность мѣстному пейзажу. Съ берега городъ обрамленъ прекрасною набережною, откосы коей сложены изъ булыжника и кусковъ дикаго гравита по японскому способу, безъ цемента, но очень прочно. Въ Иокогамѣ, какъ и во всѣхъ городахъ и прибрежныхъ мѣстечкахъ Японіи, берега каналовъ и рѣкъ облицованы точно такимъ же способомъ. На набережной, называемой здѣсь по-англійски «*Вондъ*», тянется вдоль прекраснаго шоссе рядъ двухъ-этажныхъ бѣлыхъ домовъ съ нарисованными и высокими консульскими флагштоками, что торчатъ изъ-за бѣлыхъ рѣшетчатыхъ заборовъ однообразнаго рисунка. Въ постройкахъ преобладаетъ все тотъ же скучный типъ англо-

колоніальной архитектуры, съ ея комфортабельнымъ, но мѣшански пошлымъ однообразіемъ. Впечатлѣніе это не измѣняется и тогда какъ сойдешь на берегъ и познакомишься съ городомъ поближе. Это даже не городъ, а просто «европейскій кварталъ», такой же, какъ и всѣ остальные въ большихъ городахъ крайняго Востока, — кварталъ, если хотите, очень опрятный, очень благоустроенный: вездѣ превосходное шоссе и узенькіе неудобные тротуарчики, по сторонамъ коихъ тянутся чистенькіе палисаднички въ англійскомъ вкусѣ; вездѣ газовые фонари; городская ратуша непременно съ часами и указателемъ вѣтровъ на небольшой башенкѣ; англиканская церковь условной тяжелой архитектуры, съ высокою крышей и кирпичными контфорсами, и католическій костелъ со статуей Мадонны предъ портикомъ; роскошно отстроенная таможенная, телеграфное бюро, почтовая контора, англійскій госпиталь, консульская англійская тюрьма, англійскій клубъ, англійскія конторы и выѣски, англійскіе каптейны, англійскіе миссіонеры и католическіе патеры. Далѣе опять все то же, что и повсюду: «грандъ-отели» и отели «des Colonies» со своею педантическою чопорностію въ чисто англійскомъ вкусѣ, съ отлично выдрессированною китайскою и японскою прислугой, англійскимъ и французскимъ табль д'отомъ по картѣ и болѣе чѣмъ «солидными» цѣнами; тѣ же «баръ-румы», попросту кабаčky, сомнительныя кафешки и пивныя, переполненныя пьяными англійскими и иными матросами; тѣ же китайскія мѣняльныя лавки съ благожелательными *дуй-дзи* ¹⁾ по стѣнамъ и съ желтыми косоглазыми рожами за конторкой и стойками, гдѣ съ утра до ночи непрерывно раздается позвякиванье доллара о долларъ: все пробуютъ не фальшивые ли, ибо въ таковыхъ здѣсь далеко нѣтъ недостатка; тѣ же французскія парикмахерскія, гдѣ брѣютъ японскіе «гарсоны», за что француз-хозяинъ, съ нахально-благородною фізіономіей, съ величайшимъ апломбомъ беретъ съ васъ полдоллара (и это считается чрезвычайно дешево) за одно только довольно плохое, торопливое бритье, безо всякихъ другихъ экспериментовъ надъ вашими волосами, ибо простая прическа съ употребленіемъ какой-нибудь «*brosse mescalpique*» или «*eau athénienne*» стоитъ еще полдоллара. Затѣмъ вездѣ и повсюду — на улицахъ, въ кафе, за табль д'отомъ — все тѣ же европейскіе международные, безукоризненно одѣтые джентльмены, у которыхъ въ общепріешемъ имъ выраженіи лица такъ и просачивается ненасытимая алчность къ какой бы то ни было, но только скорѣйшей наживѣ. И вы видите какъ въ спокойно бѣгающемъ, озабоченномъ

¹⁾ Изреченія и картинки, напечатанныя на длинныхъ свиткахъ.

ихъ взорѣ скользнуть ищущая похоть какъ бы только сорвать съ кого кушъ, что-нибудь и гдѣ-нибудь хапнуть, жамкнуть хорошенько всѣми зубами, купить, перебить, продать, передать, поднадути, и все это съ самымъ «благороднѣйшимъ» и независимымъ видомъ истинно дѣлового коммерческаго человѣка. Это все народъ авантюристъ, прожектёръ, антрепренёръ чего угодно и когда угодно, прожженная и продувная бестія,—народъ большею частію прогорѣвшій, а то и проворовавшійся или окончательно компрометированный чѣмъ-либо у себя дома, на родинѣ и потому бѣжавшій на дальній Востокъ, гдѣ можно еще съ высоты своего европейскаго превосходства не только презирать и эксплуатировать этихъ «смѣшныхъ и глупыхъ варваровъ» китайцевъ и японцевъ, но еще и «цивилизовать» ихъ, за хорошее, конечно, жалованье, въ нѣкоторомъ родѣ «миссію» свою европейскую исполнять, безнаказанно держать себя съ нахальнѣйшимъ апломбомъ, да къ тому же нерѣдко еще и роль играть въ мѣстномъ европейскомъ клоповникѣ. Наконецъ, и здѣсь все тѣ же «международныя» подубеклыя и сильно подкрашенные женщины, преимущественно, впрочемъ, американки, съ «шикомъ» одѣтыя по послѣдней модѣ, развѣзжающія по Баунду и Мейнъ-стриту въ затѣйливыхъ плетеныхъ экипажахъ и сами щегольски правящія, съ длиннымъ бичемъ въ рукѣ, парой красивыхъ подстриженныхъ пони. Здѣсь онѣ вовсе уже не стѣсняются и прямо рассылаютъ чрезъ отельныхъ коммиссіонеровъ всѣмъ новопріѣзжимъ, мало-мальски подозрѣваемымъ въ денежныхъ средствахъ джентльменамъ свои литографированныя визитныя карточки на англійскомъ языкѣ съ поясненіями, примѣрно, такого содержанія: «Миссъ-Мери. 30 долларовъ. Адресъ обществѣннѣйшій» или «Миссъ Нелли, американка, № такой-то. Принимаетъ визиты съ 10 вечера до 4 ночи. 50 долларовъ». И всѣ эти «миссъ», которымъ давно перевалило за тридцать и которымъ у себя на родинѣ вся цѣна грошъ, къ удивленію, здѣсь играютъ видную роль, заставляютъ говорить о себѣ не только мужчинъ, но и дамъ изъ общества (кажись отчасти имъ завидующихъ), заставляютъ не только «золотую молодежь», но иногда и солидныхъ тузовъ биржевого міра добиваться «честь» ихъ знакомства и, какъ истыя американки, не расточаютъ зря, подобно француженкамъ, а систематически сколачиваютъ себѣ капиталъ, «обезпеченіе на старость», съ цинизмомъ и нахальствомъ не останавливающимися ни предъ какими препонами. Въ ихъ красивыхъ, но противныхъ лицахъ и фигурахъ не ищите ни увлеченія, ни кокетливости, ни граціи, ни вообще чего бы то ни было женственнаго и человѣческаго. Въ этихъ наглыхъ, продажныхъ глазахъ и оскаленной улыбки вы сразу прочтете ту же самую, что и

у злѣпниихъ международныхъ дѣльцовъ-мужчинъ безпачальную и неудержимую похоть къ доллару—и только къ доллару, этому ихъ всемогущему и всепокоряющему идолу, и никогда ничего больше.

Начиная отъ константинопольской Перы, если еще не отъ Одессы и кончая пока Іокогамой, вездѣ и повсюду всѣ эти международныя дѣльцы-цивилизаторы съ ихъ благородно-подлыми, нахально-самоувѣренными лицами, и всѣ эти бездушныя, противно-красивыя, холоднокровныя амфибіи—жрицы доллара, и весь этотъ ихъ «культъ всемогущаго доллара» производятъ, какъ замѣчаю я и по себѣ, и по другимъ, болѣе или менѣе свѣжимъ еще въ этой атмосферѣ людямъ, самое скверное, гадливое впечатлѣніе. И чѣмъ дальше, тѣмъ это чувство сильнѣе, хотя, казалось бы, присмотрѣвшись, можно уже и привыкнуть. Не то чтобы мы не знали подобныхъ у себя дома на родинѣ,—нѣтъ, явленіе это болѣе или менѣе встрѣчается повсюду, какъ одно изъ знаменій нашего времени, но по крайней мѣрѣ у насъ оно нигдѣ не сказывается такъ наголо, не заявляетъ о себѣ съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ и гордо-самодовольнымъ сознаніемъ своей безсовѣстности, словно такъ и нужно, словно въ этомъ есть какая-то особая даже заслуга, дающая право на общее уваженіе и почетъ, — словомъ, нигдѣ этотъ «культъ доллара» не господствуетъ такъ надъ общимъ строемъ и складомъ жизни, какъ въ европейскихъ кварталахъ городовъ и ближняго и дальняго Востока, а въ Шанхаѣ и здѣсь, кажись, въ особенности. И я понимаю теперь, почему всѣ безъ исключенія коренные обитатели Востока такъ ненавидятъ и презираютъ въ душѣ европейцевъ. Вѣдь, за немногими исключеніями, въ мірѣ коммерческомъ и, преимущественно, въ средѣ лицъ, отправляемыхъ на Востокъ по надобностямъ государственной службы, куда стремятся за неразборчивою наживой только жадная сволочь и подлое отребье всѣхъ общественныхъ классовъ Европы, выпрыгнутое у себя дома въ помойную яму. Освобождаясь отъ этого противнаго чувства въ Іокогамѣ только шагнувъ наконецъ изъ европейскаго участка въ японскую часть города. Здѣсь на душѣ становится легко; здѣсь въ нравственномъ смыслѣ дышится свободнѣе.

Но то, что творится въ Іокогамѣ теперь, это верхъ благородства и честности сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалось тамъ въ началѣ открытія новѣйшихъ сношеній Японіи съ европейцами, съ 1858 по 1866 годъ. Современникъ и очевидецъ этихъ дѣяній, Эме-Ѣмберъ описываетъ ихъ весьма яркими красками. Не вдаваясь въ подробности, которыми изобилуетъ его рассказъ, резюмировать его сущность можно слѣдующимъ образомъ:

Пионеры европейской торговли нахлынули сюда рядомъ съ авантюристами разныхъ націй, которые выгружали въ йокогамскіе складахъ ящики со всякимъ сброднымъ товаромъ; тамъ сваливались въ кучу съѣстные консервы, выдержавшіе уже пробу китайскаго климата, спиртные напитки, сигары, мундиры, кивера и бракованныя ружья, поддѣльные камни, дешевенькіе и подержанные часы, корсеты, соломенные шляпы, эластическая обувь и даже коньки. За исключеніемъ нѣсколькихъ выгодно проданныхъ партій бумажнаго товара, сдѣлки съ мѣстными маклерами велись вяло. Вообще положеніе дѣлъ не обѣщало много, но такъ какъ сдѣлки совершались на наличныя деньги, то европейцы ввели въ употребленіе на японскомъ рынкѣ мексиканскій долларъ, главное размѣнное средство въ торговлѣ съ Китаемъ. Устанавливая отношеніе доллара къ японской монетной системѣ, они замѣтили, что монеты въ этой странѣ имѣли курсъ условный, единственнымъ регуляторомъ коего было правительство. Это обстоятельство показалось имъ на руку для спекуляцій при размѣнѣ, и первое основаніе операций доставила имъ желѣзная монета *сцени*, которая ходила наравнѣ съ китайскими *кашами* или *чогами*. Иностранные негоціанты принудили японскую таможену выдавать имъ по 4.800 *сцени* за одинъ долларъ, между тѣмъ какъ на шанхайскомъ рынкѣ они покупали тотъ же долларъ за 800 или 1.000 *чоховъ* или *сцени*, что все равно. Комбинація была не дурна, но имѣла то неудобство, что брала много времени при пересчитываніи и укладываніи грудъ мелкой монеты. Тогда придумали болѣе удобный и даже болѣе прибыльный фортель съ *кобанами* (самая значительная золотая монета у японцевъ). Рассказывать въ чемъ именно заключался фортель я не стану, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ большихъ и специальныхъ подробностей по сравненію вѣса и стоимости японской монеты съ долларомъ, ¹⁾ но сущность его въ томъ, что «на основаніи трактатовъ», долларъ съ дѣйствительною стоимостью въ 5 фр. и 30 сант. заставили обращаться въ Японіи по курсу въ 15 фр. и 75 сант. При продажѣ товаровъ, иностранный продавецъ обыкновенно условливался съ японскимъ покупщикомъ чтобы уплата производилась *кобанами* и выходило такъ, что золота на йокогамскомъ рынкѣ принималось европейцами всего въ четыре раза выше своего вѣса на серебро, вмѣсто того, чтобы ходить въ 15 и даже 15½ разъ выше, какъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Такъ какъ вслѣдствіе этого ажіотажъ между рынками Шанхая и Йокогамы

приносилъ въ концѣ операціи барышъ отъ 60 до 90 %, то каждый мелкій авантюристъ, имѣвшій не болѣе десяти долларовъ въ карманѣ, могъ поселиться въ Йокогамѣ и въ первый же день выручить около тридцати долларовъ однимъ только размѣномъ своихъ денегъ на золото, а золота на серебро; точно также самый ничтожный изъ торговцевъ могъ при случаѣ уступить свой товаръ на 50% ниже дѣйствительной стоимости и, несмотря на то, приобрести хорошей барышъ. Поэтому европейскіе шанхайскіе купцы разомъ завалили йокогамскій рынокъ долларами и товарнымъ хламомъ, не шедшимъ на китайскомъ рынкѣ. Все это сваливалось на йокогамскую набережную и отдавалось по самой низкой цѣнѣ, съ цѣлью получить вознагражденіе въ *кобангахъ*. По прошествіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ подобнаго торга, всякое понятіе о нормальной и честной торговлѣ утратилось на японскомъ рынкѣ. Цѣна всѣхъ мануфактурныхъ товаровъ понизилась на 60%. Страсть къ ажіотажу, жадность къ барышу, опьяненіе игры кружили головы и господствовали въ Йокогамѣ съ бѣшенствомъ калифорнійской золотой лихорадки. Можно послѣ того понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на правительство и народъ японскій подобный дебютъ торговыхъ сношеній, по поводу коихъ западныя посольства надавали столько блестящихъ обѣщаній и торжественныхъ протестаций!.. Правительство, видя съ каждымъ днемъ, что число разнѣнныхъ требованій все возрастаетъ и возрастаетъ, сначала платило исправно, но потомъ вынуждено было наконецъ разомъ запретить таможену, объявивъ, что у него ничего нѣтъ болѣе въ кассѣ. Шанхайскіе купцы обратились къ содѣйствію своихъ консуловъ, требуя съ ихъ стороны извѣстнаго «давленія». Тогда казначейство объявило, что возобновить размѣнъ не иначе какъ по представленіи личныхъ записокъ, — и англо-шанхайскіе торговые дома тотчасъ же наводнили таможену такъ-называемыми «личными записками», не только по счетамъ своихъ главноуправляющихъ, но и по счетамъ множества людей, якобы служащихъ въ ихъ конторахъ; еслибы вѣрить всѣмъ такимъ запискамъ, то въ каждомъ домѣ находились въ услуженіи чуть не легіоны, въ чемъ легко было убѣдиться, читая подписи расписокъ, гдѣ фигурировали остроумные имена гг. Нонсенса, Джо-на, Джека, Робинзона, Боннъ-авантюра и много другихъ въ подобномъ вкусѣ. Очутившись снова лицомъ къ лицу съ требованіями, превышавшими его ресурсы, казначейство объявило, что размѣнъ по личнымъ требованіямъ будетъ производиться отнынѣ только въ соразмѣрной пропорціональности. Но тутъ сталъ выходить такой казусъ: трое лицъ, напримеръ, предъявляютъ свои записки, — пер-

¹⁾ Интересующіеся этимъ предметомъ могутъ найти подробный о немъ рассказъ у Э. Эмбера.

вый на 500 долларовъ, второй на 1.000, третий на 20 миллионъ; въ этомъ случаѣ обладатель самой скромной размынной суммы получалъ золота на 12 долларовъ, второй товарищъ его на 20, а все остальное количество драгоценной японской монеты попадало въ карманъ господина съ двадцатью фиктивными миллионными. Эта шутка, показавшаяся столь же остроумною, какъ и выгодною, нашла множество подражателей. Между прочимъ, какой-то «честный» нѣмецъ почтительнѣйше просилъ японскую таможенную размынать ему сумму въ 250 миллионъ долларовъ. По поводу этой просьбы несчастные японскіе кассеры провели всю недѣлю въ вычисленіяхъ, какія встрѣчаются развѣ въ астрономическихъ трактатахъ. По словамъ англійскаго консула Пембертона Гаджсона, официальный итогъ суммы, занесенный въ таможенные регистры въ теченіе лишь 2 ноября 1860 года, выведенъ былъ въ 1.200.666.778.244.601.066.953 доллара!.. Такимъ образомъ, куда ни бросалось правительство, вездѣ его поражали иностранные спекуляторы. Пожаръ, истребившій дворецъ *сэюна*, далъ ему наконецъ предлогъ прекратить разомъ всѣ размынныя операціи. Объявивъ, что не можетъ болѣе заниматься ничѣмъ кромѣ поправокъ и расходовъ, причиненныхъ этимъ бѣдствіемъ, оно окончательно закрыло свои кассы. Но къ довершенію позора, даже самыя посольства европейскія не могли устоять противъ соблазна привилегіи, предоставленной имъ правительствомъ *сэюна* и заключавшейся въ томъ, что они могли мѣнять ежемѣсячно извѣстную сумму по неизмѣнной таксѣ—311 *ичибу* за 100 долларовъ, между тѣмъ какъ обычный размѣнъ въ городѣ колебался между 220 и 250 *ичибу* за 100 долларовъ. Не довольствуясь этимъ, посольства выкапючили, чтобы такое же право было распространено на консульства, на офицеровъ иностранныхъ отрядовъ, на обязанности коихъ лежало охраненіе посольствъ и европейскаго квартала, на офицеровъ и экипажи военныхъ судовъ, стоявшихъ въ японскихъ водахъ. Такимъ образомъ, высшіе чины и офицеры мѣняли, смотря по чину, отъ 1.500 до 3.000 долларовъ въ мѣсяцъ, что конечно придавало нѣкоторую прелесть пребыванію ихъ на крайнемъ Востокѣ, хотя въ то же время не способствовало увеличенію къ нимъ уваженія со стороны японцевъ. Съ того времени золотая и серебряная мѣстная монета положительно исчезла изъ обращенія въ Японіи, гдѣ остаются въ ходу одвѣ лишь бумаги.

Фронтъ Иокотамы смотритъ на сѣверо-востокъ. Къ западу отъ нея или такъ-сказать съ лѣваго фланга находится на берегу бухты уѣздный городъ Канагава; къ правому же флангу, съ востока, примыкаетъ возвышенный

холмистый крижъ, называемый англичанами *Вуифъ*, а японцами *Сенги-яма*. На этихъ холмахъ лежитъ верхній городъ, отличающійся болѣе дачнымъ характеромъ. Тамъ находятся госпитали: англійскій морской, нѣмецкій, американскій и общественный городской; въ зелени садовъ раскиданы хорошенькіе домики; часто попадаются нѣмецкія и англійскія бонны, мамки-китайки и разодѣтыя какъ куклы дѣти. Во всемъ складѣ жизни верхняго города, даже въ уличныхъ ея проявленіяхъ, сказывается тихій, уютный, семейный характеръ. Весь культъ доллара, магазины, склады, банки, коммерческія и пароходныя конторы, кабакчи и гостиницы, все это сосредоточилось внизу, въ параллелограммѣ, очерченномъ съ одной продольной стороны моремъ, а съ трехъ остальныхъ обводнымъ каналомъ Омура, доступнымъ, для небольшихъ судовъ. Восточная половина этого параллелограмма принадлежитъ европейцамъ, западная — японцамъ. Онъ прорѣзанъ вдоль нѣсколькими длинными и, въ японской части, прямыми и широкими, а въ европейской болѣею частью узкими и ломаными улицами, которыя пересекаются еще болѣе узкими переулками. Главная улица, лежащая позади Боунда и параллельно ему, называется *Мейнъ-стритъ*, а прямымъ продолженіемъ ея въ японской части города является *Хончо-дори* или, иначе, *Куріозъ-стритъ*. Границей между тою и другою служитъ широкій поперечный проѣздъ, идущій отъ портовой пристани и упирающійся въ городской общественный садъ. Онъ обрамленъ съ обѣихъ сторонъ красивыми палисадниками въ вѣчно цвѣтущей зелени и называется *Портовою-улицей*. По лѣвую его сторону идетъ рядъ консульскихъ домовъ, надъ которыми развѣваются флаги: англійскій, русскій, швейцарскій и американскій, а по правую — рядъ казенныхъ зданій: таможня, почта, присутственныя мѣста съ домомъ японскаго градоначальника и, нѣсколько далѣе, уже на *Хончо*, высится небольшое красивое зданіе городской ратуши.

Хончо-дори противоположнымъ концомъ своимъ упирается въ мостъ на западномъ колѣнѣ обводнаго канала, за которымъ находится довольно обширная площадка украшенная скверомъ, что зеленѣетъ предъ фронтономъ большого желѣзнодорожнаго дебаркадера. Тамъ, влѣво за каналомъ, виднѣются изъ-за черепичныхъ крышъ японскихъ домиковъ бурожелтыхъ обсыпи холмовъ *Бентенъ*, увѣнчанныхъ старорослою сосновою рощей, изъ которой выглядываютъ перекладины *тори* и высокая соломенная кровля синтоискаго храма. Въ японской части города улицы расположены почти въ томъ же порядкѣ какъ и въ европейской, но тутъ онѣ вообще правильнѣе и нѣсколько просторнѣе. Поисюду прекрасное шоссе и газовые фонари; по бокамъ улицъ,

около домовъ вездѣ проведены водосточныя канавки, выложенныя вглубь и снаружи брус-
ями тесаного камня; черезъ нихъ, предъ вхо-
домъ въ каждый домъ и въ каждую лавку,
настланы переносные мостки. На улицахъ—
почти никакихъ запаховъ, потому что малѣй-
шая нечистота тотчасъ же убирается съ нихъ
доброхотными дезинфекторами, въ роли кото-
рыхъ являются преимущественно мальчики-
подростки изъ окрестныхъ сельскихъ обита-
телей. Ихъ когда угодно можно встрѣтить на
любой улицѣ съ закрытою плетеною корзиной
и деревянною лопаточкой въ рукѣ; цѣлый день
они бродятъ по городу, внимательно высма-
тривая добычу для своего промысла, изъ ко-
торой въ смѣси съ известью готовится
пудреть для полевныхъ полей и огородовъ.
Постройки въ японской части, въ большинствѣ
своемъ отличаются легкостью; но между ними
нерѣдко встрѣчаются и кирпичныя, и глинобит-
ныя, облицованныя или бѣлымъ блестящимъ
цементомъ, или же аспидно-сѣрыми квадрат-
ными кафлями; въ первомъ случаѣ бѣлила за-
мѣшиваются на молокѣ съ примѣсью порошка
изъ мелко истолченныхъ раковинъ, въ послѣд-
немъ же наружная сторона стѣнъ получаетъ
видъ шахматной доски разливной сверху
до низу въ косую клѣтку бѣлыми полосами.
Нѣкоторые кирпичные дома, въ особенности
на Хончо-дори, уже приняли европейскую на-
ружность, но кровли у всѣхъ безъ исключенія
крыты тяжелою, аспидно-сѣрою черепицей.

Послѣ пожара живо приступаютъ къ но-
вымъ постройкамъ; въ ночь сгорѣло, а на утро
многіе подворные участки мы нашли уже обне-
сенными на живую руку высокими заборомъ
изъ длинныхъ бамбучинъ и тростниковыхъ
цыновокъ. Тамъ, за этими заборами уже ки-
пѣла работа, расчищались мѣста, вывозился
мусоръ, складывался новый строительный ма-
териалъ, стучали топоры, и японскіе рабочіе,
гурьбой въивая для чего-то въ землю какую-
то сваю, сопровождали каждый приступъ къ
ударамъ бабы общеоу пѣсней, совершенно какъ
наши русачки; только въ ихней *Дубинушкѣ*,
какъ я ни прислушивался, не могъ уловить
мотива.

Хончо-дори щеголяетъ туземными магази-
нами и лавками, которые наполнены исклю-
чительно японскими издѣліями. Вслѣдствіе этого
она и получила еще другое свое названіе *Ку-
риозъ-стритъ*. Тутъ встрѣчается много лавокъ
bric-à-brac, гдѣ можно найти современные, а
по случаю и древнія вещи: разнообразныя
бронзы, инкрустаціи, рѣзбу изъ дерева, фар-
форъ, лакъ, старинное оружіе, разнородную
утварь, акварельныя картины въ свиткахъ,
старинные характерные костюмы изъ доро-
гихъ матерій, затканыхъ шелками и золотомъ
и т. д. Тутъ же, между прочимъ, находится и
чисто-японская фотографія, гдѣ, начиная съ

хозяина до послѣдняго мальчика на побѣгуш-
кахъ, работаютъ исключительно туземцы, и
работаютъ превосходно. Произведенія ихъ
отличаются своею чистотой, отчетливостью и
очень пріятнымъ тономъ; въ особенности хоро-
ши пейзажи, слегка пройденные специально
японскими, исключительно растительными,
красками, въ родѣ акварели,—это чрезвычайно
нѣжная и изящная работа. Въ выставленныхъ
витринахъ этой фотографіи красуется большой
и весьма разнообразный выборъ окрестныхъ
видовъ и всевозможныхъ мѣстныхъ типовъ,
сценъ домашняго обихода и уличной жизни,
а также очень красивымъ головокъ японскихъ
мусуме (дѣвушекъ) и знаменитыхъ геекъ. Все
это сбывается почти исключительно европей-
скимъ туристамъ, и дѣла фотографіи идутъ
отлично.

Изъ магазиновъ на Куріозъ-стритъ самыми
знаменитыми считаются Шобей, Тамайя и
Мусачіо. Первый торгуетъ шелковыми издѣ-
ліями и вышивками собственной мастерской,
но тоже исключительно для европейскихъ по-
требителей и, въ особенности, потребительницъ.
Здѣсь можно найти всевозможныя платки,
шали, шарфы, пенъжары, платья, мантильи,
sorties de bal, подушки, экраны и прочія по-
добныя вещи, прелестно и съ большимъ вку-
сомъ вышитыя шелками; работа всегда самая
тонкая, но исключительно по японскимъ ри-
сункамъ, что и составляетъ ея оригинальную
прелесть. Тамайя славится своими лаковыми
издѣліями; въ особенности матово-золотымъ
лакомъ (такъ-называемый *салъвокатъ*), съ
прелестною миниатюрною живописью золотомъ
въ разныхъ тоновъ и оттѣнковъ. Вещи, вы-
шедшія изъ его мастерской, цѣнятся знато-
ками очень высоко; онъ всегда отмѣченъ осо-
бымъ шифромъ этого мастера. Магазинъ Му-
сачіо торгуетъ всевозможными *objets d'art et
de luxe*, какъ древними такъ и новѣйшими,
по всѣмъ родамъ и отраслямъ японскаго ис-
кусства. Это цѣлая выставка, гдѣ непрерывно
слѣдуетъ побывать, и неоднократно, чтобы по-
лучить понятіе вообще о японскомъ искусствѣ
въ примѣненіи его къ утилитарнымъ цѣлямъ.
Подобныя же вещи можно найти и въ евро-
пейскомъ участкѣ, въ нѣмецкомъ магазинѣ
Куна, который отличается превосходнымъ вы-
боромъ и въ состояніи угодить самому тонкому
знатоку и любителю; но тамъ онъ стоитъ по
крайней мѣрѣ въятѣе дорожѣ чѣмъ у Мусачіо,
хотя и этотъ послѣдній вовсе не дешевъ. Во-
обще японская часть Йокогамы, а Хончо-дори
въ особенности, торгуетъ всевозможными *japo-
neries*, имѣя въ виду исключительно европей-
скихъ и американскихъ покупателей. Это даже,
можно сказать, главная специальность японской
торговли въ Йокогамѣ; поэтому, изъ желанія
угодить на всевозможные вкусы, здѣсь во мно-
жествѣ встрѣчаются предметы европейскаго

потребленія, сдѣланные японцами на европейскій ладъ: кофейные, чайные и столовые сервизы, лаковые столы и стулья, ящики для сигаръ и перчатокъ, портмоне, табакерки, папиросницы, бювары, крышки для альбомовъ, прессъ-папье и т. д. Формы всего этого заимствуются у Европы, но орнаментация и рисунки на нихъ исключительно японскаго характера и на японскіе сюжеты. Всѣ такія издѣлія, если хотите, очень изящны; но не въ этомъ истинный гений японскаго искусства. Подобныя вещи стали выдѣлываться сравнительно весьма недавно,—съ начала 70-хъ годовъ,—исключительно для иностранныхъ покупателей, и сбываются онѣ какъ туристамъ такъ и наѣзжамъ оптовымъ торговцамъ, закупающимъ ихъ для Европы, англійской Индіи и Америки. Предметы истиннаго искусства надо искать въ древнихъ буддійскихъ храмахъ. во дворцахъ *даймио* (бывшихъ феодальныхъ князей) и у нѣкоторыхъ зажиточныхъ горожанъ. Таковы, напримѣръ, акварели знаменитыхъ художниковъ, древнія храмовыя бронзы въ видѣ вазъ, хибачей, курильницъ и жертвенницъ съ ихъ оригинальными чеканными изваяніями, или старый Сатцумскій фарфоръ, въ которомъ нерѣдко вы встрѣчаете превосходное сочетание изящныхъ формъ, самой вещи съ тонкою орнаментацией, еще болѣе тонкою живописью и скульптурой. Конечно, подобныя вещи можно найти и въ Иокогамѣ, у Мусачіо, у Куна, и въ двухъ-трехъ лавкахъ специально торгующихъ бронзами; но здѣсь, какъ предназначенныя исключительно на продажу европейцамъ, онѣ стоятъ очень дорого. Впрочемъ, если вы интересуетесь собственно искусствомъ, то можете смѣло войти въ магазинъ не съ тѣмъ чтобы купить, а просто полюбоваться вещами, даже не прицѣпляясь къ нимъ,—и будьте увѣрены, вамъ не будутъ мѣшать глядѣть на нихъ сколько угодно, потому что японцы, сами хорошо понимая чувство изящнаго, цѣнятъ его и въ другихъ, и если вы любуетесь произведеніями ихъ національнаго гения, то это имъ самымъ доставляетъ большое удовольствіе.

Слово *Иока-зама*—составное; оно значитъ *черезъ берегъ*. Этимъ именемъ называлась ничтожная рыбацья деревушка на косѣ шедшей отъ подножія холмовъ Бентенъ въ направленіи съ сѣверо-запада къ юго-востоку, между моремъ и материковымъ болотомъ, до подножія Сэнги-ямы (Блуффа). Теперь едва ли уже остались слѣды тѣхъ бѣдныхъ рыбацкихъ хижинъ, что ютились тутъ до возникновенія нынѣшняго города. На мѣстѣ прежней Иокогамы бѣлѣютъ теперь японскіе домики но уже не рыбацьяго, а торговаго характера. Пята Иокогамской бухты превратилась въ небольшое озеро, съ тѣхъ поръ какъ ее отрѣзала отъ моря искусственная дамба, понадобившаяся для рельсоваго пути, и по мѣрѣ того какъ воз-

никала Иокогамы европейская, разрасталась и бывшая рыбацья деревушка, подвигаясь позади европейской части, все болѣе и болѣе къ юго-востоку, пока наконецъ не охватила собою съ трехъ сторонъ весь параллелограммъ, отведенный европейцамъ, примкнувъ непосредственно къ противоположному берегу окружающаго его канала. Этому разрастанію предшествовало проведеніе каналовъ, способствовавшихъ быстрому осушенію болота. Отрѣзанные отъ моря дамбой на сѣверо-западѣ, японскіе дома, кумирни и лавки продвинулись теперь къ самому морю съ юго-восточной стороны, между каналомъ и подошвой Блуффа, а на вершинѣ послѣдняго они уже отчасти перемѣшались съ европейскими постройками. Словомъ, теперь это цѣлый туземный городъ съ шоссированными улицами и переулками, соединенный съ европейскимъ параллелограммомъ нѣсколькими перекинутыми черезъ каналъ мостами. По переписи 1879 года, японское населеніе Иокогамы вмѣстѣ съ Канагавой простирается до 67.499 душъ.

Возникновеніе европейской Иокогамы относится къ 1859 году. Въ силу договоровъ, 1-го іюля означеннаго года должны были открыться для иностранной торговли порты Нагасаки, Хакодадѣ и Канагава. Но когда наступилъ назначенный срокъ, японское правительство неожиданно предложило европейцамъ вмѣсто Канагавы другой портъ, нарочно устроенный для нихъ по сосѣдству, двумя милями ниже. Дѣйствительно, европейцы нашли тамъ и каменную набережную, и портовую пристань съ брекватеромъ, и гранитныя лѣстницы спускающіяся въ море и каналъ облицованный камнемъ, и обширную таможенную, и даже временные бараки для конторъ и складовъ,—все это возникло тамъ какъ по щучьему велѣнію, въ самый непродолжительный срокъ, нарочно устроенное къ назначенному времени руками самихъ японцевъ, тогда какъ въ Канагавѣ ровно ничего еще не было приготовлено. Сдѣлано это было, конечно, не безъ задней мысли: японцы, съ помощью вырытаго ими канала, обративъ Иокогамскій параллелограммъ въ островъ, рассчитывали, опираясь на господствующія высоты, создать изъ него для своихъ новыхъ «друзей» вторую Дециму и поэтому оставили только одинъ пробѣжій мостъ на пути къ Канагавѣ, заградивъ его, по обыкновенію, рогатками; остальные мосты были все пѣшеходные и всѣ безъ исключенія охранялись военною стражей, яко бы для безопасности самихъ европейцевъ; въ то же время на Канагавскомъ берегу былъ устроенъ ими новый фортъ, который могъ анфилировать своимъ огнемъ всю Иокогаму. Причиной замѣны Канагавы Иокогамой они выставили то, что рейдъ въ этомъ мѣстѣ лучше и глубже чѣмъ гдѣ-либо, и въ этомъ отношеніи они нисколько не солгали: промѣры, сдѣланные нѣсколь-

кими европейскими судами, вполне подтверждая безусловную справедливость сего аргумента. Темъ не менѣе, понявъ истинную причину японскаго предложенія, представитель Англіи, сэръ-Роттерфордъ Элькокъ, вмѣстѣ съ дипломатическими агентами нѣкоторыхъ другихъ державъ, заупрямились и стали домогаться открытія именно Канаганы, ссылаясь на букву договора. Но европейскіе купцы, понаѣхавшіе сюда ко дню предполагавшагося открытія порта изъ Шанхая, Батавіи и Санъ-Франциско, нашли, что имъ вовсе не выгодно дожидаться съ готовыми товарами рѣшенія спорнаго вопроса путемъ новыхъ переговоровъ и, помимо своихъ дипломатовъ, самовольно сгрузили товары въ іокогамскіе склады и заняли временныя конторы. Такимъ образомъ «совершившійся фактъ» и порѣшилъ самъ собою вопросъ о бытіи Іокогамы. Но сдѣлать изъ нея вторую Дециму не удалось правительству *сэюна*: когда, выведенное изъ терпѣнія наглостью европейскихъ торгашей и ихъ дипломатическихъ представителей, оно объявило имъ, что микадо приказалъ *сэюну* прекратить съ ними всякія сношенія и закрыть іокогамскій портъ, французы съ англичанами, встрѣтивъ это заявленіе смѣхомъ, въ отвѣтъ на него высадили въ Іокогаму свои войска, укрѣпили Блуффъ, а военныя ихъ суда приготовились бомбардировать Іеддо и Канагаву. Японцы уступили и, въ концѣ концовъ, должны были согласиться на требованіе дипломатовъ, во-первыхъ, чтобъ охраненіе Іокогамы было предоставлено европейскимъ адмираламъ «которые примутъ мѣры предосторожности по собственному усмотрѣнію»; во-вторыхъ, чтобъ японское правительство вывело свои войска изъ района «договорной территоріи» ¹⁾, и наконецъ, чтобъ европейскіе военные патрули могли дѣлать военные обходы за предѣлы территоріальныхъ границъ, назначенныхъ трактатами для иностранцевъ. Это случилось 24-го іюня 1863 года, и съ тѣхъ поръ положеніе европейскихъ эксплуататоровъ и плутовъ въ Іокогамѣ стало уже на твердую ногу. Такимъ-то образомъ на гостепріимство *сэюна*, на его дружескую готовность вступить съ Европой въ дипломатическія и торговыя сношенія, эта Европа отвѣтила ему наплывомъ въ открытые порты жадныхъ торгашей и мазуриковъ, и затѣмъ, защищая ихъ права на безсовѣстную эксплоатацию японскаго казначейства, кончила насиліемъ въ видѣ высадки войскъ и занятія командующихъ пунктовъ. Это прославлялось газетами, какъ побѣда цивилизаціи надъ варварствомъ.

Вслѣдъ за европейцами начался наплывъ

¹⁾ Договорная территорія простиралась съ сѣвера на югъ, отъ рѣчки Лого (на половинѣ пути между Іокогамой и Іеддо) по всему полуострову Сагами за городъ Іюоску, захвативъ участокъ въ длину болѣе 50 верстъ, а въ ширину—весь полуостровъ.

сюда и сыновъ Небесной имперіи, которыхъ теперь въ Іокогамѣ, по переписи 1879 года, считается 2.505 человекъ; но наплывъ этотъ продолжается чуть не ежедневно: каждый пассажирскій пароходъ приходящій изъ Шанхая и Гонконга привозитъ и партію китайцевъ. Здѣсь они (какъ и повсюду, впрочемъ) сразу же стали захватывать въ свои руки всю мелкую торговлю, которая со временемъ, по всей вѣроятности, и перейдетъ къ нимъ всецѣло; они же держатъ и мѣняльныя лавочки, и большую часть кабачковъ, опійныхъ курилень и иныхъ вертеповъ, равно какъ безъ китайца въ качествѣ фактора или компаньона (родъ артельщика) не обходится ни одинъ банкирскій и торговый домъ въ Іокогамѣ; словомъ, здѣсь они играютъ такую же роль какъ жидки въ нашемъ Западномъ краѣ и Польшѣ, съ тою разницей, что въ нихъ неизмѣримо болѣе чувства собственного достоинства. Китаецъ высокъ ростомъ и плотенъ, нерѣдко даже толстъ, ходитъ съ разваломъ, поглядывая на всѣхъ съ улыбкой самодовольства и нѣсколько свысока, словно чувствуетъ свое китайское превосходство надъ всѣмъ остальнымъ человечествомъ и, вѣроятно, въ силу этого сознанія, никогда не измѣняетъ своему національному костюму. Здѣсь китайское, почти исключительно мужское, населеніе выдѣлилось въ особый кварталъ позади европейской части, въ юго-восточномъ углу города, перенесъ въ него и всѣ свои специфическіе запахи и грязныя привычки. Послѣ китайцевъ большинство іокогамскихъ обитателей европейской расы составляютъ англичане, затѣмъ идутъ американцы и нѣмцы. Французовъ, голландцевъ, итальянцевъ и людей прочихъ національностей здѣсь вообще немного ¹⁾; въ нихъ замѣчается даже, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторая убыль, но за то нѣмецкій элементъ усиливается съ каждымъ годомъ. Здѣсь уже не мало нѣмецкихъ домовъ, образовался отдѣльный нѣмецкій клубъ, госпиталь, даже ученое общество, независимо отъ такового же англійскаго. Хотя торгуютъ нѣмцы сначала по большей части на англійскіе капиталы, но расторговавшись и нажившись, обыкновенно заводятъ свое собственное, независимое дѣло и такимъ-то путемъ начинаютъ исподоволь, мало-по-малу вытѣснять англичанъ съ коммерческаго поля. Здѣсь стало-быть замѣчается то же самое характерное явленіе, что и въ чисто англійскомъ Гонконгѣ. Нѣкоторые изъ дальновидныхъ англичанъ хорошо понимаютъ куда клонится это дѣло и

¹⁾ По даннымъ 1880 года, иностранное населеніе Іокогамы простиралось до 3.870 человекъ. Изъ нихъ китайцевъ 2.505, англичанъ 567, американцевъ 250, нѣмцевъ 200, французовъ 102, голландцевъ 51, португальцевъ изъ Макао 43, русскихъ (преимущественно финляндцевъ и евреевъ) 42. Прочія національности представляютъ совсѣмъ уже незначительныя цифры.

мрачно морщатся, чуя въ нѣмцѣ своего будущего врага и соперника, но... ничего съ нимъ не подѣлаешь!.. Одинъ нашъ знакомый морякъ-французъ, говоря объ этомъ, очень удачно примѣнилъ къ тѣмъ и другимъ извѣстную антитезу Виктора Гюго: *Ceci tuega cela* ¹⁾».

Тотъ же порядокъ постепенности, какой замѣчается въ количествѣ іокогамскихъ обывателей по національностямъ, наблюдается по числу морскихъ тоннъ и въ коммерческихъ флагахъ: впереди всѣхъ идетъ флагъ англійскій, за нимъ американскій и германскій, а затѣмъ уже слѣдуютъ французскій, галландскій и прочіе. Нѣмцы пока еще мало ввозятъ продуктовъ собственно нѣмецкой промышленности, а занимаются главнѣйшимъ образомъ перевозкой англійскихъ и швейцарскихъ товаровъ; но за то ихъ суда болѣе другихъ плаваютъ между Іокогамою, Хіога, Нагасаки и Шанхаемъ, и коммерческій флагъ ихъ развивается рѣшительно во всѣхъ, нынѣ открытыхъ, даже самыхъ отдаленныхъ и наименѣ посѣщаемыхъ портахъ Китая и Японіи. Впрочемъ, въ торговыхъ здѣшнихъ сдѣлкахъ пока еще господствуютъ лондонскій и ливерпульскій рынки, которые въ особенности устанавливаютъ цѣны на шелкъ. По словамъ барона Гюбнера ²⁾, значительная часть японскихъ шелковъ, предназначаемыхъ для французскихъ фабрикъ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ отправлялась на пароходахъ въ Марсель, но оттуда проѣзжала черезъ Францію въ Лондонъ и Ливерпуль, и только тамъ уже ихъ покупали изъ англійскихъ рукъ лондонскіе фабриканты. Теперь этотъ порядокъ дѣлъ уже измѣнился, и всѣ наиболѣе крупныя французскіе фабриканты имѣютъ здѣсь своихъ собственныхъ агентовъ по закупкѣ шелка; этому примѣру послѣдовали и итальянцы. Японія беретъ пока лишь бирмингемскіе и манчестерскіе товары, американцы же ввозятъ изъ Орегона и Калифорніи строевой лѣсъ и муку, а въ обмѣнъ вывозятъ чай, потребление котораго очень распространено въ Тихо-океанскихъ штатахъ. Вообще торговля съ Японіей, вопреки блестящимъ надеждамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, идетъ вовсе не бойко; въ ней ощущается даже нѣкоторое угнетенное состояніе, и это потому, что потребности японцевъ весьма ограничены. По таможеннымъ даннымъ 1880 года, весь ввозъ въ Іокогаму, играющую роль столичнаго порта, простирался до 26.343.108 долларовъ, а вывозъ до 18.577.913 долларовъ. Главный предметъ ввоза—котогады, а вывоза—чай и шелкъ.

Складъ жизни въ Іокогамѣ совершенно англійскій, въ родѣ гонконгскаго, и уличный языкъ ея тоже англійскій. Къ часу дня на

улицахъ замѣчается нѣкоторое оживленіе, такъ какъ въ это время все дѣловое населеніе европейскаго участка отправляется завтракать либо домой, на Блуффъ, либо за *table d'hôte* въ гостиницы, гдѣ обыкновенно собирается вся холостежь и молодежь торговыхъ домовъ и учреждений; къ двумъ часамъ они уже снова за конторками; затѣмъ все опять затихаетъ до пятого часа, когда конторская дѣятельность прекращается. Около пяти часовъ на Баундъ и на Блуффъ появляются гуляющіе. Одни смотрятъ группами на любителей въ темныхъ токахъ и полосатыхъ фланелевыхъ фуфайкахъ, какъ они устраиваютъ гонку въ гичкахъ на рейдѣ, другіе глазбютъ на разныхъ миссъ Мери и миссъ Нелли, разѣзжающихъ съ грумами въ вычурныхъ экипажахъ по шоссе, гдѣ въ то же время появляются разные джентльмены верхомъ на пони и на велосипедахъ,—это преимущественно офицеры съ морскихъ судовъ, которые устраиваютъ на берегу тоже своего рода гонку, стараясь догнать и обогнать «этихъ дамъ». Такія развлеченія продолжаются часа два, пока не настанетъ время переодѣваться во фраки къ обѣду. Затѣмъ опять водворяется на улицахъ тишина и пустота до одиннадцати часовъ ночи, когда на Мейнъ- и Курюзъ-стритахъ появляется не малое количество дженерикшей, увозящихъ подгулявшихъ за обѣдомъ холостыхъ джентльменовъ и моряковъ въ Канагаву, гдѣ ихъ день заканчивается оргіями въ туземныхъ *ганкиро*. Семейныхъ людей въ Іокогамѣ немного; это преимущественно солидные представители солидныхъ фирмъ, живущіе, можно сказать, замкнуто для постороннихъ, въ тиши своихъ семействъ, въ хорошенечкихъ коттеджахъ на Блуффѣ и не они сообщаютъ тотъ несимпатичный тонъ іокогамской жизни, какой господствуетъ на улицахъ этого города.

Сегодня (4 декабря) баронъ О. Р. Штакельбергъ и лица его штаба, вмѣстѣ съ командиромъ «Африки» Е. И. Алексѣевымъ, собравшись къ полудню на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, отправились съ первымъ отходящимъ поѣздомъ въ Токио ³⁾, съ цѣлью представиться нашему посланнику К. В. Струве и его супругѣ. Въ русскомъ посольствѣ мы были приняты съ полнымъ радушіемъ и получили любезное приглашеніе посѣщать его почаше. Визитъ нашъ продолжался около часа, послѣ чего мы немедленно же возвратились въ Іокогаму. Я не стану описывать Токио, такъ какъ видѣлъ только незначительную часть его, да и то мимоѣздомъ. За то на возвратномъ пути можно было вдоволь любоваться на предмѣстья и окрестности этого города, лежація по сторонамъ желѣзной дороги,

¹⁾ *Notre Dame de Paris*

²⁾ *Прочулка вокругъ сѣта*, русск. изд. 1873 года, т. I, 285.

³⁾ Пишется *To-o-keo*, но выговаривается *Tokio*; поэтому въ орографии сего слова я предпочитаю придерживаться фонетическаго способа.

гдѣ сельскіе виды, одинъ лучше другого, то и дѣло смѣняють другъ друга. Этотъ путь я и опишу теперь.

Дорога узкоколейная въ два пути; вагоны вродѣ нашихъ конокъ. Разница между первымъ и вторымъ классами только въ томъ, что въ первомъ скамейки обиты краснымъ сафьяномъ, а во второмъ на нихъ натянута обыкновенная камышевая плетенька. Японская публика ѣздитъ исключительно во второмъ, предоставляя европейцамъ платить вдвое за удовольствие посидѣть въ теченіе сорока минутъ на красномъ сафьянѣ. Расстояніе всего пути между предѣльными пунктами около двадцати шести верстъ. Вокзалы въ Токио и Токио обширны и отстроены по европейски. Пассажиры двухъ первыхъ классовъ ожидаютъ перваго звонка въ одной залѣ, по срединѣ которой стоитъ диванъ съ сидѣньемъ на-обѣ стороны. Сторожъ, приставленный къ дверямъ и одѣтый по американски, съ нумерованною плоскою палочкой на головѣ, при входѣ европейца предупредительно указываетъ ему на лѣвую сторону комнаты, а при входѣ японца—на правую. На стѣнѣ лѣвой половины вывѣска гласитъ, что здѣсь находится «I классъ», и точно такая же вывѣска на правой половинѣ служитъ указателемъ «II класса». Границей между тѣмъ и другимъ является двусторонній диванъ, непрепятствующій однако публикѣ смѣшиваться между собой, и японцы, такимъ образомъ, могутъ сколько угодно грѣться у пылающаго камина, который составляетъ преимущество половины I класса.

Буфетъ находится въ особомъ помѣщеніи, но тамъ можно получить только *саки*, пиво, чай по японски и разныя сласти, а изъ закусокъ однѣ печенныя яйца, которыя желающимъ предоставляется кушать безъ соли и безъ хлѣба. Въ главной общей залѣ устроены двѣ или три лавочки, гдѣ въ одной продаются японскіе стеганные тюфячки, одѣяльца и дорожныя подушки, а въ другихъ разныя галантереи, шарфики, пледы, платки, перчатки, трости, табакъ и газеты.

Но вотъ по второму звонку мы садимся въ вагонъ и по третьему тихо трогаемся съ мѣста. Минувавъ главную станцію съ ея мастерскими, сараями и рядами всякихъ вагоновъ, поѣздъ, слѣдя къ югу, вступаетъ въ предмѣстье Сибайи Шибай (выговаривается и такъ, и этакъ). Направо—каналъ, обложенный дикимъ камнемъ, нѣтъ—взморье, съ которымъ каналъ соединяется нѣсколькими поперечными протоками; и тамъ и здѣсь стоятъ рыбацкія лодки и обыкновенныя перевозныя *фуне*. Надъ каналомъ тянется почти непрерывный рядъ деревянныхъ японскихъ домиковъ съ галлерейками, гдѣ подвѣшены ряды красныхъ и бѣлыхъ бумажныхъ шаровъ-фонариковъ. На набережную иногда выходятъ поперечныя, совершенно прямыя,

шосеированныя улицы, правильно идущія въ направленіи къ западу и обставленныя точно такими же легкими деревянными домиками. За ними, на западѣ, надъ множествомъ крышъ псадишковъ, развертывается на послѣднемъ планѣ декорация Сибайскихъ холмовъ и обширнаго старорослаго парка. Вотъ на взморьѣ открывается шесть фортовъ, построенныхъ среди водъ на искусственно возведенныхъ каменныхъ фундаментахъ и защищающихъ на форватерѣ доступы къ Токио съ моря.

Взморье во время прилива подходитъ къ самому полотну желѣзной дороги; при отливѣ же воды отступаютъ далече, обнажая плоское иловатое мелководье, которое въ эти часы завоевывается множествомъ сборщиковъ и сборщицъ морскихъ съѣдобныхъ ракушекъ. Весь этотъ людъ, и старъ, и младъ, засучивъ выше штаны, а то и вовсе безъ оныхъ, въ коротенькихъ синихъ распахенкахъ, съ плетенными корзинами въ рукахъ, торопливо и весело отправляется на свой кратковременный промыселъ и дѣлами стаями усивается на далекое разстояніе все отдаленное взморье, гдѣ бродятъ голенастыя цапли и мѣстами безпомощно торчатъ повалившіяся на бокъ *фуне* и *джонки*. Въ прежнее время прибрежное населеніе хаживало на этотъ промыселъ просто въ костюмѣ праотца Адама, но это очень шокировало леди Парксъ, жену англійскаго посланника, по настоянію котораго правительство запретило ракушникамъ появляться на взморьѣ безъ одежды. Вотъ Сибайскіе холмы подходятъ все ближе и ближе къ дорогѣ, вдоль которой все еще тянется облицованный камнемъ каналъ. На его набережной появились теперь премиленькія японскія дачки и зеленые садики, гдѣ виднѣются мѣстами, въ родѣ монументиковъ, каменные фонари и гранитные столбики. Тутъ же, параллельно желѣзному пути, тянется шоссе, ведущее изъ Токио въ Канагаву,—это часть Токаидо, великой государственной дороги, которая прорѣзываетъ весь Ниппонъ съ юга на сѣверъ. Наконецъ, желѣзный путь врѣзывается въ глубокую выемку въ подошедшихъ близко къ берегу холмахъ, отъ 150 до 200 футовъ высоты, гдѣ на крайней вершинѣ высится домъ какого-то князя (даймю), чуть ли не Сатцумы, построенный уже въ европейскомъ стилѣ,—и затѣмъ нашъ поѣздъ тихо приближается къ станціонной платформѣ.

Первая станція—Синагава, на самомъ берегу моря, которое вплоть подходитъ съ тылу къ ея строеніямъ. Поѣздъ стоитъ одну минуту. Трогаемся и, пройдя нѣсколько сажень, опять вступаемъ въ глубокую выемку, чрезъ которую перекинута мосты—каменный для экипажей и деревянный для пѣшеходовъ. На верху выемки виднѣются домики. Но вотъ, съ окончаніемъ тѣсняны, выходимъ на открытую равнинную мѣстность.

Тутъ, справа—какая-то фабрика, состоящая изъ нѣсколькихъ красныхъ кирпичныхъ зданій. На нее невольно обращаешь вниманіе, потому что ни около Йокогамы, ни въ окрестностяхъ Токио не видать высокихъ фабричныхъ трубъ, къ которымъ такъ привыкъ нашъ глазъ въ Европѣ, что безъ нихъ мы даже не можемъ представить себѣ предмѣстій большого города; здѣсь же это пока еще новинка, не особенно впрочемъ одобряемая японцами, такъ какъ сухая прозяблость ея архитектурныхъ формъ нарушаетъ своимъ присутствіемъ гармонію сельскаго пейзажа. Съ этой точки зрѣнія, конечно, и желѣзная дорога не должна имъ нравиться.

Близъ фабрики замѣтили мы у полотна дороги человѣкъ двадцать рабочихъ въ неуклюжихъ шапкахъ, вродѣ нашихъ арестантскихъ, и въ подбитыхъ ватой штанахъ и курткахъ. Весь костюмъ ихъ былъ сдѣланъ изъ грубой крапешены кирпично-краснаго цвѣта и отличался своимъ, очевидно, форменнымъ однообразиемъ. На рукавахъ у нихъ были черныя нашивки, вродѣ унтеръ-офицерскихъ, но не въ равномерномъ количествѣ: у однихъ больше, у другихъ меньше. Съ кирками и лопатами въ рукахъ они работали надъ исправленіемъ пути и лишь на минуту приостановились въ виду несшагося поѣзда. Оказалось, что это каторжанки; содержатъ ихъ въ Токио въ центральной тюрьмѣ, устроенной по-японски, но съ примѣненіемъ англійской пенитенціарной системы, и употребляютъ на разнаго рода общественныя работы. Количество же черныхъ нашивокъ означаетъ число лѣтъ, на какое арестантъ присужденъ къ каторгѣ.

Сельскій пейзажъ, открывшійся по обѣ стороны нашего пути, отличается простотой и миловидностью. Повсюду видите вы рисовыя поля, разбитыя на небольшіе, правильные участки; мѣстами попадаются озимые всходы пшеницы, правильно посаженной кустиками въ узенькихъ грядкахъ, словно какая огородная овощъ. И куда ни глянь, все воздѣлано самымъ тщательнымъ образомъ, нигдѣ ни малѣйшаго клочка земли не пропадаетъ втунѣ. Тамъ и сямъ разбросаны по равнинѣ древесныя группы, рощицы сосенъ и кедровъ, камелій и бамбука; иногда попадаются пальмы-латаніи, миндальныя, сливовыя и абрикосовыя деревья. Сельскіе домики разбросаны отдѣльными хуторами; при каждомъ изъ нихъ непременно зеленѣетъ садикъ съ темнолиственными лаврами и золотящимися на солнцѣ апельсинами; въ саду нерѣдко видна подъ деревьями домашняя божница въ видѣ маленькаго храма. Каждая усадѣбка обнесена либо живою изгородью, либо косымъ плетнемъ изъ тонкихъ бамбуковыхъ дранокъ. Ни одного хутора не замѣтилъ я здѣсь безъ того, чтобы на соломенной кровлѣ домика или во дворѣ на какомъ-нибудь стороросломъ деревѣ не торчало гнѣздо

аиста. Японцы, какъ и наши крестьяне, очень любятъ эту птицу и полагаютъ, что она приноситъ миръ и благополучіе тому дому, гдѣ поселится.

Вдоль морского берега тянется почти непрерывный рядъ деревень; но тѣ живутъ не земледѣльческимъ, а болѣе рыбацкимъ промысломъ и сборомъ моллюсковъ; также толкутъ и мелютъ раковины на блестящій цементъ для облицовки стѣнъ.

Вторая станція — Омори. Справа, взгорье покрытое лѣсомъ и привѣтливо глядящій чайный домикъ; слѣва, рисовыя поля и сельскій пейзажъ, подобный вышеописанному. Тутъ же встрѣчается первый вишневый и грушевый питомникъ. Молодыя деревца-подростки посажены правильными рядами на широкихъ грядкахъ, между которыми вбиты въ землю на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга деревянные колья въ ростъ человѣка, соединенные между собою на верху вдоль и поперекъ длинными бамбучинами. Все это легкое сооруженіе образуетъ родъ клѣтки раскинутой надо всѣмъ питомникомъ; лѣтомъ на ней растагиваютъ предохранительную сѣтку, съ цѣлью защитить деревца отъ птицъ, а во время цвѣтенія, чтобы при сильныхъ вѣтрахъ не обивался цвѣтъ, укрѣпляютъ на бамбучинахъ съ навѣтренной стороны щиты, ставя сплошною стѣной ряды камышевыхъ матъ или соломенныхъ плетеноекъ; эти же щиты во время жаровъ закладываются наверхъ, чтобы доставить деревцамъ богатую тѣнь. Правильная поливка совершается при помощи бамбуковыхъ трубъ, проведенныхъ на плантацію изъ ближайшей рѣчки. Извѣстная часть деревьевъ изъ подобныхъ питомниковъ обыкновенно высаживается осенью на продажу, для пересадки въ сады любителей; остальная же часть постоянно остается на мѣстѣ, но не для фруктовъ, а исключительно для цвѣту и для замѣны высаженныхъ деревцовъ новыми отростками. Стволамъ ихъ не даютъ тинуться вверхъ и ежегодно обрѣзаютъ верхушки съ тою цѣлью, чтобы дерево шло въ вѣтви и давало больше цвѣтущихъ прутьевъ. Это приноситъ владѣльцамъ питомниковъ хорошіе барыши, такъ какъ японцы очень любятъ весной украшать свои покои, домашніе алтари и родныя могилы цвѣтущими вѣтвями фруктовыхъ деревьевъ, въ особенности сливъ и вишенъ, ставя ихъ въ налитыя водою бронзовыя и фарфоровыя вазы или просто въ бамбуковые высокіе стаканы. Хорошая, роскошно усыпанная цвѣтами вѣтка стоитъ иногда въ продажѣ до одного іена, и японцы не скупятся на такія покупки, съ торжествомъ приносятъ ихъ домой и забавляются ими какъ дѣти. Первая такая вѣтка въ домѣ, это истинный семейный праздникъ, предметъ стихотворныхъ экспромтовъ и поэтическаго созерцанія для старыхъ и малыхъ.

Между тѣмъ нашъ поѣздъ несется далѣе. Порой мелькаютъ мимо маленькія *тори* и божнички подъ низко нависшими, широко-тѣнистыми вѣтвями отдѣльных деревьевъ. Вотъ справа идетъ навстрѣчу большая предестная роща и открывается видъ на снѣжный, словно изъ серебра вылитый конусъ далекой Фузямы. Мѣстность по обѣ стороны дороги опять широко покрыта рисовыми полями, между которыми какъ живыносныя артеріи, развѣтвляются оросительныя каналы съ перекинутыми черезъ нихъ кое-гдѣ гранитными и деревянными мостиками. На межахъ разбитыхъ въ клѣтку полей иногда тянется длинный рядъ нарочно посаженныхъ деревьевъ, иногда же тамъ и сямъ торчатъ четырехгранные гранитные столбики, служащіе полевыми пограничными знаками, а вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и намогильными памятниками. Обычай хорониться на межѣ родного участка земли перенесенъ былъ нѣкогда въ Японію изъ Китая и имѣетъ для нея, какъ для страны преимущественно земледѣльской, чрезвычайно важное значеніе. Дѣло въ томъ, что коль скоро подъ такимъ межевымъ знакомъ на родной землѣ погребенъ прахъ отца или предка нынѣшняго ея владѣльца, то этотъ земельный участокъ становится уже священною и бесспорною собственностью его рода, пока онъ будетъ арендовать ее у правительства для земледѣлія, и то обстоятельство, что тутъ лежитъ отчій прахъ, дѣлаетъ земледѣльскій трудъ досточтимымъ и какъ бы обязательнымъ для всего прямого потомства данной семьи, въ силу благоговѣйнаго уваженія къ памяти своихъ предковъ. Поэтому на такихъ участкахъ, гдѣ-нибудь въ углу пересѣченія двухъ межей, нерѣдко можно встрѣтить цѣлое семейное кладбище, состоящее изъ цѣлаго ряда подобныхъ столбиковъ. Чѣмъ больше памятниковъ, тѣмъ значить крѣпче земля за семьею и никто уже не дерзнетъ посягнуть на нее. Эти памятники—лучшіе документы на право владѣнія. Неподалеку отъ нихъ всегда почти стоитъ и родовая усадьба; иногда вся она прячется въ густой рощицѣ, только крыша видна изъ-за зелени. На поляхъ хранятся и запасы соломы для зимняго корма рабочихъ буйволовъ, но скирды здѣсь устраиваются совѣмъ не по нашему. Для этого обыкновенно выбирается какое-нибудь дерево, стоящее отдалѣно, поодаль отъ строеній, ради безопасности отъ пожара; вокругъ ствола его обвиваются связанные снопы рисовой соломы такимъ образомъ, что въ концѣ концовъ изъ нихъ выходитъ съ виду словно цилиндрическая будочка съ коническою крышей, зашпиценная вѣтвями выходящаго изъ ея середины дерева. Оно и миловидно и практично, такъ какъ солома, не требуя для себя сарая, сохраняется всю осень и зиму совершенно сухою.

Не задолго до третьей станціи, Кавасаки,

опять встрѣчается питомникъ фруктовыхъ деревьевъ и тутъ же поѣздъ проходитъ черезъ рѣку Лого по довольно жидкому деревянному мосту, на которомъ обыкновенно сѣзжается со встрѣчнымъ поѣздомъ. Вопреки европейскому правилу вообще избѣгать встрѣчи поѣздовъ на мостахъ, здѣсь оба поѣзда не только не замедляютъ хода, но проносятся черезъ мостъ на всѣхъ паряхъ, и если до сихъ поръ онъ ни разу еще не провалился подъ ихъ совокупною тяжестью, то это надо отнести къ особой милости Провидѣнія.

За Кавасаки равнина значительно расширяется; со всѣхъ сторонъ ея виднѣется цѣль селеній и куда ни глянь, повсюду рисовыя поля, на которыхъ важно ходятъ и охорашиваются ихъ неизмѣнные обитатели, журавли (по-японски *тсури*) и еще совершенно бѣлыя, средней величины птицы изъ породы голенастыхъ же, извѣстныя у японцевъ подъ именемъ *иби* или «рисовой птицы». Онѣ очень красивы въ своемъ нѣжномъ, серебристо-бѣломъ опереніи, и потому нерѣдко служатъ вмѣстѣ съ *тсури* однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ для японскихъ художниковъ-акварелистовъ. *Иби* довольно смѣлы, гуляютъ больше все парами и, по привычкѣ, нисколько не пугаются бродящихъ тутъ же съ ними черныхъ буйволовъ, которыхъ обыкновенно выпускаютъ на залитыя водой рисовыя поля, чтобъ они глубже разминали почву и тѣмъ способствовали наибольшему проникновенію въ нее необходимой влаги. Среди этихъ полей, на узенькихъ и нѣсколько возвышающихся надъ общимъ уровнемъ почвы проселочныхъ дорожкахъ видны также и *курума*, развозящіе въ своихъ *джерикшахъ*, сельскихъ обывателей между деревнями и усадьбами. Экипажъ этотъ, какъ видно, получилъ большую популярность и распространеніе во всей Японіи, такъ какъ сдѣлался въ короткое время потребностью не только городовъ, но и селеній.

Перелетаемъ еще черезъ одну рѣчку, Тсуруми, берега которой укрѣплены сваями. Но вотъ и конецъ равнинѣ; холмистый кряжъ, покрытый стройными соснами, обогнулъ ее справа подковою и подошелъ однимъ своимъ отрогомъ прямо къ дорогѣ.

Четвертая станція—Тсуруми. Слѣва, густое селеніе того же имени, справа же тянется вдоль самой дороги лѣсистый кряжъ, поросшій, кромѣ сосенъ, еще лаврами и камеліями; индѣ виднѣются пальмы. Чуть лишь встрѣтилась гдѣ въ этомъ кряжѣ маленькая падь или лощина, сейчасъ, глядишь, пріютился въ ней хуторокъ или засѣла маленькая деревенька; на склонахъ видны въ зеленой листвѣ храмикъ или божница. А слѣва опять открывается взморье, вдоль коего, на самомъ берегу тянется длинное селеніе, гдѣ и каменные до-

ма замѣчаются; виденъ рейдъ іюкогамскій, покрытый европейскими судами.

Пятая станція — Канагава. Мѣстность легка холмистая, и всѣ эти холмы воздѣланы подъ ячмень и пшеницу; у нѣкоторыхъ изъ нихъ образовались обсыпи и обрывы, гдѣ надъ песчано-глинистою подпочвой виденъ довольно значительный верхній слой чернозема. Пройдя подъ мостомъ перекинутымъ чрезъ дорогу, подходимъ къ станціи. Здѣсь находится запруда и озеро, такъ сказать отвоєванное людьми у моря. Съ сѣверной и западной стороны оно окружено обрывистыми возвышенностями, по гребню коихъ рисуются зубчатые силуэты хвойныхъ рошъ, а по берегамъ его тянется цѣпь деревянныхъ и каменныхъ домиковъ; у этихъ послѣднихъ на фронтонахъ виднѣются крупно начертанные черною краской не то гербовые, не то литерные знаки, по одному на каждомъ. Вотъ и городъ Канагава. При въѣздѣ въ него, на токаидскомъ шоссе отдѣльно стоитъ небольшой храмъ или часовня, а затѣмъ пошелъ цѣлый рядъ *ганкиро*. Тамъ на нѣкоторыхъ галлерейкахъ видны матерчатые вывѣски, на которыхъ на-малеваны вѣера, самурайскіе головные уборы, сабли и еще что-то въ такомъ же родѣ, дабы указать, что это де заведеніе «для благородныхъ». Дорога проходитъ въ узкости между рядами подобныхъ домовъ, подошедшихъ къ ней чуть не вплотную, такъ что вы изъ окна вагона невольно видите всю ихъ внутреннюю обстановку, благодаря раздвинутымъ ставнямъ и рамамъ. Кое-гдѣ на галлерейкахъ стоятъ группы разуряченныхъ какъ куклы дѣвушекъ, которыя со смѣхомъ посылаютъ поѣзду свои привѣтствія и воздушные поцѣлуи.

Отъ Канагавы до Іюкогамы тянется нѣсколько въ сторонѣ почти непрерывный рядъ деревянныхъ домишекъ и лавочекъ. Рядомъ идущее шоссе Токаидо въ этомъ участкѣ довольно оживлено постояннымъ движеніемъ пѣшеходовъ, *дженерикши* и малорослыхъ лошадей навьюченныхъ какими-то товарными тюками и ящиками и обутыхъ въ соломенные башмаки. Вотъ и іюкогамское предмѣстье Бентенъ со своимъ храмомъ «Владычицы моря и всѣхъ даровъ его». Поѣздъ замедляетъ ходъ, все тише и тише двигается онъ мимо крытой станціонной платформы и наконецъ — стоцъ машина! Приѣхали. Чрезъ минуту бойкіе *курума* уже весело везутъ насъ гуськомъ въ *дженерикшахъ* по оживленнымъ улицамъ Іюкогамы.

На вершинѣ Блуффа есть одно укромное мѣстечко, гдѣ подъ сѣнью старыхъ деревъ пріютился въ уединеніи очень милый чайный домикъ, носящій, по мѣсту своего нахождения, названіе *Сенги-ямы*. Но у нашихъ моряковъ онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Ста одной ступеньки*, которое дано имъ же самими, вслѣд-

ствие того, что кратчайшій путь къ нему изъ нижняго города ведетъ по значительной крутизнѣ горы прямою каменною лѣстницей съ деревянными перилами, въ которой насчитывается 101 ступень. Этотъ скромный чайный домикъ — онъ же, въ случаѣ надобности, и ресторанъ — существуетъ, кажись, исключительно для русскихъ, которыхъ тамъ очень любятъ. По крайней мѣрѣ, если на рейдѣ стоятъ русскія суда, то европейцы другихъ національностей туда уже и не заглядываютъ, развѣ по какой-нибудь случайности. Впрочемъ, молодая хозяйка Сенги-ямы, красивая, стройная и, для японки, высокая дѣвушка съ большими миндалевидными глазами, повидимому, не имѣетъ причины жаловаться на такую исключительность, такъ какъ постоянство русскихъ посетителей съ избыткомъ вознаграждаетъ ей временное отсутствіе гостей другихъ національностей. Зовутъ эту прелестную особу *О'Кинъ-санъ*, что по нашему значить «высокаго качества золото-госпожа» или проще — «золотая госпожа». Она дочь весьма почтенныхъ родителей, живущихъ съ нею вмѣстѣ внизу, подъ горой, въ собственномъ домикѣ, при собственной мастерской, специальность коей заключается въ производствѣ изъ кусочковъ разныхъ матерій наклеенныхъ на бумагу выпуклыхъ куколъ и въ вязаніи разныхъ европейскихъ принадлежностей туалета, въ родѣ чулокъ, перчатокъ, фуфаякъ и т. п. О'Кинъ-санъ всегда одѣта очень изящно, но исключительно въ скромные цвѣта темныхъ оттѣнковъ, признакъ элегантности и добропорядочности. Съ утра она подымается на Сенги-яму, гдѣ сама заправляетъ всѣмъ хозяйствомъ ресторана, а къ ночи спускается домой. Помощницами у нея состоятъ нѣсколько *незанъ* изъ подругъ и родственницъ, между коими особенно выдается одна шустрая, востроглазая и ужасно смѣшная дѣвчушка лѣтъ тринадцати, миловидной, но какой-то безотчетно комической наружности, прозванная, благодаря ей, нашими моряками Мухтаркой. И сама она самымъ серьезнымъ образомъ называетъ себя «Мухтарка-санъ», такъ и рекомендуется этимъ именемъ. Мухтарка-санъ большая пѣтуныя и премило поетъ по-японски «Чирика». Всѣ онѣ немножко болтаютъ по русски и стараются запомнить какъ можно больше русскихъ словъ. О'Кинъ-санъ, кромѣ японскихъ блюдъ, отлично умѣетъ изжарить на вертелѣ бифштексъ и курицу, дѣлать разнообразныя тартинки, изготовить на сковородкѣ яичницу по-русски, съ ветчиной и зеленымъ лукомъ, и заварить байховый чай по нашему; но главное, она умѣетъ всегда быть очень любезною хозяйкой, привѣтливою и внимательною ко вкусамъ и привычкамъ своихъ постоянныхъ гостей и къ довершенію всѣхъ своихъ достоинствъ прекрасно играетъ на *гато* и *соминъ*.

Въ этомъ-то пріютливомъ уголкѣ провели мы въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ весь нынѣшній вечеръ, познакомились съ кулинарными и артистическими талантами О'Кинъ-санъ и слушали какъ Мухтарка-санъ пѣла «Чижики». А поется этотъ «Чижики» по-японски съ точнымъ сохраненіемъ нашего мотива такъ:

Съэуме, съэуме, дѣкой итѣ?
Сенги-Ямае саки номини,
Ному чаванъ, ному втацъ,
Сореюэ мэнга куранда
Й-ицъ-учи кара молиста
Со-ошите О'Кинъ-санъ ушинатѣ.

Это сами онѣ сдѣлали точный переводъ его съ рускаго на японскій, замѣнивъ только, ради мѣстнаго колорита, нашу фонтанку своею Сенги-ямой и въ заключеніе вставивъ какой-то комплиментъ своей молодой хозяйкѣ.

5-го декабря.

Россійскій посланникъ К. В. Струве посѣтилъ сегодня барона Штапельберга на крейсере «Африка», гдѣ съ подобающимъ церемоніаломъ былъ встрѣченъ начальствомъ, офицерами и командой судна.

6-го декабря.

Командующій эскадрой съ лицами своего штаба сдѣлалъ въ Токио визиты японскимъ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ, г. Иноэ, морскому, вице-адмиралу Еномото и военному, генералъ-лейтенанту Ямагата, а также начальнику главнаго штаба, генералъ-лейтенанту Ояма. Военный министръ, узнавъ что я сухопутный офицеръ, спросилъ меня, не будетъ ли мнѣ любопытно видѣть японскія войска, познакомиться съ ихъ бытомъ и узнать организацію вооруженныхъ силъ Японіи. Я, конечно, отвѣчалъ, что для меня это предметъ въ высшей степени интересный, тѣмъ болѣе что у насъ такъ мало еще знаютъ о современной японской арміи.

— О, въ такомъ случаѣ я постараюсь доставить вамъ въ непродолжительномъ времени полную къ тому возможность, — любезно сказалъ генералъ и обѣщалъ прислать на первый случай данныя, по которымъ я могу познакомиться съ основаніями общей воинской повинности и вообще съ организаціей вооруженныхъ силъ Японіи.

7-го декабря.

Сегодня вмѣстѣ съ О. Р. Штапельбергомъ, А. П. Новосильскимъ и нашимъ йогогамскимъ консуломъ А. А. Пеликаномъ сдѣлали мы въ открытомъ экипажѣ загородную прогулку въ южныя окрестности Йогогамы. Выѣхали въ пятомъ часу дня, и только что подъѣхали къ мосту на восточномъ колѣнѣ канала Омуру, какъ пришлось остановиться, чтобы пропустить перерывавшую намъ путь похоронную процессію. Хоронили какого-то богатаго японца. Во главѣ шествія два человѣка несли нѣчто въ родѣ коротконогаго столика, покрытаго бѣлою бу-

мажною салфеткой; на немъ стояла бронзовая вѣнчанница, испускавшая сквозь нѣсколько дырочекъ въ крышкѣ бѣлыя струйки священнаго курева; затѣмъ шли два герольда, несшіе на бамбуковыхъ древкахъ бѣлые щиты на коихъ черными знаками были изображены фамиліный гербъ, званіе, чины, заслуги и достоинства покойнаго; затѣмъ попарно слѣдовали служители бонзеріи съ шестью значками; далѣе шли потупясь и попарно же нѣсколько бонзѣ въ широкихъ желтыхъ и фіолетовыхъ одеждахъ изъ легкаго японскаго крена, а за ними въ одиночку выступалъ въ бѣлой одеждѣ со шлейфомъ старшій бонза. Одна пара изъ шествовавшихъ впереди имѣла въ рукахъ маленькіе колокольчики, другая—мѣдныя музыкальныя тарелки, какъ у нашихъ военныхъ пѣсенниковъ, третья—маленькіе гонги-какди-кѣ, четвертая—плоскіе барабаны, у остальныхъ были восковыя свѣчи и курительныя палочки, приготовляемыя изъ коровьяго помета въ смѣси съ какою-то ароматическою травой; старшій же бонза одною рукой опирался на длинный посохъ, а въ другой держалъ священное опахало изъ бѣлаго конскаго волоса, медлительно помахивая имъ направо и налѣво, для отогнанія враждебныхъ вѣяній злыхъ духовъ; у него у одного только была надѣта на головѣ оригинальная сквозная шапка изъ конской волосной сѣтки, тогда какъ всѣ прочіе бонзы оставались съ непокрытыми головами и тихо, что называется, подъ носъ себѣ пѣли хоромъ погребальныя гимны, но пѣніе это болѣе походило на жужжаніе шмелинаго роя. За бонзами несли опять столікъ покрытый бѣлою салфеткой; на немъ была поставлена продолговатая скрижаль съ изображеніемъ новаго посмертнаго имени покойника, которое будетъ высѣчено и на его надгробномъ памятникѣ; предъ скрижалю стояла фарфоровая чашка наполненная варенымъ рисомъ. За этими атрибутами четыре человѣка несли на плечахъ носилки съ поставленнымъ на нихъ закрытымъ *норимономъ* — родъ паланкина съ куполомъ, задрапированный шелковою тканью и украшенный по четыремъ загнутымъ угламъ крыши извѣстными семиколѣнчатыми *дзиндзи* изъ бѣлой бумаги. Внутри *норимона* помѣщается заколоченный гробъ изъ тесанаго сосноваго дерева, сдѣланный въ видѣ восьмиграннаго стакана, въ которомъ покоится тѣло почившаго сидя или, точнѣе говоря, въ томъ положеніи въ какомъ обыкновенно младенецъ находится въ утробѣ матери. За *норимономъ* слѣдовали семейство и родственники покойнаго въ бѣлыхъ костюмахъ и въ плоскихъ простонародныхъ соломенныхъ шляпахъ въ знакѣ траура, а за ними его друзья, знакомые, домашніе слуги въ обыкновенномъ городскомъ платьи и наконецъ толпа случайныхъ зѣвакъ, готовая какъ и повсюду, глазѣть на даровое зрѣлище.

Христiанское кладбище въ Токогамѣ находится за каналомъ, въ лѣсистой долинѣ между холмами Сэнги-Ямы. Тамъ, среди каменныхъ столбиковъ, стоящихъ плить со скругленнымъ верхомъ и тумбообразныхъ памятниконъ, возвышается на четырехъ сѣро-гранитныхъ стройныхъ колоннахъ мавзолей, увѣнчанный мавританскимъ куполомъ съ золотымъ восьмиконечнымъ русскимъ крестомъ. Подъ нимъ покоится прахъ мичмана Мофета и другихъ русскихъ моряковъ, изрубленныхъ вмѣстѣ съ нимъ какими-то фанатиками *самураи* на Хончо, среди бѣла дня и безо всякаго со своей стороны повода. Это были первыя изъ иностранцевъ жертвы японскаго фанатизма; вслѣдъ за ними былъ убитъ купецъ англичанинъ Леноксъ Ричардсонъ. Англичане въ возмездіе за это сожгли бомбардировкой городъ Кагосиму и получили въ обезпеченіе семейства убитаго сто тысячъ фунтовъ, мы же ограничилиcя однимъ официальнымъ «выраженіемъ сожалѣнія» случившемся со стороны японскаго правительства. Съ тѣхъ поръ японцы англичанъ ненавидятъ, но уважаютъ; насъ же пожалуй и ласкаютъ, но... уважаютъ ли, пока еще не знаю. Сегодня мы проѣзжали мимо этого кладбища, мѣстоположеніе коего выбрано весьма поэтично, причемъ темная зелень стройныхъ сосенъ и кедровъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ его элегическою тишиной и уединенностью. Русскій мавзолей, никакъ не ремонтируемый, вполне заброшенный «за немнѣніемъ источникъ», покосился и грозитъ паденіемъ...

Держа путь на югъ, мимо европейскихъ дачъ и скакового поля, выбрались мы наконецъ на сельскій просторъ. Видъ окрестныхъ полей и лѣсистыхъ холмовъ носитъ отпечатокъ высокой культуры: рощи расчищены какъ въ паркѣ и нигдѣ ни одного невоздѣланнаго клочка земли. Даже поссированная дорога нарочно вьется вдоль подошвы возвышенностей Блуффа, а не кратчайшимъ прямокомъ по равнинѣ для того, чтобы не отымать лишняго мѣста отъ пашень. Вся долина разбита межами на неравнофрмные небольшіе участки, изъ коихъ одни обчерчены канавами и валиками въ формѣ квадрата, другіе въ формѣ параллелограмма, трапеціи или трехугольника, смотря по тому какъ позволяетъ мѣсто. Всѣ эти участки лежатъ однако не въ одной, а въ нѣсколькихъ горизонтальныхъ плоскостяхъ: одинъ на футъ выше, другой ниже, третій еще ниже или еще выше; необходимое условіе при этомъ только то, чтобы каждый участокъ самъ по себѣ былъ безусловно горизонталенъ. Такимъ образомъ, все поле представляется какъ бы исполосованнымъ широкими ступенями и низенькими террасами, смѣшавшимися въ разныхъ направленіяхъ. Образующіяся при этомъ низенькія стѣнки по большей части выложены дикимъ камнемъ. Въ канавкахъ повсюду сдѣланы шлюзы для зато-

пленія, по мѣрѣ надобности, каждаго участка; излишекъ же воды спускается съ него на соседній нижній участокъ и такъ далѣе, или можетъ быть направленъ прямо въ нижележащую канавку. Подобное устройство (то-есть горизонтальная плоскость и окружающая ее кайма земляныхъ валиковъ) безусловно необходимо каждому участку, для того чтобы напущенная вода покрывала совершенно равномерно всю его площадь и могла быть задержана на немъ подольше, все время пока ощущается въ ней надобность для превращенія почвы въ болотистое мѣсиво. Въ этомъ состояніи обыкновенно пускаютъ на поле буйволовъ, которымъ помогаютъ мѣсить почву ногами еще и рабочіе люди; затѣмъ ее мотыжатъ чтобы разбить комки, и проходятъ поглубже сохой. Послѣ всѣхъ этихъ операций почва превращается въ вязкую жидкую, тѣстообразную массу. Тогда принимаются за дѣло посѣва ростковъ. Мужчины, женщины и дѣти цѣлыми семьями выходятъ на свои межи, какъ на праздникъ и, помолясь святому Инари, покровителю рисоводства, собственноручно бросаютъ рисовыя сѣмена въ отдѣленный разсадникъ, который послѣ того разравнивается бороной. Затѣмъ излишняя вода съ полей, за исключеніемъ разсадниковъ, спускается въ отводныя канавы, для того чтобы земля успѣла нѣсколько подсохнуть и перейти изъ болотистаго въ рыхлое состояніе, послѣ чего ее раздѣляютъ на большія квадратныя грядки. Тѣмъ временемъ рисъ въ разсадникахъ уже успѣваетъ дать густые свѣтлозеленые всходы. Это опять новый рабочій праздникъ для семьи земледѣльца. Вся она подъ водительствомъ отца или старшаго въ родѣ, выходитъ съ ранняго утра на межу и принимается осторожно вынимать съ корнемъ ростки изъ разсадника, а затѣмъ со всею тщательностью пересаживаетъ каждый изъ нихъ отдѣльно на гряды, наблюдая при этомъ, чтобы кустики были посажены правильными рядами и достаточно проторно, на равномъ разстояніи одинъ отъ другого. Посадка производится посредствомъ заостренной палочки, которую втыкаютъ въ землю, чтобы сдѣлать достаточно глубокую ямку, — гнѣздо для корня, и затѣмъ, посадивъ въ него ростокъ, приминаютъ вокругъ него землю пальцами. Изъ этого уже видно, какъ кропотлива и какова труда, терпѣнія и вниманія требуетъ такая работа; но японцы любятъ ее и предаются ей съ увлеченіемъ. Высадивъ рисъ на грядки, оставляютъ его расти и созрѣвать до времени жатвы, обыкновенно наступающей въ октябрѣ мѣсяцѣ. Но заботы земледѣльца о своемъ посѣвѣ далеко еще на томъ не кончаются. Когда рисъ начинаетъ колоситься, надо тщательно полоть вокругъ каждаго кустика всю сорную поросль, а когда зерно наливается, необходимо оберегать посѣвъ отъ величайшихъ враговъ его,

маленьких птичек, налетающих на рисовые поля громадными стадами. Достаточно на полчаса прозвучать их появлению, чтобы все поле было расхищено: низко рья надъ грядами и хлопая по стеблям крылышками, эти лакомки обивают все зерно на землю и затѣмъ жадно принимаются клевать его. Противъ такихъ хищниковъ приходится не только ставить между грядами чучела и трещетки въ видѣ крыльевъ вѣтряной мельницы, но и раститивать надъ цѣлымъ полемъ предохранительную сѣтку и держать при ней постоянный караулъ, чтобы приводить ее въ движеніе каждый разъ, чуть только птички начнутъ на нее опускаться. Для этого обыкновенно устраиваютъ на межѣ изъ четырехъ бамбуцинь вышку съ соломенною кровлей и сажаютъ на нее мальчугана, который долженъ постоянно подергивать привязанную къ сѣткѣ веревку.

Въ Японіи культивируются нѣсколько сортовъ риса, между коими главнѣйшимъ образомъ различаются два: дольний и горный. Послѣдній разводится на террасахъ, опоясывающихъ въ нѣсколько ярусовъ склоны горъ, и требуетъ весьма сложнаго и тяжелаго труда, какъ по устройству самыхъ террасъ, укрѣпляемыхъ цементованными каменными стѣнами, такъ и по наполненію ихъ пригодною землею и удобреніемъ, а въ особенности по устройству необходимаго орошенія. Для послѣдняго на вершинахъ горъ устраиваются особые водоемы, наполняемые частію дождями и тающимъ снѣгомъ, если по близости нѣтъ естественнаго источника, а нерѣдко приходится даже таскать для нихъ воду ведрами и боченками изъ долины. Затѣмъ эта вода растекается изъ резервуаровъ по террасамъ при помощи цѣлой системы ирригаціонныхъ, бамбуковыхъ трубъ и желобовъ, регулярно пускаемыхъ въ дѣйствіе. Но при всемъ томъ горный рисъ считается хуже и продается дешевле.

Въ Японіи съ незапамятныхъ временъ господствуетъ одна лишь плодоперемѣнная система; иной тамъ не знаютъ. Пахатная земля никогда не оставляется подъ паромъ, и поле по снятіи риса идетъ съ будущей осени, а то и немедленно подъ просо или пшеницу, причемъ между грядами сажаютъ бобы или другія огородныя овощи. Всѣ сорта хлѣбныхъ растений, даже рожь въ болѣе сѣверныхъ провинціяхъ, разводятъ здѣсь не посѣвнымъ, а огороднымъ способомъ: садкой на грядахъ отдѣльными правильно разсаженными кустиками, и такъ какъ орошеніе тутъ искусственное, всегда въ мѣру и въ опредѣленное время, то засухи въ Японіи неизвѣстны, а урожай самъ-соть—обычное дѣло. Пшеница садится въ ноябрѣ и декабрѣ, жетется же около 9 мая; затѣмъ поле готовится подъ рисъ и по снятіи его зачастую идетъ вмѣсто пшеницы подъ просо, подъ табакъ или хлопчатникъ, пока опять не

приспѣетъ ежегодная очередь риса, культура коего во многихъ случаяхъ не прекращается въ теченіе цѣлаго года, такъ что нерѣдко вы можете видѣть на нѣсколькихъ смежныхъ участкахъ почти всю послѣдовательную процедуру его производства.

Подробностей пейзажа я не стану описывать; это все тѣ же милостивыя деревеньки, отдѣльныя усадьбы, удлиненные сельскіе чайныя домки, *тори* и капицы пріютившіяся въ роскошной зелени латаній, камелій, кедра, сосенъ и японскаго клена, очень краснаго дерева съ узкими семилопастными зубчатыми листьями. Иногда изъ-за зеленыхъ холмовъ и рошъ мелькнетъ на минуту видъ на голубой кусочекъ моря съ бѣлыми нарусамъ японскихъ джонокъ, что придастъ картинѣ особенную прелесть; иногда надъ горизонтальною чертою облаковъ открывається сверкающая серебромъ вершина Фузи-ямы, и тогда пейзажъ становится еще прелестнѣе.

Бдѣть въ конныхъ экипажахъ надо здѣсь съ особенною осторожностью, чтобы не задвинуть ненарокомъ какого-нибудь японскаго карапузика. Ребятишки отъ двухъ и болѣе лѣтъ безпрестанно попадаютъ въблизи населенныхъ мѣстъ, то и дѣло перебѣгаютъ черезъ дорогу предъ самымъ экипажемъ или преспокойно располагаются на самой дорогѣ, гдѣ они ползаютъ, копаются въ песокъ, строятъ что-то и запускаютъ бумажнаго змѣя. Они такъ уже привыкли, чтобъ имъ ни кто не мѣшалъ и чтобы *дженерикши* поэтому объѣзжали ихъ стороной, что не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на предупреждающіе крики кучера «*гаи! гаи!*» (берегись) и, не вставая съ мѣста, спокойно смотрятъ на его сердитую физиономію во всѣ свои смѣющіеся глазенки, и тотъ, хочешь не хочешь, долженъ сдержатъ лошадей и тихонько съ осторожностью объѣзжать дѣтскую группу.

Въ послѣдній часъ предъ закатомъ солнца приморскій сельскій пейзажъ въ особенности оживляется разнообразными птицами, которыя въ эту пору какъ бы усиливаютъ свою жизненную дѣятельность въ поискахъ за добычей прежде чѣмъ усюкнуться въ своихъ гнѣздахъ на ночь. Голуби рѣютъ высоко въ воздушной синевѣ, сверкая мгновеніями бѣлзной крыльевъ противъ солнца; межъ ними турмана играютъ и кувыркаются къ истинному наслажденію любителей голубинаго спорта, собиравшихся кучками у голубятенъ любоваться на ихъ воздушныя забавы; еще выше голубей описываютъ плавныя концентрическіе круги орлы и ястребы, звонкій клекотъ которыхъ отрывочно достигаетъ до земли мелодическимъ свистомъ, словно трель отдаленной флейты; дикіе гуси и утки вереницей танцуютъ на почлегѣ надъ болотомъ, чайки и рыбалки тревожно носятся близъ береговъ надъ взморьемъ, несмѣтныя стаи

галокъ и воронъ съ крикомъ кружатъ и осѣдаютъ надъ священными рощами, и однѣ только цапли, какъ часовые сосредоточенно торчатъ тамъ и сямъ надъ канавами. Румяное солнце между тѣмъ опускается все ниже, кидая косые лучи на красныя верхушки сосенъ и на воды залива; тѣни растутъ и вытягиваются, въ воздухѣ замѣтно начинается вѣять холодкомъ и весь пернатый міръ постепенно затихаетъ, осѣдая на гнѣзда; еще полчаса и глубокая сяная ночь тихо затеплится звѣздами надъ землей. Пора и намъ во-своися.

9-го декабря.

Пообѣдавъ въ Грандъ-Отелѣ, мы взяли *джемерикши* и всею компаніей отправились въ Канагаву посмотрѣть на ея своеобразную вечернюю жизнь. Находится она въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Йокогомы и лежитъ непосредственно на Токаидо, составляя его послѣднюю подорожную станцію предъ Токио. Во времена *сэгуновъ* это былъ цвѣтущій городъ и портъ, населеніе коего промышляло рыболовствомъ и торговлей съ проходящими караванами и дорожными людьми, вслѣдствіе чего въ немъ преобладали всевозможныя гостиницы, рыбныя садки, чайныя, съѣстные, зонтичныя и соломенно-башмачныя лавочки. Это отчасти остается и теперь, но, съ возникновеніемъ Йокогомы, какъ европейской резиденціи, Канагава обратилась чуть не въ сплошное *ганкиро* для Европейцевъ, что придадо ей совсѣмъ особенный и не скажу чтобы симпатичный характеръ. Тамъ съ тѣхъ поръ появился цѣлый рядъ домовъ полужуревейскаго, полужапонскаго характера, между которыми встрѣчаются двухъ и трехъ-этажныя, и всѣ эти дома исключительно приюты для ночныхъ оргій европейскихъ моряковъ, матросовъ, клерковъ и приказчиковъ.

Подъѣзжая къ Канагавѣ, еще издали увидѣли мы цѣлую плюминацію. Надъ входами и вдоль наружныхъ галлерей, вверху и внизу свѣтились ряды пунцовыхъ шаровидныхъ и, частію, бѣлыхъ четырехугольных фонарей изъ промасленной бумаги, а изнутри домовъ доносились короткіе звуки *самсиновъ* и тѣхъ особенныхъ барабанчиковъ, похожихъ съ виду на часы Сатурна, что при ударѣ въ нихъ пальцами издають собачій лай. Всѣ эти звуки служили аккомпанементомъ тому своеобразному женскому пѣнію сдавленнымъ горломъ, которое скорѣе всего напоминаетъ кошачье мяуканье. Изъ этого сочетанія собачьяго гавканья съ завываніемъ кошекъ выходило для непривычнаго уха нѣчто нелѣпое, ужасное по своей какофоніи и въ то же время смѣшное, потому что по характеру своему оно вполнѣ подходило и къ понятію о ночной оргіи на какомъ-нибудь шабашѣ вѣдьмъ на Лысой горѣ, гдѣ «Жиды съ лягушкою вѣнчаютъ», и къ весенней Katzen-Musik на крышахъ.

Мы вышли изъ *джемерикши* и направились вдоль главной Канагавской улицы. Всѣ дома были ярко освѣщены внутри, и въ каждомъ изъ нихъ наиболѣе характерную внѣшнюю особенность составляла пристройка въ родѣ закрытой эстрады или галлерей, выходящая въ уровень съ нижнимъ этажемъ прямо на улицу. Однѣ изъ этихъ галлерей стеклячатыя, другія же просто забраны дѣревянною рѣшеткой. Фономъ ихъ на заднемъ планѣ обыкновенно служатъ широкія пирамиды, ярко разрисованныя по золотому полю цвѣтами и птицами, изображеніями житейскихъ или героическихъ сценъ и пейзажами, въ которыхъ всегда фигурируетъ неизбѣжная Фузіяма. Тамъ, за этими рѣшетками, освѣщенные рефлекторами лампъ и поджавъ подъ себя ноги, сидѣли на толстыхъ цыновкахъ молодыя дѣвушки, одна возлѣ другой, составляя тѣсно сплоченный, но довольно широкій полукругъ, обращенный лицомъ къ улицѣ. Насчитывалось ихъ тутъ, смотря по размѣрамъ галлерей, отъ пяти до двадцати и болѣе. Всѣ онѣ разряжены въ богатые шелковые и парчевые *киримоны* самыхъ яркихъ колеровъ, набѣлены; нарумянены, съ окрашенными въ густо-фіолетовый цвѣтъ губами, и всѣ отличаются очень пышными прическами, въ которыхъ большую роль играютъ цвѣты и блестящія, а главнымъ образомъ множество большихъ черепаховыхъ булавокъ, образующихъ вокругъ каждой головы нѣчто въ родѣ ореола. Предъ каждою парой или тройкой изъ этой живой гирлянды стоялъ бронзовый *хибачъ* для грѣнья рукъ, а рядомъ съ нимъ *табакобонъ* и чайный приборъ. Время отъ времени эти особы набивали табакомъ и, послѣ двухъ-трехъ затяжекъ, вытряхивали свои миниатюрныя металлическія трубочки, принимаясь вслѣдъ за тѣмъ за чай, который прихлебывали изъ крошечныхъ фарфоровыхъ чашекъ. Большею частью всѣ онѣ пребывали въ полномъ молчаніи, изрѣдка развѣ перекидываясь съ сѣдѣлкой какимъ-нибудь тихимъ и краткимъ замѣчаніемъ. Въ первое мгновеніе, при взглядѣ на нихъ, у меня получилось невольное впечатлѣніе, что это куклы изъ кабинета восковыхъ фигуръ, — такова была ихъ неподвижность и какъ бы безжизненность. Выраженіе лица у всѣхъ какое-то апатичное, скучающее и утомленное, точно находится онѣ тутъ не по доброй охотѣ, а по принудительной обязанности, давно уже опостылѣвшей имъ по горло, но противъ которой ничего не подѣлаешь... Сидятъ онѣ тутъ какъ на выставкѣ, точно птицы въ клѣткахъ, и это дѣйствительно выставка, такъ какъ фланирующие мушны останавливаются на улицѣ предъ каждою галлереей, нагло глазбютъ и разсматриваютъ ихъ сквозь рѣшетку и, не стѣсняясь, громко полагаютъ циническую оцѣнку внѣшнимъ качествамъ и предполагае-

мымъ достоинствамъ каждой такой фигурантки; иные обращаются къ той или другой съ грубыми шутками, на которыя тѣ даже и бровью не поведутъ, иные кидаютъ имъ за рѣшетку разные лакомства, — совсѣмъ звѣринецъ. Да оно и точно напоминаетъ наши звѣринцы, гдѣ предъ такими же рѣшетками толчется «публика», глаза на диковинныхъ звѣрей заморскихъ.

Мы побродили по улицѣ, поглазѣли вмѣстѣ съ другими на этихъ живыхъ куколъ, и вида, что тутъ куда ни глянь, все одно и то же, вернулись къ своимъ *дженерикшамъ* и покатались обратно въ локогаму. Тутъ съ моимъ *курамой* случилась маленькая неприятность: на пути у него погасла отъ чего-то свѣча въ бумажномъ фонарѣ, который каждый *курама* обязанъ по ночамъ имѣть въ рукѣ всегда зажженнымъ, такъ какъ на фонарѣ обозначенъ нумеръ его экипажа. Не желая отставать на ходу отъ товарищей, мой возница продолжалъ бѣжать, но не прошло и двухъ минутъ, какъ былъ остановленъ полицейскимъ, который приказалъ ему зажечь при себѣ фонарь и тутъ же записалъ въ свою книжку его нумеръ. Въслѣдствіе этого *курама* подвергнется неизбѣжному штрафу, который взимается либо деньгами, либо въ видѣ запрещенія на извѣстный срокъ заниматься своимъ промысломъ. Вообще, полицейскіе здѣсь исполняютъ всѣ свои обязанности очень строго и въполнѣ добросовѣстно; полиція, какъ слышно, поставлена въ столь почтенное и авторитетное положеніе, что службою въ ней не только въ качествѣ чиновниковъ, но просто хозяевъ, въ родѣ нашихъ городскихъ, не гнушаются молодые люди даже изъ числа окончившихъ курсъ въ Токийскомъ университетѣ. Главный же контингентъ доставляютъ теперь полицейской службѣ *самураи*, бывшіе офицеры феодальныхъ князей (*даймю*), оставшіе послѣ переворота съ 1868 года безъ дѣла и средствъ къ пропитанію. Новое правительство, видя въ этихъ «людяхъ о двухъ сабляхъ» довольно опасный для себя элементъ, дало имъ въ полицейской службѣ довольно сносный выходъ изъ критическаго положенія.

12-го декабря.

Вчера баронъ О. Р. Штапельбергъ съ состоящими при немъ лицами былъ приглашенъ на обѣдъ къ нашему посланнику К. В. Струве, а сегодня обѣдали мы у японскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Иноэ. Вчера, между прочимъ, познакомился я въ Русскомъ посольствѣ съ германскимъ посланникомъ, барономъ Эйзендеккеромъ, и съ одною замѣчательною личностью, игравшею видную роль въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за переворотомъ 1868 года. Это генералъ-лейтенантъ Сайго, который изъ простаго самурайа, служившаго

въ войскахъ князя Сатцумы, достигъ должности военнаго министра, лишь недавно сданный имъ генералу Ямагата. Это человѣкъ большого, а для японца даже громаднаго, роста и крѣпкаго, широкаго сложенія въ плечахъ; лицо открытое, мужественное и въ высшей степени симпатичное; глаза полны ума и добродушія, но движенія нѣкоторыхъ мускуловъ въ лицѣ изобличаютъ въ то же время присутствіе въ немъ громадной силы воли и характера, способнаго двигать за собою массы. Во время переворота, оставаясь попрежнему простымъ офицеромъ, онъ однакоже сумѣлъ приобрести себѣ на всемъ островѣ Кью-сю такое вліяніе на умы населенія, что дѣятели переворота сочли нужнымъ, для закрѣпленія успѣха своего дѣла, отправить къ нему въ помѣстье одного изъ своихъ выдающихся членовъ, Ивакуру Тогоми (нынѣ товарища государственнаго канцлера), чтобы попытаться склонить Сайго на свою сторону и заручиться чрезъ него поддержкой южныхъ провинцій. Миссія эта удалась, и Сайго вмѣстѣ со своимъ княземъ примкнулъ къ перевороту. Ему же на долю досталось въслѣдствіи во главѣ императорскихъ войскъ укротить извѣстное Сатцумское возстаніе 1877 года. Въ нашемъ посольствѣ онъ *persona grata*, свой человѣкъ и, повидимому, всею душой сочувствуетъ русскимъ. Сегодня за обѣдомъ у г. Иноэ мы вновь съ нимъ встрѣтились, и уже какъ со старымъ знакомымъ. Обѣдали: К. В. Струве съ супругой, нашъ адмиралъ, морской министръ Японіи, вице-адмиралъ Еномото, Сайго, первый секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ съ женой, бывшею въ японскомъ костюмѣ, А. П. Новосильскій, Е. И. Алексѣевъ, толмачъ нашего посольства г. Маленда и я. Семейство г. Иноэ состоитъ изъ жены и дочери, шестнадцатилѣтней дѣвушки, воспитанной по-европейски и отлично говорящей по-английски. Обѣ эти особы были въ европейскихъ платьяхъ, а японцы во фракахъ, за исключеніемъ Сайго и Еномото, которые присутствовали въ своей военной формѣ.

Домъ-особнякъ, занимаемый г. Иноэ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ участкѣ Тора-Номонъ, близъ Русскаго посольства, не великъ, но уютенъ и по внѣшности напоминаетъ наши царскосельскія дачи. Отдѣланъ онъ на европейскій ладъ, при смѣшанной мебелировкѣ японо-европейскаго характера; это выходитъ очень оригинально и красиво. Столъ сервированъ былъ по-европейски, *меню* тоже европейское, но всѣ блюда подавались и кушались на великолѣпномъ японскомъ фарфорѣ, гдѣ каждая тарелка была въ своемъ родѣ художественный *chef-d'oeuvre*. По срединѣ стола стояла большая сатцумская ваза, изъ которой высоко поднимались роскошнѣйшія

вѣтви сливы, усыянные массою только-что распустившихся блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ, разливавшихъ тонкій и вѣжный аромат по всей столовой залѣ. Къ фруктамъ, въ роли коихъ фигурировали мѣстные апельсины и виноградъ и привозные изъ Сингапура бананы и ананасы, поданы были мягкія бумажныя салфеточки, похожія съ виду на *сгѣре de Chine* и пройденныя отъ руки блѣдно-водянистою акварелью, изображавшею цвѣты, насѣкомыхъ и птичекъ. Эти вещи производятся, между прочимъ, въ Токио, на казенной фабрикѣ, устроенной тестемъ генерала Сайго, для изготовления и печатанія государственныхъ бумагъ и ассигнацій; здѣсь такія салфеточки необычайно дешевы и служатъ для употребленія только на одинъ разъ, послѣ чего бросаются. Но что это за прелесть, въ особенности рисунки!

13-го декабря.

Начиная съ 6-го числа и до нынѣшняго дня включительно, у насъ на «Африкѣ» продолжались нанесеніе и отдача всевозможныхъ официальныхъ визитовъ на рейдѣ. Приѣзжали командиры иностранныхъ военныхъ судовъ, японскія власти, нѣкоторые посланники и всѣ консулы. Послѣдніе въ особенности любятъ являться на военныя суда, такъ-сказать, изъ вѣчнаго чѣстолюбія, ради семи салютаціонныхъ выстрѣловъ, полагаемыхъ имъ при отплытіи съ судна по международному морскому уставу. Будучи гражданскими чиновниками и преимущественно изъ купцовъ, они полагаютъ, что раздающійся въ ихъ честь громъ семи пушечныхъ выстрѣловъ подымаетъ ихъ престижъ въ глазахъ іюкогамскаго населенія. Вообще, это имъ «и лестно, и приятно», — затѣмъ только и ѣздятъ. И что за эти дни было на рейдѣ грому и траты пороха, такъ и не дай ты, Господи! То тамъ, то здѣсь безпрестанные салюты.

Другимъ развлеченіемъ нашей команды были іюкогамскіе торжники, ежедневно являвшіеся на судно отъ полудня до двухъ часовъ со своими товарамъ. Разложивъ на палубѣ у шкафутовъ всякую всячину изъ мѣстныхъ дешевыхъ произведеній, разныя блестящія бездѣлки, вѣера, запонки, чайники, чашки, фуляровыя платки и лаковыя вещицы, они устраивали пестрый базаръ для матросовъ. И любопытно было поглядѣть, какъ безъ знанія языка, съ помощью только мимики и жеста, тѣ и другіе ухитрялись отлично понимать другъ друга. Въ это же время другіе торжники, по сортомъ значительно выше, открывали подобный базаръ изъ всякой «японщины» и для офицеровъ, въ каютѣ-компаніи. Соблазнъ великъ, дешевизна тоже, ну и покупаютъ люди каждый разъ и то что нужно, и чего не нужно, — «главное потому, что дешево».

Сегодня мы въ первый разъ испытали землетрясеніе на водѣ. Случилось оно ровно въ одиннадцать часовъ вечера. Заливъ предъ тѣмъ былъ зеркально спокоенъ, въ воздухѣ полный штиль, ни малѣйшаго дуновенія. Сидѣли мы въ каютѣ-компаніи за холодною закуской и разговаривали, какъ вдругъ чувствуемъ, что судно замѣтно качнулось, какъ бы подхваченное волной. Всѣ въ недоумѣніи переглянулись другъ съ другомъ, и вотъ опять подобный же толчекъ, только еще сильнѣе.

— Да это, господа, землетрясеніе! — догадался первымъ нашъ старшій пштурманъ, Николай Павловичъ Дуркинъ: — любопытно взглянуть на воду.

И мы высыпали всѣ на верхнюю палубу.

Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательное явленіе: въ воздухѣ мертвая тишина, а между тѣмъ море кипитъ вокругъ судна словно въ котлѣ, и большая, широкая волна, грядя за грядой медлительно и плавно идетъ съ сѣверо-востока на берегъ. Еще одна минута, и все опять успокоилось, кипень стихла, и заливъ принялъ вновь зеркально-гладкую поверхность, отражая въ себѣ длинными тонкими нитями сторожевые огоньки на мачтахъ судовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ по широкому рейду.

Военный министръ еще третьяго дня прислалъ мнѣ съ ординарцемъ общіяныя матеріалы для ознакомленія съ организаціей военныхъ силъ современной Японіи; кромѣ того, въ дополненіе къ нимъ, я получилъ, благодаря любезности К. В. Струве, нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ о томъ же предметѣ изъ канцеляріи нашего посольства. Все это, съ позволенія сообщившихъ лицъ, даетъ мнѣ полную возможность познакомить съ этимъ интереснымъ предметомъ моихъ военныхъ читателей.

XXIV. Военное дѣло въ Японіи.

Причины политическаго переворота 1868 года въ Японіи. — Битва при Фусими. — Первая войска микадо. — Каста самурайевъ. — Уничтоженіе феодализма. — Начало регулярной арміи. — Французская военная миссія. — Указъ о введеніи всеобщей воинской повинности и главныхъ основаній оной. — Призывная коммиссія. — Льготы, извѣтія и послабленія въ приѣмѣ, допускаемыя закономъ. — Наказанія за уклоненіе отъ призыва. — Выкупъ и замѣстительство. — Право усыновленія. — Причины обилія лазеекъ за уклоненія отъ службы. — Распредѣленіе новобранцевъ въ военныя части. — Форма присяги. — Администрація японской арміи. — Военное министерство. — Составъ арміи. — Строевые и гражданскіе военнаго вѣдомства чины. — Армейскіе корпуса. — Гвардейскій корпусъ. — Составъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ. — Полевой обозъ. — Общая численность дѣйствующей арміи и резервовъ. — Проектъ о поселенныхъ казачьихъ войскахъ на Матсмаѣ. — Обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе японской арміи. — Права по службѣ. — Экзаменная коммиссія. — Боевые опыты и боевыя качества молодой японской арміи.

Въ историческихъ судьбахъ Японіи 1868 годъ отмѣченъ особо знаменательнымъ событіемъ:

власть *сёгуна* ¹⁾ была уничтожена, а вмѣстѣ съ нею пали и семисотлѣтнія привилегіи многочисленныхъ владѣтельныхъ князей - феодаловъ (*даймио*). Совершилось это при помощи лишь небольшой борьбы, почти безъ шума, не вызвавъ повидимому никакихъ рѣзкихъ проявленій ни *pro*, ни *contra* этого событія въ самомъ народѣ, за исключеніемъ, конечно, значительной части лицъ изъ класса *самурайевъ*, которые теряли выгоды своего служебнаго положенія съ переменой въ странѣ ея государственнаго строя. Но и съ этимъ противникомъ новое правительство, какъ увидимъ ниже, управилось пока довольно благополучно.

Дѣло въ томъ, что власть *сёгуновъ*, въ сущности, не болѣе какъ полномочныхъ и наслѣдственныхъ премьеровъ или визирей японскихъ императоровъ, въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія на много уже утратила въ странѣ обаяніе своего прежняго могущества, и такъ какъ эта власть, господствовавшая здѣсь съ 1192 года нашей эры, была въ сущности узурпаціей коронныхъ правъ, при бездѣятельномъ существованіи въ странѣ ея законныхъ государей въ лицѣ наслѣдственныхъ императоровъ (*микадо*), то сторонникамъ сихъ послѣднихъ, когда наступилъ часъ, удобный для борьбы, потребовалось не особенно много усилій, чтобы свалить эту власть, а съ ней уничтожить и феодальную систему *даймио*, повидимому безвозвратно. Къ такому исходу неизбежно вела совокупность многихъ причинъ, изъ которыхъ слагалось политическое, общественное и нравственное состояніе страны еще задолго до переворота. Сороры и усобицы владѣтельныхъ князей, ихъ взаимныя интриги и безумно честолюбивое соперничество изъ-за власти, изъ-за блеска и роскоши или придворнаго значенія у *сёгуна*, противодѣйствіе другъ другу въ мѣропріятіяхъ общаго государственнаго значенія, эгоистическая и своекорыстная политика всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, небреженіе къ нуждамъ своихъ подданныхъ и важнѣйшимъ потребностямъ государства, стремленіе выдѣлится изъ общаго строя, извѣженность и развращенность нравовъ, не знавшихъ никакого удержу въ удовлетвореніи своихъ сластолюбивыхъ похотей, а вмѣстѣ съ этимъ безсиліе и самого *сёгуна*, не сумѣвшаго съ достоинствомъ и твердостью противустоять наглымъ требованіямъ иностранцевъ объ открытіи Японіи для торговыхъ сношеній съ ними, и, наконецъ, его войско, давно забывшее спартанскій бытъ и дисциплину, плохо вооруженное и неисполненное кастоваго тщеславія, — все это постепенно и вполне естественно вело къ распаденію порядка

государственной жизни, созданной нѣкогда *сёгунами*, и къ уничтоженію феодальной системы. Въ концѣ концовъ либо сама Японія должна была распасться при первомъ ударѣ на нее иностранцевъ и обратиться въ ихъ колонію, либо прежняя законная власть микадо должна была возстановиться въ полной своей силѣ и значеніи, причѣмъ, разумѣется, и феодальнымъ князьямъ волей-неволей пришлось поступиться своими владѣльческими правами въ пользу возрожденнаго государственнаго единства. Случилось, какъ извѣстно, второе, и это, кажется, можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ жизненности японскаго народа и задаткомъ его дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія.

Феодальные князья, за весьма немногими исключеніями, погрязшіе въ растлѣвающей нѣгѣ чувственныхъ наслажденій и роскоши, доставляемой имъ чрезмѣрными ихъ богатствами, очутились въ моментъ переворота въ такомъ безсильномъ и апатическомъ состояніи, что имъ поневолѣ только и оставалось безпрекословно подчиниться «совершившемуся факту», даже и не мечтая о борьбѣ и самозащитѣ, коей слабая попытка были сдѣланы лишь со стороны нѣкоторыхъ наиболѣе, такъ-сказать, морально сохранившихся владѣтелей, но попытки эти только еще болѣе обнаружили ихъ общую немощь.

Кто же былъ виновникомъ этого переворота? Кто его задумалъ и кому удалось совершить его?

Совершителями явились ближайшіе и довѣреннѣйшіе слуги этихъ самыхъ феодаловъ.

Высшіе придворные и административные чиновники владѣтельныхъ князей, принадлежавшіе къ классу *самурайевъ*, то есть дворянъ, еще задолго до переворота сумѣли исподволь приобрести себѣ большую, почти неограниченную власть въ областяхъ своихъ владѣтелей, благодаря именно растлѣнной жизни и апатіи сихъ послѣднихъ. Наиболѣе способные и энергичные изъ этихъ чиновниковъ, движимые недюжиннымъ честолюбіемъ и патриотизмомъ, сгруппировались въ партію дѣйствія, которая — надо отдать имъ справедливость — отличалась рѣдкимъ единодушіемъ и полнымъ согласіемъ между собою своихъ членовъ, какъ въ стремленіяхъ и цѣляхъ, такъ и въ средствахъ къ ихъ достиженію. Эта-то партія болѣе всего способствовала паденію власти японскихъ феодаловъ и, по возможности, ускорила его. Не упуская изъ виду не только общихъ, но и личныхъ интересовъ, члены партіи очень ловко и, что называется, «умненько» воспользовались всеобщимъ переполохомъ какой повсемѣстно надѣлало прибытіе и водвореніе въ ихъ странѣ американцевъ и евронеицевъ: въ удобный моментъ они захватили въ свои руки власть и объявили возстановленіе въ полной силѣ древняго законнаго владычества *мик до*, причѣмъ, конечно, не упустили случая воспользоваться

¹⁾ Названіе *тайкунъ* не совсѣмъ правильно; оно почему-то дано *сёгуну* американцами, но не японцами, которые его не употребляютъ; а потому и мы не станемъ употреблять слово *тайкунъ* вмѣсто *сёгуна* или *шогуна*, какъ выговариваютъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Японіи.

сами для себя и для своих друзей наиболѣе высокими, выгодными и вліятельными мѣстами и должностями въ государственномъ управленіи.

Если трехдневная битва при Фусими (неподалеку отъ Кіото), происходившая съ 27-го по 29-е января 1868 года, могла быть выиграна при ничтожныхъ сравнительно потеряхъ малочисленными императорскими войсками, коихъ сражалось только 6.000 противъ 25.000 войскъ *сѣгуна*, то это служить лучшимъ доказательствомъ безсилія партіи самого *сѣгуна*, которая состояла изъ нестройной толпы плохо вооруженныхъ *самурайевъ* и *даймио*, безучастно глядѣвшихъ на собственное паденіе. Войска же микадо, вооруженныя хотя и не лучше своихъ противниковъ, но одушевленные вѣрой въ божественность *Тенно*, т. е. личности самого микадо, сражались за его священные права, которыя, впрочемъ, въ принципѣ всегда признавались всѣми и даже самими *сѣгунами*. Кроме того, надо замѣтить, что этими малочисленными войсками предводили энергичные и даровитые люди, изъ среды упомянутой выше партіи дѣйствія, для которыхъ въ исходѣ трехдневнаго фусимскаго боя заключался роковой вопросъ «быть или не быть»: дѣло шло о головахъ каждаго въ случаѣ неуспѣха.

Въ сѣверныхъ кланахъ война тянулась до конца 1869 года, потому что князья Дева, Мутцу, Айдау, Сѣнаи Эциги и Куванаи, связанные узами родства и личными интересами съ низложеннымъ *сѣгуномъ* (изъ рода Токугава), все еще мечтали о возстановленіи его власти. Но войска микадо, при содѣйствіи южныхъ и западныхъ провинцій, успѣли настолько усилиться въ своемъ численномъ составѣ, что еще въ апрѣлѣ 1868 года могли захватить почти безъ боя столицу *сѣгуна*, Іеддо, со всѣми находившимися въ ней военными запасами. Когда въ ноябрѣ того же года микадо торжественно шествовалъ изъ своей бывшей столицы Кіото въ Іеддо, долженствовавшее отнынѣ стать для него новою столицей и резиденціей, то его свиту составляли уже волей-неволей помирившіеся со своимъ новымъ положеніемъ князья Сатцума, Тоза, Кью-сю и другіе во главѣ своихъ войскъ, составившихъ въ числѣ 5.000 человекъ почетный конвой императора. Эти послѣднія войска явились въ то время единственною опорой новаго правительства въ самомъ Іеддо, потому что другія части войскъ, преданныхъ микадо, были еще по необходимости разбросаны въ разныхъ провинціяхъ, для поддержанія тамъ своимъ присутствіемъ новосоздаемаго порядка государственной жизни и императорской власти. Когда же бѣльшая часть этихъ разбросанныхъ отрядовъ, послѣ побѣдоноснаго окончанія возложенной на нихъ миссіи, возвратилась лѣтомъ 1869 года въ Іеддо, то численность гар-

низона въ этомъ городѣ возросла до 12.000 человекъ; но эта толпа, лишенная всякой правильной организаціи, не могла служить для юной власти еще неокрѣпшаго правительства надежною опорой и залогомъ его прочности въ будущемъ. Несмотря на внѣшнюю покорность феодальныхъ князей, въ ихъ средѣ усматривались нѣкоторые недобрые признаки, которые не могли не беспокоить новое правительство. Война въ сѣверныхъ кланахъ еще не исполнѣ окончилась, а уже нѣкоторые изъ «преданныхъ императору» *даймио*, какъ на примѣръ Овари и Кью-сю, вернулись со своими войсками въ свои провинціи, и правительству, чтобы придать этому факту сколько-нибудь благовидную форму, пришлось показать видъ, будто это дѣлается по его произволу. Поэтому оно поспѣшило опубликовать указъ, что князья Овари и Кью-сю назначаются губернаторами своихъ провинцій.

Но и помимо князей всегда можно было опасаться возникновенія новыхъ безпорядковъ и возстаній со стороны *самурайевъ*, во множествѣ разбросанныхъ по разнымъ провинціямъ и оставшихся при новомъ правительствѣ, такъ-сказать, не у дѣлѣ, въ сторонѣ отъ служебной дѣятельности и сопряженныхъ съ нею выгодъ, а потому имѣвшихъ много причинъ негодовать на «новые порядки». Пренебрегать этими людьми, не принимая ихъ ни въ какой расчетъ, становилось для правительства не безопасно; оставлять ихъ далѣе въ такомъ положеніи было бы неблагоуразумно. Надо было парализовать *самурайевъ*, обезоружить ихъ и въ буквальномъ смыслѣ, и морально какъ особую касту.

Все это настоятельно вызывало въ правительствѣ мысль объ учрежденіи регулярной арміи изъ новыхъ элементовъ, не зараженныхъ традиционнымъ кастовымъ духомъ прежнихъ самурайскихъ ополченій,—армія, которая, будучи созданіемъ самого правительства, могла служить ему надежною точкой опоры и орудіемъ для борьбы со внутренними врагами. Но, при тогдашнемъ всеобщемъ всполохѣ, правительство могло только исподволь, медленнымъ и осторожнымъ путемъ добиться осуществленія своей заветной мысли. Съ этою цѣлью въ 1870 году оно издало указъ, въ силу коего разрѣшалось носить оружіе всѣмъ безъ исключенія сословіямъ въ государствѣ, дворянамъ же дозволено ходить и безъ оного. Одновременно съ этимъ, нѣкоторое число наиболѣе вліятельныхъ и безпокойныхъ *самурайевъ* были призваны въ Іеддо, переименованное уже къ тому времени въ Токио, на «почетную службу» ко двору микадо. Такіе призывы то изъ одной, то изъ другой провинціи повторялись все чаще и чаще; но люди прежнихъ призывовъ, замѣняясь новыми, не отпускались въ полномъ своемъ составѣ въ мѣста своей

родины, а направлялись порознь, подъ разными благовидными предлогами, въ другія, отдаленныя отъ ихъ родины, провинціи гдѣ они, точно также порознь, входили въ составъ полковъ благонадежныхъ, то-есть преданныхъ правительству. Такимъ образомъ, удерживая на службѣ вдали отъ ихъ родины людей беспокойныхъ или вліятельныхъ у себя дома и окружая ихъ средой чуждою имъ по духу, стремленіямъ и происхожденію, правительство тѣмъ самымъ парализовало ихъ, какъ вредныхъ для него дѣятелей, и всегда имѣло подъ своимъ ближайшимъ служебнымъ надзоромъ этихъ возможныхъ вожаковъ и зачинщиковъ будущей смуты, пока, съ усиленіемъ вполнѣ окрѣпшей власти, не миновала наконецъ для крамолы, повидимому, всякая возможность. Въмѣстѣ съ тѣмъ и такимъ же путемъ исподволь достигалось слитіе въ рядахъ войска разныхъ кастъ и противоположныхъ другъ другу элементовъ. Число вербуемыхъ такимъ образомъ офицеровъ и ратниковъ изъ класса *самурайевъ* простиралось въ каждый призывъ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ человекъ, и результатъ перетасовки людей, продолжавшейся непрерывно два года, оказался въ концѣ концовъ столь благопріятнымъ для правительства, что оно могло, уже не опасаясь безпорядковъ и противодѣйствій, отнять у князей, во имя принципа единства государственной земли и власти, управленіе ихъ провинціями и заставить ихъ переселиться на безвыѣздное житіе въ Тоокію, чтобы «украшать собою столицу его величества микадо». Въ сущности, это обязательное прожительство въ столицѣ было своего рода плѣномъ или почетнымъ арестомъ, благодаря которому бывшіе феодалы ежеминутно находились подъ непосредственнымъ негласнымъ надзоромъ центральной власти. *Самурайамъ*, состоявшимъ на службѣ у этихъ князей и напоминавшимъ намъ отчасти польскую «дробну шляхту» бывшихъ временъ, проживавшую «на ласковомъ хлѣбѣ» у разныхъ магнатовъ, правительство запретило слѣдовать въ Тоокію за своими господами и проживать въ этомъ городѣ. Оно рассчитывало, что эта мѣра, лишивъ *самурайевъ* главной опоры ихъ существованія, заставитъ ихъ бросить наслѣдственное «ремесло двухъ сабель» и предаться мирнымъ, мѣщанскимъ занятіямъ, и этотъ расчетъ не былъ ошибоченъ: онъ уже достаточно оправдался на дѣлѣ.

Послѣ всѣхъ, этихъ, такъ-сказать, предварительныхъ маневровъ и мѣропріятій, правительство уже смѣло могло приступить къ осуществленію своей завѣтной мечты объ учрежденіи регулярной арміи въ Японіи и съ этою цѣлью обратилось къ содѣйствію Франціи.

Съ прибытіемъ, осенью 1872 года, второй

партіи французскихъ инструкторовъ ¹⁾ извѣстной тогда подъ названіемъ «*mission militaire de France*» и состоявшей изъ восемнадцати офицеровъ и унтеръ-офицеровъ разныхъ родовъ оружія, началась правильная работа надъ организаціей арміи по образцу европейскихъ державъ и, главнѣйшимъ образомъ, самой Франціи.

1873 годъ прошелъ въ необходимыхъ подготовительныхъ работахъ, въ составъ коихъ входили: полная народная перепись, разбивка всей страны на призванные участки, переводъ на японскій языкъ строевыхъ уставовъ, инструкцій и военныхъ законоположеній, заимствованныхъ изъ разныхъ армій, для ихъ сличенія и выбора наиболѣе подходящихъ къ мѣстнымъ условіямъ и пр., такъ что только въ самомъ концѣ года (именно 28 декабря) могъ быть изданъ императорскій указъ о введеніи въ Японіи всеобщей воинской повинности, который въ немногихъ словахъ порѣшилъ навсегда всю феодалную систему этой страны и въ особенности всѣ древнія привилегіи военной касты, въ которой, по переписи 1872 года, насчитывалось 318.428 человекъ, способныхъ къ дѣйствию оружіемъ ²⁾.

¹⁾ Первая партія была выписана еще въ 1867 году, по инициативѣ послѣдняго *сеюна*.

²⁾ Документъ этотъ самъ по себѣ настолько любопытенъ, какъ по своей формѣ, такъ и по содержанию, что я позволяю себѣ привести его цѣликомъ, въ дословномъ переводѣ. Онъ гласитъ:

„Въ древнія времена всѣ, исключая хилыхъ стариковъ, были воинами, то-есть всякій способный носить оружіе японецъ, въ случаѣ надобности, былъ призываемъ подъ знамена своимъ державнымъ вождемъ, *тенно*. По минованіи же надобности, каждый воинъ возвращался къ своимъ мирнымъ занятіямъ, вновь становясь тѣмъ чѣмъ былъ до призыва: земледѣльцемъ, ремесленникомъ, купцомъ и т. п. Разумѣется, въ оны времена не водилось у насъ такихъ людей, которые, нося двѣ сабли и называя себя *самурайями*, только чванятся сидя дома въ бездѣлѣ да бражничанья и, того еще хуже, совершаютъ разныя преступленія, до смертоубійства включительно, не неся за то отвѣтственности предъ закономъ.

„Уже при Цинму-тенно (первый микадо Японіи, 660 годъ до Р. Х.) были учреждены у насъ военныя братства и корпусъ тѣлохранителей государя. Во время правленія Цинъ-ки и Тень-пей (Цинъ-ки съ 724 по 729 годъ, а Тень-пей съ 729 по 749 годъ по Р. Х.), въ царствованіе Сему-тенно страна была раздѣлена на двѣ *симъ* и шесть *фу*. (Военное раздѣленіе, соотвѣтствовавшее районамъ двухъ армій, *симъ*, и корпуснымъ округамъ, *фу*). Со временъ *сеюновъ* Хогенъ и Хейцэй (1159 года по Р. Х.), въ царствованіе Го-Сира-кава-тенно, императорская власть мало-по-малу ослабѣла и въ послѣдствіи перешла въ руки касты *самурайевъ*. Въ странѣ образовалась тогда феодалная система и весь народъ подѣлился на касты: воиновъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ. Монархическая власть потеряла всякое значеніе, и невозможно описать всѣхъ золъ, происшедшихъ вслѣдствіе этого. Но теперь настало возстановленіе древняго: возвратъ къ самодержавію, уничтоженіе двоевластія. Пенсіи

Указъ этотъ весьма характеристиченъ. Изъ тѣхъ оговорокъ и аксессуаровъ какими обставлена его главная законодательная сущность, не трудно усмотрѣть, что правительство, хотя и успѣвшее уже побѣдить всѣ существеннѣйшія препятствія и враждебныя элементы, стоявшіе на пути его реформъ, все еще продолжало дѣйствовать въ своемъ направленіи съ крайнею осторожностью, какъ бы нащупывая подъ собою почву для каждаго своего шага. Въ этомъ указѣ вы видите и ссылки на исторію и древнѣйшій укладъ страны, съ цѣлю убѣдить народъ и доказать ему, что всесословная воинская повинность, въ сущности, не представляетъ изъ себя никакого новшества, а только возвратъ къ старинѣ. Тутъ же мимоходомъ бросается полемическій камешекъ въ касту *самурайевъ*, причѣмъ вскользь, но очень ловко инсинуируются тѣ стороны ея быта, которыя могли быть болѣе всего антипатичны остальнымъ классамъ японскаго народа. За-

наслѣдственныхъ бездѣльных *самурайевъ* сокращены и дозволено имъ снять съ себя оружіе. Это только возвратило народу, подѣленному на касты, его древнюю свободу и уравнило права всѣхъ сословій. Теперь *самураи* и народъ уже не то, чѣмъ они были еще такъ недавно: нынѣ они совокупно суть граждане, поданные имперіи, и разнища остается только въ способахъ служенія государству.

„Во всей вселенной нѣтъ ничего, что не служило бы такъ или иначе общему благу; тѣмъ болѣе долженъ служить ему тотъ, кто называется человѣкомъ. Люди обязаны употреблять всѣ свои силы для достиженія общаго блага своего отечества. У европейцевъ эта обязанность называется „налогомъ крови“, то-есть это значитъ, что подданные государства кровь и жизнь свою отдаютъ на защиту общей своей родины. Каждый обязанъ заботиться объ устраненіи невзгодъ своего отечества, такъ какъ иначе эти невзгоды падутъ въ числѣ прочихъ гражданъ и на его голову. Изъ этого слѣдуетъ, что если во всѣхъ странахъ міра существуютъ воинскія установленія, то явились таковыя не произвольно или случайно, а развились вполне правильно изъ необходимости оныхъ.

„Руководясь нашими установленіями древнихъ временъ и пуждами текущихъ дней, мы усматриваемъ необходимость ввести въ нашемъ государствѣ такое воинское устройство, которое соотвѣствовало бы духу настоящаго времени. Географическое положеніе нашей страны не позволяетъ намъ пріять иностранныя воинскія установленія всецѣло; посему только наиболѣе пригодныя изъ нихъ будутъ приняты и слиты съ нашими. Вслѣдствіе всего вышеизреченнаго, симъ устанавливается, во-первыхъ, постоянная регулярная армія и флотъ; во-вторыхъ, какъ только сынамъ гражданъ народа нашего исполнится двадцатый годъ отъ рожденія, они подлежатъ воинской повинности и являютъ собою оборону государства при всѣхъ опасныхъ положеніяхъ оного.

„Предсѣдатели совѣтовъ всѣхъ нашихъ областей да постигнутъ высоту этой цѣли! Да оглашаютъ они и изъясняютъ народу наши установленія о всеобщей воинской повинности, внушая всѣмъ, что установленія сіи суть основа спокойствія государства“.

тѣмъ слѣдуютъ ублажающія убѣжденія о возвращеніи народу, благодаря новому правительству, его древней свободы и гражданскаго равенства. Но важнѣе всего было провести убѣжденіе, что регулярная армія съ общевойскою повинностію отнюдь не есть учрежденіе, всецѣло заимствуемое у ненавистныхъ народу иностранцевъ, что только нѣкоторыя, наиболѣе пригодныя, изъ европейскихъ воинскихъ установленій будутъ допущены и въ предѣлкѣ слиты съ коренными японскими установленіями,—и указъ весьма предупредительно и заботливо старается заранѣе оговорить это щекотливое обстоятельство, какъ бы предвидя, что безъ этой оговорки новая правительственная мѣра можетъ показаться народу плодомъ подражательности иноземцамъ и, въ силу этого, сразу же сдѣлаться для него ненавистною, а народъ, какъ извѣстно, легко переноситъ свою ненависть отъ учрежденія и на его создателей. Правительство болѣе всего должно было опасаться именно сего послѣдняго результата, тѣмъ болѣе, что учрежденіе всесословной регулярной арміи было первою и важнѣйшею изъ радикальныхъ мѣръ на томъ преобразовательномъ пути, на который поневолѣ должно было вступить правительство, порвавшее всякія связи къ прежнимъ режимомъ и прежними устоями. За исключеніемъ *самурайевъ*, для коихъ военная карьера являлась наслѣдственно-родовымъ завѣтомъ и средствомъ къ существованію, остальные классы японскаго народа не имѣли о воинскомъ дѣлѣ никакого понятія, да не хотѣли и знать его, какъ дѣло имъ совершенно чуждое и недоступное, и въ теченіе многихъ вѣковъ держались совсѣмъ обособленно, въ сторонѣ отъ правящей касты *самурайевъ*, справедливо полагая, что тѣмъ отъ нея дальше, тѣмъ лучше, то-есть спокойнѣе и безопаснѣе для собственной шкуры. Такое отношеніе къ военному элементу страны, разумѣется, не могло развить въ народѣ особенныхъ симпатій и къ военному дѣлу. Поэтому молодые люди, подлежащіе воинской повинности, даже въ настоящее время, при всѣхъ ея льготахъ, стараются по призывѣ проскочить въ какую-нибудь законную лазейку, чтобы ускользнуть изъ-подъ солдатской шапки. Правительство, разумѣется, понимало все это лучше, чѣмъ кто-либо, и вотъ отсюда-то и происходятъ всѣ тѣ напоминанія о священной гражданской обязанности защищать родину и проч., какими преисполненъ указъ 28 декабря 1873 года.

Посмотримъ теперь на тѣ основанія, на которыхъ зиждется въ Японіи всесословная воинская повинность.

Начальный параграфъ «Положенія» гласитъ, что «всѣ *каз ку*, *сизоку* и *хей-минъ* (земледѣльцы, ремесленники и купцы) обязаны служить въ арміи или во флотѣ». Вооруженныя

силы страны раздѣляются на три отдѣла: постоянная регулярная армія (*Узе би-гу-э*), резервъ (*Ко би-гунъ*) и ополченіе (*Коку минъ-гунъ*). Въ регулярной арміи обязательно должны служить по жребію всѣ молодые люди, коимъ минуло двадцать лѣтъ отъ роду. Срокъ службы трехлѣтній. Воинскія части получаютъ отъ правительства опредѣленное содержаніе, обмундировку, снаряженіе и продовольствіе. Люди, выдающіеся своими способностями, достаточнымъ образованіемъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, выбираются въ гвардію. Желающіе быть произведенными въ офицеры или въ унтеръ-офицеры обязаны выдержать предварительный экзаменъ изъ общеобразовательныхъ предметовъ, послѣ котораго они принимаются въ унтеръ-офицерскую школу (*Кюдо-данъ*), гдѣ и производится въ унтеръ-офицерскій чинъ по окончаніи трехлѣтняго курса, и даже раньше, если достигнутъ надлежащихъ успѣховъ въ военномъ образованіи. Тѣ же изъ унтеръ-офицеровъ, которые окажутъ особенные успѣхи въ наукахъ и отличаются вполне безупречнымъ поведеніемъ могутъ по окончаніи курса въ Кюдо-данъ, поступать въ офицерское училище (*Сиканъ-инко*), откуда, по окончаніи трехлѣтняго курса, производятся прямо въ офицеры арміи. Произведенные въ унтеръ-офицеры обязаны прослужить въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ не менѣе семи лѣтъ. Рядовые, какъ уже сказано, отбываютъ трехлѣтній срокъ службы; но для тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ признаны вполне удовлетворяющими всѣмъ статьямъ воинскаго обученія по специальности своего оружія, этотъ срокъ, смотря по обстоятельствамъ, иногда сокращается и до двухъ лѣтъ.

Резервъ (*Ко би гунъ*) подраздѣляется на два призыва, первый и второй. По отбытіи воинской повинности въ дѣйствующихъ частяхъ, люди перечисляются на два года въ резервъ перваго призыва и, въ случаѣ объявленія войны, немедленно созываются для укомплектованія частей дѣйствующей арміи. Для практическаго же обученія они ежегодно собираются срокомъ на одинъ мѣсяцъ, въ назначаемый для сего пунктъ, въ районѣ того округа, къ коему приписаны по мѣсту своей осѣдности. Удовлетворяющіе практически требованіямъ военно-образовательнаго ценза производятся во время этихъ сборовъ, въ видѣ награды, въ унтеръ-офицеры. Люди, принадлежащіе къ резерву перваго призыва, не имѣютъ права переселиться на осѣдное жительство, ни вообще отлучаться на продолжительное время изъ предѣловъ своего округа. Послѣднее разрѣшается имъ окружнымъ начальствомъ только въ крайнихъ, безусловно уважительныхъ случаяхъ.

По отбытіи установленнаго срока службы въ составѣ перваго резерва, люди онаго пере-

числяются въ резервъ втораго призыва, гдѣ срокъ службы установленъ также двухлѣтній. Въ военное время они созываются не иначе, какъ послѣ резерва перваго призыва, а въ мирное, если не желаютъ сами, могутъ и не являться въ лагерные сборы для практическихъ ученій, и если намѣрены удалиться изъ предѣловъ своего округа, то лишь обязаны извѣстить о томъ окружное начальство, равно какъ и о своемъ возвращеніи въ округъ. Если же резервъ перваго призыва созывается на службу не въ обычный ежегодный срокъ, то люди втораго резерва, всѣ безъ исключенія, немедленно обязаны возвратиться въ свой округъ и проживать въ немъ безвыѣздно впредь до роспуска перваго резерва.

Къ составу ополченія или народной рати (*Коку минъ-гунъ*) принадлежатъ всѣ способные носить оружіе граждане отъ семнадцати до сорокалѣтняго возраста. Въ случаѣ сбора людей втораго резерва, всѣ они должны быть въ полной готовности къ призыву, на случай необходимости, въ зависимости отъ которой правительство оставило за собою право увеличивать, по мѣрѣ надобности, сроки службы, какъ въ дѣйствующихъ войскахъ, такъ и въ резервахъ.

Операция призыва новобранцевъ производится въ Японіи такимъ образомъ, что ежегодно къ 10 ноября всѣ молодые люди, коимъ минуло 19 лѣтъ отъ роду, обязаны явиться къ своему участковому старостѣ, *коце*, который ведетъ имъ особые списки. *Коце* въ теченіе десятидневнаго срока, то-есть къ 20 ноября, обязанъ передать эти списки окружному голувѣ, *куце*, который, въ свою очередь, не позднѣе 30 ноября представляетъ ихъ въ окружныя правленія *Фу* или *Кенъ*, а эти послѣдніе къ 20 декабря пересылаютъ всѣ вообще списки, подлежащихъ жребію молодыхъ людей своего округа, въ военное министерство ¹⁾. Списки эти служатъ руководствомъ для дѣйствій особыхъ призывныхъ комиссій, ежегодно командированныхъ отъ военнаго министерства во всѣ *фу* и *кены*. Назначеніе такихъ комиссій состоитъ въ томъ, чтобы совокупно съ мѣстными представителями (имѣющими право только совѣтательнаго голоса) изслѣдовать на мѣстѣ разныя, могущія встрѣтиться недоразумѣнія и злоупотребленія по части призыва и въ постановкѣ окончательныхъ рѣшеній относительно приѣма лицъ на службу или освобожденія отъ

¹⁾ Въ этихъ спискахъ обозначаются: 1) лица, наиболее подходящія къ условіямъ того или другого рода оружія, 2) лица, желающія воспользоваться правомъ выкупа, 3) лица представившія надлежащія письменныя удостовѣренія въ томъ, что находятся въ обученіи какому-либо специальному мастерству или состоятъ воспитанниками признанныхъ правительствомъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, 4) лица, по какимъ-либо причинамъ негодныя для военной службы.

оной ¹⁾. Съ открытіемъ дѣйствій комиссіи, каждый окружной голова обязанъ лично представить въ ея присутствіе всѣхъ подлежащихъ призыву молодыхъ людей своего округа ²⁾. Законъ предоставляетъ комиссіи право освобождать отъ воинской повинности лицъ тринадцати категорій, перечисленныхъ въ «Положеніи», но не иначе какъ на основаніи коллегиальнаго рѣшенія ³⁾. Изъ перечня этихъ категорій, не трудно видѣть, что законъ, по части изъятій отъ службы, въ избыткѣ предоставляетъ гражданамъ весьма широкія и гу-

¹⁾ Призывная комиссія состоитъ изъ председателя (полковникъ или майоръ), вице-председателя (капитанъ) и пяти членовъ: одного штабсъ-капитана, одного поручика, штабъ-доктора и двухъ младшихъ врачей, его ассистентовъ. Кроме того, для письменности къ нимъ прикомандировывается отъ двухъ до трехъ писарей изъ нестроевыхъ. Въ составъ комиссіи входятъ также мѣстный губернаторъ или вице-губернаторъ и нѣкоторые чиновники *фу* или *кена*, не ниже VIII класса, обыкновенно приглашаемые председателемъ въ качествѣ совѣтниковъ. А въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается надобность въ какихъ-либо особыхъ разъясненіяхъ по поводу недоразумѣній или претензій со стороны новобранцевъ, въ комиссію могутъ быть призываемы окружные головы (*куи*, въ родѣ нашихъ волостныхъ старшинъ и головъ мѣщанскихъ обществъ) и участковые старосты (*коне*, соотвѣтствующіе нашимъ сельскимъ старостамъ).

²⁾ Если въ это время кто-либо изъ послѣднихъ заболѣетъ или лишится возможности прибыть на сдаточный пунктъ по уважительнымъ семейнымъ причинамъ, то обязанъ увѣдомить о томъ комиссію, съ приложеніемъ законно удостовереннаго свидѣтельства: въ первомъ случаѣ, отъ врача; во второмъ, отъ мѣстнаго старшины или начальства,—и тогда выдается отсрочка на одинъ годъ.

³⁾ На основаніи закона, отъ воинской повинности освобождаются: 1) лица ниже пяти футовъ роста, 2) лица неудовлетворительнаго тѣлосложенія и вообще видимо слабые, 3) лица, имѣющія какую-либо физическую уродливость (безпалость, коленожіе, сухорукость и т. п.), или одержимыя съ дѣтства какою-либо болѣзнію, препятствующею несенію военной службы, 4) чиновники всѣхъ вѣдомствъ и даже *тоай*, то-есть низшіе канцелярскіе служители внѣ класса, 5) воспитанники военнаго и морского училищъ, 6) преподаватели, наставники и ученики всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній, 7) студенты и техники, продолжающіе свое научное образованіе за границей, 8) синтоское и буддійское духовенство и публичные проповѣдники (*косякума*), направляющіе свое слово въ интересахъ государства и правительства, 9) глава семейства, 10) единственный сынъ-наслѣдникъ или единственный внукъ-наслѣдникъ, 11) единственный сынъ и единственный внукъ, не только кровный, но и легально усыновленный, 12) всѣ замѣняющіе главу семейства, вслѣдствіе постоянно болѣзненнаго состоянія ихъ отца или вообще дѣйствительнаго главы семейства, 13) всѣ тѣ, у кого родной братъ уже служитъ въ рядахъ постоянной арміи и, наконецъ, 14) всѣ вообще преступники и даже *казоку* и *сизоку* (земледѣльцы и ремесленники), утратившіе нѣкоторые сословныя права по судебному приговору или присужденныя къ заключенію въ исправительной тюрьмѣ на одинъ годъ и болѣе.

манныя льготы, тѣмъ болѣе, что лица, освобождаемые, въ громадномъ большинствѣ своемъ, не несутъ взаимно того никакой соотвѣтственной денежной подати. Вводя столь радикальную законодательную мѣру, какъ общая воинская повинность, правительство всѣми этими льготами, изъятіями и послабленіями, вѣроятно, желало ослабить суровость ея впечатлѣнія на народъ, не несшій до сихъ поръ никакой рекрутчины. Нельзя не замѣтить тоже весьма характерную черту относительно седьмого разряда льготныхъ: правомъ освобожденія отъ службы пользуются только тѣ изъ публичныхъ проповѣдниковъ, которые проповѣдуютъ *въ интересахъ правительства*. Такъ какъ параграфъ этотъ и до сихъ поръ остается въ своей силѣ, то можно думать, что правительство все еще нуждается пока, хотя бы и косвенно, въ нравственной поддержкѣ частныхъ лицъ, могущихъ вліять на общественное мнѣніе. Затѣмъ 13-я категорія освобождаемыхъ также представляетъ одну характерную особенность, именно въ отношеніи лицъ, подвергавшихся заключенію въ исправительной тюрьмѣ. Не допуская въ ряды арміи людей, приговоренныхъ хотя бы только къ *исправительному* наказанію, стало-быть не теряющихъ своихъ гражданскихъ правъ безвозвратно, законъ, можно сказать, впадаетъ въ нѣкоторую, быть-можетъ чрезчуръ уже брезгливую щепетильность; но, съ другой стороны, эта самая щепетильность показывается съ какимъ уваженіемъ смотритъ онъ на военную службу и какъ заботливо старается оградить личный составъ арміи отъ примѣси не только порочныхъ, но и хотя бы только подозрительныхъ въ нравственномъ смыслѣ элементовъ.

Предусматривая, однако, со стороны подлежащихъ призыву возможность ложныхъ показаній о своихъ семейныхъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ или болѣзняхъ съ цѣлью уклоненія отъ военной службы, законъ предоставилъ призывнымъ комиссіямъ право точнаго изслѣдованія и основательной проверки подобныхъ показаній, предупреждая, что виновные въ дачѣ ложныхъ о себѣ свѣдѣній подлежатъ уголовному суду какъ за обманъ. Равнымъ образомъ наказывается и представитель или старшина общины (*куи* и *коне*), если будетъ доказано, что онъ завѣдомо потворствовалъ обману или скрѣпилъ своею печатью документъ, заключающій въ себѣ ложное показаніе.

Законъ въ Японіи допускаетъ возможность выкупа отъ воинской повинности. Размѣры этого выкупа бываютъ двоякіе: одни для мирнаго, другіе для военнаго времени. Такимъ образомъ люди состоятельные, коммерсанты и т. п. всегда имѣютъ законную возможность безъ хлопотъ и излишнихъ изворотовъ избѣжать военной службы. Это, какъ думаютъ здѣсь нѣкоторые, сдѣлано преимущественно въ пользу купцовъ, такъ какъ занятіе торговлей въ ста-

рыя рыцарски-аристократическія времена не пользовалось въ Японіи особеннымъ почетомъ, и купцы въ кастовомъ отношеніи поставлены были ниже не только земледѣльцевъ, но и ремесленниковъ. Трудно сказать, что тутъ было побудительною причиною: то ли, что правительство не разсчитывало встрѣтить въ сынахъ купеческой среды особенно храбрыхъ воиновъ, или же вынуждено было почему-либо сдѣлать косвенную уступку старымъ самурайски-предразсудочнымъ взглядамъ на это сословіе, во всякомъ случаѣ оно признало цѣлесообразнымъ допустить принципъ выкупа. Заплатившій единовременно 270 іенъ (337½ кредитныхъ руб.) въ мирное и 600 іенъ (750 кредит. руб.) въ военное время освобождается отъ военной службы навсегда, и военное министерство въ такомъ случаѣ само представляетъ за него заместителя-охотника. Впрочемъ, надо замѣтить, что правомъ выкупа, какъ показала практика этого дѣла, пользуются весьма немногіе, то-есть около 20—30 человѣкъ ежегодно, и это потому, что «Положеніе» открываетъ большинству еще другую возможность избѣгать военной службы. Возможность эта заключается въ правѣ усыновленія.

Обычай усыновленія существуетъ въ Японіи уже съ давнихъ временъ, и для признанія за этимъ актомъ полной законной силы достаточно, чтобъ усыновитель подалъ ближайшему представителю своей общины простое письменное заявленіе, что онъ, обыватель такой-то, усыновляетъ такого-то, вслѣдствіе ли своей бездѣтности, или просто изъ милости, изъ состраданія къ сиротству, изъ недовольства своими кровными дѣтьми и т. п. Но если усыновленный окажется въ послѣдствіи недостойнымъ сдѣланнаго ему благодаренія, или названные родители будутъ просто почему-либо имъ недовольны, то онъ легко лишается правъ, сопряженныхъ съ усыновленіемъ, потому что названные родители, посредствомъ столь же простого заявленія мѣстному старшинѣ, всегда могутъ отказаться отъ усыновленія, и тогда названный сынъ возвращается своимъ родственникамъ, буде таковые существуютъ, или въ общину, къ коей принадлежалъ до усыновленія. По закону, единственный сынъ или внукъ, хотя бы и усыновленный, не подлежитъ военной повинности. Поэтому большинство лицъ, не желающихъ откупаться отъ службы деньгами, ищетъ себѣ усыновителей между бездѣтными стариками и старухами и, разумеется, находить.

Такое обиліе лазеекъ, дающихъ законную возможность уклоняться отъ военной службы, на первый взглядъ можетъ показаться довольно страннымъ и невольно вызвать вопросъ: чего ради правительство, сознававшее крайнюю необходимость всесословной регулярной арміи, допустило всѣ эти лазейки, которыя ведутъ

только къ ослабленію численнаго состава его вооруженныхъ силъ? Но дѣло въ томъ, что при населеніи страны болѣе чѣмъ въ 33 миліона душъ, когда число лицъ, способныхъ носить оружіе (то-есть отъ семнадцати до сорокалѣтняго возраста), простирается, какъ примѣръ въ 1875 году, до 6.762.030 душъ и при постоянной арміи, наличная численность коей не превышаетъ тридцати пяти тысячъ человѣкъ¹⁾, законъ можетъ довольно широко допускать разныя льготныя изыятія безъ ущерба для дѣла, а потому и призывныя комиссіи, въ свою очередь, могутъ быть весьма снисходительными даже и къ нѣсколькимъ сомнительнымъ иногда правамъ новобранцевъ, желающихъ добиться себѣ льготы. Японцы въ этомъ случаѣ разсуждаютъ такъ, что кто ищетъ возможности увильнуть отъ военной службы, изъ того никогда не будетъ хорошаго солдата, а потому нечего и портить имъ ряды арміи. Такой взглядъ очень широкъ, если хотите, но примѣнимость его на практикѣ можетъ быть оправдана только въ одной Японіи, потому что армія нужна этой странѣ не для нападеній и завоеваній, а единственно для защиты своихъ островныхъ предѣловъ и огражденія внутреннего порядка; поэтому она и не многочисленна.

Новобранцы, признанные годными къ службѣ и назначенные въ пѣхоту, отправляются изъ комиссіи въ штабъ дивизіи, расположенной въ ихъ округъ, а выбранные въ кавалерію, артиллерію, саперы и въ обозъ, препровождаются въ Токио, въ вѣдѣніе штабовъ сихъ отдѣльныхъ частей, и съ этого момента дѣятельность призывной комиссіи по округу (за исключеніемъ, конечно, отчетной части) считается законченною. По окончаніи же общаго набора со всѣхъ округовъ, призывныя комиссіи распускаются, а на слѣдующій годъ назначаются новыя, и не иначе какъ съ новыми членами; рекрута же, отправленные въ штабы своихъ частей, приступаютъ къ ознакомленію съ военными уставами, начиная съ дисциплинарнаго, послѣ чего приносятъ присягу и подписываютъ присяжные листы слѣдующаго содержанія:

«Обязуюсь своею жизнью: стоять за свое отечество, какъ въ мирное такъ и въ военное время; исполнять безпрекословно приказанія моего начальства; никогда не покидать самовольно службу и не проситься, когда мнѣ вдумается, въ отпускъ по болѣзни моихъ родителей. Да исполнятся надо мною всѣ кары не только міра сего, но и загробнаго, если я не сдержу сего, даннаго мною, обѣщанія!»

Администрація японской арміи сосредоточена въ военномъ министерствѣ, во главѣ коего стоитъ министръ съ двумя своими помощниками: начальникомъ главнаго штаба и началь-

¹⁾ Хотя по спискамъ и считается 41.806 человѣкъ.

никомъ технической и хозяйственной части. Должность министра полагается въ рангѣ генераль-лейтенанта 1-го класса; вторые же могутъ быть генераль-майорами 2-го и 3-го классовъ. Центральное управление министерства, соответствующее нашей канцелярии военного министра, состоитъ изъ ста офицеровъ и чиновниковъ гражданского чина, и за симъ все вѣдомство подраздѣляется на пять отдѣленій ¹⁾; съ довольно ограниченнымъ личнымъ составомъ, такъ что вся военная администрація, со всѣми ея специальными органами и частями, состоитъ изъ 711 служащихъ лицъ, изъ коихъ около 300 принадлежатъ военному сословию.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію состава японской арміи.

Генералы (*цзоку-нинъ*) производятся въ этотъ чинъ и назначаются на должности самимъ императоромъ; штабъ-офицеры (*со-нинъ*) представляются къ производству изъ оберъ-офицерскихъ ранговъ военнымъ министромъ, по разсмотрѣніи ихъ правъ въ его канцеляріи, но въ чинахъ и должностяхъ своихъ, могутъ быть утверждаемы только императоромъ, какъ лица имѣющія право пріѣзда ко двору ²⁾; оберъ-офицеры (*ганъ-нинъ*) производятся въ чины и утверждаются въ должностяхъ военнымъ министромъ, по представленію корпусныхъ командировъ. Что касается нижнихъ чиновъ, то фельдфебеля (*цзюнъ си-канъ*) и унтеръ-офицеры (*ка си-канъ*), изъ окончившихъ курсъ

¹⁾ I Отдѣленіе, состоящее изъ ста офицеровъ и около ста чиновниковъ, вѣдаетъ: а) отдѣлъ общей корреспонденціи, б) рекрутскую повинность и замѣстительство, с) генеральный штабъ, д) главный аудиторіатъ, е) списки лицъ выбывшихъ изъ военной службы, а также и ф) расходы на погребеніе военнослужащихъ. При первомъ же отдѣленіи состоятъ и переводчики съ иностранныхъ языковъ на японскій и съ японскаго на иностранные.

II Отдѣленіе, изъ двадцати шести офицеровъ и ста чиновниковъ, вѣдаетъ: а) личный составъ пѣхоты, кавалеріи и обоза, б) дѣла о рекрутахъ уже принятыхъ на службу и с) корпусъ жандармовъ.

III Отдѣленіе, изъ двѣнадцати офицеровъ и двадцати пяти чиновниковъ, представляетъ собою инженерное вѣдомство, съ завѣдываніемъ личнымъ составомъ инженерныхъ войскъ и снабдительнымъ техническимъ отдѣломъ.

IV. Отдѣленіе, состоящее изъ такого же числа служащихъ какъ и предшедшее, вѣдаетъ личный составъ артиллеріи, фельдцейхмейстерскую часть вооруженіе всѣхъ вообще войскъ и снабженіе ихъ боевыми припасами.

V. Отдѣленіе, изъ ста восьми офицеровъ и ста чиновниковъ, завѣдуетъ военнымъ хозяйствомъ вообще. На его обязанности лежитъ продовольствіе и обмундированіе войскъ и все, что касается распределенія, устройства и снабженія казарменныхъ помѣщеній, госпитальная и санитарная части, инвалидный отдѣлъ (пенсіи), денежное довольствіе войскъ и военныхъ учреждений, военная касса, ревизіонный и канцелярскій (то-есть относительно устройства и снабженія канцелярской части въ войскахъ) отдѣлы.

2) Гражданскіе чиновники только съ VII класса.

въ унтеръ-офицерской школѣ, назначаются въ должности и производятся, по представленію своихъ ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, полковыми командирами ¹⁾, но утверждаются въ должностяхъ штабомъ дивизіи. Нестроевыхъ чиновъ военного званія въ японской арміи нѣтъ; нестроевыми называются тамъ лица гражданского вѣдомства, служація при войскахъ въ качествѣ чиновниковъ по разнымъ отраслямъ военного управленія, и никакихъ особыхъ мундировъ или военной формы для нихъ не полагается. Сюда относятся дѣлопроизводители, писаря, техники, фуражмейстеры, и т. п.

Во главѣ японской арміи по строевой части стоитъ генераль-фельдмаршалъ (*тай-се*), званіе коего носитъ дядя нынѣ царствующаго микадо, принцъ Арисугава ²⁾. Жалованья по должности ему полагается 4.800 іенъ и столовыхъ 300 іенъ, что въ совокупности, на наши деньги составляетъ 6.375 рублей кредитныхъ. За генераль-фельдмаршаломъ слѣдуютъ четыре генераль-лейтенанта (*цу-се*), кои занимаютъ должности корпусныхъ командировъ и начальниковъ отдѣльныхъ военно-территоріальныхъ округовъ (непостоянныхъ, впрочемъ). Жалованья получаютъ по 4.200 и столовыхъ по 250 іенъ.

Генераль-майоры (*се-се*) во всей японской арміи только 13; они командуютъ корпусами (иногда, дивизіями и бригадами, получая жалованья 3.000 и столовыхъ 150 іенъ. Съ ними равняются по рангу генераль-интендантъ и генераль-докторъ арміи. Полковниковъ (*тай-са*) еще меньше чѣмъ генераловъ; ихъ только 9, и съ ними равняются: совѣтникъ интендантства, штабъ-докторъ и генераль-фармацевтъ, начальникъ военно-суднаго управленія и оберъ-аудиторы въ чинѣ *тай-са*. Жалованье полковниковъ не равномерно и градирруется по роду ихъ оружія ³⁾; столовые же деньги отпускаются всѣмъ въ равномъ количествѣ, по 120 іенъ каждому. Подполковниковъ (*ю-си*) на всю армію только 35, а майоровъ (*се-са*) 111 человекъ; первые командуютъ полками, вторые батальонами, получая жалованье, такъ же какъ и полковники, сообразно съ родомъ своего оружія ⁴⁾. Капитановъ (*дай-и*), штабъ-

¹⁾ Въ отдѣльныхъ батальонахъ батальонными командирами.

²⁾ Скончался въ 1885 году.

³⁾ Такъ, въ пѣхотѣ полковникъ получаетъ 2.245 іенъ, въ кавалеріи и обозѣ 2.280 іенъ, въ артиллеріи и инженерахъ 2.340 іенъ и въ генеральномъ штабѣ 2.400 іенъ.

⁴⁾ Такъ, въ пѣхотѣ подполковнику идетъ 1.644 и майору 1.044 іенъ, а въ генеральномъ штабѣ 1.800 и 1.200 іенъ; столовыхъ же подполковнику 105 и майору 90 іенъ. Съ подполковниками равняются: младшій совѣтникъ интендантства 1-го класса, младшій врачъ и фармацевтъ 1-го класса и казначей или ревизоръ 1-го класса, а съ майорами тѣ же чины 2-го класса, и старшій ветеринаръ.

капитановъ, ротмистровъ и штабсъ-ротмистровъ, раздѣляемыхъ притомъ еще на два класса, числится 353 человѣка. Столовыхъ имъ отпускается по 45 іенъ, а жалованье неравномѣрно и градируется не только по роду оружія, но и по классу ¹⁾. Поручиковъ и подпоручиковъ (*чо-и*), раздѣляемыхъ также на два класса, полагается 448 человѣкъ, а прапорщиковъ и корнетовъ (*се-и*), на классы не дѣлимыхъ, 573 человѣка ²⁾. Такимъ образомъ весь строевой офицерскій составъ японской арміи, отъ генераль-фельдмаршала до прапорщика включительно, состоитъ изъ 1.547 офицеровъ.

Что касается нижнихъ чиновъ, то старшій фельдфебель (*изе-то-кано*), съ которымъ, равняется одинъ только вольнонаемный гражданскій чинъ арміи — капельмейстеръ (изъ нѣмцевъ), получаетъ 373 іена жалованья. Затѣмъ идутъ фельдфебеля 1-го и 2-го классовъ (*со-и*), унтеръ-офицеры (*ю-се*) и сержанты (*гун-со*), дѣлимые также на классы и, наконецъ, рядовые, коихъ въ мирное время состоитъ налицо 34.017 человѣкъ. Жалованье всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ производится, такъ же какъ и офицерамъ, по роду оружія и по классамъ ³⁾.

Принимая въ расчетъ относительную дешевизну жизни и продуктовъ въ Японіи, неприхотливость ея обитателей и полное казенное содержаніе войскъ, нельзя не сказать, что служба японскаго солдата оплачивается очень удовлетворительно. Чины и званія арміи, отъ генераль-фельдмаршала до рядового включитель-

но, какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня, подраздѣляются на четырнадцать степеней, изъ коихъ генеральскіе, часть оберъ-офицерскихъ и всѣ унтеръ-офицерскіе чины градируются еще на два класса каждый. Подраздѣленіе это-можетъ-быть почему-либо и нужно, но на нашъ взглядъ кажется совершенно излишнимъ; оно какъ-то скрупулезно и черезчуръ уже отзывается педантическимъ формализмомъ канцеляріи.

Дѣйствующая армія дѣлится на семь корпусовъ, изъ коихъ, впрочемъ, седьмой остается пока еще въ проектѣ ⁴⁾.

Штабъ-императорской гвардіи, равно какъ и штабъ I корпуса, въ составъ коіега въ строевомъ отношеніи входятъ и гвардія, находятся въ Токио, гдѣ расположены и всѣ гвардейскія части. Гвардія состоитъ изъ двухъ полковъ пѣхоты трехбатальоннаго состава, эскадрона уланъ, составляющаго особый, почетный конвой микадо, полевой батареи и роты саперъ ⁵⁾.

⁴⁾ I корпусъ (штабъ въ Токио) состоитъ изъ трехъ полковъ пѣхоты (№№ 1, 2 и 3), 1-го эскадрона конно-егерей, двухъ батарей (гвардейской и № 1), двухъ ротъ саперъ (гвардейской и № 1) и 1-го отдѣленія полевого обоза. Численный составъ сего корпуса, по мирному положенію, простирается до 8.202, а по военному времени до 10.084 человѣкъ. (Гвардейская пѣхотная бригада и эскадронъ лейбъ-уланъ въ счетъ не входятъ).

II корпусъ (штабъ въ Сендай): бригада пѣхоты (полки №№ 4 и 5), 2-я эскадронъ конно-егерей, 2-я полевая батарея, 2-я рота саперъ и 2-е отдѣленіе полевого обоза. Численность корпуса по мирному положенію 5.396, а по военному 6.629 человѣкъ.

III корпусъ (штабъ въ Нагойъ): бригада пѣхоты (полки №№ 6 и 7). 3-я батарея, 3-я рота саперъ и 3-е отдѣленіе обоза, всего по мирному положенію 5.237, по военному 6.629 человѣкъ.

IV корпусъ (штабъ въ Осака): три полка пѣхоты (№№ 8, 9 и 10), 4-я батарея, 4-я рота саперъ и 4-е отдѣленіе обоза, 2-я резервная батарея и 4-я резервная саперная рота, всего по мирному времени 8.043, по военному 9.895 человѣкъ.

V корпусъ (штабъ въ Хиросимѣ): бригада пѣхоты (полки №№ 11 и 12), 5-я батарея, 5-я рота саперъ и 5-е отдѣленіе обоза, по мирному времени 5.237, по военному 6.440 человѣкъ.

VI корпусъ (штабъ въ Кумамото): бригада пѣхоты (№№ 13 и 14), 6-я батарея, 6-я рота саперъ, 6-е отдѣленіе обоза, 3-я резервная батарей и 3-я резервная рота саперъ, всего по мирному положенію 5.697, а по военному 7.015 человѣкъ.

VII корпусъ предполагается расположить на островѣ Кью-сю, со штабомъ въ Нагасаки. Боевая сила этого корпуса должна простираться до 6.500 человѣкъ.

⁵⁾ Каждый гвардейскій полкъ состоитъ изъ 3 штабъ-, 44 оберъ- и 234 унтеръ-офицеровъ при 1.344 рядовыхъ; затѣмъ въ полковомъ унтеръ-штабѣ полагается: одинъ штабъ-докторъ, два младшіе врача, одинъ ревизоръ и два его помощника, вѣдающіе казначейскую и квартирмейстерскую части. Итого въ гвардейской пѣхотной бригадѣ числится 3.262 человѣка.

Въ эскадронѣ гвардейскихъ уланъ: оберъ-офицеровъ 5, унтеръ-офицеровъ 31, рядовыхъ 150, штабъ-докторъ, младшій врачъ, ветеринаръ и ревизоръ, итого 190 человѣкъ.

¹⁾ Такъ, капитанъ 1-го класса получаетъ въ пѣхотѣ 624 іена, а капитанъ 2-го класса 576 іенъ, въ кавалеріи, обозѣ, артиллеріи и инженерахъ 720 и 672, а въ генеральномъ штабѣ 810 и 780 іенъ. Съ капитанами равняются чиновники военнаго министерства, интенданства, военнаго казначейства, младшіе врачи 2-го класса, аптекаря и ветеринары.

²⁾ Столовыхъ денегъ поручикамъ и подпоручикамъ 36 іенъ, а прапорщикамъ 30 іенъ; жалованье—для первыхъ по классамъ и по роду оружія (отъ 384 іенъ въ пѣхотѣ до 600 іенъ въ генеральномъ штабѣ по 1-му классу), для послѣднихъ же только по роду оружія (отъ 360 въ пѣхотѣ до 400 въ генеральномъ штабѣ). Съ первыми равняются младшіе чиновники военнаго вѣдомства, съ послѣдними—кандидаты на должности чиновника, врача и ветеринара.

³⁾ Фельдфебель 1-го класса въ пѣхотѣ получаетъ жалованья 93 іена и столовыхъ 80 іенъ и 5 центовъ, въ кавалеріи и обозѣ жалованья 103 іена, въ артиллеріи 112 іенъ и столовыхъ 78 іенъ и 5 центовъ. Жалованье унтеръ-офицеровъ 1-го класса 95 іенъ, а 2-го класса 60 іенъ, сержантовъ: въ пѣхотѣ 67 и 64 іена, въ кавалеріи 81 и 63 іена, въ артиллеріи 77 и 69 іенъ; кромѣ того, столовыхъ имъ идетъ отъ 57 до 35 іенъ. Рядовые получаютъ жалованья: въ пѣхотѣ 18 іенъ, въ кавалеріи и обозѣ 20 іенъ, въ артиллеріи и саперахъ 21 іенъ; столовыхъ же отпускается равномѣрно, по 25 іенъ каждому, что составляетъ въ совокупности до 57 руб. 50 коп. по нашему курсу.

Всего въ гвардейскихъ частяхъ, какъ по мирному такъ и по боевому положенію, числится 3.994 человекъ и 336 лошадей.

Пѣхотные армейскіе полки четырехбатальоннаго состава носятъ названія по порядку своихъ нумеровъ и состоятъ каждый изъ 5 литабъ-, 65 оберъ- и 349 унтеръ-офицеровъ, 1.920 рядовыхъ, трехъ врачей, ревизора и его помощника; итого въ полку по мирному времени 2.346, а по боевому положенію 2.880 человекъ.

Вся японская кавалерія состоитъ только изъ трехъ эскадроновъ: лейбъ-уланскаго и двухъ конно-егерскихъ. Численность ея столь незначительна потому, что по островному и гористому положенію страны кавалерія не можетъ играть здѣсь большой самостоятельной роли: назначеніе ея ограничивается ординарческою (разсылною), конвоирною и отчасти побережною аванпостною службой. Сортъ лошадей — мѣстной породы, малорослый. Въ армейскихъ эскадронахъ полагается въ каждомъ: оберъ-офицеровъ 5, унтеръ-офицеровъ 31, рядовыхъ 120, два врача, ветеринаръ и ревизоръ, итого 160, а въ военное время 189 человекъ.

Артиллерія состоитъ изъ восьми полевыхъ и двухъ горныхъ батарей шестиорудійнаго состава. Орудія смѣшанныхъ системъ, начиная отъ старинныхъ гладкостѣнныхъ, съ цапфами, до крупновскихъ дальнобойныхъ. Сортъ лошадей такой же какъ и въ кавалеріи, запряжка — отъ четырехъ до шести коней подъ орудіе. Горныя шотландскія пушки возятся въ строю не на вьюкѣ, а на уносахъ. Батареи дѣлятся на полевые дѣйствующіе и полевые резервные. Личный составъ тѣхъ и другихъ одинаковъ, а именно въ каждой: майоръ 1, оберъ-офицеровъ 11, унтеръ-офицеровъ 51, артиллеристовъ 240, два врача, ветеринаръ, ревизоръ; итого по мирному положенію 306, а по военному 386 человекъ. Въ Синагавѣ, Локогамѣ, Нингатѣ, Халодате, Каваци (близъ Осаки), Симоносаки и Нагасаки есть береговые батареи на положеніи крѣпостныхъ, при коихъ имѣются особые команды артиллеристовъ, но назначеніе ихъ при этихъ батареяхъ скорѣе для салютовъ въ честь микадо и въ отвѣтъ иностраннымъ военнымъ судамъ, чѣмъ

Гвардейская полевая батарея состоитъ изъ шести дальнобойныхъ крупновскихъ орудій, того же образца и калибра, что и въ турецкой артиллеріи. Командиръ батареи въ майорскомъ чинѣ; оберъ-офицеровъ числится въ ней 11, унтеръ-офицеровъ 51, артиллеристовъ 260 человекъ, штабъ-докторъ, его помощникъ, ветеринаръ и ревизоръ, — итого 327 человекъ.

Рота гвардейскихъ саперъ; оберъ-офицеровъ 5, унтеръ-офицеровъ 26, рядовыхъ 150, итого 181 человекъ.

При всѣхъ вообще гвардейскихъ частяхъ и въ штабѣ оныхъ состоятъ 33 чиновника (военнаго вѣдомства).

для защиты названныхъ портовъ отъ непріятеля. Въ случаѣ войны береговые батареи потребуютъ радикальнаго перевооруженія.

Инженерный войска состоятъ изъ десяти отдѣльных ротъ саперъ, подраздѣляющихся, подобно артиллеріи, на полевые дѣйствующіе и полевые резервные. Въ каждой ротѣ состоитъ: оберъ-офицеровъ 5, унтеръ-офицеровъ 26, рядовыхъ 120, врачъ, ветеринаръ (для лошадей понтоннаго и прочаго технического обоза) и ревизоръ. Въ мирное время составъ каждой роты ограничивается 154 чинами, а въ военное восходитъ до 189 человекъ.

Полевой обозъ дѣлится на шесть отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ состоитъ: 4 оберъ-офицера, 26 унтеръ-офицеровъ, 53 возчика, врачъ и ветеринаръ; итого, по мирному и военному положенію 85 человекъ въ отдѣленіи, а во всемъ полевомъ обозѣ 510 чиновъ служащихъ.

Итого стало-быть въ дѣйствующей японской арміи въ настоящее время состоитъ: 2 гвардейскіе и 14 армейскихъ полковъ пѣхоты (62 батальона), 3 эскадрона кавалеріи, 8 батарей полевыхъ и 2 батареи горныя (60 орудій), 10 саперныхъ ротъ, изъ коихъ четыре резервные и 6 отдѣленій обоза, всего по спискамъ въ мирное время 41.806 человекъ; а въ дѣйствительности съ небольшимъ 35 тысячъ; по военному же положенію 50.497 человекъ, а съ будущимъ VII корпусомъ боевая сила арміи разовьется до 57.000 человекъ. Для резервовъ 1-го и 2-го призыва въ арсеналахъ хранится до 200.000 ружей, преимущественно системъ Снайдера и Генри-Мартини.

Въ настоящее время всѣ дѣйствующія войска расположены въ двадцати пунктахъ государственной территоріи и размѣщаются въ сполна въ сорока одномъ казарменномъ дворѣ, такъ что обыватели вовсе избавлены отъ постоянной повинности. Кромѣ нынѣ существующихъ воинскихъ частей, на сѣверѣ страны, а именно на сосѣднемъ Сахалину островѣ Матсмаѣ (Иессо), учреждается новый родъ *поселеннаго* войска, по идеѣ и организаціи своей похожій будто бы на наше казачество. Имѣется въ виду привлечь въ это войско охотниковъ изъ бывшихъ *самюрайевъ*, предоставляя имъ землю и разныя льготы; но что изъ этого выйдетъ, пока еще неизвѣстно.

Обмундированіе японскихъ войскъ принято преимущественно по французскому образцу. Люди въ пѣхотѣ имѣютъ для парадовъ кожаное шакѣ съ двумя козырями, въ родѣ какъ у нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ батальоновъ германской арміи, и съ длиннымъ бѣлымъ султаномъ (въ гвардіи), опускающимся почти до плеча, а для обыкновенной службы и домашняго употребленія — темносинюю фуражку русскаго образца, съ пятиконечною мѣдною звѣз-

дой вмѣсто кокарды въ однѣхъ и съ мѣдною розеткой астры (личный гербъ микадо) въ другихъ частяхъ, съ чернымъ кожанымъ лакированнымъ козырькомъ, съ желтымъ околышемъ и желтою выпушкой. Мундиръ состоитъ изъ однобортной синей суконной куртки на крючкахъ, безъ пуговицъ, съ узенькимъ стоячимъ краснымъ или желтымъ воротникомъ; шаровары синія суконныя, съ краснымъ или желтымъ лампасомъ въ мизинецъ шириной; поверхъ башмаковъ и нижняго края шароваръ настегаются бѣлыя суконныя или холщевыя (для лѣтнаго времени) гамашы. Патронная кожаная сумка носится спереди на кожаномъ ремennomъ поясѣ съ бляхой, на которомъ съ лѣваго бока вмѣстѣ особое гнѣздо куда вкладывается штыкъ-ятаганъ, носимый въ черныхъ кожаныхъ ножнахъ со стальнымъ наконечникомъ. Въ числѣ предметовъ снаряженія полагается ранецъ изъ телячьей шкуры или изъ юфти, ремни коего пропускаются подъ мышки; на ранцѣ вмѣсто шинели кладется свернутое въ трубку байковое одѣяло краповаго, зеленого или розоваго цвѣта, смотря по номеру батальона; унтеръ-офицеры съ тылу отличаются въ строю по особому цвѣту своихъ одѣялъ⁴⁾. Для зимняго времени полагаются синія суконныя шинели длиной по пиколотку, съ рукавами и капюшономъ: у офицеровъ же, кромѣ пальто, есть еще и короткія плащи-накидки въ родѣ «кардиналокъ» изъ чернаго сукна, длиной по поясницу. Мундиръ офицеровъ составляетъ черная суконная венгерка французскаго образца, съ черными шнурами на груди, съ такимъ же шитьемъ на рукавахъ и съ отложнымъ воротникомъ, который для зимы опушается черною мерлушкой. Непремѣнная принадлежность строевыхъ офицеровъ, — красныя, бѣлыя или золотыя аксельбанты, смотря по части войскъ и по чину; вооруженіе ихъ — револьверъ въ кабуръ и сабля въ стальныхъ ножнахъ, на двухъ пассивахъ. Вооруженіе пѣхотныхъ солдатъ — скорострѣльные ружья системы Снайдера. Обмундировка артиллеристовъ и саперъ сходствуетъ съ пѣхотною; разница только та, что у гвардейскихъ артиллеристовъ околыши и мундирный прикладъ изъ краснаго, а у саперъ изъ бѣлаго сукна; специальное же снаряженіе послѣднихъ по французскому образцу. Кромѣ того у артиллеристовъ, вмѣсто башмаковъ и гамашей, длинные сапоги кавалерійскаго образца изъ желтой невакованной кожи, и вооружена артиллерія магазинными укороченными карабинами Альбани, съ которыми и несетъ она караульную

службу, а въ строю при орудіяхъ люди носятъ ихъ на погонномъ ремнѣ, за правымъ плечомъ, дуломъ вверху.

Кавалерія, какъ уже сказано, организована не полками, а отдѣльными эскадронами, если не ошибаюсь, трехзвезднаго состава¹⁾. Во взводѣ, по боевому составу, полагается 20 рядовъ, но въ обыкновенное время въ строю бываетъ отъ девяти до двѣнадцати не болѣе. Вооруженіе — сабля съ расширяющимися дужками для наиболѣе надежнаго прикрытія всей руки; носится она въ стальныхъ ножнахъ на двухъ пассивахъ, при ремennomъ широкомъ поясѣ съ бляхой; затѣмъ магазинный карабинъ, а у офицеровъ и унтеръ-офицеровъ револьверъ системы Смитта и Вессона. Гвардейскіе уланы, кромѣ того, вооружены (обѣ шеренги) довольно короткими тонко-древковыми пиками съ широкими красно-бѣлыми значками, въ родѣ какъ у румынскихъ королевскихъ эскортёровъ. Сѣдельное снаряженіе, вьюкъ и конскій уборъ по французскому образцу. Сапоги у людей высокіе, желтой кожи, съ настежными шпорами; синія суконныя чакчиры въ обтяжку, съ лампасами по цвѣту воротниковъ; мундиры тоже синіе, суконныя, курточнаго покроя, на крючкахъ, противъ которыхъ на груди съ обѣихъ сторонъ нашивается по шести широкихъ поперечныхъ петлицъ съ заостренными вѣшными концами, цвѣта одинаковаго съ обшлагами и воротникомъ, который выкраивается такъ же какъ и въ пѣхотѣ, то-есть по узкой, скругленно-скошенной формѣ. У гвардейскихъ уланъ эти петлицы зеленого цвѣта (фуражки темносинія съ краснымъ околышемъ), у 1-го эскадрона конно-егерей — красныя, а у 2-го эскадрона лиловыя, и этотъ послѣдній цвѣтъ въ строю производитъ на глазъ очень пріятное впечатлѣніе. Для парадовъ полагается тоже шакѣ съ назатыльникомъ (двухкозырное), съ бѣлымъ султаномъ, такого же образца какъ въ пѣхотѣ, только у гвардейскихъ уланъ тулья обтянута, вмѣсто чернаго, краснымъ сафьяномъ; спереди на ней бронзовый гербъ микадо — круглая астра.

Потери убитыми и ранеными, понесенныя молодыми японскими войсками въ теченіе двухъ уже выдержанныхъ ими боевыхъ кампаний, естественно, вызвали необходимость обезпечить раненыхъ и семействъ убитыхъ особыми пенсіями со стороны государства. Въслѣдствіе сего правительство озаботилось изысканіемъ потребныхъ на это средствъ изъ части государственныхъ доходовъ и, учредивъ

⁴⁾ Эти ранцы солдаты таскаютъ за собою всюду: на ученіе, въ караулъ, на вѣсти, и стоятъ въ нихъ на часахъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ на ранцахъ носятъ мѣдные котелки въ родѣ чашекъ, въ другихъ же этого приспособленія я не замѣтилъ.

¹⁾ По крайней мѣрѣ на всѣхъ смотрахъ, парадахъ и ученьяхъ, за исключеніемъ гвардейскихъ уланъ имѣющихъ четыре взвода, остальные эскадроны я видѣлъ всегда въ трехзвездномъ составѣ. Можетъ быть, впрочемъ, четвертый взводъ оставался частію въ ординарческомъ расходѣ, частію во внутреннемъ нарядѣ по казармамъ и конюшнямъ.

пенсiонную кассу, обнародовало уставъ о пенсiяхъ, построенный на слѣдующихъ основанiяхъ. Право на пенсiю прiобрѣтается для офицеровъ двадцатипятилѣтнею, а для нижнихъ чиновъ пятнадцатилѣтнею безпорочною службой ¹⁾. За службу же сверхъ опредѣленнаго закономъ срока дѣлается ежегодно прибавка къ жалованью: генералу 1-го класса въ 20 iенъ, а рядовому въ 50 центовъ; промежуточнымъ, между сими двумя, чинамъ размѣры прибавки производятся соотвѣтственно чину. Пенсiи выдаются за боевыя раны и увѣчья или по причинѣ неизлечимыхъ болѣзней, нажитыхъ во время прохожденiя службы и вслѣдствiе исполненiя служебныхъ обязанностей. За раны легкiя, не препятствующiя снискивать себѣ пропитанiе, выдается единовременное пособiе въ размѣрѣ годовой низшей пенсiи по чину: генералу 1.200 iенъ, рядовому 45 iенъ и 50 центовъ. Если воинскiй чинъ палъ на полѣ сраженiя, или умеръ отъ ранъ, или же хотя бы и въ мирное время, но при исполненiи служебной обязанности, то пенсiя выдается вдовѣ его до вступленiя во вторичный бракъ или дѣтямъ до двадцатилѣтняго возраста, причемъ высшiй размѣръ пенсiи 800 iенъ, низшiй 28 iенъ ²⁾. Если военнослужащiй увольняется въ отставку по болѣзни или вслѣдствiе другихъ уважительныхъ причинъ, прослуживъ не менѣе половины срока положеннаго для полной пенсiи, то таковая выдается ему въ половинномъ размѣрѣ ³⁾. Въ случаѣ войны, какъ внутри такъ и внѣ предѣловъ государства, годъ службы считается за два и начавшiйся годъ принимается за цѣлый. Въ мирное же время сокращенный срокъ полагается только для служащихъ въ Хоккайдо (на островѣ Матсмаѣ), гдѣ, по мѣстнымъ условiямъ жизни и службы, шесть мѣсяцевъ считаются за годъ.

Дисциплинарныя взысканiя, начиная съ восьмисуточного ареста, влекутъ за собой прод-

¹⁾ Размѣры пенсiй: генералу 1-го класса 1.600 iенъ, полковнику 800, капитану 375, прапорщику 214, унтеръ-офицеру 74 и рядовому 55 iенъ въ годъ.

²⁾ Въ случаѣ смерти отца, выслужившаго пенсiю, сироты его до двадцатилѣтняго возраста получаютъ таковую въ размѣрѣ одной трети противъ заслуженной ихъ отцомъ,—высшiй размѣръ 400, низшiй 14 iенъ.

³⁾ Если же увольняется въ отставку унтеръ-офицеръ или рядовой по неспособности, за болѣзнию, увѣечьемъ и т. п., прослуживъ не менѣе девяти лѣтъ, то пенсiя выдается первому въ 40, а послѣднему въ 30 iенъ въ годъ. Срокъ службы считается со времени принятiя его въ рекруты призывною комиссiей, а тѣмъ которые поступили въ ряды окончивъ предварительнo курсъ въ военныхъ училищахъ „Сиканъ-гакко“ и „Кюдо-данъ“—по производствѣ ихъ въ офицерскiй или унтеръ-офицерскiй чинъ, прибавляется къ общему сроку на выслугу пенсiи также и время проведенное ими въ означенныхъ училищахъ, обыкновенно два года.

ленiе срока службы до права на пенсiю. Такъ, вышесказанный арестъ отдалаетъ выслугу на одинъ мѣсяцъ, и такъ далѣе, смотря по степени взысканiя. Преступленiя же влекущiя за собой лишенiе чиновъ, тюремное заключенiе по судебному приговору или тѣлесное наказанiе бамбукамп (для штрафованныхъ рядовыхъ по суду) вовсе лишаютъ права на пенсiю, равно какъ лишаются его и тѣ лица, которыя по какой-либо причинѣ исключаются изъ японскаго подданства, или которыя самовольно покинуть отечество.

За личныя долги военнослужащихъ, какъ во время службы изъ жалованья, такъ и въ отставку изъ пенсiи, вычитается $\frac{1}{3}$ часть, поступающая на удовлетворенiе кредиторовъ.

Но, полагая пенсiи за безпорочную службу, законъ въ то же время, сообразно съ чиномъ опредѣляетъ и возрастъ, по достиженiи коего служащiй обязательно увольняется въ отставку, съ предоставленiемъ ему какъ пенсiи, такъ и всѣхъ преимуществъ прiобрѣтенныхъ службой, и такая отставка считается почетною ⁴⁾. Впрочемъ, рядовые служатъ не стѣняясь возрастомъ, а для генераловъ особыхъ постановленiй въ этомъ отношенiи не существуетъ, такъ какъ и назначенiя ихъ и отставка зависятъ исключительно отъ воли микадо.

Повышенiе по службѣ всѣхъ офицерскихъ чиновъ производится ежегодно, но не по линiи и не за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ въ чинѣ, а исключительно по экзамену, для чего военное мнистерство ежегодно назначаетъ особую экзаменацiонную комиссiю, которая ко-

⁴⁾ Такимъ образомъ, генераль-докторъ армiи, совѣтникъ интендантства, старшiй ветеринаръ и старшiй фармацевтъ увольняются по достиженiи шестидесятилѣтняго возраста. Стало-бытъ, принимая въ расчетъ, что начало службы для совѣтника интендантства совпадаетъ съ его двадцатымъ годомъ отъ роду, а для остальныхъ, какъ специалистовъ медицинскои науки, со временемъ окончанiя ими курса на токийскомъ медицинскомъ факультетѣ, то-есть приблизительно около 23-го или 25-го года отъ роду,—первый до обязательной отставки можетъ прослужить 40, а послѣднiе отъ 35 до 37 лѣтъ.

Полковникъ и всѣ чиновники равнаго съ нимъ ранга, а также и полковникъ генеральнаго штаба увольняются въ 57 лѣтъ отъ роду; значить шахшимъ службы, считая съ 20-го года жизни, будетъ 37 лѣтъ.

Подполковникъ и всѣ чиновники соотвѣтственнаго ему чина, а равно и майоръ генеральнаго штаба,—въ 54 года. Махимумъ службы 34 года.

Майоръ и всѣ равнаго съ нимъ чина, и капитанъ генеральнаго штаба въ 51 годъ. Махимумъ службы 31 годъ.

Капитанъ и всѣ состоящiе въ соотвѣтствующихъ ему чинахъ, должностяхъ и званiяхъ, а также поручикъ и подпоручикъ генеральнаго штаба—въ 48 лѣтъ. Махимумъ службы 28 лѣтъ.

Поручикъ, подпоручикъ, прапорщикъ и всѣ равныхъ съ ними чиновъ и званiй—въ 45 лѣтъ. Махимумъ службы 25 лѣтъ.

Унтеръ-офицеры—въ 35 лѣтъ. Махимумъ службы 15 лѣтъ.

мандрюется послѣдовательно во всѣ корпуса. Результаты произведенныхъ ею испытаній вносятся въ особую книгу. Нежеланіе подвергать себя экзамену могутъ и не являться въ комиссію, но въ такомъ случаѣ имъ предстоитъ перспектива прослужить въ одномъ и томъ же чинѣ до предѣльнаго возраста, съ которымъ сопряжено обязательное увольненіе въ отставку. Эту мѣру, по всей вѣроятности, надо считать временною, пока существуютъ вызвавшія ее обстоятельства. Я уже упоминалъ, что при созданіи регулярной арміи, правительство было вынуждено создавать одновременно и корпусъ офицеровъ, въ который, по крайней необходимости, вошли на первое время элементы далеко не соответствующихъ офицерскому назначенію качествъ. Правительство, какъ мы видѣли, нѣрѣдко дарило офицерское достоинство, какъ синекуру преданнымъ ему лицамъ. Понятное дѣло, что отъ большинства подобныхъ офицеровъ нельзя ожидать никакой существенной пользы для арміи, они скорѣе составляютъ ея бремя,—и вотъ для того-то, чтобы по мѣрѣ возможности, очистить личный составъ офицерскаго корпуса и не дать возможности командовать частями людямъ несоответствующихъ достоинствъ, правительство и постановило законъ о производствѣ въ чины не иначе, какъ по экзамену. Современемъ, когда военнообразовательный цензъ сдѣлается достояніемъ всѣхъ безъ исключенія офицеровъ арміи, этотъ законъ, безъ сомнѣнія, будетъ отмѣненъ, какъ мѣра уже исполнявшая свое временное назначеніе. Теперь же, кромѣ своей положительной стороны (то-есть, что право на дальнѣйшій чинъ, а стало-быть и на командование соответственной частью пріобрѣтается только посредствомъ опредѣленнаго военнообразовательнаго ценза), законъ этотъ приноситъ правительству еще и ту косвенную, но весьма для него существенную выгоду, что экзаменационная комиссія всегда имѣетъ болѣе или менѣе возможность, такъ-сказать процѣживанія и сортировки офицеровъ, смотря по степени ихъ даровитости, и главное, политической благонадежности въ пріятномъ для правительства духѣ: офицера, мало-мальски подозрѣваемаго въ симпатіяхъ старому порядку и могущаго имѣть въ этомъ смыслѣ нравственное вліяніе на товарищей и подчиненныхъ, всегда можно, что называется, «срѣзать» на экзаменѣ и, такимъ образомъ, не давая ему дальнѣйшаго хода по службѣ, не допускать и расширенія сферы его дальнѣйшаго вліянія. Словомъ, экзаменъ ведетъ къ тому, что командованіе частями можетъ доставаться только въ руки людей достаточно образованныхъ и политически безусловно преданныхъ новому правительству.

Патентовъ и денежныхъ вычетовъ за производство въ чинъ, а равно и за пожалованный орденъ въ Японіи не существуетъ.

Въ настоящее время вниманіе военнаго министерства направлено, главнымъ образомъ, на усиленіе корпуса офицеровъ людьми достаточно образованными въ военномъ отношеніи, съ цѣлью возможно скорѣйшей замѣны ими прѣжнихъ, не удовлетворяющихъ требованіямъ военнаго образованія. Дальнѣйшаго же усиленія арміи—ни въ настоящемъ, ни въ ближайшемъ будущемъ, за исключеніемъ быть-можетъ учрежденія VII корпуса,—не предвидится, такъ какъ, для поддержанія внутренняго порядка и обороны страны отъ покушеній извнѣ, нынѣшній численный составъ арміи, по мнѣнію правительства, считается достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что по географическому положенію Японіи не сухопутная армія, а военный флотъ ея всегда долженъ и, вѣроятно, будетъ играть важнѣйшую роль при всѣхъ ея политическихъ внѣшнихъ столкновеніяхъ.

Что до боевыхъ качествъ, то, не смотря на недавность своего существованія, японская армія уже имѣла два случая показать себя въ дѣлѣ. Въ первый разъ молодому японскому солдату пришлось идти въ огонь въ 1875 году, во время Формозской экспедиціи, а во второй—при усмиреніи Сатцумскаго возстанія 1876—1877 годовъ, причемъ второй опытъ, какъ говорятъ, былъ въ военномъ смыслѣ по-серьезнѣе перваго. Въ обѣ эти кампаніи, по свидѣтельству постороннихъ очевидцевъ, японскіе солдаты въ наилучшемъ свѣтѣ показали свою выносливость въ походѣ и храбрость въ бою. Мнѣ говорилъ баронъ Эйзендеккеръ, германскій посланникъ въ Японіи, человѣкъ самъ военный и бывшій очевидцемъ, что они спокойно встрѣчаютъ и стойко выдерживаютъ непріятельскій огонь.—и это, въ числѣ другихъ причинъ, быть можетъ потому, что японецъ вообще довольно равнодушенъ къ жизни,—но сами долго не любятъ заниматься перестрѣлкой. Древній рыцарскій духъ, какъ видно, не угасилъ и доселѣ въ японскомъ народѣ, влечетъ его солдата къ личному столкновенію съ противникомъ, не издалека, а грудью съ грудью, чтобы помѣряться съ нимъ личною доблестью, ловкостью и искусствомъ на холодномъ оружіи. Прятаться въ цѣпи за пни и камни, залегать въ ямы и канавы и стрѣлять въ большей безопасности изъ-за закрытій японцы не любятъ: «Эта война трусовъ или разбойниковъ; честный человѣкъ идетъ на противника прямо», говорятъ ихъ солдаты. Да и офицеры, въ особенности принадлежащіе къ сословію *самурайевъ*, проникнуты тѣмъ же убѣжденіемъ, и оттого-то военные здѣсь, во-первыхъ, не уважаютъ огнестрѣльнаго оружія вообще, какъ не особенно уважаютъ и своихъ европейскихъ учителей, впервые познакомившихъ ихъ съ такимъ способомъ веденія современнаго боя; а во-вторыхъ, въ самомъ бою съ нетерпѣніемъ ожидаютъ сигнала атаки. Въ

значительномъ числѣ случаевъ бывало даже такъ, что чуть лишь представится малѣйшая возможность атаковать, японскіе солдаты въ ту же минуту, не заботясь о подготовкѣ атаки огнемъ, а иногда и безо всякаго приказанія, сами отмыкали отъ стволовъ свои штыки-ятаганы; закидывали ружья за спину и съ визгомъ, похожимъ на гикъ нашей казачьей *лавы*, быстро кидались на противника въ рукопашную. Въ этомъ они схожи съ черногорцами, которые, какъ извѣстно, атаку въ ятаганы предпочитаютъ всякому иному способу, и очевидцы свидѣтельствуютъ, что ятаганъ въ рукахъ японца является страшнымъ оружіемъ. Въ минуту такой атаки японецъ, весь проникнутый воинственнымъ экстазомъ, доходитъ до полного самозабвенія. Пренебрегая или, лучше сказать, не помня объ опасности, онъ стремится только къ одному—какъ бы поскорѣе дорваться до противника для одиночнаго съ нимъ боя, и тутъ, говорятъ, надо видѣть изумительные скачки этихъ людей, ихъ прыжки и ловкія увертки изъ-подъ ударовъ, все время сопровождаемые визгомъ и рычаніемъ, которыми они стараются подражать вою дикихъ звѣрей и реву тигровъ: сущіе черти. Такъ говорятъ очевидцы, и если эти качества дѣйствительно таковы, въ чемъ, конечно, мы не имѣемъ поводовъ сомнѣваться, то надо сказать, что они составляютъ такой драгоценный матеріалъ для выработки истинно-военнаго духа, какимъ обладаютъ далеко не всѣ изъ европейскихъ армій. Можно пожелать для японскихъ солдатъ только большей выдержки; больше дисциплины и самообладанія, чтобъ они умѣли безусловно подчинять свой беззапѣтный азартъ волѣ командировъ до того момента, пока эти послѣдніе сами не двинутъ ихъ въ атаку. Достигнуть этого при доброй волѣ не трудно, и оно безъ сомнѣнія будетъ достигнуто современемъ.

Вотъ почему японская армія заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія со стороны иностранцевъ, которые въ виду такихъ ея качествъ, полагаю, должны относиться къ ней съ достоюльнмъ уваженіемъ и не пренебрегать изученіемъ оной. Можно надѣяться, что въ случаѣ надобности она сумѣетъ помѣряться въ доблести со всякимъ противникомъ, и, при свойственномъ всѣмъ вообще японцамъ патриотизмѣ, до конца и достойнымъ образомъ постоятъ за свое отечество.

XXV.

Тоокіо.

Топографія города.—Мосты.—Питадель О-Сиро.—Округъ Сото-Сиро.—Яски, бывшіе дворцы феодаловъ.—Округъ Мицу.—О-дория или Большая улица.—Нишонъ-баси, географическій центръ Японіи.—Улица Гинза.—Подраздѣленія округа Мицу.—Зарѣчныя части.—Островокъ Итикава.—Численность населенія въ Тоокіо.—Школы и народное образованіе.—Національная журналистика.—Русская духовная миссія.—Отецъ Павелъ Савабе и исторія его обращенія ко Христу.—Школы русскихъ миссіонеровъ и успѣхи православія въ Японіи. Храмовой буддѣйскій праздникъ въ Йокогамѣ.—Военная школа Сиканъ-гакко.—Токийскій арсеналъ и его музей.—Исторія перевооруженія и пересозданія японской арміи.—Военный бюджетъ.—Стремленіе къ военно-технической самостоятельности.—Ярмарочная площадь Ямаста.—Паркъ Уэнна.—Идолъ Дай-Буддса.—Процѣлес храма Тоо-сіогу.—Пагода.—Храмъ Тоо-сіогу и придѣлъ Канда-миджина.—Прудъ Нетеригіня.—Асакскіе храмы.—Праздничная толпа.—Японскія „вербы“ и ярмарка дѣтскихъ игрушекъ.—„Княжескія ворота“ и ихъ небесные стражи.—Каплицы и идолы.—Храмъ Киріусанъ или Асакса-тера и его увеселительная ярмарка.—Отсутствіе нищихъ и пьяныхъ.—Лейбъ-уланскій эскадронъ, гвардейская артиллерія и пѣхотныя войска.—Пожаръ въ участкѣ Суруга.—Устройство пожарной части въ Тоокіо.

14-го декабря

Съ чего начать?—Это дѣло довольно мудрое, когда приходится говорить о такомъ огромномъ и своеобразномъ городѣ. Начнемъ, какъ начинаютъ обыкновенно въ учебникахъ географіи! Тоокіо или То-о-кэо, бывший во времена *сѣгуновъ* Іедо или Эдо, нынѣ столичный городъ и резиденція *микадо*, лежитъ при заливѣ того же имени, въ устьяхъ рѣки Тоды, по обоимъ берегамъ ея праваго или западнаго рукава и на правомъ берегу рукава восточнаго.

Представьте себѣ громадную площадь въ 63 квадратныя версты или въ 42 версты по окружности, окаймленную съ сѣвера и востока широкою дугой большой, многоводной рѣки, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ широкими проточными каналами и разбитую на правильные кварталы прямыми продольными и поперечными улицами,—это будетъ одна лишь западная половина города Тоокіо, въ составъ коей входитъ и его центральная часть, питадель, гдѣ помѣщался нѣкогда дворецъ *сѣгуна*. На лѣвомъ берегу рѣки, въ дельтѣ Тоды, лежитъ хотя и не столь обширная, но сама по себѣ все же громадная, восточная половина города. Имя этой рѣки—Сумида или Сумида-гава, но чаще всего зовутъ ее просто О-гавой, то-есть большою рѣкой (*гава*, рѣка); она составляетъ правый рукавъ рѣки Тоды и впадаетъ въ Тоокійскій заливъ, омывающій вогнутымъ полукругомъ южные предѣлы обѣихъ половинъ громаднаго города, который дѣ-

лится на 15 больших частей или округов, подразделяемых в свою очередь на множество меньших участков и кварталов, носящих каждый свое особое название. Чтобы соединить все части города с его центром, где помещается главное городское полицейское управление, потребовалось 200 миль (или 350 верст) телеграфной проволоки. Уже по одному этому можете судить каковы здешние концы и расстояния. Словом, «дистанция огромного размера». Шесть больших мостов на сваях соединяют западную половину города с восточною. Начиная с севера, мосты эти носят названия: Оскю, Адзума, Юмайя, Рюгоку, Син-о-хаси и Гетай; к каждому имени добавляется еще слово *башй* или *басй*, что значит мост.

Займемся сначала западною половиною и постараемся понагляднее сдѣлать ея краткій очеркъ. Почти въ центрѣ, но нѣсколько ближе къ устью О-гавы, находится невысокій, продолговатый отъ юга къ северу холмъ, до восьми верстъ въ окружности, со всѣхъ сторонъ опоясанный широкимъ проточнымъ каналомъ, коего берега и внутренніе высокіе откосы облицованы грубо стесаннымъ камнемъ. Эта цитадель, внутри которой помещались два дворца: Озори, гдѣ жилъ *сеунъ* и Низю, принадлежавшій его наслѣднику. Въ первомъ изъ нихъ послѣ переворота 1868 года поселился было микадо, но оба дворца сгорѣли во время страшнаго пожара 3 апрѣля 1872 года, когда огонь истребилъ въ ближайшей окружности болѣе пяти тысячъ домовъ и не оставилъ въ цитадели ничего, кромѣ каменныхъ стѣнъ и башенъ¹⁾. Въ юго-западномъ концѣ ея находится отдѣленный особою внутреннею стѣною дворъ, гдѣ при *сеунахъ* помещалось *Городжю*, зданіе государственнаго совѣта. Каналъ Тамори-ике, въ изобиліи наполненный роскошными цвѣтами лотоса, замѣняетъ для цитадели ровъ, а его внутренніе откосы служатъ ей валами, гдѣ поверхъ высокаго каменнаго фундамента насыпаны земляные брустверы; скаты ихъ облицованы вѣчно зеленымъ дерномъ, а на гребнѣ и вдоль валганга красуются двойнымъ рядомъ аллеи роскошныхъ сосенъ, кедровъ, дубовъ и кленовъ, посаженныхъ еще великимъ Тайко-сама (1598 года). Черезъ каналъ перекинуто въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько приспособленныхъ къ обзору мостовъ; углы же и выступы цитадели

фланкируются четырехугольными каменными башнями японскаго стиля. Каждая башня строена въ три яруса, одинъ нѣсколько меньше другого, которые отдѣляются другъ отъ друга выступами черепичныхъ кровель со вздернутыми наугольниками. Тутъ же, въ самой цитадели, при бывшихъ дворцахъ, находится императорскій садъ Фули-яджи, разведенный въ народномъ вкусѣ тѣмъ же Тайко-сама и замѣчательный множествомъ рѣдкостныхъ растений. Эта цитадель, со всемъ что заключается внутри ея, носитъ названіе *Си о* (замокъ), коему въ официальномъ языкѣ всегда предшествуетъ для пущей важности словцо *О-о*, то-есть великій замокъ.

Эспланаду цитадели опоясываетъ неправильнымъ кругомъ другой большой и тоже наполненный лотосами каналъ, по имени *Чори* или *Канда-гива*, берущій начало изъ О-гавы, у моста Рюгоку, и выходящій ниже ея устья въ Тоокійскій заливъ. Откосы его точно также облицованы дикимъ камнемъ и дерновые валы ихъ служатъ для цитадели вѣншею оборонительною линіей. Территорія, лежащая между этими двумя каналами называется *Сото-Сиро* и занимаетъ площадь въ двѣнадцать квадратныхъ верстъ и около шестнадцати верстъ въ окружности; средняя же ширина ея отъ канала до канала около полуторы версты. Во времена *сеуновъ* она была наполнена *ясками* или *ясками*, то-есть дворцами феодальныхъ князей, придворныхъ вельможъ и министровъ, составляя самую аристократическую и въ то же время военную часть Іеддо; но теперь эти *яски* обращены болѣею частью въ казармы, школы и другія правительственныя и общественныя учрежденія, такъ что ни одна изъ нихъ, за исключеніемъ своихъ наружныхъ прямоугольныхъ оградъ, не даетъ уже понятія о вельможныхъ жилищахъ временъ *сеуновъ*. Ограды же эти представляютъ собою длинныя, сомкнутыя въ квадратное каре, сараеобразныя и вовсе некрасивыя съ виду помѣщенія на высокомъ бетонномъ фундаментѣ, съ низкимъ деревяннымъ верхомъ, подъ тяжелою сѣрочереничною кровлей. Рѣдкія, широкія и низковатыя окна, выходящія на улицу, всегда загорожены черными, прямыми рѣшетками, тѣмъ напоминаютъ не то тюрьму, не то кавалерійскую конюшню. И только одинъ затѣйливо рѣзкой выступъ фронтона надъ тяжелыми, съ желѣзною оковкой, воротами посерединѣ передней стѣны нѣсколько ранообразитъ скучную архитектурную монотонность этихъ построекъ, гдѣ обыкновенно помещались конюшни и казармы собственной надворной гвардіи владѣтельнаго князя. Самые дворцы были заключены внутри этихъ оградъ и оставались невидимы снаружи для посторонняго глаза, а въ этихъ-то дворцахъ и сосредоточивалось все великолѣпіе княжеской обстановки.

¹⁾ Послѣ пожара, когда императору были представлены смѣта и планъ для сооруженія новаго дворца, то онъ отказался утвердить ихъ, сказавъ, что самъ онъ можетъ легко обойтись и безъ дворца, деньги же для него предназначаемы г раздо нужнѣе теперь государственному казначейству на болѣе важныя потребности. Слова эти, повторяемыя японцами и доселѣ, какъ лучшая характеристика микадо, доставили ему въ то время громадную популярность.

Восточная часть Сото-Сиро примыкает къ берегу О-гавы въ ея нижнемъ теченіи, а также и ко взморью. Она изрѣзана въ разныхъ направленіяхъ цѣлою сѣтью проточныхъ каналовъ, принадлежащихъ къ системѣ Тамори-ике и впадающихъ частью въ О-гаву, частью въ море. Англичане по справедливости назвали се тоокійскимъ City, такъ какъ здѣсь сосредоточиваются лучшіе магазины, банкирскіе дома, конторы и вообще высшая торговля. Весь округъ Сото-Сиро подраздѣляется на нѣсколько участковъ, какъ-то: Даймю-Кодзи, Суруга, Бандзю, Сакурада, Цукиджи, примыкающій непосредственно къ морю, и другіе.

Къ сѣверу, западу и югу отъ Сото-Сиро, уже видѣ валовъ, залегаетъ Мицу, самая обширная часть западной половины города, занимающая площадь въ 50 верстъ квадратныхъ и около 42 верстъ въ окружности. Это наиболѣе населенная, ремесленная и торгово-промышленная часть Тоокіо, представляющая смѣсь самыхъ оживленныхъ и чуть не рядомъ съ ними самыхъ пустынныхъ улицъ то городского, то сельскаго характера, гдѣ вы встрѣчаете множество храмовъ, парковъ, садовъ, огородовъ и даже рисовыхъ полей.

Я уже упоминалъ о большой государственной дорогѣ, пролегающей черезъ весь Ниппонъ съ юга на сѣверъ. Южная половина ея отъ Внутренняго моря до Тоокіо называется *Токаидо* (Восточная дорога), а сѣверная, отъ Тоокіо до Сунгарскаго пролива, *Оскіо* или *Осиюкаидо* (Сѣверная дорога). Она же проходитъ и черезъ самый городъ, прорѣзывая восточныя части Мицу и Сото-Сиро, подѣляя общими именемъ О-дори, или Большой улицы, которая въ свою очередь подраздѣляется на нѣсколько участковыхъ названій, какъ-то: Гинза, Нихомъ-баси-тоори, Муромати и Сензю. Собственно Токаидо кончается на площади, гдѣ нынѣ стоитъ зданіе дебаркадера желѣзной дороги, передъ Синъ-баси (мостъ на каналѣ Кандагава), но считается, что продолженіе ея подѣломъ Гинзы и Нихомъ-баси-тоори достигаетъ до моста *Нихонъ* или *Ниттонъ* (на одномъ изъ каналовъ Тамори-ике, прорѣзывающихъ Сото-Сиро), который принимается за географическій центръ Японіи *). По ту сторону Ниппонъ-баси уже начинается Оскіо-каидо, первый участокъ коей носитъ названіе Муромати.

Гинза — это Тверская улица или Невскій проспектъ Тоокіо; она достаточно широка, прекрасно шоссирована, освѣщена газомъ и отличается широкими каменными тротуарами, вдоль которыхъ тянутся аллеи гнѣстныхъ деревьевъ.

*) Всѣ маршрутные разстоянія въ государствѣ исчисляются отъ Ниппонъ-баси, по каковому расчету высчитываются путевыя деньги для лицъ и воинскихъ частей, командируемыхъ изъ Тоокіо въ разные пункты государства по дѣламъ службы.

На Гинзѣ теперь уже не мало каменныхъ домовъ европейскаго характера; нѣкоторыя зданія устроены съ аркадами, какъ у насъ Гостиный дворъ. Здѣсь сосредоточены лучшіе магазины и лавки, изъ коихъ многіе отличаются даже роскошью своихъ выставокъ; одни изъ нихъ торгуютъ японскими произведеніями, другіе европейскими и американскими товарами. На вывѣскахъ рядомъ съ японскимъ повсюду господствуетъ англійскій языкъ, это тотъ истинный *волатокъ* земного шара. Тутъ вы встрѣчаете японскій и европейскій фарфоръ и фаянсъ, причемъ послѣдній поддѣлывается подѣ японскій рисунокъ, для лучшаго сбыта; встрѣчаете жестяную и поливчато-желѣзную кухонную посуду со всѣми ея принадлежностями, мебель и прочіе предметы домашней обстановки и роскоши; магазины мѣдныхъ, стальныхъ, каучуковыхъ, кожаныхъ и чемоданныхъ издѣлій, лавки ювелирныхъ и серебряныхъ вещей, мастёрскія часовщиковъ, магазины европейскихъ шляпъ и готоваго платья и т. п. Между прочимъ, тутъ же находятся пять или шесть книжныхъ лавокъ, гдѣ, сверхъ громаднаго выбора японскихъ книгъ, можно найти разныя изданія на европейскихъ языкахъ и въ томъ числѣ на русскомъ. Хозяева этихъ лавокъ исключительно японцы. Вдоль всей О-дори (Большой улицы) ходятъ общественные дилижансы, въ которыхъ возятъ за баснословно дешевую цѣну, — что-то въ родѣ трехъ центовъ за весь конецъ; но пользоваться ими могутъ развѣ очень досужіе люди, потому что разбитыя клячи, запряженныя въ эти неуклюжія желтыя кареты, ползутъ съ ними точно смоченныя дождемъ осеннія мухи. Сѣверный конецъ Муромати вливается въ ярмарочную площадь Ямаста, лежащую въ сѣверной части Мицу, предъ холмами Уэнно, гдѣ находится обширный, прекрасный паркъ, и затѣмъ, прорѣзавъ этотъ паркъ великолѣпною кленовою аллеею, Большая улица, уже подѣ именемъ Сензю, выходитъ къ Сѣверному мосту (*Оскіо-баси*) на Сумида-гавъ и далѣе идетъ на сѣверъ подѣ своимъ общимъ названіемъ Сѣверной дороги (*Оскіо-каидо*).

Въ южной части города находятся лѣсистыя холмы Шiba или Сiba, на которыхъ также разведенъ обширный старорослый паркъ, вмѣщающій въ себѣ, подобно парку Уэнно, разныя храмы и намогильные мавзолеи *сѣгунотэ*.

Мицу дѣлится на нѣсколько частей, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны: на сѣверо-востокѣ Асакса-Окурамая; далѣе къ сѣверу — Асакса-Имато и въ ней знаменитый кварталъ куртизанокъ Юшивара, огражденный даже особою стѣной словно отдѣльный городъ; въ углу самой излучины рѣки лежатъ Инака и Сензю; къ западу отъ Асаксы находится Стайя и паркъ Уэнно, а за ними начинаются уже сѣверо-западные части: Аска-Яма, Оджи-Инари и другія примыкающія къ большой западной до-

рогъ Кисо-Капто, иначе называемой Нака-Сендо; на западъ лежатъ Коисикава и Усигоме; на юго-западъ—Мегуро, Акасака, Ао-Яма и другія, и наконецъ на югъ—Сибя, Таканава и Синагава; послѣднія двѣ примыкаютъ своими восточными окраинами къ морю. Кромѣ того, вправо отъ Сия-Ваши, между Гинзю и моремъ, въ сосѣдствѣ съ устьемъ О-гавы, лежатъ совершенно отдѣленный и пересѣченный каналами кварталъ Цукиджи, гдѣ съ 1869 года дозволено селиться европейцамъ; а къ юго-западу отъ него, въ двухъ довольно большихъ очерченныхъ каналами и морскимъ берегомъ четырехугольникахъ, находятся морское министерство съ морскимъ училищемъ и лѣтній императорскій дворецъ Гаматогенъ съ большимъ прекраснымъ садомъ.

Сѣверныя части Мицу, то-есть обѣ Асаксы, Инака, Уэино и Йошивара посвящены многочисленнымъ храмамъ и разнымъ увеселительнымъ мѣстамъ городского и сельскаго характера, которыя въ совокупности занимаютъ площадь въ $4\frac{3}{4}$ квадратныхъ миль. Западная часть города заключаетъ въ себѣ пятьдесятъ храмовъ и значительное число дворянскихъ домовъ; а южная, на пространствѣ $17\frac{1}{2}$ квадратныхъ миль, около шестидесяти храмовъ. Вообще храмы въ Тоокіо надо считать сотнями.

Перейдемъ теперь въ восточную или зарѣчную половину города, которая лежитъ въ дельтѣ между двумя рукавами рѣки Тоды: Сумидагавой (О-гава тожъ) и Ноко-гавой. Она дѣлится на три главнѣйшія части или округа: на сѣверъ—Сумидагава-Мукостима, южнѣе въ центрѣ—Хонджо, еще южнѣе, у самаго взморья—Фукагава. Всѣ зарѣчныя части искрещены вдоль и поперекъ судоходными каналами, идущими большею частію параллельно другъ другу, благодаря чему восточная половина Тоокіо, а Хонджо и Фукагава въ особенности разбиваются на правильные, преимущественно прямоугольные кварталы, соединенные между собой частію новѣйшими, прямыми, частію горбатыми, прежней характерной постройки, мостами.

Округъ Сумидагава-Мукостима отличается совершенно сельскимъ характеромъ. Онъ преимущественно снабжаетъ столичные рынки всевозможными огородными овощами и плодами. Здѣсь разбросано не мало весьма обширныхъ садовыхъ заведеній и фруктовыхъ питомниковъ, которые придаютъ Мукостимѣ большую прелесть раннею весной, когда всѣ эти камелии, азалии, груши, вишни, персики и слыва пышно покрываются цвѣтомъ со множествомъ нѣжныхъ оттѣнковъ, отъ густо-пунцоваго до блѣдно-розоваго и свѣжно-бѣлаго, такъ что издали кажется, будто цѣлая купы деревъ окрашены сплошь въ одинъ какой-либо колеръ: одѣвъ стоятъ точно покрытыя пурпуромъ, другія словно свѣгомъ, и оно въ особенности

эффектно тѣмъ, что на фруктовыхъ деревьяхъ въ это время почти нѣтъ еще зелени. На японскихъ раскрашенныхъ картинкахъ зачастую встрѣчаются изображенія сельскихъ видовъ раннею весной, гдѣ кисть рисовальщика сплошь прогулялась по цѣлымъ рощамъ одною розовою краскою, или карминомъ, или же оставила ихъ совершенно нетронутыми, бѣлыми. Не видавшимъ японской весны во-очію это кажется невозможнымъ, фантастическимъ, или же дѣтскимъ наивнымъ пріемомъ неумѣлаго рисовальщика; а между тѣмъ рисовальщикъ совершенно вѣренъ природѣ и точно воспроизводитъ общее впечатлѣніе, оставляемое видомъ японскихъ садовъ весной. Благодаря обилію садовъ, огородовъ и рисовыхъ плантацій, въ Мукостимѣ пріютилось множество чайныхъ домиковъ, разбросанныхъ по берегамъ О-гавы и каналовъ, равно какъ и въ самыхъ садахъ и бамбуковыхъ рощахъ. Японецъ чутко любитъ природу и въ созерцаніи ея прелестей ищетъ себѣ лучшаго отдохновенія; поэтому онъ идетъ наслаждаться ею въ чайный домъ, всегда построенный на избранномъ пунктѣ такъ, чтобы у посетителя, сверхъ угощенія, болѣе всего удовлетворялось чувство изящнаго.

Второй зарѣчный округъ, Хонджо, носить совсѣмъ уже другой характеръ. На берегу О-гавы набережная Хонджо простирается между мостами Адзума и Рюгоку, и съ нея открывается одинъ изъ лучшихъ тоокійскихъ видовъ на противоположный берегъ Асаксы, покрытый садами, изъ-за которыхъ выглядываютъ массивныя кровли храмовъ и высокая, оригинальная башня буддійской пагоды. Хонджо вмѣстѣ съ Фукагавой имѣетъ въ окружности до четырнадцати верстъ, изъ коихъ около десяти приходится на долю перваго. Площадь обѣихъ этихъ частей равняется двѣнадцати квадратнымъ верстамъ; изъ нихъ три заняты садами, пять домами стараго дворянства, полторы храмами, полторы казенными верфями и укрѣпленіями и одна обывательскими постройками. Главнѣйшій элементъ населенія Хонджо составляютъ ремесленники, снабжающіе Тоокіо лаковыми, столярными, желѣзно-кухонными, гончарными, фарфоровыми и скульптурными издѣліями. Тутъ же находятся нѣсколько бумажно-ткацкихъ и шелковыхъ фабрикъ, красильня и бѣлиленъ, заведеній корзиннаго и цинопочнаго производства и мастерскихъ для выдѣлки колонковыхъ кистей, употребляемыхъ при письмѣ и рисованіи, а также нѣсколько черепичныхъ и кирпичныхъ заводовъ. Что до дворянскихъ домовъ на Хонджо, то всѣ они принадлежатъ представителямъ старой сѣгунальной аристократіи. Это своего рода Сенъ-Жерменское предместье, гдѣ живутъ совершенно замкнуто, не имѣя ничего общаго ни съ нынѣшнимъ дворомъ, ни съ правительствомъ. Изъ сорока храмовъ Хонджо болѣе

всѣхъ замѣчательнѣйшій Гойяка-Лаганъ или, иначе, Гойя-Роконъ Канджэ, храмъ «Пятисотъ роконовъ» (святыхъ) буддійской религіи.

Фукагава, изрѣзанная въ разныхъ направленіяхъ каналами, питающими множество небольшихъ прудовъ, обладаетъ преимущественно рыбачьимъ и вольноматросскимъ населеніемъ. Для рыбныхъ промышленниковъ эти прудки служатъ садками, изъ которыхъ продукты морского лова доставляются живьемъ на городскіе рынки. Здѣсь находятся большія рыбосушильни и балыковныя заведенія, гдѣ между прочимъ заготавливаются въ прокъ шримпсы, каракатицы, тренанги, а также фабрикуется рыбій жиръ, рыбій клей и поддѣльные ласточки гнѣзда, вывозимыя въ большомъ количествѣ въ Китай; матеріаломъ для сего послѣдняго съдобнаго фабриката служатъ какія-то водоросли. Фукагава же снабжаетъ весь городъ рыбными сосисками, однимъ изъ любимѣйшихъ лакомствъ простонародья. Кромѣ того, тутъ же главнѣйшимъ образомъ выдѣлывается такъ называемая *абура-ками*—плотная, пропитанная масломъ бумага, которая идетъ въ лавки на обертку товаровъ, также какъ и на устройство дождевыхъ зонтиковъ, большихъ фонарей, фордековъ для *дженерикшей* и на многія другія поддѣлки, до непромокаемыхъ плащей для рабочаго люда включительно. Многія мастерскія занимаются выдѣлкой изъ дерева щетокъ, зубчистокъ и палочекъ *гази*, употребляемыхъ вмѣсто нашихъ столовыхъ вилокъ; многія выдѣлываютъ разныя рыбачьи принадлежности, сачки и невода, лозниковыя корзинки и верши, не мало встрѣчается тоже бочарныхъ, корабельныхъ и ящичныхъ издѣлій. На улицахъ и площадяхъ Фукагавы вѣчно толчется черно-рабочій людъ, такъ какъ здѣсь въ нѣкоторомъ родѣ главная его биржа, съ которой онъ занимается артелями и порознь на разныя поденныя работы; тутъ и пыльщики, и каменьщики, и землекопы, носильщики, плотники и пр. Промежъ этого люда встрѣчается множество всевозможныхъ бродячихъ ремесленниковъ въ родѣ лудильщиковъ и мѣдниковъ, трипичниковъ и продавцовъ носильнаго платья, которые въ то же время и скупщики поношеннымъ вещей. Но всего типичнѣе между ними бродячіе портные и башмачники, которые тутъ же, на улицѣ, занимаются починкой носильнаго платья и исправленіемъ соломенной и деревянной обуви прямо съ плечъ и съ ногъ. Каждый нуждающагося въ ихъ услугахъ. Тутъ же бродятъ уличные рассказчики, импровизаторы, фокусники и жонглеры, между коими не мало цыганъ.

Восточная половина Фукагавы, примыкающая къ Нокогавѣ, лѣвому рукаву Тоды, занята преимущественно садами и рисовыми плантаціями, а на ея приморскомъ берегу находятся большіе склады бамбука и лѣсныхъ

матеріаловъ. Въ Фукагавѣ насчитывается до тридцати различныхъ храмовъ синтоского и буддійскаго исповѣданій, изъ коихъ послѣдователи перваго въ особенности чтутъ міа-Теманго и міа-Хатчпмана, а буддисты—храмъ Санзю-оангенъ-доо, въ сущности пребезобразный, такъ какъ онъ имѣетъ видъ очень длиннаго деревяннаго сарая подъ сѣрою кровлей, построеннаго на деревянныхъ же подмосткахъ и покрытаго малиновой краской.

Между Фукагавой и кварталомъ Цукиджи, въ самомъ устьѣ Сумидагавы, лежатъ небольшой островокъ Ицикана, около полторы версты въ окружности. Сѣверную часть его занимаетъ адмиралтейство, гдѣ находятся сухой докъ для судовъ до 800 тоннъ, мастерскія и три эллинга для постройки деревянныхъ шкунъ и бриговъ, а въ южной части устроена каторжная тюрьма; отдѣленная со всѣхъ сторонъ каналомъ и извѣстная подъ названіемъ Іешиба, гдѣ заключенные, кромѣ государственно-общественныхъ работъ, занимаются еще въ стѣнахъ самой тюрьмы обжиганіемъ древеснаго угля и выдѣлкой кунджутнаго масла.

Такова въ общихъ чертахъ топографія Тоокіо. Наибольше красивыя мѣста этого города находятся въ сѣверной и западной частяхъ его, окруженныхъ цвѣтущими холмами, откуда открывается превосходный видъ на дальнія горы Гаконе, среди которыхъ возвышается серебряный конусъ Фузи-ямы.

Населеніе Тоокіо, по переписи 1879 года, простиралось до 1.101.496 человекъ и въ томъ числѣ 565 иностранцевъ, изъ коихъ 449 состояли на японской службѣ, по договору съ правительствомъ; но съ того времени число ихъ уже значительно уменьшилось, такъ какъ правительство не возобновляло съ ними контрактовъ.

Я уже сказалъ, что число храмовъ въ Тоокіо надо считать сотнями; то же самое относится и до школъ, которыхъ насчитывается здѣсь 830, а учащихся въ нихъ до 70.000 обоаго пола. Народное образованіе въ Японіи реорганизовано по европейскому образцу лишь въ 1870 году, и первые опыты въ этомъ отношеніи были такъ успѣшны, что на Парижской выставкѣ 1878 года Японія была присуждена за школьное дѣло первая премія. Уже въ то время въ однихъ приготовительныхъ школахъ насчитывалось свыше 30.000 учениковъ; теперь же тамъ имѣется 160 гимназій и 80 учительскихъ семинарій, а въ самомъ Тоокіо кромѣ военныхъ училищъ, гражданскихъ гимназій и начальныхъ школъ, есть еще университетъ съ четырьмя факультетами, медицинская и хирургическая академія, высшая нормальная школа для дѣвицъ, высшая школа иностраннаго языкознанія, гдѣ преподаются англійскій, нѣмецкій, русскій и французскій языки, инженерная школа при министерствѣ

публичныхъ работъ, сельско-хозяйственная школа, состоящая въ вѣдѣніи министерства земледѣлія, коммерческое училище, высшее техническое училище, школа изящныхъ искусствъ и нѣсколько ремесленныхъ и разныхъ профессиональныхъ школъ, состоящихъ подъ контролемъ министерства народнаго просвѣщенія, не говоря уже о духовныхъ школахъ при буддійскихъ монастыряхъ и храмахъ и объ особыхъ еще школахъ при христіанскихъ миссіонерскихъ учрежденіяхъ. При университетѣ состоятъ 90 профессоровъ, изъ коихъ только 14 человѣкъ иностранцы, а студентовъ на всѣхъ факультетахъ числится 1.600 человѣкъ.

Несомнѣнно, что въ зависимости отъ развитія народнаго просвѣщенія находится и развитіе національной журналистики, которое, начавшись съ 1869 года, идетъ здѣсь съ необычайной быстротой такъ, что въ настоящее время не найдется въ Японіи большого города, гдѣ не издавалось бы нѣсколькихъ газетъ и журналовъ. Въ самомъ Токио выходитъ ихъ на японскомъ языкѣ до сорока названій, между которыми выдающееся значеніе имѣютъ четыре газеты: *Ниси ниси шимбунъ*, *Гоши шимбунъ*, *Чйя шимбунъ* и *Акебонъ-шимбунъ*. Тоокійскія артистки (пѣвицы и балерины) основали свой журналъ *Чочо-шимбунъ* (Сообщительная Бабочка), редакція коего поручена ими балеринѣ Декокуи Озомѣ. Драматическая труппа Сибайи, лучшаго національнаго театра въ столицѣ, имѣетъ также свой органъ *Текіе шимбунъ* (Театральныя Извѣстія). Мало того, даже юшиварскіи и иные куртизанки завели свою специальную иллюстрированную газетку *Тери шимбунъ*, а журналы *Томи-ури* и *Канайоми шимбунъ* специально заняты «женскимъ вопросомъ» и ведутъ пропаганду эмансипаціи женщинъ, хотя эти послѣднія находятся въ Японіи вовсе не въ угнетенномъ и не въ безправномъ положеніи. Не мало выходитъ здѣсь и разныхъ юмористическихъ и сатирическихъ листовъ, стрѣлы коихъ направляются частію на европейцевъ, частію на политическихъ противниковъ, въ особенности на людей прежняго режима, а больше на разные общественныя слабости и недостатки; но ни одинъ изъ этихъ листовъ не пользуется въ обществѣ сколько-нибудь серьезнымъ значеніемъ. Вообще, во всемъ этомъ журнальномъ движеніи ужасно много подражательности европейцамъ и, какъ кажется, безо всякой къ тому надобности. Общій недостатокъ японскихъ газетъ заключается въ томъ, что типографскій наборъ ихъ, при неудобномъ алфавитѣ, требуетъ слишкомъ много времени, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ не успѣваютъ помѣщать даже телеграммъ, а иногда и текущей городской хроники. Это неудобство въ особенности испытываютъ нѣкоторые серьезные изданія, печатаемые символическими знаками, коихъ для большого органа требуется

не менѣе 50.000 (разумѣется, во многихъ экземплярахъ), а 30.000 изъ нихъ находятся въ постоянномъ употребленіи. Такое положеніе заставляеть журналистовъ склоняться въ пользу замѣны не только символической системы, но и *каттуканы* съ *широканой* просто латинскимъ алфавитомъ съ нѣкоторыми дополненіями, и многіе изъ редакторовъ уже усиленно пропагандируютъ пользу этого нововведенія.

Сегодня (14 декабря), пользуясь воскреснымъ днемъ и превосходной погодой, мы отправились къ обѣднѣ въ церковь русской духовной миссіи, а по окончаніи литургіи посѣтили преосвященнаго Николая.

Русская духовная миссія находится въ сѣверной части округа Сото-Сиро, въ мѣстности Суруга-дай (дай—гора), и занимаетъ вершину холма прилегающаго своимъ сѣвернымъ склономъ къ каналу Чори (Канда-гава). Въ настоящее время миссія помѣщается въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, гдѣ находится и церковь. Около этого главнаго дома, въ зелени деревьевъ, вѣтятся по склонамъ и подъ горой нѣсколько деревянныхъ японскихъ построекъ, гдѣ помѣщаются разные состоянія при миссіи учрежденія. На площадкѣ, близъ главнаго дома, отведено мѣсто для постройки большого соборнаго храма, къ которой будетъ приступлено какъ только соберется достаточное число добротныхъ пожертвованій изъ Россіи и отъ мѣстныхъ православныхъ христіанъ. Нынѣшняя церковь не велика; она домашняя, помѣщается въ верхнемъ этажѣ и не можетъ вмѣстить всей тоокійской паствы. Богослуженная утварь и церковныя принадлежности доставлены ей изъ Россіи; вообще обстановка ея далеко не блещетъ роскошью, но вполне прилична: церковь чистенькая, свѣтлая, иконостасъ бѣлый съ золочеными карнизами, мѣстныя иконы современнаго письма, безъ окладовъ. Литургію совершалъ на японскомъ языкѣ молодой іеромонахъ, отецъ Владиміръ Соколовскій, съ діакономъ японцемъ; хоръ составленъ изъ юношей, мальчиковъ и дѣвочекъ, учащихся въ нашей миссіонерской школѣ; поютъ они очень стройно обыкновеннымъ церковнымъ напѣвомъ, безъ такъ называемаго «потнаго или «партеснаго» пѣнія, читаютъ отчетливо, внятно, а не такую скороговорку, какъ наши дѣлчки, лишь бы «отмахать» поскорѣе. Церковь была полна прихожанъ, исключительно японцевъ, въ ихъ національныхъ костюмахъ. Мужчины занимали правую половину церкви, женщины лѣвую; они чинно наполнили ее еще до начала «часовъ», и ни одинъ человѣкъ не опоздалъ, — вотъ что замѣчательно. Трөгательно также было видѣть общее ихъ благоговѣйное отношеніе къ самому священнодѣйствію, ихъ благочестивое, строго сосредоточенное на немъ вниманіе; крестятся

всѣ они истово по правиламъ, а не болтаютъ кое-какъ рукою по груди, кланяются не иначе какъ въ поясѣ, а при маломъ и большомъ выходахъ, при молитвѣ на эктениі за микадо, равно во время чтенія Евангелія и пѣнія Молитвы Господней и, наконецъ, при явленіи св. Даровъ причастникамъ, вся церковь, какъ одинъ человѣкъ, опускается на колѣни и склоняется ницъ. Предъ причастнымъ стихомъ вышелъ на амвонъ епископъ Николай въ обыкновенной рясѣ, и сказалъ проповѣдь безъ аналой и безъ тетрадки, а просто, какъ Богъ положилъ ему на сердце, — и чувствовалось намъ, не понимая даже языка, что говоритъ онъ ото всего сердца, мирно, любовно и какъ человѣкъ глубоко убѣжденный, глубоко вѣрующій во Христа и въ дѣло своей миссіи. Это была простая поучительная бесѣда какъ бы отца со своими дѣтьми, а владѣетъ онъ японскимъ языкомъ превосходно, рѣчь его льется плавно, свободно и всецѣло доходитъ слушателямъ до сердца, насколько можно было судить по впечатлѣніямъ отражавшимся на ихъ лицахъ. Съ появленіемъ епископа на амвонѣ, всѣ они опустились на колѣни и слушали проповѣдь сидя японски на пяткахъ, какъ бы отдыхая отъ продолжительнаго предъ тѣмъ стоянія. При выносѣ св. Даровъ, въ числѣ причастниковъ оказалась почти вся церковь, и такъ бываетъ каждую воскресную литургію. Юная вѣтвь православной церкви Христовой напоминаетъ въ этомъ отношеніи времена апостольскія, времена первыхъ вѣковъ христіанства съ ихъ глубокою вѣрой, братскою любовью и единеніемъ. И какъ всѣ члены этой пасты видимо любятъ своего первоучителя и просвѣтителя! Какое искренне теплое и дѣтски довѣрчивое чувство къ нему написано на ихъ лицахъ, свѣтится въ ихъ обращенныхъ на него взорахъ!.. Видя, все это, невольно проникаешься сознаніемъ величія и благотворности принятаго имъ на себя подвига и невольно шепчутъ уста: Помози ему, Господи!

Въ настоящее время въ самомъ Токио есть уже четыре православныя церкви: одна при миссіи, другая при русскомъ посольствѣ, третья въ Сиба, въ улицѣ Коодзимаци и четвертая въ Ницумѣ. Въ двухъ послѣднихъ приходяхъ настоятелями состоятъ священники-японцы, изъ нихъ же въ особенности замѣчательнъ отецъ Павелъ Савабѣ. Его личная исторія такъ поучительна и такъ тѣсно связана съ исторіей возникновенія православной церкви въ Японіи, что я позволю себѣ вкратцѣ передать ее моему читателю.

По окончаніи курса въ духовной академіи, отецъ Николай былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и отправленъ въ Японію, на службу при русскомъ консульствѣ, которое пребывало тогда въ Хакодате, главномъ городѣ острова Матсмая (Иессо или Эзо). Въ этомъ же городѣ

проживалъ со своимъ семействомъ жрецъ главной городской синтоской *мѣи*, Савабѣ-санъ, человѣкъ стараго дворянскаго рода, пользовавшийся по своему уму и родovitости большимъ почетомъ и влияніемъ въ своей мѣстности и получавшій значительные доходы отъ ихъ богоугодныхъ приношеній. Жизнь его была исполнена довольства и счастья; семья его радовала, молодая красивая жена любила его всею душой; шестилѣтній сынъ подавалъ большія надежды по своимъ способностямъ и уже отлично учился грамотѣ. Савабѣ-санъ былъ знакомъ съ нашимъ консуломъ І. А. Гошкевичемъ и посѣщалъ его довольно часто, причѣмъ встрѣчался съ нимъ и отецъ Николай, но, видя постоянно холодный взглядъ и гордые манеры этого японца, не искалъ съ нимъ сближенія; а тотъ, какъ жрецъ національнаго культа Камми, считалъ себя въ правѣ относиться свысока къ представителямъ всѣхъ остальныхъ «заблуждающихся» религій. Но вотъ однажды Савабѣ вздумалъ самъ вступить съ отцомъ Николаемъ въ разговоръ съ нарочною цѣлью выказать свое презрѣніе и ненависть къ христіанской вѣрѣ. Отецъ Николай спокойно принялъ этотъ вызовъ и еще спокойнѣе отвѣчалъ на всѣ рѣзкія замѣчанія и насмѣшливыя возраженія своего противника, разъясняя ему основныя христіанскаго ученія. Первая бесѣда ихъ была довольно продолжительна, и чѣмъ дольше она длилась, тѣмъ серьезнѣе и задумчивѣе становился языческій жрецъ и, къ удивленію отца Николая, обратился наконецъ къ нему съ просьбой продолжить и на другой день эту бесѣду. Въ слѣдующій разъ онъ былъ уже тихъ и мягокъ, видимо заинтересовавшись такими сторонами новаго для него ученія, какихъ онъ и не подозрѣвалъ дотошъ. Взявъ кисть и бумагу, Савабѣ тщательно записывалъ себѣ все, что говорилъ ему отецъ Николай, избравшій предметомъ второй бесѣды исторію Ветхаго Завета. Дальнѣйшія бесѣды слѣдовали у нихъ изо дня въ день, причѣмъ Савабѣ все менѣе и менѣе дѣлалъ возраженій и все болѣе записывалъ для себя замѣтки. Такъ тянулось у нихъ это дѣло нѣсколько мѣсяцевъ. Предъ отцомъ Николаемъ воочію совершался процессъ перерожденія человѣка къ новой жизни, а въ то же время начинался для этого перерождаемаго и другой процессъ самыхъ тяжкихъ испытаній. Замѣчательно, что какъ только Савабѣ безъ предубѣжденія и злобы сталъ прилежнѣе вникать въ истину и духъ христіанскаго ученія, на него одна за другою посыпались всяческія бѣды. Началось съ того, что жена его стала обнаруживать признаки помѣшательства и вскорѣ загнѣмъ сошла съ ума безнадежно. Въ то же время и народъ отъ него отшатнулся; прихожане начали укорять его въ небрежномъ исполненіи своихъ жреческихъ обязанностей, и въ городѣ заговорили,

что онъ предался врагамъ Японіи, христіанамъ. Не было той клеветы, какую на него не взводили бы за это время; друзья отъ него окончательно отвернулись, доходы отъ *mia* сильно уменьшились, началась нужда, а затѣмъ вскорѣ сумасшедшая жена, играя огнемъ, сожгла ему домъ. Но онъ все это переносилъ хладнокровно и скорбѣлъ лишь о томъ, что, познавъ грубыя заблужденія язычества, все еще вынужденъ оставаться жрецомъ и совершать всѣ требы своего культа, такъ какъ въ этомъ заключался единственный источникъ существованія его семьи: отказаться отъ него значило пустить ее по-міру. Онъ не могъ даже, несмотря на свое пламенное желаніе, принять крещеніе, такъ какъ послѣ этого ему уже нельзя было бы остаться въ жрецескомъ званіи. Синтоскій культъ допускаетъ наслѣдственность жрецескихъ должностей; поэтому Савабѣ рѣшился наконецъ сдать мѣсто своему семилѣтнему сыну, ради того чтобъ вся семья его могла оставаться на иждивеніи ихъ *mia*, а самъ принять крещеніе и отдаться уже всецѣло на служеніе вѣрѣ Христовой. Тутъ его постигло новое испытаніе: чтобы избавиться отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей, онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ двумя обращенными имъ сотоварищами, переселиться временно на Ниппонъ, гдѣ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Въ то время тамъ кипѣла междоусобная война (въ 1869 году), и Савабѣ былъ принятъ за шпіона противной стороны; но когда недоразумѣніе это разъяснилось и ему удалось возвратиться въ Хакодате, здѣсь надъ его семьей разразилась новая бѣда: новый домъ, только что отстроенный синтоскими прихожанами для его жреца-сына, сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ въ пожарѣ, причиненномъ артиллерійскимъ огнемъ во время междоусобнаго сраженія на Хакодатскомъ рейдѣ между приверженцами *сегуна* и сторонниками *микадо*. Пришлось ему съ семьей поселиться въ тѣсной и темной кладовой близъ *mia*, но 9 октября 1871 года новый пожаръ въ городѣ истребилъ и это помѣщеніе, причемъ несчастная семья едва успѣла выбѣжать въ чемъ была,—все остальное достояніе ея сдѣлалось жертвой пламени. Въ буквально нищенскомъ состояніи, Савабѣ долженъ былъ скитаться по городу, пока наконецъ не нашелъ себѣ въ отдаленномъ предмѣстѣи, на самой окраинѣ города, опустѣлую, полуразрушенную хижину, гдѣ все его семейство разомъ получило сильнѣйшую простуду и ревматизмъ. «Я вижу, писалъ о немъ въ то время отецъ Николай изъ Японіи въ Россію,—я вижу какъ онъ страдаетъ за участь своего сына. Исполненный ревности о Христѣ, напоминающей ревность апостола Павла, высокое имя котораго носить, посвятившій себя безраздѣльно на дѣло призыва ко Христу другихъ людей, онъ въ то же

время, гнетомый неисходною бѣдностью, находить себя вынужденнымъ родного сына своего оставить служителемъ языческихъ боговъ. Какое стеченіе обстоятельствъ!.. Но что я могу сдѣлать? Оказать единовременную помощь, но это ли нужно? Что будетъ если я заставлю Савабѣ за сына отречься отъ кумирни и, пропитавъ нѣсколько времени всѣхъ, окажусь потомъ не въ состояніи исполнить свое слово и оставлю семейство, какъ на зло состоящее изъ старыхъ, малыхъ и больныхъ, буквально умирающихъ голодною смертію?.. Люди за свои полезные труды получаютъ чины, кресты, деньги, почетъ. Бѣдный Савабѣ трудится для Христа такъ, какъ рѣдкіе въ мірѣ трудятся. Онъ весь преданъ своему труду, весь въ своемъ трудѣ, и что его труды не тщетны, свидѣтельствуютъ десятки привлеченныхъ имъ ко Христу. И что же онъ получаетъ за свои труды? Тяжкое бремя скорбей, до того тяжкое, что рѣдкій въ мірѣ не согнулся бы или не сломился бы подъ этою тяжестью! Высочайшею наградой для себя онъ счелъ бы еслибы кто выкупилъ его сына у языческихъ боговъ и отдалъ ему для посвященія Христу. Какая законная награда и какое утѣшеніе было бы труженику, котораго, кромѣ другихъ скорбей, постоянно гнететъ мысль, что, призывая чужихъ ко Христу, онъ оставляетъ родное дѣтище вдали отъ Него заражаться тлетворнымъ воздухомъ кумирни!»

Но не смотря на всѣ испытанія, Савабѣ ни на минуту не падалъ духомъ. Къ нему все болѣе и болѣе стекались съ разныхъ концовъ Японіи алчущіе новой истины, и онъ, до послѣдней крайности нуждаясь самъ, никому изъ нихъ не отказывалъ ни въ пріютѣ у себя, ни въ утѣшеніи и непрестанно проповѣдывалъ слово Христово. Слѣдую за эпопеей всѣхъ постигавшихъ его, одно за другимъ, испытаній, кажется будто языческій пандемоніумъ вдругъ возсталъ на него за одну лишь мысль о Христѣ и опрокинулъ на него чашу всевозможныхъ бѣдъ и несчастій, чтобъ устрашить и заставить его вернуться къ прежней вѣрѣ. Во время гоненія на туземныхъ христіанъ въ февралѣ 1872 года, Павелъ Савабѣ снова былъ схваченъ и посаженъ въ подземелье, откуда рѣдкій выходитъ на утративъ навсегда здоровье. Но Богъ помогъ ему вынести и это испытаніе, которое, къ счастью, было уже послѣднимъ. Японское правительство издало актъ полной вѣротерпимости, послѣ чего освобожденный Павелъ Савабѣ вскорѣ былъ рукоположенъ преосвященнымъ Веніаминномъ, епископомъ Камчатскимъ, во священника. Въ настоящее время онъ, съ семействомъ обращеннымъ ко Христу, безъ особенной нужды живетъ и священствуетъ въ Токио, непрестанно проповѣдуя и распространяя вѣру Христову.

Юная православная церковь японская мужественно выдержала всё воздвигавшіяся на нее невзгоды. Во время февральских гонений 1872 года, власти въ провинціи Сендай и въ Хакодате хватали всёхъ мало-мальски подозрѣваемыхъ въ сочувствіи христіанскому ученію, причемъ многіе чиновники-христіане лишались своихъ мѣстъ и многіе были подвергнуты заключенію въ самыхъ суровыхъ условіяхъ. На слѣдствіи были приводимы къ допросу даже десяти- и двѣнадцатилѣтніе дѣти, которыя, какъ свидѣтельствуєтъ епископъ Николай, поражали своими отвѣтами невѣрующихъ. Хотя между схваченными было еще много некрещенныхъ, но никто изъ нихъ не измѣнилъ предъ угрозами властей своимъ убѣжденіямъ; напротивъ, это гоненіе еще болѣе укрѣпляло ихъ въ вѣрѣ. «Врагамъ Христа, писалъ въ то время отецъ Николай, не было утѣшенія слышать ни даже отъ женъ и малыхъ дѣтей ни одного слова слабодушія и боязни въ исповѣданіи Христа. Гоненіе, видимо, послужило къ славѣ Божіей». Во всемъ этомъ опять-таки невольно чувствуется нѣчто апостольское, нѣчто напоминающее первые вѣка христіанства съ ихъ высокимъ подъемомъ духа и готовностію на всякія жертвы во имя Христово.

Въ настоящее время при миссіи въ Тоокіо имѣются три училища: катехизаторская школа, семинарія для мальчиковъ и женское училище. Въ катехизаторской школѣ, или школѣ благовѣстниковъ, преподаются только богословскія науки и притомъ исключительно на японскомъ языкѣ. Это — школа для взрослыхъ, между коими есть даже сѣдые старики; тѣмъ не менѣе всё они безусловно подчиняются дисциплинѣ и исправно слушаютъ лекціи. По окончаніи двухгодичнаго курса собирается въ миссіи соборъ японскихъ священниковъ и старшихъ проповѣдниковъ, который производитъ слушателямъ серьезный экзаменъ по основному догматическому и нравственному богословію, церковной исторіи, каноническому праву, литургіи и толкованію Священнаго Писанія. Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ намъ отцомъ Владиміромъ, въ катехизаторской школѣ находится 67 слушателей. Преподаютъ тамъ нашъ іеромонахъ-миссіонеръ, отецъ Аватолій, и священникъ-японецъ, отецъ Павелъ Сато, человѣкъ весьма ученый, пѣзучившій всего Конфуція и долгое время находившійся подъ непосредственнымъ образовательнымъ вліяніемъ отца Николая. Кромѣ преподаванія нравственнаго богословія и каноническаго права въ школѣ благовѣстниковъ, онъ же преподаетъ Законъ Божій въ женскомъ училищѣ и исправляетъ требы въ своемъ приходѣ, распространяя въ городѣ свѣтъ христіанскаго ученія при помощи восьми проповѣдниковъ. Женское училище находится подъ вѣдѣніемъ двухъ воспитательницъ-японокъ и

нашей русской миссіонерки, Марьи Александровны Черкасовой, которая трудится теперь надъ основательнымъ изученіемъ японскаго языка и потому не можетъ пока взять на себя преподаваніе. До пятидесяти ученицъ слушаютъ тамъ уроки по общеобразовательнымъ и церковнымъ наукамъ, а преподаютъ имъ отецъ Павелъ Сато, нѣсколько семинаристовъ старшаго возраста и нанятые учителя. Обученіе ведется на японскомъ языкѣ. Мужское училище организовано по типу нашихъ семинарій, но безъ иностранныхъ языковъ, за исключеніемъ коихъ въ немъ проходятся почти всё науки нашего училищнаго и семинарскаго курса. Преподаваніе ведется двумя миссіонерами на русскомъ языкѣ, при помощи старшихъ воспитанниковъ, успѣшно преподающихъ по-русски въ младшихъ классахъ. Исключеніе составляютъ только математика, физика, географія Японіи и китайскій языкъ; учителя по этимъ предметамъ — нанятые японцы, которые поэтому и преподаютъ лекціи по-японски. Масса учениковъ весьма прилежна. По свидѣтельству отца Владиміра, японцы до страсти любятъ учиться, особенно по-европейски; старшіе весьма бойко владѣютъ уже русскимъ языкомъ, часто роняютъ въ бібліотекѣ (которая, кстати сказать, благодаря стараніямъ епископа Николая и его помощниковъ-миссіонеровъ, уже не мала и прекрасно подобрана), берутъ лучшія книги, упражняются въ сочиненіяхъ, переводятъ книги религіознаго содержанія, и какъ переводы такъ и оригинальныя свои сочиненія помѣщаютъ въ *Кеоквай Коци*, то-есть *Церковномъ Вѣстникѣ*, издающемся при нашей духовной миссіи для православныхъ христіанъ Японіи. Этому помогаетъ раннее развитіе японцевъ, а отчасти и вошедшій во внутреннюю жизнь катехизаторской школы и семинаріи обычай собираться всѣмъ по субботамъ въ залу для совѣстнаго обсужденія богословскихъ, научныхъ и жизненныхъ вопросовъ. Отецъ Владиміръ говоритъ, что умственные способности и переимчивость японцевъ замѣчательны и что въ наукахъ они пойдутъ далеко. По развитію русской школы, по его словамъ, мѣшаетъ теперь болѣзнь *какке*, свирѣпствующая между воспитанниками. Это страшная болѣзнь: начиная съ оконечностей ногъ, опухоль и омертвѣніе тѣла постепенно доходятъ до желудка и сердца, и человѣкъ во цвѣтъ силъ умираетъ... Такъ умеръ недавно одинъ ученикъ нашей миссіонерской школы, сынъ японскаго камергера. Единственное лекарство отъ *какке*, это какъ можно скорѣе оставить Тоокіо и переѣхать въ горы, верстъ за двадцать пять отъ столицы; тогда болѣзнь сама собою проходитъ. Она совпадаетъ съ началомъ жаркаго времени года, и, чтобъ избѣжать этой страшной гостыи, ежегодно останавливающей успѣхи учебнаго дѣла, миссія наша

озабочена теперь устройством помѣщенія въ горахъ Одовары, чтобы переводить туда своихъ воспитанниковъ на лѣтніе мѣсяцы, тѣмъ болѣе что это перемѣщеніе соотвѣтствуетъ и религіознымъ нуждамъ православной общины (168 человѣкъ) города Одовары, гдѣ необходимо бороться, нашей школой и съ буддизмомъ, и съ недавно основанною католическою школой.

Число православныхъ христіанъ между японцами достигаетъ нынѣ уже до 9.000 человѣкъ, а чрезъ катехизаторовъ, изъ японцевъ же, православіе съ каждымъ годомъ все болѣе распространяется и внутри страны, въ провинціяхъ недоступныхъ для европейцевъ ¹⁾. Всѣ признаки говорятъ за то, что Японія готова принять свѣтъ евангельской истины. Вотъ что по этому поводу еще въ 1872 году писалъ отецъ Николай въ Россію. «Взгляните на этотъ молодой, кипучій народъ. Онъ ли не достоинъ быть просвѣщеннымъ свѣтомъ Евангелія? Желаніе просвѣщаться, заимствовать отъ иностранцевъ все хорошее, проникаетъ его до мозга костей... Къ вѣрѣ ли одной останется равнодушнымъ этотъ народъ? О, нѣтъ! Съ каждымъ днемъ ко всѣмъ миссіонерамъ, въ томъ числѣ и къ русскимъ, приходятъ новые люди, любопытствующіе знать о Христѣ. Съ каждымъ днемъ число обращенныхъ растетъ. У католиковъ на югѣ только, говорятъ оно возвысилось до восьми тысячъ; у протестантовъ кто сочтетъ число обращенныхъ, когда миссіонеровъ такъ много, средствъ такое изобиліе и когда полъ-Японіи учится англійскому языку? И у православныхъ было бы не мало, еслибы были средства разсылать катехизаторовъ... Вслѣдствіе приказанія отъ центральнаго правительства, наши христіане бывшіе въ тюрьмѣ выпущены на свободу, бывшіе подъ надзоромъ полиціи освобождены изъ подъ надзора, и лишь только это состоялось, вдвое большее количество новыхъ лицъ притекло съ желаніемъ узнать Христа... Но вотъ и въ другомъ мѣстѣ, слышно, желаютъ имѣть христіанскаго проповѣдника, вотъ и въ третьей провинціи есть расположенные слушать проповѣдь о Христѣ; тамъ и здѣсь народъ обнаруживаетъ впечатлительность мягкую какъ воскъ. Не заболитъ ли послѣ сего у васъ сердце, видя какъ другіе опережаютъ потому что у нихъ есть средства, а у васъ ихъ нѣтъ?»

Не занеетъ ли у васъ грудь, видя какъ инославные миссіонеры по всѣмъ провинціямъ разсылаютъ толпы своихъ катехизаторовъ, а у васъ нѣтъ денегъ, чтобы отправить хоть въ тѣ мѣста гдѣ прямо желаютъ слушать православнаго проповѣдника? Не вырвется ли у васъ съ глубокимъ стономъ: «о, Господи!» когда къ вамъ приступаютъ съ просьбами со всѣхъ сторонъ дать или прислать православныхъ книжекъ, а вы не имѣете что дать и въ то же время видите, какъ инославные книжки грудами расходятся по странѣ?.. Не выразишь вамъ всей великости нужды гнетущихъ насъ; не выльешь всей печали душевной.. Не утѣшитъ ли чѣмъ матушка Россія? О, помогите, ради Бога!... Не о себѣ молимъ, но о дѣлѣ Божіемъ молимъ... юныя чада наши, полныя ревности о Христѣ, вопросительно глядятъ на насъ. Есть и у насъ кого послать на проповѣдь; слово одно,—и десятокъ разоидется по всѣмъ направленіямъ».

Это горячее, порывистое, съ болью вырвавшееся изъ души слово не утратило своего вѣснаго значенія и въ настоящее время: наша миссія, сравнительно съ другими, все такъ же не богата средствами, источники коихъ только въ томъ, что добродетельно пришлютъ изъ Россіи. И надо удивляться какъ много сдѣлано и сколько дѣлается еще и теперь на эти скудные средства! Японія, повторяю, идетъ на встрѣчу христіанству, и она *будетъ* христіанскою. Раньше или позже совершится это событіе, но оно совершится навѣрное. И важно то, что свободный выборъ самихъ японцевъ между западными исповѣданіями и восточною церковью въ значительномъ числѣ случаевъ склоняется на сторону этой послѣдней. Они видятъ, что наша миссія никого не прельщаетъ матеріальными выгодами и преимуществами никого не заманиваетъ, не насилуетъ нравственно ничьей совѣсти, а говорить приходившимъ къ ней: «смотрите сами, изслѣдуйте сами, ступайте къ англичанамъ, ступайте къ католикамъ, къ лютеранамъ, сравните всѣхъ между собою, и если послѣ этого сердце ваше, духъ вашъ повлечетъ васъ сюда, приходите». Японцы, между прочимъ, какъ патріоты, очень высоко цѣнятъ въ православіи то, что оно никогда и ни въ какомъ случаѣ не мѣшается въ политику страны, что оно не знаетъ особаго своего непогрѣшимаго государя на Западѣ, въ Римѣ, и, признавая безусловную законность власти микадо, повелѣваетъ молиться за него и чтить его. Это одно уже въ болѣе широкій случаевъ склоняетъ симпатіи японцевъ на сторону православія. И я полагаю, что для Россіи, какъ для ближайшей сосѣдки, далеко не безразлично, будетъ ли Японія католическою, протестантскою или православною. Въ первыхъ случаяхъ изъ нея легко могутъ сдѣлать нашего врага, въ послѣднемъ же — она

¹⁾ По послѣднимъ свѣдѣніямъ за 1885 годъ, число это возросло уже до 11.275 человѣкъ. Въ 1885 году устроены три новыя общины; а всѣхъ общинъ въ настоящее время 184. Священнослужителей при нихъ, кромѣ епископа и архимандрита, пятнадцать, изъ коихъ двѣнадцать японцы. Крещено въ теченіе 1885 года японцевъ 1.467. Въ училищахъ и школахъ миссіи было до 350 учениковъ. Соборный храмъ при миссіи во имя Воскресенія Христова доведенъ уже постройкой до половины.

нашъ другъ и естественный союзникъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что работалъ столько лѣтъ на пользу православія въ Японіи, епископъ Николай совершаетъ тѣмъ самымъ глубоко патріотическое дѣло, важность послѣдствій ко-его можетъ быть неисчислима для насъ въ будущемъ.

Къ вечеру мы возвратились въ Іокогаму. Какъ хороша была сегодня Фузи-яма! Озаренная лучами заката, она вся казалась лиловою. Во время пути по желѣзной дороги, мы вдоволь любовались игрой и переливами этого отраженного свѣта на ея серебряныхъ ребрахъ. Пообѣдавъ съ А. А. Пеликаномъ въ іокогамскомъ англійскомъ клубѣ, отправились мы вмѣстѣ съ нимъ на прогулку въ Японскій участокъ за каналомъ, къ одному изъ буддійскихъ храмовъ, справлявшему свой годовой праздникъ. Ведущая къ нему улица была въ изобиліи плюминована рядами разноцвѣтныхъ фонариковъ, подвѣшенныхъ на натянутыхъ поперекъ ея проволокахъ. Вдоль этой улицы, съ обѣихъ сторонъ, расположились на столахъ, ларяхъ и просто на разостланныхъ по землѣ цыновкахъ временные торговцы и торговки всевозможными дѣтскими игрушками и продавцы вѣтвей, увѣшанныхъ разными сладостями и картонажами; тутъ же продавались искусственные цвѣты, домашнія божнички, издѣлія изъ рога и черепахи, пѣтушки, бумажныя бабочки, сласти и пр. Все это было иллюминировано свѣчами, керосиновыми лампами, шпаликами и фонарями, что производило въ обществѣ довольно недурной эффектъ, а около самого храма, въ садикѣ, расположился какой-то антрепренеръ, показывавшій за нѣсколько центовъ разныя диковинки, въ родѣ сирены, женщины-каракатицы и угря-чорта, съ рогами. Все это было поддѣлано весьма искусно.

15-го декабря.

Сегодня Марья Николаевна и Кириллъ Васильевичъ Струве завтракали у нашего адмирала на «Афригѣ», а затѣмъ посѣтили броненосный фрегатъ «Князь Пожарскій» и клиперъ «Крейсеръ». Я получилъ отъ нихъ любезное приглашеніе переѣхать на время въ Тоокію, въ домъ нашего посольства, чтобъ удобнѣе работать и ближайшимъ образомъ знакомиться съ японскою столицею и ея жизнью. Сердечное спасибо имъ за это!

16-го декабря.

Согласно вчерашнему приглашенію, утромъ переѣхалъ въ Тоокію. Военный министръ прислалъ сегодня въ наше посольство своего адъютанта, капитана артиллеріи Гуцъ-Номіа и командира 13-го пѣхотнаго полка, полковника Ямазо-Сава, моего стараго знакомаго по

задунайской кампаніи 1877 — 1878 годовъ, когда онъ, въ качествѣ японскаго военнаго агента, состоялъ при главной квартирѣ великаго князя главнокомандующаго. Этимъ двумъ офицерамъ было поручено показать мнѣ военно-сухопутныя учрежденія, казармы, бытъ и ученія войскъ и пр. Капитанъ Гуцъ-Номіа провелъ семь лѣтъ во Франціи, гдѣ обучался военному дѣлу, и потому совершенно свободно изъясняется по-французски. Мы начали съ осмотра военной школы Сиканъ-гакко, находящейся въ западной части Мицу за кварталами Усигомѣ.

Громадное двухъ-этажное зданіе этого учрежденія образуетъ своими четырьмя флигелями большой правильный четырехугольникъ, внутри коего устроенъ обширный плацъ для воинскихъ упражненій. Насъ провели въ кабинетъ начальника школы, гдѣ я и былъ ему представленъ. Это человекъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, говорящій по-англійски. Но англійскій языкъ, къ сожалѣнію, мнѣ не знакомъ, и потому объясняться приходилось чрезъ переводчика, роль котораго весьма любезно принялъ на себя капитанъ Гуцъ-Номіа. Начальникъ Сиканъ-гакко состоитъ въ чинѣ полковника генеральнаго штаба и пользуется помѣщеніемъ въ самомъ зданіи школы.

Послѣ предварительнаго и неизбежнаго угощенія чаемъ, намъ была показана роскошно отдѣланная рѣзнымъ деревомъ и зелеными драпировками сосѣдняя комната, служащая парадною пріемной для микадо, когда его величество пріѣзжаетъ въ это заведеніе на смотръ воспитанниковъ и торжественный актъ въ день выпуска. Послѣ этого осмотрѣли мы бібліотеку, довольно богатую изданіями по военнымъ специальностямъ. Изданія преимущественно англійскія и французскія; многія изъ нихъ уже имѣются здѣсь въ переводѣ на японскій языкъ, а отдѣлы учебныхъ пособій, занимающій цѣлую комнату и служащій для снабженія воспитанниковъ руководствами, весь переведенъ и изданъ по-японски. Въ залахъ бібліотеки, кромѣ книгъ, обращаютъ на себя вниманіе чертежныя и рисовальныя работы воспитанниковъ, исполненныя съ замѣчательною точностью и тщательностью. Тутъ были собраны образцы глазомѣрно-маршрутныхъ и бусольныхъ съемокъ, планы зданій, мостовъ, крѣпостей и полевыхъ укрѣпленій и situaціонныя работы, какъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, на планѣ, такъ и по цѣлымъ территориямъ, на ландкартахъ. Судя по тому, что я видѣлъ, надо признать авторовъ всѣхъ этихъ работъ замѣчательно искусными чертежниками. Это, впрочемъ, не мудрено, если вспомнить любовь японцевъ къ рисованію вообще и ту кропотливую тщательность исполненія и отдѣлки мельчайшихъ деталей, какая

свойственна всѣмъ ихъ ремесленнымъ издѣліямъ.

Изъ бібліотеки мы перешли въ военный музей, гдѣ собраны богатые коллекціи моделей и образцовъ, относящихся ко всѣмъ специальностямъ современнаго военнаго дѣла. Эти модели служатъ для воспитанниковъ нагляднымъ пособіемъ при обученіи артиллеріи, фортификаціи, инженерно-строительной части и проч. Затѣмъ были осмотрѣны физическій кабинетъ, химическая лабораторія и кабинетъ топографическій, въ особенности богатый по количеству техническихъ предметовъ. Видно, что здѣсь занимаются топографіей въ обширныхъ и серьезныхъ размѣрахъ. Аудиториі, изъ коихъ одна устроена амфитеатромъ, весьма просторны, свѣтлы, отлично приспособлены въ акустическомъ отношеніи, и вообще замѣтно, что при сооруженіи зданія на этотъ предметъ было заранее обращено должное вниманіе. Точно то же надо сказать о рекреационной и репетиціонныхъ залахъ, гдѣ воспитанники въ свободное отъ лекцій время занимаются науками и искусствами, къ чему здѣсь имѣются всѣ приспособленія, въ видѣ отдѣльныхъ широкихъ столовъ съ подъемными люпитрами и планшетами.

Одинъ изъ флигелей занятъ подъ помѣщеніе воспитанниковъ. Вдоль внутренняго коридора идетъ рядъ комнатъ, каждая о двухъ свѣтлыхъ окнахъ съ одною выходящею въ коридоръ дверью. Въ каждой такой комнатѣ помѣщается по шести воспитанниковъ; на каждого изъ нихъ имѣется особая кровать, устроенная въ видѣ продлинноватаго ящика, въ которомъ помѣщается бѣлье и вещи воспитанника. При кровати полагается довольно толстая, мягкая цыновка, замѣняющая тюфякъ и до четырехъ байковыхъ одѣялъ; полагается и подушка, но большинство, по привычкѣ, усвоенной съ дѣтства, предпочитаетъ употреблять вмѣсто подушки *макуру* — особый деревянный инструментъ, который уже описанъ мною раньше. Оружіе и военное снаряженіе располагаются по стѣнамъ, на опредѣленныхъ мѣстахъ и на деревянныхъ полкахъ, гдѣ воспитанники могутъ держать и лично имъ принадлежащія книги. Простой деревянный столъ и иногда нѣсколько табуретокъ довершаютъ обстановку комнаты. Въ заднемъ флигелѣ помѣщается обширная общая столовая, устройство и обстановка коей вполне сходствуетъ съ таковыми же въ европейскихъ пансіонахъ учебныхъ заведеній. Когда мы вошли въ эту залу, ряды ея столовъ были уже уставлены приборами съ готовыми кушаньями для обѣда. На каждыхъ двухъ воспитанниковъ полагалась деревянная кубышка варенаго риса замѣняющаго хлѣбъ, а затѣмъ каждому особо — чашечка съ квашеною рѣдькой, чашечка съ рыбой, чашечка

съ какими-то вареными овощами и блюдо съ десертомъ. Вмѣсто напитковъ, свѣжая вода и чай въ концѣ обѣда. Японцы вообще ѣдятъ мало, и потому этой, на нашъ взглядъ, скудной порціи для нихъ совершенно достаточно.

При школѣ имѣется просторный крытый манежъ, гдѣ воспитанники обучаются на казенныхъ лошадяхъ верховой ѣздѣ, которая обязательно требуется отъ выпускаемыхъ въ артиллерію и кавалерію; но будущихъ кавалеристовъ въ школѣ много не бываетъ, да и не можетъ быть по самому составу японской кавалеріи. Въ нынѣшнемъ году число ихъ ограничилось только пятью. Готовящихся къ артиллерійской службѣ нѣсколько болѣе, человекъ до двадцати. Впрочемъ, ни тѣ, ни другіе ничѣмъ не отличаются по внѣшности своего обмундированія отъ остальныхъ воспитанниковъ, и прохожденіе общаго курса пѣхотнаго образованія, на ряду съ прочими, для нихъ обязательно.

Форма воспитанниковъ состоитъ изъ мундирной однобортной куртки съ крючками вмѣсто пуговицъ; затѣмъ — панталоны на выпускъ по каблукъ и черныя кожаныя ботинки; для зимы — плащъ съ капюшономъ. Головной уборъ — американская плоская шапочка съ прямымъ козырькомъ, представляющая одинъ околышъ съ донцомъ, безо всякой тульи; спереди на околышѣ гербъ и подбородный ремешекъ. Какъ шапка такъ и весь остальной костюмъ шьется въ школьной швальной, изъ темносиняго англійскаго сукна. Унтеръ-офицеры отличаются узенькою галуною нашивкой на рукавахъ. Форма эта въ высшей степени проста, въ ней нѣтъ ничего наряднаго, ничего блестящаго, но она очень удобна, хотя въ массѣ, въ строю, производитъ на глазъ нѣсколько мрачное впечатлѣніе. Вооруженіе составляетъ ружье Снайдера со штыкомъ-ятаганомъ, носимымъ въ черныхъ кожаныхъ ножнахъ на ремennomъ черномъ поясѣ съ темною стальною бляхой, на коемъ носится также и патронная сумка изъ черной лакированной кожи. Форменный ранецъ со скатыннымъ на немъ байковымъ одѣяломъ, надѣваемый на смотры, большія ученья и маневры, дополняетъ строевое снаряженіе воспитанника. Штанцевый инструментъ распределяется по звонамъ въ задней шеренгѣ, преимущественно между тѣми воспитанниками, которые готовятся къ инженерной службѣ. Кромѣ того, на время специальныхъ практическихъ упражненій, для готовящихся къ выпуску въ артиллерію и кавалерію полагаются чакчиры и длинные сапоги желтой кожи съ настежными шпорами, а изъ оруженія для первыхъ — карабинъ Альбани, для вторыхъ — магазинка и кавалерійская сабля.

Всѣ вообще воспитанники, кромѣ стрѣльбы

въ цѣль изъ пѣхотныхъ ружей, обучаются еще стрѣльбѣ и изъ револьверовъ, фехтованію на штыкахъ, палицахъ, рапирахъ и эспадронахъ, а также и гимнастикѣ, въ которой они, по свойственной вообще поджарнымъ японцамъ ловкости и верткости, являются истинно молодцами. Для фехтованія имѣются двѣ школы или методы: одна—общеевропейская, другая—древне-японская. Для этой послѣдней обучающіе надѣвають особые маски-шлемы, лакированные латы и какіе-то особые юбки по щиколотку; обѣ руки предохраняются толстыми перчатками съ высокими кожаными крагами по локоть. Древне-японскій бой происходитъ на бамбуковыхъ тростяхъ съ длинными рукоятками за которыя дерущійся берется обѣими руками. Длина этихъ тростей различна и соответствуетъ размѣрамъ старыхъ японскихъ сабелъ (короткой и длинной) и бердышей или кривыхъ ножей, которые насаживались на длинное древко. Противники предъ боемъ дѣлаютъ другъ другу салютъ въ видѣ земного поклона и затѣмъ, быстро вскакивая на ноги, приступаютъ попеременно къ нападенію и оборонѣ. Древній бой всегда сопровождается визгомъ въ родѣ нашего казачьяго во время «лавы» и рычаніемъ въ родѣ звѣринаго. Иногда въ бою одновременно принимаютъ участіе нѣсколько противниковъ, отъ шести до десяти человѣкъ, и тогда происходитъ очень эффектная общая свалка. Самый бой нерѣдко варьируется состязаніемъ различныхъ оружій: сабли малой против большой, сабли противъ копья или бердыша и т. п. Для всего этого существуютъ особые приемы, жесты, позы и преимущественно увертливые скачки восторону, совершенно иные, чѣмъ у насъ, но описаніе ихъ слишкомъ отвлекло бы меня отъ прямой моей задачи. Скажу только, что этотъ бой всегда былъ очень популяренъ и пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ въ Японіи, такъ что фехтовальному искусству обучались тамъ не только самураи, но нерѣдко и совершенно мирные граждане, даже свѣтскія женщины, для которыхъ и до сихъ поръ имѣются здѣсь свои особые фехтовально-гимнастическія заведенія.

Въ нашемъ присутствіи, кромѣ фехтовальнаго боя, происходило еще на плацу и строевое ученіе воспитанниковъ, соединенныхъ въ одну роту боевого комплекта. Роту выстроили развернутымъ фронтомъ и заставили продѣлать послѣдовательно всѣ ружейные приемы, означенные въ японскомъ уставѣ, съ заряжаніемъ и прицѣлкой включительно; затѣмъ обучающій перешелъ къ поворотамъ и ломкѣ фронта на взводы, полувзводы, отдѣленія и ряды, далѣе къ движеніямъ всѣми этими частями фронта, комбинирова на ходу разные построения до движенія развернутымъ фронтомъ включительно. Всѣ эти приемы и построения

были исполнены съ замѣчательною отчетливостію и вниманіемъ къ дѣлу. Ученіе закончилось разсыпнымъ стрѣлковымъ строемъ, съ движеніемъ перекатыми цѣпами для наступленія и отступленія, съ переменною фронта и построеніемъ кучекъ и каре противъ кавалеріи, и наконецъ примѣрною атакой въ штыки, которая, между прочимъ, по уставу происходитъ у нихъ молча. Весь порядокъ разсыпного строя, равно какъ и все предварительное ротное ученіе цѣликомъ заимствованы изъ французскаго устава и потому сохраняютъ какъ всѣ его достоинства такъ и недостатки. Но могу сказать только одно, что всѣ строевые офицеры школы отличаются полнымъ, до педагогичности точнымъ знаніемъ и исполненіемъ своего дѣла. Всѣ они, равно какъ и весь составъ преподавателей и начальства—исключительно японцы, получившіе военное образованіе въ школахъ разныхъ европейскихъ армій.

Изъ военной школы, направляясь къ сѣверу, вдоль набережной канала Канда-гавы (Чори), пріѣхали мы въ арсеналъ, находящійся въ южной части Койсикавы, одного изъ сѣверныхъ участковъ Мицу. Арсеналъ, со всѣми его зданіями и садомъ, занимаетъ обширную площадь, почти до трехъ верстъ въ окружности, примыкая своею южною стороною къ набережной той же Канда-гавы. Начальникомъ арсенала состоитъ полковникъ артиллеріи, очень любезно встрѣтившій насъ въ своей канцеляріи и взявшій на себя трудъ лично показать намъ ввѣренное ему учрежденіе. Въ нѣсколькихъ большихъ, двухъ-этажныхъ, кирпичныхъ корпусахъ помѣщаются обширныя мастерскія, хорошо снабженные всѣми новѣйшими механическими и машинными приспособленіями къ полному производству рѣшительно всего, что нужно для вооруженія арміи. Тутъ же находятся склады готового уже оружія, запасы ружей разныхъ системъ для снабженія ими, въ случаѣ надобности, государственнаго ополченія, патронный заводъ, литейный отдѣлъ, отдѣлъ обозныхъ и артиллерійскихъ принадлежностей, передѣлочныя мастерскія для исправленія попорченнаго оружія и, наконецъ музей образцовъ современнаго и древне-японскаго оружія и снаряженія. Въ этомъ музеѣ обратили мое вниманіе на древнія пики съ древками громадной длины, болѣе двухъ сажень, и на образъ нерукотвореннаго Спаса, писанный масляными красками на жестяной доскѣ, въ вышину около десяти и въ ширину около восьми дюймовъ. Онъ былъ найденъ въ землѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при вырытіи фундамента подъ одно изъ арсенальныхъ зданій, на глубинѣ около двухъ сажень, гдѣ пролежалъ, вѣроятно, болѣе двухсотъ лѣтъ, такъ какъ надо думать, что спрятали его въ землю мѣстные хрістіане во время воздвигну-

таго на нихъ по всей Японіи жестокаго гоненія въ 1622—1638 годахъ. Несмотря на столь долгое пребываніе въ землѣ, образъ хорошо сохранился, даже краски его не потеряли своей выразительности. Характеръ письма его западно-европейскій.

При арсеналѣ находится громадный и великолѣпный садъ съ большимъ прудомъ, ручьями и каналами, прелестными лужайками, таинственными гротами и дикими скалами, гдѣ на вершинѣ одной изъ нихъ красуется буддѣйская часовня. Въ прежнее время садъ этотъ, вмѣстѣ съ бывшею при немъ *яски*, принадлежалъ князю Мито, теперь же онъ—собственность правительства.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ въ арсеналѣ, вооруженіе японцевъ до 1853 года состояло изъ лука съ колчаномъ стрѣлъ, пикъ, двухъ сабель, длинной и короткой, которыя носились каждымъ воиномъ, а для стрѣлковъ имѣлось фитильное ружье, рѣдко впрочемъ употреблявшееся въ дѣло. Все это было показано мнѣ на мѣстѣ въ превосходныхъ образцахъ и на манекенахъ. Болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1542 году, португальцы послали изъ Кагосимы нѣсколько фитильныхъ ружей въ подарокъ микадо, и тогда по этимъ образцамъ, по приказанію *сенна*, было сдѣлано громадное количество ружей въ самой Японіи и введено въ войска. Съ тѣхъ поръ, до прибытія въ Японію иностранцевъ, фитильное ружье и фитильный пистолетъ были тамъ единственнымъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Съ 1853 года японцы принялись закупать ружья и орудія европейской констукціи. Въ 1854 году имъ были подарены покойнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ орудія съ разбившагося въ Симодѣ фрегата «Діана», послужившія новымъ образцомъ для мѣстнаго производства и отчасти для вооруженія береговыхъ батарей. Въ настоящее время эти орудія, какъ историческое воспоминаніе, хранятся частью при арсенальномъ музеѣ, частью въ Тоокійскомъ портѣ и при Морскомъ училищѣ. Первое новое ружье, которое стало извѣстно японцамъ, было пистолное, заряжающееся съ дула; затѣмъ въ провинціи Кью-сю приняли прусское игольчатое ружье, а съ началомъ семидесятыхъ годовъ стали дѣлать опыты надъ разными системами, вводили ружья Генри Мартини, Альбани и т. д., и только въ 1878 году остановились на ружьѣ Снайдера и вооружили имъ почти всю армію, сдавъ мартиніевскія винтовки въ арсеналы, какъ запасъ для резервовъ. Альбаниевскіе карабины отчасти остаются еще въ артиллеріи, а кавалерія перевооружена магазинками. Съ 1873 года японцы, съ усердіемъ достойнымъ лучшей доли, пустились закупать для арміи и флота орудія разныхъ системъ, не рѣшаясь окончательно остановиться ни на одной, причемъ, сказать мимоходомъ, разные англо-

германо- и жидо-американскіе поставщики и комиссіонеры не мало погрѣли себѣ руки на разныхъ надувательныхъ продѣлкахъ. Для флота правительство закупило орудія Круппа, Армстронга, заряжающіяся съ дула, Паррота и др., такъ что почти на каждомъ военномъ суднѣ у японцевъ попадаютъ разносистемныя пушки. Та же разносистемность и разнокалиберность господствуютъ пока и въ полевой артиллеріи, гдѣ правительство только недавно рѣшилось ввести шотландскую пушку, для единообразнаго вооруженія своихъ горныхъ батарей. Вообще, довольно затруднительно исчислить всѣ роды и системы огнестрѣльнаго оружія въ Японіи, такъ какъ они постоянно мѣняются, а въ послѣднее время тамъ выработали даже собственную систему скорострѣльнаго ружья (въ родѣ берданки), которое демонстрировалъ мнѣ въ мастерскихъ Тоокійскаго арсенала самъ изобрѣтатель, военный офицеръ. Предполагается заготовить нѣкоторое количество этихъ ружей и вооружить ими для пракческаго опыта какую-либо часть пѣхоты, съ тѣмъ, что если результатъ опыта окажется удачнымъ, то это ружье быть-можетъ окончательно введется въ армію, замѣнивъ собою всѣ нынѣ тамъ существующія иностранныя системы.

Не мало приходилось правительству бороться съ разными существенными затрудненіями при введеніи регулярной арміи. Однимъ изъ главнѣйшихъ былъ недостатокъ знающихъ свое дѣло офицеровъ и въ особенности унтеръ-офицеровъ. Хотя въ прежнія времена нѣкоторые молодые самураи обучались военнымъ наукамъ въ Нагасаки, у децимскихъ голландцевъ, но обученіе ихъ оставалось только теоретическимъ, чисто отвлеченнымъ, безо всякихъ практическихъ упражненій, какъ по строевой, такъ и по тактической, артиллерійской и полевой фортификаціонной частямъ, тѣмъ болѣе, что и сами учителя были специалистами скорѣе по коммерческому, чѣмъ по военному дѣлу. Такимъ образомъ, все децимское обученіе ограничивалось заучиваніемъ разныхъ старинныхъ руководствъ и учебниковъ. Сознавая недостаточность этого способа, *сеннъ* въ 1867 году выписалъ изъ Франціи цѣлую серію инструкторовъ, въ числѣ 21 человекъ, къ которымъ поступили для обученія многіе молодые люди; но тутъ крайнее затрудненіе, какъ для обучающихся, такъ и для обучаемыхъ оказалось въ обоюдномъ непониманіи языка; тѣмъ не менѣе дѣло съ наглядки пошло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ Децимѣ. Нѣкоторые, наконецъ, прошли школу у прусскаго фельдфебеля Коппена, котораго выписалъ въ Японію князь Кью-сю; но эта школа ограничивалась чисто фронтовой муштрой, то-есть той стороной дѣла, которая можетъ быть названа автоматической. Ученики Коппена отчетливо маршировали и поворачивались по темпамъ, отчетливо продѣлывали ру-

жейные приемы, пожалуй, недурно стрѣляли въ мишени съ заранѣе опредѣленныхъ дистанцій, но и только. Словомъ, число всѣхъ, такимъ порядкомъ образованныхъ офицеровъ, считая тутъ и прежнихъ децимскихъ, было весьма недостаточно для удовлетворенія потребностей даже такой незначительной арміи, какую заводили у себя японцы на первое время. Но правительству поневолѣ приходилось тогда производить въ офицерскіе чины такихъ господъ, которые ни по образованію, ни по общественному положенію не имѣли на то права: другихъ взять было негдѣ и выбирать не изъ чего. Этого еще мало; изъ чувства признательности и справедливости, правительство должно было терпѣть въ арміи людей хотя и невѣжественныхъ въ военномъ смыслѣ, но преданныхъ ему въ политическомъ отношеніи, послужившихъ ему въ тяжелую пору, въ дни реставраціонной революціи и послѣ нея, пока положеніе новой власти было еще шатко. Находя нужнымъ пристроить и обезпечить ихъ вѣрнымъ кускомъ хлѣба, правительство учредило для нихъ даже такіе мѣста и должности, какія встрѣчаются только въ японской арміи и ея администраціи. Пришлось создавать не только армію, но одновременно съ нею и контингентъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, который соотвѣтствовалъ бы своему назначенію. Съ этою цѣлью было сдѣлано все возможное: выписана въ 1872 году изъ Франціи вторая миссія военныхъ инструкторовъ, и нѣсколько человекъ, изъ наиболѣе способныхъ молодыхъ офицеровъ-японцевъ, были посланы въ Европу для пракческаго ознакомленія съ порядкомъ службы и изученія военныхъ установленій. Въ то же время для обученія вышеупомянутыхъ старыхъ офицеровъ была учреждена школа, извѣстная подъ названіемъ То-яма-гакко, затѣмъ основано отдѣльное унтеръ-офицерское училище, Кіо-до-данъ, военное училище для молодыхъ людей, Сиканъ-гакко, а нынѣ есть уже и специально офицерская школа, нѣчто въ родѣ военной академіи. Что правительство не жалѣло матеріальныхъ средствъ на нужды арміи, доказываютъ тѣ денежныя суммы, которыя съ 1873 года были отпускаемы военному министерству. Такъ израсходовано:

въ 1873 году	8.000.000	иенъ.
" 1874 "	8.000.000	"
" 1875/6 "	6.950.000	"
" 1876/7 "	7.250.000	"
" 1877/8 "	5.850.000	"
" 1878/9 "	5.743.000	"

Итого за шесть съ половиною лѣтъ 41.793.000 иенъ (52.241.250 кр. руб.). Въ среднемъ, ежегодно по 6.000.000 иенъ (7.500.000 кр. руб.). Въ 1880 году израсходовано 5.000.000 иенъ, и правительство имѣетъ всѣ основанія питать надежду, что на будущее время расходы военного министерства не превысятъ этой нормы,

при которой годовое содержаніе солдата обходится въ 143 иена (178 руб. 75 коп. кред.).

Вторая французская военная миссія, безспорно сдѣлала многое, какъ для устройствъ военныхъ школъ, такъ и для организаціи арміи; что работы ея были не безплодны, доказываетъ нынѣшнее состояніе корпуса офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Результаты эти, безъ сомнѣнія, были бы еще успѣшнѣе, если бы военная миссія обязалась по контракту не заниматься устройствомъ лишь технической части, но слѣдить и за практическими занятіями войскъ, что на первое время было въ особенности важно, такъ какъ отъ этого оставались бы въ болѣешемъ выигрышѣ и дисциплина, и отдѣльное обученіе каждаго солдата. Теперь эти невыгодныя стороны уже устранены усиліями самихъ японцевъ, въ которыхъ я вообще замѣтилъ очень похвальное стремленіе выбиваться изъ-подъ вліянія иностранцевъ, какъ скоро дѣло, для коего иностранецъ былъ призванъ, вполне усвоено ими. А усваиваютъ они необыкновенно быстро и толково. Чуть дѣло ими усвоено, тотчасъ же происходитъ замѣна европейскихъ инструкторовъ и техниковъ своими, японскими, — и дальнѣйшій ходъ его, какъ заведенная машина; совершается уже вполне самостоятельно, причемъ слѣдятъ лишь за новѣйшими усовершенствованіями и открытіями въ своей спеціальности, чтобы всегда стоять на высотѣ ея развитія въ Европѣ и Америкѣ. Вотъ, на примѣръ, и теперь въ этомъ арсеналѣ, гдѣ мнѣ были показаны всѣ мастерскія: литейныя, оружейныя, патронныя и прочія заведенія въ полномъ ходу ихъ работы. Я уже сказалъ, что все это заведено на широкую ногу, со всѣми усовершенствованіями, какія принесло по данной спеціальности послѣднее слово науки, и къ крайнему моему удивленію, между многочисленнымъ штатомъ мастеровыхъ разныхъ степеней и спеціальностей не нашелъ я ни одного мастера, ни одного инструктора, ни одного даже директора изъ иностранцевъ: отъ перваго до послѣдняго всѣ они были чистокровные японцы. О scrupulousной точности, чистотѣ, аккуратности, прочности и прочихъ достоинствахъ работы нечего много распространяться: качества японскихъ мастеровъ и ихъ добросовѣстность въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны.

17-го декабря.

Сегодня въ обществѣ нашихъ моряковъ, А. А. Струве и В. Н. Бухарина, подъ водительствомъ драгомана нашего посольства, А. Ѳ. Маленда, поѣхалъ я осматривать паркъ Уэнно и храмы Асаксы.

Отъ посольскаго дома до Уэнно будетъ добрыхъ шесть верстъ разстоянія, но по здѣшнему это считается недалеко. Путь нашъ лежалъ сначала мимо военного плаца, затѣмъ вдоль набережной канала Тамори-ики, отдѣляю-

наго замокъ отъ Сото-Сиро, далѣе мы пере-
сѣкли по радіусу сѣверную часть этого округа
и переѣхавъ по мосту Горозуйо чрезъ Канда-
гаву, покатали по улицамъ Стайя; послѣ чего
выѣхали наконецъ по Муро-матэ на площадь
Ямаста.

Эта площадь, примыкающая сѣвернымъ
своимъ концомъ къ парку Уэнно, представляетъ
собой постоянную праздничную ярмарку; она
наполнена торговыми ларями, ятками и пере-
носными лавочками, которые строятся наскоро
изъ бамбуковыхъ жердей и дешевыхъ цыно-
вокъ. Продаются въ нихъ всякая всячина: въ
однѣхъ съѣстные припасы, овощи и преиму-
щественно рыбы со всевозможными *frutti di*
mare, въ другихъ носильное платье или обувь,
бумажныя матеріи, дешевыя галантереи и т. д.
Тутъ же пристроились разные маленькіе теат-
рики марионетокъ, діорамы, панорамы и китай-
скія тѣни, качели и карусели, балаганы раз-
ныхъ шутовъ, жонглеровъ и фокусниковъ,
«кабинеты» рѣдкостей, астрологовъ и гадате-
лей, а также множество мелкихъ переносныхъ
ресторановъ и чайныхъ домовъ. Все это кри-
читъ о себѣ аршинными и даже саженными
афишами, размалеванными вывѣсками, карти-
нами, вывѣсками-фонарями и пестрыми флаги-
ми. Тутъ вѣчно, что называется, нетолченая
труба народу изъ низшихъ и среднихъ клас-
совъ городского населенія; надъ площадью не-
умолкаемо носится гомонъ людскихъ голосовъ
и возгласовъ, сквозь который то и дѣло про-
рываются всякіе свисты, зыки и рыки, коми-
ческія подражанія крикамъ разныхъ птицъ и
животныхъ, звуки самсеновъ, дудокъ, бараба-
новъ, колокольчиковъ, дѣтскихъ трещотокъ и т. п.

Миновавъ Ямасту, мы въѣхали въ прелест-
ную аллею громаднхъ многоствольныхъ кленовъ
и остановились противъ небольшого конусо-
образнаго холма, скрытаго со стороны аллеи
купами высокыхъ кустарниковъ и раскид-
стыхъ деревьевъ. На вершинѣ этого холма
помѣщается большой темно-бронзовый идолъ
Дай-Буддса, то-есть великаго Будды, сидящаго,
по обыкновенію, въ чашечкѣ лотоса и погру-
женнаго въ самосозерцательный покой. У под-
ножія холма, противъ идола, поставлены по
сторонамъ два большіе каменные канделябра
и пара каменныхъ же водоёмовъ съ освещен-
ною водой, а нѣсколько во сторонѣ, влѣво
отъ этихъ предметовъ возсѣдаетъ на камен-
номъ цоколѣ бронзовая статуя Кваннонъ-сама,
одного изъ важнѣйшихъ джиновъ (то-есть не-
бесныхъ духовъ) буддійскаго пантеона; на
верху же, предъ истуканомъ Будды стоитъ
бронзовая чаша, наполненная пенломъ, въ ко-
торый модельщики втыкаютъ дымящіеся ку-
рительныя свѣчи.

Неподалеку отъ этого холма, при входѣ съ
кленовой аллеи въ великолѣпную рошу, напол-
ненную гигантскими кедрами, криптомеріями,

кипарисами и другими старорослыми деревь-
ями, высится гранитное тори, изъ-подъ кото-
раго начинается священный путь въ глубину
этой священной роши. Путь этотъ представ-
ляетъ широкій тротуаръ, выложенный въ ко-
сую клѣтку гранитными плитами и об-
рамленный съ обѣихъ сторонъ двойными и
тройными рядами выточенныхъ изъ камня
монументальныхъ канделябровъ, гдѣ у камен-
ныхъ фонарей прорѣзаны насквозь изображе-
нія луны во всѣхъ ея фазахъ. Эти оригиналь-
ные канделябры, вмѣстѣ съ нѣсколькими встрѣ-
чающимися на семъ пути гранитными тори,
являютъ собою наиболѣе полный образецъ
японскихъ пропилей, освѣяемыхъ къ тому же
съ обѣихъ сторонъ раскидистыми вѣтвями де-
ревъ-великановъ, между которыми изыскный
японскій кленъ (*момидза*) занимаетъ по кра-
сотѣ своей первое мѣсто. Особенный эффектъ
священнаго пути состоитъ въ нѣкоторомъ из-
ломѣ его линіи на половинѣ ея протяженія,
входѣ въ чего вы не видите сначала самого
храма и только приблизясь уже къ послѣдне-
му тори, взоръ вашъ неожиданно открываетъ
въ глубинѣ длинной аллеи оригинальный пор-
тикъ и за нимъ—фронтонъ священнаго зда-
нія, надъ которымъ сплошною зеленою стѣной
сплотились на заднемъ планѣ высокія кудря-
выя деревья. Все это вмѣстѣ взятое выходитъ
необычайно красиво.

Нѣсколько всторонѣ отъ священнаго пути,
съ правой стороны, среди роши, высится надъ
купами деревъ пятиэтажная красная пагода.
Каждый этажъ ея окруженъ наружною галле-
рейкой со сквозными перилами и отдѣляется
отъ слѣдующаго китайскою кровлей съ подвѣ-
шенными на всѣхъ углахъ ея колокольчиками;
на верхушкѣ же послѣдней остроконечной кров-
ли торчитъ высокій металлическій шпиль съ
насаженными на него бронзовыми шарами, та-
релками и полумѣсяцами. Эти пять этажей, по
объясненію мѣтнаго бонзы, знаменуютъ собою
пять степеней самоуглубленія, ведущихъ къ
нирванѣ.

Я не стану описывать портикъ и передній
дворъ уэнноскаго храма, съ его массивными
бронзовыми канделябрами, водоёмами и ошима-
ницами, такъ какъ въ главныхъ чертахъ это
все то же, что мы уже видѣли въ нагаса-
скомъ храмѣ Дайондзэ; скажу только, что храмъ
этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Тоо-сіогу
и въ обстановкѣ своей носитъ смѣшанный
синто-буддійскій (*риобусинто*) характеръ. Онъ
не великъ, и въ планѣ своемъ имѣетъ
крестообразное начертаніе. Прежде здѣсь кра-
совался обширный и великолѣпный храмъ
того же имени, но, къ сожалѣнію, онъ сго-
рѣлъ во время реставраціонной революціи въ
іюлѣ 1868 года. Главную достопримѣатель-
ность Тоо-сіогу составляютъ гробницы *сенуновъ*
и семейный склепъ фамилии Гозанге, но ино-

странцамъ почему-то не разрѣшается доступъ въ эти усыпальницы. Намъ пришлось ограничиться только осмотромъ храма снаружи и той его внутренней части, которая, благодаря раздвижнымъ ставнямъ передней стѣны, доступна всѣмъ вообще посѣтителемъ. Въ этой части дежурный бонза обратилъ наше вниманіе на небольшія ширмы, гдѣ по золотому фону были изображены сцены какой-то царской охоты весьма бойкою кистью знаменитаго въ этомъ жанрѣ художника Ханабуса-Ицѳо (конца XVI и начала XVII вѣка), въ особенности хороши въ нихъ, такъ называемые *іемѣ*, рисунки лошадей въ разныхъ положеніяхъ. Въ алтарной части храма стоитъ довольно много разныхъ позолоченныхъ идоловъ рядомъ съ *кан-ами*, синтоистскимъ зеркаломъ Изанами и на потолокъ подвѣшены подолочные карнизомъ; внутри же храма развѣшаны, какъ объяснилъ намъ бонза, портреты знаменитыхъ японскихъ писателей, теологовъ и философовъ.

Съ правой стороны при этомъ храмѣ находится особый небольшой придѣлъ, гдѣ надъ алтаремъ виситъ въ позолоченной рамѣ полу-рельефное и тоже позолоченное изображеніе священнаго хлѣба, на небесно-голубомъ фонѣ. Придѣлъ этотъ, по объясненію бонзы, посвященъ памяти Кандаміо-джина¹⁾, specialнаго патрона города Тоокіо. При этомъ бонза показалъ намъ висѣщія на правой стѣнѣ гигантскую саблю и сѣкиру, а подъ ними на столѣ — двѣ головы рогатыхъ демоновъ, пребезобразныя, но превосходно сдѣланныя изъ папье-маше. Легенда повѣствуетъ, что Канда, защищая свой возлюбленный городъ отъ козней двухъ демоновъ, отрубилъ имъ головы, — одному этою самою саблей, а другому этою самою сѣкирой, и вотъ, молъ, какіе страшные были эти демоны, — судите сами по ихъ точнымъ изображеніямъ! Впрочемъ, А. - О. Маленда сообщилъ намъ, что въ Тоокіо имѣется еще другой храмъ въ честь Канда-міо-джина, настоящій, большой храмъ, *тера*, гдѣ точно также показываютъ и головы, и саблю съ сѣкирою, увѣряя, что тѣ-то и есть самыя подлинныя и что изъ того храма ежегодно совершаются по городскимъ улицамъ торжественныя духовныя процессіи въ честь тоокійскаго патрона. Мы спросили нашего бонзу: нельзя ли видѣть ихъ богослуженіе; бонза даже обрадовался и тотчасъ же побѣждалъ предупредить о нашемъ желаніи старшаго жреца этого храма. Минутъ черезъ пять тотъ появился предъ алтаремъ, войдя во храмину заднимъ ходомъ. Облеченіе его состояло изъ бѣлаго балахона съ широкими, или такъ называемыми греческими рукавами, свѣтлозеленой креповой мантии, накинута на плечи, и длинной, толстой ленты,

вершка въ два шириной, съ какими-то плетешками и кистями изъ шелкового шнура по обоимъ концамъ; лента эта была перекинута у него поверхъ мантии черезъ лѣвое плечо и спускалась сзади до пятъ, а на головѣ жреца надѣто было нѣчто въ родѣ кардинальской шапки изъ свѣтлой волосяной матеріи; въ рукахъ держалъ онъ молитвенникъ, въ формѣ обыкновенной книжки, и опахало изъ бѣлаго конскаго волоса. Опустился на колѣни, лицомъ къ алтарю, жрецъ сдѣлалъ одинъ ударъ въ барабанъ, чтобы «разбудить» духа, и затѣмъ сталъ бормотать по книжкѣ какія-то молитвы, время отъ времени слегка помахивая то вправо, то влѣво своимъ опахаломъ. Въ заключеніе онъ простерся ницъ и, полежавъ такъ съ полминуты, поднялся чтобъ еще дважды глухо стукнуть въ барабанъ, послѣ чего на нѣкоторое время пристально уставился взоромъ прямо въ глаза идолу и, наконецъ, тихо отошелъ прочь, къ ступенямъ главнаго портала, гдѣ помѣщались мы въ качествѣ зрителей. Приличный гонораръ за его богослуженіе былъ принятъ имъ отъ насъ весьма благосклонно; но разрѣшенія осмотрѣть сегунскія усыпальницы мы и послѣ этого все же не получили, несмотря на свои общія вторичной «благодарности». Почему такой строгій запретъ, не знаю.

Паркъ Уэнно расположенный на невысокихъ плоскихъ холмахъ, весьма обширенъ, гѣнистъ и живописенъ. Въ особенности хороши видъ на прилегающее къ нему озерко «Сино-базуно-ике» (въ переводѣ значитъ *трудъ не тертій*), съ прелестнымъ островкомъ, на которомъ находится храмикъ богини Бентенъ. Это озерко около двухъ верстъ въ окружности, широко и густо поросло у береговъ роскошными лотосами и лиловымъ ирисомъ (по-японски *сибу*). Облюбованное священными журавлями, оно въ изобиліи наполнено крабами, черепахами и разными породами диковинныхъ рыбъ, отъ мелкой ружетки и золотой до самыхъ крупныхъ, многолѣтнихъ карповъ, и такъ какъ воды его кристально прозрачны, то съ набережной островка прекрасно можно наблюдать жизнь этого подводнаго царства. Между курьезами парка вамъ непременно покажутъ близъ озерка одну сосну, называемую *луною*. Такое названіе дано ей вслѣдствіе того, что одна изъ неестественно искривленныхъ вѣтвей ея загнута въ совершенно круглое кольцо, силуэтъ коего, отчетливо вырѣзываясь на фонѣ неба, подалъ японцамъ поводъ къ сравненію его съ луной. Въ самомъ паркѣ и у береговъ озера вы встрѣчаете нѣсколько каменныхъ террасъ и площадокъ, наполненныхъ кумирнями, чайными домиками и тирами: на одной изъ нихъ устроился одинъ изъ лучшихъ тоокійскихъ ресторановъ, гдѣ намъ показывали особую комнату, куда обыкновенно приѣжа-

¹⁾ *Міо* значитъ святой, *джинъ* или, по китайски, *дзинъ*, духъ, гений.

ють завтракать нынѣшніе японскіе министры. Въ глубинѣ парка устроенъ звѣринецъ, гдѣ пока ходитъ лишь одинъ заморенный медвѣжонокъ съ острова Матсая.

Отвѣдавъ въ министерскомъ ресторанѣ свѣжихъ устрицъ, весьма мясистыхъ, но отличающихся нѣсколько своеобразнымъ привкусомъ, что впрочемъ не вредитъ ихъ съѣдобности, отправились мы въ свѣдѣную часть города извѣстную подъ названіемъ Асакса-Окурамайя, изгнать на знаменитый тамоннѣй храмъ Кияриусанъ, посвященный Кваннонъ или Каннонъ-сама, буддійскому божеству, играющему роль посредника между землей и небомъ.

Отъ Уэнно до Асаксы, по зѣвшему, очень близко, — не болѣе двухъ верстъ; поэтому черезъ четверть часа мы уже остановились передъ проходомъ, ведущимъ ко главному portalу храма и, выйдя изъ *дженерикши*, были тотчасъ же подхвачены потокомъ густой толпы, двигавшейся впередъ, въ то время, какъ другой подобный же потокъ, о-бокъ съ первымъ, слѣдовалъ ему на встрѣчу, въ обратную сторону. Весь круговоротъ этого движенія совершался чрезвычайно спокойно и чинно: не то что давкъ, даже толкотни было мало, и нигдѣ ни малѣйшаго беспорядка. А между тѣмъ полицейскихъ почти не видно. Какъ хотите, это такое удивительное уваженіе къ порядку, какого нигдѣ въ Европѣ не встрѣтишь. Тутъ перемѣшиваются всѣ слои общества, и на всѣхъ лицахъ вы явно читаете чувство добродушной веселости и вѣжливаго, деликатнаго вниманія къ окружающимъ. Японская толпа — толпа воляхъ благовопитанная.

Широкий, вымощенный плитой проходъ, по которому мы теперь двигались, проложенъ съ юга на сѣверъ черезъ площадь, служащую мѣстомъ постоянной продажи цвѣтовъ и растений. Въ настоящее время по обѣимъ сторонамъ его расположились временныя лавочки и ятки. Здѣсь теперь специальная ярмарка дѣтскихъ игрушекъ, очень напоминавшая мнѣ по своему характеру наши петербургскія «вербы». Надо сказать, что въ послѣдніе четырнадцать дней послѣдняго мѣсяца въ году всегда происходитъ въ Асаксѣ большая ярмарка, которую ежедневно посѣщаютъ сотни тысячъ народа не только изъ города и его окрестностей, но также изъ ближайшихъ провинцій; входъ открытъ съ восхода солнца и до полуночи. По вечерамъ во всемъ кварталѣ Асаксы зажигается разнообразная иллюминація, въ которой однако преобладаютъ красныя фонари, какъ выраженіе довольства и веселости; то тамъ, то здѣсь безпрестанно вспыхиваютъ бенгальскіе огни, а съ моста Риоку звиваются въ темное небо ракеты, разсыпаясь разноцвѣтными звѣздами, въ то время, какъ на О-гавѣ съ плотовъ и лодокъ бьютъ огненные фонтаны, вертятся огненные колеса и спирали и баталь-

нымъ огнемъ идетъ неумолкающая трескотня китайскихъ «шутихъ» и звѣздчатокъ. Каждая семья въ эти дни непременно посѣтитъ, и даже неоднократно, асакскую ярмарку вмѣстѣ со своими чадами и домочадцами. Тутъ специально дѣтскій праздникъ. Доброе божество Каннонъ-сама, желая усладить для смертныхъ подъ конецъ года нелегкій жизненный путь, пройденный ими въ теченіе одиннадцати съ половиной мѣсяцевъ, и оставить въ ихъ душѣ доброе чувство примиренія со всѣми пережитыми за годъ неприятностями и невзгодами, радушно открываетъ весь районъ своего святилища для дѣтскаго праздника, такъ какъ божество это знаетъ, что для японской семьи нѣтъ большаго удовольствія, какъ доставить радость своимъ дѣтямъ.

Между дѣтскими игрушками асакской ярмарки наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ воинственнымъ предметамъ, въ родѣ жестяныхъ самурайскихъ сабель, бердышей и самострѣловъ. На ряду съ этимъ очень хороши по своей натуральности куклы людей и животныхъ съ движущимъ или звуковымъ механизмомъ и обыкновенныя, а также всевозможныя корбочки и иныя издѣлія изъ плетеной соломы и бамбуковыхъ волоконъ; но въ особенности замѣчательны игрушки изъ тесоваго дерева (не крашенныя), которыя являются скорѣе даже сельско-хозяйственными моделями, годными хоть сейчасъ въ любой музей. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ выдаются, по художественности своего исполненія, модели японскихъ домиковъ и храмовъ, мореходныхъ *фунѣ* и разнообразныхъ лодокъ, повозокъ, сельскихъ орудій и домашней деревянной утвари. Но вотъ и дань современности и прогрессу: мы видимъ цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ съ заводнымъ механизмомъ въ локомотивѣ; видимъ и винтовой пароходикъ, который, при помощи такого же механизма, можетъ плавать по садовымъ прудамъ и каналамъ; во многихъ деталяхъ этихъ послѣднихъ игрушекъ преобладаетъ тотъ же модельный характеръ, то-есть стремленіе какъ можно точнѣе передать все, что есть въ дѣйствительности. Не мало тоже продается тутъ воздушныхъ змѣевъ (одна изъ популярнѣйшихъ и самыхъ любимыхъ игрушекъ въ Японіи), вѣровъ и пестрыхъ зонтиковъ, волановъ въ видѣ разрисованныхъ кипарисныхъ лопатокъ, искусственныхъ цвѣтовъ, бабочекъ, птичекъ, красныхъ фонариковъ и т. п. Не менѣе важную роль, конечно, играютъ на этой ярмаркѣ разныя фрукты и сласти. Вниманіе маленькихъ лакомокъ болѣе всего привлекаютъ тортъ-кастѣра и очень вкусныя вяленые плоды какого-то фрукта въ родѣ большой сливы, извѣстныя здѣсь подъ названіемъ *кани*, тогда какъ взрослые лакомки, повидимому, предпочитаютъ обсахаренныя бобы, горохъ и кукурузныя зерна. На ряду съ игрушечными и коя-

дистерскими лавками, встрѣчаете вы «подъ Акакой» и торговлю съѣстнымъ, какъ въ разность такъ и подъ ятками, гдѣ, для приманки гуляющей публики, очень аппетитно выставлены жареные рисовые пирожки и шарики, облитые острою бобовою соей, жаренная и сушеная рыба и дичь, куры и утки, блюда изъ трепанговъ, каракатицъ и акульихъ жабръ, разныя соленья, варенья и маринады, имбирь и другія пряности. Въ нѣкоторыхъ лавочкахъ продаются деревянные чашки, тарелки и подноски съ очень искусно вырѣзанными рисунками въ родѣ цвѣтовъ, насѣкомыхъ и птицъ, въ сопровожденіи стиховъ и пословицъ очень бойко написанныхъ съ помощью только рѣзаца. Въ другихъ лавочкахъ вы можете сдѣлать большой выборъ фарфоровыхъ флакончиковъ и миниатюрныхъ чайничковъ очень разнообразной и всегда изящной формы, выгнанныхъ изъ красной, черной и сѣрой глины; всѣ эти вещицы тоже съ надписями и рисунками. Затѣмъ идутъ писчебумажныя лавки, щеголяющія въ особенности пачками слегка разрисованныхъ конвертовъ и разнообразными письменными приборами, книжныя лавки съ изданиями для дѣтей и народнаго чтенія и лавки народныхъ и дѣтскихъ лубочныхъ картинокъ. Тутъ вы находите большой и разнообразный выборъ сюжетовъ религіозныхъ, національно-историческихъ, юмористическихъ и педагогическихъ. Въ особенности интересны послѣдніе, обыкновенно предлагаемые покупателю цѣлыми сериями, изъ коихъ одна изображаетъ, напримѣръ, отъ начала до конца всю процедуру воздѣлыванія и дальнѣйшей обработки риса, другая—такую же процедуру ухода за шелковичнымъ деревомъ и червемъ и все шелковое производство, третья — культуру хлопчатника или чайнаго куста и фабрикацію чая; затѣмъ идутъ серія замѣчательныхъ мѣстъ, городовъ и храмовъ Японіи, разныя ремесла и промыслы въ картинкахъ, и все это съ пояснительнымъ текстомъ тутъ же гдѣ-нибудь сбоку, на поляхъ рисунка. Очень хороши также азбуки, гдѣ каждому знаку соответствуетъ изображеніе какого-либо предмета съ созвучнымъ ему названіемъ.

Необходимо замѣтить, что вся асакская ярмарка отличается просто баснословною дешевизной, такъ что нашъ братъ-европеецъ не понимаетъ даже изъ-за чего тутъ стояло работать. Какъ-съ, мы много уже перечисляли всякихъ выставленныхъ вещей, но этимъ далеко и далеко еще не исчерпано все разнообразное содержаніе асакской торговли. Такъ, напримѣръ, тутъ въ это же время идетъ очень бойкая продажа нѣкоторыхъ предметовъ, специально предназначенныхъ, согласно древнимъ обычаямъ страны, для наступающихъ праздниковъ, а именно къ проводамъ стараго и встрѣчѣ новаго года. Вотъ, напримѣръ, изъ кадушекъ, наполненныхъ водой, торчатъ свѣжесрѣзанныя,

усыпанныя только-что распустившимися цвѣтами, вѣтви сливы и другихъ фруктовыхъ деревьевъ, которыми на Новый годъ непременно должно быть украшено жилище каждого домовитаго японца, даже и въ томъ случаѣ если оно заключается въ бѣдной плавающей по каналамъ лодкѣ. Вотъ такъ-называемыя «деревя счастья», способствующія домашнему благополучію и въ особенности счастью и здоровью дѣтей, а потому обязательно долженствующія находиться въ каждой семьѣ ко встрѣчѣ Новаго года. Для дерева счастья срѣзывается пушистая вѣтвь плакучей ивы, на прутики которой навѣшиваются цвѣтныя бумажки, семиколѣнчатыя бумажныя *дзинг-дзи* и разныя амулеты, изъ коихъ каждый имѣетъ свое аллегорическое значеніе; тутъ вы видите между ними сдѣланныя изъ воску или рисоваго тѣста рыбу *тай*, маску толсторожей Окаме — добрейшей, чадолюбивѣйшей и толстѣйшей изъ фэй японской міеологіи; далѣе, на прутикахъ, болтаются игральныя кости съ очками и кости домино, золоченые кружки и пластинки, изображающіе денежныя знаки, въ особенности золотыя *кобан*, разныя картонажи, блестящія зеркала, стекляныя шарики и фольговыя фигурки, пряники и конфеты. Эти дерева счастья дарятся родителями и домашними друзьями малолѣтнимъ дѣтямъ какъ новогоднее привѣтствіе, съ пожеланіемъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя аллегорически представляются навѣшанными на вѣтвѣхъ вещицами. Вотъ продаются красныя яйца, совершенно такія же, какъ у насъ на Святой недѣлѣ; здѣсь, говорятъ, принято блюдомъ такихъ яицъ украшать новогодній семейный обѣдъ и одарять ими домашнюю прислугу и родственниковъ, являющихся въ домъ съ новогоднимъ визитомъ. Наконецъ, вотъ большая лавка съ огромнымъ выборомъ самыхъ разнообразныхъ масокъ, носовъ, париковъ и фантастическихъ костюмовъ, такъ какъ обычай ряженія подѣ Новый годъ издревле распространенъ въ Японіи не менѣе, чѣмъ и у насъ на Святкахъ. Эту лавку вы еще издали можете признать по громадной маскѣ толсторожей Окаме, качающейся надъ толпой на концѣ длинной и гнutoй бамбучины. И какихъ только нѣтъ тутъ рожи и лицъ, и людскихъ, и скотскихъ, и совершенно фантастическихъ! Даже рыжеволосаго, длиннозубаго Джонъ-Буля, и того найдете. Впрочемъ, тутъ же можно найти не только маски, но и превосходно вырѣзанныя изъ дерева и до живости натурально разрисованныя головы представителей разныхъ японскихъ общественныхъ и этнографическихъ типовъ для музейныхъ манекеновъ. Это все произведенія мастерской знаменитаго тоокійскаго игрушечнаго мастера рѣзчика и лѣшника Бѣнгоры, отличающагося также своею замѣчательною дешевизной. Много есть тутъ и другихъ лавочекъ, торгующихъ масками, но Бѣнгорѣ по

справедливости принадлежит пальма первенства.

Я замѣтилъ, что дѣтскій міръ въ особенности интересуется здѣсь двумя приманками. Множество живыхъ любопытныхъ глазенокъ устремлено, во-первыхъ, на бродячаго артиста, который, присѣвъ на корточки предъ своимъ лоткомъ, вытѣпливаетъ изъ какой-то желтоватой, смолисто-тягучей, но быстро крѣпнущей мастики разныхъ пѣтушковъ, коньковъ, собачекъ и человѣчковъ. Дѣлаетъ онъ это преоригинальнымъ образомъ, а именно беретъ въ ротъ соломинку съ насаженнымъ на другой конецъ ея комочкомъ мастики и начинаетъ въ нее дуть; по мѣрѣ того какъ комочекъ, скатанный предъ тѣмъ на соломинкѣ въ шарикъ, начинаетъ раздуваться, подобно мыльному пузырю, артистъ съ помощью собственныхъ пальцевъ придаетъ ему формы того или другаго животного, затѣмъ тутъ же раскрашиваетъ свою фигурку и любезно подноситъ ее въ подарокъ, поочередно, одному изъ окружающихъ его дѣтей. Родители, въ отплату за такую любезность обыкновенно бросаютъ ему на лотокъ какую-нибудь мелкую монетку. Такихъ искусниковъ я видѣлъ здѣсь нѣсколько, и всѣ они прекрасно зарабатывали себѣ на своихъ маленькихъ презенткахъ.

Второе, что еще больше привлекаетъ дѣтей, это обычай выпускать на волю птичекъ, совершенно сходный съ такимъ же обычаемъ у насъ. И тутъ, точно такъ же какъ у насъ, птицеловы выходятъ на базаръ съ десятками клѣтокъ на лоткѣ или на коромыслѣ и предлагаютъ малолѣтнему люду сдѣлать доброе дѣло, подарить свободу плѣнницамъ-пичужкамъ. Дѣти съ величайшею охотой окружаютъ птицелова и сами выбираютъ и выторговываютъ у него птичекъ, сами отдають за нихъ деньги и сами же растворяють клѣтку, приподнимая ее вверхъ на воздухъ. И когда освобожденная птичка радостно взвывается къ небу, толпа маленькихъ *анко* и *мусуме*¹⁾ приветствуетъ ее радостнымъ кликомъ и долго слѣдитъ за нею глазами. Всѣ они знаютъ, что птичка полетитъ къ лучезарной богинѣ Тенсе и расскажетъ ей какія въ Японіи есть добрыя дѣти и какъ такой-то маленький *анко* выкупилъ ее изъ неволи.

Кормленіе голубей, живущихъ при асакскомъ храмѣ, тоже входитъ въ кругъ дѣтскихъ обычаевъ даннаго періода. На время ярмарки голубятники запирають по нѣскольку паръ этихъ птицъ въ продолговатыя плоскія клѣтки и выносятъ ихъ въ ряды, выставляя на клѣткахъ блюда съ ячменемъ и варенымъ рисомъ. Дѣти покупають этотъ кормъ и собственно-ручно сыплютъ его голубямъ сквозь верхнюю рѣшетку клѣтки. Всѣ такіе обычай расчитаны

видимо на то, чтобы развивать въ дѣтскомъ сердцѣ добрыя чувства. Вообще, дѣтей тутъ множество; надъ обоими потоками толпы такъ и несутся звуки радостныхъ дѣтскихъ голосовъ, свистулекъ, трещотокъ, летаютъ бумажные бабочки, зеленые и красные каучуковые шары, а еще выше парятъ нарядные змѣи и бумажные человѣчки, въ видѣ какихъ-то гномиковъ и уродцевъ Джонъ-Булей.

Но вотъ, теченіе толпы принесло насъ къ высокому деревянному portalу, вродѣ триумфальныхъ воротъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ его фронта, въ высокихъ нишахъ, стоятъ два идола-гиганта. Это *Ніо-джинны*, небесные стражи, оберегающие входъ въ священную ограду отъ злыхъ духовъ и людей, являющихся съ нечистыми намѣреніями. Обѣ фигуры, поставленныя въ грозныхъ позахъ, очень искусно и пропорціонально вырѣзаны изъ дерева; головы, лица и облаченные части ихъ тѣла сплошь покрыты кроваво-красною краской, а драпировки одеждъ—зеленою съ золотыми узорами; лица же чрезвычайно экспрессивныи отличаются грознымъ и даже звѣрскимъ выраженіемъ, такъ что этихъ *Ніо-джинновъ* скорѣе надо бы назвать адскими чѣмъ небесными стражами. Но, несомнѣнно, эта рельефная экспрессивность должна производить нѣкоторое впечатлѣніе на суевѣрное чувство. Предъ каждымъ изъ этихъ идиловъ, на рѣшеткахъ и пьедесталахъ, навѣшены приношенія, состоящія изъ нѣсколькихъ десятковъ соломенной обуви (*зори*), обязательно оставляемой здѣшнимъ *Ніо-джинамъ* благочестивыми странниками, возвращающимися домой послѣ труднаго восхожденія, по данному обѣту, на самую вершину священной Фузи-ямы. Таковъ уже издревле заведенный обычай. Порталъ этотъ называется «Книжескими воротами»; весь онъ раскрашенъ красною, черною и зеленою краской; часть его стѣнъ покрыта рѣзьбой изъ мелкихъ шестигранниковъ, наминающихъ пчелиные соты, а въ самомъ пролетѣ подвѣшены къ потолку громадные цилиндрическіе и шарообразные фонари съ черными письменами.

Та же толпа понесла насъ отсюда и далѣе. Мощеный тротуаръ въ видѣ прямой, широкой улицы продолжается до самаго храма, будучи точно также оставленъ съ обѣихъ сторонъ цыновочными ятками; но предметы торговли здѣсь уже другого характера. Подъ навѣсами этихъ ятокъ вы встрѣчаете разныя священныя буддійскія изображенія, деревянныя и бронзовыя статуэтки идиловъ, восковыя и курительныя свѣчи, кадила и кропила, домашніе божнички, четки, ладонки, амулетки и т. п.

Внутри храмовой ограды, отъ главнаго пути, носящаго названіе «Кинджусанъ Асакса-тера», идутъ въ обѣ стороны нѣсколько поперечныхъ каменныхъ тротуаровъ, разбивающихъ дворъ

¹⁾ *Анко*—мальчикъ, *мусуме*—дѣвочка.

и священную рошу на нѣсколько участков, гдѣ вокругъ главнаго храма разбросано болѣе сорока капищъ, молельн., божничекъ, небольшихъ храмиковъ и монашескихъ келій. Всѣ эти храмики и капицы посвящены разнымъ божествамъ и геніямъ (*джинамъ*) сянто-буддйскаго культа, между коими предпочтительнымъ вниманіемъ массы цоклонниковъ пользуются капицы богини гармоніи и моря Бен-тенъ, властителя жизни человѣческой. Санндо, патрона воиновъ Хатчимава, покровителя рисоводства Инари, покровителя моряковъ Умино-ками и, наконецъ, генія богатствъ, вислоухаго и тучнаго китайца, Дайкока.

Не доходя главнаго храма, возвышается слѣва въ одной изъ побочныхъ аллей пятиэтажная пагода точно такой же архитектуры какъ и въ Уэнно, а справа — второй порталъ съ такими же Ню-джинами, какъ въ первомъ, открывающій проходъ на особую площадку, гдѣ на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью священныхъ деревъ, помѣщаются два идола крупныхъ размѣровъ, оба отлитые изъ бронзы. Съ ореолами вокругъ головы, они благодушно возсѣдаютъ рядкомъ, съ жезлами въ рукахъ, на одномъ высокомъ каменномъ пьедесталѣ. Жезлы ихъ украшены наконечниками въ родѣ сквознаго пиковаго туза, въ который продѣто съ каждой стороны по три металлическихъ кольца, — это обыкновенная форма священнаго жезла (а также и длиннаго посоха), придаваемого нѣкоторымъ свитымъ буддйскаго пантеона. Намъ объяснили, что эти идолы братья имѣютъ особое значеніе какъ испѣлители ото всѣхъ недуговъ, — стоятъ только болящему прійти къ нимъ и, помолитвись, потерявъ рукой на ихъ металлическомъ тѣлѣ то мѣсто, которое у него болитъ, а затѣмъ тою же рукой потерять его и у себя и въ результатѣ, по увѣренію бонзъ, получается полное испѣленіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе страданій. Въ правой же сторонѣ находится круглый прудъ поросшій лотосами, съ островкомъ посрединѣ; на островкѣ — храмикъ, весь въ зелени; въ водѣ плаваютъ карпы.

Главный храмъ, такъ называемый «Кинриусанъ» или «Асаксатера», выстроенъ изъ дерева и представляетъ собою четырехъ-угольное, снаружи какъ бы двухъ-этажное зданіе на каменномъ фундаментѣ, подъ двумъ-ярусною сѣро-черепичною кровлей. Первый ярусъ этой кровли, опоясывая храмъ между первымъ и вторымъ этажемъ, покрываетъ наружную широкую галлерею вокругъ нижней части храма и вѣнчается легкою галлерейкой второго этажа, остающейся подъ сѣнью значительно выдававшегося впередъ второго яруса кровли, вышины котораго равняется почти одной трети вышины всего храма, отъ основанія до верхняго гребня. Кровля весьма массивна и какъ бы нахлобучена на зданіе, но замѣчательно, что

при этомъ на видъ она нисколько не подавляетъ собою остальные его части, и въ этомъ то, конечно, заключается главный, такъ сказать, фортель архитектурнаго японскаго искусства, умѣющаго такъ гармонически сочетать легкость съ массивностью, что въ общемъ у васъ получается художественное впечатлѣніе. Деревянные части зданія окрашены въ яркій вишнево-красный и, мѣстами, зеленый цвѣтъ съ черными кое-гдѣ каймами. Этотъ характеръ окраски вообще преобладаетъ какъ въ пятиэтажной пагодѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ религіозныхъ постройкахъ Асаксы. Храмъ окруженъ великолѣпною, многовѣковою рощей, гдѣ въ особенности хороши массивные величественные кедры. Внутренность Кинриусана раздѣляется на три продольныя части рядами массивныхъ темно-красныхъ колоннъ; амвонъ отдѣленъ высокою рѣшеткой, за которою помѣщается противъ главнаго алтаря большой деревянный ящикъ со сквозною рѣшетчатою крышей, куда молящіеся опускаютъ денежные подаянія въ пользу храма. Идолъ Каннонъ-сама, озаренный зыблущимся свѣтомъ отъ множества горящихъ предъ нимъ восковыхъ свѣчъ, и сіяющій позолотой ризъ ореола, таинственно смотритъ во храмъ изъ глубины своего возвышеннаго алтаря, изъ-за желѣзной сѣтчатой рѣшетки. На стѣнахъ и колоннахъ развѣшено нѣсколько религіозныхъ картинъ, рисованныхъ на золоченомъ фонѣ и вставленныхъ въ рамы, а также изреченій и молитвъ, изображенныхъ золотыми письменами на черныхъ лакированныхъ скрижаляхъ. Въ лѣвомъ предѣлѣ храма на алтарѣ замѣтили мы большой рисовый хлѣбъ, величиной около полутора фута какъ въ вышину такъ и въ нижнемъ поперечникѣ.

Во храмѣ толчется множество народа: одни уходятъ, другіе приходятъ, осматриваютъ разныя его достопримѣчательности, встрѣчаются со знакомыми, продѣлывая при этомъ всю церемонію взаимныхъ привѣтствій, болтаютъ и развлекаются, но среди этого все же находятъ возможность удѣлить минутку и молитвѣ, процедура которой заключается въ томъ, что желающій помолиться подходитъ къ рѣшеткѣ амвона, ударяетъ отъ одного до трехъ разъ въ ладоши, чтобы разбудить «духа» или вызвать его вниманіе, и затѣмъ, принявъ сосредоточенное выраженіе, на колѣняхъ или стоя, со сложенными молитвенно руками и потирая время отъ времени ладонь объ ладонь, произноситъ про себя свою краткую молитву, прося у Каннонъ-сама посредничества въ исполненіи желаемаго. Послѣ этого, положивъ земной поклонъ, молешики бросаетъ въ ящикъ какую-нибудь монету, либо покупаетъ свѣчу, а не то курительную палочку у особо приставленнаго къ тому бонзы, предоставляя ему же употребить ее по назначенію, и отходить прочь увѣ-

ренный, что Каннон-сама исполнить все о чем он молился, если только это «все» не заключается въ себѣ чего-либо грѣховнаго или направленного ко вреду другого человѣка.

Съ сѣверной стороны храмъ окруженъ всевозможными увеселительными балаганчиками: здѣсь и чайныя, и ресторанички, и тиръ, и панорамы, и выставка фотографическихъ произведеній, и балаганъ курьезовъ, гдѣ показываютъ ученыхъ черепахъ и безрукую дѣвцу стрѣляющую изъ пистолета, вышивающую шелками, пишущую письма и рисующую акварелью цѣлые пейзажи посредствомъ ножныхъ пальцевъ. Здѣсь, наконецъ, есть обширный кабинетъ восковыхъ фигуръ въ натуральную величину, содержатель котораго, съ помощью все того же знаменитаго артиста Бэнгары, поставилъ себѣ задачей иллюстрировать своими манекенами каждое крупное происшествіе въ Токио, каждый выдавшійся случай въ общественной жизни этого города. Фигуры эти очень хорошо исполнены, совершенно натуральны и отличаются замѣчательною экспрессивностью своихъ позъ и физіомій; каждая группа показывается не иначе, какъ при соотвѣтственной декорации и во всей должной обстановкѣ. Тутъ же, въ сѣверной части ограды находятся на выставкѣ собачки и обезьяны разныхъ породъ, которыхъ желающіе могутъ кормить морковью и рѣпой разложенною по порціямъ на блюдахъ, заплативъ за это ничтожную монету въ родѣ одного *сисени*. По сосѣдству съ обезьянами цѣлый птичный рядъ, наполненный чуть ли не всѣми представителями пернатата міра Японіи; въ особенности хороши голубовато-зеленыя горлицы, свѣжнобѣлые пѣтухи и роскошно оперенные «парскіе» фазаны. Тутъ очень сходно можно купить артистически сдѣланныя клѣтки въ видѣ домиковъ и самыхъ затѣйливыхъ киосковъ; нѣкоторыя изъ нихъ разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ съ гнѣздами, гдѣ въ каждомъ посажено по парѣ птичекъ различныхъ породъ. Это очень изящныя и граціозныя игрушки. Далѣе находите вы конюшню, гдѣ содержатся на иждивеніи храма два коня-альбиноса, которыхъ кормятъ не иначе какъ освященнымъ горохомъ и поятъ освященною водою. Дѣлается это въ память того, что книги «благого закона» были привезены въ Японію именно на бѣломъ конѣ; поэтому при нѣкоторыхъ храмахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе всегда содержатся лошади-альбиносы. Но всѣхъ диковинокъ здѣшнихъ и не перечтешь...

Замѣчательно еще вотъ что: во всей этой громадной толпѣ не встрѣтили мы рѣшительно ни одного пьянаго; нищихъ тоже не попадалось. Единственный видъ этихъ послѣднихъ составляютъ слѣпые пѣвцы и пѣвицы, которые распѣваютъ какія-то пѣсни, сидя на цыновкѣ, гдѣ-нибудь подѣ деревомъ и аккомпанируя себѣ на *самсинъ* ⁴⁾.

Прохожіе кидаютъ имъ мелкія деньги въ стоящую предъ ними деревянную чашку. Но попрошайства, которое такъ назойливо преслѣдуетъ васъ въ Турціи и въ Египтѣ, адѣсь ни малѣйшаго.

18-го декабря.

Сегодня утромъ опять пріѣхали ко мнѣ въ посольскій домъ полковникъ Ямазо-Сава съ капитаномъ Гупъ-Номіа и пригласили меня осмотрѣть помѣщеніе эскадрона гвардейскихъ уланъ, расположеннаго въ особыхъ казармахъ, которыя находятся въ бывшемъ военномъ кварталѣ Бандзю, противъ высокихъ стѣнъ цитадели Сиро (бывшаго замка *сецун*). Они построены на набережной канала Тамори-ики, служащаго широкимъ крѣпостнымъ рвомъ, почти какъ разъ противъ высокаго моста, ведущаго къ главнымъ замковымъ воротамъ и представляютъ длинное четырехстороннее зданіе на высокомъ бетонномъ фундаментѣ. Верхъ его, гдѣ находятся жилыя помѣщенія, деревянный, съ рѣшетчатыми окнами, которыя фута на полтора выдаются изъ стѣны впередъ на улицу ящикомъ, словно выставленные клѣтки курятниковъ. По срединѣ стѣны, выходящей на набережную канала, находятся массивныя, окованныя бронзовыми скобами, ворота съ двумя по сторонамъ ихъ калитками, подѣ общимъ узорчатымъ и красиво изогнутымъ навѣсомъ, какіе мы нерѣдко видимъ здѣсь на фронтонахъ нѣкоторыхъ храмовъ и дворцовъ (*яски*) бывшихъ владѣтельныхъ князей (*даймю*). Предъ воротами, у будки стоялъ на часахъ пѣшій уланъ, при саблѣ, съ пикой въ рукахъ, которую онъ, когда мы подѣхали, взялъ «на-караулъ», какъ обыкновенно берутъ въ пѣхотѣ ружья.

Направо изъ-подъ воротъ помѣщается гауптвахта и дежурная офицерская комната. Здѣсь въ ожиданіи эскадроннаго командира, намъ показали вновь-проектируемую саблю, которая посредствомъ особой заделки въ рукояткѣ можетъ надежно прикрѣпляться къ дулу магазинки и служить штыкомъ для спѣшеннаго строя. Въ сосѣдней комнатѣ, попивая чаекъ, сидѣли на корточкахъ и грѣлись надъ жаровой караульные уланы, и тутъ же два писари строчили что-то кисточками на длинныхъ тонкихъ листахъ японской бумаги. Дежурство, караулъ и канцелярія соединяются здѣсь въ одномъ, довольно тѣсномъ, помѣщеніи; но, видно, по надобностямъ эскадрона, иного и не требуется такъ какъ весь канцелярскій штабъ его ограничивается только этими двумя писарями.

Эскадронный командиръ не заставилъ ожидать себя долго. Мы были представлены другъ

⁴⁾ Родъ гитары описанной мною въ главѣ XVIII.

другу, и онъ немедленно пригласилъ насъ къ осмотру. Прежде всего мы прошли обширнымъ внутреннимъ дворомъ на конюшни, помѣщающіяся вдоль задняго фаса казарменнаго четырехугольника. Устройство конюшенъ въ гигиеническомъ отношеніи вполне удовлетворительно. Зимой онѣ вентилируются открытыми окнами, прорѣзанными на высотѣ около полутора сажень отъ полу, а для лѣтняго времени, кромѣ оконъ, служатъ еще особо-устроенныя въ верхней части продольныхъ стѣнъ, подъ крышей длинныя досчатая ставни на петляхъ и съ подпорками, благодаря которымъ каждую ставню можно поднять выше или припустить, сколько потребуется для наибольшей прохлады. Кромѣ того, свободный токъ воздуха проходитъ вдоль всей конюшни, изъ воротъ въ ворота, остающіяся въ течение дня открытыми настежь. Стойла устроены только съ одной продольной стороны, оставляя за собою широкій проходъ до другой стѣны, вдоль которой противъ каждого стойла помѣщаются на полкахъ сѣдловый уборъ и всѣ вещи, относящіяся къ хозяйству каждой лошади. Устройство стойлъ довольно оригинально. Онѣ достаточно просторны и шире нашихъ пожалуй въ полтора раза, такъ что малорослая короткотѣлая японская лошадь свободно можетъ стать и лечь какъ вдоль такъ и поперекъ своего помѣщенія. Каждое стойло отдѣляется отъ сосѣднаго не глухою переборкой, а всячимъ досчатымъ барьеромъ, который нагляднѣе всего можно сравнить съ дверью подвѣшенной во всю длину стойла, въ горизонтальномъ положеніи, для чего въ обоихъ концахъ ея верхняго ребра имѣются желѣзныя петли, надѣваемые на особые крючки, изъ коихъ одинъ вбитъ въ стѣну около ясель, а другой въ деревянный столбъ, находящійся у входа въ стойло. Этотъ барьеръ подвѣшивается на высотѣ около 4½ футовъ и можетъ совершенно свободно качаться и вправо и лѣво на своихъ петляхъ. Такое приспособленіе, какъ объяснили мнѣ, вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣшнія лошади поступаютъ въ воинскія части совсѣмъ почти «сырыя», въ полудикомъ состояніи и, обладая горячимъ темпераментомъ, часто бьются и любятъ драться съ сосѣдними лошадьми. Ударъ копытомъ или иною частью тѣла въ качающійся барьеръ менѣе чувствителенъ для лошади, чѣмъ ударъ въ глухую неподвижную переборку, которая отъ его силы можетъ иногда и треснуть или разщепиться и поранить ногу лошади, такъ какъ съ качающимся барьеромъ этого уже никакъ не случится. Я, впрочемъ, не думаю чтобы ударъ самымъ барьеромъ былъ менѣе чувствителенъ для той лошади, въ которую онъ направленъ копытомъ ея сосѣдки; но на это мнѣ возразили, что для того-то стойла и дѣлаются болѣе просторными въ ширину, чтобы сосѣднія ло-

шадь всегда могла свободно уклониться въ сторону. Во всякомъ случаѣ, приспособленіе это мнѣ кажется довольно сложнымъ и не на всякомъ мѣстѣ удобопримѣнимымъ; такъ, напримеръ, при бивачномъ расположеніи въ конюшняхъ, лошади равно уже ничѣмъ не могутъ быть обезпечены отъ злонавія своихъ сосѣдей; поэтому цѣлесообразнѣе было бы въ самомъ началѣ отучать ихъ отъ дурныхъ привычекъ и приводить ремонтъ въ воинскія части не прямо съ дикой воли, а выдержавъ его предварительно въ конюшняхъ, ремонтныхъ депо, гдѣ подобныя приспособленія были бы, пожалуй, вполне уместны. Но настоятельнѣе всего слѣдовало бы рекомендовать японскимъ кавалеристамъ болѣе правильную и обстоятельную выѣздку ихъ молодыхъ лошадей, которая всѣ, сколько я въ послѣдствіи могъ замѣтить, страдаютъ отсутствіемъ хорошей школы. Вредная привычка *прикуски* повидимому тоже довольно распространена между ними, если судить по тому, что борты многихъ ясель и верхнія ребра качающихся барьеровъ обиты жестью. Полы въ стойлахъ устроены нѣсколько покато ко входу и высланы въ однѣхъ конюшняхъ досками, въ другихъ асфальтовой массой (макадамъ). Вдоль всей линіи стойлъ, непосредственно предъ ихъ входами проведенъ цементированный жолобъ для стока нечистотъ, по которому всегда струится въ небольшомъ количествѣ проточная свѣжая вода изъ водокачальнаго резервуара. Поэтому въ конюшнѣ всегда поддерживается опрятность и не слышно никакихъ запаховъ. Соломенная подстилка мѣняется гораздо рѣже чѣмъ у насъ (среднимъ числомъ, разъ въ шесть дней), но за то и употребляется она экономнѣе нашего: ее вносятъ въ стойла только на ночь, послѣ вечерней уборки лошадей, а съ разсвѣтомъ, предъ началомъ утренней уборки, выносятъ вонъ и раскидываютъ позади конюшенъ для просушки, послѣ чего стойло тщательно подметается. Лѣтомъ здѣсь это въ особенности полезно, такъ какъ голый асфальтовый полъ доставляетъ лошадямъ болѣе прохлады.

Японскія лошади довольно красивы, но жидковаты, видимо слабосильны, хотя и съ огонькомъ, и малорослы настолько, что самыя крупныя не превышаютъ двухъ аршинъ и двухъ вершковъ. Поэтому можно замѣтить, что весь конскій уборъ и въ особенности сѣдла и мундштуки слишкомъ тяжелы и громоздки для такихъ мелкихъ лошадокъ. Къ утренней и вечерней уборкѣ люди являются въ конюшню въ особомъ костюмѣ, состоящемъ изъ бѣлой холщевой куртки, такого же головного колпака, такихъ же панталонъ и простонародныхъ плетеныхъ туфель на босую ногу; а наряжаемые на дневальство и прочую службу по конюшнямъ, кромѣ дежурнаго унтеръ-офицера, остаются въ этомъ костюмѣ все время. Фуражная

дача лошадамъ отпускается по французскому положенію; для водопоя устроены прекрасныя колодцы съ цистернами. Вообще всѣ хозяйственныя приспособленія, какъ-то: фуражные сараи, постоянныя коновязи, кузницу, кухню, ванны, карцеръ и проч. нельзя не признать вполне удовлетворительными. То же должно сказать о лазаретахъ людскомъ и конскомъ и объ аптекахъ. Люди обязательно каждое утро берутъ теплую или холодную ванну, смотря по времени года или по тому что кому болѣе придется. Желаящіе могутъ брать ванну и вечеромъ, и въ таковыхъ не бываетъ недостатка, такъ какъ японцы вообще очень тщательно заботятся о поддержаніи чистоты тѣла.

Что касается карцера, то помѣщенія его, сообразно степенямъ дисциплинарныхъ взысканій, подраздѣляются на три отдѣленія. Первое—общая арестанская—представляетъ просторную свѣтлую комнату, съ голымъ поломъ; подстилочныя циновки выдаются арестованнымъ только на ночь, а утромъ запираются въ кладовую. Второе отдѣленіе, тоже свѣтлое, разбито на нѣсколько тѣсныхъ номеровъ одиночнаго заключенія, съ циновками отпускаемыми только для ночи. А третье—строгий арестъ—состоитъ изъ нѣсколькихъ узкихъ, до-нельзя тѣсныхъ и совершенно темныхъ конурокъ, въ которыхъ можно стоять не иначе какъ согнувшись и гдѣ не полагается уже никакихъ подстилокъ. Пища арестанта градируется также по степенямъ взысканія: въ первомъ отдѣленіи она почти обыкновенная; во второмъ тоже, но выдается разъ въ сутки; а въ третьемъ заключенный пользуется только одною чашкой риса да кружкой воды. Заключение въ арестантской, хотя бы и въ общемъ отдѣленіи, считается у японскихъ солдатъ наказаніемъ позорнымъ; поэтому они предпочитаютъ временное лишеніе права отпусковъ со двора, продолжительные наряды не въ очередь на службу или на самыя тяжелыя черныя работы по казармамъ и т. п., лишь бы товарищи не говорили, что такой-то сидѣлъ въ арестантской, подъ карауломъ. Они считаютъ, что это заключеніе какъ бы приравниваетъ ихъ къ общеуголовнымъ преступникамъ, содержимымъ въ государственныхъ тюрьмахъ, а я говорилъ уже что бытность японца хотя бы и въ исправительной только тюрьмѣ является уже по закону обстоятельствомъ навсегда лишаящимъ его права быть воиномъ, защитникомъ своего отечества. Нельзя не сознаться, что такой духъ и взглядъ на карцерное заключеніе, усвоенный солдатскою средой, есть явленіе которому могли бы позавидовать многія изъ образцовыхъ европейскій армій.

Казарменное помѣщеніе людей устроено по отдѣленіямъ, которыя идутъ по обѣ стороны широкаго срединнаго прохода и отгораживаются одно отъ другого деревянными пе-

реборками; сторона же выходящая на проходъ остается открытою. Каждое такое отдѣленіе полагается на шесть человѣкъ, гдѣ у нихъ имѣется свой особый столъ для письма и разныхъ занятій, свой *хибачъ* (жаровня) для согрѣванія воды къ чаю и свой табакобонъ—особый приборъ для куренія. На каждого человѣка полагается отдѣльная койка, въ родѣ ящика, служащая ему и сундукомъ для бѣлья и одежды; при койкѣ—подушка, матрацъ и три байковые одѣяла. Мѣсто для револьвера и сабли въ головахъ, а для парадной шапки и фуражки на полкѣ, помѣщаемой надъ постелью, гдѣ солдатъ можетъ кромѣ того держать священное изображеніе Будды или своего небеснаго патрона, а также свой столовый приборъ, чашку, чайникъ, табакъ и книги. Магазины и пики собраны повзводно и установлены въ особые деревянные стойки пирамидами. Сигнальныя трубы вѣшаются у трубачей рядомъ съ ихъ револьверомъ и саблей, а сами трубачи располагаются каждый при своемъ взводѣ. Офицеры, кромѣ эскадроннаго командира и ревизора (завѣдующаго хозяйственною частью), живутъ по сосѣдству отдѣльно, на вольныхъ квартирахъ, и являются на эскадронный дворъ или въ дежурную комнату только ко времени служебныхъ занятій.

Послѣ осмотра эскадрона отправились мы въ казармы гвардейской артиллеріи, расположенныя къ сѣверу отъ замка въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ его бастіонами. Люди помѣщаются въ трехъ параллельно идущихъ, двухъ-этажныхъ каменныхъ флигеляхъ, украшенныхъ на боковыхъ своихъ фронтонахъ позолоченною императорскою астрой. Казарменный дворъ обнесенъ каменною стѣной съ воротами, при которыхъ находится гауптвахта и стоятъ парные часовые въ ранцахъ и полномъ боевомъ снаряженіи, вооруженные карабинами Албани. Среди обширнаго двора были вытянуты въ линію мортиры и гладкостѣнныя бронзовыя полевые пушки, за ними во второй линіи стояли передки, а въ третьей—зарядные ящики. Круповская же батарея (шесть орудій) была убрана подъ особый навѣсъ; повидимому она бережется болѣе остальныхъ и содержится въ образцовомъ порядкѣ. Эти бронзовыя старинныя орудія служатъ памятникомъ надувательства англо-американскихъ благодѣтелей Японіи, продавшихъ ихъ заглазно, на честное слово, за орудія новой конструкции; случилось это еще на первыхъ порахъ, въ самое горячее время, когда непроченные еще опытомъ японцы заботились только объ одномъ, чтобы накупить себѣ поскорѣе и побольше новаго оружія. Казармы и конюшни устроены очень просторно и удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ гигиены. Внутреннее расположеніе жилыхъ помѣщеній та-

кое же какъ и въ уланскомъ эскадронѣ; положеніе то же, а что до сорта и качества лошадей, то онѣ такія же какъ въ кавалеріи, только выѣзжены еще хуже, часто дурятъ, артачатся, крутятся на мѣстѣ, бьютъ задомъ и заносятъ ¹⁾. За исключеніемъ горныхъ батарей, вся артиллерія въ Японіи бѣдная. При естественной ловкости, вообще свойственной японцамъ, они умѣютъ на ходу очень быстро соскакивать и вскакивать на свои мѣста и дѣйствуютъ при орудіяхъ съ похвальною расторопностью, но безъ малѣйшей суеты. Вообще во время ученій видна хорошая школа и твердое отчетливое знаніе каждымъ чело-вѣкомъ своихъ обязанностей ²⁾.

Изъ артиллерійскихъ казармъ переѣхали мы въ расположенныя въ сосѣдствѣ съ ними казармы гвардейской пѣхотной бригады. Помѣщеніе этихъ двухъ полковъ можно назвать даже роскошнымъ. Высокій земляной валъ съ брустверомъ и наружнымъ рвомъ окружаетъ обширный дворъ или лугъ, на которомъ тамъ и сямъ красуются отдѣльно стоящіе древнія деревья. Лугъ этотъ образованъ очевидно искусственнымъ образомъ: всѣ неровности его почвы сняты, и вся площадь нивелирована, что ясно видно по этимъ самымъ деревьямъ, которые стоятъ какъ бы на большихъ земляныхъ тумбахъ. Въ одномъ концѣ этого луга находятся разные образцы полевыхъ укрѣпленій и слѣды земляныхъ работъ, въ которыхъ упражняютъ здѣсь не однихъ саперъ, но и всю пѣхоту. По аккуратности и чистотѣ отдѣлки этихъ работъ, производимыхъ съ помощью туровъ, дерна, фашинника и проч., ихъ можно назвать исполнѣ японскими; но при этомъ надо замѣтить, что главное вниманіе обучающихъ обращается на сущность дѣла, а вовсе не на эти щегольскія мелочи, которыя у японцевъ являются какъ бы сами собою, между прочимъ, какъ необходимый аксессуаръ ихъ труда и даже просто какъ свойство самой ихъ артистической природы: они ужъ такъ созданы и такъ любятъ чтобы все, что выходитъ изъ-подъ ихъ рабочей руки было прочно и красиво, даже изящно. Я потому-то и остановился на этихъ деталяхъ, что онѣ служатъ характеристикой работъ японскаго солдата.

Посреди луга возвышается четырехъ-угольникъ двухъ-этажныхъ кирпичныхъ казармъ, коихъ внутренній квадратный дворъ занятъ обширнымъ учебнымъ плацомъ, гдѣ мы застали утренній смотръ дежурнаго батальона,

производимый ежедневно по-очереди. Это нѣчто въ родѣ нашихъ разводовъ. Къ девяти часамъ утра, или смотря по приказу и раньше, люди дежурнаго батальона въ полномъ своемъ составѣ, по сигналу «сборъ» становятся въ ружье и выстраиваются на дворѣ, съ горнистами на правомъ флангѣ ³⁾. Къ этому же времени обязательно являются на плацъ всѣ офицеры и чиновники полка, изъ коихъ не находящіеся во фронтѣ выстраиваются по старшинству въ линію противъ середины батальона лицомъ ко фронту. Съ прибытіемъ полкового командира, по отданіи ему воинской почести, происходитъ приемъ рапортовъ отъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ и осмотръ людей каждой роты или одной изъ нихъ, смотря по желанію полкового командира; затѣмъ повѣряется дневной нарядъ на разные случаи и службы; тутъ же читается адъютантомъ приказъ и разные относящіеся къ дѣлу распоряженія высшихъ военныхъ властей; въ случаѣ надобности, дѣлаются полковымъ командиромъ замѣчанія и выговоры или отдаются благодарности; затѣмъ слѣдуетъ отдача разныхъ распоряженій по строевой, канцелярской и хозяйственной частямъ, и въ заключеніе дѣлается людямъ небольшое ученіе или церемониальный маршъ, послѣ коего части назначенныя въ нарядъ разводятся по своему назначенію, а остальные люди распускаются по казармамъ. Выходъ командъ съ казарменнаго двора въ городъ и возвращеніе ихъ въ казармы всегда сопровождается музыкой: впереди идетъ горнистъ и наигрываетъ не то маршъ, не то сигналъ какой-то. Вообще я замѣтилъ, что японскій уставъ чрезмерно пристрастенъ къ трубнымъ сигналамъ; здѣсь, кажись, все и чуть ли даже не простѣйшія естественныя отправленія въ домашней жизни солдата совершаются не иначе какъ по сигналу. Вполнѣдствіи, сколько ни случалось мнѣ проѣзжать мимо тѣхъ или другихъ казармъ въ разное время дня, и раннимъ утромъ, и довольно позднимъ вечеромъ (въ началѣ одиннадцатаго часа), ни разу не обошлось безъ того, чтобы со двора не доносились звуки какихъ-то сигналовъ. Встаютъ по сигналу, моются по сигналу, одѣваются по сигналу, молятся по сигналу, ѣдятъ, чай пьютъ, курятъ, отдыхаютъ, словомъ, рѣшительно все по сигналу... Говорятъ, будто это способствуетъ наибольшему поддержанію дисциплины. Не знаю, такъ ли? Мнѣ кажется, что внимательство командныхъ словъ и сигнала во всякое жизненное отправленіе и домашнее дѣйствіе солдата, которое могло бы быть исполнено или само по себѣ или просто по словесному приказанію

¹⁾ При мнѣ не проходило въ Токио ни одного смотра безъ того, чтобы нѣсколько лошадей, въ особенности во 2-й горной батарее, не разбивали фронтъ и не заносили.

²⁾ Къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая видѣть стрѣльбу боевыми снарядами и потому ничего не могу сказать о ея достоинствахъ или недостаткахъ.

³⁾ Барабанщиковъ въ японскихъ войскахъ не полагается.

фельдфебеля и даже отдѣленнаго унтеръ-офицера, вносить во внутренней бытъ солдата какую-то автоматичность и чересчуръ уже много скучной мелочной регуляци и формализма, переходящаго въ ненужное педантство. Мнѣ кажется, что въ концѣ концовъ это должно только стѣнять людей безо всякой нужды и надобнѣ имъ донельзя, а потому едва ли способствуетъ развитію истинной дисциплины. Говорятъ, будто въ этомъ отразилось французское вліяніе. Очень можетъ быть что и такъ: такое же неумѣренное пристрастіе къ трубнымъ сигналамъ отличало въ 1877 году турецкую и румынскую арміи, для которыхъ французскій уставъ тоже служилъ нѣкогда образцомъ и идеаломъ.

Способъ ношенія ружей также не кажется мнѣ особенно удобнымъ: здѣсь часто берутъ ихъ «подъ курокъ», вытягивая лѣвую ладонь поперекъ правой стороны груди, а на ходу носятъ на правомъ плечѣ дуломъ книзу, съ небольшимъ уклономъ ружья назадъ, упираясь куркомъ въ плечо и держась пальцами правой руки за пятку приклада. Думаю, что нашъ приемъ «ружья вольно» гораздо проще, легче и удобнѣе для солдата.

По окончаніи смотра полковой командиръ предложилъ намъ осмотрѣть казармы, поручивъ одному изъ батальонныхъ командировъ и полковому адъютанту показать все достойное вниманія. Въ этихъ казармахъ, какъ уже сказано, расположены оба полка гвардейской пѣхоты, и такъ какъ условія помѣщенія и жизни каждаго изъ нихъ совершенно тождественны, то для меня было достаточно ознакомиться съ помѣщеніемъ одного какого-нибудь батальона, чтобы получить понятіе и объ остальномъ.

Обширныя сѣни, съ широкою желѣзною лѣстницей во второй этажъ, дѣлятъ каждый флигель казармъ на двѣ равныя части. Каждая изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ по четыре большія продольныя залы, двѣ въ нижнемъ этажѣ и двѣ въ верхнемъ. Каждая изъ залъ служитъ помѣщеніемъ для одной роты. Рядъ оконъ европейскаго устройства даетъ этимъ помѣщеніямъ достаточно свѣта и воздуха; въ одной изъ залъ окна выходятъ на внутренней дворъ, а въ смежной съ нею на наружный плацъ; внутренняя стѣна глухая. Для отопленія служатъ переносныя чугунныя печи съ колѣнчатыми желѣзными трубами, выходящими наружу чрезъ отверстія въ окнахъ, откуда онѣ поднимаются вертикально до уровня крыши. Каждая зала, равно какъ и лѣстница, освѣщается въ достаточномъ количествѣ газовыми рожками. Водопроводныя трубы проведены въ центральное помѣщеніе каждаго флигеля, гдѣ устроены резервуары для питья и металлическіе умывальники отдѣльно для каждой роты; тутъ же хранятся и длинные

каучуковые рукава на случай пожара. Полъ асфальтовый. Надъ дверями каждой залы вывѣшена доска съ номеромъ и названіемъ роты. При входѣ въ роту, посѣтителѣ встрѣчаетъ ее внутренняя дежурная часть—унтеръ-офицеръ и двое дневальныхъ, причемъ первый кричитъ людямъ «ветать!», но не рапортуетъ старшему изъ вошедшихъ начальниковъ. По приглашенію послѣдняго вставшіе люди, если были предъ тѣмъ заняты какимъ-либо дѣломъ въ родѣ чтенія, письма, шитья и т. п., могутъ опять сѣсть и продолжать свои занятія, не стѣняясь присутствіемъ офицеровъ. Снова подымается съ мѣста и отвѣчаетъ стоя, руки по швамъ, только тотъ къ кому офицеръ обратится съ какимъ-либо личнымъ вопросомъ.

Вдоль обѣихъ продольныхъ стѣнъ залы идетъ рядъ такихъ же коекъ, какъ и въ уланскомъ эскадронѣ. Въ остающемся по срединѣ длинномъ и широкомъ проходѣ поставлены рядъ длинныхъ столовъ со скамейками, гдѣ люди обѣдаютъ, читаютъ, пишутъ, занимаются какимъ-либо рукоесломъ и проч. Ружья собраны въ обѣихъ концахъ залы повѣсно и содержатся пирамидами въ стойкахъ; остальная же аммуниція находится при своихъ хозяевахъ и хранится на полкахъ, надъ постелями. При самомъ входѣ въ залу вывѣшена черная доска съ поименнымъ спискомъ всѣхъ людей роты. Имена пишутся на гладкихъ узенькихъ дощечкахъ, которыя вставляются по порядку ротнаго разсчета въ особые пазы, сдѣланные на черной доскѣ. Кто, напримѣръ, отпущенъ въ городъ того имя вынимается со своего мѣста и переносится на другую доску; то же самое и въ отношеніи больныхъ и арестованныхъ, для которыхъ также имѣются особыя рамки подъ соотвѣстными рубриками. По срединѣ залы на видныхъ мѣстахъ ея стѣнъ висятъ большія черныя доски, на которыхъ начертаны бѣлилами наиболѣе важныя и необходимые солдату правила изъ дисциплинарнаго устава, военной гигиены и о порядкѣ жизни въ казармахъ. Для фельдфебеля устроена тутъ же при ротѣ особая комната, а унтеръ-офицеры помѣщаются въ общей залѣ, каждый при своемъ отдѣленіи, но если желаютъ, то могутъ завести на собственный счетъ складныя ширмы, которыми иногда и отдѣляютъ себѣ на ночь особый уголокъ. Впрочемъ, этимъ правомъ рѣдко кто изъ нихъ пользуется. На взглядъ всѣ эти фельдфебели и унтера—совсѣмъ бѣлобубая молодежь, такъ что нравственное вліяніе ихъ на рядового солдата если и есть, то можетъ поддерживаться только значеніемъ ихъ чина, но ужъ никакъ не опытомъ и солидностью возраста. Впрочемъ, въ такой молодой, вновь испеченной арміи, иначе и быть не можетъ на первое время, пока продолжительные годы доброт-

ной службы не создадутъ для нея староопытныхъ унтеръ-офицеровъ.

Кухни устроены отдѣльно. Онѣ достаточно просторны, свѣтлы и содержатся чисто. При насъ накладывали солдатскій обѣдъ. Отъ каждаго взвода на кухню являлось по два человѣка съ бамбуковыми носилками, причемъ помощникъ ревизора, справляясь въ заранѣе сообщенной ему запискѣ о наличномъ числѣ людей въ каждой ротѣ и ея взводахъ, приказывалъ поварамъ отпустить на носилки тако-го-то взвода, такой-то роты столько-то обѣденныхъ порцій и отмѣчалъ ихъ число у себя въ книжкѣ. Обѣдъ на каждаго человѣка состоялъ изъ коробочки варенаго риса, чашки съ вареными овощами, грибами и кусками морской каракатицы, политыми японской острой соей, и изъ блюдечка съ квашеной рѣдькой (въ замѣнъ соли) и четырьмя жареными рыбками, въ родѣ нашей салакушки. Ъдять люди три раза въ сутки: утромъ въ 6½ часовъ имъ полагается завтракъ, въ полдень обѣдъ и въ шесть часовъ вечера—ужинъ. Кроме того, отъ казны отпускается на каждаго человѣка ежедневная порція чая, для заварки коего въ каждомъ отдѣленіи взвода имѣются свои приспособленія: хибачъ и металлическій чайникъ. Продовольствіе, какъ въ гвардейскихъ, такъ и въ армейскихъ частяхъ одинаково и состоитъ преимущественно изъ рису, овощей и рыбы, до которой японцы вообще большіе охотники. По два раза въ недѣлю отпускается также мясо и пшеничный хлѣбъ, но послѣдній по неумѣнію выпекается дурно, и потому люди его не любятъ и ѣдятъ мало. Вообще, вопреки ожиданіямъ правительства, которое ввело хлѣбъ по совѣту французскихъ инструкторовъ онъ не замѣнилъ, да и не можетъ замѣнить для людей риса, составляющаго издревле ихъ народную пищу.

Вооруженіе гвардейской пѣхоты состоитъ изъ ружья Снайдера со штыкомъ-ятаганомъ. Качество мундирнаго сукна показалось мнѣ нѣсколько выше, чѣмъ у армейцевъ, и шьются здѣсь мундиры замѣтно щеголеватѣе. Форма одежды гвардейскаго пѣхотинца состоитъ изъ синей суконной фуражки съ желтымъ околышемъ и кантомъ, синяго мундира съ воротникомъ, шестью надгрудными широкими петлицами и обшлагами краснаго цвѣта, и синихъ штановъ съ краснымъ узенькимъ лампасомъ; обувь—башмаки съ гамашами; парадный головной уборъ—черное кожаное шако съ бѣлымъ буйволовымъ султаномъ, украшенное спереди бронзовой розеткой императорской гербовой астры. Форма эта довольно благообразна, только люди никакъ не умѣютъ справиться съ пуговками передняго брючнаго разрѣза и держать его въ порядкѣ, что производитъ нѣсколько комическое впечатлѣніе, въ особенно-

сти, если случается въ строю во время учений и церемоніальнаго марша.

Вообще, мнѣ кажется; что военное министерство относительно формы одежды поступило бы вполне благоразумно, еслибы возвратилось къ болѣе національному ея характеру, какой имѣлъ мѣсто въ зарождавшемся подобіи регулярныхъ войскъ еще при послѣднемъ *сегунѣ* въ послѣдніе годы его правленія. По словамъ Эме Эмбера, мундирная одежда тогдашнихъ солдатъ дѣлалась изъ плотной синей бумажной матеріи, какую и до нынѣ употребляетъ простой народъ, и состояла изъ рубашки, похожей на ту, что носили гарибальдійскіе волонтеры, и узкихъ панталонъ въ обтяжку; ноги были обуты въ бумажные носки и сандалии; на поясѣ большая сабля въ лакированныхъ ножнахъ, а патронташъ вмѣстѣ со штыкомъ поддерживался съ правой стороны португеей; остроконечная шапка изъ лакированнаго картона съ отвороченными на вискахъ кверху полями дополняла форму сегуновскихъ гвардейцевъ. Читая это описаніе у Эмбера, видишь, что тогдашняя форма была почти вполне тождественна съ національнымъ костюмомъ, какой искони и по настоящее время носитъ простой рабочій людъ въ Япоііи. Всѣ эти *курамы*, носилыщики, плотники, погонщики, рыбаки и проч., если не ходятъ нагишомъ (въ жаркую пору года), то носятъ именно такой костюмъ, прибавляя къ нему иногда въ зимнее время широкій темносиній плащъ изъ бумажной же матеріи, подбитый ватой. Очевидно, что этотъ костюмъ болѣе привыченъ именно для того класса населенія, который составляетъ большинство солдатъ, и надо видѣть, какъ ловко дѣйствуетъ одѣтый такимъ образомъ японецъ своимъ топоромъ или инымъ инструментомъ и какъ легко и шибко бѣгаетъ *курама* въ своихъ соломенныхъ сандаляхъ (*зори*). Положимъ, эти послѣднія могли бы быть замѣнены въ войскахъ болѣе прочной обувью; но панталоны въ обтяжку и бумажную сорочку, мнѣ кажется слѣдовало бы водворить въ армію по прежнему, тѣмъ болѣе что. не говори уже о привычности, этотъ костюмъ гораздо изящнѣе нынѣшнихъ quasi-европейскихъ мундировъ, въ которыхъ японскій солдатъ видимо чувствуетъ себя не совсѣмъ-то ловко. Онъ стѣсненъ этой неуклюжей курткой, этими шароварами, которые надо еще застегивать спереди, этими нелѣпыми гамашами, безо всякой нужды отягчающими его ступню и голени; болышую часть года при здѣшнихъ жарахъ онъ изнываетъ и прѣтеть въ своемъ тяжеломъ суконномъ костюмѣ. И къ чему все это? Регулярная японская армія не перестала бы быть таковой и въ болѣе національномъ костюмѣ. Старая и не разъ доказанная истина, что самый пригодный для арміи костюмъ есть тотъ, въ какомъ ходятъ ея народъ, могла бы найти

себя въ Японіи наилучшее примѣненіе и по климату, и по дешевизнѣ, и по красотѣ костюма. Переменная формы, въ смыслѣ замѣны сукна бумагой, была бы невыгодна только для англійскихъ фабрикантовъ, которые за отсутствіемъ суконныхъ фабрикъ въ Японіи являются теперь чуть ли не монопольными поставщиками суконъ на всю японскую армію. Съ сукномъ японскій народъ до послѣдняго времени знакомъ совсѣмъ почти не былъ, да и не имѣлъ въ немъ нужды, такъ какъ его плотныя, теплыя и прочныя бумажныя ткани едва ли гдѣ имѣютъ себя подобныя; ихъ носитъ рабочій японецъ и лѣто, и зиму, не жалуясь ни на зной, ни на холодъ; онъ совершенно привыкъ къ нимъ еще издревле, и конечно не изъ среды солдатъ раздались бы жалобы, если-бъ эти бумажныя ткани опять были введены въ армію.

За исключеніемъ огнестрѣльнаго оружія и суконъ, вся амуниція и предметы вещевого снабженія, какъ-то: сабли, сѣдла, удила, ремени и кожаныя вещи, обозныя принадлежности, словомъ, рѣшительно все потребное для войскъ и относящееся до ихъ специальностей выдѣляется на мѣстѣ своими внутренними силами и средствами, а въ послѣднее время начинаютъ фабриковаться даже и ружья. За невозможностью, по естественно географическимъ причинамъ развитія въ обширныхъ размѣрахъ овцеводства, только фабрикація суконъ никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ мѣстнаго производства, и потому доколѣ армія будетъ одѣваться въ сукно, Японія останется по этой статьѣ ввозной торговли невознаградимой данницей англійскихъ фабрикантовъ.

Послѣ осмотра помѣщеній гвардейской бригады, посѣтили мы армейскія казармы въ Токио, гдѣ расположенъ одинъ батальонъ 13-го пѣхотнаго полка. Мы пріѣхали туда вмѣстѣ съ командиромъ сего полка, полковникомъ Ямазо-Сава. По общему типу всѣхъ японскихъ казармъ, эти расположены также четырехугольникомъ, обрамляя собой большой квадратный дворъ или внутренній плацъ; но самыя постройки здѣсь носятъ уже барачный характеръ, и я далеко не нашелъ того комфорта въ помѣщеніи, какимъ окруженъ солдатъ гвардейскій. Впрочемъ, японецъ, благодаря счастливому климату своей страны, а еще болѣе своей выносливости и безразличной привычкѣ къ лѣтнему зною и зимнему холоду, не требуетъ строеній особой прочности и не претендуетъ, если изъ щелей и бумажныхъ оконъ его обиваетъ струями довольно рѣзкаго, холоднаго вѣтра. Здѣсь сохраняется тотъ же характеръ размѣщенія людей, по шести человекъ въ отдѣленіи, со всѣми приспособленіями, какія мы уже видѣли раньше: тѣ же наподстѣльные полки, тѣ же настильные доски съ наименованными списками людей и выписками изъ дисциплинарнаго устава и проч. Разница та, что вмѣ-

сто газа горитъ керосинъ въ подвѣшенныхъ подъ потолокъ лампахъ, а чугунныя печи замѣняются сложенными изъ кирпича хибачами, которые устроены въ полу, на срединномъ проходѣ, между столами, съ такимъ расчетомъ, чтобъ одинъ хибачъ приходился на срединѣ противъ четырехъ отдѣленій. Въ хибачахъ постоянно тлѣютъ уголья; но такъ какъ между оконными рамами всегда есть достаточно щелей, то людямъ не грозитъ опасность серьезнаго утара, а къ маленькому они привыкли еще съ дѣтства. Вообще японцы не знаютъ иного способа согрѣвать свои жилища, какъ посредствомъ хибача, который въ одинаковомъ употребленіи у нихъ и зимой, и лѣтомъ. Но такъ какъ зимній ночной холодъ становится порой весьма чувствителенъ, то они обыкновенно покрываются, вмѣсто одѣяла, длинными и широкими халатами, подбитыми очень толстымъ слоемъ ваты: въ войскахъ же необходимости такихъ ночныхъ халатовъ замѣняется тремя и даже четырьмя байковыми одѣялами, изъ коихъ четвертое, какъ выслужившее свой срокъ, поступаетъ въ полную собственность солдата. Одѣяло № 1, какъ смотровое, не употребляется въ дѣло въ теченіе извѣстнаго срока и настигается въ скатанномъ видѣ на ранецъ только для смотровъ и парадовъ; одѣяло № 2 носится на ранцѣ въ караулѣ и на простыхъ ученьяхъ, такъ что для покрыванія ночью служатъ собственно номера 3-й и 4-й, изъ коихъ № 3 поступаетъ на ранецъ во время маневровъ, при бивуачномъ расположеніи, а № 4 развѣрывается для покрыванія на казарменныхъ постеляхъ только при значительномъ холодѣ.

При каждой ротѣ имѣется особое помѣщеніе для фельдфебеля, и рядомъ съ нимъ отгораживается небольшой свѣтлый уголокъ для ротной канцеляріи; при батальонѣ же полагается дежурная комната для офицера, куда, между прочимъ, сходятся всѣ служащіе въ батальонѣ офицеры для бесѣды за чашкой чая и разныхъ занятій, касающихся ихъ службы. Въ дежурной же комнатѣ производятся разбирательства по разнымъ жалобамъ, происходитъ судъ и налагаются на виновныхъ дисциплинарныя взысканія.

Ружья въ этомъ батальонѣ не всѣ еще замѣнены новыми системы Снайдера; рядомъ съ послѣдними я замѣтилъ не мало старыхъ игольчатыхъ, прусскихъ.

Кухня, ванны и карцеръ таковы же, какъ и въ прочихъ казармахъ. Вообще же казарменная служба и даже, по возможности, самая жизнь устроена по образцу французской. Изъ офицеровъ, только одинъ завѣдующій хозяйствомъ, да иногда командиръ части обязательно живетъ въ казармахъ; остальные помѣщаются внѣ ихъ, на вольныхъ кваргирахъ, и отъ того зачастую въ помѣщеніи цѣлаго полка не встрѣтишь, за исключеніемъ дежур-

наго, ни одного офицера. Понятно, что это должно чувствительным образом отзываться на внутреннем порядкѣ и дисциплинѣ казарменной жизни, особенно при составѣ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, слишкомъ юныхъ годами и служебною опытностью. Хотя недостатокъ этотъ отчасти искупается тѣмъ, что въ японскомъ народѣ вообще развито чувство долга, нерѣдко переходящее даже въ нѣчто рыцарское, но все же мнѣ кажется, что внутренняя, домашняя дисциплина оставалась-бы здѣсь въ значительномъ выигрышѣ, еслибы батальонные и ротные командиры обязательно жили въ казармахъ.

Сегодня (18-го декабря), около полудня вспыхнулъ пожаръ въ кварталѣ Суруга, лежащемъ къ сѣверу отъ замка, въ округѣ Сото-Сиро, а къ двумъ часамъ дня двухъ тысячъ домовъ какъ не бывало... Но это здѣсь считается еще пустячнымъ, маленькимъ пожаромъ. Каковы же большіе!

Мы были во дворѣ артиллерійскихъ казармъ, когда вдругъ раздались звуки набата. Со всѣхъ сторонъ неся тревожно - учащенный звонъ колоколовъ, возвѣщавшій начало народнаго бѣдствія, которое, впрочемъ, повторяется здѣсь такъ часто, что уже и не считается особеннымъ бѣдствіемъ, а служитъ скорѣе грандіознымъ бесплатнымъ спектаклемъ для многаго множества тоокійскихъ обывателей.

Пожарная часть организована въ японской столицѣ далеко не удовлетворительно. По всему городу разбросано нѣсколько десятковъ легкихъ каланчей съ вышками, откуда дежурные полицейскіе сторожа постоянно наблюдаютъ не загорѣлось ли гдѣ въ окрестности, и чуть кто изъ нихъ замѣтитъ подозрительный дымъ, тотчасъ-же даетъ съ вышки сигналъ своей пожарной части. Кромѣ этихъ каланчей, каждый кварталъ имѣетъ еще свой собственный набатный пунктъ и пожарный постъ, а иногда и два, и три, смотря по величинѣ квартала. Слѣдуя по любой изъ нѣсколько значительныхъ улицъ, вы непременно замѣтите на какомъ-нибудь перекресткѣ высокій мачтовый столбъ со ступеньками, представляющій вертикальную гимнастическую лѣстницу, прикрытую двускатною кровелькой, подъ которую виситъ бронзовый колоколъ, въ формѣ римской тиары. Чуть только кто изъ жителей слышитъ сигнальный звонъ съ каланчи или замѣтитъ выставленный на вышкѣ красный флагъ, тотчасъ-же кидается къ ближайшему набатному пункту и, вскарабкавшись по ступенькамъ на вершину столба, принимаетъ что есть мочи учащенный звонить, высматривая въ то же время гдѣ загорѣлось. Звуки набата въ ту же минуту перебиваются отъ него на соседнихъ пунктахъ, и не пройдетъ двухъ, трехъ

минуть, какъ призывный звонъ уже стоитъ надъ цѣлымъ городомъ.

Каждый кварталъ обязательно имѣетъ свою пожарную команду, формируемую изъ охотниковъ, на жалованьи отъ правительства. Но команды эти вовсе не имѣютъ своего обоза, онѣ пѣшія какъ въ Константинополѣ, и потому часто поневолѣ запаздываютъ своимъ появленіемъ. Каждая изъ нихъ вооружена извѣстнымъ количествомъ багровъ, топоровъ и пр. и однимъ небольшимъ брандспойтомъ, который украшаетъ для чего-то мѣднымъ вызолоченнымъ шаромъ и таскается на плечахъ четырьмя носильщиками. Каждой командѣ присвоенъ особый флагъ съ изображеніемъ ея отличительнаго знака и имени квартала. По первой тревогѣ вся корпорація пожарныхъ въ каждомъ кварталѣ сбѣгается къ своему депо и, забравъ инструменты, послѣдно слѣдуетъ рысцой за своимъ вожакомъ-флагоносцемъ, выкрикивая по пути имя того участка, гдѣ загорѣлось. Пока пожарные пробѣгаютъ по улицамъ, къ нимъ присоединяется масса празднотлюбиваго люда, жаднаго до всякихъ зрѣлищъ, и такимъ образомъ каждая команда является на пожаръ окруженная и сопровождаемая громадною толпой, изъ-за которой ей часто невозможно даже продаться къ мѣсту дѣйствія иначе, какъ прокладывая себѣ дорогу кулаками. Но еще до прибытія пожарныхъ, первыми кидаются тушить огонь всѣ ближайшіе сосѣди и всѣ прохожіе, случайно очутившіеся на мѣстѣ. Для подавія этой первой помощи, по всѣмъ улицамъ Тоокіо (да и не одно-го Тоокіо, а всѣхъ вообще японскихъ городовъ и даже большинства селеній), по распоряженію правительства, стоятъ впереди тротуаровъ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, большія кадки и четырехугольные ящики всегда наполненные водой и покрытые доской, на которой устанавливаются нѣсколько ведеръ въ видѣ пирамиды двускатными досчатыми навісцемъ. Многіе домовладѣльцы и хозяева магазиновъ устраиваютъ еще и на собственный счетъ такіе же приспособленія предъ входомъ въ свои дома и торговые заведенія. А кромѣ того на галереяхъ верхнихъ этажей и на крышахъ домовъ обязательно имѣются тоже баки и кадки съ водой, ведрами и швабрами для смазыванія стѣнъ и деревянныхъ частей крыши; въ каждомъ домѣ со двора непременно приставлена къ карнизу кровли пожарная лѣстница. Но увы!—всѣ эти приспособленія оказываются почти безсильными противъ дѣйствіи пожаровъ. Огонь работаетъ тутъ съ такою быстротой и всепожирающею силой, о какихъ въ европейскихъ городахъ не имѣютъ даже и приблизительнаго понятія.

Еще не успѣвъ прекратиться набатный трезвонъ, при первыхъ звукахъ котораго мы успѣшили подняться на валъ, окружающій

казармы, чтобы посмотреть где горит, как несколько десятков домов уже были охвачены пламенем. Огонь со свистом и треском не только бѣжал полосой, гонимый на восток западнымъ вѣтромъ, но какъ бы прыгалъ и швырялся въ разные стороны: поминутно загоралось то тутъ, то тамъ, въ такихъ мѣстахъ, где казалось бы рано еще ожидать пожара. Это была уже работа массы искръ и головешекъ, сыпавшихся во дворы и на крыши домовъ, расположенныхъ далеко еще впереди линіи пожара. Не прошло и получаса, какъ весь участокъ Суруга, до восьми верстъ въ окружности, представлялъ одно сплошное, бушующее море пламени. Множество народа стояло на валу канала Тамори-ики и любовалось этою чудовищно-грандіозною картиною, въ то время какъ жители обѣятыхъ пожаромъ кварталовъ точно муравьи бѣжали изъ пылавшихъ улицъ къ водѣ, таща за плечами дѣтей, а въ рукахъ разные пожитки. Мы видѣли какъ на крышу одного изъ ближайшихъ домовъ двое какихъ-то людей вынесли на веревкѣ изображение *Фудоо*, вставленное въ блестящую звѣздообразную рамку. *Фудоо*—это духъ огня, пользующійся особымъ почитаніемъ у буддистовъ, по вѣрованію кони онъ и насылаетъ и прекращаетъ пожары, какъ и вообще всякое несчастье. *Фудоо* изображается со страшно суровымъ лицомъ, весь окруженный ореоломъ пламени, держа въ правой рукѣ поднятый вверхъ мечъ, а въ лѣвой—арканъ, свернутый кольцомъ. Люди на крышѣ загоравшагося дома, высоко поднимая свою звѣзду, старались держать его изображение на встрѣчу огню и съ замѣчательною настойчивостью исполняли это среди жестокаго жара, пока наконецъ и самъ ихъ *Фудоо* не загорѣлся. Тогда его поспѣшно потушили и еще поспѣшнѣ убрались вмѣстѣ съ нимъ съ крыши, послѣ чего чрезъ какую-нибудь минуту домъ вспыхнулъ и сгорѣлъ дотла. Но замѣчательно и даже непонятно, какимъ образомъ уцѣлѣлъ сосѣдній съ нимъ деревянный домишко, на самомъ берегу канала, тогда какъ непосредственно вокругъ него кипѣло огненное море.

Пожаръ между тѣмъ надвигался все впередъ и впередъ, къ востоку, на торговые кварталы Сото-Сиро, этого тоокійскаго *City*. Тамъ на всѣхъ крышахъ стояли люди и скачивали ихъ водой, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Оставаясь на своихъ постахъ до послѣдней возможности, они едва успѣвали спастись сами, уже въ то время, какъ дымъ и пламя начинали пробиваться наружу изъ-подъ кровель. Къ счастью, вѣтеръ стихъ, и въ началѣ третьяго часа дня дальнѣйшее распространѣніе огня было прекращено.

По окончаніи осмотра казармъ 13-го полка, я проѣхалъ на пожарище. На берегу канала валялись груды спасеннаго имущества, но въ

нихъ, къ удивленію, преобладалъ всякій домашній хламъ, въ родѣ цыновокъ, одѣяль, узловъ носильнаго платья и кое-какой самый обыкновенной утвари, да и той-то было немного; цѣнныхъ же вещей я рѣшительно ни одной не замѣтилъ. По всѣмъ видимымъ признакамъ казалось, что сюда сволочено лишь то, что случайно попало подъ руку, а между тѣмъ участокъ Суруга одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Тоокію. Но недоразумѣніе это разъяснилось для меня въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ только я осмотрѣлся на самомъ мѣстѣ еще догоравшаго пожара.

Громадная площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ представляла лишь черные квадраты да параллелограммы подворныхъ участковъ, покрытые горами битой черепицы и тлѣющихъ углей и разграниченные между собою болѣе свѣтлыми полосами бывшихъ улицъ и переулковъ. На этихъ пустыряхъ одиноко торчали только потрескавшіеся отъ жару и почернѣвшіе отъ копоти несгораемые магазины или такъ называемые *йодоуны*. Каждый зажиточный домовладѣлецъ, а тѣмъ болѣе купецъ и магазинщикъ непременно строитъ *йодоуну* у себя на дворѣ или рядомъ съ лавкой, чтобы въ случаѣ пожара сохранить въ ней наиболѣе цѣнные вещи и товары. На видъ *йодоуна* представляется узковато-высокимъ домикомъ или башенкой на квадратномъ основаніи, обѣ одномъ окнѣ подъ двускатною, укороченною кровлей изъ аспидно-сѣрой черепицы; строится она изъ обожженнаго, но чаще изъ сырцоваго кирпича, штукатурится какъ внутри, такъ и извнѣ толстымъ слоемъ бѣлаго или темносѣраго цемента и снабжается желѣзною дверью и желѣзнымъ наконнымъ ставнемъ, которые пригоняются на своихъ петляхъ такъ, чтобы можно было затворять ихъ наглухо и совершенно вплотную къ ихъ желѣзнымъ вмурованнымъ въ стѣну рамамъ. Во многихъ случаяхъ такіа двери и ставни покрываются снаружи слоемъ чернаго цемента, толщиной вершка въ четыре, а тамъ, гдѣ этого нѣтъ, надъ окномъ и дверью, вбивается по парѣ желѣзныхъ крючковъ, на которые, въ случаѣ возможности навѣшиваются сильно пропитанные водой цыновки или холщевые брезенты чтобы желѣзо не раскалялось отъ жару. Дальнѣйшая поливка этихъ завѣсъ въ томъ случаѣ когда пожаръ окружающихъ построекъ уже заставилъ бѣжать прочь всѣхъ обывателей, лежитъ на обязанности пожарныхъ, и эти послѣдніе, какъ увѣряютъ, настолько добросовѣстны, что заливая горящіе дома никогда не забываютъ направить, между прочимъ, струю воды и на сосѣднія *йодоуны*. Говорятъ также, что не было еще примѣра чтобы *йодоуна*, оставленная на попеченіе пожарныхъ, оказалась потомъ разграбленною; поэтому сложивъ всѣ цѣнное въ *йодоуну*, хозяева преспокойно удаляются съ

пожара и присоединяются къ толпѣ зрителей, предоставляя свои жилища въ жертву пламени. Вотъ почему и на каналѣ не встрѣтилъ я въ грудѣ сложенныхъ пожитковъ ни одной цѣнной вещи; тамъ было свалено лишь имущество бѣдняковъ, которымъ, въ сущности, кромѣ своихъ цыновокъ да носильнаго платья и спасать-то нечего. За исключеніемъ этихъ *годоуновъ* и помянутаго домишка на берегу канала, да еще построекъ нашей духовной миссіи на Суруга-даѣ, не уцѣлѣло на всемъ пространствѣ рѣши-тельно ни одной постройки. Сгорѣли, между прочимъ, знаменитые магазины шелковыхъ матерій купца Матсуйи, на улицѣ Ооденъ-мацц, гдѣ погибло много цѣнныхъ товаровъ, которыхъ не успѣли сложить въ *годоуны*.

Но замѣчательное дѣло: огонь еще тлѣлъ на пожарницѣ въ грудѣхъ углей и головней, и даже самый пожаръ еще не кончился въ восточномъ концѣ Суруга, а многіе погорѣльцы уже принялись строиться вновь на томъ же самомъ мѣстѣ. Одни изъ нихъ расчищали себѣ площадки, другіе таскали бревна, бамбучины, цыновки и доски, третьи ставили временныя шалашики и ятки, такъ что къ вечеру на расчищенныхъ площадкахъ было сколочено не мало животрепещущихъ балаганчиковъ, гдѣ уже шла торговля уцѣлѣвшими отъ огня вещами.

Еще одна удивительно характерная черта въ японцахъ: ни во время самого пожара, ни тотчасъ же по окончаніи его, я не замѣтилъ ни одного погорѣльца у котораго на лицѣ выражалось бы горе, печаль или хотя бы только сожалѣніе о погибшемъ имуществѣ; напротивъ, всѣ они живо, энергично работали надъ возведеніемъ новыхъ своихъ временныхъ построекъ и дѣлали это по наименьшей мѣрѣ съ равнодушными, если даже не съ веселыми физіономіями; то тамъ, то здѣсь мелькали привѣтливыя улыбки, слышался порой добродушный смѣхъ и неизмѣнно соблюдались обычныя вѣжливости.

Казалось бы, послѣ такого пожара, массы людей должны остаться окончательно безъ крова, но нѣтъ—не остаются. Здѣсь на этотъ счетъ чуть ли не съ незапамятныхъ временъ выработана своя превосходная практика. Погорѣльцы уходятъ прямо къ роднымъ и знакомымъ въ уцѣлѣвшіе кварталы, а если у кого нѣтъ подобнаго пристанища, то на помощь погорѣльцу приходитъ само правительство. Полицейскія власти тотчасъ же во всѣхъ концахъ города вывѣшиваютъ объявленія и возвѣщаютъ во всеуслышаніе чрезъ особыхъ глашатаевъ о томъ какіе кварталы, по распоряженію губернатора, назначены подъ временное помѣщеніе погорѣльцевъ и сколько семействъ въ каждомъ изъ этихъ кварталовъ могутъ размѣститься у обывателей. Каждому погорѣльцу они тутъ же на мѣстѣ, выдаютъ заранѣе уже заготовленный на подобные слу-

чай бланкъ, служащій ему свидѣтельствомъ и направляютъ его въ одинъ изъ назначенныхъ кварталовъ, а тамъ уже мѣстные полицейскіе чиновники лично наблюдаютъ за правильнымъ распределеніемъ постояльцевъ. Въ каждый кварталъ попадаетъ ихъ ровно сколько назначено, отнюдь не болѣе, чтобы не обременять излишкомъ обывателей. И никто изъ домохозяевъ никогда и никому не отказываетъ въ гостепріимствѣ этого рода, ибо каждый знаетъ, что завтра же самъ легче легкаго можетъ очутиться съ семьей въ такомъ же положеніи. Погорѣльцы могутъ проживать въ отведенныхъ имъ помѣщеніяхъ пока не обстроятся, на что въ Японіи требуется очень немного времени: какая-нибудь недѣля, много полторы, и новый домикъ готовъ. Правительство же заботится и о пропитаніи на первое время тѣхъ, кто рѣшительно все потерялъ въ пожарѣ и даже ссужаетъ ихъ строительнымъ матеріаломъ. Для этого здѣсь и имѣются казенные рисовые магазины и лѣсные склады.

Замѣчательно, между прочимъ, вотъ какой обычай: на другой же день послѣ пожара всѣ родные, друзья и даже просто знакомые являются къ погорѣльцу съ изъявленіемъ своего соболѣзнованія, причемъ каждый изъ нихъ непременно приноситъ ему въ даръ какую-либо изъ необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей; одинъ несетъ цыновку, другой связку бамбучинъ, третій ведро, четвертый миску, чайникъ, одеяло и т. д. Такимъ образомъ изъ этихъ дружескихъ приношеній у погорѣльца на первое, самое трудное время, составляется болѣе или менѣе все необходимое для первоначальнаго обзаведенія. Прекрасная черта взаимопомощи.

Мнѣ сообщили, что эта же самая часть города шесть лѣтъ тому назадъ выгорѣла вся до тла, точно такъ же какъ и сегодня. Вообще, мѣстные статистики вычислили самымъ обстоятельнымъ образомъ, что въ теченіе семилѣтняго періода обыкновенно выгораетъ и вновь отстраивается весь городъ. Такимъ образомъ, пожары совершаютъ здѣсь какъ бы правильный кругооборотъ, и это уже, такъ сказать, свой предопредѣленный, порядокъ, его же не преищешь.

XXVI.

«Благополучный мѣсяцъ веселостей».

Сибя, усыпальница сегуновъ и ея художественныя достопримѣчательности.—Каунъ Нового года у японцевъ.—Народные обычаи: мистификаціи, ряженіе и гаданья.—Повѣрья и предразсудки.—Празднованіе перваго дня Нового года.—Талисманы благополучія.—Общія бани.—Какъ японцы проводятъ новогодній день.—Праздникъ на пожарищѣ.—Вакханалія винокуровъ.—Праздникъ въ большомъ купеческомъ домѣ.—Гулянье въ Асаксѣ.—Обѣдня въ посольской церкви.—Прогулка въ предмѣстѣе Оджи-Инари.—Улица Накасенъ или Кисо-каидо.—Холмистый краѣвъ Аска-яма и рѣчка Такиногава.—Фабричная слободка и ея обитатели.—Легенды о святомъ Инари и его лисицѣ.—Сельскія лавочки.—Слѣпая путница.—Храмъ Оджи-Инари.—Бонза-художникъ.—Японскія миниатюры.—Часовня Кинце.—Землекопныя работы и задѣльная плата.—Характеръ подгородныхъ селеній и ихъ культуры.—Высокоцитность крестьянскаго сословія въ Японіи.—Гетѣ, японскіе парія.—Основы пользованія земельною собственностью.—Оригинальное соперничество сельскихъ хозяевъ изъ-за удобренія.—Мѣста религіознаго и мистическаго значенія.—Новогодняя процессія ряженыхъ.—Аристократическое кладбище Теннози.—Торжественный новогодній обѣдъ у микадо.—Праздникъ Рождества Христова на русскихъ военныхъ судахъ.—Посѣщеніе Юкогамскаго рейда императоромъ.—Большой парадъ войскъ Тоокійскаго гарнизона. Военные агенты и воинственные консулы.—Китайское посольство.—Императорскій конь.—Порядокъ и особенности церемоніальнаго марша, его достоинства и недостатки.—Обѣдъ на „Африкѣ“ принцу Гонуэзскому.—Елка въ русскомъ посольствѣ.—Благая политика.—Обѣдъ съ мр. Самуэлемъ Беккеромъ.—Японская кавалерія.

19-го декабря.

Отправились мы сегодня вмѣстѣ съ барономъ О. Р. Штакельбергомъ въ Сибя осматривать гробницы *сегуновъ*. Я уже говорилъ, что Сибя расположена на холмахъ въ юго-западной части города. Это цѣлый паркъ роскошнѣйшихъ деревьевъ преимущественно хвойныхъ породъ, насажденный въ концѣ XVI столѣтія знаменитымъ *сегуномъ* Тайко-сама. Подъ сѣнью этихъ почтенныхъ великановъ разбросано нѣсколько синтоскихъ и буддійскихъ храмовъ и часовень. Здѣсь господствуетъ смѣшанный культъ, *Рюбу-Синто*; но чисто буддійскія постройки все же преобладаютъ: ихъ насчитывается тутъ болѣе семидесяти зданій, большихъ и малыхъ. Еще лѣтъ десять тому назадъ въ Сибя находилась одна изъ самыхъ большихъ бонзерій, которая всегда пользовалась особымъ покровительствомъ *сегуновъ*; поэтому новое правительство сочло нужнымъ уничтожить ее, какъ опасное гнѣздо приверженцевъ стараго порядка. Монахамъ было предложено возвратиться въ свѣтское состояніе, а помѣщенія ихъ обращены въ военные казармы. Правительство покушалось было въ 1872 году свести съ лица земли и самые храмы Сибя; но сильный ропотъ, возникшій по этому поводу между всѣми буддистами, газетные протесты и

ходатайства, сдѣланныя частнымъ образомъ со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ представителей, успѣли во-время остановить правительство отъ разрушенія этихъ лучшихъ и совершеннѣйшихъ памятниковъ національнаго японскаго искусства.

Обширный паркъ Сибя окруженъ каменною стѣной съ дерновымъ брустверомъ, на которомъ мѣстами разросся рядъ сосенъ. Главный входъ въ него находится съ восточной стороны, откуда вы вступаете въ престлстную аллею. Вправо находится синтоскій храмъ *Синмей*, представляющій наиболѣе совершенный типъ *миа* по сочетанію простоты и художественнаго вкуса какъ въ общемъ контурѣ, такъ и въ деталяхъ. Далѣе, пятиэтажная пагода и нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ часовень, посвященныхъ Хатчимуану, Бейтенъ и пр. Но описывать ихъ въ подробности я не стану, такъ какъ мой читатель уже могъ составить о нихъ достаточное понятіе изъ прежнихъ моихъ описаній; скажу только, что онѣ отличаются богатымъ разнообразіемъ въ деталяхъ своей орнаментовки, поскольку въ нее входятъ бронзовые чеканъ и рѣзба по дереву.

Аллея приводитъ къ новой стѣнѣ съ узорнорѣшетчатыми окнами въ видѣ овальныхъ медальоновъ. Порталъ, выступающій изъ этой стѣны противъ аллеи, вполне великолѣпен: онъ весь рѣзной работы и весь позолоченъ необыкновенно искуснымъ и прочнымъ образомъ. Вверху, на золоченомъ плафонѣ его находится живописное изображеніе женщины летящей по небу и играющей на свирѣли. Говорятъ будто это лучезарная богиня Тенсе, олицетворяющая солнце. Изъ подъ этого портала вы входите въ первый внутренній дворъ храма *Зоо-зюзи* (иначе *Сойюсти*), окруженный рѣзною деревянною галлереей. Тутъ вы невольно изумляетесь гармоническому сочетанію яркихъ красокъ и позолоты, коими покрыты разныя затѣйливыя арабески искусствѣйшей работы. Идоль всей этой галлереи, огibaющей дворъ съ четырехъ сторонъ, подвѣшенъ къ потолку на цѣпочкахъ рядъ бронзовыхъ фонарей, исполненныхъ въ сквозную прорѣзъ разнообразными и мелкими узорами. Противъ каждаго фонаря приходится въ наружной стѣнѣ окно, какъ уже сказано, въ видѣ широкаго медальона, рама котораго представляетъ своего рода японское рококо. Эти окна—верхъ совершенства по своей необычайно тонкой рѣзной работѣ. Высоко-рельефная рѣзба ихъ изображаетъ въ натуральную величину разныхъ птицъ, свойственныхъ японской фаунѣ; онѣ расположены особыми группами, по породамъ, среди свойственной имъ обстановки. Въ каждомъ медальонѣ особая группа. Тутъ вы видите куропатокъ подъ сѣнью лѣсныхъ цвѣтковъ и растеній, утокъ и дикихъ гусей на струйкахъ воды, куликовъ и бекасовъ среди болотъ

ной растительности, журавлей летящих под облаками, горлиць, павлинов и фазанов на вѣтвях сосны и цвѣтущаго персика. Но надо видѣть, какъ все это сдѣлано! Сколько силы и живаго движенія, сколько художественнаго вкуса и тонко подмѣченной натуры въ каждомъ изображеніи!.. Баронъ Гюбнеръ ¹⁾ усматриваетъ въ нихъ очевидное, но необъяснимое влияніе итальянскаго бароккизма, словно всѣ эти произведенія вышли изъ мастерскихъ Борромини и Бернени. «Пусть кто можетъ, объяснитъ эту странность», говоритъ онъ; но мнѣ кажется, объясненіе тутъ можетъ быть только одно: эти произведенія несомнѣнно составляютъ совершенно *самостоятельные* плоды самостоятельнаго японскаго искусства; ибо положительно извѣстно, что итальянскій барокко не проникалъ, да и не могъ проникнуть въ Японию. И притомъ, хотя въ этихъ произведеніяхъ фантазія рѣзчика художника позволяетъ себѣ совершенно свободные приемы, отрѣшаясь отъ условныхъ формъ скульптуры священныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ ничего страннаго и причудливо своевольнаго, что именно свойственно бароккизму; напротивъ, онѣ полны жизненной правды и естественно-сти; это ихъ существенное отличіе отъ барокко, и европейскимъ художникамъ стоило бы изучать ихъ.

Внутри двора, усыпаннаго мелкою галькой, находятся каменный водоемъ подъ сквознымъ кіоскомъ и двойные ряды высокихъ канделябровъ изъ гранита и массивной бронзы. Самый храмъ Зоо-зюи стоитъ подъ разъемчатымъ деревяннымъ футляромъ чернаго цвѣта, чтобы предохранить отъ порчи его наружныя стѣны въ изобиліи покрытыя изящною рѣзбой, лакомъ и позолотой. Внутри его тоже все рѣзба и позолота такихъ же, если не большихъ достоинствъ. Полъ наведенъ дивнымъ чернымъ лакомъ съ темнокрасными каймами и покрытъ тонкими нѣжными цыновками просто артистической выдѣлки. По стѣнамъ, на пилястрахъ, подъ верхнимъ карнизомъ висятъ парчевыя знамена въ довольно большемъ количествѣ. На роскошно обставленномъ алтарѣ помѣщаются рядомъ золоченыя статуи Будды и Авани. Чтобы полюбоваться всѣмъ этимъ вблизи необходимо надо было подчиниться условіямъ религиозныхъ требованій японцевъ и снять обувь, такъ какъ иначе въ храмъ не пустятъ; но мы охотно исполнили это, рискуя схватить себѣ гриппъ, если не что-нибудь хуже: день былъ очень холодный, хотя и ясный. Впрочемъ, это самоотверженіе наше было вознаграждено высокимъ эстетическимъ удовольствіемъ.

Позади храма особая дверь въ оградѣ перваго внутренняго двора ведетъ во второй

дворъ, столь же обширный, украшенный цвѣтниками, священными деревцами и такими же бронзовыми канделябрами какъ и въ первомъ, но совершенно безлюдный. По другую его сторону красуется небольшой порталъ въ видѣ раззолоченной кумирни, гдѣ въ особенности хороша рѣзба золоченыхъ колоннъ, по которымъ спиралью выются высоко-рельефные священные драконы. Самыя двери покрыты лакомъ и украшены рѣзными букетами цвѣтовъ и бронзовыми медальонами превосходнаго чекана. Проходить черезъ порталъ надо тоже съ разутыми ногами, чтобы не попортить лаковый полъ. Отсюда выходишь на третій узкій дворъ окруженный высокими каменными стѣнами, надъ которыми свѣшиваются изъ-за ограды роскошныя вѣтви гигантскихъ деревьевъ. Поперекъ двора возвышается противъ входа терраса, на которую ведутъ двѣ неширокія каменные лѣстницы. Каждая изъ нихъ приводитъ васъ на особую небольшую площадку, гдѣ воздвигнуто по одному каменному мавзолею въ видѣ желобковатой колонны съ примыкающими къ ней двумя крупными тумбами съ рѣзбой, на конхъ высѣчены надписи. По бокамъ мавзолеевъ бронзовые канделябры. Это могилы двухъ *сеуновъ*, всегда украшенные цвѣтами и вѣчно зелеными растеніями посаженными въ клумбахъ. Вся предшествовавшая обстановка святилища, со всею ея тишиной и таинственностью, уже заранѣе подготавливаетъ и настраиваетъ посѣтителя къ серьезному, сосредоточенному и почтительному чувству, которое невольно охватываетъ его при видѣ этой строгой и величавой простоты усыпальницы двухъ властелиновъ, нѣкогда столь всемогущихъ.

Сегодня у японцевъ каунъ Нового года. Прежде Новый годъ обыкновенно справлялся ими въ седьмой день февраля, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство приказало праздновать его одновременно съ Европой по Григоріанскому календарю. Народъ поморщился, поропталъ, но подчинился, и теперь справляетъ свой Новый годъ «по новому» съ прежнимъ весельемъ и прежними обычаями.

По пути въ Сибя и обратно, вниманіе наше невольно останавливалось на суетливыхъ приготовленіяхъ ко встрѣчѣ Нового года. Повсюду шла уборка, мытье и чищеніе домовъ, которое во многихъ семействахъ начинается еще за десять дней до наступающаго праздника. За это время, въ силу обычая, обязательно должны быть обметены отъ паутины и пыли всѣ уголки, даже на чердакахъ, а внутреннія стѣны тщательно вычищены отъ накопившейся въ нихъ копоти и кухонной сажки (дымовыя трубы въ Японіи не употребляютъ) и заново выбѣлены блестящимъ цементомъ. Все это необходимо потому что «нечистая сила», по

¹⁾ Авторъ *Прогулки вокругъ свѣта*, см. изданіе его въ русскомъ переводѣ, 1873 года, ч. I, стр. 360.

народному повѣрью (весьма мудрому и не въ одномъ гигиеническомъ отношеніи), любить всякую нечистоту и охотѣе всего заводится въ нечисто содержимыхъ домахъ, насылая на ихъ обитателей дурное расположеніе духа и разныя болѣзни. Оттого-то чистота жилищъ, одежды и тѣла является одною изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ японской жизни. Въ улицахъ по которымъ лежалъ нашъ путь мы повсюду видѣли какъ прислуга и хозяйки выносить на дворъ своихъ домовъ разныя домашнія вещи и рухлядь, перетираютъ и вытряхаютъ ихъ, выколачиваютъ циновки, перемываютъ всю утварь и посуду, — и все это дѣлалось очень весело, съ радостными улыбками, смѣхомъ и веселыми возгласами. На улицахъ безпрестанно попадались намъ рабочія лошади въ соломенныхъ башмакахъ, грузно навьюченные срубленными подъ корень молодыми бамбуковыми деревцами, сосенками и елками; хозяева-сельчане, ведя ихъ подъ уздцы, громко выкрикивали свой «зеленый товаръ» и бойко распродавали его по пути выбѣгавшей на ихъ кличъ прислугѣ и хозяйкамъ, которыя спѣшатъ запастись заранѣе нужнымъ количествомъ елокъ и бамбуковъ, необходимыхъ къ завтрашнему дню въ каждомъ домѣ, начиная съ императорскаго двора и до послѣдней убогой хижинны. И мы видимъ какъ домашняя прислуга втыкаетъ купленные елки передъ воротами и входными лѣсенками, а бамбуки вдоль тратуара. Повсюду бродятъ продавцы пунцовыхъ шарообразныхъ фонариковъ, навизанныхъ группами на высокую гнутую бамбучину. Фонарики тоже раскупаются очень бойко и вѣшаются на карнизы, на ворота и ради украшенія на елки, перевитыя лентами изъ серебряной и золотой бумаги. Это очень живо напомнило намъ и наши рождественскія елки... На каждомъ шагу встрѣчаются женщины и дѣти возвращающіяся домой «изъ подъ Асаксы» съ только-что купленными «деревцами счастья» и вѣтками цвѣтущей сливы; многія изъ нихъ несутъ въ вазончикахъ и поддѣльные сливовыя деревца и другіе цвѣты на стебелькахъ, сдѣланные очень искусно изъ бумаги, что опять-таки напомнило мнѣ отчасти наши гостинодворскія «вербы» съ ихъ искусственными розанами въ горшечкахъ. Раньше я говорилъ, уже что подъ Новый годъ каждый домъ непременно украшается внутри цвѣтами и вѣтками цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ; садовники къ этому дню даже нарочно выращиваютъ въ фарфоровыхъ вазонахъ сливовыя и иныя деревца-карлики, пышно усѣянные цвѣтомъ. Хозяйки, кромѣ хлопотъ съ уборкой дома, заняты еще крашеніемъ яицъ и печеніемъ рисовыхъ пироговъ съ соленюю и свѣжею рыбой, подаваемыхъ къ столу и раздаваемыхъ въ день Нового года роднымъ и прислугѣ. Крашенныя красныя яйца

являются наравнѣ съ пирогами необходимою принадлежностью и украшеніемъ новогодняго семейнаго стола; въ этотъ день хозяева также и ихъ раздаютъ въ знакъ привѣта всѣмъ домочадцамъ, друзьямъ и слугамъ являющимся съ новогодними поздравленіями. Готовятъ хозяйки еще и приношенія всѣмъ домашнимъ духамъ-покровителямъ, въ видѣ рисоваго хлѣба, куска сушеной рыбы, бутылочки саки и ящичка съ коконами шелковичнаго червя. Мужчины же хозяева заняты въ это время сведеніемъ всѣхъ своихъ счетовъ. Послѣднее число двѣнадцатаго мѣсяца, это уже издревле обычаемъ установленный день для расчетовъ со всѣми кредиторами, прикащиками, рабочими и проч., чтобы ни одна копѣйка стараго долга не перешла на Новый годъ, потому что иначе это будетъ дуралъ примѣта: долги одолѣютъ.

Новогодній канунъ, подобно нашему *первому апрѣлю*, посвященъ у японцевъ разнымъ шутливымъ мистификаціямъ, выдумкамъ, балагурству и считается, какъ и самый день Нового года, наиболѣе веселымъ временемъ, въ силу повѣрья, что старый годъ необходимо проводить а новый встрѣтить полнымъ весельемъ, потому что какъ проведешь первый день года, такъ будешь проводить и всѣ остальные дни его. Но такое повѣрье не чуждо и намъ, да кажись и всей европейской расѣ. Вообще новогодній канунъ отмѣченъ у японцевъ нѣкоторыми обрядами и обычаями, изъ коихъ иные просто удивляютъ своимъ сходствомъ и даже тождествомъ съ нашими. Такъ, напримѣръ, въ этотъ день у нихъ въ большемъ ходу ряженье и гаданія. Толпы *геекъ*, украшенныхъ алыми шарфами и вѣнками изъ папоротника, съ пунцовыми фонариками въ рукахъ, а вслѣдъ за *гейками* домашніе слуги, мастеровые, мелкіе мѣщане, *коскемсы* разныхъ бонзерій и тому подобный людъ наряжаются въ разные фантастическіе костюмы и маски и расхаживаютъ гурьбой по улицамъ, или же небольшими компаніями переходятъ въ своемъ околотѣ изъ дому въ домъ, распѣвая подъ окнами особыя соотвѣтственныя празднику пѣсни и поздравительныя вирши. Хозяева ихъ угощаютъ и одариваютъ рисовыми лепешками и деньгами. Выручка дѣлится поровну между ряженными и тратится на праздничныя удовольствія. Это очень напоминаетъ намъ малороссійскую *коляду*. Что до гаданій коимъ отдаютъ послѣдніе часы вечера и которыми наиболѣе интересуются молодыя дѣвушки и женщины, то здѣсь въ ходу нѣсколько способовъ узнавать свое будущее: жгутъ бумагу, льютъ воскъ и олово, выпускаютъ въ воду сырое яйцо или, ставъ посреди двора и глядя на крышу, наблюдаютъ за струйками выбивающагося изъ-подъ черепицы дыма. Въ самую же полночь хозяйки домовъ, преимущественно изъ мѣщанскаго и сельскаго сословія, выходятъ на порогъ ово-

ихъ жилищъ и зажигаютъ въ рукѣ пукъ со-
сновой лучины окропленной предварительно
освященной водой. Въ этомъ послѣднемъ га-
даніи имѣютъ у нихъ особое значеніе продол-
жительность горѣнія, сила блеска, направление
пламени, трескъ, величина и количество искръ,
такъ какъ по всѣмъ этимъ примѣтамъ хозяй-
ки предугадываютъ что ожидаетъ ихъ семьи
въ наступающемъ году: хорошее или дурное,
прибыль въ домѣ или убытокъ, урожай, при-
ращеніе семейства, замужество взрослой до-
чери, болѣзнь смерть и т. п. Ложась спать,
кладутъ подъ *макуру* ¹⁾ изображеніе чудови-
ща *баку*, украшеннаго вмѣсто носа словеснымъ
хоботомъ (обстоятельство явно указывающее
на его китайское происхожденіе) и имѣющаго
свойство отгонять дурные сны и показывать
молодымъ дѣвушкамъ во снѣ ихъ суженаго.
Это много напоминаетъ нашъ святочный обы-
чай, преимущественно у купеческихъ дочекъ,
класть подъ подушку бубноваго короля съ тою
же самою цѣлью. Въ этотъ же день происхо-
дитъ изгнаніе изъ дому злыхъ духовъ, и це-
ремонія эта раздѣляется на утреннюю и пол-
ночную. Утромъ у выходной двери ставятъ
колючее лилейное растеніе, *юкку*, на верхуш-
ку котораго насаживается соленая рыба го-
ловка, до которой злые духи очень лакомы;
почувявъ ея запахъ они слетаются къ ней изъ
всѣхъ угловъ и подполій, но наколовшись
отъ жадности на листья *кики*, въ ужасѣ раз-
бѣгаются на всѣ стороны. Но это еще не
вполнѣ достаточное очищеніе, такъ какъ иной
духъ все же можетъ забиться въ какую-ни-
будь щель и опять войти въ домъ на старое
свое гнѣздище. Поэтому не задолго до полу-
ночи старшій членъ семьи, нарядясь въ луч-
шій свой киримонъ и взявъ въ руки полный
ящикъ жареныхъ бобовъ, обходитъ всѣ ком-
наты, весь дворъ и сарайчики и чуланчики,
всѣ углы и закоулки своего дома и повсюду
пригоршнями разсыпаетъ бобы по полу и пу-
скаетъ ими въ стѣны, въ потолки, на крышу,
приговаривая: «Да исчезнутъ бѣсы, да водво-
рится довольство!» или «Счастье въ домъ,
нечисть изъ дому!» Дѣти подбираютъ бобы и
тутъ же сѣдаютъ ихъ. Это тоже отчасти на-
поминаетъ украинскій обрядъ обсыпанія хаты
житомъ, совершаемый хозяиномъ въ Крещен-
скій сочельникъ, тѣмъ болѣе что и тамъ тоже
происходитъ своего рода изгнаніе бѣсовъ, ко-
гда хозяйка накапчиваютъ зажженою «кре-
щенскою» свѣчей кресты на печи, на всѣхъ
притолокахъ, дверяхъ и оконницахъ и окро-
пляютъ весь домъ крещенскою водой, сохра-
ненною въ бутылочкѣ съ прошлагодняго во-
досвятія. По совершеніи обряда изгнанія бѣ-
совъ, вся семья садится за ужинъ встрѣчать
Новый годъ, который въ эту минуту входитъ

въ растворенную дверь дома. Самый же мо-
ментъ его встрѣчи называется «*дуванъ-санъ*»,
то-есть моментъ трехъ началъ, подразумѣвая
подъ симъ начало года, дня и часа. Всѣ по-
здравляютъ другъ друга опускаясь на колѣни
и земно кланяясь, причемъ произносятъ слово
«*джу*», равносильное пожеланію долгой жизни.
Поэтому и за семейнымъ ужиномъ въ ново-
годнюю ночь непременно подается блюдо лап-
ши, въ силу того что ея длинныя тесьмы изъ
тѣста служатъ символомъ долголѣтія. При по-
здравленіи каждымъ испивается чашка *саки*.
Избѣгаютъ только садиться за столъ вчетве-
ромъ, почитая это число несчастнымъ, какъ
у насъ *тринадцатъ*, на томъ основаніи, что
по-японски *четыре* и *смерть* произносятся
одинаково: «*ши*». По этой же причинѣ, чтобъ
избѣжать даже косвеннаго намека на все, что
такъ или иначе соединяется съ понятіемъ о
четырехъ, за новогоднимъ ужиномъ никогда
не подается мясо, четвероногихъ животныхъ.
Не только первые новогодніе дни, но и весь
первый мѣсяцъ посвящается у японцевъ ра-
зличнымъ увеселеніямъ и домашнимъ радо-
стямъ, имѣющимъ основною своею темой культъ
благополучія и семейнаго счастья; поэтому его
называютъ здѣсь «благополучнымъ мѣсяцемъ
веселостей».

20-го декабря.

Желая посмотрѣть какъ празднуютъ японцы
свой Новый годъ, мы цѣлою компаніей взяли
нѣсколько *дженерикшей* и поѣхали въ наиболѣе
оживленныя части города. На улицахъ
массы гуляющихъ людей и разряженныхъ
женщинъ съ «деревями счастья» въ рукахъ,
а еще болѣе дѣтей. Это у японцевъ преиму-
щественно дѣтскій праздникъ, какъ у насъ
Рождество. Дѣти запускаютъ множество разно-
цвѣтныхъ бумажныхъ змѣевъ, изъ которыхъ
многіе снабжены трещетками, дудочками и
свистульками, отчего съ воздушныхъ высотъ
доносятся на землю слабыя музыкальныя зву-
ки вродѣ золотой арфы; пускаютъ и особыя
фигурки летающихъ людей, классическихъ ге-
роевъ и героинь японской древности и мифо-
логіи, а также и уродцевъ въ образѣ «Ги-
шпанцевъ» и англичанъ съ рыжими бакен-
бардами. Дѣвочки играютъ въ волавъ; почти
изъ каждаго дома несутся звуки *самсиновъ* или
юто съ аккомпанементомъ *тамтама*. На
улицахъ, въ лавкахъ и чайныхъ домахъ без-
престанно раздается привѣтственное «*джу*»,
обязательно произносимое при встрѣчѣ со
знакомыми и даже съ незнакомыми. Между
мужчинами частенько попадаются пьянень-
кіе, но не буйнаго или безобразнаго вида.
Всѣ дома, *тори* и храмы украшены націо-
нальными флагами (алый дискъ на бѣломъ
полѣ) и гирляндами изъ рисовой соломы въ
видѣ жгута, въ который вилетены семико-
лѣнчатая *дзидзи* и ленты изъ пунцовой

¹⁾ Приписованіе замѣняющее подушку и уже
описанное мною ранѣе.

золотой и серебряной бумаги, а также висячія соломённые кисточки, составляющія бахромку. Вдоль тратуаровъ, передъ домами зеленѣютъ безконечныя ряды молодыхъ бамбуковъ, соединенныхъ между собою такими же соломёнными гирляндами. Между ними перѣдко вы видите воткнутыя въ землю и срѣзанныя вкось болѣе старыя бамбучины, служащія стаканами для пышныхъ букетовъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Предъ каждымъ входомъ въ домъ, въ магазинъ или въ поперечный переулокъ стоятъ бамбуки и изукрашенные елки, а кромѣ того, предъ дверьми красуются цвѣточныя арки изъ разныхъ листьевъ, преимущественно лавра и апельсина, среди которыхъ видны золотыя *миканы* ¹⁾, мандарины, померанцы, какіе-то желтые цвѣты и кисти красныхъ ягодъ, въ родѣ барбариса. Иногда арка составляется просто изъ двухъ бамбуковъ соединенныхъ своими зелеными верхушками, посредствомъ символическаго жгута изъ рисовой соломы. Въ томъ и другомъ случаѣ арка означаетъ тѣ счастливыя врата, чрезъ которыя Новый годъ входитъ въ домъ японскаго обывателя, и потому необходимо должна быть готова къ полуночи. Надъ самою же входною дверью прибавляется еще гирлянда, сплетенная изъ рисоваго жгута и листьевъ померанца, лавра и папоротника, съ особымъ украшеніемъ посерединѣ, въ составъ котораго входятъ пара микановъ, древесный уголь, вѣтвь одной изъ стѣдобныхъ водорослей и, въ самомъ центрѣ, вареный омаръ или крабъ съ длинными клешнями. Обыкновенно выбираютъ омара съ наиболѣе выпуклою и округлою спинкой, которая означаетъ счастливую старость; въ жгутъ же этой гирлянды изгибаютъ и торчокъ каждой соломинки въ ту или другую сторону имѣть свое значеніе по особымъ примѣтамъ; жгутъ этотъ служитъ талисманомъ благополучія и бережется цѣлый годъ, а чтобъ усилить его благотѣльное вліяніе, къ нему еще прибавляются названные выше предметы. Въ каждомъ домѣ, на особомъ столикѣ, преимущественно предъ божницей, ставится рисовый хлѣбъ особенной формы, въ видѣ большой просфоры, украшенный плодами, сосновыми вѣтвями и другою зеленью, перевитою цвѣтными лентами. На вопросъ, какое это имѣетъ значеніе, одинъ изъ нашихъ *курамъ*, спрошенный чрезъ переводчика, объяснилъ, что это освященный хлѣбъ, побывавшій въ храмѣ, гдѣ за нѣсколько дней до Новаго года совершается бонзами особый обрядъ освященія хлѣбовъ, обезпечивающій урожай, и что та семья которая озаботилась принести свой хлѣбъ для освященія не будетъ голодать въ теченіе года.

Въ Новый годъ японцы поднимаются рано,

удѣливъ для сна не болѣе трехъ-четырехъ часовъ. Къ этому времени въ каждомъ домѣ уже готова горячая ванна, а кто таковой не имѣетъ, тотъ отправляется въ общественную баню, гдѣ, сказать кстати, оба пола моются вмѣстѣ, не дозволяя себѣ однако никакихъ неприличныхъ поползновеній и шутокъ и не обращая другъ на друга никакого вниманія. Нарушеніе приличій въ общественной банѣ сочлось бы здѣсь величайшимъ оскорбленіемъ семейной чести и общественной нравственности, и совѣстное мытье происходитъ у японцевъ самымъ обыкновеннымъ и серьезнымъ образомъ, какъ и всякое другое повседневное, обиходное дѣйствіе. Такая совѣстность не возбуждаетъ въ ихъ помыслахъ никакой скабрёзности, свойственной взглядамъ европейцевъ, и они даже понять не могутъ что европейцы находятъ тутъ скандальнаго. Помылись самымъ основательнымъ образомъ, японская семья облекается въ лучшія свои платья (люди зажиточные стараются даже одѣться въ Новый годъ во все новое, ни разу еще не надѣванное) и отправляется въ храмъ къ общественному богослуженію. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ соблюдается при этомъ замѣчательный обычай. Отправляясь въ храмъ еще до разсвѣта, жители высказываютъ по дорогѣ одинъ другому не только всѣ свои злыя и грѣшныя дѣянія за прошлый годъ, но и всѣ свои нечистыя помыслы и тайныя желанія, точно исповѣдуясь другъ передъ другомъ, и такая исповѣдь ведетъ иной разъ къ весьма крупнымъ перебранкамъ. Отстоявъ въ храмѣ службу и получивъ отъ бонзы амулетъ, въ видѣ простой бумажки, съ какими-то знаками, имѣющей свойство превращать дурное въ хорошее, японскіе обыватели прибавляютъ его къ перекладниѣ своихъ воротъ или къ приголомѣ дверей, и затѣмъ отправляются съ поздравительными визитами, сначала къ старшимъ роднымъ, потомъ къ близкимъ друзьямъ и почетныхъ знакомымъ, далѣе просто къ знакомымъ и дальнимъ родственникамъ, а по возвращеніи домой сами принимаютъ подобные же визиты. Въ каждомъ домѣ, въ теченіе всего дня, съ цыновокъ не сходятъ *таберо* и блюда, въ изобиліи наполненныя разными новогодними кушаньями и угощеніями, безъ которыхъ не отпускается ни одинъ изъ входящихъ въ домъ. *Саки* и чай, конечно, составляютъ необходимую приправу всѣхъ угощеній и отказаться отъ нихъ значило бы обидѣть хозяевъ и показать себя величайшимъ невѣжей. Надо замѣтить, что соблюдая относительно визитовъ и поздравленій самую утонченную вѣжливость, японцы умѣютъ въ то же время соблюдать и самыя тонкіе оттѣнки въ степеняхъ ея изъясненія. Однимъ они дѣлаютъ визиты сами, другимъ только посылаютъ свои карточки, которые притомъ бываютъ различныхъ размѣ-

¹⁾ Японскій апельсинъ.

ровъ: есть, напиримѣрь, карточки, вершковъ въ десять длиной и въ пять шириной, на пунцовой бумагѣ, прямо заимствованныя у Китая; есть въ половину и въ три четверти меньше этой величины, съ различными украшеніями, сообразно званію и положенію лица которому та или другая карточка предназначается. Существенное значеніе имѣть также и то обстоятельство, самъ ли визитеръ завезетъ свою карточку, или отправить ее со своимъ слугой, или просто отошлетъ по городской почтѣ. Если карточка отправляется со слугой, то и здѣсь есть свои различія, смотря по тому положена ли она въ лакированный ящикъ, перевязанный пунцовымъ шелковымъ шнуркомъ съ кистями, или въ пакетъ, перевязанный шелковою лентой того же цвѣта, или же въ конвертъ обыкновенныхъ размѣровъ, но съ разными украшеніями, значеніе которыхъ тоже не безразлично. Слуги разносятъ всѣ эти карточки изъ дому въ домъ не иначе, какъ на лакированныхъ подносахъ и получаютъ за это соответственные подарки.

Мы проѣхали, между прочимъ, въ Суруга, на мѣсто позавчерашняго пожара. Тамъ кишитъ истинно муравьиная дѣятельность: что уцѣлѣло, какъ напиримѣрь, *идоуны*, то быстро реставрируется; новые дома строятся, а многіе уже и совсѣмъ отстроились, и въ нихъ открылась торговля, тогда какъ рядомъ еще тлѣютъ нодъ пепломъ и курятся изъ-подъ мусора остатки погибшихъ построекъ. У отстроенныхъ домиковъ и наскоро сколоченныхъ балаганчиковъ торчатъ бамбуки и елки, — тоже, значитъ, и здѣсь Новый годъ справляется. Да и почему бы ему не справляться, если погорѣльцы, какъ видно по ихъ лицамъ, не унываютъ, не вѣшаютъ апатично рукъ, а напротивъ, бодро, съ энергичною заботливостью хлопочутъ надъ устройствомъ себѣ жилищъ. Японецъ вѣрить, что Новый годъ такъ или иначе принесетъ ему счастье, а этого съ него совершенно довольно для яснаго спокойствія духа. Счастливыя характеры и счастливая страна, гдѣ такіе характеры могутъ вырабатываться условіями неприхотливой жизни!

Съ пожараща поѣхали къ Ниппонъ или Нихомъ-баши, по близости котораго находятся винные заводы, гдѣ готовится *саки*. Тамъ рабочіе винокуры справляютъ еще остатки своего вчерашняго праздника, которое ежегодно устраивается ими въ послѣдній вечеръ истекающаго года, по полученіи отъ хозяевъ разсчета. Къ сожалѣнію, вчера мы не видѣли его, а говорятъ, оно очень интересно своею шутовскою вакхическою процессіей, съ плясками и гимнастическими играми въ честь бога-изобрѣтателя *саки*, изображаемого въ видѣ нагаго человѣка въ рыжемъ длинноволосомъ парикѣ, препоясаннаго вокругъ чреслъ дубовою гирляндой.

Наши *курама* устроили намъ нѣкоторый сюрпризъ, завезя насъ въ какой-то богатый купеческій домъ. Входя туда, я-было думалъ, что кому-нибудь изъ моихъ сотоварищей вѣроятно понадобится что-нибудь купить въ магазинѣ, но оказалось, что мы попали въ гости. *Курама* захотѣли сами передохнуть и выпить, да заодно ужъ и намъ показать какъ веселятся въ Новый годъ въ зажиточныхъ домахъ добрые люди. Мы вошли въ громадную залу нижняго этажа, служащую въ обыкновенное время магазиномъ бумажныхъ и шелковыхъ матерій; но теперь въ ней всѣ полки были завѣшаны синими бумажными полотнищами, а прилавки куда-то вынесены. Зала была разгорожена ширмами на двѣ половины; въ задней нарядныя дѣвочки играли въ воланъ, а въ передней толпилось множество мальчиковъ и молодыхъ людей, такъ что можно было даже подумать, что это смѣшанный пансіонъ какого-нибудь учебнаго заведенія. Едва мы вошли въ залу, какъ къ намъ подошелъ какой-то среднихъ лѣтъ японецъ и, отрекомендовавшись сыномъ хозяина дома, радушно пригласилъ насъ слѣдовать за собою. Мы уже принялись было, ради японскаго этикета, снимать свою обувь, но онъ любезно предупредилъ, что можно этого и не дѣлать, такъ какъ, имѣя частыя сношенія съ европейцами, его *отомъ-санъ*, то-есть отецъ, давно уже освоился съ ихъ обычаями и знаетъ насколько это имъ стѣснительно. Тѣмъ не менѣе, не желая нарушать обычай страны, и въ особенности въ незнакомомъ домѣ, гдѣ насъ такъ любезно приняли, мы скинули ботинки, что доставило всѣмъ видимое удовольствіе и въ однихъ чулкахъ были препровождены чрезъ жилыя комнаты въ обширную кухню, помѣщающуюся внутри дома. Тамъ, у большого каменнаго очага, на особой почетной цыновкѣ, сидѣлъ почтенный старикъ-хозяинъ, окруженный самыми почетными своими гостями. Мы были представлены ему его сыномъ, и онъ, радушно пожавъ намъ руки, пригласилъ насъ садиться въ общій кругъ. Тотчасъ же домашніе слуги поставили предъ нами бронзовые *хибачи* съ тлѣющими углями для грѣнья рукъ, а двѣ дамы, вѣроятно дочери или близкія родственницы хозяина, собственноручно набили для насъ табакомъ миниатюрныя трубочки. Не успѣли мы закурить ихъ, какъ одинъ слуга поставилъ предъ хозяиномъ лакированный подносъ съ нѣсколькими чашками средней величины, а другой подаль ему фарфоровую бутылку. Старикъ самъ наливалъ изъ нея теплѣе *саки* и самъ изъ рукъ въ руки передавалъ каждому изъ насъ по чашкѣ, приподнявъ ее предварительно до высоты собственной склоненной головы; наконецъ онъ налилъ чашку и себѣ, и, приподнимая ее такимъ же манеромъ, проговорилъ намъ какое-то привѣтствіе. Въ отвѣтъ на это мы сказали ему *джу*, что

весьма понравилось всем окружающим, вызвав у них добродушно-довольный, поощрительный смех, и выпали вмѣстѣ съ хозяиномъ за его здоровье. Затѣмъ его сынъ повелъ насъ въ верхній этажъ, гдѣ мы очутились въ довольно низкой, но очень длинной залѣ. На противоположномъ концѣ ея былъ поставленъ большой круглый щитъ изъ толстаго пергамента, натянутый какъ тамбуринъ на обручъ. То была мишень для стрѣльбы изъ лука. Тутъ мы нашли множество мальчиковъ и взрослыхъ людей, отъ души предававшихся этой любимѣйшей у японцевъ забавѣ. Между стрѣлками находился и бритоголовый бонза, въ легкомъ подпиги, который предложилъ и намъ поупражняться въ «благородномъ искусствѣ». На взглядъ оно казись дѣло не хитрое, и мы, ничтоже сумняся, взяли по небольшому луку и наложили на нихъ стрѣлы съ тупыми наконечниками, но увы!—ни одна изъ нихъ не долетѣла до цѣли. А между тѣмъ, что касается до стрѣльбы изъ ружей, то все мы, какъ военные и охотники, болѣе или менѣе мастера этого дѣла. Неудачи наши вызывали у японцевъ добродушный смѣхъ; они намъ что-то объясняли, учили какъ держать лукъ и стрѣлу, какъ натягивать тетиву, какъ цѣлиться, но ничего изъ этого не выходило; стрѣлы наши то не долетали, то перелетали, или дожились вкось, и мы на собственномъ опытѣ извѣдали, что дѣло это вовсе не такъ просто какъ кажется. Тутъ нужна не только безусловная твердость лѣвой руки, держащей лукъ, но только особая сноровка какъ и въ какой кругъ цѣлиться, но главное нужно знать или, вѣрнѣе, *почувствовать*, съ какою силой и насколько именно слѣдуетъ натянуть тетиву, въ зависимости отъ разстоянія между стрѣлкой и цѣлью, чтобы попасть въ послѣднюю. Искусство это требуетъ большихъ и долгихъ упражненій, и не даромъ японцы начинаютъ обучаться ему съ трехлѣтняго возраста. Бонза оказался превосходнымъ стрѣлкомъ. Онъ продѣлалъ предъ нами разные способы стрѣльбы, даже съ нѣкоторыми фокусами и въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ,—стоя, сидя, лежа, съ колѣна, изъ-подъ руки и въ обратномъ положеніи, то-есть ставъ къ мишени спиной, но повернувшись къ ней голову и часть корпуса, какъ бы отступая отъ преслѣдующаго врага,—и ни одна его стрѣла не минула цѣли. Пока такимъ образомъ показывалъ онъ свое искусство, намъ опять было подано угощеніе, состоявшее изъ *саки* и вареной каракатицы. Подгулявшіе японцы угощали и развлекали насъ съ необычайнымъ, даже можно сказать, наивно дѣтскимъ радушіемъ,—и право же, никакой застенной нечужды къ иностранцамъ, о которой такъ часто говорятъ здѣшніе англичане, не замѣтили мы въ нихъ и тѣни. Впрочемъ, быть-можетъ это потому, что они знали отъ

нашихъ *кумаръ* о нашей національности, а русскихъ здѣсь пока еще любятъ, считая ихъ за добрыхъ и честныхъ сосѣдей. Наконецъ, мы спустились внизъ поблагодарить почтеннаго хозяина за радушный пріемъ и проститься. Тутъ пошли взаимные поклоны, рукопожатія и опять *саки* — непременно *саки*, въ нѣкоторомъ родѣ нашъ «пососекъ», безъ котораго въ такой день здѣсь не отпустить гостя изъ дому.

Отсюда проѣхали мы въ Асаксу, ко храму Кандонъ-сама. Тамъ, попрежнему все та же ярмарка и массы народа и гуляющаго, и молящагося. Посреди храма стоитъ большая бронзовая ваза, наполненная пушистыми прутьями только-что зацвѣтшей вербы, переплетенными вѣточками мирты. Дѣтей сегодня множество,—кажись, даже больше чѣмъ въ послѣдній разъ, когда мы здѣсь были. Встрѣчается много мальчиковъ съ маленькими колчанами и луками, украшенными сосновыми вѣточками, и не мало тоже ходитъ ихъ въ бумажныхъ колпакахъ, на подобіе бывшаго головного убора *даймиосовъ*. Изъ дѣвочекъ же почти каждая несетъ либо воланъ, либо куклу и вазончикъ изъ искусственныхъ цвѣтвъ. Радость у всехъ этихъ ребятишекъ сегодня просто неописуемая. Въ балаганѣ восковыхъ фигуръ картины и группы уже перемѣнены и есть даже изображеніе нѣсколькихъ эпизодовъ позавчерашняго пожара.

Пробыли мы «подъ Асаксой», толкаясь въ народѣ, до заката солнца и почти не замѣтили какъ прошло время, до такой степени полна жизни и типичнаго разнообразія вся эта оригинальная картина. Общая радость и веселье такъ подкупаютъ и такъ заразительны, что вы и сами вчужѣ невольно поддаетесь свѣтлому настроенію этой толпы, невольно раздѣляете съ ней ея чувства. Пока мы ѣхали домой, сумерки совсѣмъ уже ступились, и безконечныя прямыя улицы громаднаго города освѣтились безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, которые висѣли цѣлыми гирляндами вдоль домовыхъ галлерей и и карнизовъ, непрерывными матово-огненными нитями перспективно уходили во мгlistую даль, и свѣтящимися точками мигали и блуждали посреди улицъ. Все дома внутри были освѣщены, и темные силуэты ихъ обитателей фантастически вырисовывались на бѣлой бумагѣ оконныхъ ширмъ, какъ китайскія тѣни въ театрѣ маріонетокъ. Въ мириадахъ огнистыхъ точекъ и линий этой своеобразной иллюминаціи было что-то волшебное, что-то переносившее васъ въ забытый сказочный міръ далекихъ дѣтскихъ фантазій и мечтаній. Въ темномъ небѣ безпрестанно шипѣли ракеты и разсыпались букетами разноцвѣтныхъ звѣздъ. Улицы все еще были полны народа, предававшаяся шумному веселю, и на встрѣчу намъ поминутно попадались компаніи ряженыхъ во всевозможныхъ фантастическихъ маскахъ. Весь

этотъ людъ поетъ, кривляется, подплясываетъ и лакомится съ лотковъ уличныхъ продавцовъ разными фруктами, сластями и снѣдками. Иногда знакомые врываются пѣлою толпой въ домъ новобрачныхъ, и въ шутку вымазываютъ имъ физиономіи мукой или сажей; но на это не обижаются, потому такъ ужъ обычай. Чаше же всего ряженые подкарауливаютъ проходящихъ молодыхъ женщинъ, чтобы слегка ударить ихъ по спинѣ лакированной тросточкой, и на это тоже нѣтъ обиды; напротивъ, это даже въ нѣкоторомъ родѣ комплиментъ, такъ какъ подобное прикосновеніе знаменуетъ, что у молодухи въ текущемъ году непременно родится ребеночекъ. И замѣчательно: въ такой огромной толпѣ за цѣлый день мы рѣшительно нигдѣ не видѣли никакой ссоры или драки, никакого буйства, ни малѣйшаго безобразія, хотя весь народъ ходилъ болѣе или менѣе подгулявши.

21-го декабря.

Сегодня, по случаю воскреснаго дня, отстояли мы обѣдню въ домово́й церкви нашего посольства. Пѣли японскіе пѣвчіе, ученики нашей духовной миссіи, въ своихъ національныхъ *киримонахъ*. Голоса очень хорошіе и замѣчательно чистый выговоръ по русски, безъ малѣйшаго акцента. Служилъ миссіонеръ отецъ Димитрій съ русскимъ діакономъ. На большомъ выходѣ и на ектеніяхъ, послѣ нашего императорскаго дома, напоминаетъ императоръ Японіи (*микадо*) и весь домъ его.

Послѣ завтрака сдѣлалъ я въ обществѣ нашихъ моряковъ большую прогулку въ Оджи-Инари, сѣверо-западное предместье города. Длиннѣйшая улица Нака-сэвѣ или, иначе, Кисо-каидо, по которой мы ѣхали все въ прямомъ направленіи верстъ шесть, по крайней мѣрѣ, вдругъ измѣнила въ половинѣ своего протяженія промышленно-городской характеръ на чисто дачную вышность. Справа и слѣва замелькали небольшіе, отдѣльные и нерѣдко очень красивые домики, привѣтливо и просто глядѣвшіе изъ-за деревянныхъ рѣшетчатыхъ заборовъ, бамбуковыхъ плетней или изъ-за живой подстриженной изгороди. Всѣ они окружены небольшими, но очень изысканными садиками и цвѣточными палисадниками. Мелочная, съѣстная или табачная лавочка встрѣчается здѣсь уже какъ довольно рѣдкое исключеніе. Въ этой половинѣ улицы проживаютъ, какъ намъ сказывали, преимущественно разные гражданскіе чиновники, служащіе въ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, и чиновники не маленькіе, а такъ въ родѣ нашихъ коллежскихъ и статскихъ совѣтниковъ. Въ палисадникахъ и надъ входомъ развѣваются, по случаю праздника, національные флаги, да и самые садики прибраны и разукрашены по праздничному: въ нихъ то и дѣло красуются большія фарфоро-

вые и каменные вазы, искусственные гроты и бассейны наполненные рыбками, деревца, преимущественно изъ мелкоглыхъ хвой, которымъ причудливо приданы формы журавлей, фазановъ, тигровъ и лисицъ, и разныя фигуры, устроенныя съ помощью бамбуковыхъ жердочекъ и проволоки, верругъ которыхъ сплошь обвиваются густою зарослью павон и какія-то другія ползучія растенія. Во многихъ садикахъ встрѣчались очень нарядныя дѣвушки и дѣти, занятые игрой въ воланы. Дѣвочки моложе десяти лѣтъ всѣ набѣлены и накуманыены, волосы ихъ оригинально подбиты и подстрижены; костюмы все яркоцвѣтные и нерѣдко затканы золотомъ. Нѣсколько далѣе дачный характеръ улицы измѣняется почти въ сельскій, позади домиковъ, а то и между отдѣльными дворами стали встрѣчаться огороды, бамбуковыя ропацы, рисовыя поля, хлопковыя и чайныя плантаціи. Впереди видѣлась большая старорослая роща гигантскихъ кленовъ и другихъ лиственныхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ выглядывала верхушка пагоды, освѣщавшая своимъ присутствіемъ разбросанныя вокругъ ея могилы стараго кладбища. На окраинѣ этой рощи *дженерикши* наши вдругъ повернули въ сторону, мимо чайныхъ плантацій, гдѣ нѣсколько гулявшихъ дѣвушекъ сдѣлали намъ неожиданную любезность: замѣтивъ, что мы остановились посмотреть поближе на чайные кусты и способъ ихъ разсадки, онѣ сорвали съ нихъ нѣсколько вѣточекъ и предложили намъ на память. Мы засунули ихъ въ бутоньерки и поблагодаривъ любезныхъ дѣвушекъ покатили далѣе. Вскорѣ поднялись на хребетъ длиннаго холма, тянувшася вдаль въ видѣ широкаго вала, который извѣстенъ подъ именемъ Аска-ямы. По хребту разсѣяно не мало старыхъ широколиствистыхъ деревъ, образующихъ иногда очень красивыя группы, подъ одною изъ конхъ мы нашли большой каменный осколокъ, въ родѣ аспидной плиты, врытый въ землю стоймя, какъ намогильный памятникъ, и покрытый высѣченною надписью. *Курама* говорятъ будто здѣсь когда-то происходило какое-то сраженіе, о чемъ-де и свидѣтельствуетъ этотъ камень. Не зная въ подробности японской исторіи, приходится вѣрить на слово.

Съ Аска-ямы открывается широкій видъ на сѣверо-западную окрестность столицы. Обширная равнина, кое-гдѣ покрытая зелеными пятнами небольшихъ роищъ, какъ на ситуационномъ планѣ, была вся сплошь исчерчена полосами огородовъ, пашень и плантацій. На всемъ ея громадномъ пространствѣ глазъ не усматриваетъ буквально ни единого клочка праздной лежащей земли. Какъ и всегда и повсюду въ Японіи, все это воздѣлано самымъ тщательнымъ образомъ, все засѣяно, засажено и все приносить свой плодъ сторицей. Шос-

сейная дорога по которой мы ъхали до Аска-
ямы, пролегаетъ у подошвы хребта и напра-
вляется къ рѣчкѣ Такино (по японски *Таки-
но гави*), которая пробѣла себѣ русло въ ущельи,
чрезъ разсѣлину кряжа и шумно прыгаетъ въ
немъ каскадами по большимъ замшившимся
камнямъ. Берега этой рѣчки покрыты дубо-
выми и кленовыми рощами въ перемежку съ
разнообразными фруктовыми садами; есть на
ней и водопадъ, низвергающійся однимъ усту-
помъ во всю ея ширину, а въ другомъ мѣстѣ
падаетъ въ нее серебряною лентой съ прамого
обрыва гранитной скалы струя родниковой
воды, почитаемой чудотворною. Предъ самымъ
ущельемъ берега Такино-гави сплошь выло-
жены дикимъ камнемъ и гранитными брусъ-
ми. На лѣвомъ берегу, предъ самою рѣкой,
подъ сѣнью громадныхъ деревьевъ, очень
уютно и красиво расположились три легкіе
домика съ разными надстройками образующіе
общую группу, благодаря соединяющимъ ихъ
наружнымъ галлереямъ и верандамъ, съ ко-
торыхъ вы можете смотрѣться въ самую воду.
Здѣсь, говорятъ, нѣкогда стоялъ охотничій
дворецъ *сецунговъ*; теперь же въ этихъ доми-
кахъ помѣщается одинъ изъ лучшихъ тоокій-
скихъ ресторановъ, щедряющій не только сво-
ею кухней, но и замѣчательною чистотой и
лоскомъ всей своей обстановки. При немъ на
противуположномъ берегу разбитъ цвѣточный
садикъ со всѣми затѣями и причудами націо-
нальнаго японскаго вкуса. Два-три легкіе мо-
стика, переброшенные черезъ потокъ въ неда-
лекомъ другъ отъ друга разстояніи, довершаютъ
прелесть общей картинки этого красиваго
уголочка. По выходѣ изъ ущелья, *Такино-гави*
удаляется отъ холмовъ и плавными изгибами
спокойно течетъ по равнинамъ до впаденія
своего въ Сумида-гаву. Здѣсь, въ ея первомъ
изгибѣ неподалеку отъ Аска-ямы, приютилась
одна изъ чистенькихъ пригородныхъ дереву-
шекъ, населенная преимущественно рабочими
съ находящейся тутъ же обширной бумажной
фабрики. Звуки *самисновъ* неслись съ разныхъ
сторонъ изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ этихъ до-
миковъ. Группы приварядавшихся ради празд-
ника женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей прогулива-
лись по улицѣ шелка кедровые орѣшки, или
сидѣли на порогахъ своихъ жилищъ, украшен-
ныхъ новогонными елками, бамбуками и ги-
ряндами. Удивительный, право, народъ!—Го-
ворятъ, что сравнительно съ прежними вре-
менами онъ теперь крайне обѣднѣлъ, такъ
какъ европейскія нововведенія обходятся пра-
вительству очень дорого и требуютъ усилен-
ныхъ налоговъ, а рыночныя цѣны стали въ
нѣсколько разъ выше противъ прежняго; но
между тѣмъ нищеты съ ея лохмотьями, изва-
ми и грязью, какою она представляется намъ
въ Европѣ и на мусульманскомъ Востока, во-
все нѣтъ. Здѣсь и бѣдность какъ будто по-

обчищена, приглажена, приумята, словомъ, это
трезво-трудова, опрятная честная бѣдность,
при которой народъ не опускаетъ рукъ, не
попрошайничаетъ, не пьянствуетъ, а только
трудится больше чѣмъ прежде, перенося съ
бодрымъ духомъ свой тяжелый экономическій
кризисъ.

Въ праздничный день вы встрѣчаете на
всѣхъ лицахъ свѣтлыя, довольныя, истинно
праздничныя улыбки; костюмы опрятны, у
женщинъ и дѣвушекъ сказывается даже нѣ-
которое пеголство въ поясахъ (*оби*) и въ
украшеніяхъ прически, состоящихъ изъ шел-
ковыхъ цвѣтовъ и бабочекъ; неизбѣжныя бу-
мажныя змѣи вьются и прыгаютъ изъ стороны
въ сторону въ воздушной синевѣ, и замѣча-
тельно, что *курама* никогда не пойдетъ со
своею *дженерикишей* прямо на нитку змѣя, а
всегда постарается какъ-нибудь обойти или
отвести ее въ сторону, чтобы не разорвать и
тѣмъ не причинить огорченія какому-нибудь
трехъ-четырехлѣтнему *анко*. Эта ласковость къ
дѣтямъ—прекрасная черта въ народномъ ха-
рактерѣ.

Миновавъ фабричную слободку, мы, прогул-
ки ради, направились далѣе пѣшкомъ. Цѣлью
нашею былъ храмъ святаго Инари, специаль-
наго покровителя земледѣлія и рисоводства
въ особенности. Нѣсколько дней тому назадъ
мы вычитали у Эме-Эмбера, что храмъ Оджи-
Инари славится своими комическими пред-
ставленіями, въ которыхъ будто бы случаются
такія сцены, что не подлежатъ и описанію.
Грѣшный человѣкъ, долженъ сознаться, что
соблазнъ посмотрѣть такое представленіе вхо-
далъ, между прочимъ, въ программу нашей
сегодняшней экскурсіи. Миическая легенда
говоритъ, что Инари нѣкогда былъ спутникомъ
луны подъ видомъ лисицы (*кине*). На этомъ
основаніи, съ тѣхъ поръ какъ онъ явился
людямъ въ образѣ маститаго старца несущаго
въ каждой рукѣ по снопу риса, ему придаютъ
лисицу какъ необходимый атрибутъ, играю-
щій роль его служебнаго духа. По народному
повѣрію, *кине* имѣютъ способность становить-
ся оборотнемъ, принимая по собственному же-
ланію тѣ, или другія человѣческія формы во
всѣхъ возможныхъ образахъ. По словамъ же Эмбе-
ра, у японцевъ есть цѣлая поэма о лисицѣ,
въ нѣкоторомъ родѣ своя *Рейнеке-Фукс*, въ
которой *кине* является то священною, то
натурною, то коварною и даже дьявольскою
личностью. Народъ потѣшается надъ ге-
роемъ поэмы, но и боится его: по утрамъ
ему поклоняются, по вечерамъ надъ нимъ
смѣются.

Дорога наша шла мимо сельскихъ хижинъ,
чайныхъ домиковъ и мелочныхъ лавочекъ,
гдѣ на прилавкахъ разложены были въ ящи-
кахъ и на блюдахъ крупныя кедровыя орѣшки,
вылеченныя плоды *каки*, сладкая рисовая паста-

да и т. п. Въ большей части лавочекъ сидѣли за продавщицъ молодыя дѣвушки; почти каждый изъ нихъ, въ отсутствіе покупателей, развлекала себя игрой на *самсинтѣ*, который очевидно является самымъ популярнымъ музыкальнымъ инструментомъ въ Японіи. Тѣмъ же занимались въ свободныя минуты и *незаны* (дѣвушки-прислужницы) всѣхъ этихъ сельскихъ чайныхъ домиковъ. На пути насъ догнала и даже перегнала какая-то молодая женщина совершенно слѣпая. Несмотря однако на слѣпоту, она шла довольно бойкою и быстрою поступью безъ посторонней помощи, и безъ палки; только въ нѣсколько приподнятой и слегка склоненной на бокъ головѣ сказывалось напряженіе чуткаго вниманія, вообще свойственнаго слѣпцамъ. Дойдя до одного домика, она остановилась предъ калиткой, выкликнула какихъ-то своихъ знакомыхъ, перекинулась съ ними нѣсколькими словами и, вѣжливо распрощавшись троекратными присѣданіями, отправилась далѣе, словно зрячая. По счету ли шаговъ, или по какому то чутью угадываетъ она разстояніе и мѣстность,—не знаю, но точность съ какою была угадана ею эта калитка, просто удивительна.

Храмъ Оджи-Инари расположенъ въ полу-горѣ, на одной изъ площадокъ, образуемой уступомъ вышесказаннаго края, коего склонъ, обращенный къ сѣверо-востоку покрытъ густыми зарослями кедровъ, кипарисовъ и иныхъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ, въ перемежку съ непроходимыми чащами всякаго кустарника и бамбука, достигающаго гигантскихъ размѣровъ. Самый храмъ сокрытъ отъ взоровъ за зеленою массой кудрявыхъ и переплетшихся между собой вѣтвей, такъ что гляди вверхъ отъ подошвы края, вы видите только гранитную лѣстницу, верхнія ступени которой теряются гдѣ-то въ зелени. Тутъ повторяется почти тотъ же эффектъ, что и въ лѣстницѣ нагасакаго Сува и, какъ видно, это не простая случайность, а нарочный расчетъ, съ цѣлью произвести на васъ впечатлѣніе нѣсколько таинственною неизвѣстностью. Бока этой лѣстницы украшены двумя рядами каменныхъ изваяній *кине*. Всѣ эти лисички представлены одинаково, въ сидячемъ положеніи, съ прямо поставленною мордочкой и вертикально поднятыми вверхъ хвостомъ. Прежде всего, на путь ко святилищу указываетъ, конечно, священное *тори*, за которымъ тотчасъ же направо открывается маленькій бассейнъ, куда звонко падаетъ тонкою струйкой вода, вытекающая изъ скважины большой гранитной глыбы. Говорятъ, что этотъ подземный ключъ бьетъ съ перемежающеюся силой; иногда струя его очень изобильна, иногда же едва сочится, но никогда не иссякаетъ окончательно. Водѣ его токійскіе обыватели приписываютъ цѣлебныя свойства; а жѣ могу

сказать только, что она обладаетъ хорошимъ прѣснымъ вкусомъ, холодна и на видъ кристально прозрачна. Пройдя подъ священнымъ *тори*, мы поднялись по гранитнымъ ступенямъ наверхъ, и только тутъ открылся вдругъ предъ нами затѣйливо узорчатый, рѣзной фронтономъ храма Инари, въ наружной окраскѣ коего преобладалъ густомалиновый цвѣтъ. На всѣ его завитушки, позолоту и краски время давно уже успѣло наложить свой нѣсколько блеклый и тусклый колоритъ, но это придавало ему такой почтенный и поэтический характеръ, что у насъ невольно вырвалось восклицаніе восторга отъ неожиданности такого зрѣлища: оно открылось предъ нами вдругъ и все сразу, словно волшебная декорація. Нѣкоторые кустарники и фруктовыя деревца стояли еще безъ листьевъ, но уже усѣянные мелкими и тѣсно насаженными одна къ другой чашечками распускавшихся цвѣтовъ, одни бѣлыми, другіе желтоватыми, третьи розовыми. Темная, лоснящаяся листва лавровъ осѣняла сверху эти низенькія, корявыя деревца, точь-въ-точь такія, какими видите вы ихъ на японскихъ картинкахъ. Дежурный бонза сидѣлъ на наружной галлерей храма, предъ низенькимъ столикомъ, на которомъ были разложены рисовальныя кисти и ящикъ съ жидкими красками въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ. Онъ старательно, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разрисовывалъ одну изъ виньетокъ небольшого молитвенника, сброшюрованнаго, какъ обыкновенныя наши книжки. Мы тихо подошли посмотрѣть на его работу, чему онъ ни мало не воспрепятствовалъ, и остались пріятно удивлены его замѣчательнымъ искусствомъ. И дѣйствительно, тутъ было чѣмъ полюбоваться. Это была тончайшая миниатюра, блистающая разнообразіемъ яркихъ и нѣжныхъ красокъ въ сочетаніи съ золотомъ; человѣческія фигуры, птички, цвѣты и весь орнаментъ въ видѣ самыхъ затѣйливыхъ завитковъ и арабесокъ, все это было въ своемъ родѣ верхъ совершенства и что всего изумительнѣе, въ общей концепціи своей, въ характерѣ рисунка и въ самой манерѣ письма чрезвычайно напоминало работы средневѣковыхъ миниатюристовъ на латинскихъ и нѣмецкихъ молитвенникахъ. Бонза-художникъ охотно показалъ намъ нѣсколько выицъ уже оконченныхъ виньетокъ, заголовковъ, начальныхъ буквъ и заставокъ, одна другой лучше, одна другой разнообразнѣе, и объяснилъ, что этотъ стиль называется у нихъ *кіотскимъ* и что лучшіе образцы его находятся во дворцахъ и храмахъ Кіото.

Съ нами за переводчика былъ на этотъ разъ Коля, русскій мальчишъ-сирота, лѣтъ тринадцати, призрѣваемый въ нашей духовной миссіи. Онъ прекрасно владѣетъ разговорнымъ японскимъ языкомъ и даже одѣвается по-

японски. Когда мы предложили ему спросить дежурного бонзу, нельзя ли намъ заказать комическое представление, Коля даже смутился.

— Полноте, господа, какія здѣсь представленія! Это вѣдь храмъ ихній...

А ты все-таки спроси его, — предложилъ кто-то изъ нашихъ.

— Нѣтъ, ужъ воля ваша, боюсь даже и спрашивать... Какъ это можно — представлений!..

Ему растолковали, что навѣрное есть представления, и именно комическія, смѣшныя; мы-де точно знаемъ, потому что объ этомъ пишутъ въ одной книгѣ бывший здѣшній швейцарскій посланникъ, — не вретъ же онъ!

— Ну, ужъ не знаю право, замаялся, пожимая плечами, Коля. — Пожалуй, я спрошу, только... не обидѣлся бы бонза-то.

И мальчикъ со всею японскою деликатностью, даже не безъ робости обратился къ бонзѣ съ даннымъ вопросомъ.

Тотъ отвелъ глаза отъ своего рисованія и съ недоумѣніемъ, какъ бы не понимая о чемъ ему говорить, переспросилъ переводчика.

Коля повторилъ ему обстоятельнѣе нашу просьбу, прибавивъ, что за представление мы заплатимъ сколько потребуется.

Бонза нахмурилъ брови, помолчалъ немного, какъ бы собираясь съ мыслями, и затѣмъ, окинувъ насъ не совсѣмъ-то пріязненнымъ взглядомъ, принялся что-то внушать и растолковывать Колѣ сухимъ, опредѣлительнымъ тономъ, послѣ чего, не обращая на насъ уже ни малѣйшаго вниманія, снова принялся за свое рисованіе.

Коля нашъ окончательно смутился.

— Что онъ сказалъ тебѣ? въ чемъ дѣло? — приступили мы къ мальчику.

— Да вѣдь вотъ, говорилъ же я, а вы не вѣрили! — укорилъ насъ Коля. — Онъ говоритъ что я ошибаюсь, что здѣсь не *сибайя* (театръ), а *терѣ* (храмъ)... Въ положенное время, говоритъ, здѣсь бываетъ служба и иногда представленія, только не смѣшныя, а божественныя; но теперь не время, а вотъ, говорить, пріѣзжайте семнадцатаго числа этого мѣсяца, тогда и увидите божественное представление, а смѣяться, говорить, грѣхъ, тѣмъ болѣе, что вы гости въ Японіи.

Вотъ такъ попались, благодаря Ёмберу! Ни за что, ни про что обидѣли человѣка, быть-можетъ очень хорошаго. Впрочемъ, вѣроятно, и самъ Ёмберъ сдѣлался жертвой чьей-нибудь мистификаціи, хотя онъ вообще сильно не благоволяетъ къ японскому духовенству. Послѣ такой отповѣди, разумѣется, оставалось только раскаться въ своей легкомысленной довѣрчивости и удалиться, поручивъ Колѣ передать бонзѣ наше извиненіе и объяснить ему, что мы сами въ этомъ случаѣ были обмануты

По узенькой каменной лѣстницѣ поднялись мы на верхнюю площадку лежащую надъ храмомъ, на самомъ горбѣ лѣсистаго кряжа. По бокамъ этой лѣстницы стоятъ все такія же лисички съ поднятыми хвостами какъ и внизу, но только тутъ онѣ видимо сбродныя, вѣроятно пожертвованныя въ разное время разными лицами, — однѣ большія, другія маленькія, однѣ отличаются изящною отдѣлкой, другія, напротивъ, самой грубой, что называется, топорной работы, красивыя и наивно безобразныя, древнія и новыя, — словомъ, всякія. По площадкѣ разбросано подъ соснами нѣсколько деревянныхъ часовенекъ и божничекъ; въ каждой изъ нихъ находится маленькій алтарикъ съ изображеніемъ Инари и двухъ лисичекъ по бокамъ его; одни изъ этихъ изображеній выточены изъ камня, другія вылѣплены изъ глины. Одна изъ часовенекъ, надо полагать, почитаема болѣе всѣхъ остальныхъ, потому что къ ней ведетъ цѣлая аллея составленная изъ древнихъ и новыхъ *тори* въ высоту человѣческаго роста, слѣдующихъ въ началѣ одно за другимъ на разстояніи около двухъ аршинъ, а потомъ все болѣе и болѣе сближающихся и наконецъ примыкающихъ другъ къ другу столь тѣсно, что изъ нихъ образуется почти закрытый коридорчикъ, вокругъ котораго снаружи перепутались между собою корни и вѣтви лѣсной чащи. Предъ часовенькой стоятъ, словно парные часовые, двѣ каменные лисички, а внутри ея помѣщается сосудъ съ освященною водой изъ чудотворнаго источника. Бросивъ нѣсколько мѣдныхъ монетокъ въ деревянную копилку, поставленную предъ часовней на особомъ столбикѣ, мы спустились внизъ, къ нашимъ *дженерикшамъ* и приказали везти себя въ паркъ Уэнно.

Дженерикши покатали узкою шоссированною дорожкой, что пролегаетъ съ сѣверной стороны кряжа, вдоль его подошвы. Глядя на этотъ длинный, ровный, тянувшийся все въ одномъ направленіи кряжъ, можно подумать, что онъ насыпанъ искусственно, въ качествѣ городского вала, и мудренаго въ этомъ ничего бы не было, такъ какъ въ Японіи нерѣдко и срываются, и насыпаются цѣлыя горы. Въ Йокотамѣ, наприкладъ, еще полтора года тому назадъ, сказываютъ, стояла въ южной сторонѣ города большая, обрывисто крутая гора, отъ которой теперь нѣтъ и слѣда, потому что на ея мѣстѣ уже все сплошь застроено. Трудъ человѣскій здѣсь упоренъ и пока еще дешевъ до такой степени, что почти ни во что не цѣнится не только предпринимателями, но и самимъ трудящимся людомъ. Лишь былъ бы ему обезпеченъ коробокъ рису для дневного пропитанія, а за болышимъ, въ особенности при нынѣшнемъ кризисѣ, работникъ почти и не гонится. Всѣ труднѣйшія работы производятся главнымъ образомъ людьми приходящи-

ми сюда на заработки изнутри страны и это самые дешевые рабочие: тамъ же, гдѣ мѣстное население уже соприкасается съ европейскимъ элементомъ и успѣло около него потеряться, работникъ начинаетъ понимать стоимость труда и размѣры задѣльной платы, даже и самъ не прочь порою поприжать предпринимателя-*идзинг-сана*, сирѣчь господина варвара-иностранца. *Идзинг-саны*, конечно, на это жаждутся и негодуютъ, но... таково уже необходимое слѣдствие всякой «цивилизациа», хотя *идзинг-санамъ* и хотѣлось бы соединить пріятности своей цивилизаторской миссиа съ выгодами своекорыстной эксплуатаціи этого добродушнаго и пока еще честнаго народа.

Миновать фабричную слободку, мы покатали вдоль одной изъ подгородныхъ деревушекъ. По сторонамъ, все тѣ же, можно сказать игрушечные домики, крытые только вмѣсто черепицы соломою, но за то очень тщательно, аккуратно, такъ что выходить въ своемъ родѣ даже изыщно. У каждой хижинки непременно свой садикъ, окруженный живою подстриженою изгородью или бамбуковымъ плетнемъ, въ которомъ продѣлана межъ двухъ столбовъ калитка съ соломённымъ навѣсомъ въ родѣ крыши. Въ садикѣ всегда имѣется особый цвѣтникъ и нѣсколько прекрасно раздѣланныхъ огородныхъ грядокъ, а близъ забора посажены двѣ-три пальмы-латаніи, простирающія изъ-за него свои лапчатые, вѣерообразные листья на узенькую, но прекрасно содержимую дорогу. По бокамъ дороги идутъ двѣ канавы, полныя проточною водою, которой онѣ снабжаютъ другія, меньшія канавки, цѣлою сѣтью расходящіяся по окрестнымъ полямъ, для ихъ орошенія. Каждый клочекъ земли, это истинный образецъ самой тщательной и высокой культуры. Я никогда не былъ въ Западной Европѣ, но судя по тому, что доводилось читать о ней въ этомъ отношеніи, смѣю думать, что Японія не только потягается съ самыми воздѣланными мѣстностями Германіи и Франціи, но пожалуй и превзойдетъ ихъ въ значительной мѣрѣ. Если только малѣйшій клочекъ почвы представляетъ хоть какую-нибудь возможность къ обработкѣ, онъ уже не пустуетъ. Въ Японіи крайне дорожатъ землею и уважаютъ земледѣльческое дѣло. Не даромъ же крестьянское сословіе поставлено въ ней вслѣдъ за дворянскимъ, выше ремесленно-мѣщанскаго и купеческаго, которое занимаетъ лишь предпоследнюю, четвертую ступень въ сословно-общественной жизни страны Восходящаго Солнца. Ниже купеческаго сословія идутъ уже *гетá* или *гетá*, нѣчто вродѣ парій, которымъ разрѣшено селиться лишь на окраинѣ города, въ особó отведенномъ мѣстѣ. Кстаи о *гетá*: говорятъ, будто это потомки прокаженныхъ, и замѣчательно, что они такъ же какъ и цейлонскіе паріа обречены на занятія почитае-

мая грязными. Напримѣръ, всѣ живодеры, кожевники, дубильщики и уборщики падали принадлежатъ исключительно къ сословію *гетá*, къ коему относятся также и палачи. Женщины ихъ могутъ выходить замужъ только за своихъ односословцевъ, и промыселъ развратомъ не считается для нихъ зазорнымъ средствомъ къ жизни; онѣ впрочемъ нерѣдко отличаются красотой и бродятъ по городу въ видѣ уличныхъ музыкантшъ и пѣвицъ; но это не *гейки*, и ихъ никогда не приглашаютъ пѣть въ дома, а кладутъ лишь монету въ окно, въ видѣ подаянія.

Что касается владѣнія земельною собственностью, то оно зиждется въ Японіи на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Земля составляетъ непререкаемую и неотчуждаемую собственность государства.

2) Право на пользование землей имѣетъ каждый японскій подданный, но

3) земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ и до тѣхъ поръ, пока онъ ее обрабатываетъ.

Такимъ образомъ, составляя государственную собственность, земли въ Японіи не могутъ быть ни продаваемы, ни покупаемы, а сдаются лишь такъ-сказать въ арендное пользованіе. Кадастръ существуетъ здѣсь уже давно, и въ случаѣ государственной надобности чрезъ извѣстный періодъ лѣтъ дѣлается переоцѣнка земель правительственными агентами совмѣстно съ членами сельскихъ общинъ для болѣе правильной раскладки поземельной подати съ каждаго участка. Поземельная подать уплачивается въ нормѣ опредѣленной правительствомъ или деньгами, или натурой. Въ послѣднемъ случаѣ взимается одна изъ трехъ годовыхъ жатвъ, или просто третья часть урожая ¹⁾. Земля уступается земледѣльцу въ пользованіе безъ ограниченія срокомъ, какъ бы на вѣчныя времена, съ правомъ наслѣдованія оной въ нисходящемъ потомствѣ, но съ тѣмъ лишь необходимымъ условіемъ, чтобы она постоянно была обрабатываема. Въ случаѣ же несоблюденія сего послѣдняго условія, безъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ мѣстнымъ *кодѣ* и однообщественниками, земля отбирается и передается желающему взять ее; причемъ, однакоже преимущество отдается безземельнымъ земледѣльцамъ, то-есть, напримѣръ, если у отца два сына, то старшій изъ нихъ есть прямой наслѣдникъ отцовскаго участка, а младшій, въ случаѣ выдѣла его въ особую семью, считается уже безземельнымъ и получаетъ право очередной кандидатуры на открывающіеся свободные участки. Такимъ образомъ,

¹⁾ Въ послѣдніе годы съ возрастаніемъ государственныхъ нуждъ и долговъ, говорятъ, взимается половина всего сбора; но правительство, сознавая тягость такой подати для земледѣльцевъ, учредило ее только какъ временную мѣру.

Японія вполне гарантирована отъ развитія въ ней крестьянскаго пролетаріата. Кто уходитъ изъ крестьянскаго сословія въ городское (хотя такіе примѣры чрезвычайно рѣдки), тотъ само собою теряетъ и право на свою сельскую землю; но за то онъ можетъ требовать подъ свою осѣдность участокъ изъ свободныхъ земель города въ коемъ намѣренъ поселиться, каковой участокъ ему и уступается безъ срока, съ условіемъ вносить за него ежегодно известную поземельную городскую подать. Тамъ гдѣ есть еще свободныя земли, какъ напримѣръ на Матсмаѣ, каждый имѣетъ право обрабатывать ихъ въ томъ количествѣ, въ какомъ пожелаетъ, но *непремѣнно обрабатывать*; въ противномъ же случаѣ пустующая часть земель у него отбирается. Каждый земледѣлецъ имѣетъ право переуступать свой участокъ сполна или враздѣлъ другому лицу, но съ тѣмъ, что это послѣднее принимаетъ на себя въ соотвѣтственной части всѣ его податныя и другія поземельныя обязательства предъ правительствомъ. Взысканія по частнымъ долгамъ обращаются не на землю, а лишь на известную часть снятаго съ нея урожая, остающагося за отчисленіемъ правительственной доли; причемъ, однако, законъ блюдетъ и за тѣмъ, чтобы семья земледѣльца-должника, за удовлетвореніемъ кредиторовъ, не осталась вовсе безъ хлѣба и безъ сѣмянъ для слѣдующаго посѣва. Заботливость закона предусмотрительно простирается даже на многія мелочи сельскаго быта: такъ, напримѣръ, не дозволяется строить домъ среди пшеничныхъ и рисовыхъ полей, дабы тѣнь отъ дома или деревьевъ не лишала окружающую землю необходимыхъ лучей солнца и не дѣлала ее чрезъ то менѣе производительною. Если же кто осмѣлится строить вопреки этому закону, то строеніе его сносится, а самъ онъ подвергается стодневному тюремному заключенію. Или еще: «если большое дерево осѣняетъ сосѣдній домъ или сосѣднюю сушильню, такъ что мѣшааетъ просушкѣ хлѣбныхъ зеренъ, то вѣтви его должны быть обрѣзаны ⁴⁾». При прежнемъ сѣгунальномъ правительствѣ основанія земельного пользованія оставались тѣ же что и теперь, съ той только разницей, что въ феодальныхъ княжествахъ роль нынѣшняго правительства по отношенію къ мѣстнымъ земледѣльцамъ играли *даймио* (князья), вносящіе известную государственную подать въ казначейство *сѣгуна*. Разсматривая безпристрастно всѣ эти постановленія, нельзя не признать, что въ главныхъ своихъ основаніяхъ аграрный вопросъ въ Японіи разрѣшенъ гораздо лучше, чѣмъ въ «просвѣщенной» Западной

Европѣ, изнемогающей отъ крестьянскаго пролетаріата.

На каждомъ полево́мъ участкѣ, принадлежащемъ отдѣльному хозяину, вы непременно замѣтите одну, а чаще двѣ бочки рядомъ, врытыя въ землю до верхняго края и покрытыя соломёнными колпаками, которые на взглядъ кажутся миниатюрными шалашиками. Здѣсь хранится удобрёніе, тщательно собираемое со всѣхъ дворовъ, дорогъ и улицъ и подвергаемое химической переработкѣ. Съ той же цѣлью на многихъ поляхъ около дороги устраиваются землевладѣльцами особые ретирадные павильончики, иногда построенные даже не безъ изящества и не рѣдко снабженные особыми надписями, заключающими въ себѣ обращеніе къ прохожимъ. Нѣкоторые изъ надписей мнѣ перевели, и я могу привести ихъ какъ примѣры очень характеристичныя и въ то же время простоудушно наивныя. «Прохожій,—гласитъ одна изъ нихъ,—воспользуйся предлагаемымъ тебѣ удобствомъ и оставь моему полю то, что тебѣ излишне!» Другая надпись нѣсколько самохвальна, но за то лаконичнѣе: «У меня лучше, чѣмъ у сосѣдей», а третья еще кратче: «Остановись!.. Здѣсь!» Дорожа каждымъ клочкомъ удобной земли, японцы, понятное дѣло, дорожатъ и ея удобреніемъ. Здѣсь все утилизировано, и если что-либо встрѣчается не распаханнымъ и не засеяннымъ, то это лишь тѣ небольшіе клочки, которые такъ или иначе могутъ удовлетворять чувству изящнаго. Таковыми бывають склоны лѣсистаго кряжа, или какаля-нибудь группа отдѣльно стоящихъ деревьевъ на небольшомъ пригоркѣ, либо вокругъ студенаго родника. Эти поэтически красивыя, уединенныя мѣста посвящены исключительно религіи. При каждомъ изъ нихъ вы непременно увидите небольшое *тори*, за которымъ, подъ сѣнью вѣтвистыхъ сосенъ, дубовъ или кленовъ, прислонилась къ ихъ корявымъ стволамъ деревянная калитка, а то и просто открытая статуэтка Будды, Инари, либо иного какого *ками* на каменномъ пьедесталѣ. Вообще всѣ подобнаго рода уголки и мѣстечки чрезвычайно красивы и такъ и манятъ къ себѣ путника своей нѣсколько мистической прелестью.

Часа полтора везли насъ вдоль подошвы лѣсистаго склона, мимо этихъ воздѣланныхъ полей, пока наконецъ не представился намъ направо проѣздъ, прорѣзанный въ кряжѣ. Здѣсь опять привѣтливо глядитъ на васъ маленькая деревенька, а за кряжемъ пошелъ уже городъ то-есть одно изъ его сѣверныхъ предмѣстій: пагода какая-то, кладбище и облицованныя камнемъ террасы съ изящной чугунной рѣшеткой, которая ограждаетъ собой цѣлый кварталъ, гдѣ, среди садовъ и прѣтниковъ расположены какіе-то баракы, повидимому военного-госпитальнаго характера. Здѣсь повстрѣчали

⁴⁾ *Букай Хякэ Каджо*, (то-есть сто постановленій для властей) изъ завѣщанія сѣгуна Гіеяса (1593—1606 года).

мы процессію ряженныхъ, которые съ пѣснями и кликами везли на себѣ въ лямкахъ цѣлую колесницу, наполненную цибикообразными тюками и украшенную флагами, бумажными лентами, елками, папоротникомъ и бамбуковыми вѣтвями. Дѣти тоже принимали участіе въ этой процессіи; изъ нихъ два мальчугана, въ даймюскихъ колпакахъ изъ золотой бумаги, преважно возсѣдали поверхъ всѣхъ тюковъ, на драпировкѣ кубоваго цвѣта, держа нити бумажныхъ звѣвъ, какъ бы сопровождавшихъ въ воздухѣ своимъ полетомъ это оригинальное шествіе. Говорятъ, что это новогодніе подарки, торжественно отправляемые богатыми людьми а въ особенности купцами (не рѣдко въ совокупности съ цѣлаго квартала) какимъ-нибудь своимъ важнымъ и вліятельнымъ друзьямъ, благотворительнымъ учрежденіямъ или же монастырскимъ боназамъ. Мы еще давеча днемъ, равно какъ и въ самый Новый годъ, и накануне его, неоднократно встрѣчали на улицахъ подобныя процессіи. Говорятъ, что къ нимъ не рѣдко также прибѣгаютъ крупные коммерсанты просто какъ къ одному изъ средствъ ходячей рекламы для издѣлій своей фирмы.

Дорога шла мимо кладбища. Мы завернули и туда. Это было одно изъ большихъ городскихъ кладбищъ, Теннози. Въ центрѣ его возвышается пятиэтажная башня-пагода, къ которой сходятся крестообразно четыре большія, широкія аллеи, разбивающія все кладбище на четыре участка. Каждый изъ послѣднихъ разбивается на меньшіе участки продольными и поперечными дорожками, слѣдующими параллельно одна другой на одинаковыхъ разстояніяхъ. Теннози считается однимъ изъ самыхъ аристократическихъ кладбищъ. У многихъ родовитыхъ и зажиточныхъ людей здѣсь откуплены мѣста семейныя, огражденные каменными цоколями, чугунными рѣшетками и деревянными палисадами,—совершенно такъ же, какъ и въ Европѣ. Могилы украшаются каменными памятниками, не рѣдко очень красивыми, или просто стоячими аспидными плитами съ высѣченнымъ именемъ покойника, въ сопровожденіи приличной эпитафіи въ стихахъ какого-нибудь священнаго текста, философскаго изреченія и т. п. На недавнихъ же могилахъ, гдѣ памятниковъ еще нѣтъ, водружаются въ возглавіи четырехгранный тесовый столбъ, на которомъ пишется имя и прочее. Не рѣдко предъ памятникомъ ставится точеный каменный канделябръ, служащій вмѣстѣ и для лампы, а иногда вмѣстѣ и для дѣлаютъ и въ самомъ памятникѣ. Лампады теплятся повсюду и, вѣроятно, за этимъ наблюдаютъ служители мѣстной бонаэрии. Кромѣ того, каждая свѣжая могила украшается двумя бумажными цвѣтными фонарями и цвѣтами. Послѣдніе на этомъ кладбищѣ служатъ непременнымъ украшеніемъ вообще всякой

могила. Цѣлыя рощи елей, кедровъ, латаній, камелій и лавровъ, между которыми есть деревья глубокой древности, осыпаютъ своими темными вѣтвями всѣ эти памятники и цвѣтники, образуя на каждомъ шагу прелестные уединенные уголки, полные серьезной тишины и мечтательной грусти. У главнаго кладбищенскаго входа возвышается священное *тори*, отъ котораго и начинается первая широкая аллея, прямымъ продолженіемъ коей по вѣншую сторону ограды служить городская улица, гдѣ совершенно такъ же, какъ и у насъ, нѣсколько лавочекъ выставляютъ на продажу надгробныя плиты, столбы, цвѣты, вѣнки и памятники. Тутъ же находятся и монументныя мастерскія. Кладбище Теннози расположено въ сосѣдствѣ съ паркомъ Уээнно и съ сѣверозападной стороны примыкаетъ къ обширнымъ уээнскимъ бонаэріямъ. Солнце почти уже сѣло, а мы, за время нашей продолжительной прогулки успѣли-таки достаточно проголодаться и потому рѣшили сообща пообѣдать въ «министерскомъ» ресторанѣ, благо онъ тутъ подъ рукой, и на томъ закончить всѣ сегодняшніе планы.

23-го декабря.

Въ городѣ опять большой пожаръ. Начался онъ по закатѣ солнца, и вотъ теперь ужъ близко полночь, а страшное содрогавшееся зарево, охвативъ половину неба, нисколько еще не уменьшается.

Войска тоокійскаго гарнизона готовятся къ большому параду. Сегодня все утро кавалерія была занята ѣздой и церемональнымъ маршемъ на сосѣднемъ съ нашимъ посольствомъ плацу... Я провелъ тамъ около двухъ часовъ времени, и мнѣ кажется... но нѣтъ, воздержусь пока отъ скоростѣлыхъ заключеній, тѣмъ болѣе, что вѣдь не въ послѣдній же разъ я ее вижу.

24-го декабря.

Сегодня у микадо парадный обѣдъ въ большой залѣ его дворца. Приглашены всѣ посланники. Продолговатые столы, украшенные цвѣтущими сливами въ роскошныхъ фарфоровыхъ и бронзовыхъ вазахъ, стоятъ рядами одинъ за другимъ; за крайнимъ изъ нихъ приготовленъ одинъ только приборъ—для его величества, микадо.

Всѣ приглашенные разсаживаются на обозначенныхъ билетами мѣстахъ лишь по одну сторону столовъ, другая же остается свободною, дабы не сидѣть къ императору спиной, что ни въ какомъ случаѣ не допускается придворнымъ этикетомъ. За первымъ ближайшимъ къ микадо столомъ заняли мѣста принцы императорскаго дома, имѣя въ центрѣ противъ особы государя дадо его, принца Арисугава какъ старшаго. Братья императора размѣсти-

лись по старшинству, по обѣ стороны сего принца, а послѣ нихъ за тѣмъ же столомъ сидѣли государственный канцлеръ Санджіо, министры и нѣкоторые посланники, въ числѣ коихъ и нашъ, К. В. Струве. Гости за остальными столами градиrowались по своему служебному и общественному положенію. Предъ каждымъ приборомъ стояли судки, въ числѣ четырехъ деревянныхъ коробокъ наполненныхъ кушаньями. Всѣ ожидали выхода императора стоя на своихъ мѣстахъ. Вскорѣ раздались звуки традиціонной музыки, возвѣстившей его появленіе. Онъ былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, имѣя черезъ плечо ленту своего семейнаго ордена. Присутствующіе отдали глубокий поклонъ, и послѣ того, какъ микадо, занявъ мѣсто, сдѣлалъ знакъ садиться, всѣ тихо опустились на свои стулья, явившіеся уже нѣсколько лѣтъ назадъ уступкой европейскому обычаю. Обѣдъ въ присутствіи повелителя страны происходилъ въ совершенномъ молчаніи. На верхней крышкѣ каждаго судковъ лежало по два рисовыхъ пирожка съ сельдереемъ; затѣмъ въ первой коробкѣ находились сладкія лепешки, сдѣланныя и уложенныя очень красиво, съ тисненымъ на тѣстѣ узоромъ и гербомъ микадо; во второй коробкѣ то же разныя сласти и пастила, расположенная съ наименьшимъ искусствомъ; въ третьей и четвертой—рыбныя кушанья, взятаго изъ ласточьихъ гнѣздъ, грибы, омары, трепанги, маринованные ростки молодого бамбука и проч. Тутъ же находились фаршированные рыбки или такъ-называемая рыба колбаса, зашита въ блестящую рыбу шкурку, которой придана радужная окраска. Въесто хлѣба прекрасно разваренный свѣжно-бѣлый рисъ, отборныя зерна коего свободно отдѣляются одно отъ другого. Всѣ эти кушанья окрашены въ разные цвѣта (малиновый, желтый и зеленый) и уложены въ коробкахъ такъ красиво, что съ виду походятъ болѣе на затѣйливо изукрашенные кондитерскіе торты, чѣмъ на рыбныя и овощныя снѣди. Самыя коробки были сдѣланы изъ тонкихъ планочекъ соснового теса и оставлены въ своемъ натуральномъ видѣ, потому что традиціонный придворный этикетъ не допускаетъ употребленія лака. На крышкѣ верхней коробки было нарисовано акварелью только изображеніе императорскаго герба (астра), а на бокахъ легкими водянистымъ эскизомъ выведены вѣточки цвѣтущей сливы, но въ очень умѣренномъ количествѣ, и это также на основаніи традиціи не допускающей пышной разрисовки, ибо прародительская простота, какъ руководящее начало, должна сказываться и въ этомъ. Судки были перетянуты пунцовымъ шелковымъ шнуркомъ съ кистями, завязаннымъ на крышкѣ въ очень красивый бантъ, что придавало имъ видъ простой, но необыкновенно изящной бонбоньерки. Говорятъ въ придворномъ штатѣ числятся

особые мастера, исключительно занятые приготовленіемъ подобныхъ судковъ для императорскихъ обѣдовъ, и на долю ихъ достается далеко не маленькая работа, такъ какъ въ силу этикета одна и та же коробка не можетъ быть употреблена въ дѣло болѣе одного раза.

Вмѣсто вина за обѣдомъ подавали *саки*, и микадо, во изъявленіе особаго своего благоволенія, посылалъ нѣкоторымъ изъ гостей (впрочемъ, весьма немногимъ) *саки* съ собственнаго своего стола въ очень изящныхъ и тончайшихъ фарфоровыхъ чашкахъ. Такое отличіе было оказано и К. В. Струве, и притомъ одному изъ первыхъ. Во все время обѣда играла придворная національная музыка, состоящая исключительно изъ однихъ флейтъ и плясали придворныя танцоры. Но гостямъ не удалось ихъ видѣть, такъ какъ плясали они позади всѣхъ столовъ, на особой эстрадѣ выходящей въ садъ, который и служилъ для этой сцены живой декораціей. Оборачиваться же назадъ, хотя бы и слегка, чтобы видѣть пляску вельзя, потому что и это было бы нарушеніемъ этикета; такимъ образомъ любоваться классическимъ балетомъ, какой всегда представляется въ этотъ день, могъ одинъ только микадо.

Вечеромъ, въ наше посольство доставили отъ его величества на имя К. В. Струве судки заключавшіе въ себѣ давешній обѣдъ, съ присоединеніемъ той самой чашки, въ которой микадо послалъ ему своего *саки*. Это уже такой обычай, чтобы всѣ приглашенные сверхъ обѣда, скушаннаго ими во дворцѣ, получали еще у себя на дому другіе, такіе же точно судки съ такими же кушаньями, дабы и семейства ихъ могли имѣть свою долю участія въ императорскомъ угощеніи.

Обѣдъ, подобный нынѣшнему, въ силу традиціоннаго обычая, всегда дается императоромъ Японіи на пятый день Нового года.

25-го декабря.

День Рождества Христова. Послѣ обѣдни и обычнаго въ сей день молебствія въ посольской церкви, пріѣхалъ въ посольство наше преосвященный Николай съ праздничнымъ визитомъ къ семейству К. В. Струве. Послѣ завтрака у посланника, узнавъ что я имѣю надобность быть сегодня на Йокогамскомъ рейдѣ, преосвященный предложилъ мнѣ, не хочу ли я быть его спутникомъ, такъ какъ ему желательно сдѣлать нынче отвѣтныя визиты посѣтившимъ его морякамъ нашимъ. Мы отправились съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ въ Йокогаму, и въ исходѣ четвертаго часа дня пристали уже на утлой *фуне* къ массивному борту броненоснаго фрегата «Князь Пожарскій». Тамъ, на верхней палубѣ, подъ растянутымъ тентомъ, стояла разукрашенная цвѣтными фонарями, фруктами и сладостями рождественская елка, и матросы, въ присутствіи своего ко-

мандира П. П. Тыртова и всѣхъ «пожарскихъ» офицеровъ, вынимали билеты безпроигрышной лотереи, въ которой для каждаго изъ нихъ былъ приготовленъ свой практически полезный подарокъ: кому доставались теплые чулки, кому пара носовыхъ платковъ, кому теплая фуфайка, фунтъ табаку, пачка сигаръ, фунтъ колотатаго сахару, чаю и т. п. Сверхъ того, каждый получалъ свою долю праздничныхъ лакомствъ. Послѣ «Пожарскаго» мы послали клиперъ «Крейсеръ» а затѣмъ наше флагманское судно «Африку». Вездѣ для судовыхъ командъ были приготовлены подобные праздничные подарки. Около шести часовъ преосвященный Николай отбылъ съ «Африки» на военной шлюпкѣ на берегъ; я же остался на суднѣ, такъ какъ раньше былъ приглашенъ на сегодня, въ числѣ лицъ адмиральскаго штаба, въ каютъ компанію, къ семейному офицерскому обѣду, на которомъ присутствовали командующій эскадрой, баронъ О. Р. Штакельбергъ и командиръ «Африки» Е. И. Алексѣевъ. Въ шесть часовъ вечера состоялась на «Африкѣ» матросская елка, такая же какъ на «Пожарскомъ» и на «Крейсерѣ», съ безпроигрышною лотереей. Праздникъ окончился матросскимъ спектаклемъ въ жилой палубѣ. Разыграны были двѣ пьесы: *Разбойники и Представленіе о непокорномъ сынѣ Адольфѣ и прекрасной Герондѣ*. Всѣ роли распредѣляли между собою сами матросы, причѣмъ Геронду досталось изображать молодому безусому парню. Костюмы и украшенія тоже мастерили они сами изъ разныхъ кусковъ ситца, фольги и золотой бумаги. Въ *Разбойникахъ* изображается плывущій по Волгѣ «стружокъ», который зрители должны представлять себѣ мысленно; двѣнадцать человекъ садятся по-парно въ два ряда на полъ и представляютъ гребцовъ; атаманъ въ картонной казачьей шапкѣ и въ бумажныхъ генеральскихъ эполетахъ, съ фольговыми орденами на груди, стоитъ у руля, а его эсаулъ, украшенный нѣсколько скромнѣе, поминается впереди, на воображаемомъ носу, и пристально смотритъ вдаль въ картонную «подозрительную» трубку. Гребцы, раскачиваясь съ боку на бокъ и медленно ударяя въ тактъ въ ладоши, хоромъ поютъ *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*. Послѣ стиха *погодушка волновая, всрховая*, атаманъ трагическимъ голосомъ вопрошаетъ эсаула: «не видать ли чего впереди?» Оказывается, что ничего въ волнахъ не видно, и пѣсня продолжается далѣе. На слѣдующій подобный же вопросъ эсаулъ уже сообщаетъ что видно судно купечское, везетъ оно дорогіе товары заморскіе, но дороже всѣхъ товаровъ на немъ — молодая прекрасная королевщина, что сидитъ въ своемъ ясномъ терему на капитанской рубкѣ. Раздается «сарынь на кичку!» Разбойники бросаются на abordажъ и похищаютъ прекрасную королевшину, въ которую атаманъ

тутъ же влюбляется, но для доказательства роппущимъ товарищамъ, что изъ-за любви къ полянянкѣ онъ не забылъ ни ихъ, ни удалыхъ дѣлъ, атаманъ рѣшается бросить ее въ волны. Какъ видите, это въ лицахъ извѣстная поволжская былина о Стенькѣ Разинѣ. Что до *Непокорнаго сына Адольфа*, то тутъ дѣло уже нѣсколько сложнѣе. Царь-отецъ, съ пенъковою бородой и въ фольговой коронѣ, приказываетъ позвать къ себѣ своего непокорнаго сына Адольфа и отправляетъ его на войну покорить какое-то царство. Адольфъ покоряетъ и влюбляется въ Геронду прекрасную, но затѣмъ начинаетъ вдругъ супротивничать своему родителю. Негодующій родитель требуетъ опять позвать къ себѣ непокорнаго сына Адольфа. Войны и «министеры» отправляются за послушникомъ и представляютъ его предъ царскіи очи. Начинается объясненіе между отцомъ и сыномъ, которое приводитъ къ тому, что родитель велитъ свергнуть непокорнаго въ темницу и затѣмъ приказываетъ «министерамъ» и войнамъ казнить его. Геронда прекрасная, обливаясь слезами, бросается къ ногамъ царя и молитъ простить непокорнаго. Въ концѣ концовъ родитель примиряется съ непокорнымъ сыномъ Адольфомъ, и сей послѣдній, къ общему удовольствію, женится на Герондѣ прекрасной. Декламация въ обѣихъ пьесахъ идетъ не иначе какъ въ возвышенномъ и трагическомъ тонѣ, причѣмъ актеры, дѣлая въ каждой репликѣ удареніе на какомъ-либо важнѣйшемъ словѣ или выраженіи, для пущей экспрессіи еще и топаютъ ногой. Матросская публика съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми перипетіями борьбы «принца» Адольфа съ родителемъ и награждаетъ дѣйствующихъ лицъ рукоплесканіями. Вообще исторія о непокорномъ сынѣ Адольфѣ съ давнихъ лѣтъ пользуется у насъ во флотѣ большою популярностію и является у матросовъ самымъ любимымъ ихъ представленіемъ.

Рождественскій вечеръ мирно закончили мы въ небольшомъ обществѣ нашихъ моряковъ, въ каютъ-компаніи «Африки».

26-го декабря.

Рейдъ съ утра принялъ особо праздничный видъ. На нѣкоторыхъ иностранныхъ судахъ, кромѣ множества развѣшанныхъ по снастямъ флаговъ, торчатъ еще на самыхъ верхушкахъ мачтъ большіе букеты и разукрашенные елки. Сегодня, на одномъ изъ итальянскихъ военныхъ судовъ, поднялъ свой флагъ принцъ Генуэзскій, братъ короля Італіи, прибывшій за нѣсколько дней предъ симъ въ Японію. Флагъ его былъ встрѣченъ салютами со всѣхъ военныхъ судовъ и съ Канагавской береговой батарей. Въ полдень показался на рейдѣ японскій императорскій штандартъ. Микадо сдѣлалъ отвѣтный визитъ принцу Генуэзскому и

завтракали вмѣстѣ съ нимъ въ его адмиральской каютѣ. Встрѣча и проводы императора сопровождались со всѣхъ военныхъ судовъ установленными салютами.

27-го декабря.

Сегодня, въ десять часовъ утра, происходилъ въ присутствіи микадо большой парадъ войскамъ тоокійскаго гарнизона. На томъ же, сосѣднемъ съ русскимъ посольствомъ плацу который по обширности почти равенъ нашему Семеновскому, придворные служители, за часъ до прибытія микадо, разбили неподалеку отъ въѣзда двѣ большія цвѣтныя палатки, гдѣ внутри были разостланы богатые ковры и поставлены столы покрытые парчевыми скатертями, а вокругъ нѣсколько стульевъ и креселъ, узорчатое расшитыя разноцвѣтными шелками и золотомъ. На столахъ красовались богатые металлическіе *хибаки* и *табакобоны*, между которыми были разложены сигары и лафермовскія напирасы. Одна изъ палатокъ предназначалась для микадо и его гости, принца Генуэзскаго, а также для принцевъ императорскаго японскаго дома; другая, для высшихъ государственныхъ сановниковъ и членовъ дипломатическаго корпуса, которые присутствовали на парадѣ въ присвоенныхъ имъ мундирахъ и въ полномъ составѣ своихъ миссій, усиленныхъ еще морскими офицерами, нарочно прибывшими, ради этого случая, съ Токогамскаго рейда. Тутъ видѣлись группы моряковъ англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, германскихъ, русскихъ и пр. Въ средѣ нѣкоторыхъ дипломатическихъ свитъ находились даже и католическіе патеры въ іезуитскихъ шляпахъ, какъ у донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ», и въ длинныхъ черныхъ сутанахъ. Кромѣ русскаго, въ составѣ всѣхъ остальныхъ первоклассныхъ европейскихъ посольствъ присутствовали ихъ военные члены, которые не всегда носятъ здѣсь званіе военныхъ агентовъ, а состоятъ въ качествѣ разныхъ «attachés», вторыхъ секретарей и т. п., но подъ рукой исполняютъ и обязанности военныхъ агентовъ. Русская миссія, какъ извѣстно, таковыхъ не имѣетъ. Всѣ они также были въ своихъ военныхъ мундирахъ, въ полной парадной формѣ. Долгогривый шлемъ драгуна французскаго и золотой шпикакъ драгуна нѣмецкаго какъ бы спорили между собою въ степени воинственности и красовались на первомъ планѣ, затирая своимъ блескомъ не только скромныя шако, кепи и трехуголки пѣхотинцевъ и моряковъ, но даже красный мундиръ широкоспиннаго англичанина, обладающій свойствомъ приводить въ смятеніе и ярость всѣхъ встрѣчныхъ быковъ и буйволовъ на улицахъ Тоокіо и Токогамы, какъ о томъ еще въ прошломъ году писали въ японскихъ газетахъ. Но наибольшее вниманіе по своей

важности обращали на себя въ средѣ дипломатовъ американскій консулъ и китайское посольство. Первый, будучи только торговымъ, но вовсе не военнымъ человѣкомъ, украсилъ себя импровизованною формою, въ составъ которой между прочимъ входила плюшевая квакерская шляпа съ необычайно широкими полями. Точь-въ-точь такія шляпы у насъ, бывало въ старину надѣвали при похоронныхъ процессіяхъ погребальные факельщики, такъ что народъ по старой памяти и до сихъ поръ зоветъ ихъ «пакольщицкими шляпами». Эта «пакольщицкая» шляпа, призванная играть роль военнаго головного убора, была обвита золотымъ этишкетнымъ шнуромъ съ длинными, ниспадавшими на спину золотыми кистями. Гражданскаго покроя сюртукъ былъ просто залитъ золотымъ шитьемъ и позументами; громадные генеральскіе эполеты сіяли на плечахъ; громадный и толстѣйшій аксельбантъ, громадный шарфъ съ болтающимися кистями, распущенная на длинныхъ пассикахъ и громахающая сабля и, наконецъ, громадные шпоры на лакированныхъ башмакахъ довершали картинный костюмъ американскаго дипломата, который являлъ собою разительный контрастъ съ обыкновеннымъ чернымъ фракомъ американскаго посланника, присутствовавшего тутъ же. Впрочемъ, онъ былъ не одинъ такой: на одномъ изъ коммерческихъ консуловъ тоже красовались почему-то русскіе генеральскіе эполеты несомнѣнно Скобелевской фабрики, выписанные вѣроятно изъ Владивостока. Все это немножко напоминало офенбаховскихъ швейцарскихъ адмираловъ, и я замѣтилъ, что многимъ было очень весело любоваться ими.

Китайское посольство тоже блистало, но совсемъ въ другомъ родѣ. Костюмы его, состоявшіе изъ извѣстныхъ шапочекъ въ родѣ кокошниковъ, цвѣтныхъ юбокъ, кофты и *курмы*^{*)}, были своеобразны и роскошны, но были на эффектѣ не мишурнымъ блескомъ. Въ этихъ костюмахъ дебелые, гладкобритые, длинноносые китайцы походили болѣе на нашихъ старозаконныхъ галицкихъ горожанокъ или суздальскихъ купчихъ, чѣмъ на мулчинъ вообще и дипломатовъ въ особенности. Ихъ бархатныя или плотно-шелковыя *курмы*, отороченныя дорогими соболями, были расшиты на спинѣ разноцвѣтными шелками, серебромъ и золотомъ, унизаны жемчугомъ и самоцвѣтными камнями, и все это въ совокупности изображало какой-то затѣйливый узоръ, окружавшій у одного вышитую курицу, у другого—павлина, у третьяго еще что-то въ такомъ-же родѣ, и заключенный въ квадратную рамку. Китайцы держали себя съ большимъ достоинствомъ и независимостью, любезно, но важно, какъ добавляетъ великимъ мандаринамъ, знающимъ се-

*) Верхній короткополый халатъ мандариновъ.

бѣ цѣну, и—не знаю, можетъ-быть мнѣ только такъ показалось,—относились къ нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ европейскихъ дипломатовъ какъ будто въ нѣсколько «доминирующимъ» тогѣ, а относительно представителей крупныхъ могуществъ видимо старались показать, что держать себя съ ними, по малой мѣрѣ, на равную ногу.

Въ качествѣ «знатнаго иностранца» присутствовалъ тутъ и извѣстный путешественникъ по Африкѣ, Самуилъ Бекеръ,—какъ говорить, братъ не менѣе извѣстнаго, но не со столь почтенной стороны, Бекеръ-паши турецкаго. Бекеръ — путешественникъ тоже имѣетъ честь быть пашой, только не турецкимъ, а египетскимъ, и потому явился на парадъ въ вишнево-красной фескѣ и египетскомъ генеральскомъ мундирѣ, съ кривою саблей на боку.

Вообще картина около палатокъ въ ожиданіи приѣзда микадо была очень пестрая, оживленная и оригинальная, чему не мало способствовалъ также и персоналъ японскаго генералитета, генеральнаго штаба, военнаго министерства, адъютантовъ, свитскихъ офицеровъ, ординарцевъ и цѣлый штатъ придворныхъ конюховъ, державшихъ подъ уздцы красивѣнькихъ коньковъ, покрытыхъ богатыми цвѣтными и парчевыми попонами. Впереди всѣхъ въ этой послѣдней группѣ стояла маленькая, смиренная, буланая лошадка, подъ зеленою шелковою попоной, съ вышитыми на ней большими золотыми астрами. Это былъ конь, приготовленный для микадо. Фронтъ новобранцевъ, не участвовавшихъ въ церемониальномъ маршѣ, стоялъ въ фуражкахъ позади и въ обѣ стороны отъ палатокъ, а надъ нимъ, на земляномъ валу, окружающемъ плацъ, колыхались пестрыя оживленныя массы весело болтавшаго и громко смѣявшагося народа, который составлялъ задній планъ этой своеобразной картины, ярко залитой солнечнымъ свѣтомъ.

Ровно въ десять часовъ на плацъ показались двѣ парадныя кареты цугомъ, въ англійскихъ шорахъ, и обитыя внутри драгоцѣнною парчей. Въ первой сидѣлъ микадо, во второй принцъ Генуэзскій. Оба экипажа были окружены густымъ конвоемъ скачущихъ уланъ, одинъ взводъ которыхъ слѣдовалъ въ авангардѣ, а другой въ замкѣ, имѣя по сторонамъ боковые патрули съ опущенными и обращенными назадъ пиками. Назначеніе патрульныхъ состояло въ томъ, чтобъ отгонять чрезуху уже любопытныхъ подданныхъ его величества и ребятишекъ, неразумно въ ослѣпленномъ своемъ любопытствѣ кидавшихся чуть не подъ копыта конвоя. А можетъ нѣкоторая предосторожность была не излишнею и въ отношеніи иныхъ фанатиковъ сегунскаго режима, все еще не только существующихъ въ странѣ, но и заявляющихъ время отъ вре-

мени о своемъ существованіи разными мелкими вспышками¹⁾. Впереди императорской кареты скакалъ уланъ со штандартомъ его величества, на которомъ въ пунцовомъ морѣ изображена большая шитая золотомъ астра. Приближаясь къ плацу, уланскіе трубачи что-то такое трубили. Вся военная свита, ожидавшая у палатокъ съ принцемъ Арисугава и прочими принцами, прибывшими ранѣе, а также съ военнымъ министромъ и начальникомъ генеральнаго штаба во главѣ, мигомъ сѣли на коней и выстроились по правую сторону отъ палатокъ. Принцъ Арисугава, какъ главнокомандующій японской арміи, поскакалъ со своимъ штабомъ къ войскамъ и принялъ командованіе надъ парадомъ. По его командѣ, полки взяли «на караулъ» и знамена преклонились, а оркестръ музыки заигралъ японскій гимнъ, очень своеобразное произведеніе какого-то канцельмейстера изъ нѣмцевъ.

Выйдя изъ экипажей, микадо, одѣтый въ общегенеральскій японскій мундиръ,²⁾ съ принцемъ Генуэзскимъ, присутствовавшимъ въ итальянской морской формѣ, вошли въ первую палатку и сѣли съ двухъ сторонъ у стола, въ креслахъ. Здѣсь его величеству были представлены министромъ двора Бекеръ-паша и я, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, не имѣвшихъ ранѣе случая удостоиться этой чести. Во время сего представленія присутствовали и дипломатическіе представители тѣхъ державъ въ подданствѣ коихъ состояли представлявшіеся лица. Тотчасъ послѣ этого микадо сѣлъ на подведеннаго ему коня и началъ объѣздъ войскъ съ праваго фланга, гдѣ стоялъ отдѣльно хоръ пѣвшихъ музыкантовъ, одѣтыхъ въ голубыя гусарки, красныя шаровары и красныя сафьяновые шаки съ бѣлыми султанами. Этотъ хоръ былъ единственный на весь парадъ, если не считать командъ горнистовъ, стоявшихъ на правомъ флангѣ каждой отдѣльной части.

Войска были построены на три фаса, широкимъ строемъ, лицомъ къ центру плаца, пѣхота по-баталіонно, въ ротныхъ колоннахъ, а кавалерія и артиллерія развернутымъ фронтомъ. Интервалы между частями были несоизмѣрно велики, вѣроятно для того, чтобы

¹⁾ Впервые микадо открыто появился предъ своими подданными лѣтомъ 1872 года. Онъ проѣзжалъ тогда по улицамъ Іокогамы въ наемномъ европейскомъ экипажѣ, одѣтый въ нѣсколько фантастическій мундиръ, на половину морской, на половину посланнической формы.

²⁾ Темно-синяго цвѣта, съ золотыми пуговицами, стоячимъ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, сшитый полукафтаномъ. Золотое шитье на воротникѣ и обшлагахъ по верхнему борту, изображаетъ ломаные прямоугольные завитки *меандра* или такъ-называемаго *à la grecque*. Черные штаны съ красными лампасами; черное кепи французскаго образца съ золотыми галунами и плетешками; серебряный съ золотомъ шарфъ и шпага съ темлякомъ.

протяженіе фронта заняло большее пространство плаца, такъ какъ иначе онъ оказался бы слишкомъ громаднымъ для того количества войскъ. Лѣвый (считая отъ палатокъ) фасъ занимала военная школа и гвардія всѣхъ родовъ оружія; средній фасъ былъ занятъ бригадой армейской пѣхоты и артиллеріей, а правый—армейскимъ сапернымъ полубатальономъ (своднымъ), горными батареями и двумя эскадронами кавалеріи.

Объѣздъ дѣлался шагомъ. Впереди всѣхъ, предшествуя шагахъ въ тридцати самому микадо, ѣхалъ его знаменосецъ уланъ съ императорскимъ штандартомъ. Рядомъ съ его величествомъ слѣдовалъ принцъ Генуэскій, а нѣсколько позади принцъ Арисугава и далѣе — смѣшанная и пестрая толпа свиты. Оркестръ все время игралъ японскій гимнъ, а горнисты каждого батальона и трубы артиллеріи и конницы при приближеніи къ ихъ частямъ императора начинали играть ему «встрѣчу», звуки которой отчасти походятъ на нашъ кавалерійскій «гвардейскій походъ». Верховые офицеры салютовали, опуская саблю не внизъ по отвѣсу, а держа ее нѣсколько вкось отъ себя наотмашь. Объѣздъ совершался въ полномъ молчаніи. Микадо, проѣзжая мимо частей, не удостоивался съ ними, и войска не провожали его никакими кликами въ родѣ нашего перекатнаго *ура*, и не скрою, мнѣ было какъ-то странно не слышать могучихъ радостныхъ кликовъ войска, въ такую минуту, при такомъ военномъ торжествѣ, при видѣ своего царственнаго повелителя, когда казалось бы, крикъ, какъ выраженіе внутренняго чувства, невольно, неудержимо просится изъ груди солдата.

Объѣхавъ войска, микадо рысью вернулся къ палаткамъ и тогда, по знаку командующаго парадомъ, части съ праваго фланга лѣваго фаса двинулись церемоніальнымъ маршемъ.

Впереди всѣхъ выступалъ оркестръ музыкантовъ, которые, поровнявшись съ императоромъ, зашли правымъ плечомъ и стали противъ его величества. За музыкантами пропарадировалъ командующій парадомъ, съ небольшою свитой, но заѣздъ слѣлалъ не къ императору, а въ противоположную сторону и сталъ правѣе музыкантовъ. Затѣмъ, на непомѣрно удлиненномъ интервалѣ, маршъ собственно войскъ открывала военная школа, а за нею гвардейскіе саперы—обѣ части развернутымъ фронтомъ. Затѣмъ—опять громадный интервалъ, прежде чѣмъ на линіи прохожденія показалась голова гвардейской пѣхоты. Порядокъ марша пѣхотныхъ полковъ былъ слѣдующій: впереди каждого полка шла саперная команда, составленная изъ людей того же полка, и въ ея первой шеренгѣ—люди съ топорами, которые они несли на правомъ плечѣ, имѣя ружья на ремнѣ за спиной. За саперною командой—полковые горнисты, въ двѣ шеренги; за горни-

стами — командиры: полковой и батальонный (1-го батальона) съ ихъ штабами, затѣмъ знамя съ ассистентами и знаменными рядами и, наконецъ, 1-й батальонъ 1-го полка, по ротно, развернутымъ фронтомъ, на полныхъ дистанціяхъ. Подходя къ императору, горнисты начинаютъ трубить маршъ и, пройдя шаговъ на десять мимо, заходятъ правымъ плечомъ въ противную сторону, примыкая къ лѣвому флангу оркестра, который съ началомъ ихъ игры умолкаетъ, такъ что при прохожденіи полка играютъ одни лишь его горнисты. Понятно, что при инструментахъ, которые вообще бѣдны звуками, ихъ игра не можетъ быть особенно гармонична и красива, и дѣйствительно, она производитъ довольно жалостное впечатлѣніе, въ особенности тотчасъ же послѣ стройныхъ звуковъ полнаго оркестра. Вообще въ японскомъ парадѣ музыки было далеко недостаточно, и играла она не всегда марши, а такъ, что вздумается. Когда, напримѣръ, проходила шагомъ артиллерія во взводныхъ колоннахъ, музыканты оркестра наигрывали какую-то польку, а когда парадировала рысью кавалерія, то они принялись наигрывать совсѣмъ не въ тактъ, нѣчто въ родѣ галопа или вальса.

Проходи мимо императора, командиры и даже субалтернъ-офицеры находящіеся въ рядахъ салютуютъ саблями, способъ держанія коихъ «на плечо» нельзя назвать особенно удобнымъ: они слишкомъ сгибаютъ руку въ локтѣ, такъ что кисть руки приходится даже нѣсколько выше пояса, и при этомъ чересчуръ уже много относятъ локоть назадъ,—понятно, что при такомъ способѣ кисть должна чрезмѣрно напрягаться и скоро уставать. При салютѣ на ходу, клинокъ сабли опускается внизъ, остриемъ впередъ, какъ было у насъ въ старину при приѣмѣ «на перевѣсъ». Знамена, дефилируя мимо микадо, тоже салютуютъ. Форма знаменъ отчасти напоминаетъ французскую: полотнище прибивается къ довольно короткому древку, которое поэтому носитъ въ бушматѣ, на панталерефъ; верхній конецъ древка украшается, въ видѣ булавы, трехстороннею золоченою астрой, подъ которою навязывается длинный золотой шнуръ съ кистями. Полотнище бѣлое, шелковое и на немъ вытканъ цуццовымъ шелкомъ солнечный дискъ съ расходящимися до краевъ полотнища цуццовыми лучами, — эмблема «Восходящаго Солнца», какъ извѣстно, государственный гербъ Японіи. На ходу, при церемоніальномъ маршѣ знамя, оставаясь въ бушматѣ, наклоняется нѣсколько впередъ, причемъ, для того чтобы нижній конецъ полотнища и кисти не волочились по землѣ, знаменщикъ, какъ я замѣтилъ, слегка прихватываетъ полотнище зубами, а кисти поддерживаются ассистентами.

Не знаю, на этотъ ли только разъ, или всегда оно такъ бываетъ, но церемоніальный

маршъ показался мнѣ какъ-то вялъ. Шагъ пѣхоты былъ замедленный, узкій, безо всякаго намека на ту энергію и лихость какія русскій военный глазъ привыкъ встрѣчать въ нашемъ строевомъ шагѣ. Интервалы между частями какъ уже сказано, были громадныя, ротныя дистанціи тоже чрезмѣрно велики. Во время прохожденія горной артиллеріи, какъ разъ противъ микадо, ящичныя выюнныя лошади стали артачиться, а пара тащившая одно орудіе (запряжка гусемъ) при этомъ и совсѣмъ было взбѣсилась, шарахнулась въ сторону и поволокла за собою человѣка державшаго переднюю лошадь подъ уздцы. Хорошо, что пару эту успѣли перенять, но фронтъ все-таки былъ разстроенъ и не обошлось въ немъ безъ каши¹⁾.

Равненіе пѣхоты большею частью было не дурно, а нѣкоторыя роты выдерживали его даже блистательно. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о кавалеріи, гдѣ почти нѣтъ никакого равенія. Люди не держатся стремени товарища, не умѣютъ уравнивать ходъ своихъ лошадей и висятъ на поводѣ; вслѣдствіе этого въ шеренгахъ постоянно происходятъ разрывы съ очень широкими промежутками, а то случается иногда и такъ, что на одномъ флангѣ всадники разорвутся, а на другомъ, или въ серединѣ сожмутся до такой степени, что отдѣльных людей совсѣмъ вытираетъ впередъ изъ фронта. Въ артиллеріи лучше прочихъ пропарадировала гвардейская Крупновская батарея, а въ конницѣ—лиловый эскадронъ, проходившій послѣднимъ.

Микадо, сидѣвшій все время нѣсколько согнувшись корпусомъ на переднюю луку, ни одной изъ парадировавшихъ частей не выразилъ словами своего одобренія; вѣроятно, здѣсь это не принято, и быть-можетъ именно вслѣдствіе этого японскіе парады проходятъ безо всякаго оживленія, вяло, монотонно.

По окончаніи церемоніальнаго марша, всѣ войска выстроились въ колонны на среднемъ фасѣ своего начальнаго расположенія и двинулись впередъ всѣмъ фронтомъ. По командѣ принца Арисугава, они были остановлены шаговъ за триста не доходя до императора и взяли «на-краулъ», причемъ оркестръ опять заигралъ національный гимнъ. Прослушавъ его, микадо сошелъ съ коня, сѣлъ въ поданную ему карету, подождалъ пока принцъ Генуэзскій усядется въ свою, и затѣмъ оба они уѣхали съ плаца такимъ же порядкомъ, какъ и пріѣхали сюда, подъ конвоемъ уланъ, которые на этотъ разъ принимали участіе въ церемоніальномъ маршѣ только однимъ полужэскадрономъ; другой же оставался въ конвоѣ микадо, позади свиты,

при императорскомъ экипажѣ. Этимъ все и кончилось. Весь парадъ, съ момента прибытія микадо и до минуты его отъѣзда, продолжался около часу.

Хотя о достоинствѣ войскъ еще никакъ нельзя судить по ихъ церемоніальному маршу, но все-таки можно желать, чтобъ и этотъ маршъ оставлялъ въ военномъ зрителѣ удовлетворительное впечатлѣніе. Жизни, энергіи не было въ немъ вовсе, и потому порой казалось будто предъ вами проходятъ не молодцы солдаты регулярнаго войска, а какія-то когорты «цивильной гвардіи», составленные изъ мирныхъ лавочниковъ и подмастерьевъ, переодѣтыхъ въ военные мундиры. Въ этомъ, впрочемъ, вина не японцевъ, а скорѣе той школы, какую они усвоили себѣ отъ ихъ инструкторовъ-иностранцевъ; японскій же солдатъ по самой природѣ своей и ловокъ, и энергичен. Полковникъ Ямазо-Сава могъ бы, напримѣръ, поразсказать и показать имъ какъ ходятъ русскіе солдаты, которыхъ ему не разъ доводилось видѣть и на походѣ, и въ дѣлахъ, и на парадахъ, и какъ они встрѣчаютъ своего государя. Франція, Англія и Америка, куда преимущественно были до сихъ поръ отправляемы японскіе офицеры для изученія военнаго дѣла и быта, разумѣется, никакъ не могутъ служить поучительными образцами и истинными идеалами военнаго устройства, хотя бы потому, что оно у нихъ черезчуръ уже какъ-то «цивильно». Эти страны несомнѣнно приносятъ громадную пользу для изучающихъ какую-либо научно-техническую, приспособительную сторону военнаго дѣла и хозяйства, въ особенности по артиллерійской, инженерной и арсенальной специальностямъ; но для изученія собственно строевой части, мнѣ кажется, военное министерство было бы въ болышемъ выигрышѣ, еслибы стало направлять молодыхъ офицеровъ не столько во Францію и еще менѣе въ Англію, сколько въ Германію и, смѣю прибавить—въ Россію.

Послѣ парада, переодѣвшись въ парткулярное платье и позавтракавъ, надо было спѣшить въ Іокогаму. Сегодня баронъ О. Р. Штакельбергъ даетъ у себя на «Африкѣ» обѣдъ принцу Генуэзскому и командирамъ военныхъ судовъ всѣхъ націй, находящихся на рейдѣ.

Обѣдъ состоялся въ семь часовъ вечера. Присутствовали на немъ также и оба морскіе министра Японіи: бывшій, вице-адмиралъ Кавamura и нынѣшній, недавно назначенный вице-адмиралъ Ёномато.

Вечеромъ, по возвращеніи въ Тоокію, я засталъ семейство К. В. Струве, вмѣстѣ съ членами нашего посольства, за обряженіемъ на завтрашній день большій елки и, по любезному приглашенію Маріи Николаевны, присоединился къ этимъ пріятнымъ хлопотамъ, столь напоминающимъ и далекую родину въ эти самые

¹⁾ Я уже раньше имѣлъ случай замѣтить, что подобныя эпизоды въ этой батареѣ не укоснительно повторялись при каждомъ, видѣнномъ мною, парадѣ.

дни, и свое собственное, давно-давно уплывшее дѣтство.

28-го декабря.

Въ половинѣ пятого пополудни, къ маленькимъ хозяйкамъ, дочерямъ Маріи Николаевны Струве, начался съѣздъ гостей малютокъ, приглашенныхъ на елку. Тутъ были дѣти японскихъ сановниковъ и европейскихъ дипломатовъ, явившіяся, конечно, въ сопровожденіи своихъ родителей, боннъ и гувернантокъ. Какъ уморительно хороши были эти японскія дѣвочки въ своихъ яркихъ киримонахъ и оригинальныхъ прическахъ—точно ходячія фарфорорыя куколкы! Мальчишки тоже предествы, въ особенности маленькій шестилѣтній Юро, единственный сыночекъ генерала Сайго, и еще другой, подъ пару ему, мальчуганъ въ лейбъ-гусарской красной венгеркѣ, отороченной соболями. Почему знать, быть-можетъ, это все будущіе государственные дѣятели Японіи... Въ домѣ нашего посольства все это нарастающее поколѣніе видимо чувствуетъ себя какъ дома,—легко, свободно, не дичась ни мало. Правда, они всѣ здѣсь болѣе или менѣе старые знакомые. Юро, напримѣръ, раза три-четыре въ недѣлю ужъ неперемѣнно побываетъ въ семействѣ нашего посланника; пріѣдетъ съ утра, иногда верхомъ на маленькомъ пони, въ сопровожденіи своего дядьки японца, и остается до вечера въ веселомъ дѣтскомъ обществѣ, подъ присмотромъ почтенной русской няньки, уже около двадцати лѣтъ живущей въ Японіи и отлично говорящей на языкѣ этой страны. Юро уже съ наслажденьемъ кое-какъ болтаетъ по-русски и начинаетъ слегка учиться.

Но вотъ, въ пять часовъ дня растворились двери гостиной, и дѣти гурьбой хлынули къ блестящей, нарядной и поразительно эффектной елкѣ. Сколько радостныхъ восклицаній! Сколько восторга!.. И какое живѣйшее удовольствіе вмѣстѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и любопытствомъ написано было на всѣхъ этихъ милыхъ, улыбающихся личикахъ!.. Живые дѣтскіе глазѣнки разбѣгались на множество самыхъ разнообразныхъ игрушекъ. Все, что было лучшаго по этой части въ Иокोगамскихъ магазинахъ, изъ вещей, нарочно привезенныхъ къ Рождественскимъ праздникамъ изъ Европы,—все это нашло себѣ мѣсто подъ елкой Маріи Николаевны. Началась раздача подарковъ. Кому и что предназначить чтобы было кстати и никому не завидно, все это требовало не мало предварительныхъ соображеній, много вкуса и такта, тѣмъ болѣе, что подарки получали здѣсь не однѣ дѣти, но и взрослые: японцамъ и японскимъ дамамъ предназначались европейскія вещи, европейцамъ—японскія, но и тѣ и другія были совершенно изящны и роскошны—послѣднія, напримѣръ, въ родѣ старинныхъ бронзъ, сальвокатовыхъ лаковъ

Томаія и драгоценнаго сатсумскаго фарфора. Словомъ, все это было сдѣлано на широкую ногу, вполне по барски, вполне соответственно высокому достоинству представителя Россіи. Тѣмъ, болѣе, что изъ всѣхъ здѣшнихъ посольствъ елка была устроена только въ русскомъ. И должно прибавить, что всему этому вполне отвѣчало истинно русское хлѣбосольное радушіе хозяевъ. Любовь къ дѣтямъ вообще, это, какъ я говорилъ уже, одна изъ самыхъ выдающихся симпатичныхъ чертъ японскаго характера, и надо было видѣть сколько счастья и благодарности теплилось во взорахъ и разливалось въ улыбкахъ этихъ отцовъ и матерей, любовавшихся на радостные восторги и довольство своихъ малютокъ, счастливыхъ и зрѣлищемъ этой сверкающей елки, и полученными подарками. Глядя на всѣхъ этихъ раскрасѣвшихся отъ удовольствія *анки* и *мусуме*, мнѣ думалось,—вотъ истинно благая и разумная политика, основанная на мирномъ завоеваніи симпатій отцовъ и ихъ подросткаго поколѣнія!.. Выростутъ современемъ всѣ эти дѣти и явятся дѣятелями на государственномъ и разныхъ общественныхъ поприщахъ своей родины; многое они забудутъ, многое научатся; быть-можетъ много тѣней положатъ на ихъ характеры жизнь, и много горечи и всякихъ разочарованій принесетъ имъ суровая школа дѣйствительности, но ярко-свѣтлые моменты и образы изъ жизни радостныхъ впечатлѣній дѣтства останутся и невольнымъ образомъ будутъ порой оживать въ ихъ памяти. А вмѣстѣ съ такими впечатлѣніями невольно, почти безсознательно сохраняются въ душѣ и тѣ симпатіи, которыя нѣкогда они въ ней породили. И съ этими-то симпатіями будетъ у нихъ связано воспоминаніе о доброй русской семьѣ, служившей когда-то среди ихъ отцовъ представительницею великаго сосѣдняго народа,—того народа, который въ отношеніи къ ихъ родиѣ пока еще не запятналъ себя ни однимъ несправедливымъ и неблаговиднымъ поступкомъ.

30-го декабря.

Въ одиннадцать часовъ утра принцъ Генуэзскій сдѣлалъ прощальный визитъ барону О. Р. Штапельбергу на «Африкѣ». Послѣзавтра онъ уходитъ съ Иокогамскаго рейда.

Нѣсколько нашихъ офицеровъ, и въ томъ числѣ я, были приглашены сегодня на обѣдъ къ К. В. Струве. У него нынче обѣдали съ нами Бекеръ съ женой, раздѣлявшею съ нимъ всѣ трудности африканскаго путешествія, и нѣсколько англичанъ изъ посольства. Мистриссъ Бекеръ еще довольно молодая особа, темная блондинка высокаго роста и крупнаго сложения, съ симпатичнымъ и здоровымъ краснопекимъ лицомъ. Самъ же Бекеръ—коренастый, краснолицый и уже достаточно сѣдоватый мужъ

чина съ наклономъ къ тучности; держится нѣсколько сутуловато и просто, безъ англійской чопорности, говоритъ мало, о путешествіяхъ своихъ упоминаетъ лишь общими мѣстами и то когда спросятъ, смѣется добродушно, кушаетъ съ аппетитомъ, — вотъ и все, что могу я сообщить о знаменитомъ англійскомъ путешественникѣ.

31-го декабря.

Все нынѣшнее утро присутствовалъ на ученіяхъ кавалеріи, экзерцировавшей на соседнемъ плацу. Учились всѣ эскадроны, выдѣливъ сначала молодыхъ солдатъ въ особыя команды. Тутъ же особо шла и выѣздка молодыхъ лошадей. Продѣлана была школа ѣзды на дистанціяхъ и разомкнутыми рядами, затѣмъ ломка сомкнутого фронта и наконецъ движенія церемональнымъ маршемъ. Сортъ лошадей, какъ я говорилъ уже, мѣстной породы. На видъ онѣ довольно красивы, но жидковаты, видимо слабосильны, хотя и съ огонькомъ, и малорослы настолько, что самыя крупныя не превышаютъ двухъ вершковъ. Выѣздка довольно плоховата, и такъ какъ японскіе кавалеристы ѣздятъ на четырехъ поводахъ (мундштучномъ и трензельномъ) разомъ, сильно ихъ натягивая и нерѣдко задерживая, то лошади ихъ большею частію сильно тугоузды, не чувствительны къ поводу и тинуть. Сомкнутый строй вообще, а на церемональ въ особенности, требуетъ очень снисходительной критики; равеніе на маршъ удается въ немъ только случайно и является скорѣе счастливымъ исключеніемъ, чѣмъ постоянно выработаннымъ и усвоеннымъ правиломъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи значительная доля вины падаетъ на французскую систему выѣздки и, въ особенности, на обученіе. Молодого рекрута прямо сажаютъ на четыре повода, а молодыхъ лошадей, помимо манежной подготовки, выводятъ замундштученными прямо на плацъ, сажаютъ на нихъ старослуживыхъ всадниковъ и начинаютъ обученіе справа по одному на пять лошадей дистанціи, по орбитѣ круга. Лошади при этомъ пугаются, суетятся, швыряются въ стороны и нерѣдко заносятъ, а всадники, ухватясь обѣими руками за четыре повода, еле-еле справляются съ ними. Въ Японіи верховая ѣзда издревле была любимѣйшимъ занятіемъ *самурайскъ*, которые практически выработали себѣ совершенно самостоятельную школу ѣзды ловкой, смѣлой, удалой, при крѣпкой и свободной посадкѣ съ укороченными стремянами, имѣющими форму башмака. Мнѣ кажется, было бы гораздо лучше еслибъ японская конница, облегча конскій уборъ, вернулась къ этому своему народному тину, вмѣсто того чтобы натужить своихъ людей, заставляя ихъ въ сѣдлѣ сильно вытягивать впередъ ноги, на которыхъ стремяна болтаются у каблукъ на самомъ

подъемѣ, что выходить и не практично и крайне некрасиво. Да и люди, при такомъ способѣ ѣзды, сколько мнѣ удалось замѣтить, далеко не свободно могутъ владѣть своимъ оружіемъ, тогда какъ прежній *самурай* бывало на всемъ скаку рубилъ куклу и попадалъ въ цѣль изъ лука. Лучше прочихъ, какъ мнѣ кажется, сѣзжены лиловый эскадронъ конноегерей, а затѣмъ гвардейскіе уланы.

Въ полночь мы скромно встрѣтили съ бокалами нашъ Новый годъ въ русскомъ посольствѣ, за семейнымъ ужиномъ у К. В. Струве.

XXVII.

Общественныя зрѣлища и развлеченія.

Нашъ русскій Новый годъ въ Тоокію. — Общій видъ города съ высоты. — Магазины Микавай и его художественныя бронзы и ницки (японскіе брелоки). — Сибайя, національный театръ въ Тоокію. — Общественное положеніе актеровъ. — Театральный оркестръ. — Хораги и ихъ обязанности. — Суфлеры и *освѣтители* актеровъ. — Драма „Жертва школьнаго учителя“. — Какъ выражаетъ публика свое одобреніе актерамъ. — Достоинства и недостатки ихъ игры. — Пути, задачи и мотивы японской драмы. — Ея воспитательное значеніе. — „Вѣрный Союзъ“ или „Исторія о сорока семи ронинахъ“, какъ обращикъ японской драмы и беллетристики. — Юшивара, кварталъ куртизанокъ. — Прогулка на Атага-яму. — Пляска корейскаго льва, уличное представленіе. — Идеальные залпы и ученіе японской пѣхоты. — Раутъ у тоокійскаго губернатора во дворцѣ Энріо-Кванъ. — Домашній спектакль и его программа. — Европа въ даровомъ буфетѣ. — Танцы для европейской публики. — Иокогамскіе кавалеры и дамы. — Японскія дамы изъ общества. — Порядокъ танцевъ по-англійски.

1-го января 1881 г

Сегодня за обѣдней въ посольской церкви стоялъ, вмѣстѣ съ дѣтьми К. В. Струве, маленький Юро Сайго. Съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ и сдержаннымъ любопытствомъ приглядывался этотъ мальчикъ къ ходу богослуженія и какъ усердно становился на колѣни и клалъ земные поклоны, въ то время когда и остальные дѣти дѣлали тоже! Отецъ думаетъ отправить его современемъ учиться въ Россію и весьма возможно, что въ лицѣ этого мальчика мы видимъ будущаго христіанина. За обѣдней присутствовали всѣ живущіе въ Тоокію русскіе и нѣсколько моряковъ, нарочно пріѣхавшихъ изъ Иокогамы, а изъ японцевъ, кромѣ Юро и одной живущей въ посольствѣ дѣвушки-служанки, былъ еще г. Итикава, бывшій секретарь японскаго посольства въ Петербургѣ, гдѣ онъ и принялъ православную вѣру. Это человекъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ; довольно высокаго для японца роста и съ очень симпатичнымъ, умнымъ лицомъ; одѣтъ безукоризненно въ черный фракъ съ бѣлымъ галстухомъ и орденомъ Св. Станислава на шеѣ. Послѣ обѣдни пріѣхали съ поздравленіями преосвященный Николай и

члены духовной миссии, наш адмирал, баронъ О. Р. Штакельбергъ, А. М. Новосильскій и командиры русскихъ судовъ, такъ что собралось довольно большое общество соотечественниковъ. Всѣ русскіе гости были радушно приглашены къ завтраку, послѣ котораго начался прїѣздъ японской знати, министровъ и разныхъ сановниковъ, а также европейскихъ представителей. Члены китайскаго посольства лично завезли свои карточки на длинныхъ листкахъ красной бумаги. Весь день до обѣда прошелъ въ приемахъ, а къ обѣду прїѣхали посланники: германскій, баронъ Эйзендеккеръ, и австрійскій баронъ Гоферъ.

Вечеромъ опять стояло надъ городомъ въ сѣверной сторонѣ зарево пожара..

2-го января.

Утромъ, вмѣстѣ съ А. А. Струве и В. Н. Бухаринымъ, сдѣлалъ я поздравительные визиты преосвященному Николаю и членамъ нашей духовной миссии. Владыка показалъ намъ библиотеку и разные состоящіе при миссии учрежденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ возможность полюбоваться съ вышки миссионерскаго дома единственныя въ своемъ родѣ видомъ на японскую столицу. Объ этомъ видѣ стоить сказать нѣсколько словъ. Представьте себѣ необозримое пространство, какъ бы море сѣро-черепичныхъ крышъ съ бѣлыми каймами, межъ конхъ узкими полосками и даже просто линиями обозначаются въ разныхъ направленіяхъ, какъ на паутинѣ, большія и малыя улицы, набережныя переулки... И это безчетное множество крышъ сливается вдаль въ одинъ сѣрый тонъ, который тѣмъ отдаленнѣе, тѣмъ становится все блѣднѣе, туманнѣе, пока наконецъ не исчезаетъ гдѣ-то тамъ, на краю горизонта, въ воздушной перспективѣ. Тамъ и сямъ, среди этого моря, какъ островки, вырываются купы деревьевъ и торчатъ маяками сторожевыя пожарныя вышки, да кое-гдѣ выглядываютъ изъ роищъ шпиль буддійскихъ пагодъ, и затѣмъ—кромѣ стѣнъ и башенъ цитадели до высокой кровли храма Монзеки въ Цукиджи—глазъ вашъ не встрѣчаетъ среди этого раздолья однообразныхъ крышъ ни одного капитальнаго, выдающагося надъ общимъ уровнемъ зданія. Далеко на югѣ видна сверкающая какъ сталь полоса моря съ черными горизонтальными черточками шести фортовъ и бѣлыми точками парусовъ, во множествѣ разбѣянныхъ по всему заливу; а на западѣ, изъ-за длинной черты растянувшихся сизыхъ тучекъ выглядываетъ снѣжный конусъ Фузисамы. Священные роши Сибя стоятъ окутаныя синеваго дымкой. Но вотъ, что оригинально: надо всѣмъ этимъ необозримымъ городомъ, доколѣ только хватаетъ глазъ, вы видите безчисленное множество бумажныхъ змѣевъ, высоко-высоко парящихъ въ голубомъ

эфирѣ. При этомъ васъ невольно поражаетъ какая-то странная, необычайная тишина. Ухо ваше положительно не улавляетъ ни одного изъ тѣхъ звуковъ и шумовъ городской жизни къ которымъ оно привыкло въ Европѣ. Тутъ не слышать ни грохота экипажей, ни топота копытъ, ни машиннаго гуда фабрикъ и заводовъ сливающихся въ одинъ общій неопредѣленный шумъ, который въ европейскихъ городахъ всегда производитъ впечатлѣніе чего-то напѣшеннаго, лихорадочнаго. Здѣсь, напротивъ, за навѣсами крышъ вы не видите даже уличнаго движенія пѣшеходовъ и вамъ, наконецъ, начинаетъ казаться среди этой, явсколько даже таинственной тишины, будто это не городъ, а какой-то очарованный, заснувшій міръ безъ опредѣленныхъ границъ и очертаній, вся жизнь котораго ушла въ воздушныя сферы и движется только въ образѣ всѣхъ этихъ плавающихъ парящихъ и придающихъ изъ стороны въ сторону змѣевъ. Оригинальнѣе этой картины я ничего еще не видывалъ.

Изъ миссии проѣхали мы къ г. Ичикава. Онъ живетъ совершеннымъ философомъ въ небольшомъ собственномъ домикѣ, въ одной изъ отдаленныхъ тихихъ улицъ, съ парой прекрасныхъ собакъ датской породы, среди своей библиотеки въ которой мы нашли у него множество русскихъ книгъ и изданій. Онъ превосходно говоритъ и пишетъ по-русски, и всѣ симпатіи его, послѣ Японіи, принадлежать Россіи. Дома ходитъ онъ въ своемъ національномъ костюмѣ, въ которомъ мы его и застали, и вся обстановка его квартиры совершенно японская; исключеніе составляютъ только книжные шкафы да рабочій письменный столъ, въ силу привычки работать сидя, усвоенной еще въ Россіи.

Отъ г. Ичикава заѣхали мы въ извѣстный тоокійскій магазинъ Микавайя, торгующій бронзовыми галантерейными вещами исключительно японскаго производства. Находится онъ на Канда-Хайяго чо-ичоме, № 10, въ округѣ Сото. Намъ рекомендовали заглянуть туда, чтобы посмотреть до какой необычайной тонкости доходитъ ювелирные японскія работы. Микавайя въ особенности щеголяетъ своими миниатюрными вещицами и принадлежностями женскихъ уборовъ. Броши, буллы и пряжки для кушаковъ, ожерелья, браслеты и серьги, запонки, кольца и булавки для шарфовъ, шпильки для женскихъ причесокъ, отдѣльные шарики, а также четки и цѣлыя ожерелья изъ граненаго горнаго хрустала, черенки для ножей и поддужки сабель, бронзы болѣе крупныхъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, прессъ-панье, курильницы, шандалы, вазы и проч., и наконецъ *нижки*, все это въ обширномъ и самомъ разнообразномъ выборѣ составляетъ специальность магазина Микавайя. Во всѣхъ издѣліяхъ этого рода замѣчательно со-

четаніе гравернаго и чеканнаго дѣла съ совершенною особенною металлургическою техникой; всѣ онѣ сдѣланы изъ разнообразныхъ бронзъ въ соединеніи со сталью, платиною, серебромъ и золотомъ съ помощью инкрустации и спайки различныхъ металловъ между собой. Въ результатѣ получаются превосходныя вещицы тончайшей работы, гдѣ изображаются нерѣдко цѣлые пейзажи на выпуклой или плоской поверхности, окружность коей не болѣе франка или пятиалтыннаго. Предметами изображеній на такихъ конгломерированныхъ издѣліяхъ, кромѣ миниатюрныхъ пейзажей съ неизмѣнною Фузи-ямой, парусами, хижинами и бамбуками, являются еще сцены охоты, скачекъ и рѣчныхъ гонокъ, драконы, человѣчки и затѣмъ весь разнообразный міръ растительнаго и животнаго царства, причѣмъ животныя нерѣдко изображаются въ юмористическихъ сценахъ изъ національнаго животнаго эпоса. Особенно любятъ японскіе мастера представлять въ комическомъ видѣ котовъ, мышей и лягушекъ. Изъ крупныхъ бронзовыхъ вещей въ особенности хороши два рода вазъ: однѣ изъ нихъ отличаются горельефною литою и чеканною орнаментовкой, въ которой вы встрѣчаете, напримѣръ, драконовъ или букеты разнообразныхъ цвѣтовъ и растений японской флоры какъ бы воспроизведенныхъ гальвано-пластикой прямо съ натуры и припаянныхъ къ стѣнкамъ сосуда; другого же рода вазы имѣютъ видъ темной стали или оксидированнаго серебра, и на нихъ изображенія подобныхъ же сюжетовъ сдѣланы посредствомъ инкрустации изъ различныхъ металловъ, причѣмъ необыкновенно искусные сплавы даютъ имъ много оттѣнковъ въ намекахъ на разные цвѣта, которые еще усиливаются съ помощью мата въ однихъ и полировки въ другихъ мѣстахъ рисунка.

Не менѣе хороши также и *ницки*. Это маленькія, очень изящныя фигурки токарной и рѣзной работы изъ разныхъ сортовъ плотнаго дерева и въ особенности изъ слоновой и обыкновенной кости; встрѣчаются также нефритовыя и янтарныя, но рѣже. *Нички* обыкновенно изображаютъ человѣчковъ, взятыхъ преимущественно изъ характерныхъ народныхъ типовъ своихъ и китайскихъ, а также «божковъ семейнаго счастья», въ родѣ вислоухаго брюхана Дайкока (японскій Плутусъ) и большелобаго Шю-Ро (гений долголѣтствія), или наконецъ животныхъ: слоновъ, обезьянъ, зайчиковъ, мышей, черепахъ и проч. Всѣ такія изображенія непременно отмѣчены весьма своеобразнымъ, но отнюдь не злобнымъ юморомъ. *Нички* носятъ какъ брелоки на шелковыхъ шнурахъ, служащихъ въдержками табачныхъ кيسетовъ, денежныхъ кошельковъ и т. п. и замѣняютъ костыльки при стягиваніи и завязываніи въдержекъ, для чего на испод-

ней ихъ части всегда просверливается маленький сквозной каналецъ. Между *ницками* у Микавайя въ особенности двѣ остановили на наше вниманіе. Обѣ были выточены изъ слоновой кости, и изображали человѣческіе черепа величиной отъ полутора до двухъ дюймовъ, исполненные артистически. Всѣ черепныя выпуклости и углубленія, швы и бороздки, — все это было сдѣлано прямо съ натуры и притомъ съ поразительною точностію. Вокругъ одного черепа обвивается выползающая изъ него змѣя. На другомъ — подобная же змѣя, расположившись на теменіи, поймала за лапку лягушку и жадно тянетъ ее къ себѣ съ затылочной кости, въ то время какъ лягушка, съ нѣсколькими комическимъ выраженіемъ отчаяннаго ужаса, изо всѣхъ силъ старается вырваться. Но до чего живо, до чего вѣрно природѣ все это сдѣлано! На змѣй даже сморщитъ непріятно, — такъ онѣ натуральны. И потомъ, возьмите самый сюжетъ: какое капризное сочетаніе своеобразнаго юмора со своеобразною философскою идеей борьбы за жизнь на эмблемѣ смерти, и борются-то притомъ за существованіе двѣ противныя гадины!.. Что это, грустная ли насмѣшка надъ жизнію, или чисто буддистское презрѣніе къ ней?..

Я приобрѣлъ себѣ здѣсь бронзовое пресс-папье съ не менѣе своеобразнымъ, но болѣе приятнымъ и веселымъ сюжетомъ. На раковинѣ гигантской садовой улитки, выпустившей рожки, ѣдетъ наивно улыбающійся вамъ китаецъ, какъ бы погоняя ее простертыми впередъ руками; а сбоку, къ вытянутой шеѣ слизняка, и сзади, къ самой его ракушкѣ присосались двѣ такія же улитки, только обыкновенной величины. Въ общемъ вся группа исполнена движенія и самаго веселаго, добродушнаго юмора. Таковъ вообще характеръ народнаго творческаго генія японцевъ.

3-го января.

Сегодня въ часть дня, баронъ О. Р. Штапельбергъ принималъ у себя на «Африкѣ» министра иностранныхъ дѣлъ, г. Иноуэ, съ супругой и дочерью. Послѣ осмотра крейсера имъ былъ предложенъ въ адмиральской каютѣ роскошный завтракъ, при чемъ присутствовали всѣ лица штаба, командиры русскихъ судовъ и свободные отъ службы офицеры крейсера.

Въ десять часовъ утра въ Тоокію, близъ станціи желѣзной дороги вспыхнулъ значительный пожаръ. Тутъ, говорятъ, работали паровыя помпы, принадлежащія желѣзнодорожному управленію, и такъ какъ по близости масса воды, то съ помощью ихъ и удалось прекратить въ непродолжительномъ времени дальнѣйшее распространеніе пламени, жертвой коего сдѣлалось лишь нѣсколько десятковъ домовъ и складочныхъ сараевъ.

4-го января.

Вмѣстѣ съ А. А. Струве, В. Н. Бухаринымъ и А. С. Малендой отправились мы сегодня съ утра въ *Сибайю*, національный японскій театръ, славящійся лучшей драматической сценой въ столицѣ. Представленія въ Сибайѣ обыкновенно начинаются около полудня и длятся часовъ до девяти вечера; но нынче по случаю новогоднихъ празднествъ, начало ихъ отнесено къ десяти часамъ утра, а конецъ нерѣдко протягивается за полночь и такъ будетъ продолжаться въ теченіе всего «благополучнаго мѣсяца веселостей». Сибайя находится въ предѣлахъ большого квартала Асакса-Окурамаи, близъ знаменитаго асакскаго храма и неподалеку отъ Юшивары, извѣстнаго квартала куртизанокъ. Улица ведущая къ театру была полна народу, такъ что наши дженирикиши не безъ труда могли пробираться шажкомъ между гуляющими и стоящими группами. Снаружи Сибайя нѣсколько напоминаетъ наши большіе масляничные балаганы. Вдоль карнизовъ крыши и верхней галереи подвѣшены ряды шарообразныхъ пунцовыхъ фонарей, которыми унизанъ также и карнизъ нижней галереи. Между галерейными колонками, на балюстрадахъ, стоятъ громадные фонари-тюльпаны, а при главномъ входѣ — большіе, длинные цилиндрическіе фонари съ изображеніемъ герба (трилистникъ внутри круга), специально присвоеннаго этому театру. Тотъ же самый гербъ красуется и на флагахъ, развѣвающихся на очень высокихъ шестахъ надъ самымъ зданіемъ и на кровелькѣ особой четырехугольной вышки вѣнчающей крышу Сибайи; вышка тоже украшена фонарями и транспарантами, съ цвѣтнымъ изображеніемъ трилистника. Надъ карнизомъ крыши, во всю длину его, непрерывно тянется сплошной рядъ транспарантныхъ щитовъ, на которыхъ наклеены красками герои и наиболѣе важныя сцены даваемыхъ сегодня пьесъ. Кромѣ того, названія этихъ пьесъ, начертанныя большими черными знаками, вывѣшены на длинныхъ холстахъ, прикрѣпленныхъ рядомъ тесемчатыхъ петель къ высокимъ мачтовымъ шестамъ, имѣющимъ форму глаголей. Противуположная сторона улицы занята цѣлымъ рядомъ театральныхъ чайныхъ домовъ и ресторановъ, между которыми наибольшей популярностью пользуются рестораны «Восходящаго Солнца» и «Фи-зи-яма». Надъ ними выставлены и предметныя изображенія ихъ названій, нарисованныя красками на вывѣскахъ.

Мы подѣхали къ Сибайѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ антрактѣ между двумя пьесами часть заcostюмированной труппы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ музыкантовъ съ гонгами, дудками, флейтами и барабаномъ, совершала свой торжественный выходъ на балконъ наружной галереи для наибольшаго воз-

бужденія любопытства въ уличной толпѣ. Подъ звуки пронзительной музыки, актеры, смотря по своему амплуу, принимали грозно-трагическія, сентиментальныя или комическія позы, размахивали саблями и вѣрами, сильно жестикулировали, кривлялись и буфонили, пока наконецъ одинъ изъ нихъ не обратился къ публикѣ съ рѣчью, давъ предварительно музыкантамъ знакъ замолчать. Онъ высокопарнымъ декламаторскимъ тономъ излагалъ предъ уличными слушателями всѣ достоинства и заманчивыя прелести предстоящей пьесы, зазывая ихъ въ театръ и совѣтуя поскорѣе запастись немногими еще остающимися мѣстами. Кто-нибудь изъ толпы иногда прерывалъ его какимъ-либо вопросомъ или замѣчаніемъ, на которые ораторъ тотчасъ же давалъ отвѣтъ, отличавшійся, вѣроятно, извѣстнымъ юморомъ, потому что публика тотчасъ послѣ этого разражалась гогочущимъ смѣхомъ, и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращался къ высокопарному тону, продолжая свою прерванную декламацию. Эти актерскія выходы совершенно напоминаютъ подобныя же появленія на балконахъ нашихъ балаганныхъ комедіантовъ «подъ качелями» на Масляницѣ и Святой недѣлѣ, съ тою лишь разницей, что у насъ рѣчи традиціоннаго «дѣда» съ кудельной бородой, изобилующія народнымъ юморомъ, не отличаются высокопарностью.

Мы взяли ложу и вошли въ театръ. Намъ провели по особой деревянной лѣстницѣ на верхъ, въ бельэтажъ, и указали нашъ номеръ, куда немедленно были принесены *коскеисами* (театральная прислуга) *хибачи* съ тлѣющими угольями для грѣнья рукъ, *табакобонъ* съ маленькими трубочками (*кизеру*), приборъ съ горячимъ чаемъ и разныя закуски. Всѣ эти угощенія не требуютъ особой платы, такъ какъ право на нихъ приобретається вмѣстѣ съ покупкой въ кассѣ билета; вы вольны кушать ихъ или отправить назадъ, но они обязательно будутъ вамъ поданы, въ силу обычая. Японцы, наслаждаясь театральнымъ зрѣлищемъ, любятъ соединять это съ полнымъ комфортомъ, чтобъ одновременно тѣшить не только свой умъ, зрѣніе и слухъ, но и вкусъ вмѣстѣ съ обоняніемъ, доставляя въ то же время пріятное ощущеніе теплоты своимъ членамъ. Сцена была задернута голубой шелковой завѣсой, на которой нашиты какіе-то китайскіе знаки изъ чернаго атласа съ бѣлыми каймами, а предъ завѣсою, на выступающей впередъ авансценѣ, подъ шумъ невидимой музыки, шло одновременно представленіе нѣсколькихъ фокусниковъ, гимнастовъ и жонглеровъ, всегда разнообразящихъ своимъ появленіемъ антракты японскихъ и китайскихъ спектаклей. Пока они забавляли такимъ образомъ публику, я занялся обзорніемъ театральной залы, отличающейся совершенно своеобразнымъ устройствомъ. Она имѣетъ въ

планъ форму правильного продолговатаго четырехугольника. Часть, соответствующая нашему партеру, разбита на квадратныя клітки отгороженныя одна отъ другой досчатыми переборками, вышиною около четырехъ съ половиною футовъ. Каждая клітка рассчитана на восемь зрителей, помѣщающихся на цыновкѣ, сидя на пяткахъ. Никакихъ сходней или вникъ приспособленій для спуска въ клітку не имѣется, надо просто прыгать въ нее сверху, и, для того чтобы добраться до своего мѣста, зритель долженъ предварительно совершить эквилибристическое хожденіе по узкимъ доскамъ, положеннымъ плашмя вдоль и поперекъ надо всѣми кліточными переборками. Это требуетъ нѣкотораго рода искусства или навыка, безъ котораго легко можно свалиться на головы какого-нибудь почтеннаго семейства и произвести среди него, кромѣ переполоха, еще и крушеніе дамскихъ причесокъ, закусокъ и чайнаго прибора. Партерныя клітки предназначаются преимущественно для семейныхъ зрителей средняго круга, являющихся со чадъ и домоладцы, да еще приводящихъ съ собой и своихъ знакомыхъ. Поэтому тамъ всегда биткомъ набито. Многія изъ этихъ почтенныхъ семействъ абонируются помѣсично или на извѣстный рядъ представлений, причемъ можно брать или цѣлую клітку, или одно, два, три мѣста въ ней, смотря по желанію. Въ послѣднемъ случаѣ, оплативъ свой купонъ, зритель уже не въ правѣ претендовать, если его непосредственнымъ сосѣдомъ окажется личность, почему-либо для него неприятная или неудобная, которая будетъ вмѣстѣ съ нимъ и курить, и закусывать, и грѣться, ибо всѣ эти угощенія полагаются не на отдѣльную особу, а на всю клітку. Купоны можно брать на одно или на нѣсколько представлений, и стоятъ они, какъ и всѣ вообще мѣста въ театрѣ, очень дешево. Въ этомъ отношеніи Сибайя является вполне общедоступнымъ національнымъ театромъ. Мѣста, соответствующія нашему бенуару, заняты галлерей съ уступчатыми скамьями, въ родѣ амфитеатра, и посѣщаются исключительно мужской публикой, принадлежащей къ высшимъ классамъ населенія. Это самыя дешевыя мѣста въ Сибайѣ. Надъ ними, въ верхнемъ ярусѣ, соответствующемъ нашему бельэтажу, находятся только ложи, отдѣленные другъ отъ друга низкими досчатыми стѣнками. Позади ложъ идетъ общій коридоръ, на который выходятъ ихъ дверцы. Здѣсь самыя дорогія мѣста и купоны на нихъ уже не выдаются, а надо брать всю ложу; посѣщаются онѣ болѣе состоятельной, «чистой» публикой, и въ особенности дамами, которыя, находясь тутъ болѣе на виду чѣмъ въ партерныхъ кліткахъ, считаютъ необходимымъ нарядиться въ самыя шегольскіе свои кириконы и уборы. Желающіе могутъ имѣть въ ложахъ даже и европейскіе гнутые

стулья, за особую незначительную плату *коскеусу*, чѣмъ, конечно, мы и не замедлили воспользоваться. Выше бельэтажа уже нѣтъ болѣе ярусовъ. Потолокъ зрительной залы совершенно плоскій, досчатый на балкахъ; люстры на немъ нѣтъ; освѣщается же театръ кое-гдѣ лампами, а болѣе всего бумажными бѣлыми фонарями, которые развѣшаны рядами на карнизахъ и колонкахъ, поддерживающихъ галлерей. Сцена не отдѣляется отъ партера ни рампой, ни особымъ барьеромъ, а примыкаетъ непосредственно къ первому поперечному ряду клітокъ, вровень съ верхнимъ краемъ ихъ стѣнокъ. Съ обѣихъ сторонъ сцены, отступя на одну клітку отъ барьера нижнихъ галлерей, идутъ вдоль всего партера, на одномъ уровнѣ со сценой, длинныя мостки или панели, изъ коихъ правая вдвое уже лѣвой и тянется до самаго наружнаго входа въ залу, къ которому ведетъ съ нея лѣсенка, тогда какъ лѣвая панель, шириною въ четыре доски, доходитъ лишь до конца лѣвой галлерей, гдѣ заворачивается мимо ея края угломъ налѣво и скрывается подъ синимъ драпри, спускающимся въ этомъ мѣстѣ изъ-подъ карниза верхняго яруса. Правая панель служитъ для прохода театральной прислуги и зрителей помѣщающихся въ кліткахъ, а лѣвая предназначена исключительно для актеровъ, то-есть собственно для дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ, если, напримѣръ, требуется изобразить какую-нибудь торжественную процессію, вступающую на сцену, или выходъ особо важнаго героя, находящагося въ пути. Точно также по этой панели шествуютъ цѣлымъ хоромомъ на сцену и особы кордебалета. Удаленіе же дѣйствующихъ лицъ совершается либо по тѣмъ же мосткамъ, либо непосредственно со сцены, за боковыя драпри, замѣняющія наши кулисы, за которыми помѣщаются уборныя артистовъ. Есть въ Сибайѣ еще особая ложа, въ родѣ нашихъ литерныхъ, которыя выходятъ на авансцену сбоку и отгораживаются отъ остальной публики мелко-рѣшетчатыми ширмами; онѣ предназначаются исключительно для людей высшаго японскаго общества, гдѣ принято посѣщать театръ не иначе, какъ инкогнито.

Вскорѣ удары большого зычнаго гонга съ наружнаго балкона возвестили объ окончаніи антракта всѣмъ удалившимся на это время въ театральные рестораны зрителямъ, которые вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ торопливо стали наполнять мѣста во всѣхъ отдѣленіяхъ залы. Вмѣстѣ съ тѣмъ жонглеры и фокусники удалились съ авансцены за занавѣсъ и шумная музыка смолкла. Коскеисъ, по требованію А. С. Маленды, принесъ намъ афишу предстоящей пьесы. Между прочимъ стоитъ сказать нѣсколько словъ и о здѣшнихъ афишахъ. Онѣ печатаются на тонкой желтоватой бумагѣ, въ родѣ той пропускной, въ какую у насъ обер-

тываются китайскіе чай, и брошюруются въ небольшія тетрадки, прошнурованныя шелковою ниткой. На переднемъ (то-есть по нашему, заднемъ) листѣ, служащемъ оберткой, находится въ черномъ фонѣ, среди разныхъ украшеній, собственный гербъ Сибайи. На оборотѣ слѣдуетъ названіе пьесы, отпечатанное вязью крупнымъ жирнымъ шрифтомъ; вокругъ него болѣе мелкими шрифтами, представляющими въ общемъ красивую, пеструю вязь, обозначены характеръ пьесы, имя ея автора, время и мѣсто дѣйствія и пр. Далѣе идутъ перечни дѣйствующихъ лицъ и исполнителей затѣмъ названія актовъ и картинъ, послѣ чего на нѣсколькихъ листахъ слѣдуетъ рядъ картинокъ, изображающихъ дѣйствующихъ лицъ въ наиболѣе важныхъ сценахъ и моментахъ пьесы. А чтобы читатель не затруднялся догадками на счетъ значенія этихъ изображеній, въ заголовкѣ каждого изъ нихъ обозначено къ какой именно сценѣ оно относится и, кромѣ того, на широкомъ рукавѣ одежды каждого героя и героини помѣщены въ бѣломъ кружкѣ ихъ имена и титулы. Въ концѣ помѣщаются разные относящіеся къ театру свѣдѣнія, цѣны мѣстамъ, краткія извѣщенія о слѣдующихъ спектакляхъ, иногда особо лестные отзывы газетъ о какомъ-либо изъ предшедшихъ исполненій даваемой пьесы, иногда какой-нибудь стихотворный мадригалъ по адресу благосклоннаго зрителя, шарада, загадка, анекдотъ и т. п., и наконецъ, нѣсколько стороннихъ объявленій, преимущественно о чайныхъ домахъ, ресторанахъ и вновь вышедшихъ драматическихъ и литературныхъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ, эти афиши составляютъ нѣчто въ родѣ литературно-театральнаго листка, издаваемого артистами Сибайи подъ именемъ *Текіе шимбунъ* (Театральныя извѣстія).

Но вотъ опять раздались рѣзкіе звуки трещотокъ, гонговъ и удары обѣ полъ особыхъ деревяшекъ, въ видѣ кирпичей,—и сцена открылась. Занавѣсъ не подымается здѣсь кверху, а отдергивается въ сторону. Представленіе началось. Но, прежде чѣмъ говорить о пьесѣ, мнѣ хотѣлось бы познакомить читателя съ устройствомъ японской сцены, ея декоративною частью и пр. Посреди сцены, вровень съ ея поломъ и почти во всю ея ширину, находится большое, круглое плато, съ устроенными въ немъ люками для проваловъ и изверженія адскаго пламени. Досчатая сдвижная стѣнка дѣлаетъ плато, смотря по надобности, на два, на три и на четыре отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ прилажены особые декоративныя приспособленія, требуемыя тѣмъ или другимъ дѣйствиємъ пьесы. Такъ, наприкладъ, въ одномъ случаѣ является уголь комнаты, образуемый двумя стѣнами, составленными изъ ширмъ, съ достодолжною обстановкой, въ видѣ половыхъ циновокъ, лакового

шкафчика и нѣкоторой утвари; въ другомъ—лѣсъ изъ натуральныхъ елокъ и бамбуковъ, прикрѣпленныхъ къ сдвижнымъ стѣнкамъ; въ третьемъ—садъ съ натуральными цвѣтами и деревцами въ фарфоровыхъ вазонахъ, искусственно скалой изъ поздраватаго известняка и горбатымъ деревяннымъ мостикомъ и т. п. Плато свободно вращается на подпольномъ стержнѣ, весь механизмъ котораго помѣщается подъ сценическими подмостками, и такимъ образомъ перемѣна декорацій, посредствомъ поворота стержня на четверть или на полукруга, происходитъ очень быстро, въ одну, двѣ секунды. Понятно, что всѣми необходимыми вещами декорации эти обставляются заблаговременно, до начала пьесы; поэтому и антракты въ японскомъ театрѣ не часты, и случается, что какая-нибудь комедія въ тричестире акта идетъ вовсе безъ антрактовъ. Костюмерная часть, можно сказать, роскошная, въ особенности въ историческихъ костюмахъ, которые, какъ увѣряютъ люди свѣдущіе, исполнѣнны вѣрны своему времени. Что же до современныхъ или, такъ-называемыхъ, «городскихъ» костюмовъ, то они таковы, какіе носятъ нынѣ въ обыкновенномъ быту японцами, и всегда строго соответствуютъ роли, то-есть общественному положенію изображаемаго лица. Парики весьма разнообразны и сдѣланы очень хорошо, въ особенности женскія прически. Гримировка вообще хороша, хотя въ кое-какихъ мужскихъ, преимущественно трагическихъ роляхъ, гримиритъ нѣкоторую утрировку; въ особенности замѣтно злоупотребленіе красною охрой и синькой (для оттѣненія пробирваемыхъ мѣстъ темени, щекъ и подбородка), безъ чего, наприкладъ, не обходятся роли палача и классическихъ злодѣевъ. Труппа состоитъ исключительно изъ мужчинъ, какъ и вездѣ на Востокѣ, но составъ ея весьма разнообразенъ и хорошо укомплектованъ. Женскія роли исполняются преимущественно молодыми людьми, хотя мы видѣли въ роли женщины среднихъ лѣтъ одного актера-старика (къ сожалѣнію забылъ его имя), который игралъ ее превосходно, совершенно по-женски, доводя свою игру до такой полной иллюзіи, что не знай мы условій японскаго театра, можно бы было пари поддержать, что это женщина. Если же когда и появляются на японской сценѣ дѣйствительныя женщины, то это только въ качествѣ танцовщицъ, когда нужно изобразить какія-нибудь строго классическіе позы и танцы въ не менѣе классическомъ балетѣ. Актеры въ Японіи составляютъ какъ бы особую касту, пользующуюся большою популярностью и симпатіями публики, которая нерѣдко, въ воздаяніе за хорошую игру, дѣлаетъ имъ денежные подарки и иныя приношенія, о чемъ всегда пропечатывается въ *Такие шимбунъ* и выставляется даже въ особыхъ объяв-

ленияхъ на сѣнахъ театра, съ обозначеніемъ именъ жертвователей; тѣмъ не менѣе поступленіе въ актеры изъ порядочнаго общества считается дѣломъ весьма зазорнымъ, и на такого человѣка смотрятъ уже какъ на погибшаго. Предразсудокъ этотъ былъ такъ великъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ многіе авторы драматическихъ произведеній считали нужнымъ скрывать свои имена, чтобы не могли сказать, что они являлись съ актерами. Теперь, подъ давленіемъ европейскихъ идей, это все уже значительно измѣнилось.

Театральный оркестръ состоитъ изъ самсеновъ, дудокъ, флейтъ, флажолетовъ, большого и малаго барабановъ, гонга и трещетокъ, что въ совокупности являетъ музыку для европейскаго уха совершенно невозможную. Уловить во всемъ этомъ какую-либо мелодію нечего и думать, и я скажу даже, что, на мой слухъ, китайская музыка куда мелодичнѣе! Тамъ, когда прекращается порой шумъ и грохотъ и наступаетъ очередь однихъ струнныхъ инструментовъ, вы слышите своеобразную гамму и вполне различаете мотивъ; здѣсь же въ рѣдкіе моменты затишья варварскихъ «мусикійскихъ орудій», мелодія флейтъ и самсеновъ обращается въ какое-то полутонное завыванье. Музыканты помѣщаются сбоку, съ правой стороны, подъ литерною ложей, и прикрыты отъ публики рѣшеткой. Впереди ихъ сидятъ двое капельмейстеровъ или хораговъ. Впрочемъ, долженъ сознаться, что это названіе не совсемъ-то подходитъ къ разнообразному роду ихъ обязанностей, но какъ назвать ихъ иначе, я право не знаю. Обязанности ихъ состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы возвѣщать публикѣ выходъ на сцену наиболѣе важныхъ дѣйствующихъ лицъ. Для этого въ ихъ распоряженіи имѣются деревянные кирпичи, съ кожаной перемычкой, для продѣвванія руки, которыми они съ силой ударяютъ отъ двухъ до трехъ разъ объ полъ. Во-вторыхъ, они же, во время самой сценической игры, поясняютъ иногда зрителямъ то, что не выражается игрой или подразумевается авторомъ, какъ напримѣръ, время или мѣсто дѣйствія, обстоятельства, при какихъ оно происходитъ, или что въ данный моментъ должно происходить внѣ сцены и т. п. Также если герой, произнесъ монологъ, удаляется съ подмостокъ, они иногда выражаютъ о немъ вкратцѣ какое-либо подходящее мнѣніе или разсужденіе, въ родѣ, напримѣръ: «Бѣдный рыцарь Кисоноске! Какъ онъ жестоко страдает!» или: «Великодушная мать! какой примѣръ геройскаго самоотверженія являетъ намъ она собою!» Въ этомъ случаѣ роль ихъ отчасти напоминаетъ роль хора древнегреческихъ трагедій, но всѣ эти ихъ сценарныя вставки произносятся ровнымъ монотоннымъ голосомъ, какъ бы читая по книгѣ. Втретьихъ, они же должны обращать вниманіе зрителя на

особо важныя или выдающіяся мѣста діалоговъ, монологовъ и нѣмыхъ сценъ, указывая на нихъ сдвоенно-гортанными возгласами «О!», «Ого!», «Гэ-э!» и т. п. Но не могу не замѣтить, что на нашъ взглядъ, все это только мѣшаетъ слушать и нарушаетъ цѣльность впечатлѣній. Наконецъ, они же подаютъ музыкантамъ знакъ когда начинать и когда прекращать музыку. Суфлерской будки нѣтъ, но суфлеры имѣются, и нерѣдко у каждаго изъ крупныхъ дѣйствующихъ лицъ есть свой особый суфлеръ. Такъ, напримѣръ, когда на сцену выступаетъ какой-либо герой для произнесенія длиннаго, но не совсемъ-то заученнаго монолога, позади его прокрадывается согнувшись и его суфлеръ, одѣтый непремѣнно во все черное, имѣя на лицѣ черный креповый вуаль. Этотъ вуаль и пѣтъ одежды должны обозначать, что его собственно нѣтъ на сценѣ ни въ качествѣ дѣйствующаго лица, ни въ смыслѣ суфлера, а потому-де зритель не долженъ вовсе обращать на него вниманія, какъ на нѣчто несуществующее. Суфлеръ присѣдаетъ на коротки нѣсколько позади актера, повернувшись къ публикѣ спиной, что также обозначаетъ его сценическое небытіе, и откинувъ нѣсколько вуаль, слѣдитъ по вынутой изъ рукава тетрадкѣ за монологомъ героя, подсказывая ему только въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно. Съ окончаніемъ своей обязанности, онъ точно также согнувшись поспѣшно убѣгаетъ со сцены, пока вновь не окажется въ немъ надобность. Во время діалоговъ и сценъ появляются такимъ же образомъ по двое и болѣе суфлеровъ, что на непривычнаго зрителя производятъ нѣсколько странное и отчасти комическое впечатлѣніе. Театральные *коскеи-сы*, имѣющіе надобность появляться зачѣмъ-либо на сценѣ во время самаго представленія, напримѣръ, убрать что-нибудь или освѣтить актера, одѣваются такъ-же какъ суфлеры, съ такими же вуалами на лицѣ, и всегда стараются справить свое дѣло какъ можно поспѣшнѣе и незамѣтнѣе для публики. Я сказалъ *освѣтить* актера: это тоже совершенно оригинальное обыкновеніе японскаго театра, находящееся въ прямой зависимости отъ отсутствія рампъ. Если нужно обратить вниманіе зрителя на какую-нибудь особенность костюма, прически и гримировки актера, на его позу или мимику, то къ нему подобгаютъ съ обѣихъ сторонъ два *коскеи-сы* съ длинными палками, на концѣ которыхъ перпендикулярно насажено по восковой свѣчѣ. Появленіе свѣчъ у лица, у головы, снизу или сбоку, служить публикѣ указателемъ на что именно слѣдуетъ смотрѣть въ данную минуту.

Драма, которую предстояло намъ любоваться, называется «Жертва школьнаго учителя».

Какъ только занавѣсъ былъ отдернутъ, музыка сразу замолкла, и на открывшейся сце-

нѣ предъ нами предстала дѣтская школа. Около десятка мальчугановъ сидѣли за низенькими пюпитрами; одни упражнялись въ письмѣ, другіе громко зубрили свои уроки. Между ними находился и одинъ великовозрастный балбесъ, дѣлтый и лакомка, но за то великій мастеръ на всякія школьничества и продѣлки надъ своимъ почтеннымъ учителемъ. Это комическая личность между учениками. Слѣдуетъ рядъ комическихъ сценъ, заключающихся въ разныхъ продѣлкахъ, съ одной стороны, и выговорахъ съ угрозами, съ другой. Учитель, человекъ семейный, у него молодая жена и сынокъ лѣтъ пяти-шести, котораго оба они страстно любятъ. Жена уговариваетъ мужа не горячиться и простить неразумныхъ школьниковъ, а пока что отдохнуть, выкурить одну-другую кизеру, освѣжиться чаемъ. Въ это время вдали, на лѣвыхъ мосткахъ показывается среднихъ лѣтъ дама-горожанка, ведущая за руку шестилѣтняго мальчика. Она входитъ въ школу и объясняетъ, что желала бы сдать своего сына въ ученье, но предварительно ей нужно-де переговорить съ почтеннымъ педагогомъ объ условіяхъ съ глазу на глазъ. Учитель объявляетъ школьникамъ рекрецію, съ тѣмъ, чтобы они убрались пока вонъ, и удаляетъ жену съ сыномъ изъ комнаты. Оставшись съ нимъ наединѣ, дама объясняетъ ему, что она супруга *даймю*, владѣтельнаго князя (позабылъ имя, но положимъ, пусть будетъ хоть Овари, — да простятъ мнѣ японскіе историки и драматурги эту вольность!). Учитель принадлежитъ къ числу подданныхъ этого феодала, который къ тому же оказалъ ему когда-то какое-то благодѣяніе. Книгиня Овари, явившаяся инкогнито, въ костюмѣ простой горожанки, беретъ съ него клятву, что онъ сохранитъ втайнѣ то, что она имѣетъ сообщить ему. Учитель даетъ слово. Тогда она открываетъ ему, что ея семейству угрожаетъ страшная опасность, что *сѣгуна* (опять-таки не помню имени), съ которыми они находятся въ родствѣ, принадлежа къ одной изъ вѣтвей того же рода Такунагавы изъ Гозанкѣ, благодаря ложнымъ извѣстіямъ враговъ, заподозрилъ князя Овари въ замыслахъ на присвоеніе себѣ сѣгунальской власти, чтобы укрѣпить ее за своимъ родомъ. Поэтому мстительный *сѣгунъ*, какъ узнала она изъ тайнаго, но самаго вѣрнаго источника, не рискуя дѣйствовать въ открытую, рѣшилъ себѣ получить какимъ бы то ни было путемъ голову ихъ единственнаго сына и наслѣдника и тѣмъ пресѣчь въ корнѣ всѣ ихъ мнимые замыслы. Наемные убійцы уже готовы, и только ждутъ случая, а между тѣмъ мужъ ея въ отсутствіи, въ дальнемъ походѣ, и сынъ ихъ такимъ образомъ беззащитенъ. Она умоляетъ учителя принять мальчика въ число своихъ учениковъ подъ другимъ именемъ и

скрыть его у себя, пока не пройдетъ вся эта страшная опасность; она убѣждена, что оправдавшись, ея невинный мужъ сѣмѣетъ оправдаться предъ своимъ властнымъ и поддирательнымъ родственникомъ: она уже отправила къ нему съ письмомъ надежныхъ гонцовъ, но теперь прежде всего должно спасти жизнь сына и сдѣлать это не теряя ни минуты. Учитель почтительно и твердо объявляетъ книгинѣ, что готовъ исполнить ея волю чего бы то ему ни стоило, и что за безопасность мальчика онъ ей ручается своею головой. Растроганная, умиленная и обрадованная мать не знаетъ какъ благодарить его и передаетъ ему сына. Ей тяжело и страшно разлучаться со своимъ ребенкомъ, но благоразуміе повелѣваетъ это; въ ней происходитъ борьба нѣсколькихъ чувствъ, а малютка межъ тѣмъ не хочетъ разстаться съ нею; надо его уговорить, успокоить и въ то же время надо спѣшить отсюда, потому что, какъ знать! быть-можетъ шпионы *сѣгуна* не дремлютъ, быть-можетъ они уже слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ. Учитель ради безопасности выпроваживаетъ ее другимъ ходомъ, и она удаляется, кидая послѣдній взглядъ на своего малютку, улыбаясь ему сквозь слезы и утишая, что скоро вернется. На этомъ первый актъ кончается.

Плато мгновенно поворачивается на четверть круга и предъ нами цвѣточный садъ загороднаго чайнаго дома. Второй актъ посвященъ дѣятельности шпионовъ *сѣгуна*, которые сбились съ ногъ, въ своихъ усердныхъ розыскахъ исчезнушаго маленькаго князя и сошлись на совѣтъ въ условленномъ мѣстѣ загороднаго сада. Здѣсь опять проходятъ предъ зрителемъ въ живыхъ и не лишенныхъ юмора сценкахъ нѣсколько буржуазныхъ и сельскихъ типовъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ шпионы стараются ловкимъ манеромъ и такъ и этакъ зондировать на счетъ предмета своихъ поисковъ. Появляется, между прочимъ, великовозрастный придурковатый балбесъ, падкій на лакомства, котораго съ помощью сладкихъ пирожковъ и нѣсколькихъ чашекъ саки шпионамъ удастся поддѣть на свою удочку. Не видая самъ что творитъ, онъ выбалтываетъ имъ какъ надоѣла ему школа, и какъ онъ предпочелъ бы всякой наукѣ должность *бетю*, конюха, тѣмъ болѣе, что и самъ великій *сѣгунъ* Фиде-Юси, Тайкосама, первоначально былъ конюхомъ; далѣе рассказываетъ онъ какія продѣлки учиняетъ каждодневно надъ своимъ учителемъ, какъ уважаютъ его, балбеса, всѣ остальные школьники и какъ онъ не даетъ имъ спуска, но сегодня-де учитель задалъ ему знатную трепку за то, что онъ отнялъ сладкій пирогъ у новичка, только вчера приведеннаго къ нимъ въ школу, и что за этимъ-де маленькимъ щенкомъ больно ужъ ухаживаетъ учите-

лева хозяйка, для того что, надо быть, богатый или знатный: у них-де въ домѣ и проживааетъ. Эта болтовня вдругъ даетъ шпіонамъ нить, и они снова принимаются за розыски, составляютъ цѣлый планъ дѣйствій, который въ концѣ-концовъ вѣнчается полнымъ успѣхомъ: убѣжище исчезнувшаго мальчика открыто, остается только получить обѣщанную *сѣгуну* награду.

Въ третьемъ дѣйствіи предъ нами опять школьная комната того же учителя, только уже безъ учениковъ. Классныя занятія кончились, наступилъ вечеръ. Семья учителя только-что поужинала и мирно наслаждается вечернимъ отдыхомъ. Двое дѣтокъ, сынъ этой семьи и его погодокъ, маленькій князь, играютъ между собой на цыновѣхъ. Мужъ съ женой либуются на ихъ забавы и сами принимаютъ въ нихъ участіе, то рассказывая побасенки, то вырѣзывая изъ бумаги коньковъ и человѣчковъ. Но время уже и на покой. Жена уводитъ мальчиковъ спать и остается пока съ ними укладывать ихъ въ постели, а мужъ тѣмъ часомъ берется за какую-то книгу. Но вотъ въ глубинѣ зрительной залы на лѣвыхъ мосткахъ появляются три личности. Двое изъ нихъ закутаны въ темные киримоны съ низко надвинутыми на глаза головными повязками, а третій — здоровенный атлетъ въ короткомъ одѣяніи съ наплечными накрахмаленными воскрыльями, оголенными мускулистыми руками и туго стянутымъ брюхомъ, шествуетъ за ними сзади. У каждого изъ нихъ торчатъ за поясомъ по двѣ сабли, — знакъ ихъ чиновнаго достоинства. Лица исполнены мрачнаго и грознаго выраженія, а у задняго просто какая-то звѣрская отвратительная морда, на которую гримерь не пожалѣлъ красной и синей краски, ни сажу для выписки изогнутыхъ и круто сверху внизъ мыскомъ сведенныхъ бровей. Они приближаются медленнымъ, традиціонно-трагическимъ шагомъ и, подойдя къ шпірмѣ, изображающей на сценѣ входную дверь, одинъ изъ переднихъ тихимъ ударомъ въ нее предупреждаетъ о приходѣ нежданныхъ гостей. Учитель отворяетъ дверь и отшатывается въ нѣмомъ ужасѣ. Тайственные незнакомцы тѣмъ же журавлинымъ размѣреннымъ шагомъ входятъ одинъ за другимъ въ комнату и тихо опускаются другъ противъ друга на цыновку, а третій останавливается у двери, принявъ грозную позу со скрещенными на груди руками. Смущенный учитель съ недоумѣніемъ смотритъ то на тѣхъ, двухъ, то на третьяго гостя. Ему дѣлаютъ знакъ приблизиться и указываютъ мѣсто. Учитель опускается на колѣни между ними, отступая нѣсколько въ глубь сцены. Тогда одинъ изъ тайственныхъ незнакомцевъ возвѣщаетъ ему, что они *якунины* (чиновники), прибывшіе къ нему по повелѣнію великаго *сѣгуна*, име-

немъ котораго спрашиваютъ его: онъ ли учитель такой-то. Тотъ отвѣчаетъ утвердительно. Тогда приближается третій, и развернувъ свертокъ, читаетъ данное ему повелѣніе взять отъ учителя такого-то, скрывающагося у него малолѣтняго сына князя Овари и въ присутствіи назначенныхъ *якуниновъ* совершить надъ нимъ дѣйствіе высшей справедливости. Учитель не сомнѣвается на счетъ рокового значенія этихъ словъ: онъ по внѣшнему традиціонному виду чтеца узналъ въ немъ «мечъ правосудія», то есть собственнаго палача его высокой свѣтлости. Въ удостовѣреніе подлинности приказа, ему показываютъ на сверткѣ печать *сѣгуна*. Ни заpirationства, ни сопротивленія быть не можетъ, и надо исполнить повелѣніе немедленно. «Вы хотите взять его сейчасъ же?» съ полнымъ самообладаніемъ, повидимому, равнодушно спрашиваетъ учитель. — «Живаго или мертваго!» отвѣчаетъ ему мечъ правосудія: «*сѣгуну* нужна голова его». — «Голова?... Да будетъ исполнена высокая воля!» И учитель подымается съ мѣста чтобы удалиться. «Куда»? останавливаютъ его *якунины*. Онъ объясняетъ имъ, что дѣти спать уже, что надо взять мальчика такъ, чтобы не потревожить его собственнаго ребенка, который нездоровъ и навѣрное перепугается увидя постороннихъ, что онъ-де самъ сдѣлаетъ все осторожно, тихо и чрезъ нѣсколько минутъ передастъ имъ драгоценную ношу, а потому, во имя уваженія къ святости семейнаго очага, проситъ не слѣдовать за нимъ и позволить ему удалиться. На его зовъ является жена, которой онъ приказываетъ остаться съ *якунинами* и быть любезной хозяйкой, а самъ съ ихъ позволенія, уходитъ. Чрезъ нѣсколько минутъ учитель появляется изъ-за драпировки, неся въ рукахъ блюдо подъ шелковымъ покрываломъ и, прежде чѣмъ вступить на сцену, приказываетъ женѣ удалиться на дворъ и не входить въ домъ, пока онъ ей не скажетъ. Та, конечно, не смѣетъ послушаться воли своего мужа и властелина и въ ту же минуту безпрекословно, съ надлежащими знаками почтенія, удаляется. Тогда учитель медленными шагами приближается къ авансценѣ, медленно опускается на колѣни на своемъ прежнемъ мѣстѣ передъ *якунинами* и сдерживаетъ покрывало. Палачъ и *якунины* смотрятъ на него глазами полными недоумѣнія. Онъ страшно блѣденъ, но сохраняетъ кажущееся спокойствіе, только чуть замѣтное дрожаніе рукъ выдаетъ его внутреннія ощущенія. Недоумѣніе *якуниновъ* понятно: вмѣсто ожидаемаго ребенка, они видятъ предъ собой блюдо, покрытое цилиндрическимъ картоннымъ колпакомъ, въ родѣ опрокинутой коробки. Съ минуту длится нѣмая сцена. «Высокая воля *сѣгуна* исполнена», произноситъ наконецъ учитель глухимъ упавшимъ голосомъ и снимаетъ обѣими руками колпакъ. На блюдѣ ле-

жить мертвая голова ребенка. На этомъ третій актъ кончается.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи предъ *сенюмъ* случайно раскрываются всѣ козни враговъ отсутствующаго князя Овари. Подслушавъ ихъ разговоръ, онъ убѣждается въ полной невинности своего оклеветаннаго родича, но увы! уже поздно: къ нему приносятъ отрубленную голову ребенка. Конечно, онъ отдастъ приказъ казнить клеветниковъ самыми лютыми, мучительными казнями; онъ предоставитъ князю Овари наслаждаться зрѣлищемъ ихъ мученій, но развѣ это удовлетворить его за потерю единственнаго, страстно любимаго сына. Надо наконецъ объявить объ этомъ несчастной матери, надо отправить къ ней тѣло и голову для почетнаго погребенія; но какъ сдѣлать все это, какъ объявить ей такую ужасную истину?... А между тѣмъ молва о мучительной смерти невиннаго ребенка уже распространилась по городу.

Въ послѣднемъ актѣ предъ зрителями опять та же классная комната въ домѣ учителя. Самъ онъ сидитъ удрученный глубокимъ горемъ, не будучи въ состояніи слѣдить за занятіями своихъ учениковъ, ничего не видя, ни о чемъ не думая, *кромя* одной гнетущей его мысли. Вдругъ порывисто входитъ на сцену княгиня Овари и останавливается предъ учителемъ, пронзая его взглядомъ, полнымъ укора горя и негодованія. Задыхающимся отъ волненія голосомъ она бросаетъ ему въ лицо укорины и проклятія: зачѣмъ онъ такъ гнусно обманулъ ея довѣріе, зачѣмъ самъ собственноручно отрубилъ голову ея сыну, когда *якунины* требовали только его выдачи? Еслибъ онъ выдалъ имъ его живаго, ребенокъ остался бы живъ, потому что *сенунъ* убѣдился въ клеветѣ! — «Гдѣ мой сынъ! Отдай мнѣ моего сына!» кричитъ она ему въ изступленіи. Подъ градомъ ея проклятій, учитель на минуту удаляется со сцены и затѣмъ со словами: «Вотъ онъ!... Возьмите его!» выводитъ за руку маленькаго князя и передаетъ его матери. Одно мгновеніе она стоитъ неподвижно, какъ остоленѣлая, не вѣря собственнымъ глазамъ, и вдругъ съ невыразимымъ крикомъ радости и счастья кидается къ своему ребенку, прячетъ его въ своихъ объятіяхъ, цѣлуетъ, ощупываетъ его голову и плечи, смѣется и плачетъ, и снова начинаетъ покрывать его поцѣлуями. Счастіе ея безпредѣльно. А между тѣмъ отвернувшись въ сторону учитель стоитъ въ глухой борьбѣ съ самимъ собой, ломая руки и видимо стараясь подавить въ себѣ подступающія къ горлу рыданія. Но наконецъ счастливая мать опомнилась отъ перваго, внезапно нахлынушаго прилива радости и бросается къ учителю благодарить его. — «Но чтѣ жъ это значитъ?» приступаетъ она къ нему съ разспросами, «чья же голова была принесена къ *сенуну*?» — «Голова моего собственнаго сына, государыня! Я сдер-

жалъ свое слово», почтительно отвѣчаетъ ей учитель, и съ этими послѣдними словами надвигающаяся занавѣсъ кладетъ конецъ нѣмой картинѣ, гдѣ мы видимъ княгиню-мать какъ громомъ пораженную этой безмѣрной жертвой, и всю школу какъ бы застывшую въ одномъ чувствѣ ужаса и благоговѣйнаго почтенія къ своему наставнику.

На этомъ пьеса кончается. Время дѣйствія ея относится къ XVII вѣку нашей эры, и сюжетъ, говорятъ, основанъ на историческомъ фактѣ. Публика проводила послѣднюю картину знаками общаго одобренія, которое здѣсь выражается далеко не такъ шумно, какъ въ Европѣ: возгласовъ было слышно немного, да и то въ обыкновенный голосъ; но за то со всѣхъ концовъ залы дружно раздавался сухой трескъ сложенныхъ вѣровъ, которыми зрители ударили о ладонь лѣвой руки. И дѣйствительно, какъ самая пьеса, такъ и ея исполненіе вполнѣ заслуживали похвалы. Это была мастерская игра, въ особенности въ двухъ выдающихся роляхъ учителя и княгини. Послѣднюю изображалъ старикъ-актеръ, о которомъ упомянуто выше. Я уже сказалъ, что его гримировка, манеры, походка, голосъ, — все это выполнѣ женское; но кромѣ того, сколько таланта и теплоты въ самой игрѣ его! Какъ тонко была разыграна имъ сцена прощанія съ сыномъ въ первомъ актѣ и какъ превосходно выдержанъ весь послѣдній актъ! Достаточно сказать, что не зная языка и довольствуясь порой только краткими поясненіями А. С. Маленды, мы понимали весь ходъ пьесы и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за нею отъ начала до конца, и это только благодаря самой игрѣ актеровъ. Эта полная реальной и психической правды игра достигала порой до степени высокой художественности, чтѣ и дѣлало ее, помимо языка, понятной каждому человѣческому сердцу. Къ числу же недостатковъ игры вообще японскихъ актеровъ, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ вышеказанныхъ исполнителей, надо отнести стремленіе ихъ къ чрезчуръ усиленной мимикѣ: желалъ придать наибольшую экспрессивность выраженію своего лица, въ особенности въ трагическіе и патетическіе моменты, они, чтѣ называется пересаливаютъ, и вслѣдствіе этого вмѣсто улыбки или достодолжной мины нерѣдко получается утрированная гримаса.

Я не стану особенно распространяться объ оригинальной концепціи видѣнной нами драмы, въ одно и то же время, если хотите, варварской, но и хватающей васъ за самыя чувствительныя струны сердца. Уже изъ моего далеко не полнаго пересказа, затронувшаго только самыя скелеты этой вещи, читатель легко можетъ замѣтить, что японская драма прокладываетъ себѣ совершенно особенные своеобразные пути, не имѣющіе ничего общаго съ вы-

работанным шаблономъ европейскихъ драматическихъ произведений, и въ то же время эта драма остается вполне на китайской, строго реальной почвѣ; она воспринимаетъ въ себя всѣ элементы жизни, перемѣшивая, быть-можетъ и не безъ умысла, трагическое съ комическимъ, какъ то нерѣдко бываетъ и въ самой дѣйствительности и воспроизводя вполне *человѣческіе* образы и китайскіе типы. Въ данномъ случаѣ, на примѣръ, вся драма завязывается и разыгрывается на глубокомъ чувствѣ родительской любви и на величайшей жертвѣ, какую только могло принести это чувство во имя долга, обязательнаго въ силу даннаго слова. Я уже говорилъ однажды, что любовь къ дѣтямъ составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся чертъ національнаго характера японцевъ, и поэтому вы легко можете понять насколько жизненна и какъ близка сердцу каждаго зрителя драма, построенная именно на этомъ мотивѣ. И потомъ, безъ сомнѣнія, японская драма затрагиваетъ и пробуждаетъ въ зрителѣ самыя возвышенныя, рыцарскія и патріотическія чувства, что всегда болѣе или менѣе имѣетъ здѣсь въ виду каждый драматическій авторъ; и въ этомъ заключается ея прямое воспитательное значеніе для общества. Кромѣ того, вы никогда ни въ одной японской пьесѣ не встрѣтите интриги, которая была бы построена на нарушеніи замужней женщиной супружеской вѣрности, на чемъ, напротивъ, въ Европѣ строится чуть ли не девять десятыхъ всѣхъ современныхъ драмъ и комедій. Охотно допуская на сцену похожденія дамъ-лошавары и вообще типы различнаго сорта куртизанокъ, иногда даже въ чертѣ реальныхъ положеній, японскій театръ никогда не выводитъ *adultère* замужней женщины, хотя вовсе не скрываетъ всѣхъ другихъ ея недостатковъ и пороковъ. Нѣкоторые европейскіе наблюдатели японской жизни и нравовъ находятъ въ этомъ большой пробѣлъ, упущеніе или предразсудокъ, будто бы мѣшающій свободному всестороннему развитію драматической литературы, изъ круга которой такимъ образомъ изъымается цѣлая область особыхъ житейскихъ отношеній, служащихъ всегда и вездѣ самымъ обильнымъ и благодарнымъ матеріаломъ для романиста и драматурга. Но люди болѣе основательно знакомые со складомъ японской жизни и семейныхъ отношеній, не видятъ тутъ никакого пробѣла и объясняютъ это обстоятельство очень просто. Дѣло въ томъ, какъ я и говорилъ уже прежде, что нарушеніе супружеской вѣрности со стороны японскихъ женъ есть такое рѣдкое, исключительное явленіе, что оно стоитъ совершенно внѣ характера и склада дѣйствительной жизни, а потому и вопросы *adultère* отнюдь не могутъ служить темой для литературныхъ и сценическихъ произведений, всегда стоящихъ

у японцевъ на реальной, жизненной основѣ. Просто, сама жизнь не даетъ имъ для этого достаточной темы. Если же литература и касается когда вопросовъ этого рода, то ея отношеніе къ нимъ лучше всего выяснится намъ на нижеслѣдующемъ примѣрѣ, который въ то же время представляетъ и лучший образчикъ того, какъ понимаются здѣсь въ народномъ сознаніи вопросы чести и нравственнаго долга. Я говорю о самой популярной новеллѣ, передаваемой изъ поколѣній въ поколѣнія у семейнаго очага и служащей также одной изъ любимыхъ темъ для профессиональных уличныхъ рассказчиковъ и импровизаторовъ. Новелла эта перешла также въ письменную литературу въ видѣ цѣлаго романа, очень богатаго разными бытовыми подробностями, и наконецъ она же послужила сюжетомъ для сценической драмы, нерѣдко представляемой на японскихъ театрахъ. Въ литературѣ она извѣстна подъ названіемъ *Вѣрный Союзъ*, а въ народномъ пересказѣ подъ именемъ *Истории о сорока семи ронинъ-хъ*. Основаніемъ для нея послужило истинное, исторически достоверное происшествіе, случившееся въ прошломъ вѣкѣ, а именно, въ 1727 году. Но, прежде, два слова о томъ, что такое *ронинъ*. *Ронинъ* значитъ павшій или потерявшій свое положеніе челоѣкъ. Этимъ именемъ обыкновенно назывались *самурайи*, то-есть чиновники и люди придворной гвардіи феодальныхъ владѣльцевъ (*даймю*), утратившіе своего трона или лишившіеся его покровительства, вслѣдствіе ли постигшей ихъ опалы, или же вслѣдствіе его разоренія. По своему общественному положенію, эти даймюскіе *самурайи*, какъ я объяснялъ уже раньше, подходили ближе всего къ бывшей «дробной шляхтѣ» проживавшей «на ласкавомъ хлѣбѣ», въ качествѣ разныхъ «офиціаловъ», при старопольскихъ магнатахъ. Предположъ это необходимое объясненіе, я долженъ еще замѣтить, что мой пересказъ исторіи о сорока семи ронинахъ будетъ заключаться въ одномъ только краткомъ изложеніи ея сущности, такъ какъ иначе пришлось бы дать переводъ цѣлаго романа, состоящаго изъ сплетенія самыхъ разнородныхъ эпизодовъ и событій, прослѣдить которые шагъ за шагомъ было бы слишкомъ утомительно для читателя, хотя бы уже по одной необходимости запоминать собственныхъ имена множества дѣйствующихъ лицъ и различныхъ мѣстностей. Итакъ, вотъ въ чемъ заключается сущность этой любопытной исторіи:

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, при Кіотскомъ дворцѣ, въ числѣ приближенныхъ лицъ *микадо*, находился нѣкто Іенео Такумино-Ками, богатый и знатный *даймю*, владѣвшій значительными землями и содержавшій при своемъ дворѣ сорокъ семь *самурайезъ*, въ качествѣ чиновниковъ, вассаловъ и тѣлохра-

нителей. Иенео Такуми былъ женатъ на знаменитой красавицѣ Кавайо, по которой многие изъ придворныхъ кавалеровъ сходили съ ума и воспѣвали ее въ нѣжныхъ стансахъ и мадригалахъ. Но, принимая эту дань поклоненія своей красотѣ, Кавайо оставалась всегда на недоступной высотѣ любящей и вѣрной супруги.

Однажды Иенео Такуми былъ посланъ отъ *микадо* съ важнымъ порученіемъ къ *сеюну* въ Иедо. Отправляясь изъ Кіото съ полнымъ великолѣпіемъ, какъ надлежитъ знатному феодалу и посланнику *микадо*, и зная что ему придется пробыть въ Иеддо довольно долгое время, Иенео взялъ съ собой и супругу. Молва о поразительной красотѣ, изяществѣ, граціи и талантахъ Кавайо предшествовала ей въ Иеддо еще ранѣе появленія ея въ этой второй столицѣ Японіи. И вотъ на несчастіе встрѣтился съ нею однажды при дворѣ *сеюна* одинъ изъ самыхъ могущественныхъ вельможъ этого двора нѣкто Кацукэ-но-сукэ, князь Моронаго, человѣкъ уже пожилой и притомъ самой почтенной наружности, что не помѣшало ему однако воспылатъ къ Кавайо нѣжную страсть, со всѣмъ пыломъ приличнымъ развѣ семнадцатилѣтнему юношѣ. Онъ не упускалъ ни малѣйшаго случая выказывать ей эту страсть и наконецъ однажды прямо оскорбилъ ее безчестнымъ предложеніемъ. Кавайо вынуждена была пожаловаться своему мужу и просила оградить ее отъ наглыхъ и назойливыхъ преслѣдованій стараго сластолюбца. Встрѣтись послѣ этого съ княземъ Моронаго во дворцѣ *сеюна*, возмущенный Иенео схватился за свою саблю, съ намѣреніемъ изрубить его, но князю удалось убѣжать и донести о поступкѣ Иенео *сеюну*. Поступокъ же этотъ составлялъ важнѣйшее нарушеніе придворнаго этикета, безусловно воспрепятствующаго обнажать во дворцѣ оружіе. По закону Иенео Такуми долженъ былъ подлежать за это смертной казни и конфискаціи всего своего имущества. Понимая степень павшей на него отвѣтственности, Иенео рѣшается умереть по крайней мѣрѣ не даромъ и во что бы то ни стало отомстить оскорбителю достоинства своей супруги. Узнавъ, что князь Моронаго удалился въ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, онъ инкогнито отправляется за нимъ на поиски, въ сопровожденіи одного только вѣрнаго своего *самурайя* Кампео, обязанность коего состояла въ томъ, чтобы принимать участіе во всѣхъ приключеніяхъ своего господина. Молодой Кампео былъ его оруженосцемъ и подручникомъ.

Выйдя за городъ, усталые отъ продолжительной ходьбы, они завернули отдохнуть въ одинъ изъ попутныхъ чайныхъ домовъ и расположились на его верандѣ. Кампео нарочно склонилъ своего господина зайти именно въ этотъ чайный домъ, имѣя про себя въ виду,

что тутъ живетъ его возлюбленная, молодая хорошенькая Кара, съ которою ему очень хотѣлось повидаться. Съ позволенія Иенео, онъ отлучается съ нею на свиданье въ сосѣднюю рощу, располагая возвратиться къ тому часу, какъ господинъ его отдохнетъ и напьется чаю. Между тѣмъ, во время его отсутствія, появляется на дорогѣ князь Моронаго, вышедшій на прогулку пѣшкомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ *самурайевъ*, слѣдовавшихъ за нимъ издали. Завидя своего врага, Иенео бросается къ нему навстрѣчу, и обнаживъ саблю, вызываетъ его на немедленный поединокъ. Коцукэ хотѣлъ было уклониться, но Иенео заградилъ ему путь отступленія и принудилъ драться. Сабли ихъ скрестились, и князь былъ слегка раненъ однимъ изъ первыхъ выпадовъ противника, какъ вдругъ въ эту самую минуту бѣгомъ подоспѣли на мѣсто его *самурайи* и налетѣвъ съзади на Иенео, схватили его, обезоружили и, связавъ по рукамъ и ногамъ, сдали полицейскимъ чиновникамъ *сеюна*, какъ человѣка совершившаго разбойническое нападеніе среди дороги на ихъ патрона. Это обстоятельство еще отягчило прежнюю вину нечастнаго Иенео. По повелѣнію *сеюна*, онъ былъ отвезенъ подъ арестомъ въ свое имѣніе, гдѣ ему вмѣнялось въ обязанность ожидать приговора и наказанія. Вѣрный его оруженосецъ Кампео, вернувшись послѣ свиданія съ Карой изъ рощи, уже не нашелъ своего господина на мѣстѣ и узнавъ, въ чайномъ домѣ обо всемъ, что произошло въ его отсутствіи, хотѣлъ было лишить себя жизни съ отчаянія, что не могъ охранить Иенео; но Кара силой любви своей умолила его не налагать на себя руку и увела съ собою въ дальнюю деревню, къ своимъ родителямъ земледѣльцамъ. Въ деревнѣ Кампео скорѣ женился на Карѣ.

Между тѣмъ приговоръ членовъ верховнаго совѣта *сеюна*, постановляемый именемъ *микадо*, не заставлялъ долго ожидать себя. Иенео, сидя у себя въ помѣстьѣ, безрешетно ждетъ казни, и чтобы показать своимъ домашнимъ полное спокойствіе духа, сочиняетъ стихи. Въ роковой день ожидаемой смерти, въ то время какъ онъ сидѣлъ погруженный въ свои думы, за нимъ тихонько раздвинулась ширма и въ комнату вошла его супруга Кавайо. На лицѣ ея отражалась душевная мука. Она подошла къ мужу, и склоняясь предъ нимъ на колѣни, коснулась челомъ цыновки.

— Надѣюсь, что мой повелитель бодръ и здоровъ, сказала она взволнованнымъ голосомъ.

— Я здоровъ, Кавайо, но ты почему такъ грустна?

Княгиня сдержала свою горестъ и отвѣчала.

— Моему господину угрожаетъ опасность, какъ же могу я быть счастлива?

Иенео былъ тронутъ этими словами, но не показалъ виду. Бросивъ на жену взглядъ полный нѣжности, онъ постарался ободрить ее, и когда она нѣсколько успокоилась, довелъ ее до дверей своей половины дома говоря:

— Дорогая моя, я пришлю за тобою когда настанетъ часъ... Мы еще увидимся... Я вижу ты провела бессонную ночь; прилягъ и постарайся заснуть.

Она шатаясь вышла въ коридоръ и, бросившись на полъ, разразилась рыданіями. Сердце у нея разрывалось.

Нѣсколько минутъ спустя, два *якунина* прибыли въ домъ Иенео Такуми и вручили ему приказъ, чтобъ онъ, въ силу японскаго обычая, какъ благородный человѣкъ, самъ лишилъ себя жизни. Такуми, согласно правамъ страны, подчиняется этому повелѣнію безпрекословно, но хочетъ только передать свою послѣднюю волю волю главному своему *самураю*, совѣтнику и любимцу Юраносуко, который, къ сожалѣнію, въ данную минуту находится въ отлучкѣ изъ дому. Четверо изъ приближенныхъ *самураевъ*, узнавъ, что ихъ *даймю* долженъ сейчасъ умереть, стали просить *якуниновъ*, чтобъ имъ дозволено было видѣть его передъ смертью. Когда *якунины* доложили Иенео объ этомъ желаніи его вассаловъ, онъ отвѣтилъ, что приметъ ихъ только тогда какъ возвратится Юраносуко. Между тѣмъ осужденному былъ принесенъ короткій мечъ, какъ бритва отточенный предварительно съ обѣихъ сторонъ, и положенъ на низенькій столикъ въ углу комнаты. Иенео приготовился и занялъ свое мѣсто у столика.

— Теперь милостивые государи, обратился онъ къ *якунинамъ*,—будьте свидѣтелями моего повиновенія императорскому приказу.

И онъ взялъ въ руки мечъ и благоговѣнно поднесъ его къ своему челу, но тутъ какъ бы вдругъ вспомнилъ что-то и сталъ звать одного изъ *самураевъ*;—Рикіо! Рикіо!

— Я здѣсь господинъ.

— Юраносуко еще не воротился?

— Нѣтъ господинъ.

— Увы!.. А я такъ желалъ увидѣть его еще разъ!.. Мнѣ такъ нужно было поговорить съ нимъ... Но что дѣлать, не судьба.

И послѣ этихъ словъ, осужденный крѣпко обѣими руками ухватился за рукоятъ меча и навалившись на его остріе, мгновенно распоролъ себѣ утробу, успѣвъ однако проговорить, что этотъ мечъ онъ завѣщаетъ Юраносуко.

Возвратившійся нѣсколько минутъ спустя, Юраносуко нашелъ уже Иенео мертвымъ и благоговѣнно принялъ мечъ, послужившій орудіемъ казни его патрона. На этомъ мечѣ онъ произнесъ клятву отомстить за смерть своего *даймю* и скрылъ его на себѣ, какъ величайшее сокровище и святыню.

Слѣдующій эпизодъ новеллы чрезвычайно

характеренъ, рисуя намъ, насколько женское самопожертвованіе во имя исполненія какой-либо дѣйствительной, или даже только воображаемой священной обязанности входить въ японскіе нравы. Престарѣлая мать Юраносуко была когда-то кормилицей князя Иенео. Узнавъ о постигшемъ его несчастіи, она поспѣшила пріѣхать изъ деревни къ нему въ домъ, но опоздала нѣсколькими минутами и нашла своего вскормленника уже мертвымъ. Это зрѣлище чуть не свело ее съ ума. Сынъ увелъ ее къ себѣ, и слова его мало-по-малу какъ будто ее успокоили, по крайней мѣрѣ къ ней вернулось самообладаніе. Когда послѣ похоронъ Иенео, всѣ члены семьи Юраносуко возвратились домой, онъ объявилъ имъ, что всѣ они вмѣстѣ съ матерью отправятся завтра въ деревню, въ домъ его брата. Послѣ вечерней трапезы въ память покойнаго Иенео, старушка повидимому спокойно, почти съ веселымъ видомъ сказала сыну:

— Намъ недолго уже оставаться здѣсь, а мнѣ нужно еще кое-что написать. Я пойду въ свою комнату.

Всѣ слуги почтительно ей поклонились и Юраносуко сказалъ ей:

— Уважаемая матушка, надѣюсь, ты будешь хорошо почивать.

Нѣмного позже, удаляясь тоже на покой, Юраносуко видѣлъ, что у матери все еще есть огонь и что стало-быть она еще не за-почивала. На утро вся семья поднялась еще до свѣту чтобъ уложить вещи, а въ комнатѣ матери была тишина. Юраносуко, думая, что она еще не выспалась, такъ какъ легла очень поздно, не велѣлъ ее беспокоить. Но время шло, а мать все не выходитъ. Съ нѣкоторымъ беспокойствомъ постучалъ онъ тихонько къ ней въ дверь и сказалъ:

— Уважаемая матушка, прошу тебя поторопиться. Носильщики уже ждутъ на дворѣ. Извини, что я такъ настойчиво тебя бужу, но уже время... День на дворѣ.

Ожидая отвѣта, Юраносуко прислушался. Тихо. Тогда, встревоженный, онъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Уважаемая матушка, произнесъ онъ въ полголоса, отодвигая ширмы, и вдругъ съ ужасомъ увидѣлъ, что лицо ея было какъ бумага, а на покрывалъ кровь. Съ горькими слезами опустился Юраносуко предъ ней на колѣни и, приподнявъ рукой ея голову, смотрѣлъ на величаво спокойное лицо матери. Около нея лежалъ окровавленный кинжалъ, и видъ этого оружія ясно показалъ ему всю волю и мужество одушевлявшія ее въ послѣднюю минуту,—мужество, достойное матери дворянина. Рядомъ, на низенькомъ столикѣ, лежало письмо, съ надписью «послѣднее слово». Вотъ что писала она твердою рукой:

«Сынъ мой, оставляю тебѣ эти нѣсколько

словъ. Ужасное бѣдствіе обрушилось на нашего *даймю*, и я почти обезумѣла отъ него. Когда Іенео родился на свѣтъ, я приняла его своими собственными руками. Я научила его лепетать слово *уба* (кормилица). Я блола за его дѣтскими шагами, и сердце мое исполнилось гордости, когда онъ впервые прошелся отъ одного конца цыновки до другого. Я видѣла какъ разцвѣтало его дѣтство и развивалась славная юность. Я стояла за ширмами, когда онъ впервые принималъ въ торжественной аудіенціи людей своего класса, и его удивительный тактъ, его достоинство и мужественная осанка вызвали тогда на моихъ старческихъ глазахъ слезы радостнаго умиленія. Онъ былъ сынъ, котораго я вскормила, мой глава и мой повелитель. Поэтому, когда мои глаза увидѣли его бездыханное тѣло, я рѣшила себѣ, что онъ не совершитъ невѣдомый намъ путь безъ спутника. Я кончаю свою жизнь для того, чтобы духъ мой сопровождалъ его въ этомъ странствіи. Когда онъ опять услышитъ за собою стукъ моихъ *окки* (деревянные сандалии), то приободрится, такъ какъ будетъ знать, что старуха-кормилица и по смерти окружаетъ его своими попеченіями. Сынъ мой, сердце мое стремится къ тебѣ, хотя я могу лишь слабо выразить мои мысли и чувства. Прочитайвъ это, схватись за рукоятъ твоей сабли и поклонись отомстить какъ можно скорѣе за своего *даймю*. Эта месть заставитъ тебя послѣдовать за мною такъ скоро, что я буду слышать за собою звукъ твоихъ *сокки* и увижусь съ тобой въ загробномъ царствѣ въ самомъ непродолжительномъ времени».

По смерти Іенео Такуми, имѣнія его были конфискованы, и семья доведена до нищеты. Прекрасная Кавайо рѣшилась вести жизнь отшельницы и поселилась въ бѣдномъ домикѣ на уединенной горѣ, окруженная нѣсколькими бывшими своими прислужницами, которыя захотѣли раздѣлить съ ней ея горькую долю и трудъ ради насущнаго хлѣба. Единственною поддержкой ея была надежда, что смерть ея дорогаго супруга не останется не отмщенною.

Между тѣмъ, вѣрные *самурайи* Іенео сдѣлались *ронинами*. Выгнанные изъ бывшихъ его помѣстій солдатами *сегуна*, они въ числѣ сорока шести человекъ ушли въ горы и тамъ добровольно поклялись передъ Юраносуко на томъ же мечѣ отомстить за смерть Іенео.

Затѣмъ новелла возвращается къ Кампео и женѣ его Карѣ и рассказываетъ какъ они проводятъ жизнь въ сельскомъ домѣ тестя и ходятъ охотиться на медвѣдей. Кампео однакоже не можетъ вспомнить безъ горя и упрековъ самому себѣ, что любовь къ женщиной отвлекла его отъ исполненія своего долга по отношенію къ Іенео,—и вотъ, однажды встрѣтятся на

охотѣ въ горахъ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ сотоварищей и узнавъ отъ него, что всѣ сорокъ шесть *рониновъ* поклялись отомстить, Кампео проситъ его передать Юраносуко, что и онъ также желаетъ принять участіе въ общей ихъ клятвѣ. Тотъ исполнилъ его просьбу, и спустя нѣсколько времени принесъ ему отвѣтъ бывшихъ товарищей, что желаніе его можетъ быть исполнено если онъ дастъ денегъ въ общую ихъ складчину на сооруженіе памятника покойному господину, и что только подъ этимъ условіемъ Кампео можетъ возвратить себѣ право на званіе *самурайя* Іенео Такуми-но-ками и на честь принять участіе въ мести за его смерть. Къ несчастію, у Кампео не было на это средствъ, и онъ въ величайшемъ горѣ возвратился домой, къ тестю. Но тутъ жена его, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшается на величайшее самопожертвованіе, лишь бы только доставить мужу необходимыя деньги: она закабалается на пять лѣтъ въ служанки въ одинъ изъ домовъ терпимости, такъ какъ иначе никто не соглашался выдать ей впередъ сполна всю нужную сумму. Но мужу не суждено было воспользоваться деньгами, полученными за Кару. Когда старикъ его тесть шелъ съ этими деньгами домой, на него напали въ одной глухой мѣстности разбойники, ограбили его и убили. По неосновательному подозрѣнію, въ убійствѣ этомъ былъ обвиненъ самъ же Кампео, которому послѣ того, во избѣжаніе позорной казни, не оставалось ничего какъ только покончить съ собою обычнымъ *гаракири* (вспарываніе себѣ живота). Такъ погибъ сорокъ седьмой изъ числа *рониновъ* Іенео.

Между тѣмъ, продавленная Кара уже должна была въ силу условія оставаться на своемъ новомъ мѣстѣ, гдѣ однажды она случайно встрѣтилась со своимъ братомъ, находившимся въ числѣ поклявшихся сотоварищей Юраносуко. Разговоръ его съ сестрой представляетъ между прочимъ одну изъ оригинальнѣйшихъ чертъ японскихъ нравовъ. «Позволь мнѣ убить тебя», говоритъ онъ Карѣ: «этотъ поступокъ мой возвыситъ меня въ глазахъ нашего вожака Юраносуко, когда онъ узнаетъ, что сестра моя приняла на себя позоръ самопродажи въ служанки такого дома и что я очистилъ ее отъ этого позора, предавъ смерти. Это будетъ служить ему доказательствомъ, что я не заурядный пошлецъ, а человекъ, для котораго чувства чести выше всего въ мірѣ».

Но Кара не соглашается на предложеніе брата.

— Мнѣ не къ чему долѣе жить на свѣтѣ, я это знаю, говоритъ она ему,—но я не хочу умирать отъ твоей руки, потому что это навлекло бы на тебя гнѣвъ и проклятіе нашей матери. Лучше же я убью себя сама, а ты потомъ можешь взять мою голову, или хотя

бы и все тѣло, и показать кому тебѣ нужно, въ доказательство твоей вѣрности и чести.

Но Юраносуко не далъ погибнуть Карѣ. Узнавъ о ея положеніи и о томъ, что заставило ее принести такую страшную жертву, послѣдствіемъ которой у нея явилось сознание о необходимости самоубійства, онъ тотчасъ же выкупилъ ее изъ этого дома и, будучи вдовцомъ, взялъ къ себѣ въ жены. Такимъ образомъ Юраносуко возвратилъ ей имя честной женщины.

Намѣреніе сорока шести *ронинговъ* мстить за своего *даймио* не удержалось въ строгой тайнѣ и дошло по слухамъ до князя Моронаго, который вслѣдствіе этого окружилъ себя самою надежною стражей. Чтобы усыпить его подозрительность, *ронинамъ* пришлось на время отказаться отъ мести. Зналъ, что княжескіе шпионы наблюдаютъ за ними, они раздѣлились и рѣшились принять на себя, для виду, разныя обязанности: кто сдѣлался плотникомъ, кто поденщикомъ, кто мелкимъ торговцемъ, а главный вожакъ, Юраносуко, прикинулся пьяницей, показывая видъ, будто предался всякимъ порокамъ. Его встрѣчали только въ кабакахъ, да въ игорныхъ и другихъ притонахъ. Однажды, притворяясь мертвецки пьянымъ, онъ валялся въ уличной канавѣ, и въ это время какой-то прохожій, родомъ изъ княжества Сатцумы, глядя на него, воскликнулъ на весь народъ:

— Глядите! Вѣдь это Юраносуко, бывшій совѣтникъ несчастнаго Такуми. Въмѣсто того, чтобы мстить за своего господина и благодѣтеля, онъ вотъ что дѣлаетъ! Вотъ негодяй-то, недостойный честнаго званія *самурайя*!

И пихнувъ его ногой, прохожій съ презрѣніемъ плюнулъ въ лицо Юраносуко.

Случай этотъ былъ доведенъ шпионами до свѣдѣнія князя Моронаго и показался ему признакомъ весьма успокоительнымъ. Но мало этого: Юраносуко въ своемъ пратворствѣ дошелъ даже до жестокости. Играя постоянно роль развратника, онъ нарочно оскорблялъ свою жену на глазахъ у сосѣдей и выгналъ наконецъ ее изъ дому со всѣми своими дѣтьми отъ перваго брака, за исключеніемъ старшаго шестнадцатилѣтняго сына, по имени Шикаро. Извѣстіе о послѣднемъ скандалѣ дошло до князя Моронаго, который послѣ этого совѣмъ уже успокоился и, признавъ, что всякая опасность для него миновала, распустилъ большую часть своей стражи. Этого только и ждалъ Юраносуко. Тайнымъ образомъ оставилъ онъ Кіото и пробрался въ Іеддо, гдѣ уже ожидали его товарищи, собравшіеся въ этотъ городъ по одиночкѣ, подъ видомъ разныхъ ремесленниковъ и рабочихъ.

Съ прибытіемъ вожака, было тотчасъ же приступлено къ дѣлу. *Ронины* условились не проливать ничьей невинной крови и шадить

княжескихъ слугъ, если они не станутъ сопротивляться; убивъ же князя Моронаго, голову его отнести на могилу своего патрона, похороненнаго въ предмѣстьи Таканава, въ оградѣ храма Сенгакудзи; затѣмъ заявить властямъ о своемъ дѣяніи и спокойно ожидать себѣ смертнаго приговора. А чтобы никто изъ сосѣднихъ мѣщанъ не вздумалъ придти къ князю на помощь въ рѣшительную минуту, Юраносуко, предъ самымъ началомъ расправы, оповѣстивъ всѣхъ ихъ чрезъ своихъ людей запиской слѣдующаго содержанія: «Мы, *ронины*, бывшіе нѣкогда на службѣ у Іенео Такуми-но-Ками, признаемъ въ эту ночь во дворецъ Коцуке-но-Сукэ, князя Моронаго, чтобы отомстить за смерть нашего господина. Мы не воры, не разбойники и никакого вреда сосѣднимъ домамъ не сдѣлаемъ. Успокойтесь». Получивъ такое извѣщеніе, сосѣди не спѣшили на помощь къ человѣку, не пользовавшемуся общественнымъ расположеніемъ въ ихъ кварталѣ и оставались дома, предоставивъ *ронинамъ* дѣйствовать на свободѣ.

Это было зимой. Стояла мрачная, холодная ночь и завывала снѣжная вьюга, когда *ронины*, раздѣлившись на двѣ партіи, молча направились къ *иски* Моронаго. Тайкомъ перелѣзли они черезъ высокую ограду дворца и ударами двухъ молотовъ высадили внутреннюю дверь дома. Проснувшіеся *самурайи* Моронаго бросились на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и между тѣми и другими сразу завязалась кровавая борьба. Вскорѣ защитники князя валялись на полу израненные или убитые; изъ *ронинговъ* же не погибъ ни одинъ человѣкъ. Шестнадцатилѣтній Шикаро, сынъ Юраносуко, показалъ тутъ чудеса храбрости.

Порѣшивъ съ тѣлохранителями, *ронины* стали искать по всѣмъ угламъ дома самого князя, но нигдѣ не находили, и уже готовы были съ отчаянія распороть себѣ животы, когда Юраносуко, ощутивъ его постель, нашелъ что она еще теплая,—стало-быть Коцуке гдѣ-нибудь тутъ, недалеко. Стали опять искать, и наконецъ-то юный Шикаро открылъ въ одномъ изъ чулановъ пожилого человѣка почтенной наружности, одѣтаго въ бѣлый шелковый ночной халатъ. То былъ Коцуке-но-Сукэ, князь Моронаго, котораго тотчасъ же всѣ узнали. Тогда Юраносуко опустился предъ нимъ на колѣни и исполнивъ все, что требовалось законами уваженія къ высокому сану и почтеннымъ лѣтамъ Коцуке, сталъ держать къ нему слово.

— Господинъ! — сказалъ онъ, не измѣняя своей почтительной позы; — мы люди Іенео Такуми-но-Ками. Ваша свѣтлость имѣла съ нимъ въ прошломъ году ссору, вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ умереть, и теперь высокоуважаемое семейство его разорено и повергнуто въ неисходное горе. Какъ добрые

и вѣрные *самурайи* нашего *даймю*, мы пришли отомстить за него вашей свѣтлости. Вы, конечно, узнаете всю справедливость нашего священнаго долга и потому мы почтительнѣе умоляемъ васъ сдѣлать себѣ *иаракири*. Съ вашего позволенія, я буду вамъ помощникомъ, ¹⁾ и затѣмъ, когда вы покончите съ собою, я почтительно отдѣлю голову вашей свѣтлости отъ туловища и положу ее какъ жертвоприношеніе на могилу покойнаго Такуми. Этимъ вы можете намъ возстановить нарушенную справедливость.

Коцуке весь дрожалъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Умоляемъ вашу свѣтлость не медлить, намъ время очень дорого, — настойчиво сказалъ ему вожакъ. — Чтобы не трудиться искать, позвольте вамъ предложить тотъ самый мечъ, которымъ совершилъ себѣ *иаракири* нашъ господинъ: онъ вполнѣ благонадеженъ.

Но князь Моронаго впалъ въ постыдное малодушіе и не могъ рѣшиться умереть смертію дворянина, въ то время, какъ на него съ довѣріемъ были обращены взоры сорока шести дворянъ, стоявшихъ предъ нимъ въ почтительномъ ожиданіи, съ полнымъ чувствомъ уваженія къ его высокому сану, и дѣтамъ. И несмотря на это, князь все таки не рѣшался.

Тогда Юраносуко съ одного маху ловкимъ и сильнымъ ударомъ отсѣкъ ему голову тѣмъ самымъ мечомъ, который только-что предлагалъ къ его услугамъ. И такъ какъ въ домѣ, изъ числа живущихъ въ немъ, оставались теперь одни мертвецы, то *ронины*, во избѣжаніе возможности пожара, заботливо потушили во всемъ домѣ огонь въ очагахъ и свѣчи. Затѣмъ, положивъ отрубленную голову въ плетеную корзину, они вышли въ порядкѣ чрезъ открытыя ими главные ворота *яски* и направились къ предмѣстью Таканава.

Уже начинало свѣтать и вѣсть о ночномъ происшествіи въ *яски* Моронаго, изъ устъ ближайшихъ сосѣдей, начала быстро распространяться по проснувшемуся городу. Народъ сбѣгался толпами и привѣтствовалъ торже-

ственную процессію окровавленныхъ, израненныхъ *ронинновъ*, въ изорванной среди борьбы одеждѣ.

— Мы такъ счастливы! — съ восторгомъ и увлеченіемъ восклицали *ронины*; — такъ счастливы, какъ еслибы нашли цвѣтокъ, который разцвѣтаетъ одинъ разъ въ три тысячи лѣтъ!

Можно было опасаться, какъ бы они не подверглись по пути нападенію со стороны *самурайевъ* одного изъ родственниковъ князя Моронаго; поэтому одинъ изъ восемнадцати главнѣйшихъ князей японскихъ, другъ и родственникъ покойнаго Іенео, поспѣшно выслалъ къ нимъ на защиту всѣхъ своихъ воиновъ. Когда *ронины* проходили мимо *яски* князя Сендай, ихъ съ почетомъ пригласили зайти во дворъ и угостили рисомъ и теплыми саки. Прибывъ ко храму Сенгакудзи, гдѣ покоится прахъ Іенео, они обмыли свою кровавую добычу въ фонтанѣ, который и до нашихъ дней журчитъ на томъ же самомъ мѣстѣ и въ томъ же самомъ видѣ, ¹⁾ и затѣмъ слѣдующимъ образомъ совершили «обрядъ примиренія».

Юраносуко вынулъ изъ бокового кармана маленькую заупокойную скрижалю, на которой было начертано имя ихъ усопшаго господина, и поставилъ ее на столикъ, нарочно принесенный для этого на могилу Іенео; предъ скрижалю положилъ онъ обмытую голову князя Моронаго, затѣмъ взялъ еиміамницу, наполненную ароматнымъ куревомъ, обкурилъ ею со всѣхъ сторонъ могилу и поставилъ на столикъ рядомъ со скрижалю. Остальные *ронины*, окруживъ могилу, опустили на колѣни и все время пребывали въ благоговѣйномъ молчаніи. Исполнивъ обрядъ, Юраносуко положилъ предъ могилой три земные поклона и воскликнулъ растроганнымъ голосомъ:

— Духъ моего господина! Съ глубокимъ чувствомъ уваженія предстаютъ твой *самурайи* предъ тобою. Ты, господинъ, близокъ нынѣ къ тому, кто родился на свѣтъ изъ цвѣтка лотоса и достигъ славы и величія, превышающихъ, человѣческій разумъ (Будда). Дрожащею рукой кладу предъ скрижалю, на коей начертано твое незабвенное имя, голову твоего врага, отрубленную мною тѣмъ самымъ мечомъ, который въ часъ твоей кончины ты завѣщалъ вѣрному слугѣ своему. О, господинъ нашъ, обитающій нынѣ подъ сѣнью райскихъ деревьевъ и среди цвѣтущихъ лотосовъ! Воззри оттуда благосклонно на даръ, приносимый тебѣ твоими *самурайями*!

Всѣ присутствующіе поклонились въ землю и заплакали. Заплакалъ и мѣстный бонза,

¹⁾ При этомъ фонтанъ находится надпись гласящая объ этомъ обстоятельстве.

¹⁾ Обязанность помощника состояла въ томъ, чтобы перерубить осужденному шейные позвонки, если онъ не совсѣмъ вѣрно вонзаетъ себѣ кинжалъ въ утробу. Дѣлалось это изъ человѣколюбія, ради сокращенія предсмертныхъ мученій, и потому обязанность помощника, по личной просьбѣ осужденнаго дворянина, обыкновенно бралъ на себя одинъ изъ его родственниковъ или ближайшій другъ. Впрочемъ, каждый *самурай* еще съ дѣтства знаетъ, гдѣ находится мѣсто, куда надо вонзять остріе, чтобы получить смертельный ударъ и вслѣдъ затѣмъ почти немедленно испустить духъ. Когда осужденный приглашалъ „помощника“, онъ обыкновенно просилъ его „сдѣлать ему честь и оказать послѣднюю дружескую услугу“. Въ настоящее время *иаракири*, какъ актъ, замѣняющій для дворянина смертную казнь, уже отмѣненъ закономъ.

бывшій очевидцемъ этого торжественнаго обряда. Юраносуко заранее вручилъ ему всѣ находившіяся у него деньги *ронинновъ*, на расходы для будущаго ихъ погребенія, такъ какъ всѣмъ имъ предстояла теперь казнь и просилъ похоронить всѣхъ ихъ рядомъ, подлѣ могилы ихъ *даймио*. Послѣ этого, они расположились тутъ же на отдыхъ, спокойно ожидая своей участи.

Вскорѣ явились *якунины* со стражей и объявили *ронинамъ*, что арестуютъ ихъ по повелѣнію *сегуна*. *Ронины* съ подобающимъ уваженіемъ выслушали волю высокой власти и безпрекословно ей подчинились. Вскорѣ ихъ потребовали изъ тюрьмы на судъ въ *городжіо* (верховный совѣтъ), гдѣ и было имъ объявлено, что такъ какъ они преступили долгъ уваженія подобающаго столицѣ *сегуна* и его правительству, самовольно присвоивъ себѣ судъ и расправу надъ японскимъ гражданномъ, то и присуждаются за это къ смертной казни.

— Мы ѣли хлѣбъ Іенео, заявили они суду въ свое оправданіе: — и потому мы не могли поступить иначе. Конфуцзы говорятъ: «Ты не долженъ жить подъ однимъ небомъ или ходить по одной землѣ со врагомъ отца твоего или господина». Какимъ же образомъ могли бы мы читать этотъ стихъ не краснѣя. Мы вѣрные слуги и честные *самурайи*, мы поступили по долгу нашей совѣсти, и спокойно, съ благодарностью принимаемъ ваше осужденіе.

Тогда члены *городжіо* объявили имъ, что, принимая во вниманіе высокія побужденія ихъ поступка, а равно и сочувствіе къ нимъ общественнаго мнѣнія, единодушно одобряющаго ихъ вѣрность памяти своего господина, верховный совѣтъ именемъ *микадо* постановляетъ не лишать ихъ чести дворянскаго званія и потому разрѣшаетъ имъ вмѣсто публичной казни самимъ сдѣлать себѣ *гаракири*.

Ронины поклонились и съ почтительною благодарностью приняли этотъ даръ особой къ нимъ милости. Тогда раздѣлили ихъ на четыре отдѣленія и передали подъ надзоръ четырехъ *даймио*, которые препроводили ихъ къ себѣ въ дома, угостили какъ почетныхъ гостей и приказали слугамъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ предстоящей операци. Въ тотъ же день всѣ сорокъ шесть *ронинновъ*, въ присутствіи особо назначенныхъ чиновниковъ *сегуна*, съ мужественнымъ спокойствіемъ собственноручно исполнили надъ собою приговоръ *городжіо*. Тѣла ихъ были перенесены въ Сенгакуджи и похоронены съ честью, въ рядъ, подлѣ ими же воздвигнутой роскошной гробницы Іенео Такуми. Бокъ-обокъ съ господиномъ покоится Юраносуко, затѣмъ его сынъ Шикаро, и далѣе, по порядку, вдоль ограды, всѣ остальные. Надо всѣмъ ними

воздвигнуты изъ добротныхъ народныхъ пожертвованій одинаковые каменные памятники, которые съ тѣхъ поръ служатъ предметомъ народнаго почтенія. Нѣтъ того дня, чтобы въ ограду Сенгакуджи не являлись посѣтителы поклониться праху сорока семи мучениковъ и украсить ихъ могилы свѣжими цвѣтами и вѣтвями. Отцы приводятъ сюда сыновей поучиться примѣру безавѣтной преданности своему долгу. Преданіе говоритъ, что вслѣдъ за погребеніемъ *ронинновъ*, однимъ изъ первыхъ явился къ нимъ на поклоненіе человѣкъ изъ Сатсумы, оскорбившій нѣкогда Юраносуко, когда тотъ притворялся пьянымъ въ канавѣ. Опустился на колѣни предъ его могилой, онъ заявилъ всѣмъ присутствующимъ, что пришелъ дать почетное удовлетвореніе мученику и искупить свою вину за нанесенное ему оскорбленіе. Съ этими словами, человѣкъ изъ Сатсумы вынулъ ножъ и вспоролъ себѣ утробу. Его похоронили тутъ же, съ *ронинами* могила его послѣдняя съ краю. Въ храмѣ Сенгакуджи и до сихъ поръ сохраняются одежды и оружіе сорока шести *ронинновъ*, а равно и найденныя на груди каждаго изъ нихъ записки, гдѣ они излагаютъ причины и нравственныя побужденія своего поступка. Тамъ же, вкругъ алтаря стоятъ прекрасно вырѣзанныя изъ дерева и раскрашенныя статуи Іенео и всѣхъ его *ронинновъ*, представленныхъ во всеоружіи въ моментъ битвы. Общественное мнѣніе и до сихъ поръ одобряетъ поступокъ «сорока семи», приводя его каждый разъ, когда нужно указать на героическій примѣръ вѣрности своему долгу. Баронъ Гюбнеръ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, между прочимъ, что въ 1868 году одинъ молодой японецъ, помолившись на могилѣ Шикаро, сына Юраносуко, тутъ же вспоролъ себѣ брюхо. Рана однакоже оказалась несмертельною и потому онъ окончилъ себя, перерѣзавъ горло. Записка найденная при немъ, гласила что онъ, *ронинъ*, желалъ поступить въ число *самурайевъ* князя Хоізу, но просьбу его отвергли, а такъ какъ онъ не хотѣлъ служить никому другому, то и пришелъ въ Сенгакуджи умереть близъ могилы храбрыхъ. «Какимъ же образомъ», заключаетъ свой рассказъ приводимый авторъ, «послѣ такихъ неоспоримыхъ фактовъ хотѣтъ насъ увѣрить, что историческій государственный строй, сложившійся въ теченіе столѣтій, могъ разрушиться ни съ того, ни сего, такъ внезапно, что чувства и понятія, служившія ему основаніемъ, исчезли вдругъ сами собой и что съ помощью указовъ на рисовой бумагѣ он а *changé tout cela* какъ говоритъ Молевровскій докторъ?»

5-го января.

Сегодня вечеромъ мы посѣтили Йошивару, знаменитый кварталъ куртизанокъ, о которомъ и упоминалъ уже раньше. Наблюдая Японію,

было любопытно взглянуть, между прочимъ, и на эту отрицательную сторону ея социальной жизни, поставленную здѣсь въ совершенно особые условия. Йошивара, это въ нѣкоторомъ родѣ тоокійскія трущобы. Лежитъ она къ сѣверо-западу отъ храмовъ Асаксы, среди довольно пустынной мѣстности, почти за городомъ. Миновавъ Асаксу и Сибайю и оставивъ позади себя населенныя улицы, мы ѣхали по низменной, болотистой равнинѣ совершенно сельского характера и вскорѣ поднялись на высокую земляную дамбу, длиной около двухъ верстъ, проложенную напрямикъ черезъ болото, въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ. Эта мѣстность, равно какъ и самая дамба, называется Ниппонъ-Цудуми. Съ правой стороны, вдоль края дамбы, тянется внизу каналъ, съ которымъ въ одномъ мѣстѣ сливается небольшое озеро, обсаженное ветлами и поросшее мѣстами камышомъ; далѣе, рисовыя поля и кое-гдѣ вдали рѣдкіе огоньки въ какихъ-то жилищахъ. Не знаю какъ днемъ, а вечеромъ вся эта мѣстность производитъ довольно унылое впечатлѣніе. Тутъ, говорятъ, по близости гдѣ-то на обширной низменности, находится, эшафотъ на которомъ совершаются публичныя казни; такихъ эшафотовъ въ городѣ два: одинъ для южныхъ, другой для сѣверныхъ кварталовъ. Дамба, по которой мы ѣхали довольно широка; мѣстами на ней падаются съ боковъ наскоро сбитые, животрепещущіе балаганчики изъ тростниковыхъ матъ и рогожекъ, гдѣ помѣщаются самыя непрятельныя чайныя, распивочныя и идетъ какая-то мелочная торговля, преимущественно табакомъ, закусками и дешевыми лакомствами. Прѣхавъ съ версту по дамбѣ, мы увидали вдругъ на ней съ лѣваго бока высокія ворота подъ широкимъ кровельнымъ навѣсомъ, освѣщенные двумя фонарями. По бокамъ ихъ были наклеены какія-то большія афиши и полицейскія объявленія. *Дженерикши* повернули въ эти ворота и сѣхали по крутому спуску въ довольно грязную улицу, обстроенную съ обѣихъ сторонъ бѣдными лавчонками и убогими домишками, гдѣ живетъ разный чернорабочій и сомнительный людъ. Здѣсь, предъ освѣщенными харчевнями и кабаками, стояло множество *дженерикшей* и нѣсколько закрытыхъ паланкиновъ съ ихъ носильщиками. Эти последние, вмѣстѣ съ *курама*, въ ожиданіи своихъ сѣдочковъ, сидѣли на корточкахъ или дремали развалившись на ступенькахъ и галлерейкахъ харчевенъ, курили и грѣлись надъ жаровнями, играли въ кости и въ *мурру*¹⁾ и

вообще представляли собою очень разнообразныя, говорливо оживленныя группы. Присутствіе паланкиновъ объясняется тѣмъ, что ни одинъ сколько-нибудь уважающій себя человѣкъ не только изъ «порядочнаго», но и просто буржуазнаго общества не является въ Йошивару иначе какъ подъ самымъ строгимъ инкогнито; многіе, кромѣ закрытыхъ носилокъ, прибѣгаютъ еще къ перемѣнѣ костюма, окутыванію лица и даже къ помощи гримировочныхъ средствъ, въ родѣ накладныхъ усовъ, носовъ, бородъ и т. п. Говорятъ даже, что еслибы чиновникъ, состоящій на государственной службѣ, позволялъ себѣ открыто появиться въ домахъ Йошивары, то былъ бы уволенъ въ отставку на другой же день безо всякихъ разговоровъ,—такъ строго относится правительство къ нарушителямъ условій своего служебно-официальнаго положенія и общественной нравственности, и это не только теперь, но и всегда такъ было.

Вскорѣ, миновавъ улицу жалкихъ домишекъ, мы переѣхали по деревянному мосту черезъ каналъ, окружающій Йошивару съ наружной стороны и очутились прямо передъ ея воротами.

Весь кварталъ представляетъ собою правильный четырехъ-угольникъ почти квадратъ, двѣ стороны коего имѣютъ по 180 и двѣ по 170 сажень длины. Онъ силномъ обнесенъ высокою стѣной, какъ бы совершенно отдѣльный городъ съ однимъ только воротами на сѣверо-восточномъ фронтѣ, которыя служатъ единственнымъ путемъ для входа и выхода. Со внутренней стороны ограды непосредственно къ воротамъ примыкаютъ, другъ противъ друга, двѣ караулки, гдѣ помѣщаются чины полицейскаго надзора, такъ что помимо непосредственнаго ихъ наблюденія никто не можетъ проскользнуть ни сюда, ни отсюда. Эти чины командированы въ Йошивару на постоянную службу, и между ними есть нѣсколько очень ловкихъ сыщиковъ, такъ что, вслѣдствіе ихъ безсмѣнности, имъ очень хорошо знакомы въ лицо всѣ болѣе или менѣе обычные посетители квартала, служащаго какъ бы главнымъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ дурныхъ элементовъ громаднаго города.

Чуть только мы миновали ворота, какъ двое полицейскихъ съ короткими толстыми жезлами въ рукахъ приказали нашимъ *курама* остановиться и подошли къ нимъ для объясненій. Надо сказать, что Йошивара для европейцевъ почти закрыта, и на это есть двоякія причины. Во-первыхъ, японское правительство не желаетъ выставять на показъ предъ чужими

¹⁾ Игра пальцами, которая состоитъ въ томъ, что одинъ быстро выкидываетъ по произволу, одинъ, два, три и болѣе пальцевъ, сочетая ихъ между собою различными образомъ, а другой долженъ тотчасъ же отвѣчать ему тѣми же пальцами и тѣмъ же количествомъ ихъ. Малѣйшій

промахъ считается за проигрышъ, и проигравшій обязанъ ставить противнику чашечку саки. Игра требуетъ большой сметки, проворства и гибкости пальцевъ.

своих-то прячетъ ихъ за глухими высокими стѣнами; а во-вторыхъ, трудно было бы отвѣчать за личную безопасность иностранцевъ въ этихъ вертепахъ, среди подгулявшаго и далеко не дружелюбнаго къ нимъ сброда.

Наши *курама* и находившійся при насъ переводчикъ объяснили полицейскимъ, что мы въ нѣкоторомъ родѣ «знатные путешественники» изъ русскаго посольства, которые явились сюда вовсе не кутить, а только взглянуть, и просили не дѣлать намъ въ этомъ препятствій. Перемолвивъ между собою, полицейскіе любезно согласились на пропускъ, но предложили намъ оставить *дженерикши* за воротами и идти тѣшкомъ. Мы, конечно, безпрекословно согласились на это, и тогда одинъ изъ нихъ отправился вмѣстѣ съ нами, слѣдуя въ нѣсколькихъ шагахъ позади, для охраны и наблюденія.

Прямо предъ нами, начиная отъ воротъ, тянулась широкая иноссированная улица, вдоль которой былъ устроенъ посрединѣ бульваръ съ деревьями и цвѣтниками. На половинѣ своего протяженія она пересѣкалась другою такою-же точно бульварною улицей. Въ пунктѣ ихъ пересѣченія находится центръ Іошивары. Здѣсь одинъ изъ домовъ принадлежитъ казнѣ, и въ немъ помѣщается со своею канцеляріей, такъ называемый «начальникъ *инкиро*», на обязанности коего, сверхъ наблюденія за чистотой, порядкомъ и благочиніемъ квартала лежатъ еще веденіе регистровыхъ списковъ всѣхъ обитательницъ Іошивары, нотаріальное свидѣтельство заключаемыхъ ими договоровъ съ ихъ антрепренерами, санитарный надзоръ при помощи особо назначенныхъ врачей и судебно-административное разбирательство всѣхъ возникающихъ въ предѣлахъ квартала исторій, жалобъ и претензій. Весь кварталъ разбивается четырьмя продольными и тремя поперечными прямыми улицами на совершенно правильные участки. Но насколько центральныя улицы широки и опрятны, настолько же крайнія, ближайшія къ наружной стѣнѣ, узки, мрачны и представляютъ чисто трущобные проходы съ темными и грязными конурами и чуланчиками вмѣсто жилищъ, гдѣ гнѣздятся послѣднія отрѣбья проституціи.

Въ Іошиварѣ, какъ въ одномъ фокусѣ, сгруппированы всѣ степени паденія «жертвъ общественнаго темперамента», отъ отрѣбьевъ до самыхъ блестящихъ шикарныхъ куртизанокъ, которыя помѣщаются на лучшихъ мѣстахъ и въ лучшихъ домахъ іошиварскаго центра. Эти послѣднія получаютъ отъ своихъ антреметтеровъ цѣлыя отдѣльныя квартиры, имѣютъ свой особый штатъ прислуги, поваровъ, падавкинщиковъ и роскошные салоны, уставленные цвѣтами и освѣщенные *a giorno*, гдѣ онѣ принимаютъ своихъ поклонниковъ и нерѣдко задаютъ имъ блестящія празднества. *Ганкиро*

средней руки всѣ безъ исключенія снабжены стеклянными или просто рѣшетчатыми павильонами, за которыми, какъ птицы въ клѣткѣ, сидятъ полукругомъ на выставкѣ ярко разряженные дѣвушки. Это совершенно то же что мы видѣли уже въ Канагавѣ, и такихъ здѣсь огромное большинство.

Всѣ улицы, сверхъ обыкновеннаго городского освѣщенія, были еще иллюминированы рядами шарообразныхъ красныхъ и продлинноватыхъ бѣлыхъ четырехугольных фонарей, съ номеромъ и особымъ «гербомъ» или девизомъ дома, обязательно выставляемыхъ надъ каждою входною дверью. Въ самомъ концѣ улицы высится пожарная каланча, около которой прислонилась къ стѣнѣ буддійская часовня. По случаю праздничнаго времени, на улицахъ снова множество всякаго народа, между которыми мы замѣтили не мало «инкогнито», закутанныхъ креповыми шарфами, изъ-подъ которыхъ видѣлись только глаза. У центральнаго перекрестка прогуливались вдоль аллеи нѣкоторыя изъ перворазрядныхъ куртизанокъ въ богатыхъ зимнихъ киримонахъ (на ватѣ), со множествомъ черепаховыхъ шпилекъ въ волосахъ, торчавшихъ во всѣ стороны въ родѣ ореола. Каждая гуляла въ сопровожденіи одной или двухъ своихъ прислужницъ, обязанность которыхъ нести фонарь, иногда собачку или какія-либо туалетныя вещи ихъ госпожи. Встрѣчаясь одна съ другой, эти дамы не безъ граціи отдавали другъ дружкѣ церемонный поклонъ, словно настоящія *grandes dames* японскаго общества, и иногда останавливались на минуту перекинуться нѣсколькими любезными словами. Прохожіе мужчины вѣжливо сторонились передъ ними, уступая дорогу или обходя ихъ группы, и замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ не позволилъ себѣ на ихъ счетъ никакой рѣзкой или фривольной выходки, точно это и въ самомъ дѣлѣ были вполнѣ порядочныя женщины. Выходить, что даже и въ подобномъ мѣстѣ японская «улица» куда приличнѣе и благовоспитаннѣе европейской! А между тѣмъ не думайте, чтобъ общественная нравственность относилась къ женщинамъ этого разряда поощрительно или даже индифферентно. Путешественники, утверждающіе противное, положительно ошибаются или судятъ слишкомъ поверхностно. У Эме Эмбера, который въ этомъ отношеніи тоже далеко не непогрѣнимъ, приведена между прочимъ одна народная пѣсня, гдѣ для куртизанки нѣтъ другихъ словъ кромѣ проклятій. Вотъ что поется въ ней про куртизанку, которой ея возлюбленный изъ мести отсѣкъ голову:

«Вотъ она, распростертая на землѣ, безъ головы, эта безсердечная женщина, которая любила всѣхъ и никого не любила!

«Она привыкла играть людьми какъ фаль-

шивый игрокъ, умѣющій бросая кости повернуть ихъ въ свою пользу.

«Не ея слѣдуетъ жалѣть,—надо плакать о ея многочисленныхъ жертвахъ.

«Женщина, которая подрѣзала ноги ¹⁾ столькимъ мужчинамъ во цвѣтъ лѣтъ, не заслуживаетъ доли лучше той, что предназначена убійцамъ изъ-за угла».

Я говорилъ уже раньше объ обычаяхъ, въ силу котораго женщина, рѣшающаяся поступить въ *янкиро*, обязана съѣсть предъ *коге* (мѣстный старшина (горсть рису съ ложки, что считается въ высшей степени позорнымъ и служить символомъ ея разрыва на вѣки со всѣмъ честнымъ міромъ. Поэтому всѣ рассказы о томъ, будто многія буржуазныя семейства отдаютъ своихъ дочерей еще въ дѣтскомъ возрастѣ на воспитаніе въ *янкиро*—не что иное какъ самый вздорный вымыселъ. Мы по крайней мѣрѣ не видали здѣсь ни одной малолѣтней дѣвочки, да и не слыхали ни о чемъ подобномъ отъ людей, болѣе насъ знающихъ японскую жизнь. Точно также круглый вздоръ и то, будто многіе порядочные люди ищутъ себѣ женъ между Іошиварками. Если и случаются такіе факты, то это не болѣе какъ исключеніе, возможное въ Японіи столько же, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ. Напротивъ, люди, знающіе японскую жизнь, положительно удостоверяютъ насъ, что здѣсь ремесло куртизанки презирается гораздо болѣе, чѣмъ въ Европѣ. Доказательство тому — эта самая Іошивара: правительство еще съ древнихъ временъ нашло благопотребнымъ совершенно выдѣлить проституцію изъ круга общегородской жизни и замкнуть ее, какъ въ тюрьму, въ особый кварталъ, да еще окружить ее тамъ высокимъ стѣнами и самымъ бдительнымъ надзоромъ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Востока изолируютъ прокаженныхъ. Іошиварка до недавняго еще времени не смѣла даже появиться за чертой своего квартала иначе, какъ въ совершенно закрытомъ паланкинѣ. Теперь, подъ давленіемъ европейской «цивилизаци», начинаютъ уже смотрѣть на это нѣсколько легче, но все-таки нравственное и общественное положеніе Іошиварки таково, что многія изъ нихъ, подъ гнетомъ сознанія своей безысходной отверженности, кончаютъ самоубійствомъ.

6-го января.

Выдался нынче день, чрезвычайно обильный разнообразными впечатлѣніями. Утромъ—обѣдня въ посольской церкви, съ водосвятиемъ. Послѣзавтрака—визиты германскому и австрійскому посланникамъ. Помѣщенія того и другого прекрасны, но домъ нашего посольства

все же лучше и представительнѣе всѣхъ, кромѣ развѣ китайскаго, который щеголяетъ своеобразною архитектурой и роскошью, напоминающею богатые буддійскіе храмы. Но у китайцевъ *свои*, а у насъ устроено хорошо и комфортабельно по-европейски, съ присоединеніемъ такихъ чисто русскихъ удобствъ, какъ печи и двойныя рамы, что въ зимнее время и здѣсь является далеко не лишнимъ. Архитектурная же внѣшность и мѣстоположеніе нашего посольства лучше всѣхъ остальныхъ.

Окончивъ визиты, пошелъ я съ В. Н. Бухаринымъ прогуляться. Мы обогнули посольскій кварталъ съ западной стороны, держа направленіе къ югу, на вершины темныхъ рощъ, покрывающихъ холмы Сибя и, перейдя мостъ на Канда-гавѣ, очутились въ округѣ Мицу, гдѣ участокъ Мегуро отдѣляется отъ участка Атакоста. Тихія улочки, рѣдкіе прохожіе, рѣдкія лавочки и то больше все съѣстные или зеленныя. На берегу проточной канавки заголившіеся ребятишки спускаютъ кораблики; въ другомъ мѣстѣ налаживаютъ ими же смастеренную вѣтрянку; далѣе, задравъ вверхъ холматые головы, слѣдятъ за полетомъ бумажнаго змѣя. Вообще на улицахъ попадаются преимущественно дѣти. Изрѣдка раздаются изъ какого-нибудь домика звуки *самсина* и голосокъ молодой пѣвицы. Сравнительно съ другими частями города, жизни тутъ очень мало. Тишина въ воздухѣ, тишина на землѣ,—деревней и весною пахнетъ; пѣтухи поютъ... Дорога спускается подъ гору, въ лоцинку между двумя возвышенностями. Въ садикахъ по обѣимъ сторонамъ ея много деревьевъ, не теряющихъ листа, несмотря на январь мѣсяцъ. Склоны и вершины холмовъ тоже покрыты облиственными деревьями и кустарниками,—совсѣмъ будто и не зима.

Замѣчаемъ впереди высокое гранитное торіе съ парой каменныхъ канделябръ по бокамъ его на мощной плитѣ площадкѣ, отъ которой двѣ расходящіяся лѣстницы ведутъ широкими гранитными ступенями на вершину лѣсистаго холма, обнимая съ двухъ противоположныхъ сторонъ его склоны. На этихъ лѣстницахъ вѣчная тѣнь благодаря простирающимся надъ ними широкимъ и густымъ вѣтвямъ высокихъ старорослыхъ деревьевъ. Какъ должно быть хорошо тутъ весною!..

Легко взобравшись наверхъ по одной изъ этихъ отлогихъ лѣстницъ во сто ступеней, мы очутились передъ старымъ храмомъ. Онъ не богатъ, но что за мастера японцы выбирать мѣста для своихъ святилищъ! И какъ сильно сказывается въ этихъ случаяхъ прирожденное имъ чувство изыскаго!..

Храмъ окруженъ великолѣпною рощей вѣковыхъ криптомерій и разныхъ другихъ деревьевъ, среди которыхъ таинственно выглядываетъ его рѣзной фронтонъ. Здѣсь иску-

¹⁾ То-есть погубила общественную и домашнюю жизнь.

ство и природа взаимно пополняютъ другъ друга, представляя своимъ сочетаніемъ прелестнѣйшую декоративную группу. Вокругъ полная тишина и безлюдье, — ни души живой, словно храмъ этотъ покинутъ и забытъ. Даже не вѣрится какъ-то, чтобы среди столь обширнаго, многолюднаго города могло вдругъ выдаться такое уединенное, поэтически заглохшее мѣсто. Выйдя изъ роши мы очутились въ виду скромнаго чайнаго домика на большой расчищенной площадкѣ, по обрывистому краю которой тянулись на деревянныхъ подпоркахъ двѣ галлерей съ перилами, открытыя спереди и унизанныя вдоль по карнизу рядами пунцовыхъ фонариковъ. Надъ одной изъ нихъ торчала деревянная вышка съ платформой и флаштоккомъ. Съ этого пункта открывается превосходный видъ на значительную часть города, въ особенности на его южные кварталы и на широкое взморье; но такъ какъ въ общемъ характерѣ своемъ эта обширная картина вполне напоминаетъ ту, которую нѣсколько дней назадъ я любовался съ балкона русской духовной миссіи, то описывать ее нѣтъ надобности. Сойдя внизъ, мы узнали, что этотъ холмъ называется *Атага-яма*.

Отсюда повернули мы въ обратный путь къ Тора-Номону, то-есть тигринымъ воротамъ, у моста того имени на Кандагавѣ, въ сосѣдствѣ съ коими находится русское посольство. Путь лежалъ по улицѣ Кубоціо, гдѣ въ одномъ мѣстѣ явился намъ совершенно неожиданный сюрпризъ въ видѣ вывѣски съ русскою надписью, составленною, можно сказать, руске русскаго. Она находилась надъ входомъ въ какую-то скромную японскую пирюльню и, рядомъ съ мѣстными литерными знаками, гласила по-русски: *«Брилья»*. Поѣзжайте отъ Архангельска до Баку или отъ Калина до Владивостока, и можно хоть какое угодно пари поддержать, что на всемъ великомъ пространствѣ Россійской Имперіи вы не увидите на брадобрѣйныхъ заведеніяхъ иного названія какъ «пирюльня» или «парикмахерская», въ губернскихъ же городахъ встрѣтите и «куафера изъ Парижа», а тутъ вдругъ *брилья*! Совершенно русское слово, какъ нельзя болѣе въ духъ нашего языка придуманное, странно сказать, японцемъ. Это первая русская вывѣска, какую мы встрѣтили въ Токио; въ Йокогамѣ есть ихъ нѣсколько.

На той же улицѣ Кубоціо наткнулись мы на представленіе пляски корейскаго льва, такъ называемаго *команину*, изображеніе коего въ видѣ бронзовыхъ или каменныхъ статуй нѣрѣдко приходится встрѣчать во дворахъ нѣкоторыхъ храмовъ. Подобно тому какъ смѣются здѣсь надъ Кицне, лисичкою святаго Инари, такъ, очевидно, потѣшаются и надъ корейскимъ *команину*, что не мѣшаетъ однако же суевѣрному почитанію обоихъ этихъ сям-

воловъ, въ память того, что нѣкогда, въ своемъ натуральномъ видѣ, тотъ и другой служили вывѣстичнымъ или земною оболочкой двумъ служебнымъ (то-есть низшаго порядка) духамъ. Вокругъ двухъ комедіантовъ собралась большая толпа, въ которой преобладали женщины и дѣти. Одинъ игралъ на барабанѣ, другой изображалъ льва. На этомъ послѣднемъ былъ надѣтъ на застѣжкахъ желтый мѣшокъ съ четырьмя рукавами, для рукъ и ногъ, испещренный поперечными черными полосами, въ видѣ тигровой шкуры; сзади торчалъ хвостъ, увѣнчанный пучкомъ волосъ изъ пакли, которымъ комедіантъ могъ вертѣть во всѣ стороны, а спереди была придѣлана къ мѣшку фантастическая львиная голова съ длинною и пышною гривой изъ пакли же и разноцвѣтныхъ бумажныхъ лентъ, завитыхъ въ букольки. Эта маска изъ пальце-маше обладала такимъ устройствомъ, что комедіантъ, съ помощью скрытыхъ шнурковъ, протянутыхъ къ пальцамъ, могъ по произволу вращать ея глазами, раскрывать пасть, вертѣть языкомъ и щелкать зубами. Кромѣ того, становясь съ четверенекъ на ноги, онъ могъ на цѣлый аршинъ вытягивать вверхъ морщинистую бумажную шею, устроенную на спиральной пружинѣ, и тогда предъ толпой являлось чудовище-великанъ, отъ котораго съ визгомъ и смѣхомъ разсыпались въ стороны юные зрители. Физиономія у льва, что называется, «страшенная», но въ то же время и пресмѣшная. Онъ зычно рычитъ и гогочетъ съ помощью какого-то духового инструмента, который комедіантъ держитъ во рту, должно-быть въ родѣ того, какъ дѣлаютъ наши «петрушки». Подъ непрерывные звуки барабана, сопровождаемые какимъ-то речитативнымъ напѣвомъ барабанщика, левъ начинаетъ сначала спокойно прохаживаться на четверенькахъ, помахивая время отъ времени хвостомъ и ударяя имъ себя по бедрамъ. По временамъ онъ останавливается и озираетъ собравшуюся публику. Пользуясь этою минутой, кто-нибудь изъ мальчишекъ непременно подкрадется сзади и дернетъ его за хвостъ. Левъ быстрымъ прыжкомъ оборачивается назадъ, и вся стоящая тамъ гурьба съ испугомъ отшатывается отъ него въ сторону. Онъ подымаетъ переднюю лапу и преуморительно грозитъ ей пальцемъ, толпа встрѣчаетъ этотъ комическій жестъ взрывомъ веселаго смѣха. Но иногда онъ отвѣчаетъ ей и своеобразнымъ презрѣніемъ, не оборачиваясь, а только подымая по-собачьи заднюю ногу, и тутъ опять неудержимый хохотъ. Послѣ этихъ предварительныхъ штукъ, левъ становится съ ремомъ на заднія лапы и начинаетъ подплясывать, переминаясь съ ноги на ногу и выкидывая порой разныя колѣнца до тренака включительно; иная его то вытягивается, то сокращается, голова вертится и

качается со стороны на сторону, пощелкивая из тактъ зубами; хвостъ тоже не остается въ бездѣйствіи: то вдругъ подымется онъ къ верху торчкомъ какъ палка, то подожмется какъ у прибитой собаки, то начнетъ вилять по-собачьи, выражая чувство удовольствія и признательности, когда кто-нибудь изъ публики кинетъ къ ногамъ фигляра мелкую монету. Между тѣмъ мальчишки задирчиво, хотя и съ опаской, порываютъ дернуть его за хвостъ или ущипнуть за ногу. Левъ съ яростью кидается на нихъ и преслѣдуетъ отхлынувшихъ надуновъ неуклюжими прыжками, брыкаясь порой по ослиному противъ тѣхъ, которые теребятъ его сзади. Надъ толпой стоитъ веселый гамъ, и смѣхъ, и визгъ ребячьяго испуга. Но вотъ, въ самый патетическій моментъ, когда настигнувъ преслѣдуемыхъ, левъ уже готовъ схватить одного изъ нихъ, онъ неожиданно вдругъ останавливается, озабоченно принимаетъ полудлежащую позу и съ аппетитомъ начинаетъ зубами у себя искать блохъ и чесать заднею лапой за ухомъ; глупая морда его въ это время закатываетъ глаза и выражаетъ верхъ сибаритскаго наслажденія. И надо отдать справедливость фигляру, — всѣ эти его движенія и ухватки очень вѣрно подражаютъ натурѣ то собаки, то кошки, и преисполнены большого, хотя и грубаго комизма. Въ заключеніе, усѣвшись по-собачьи, левъ вытаскиваетъ изъ рукава вѣеръ и пресерьезно начинаетъ обмахиваться вкругъ морды и сзади, около хвоста, а затѣмъ обходитъ съ нимъ публику, какъ нѣмецкія артистки съ «тарелочкой», и благодаритъ за каждую подачу характернымъ японскимъ поклономъ, къ которому непременно присоединяется радостное виляніе хвостомъ. Пляска корейскаго льва составляетъ одно изъ любимѣйшихъ уличныхъ зрѣлищъ и развлеченій японскаго простонародья, и пользуется широкою популярностью на всѣхъ островахъ Великаго Ниппона.

Вдосталь наглядѣвшисъ на это оригинальное представленіе, мы отправились далѣе по своему пути и, уже подходя къ дому русскаго посольства, увидѣли, что на сосѣдній военный плацъ выведены для ученія три батальона пѣхоты. В. Н. Бухаринъ предложилъ было отправиться на плацъ, но я, чувствуя нѣкоторую усталость, отказался и, придя домой, принялся проглядывать вновь полученные русскія газеты, какъ вдругъ слышу сильный отрывистый громъ, который въ первое мгновеніе заставилъ меня подумать — ужъ не взрывъ ли это случился на пороховомъ заводѣ или въ арсеналѣ. Я поднялся съ дивана, чтобы посмотреть въ окно не увижу ли гдѣ грибообразный столбъ дыма (характернѣйшій признакъ пороховаго взрыва), какъ въ это самое мгновеніе раздался второй точно такой же громкій и отрывистый звукъ. Окно одной изъ моихъ ком-

натъ выходило въ сторону военного плаца, такъ, что мнѣ всегда прекрасно было видно все, что тамъ происходитъ. Вижу — по плацу стелется дымъ и думаю себѣ, вѣрно японцы дѣлаютъ артиллерійское ученіе. Но когда дымъ отнесло вѣтромъ, то къ удивленію прежде мною открылись не полевые орудія, а развернутый фронтъ двухъ батальоновъ; третій стоялъ въ двухъзводной колоннѣ, въ резервѣ. То что такъ обмануло мой слухъ, была пальба залпами цѣлымъ батальономъ. Потомъ пошли залпы плутонами и опять батальономъ, которыми оставалось только восхищаться. Я не выдержалъ и побѣжалъ на плацъ, гдѣ ученіе все еще продолжалось. Съ особеннымъ удовольствіемъ и не безъ нѣкотораго чувства зависти долженъ сказать, что мнѣ очень и очень рѣдко доводилось видѣть и слышать такіе — позволю себѣ выразиться — *идеальны* залпы, идеальныя по ихъ чистотѣ и моментальности. Залпъ вообще, даже въ наилучше обученныхъ войскахъ, рѣдко бываетъ моменталенъ, а всегда раздается съ нѣкоторою оттяжкой, въ родѣ короткой барабанной дробі; здѣсь же былъ выпущенъ цѣлый рядъ залповъ и каждый изъ нихъ былъ исполнѣнъ, безусловно моменталенъ, какъ произнесенное слово *разъ!* или звукъ единичнаго выстрѣла. Что это не случайность, доказывается цѣлымъ рядомъ повторительныхъ залповъ, изъ которыхъ ни одинъ ни на йоту не былъ хуже другого. Оставалось, повторяю, только безусловно восхищаться вниманіемъ, сноровкой и выучкой людей этихъ двухъ батальоновъ⁴⁾.

Послѣ залповъ послѣдовало нѣсколько перестроеній и движеній, соединенныхъ съ перемѣной фронта направо. Исполняя построеніе, батальоны открыли всѣмъ фронтомъ бѣглый огонь, а потомъ сдѣлали захожденіе повзводно

⁴⁾ Вообще, вниманіе къ командѣ у японцевъ изумительное, свидѣтелемъ чего 4 іюня 1881 года былъ самъ С. С. Лесовскій и всѣ лица его штаба въ батареѣ Морского училища, когда воспитанники исполняли въ ихъ присутствіи полное артиллерійское ученіе съ боевыми снарядами. При этомъ случаѣ, между прочимъ, тоже происходила стрѣльба залпами изъ восьми громадныхъ Армстронговыхъ орудій въ цѣль, которую служила оснащенная лодка, укрѣпленная на якорахъ, въ разстояніи около двухъ морскихъ миль (3½ версты) отъ батареи. Всего было сдѣлано восемь залповъ, изъ коихъ пять холостыми залпами и три послѣдніе разрывными гранатами. Всѣ эти залпы точно также были безусловно моментальны, такъ что эта ихъ особенность была тутъ же замѣчена и оцѣнена по достоинству С. С. Лесовскимъ. „Это идеально хорошо!“ было первое его слово, съ которымъ онъ обратился къ окружавшимъ его лицамъ, послѣ послѣдняго залпа, разнесшаго въ щепы мишенную лодку: — „лучше этого ни требовать, ни желать невозможно“. Дѣйствительно, предъ такою образцовою выработкой вниманія и сноровки военному человѣку остается только преклониться и, пожалуй, позавидовать...

въ обратную сторону и перестроились въ ротныя каре, въ шахматномъ порядкѣ, послѣ чего опять открыли бѣглый огонь изъ каре, со всѣхъ фасовъ. При стрѣльбѣ развернутымъ фронтомъ, какъ залпами, такъ и бѣглымъ огнемъ, люди передней шеренги становились на одно колено; изъ каре-же обѣ шеренги стрѣляли стоя. Но бѣглый огонь былъ уже далеко не такъ блестяще хорошъ, какъ залпы. Къ новому удивленію моему, онъ оказался чересчуръ уже рѣдокъ, медлительнѣе и какъ-то вялъ, даже безъ малѣйшаго намека на ту энергію къ которой привыкло русское военное ухо, и по характеру промежутковъ между выстрѣлами скорѣе напоминалъ нерѣшительный огонь цѣпи въ только-что завязывающемся дѣлѣ или заурядную аванпостную перестрѣлку. Впрочемъ, эта медлительность, какъ узналъ я потомъ, имѣетъ свою причину: здѣсь требуется, чтобы при бѣгломъ огнѣ каждый солдатъ непремѣнно цѣлился по опредѣленному предмету. Нѣтъ худа безъ добра, значить. Но, во всякомъ случаѣ, думаю, что при подобномъ бѣгломъ огнѣ, да еще изъ каре, стало-быть противъ кавалеріи, когда именно залпы-то и требуются, хорошая кавалерія всегда до такого каре доскачетъ.

Ученіе продолжалось менѣе часа. Японскіе начальники, надо отдать имъ справедливость, не утомляютъ излишне людей чрезмѣрною продолжительностью учений и никогда не заставляютъ фронтъ долго ожидать себя предъ началомъ оныхъ. Но за то, съ другой стороны, они никогда и не одобряютъ людей за хорошее ученіе, никогда не благодарятъ ихъ. Это здѣсь не въ обычаѣ, и мнѣ кажется, совершенно напрасно, потому что японцы вообще, насколько я замѣтилъ, очень самолюбивы и чувствительны къ открыто выраженной имъ похвалѣ, которая всегда подстрекаетъ ихъ къ новымъ усиліямъ и усердію. Стоять лишь пройти по выставкѣ базара *Кванкуба*, гдѣ сгруппированы удостоенные премій и почетныхъ отзывовъ предметы художественнаго, мануфактурнаго и кустарнаго производствъ, чтобы воочию убѣдиться въ этомъ; но еще нагляднѣе сказывается оно на рабочихъ и *курамахъ*: при похвалѣ, замѣтивъ, что трудъ его оцененъ, японецъ старается еще болѣе отличиться.

По заранѣе полученнымъ официальнымъ приглашеніямъ, мы отправились въ десятомъ часу вечера на большой раутъ, который давалъ губернаторъ города Тоокіо, г. Матсуда, во дворцѣ Энріо-Кванъ.

Видѣть въ полномъ сборѣ все высшее японское и мѣстное европейское общество съ ихъ дамами было очень интересно. Число всѣхъ приглашенныхъ простиралось до полуторы тысячъ. Узорчатые массивные ворота, ведущія

въ обширный дворъ Энріо-Квана, равно какъ и самый этотъ дворъ, украшенный газонами и цвѣтниками, были ярко иллюминированы. Ряды разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей-баллоновъ образовали вдоль и поперекъ двора большія аллеи и украсили собою какую-то пирамидальную бесѣдку нѣсколько въ сторонѣ отъ главнаго проѣзда. Масса экипажей и *оженерикшей* наполняла дворъ вмѣстѣ съ толпами любопытнаго народа. На главномъ подъѣздѣ встрѣчала гостей толпа домашнихъ слугъ въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, а старшій изъ нихъ раздавалъ программы домашняго спектакля, напечатанныя по-английски на прекрасной бумагѣ. Оставивъ свое верхнее платье въ коляскѣ, такъ какъ никакихъ иныхъ приспособленій для него здѣсь не имѣлось, мы направились налѣво, вдоль по открытой верандѣ, и не безъ замедленій прошли въ толпѣ гостей широкій коридоръ, наполненный рядами франныхъ слугъ и цвѣтущими растеніями, испытывая при этомъ лихорадочный ознобъ отъ проникающей насквозь ночной морозящей сырости и сквозного вѣтра. Декорированныя дамы дрожали и ежились отъ холода, не имѣя чѣмъ прикрыть свой шен и плечи, такъ какъ всѣ эти ихъ *sorties de bal* и наряды по необходимости пришлось оставить въ экипажахъ. Но слава Богу, наконецъ-то добрались мы до пріемной комнаты краснаго цвѣта, наполненной по угламъ экзотическими растеніями и ярко освѣщенной хрустальными бра и лампами. Въ переднемъ углу ея былъ устроенъ родъ алтаря, на которомъ между цвѣтами и вазами стояли двѣ статуи какихъ-то божковъ, а предъ ними, на листьяхъ папоротника помѣщались золотистые *миканы*, красный омаръ, буддійская просфора, священныя бумажныя *дзинди* и еще что-то, но что именно—я не успѣлъ замѣтить. Въ двухъ шагахъ направо отъ входной двери стояли хозяйинъ съ хозяйкой, встрѣчая и приветствуя гостей англійскими *shake-hands* ами. А. С. Маленда, въ качествѣ драгомана нашего посольства, поочередно представилъ имъ всѣхъ русскихъ, непринадлежавшихъ къ составу дипломатической миссіи. Самъ губернаторъ худощавый мужчина лѣтъ сорока, во фракѣ, съ орденомъ «Восходящаго Солнца» на шеѣ; супруга же его, г-жа Матсуда—молодая особа, въ богатомъ національно-японскомъ нарядѣ, скромные цвѣта котораго были подобраны съ большимъ вкусомъ. Представясь хозяевамъ, мы прошли въ слѣдующія комнаты, гдѣ не такъ уже было холодно. То былъ рядъ гостиныхъ съ пылающими каминами. Углы высокихъ стѣнъ повсюду украшались до потолка группами растеній и деревьевъ; самыя же стѣны были обтянуты очень дорогими японскими обоями, гдѣ по золотому фону разсыпались букеты цвѣтовъ съ порхающими надъ ними

птицами и наѣкомыми, зѣли яркой частью мѣстечскіе драконы и другія животныя, а также изображались цѣлые пейзажи: хижины, паруса, дѣса бамбуковъ и сосенъ, воздушныя облака и непремѣнная Фузи-яма со своей усѣченно-конической свѣжной вершиной. Кое-гдѣ висѣли въ черныхъ лаковыхъ рамахъ съ золотымъ багетомъ большія акварельныя картины на шелку, изображавшія красивые виды разныхъ мѣстъ Японіи, народно-религіозныя и житейскія сцены, фрукты, плоды и цвѣты, птицъ и т. п. Все это были прекрасныя, очень тонкія произведенія національной живописи. Лампы и бра прикрѣпленныя къ стѣнамъ были украшены вѣтвями цвѣтущихъ камелій, сливъ и вишенъ. Убранство комнатъ являло смѣсь японскаго съ европейскимъ: въ одѣхъ гостиныхъ—сплошныя французскіе ковры, въ другихъ—превосходныя, точчайшей работы циновки; на окнахъ тяжелыя европейскія драпировки, мебели вообще немного, но вся она роскошна и по фасонамъ своимъ принадлежитъ исключительно Европѣ, хотя нѣкоторые стулья, кресла и канапе имѣли на деревянныхъ частяхъ своихъ спинокъ японскія перламутровыя инкрустаціи и сальвокатовые узоры. По бокамъ каминовъ и въ нѣкоторыхъ углахъ красовались высокія массивныя вазы изъ темной бронзы и фарфора, а на мраморныхъ на каминныхъ доскахъ стояли бронзово-эмалевые сосуды и блюда, такъ называемые *cloisonné*. Однѣ изъ комнатъ были освѣщены *a giorno*, другія же оставались въ мягкомъ, какъ бы таинственномъ полусвѣтѣ. Словомъ, общее впечатлѣніе, производимое внѣшностью и обстановкой этого дворца, помимо роскоши, было на своеобразный эффектъ смѣси японскаго съ европейскимъ. Что до меня, то не скрою,—я предпочелъ бы видѣть здѣсь исключительно японскую обстановку, самую роскошную, конечно, но безъ примѣси этихъ опошлѣвшихъ формъ и принадлежности европейскаго индустріальнаго лухе'а за исключеніемъ развѣ дивановъ и стульевъ, каковыхъ въ истинно-японскихъ домахъ не бываетъ. Это, по-моему, единственная уступка, какую могли бы допустить японцы въ обстановкѣ подобнаго рода, въ угоду привычкамъ своихъ европейскихъ и китайскихъ гостей; все же остальное, какъ французскіе ковры, портьеры, европейскія на каминныя браны и новѣйшій европейскій фарфоръ—вполнѣ излишне: оно только нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія и рѣжетъ глазъ своимъ кричащимъ контрастомъ съ чисто японскими вещами. Да и зачѣмъ все это, если въ Японіи есть свои собственныя и такія прелестныя ткани, фарфоръ и бронзы!...

Множество гостей наполняло всѣ ряды комнатъ, коридоры и даже холодную наружную веранду. Здѣсь были собраны всѣ представители и нѣсколько десятковъ представителей

высшаго японскаго общества, начиная съ принцессы императорскаго дома и придворныхъ дамъ, отличавшихся широчайшими бандо и шиньонами своихъ роскошнѣйшихъ причесокъ, до супруговъ министровъ, сановниковъ, генераловъ и крупнѣйшихъ торговцевъ. Безъ послѣднихъ этотъ раутъ не могъ обойтись, потому что г. Матсуда давалъ его какъ градоначальникъ для представителей не только администраціи, но и города. Подобный праздникъ обязательно дается разъ въ годъ тоокійскимъ губернаторомъ, въ одинъ изъ дней «благополучнаго мѣсяца веселостей». Городскія дамы отличались отъ придворныхъ не столь пышными, хотя и очень изящными прическами и болѣе скромными цвѣтами своихъ нарядовъ; придворныя же были одѣты въ очень пышныя и цвѣтистыя платья съ широчайшими рукавами и распахнутыми полами. Надо замѣтить, что всѣ вообще приглашенныя японскія дамы, за исключеніемъ двухъ, были въ національныхъ костюмахъ, которые при всей своей оригинальности очень изящны и отлично, хотя и вполнѣ скромно, обрисовываютъ женскую фигуру. Исключеніе составляли только супруга и дочь министра иностранныхъ дѣлъ, г. Иноѣ, одѣтыя совершенно по-европейски, но это потому, что онѣ долго жили въ Англіи и вполнѣ усвоили себѣ всѣ европейскіе приемы; *mademoiselle* Иноѣ даже тамъ и воспитывалась, такъ что кромѣ японскаго типа очень миловиднаго личика въ ней все европейское.

Что касается мужского элемента, то тутъ на ряду съ японцами были сгруппированы почти всѣ европейскіе представители дипломатіи, флота и іюкогамской индустріи; послѣдніе даже со своими супругами и дочерьми. Японцы, понятное дѣло, составляли главную массу гостей, среди которыхъ былъ собранъ весь цвѣтъ и вся сила современнаго правительства, начиная съ министровъ, членовъ государственнаго совѣта, высшихъ чиновъ арміи и флота, синтоскихъ *кануси* (жрецовъ) и буддійскихъ старшихъ бонзъ и кончая массой всякаго чиновничества и офицерства болѣе мелкихъ ранговъ. Военные и моряки были въ мундирахъ, при орденахъ, а бонзы въ парадныхъ своихъ облаченіяхъ, въ парчевыхъ набедренникахъ и надзадникахъ (не придумаю какъ назвать ихъ иначе, тѣмъ болѣе, что употребленное слово совершенно точно опредѣляетъ то, что слѣдуетъ); остальная же вся невоенная масса, за исключеніемъ пяти-шести престарѣлыхъ крупныхъ и почтенныхъ ученыхъ, оставшихся вѣрными національному костюму, была въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ.

Ахъ, эти ужасныя, убійственныя фракы! И зачѣмъ только понадобились они японцамъ, имѣющимъ свой вѣками выработанный костюмъ, въ которомъ есть что-то солидное, сановитое. Представьте себѣ какого-нибудь *дайміо*, ка-

ких теперь мы знаемъ, увы! только по картинкамъ: вѣдь онъ былъ просто нелицезвѣнъ въ своемъ одѣяніи, которое сидѣло на немъ такъ красиво и такъ гармонировало съ этой типичной прической, съ этими двумя саблями за поясомъ. Точно таковъ же былъ и *самурай* въ шелковомъ кимонѣ съ гербами и накрахмаленными воскрыльями. Представьте же себѣ теперь того же *самурая* въ купомъ фракѣ съ жалостными фалдочками, въ бѣломъ галстухѣ изъ сѣре де Япон, съ туго накрахмаленнымъ пластрономъ, который съ непривычки къ нему упрямо топорщится и лѣзетъ вонъ изъ жилета, съ *chapeau-claque* подъ мышкой, съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ, — о этотъ бѣдный *самурай* кажется мнѣ еще жалостнѣй своихъ фалдочекъ! Извѣстно, что японцы самый вѣжливый народъ въ мірѣ. При какихъ-либо взаимныхъ свѣтскихъ отношеніяхъ, а въ особенности при встрѣчныхъ привѣтствіяхъ эта утонченная вѣжливость такова, что съ ней не могла бы сравниться даже пресловутая *courtoisie et galanterie* французскихъ придворныхъ маркизовъ и петиметровъ прошлаго столѣтія. И когда вы видите на улицѣ двухъ японцевъ хорошаго тона, отдающихъ другъ другу при встрѣчѣ свои привѣтствія, то несмотря на то, что всѣ эти ихъ утрированные учтивости покажутся вамъ съ непривычки быть-можетъ нѣсколько странными, вы все таки невольно сознаетесь себѣ, что онѣ вполне идутъ къ этимъ своеобразнымъ фигурамъ и къ ихъ національному костюму. Но когда тѣ же самые японцы облекутся во фрак и начнутъ свои глубоководительныя взаимныя сгибанія спины, преклоненія головы и троекратныя присѣданія другъ предъ другомъ, упираясь руками въ согнутыя колѣнки, причемъ концы ихъ фалдъ касаются земли, воля ваша, на нихъ жалко смотрѣть въ такую минуту, до того не гармонируютъ ихъ манеры съ европейскимъ фраккомъ. Современемъ, конечно, все это сгладится, ибо разъ уже соступивъ со своей почвы на покатую плоскость европейской «цивилизация», они силой обстоятельствъ невольно воспримутъ всѣ ея формы и всѣ недостатки. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно изъ числа потершихся въ Европѣ, уже и теперь вполне *умѣютъ* носить фракъ и держать себя внѣшнимъ образомъ по европейски, и они-то безъ сомнѣнія служатъ предметомъ нѣкоторой зависти и образцомъ для подражанія всѣмъ остальнымъ представителямъ «прогрессирующей Японіи», стремящимся къ тому же идеалу. Что до военныхъ офицеровъ, то они болѣе или менѣе уже успѣли освоиться съ мундиромъ и носить его недурно, а нѣкоторые, какъ напримеръ, бывшій посланникъ въ Россіи, вице-адмиралъ Ёномото, умѣютъ носить его даже блестяще ловкимъ образомъ. Но все же глядя

на всѣ эти «плоды европеизма», мнѣ становится жаль эту покидаемую, вполне самобытную, долгими вѣками выработанную цивилизацію Великаго Ниппона, которая во многомъ можетъ потягаться съ цивилизаціей Европы; жаль этихъ самобытныхъ чертъ и красокъ жизни, которыя невольнымъ образомъ должны будутъ стираться предъ нивелирующимъ все и вся европеизмомъ...

Въ половинѣ десятаго часа начался домашній спектакль, для участія въ коемъ были приглашены лучшіе изъ профессиональных актеровъ Сибайи. Представленіе давалось въ одной изъ залъ небольшихъ размѣровъ и въ добавокъ довольно узкой, которая поэтому все какъ есть служила сценой, а зрители помѣщались въ двухъ прилегающихъ къ ней комнатахъ и въ сосѣднемъ коридорѣ, любяся спектаклемъ въ развороненныя двери и свозъ арку ведущую въ эту залу изъ одной смежной гостиной. Первые ряды креселъ и стульевъ поставленныхъ въ этой аркѣ были заняты исключительно принцессами императорскаго дома, придворными дамами и нѣсколькими изъ европейскихъ дамъ дипломатическаго корпуса. Остальные зрители тѣснились позади ихъ и въ трехъ другихъ дверяхъ стоя. Большая часть приглашенныхъ, конечно, не добралась до этихъ мѣстъ и довольствовалась только тѣмъ, что могла слышать долетавшіе до нея урывками звуки флейты и барабана, да изрѣдка взвизги и возгласы нѣкоторыхъ актеровъ. Въ залѣ не было устроено никакихъ подмостковъ, ни кулисъ, ни занавѣса, вообще ничего такого, что напоминаетъ не только европейскую, но и японскую сцену. Декорацией служила стѣна закрытая живыми растеніями преимущественно хвойныхъ породъ, а дѣйствіе происходило прямо на циновочномъ полу. Здѣсь же на сценѣ, у боковой стѣны помѣщалось нѣсколько музыкантовъ съ флейтами, самсинами и маленькимъ тамбамомъ. Актеры, исполнивъ то или другое явленіе, отходили нѣсколько въ сторону и присѣдали на пятки отдохнуть, обмахиваясь вѣеромъ въ ожиданіи слѣдующаго выхода на сцену, когда таковой потребуетъ по ходу дѣйствія. Представленіе заключалось въ пантомимѣ которая все время сопровождалась аккомпанементомъ помаявутыхъ музыкальныхъ инструментовъ и ударами въ громадный барабанъ, помѣщавшійся не въ залѣ, а на верандѣ и звуки этого барабана-монстра раздавались время отъ времени подобно раскатамъ грома или выстрѣламъ изъ пушки. Одинъ изъ музыкантовъ все время напѣвалъ гортаннымъ какъ бы сдавленнымъ голосомъ (вѣроятно это такъ слѣдуетъ) что-то тягучее, длинное надо думать, эпопею тѣхъ дѣйствій какія происходили на сценѣ. Чтобы познакомить читателя съ характеромъ и содержаниемъ этого пред-

ставленія, я представляю здѣсь въ переводѣ съ англійскаго языка программу полученную мною при входѣ.

«Программа домашнего спектакля. Энрио-Кванъ. Вторникъ, 18-го января 1881 года. Въ 9 час. 30 мин. вечера.

«Актъ первый: «*Сборъ сосновыхъ вѣтвей*». Время дѣйствія 1467—1469 годы.

Дѣйствующія лица.

Иози-Маса, *сегунъ*—г. *Никамура Сосо*.

Фуджи-но-Ката, его супруга—г. *Иванъ Намширо*.

Кашиваги-Гемонъ, } г. *Онои*

Умецъ Камонъ } *Кикуюро*.

вассалы Ишимаса г. *Ичикава Саданджи*.

Объясненіе: Сосна, благодаря ея зеленому виду и крѣпости, долгое время служила въ Японіи символомъ долговѣчности и постоянного счастья. Поэтому ее всегда употребляютъ какъ украшеніе праздника по случаю какихъ-либо поздравленій, а въ особенности на Новый годъ, когда привозятъ ее массами и выставляютъ на продажу въ городахъ и въ каждой деревнѣ. Но свѣжей сосновой вѣтви сорванной собственноручно для посвященія ея богамъ семейнаго счастья, придается болѣе важное значеніе, чѣмъ тѣмъ вѣтвямъ, которыя уже осквернены предварительнымъ нахожденіемъ ихъ въ рукахъ лавочниковъ. Поэтому посѣщеніе лѣсистыхъ горъ и долинъ для собственноручной добычи сосновыхъ вѣтвей зачастую входило въ обычай новогоднихъ празднествъ. Сцена представляетъ резиденцію Иози-Маса, восьмого *сегуна* изъ рода Ашикага, который былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ почитателей изящныхъ искусствъ и въ послѣдніе свои годы въ особенности покровительствовалъ развитію *Ча-но-йу*, то-есть празднествамъ въ честь чая. Иози-Маса, со своею первою женой Фуджи-но-Ката и съ пажами Умецомъ и Кашиваги заняты церемоніальнымъ обычаемъ собственноручнаго сбора сосновыхъ вѣтвей и приношенія ихъ богамъ въ Новый годъ. Происходитъ все это при звукахъ поздравительной музыки, танцахъ и другихъ привѣтственныхъ обычаяхъ принятыхъ на подобные случаи этикетомъ сегунальнаго двора.

«Актъ второй: «Новогодняя декорація изъ сосновыхъ вѣтвей и злоумышленники», Время дѣйствія—въ первой половинѣ XVII вѣка, отъ 1624 до 1644 года.

Дѣйствующія лица.

Фуку-Томи-Хояй, представитель или божокъ счастья (*фуку*) и богатства (*томи*)—г. *Накамура Наказо*.

Манзай Тайю, предводитель злоумышленниковъ—г. *Бандо Кикицъ*.

Сайцо, шутъ г. *Ичикава Каданджи*.

«Объясненіе: Въ прежнія времена, во время новогоднихъ празднествъ нерѣдко замаскироваными злоумышленники, называемые *манзай*. Обыкновенно это были уроженцы провинцій Микава или Овари. Здѣсь на сценѣ ихъ двое: Тайю, или главный, и Сайцо, шутъ. Бродя отъ одного дома къ другому, первый произноситъ привѣтствія и извѣстные поздравительные вирши, подъ аккомпанементъ маленькаго барабана, носимаго шутомъ Сайцо; затѣмъ они представляютъ разныя штуки пантомимой и въ діалогахъ. Сцена представляетъ резиденцію Фуку-Томи-Хояй со всеми новогодними украшеніями. Входятъ два манзая, уроженцы Микава, и даютъ свои представленія.

«Актъ третій: «Старая сосна у горной тропинки». Время дѣйствія въ концѣ XVII вѣка, отъ 1688 до 1704 года.

Дѣйствующія лица.

Кинокуня Бунцаймонъ, іеддойскій купецъ—г. *Ичикава Данджуро*.

Кикаку, поэтъ—г. *Онои Кикуюро*.

Бунцанъ, живописецъ—г. *Ичикава Саданджи*.

«Объясненіе: во второй половинѣ XVII вѣка жилъ въ городѣ Іеддо богатѣйшій лѣсоторговецъ Кинокуня Бунцаймонъ. Его домъ, службы и склады занимали третью часть квартала Хонхатчо-бори. Многочисленные цыновники постоянно были заняты у него изготовленіемъ новыхъ *татами* (половыхъ цыновокъ) для перемѣны въ его пріемныхъ покояхъ, дабы каждый гость его ступалъ не иначе какъ на дѣвственный полъ. Въмѣсто бобовъ, обыкновенно разсыпавшихъ подъ Новый годъ для изгнанія злыхъ духовъ, онъ, какъ говоритъ преданіе, разсыпалъ пригоршни золота народу. Подобнаго рода легенды сдѣлали изъ него народнаго Креза и въ тотъ день имя лѣсоторговца Ки-бунъ (сокращенное Кинокуня Бунцаймонъ) является и донинѣ синонимомъ благоденствія и щедрости. Бунцаймонъ послѣдніе годы своей жизни провелъ въ крайней бѣдности и умеръ въ 1735 году въ лачугѣ, неподалеку отъ главныхъ воротъ храма Хатчимама, въ кварталѣ Фукагава. Во дни его богатства, въ числѣ его лучшихъ друзей былъ поэтъ Кикаку и знаменитый художникъ Бунцанъ. Сцена представляетъ новогодній ужинъ въ домѣ Кинокуня Бунцаймона. Хозяинъ со своими друзьями Кикаку и Бунцаномъ смотрятъ на представленіе пьесы, сюжетомъ коей является случай изъ жизни китайскаго богдыхана Шинъ-Во. Дѣло въ томъ, что послѣдній, переходя однажды черезъ гору, былъ застигнутъ ураганомъ съ проливнымъ дождемъ, отъ котораго нашелъ себѣ убѣжище подъ вѣтвями старой сосны, при горной тропинкѣ. Въ благодарность за это Шинъ-Во предназначилъ соснѣ первое

мѣсто между деревьями, то-есть поставилъ ее выше всѣхъ остальныхъ произрастеній».

Какъ видить читатель, каждый актъ заключаетъ въ себѣ совершенно отдѣльную, самостоятельную пьеску съ самымъ незамысловатымъ сюжетомъ. Общаго между ними только то, что всѣ онѣ приурочены къ чествованію Новаго года и вообще «благополучнаго мѣсяца веселостей» и всѣ имѣютъ главную своей задачей, по возможности, разнообразный дивертисментъ, состоящій изъ танцевъ, декламаций, мимики и народной юмористики. Понятно, что если во всемъ этомъ участвовали лучшія артистическія силы Сибайи, то исполненіе, въ своемъ родѣ, было не только безукоризненно, но и прекрасно, вполне удовлетворяя требованіямъ и законамъ японской высококлассической школы.

Во время спектакля былъ открытъ буфетъ и такъ какъ большинство приглашенныхъ не могло быть по тѣснотѣ въ числѣ зрителей, то все оно ринулось туда. Предъ буфетомъ была просто давка и сумятица, въ которой главную активную роль приняла на себя вовсе не японцы, а ихъ «цивилизаторы» европейцы. И жалко, и смѣшно, и наконецъ даже отвратительно было глядѣть на ту чисто животную алчность и жадность, съ какою всѣ эти, съ виду совершенно приличные, джентльмены набросились на блюда съ разными кушаньями и въ особенности на бутылки шампанскаго. Мы были самоличными свидѣтелями, какъ многіе изъ этихъ безукоризненно одѣтыхъ джентльменовъ, не успѣвъ раздобыть себѣ ни пожа съ вилкой, ни хлѣба, рвали мясо куропатокъ и фазановъ и цѣлые куски кроваваго ростбифа просто зубами и руками, освободивъ ихъ отъ перчатокъ, и какъ они съ жадностью накидывались на первое блюдо, какое съ бою попадало имъ подъ руку, былъ ли то ванильный кремъ съ бисквитами или майонезъ изъ рыбы. И то, и другое валили они сразу на одну и ту же тарелку, присоединяя туда же и конфекты и фрукты, кусокъ ростбифа или дичи и поглощали все это стоя, за недостаткомъ мѣста у столовъ, и стараясь только защитить въ этой тѣсной толпѣ свою собственную тарелку отъ чьей-нибудь спины или неосторожнаго локтя и держать ее ближе ко рту, изъ опасенія какъ бы не закапать свой смѣшно бѣлый, туго накрахмаленный пластронъ. Нѣкоторые изъ завладѣвшихъ бутылками шампанскаго тянули его прямо изъ горлышка. Словомъ сказать, это воистину было генеральное кормленіе звѣрей, и я полагаю, что японцы, у которыхъ выработаны для ѣды особые весьма деликатные приемы, не могли не чувствовать внутренняго омерзенія при видѣ столь безстыдно проявляемой алчности и жадности своихъ «цивилизаторовъ», благодаря коимъ не болѣе какъ чрезъ полчаса пришлось

уже закрыть буфетъ, потому что онъ весь былъ истребленъ и расхищенъ. Лишь очень немногіе изъ японцевъ успѣли воспользоваться какимъ-нибудь сладкимъ пирожкомъ, который они тщательно завертывали въ заранее припасенную у себя бумажку и опускали въ задній карманъ фрака, вѣроятно, для того чтобы принести маленькій гостинецъ своимъ домашнимъ.

По окончаніи спектакля, въ той же залѣ что служила сценой, открылись танцы подъ звуки военнаго японскаго оркестра, помѣстившагося на верандѣ. Завыванія флейтъ и риззисато самсинавъ смѣнялись мотивами Штрауса и рабби Оффенбаха, которые вообще исполнялись японскими музыкантами очень не дурно. Танцы были устроены, конечно, болѣе для европейцевъ, такъ какъ изъ среды японскаго общества въ нихъ приняли участіе только m-lle Иноэ, и одинъ чиновникъ, не особенно впрочемъ ловкій. Изъ европейцевъ же танцевали исключительно іюкогамскіе англичане съ англичанками, да двѣ, или три нѣмки. Началось съ вальса медлительнаго, вялаго, въ три темпа. Вертящіяся пары не танцевали, а толклись почти все на одномъ и томъ же мѣстѣ, подпрыгивая и переминаясь съ ноги на ногу, причѣмъ кавалеры очень некрасиво сгибали и выставляли все какъ-то впередъ свои колѣнки, отчего нерѣдко толкали ими свою даму. Джентльмены эти съ чопорно самодовольными фізіономіями и съ выпяченною впередъ грудью держались такъ прямо, что казалось будто они деревянные или по крайней мѣрѣ, что каждый изъ нихъ проглотилъ по аршину. Но главное, что въ нихъ замѣчательно, это ихъ красноміастые, истинно волковы затылки со тщательно расчесаннымъ и прилизаннымъ проборомъ. Что же касается ихъ достопочтенныхъ леди и прелестныхъ миссъ, то смѣю думать, что обладая такою граціей и въ особенности такими основательными созданными ступнями, онѣ много выиграли бы еслибы вовсе воздержались отъ танцевъ. Что сказать вамъ о балльных туалетахъ и вообще о балльномъ характерѣ этихъ дамъ? Быть-можетъ какъ домашнія хозяйки и добродѣтельныя жены, онѣ заслуживаютъ всякаго уваженія, но быть-можетъ именно вслѣдствіе того, что онѣ прекрасныя хозяйки, здѣсь онѣ кажутся полукухарками. Нѣкоторыя изъ нихъ могли бы назваться даже хорошенькими еслибы не этотъ характерно англійскій лошадинъ оскаль ихъ губъ, всегда позволяющій видѣть некрасиво длинныя передніе зубы. Японскія дамы оставались зрительницами, и сказать по правдѣ, сравненіе ихъ съ прислуживавшими здѣсь іюкогамскими европѣяками оказывалось вовсе не въ пользу послѣднихъ. У японокъ есть своя прирожденная грація, которая естественно сказывается и въ мане-

рахъ, и въ обращеніи, какъ съ мужчинами, такъ и между собою; а здѣсь, на этомъ вечерѣ, мы могли замѣтить ихъ умѣніе держать себя безукоризненно прилично и съ замѣчательнымъ тактомъ.

Какъ характерную особенность программы танцевъ, слѣдуетъ замѣтить, что кадрили были изъ нея вовсе исключены. Изъ десяти номеровъ, значившихся въ этой программѣ, была сдѣлана уступка въ пользу только одной польки, въ остальномъ же, согласно англійскому обычаю, вальсы чередовались съ *lancers* и закончилось все это галопомъ, котораго, впрочемъ, мы не дождались и уѣхали домой при сквернѣйшей погодѣ: шелъ дождь смѣшанный со снѣжною завихурой.

XXVIII.

Среди высокопоставленныхъ.

Токио подъ снѣгомъ. — Въ гостяхъ у морского министра. — Государственный канцлеръ Санджіо и вице-канцлеръ Ивакура. — Инацу-Кіоку, учрежденіе для заготовленія государственныхъ бумажекъ — Дайгакко Игакубу, медицинская академія и клинический госпиталь. — Одержимая духомъ *кичи*. — Нака-дори, улица старыхъ вещей. — Японскій фарфоръ старыхъ фабрикъ. — Томано-яма или Новая-Сатцума. — Кванкуба, постоянная выставка и базаръ кустарныхъ и мануфактурныхъ издѣлій. — Наша аудіенція у микадо во дворцѣ Гошѣ. — Микадо и его наружность. — Визитъ высшихъ чиновъ японскаго флота и арміи на нашу эскадру. — Посѣщеніе нашей эскадры императорскими принцами. — Обѣдъ въ русскомъ посольствѣ. — Наружность императорскихъ принцевъ и ихъ особенный „двѣдворный“ костюмъ. — Нѣчто о реформахъ правительства и консерватизмѣ японскихъ женщинъ. — Исторически знаменитыя женщины Японіи. — Повѣстеса Ононо-Комачъ. — Семейное и общественное положеніе японской женщины. — Торжественное открытіе всеяпонской выставки произведеній искусствъ и промышленности. — Русский праздникъ 19-го февраля на Иокогамскомъ рейдѣ. — Приѣздъ короля Гавайскаго и дантистъ Гуликъ. — Наружность короля Калакауа I. — Прощальные визиты. — Мы уходимъ изъ Иокогамы.

7-го января.

На утро мы проснулись съ неожиданнымъ сюрпризомъ: всѣ крыши, улицы и сады Токио очутились подъ снѣгомъ; навалило его за ночь больше чѣмъ на четверть. Даже странно какъ-то видѣть всѣ эти зеленѣющіе лавры, пальмы, померанцы и деревья камелій, уже начинающія разцвѣтать, на почвѣ, покрытой снѣжною пеленой, подъ большими пушистыми хлопьями снѣга, тяжело насаживаго на ихъ темнозеленныя вѣтви, на пунцовые цвѣты и бутоны камелій и на вѣро-ланчатые листы латаній. Оригинальная картина тропической флоры подъ снѣгомъ представляется воображенію сѣвернаго жителя чѣмъ-то сказочнымъ, поражающимъ своими контрастами. Нынче снѣгъ выпалъ здѣсь очень рано сравнительно съ прошлымъ годомъ, когда онъ въ первый разъ по-

шелъ только 3 марта. Но за то и навалило же его тогда, какъ сказываютъ намъ, сразу чуть не на полъ-аршина. Эта внезапная зима явилась для японскихъ ребятишекъ источникомъ новыхъ забавъ и радостей. По всѣмъ дворамъ и на менѣ людныхъ улицахъ они гурьбами играютъ въ снѣжки, устраиваютъ между собою веселыя сраженія и бомбардировки, накатываютъ изъ снѣга огромные шары или лѣпятъ бабу.

Къ семи часамъ вечера О. Р. Штапельбергъ со штабомъ и командами русскихъ судовъ отправился на званый обѣдъ къ бывшему морскому министру, вице-адмиралу Кавамура. Живетъ Кавамура далеко, на окраинѣ южныхъ кварталовъ, почти за городомъ. Небольшой домъ его, отстроенный и убранный по-европейски, стоитъ на горѣ, и ведетъ къ нему длинная аллея, освѣщенная на сей разъ двумя рядами красныхъ бумажныхъ фонарей. Во время стола игралъ на дворѣ военно-морской японскій оркестръ, который, между прочимъ, очень недурно исполнилъ *Драгонскую хоту* Глинки и исполнѣ хорошо русскій народный гимнъ при провозглашеніи хозяиномъ тоста за здоровье Государя Императора. Изъ дамъ присутствовали за столомъ только хозяйка дома и ея дочь, дѣвочка лѣтъ десяти. Гостей изъ японцевъ было всего только три человѣка: государственный канцлеръ Санджіо, вице-канцлеръ Ивакура-Тотоми (оба во фракахъ) и генералъ Сайго. Съ послѣднимъ мы уже знакомы; о первыхъ же двухъ необходимо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ оба они играли выдающіяся политическія роли во время реставраціоннаго переворота 1868 года и продолжаютъ играть ихъ и по сіе время.

Санджіо — художавый, или точнѣе, какъ говорятъ поляки «шуплый», болѣзненнаго вида и невысокаго роста человѣкъ, съ лицомъ, по которому никакъ нельзя опредѣлить — молодъ онъ или старъ. Впрочемъ, говорятъ, ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ. По происхожденію, онъ принадлежитъ къ *кунгаймъ*, то-есть къ числу древнѣйшихъ фамилій кіотской аристократіи; а вліяніе фамиліи Санджіо на среду знатнѣйшихъ и родовитѣйшихъ вельможъ всегда было однимъ изъ самыхъ сильныхъ. Это-то обстоятельство очень много способствовало тому, что значительная часть *дайміо* согласилась мирно подчиниться новымъ порядкамъ, послѣ того какъ Санджіо, поторопившійся однимъ изъ первыхъ признать переворотъ, былъ поставленъ императоромъ во главѣ новаго правительства. Такимъ образомъ, главную силу въ нынѣшнемъ его положеніи даетъ ему его блестящее родовитое имя; самъ же по себѣ онъ кажется очень скромнымъ, тихимъ и безобиднымъ человѣкомъ.

За то Ивакура-Тотоми — человѣкъ совсѣмъ иного закала. По рожденію, онъ тоже принад-

лежитъ къ *кунайямъ*. Теперь ему пятьдесятъ шесть лѣтъ отъ роду. Для японца, онъ выше чѣмъ средняго роста, широкоплечъ и вообще сложенъ плотно съ нѣкоторою наклонностью къ тучности. Гладко бритое лицо его нѣсколько обрюзгло; глаза изъ-подъ лѣниво приспущенныхъ вѣкъ смотреть очень вглядчиво, полны ума и спокойной энергіи. При какомъ либо интересномъ разговорѣ, взоръ его вдругъ оживляется и въ немъ мелькаетъ порой нѣчто насмѣшливое, ироническое. Въ 1868 году Ивакуръ было сорокъ четыре года, и замѣчательно, что до той рѣшительной эпохи онъ жилъ въ Кіото очень скромно, почти въ полной безвѣстности. Революція въ пользу микадо сразу выдвинула его на первый планъ; онъ сталъ ея душой, ея разумомъ и всецѣло овладѣлъ ею съ перваго же шага. Съ тѣхъ поръ никто иной, какъ собственно Ивакура управляетъ всѣми дѣлами Японіи. По вѣншности, онъ довольствуется второстепенною ролью вице-канцлера или товарища Санджіо, но инициатива всегда принадлежитъ ему и, какъ человѣкъ неуклоннаго характера, онъ проводитъ свои предначертанія и мѣропріятія съ безпощадною логическою послѣдовательностью, нерѣдко даже чисто теоретическаго свойства, прикрывая самыя радикальныя реформы историческими ссылками на японскую старину,—въ древности, молъ, у насъ уже было это самое, и мы де не сочиняемъ ничего новаго, а только восстанавливаемъ старое, позабытое, или отмѣненное когда-то узурпаторами *сегунами*. Трудно сказать что будетъ впередъ и чѣмъ все кончится, но до сихъ поръ такая система пока удастся. Ивакура человѣкъ очень наблюдательный и весьма даровитый. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ совершилъ большое путешествіе по Европѣ и посѣтилъ всѣ ея главнѣйшія столицы, нарочно ставъ для этого во главѣ чрезвычайнаго посольства. Въ результатъ его поѣздки явилось большое сочиненіе, въ нѣсколькихъ томахъ, съ многочисленными рисунками, гдѣ Ивакура, какъ говорятъ, не безъ юмора излагаетъ всѣ свои европейскія впечатлѣнія и дѣлаетъ очень много мѣткихъ замѣчаній и характеристикъ, обнаруживающихъ въ немъ далеко недожизненный умъ государственнаго человѣка и тонкое пониманіе вещей и отношеній. Въмѣстѣ съ европейскимъ костюмомъ и прической онъ усвоилъ себѣ вполнѣ европейскія манеры и держитъ себя совершенно просто, съ виду даже добродушно, а говоритъ отрывисто, опредѣленно отчеканенными, большею частью короткими фразами, въ чемъ быть можетъ невольно сказывается его энергическій и твердый характеръ.

Что до генерала Сайго, то къ сказанному о немъ прежде могу лишь прибавить, что этотъ человѣкъ съ каждымъ разомъ кажется намъ все симпатичнѣе.

Послѣ обѣда хозяева пригласили насъ спуститься по внутренней лѣстницѣ въ нижній этажъ, на домашнюю половину. Тамъ, въ одной изъ комнатъ, была устроена небольшая сцена съ занавѣсью, декорированная на заднемъ планѣ роскошными ширмами, расписанными акварелью по темно-золотому фону. Насъ усадили въ мягкія, покойныя кресла и на эластическіе диваны, причемъ гостямъ были предложены гаванскія сигары и мартиникскіе ликеры. Вскорѣ на домашней сценѣ появились въ богатыхъ театралныхъ костюмахъ маленькая дочь хозяина и одна изъ ея сверстницъ. Обѣ онѣ исполнили классическій танецъ или вѣрнѣе, цѣлую балетно-патимимную сцену, сопровождавшуюся аккомпанементомъ *самсина* и пѣніемъ изъ-за боковой ширмы какой-то пѣвицы, которая по японскому обыкновенію разсказывала речитативомъ, въ пѣвучихъ стихахъ эпопею того, что происходитъ на сценѣ.

Около десяти часовъ вечера мы простились съ нашими любезными хозяевами. Былъ ясный вечеръ съ легкимъ морозцемъ въ недвижномъ воздухѣ и полная луна осеребрала деревья и крыши, покрытыя дѣвственно чистымъ снѣгомъ.

8-го января.

Снѣгъ все еще держится, хотя свѣтитъ яркое солнце и погода очень мягкая. Тепло, ни малѣйшаго вѣтра. На плацу, въ снѣгу, какая-то пѣхотная рота занята ученіемъ, практикуетъ разсыпной строй и движеніе впередъ двумя перекатными цѣпами.

Въ часть дня мы поѣхали осматривать Инзэцу-Кіоку государственную бумажную фабрику, соединенную съ обширнымъ учрежденіемъ для заготовленія государственныхъ бумагъ вообще и кредитныхъ билетовъ въ особенности. Все это учрежденіе устроено лично почтеннымъ тестемъ генерала Сайго, который въ качествѣ директора встрѣтилъ насъ въ приемной своей канцеляріи.

Зданіе этого учрежденія занимаетъ огромный кварталъ. Я не возьму на себя труда перечислять все что тутъ помѣщается, упомяну только главнѣйшія части. Такъ, кромѣ собственной бумажной фабрики, приспособленной къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ сего фабриката, здѣсь находятся обширныя типографія, литографное заведеніе, гравёрная, рисовальная, химическая лабораторія, фотографія, механическія мастерскія, словолитня, линовочная, переплетная, обойная и даже почему-то мыльная фабрика. Во всемъ учрежденіи работаютъ 1.066 человѣкъ, изъ коихъ 350 женщинъ. Всѣ рабочіе получаютъ сверхъ жалованья еще и довольствіе отъ казны, и для нихъ особо устроена громадная столовая зала. Для дѣтей ихъ тутъ-же имѣются двѣ прекрасныя школы, мужская и женская. Дѣтскій фабричный трудъ хотя и не до-

пускается, но подросткамъ обоого пола дозволено въ особо назначенные часы, въ классныхъ занятіяхъ, присутствовать въ мастерскихъ, гдѣ мастера обязательно показываютъ и объясняютъ имъ ходъ дѣла и гдѣ они исподволь могутъ приглядываться къ характеру и способамъ работы, готовясь такимъ образомъ въ послѣдствіи занять мѣсто рабочихъ въ учрежденіи по той или другой специальности. Замѣчательно, что всѣ машины этого учрежденія сдѣланы въ самой Японіи, и что въ составѣ его мастеровъ и рабочихъ теперь нѣтъ ни одного иностранца. Это явленіе мнѣ приходится отмѣчать уже вторично, говоря о правительственныхъ техническихъ учрежденіяхъ; что японцы по справедливости могутъ имъ гордиться, это я вполне понимаю, особенно когда для контраста же безъ горечи вспомнишь, что у насъ въ Петербургѣ вся Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, существующая кажется болѣе полустолѣтія, до сихъ поръ еще систематически переполнена германскими рабочими и работниками до такой степени, что знающему и способному русскому человѣку между ними почти нѣтъ мѣста...

Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ работаютъ исключительно женщины. Такъ, напримѣръ, по отдѣлу заготовленія кредитныхъ денежныхъ знаковъ, вся счетная, штамповая, сортировальная и упаковочная части находятся въ рукахъ женщинъ. Счетчицы считаютъ, точно живыя машинки, быстро и сноровисто, безъ малѣйшей ошибки, отбирая по пяти бумажекъ за разъ, а штамповщицы работаютъ, кажись, еще быстрее. У работницъ есть своего рода форменная одежда: всѣ онѣ въ бѣлыхъ халатахъ, а ихъ старшины (тоже женщины) и начальницы отдѣленій — въ синихъ суконныхъ кофтахъ и юнкахъ. Послѣднія носятъ на груди еще особые знаки отличія, въ видѣ бронзовыхъ медалей; работники же и работницы отличаются, по классамъ извѣстнымъ количествомъ красныхъ нарукавныхъ нашивокъ.

Въ числѣ прочаго, намъ показали разницу между японскими ассигнаціями, заказанными въ Германіи и такими же точно, сдѣланными у себя дома. По внѣшности, ни тѣ, ни другія рѣшительно ничѣмъ не различались; но первыя, будучи опущены въ щелочный растворъ, тотчасъ теряютъ всѣ свои краски; вторыя же выдерживаютъ такое испытаніе безукоризненно. Поэтому бумажки германской работы пришлось изъять изъ употребленія, хотя заказъ ихъ стоилъ немалыхъ денегъ. Правительство поступило въ данномъ случаѣ тѣмъ основательнѣе, что въ странѣ, какъ сказываютъ, почти вслѣдъ за выпускомъ этихъ бумажекъ, появились откуда-то фальшивыя кредитки. Оставаясь онѣ въ обращеніи, это для разныхъ гешефтмахеровъ было бы отлич-

нымъ поводомъ наполнять японскій денежный рынокъ фальшивыми знаками, тайно привозимыми изъ-за границы. Но въ предвидѣніи такой возможности японцы догадались изобрѣсти для распознаванія ихъ особый химическій безцвѣтный растворъ: стоитъ лишь погрузить въ него стеклянную палочку и провести ею по бумажкѣ черту, — на фальшивой, все равно какъ и на нѣмецкой, получается блѣдный, едва замѣтный слѣдъ; на дѣйствительной же онъ имѣетъ сильную окраску чернильнаго, цвѣта.

Что касается выдѣлки разныхъ сортовъ бумаги, то въ этомъ искусствѣ японцы совершенно самостоятельно достигли высокой степени совершенства, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ почетныхъ отзывовъ и медалей, полученныхъ ими на промышленныхъ выставкахъ всего міра, гдѣ только появлялись ихъ издѣлія этого рода. Бумага въ Инзэцу-Киоку фабрикуется изъ лыка и волокна нѣкоторыхъ, принадлежащихъ исключительно японской флорѣ, деревьевъ и растений. На видъ она атласисто-гладка и блеститъ какъ полированная слоновая кость, отличаясь въ то же время нѣсколько перламутровымъ отсвѣтомъ. А что до прочности, то она положительно прочнѣе пергамента и почти неразрываема. Масса, идущая на выдѣлку такой бумаги, подвергается предварительно самой тщательной очисткѣ и обрабатывается такъ, чтобы представляла собою совершенно однообразное тѣсто, безъ малѣйшихъ комковъ, волоконъ и соринковъ. Толщина такой бумаги весьма разнообразна: намъ показывали множество образцовъ, начиная отъ толстѣйшихъ, въ родѣ бристольтскаго картона, и до тончайшихъ, совершенно воздушныхъ листовъ необыкновенной нѣжности. Эти-то качества и дѣлаютъ азіатскую бумагу пригодною для всевозможныхъ родовъ печатанія, литографскихъ, калкографскихъ и прочихъ работъ, требующихъ наиболѣе тонкаго воспроизведенія рисунка. По ея плотности и замѣчательной гибкости, она равно годится для роскошнѣйшихъ типографскихъ изданій, альбомовъ, кредитныхъ бумажекъ, патентовъ и грамотъ, географическихъ картъ и плановъ, словомъ, для всякаго употребленія, гдѣ лишь требуется бумага наибольшей прочности. Превосходны также *parier-togchon*, для рисованія листьевъ, и особые сорта бумаги, имѣющіе видъ шелковой матеріи, извѣстной подъ названіемъ *sere de Chine*, и видъ суровой холщевой пряжи, изъ которыхъ на этой же фабрикѣ дѣлаются разнаго рода и величины платки, салфетки и скатерти необычайной плотности, всегда разрисованныя водянистою акварелью и легкою тушью или сепіей въ японско-эскизномъ жанрѣ. Изъ обоихъ поразительно хороши, по красотѣ и замѣчательной прочности, сорта въ родѣ *peau de chagrin* и тисненой узорами

кожи съ темно-пѣтными рисунками по темно-бронзовому и темно-золотому фону. На видъ они не отличаются отъ лучшихъ тисненыхъ кожъ среднеѣвковой Европы и вполне годятся не только для стѣнъ, но и для обивки мебели. Притомъ всѣ эти издѣлія замѣчательно дешевы въ сравненіи съ подобными же европейскими.

Вся администрація Инзецу-Киоку состоитъ изъ ста пятидесяти чиновниковъ, считая въ томъ числѣ старшихъ мастеровъ и художниковъ, такъ какъ они тоже числятся на государственной службѣ. Устройство всего этого учрежденія хотя и стоило правительству значительныхъ расходовъ, но затраченныя на него суммы уже сполна возвращены самимъ учрежденіемъ государственному казначейству и теперь Инзецу-Киоку поддерживаетъ себя въ полномъ порядкѣ исключительно правительственными и частными заказами и сбытомъ своихъ «вспомогательныхъ» произведеній, каковы обои, бумага, скатерти, мыло и т. п. За покрытіемъ всѣхъ своихъ ежегодныхъ расходовъ, оно приноситъ правительству даже нѣкоторый дивидендъ.

10-го января.

Сегодня мы посѣтили клиническій госпиталь Тоокійской медицинской академіи, японское названіе коей — *Тоокіо Дайгакко Иакубу*. Расположенъ этотъ госпиталь близъ парка Уэнно, въ прекрасной мѣстности, откуда открывается красивый видъ на озеро, Синабауно-ике. Устройство госпиталя совершенно европейское, а потому распространяться о немъ нечего. Студенты и фельдшерицы (для послѣднихъ тутъ же учреждена особая школа) обучаются въ клиническихъ палатахъ практикѣ своего дѣла, подлѣ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ профессоровъ, между которыми есть и нѣсколько японцевъ. Директоръ госпиталя Дг. Бельцъ показалъ намъ въ женскомъ отдѣленіи душевно-больныхъ пренеприятную пациентку, страдающую своего рода кликушествомъ. Она увѣряетъ, что чувствуетъ внутри себя *кине*, то-есть лисицу, въ которой олицетворяется «служебный» духъ, состоящій при святомъ Инари. Чтобы понять такое странное помѣшательство, надо вспомнить что *кине*, какъ я говорилъ уже раньше, является въ народныхъ миеологическихъ повѣрьяхъ иногда священной, а иногда шутливою, или же дьявольскою личностью, и что она обладаетъ способностью дѣлаться оборотнемъ. Эме-Эмберъ, между прочимъ, приводитъ на этотъ счетъ одно лѣтописное сказаніе, повѣствующее, что когда царствовавшій въ 1150 году микадо принужденъ былъ, вслѣдствіе горькой необходимости, отпустить свою фаворитку, чтобы спасти финансы имперіи отъ совершеннаго разоренія, эта прекрасная дама выскочила изъ его покоевъ въ видѣ бѣ

лой лисицы, украшенной шестью хвостами, на подобіе вѣера. Въ окрестностяхъ Оджи-Инари, вдали на болотѣ, видѣется большое, одинокое дерево, вокругъ котораго, по народному повѣрью, ежегодно празднуется шабашъ лисицъ, и когда онѣ бѣгутъ туда, предъ каждою изъ нихъ несется блуждающій огонекъ. По окончаніи шабаша, лисица можетъ опять обернуться во что угодно, и чаще всего въ женщину. Такимъ образомъ, вы видите, что тутъ есть нѣчто общее съ нашими старыми знакомками, европейскими и русскими вѣдмами. По мнѣнію японцевъ, *кине*: вмѣшивается или можетъ вмѣшиваться рѣшительно во все: удача, случай, хорошее или дурное, счастье или несчастье,—все это зависитъ отъ вліянія *кине*, отъ ея каприза, благоволенія или мстительности. Теперь понятна идея, лежащая въ основаніи маніи показанной намъ пациентки. Это сильно художавшая, пожилая особа, почти старушка. Въ спокойномъ состояніи она тиха, говоритъ немного и нѣсколько вяло, но совершенно логично; взглядъ ея глазъ ясенъ и осмысленъ, какъ у нормальнаго человѣка, выраженіе лица спокойное и кроткое, словомъ, ничто, повидимому, не указываетъ, что вы имѣете дѣло съ умопомѣшаннымъ субъектомъ. Но когда на нее, что называется «находить», картина совершенно измѣняется. Физически она остается такъ же спокойна, въ томъ самомъ положеніи, какъ захватило ее наитіе, обыкновенно сидя или лежа, но лицо ея мгновенно измѣняется; оно какъ-то темнѣетъ, принимая синеватые и землистые оттѣнки, а глаза какъ бы изнутри загораются глубокимъ тревожнымъ огнемъ; но это не огонь безумія, потому что взглядъ ея не бѣгаетъ, не мечется лихорадочно во всѣ стороны, а остается упорно сосредоточеннымъ въ какой-нибудь одной точкѣ, и въ немъ тогда чуть замѣтно легкое, какъ бы электрическое трепетанье. Въ такія минуты становится неприятно, тяжело смотрѣть въ глаза этой женщины, которая тотчасъ же вслѣдъ за первыми симптомами начинаетъ говорить чрезвычайно быстро и какъ-то текуче, точно читая по книгѣ. Говоритъ она долго, безъ перерыва, безъ малѣйшей запинки и передышки, и, странное дѣло! звукъ ея голоса при этомъ совершенно измѣняется: онъ дѣлается рокочуще глухъ, и какъ-то утробенъ, какъ у чревоушателя, словомъ, это совсѣмъ чужой голосъ, неимѣющій ничего общаго съ естественнымъ голосомъ бодьвой, когда она въ нормальномъ состояніи. Намъ было интересно знать что говоритъ она въ это время. Оказалось, что разное, какъ случится, но больше все угрожаетъ кому то, проклинаетъ и прокочествуетъ; вообще, складъ ея мысли въ эти моменты пріобрѣтаетъ мрачно возвышенный полетъ и, такъ-сказать, демоническое настрое-

ние. И вотъ что замѣчательно: будучи вообще не словоохотлива и выражаясь, соответственно своему происхожденію, простонароднымъ языкомъ, она во время припадка получаетъ вдругъ даръ какого-то особеннаго краснорѣчія, не похожаго на ея обыкновенный языкъ ни по силѣ выраженій, ни по характеру обоготовъ рѣчи. Она становится очень словообильна и сыплеть словами, какъ бы бисеромъ. Приближеніе припадка она обыкновенно чувствуетъ за нѣсколько секундъ, но конецъ его приходитъ внезапно, точно онъ обрывается, и тогда больная сейчасъ же начинаетъ говорить своимъ обыкновеннымъ языкомъ и голосомъ. Она только чувствуетъ послѣ этого утомленіе и жалуется что *кине* ужасно ее измучилъ, проситъ избавить ее отъ него какимъ бы то ни было образомъ, говоритъ, что она ощущаетъ его у себя внутри и показываетъ мѣсто, гдѣ онъ сидитъ, именно подъ ложечкой. «Вотъ опять хочетъ начать... Вотъ-вотъ сейчасъ начинаетъ!.. О, какое несчастіе!» восклицаетъ она слабымъ, угнетеннымъ голосомъ, и вслѣдъ затѣмъ всѣ явленія припадка начинаются снова. Иногда это повтореніе бываетъ слабѣе, иногда сильнѣе; по временамъ приступы наитія повторяются по нѣскольку разъ въ сутки, въ иную же пору ограничиваются однимъ разомъ, и тогда больная говоритъ, что *кине* сжалился надъ нею и рѣшилъ дать ей на сегодня отдыхъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ состояніе ея духа нѣсколько просвѣтляется, она чувствуетъ себя здоровою и проситъ даже дать ей что-нибудь поработать. Нравственные причины ея болѣзни совершенно неизвѣстны, такъ какъ въ семейной жизни этой женщины не было никакихъ особенныхъ обстоятельствъ, которые могли бы повліять на нее; но болѣзнь очень упорна и до сихъ поръ не поддается никакому допускаемому современною наукой способу леченія.

11-го января.

Сегодня отправились мы съ М. Н. Струве въ *Нака-дори*, что въ переводѣ значитъ *улица старья* или *старыхъ вещей*. Она находится въ торговыхъ кварталахъ восточной части Сото-Сиро и вся сплошь занята разнокалиберными лавочками *bric-à-brac*, начиная съ торгующихъ всякимъ хламомъ и ломомъ, никому и ни для чего не годнымъ, до такихъ, гдѣ можно найти истинныя драгоценности японской старины и перлы японскаго искусства. Тѣ и другія лавочки, на первый взглядъ, мало отличаются другъ отъ друга по внѣшности, но стѣбитъ пройтись разъ-другой по *Нака-дори* и присмотрѣться къ нимъ повнимательнѣе, чтобы понять или, вѣрнѣе, почувствовать гдѣ находится своего рода кладъ для любителя. Иногда какое-нибудь сокровище этого рода случайно скрывается и въ самой нев-

зрачной лавчонкѣ, затерявшись между хламомъ или, частицей, выглядывая изъ-за него на свѣтъ Божій; но чтобы найти его тамъ, нужны именно своего рода нюхъ и глаза, извѣстная сноровка и привычка къ обыкновенной обстановкѣ подобнаго рода лавчонокъ, а это, кромѣ артистическаго чутія, дается только опытомъ. Но у меня уже есть на этотъ счетъ хорошая школа. Марья Николаевна Струве обладаетъ одною изъ разнообразнѣйшихъ и, можно сказать, лучшихъ въ мірѣ частныхъ коллекцій старыхъ японскихъ бронзъ и фарфора, такъ что, знакомясь изо дня въ день съ предметами этой коллекціи, приобретаешь съ наглядка, не говоря уже объ изощреніи вкуса къ истинно хорошему, еще и опытное знакомство съ лучшими и характернѣйшими образцами японскаго искусства, получаешь возможность сравнивать ихъ между собою, изучать особенности ихъ стилей, сноровку распознавать и отличать по нѣкоторымъ признакамъ произведенія одного мастера или фабрики отъ другихъ и т. д. Я помню, какъ при первыхъ шагахъ моихъ въ Японіи я накидывался зря на все, что казалось мнѣ истинно японскимъ, оригинальнымъ, замѣчательнымъ, и стремился безъ толку приобрести и то, и другое, и третье, и какъ А. П. Новосильскій предостерегалъ и удерживалъ меня, говоря что все это дрянъ, *расотиле*, «рынокъ», и что впослѣдствіи, когда познакомясь съ «настоящими» вещами, я пожалѣю о деньгахъ, истраченныхъ на подобныя покупки и выброшу ихъ за бортъ. Онъ былъ совершенно правъ, и я хорошо сдѣлалъ, что послушался его въ то время. У японскаго торговца «рѣдкостями и древностями» почти всегда есть въ лавчонкѣ два помѣщенія—одно для обыкновеннаго покупателя, другое для знатока и любителя. Первое всегда на показѣ у всѣхъ: это передняя часть, то, что называется собственно лавкой; второе же либо въ задней комнаткѣ, либо наверху, на антресолахъ, или во второмъ этажѣ. Въ первомъ собирается всякая всячина, все, что попадаетъ къ нему въ руки по случаю; во второмъ—дѣйствительно цѣнныя вещи по своей ли рѣдкости, или по искусству и достоинствамъ артистическаго исполненія. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, японскій купецъ поступаетъ совсѣмъ обратно европейскому: онъ не выставляетъ лучшее на показъ, а тщательно прячетъ его. Японскій купецъ очень сообразителенъ и чутокъ насчетъ покупателя. Онъ сразу видитъ какого сорта этотъ покупатель—смыслящій или ровно ничего не понимающій въ дѣлѣ, видитъ чего собственно ищетъ покупатель и что ему нравится, а сообразуясь съ этимъ, подсовываетъ его вниманію и подходящія вещи. Съ перваго раза онъ рѣдко когда пригласитъ незнакомаго покупателя наверхъ или въ заднюю комнату, развѣ ужъ замѣтитъ, что покупатель знатокъ,—

ну тогда ему и честь, и мѣсто, и чашка чаю въ видѣ угощенія. Съ профаномъ же онъ будетъ очень вѣжливо и любезно торговаться въ передней лавочкѣ и выхвалать ему всякій «рынокъ» и пакотиль. Постѣ двухъ-трехъ посѣщеній, у васъ уже завязывается съ купцомъ такъ-сказать личное знакомство; онъ очень радушно встрѣчаетъ васъ какъ знакомаго, предлагаетъ *кизеру* и *о-ча-нипонъ* (трубку и чай), осведомляется о вашемъ здоровьи и благополучіи, а затѣмъ ставитъ предъ вами тѣ вещи, какія вы торговали, но не купили у него въ прошлый разъ, — дескать, полюбуясь еще и соблазнись наконецъ. Онъ не такъ упоренъ какъ китаецъ, и если вы предлагаете ему мало-мальски подходящую цѣну, онъ тотчасъ же разочтеть въ умѣ или сдѣлаетъ на бумажкѣ надлежащую выкладку, чтобы не промахнуться себя въ убытокъ, послѣ чего тутъ же съ удовольствіемъ соглашается, — и вещь ваша. Если же согласиться нельзя, то послѣ такой ариметической выкладки, онъ честно объявляетъ вамъ свою послѣднюю, крайнюю цѣну, и тогда уже ваше дѣло купить или нѣтъ, но отъ дальнѣйшаго торга съ вами онъ отказывается, выказывая вамъ при этомъ всѣ вышніе знаки деликатнѣйшей вѣжливости, какъ бы извиняясь, что и радъ бы, молъ, душевно, да никакъ невозможно. Еще одна замѣчательная черта купеческой честности: вамъ, напримѣръ, нравится эта фарфоровая ваза, вы ее осматриваете и не замѣчаете въ ней рѣшительно никакихъ недостатковъ; вы хотите приобрести ее и спрашиваете цѣну; японскій купецъ, прежде чѣмъ назначить послѣднюю, объявляетъ вамъ что эта вещь съ изъяномъ, что она склеена (а надо замѣтить, что японцы удивительные мастера насчетъ спайки бронзы и склейки фарфора, и нуженъ очень опытный глазъ чтобы замѣтить въ вещи сразу то или другое), а потому-де и цѣна ей такая-то, обыкновенно значительно ниже того, что стоитъ такая же вещь цѣльная. Онъ легко могъ бы воспользоваться вашею неопытностью или доверчивостью и понадувать васъ, продавъ склеенный фарфоръ за цѣльный, и не объяви онъ самъ объ этомъ заранее, вы можете-быть никогда бы и не догадались, что въ вашей покупкѣ есть какой-либо изъянъ; но японскій купецъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаетъ этого: онъ слишкомъ добросовѣстенъ и слишкомъ дорожитъ своею репутаціей. А это черта такая, что если онъ прямо объявляетъ вамъ свою крайнюю цѣну, вы можете вѣрить ему безусловно.

Знакомаго или не совсѣмъ безвкуснаго покупателя, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, купецъ приглашаетъ наконецъ въ заднюю комнату, общая не безъ нѣкоторой таинственности показать «вещь на знатока», «истинную рѣдкость», причемъ расскажетъ вамъ и исторію

этой вещи, ея происхожденіе, имя, мастера и то, кому она принадлежала, и какимъ образомъ попала къ нему въ лавку. Судя по его тону, вы нерѣдко ожидаете при этомъ увидѣть что-нибудь грандіозное, поразительное, роскошно блестящее, а онъ вдругъ осторожно вынимаетъ изъ ящичка и бережно развертываетъ предъ вами изъ желтой серпянки и нѣсколькихъ бумажекъ какую-нибудь маленькую лаковую коробочку, ницку или чашечку. Но эти вещицы въ своемъ родѣ дѣйствительно верхъ совершенства и по исполненію, и по достоинству матеріала: лакъ этой коробочки, напримѣръ, знаменитый древній лакъ, на который не дѣйствуетъ ни вода, ни огонь и секретъ котораго, какъ увѣряютъ, нынѣ уже потерявъ; эта чашечка не болѣе, не менѣе какъ древняя *сатцума*, артистическое произведеніе старой Сатцумской фабрики, не существующей уже, какъ говорятъ, около двухсотъ пятидесяти лѣтъ, и цѣнность чашечки тѣмъ значительнѣе, что секретъ композиціи фарфоровой массы древней *сатцумы* теперь уже неизвѣстенъ. Чтобы показать вамъ разницу между старою и новою *сатцумой*, купецъ поставитъ предъ вами какое-нибудь изящное произведеніе послѣдней, — смотрите и сравнивайте. И тутъ, если въ васъ есть артистическое и архаическое чутье, вы воочію почувствуете разницу между тою и другою, хотя послѣдняя стремится подражать стилю первой и въ своемъ родѣ тоже прекрасна. Часто бываетъ такъ, что японецъ цѣнитъ въ вещи то, что для европейца безразлично, и они въ такомъ случаѣ почти не понимаютъ другъ друга. Въ этомъ древнемъ лакѣ, напримѣръ, кромѣ художественнаго исполненія вещицы, японецъ цѣнитъ именно то, что на него ни вода, ни огонь не дѣйствуютъ, а европейецъ говоритъ, что это мнѣ все равно, потому что ни жечь его, ни лить кипяткомъ на него я не стану, и по мнѣ, молъ, новѣйшія вещи Томаія гораздо эффектнѣе для этажерки. Такого сужденія совершенно достаточно чтобы японецъ принялъ своего европейскаго покупателя за круглаго невольку и пожалѣлъ бы въ душѣ, что металь предъ нимъ бисеръ.

Въ лавкѣ, куда мы заѣхали съ М. Н. Струве, обрадованный хозяинъ встрѣтилъ ее со всѣми знаками удвоеннаго почтенія: и какъ супругу русскаго посланника, и какъ истиннаго знатока и цѣнителя и старую свою покупательницу. Здѣсь я имѣлъ случай полюбоваться на превосходные старые образцы нѣсколькихъ знаменитыхъ фарфоровыхъ фабрикъ, каковы: Сатцума, Имари, Канга-Кудани, а также на разныя кіотскія и тоокійскія издѣлія. Я не стану вдаваться въ особенныя подробности характера и рисунка всѣхъ этихъ фарфоровъ, коими отличаются произведенія одной фабрики отъ другой, такъ какъ это потребовало бы цѣлой специальной монографіи;

ограничусь лишь указаніемъ на наиболѣе существенныя ихъ черты и отличія.

Древняя Сатцума отличается, во-первыхъ легкостью вѣса своей фарфоровой массы, сравнительно съ фарфорами другихъ старинныхъ и новыхъ фабрикъ; во-вторыхъ, она всегда имѣетъ одинъ и тотъ же основной, ничѣмъ не поддѣченный, естественный ея желтовато-бѣлый цвѣтъ оттѣнка сѣте, который служилъ и фономъ для живописной росписи. Глазурь ея большою частью истерскана, но трещинки эти не поддѣльныя; онѣ образовались сами, естественнымъ путемъ, отъ времени и покрываютъ всю вещь мелкою неправильною сѣткой,—признакъ, по которому всѣ подобныя вещи у европейскихъ знатоковъ носятъ общее, присвоенное имъ названіе *craquelée*. Живопись и орнаментъ древней Сатцумы всегда болѣе и менѣе представляетъ миниатюру и вообще отличается тонкимъ и легкимъ штрихомъ даже и въ крупныхъ рисункахъ. Въ особенности хороши и совершенно своеобразны орнаментъ поясковъ и бордюровъ, представляющій сочетаніе либо мелкокудрявыхъ завитковъ и выпуклыхъ точекъ, либо точекъ и угольчатыхъ арабесокъ (черточками). Контуры сатцумскаго орнамента всегда выводятся блѣднымъ, но не тусклымъ золотомъ, съ умираннымъ аккомпанементомъ кармина, темной киновари, сепи, бирюзово-голубой и зеленой краски, блѣдныхъ же колеровъ. Въ иллюминированіи фигурокъ участвуютъ тѣ же краски и блѣдное золото, коимъ проходятъ одежды и нѣкоторые предметы. Иногда рисунокъ сопровождается тамъ и сямъ неправильною веревницей мелкихъ золотыхъ плескихъ точекъ въ воздухѣ, какъ бы въ видѣ тучекъ или снѣжинокъ; такія же точки употребляются и для изображенія осыпающихся лепестковъ сливы и проч. Рисунокъ по большей части носитъ эскизный характеръ; и сюжетами его обыкновенно служатъ цвѣты, дѣти въ своихъ играхъ и забавахъ, духи-покровители Японіи и божки семейнаго счастья, или ихъ атрибуты, въ родѣ журавля, черепахи и проч., иногда святыне отшельники буддійскаго культа съ золотыми нимбами вокругъ головы, составленными изъ нѣсколькихъ тѣсныхъ рядовъ мелкихъ, выпуклыхъ точекъ, иногда птицы и рыбы. Въ нѣкоторыхъ вещахъ живопись соединяется съ го-рельефною скульптурой. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ вазахъ дѣлается снаружи какъ бы дупло или глубокая ниша, осыпанная по краю изваянною вѣтвю цвѣтущей сливы или букетомъ какихъ-либо цвѣтовъ, и въ ней помещается гнѣздышко, съ нѣсколькими яичками и птичкой-самкой, а надъ нимъ—вспорхнувшій или уцѣпившійся за вѣтку самецъ съ какою-нибудь мушкой въ клювѣ. На донцѣ одной чашки я видѣлъ скалы и сидящаго подъ ними длиннородаго пустытника. Въ моей сатцумской коллекціи есть двѣ старыя вазы,

изъ которыхъ на одной изображенъ *Фьютенъ*, духъ бурь и вѣтровъ, а на другой *Райдэнъ*, духъ грозы и грома, низвергающіе на землю вихри, градъ и молніи. Одинъ держитъ на плечахъ мѣшокъ, наполненный вѣтрами, другой перебрасываетъ семь окружающихъ его тамбуриновъ; оба они несутся на фонѣ темныхъ тучъ, въ которыхъ мнутся золотыя капли дождя, града и листья, оторванные отъ вѣтокъ. Фантастическія, сильнымъ рельефомъ изваяныя фигуры и вся окружающая ихъ сумятица стихійныхъ силъ исполнены замѣчательной выразительности, силы, напряженного движенія. Всѣ вообще скульптуры древней Сатцумы раскрашены, но подборъ колеровъ на нихъ никогда не бываетъ яркъ; напротивъ, онъ нѣсколько блѣденъ и всегда очень мягокъ и гармониченъ въ общемъ, такъ что кажется будто сатцумскія краски имѣютъ нѣсколько выпѣтпшій характеръ, и это придаетъ имъ особенную прелесть.

Фарфоръ *Имари* уже гораздо тяжеловѣснѣе Сатцумы, но масса его обладаетъ большими достоинствами; она очень плотна и отличается своею ровностью и совершенною бѣлизной, въ изломѣ имѣетъ видъ рафинированнаго сахара высокаго сорта. Благодаря такимъ качествамъ массы, вещи этой фабрики отличаются наибольшою прочностью и болѣе крупными размѣрами; это преимущественно блюда, миски, цилиндрическія длинныя вазы съ раструбомъ и лузатыя вазы-кубышки съ полусферическими крышками, форма коихъ заимствована отъ Китая. Раскраска Имари болѣе груба или такъ-сказать реальна, кисть широкая, быстрая; сюжетъ ея — преимущественно фантастическія сочетанія цвѣтовъ и листьевъ, не стѣсняясь особенно точнымъ воспроизведеніемъ природы, иногда драконы, иногда эмблематическая птица *фюо* и сосновыя вѣтви; рисунокъ вообще спѣшнѣй, безъ особенной отдѣлки. Отличительный характеръ раскраски Имари это сочетаніе на бѣломъ фонѣ двухъ основныхъ цвѣтовъ: синяго и темно-краснаго, сургучнаго, къ которымъ присоединяется мѣстами въ отдѣлкѣ грязновато-тусклое золото (желто-мѣднаго оттѣнка); иногда допускается кое-гдѣ и зеленый цвѣтъ, какъ напримѣръ, въ бамбукахъ и сосновыхъ вѣткахъ и даже немного въ орнаментѣ, но рѣдко.

Фарфоръ *Кама - Кудани* такихъ же достоинствъ какъ Имари, но тоньше и потому фабрика эта занимается также и болѣе мелкими вещами, каковы разнокалиберныя чашечки, блюда и флаконы. Въ послѣднее время съ успѣхомъ стали тамъ выдѣлывать и европейскіе сервизы, отличающіеся наибольшою тонкостью фарфора. Вещей особенно крупныхъ размѣровъ эта фабрика вообще не работаетъ; ея блюда и вазы по большей части менѣе средней величины, то-есть первыя около 13—15 дюймовъ.

въ поперечникѣ, а вторыя около 24 дюймовъ въ охватѣ и 14—15 дюймовъ вышины. Основной тонъ раскраски сургучно-красный, по которому пускается частый какъ бы сѣтчатый узоръ изъ мелкихъ развѣтвляющихся кудрявыхъ завитковъ съ горошинками, наведенный яркимъ полированнымъ золотомъ. Въ болѣе простыхъ вещахъ и завитковый узоръ, и бордюрный орнаментъ, и самый рисунокъ выводятся по бѣлому, иногда по желтоватому фону одною и тою же сургучно-красною краской, нарѣдка бликуемой кое-гдѣ тонкими золотыми штрипками; но часто дѣло обходится и вовсе безъ золота. Сюжетами для рисунка служатъ цвѣты, мѣстные пейзажи, люди (порознь и въ группахъ) и разныя житейскія сцены, преимущественно изъ сельскаго быта. Рисунокъ Канга-Кудани всегда болѣе или менѣе эскизненъ, безъ особенной выпски и безъ законченности. Характеръ кисти смѣшанный: то черзчуръ уже тонкій, волосковый, то грубоватый, но смѣлый. Есть цѣлый отдѣлъ произведеній старейшей Канга-Кудани, къ которому относится всякая утварь, гдѣ неизмѣнно повторяются въ рисунокѣ два сдвигнутыхъ сюжета на тему принесенія новогоднихъ поздравленій и на тему собора буддійскихъ мудрецовъ, разбирающихъ свитки закона. Рисунокъ этотъ охватываетъ собою вѣнцомъ борта блюда и тарелокъ и опоясываетъ главную толщу вазъ, флаконовъ, чайниковъ и чашекъ. Въ первомъ сюжетѣ онъ состоитъ изъ непрерывнаго ряда тѣсно сгруппированныхъ людей (исключительно мужчинъ) разныхъ сословій, начиная съ *даймио* и ученыхъ *бомиэ* и кончая рыбаками и простонародными странниками — богомольцами съ Фуэи-ямы. Всѣ они изображаются въ зимнихъ праздничныхъ одеждахъ и въ почтительныхъ позахъ, привѣтствуя или другъ друга или *се-иуна*; одни подносятъ ему сосновыя вѣтви, другіе — вѣтвь распутившейся сливы, третьи углублены въ совместное съ друзьями чтеніе поздравительныхъ виршей на длинныхъ лентахъ бумаги и въ разбирание надписей визитныхъ карточекъ; но всѣ вообще по возможности кутаютъ свои руки въ толстые ватные рукава широкихъ киримоновъ, въ раскраскѣ коихъ допускается нѣкоторое разнообразіе колеровъ, а именно: черный (тушь), желтый, свѣтло-синій и свѣтло-зеленый. Во второмъ сюжетѣ тоже исключительно мужчины, болѣе китайскаго чѣмъ японскаго типа, въ длинныхъ широкихъ одеждахъ. Они представляютъ собою также непрерывный рядъ стоящихъ и тѣсно сгруппированныхъ людей, погруженныхъ въ изслѣдованіе длинныхъ, ходящихъ у нихъ по рукамъ, свитковъ закона: лица и позы представляются въ разнообразныхъ положеніяхъ: en face, и въ профиль, и тыломъ, но больше всего согнувшись надъ рукописями. Замѣчательно, что оба эти сюжета изображаютъ

ся не иначе какъ на золотомъ (блестящемъ или матовомъ) фонѣ, что на первый взглядъ придаетъ всему рисунку какъ будто нѣсколько византийскій характеръ. Старинныя произведенія Канга-Кудани, въ особенности съ этимъ рисункомъ, очень цѣнятся японскими знатоками.

Есть и еще одинъ сортъ фарфора *Кудани* — преимущественно блюда и тарелки. Основной тонъ его массы желтоватый, оттѣнка сѣмее. Плато разбивается кривыми и ломаными линиями на нѣсколько отдѣленій, изъ коихъ каждое служить рамкой для отдѣльнаго рисунка. Одни изъ отдѣленій имѣютъ очертанія овала или круга (медальономъ), другіе — распущеннаго вѣера, третьи — параллелограмма или треугольника, а въ общемъ все это представляется какъ бы отдѣльными, въ беспорядкѣ набросанными одна на другую картинками. Пространства между ними всегда заполняются совершенно такъ же какъ и въ *Канга* густымъ сургучно-краснымъ фономъ съ пущенными по немъ такими же точно золотыми завитками; въ рисункахъ же фонъ остается естественный, сѣмее. Сюжетами рисунковъ служатъ цвѣты и плоды (розы, астры, земляника, гранаты) и птицы, преимущественно пѣтухи, иногда женскія фигурки въ житейскихъ сценахъ, въ особенности изъ прежней придворной жизни. И надо замѣтить, что за исключеніемъ извѣстной условной и такъ-сказать традиціонно-японской манеры въ изображеніи женскихъ лицъ, рисунокъ этого сорта *Кудани* во всемъ остальномъ, что касается цвѣтовъ и птицъ, стремится съ точностью копировать природу. Контуры рисунка очень тщательно и подробно выведены тонкими чертами густою тушью и вообще каждый рисунокъ всегда отличается полною законченностью въ предѣлахъ своей рамки. Наружныя стѣнки блюда и мисокъ расписываются обыкновенно гирляндами изъ виноградныхъ листьевъ и гроздій. Въ раскраскѣ рисунковъ допускаются наиболѣе разнообразныя и смѣшанныя цвѣта: густой карминъ, бѣло-розовый, голубой, и свѣтло-синій, темно- и свѣтло-желтый, зеленый, разныхъ оттѣнковъ, сепія, быдла и тушь. При этомъ краски прозрачныя всегда накладываются такъ, чтобъ изъ-подъ нихъ совершенно ясно сквозили черты контура, а на непрозрачныхъ контурахъ вторично начерчивается золотомъ, которому большая роль отводится также въ мелкомъ штрихованіи пѣтушьяхъ перьяхъ. Облака и тучки тоже наводятся золотомъ. Для бордюровъ и для фона въ нѣкоторыхъ медальонахъ меньшей величины употребляется золотой матъ, а на штриховку контуровъ блестящее золото. Несмотря на нѣкоторую пестроту, рисунокъ не дѣлается на глазъ кричащаго впечатлѣнія, потому что въ немъ все-таки преобладаютъ скромные колера и темные оттѣн-

ки; въ общемъ онъ очень соразмѣренъ, а основной тонъ сгѣте въ особенности сообщаетъ ему умѣряющую тепловатую мягкость.

Кромѣ перечисленныхъ главныхъ родовъ японскаго фарфора, представляющихъ собой какъ бы школы этого производства, выработавшія каждая свой особый стиль и строго слѣдующія извѣстнымъ традиціямъ, существуютъ въ странѣ еще множество разныхъ фарфоровыхъ фабрикъ, между которыми наибольшую извѣстностью пользуются Кіото, Овари и Новая Сатцума, или собственно Тамокояма въ городѣ Кагосима¹⁾. Последняя стремится, и не безъ успѣха, подражать во внѣшности своему древнему прототипу, но у художниковъ миниатюристовъ нѣтъ уже той чистоты и скрупулезности въ усидчивой отдѣлкѣ мельчайшихъ деталей орнамента; вещи работаютъ болѣе спѣшно, на продажу, да и потерянный секретъ фарфора уже не можетъ быть восстановленъ. Впрочемъ, кагосимскія издѣлія не рѣдко сбываются плохимъ знатокамъ за «настоящую» древнюю Сатцуму.

13-го января.

Сегодня мы почти цѣлый день провели въ *Кванкубѣ*. Такъ называется постоянная выставка или базаръ, устроенный городомъ по инициативѣ правительства въ участкѣ Даймю-Коодзи (центральный округъ Сото), для чего былъ уступленъ цѣлый кварталъ, принадлежавшій до переворота 1868 года одному изъ феодаловъ. Кванкуба, это цѣлый лабиринтъ деревянныхъ зданій, залъ, крытыхъ свѣтлыхъ галлерей и переходовъ, гдѣ сосредоточены по отдѣламъ всевозможныя произведенія мѣстной кустарной и мануфактурной промышленности, перечислить которыхъ нѣтъ никакой возможности, кромѣ какъ въ длинномъ каталогѣ. Тутъ чего хочешь, то и просишь. Тутъ все есть, рѣшительно все, что требуется въ обиходѣ японской жизни, за исключеніемъ лишь сѣстныхъ продуктовъ, если они не въ консервахъ. Вы находите здѣсь и предметы роскоши, и предметы первой необходимости, пищу для ума и образованія, пищу для развлечения и комфорта, инструменты и пособия для всевозможныхъ работъ, искусствъ и ремеслъ. Тутъ и мебель, и утварь, ткани и одежда, книги, табакъ, цвѣты, духи и пр. и пр. Но замѣчательно вотъ что: допускаются въ Кванкубу издѣлія не иначе какъ премірованные, получившія медали и почетные отзывы на разныхъ конкурсахъ и мѣстныхъ провинціальныхъ выставкахъ, такъ, что превосходныя качества всѣхъ этихъ произведеній вполне гарантированы, — покупайте смѣло, вы не рискуете ошибиться или быть обманутымъ. Кро-

мѣ того, еще величайшее удобство въ томъ, что здѣсь вамъ совсѣмъ не надо торговаться: каждой вещи назначена своя цѣна, утвержденная административнымъ комитетомъ Кванкубы. Здѣсь всегда что-называется не толченая труба народа, одни покупаютъ, другіе глязѣютъ и прогуливаются. Да и какъ не поглазѣть, если на каждомъ шагу вы встрѣчаете прелестныя, красивыя вещи! Поневоля соблазнишься и купишь чего даже и не думалъ, тѣмъ болѣе, что все стоитъ такіе пустяки, сравнительно съ европейскими цѣнами.

21-го января.

Вчера барону О. Р. Штакельбергу, какъ временно командующему эскадрой Восточнаго океана, было сообщено официальнымъ путемъ желаніе его величества микадо принять его сегодня, 21 января, въ парадной аудіенціи, съ командирами русскихъ судовъ находящихся на Токогамскомъ рейдѣ и чинами его штаба. Поэтому къ двумъ часамъ дня во дворецъ Гошіо собрались: налѣ посланникъ К. В. Струве съ секретаремъ посольства барономъ Розеномъ и драгоманомъ г Малендой; контръ-адмиралъ баронъ Штакельбергъ; командиры судовъ, капитаны 1-го ранга: Назимовъ 1-й (фрегатъ «Мининъ»), Тыртовъ (фрегатъ «Князь Пожарскій»), капитанъ-лейтенанты: Назимовъ 2-й (клиперъ «Крейсеръ») и Алексѣевъ (крейсеръ «Африка»); по одному старшему лейтенанту съ судовъ «Мининъ», «Князь Пожарскій» и «Африка»; лица штаба командующаго эскадрой: флаг-капитанъ, капитанъ 1-го ранга Новосильскій, секретарь штабсъ-ротмистръ Крестовскій и флагъ-офицеры, мичманы: Наумовъ и Перелешинъ. Къ этому же времени съѣхались во дворецъ высшіе чины двора и министерства иностранныхъ дѣлъ, назначенные присутствовать при церемоніи.

Въ два съ четвертью часа дня присутствующіе были приглашены въ аудіенцъ-залу. Это обширная комната, съ трехъ сторонъ коей идутъ стекольчатая раздвижныя стѣны, за которыми видны стекольчатая же галлерей, украшенные большими японскими вазами съ букетами яркихъ камелій и иныхъ цвѣтовъ, свойственныхъ этому времени года. Полъ аудіенцъ-залы сплошь затянутъ мягкимъ ковромъ, а у задней стѣны, въ особой нишѣ, виситъ акварельная картина, и подъ нею, на роскошномъ рѣзномъ столикѣ, помѣщается массивная группа журавлей въ натуральную величину, сдѣланная изъ серебра и золота. Нѣсколько отступя отъ задней стѣны, посреди залы, стояло высокое кресло, обтянутое лиловою шелковою матеріей съ затканными по ней серебряными астрами.

Войдя въ аудіенцъ-залу, мы уже застали тамъ микадо, одѣтаго въ генеральскій японскій мундиръ, съ форменною *кети* въ лѣвой рукѣ.

¹⁾ Главный городъ провинціи Сатцума, на островѣ Кью-сю.

Императоръ стоялъ впереди лидоваго кресла, а два принца императорскаго дома помѣщались нѣсколько впереди микадо, по обѣ стороны его величества, лицомъ другъ къ другу. На видъ государю Японіи около тридцати лѣтъ; онъ нѣсколько выше средняго роста и сложенъ стройно; лицо блѣдное, небольшіе черные усы, волосы носить по европейски, по-военному; выраженіе лица, соотвѣтственно требованіямъ мѣстнаго придворнаго этикета, совершенно безстрастное, неопредѣленное. Имя его Муцугито, но въ народѣ, равно какъ и при дворѣ, не принято называть государя собственнымъ именемъ, которое становится достояніемъ исторіи лишь послѣ его смерти; при жизни же государя титулуютъ однимъ лишь словомъ *микадо*, что значитъ, досточтимый.

Приблизясь на подобающее разстояніе къ императору, баронъ Штапельбергъ отдалъ почтительный поклонъ и произнесъ слѣдующія слова:

— Я счастливъ что, имѣя случай представиться нынѣ вашему величеству, могу снова выразить благодарность за гостепріимство, оказываемое русскимъ военнымъ судамъ сосѣднемъ съ нами Японіей, къ которой русскіе моряки издавна питали и всегда питаютъ дружбу и уваженіе. Генералъ-адъютантъ Лесовскій, какъ только состояніе здоровья ему позволитъ, рассчитываетъ прибыть сюда, чтобы лично представиться вашему величеству и также выразить чувства признательности за гостепріимство вашей страны, оказываемое нашему флоту.

Эта рѣчь была тотчасъ же на словахъ переведа придворнымъ переводчикомъ его величеству. Выслушавъ ее съ видимою благосклонностью, императоръ Японіи очень тихимъ голосомъ произнесъ свой отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, тутъ же переданныхъ барону Штапельбергу чрезъ посредство того же переводчика:

— Я очень доволенъ видѣть васъ здѣсь. Надѣюсь, что вы, адмиралъ, офицеры и судовыя команды находитесь въ добромъ здравіи. Я буду радъ принять адмирала Лесовскаго если состояніе его здоровья позволитъ ему сюда прибыть послѣ совершеннаго его излеченія.

Этими словами аудіенція была окончена. Откланявшись его величеству, адмиралъ со свитой возвратился въ приемную комнату, гдѣ всѣмъ тотчасъ же былъ предложенъ чай, послѣ чего всѣ разѣхались въ исходѣ третьяго часа.

29-го января.

Сегодня, въ полдень, нашу эскадру на Токогамскомъ рейдѣ посѣтили высшіе чины японскаго флота и арміи: морской министръ, вице-адмиралъ Еномото; бывшій министръ того же вѣдомства, нынѣ членъ верховнаго совѣта, вице-адмиралъ Кавамура; военный министръ, генералъ-лейтенантъ Ямагата; начальникъ

главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Ояма; члены верховнаго совѣта, бывшіе министры—военный, генералъ-лейтенантъ Сайго, и публичныхъ работъ, генералъ-лейтенантъ Ямада, генералъ-лейтенанты Миура и Тани, изъ коихъ послѣдній приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность на крайнемъ Востокѣ тѣмъ, что доблестно выдержалъ въ 1877 году тѣсную девятимѣсячную осаду въ крѣпости Кумамото со стороны инсургентовъ, приверженцевъ стараго порядка, чему обязанъ своимъ спасеніемъ нынѣшній государственный строй Японіи, и наконецъ, вице-адмиралъ Накумута, главный командиръ Токогамскаго порта. Этихъ почетныхъ посѣтителей сопровождали: адъютантъ военнаго министра, артиллерія капитанъ Гуцъ-Номіа, и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Ицикава, оба наши хорошіе знакомца, служившіе въ данномъ случаѣ переводчиками.

Русскіе военные катера, ожидавшіе нашихъ почтенныхъ гостей у портовой пристани, перевезли ихъ сперва на броненосный фрегатъ «Князь Пожарскій», гдѣ были показаны имъ общая тревога и все судно, въ полномъ его устройствѣ; затѣмъ они переправились на «Мининъ», гдѣ смотрѣли артиллерійское ученіе и также сдѣлали осмотръ всего судна и скрытъ-камеры. Удаленіе ихъ съ обоихъ броненосцевъ сопровождалось положеннымъ по уставу артиллерійскимъ салютомъ. По осмотрѣ «Минина», наши гости переѣхали на флагманское судно, крейсеръ «Африку», гдѣ были встрѣчены почетнымъ карауломъ и звуками японскаго національнаго гимна. За роскошнымъ завтракомъ, который былъ данъ барономъ Штапельбергомъ, нашъ хозяинъ-адмиралъ предложилъ первый тостъ за здоровье его величества микадо, сопровождавшійся опять же японскимъ гимномъ. Отвѣтный тостъ за Государя Императора былъ предложенъ генералъ-лейтенантомъ Ямагата, военнымъ министромъ. Далѣе слѣдовали тосты за японскую армію и флотъ въ лицѣ нашихъ гостей, представителей вооруженныхъ силъ Японіи, и отвѣтный—за хозяина, присутствующихъ русскихъ моряковъ, русскій флотъ и армію и наконецъ за дружбу и доброе сосѣдство Японіи и Россіи.

Послѣ завтрака гости вышли на верхнюю палубу, причѣмъ миноносный паровой катеръ съ «Африки», подъ командой лейтенанта Тарасова, произвелъ минное ученіе со взрывомъ двухъ учебныхъ минъ, а на клиперѣ «Крейсеръ» по сигналу сдѣлано парусное ученіе, отличавшееся замѣчательною быстротою, расторопностью и порядкомъ. Всѣ вообще ученія на всѣхъ судахъ были произведены, можно сказать, образцово. На верхней палубѣ «Африки» наши гости съ особеннымъ вниманіемъ осматривали механизмъ десантнаго (оно же и горное) орудія системы Барановскаго, послѣ чего, въ половинѣ пятаго часа дня, простились съ баро-

номъ Штапельбергомъ и русскими офицерами. Отъѣздъ ихъ сопровождался народнымъ японскимъ гимномъ и артиллерійскимъ салютомъ.

Здѣшняя иностранная печать, особенно ревниво и подозрительно слѣдящая за отношеніями между членами японскаго правительства и представителями нашей дипломатіи и флота и ставящая имъ, что называется всякое лыко въ строку, конечно, не преминетъ и изъ этого простаго дружескаго посѣщенія сдѣлать свои «глубокомысленныя» умозаключенія, отличающіяся, впрочемъ, не столько знаніемъ дѣла сколько слѣпымъ недоброжелательствомъ къ Россіи.

30-го января.

Сильный вѣтеръ. На рейдѣ буря. Въ шестомъ часу вечера вспыхнулъ въ Тоокіо большой пожаръ. Сгорѣло слишкомъ 8.000 домовъ.

3-го февраля.

Принцы императорскаго японскаго дома оказали сегодня очень любезное вниманіе судамъ нашей эскадры. Выѣхавъ изъ Тоокіо съ утреннимъ девятичасовымъ поѣздомъ, они черезъ часъ прибыли въ Йокогаму и въ открытыхъ экипажахъ проѣхали во дворъ военнаго порта, гдѣ у пристани ихъ уже ожидали наши красивые катера, устланные коврами и дорогами покрывалами на сидѣньяхъ. Императорскихъ принцевъ было пятеро: Арисугава-но-міа, бывшій главнокомандующій императорской арміей во время сатцумскаго возстанія въ 1877 году, затѣмъ президентъ *Генроина* (сената), а нынѣ, въ званіи фельдмаршала, занимающій должность *са-дай озина*, то-есть перваго вице-канцлера имперіи; Хигаси-Фусима-но-міа, генералъ-лейтенантъ, бывшій начальникъ стрѣлковыхъ и гимнастическихъ школъ арміи, а нынѣ главный инспекторъ этихъ отдѣловъ образованія въ войскахъ; Катасиракава-но-міа, подполковникъ, проведеншій нѣсколько лѣтъ въ Германіи для всеннаго образованія и владѣющій нѣмецкимъ языкомъ; Фусими-но-міа, капитанъ, и Ямасина-но-міа, кадетъ морскаго училища. Всѣ они приходятся двоюродными братьями императору, у котораго родныхъ братьевъ нѣтъ. Ихъ высочества сопровождали посланникъ К. В. Струве, морской министръ Еномото, министръ иностранныхъ дѣлъ Иноуэ, товарищъ министра двора Суги, начальникъ Йокогамскаго порта Накамута, дежурный адъютантъ фельдмаршала и драгоманъ Ицикава, а изъ русскихъ, кромѣ посланника, секретарь посольства баронъ Розенъ, драгоманъ Маленда и я.

Въ три четверти одиннадцатаго часа утра императорскіе принцы прибыли на фрегатъ «Князь Пожарскій», гдѣ были встрѣчены начальствующимъ эскадрой, контръ-адмираломъ барономъ Штапельбергомъ, флагъ-капитаномъ А. П. Новосильскимъ и командиромъ фрегата П. П. Тыртовымъ. Офицеры, гардемарины,

кондукторы и команда судна были выстроены на верхней палубѣ. Пройдя въ нижнюю палубу гдѣ помѣщается батарея, ихъ высочества пожелали видѣть артиллерійское ученіе. Тотчасъ же была ударена тревога, и чрезъ 2¼ минуты массивныя орудія фрегата были уже вполнѣ готовы къ бою. Сдѣлано было нѣсколько поворотовъ батареи подъ значительными углами для стрѣльбы въ разныхъ направленіяхъ, мѣнялась наводка, показанъ былъ приемъ пальбы залпами, и все это производилось быстро, отчетливо, въ полномъ порядкѣ, какъ и слѣдовало впрочемъ ожидать отъ такой молодецкой команды. Послѣ кратковременнаго отдыха въ помѣщеніи командира судна, принцы отправились на фрегатъ «Мининъ». Когда катера отвалили отъ борта на должное разстояніе, на гротъ-мачтѣ «Князя Пожарскаго» былъ поднятъ японскій флагъ, а люди, посланные по реямъ, троекратно прокричали *ура*, послѣ чего былъ отданъ салютъ двадцатью однимъ выстрѣломъ.

На «Мининѣ» командиръ судна, капитанъ 1-го ранга Назимовъ 1-й, показалъ высокимъ посѣтителямъ все внутреннее устройство фрегата, послѣ чего на верхней палубѣ было произведено кройтчъ-камерное ученіе. Отъѣздъ принцевъ съ фрегата сопровождался отданіемъ тѣхъ же почестей, что и на «Князѣ Пожарскомъ».

На крейсерѣ «Африка», куда высокіе гости прибыли въ полдень, ихъ встрѣтилъ нашъ флотскій оркестръ звуками японскаго національнаго гимна, и затѣмъ командиръ судна показалъ на верхней палубѣ всѣ минныя приспособленія и объяснилъ способъ выбрасыванія посредствомъ сжатого воздуха уайтхедовскихъ минъ изъ особо приспособленныхъ пушекъ. Взрывъ боевой мины, произведенный съ парового катера «Саратога», былъ очень удаченъ и доставилъ гостямъ великолѣпное зрѣлище, когда водяной столбъ поднялся на значительную высоту, въ видѣ гигантскаго фонтана, и съ грохочущимъ шумомъ низвергся въ волны. На «Африкѣ» баронъ Штапельбергъ предложилъ гостямъ завтракъ, къ которому были приглашены и командиры нашихъ судовъ. Послѣ обычныхъ тостовъ за микадо и Государя Императора, хозяинъ, предложивъ тостъ за своихъ высокихъ гостей, высказалъ, что русскіе моряки исполнены признательности къ правительству и народу Японіи за все доброе вниманіе и истинно дружеское гостепріимство, какое русскіе встрѣчали въ этой странѣ, какъ въ прежніе годы, такъ и въ настоящихъ обстоятельствахъ. Принцъ Арисугава въ отвѣтъ на это выразилъ, что Японія цѣнитъ дружеское расположеніе къ ней Россіи, и что поэтому остается только пожелать, чтобы и на будущія времена узы дружбы между этими странами скрѣплялись ко взаимному благополучію обѣихъ народовъ.

Въ началѣ третьяго часа дня ихъ высочества простились съ барономъ Штакельбергомъ и русскими моряками, и наши катера, при обычной въ такихъ случаяхъ церемоніи, отвезли ихъ къ портовой пристани.

14-го февраля.

Въ семь часовъ вечера императорскіе принцы: Арисугава, Хигаси-Фуоими, Катасиракава и Фуоими съ ихъ супругами обѣдали у нашего посланника. Къ столу были приглашены: морской министр Ёномото съ супругой, супруга министра иностранныхъ дѣлъ, г-жа Инойе съ дочерью, и г. Сузуки, бывший секретарь японской миссіи въ Лондонѣ, говорящій по-английски, а изъ русскихъ, кромѣ членовъ посольства, баронъ Штакельбергъ. Новосильскій, командиры судовъ и я. Обѣдъ этотъ, впрочемъ, не отличался строго официальнымъ характеромъ, въ томъ смыслѣ, что не было предлагаемо никакихъ официальныхъ тостовъ. Супруги принцевъ были одѣты въ придворные японскіе костюмы, которыхъ роскошь и яркіе цвѣта очень усиливали эффектъ красиво сервированнаго стола. Въ особенности замѣчательна ихъ официально придворная прическа: это—высоко приподнятое широкое бандо, уходящее за уши и обрамляющее собою лобъ и обѣ стороны лица. Нѣчто подобное, но только въ уменьшенныхъ размѣрахъ, носили дамы въ Европѣ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. У иныхъ изъ придворныхъ дамъ эта куафюра заканчивается узломъ косъ на затылкѣ, у другихъ же варьируется тѣмъ, что, будучи на затылкѣ перехвачена какой-то узорчатой перевязкой, свободно падаетъ на спину распущенными, волнистыми волосами. У японокъ вообще волосы можно назвать роскошными, и нельзя сказать, чтобы эта пышная прическа была не къ лицу придворнымъ дамамъ. Нижній костюмъ ихъ состоитъ изъ очень широкихъ шальваръ шелковой матеріи пунцоваго цвѣта; ступни обихъ ногъ продѣваются въ особыя отверстія плотно охватывающія щиколотки; пышныя складки падаютъ съ талии до полу, совершенно прикрывая собою всю обувь и даже ея носки, а длинные концы шальваръ волочатся сзади по землѣ, что на взглядъ представляетъ подобіе нашихъ юбокъ со шлейфами; но въ общемъ, стоятъ ли придворная дама на мѣстѣ, идетъ ли плавно переступая невидимыми ножками, вамъ кажется, что она и то и другое дѣлаетъ на колѣняхъ,—таковъ именно эффектъ этого своеобразнаго нижняго костюма, который, какъ говорятъ, для того и предназначенъ, чтобы производить подобное впечатлѣніе. Объясненіе въ томъ, что придворныя дамы удостоенныя чести являться предъ лицомъ микадо должны показывать видъ будто приближаются къ нему на колѣняхъ. Это требованіе стародавняго этикета, существующее

безъ малѣйшихъ измѣненій со дня его установленія еще въ глубокой древности. Такимъ образомъ, и самый костюмъ придворныхъ дамъ составляетъ точнѣйшее воспроизведеніе кіотской моды, пережившей, быть-можетъ, цѣлое тысячелѣтіе. Верхній костюмъ ихъ изъ драгоценныхъ парчевыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ и очень изящнаго рисунка кроенъ въ родѣ короткополаго кафтана, по колѣно, съ широкими рукавами извѣстными у насъ подъ именемъ греческихъ. Грудь и отгачи шеи прикрываются бортами легкихъ шелковыхъ киримоновъ-сорочекъ (родъ халатика), и борты эти очень изящно расшиты тонкими узорами. Широкій и пышный придворный костюмъ не имѣетъ, за исключеніемъ киримона-сорочки, ничего общаго съ костюмами горожанокъ, у которыхъ верхніе киримоны очень изящно обрисовываютъ женскіе формы, и горожанки надъ отдатъ имъ справедливость, умѣютъ съ большими, хотя и чисто японскимъ «шикомъ» (простите это выраженіе!) носить свои платья, которыя отнюдь не мѣшаютъ проявленію природной граціи японокъ; ни въ ихъ походкѣ, ни въ манерахъ; вамъ кажется только будто онѣ нѣсколько гнутся корпусомъ напередъ, но это не портитъ рисунка ихъ фигурокъ, и обусловливается болѣе всего роскошнымъ туниромъ изъ большого и широкаго банта, въ какой съ особеннымъ искусствомъ завязывается сзади на талии ихъ поясъ (*оби*). Должно замѣтить, что туалетъ женщинъ высшаго сословія не только обозначаетъ ихъ званіе и положеніе въ свѣтѣ, но узорами и вышивками на платьяхъ, а равно и цвѣтомъ матеріи долженъ совпадать со временемъ года, погодой и флорой различныхъ мѣсяцевъ. Таково требованіе національной моды. Въ прежніе, сравнительно еще весьма недавніе годы, этикетъ требовалъ чтобы придворныя дамы начисто сбивали себѣ брови и замѣняли ихъ двумя короткими и толстыми мазками китайской туши на лбу, нальца на три надъ глазами; но теперь эта стародавняя мода совершенно оставлена, благодаря чему естественная красота видѣнныхъ нами принцессъ конечно выиграла весьма много. Въ городскомъ японскомъ костюмѣ присутствовала за обѣдомъ одна только г-жа Ёномото, а въ европейскихъ платьяхъ—обѣ г-жи Инойе. Въ этомъ отношеніи, онѣ первыя изъ японокъ являются въ своей странѣ нововводительницами европейской моды. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданъ былъ императорскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ вообще носить европейское платье и за одно уже уничтожавшій ремесло женскихъ куаферовъ, на томъ-де основаніи, что каждая женщина должна сама убирать себѣ волосы. Гражданскіе чиновники и вообще служащіе на жалованьи отъ правительства, конечно, должны были безусловно подчиниться этому повелѣнію, но со стороны женщинъ оно

встрѣтило хотя и пассивную, тѣмъ не менѣе упорную и едва ли одолимую оппозицію: онѣ остались вѣрны своему національному костюму. Единственная уступка европеизму, какая была сдѣлана дамами высшаго общества, состояла лишь въ томъ, что онѣ рѣшились замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои *сокки* и *зори* французскими туфлями и американскими ботинками, инныя даже употребляютъ теперь панжскія перчатки, но и только. Чтò же до куаферовъ, то уничтоженіе ихъ отнюдь не повліяло на измѣненіе характера женской прически: дамы стали только пользоваться для этого услугами женщинъ-специалистокъ, которыя, хотя и не держатъ куаферныхъ заведеній, но ходятъ изъ дома въ домъ по знакомымъ клиенткамъ и не имѣютъ пока причинъ жаловаться на недостатокъ или убыточность своей практики. Простой народъ и большинство горожанъ точно также не подчинились радикальному указу, и правительство кажется догадалось, что дѣйствовать въ этомъ случаѣ насильственными мѣрами не слѣдуетъ, а лучше предоставить разрѣшеніе вопроса самому времени. И дѣйствительно, говорятъ, что европейскій костюмъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ въ городской средѣ все большее и большее число добровольныхъ сторонниковъ.

Съ реформою мужскихъ причесокъ дѣло у правительства шло гораздо ладнѣе, потому что европейская прическа не только несравненно удобнѣе, но и не требуетъ для себя столько времени и стараній и теперь остаются вѣрны традиціоннымъ *меню* только старики, да поселане. Тутъ не помогли дѣлу старины даже и женскіе протесты въ его пользу. Самюэль Мосманъ рассказываетъ по этому поводу въ своей книгѣ *The Land of the Rising Sun* (Страна Восходящаго Солнца) объ одной японкѣ, мужъ которой послѣ долгаго отсутствія по дѣламъ явился къ ней въ новой прическѣ; она сначала смѣялась, потомъ стала сердиться и браниться за это нововведеніе и наконецъ поклялась бросить мужа, если онъ не вернется къ *меню*. Тотъ остался непреклоненъ, и она пошла къ своему брату, въ надеждѣ вызвать въ немъ своими жалобами сочувствіе къ себѣ и думая, что авось-либо хоть ему удастся повліять на мужа; но увы!—и въ братѣ увидѣла она ту же самую перемѣну; пошла къ старіику дядѣ, и этотъ подчинился новой модѣ! Бѣдняжка бросилась во храмъ, гдѣ принялъ ее бонза, сохранившій еще по старому обычаю бритую голову, но и онъ, повздыхавъ вмѣстѣ съ нею и убоясь исторіи съ мужемъ, убѣдилъ бѣглянку возвратиться домой съ миромъ. Женщины здѣсь, очевидно, консервативнѣе мужчинъ и ихъ костюмъ, выработанный тысячелѣтнимъ опытомъ и климатическими условіями, самъ по себѣ такъ удобенъ и такъ красиво ими носится, что я совершенно по-

нимаю почему онѣ не желаютъ съ нимъ разставаться. Но... какъ никакъ, а вскорѣ, ка- жись, придется принести эту жертву междуна- родному Молоху европейской «цивилизаци», по крайней мѣрѣ дамамъ высшаго общества. Здѣсь уже поговариваютъ будто сама *кизаки* (микадесса) намѣрена покончить съ традиціон- ною прическою и надѣть туалетъ отъ Ворта, причемъ будетъ-де возвышено особымъ указомъ, что впредь ко двору будутъ допускаться дамы только въ европейскихъ костюмахъ ¹⁾. Правительству во чтò бы то ни стало хотелся оевропеить японскую женщину, и это до из- вѣстной степени понятно, если оно видитъ въ женскомъ элементѣ своей страны одинъ изъ сильныхъ оплотовъ тѣхъ консервативныхъ на- чалъ съ которыми само непрестанно борется. Съ этою цѣлью не только японскимъ послан- никамъ при европейскихъ дворахъ было при- казано взять съ собой и своихъ женъ, но и отправлено въ Америку изъ хорошихъ семей, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, отъ пятнадца- ти до восемилѣтняго возраста, подъ вѣрнымъ надзоромъ одной пожилой женщины. По этому поводу былъ даже изданъ нѣсколько лѣтъ то- му назадъ особый указъ, гдѣ говорится, что недостатокъ образованности происходитъ у японцевъ отъ ихъ отчужденности отъ другихъ народовъ. «Вслѣдствіе этого, говоритъ микадо, всѣ наши женщины отстали въ своемъ раз- витіи. Воспитаніе дѣтей идетъ рука объ руку съ воспитаніемъ матерей и составляетъ пред- метъ первой важности. Поэтому я не препят- ствую нашимъ посланникамъ брать съ собой женъ, дочерей, сестеръ, которыя въ чужихъ земляхъ узнаютъ много полезнаго и знако- мятся съ правильною системою воспитанія дѣ- тей. Если вы всѣ займетесь этимъ вопросомъ и вооружитесь терпѣніемъ и постоянствомъ, то намъ будетъ легко двигаться впередъ по пути цивилизаци, положить основаніе могуще- ству и благосостоянію и идти наравнѣ съ дру- гими народами. Послѣдуйте нашему желанію, сдѣлайте все возможное и помогите намъ до- стичь корня нашихъ недуговъ». Указъ этотъ былъ принятъ почти всѣми японскими жен- щинами какъ незаслуженная обида или, по меньшей мѣрѣ, несправедливость. Если имъ недостаетъ «развитія» въ европейскомъ смы- слѣ, то уже никакъ нельзя упрекнуть ихъ въ недостатокъ образованности въ смыслѣ япон- скомъ: каждая изъ нихъ прекрасно знаетъ свѣтскую литературу и поэзію, миеологию и исторію своей страны, каждая владѣетъ искус- ствомъ живописи или музыки, декламаци или хореографіи, а нерѣдко и всѣми вмѣстѣ. Въ свое оправданіе онѣ ссылаются на исторію Японіи, которая знаетъ не одну знаменитую женщину; въ ней говорится о восьми импе-

¹⁾ Эта мѣра уже обнародована осенью 1886 года

ратрицахъ, прославившихся мудрымъ и долгимъ царствованіемъ и о многихъ микадесахъ стоявшихъ по характеру отнюдь не ниже своихъ доблестныхъ супруговъ. Онѣ указываютъ на императрицу Цингу (210 г. по Р. Х.), мудрую законодательницу и насадительницу просвѣщенія, которая, снарядивъ цѣлый флотъ, переплыла Японское море и сама, во главѣ отборныхъ войскъ, покорила Корею; онѣ говорятъ, что нерѣдко и простые японки отличались храбростью и героизмомъ въ защитѣ своихъ очаговъ и крѣпостей отъ непріятеля, а между замѣчательными поэтами прошлаго и новаго времени выставляють многихъ японскихъ Сафо извѣстныхъ своимъ талантомъ, въ особенности знаменитую Ононо-Комачъ ¹⁾. Еще менѣе справедливымъ считаютъ онѣ упрекъ въ неумѣнн правильно воспитывать дѣтей, и я думаю, что въ этомъ отношеніи онѣ совершенно правы. Высокопреданныя своему супружескому долгу, японскія матери давали до сихъ поръ странѣ сыновъ исполненныхъ рыцарской чести и честности, людей съ высокоразвитымъ чувствомъ національности и патріотизма, людей воспитанныхъ въ благоговѣйномъ почтеніи къ памяти предковъ, въ вѣрности своему слову и

долгу и въ то же время неприхотливыхъ, простодушныхъ, трудолюбивыхъ. Ну, а что будутъ давать матери и жены прошедшаго курсъ «развитія» въ международной школѣ европейской и американской «цивилизациі» — это еще вопросъ... До сихъ поръ извѣстно только, что японка, какъ высшаго, такъ и средняго круга, отлично управляетъ домою, сама или съ помощью двухъ-трехъ служанокъ; живетъ уединенно, почти никогда не выходитъ безъ мужа, развѣ только къ близкимъ своимъ роднымъ, и, не мудрствуя лукаво, прекрасно ведетъ воспитаніе дѣтей. Дѣвушки всѣхъ сословій посѣщаютъ школу и рано приучаются къ тишинѣ и порядку, а дома учатся хозяйству, шитью и инымъ полезнымъ рукодѣліямъ и не одна изъ нихъ до сихъ поръ на судьбу свою не жаловалась. Законъ японскій считаетъ женщину по происхожденію «равною» мужчине и вполнѣ правоспособною; доказательство: восемь женщинъ сидѣли на императорскомъ престолѣ и самостоятельно правили государствомъ. По закону, жена повинуется мужу *во всемъ что хорошо и справедливо*, но не находится у него въ подчиненіи, не раба его. Китайскій обычай многоженства хотя и былъ допущенъ, но никогда не прививался въ Японіи, кромѣ какъ у *дайміо* (да и то далеко не у всѣхъ) и при дворѣ микадо, гдѣ въ силу этикета императору полагалось имѣть двѣнадцать побочныхъ женъ; но теперь и этого уже нѣтъ. Обыкновенный же смертный, въ силу установившагося стараго обычая, могъ незасорно ввести къ себѣ въ домъ вторую жену въ томъ только случаѣ, если первая оказывалась окончательно неплодною, да и это дѣлалось не иначе какъ съ ея собственнаго согласія. А теперь вдругъ въ Токио появились дамскіе журналы, гдѣ редакторши кладутъ въ основу своей программы требованіе конституціи и женской эмансипаціи. Это, безъ сомнѣнія, первый фруктъ заморскаго «развитія», вынесеннаго ими изъ пребыванія въ Америкѣ.

Однако я слѣшкомъ уклонился въ сторону отъ нашего обѣда, и потому возвращаюсь къ первоначальной темѣ. Наши моряки присутствовали въ форменныхъ вицъ-мундирахъ, при орденахъ, а на посланниковъ была надѣта подѣфракомъ лента «Восходящаго Солнца». Звѣзда этого ордена, одного изъ самыхъ красивыхъ, сіяла и на груди барона Штапельберга. Принцы были одѣты въ военные костюмы (французскаго образца гусарки чернаго цвѣта съ чернымъ суташемъ), за исключеніемъ принца Арисугава, который присутствовалъ во фракѣ. Особое вниманіе высокихъ гостей останавливалось на множествѣ красивыхъ и разнообразныхъ японскихъ фарфоровыхъ блюдъ, которыми очень эффектно украшены стѣны столовой залы нашего посольства. Коллекція дѣйствительно замѣчательная и рѣд-

¹⁾ По этой послѣдней поэтессѣ Эме Эмбергъ передаетъ, по японскимъ источникамъ, очень трогательную исторію. Это была благородная дѣвушка, жившая при дворѣ въ Киото, которая довела страсть къ поэзіи до высокаго героизма. Красавица Ононо-Комачъ изображается всегда на колѣняхъ предъ умывальникомъ, надъ коимъ смыкаетъ написанное ею. Она не знала другой страсти, кромѣ обрабатыванія и усовершенствованія стила. Прославляемая за свой талантъ, но беззащитная противъ зависти и противъ злобы фатовъ, которыхъ искательство отвергла, она впадала въ немилость при дворѣ и дошла до крайней бѣдности, до полной нищеты. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ окрестностяхъ Киото встрѣчали бродящую изъ деревни въ деревню одинокую женщину, босую, опирающуюся на странническій посохъ, съ корзинкой въ лѣвой рукѣ, гдѣ связка рукописей прикрывала скудное дневное пропитаніе. Пряди сѣдыхъ волосъ выбивались изъ-подъ широкой соломенной шляпы, защищавшей отъ солнца худое и морщинистое лицо. Когда несчастная старуха садилась на порогъ сосѣднихъ храмовъ, дѣти толпами обѣгали къ ней, привлекаемые ея кроткою улыбкой и блескомъ глазъ. Она учила ихъ стихамъ, въ которыхъ прославлялось величіе природы, и невольно приковывала ихъ вниманіе къ красотамъ Божьяго міра. Порой подходилъ къ ней съ уваженіемъ какой-нибудь ученый монахъ и просилъ позволенія снять копию съ того или другого изъ поэтическихъ произведеній, которыя безпріютная горемыка носила въ корзинѣ. Въ Японіи и по настоящее время свято хранится память объ Ононо-Комачъ, этой необыкновенной женщинѣ вдохновенной дѣвѣ строгой къ самой себѣ и скромной во дни богатства, кроткой и терпимой и горячо преданной идеалу до преклонной старости и среди самыхъ жестокихъ испытаній судьбы. Это самая популярная фигура въ поэтическомъ пантеонѣ древней имперіи микадо.

кая, которую удалось собрать супругъ нашего посланника. Послѣ обѣда, принцессы съ особеннымъ удовольствіемъ осматривали замѣчательную коллекцію древнихъ японскихъ бронзъ, тоже собранную Марией Николаевной, о чемъ я упоминалъ уже раньше, и одна изъ нихъ выразилась, что эта коллекція единственная во всей Японіи по достоинству, разнообразію и количеству собранныхъ въ ней экземпляровъ, а принцъ Катасиракава замѣтилъ при этомъ, что по тѣмъ образцамъ, которые доходятъ въ Европу индустриальнымъ путемъ и наводняють собою магазины Парижа, Лондона и другихъ европейскихъ столицъ далеко еще нельзя составить себѣ полного представленія объ истинномъ японскомъ искусствѣ. Въ Европу идутъ почти исключительно новѣйшія издѣлія и притомъ издѣлія, приноровленные къ европейскому вкусу и представленію о Японіи; истинныя же сокровища японскаго искусства въ Европѣ почти неизвѣстны, и надо пожить въ Японіи, чтобы научиться понимать и цѣнить ихъ по достоинству. Замѣчаніе совершенно вѣрное, въ чемъ я успѣлъ уже отчасти убѣдиться и на собственномъ опытѣ.

17-го февраля.

Сегодня, въ девять часовъ утра, въ присутствіи императора Японіи, открыта въ паркѣ Уэнно выставка произведеній японской промышленности, мануфактуры и искусствъ. Предсѣдатель комитета по устройству выставки—принцъ Катасиракава. День былъ—пасмурный. Часто перепадавшій дождь смѣнялся несприятною изморозью, и это много помѣшало торжеству открытія. По дорогѣ ко главному входу выставки были разставлены войска въ полной парадной формѣ, для встрѣчи императора и приданія торжеству большого блеска. Выѣсто залы, на одной изъ площадокъ былъ построенъ большой павильонъ подъ парусинымъ тентомъ съ лиловыми полами и подзорами на подвѣсахъ. Въ этомъ павильонѣ были устроены съ двухъ сторонъ лопки и нѣсколько рядовъ скамеекъ, для почетной публики и экспонентовъ. По срединѣ возвышалась покрытая коврами эстрада и на ней столъ и императорское кресло. При торжествѣ присутствовали весь дипломатическій корпусъ, европейскія дамы и наши моряки. Но увы! дамы не могли шегольнуть своими туалетами, такъ какъ должны были кутаться отъ холода и сырости въ теплыя накладки, шали и шубки, а поспѣлые мужчины въ мундирахъ и фракахъ дрожали какъ въ лихорадкѣ, отогревая дыханіемъ законченныя пальцы и рпска на пронзительномъ сквозномъ вѣтрѣ схватить себѣ жестокою простуду. Хорошо, что микадо не замедлилъ своимъ прибытіемъ и что самая церемонія открытія была не особенно продолжительна. Церемонія эта состояла

въ томъ, что чуть только пронесся сдержанный, шопотливый гулъ голосовъ, передававшихъ изъ устъ въ уста о прибытіи микадо, какъ вдругъ раздались какіе-то странные завывающие и свистящіе звуки, которые напоминали и громкій вой вѣтра въ трубы, и тонкій скрипъ несмазанной двери. На лицахъ большинства европейцевъ выразилось полное недоумѣніе—откуда это, и что могло бы значить, а одинъ, стоявшій рядомъ съ нами, веселый французъ-путешественникъ выразилъ даже шутливую догадку: ужъ не сегульная ли оппозиція устроила экспромтомъ кошачій концертъ? Но оказалось, что это *кагура*, священная синтоская музыка, состоящая изъ флейтъ и флажолетовъ, коей «небесные звуки», въ силу традиціоннаго установленія, всегда прѣвѣтствуютъ торжественное появленіе Тенно¹⁾. Съ появленіемъ императора въ павильонѣ, всѣ почтительно встали съ мѣстъ, обнаживъ головы, и *кагура* смолкла. Микадо взошелъ на эстраду и сѣлъ за столъ. Тогда на середину залы выступилъ государственный канцлеръ Санджіо и прочелъ императорскій указъ объ открытіи выставки. На смѣну ему вышелъ принцъ Катасиракава, въ полной генеральской формѣ, и, обратясь къ микадо, высказалъ ему привѣтствіе и благодарность отъ лица японскаго народа, экспонентовъ и коммисіи за то высокое покровительство національной промышленности, торговли и искусствамъ, которое такъ наглядно выразилось въ осуществленіи этой первой всеяпонской выставки. Послѣ этой рѣчи, принцъ прочелъ краткій отчетъ о выставкѣ, стоимости ея устройства, предварительныхъ работахъ и пр., и этимъ актомъ церемоніальная часть торжества была закончена. На газонѣ раздались звуки военнаго оркестра, смѣшавшіеся съ шумомъ только-что пущенныхъ фонтановъ,—и микадо отправился обозрѣвать выставку въ сопровожденіи членовъ ея комитета, императорскихъ принцевъ, министровъ, дипломатовъ въ залитыхъ золотомъ мундирахъ и цѣлой вереницы дамъ, почетныхъ гостей и экспонентовъ.

Выставка занимаетъ обширную площадь, въ видѣ удлиноватаго четырехъ-угольника, на которомъ, среди цвѣтниковъ и газоновъ, расположено болѣе тридцати большихъ и малыхъ павильоновъ, гдѣ сосредоточены по отдѣламъ всѣ отрасли японской промышленности, перечислять которыя было бы слишкомъ долго и бесполезно, такъ какъ, не имѣя въ виду посвящать имъ специальной монографіи, мнѣ пришлось бы ограничиться сухою номенклатурой. Скажу только одно, что въ общемъ эта выставка поражаетъ европейскаго

1) *Тенно* — божественный. Титулъ этотъ придается императору, какъ первосвященнику древняго культа Ками.

наблюдателя совершенно оригинальными чертами японского творческого гения, который выработывал и прокладывал совершенно самостоятельные приемы и пути для своего развития. Нѣтъ сомнѣній, что это гений въ высшей степени практической, утилитарный, но въ то же время всегда и во всемъ изящный. Даже на свои заимствованія отъ Европы онъ умѣетъ налагать печать японской индивидуальности, перерабатывать и примѣнять ихъ къ своимъ потребностямъ и вкусамъ. Это гений весьма перемчивый, но преемчивый по своему, онъ всегда старается, пересоздать, никогда не копируетъ рабски, и въ этомъ невольно и ярко сказывается черта самостоятельности народнаго японскаго характера, обещающая ему широкую и блестящую будущность.

Въ центральномъ каменномъ зданіи красивой европейской архитектуры сосредоточены всѣ отдѣлы изящныхъ искусствъ, къ которымъ отнесены также роскошныя произведенія фарфоровыхъ и фаланевыхъ фабрикъ и нѣкоторыя лаковые вещи. Въ отдѣлѣ живописи выставлено нѣсколько пастелей и масляныхъ работъ учениковъ и ученицъ школы живописи, исполненныхъ въ европейскомъ стилѣ и европейскими приемами. Между ними есть нѣсколько хорошихъ мѣстныхъ сценъ и пейзажей, но въ особенности замѣчательнъ одинъ портретъ японской дѣвушки въ полный ростъ и въ натуральную величину, написанный съ чисто французскимъ «шикомъ», смѣлыми и бойкими мазками, и отличающийся необыкновенно пріятнымъ и мягкимъ тономъ. Мнѣ кажется, что опыты подобнаго рода общаются со временемъ дать міру совершенно самостоятельную школу японской живописи на общепризнанныхъ, такъ сказать, цивилизованныхъ началахъ этого искусства. Скульптура общается еще болѣе. До сихъ поръ она шла въ Японіи совсѣмъ въ другомъ направленіи чѣмъ древне-эллинская, изъ которой преемственно вытекла современно-европейская. У насъ исключительное вниманіе обращено на формы человѣческаго тѣла, и только новѣйшіе скульпторы стали иногда увлекаться отклоненіями отъ традиціоннаго идеала, доводя до изумительнаго совершенства аксессуары, преимущественно въ покровкахъ, гдѣ нѣрѣдко вы встрѣчаете газъ, батыстъ, кружева, бархаты и шелкъ, изваянные такъ, что не будь это мраморъ, то коммиссія жюри на какой-нибудь выставкѣ лонскихъ, валансьенскихъ и прочихъ мануфактурныхъ издѣлій, конечно, увѣнчала бы подобное производство большою золотою медалью. Но направляя свое искусство на воспроизведеніе формъ человѣческаго тѣла и сто современныхъ покрововъ, западные и наши скульпторы, за весьма немногими исключеніями, оставляютъ безъ вниманія

весь остальной міръ животнаго и растительнаго царства, да едва ли даже и сдумываютъ воспроизвести его какъ слѣдуетъ. У японцевъ же это дѣло шло совсѣмъ наоборотъ. Въ изображеніи формъ человѣческаго тѣла, въ известной условности чисто религиозныхъ изваяній, желая придать фигурѣ и выраженію лица болѣе экспрессивности, ихъ старые художники нѣрѣдко доводили напряженность позъ и мускуловъ до утрировки, такъ что вмѣсто позы являлись иногда чуть не корчи, вмѣсто улыбки гримаса. Такъ было у нихъ въ скульптурномъ и рѣзномъ искусствѣ, такъ остается еще и до нашихъ дней для известныхъ ролей въ сценической гримировкѣ и отчасти въ лубочной и вывѣсочной живописи, когда она изображаетъ какія-нибудь театральныя сцены. Но за то въ изображеніяхъ рельефомъ предметовъ міра животнаго и растительнаго, въ особенности птицъ, амфибій и насекомыхъ, у японцевъ нѣтъ соперниковъ. Такъ ужъ у нихъ сложилось и въ такомъ направленіи испоконъ вѣка шло и развивалось это искусство, вызываемое потребностями украшенія храмовъ, дворцовъ, замковъ, бронзы и фарфора. Но въ настоящее время, подъ влияніемъ европейскихъ классическихъ образцовъ, японская скульптура выбирается на новую дорогу. На выставкѣ есть нѣсколько такихъ работъ изъ гипса и терракоты, которыя могли бы украсить собою любой европейскій академическій салонъ. Въ особенности хорошъ по безукоризненности своей техники и повороту головы одинъ терракотовый бюстъ молодой японки. То же самое и въ отношеніи бронзы. Въ одной изъ смежныхъ залъ находится, напримѣръ, большая бронзовая группа въ двѣ фигуры, изображающая какой-то, къ сожалѣнію, неизвѣстный мнѣ историческій эпизодъ: представитель побѣжденнаго народа подноситъ войну-побѣдителя державу (изъ большого горнаго хрустала); дѣйствіе происходитъ во время сильной бури, и художнику удалось чрезвычайно живо изобразить складки одежды, которыя треплетъ порывистый вѣтеръ. Выраженіе лицъ и характеръ позъ выдержаны въ совершенствѣ. Въ подобныхъ образцахъ скульптуры сказывается замѣтный шагъ впередъ: въ нихъ сохранилось все, что составляло традиціи старой школы, то-есть экспрессія и сла, но утрировка уже исчезла, уступая мѣсто чувству мѣры и естественности. Какъ о курьезномъ образцѣ миниатюрной рѣзбы изъ дерева, слѣдуетъ упомянуть объ одной вещицѣ, пріобрѣтенной съ выставки барономъ О. Р. Штапельбергомъ. Вещица эта представляетъ собою вѣточку рисовыхъ колосовъ въ натуральную величину. Каждое зерно имѣетъ двѣ раскрывающіяся на шарнирахъ створки и служитъ кіотикомъ, въ которомъ помѣщается особый божокъ буддійскаго пантеона. Разсма-

тривать этихъ божковъ надо не иначе, какъ въ луку, чтобъ увидѣть всѣ ихъ подробности и оцѣнить скрупулезность работы и трудолюбіе ея исполнителя.

Назябшись и проголодавшись, но за то насмотрѣвшись вдоволь на достопримѣчательности всеяпонской выставки, добрались мы наконецъ по грязи и подъ дождемъ до нашихъ оставленныхъ въ паркѣ дженерикшей и покатали въ длинный путь по безконечнымъ прямымъ улицамъ во-свояси.

21-го февраля.

День восшествія на престолъ Государя Императора наша морская семья въ Иокогамѣ отпраздновала молебствіемъ на судахъ. Съ утра, въ честь нашего праздника, не только русскія, но и всѣ иностранныя суда разцвѣтились множествомъ флаговъ, а ровно въ полдень со всѣхъ морскихъ и береговыхъ батарей загремѣли выстрѣлы торжественнаго салюта. Всѣ суда окутались пороховымъ дымомъ, такъ что легко можно было вообразить себѣ морское сраженіе. Затѣмъ была у насъ гонка гребныхъ судовъ, на призы, собранныя по подпискѣ офицеровъ, а вечеромъ на русскихъ военныхъ судахъ зажглась — блестящая иллюминація съ примѣненіемъ электрическаго освѣщенія. Играла музыка, пѣли хоры матросскихъ пѣсенниковъ, и хотя погода была пасмурная, но на рейдѣ мелькало много *фуне* съ любопытными, преимущественно японскими, пассажирами. Въ особенности сочувственно отнеслись къ нашему празднику офицеры французскаго военнаго корвета.

20-го февраля.

Сегодня на Иокогамскомъ рейдѣ и въ самой Иокогамѣ опять праздникъ, да не только въ Иокогамѣ, а и въ Токио всѣ дома, по крайней мѣрѣ на главныхъ улицахъ, разукрасились флагами. Пошелъ узнать, что за причина такого торжества. Оказывается, Гавайскій король пріѣхалъ, король Калакауа I. Иокогамскій дантистъ Гуликъ, бывшій у него когда-то первымъ министромъ, встрѣчалъ его на тоокійскомъ дебаркадерѣ, въ своемъ отставномъ министерскомъ мундирѣ съ плюмажемъ, и затѣмъ ѣхалъ въ дженерикшѣ впереди его кареты, и въ заключеніе говорилъ ему въ яркѣ привѣтственное слово.

24-го февраля.

Большой парадъ войскъ въ честь короля Калакауа. Присутствовалъ самъ микадо. При этомъ королю были представлены всѣ чины дипломатическаго корпуса. Самый парадъ ничѣмъ не отличался отъ предшедшаго, уже описаннаго мною; все шло какъ слѣдуетъ, и даже лошади въ горной батарее подѣ вторымъ орудіемъ, по обыкновенію, стали бить и разносить фронтъ. «Каждый разъ на эфортъ самомъ мѣстѣ!» невольно вспомнились мнѣ при этомъ слова одного изъ типичныхъ разсказовъ

И. Ѳ. Горбунова. Нового было тутъ развѣ одинъ дантистъ Гуликъ, необыкновенно довольный своей ролью «близкаго къ королю человѣка» и своимъ плюмажемъ, который однако все-жъ таки не могъ перешеголить «пакольщицкой шляпы» американскаго консула.

Король Калакауа, на видъ, человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ или около того, средняго роста и хорошаго сложенія. Лицо бронзово-смуглое, борода усы и волосы на головѣ совершенно черные и курчавые; большіе выразительно-добрые глаза, привѣтливая улыбка; костюмъ военный, чернѣйшій мундиръ съ золотыми французскими эполетами, на груди звѣзда гавайскаго ордена. Въ общемъ, наружность и манеры его производятъ довольно симпатичное впечатлѣніе. Говорятъ, что бесѣдуя на-дняхъ съ микадо, онъ горячо и убѣдительно доказывалъ ему необходимость для Японіи принятія христіанства, коль скоро она уже безповоротнорѣшилась вступить на путь еврейской цивилизаціи.

27-го февраля.

Вчера я простился съ Токио и съ семействомъ К. В. Струве, отъ всей души поблагодаривъ его за то радушное гостепримство и доброе расположеніе, которыми пользовался столько времени въ домѣ русскаго посольства. Вчера пріѣзжали на «Африку» проститься съ барономъ Штапельбергомъ и офицерами адмиралы Еномото, Кавамута и Накамута и посланники германскій и австрійскій, а сегодня съ тою же цѣлью посѣтилъ насъ К. В. Струве съ барономъ Розеномъ и А. А. Пеликанъ, нашъ иокогамскій консулъ. Завтра утромъ уходимъ; да оно пожалуй и хорошо, потому что здѣсь уже третьи сутки идетъ непрерывный холодный дождь, и зарядилъ онъ, кажется надолго...

XXIX. Нагойе.

Уходъ съ Иокогамскаго рейда.—Въ Океанѣ.—Заливъ въ Овари.—Объѣдница на крейсерахъ.—Въ бухтѣ Міа.—Гидротехническія сооруженія.—Пристань.—Въ ожиданіи дженерикшей.—Городъ Нагойе.—Улица Хончо.—Кустарно-промышленный характеръ города.—Яги-бабы.—Англійскія вліянія.—«Hôtel du Progrès» и его устройство.—Дворикъ и садикъ.—Столовая зала.—Визитъ мѣстныхъ властей.—Типъ новыхъ японскихъ чиновниковъ.—Генераль Иби.—Замокъ Оариджо и его историческія и художественныя достопримѣчательности.—Вашня Тенси.—Видъ съ нея на городъ и окрестности.—Учительскій институтъ и мужская гимназія.—Ткацкая школа для дѣвушекъ.—Ткацкія и фарфоровыя фабрики.—Рисовальщики и процессъ разрисовки фарфора.—Киотская и Гоксаевская традиціи живописи.—Производство фаланевыхъ издѣлій.—Монастырь Сигаси-Хонгандзи.—Аичи-Хаку-Буцуканъ, музей Оварійской провинціи.—Обѣдъ, данный намъ мѣстными властями.—Нагойскія гейки.—Концертъ на барабанахъ.—Проводы.—Отплытіе изъ Нагойе въ Тоба.—Роковая телеграмма.

28-го февраля.

Въ девять часовъ утра крейсеръ «Африка», подъ флагомъ контръ-адмирала барона Шта-

кельберга, снялся съ якоря на Иокогамскомъ рейдѣ и пошелъ въ заливъ Овари, съ цѣлю посѣтить еще не открытыя для европейцевъ японскіе внутренніе порты Нагойе и Тоба, на что адмиралу было дано отъ японскаго правительства особое разрѣшеніе.

День сѣреный, почти безвѣтренный, и погода сырая. Но въ началѣ перваго часа дни, когда мы уже миновали маякъ Тсуруга-саки, надъ горами покидаемыхъ береговъ нѣсколько прояснѣло, такъ что ихъ силуэты открылись предъ нами довольно отчетливо и засверкали подъ лучами незримаго для насъ солнца. Особенно красиво выступали на этихъ горахъ излучистыя жилы снѣга, который лежалъ только на крыжахъ и ребрахъ вершинъ, оставляя по сторонамъ темныя, буровато-синія пятна надей и разсѣлинъ. Горы отъ контраста этихъ затѣненныхъ пятенъ съ бѣлыми сверкающими жилами казались намъ какъ бы прозрачными, насквозь свѣтящимися массаи горнаго хрустала и опала. Классическая Фузи-има на нѣкоторое время тоже показала изъ-за дымки легкаго тумана свою серебряную вершину, подавляя своею высотой и громадностью всѣ остальные горы.

Въ семь часовъ вечера, обогнувъ въ двухъ миляхъ маякъ Rock Island, взяли курсъ на SW 80°, а въ половинѣ десятаго открылся въ 8½ миляхъ отъ насъ маякъ Омай-саки. Было довольно прохладно, но со вступленіемъ въ океанъ вдругъ значительно потеплѣло. Это мы пошли теплымъ потокомъ Куро-Сиво, японскимъ Гольфстремомъ, и наслаждались мягкостью и теплою воздухомъ, какихъ давно уже не испытывали. Вѣтеръ былъ намъ попутный. Небо прояснилось. Полная луна серебрила океанскія волны и тускло озаряла очертанія неровныхъ береговъ тянувшихся справа. Хорошо быть въ морѣ въ такую погоду. Тихо въ воздухѣ, тихо на водахъ, тихо на палубѣ... Команда послѣ вечерней молитвы, пролѣтѣй хоромъ, отпущена на покой. Стеколычатая рама широкаго локка какоть-компанія приподняты, тамъ, внутри, ярко освѣщено, и несутся оттуда по морю звуки пианино, цѣніе и говоръ...

Съ разсвѣтомъ намъ предстоитъ проходить узкій входъ въ заливъ Овари, между скалистыми островками и камнями, и такъ какъ описи этихъ внутреннихъ японскихъ береговъ еще не существуетъ, то у насъ заблаговременно озоботились пригласить двухъ свѣдущихъ лопмановъ, японца Сайкичи и американца Флетчера, специально знающихъ эту мѣстность. Оба они еще въ Иокогамѣ явились на крейсеръ, вмѣстѣ съ переводчикомъ Нарсэ, молодымъ человѣкомъ, который, не выѣзжалъ изъ Японіи, очень порядочно изучилъ русскій языкъ и письмо, благодаря Тоокійской школѣ языкознанія. Дѣдъ этого молодого человѣка, при правительствѣ сегуновъ, былъ министромъ фи-

нансовъ, отецъ — начальниккомъ артиллеріи, а самъ онъ теперь только бѣдный трудящійся юноша, такъ какъ при перемѣнѣ правительства состояніе его отца было конфисковано. Впрочемъ, онъ ни на что не ропщетъ, никого не порицаетъ и вполне мирится со своею скромною долей. Американецъ Флетчеръ — типичная, коренастая, закаленная въ океанскихъ штормахъ фигура съ цѣлою шапкой серебряно-сѣдыхъ кудрей, нависшими бровями и усами, что придаетъ ему нѣкоторое сходство съ головой Ермолова. Рука у него тоже типичная: большая, мускулисто-жильстая, волосатая, твердая рука. Человѣкъ этотъ и выросъ и состарился въ морѣ. Японецъ Сайкичи — самый обыкновенный, ходячій типъ этихъ странъ — вѣчно на палубѣ и вѣчно съ непокрытою головой, въ легенькомъ кйримончикѣ, какая бы ни была тутъ погода, съ добрымъ и вдумчивымъ взглядомъ, заботливымъ устремленнымъ въ горизонтъ моря. Такова па сей разъ наша «посторонняя публика», наши случайные, но вполне необходимые спутники.

1-го марта.

Предъ разсвѣтомъ, въ 40 минутъ шестого открылся маякъ Ироко-саки (Тоба), вслѣдствіе чего взяли курсъ на NW 24°, на мысъ Ироко-саки. Съ перемѣной курса, засвѣжѣвшій вѣтеръ задулъ намъ въ бортъ, что сразу же вызвало на нѣкоторое время порядочную качку. Посыпались съ полка тетрадки, книги, щетки, гребенки, разныя вещи; захлопали не запертыя двери, закачались фотографіи на каютныхъ «переборкахъ», то-есть стѣнкахъ, раздался зычный распорядительный голосъ старшаго офицера, задребезжали туалетныя стѣлочки, графины и стаканы, а въ буфетѣ посуда... Но это все явленіи, давно уже знакомыя, ничего особеннаго въ себѣ не заключающія, кромѣ того развѣ, что имѣютъ свойство раньше срока будить офицеровъ и задавать экстренный «авралъ» (общую работу) вѣстовымъ, которые тотчасъ же кидаются водворять въ каютахъ внезапно нарушенный порядокъ. Въ половинѣ восьмого, пройдя узкое мѣсто входа, мимо нѣсколькихъ скалистыхъ, кое-гдѣ поросшихъ рѣденькимъ лѣсомъ и вполне пустынныхъ островковъ, мы вступили въ заливъ Овари, и качка вдругъ прекратилась. Какъ началась она внезапно, такъ внезапно же и кончилась, безо всякой постепенности.

Къ семи часамъ уже вполне разсвѣло, но даль была покрыта бѣлесоватою мглой, сквозь которую лишь кое-гдѣ, мѣстами, различалъ глаза, да и то съ трудомъ, неясныя очертанія какихъ-то вершинъ и горныхъ краевъ. Небо сплошь заволоклося одноцвѣтною сѣрою тучей, общавшею намъ долгій и скучный, совсѣмъ осенній дождикъ. Широкий заливъ былъ покоемъ и слегка подернутъ самою незначитель-

ною рябью, среди которой, впереди и нѣсколько влѣво отъ насъ, рѣзко выдѣлялось изъ общаго сѣро-стальнаго фона воды особое водное пространство, совершенно гладкое какъ стекло, опредѣленно очерченное и матово серебристое. Въ разныхъ направленіяхъ растекались изъ него такія же гладкія серебристыя жилы. Совсѣмъ будто озеро съ ручейками. Это, говорятъ, особые теченія въ Оварійскомъ заливѣ.

Справа, въ разстояніи около двухъ миль, довольно явственно выступалъ берегъ, мѣстами бѣло-песчаный, мѣстами буро-красноватый и лѣсистый, и сѣрѣло на немъ нѣсколько рыбачьихъ деревушекъ. Подъ этимъ берегомъ, въ одномъ направленіи съ нами, дымилъ японскій пассажирскій пароходикъ. Тамъ и сямъ, въ разбродъ по всему пространству залива, виднѣлись паруса рыбачьихъ лодокъ и мелькали ряды движущихся крестиковъ и точек: то были стаи дикихъ утокъ, таянувшихъ въ разныхъ направленіяхъ надъ водой. На первый взглядъ, вся эта мѣстность и ея природа, благодаря ненастному туману, не обѣщали ничего привлекательнаго и казались вполне подѣ стать господствовавшей надъ нею сѣренькой осенней погодѣ.

День былъ воскресный; поэтому въ десять часовъ утра подняли молитвенный флагъ (красный крестъ на бѣломъ полѣ) и ударили сборъ на молитву. На «Африкѣ» богослуженіе отправляется безъ священника предъ судовою пкоюй Спаса Нерукотвореннаго, которая помѣщается въ жилой матросской палубѣ. Артиллерійскій «содержатель» читаетъ по Требнику за дѣячка, а нѣсколько офицеровъ и гардемаринцовъ составляютъ стройный, хорошо спѣвшійся хоръ, и все богослуженіе ограничивается одною, такъ-называемою, *обѣдницей*, при которой присутствуютъ вся свободная отъ вахты команда и офицеры въ вицъ-мундирной формѣ. Чрезъ полчаса обѣдница наша кончилась, а двадцать минутъ спустя, крейсера взялъ курсъ въ бухту Міа (NOTN) и уменьшилъ ходъ до 48 оборотовъ. Съ обоихъ бортовъ начали бросать лоты, и въ одиннадцать часовъ дали машинѣ самый тихій ходъ. Между тѣмъ командѣ просвистали «къ вину», роздали по чаркѣ и затѣмъ спустили ее въ жилую палубу обѣдать. Въ половинѣ перваго, придя въ бухту Міа, остановили машину и отдали правый якорь на глубинѣ пяти сажень, при жидкомъ илистомъ грунтѣ. Впрочемъ, лоцманъ сказывалъ, что можно было бы свободно пройти впередъ еще мили на двѣ, хотя киль и касался бы подъ конецъ глубокаго слоя жидкаго ила; но мы предпочли остановиться на чистой глубинѣ, въ шести миляхъ отъ берега. Весь переходъ въ 223¼ мили совершенъ въ 27 часовъ; шли неполными парами, дѣлая среднимъ числомъ по девяти узловъ въ часъ¹⁾.

¹⁾ Maximum 9½, minimum (ночью) 6 узловъ.

Едва стали на якорь, какъ пошелъ мелкій, частый, холодный дождь. Окрестности окончательно скрылись изъ виду, и даже ближайшія къ намъ паруса японскихъ лодокъ пропали за дождевымъ прясломъ. Но вѣдьботь для адмирала и паровой катеръ для офицеровъ были уже спущены. Мы спѣшно изготовились къ съѣзду на берегъ и переодѣлись въ статское платье. Вернемся не ранѣе какъ послѣ завтра; поэтому беремъ съ собою бѣлье, сигары, хлѣбъ—изъ опасенія что послѣдняго можетъ и не найтись въ чисто-японскомъ городѣ; беремъ и нѣсколько бутылокъ вина, въ предположеніи что въ Нагойе по части напитковъ кромѣ *саки* ничего не имѣется; беремъ, наконецъ, и адмиральскаго повара, японца Федора, маракующаго кое-что по-русски, ибо хотя японскій столъ и очень гастрономиченъ по-своему, но—увы!—не по нашему вкусу. Заботить только одно: каково-то и на чемъ-то спать придется, такъ какъ въ японскомъ заурядномъ обиходѣ ни кроватей, ни кушетокъ, ни чего-либо иного пригоднаго въ европейскомъ смыслѣ для сна вовсе не существуетъ. Впрочемъ, старый Флетчеръ увѣряетъ, что мы найдемъ въ Нагойе гостиницу очень удобную, гдѣ даже готовятъ по-европейски. Это очень утѣшительно; тѣмъ не менѣе, японецъ Федоръ все-таки сочтетъ человѣкомъ далеко не лишнимъ въ предстоящей намъ экспедиціи. Городъ, говорятъ, славится своимъ фарфоромъ, *фаланью* (cloisonné) и красивыми женщинами. Посмотримъ.

Паровой катеръ взялъ адмиральскій вѣльботь на буксиръ, и мы отвалили отъ борта. Старый Флетчеръ забрался въ носовую часть катера, сталъ во весь ростъ на банкѣ, и не взглянувъ даже на компасъ, безмолвнымъ жестомъ указалъ должное направленіе рулевому. Во все продолженіе этого переѣзда, его коренастая, своеобразно-красивая фигура, съ разставленными ногами, съ сигарой въ зубахъ и время отъ времени указующимъ жестомъ, высылалась на носу катера.

Не успѣли мы отвалить какъ досадный дождикъ припустилъ еще сильнѣе. Впереди ничего не видно: поверхность залива, берегъ и небо, все это слилось въ неопредѣленной массѣ дождя и тумана. На разстояніи одной мили «Африка» уже стала казаться намъ блѣднымъ призракомъ судна, а спустя еще нѣсколько времени и вовсе исчезла. Плаваніе наше длилось около полутора часа. Подходя къ устью рѣки, увидѣли двѣ японскія шхуны и семнадцать мореходныхъ *фунѣ* (въ родѣ джонокъ), довольно широко расположившихся на рейдѣ, и въ то же время съ обѣихъ сторонъ обозначились берега. Лѣвый берегъ на нѣсколько верстъ шелъ совершенно ровною полосой, вызвышавшаяся сажени на три надъ водною поверхностью; изъ-за верхней его черты въ трехъ-четыре мѣстахъ торчало нѣсколько кровель; правильность

этой какъ бы нивелированной черты невольно остановила на себѣ мое вниманіе. Флетчеръ объяснилъ, что это плотина, сооруженная для защиты низменнаго побережья отъ наводненій, и полоса земли, находящаяся за нею, прямо, отвоєвана жителями у моря: она употреблена ими подъ рисовыя поля.

— Японцы, прибавилъ онъ, — не останавливаются ни предъ какими трудностями работы, сколь бы ни была она громадна, лишь бы видѣли въ томъ пользу.

Съ правой стороны, начиная отъ рейда, гдѣ стояли фунѣ и вплоть до берега шелъ длинный рядъ высокихъ шестовъ, и вдоль его видѣлась изъ-подъ воды искусственно сложенная гряда камней, ограждающая фарватеръ отъ наносныхъ мелей. Портъ самъ по себѣ, казалось бы, совсѣмъ ничтожный, мелкій, неудобный; но какую заботливость о всякомъ государственномъ и общественномъ добрѣ выказываютъ всѣ эти сооруженія! То ли у насъ?... Японцы не оставляютъ втунѣ ничего, что можетъ приносить имъ какую-либо пользу и удобства, и это вы замѣчаете какъ принципъ, практически проводимый въ жизнь вездѣ и во всемъ, начиная съ мелкихъ единоличныхъ нуждъ поселенина и до государственныхъ потребностей первостепеннаго значенія. Эта-то знаменательная черта и заставляетъ вѣрить въ великую будущность Японіи, нужды нѣтъ что теперь ее чуть не до банкротства довели реформы и европейскіе цивилизаторы. Крѣпкая народная закваска въ концѣ концовъ ее выручитъ.

Наконецъ мы подошли къ пристани, очень прочно сложенной изъ дикаго камня. Здѣсь уже разгружался пассажирскій пароходъ усмотрѣнный нами во время пути въ Оварійскомъ заливѣ. Каменная набережная окаймляла берегъ и ковшъ, устроенный по правую сторону отъ пристани, выдающейся, въ видѣ широкаго мола, десятка на три сажень впередъ, въ устье. Вдоль набережной стоялъ рядъ деревянныхъ, болѣею частью двухъ-этажныхъ домиковъ японскаго характера. Нижніе этажи, какъ всегда, заняты открытыми снаружы харчевнями, чайными и лавочками съ качающимися по вѣтру деревянными вывѣсками и большими бумажными фонарями; а въ верхнихъ, изъ-за рѣшетчатыхъ балкончиковъ, галлереекъ и раздвижныхъ стѣнъ видѣлись женскія головки, съ видимымъ любопытствомъ наблюдавшія неожиданный пріѣздъ нежданныхъ имъ иностранцевъ. Нѣсколько флаговъ испещренныхъ японскими литерами, по обыкновенію, качались на длинныхъ бамбуковыхъ шестахъ надъ кровлями, и нѣсколько пестрыхъ бумажныхъ змѣевъ, тоже по обыкновенію, высоко взвивались и плавали въ воздухѣ. При поворотѣ съ пристани на набережную, на самомъ берегу сложенъ изъ камня, въ видѣ усѣ-

ченной четырехсторонней пирамидки, небольшой, но возвышенный фундаментъ съ каменною же лѣсенкой, и на немъ стоитъ старенькая деревянная часовня съ какимъ-то рѣзнымъ деревяннымъ истуканомъ внутри, за рѣшеткой, похоже какъ и у насъ въ Россіи и Польшѣ, гдѣ тоже у пристаней и на паромныхъ переправахъ чрезъ большія рѣки можно встрѣтить деревянные часовенки, и мотаются на нихъ такіе же лоскутки и тряпочки, выцвѣтшіе отъ дождей, пыли и солнца, и такіе же прибиты у дверей деревянные копылки со скважинкой въ крышкѣ для опусканія добротной копѣйки.

Чуть сошли мы на берегъ какъ пристань наполнилась любопытнымъ людомъ, который, словно тараканы, изъ разныхъ закоулковъ, щелей и лавченокъ повысыпалъ сюда привлеченный нашимъ пріѣздомъ. Тутъ были рыбаки и лодчики въ соломенныхъ буркахъ, носильщики и поденщики почти голые, торгаша съ какими-то съѣдобными товарами на лоткахъ, бабы, ребятишки и даже нѣсколько разряженныхъ дѣвушекъ; большая часть этой публики, защищаясь отъ дождя, распустила надъ собою широкіе зонтики изъ непромокаемой, промасленной бумаги. Здѣсь же адмирала встрѣтили двое полицейскихъ въ своей новой «американской формѣ». У одного изъ нихъ болталась при бедрѣ сабля въ стальныхъ ножнахъ, что указывало на его чиновничье достоинство, другой же, околоточный-хожалый, держалъ въ рукѣ за ремешокъ коротенькій толстый жезлъ, по-просту сказать скалку, какъ знакъ своей должности. Оба они препроводили насъ въ одинъ изъ ближайшихъ чайныхъ домовъ, прося обождать подъ его навѣсомъ пока хожалый побѣжитъ распорядиться насчетъ дженерикшей. Едва вступили мы подъ гостепріимный навѣсъ чайной, какъ услужливыя незаны не замедлили предстать предъ нами съ обычными присѣданьями и поклонами, держа въ рукахъ круглые лакированные подносики съ миниатюрными чашечками, до половины налитыми слабымъ, блѣдно-зеленоватымъ настоемъ японскаго чая. Отъ такого пріѣзденнаго угощенія, какъ извѣстно, нельзя отказаться, и мы выпили по глотку, положивъ на подносъ сколько-то мелкихъ денегъ. Черезъ пять минутъ полицейскій нагналъ къ намъ болѣе десятка дженерикшей, причемъ между курамами поднялся неизбежный гамъ переговоровъ, толковъ и споровъ кому везти и кто имѣетъ на это болѣе права, какъ ранѣе прибѣжавшій. Но въ концѣ концовъ всѣ они остались довольны, потому что если кому не хватило пассажира, тому наложили вещей, и вотъ мы тронулись цѣлою вереницей, одинъ вслѣдъ за другимъ, образовавъ длинный поѣздъ, которому предшествовала дженерикша, вмѣщавшая въ себѣ полицейскаго чиновника съ саблей, а въ замъ-

къ слѣдовала другая, въ которой возсѣдалъ околоточный-хожалый съ жезломъ.

Съ набережной мы свернули налѣво и поѣхали по длинной-предлинной улицѣ, которой, казалось, и конца не будетъ. Везли насъ по ней не менѣе полутора часа, и хорошо еще, что она шоссирована. Рядъ телеграфныхъ столбовъ съ восемью проволоками терялся въ безконечной перспективѣ этой улицы, называемой Хончо; она здѣсь главная. Сначала по бокамъ ея тянулся непрерывный рядъ низенькихъ домишекъ, крытыхъ соломой, иногда обмазанныхъ глиной, иногда просто досчатыхъ и населенныхъ бѣднымъ людомъ составляющимъ обычный контингентъ всѣхъ предѣстій Японіи, какъ и во всемъ мірѣ; но здѣсь каждый такой домишко непременно является и лавочкой, гдѣ идетъ торговля свѣжею и вяленою рыбой, съѣдобными ракушками, каракатицами и акульнымъ мясомъ, которымъ не брезгаютъ японскіе бѣдняки. Въ другихъ лавченкахъ продаютъ фрукты и овощи, какую-нибудь чудовишно раздувшуюся тыкву или бѣлую рѣдьку въ цѣлый аршинъ длиною; въ третьихъ—цыновки, веревки, дождевые плащи изъ листьевъ бамбука или рисовой соломѣ, деревянную и соломенную обувь; далѣе—свѣчи изъ растительнаго воска, бумажные фонари и зонтики, старое платье, домашнюю утварь; далѣе—какой-то хламъ, а какой именно и не разберешь въ наваленной кучѣ. Въ перемешку съ подобными лавченками ютятся разные ремесленныя, увеселительныя и торговыя заведенія. Вотъ, на примѣръ, цирюльня, которую сразу узнаешь по увеличенному въдесятеро противъ натуральной величины картоннымъ подкладкамъ подъ дамскіе придворные шиньоны, да по пучкамъ волосъ и женскихъ косъ развѣвающихся по вѣтру надъ входомъ, вмѣсто вывѣски. Вотъ харчевня и чайныя съ пунцовыми и бѣлыми фонарями разной формы, которые гласятъ своими надписями о прелестьяхъ и дешевизнѣ этихъ гостепріимныхъ заведеній. Вотъ мѣняльныя лавки, надъ которыми болтается на бамбучинѣ деревянный кружокъ съ квадратною дырочкой въ срединѣ, изображающій въ огромномъ видѣ мельчайшую монетку *ринъ*. Вотъ маленький убогій театрикъ, всего въ три шага шириной, гдѣ пляшутъ марионетки и разыгрываютъ жестокія драмы вырѣзанные изъ картона и раскрашенные герои, а по вечерамъ иногда показываются китайскія тѣни. Зрители толпятся на улицѣ и платятъ за зрѣлище по грошамъ, сколько кому вздумается. Тутъ же, въ ряду съ названными заведеніями, тѣсятся столярныя, жестяно-издѣльныя, бронзовыя, токарныя, портняжныя и разные иныя мастерскія. Все это торгуется, работаетъ, ѣсть, пьетъ, курить и отдыхаетъ, словомъ, живетъ — на улицѣ, на глазахъ у всѣхъ, нараспашку.

Иногда однообразная линія этихъ черныхъ и сѣрыхъ домишекъ прерывалась священнымъ *тори*, за которымъ въ перспективѣ, среди палисадника, видѣлся фронтонъ маленькой кумирни или синтоской *миа*. Иногда узкій переулокъ уходилъ въ ту или другую сторону, открывая ряды такихъ же убогихъ домишекъ и садиковъ, гдѣ пальма-латанія, фантастически искривленная суковатая японская сосна или затѣйливо подрѣзанная туя, нарядная камелія въ цвѣту да гибкій бамбукъ—эти вѣчно зеленые дѣти Японіи—красиво разнообразяютъ собою сѣрый тонъ построекъ, который безъ нихъ былъ бы уже слишкомъ скученъ.

Версты три тянулось вдоль Хончо это предмѣстье, но затѣмъ дома и лавки пошли побогаче, понаряднѣе, и чѣмъ дальше тѣмъ лучше. Между домами стали попадаться каменные и глинобитные съ темно-сѣрыми кафельными стѣнами, выложенными въ косую клѣтку между выпуклыми узкими полосами бѣлой штукатурки. Солома на крышахъ замѣнилась гонтомъ или сѣрою черепицей, съ узорчатыми карнизами, гребнемъ и наугольниками. Изъ-за досчатыхъ забориковъ выглядывали опять-таки затѣйливо подстриженные туи, шарообразно округленные померанцы съ дозрѣвающими плодами и иныя деревья. Но и здѣсь точно также въ нижнихъ этажахъ исключительно господствуетъ торгово-промышленный характеръ. Между ремесленными заведеніями преобладаютъ столярныя, токарно-рѣзные и бондарныя мастерскія, гдѣ производится всевозможная общеупотребительная въ Японіи мебель и домашняя деревянная утварь: низенькіе столики и шкафчики, поставцы и этажерки, миски, подносики, бадейки и ведра, помпы, насосы, дженерикши, домашніе алтари и божницы,—послѣднихъ въ особенности много и, ибродно, здѣшніе токари и рѣзчики снабжаютъ ими не одинъ лишь городъ Нагойе. Рѣзная и токарная работа этихъ божницъ, замѣчательно тонкая и тщательная, нерѣдко поражаетъ своею артистичностью и виртуозностью въ отдѣлкѣ мельчайшихъ деталей. Каждая божница—это въ своемъ родѣ очень красивое, цѣльное, законченно-художественное произведение. Тутъ же рѣжутся изъ дерева и выставляются для продажи позолоченныя статуэтки Будды, возсѣдающаго на лотосѣ, Аваи, попирающей главу дракона, и прочихъ святыхъ буддѣйскаго пантеона.

Ни фарфоровыхъ издѣлій, ни фалани, ни красивыхъ женщинъ, ни вообще всего о чемъ намъ наговорили заранѣе, мы на первый разъ здѣсь не встрѣтили. Напротивъ, женщины, на примѣръ, попадались все пребезобразныя, съ гладко выбритыми бровями, вычерченными зубами и выкрашенными въ какую-то бурую краску губами, вслѣдствіе чего ротъ у нихъ казался просто черною дырой, и все лицо

принимало старушечье выражение, словно бы наша миенеческая баба-яга или вѣдьма выступать вамъ въ встрѣчу. Такимъ образомъ уро-дуютъ себя женщины замужнія, и я уже раньше говорилъ, что это дѣлается изъ принципа, освященнаго древнимъ обычаемъ, въ доказательство своей любви къ мужу и рѣшимости посвятить всю жизнь только домашнимъ семейнымъ обязанностямъ. Въ провинціи обычай этотъ пока еще держится крѣпко, и даже нѣкоторые дѣвушки, уже не знаю въ силу чего, нерѣдко покрываютъ зубы чернотю.

Добрыхъ верстъ пять, а пожалуй и больше отмахали наши курумъ по Хончо прежде чѣмъ добрались до широкаго перекрестка, образуемаго поперечной улицей. Здѣсь уже пахнуло европейщиной, но не такъ, какъ въ Европѣ, а той особенной, своеобразной европейщиной, которая, вмѣстѣ съ англійскими вывѣсками, верандами, баръ-румами, офіс'ами и проч., составляетъ неизбѣжную принадлежность всѣхъ городовъ Востока, гдѣ лишь завелся «на рас-плодъ» хоть одинъ англичанинъ. Въ Нагойе англичанъ пока еще нѣтъ и духу, но англійское вліяніе уже замѣтно сказывается: на зданіяхъ телеграфной станціи, почты, полиціи, школѣ и прочихъ официальныхъ учрежденій «прогрессивнаго» характера непременно тычутся въ глаза надъ главными входами англо-японскія вывѣски, и притомъ такъ, что англійская надпись занимаетъ первое мѣсто, кидается вамъ въ глаза прежде всего остального, сама, такъ сказать, кричитъ о себѣ, а надпись японская скромно ютится подъ ней, начертанная мелкими литерами, да еще въ горизонтальномъ порядкѣ, вмѣсто вертикальнаго. Всѣ официальныя зданія въ Нагойе построены уже на европейскій или, точнѣе, англо-колоніальный ладъ, и такихъ зданій на поперечной улицѣ нѣсколько. Я не добился, какъ ея названіе, но это, безспорно, лучшая улица въ Нагойе. Это даже не улица, а цѣлый проспектъ, весьма широкій, отлично шоссированный, обсаженный съ обѣихъ тротуаровъ рядами деревьевъ, образующихъ бульвары и замыкаемый съ одного конца затѣйливымъ зданіемъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и губернаторскаго дома, тоже въ англо-колоніальномъ стилѣ.

Передъ зданіемъ полиціи мы на минуту остановились. Адмиралъ, желая сдѣлать визитъ губернатору, просилъ указать гдѣ онъ живетъ; но вышедшій чиновникъ объяснилъ, что губернатора въ настоящее время въ городѣ нѣтъ, — уѣхалъ-де по служебнымъ надобностямъ внутрь своей провинціи, а что вице-губернаторъ сейчасъ самъ придетъ съ визитомъ къ адмиралу.

Снова сѣли мы въ свои дженерикши и свернули съ бульварнаго проспекта въ одну изъ боковыхъ улицъ, параллельныхъ Хончо, гдѣ опять пахнуло на насъ японскимъ міромъ, не подкрашеннымъ никакой европейщиной.

Но нѣтъ, она уже проникла отчасти и въ этотъ закоулокъ.

Останавливаются наши курумъ предъ раздвижной дверью одного японскаго домика, котораго и не отличишь отъ длиннаго ряда остальныхъ точно такихъ же домишекъ, — п соскочившій съ дженерикши полицейскій объ-являетъ чрезъ переводчика: «Здѣсь!»

— Что такое «здѣсь»?

— Приѣхали.

— Куда приѣхали?

— Въ гостиницу.

Слава Богу, наконецъ-то!.. Любопытно, что за гостиницы въ Японіи. Выхожу изъ дженерикши, подымаю глаза на входъ, и что же? — Надъ входомъ вывѣска, на вывѣскѣ разумѣется надпись, но не по-японски, а латинскими литерами, хотя кромѣ японцевъ здѣсь никто не бываетъ, если не считать рѣдкостныхъ гостей чужестранцевъ, какими, напримѣръ, были мы въ ту минуту, а года за два до насъ американцы. Читаю: «Hôtel du Progrès». — Тыфу ты прахъ! Только этого не доставало... «Hôtel du Progrès» въ Японіи, въ Нагойе, въ провинціальной глуши, рядомъ съ «Telegraph Office», «Post-Office», «Guard-room» и проч. Но курьезнымъ показалось мнѣ не столько самое содержаніе надписи, сколько то, что она сдѣлана по-французски. Французскій языкъ, сравнительно съ англійскимъ, нѣмецкимъ и даже русскимъ, составляетъ въ Японіи такую рѣдкость, что недавно въ Токио учредилось особое общество съ цѣлью распространенія французскаго языка между японцами, причемъ бельгійскій посланникъ, на торжественномъ обѣдѣ по случаю открытія этого общества, произнесъ цѣлый спичъ въ стихахъ, гдѣ выразилъ, что французскій языкъ съ успѣхомъ служить Богу, отечеству, народу, свободѣ, прогрессу, наукѣ, поэзіи и прекраснымъ женщинамъ (последнимъ въ особенности), а потому долженъ служить и Японіи.

Посмотримъ, однако, что это за «Отель Прогресса».

Переступили порогъ, и входимъ въ нѣчто въ родѣ сѣней или сарайчика съ землянымъ поломъ. Прямо противъ входа стѣнка, которая направо заворачиваетъ въ узкій коридоръ; въ этой стѣнкѣ квадратное окно съ матовымъ стекломъ. Стекло, да еще матовое, да еще съ узоромъ — это дѣйствительно прогрессъ для Японіи, гдѣ вмѣсто стеколъ употребляютъ въ окнахъ тонкую пропускную бумагу. Предъ этимъ окошкомъ, на вѣшанномъ въ стѣнку узенькомъ постаментикѣ, утверждены рѣзныя деревянныя фигурки домашнихъ божковъ и духовъ покровителей странствующихъ и путешествующихъ. Одинъ божокъ изображается идущимъ на клѣчѣ, другой подгоняетъ клѣчу вѣткой, а третій путешествуетъ сзади пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукѣ, согнувшись подъ

тяжестью своей котомки. Передъ этой группой, въ видѣ жертвеннаго приношенія, положена свѣжая вѣточка цвѣтущей камелии. Налѣво отъ входа сдѣлана приступка, а надъ нею большой и широкій досчатый помостъ, который фута на два возвышается надъ землянымъ поломъ и сплошь затянутъ сверху мягкими и, какъ всегда замѣчательно чистыми циновками. Около приступки, на землѣ, валялось болѣе десятка разныхъ туфель, башмаковъ, сандалій и вообще деревянной и соломенной обуви, между которыми я обратилъ вниманіе на невиданныя еще мною калоши (*гета*) въ формѣ башмачнаго носка изъ промасленнаго и потому непромокаемаго картона, приколоченнаго къ деревянной сандали. Хотимъ всходить на помостъ, — «нѣтъ», говорятъ, «нельзя: снимайте прежде сапоги».

— Но какъ же, однако, и гдѣ? Неужели въ этихъ мокрыхъ сапогахъ?

— Здѣсь, говорятъ:—на то и приступка.

— Но здѣсь грязно, сыро, холодно...

— Какъ угодно, а въ сапогахъ нельзя.

Дѣлать нечего. Вспомнивъ пословицу, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не входятъ, усѣлись мы на досчатый помостъ и кое-какъ стинули съ себя сапоги, насырѣлые отъ дождя и уличной слякоти. Предлагаютъ надѣть чистыя, новенькія соломенные сандали (*зори*) на выборъ, какія угодно, объясняя, что въ нихъ будетъ мягче ходить. Я попытался было сдѣлать это, но не тутъ-то было! Носить ихъ не такъ легко, какъ кажется. Наши европейскіе чулки къ такой обуви не подходятъ; тутъ нужны японскіе, у которыхъ большой палецъ, какъ въ нашихъ рукавицахъ, отдѣляется отъ прочихъ. Но кромѣ особыхъ чулокъ, нуженъ еще и особый навыкъ, а то съ непривычки мнѣ стало такъ жестоко жать и натирать плетешками пальцы, что черезъ пять минутъ пришлось бросить зори и ходить въ однихъ тонкихъ чулкахъ по холоднымъ доскамъ наружныхъ галлереекъ.

Изъ сѣней гостиницы одинъ входъ ведетъ въ комнату, гдѣ устроенъ общій складъ всякаго хозяйственнаго скарба, кромѣ кухонныхъ принадлежностей. Тутъ въ одномъ углу сложены толстыя ватныя одѣяла, замѣняющія постели, въ другомъ—какіе-то сундучки, шкапулки и корзинки, въ третьемъ—комнатные фонари, починки и длинныя деревянные подсвѣчники со шпильками, на которыя насаживаются свѣчи изъ растительнаго воска. На полкахъ разставлены подушки. Да, именно *разставлены*, а не разложены, потому что въ Японіи вмѣсто подушки, какъ я уже говорилъ однажды, употребляется *макура*, особый деревянный приборъ, съ виду похожій на стереоскопъ. Но здѣсь и макуры отличались особенною нарядностью; однѣ изъ нихъ были покрыты краснымъ или чернымъ лакомъ, другія расписаны золотыми узорами и картинками, а

сбоку у нихъ имѣлся даже выдвижной ящичекъ, куда если угодно, можно прятать на ночь кольца, деньги, часы или излишнія принадлежности женскаго головнаго убора, въ родѣ черепаховыхъ шпилекъ и гребенокъ.

Другой проходъ изъ сѣней, мимо этой кладовой или скарбовой, ведетъ въ отдѣльныя комнатки для прїѣзжающихъ и въ верхній этажъ, а съ третьей стороны находится проходъ въ кухню, закрытый кубово-синей холщевой занавѣской, на которой бѣлой нитью вытканы какія-то слова и символическіе знаки. Занавѣсъ эта не сплошная, какъ у насъ, а раздѣлена на четыре отдѣльныя полотнища, шириной каждое не болѣе полуаршина.

Кухня—чуть ли не самая интересная часть японскаго дома. Это обширная комната съ землянымъ поломъ. Приподнятый досчатый помостъ проложенъ только вдоль двухъ смежныхъ стѣнъ и притомъ съ одной стороны значительно шире, чѣмъ съ другой. У остальныхъ двухъ стѣнъ помѣщаются очаги сложенные изъ кирпичей, иногда изъ дикихъ камней, иногда изъ того и другого вмѣстѣ. На одномъ изъ очаговъ жарятъ, пекутъ и варятъ, на другомъ всегда кипитъ въ большомъ бронзовомъ чайникѣ или котлѣ вода для заварки чая. Но въ «гостиницѣ Прогресса» прогрессъ сказался и въ кухнѣ. Здѣсь первобытные очаги уже замѣнены обыкновенными европейскими чугунными плитами, болѣе удобными чтобы варить супъ и жарить бифштексы. А бифштексъ, надо замѣтить, принадлежитъ къ проявленіямъ прогресса, такъ какъ японцы, цѣня въ рогатомъ скотѣ рабочую силу, необходимую имъ и для разминанія рисовыхъ полей, и до сихъ поръ еще въ большинствѣ не употребляютъ въ пищу мяса, хотя на это нѣтъ прямого запрещенія ни въ ихъ гражданскихъ, ни въ духовныхъ законахъ. Посрединѣ кухни стоитъ на высокіхъ ножкахъ (высокія ножки тоже прогрессъ) довольно большой круглый столъ, на которомъ обыкновенно производится всѣ подготовительныя дѣйствія японской стряпни: здѣсь крошится зелень, шелушится лукъ, чистится рыба, ощипываются куры. Въ той части кухни гдѣ находится досчатый помостъ, отъ пола и почти до потолка установлены деревянные полки съ боковыми стѣнками, совершенно такіе же, какіи бываютъ у насъ для книгъ, только немного глубже. Здѣсь хранятся всѣ кухонныя и столовыя принадлежности: котелки, сковороды, деревянные лаковые чашки и миски фаянсовые и расписныя блюда, фарфоровыя бутылочки для *саки* и чашечки для чая, маленькіе, почти игрушечные стопки-коротконожки (*таборо*), лаковые подносы и проч. Фарфоровыя вещи преимущественно съ синимъ а лаковые съ золотымъ рисункомъ. Кромѣ большого складнаго фонаря изъ рыбьихъ пузырей, который по вечерамъ подвѣшивается

къ потолку по серединѣ комнаты, висить еще надъ очагомъ на стѣнѣ свѣтецъ съ гнотикомъ въ родѣ малороссійскаго каганца, наливаемый масломъ. Впрочемъ, въ послѣднее время керосинъ сильно начинаетъ входить въ Японію во всеобщее употребленіе и, вслѣдствіе неосторожности и неумѣнья обращаться съ нимъ, служить причиной большей части пожаровъ, которые, при здѣшнихъ удобосгараемыхъ постройкахъ, и безъ того были часты, а со введеніемъ керосина еще значительно усилились. Поэтому, ночью въ японскомъ домѣ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что проснешься утромъ такимъ же, какъ и легъ. а не сгоришь какъ-нибудь во время сна ночью.

Изъ кухни есть выходъ на крытую сверху деревянную галлерею, окружающую небольшой внутренней дворикъ, который, какъ я уже говорилъ, является необходимымъ принадлежностью каждого японскаго дома, отъ дворца до хижины. Эти дворики—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній японскаго домостроительства, хотя первоначально они и были заимствованы изъ Китая. На устройствѣ внутреннего дворика сосредоточиваются весь вкусъ всѣ заботы и попеченія объ изящной сторонѣ домашней жизни. Тутъ, иногда на пространствѣ одной сажени, а то и меньше, сосредоточено все, что можетъ тѣшить глазъ и ласкать чувство прекраснаго. Въ каждомъ внутреннемъ дворикѣ вы неизмѣнно найдете маленькій бассейнъ выложенный цементомъ или дикимъ камнемъ, изъ разсѣлинъ котораго выползаютъ на поверхность кристально чистой воды красивыя водяныя растенія, лиліи и лотосъ. Прекрасно уродливыя, радужныя и золотыя рыбки разгуливаютъ въ этомъ своеобразномъ акваріумѣ. Иногда маленькій крабъ выглядываетъ изъ-подъ камней, иногда черепашка взберется на карнизъ погрѣться на солнышкѣ, а цикада-кузнечикъ, посаженный въ мивіатюрную клѣточку, подвѣшенную къ какой-нибудь вѣткѣ, каждый вечеръ, когда вокругъ зажгутся пунцовые фонари, оглашаетъ весь дворикъ своимъ неумолкаемымъ стрекотаньемъ. Нерѣдко ему вторятъ на вѣткахъ же, маленькіе стеклянные колокольчики, къ языкамъ которыхъ подвѣзаны бумажныя ленты: вѣтерокъ колеблетъ эти ленты, и колокольчики начинаютъ тихій мелодическій перезвонъ. Черезъ бассейнъ, изъ одной половины дома въ другую, перекинуть, въ видѣ полукруглой арки, легкій мостикъ изъ палочекъ бамбука или другого красиваго дерева, украшенный иногда очень изящно точеными, либо рѣзными перильцами. Все остальное пространство дворика засажено камеліями и азалиями, латаніями и саговыми пальмочками, померанцевыми, сливовыми и другими фруктовыми и хвойными деревьями и кустарниками, дающими или красивый или ароматичный цвѣтъ. Тамъ и сямъ по этому садiku разстав-

лены фарфоровыя вазоны съ болѣе рѣдкими и почему-либо замѣчательными растеніями. Тутъ же, между кустами, гдѣ-нибудь изъ угловъ неизмѣнно торчатъ нѣсколько дикихъ камней опутанныхъ побѣгами разныхъ вьюнковъ и одинъ или два фонарика высѣченные изъ камня же въ видѣ грибовъ или небольшихъ монументовъ. Иногда въ тѣни изъ-подъ вѣчно зеленыхъ вѣтвей таинственно выглядываетъ маленькая деревянная кумирня, и въ ней прячется изображеніе домашняго божества, избраннаго хозяиномъ въ покровители дома и семейства. Тутъ же, неподалеку отъ кухни, стоитъ гранитная тумба въ видѣ естественной глыбы, у которой верхушка сточена, и въ ней выдолбленъ водоемъ всегда наполненный свѣжей водой для питья, ради чего на тумбу кладется и бамбуковый ковшичекъ съ длинной ручкой, а для поддержанія свѣжести и для нѣкоторой красоты, въ воду обыкновенно опускается нѣсколько вѣточекъ цвѣтущихъ камелій, которыя мѣняются ежедневно вмѣстѣ съ водой. Но во многихъ случаяхъ подобныя водоемы или чаши наполняются проточной водой, проводимой къ нимъ посредствомъ бамбуковыхъ трубъ изъ какого-нибудь родника. Вода изливается въ чашу либо по желобку, либо особо устроеннымъ фонтанчикомъ; а чтобы чаша не переполнялась, изъ нея проведены бамбуковые желоба къ бассейну-акваріуму, или же къ оросительнымъ садовымъ канавкамъ. Все это въ общемъ носить какой-то игрушечный характеръ, словно бы все это устроили очень милыя, умныя и способныя дѣти.

Для умыванья и выливанья грязной воды имѣется во внутреннемъ же дворикѣ, но нѣсколько поодаль (обыкновенно по другую сторону соединительной галлереи) бассейнъ, напоминающій своимъ видомъ древне-греческіе саркофаги. Онъ высѣкается изъ цѣльнаго камня, а иногда бываетъ и бронзовый, или же дѣлается на подобіе камня искусственно, изъ особаго цемента, который имѣетъ свойство крѣпнуть со временемъ до степени плотности плитняка. Такіе бассейны обыкновенно украшаются разными, рельефно высѣченными надписями, а сдѣланныя изъ цемента, кромѣ того, еще и вмурованными въ ихъ наружныя стѣнки фарфоровыми кафлями, на которыхъ изображены разные синіе рисунки. На днѣ бассейна всегда есть отверстіе, соединенное съ подземною сточною трубой. А чтобы видъ нечистоты не оскорблялъ глазъ по природѣ чистолюбиваго японца, въ бассейнъ обыкновенно вкладывается, на два, на три вершка ниже верхняго края, особая покрывка изъ бамбуковыхъ равной величины палочекъ, провязанныхъ, для связи между собою, съ обоихъ концовъ тонкими прутьями. Мыльная вода стекаетъ въ узкія скважины, остающіяся между палочками и такимъ образомъ покрыв-

ка бассейна всегда остается въ безукоризненно чистомъ видѣ. Для вытиранія лица и рукъ тутъ же, около, на особой жердочкѣ вѣшается пѣвѣтное полотенце, большою частью голубое съ какимъ-то бѣлымъ литернымъ знакомъ по серединѣ.

Кромѣ внутренняго дворика, при «гостиницѣ Прогресса», какъ и при многихъ другихъ домахъ, имѣется еще особый садъ. Подобные сады бываютъ разной величины, и въ нихъ соединено въ большихъ размѣрахъ все, что вы можете встрѣтить во внутреннемъ дворикѣ, за исключеніемъ развѣ сточнаго саркофага. Однимъ изъ самыхъ популярныхъ садовыхъ украшеній, кромѣ дикихъ, красиво навороченныхъ камней и гранитныхъ фонарей-монументовъ являются подстриженные деревья и миниатюрная Фузи-яма. Въ одномъ изъ наиболѣе любимыхъ уголковъ сада насыпается коническій курганчикъ, которому придаютъ сходство съ контурами знаменитой горы. Узенькая тропинка зигзагами или спиралью вьется по бокамъ кургана къ его вершинѣ, гдѣ обыкновенно помѣщается каменное изваяніе какого-нибудь божка, или торчмя поставленная плита съ высѣченною надписью; то и другое непременно украшено зеленью разныхъ цвѣтущихъ кустарниковъ. Деревянная или каменная скамья поставленная противъ изваянія служить обычнымъ дополненіемъ макушки кургана, скаты котораго украшены дикими камнями, а иногда, кромѣ того, глыбами коралловъ и большими раковинами. Изъ ихъ расщелинъ вырываются на просторъ воздуха и свѣта побѣги всевозможныхъ вьюнковъ, тюльпаны, лиліи, пионы, растущіе рядомъ съ нѣсколькими сортами хвойныхъ кустарниковъ. Фузи-яма обыкновенно служитъ бельведеромъ и любимѣйшимъ мѣстомъ семейныхъ отдохновеній во время солнечнаго заката. Деревья въ садахъ обыкновенно подстригаются, но не всѣ, а лишь нѣкоторыхъ извѣстныхъ сортовъ. Такъ, напримѣръ, илимъ, кленъ, камфарное дерево, камелія, орхидеи, оставляются на произволъ природы и нерѣдко достигаютъ громадныхъ размѣровъ; бамбукъ же, акація и боярышникъ въ изгородяхъ, а померанцы, кипарисы и туйи внутри садовъ, всегда подстригаются, причемъ кипарисамъ и туйамъ придается форма цилиндровъ, усѣченныхъ конусовъ и башенъ, а померанцамъ— яйцеобразная, шаровидная и кубическая. Операция подстрижки производится съ большимъ искусствомъ, такъ что дерево съ безукоризненною правильностью получаетъ именно ту форму какую задумала придать ему фантазія садовника. Глядя на эти произведенія японской культуры, можно предполагать, что идея стриженныхъ аллей и газоновъ французскихъ садовъ XVIII вѣка перешла въ Европу если не изъ Японіи, то вѣроятно изъ Китая; но все же европейскимъ садоводамъ далеко въ этомъ

отношеніи до японскихъ искусниковъ. Впрочемъ, верхъ этого искусства вы познаете лишь когда увидите, что японцы продѣлываютъ со своими соснами. Подширая иныя вѣтви шестами и распорками, а другія притягивая книзу желѣзными цѣпями, они придаютъ соснамъ самыя прихотливыя, причудливыя иногда фантастическія формы, вслѣдствіе чего и получаютъ тѣ искривленные, змѣевидные, иногда въ бараній рогъ завитые стволы, сучья и вѣтви, изображенія которыхъ мы встрѣчаемъ на японскихъ рисункахъ. Садовники переплетаютъ и связываютъ между собою молодыя вѣточки сосны, причемъ иныя подстригутъ, иныя вовсе обрѣжутъ, и глядишь, вся кривая сосенка усѣяна у нихъ отдѣльными зелеными шапками хвойныхъ щепоточекъ, то въ видѣ грибовъ, то въ формѣ зонтиковъ, вѣровъ, обручей и т. п. Тѣмъ же способомъ, съ примѣненіемъ подстрижки, они придаютъ можжевельнымъ кустамъ форму камней, столовъ и иногда употребляютъ ихъ въ качествѣ бордюра для садовыхъ бассейновъ клумбъ и дорожекъ. Попадаются иногда хвойные кустарники въ формѣ птицъ (въ особенности журавлей и утокъ) и иныхъ животныхъ, но это уже есть принадлежность болѣе богатыхъ садовъ, да и вообще съ подобными формами встрѣчаешься чаще въ Китаѣ чѣмъ въ Японіи. Кромѣ исчисленныхъ диковинокъ, японскіе сады всегда бываютъ наполнены разными сортами такихъ (преимущественно фруктовыхъ) деревьевъ, которые даютъ пышный цвѣтъ ранне появленія листьевъ. Къ таковымъ относятся японская вишня и японская слива, начинающія цвѣсти еще въ декабрѣ, затѣмъ абрикосъ, персикъ, миндаль и другіе, названія коихъ я не знаю и которые встрѣтилъ здѣсь въ первый разъ въ жизни. Еще за долго до непосредственнаго знакомства съ Японіей мнѣ случалось читать и неоднократно слышать порицанія китайскимъ и японскимъ садоводамъ за практикуемое ими насиліе природы растений и за стремленіе совокупить на ничтожномъ клочкѣ земли миниатюрныя и потому якобы уродливыя подражанія природѣ въ образѣ потоковъ, скалъ, озеръ и т. п. Что сказать на это? Разумѣется, природа ненасилованная лучше, и я даже думаю, что врядъ ли какой народъ во всей своей массѣ способенъ болѣе японцевъ чувствовать ея красоты: самая природа этой живописной страны невольно учитъ ихъ понимать ея прекрасныя стороны, невольно, такъ сказать, воспитываетъ въ нихъ чувство изящнаго. Но можетъ-быть именно потому-то японцевъ и стремится соединить окрестъ себя, въ своемъ уголкѣ, даже внутри своего дома, все, что можетъ сколько-нибудь, хотя въ миниатюрѣ, напоминать ему прелестную природу его родины. Не выражается ли скорѣе въ этой миниатюрности его

кропотливый, усидчиво-трудолюбивый и страстный къ культурѣ характеръ? Японецъ такъ любить видъ зелени, цвѣтовъ и деревьевъ, что не только изображаетъ ихъ на своихъ чашкахъ и икатулкахъ, но не оставляетъ и въ домѣ своемъ рѣшительно ни одного клочка земли, не занятой строеніями безъ того, чтобы не посадить на немъ хотя вѣточку, изъ которой современемъ вырастетъ цѣлое дерево. Мы часто встрѣчаемъ въ японскихъ домахъ какой-нибудь захолустный, второй или третій дворикъ, совсѣмъ глухой, но не болѣе какъ въ полтора квадратныя аршина величиной, и что же? На такомъ дворикѣ, продравшись между деревянныхъ крышъ на свѣтъ Божій, вырастаетъ цѣлое дерево лавра или камеліи, анельспяное или камфарное, а подъ нимъ, у корня, еще и маленький цвѣтникъ устроенъ, и проведена для орошенія выложенная кирпичемъ канавка. Японецъ страстно любитъ зелень, тѣнь, воду, и это понятно въ такомъ климатѣ. Относительно здѣшнихъ садовъ скажу только, что они въ своемъ родѣ очень и очень красивы со всѣми этими камнями, маленькими скалами, бассейнами, кумирнями и прочими своими украшеніями. Все это очень оригинально, пожалуй очень курьезно, въ особенности когда вы вдругъ видите дубъ или кедръ какъ бы изъ страны лиллипутовъ или можжевельникъ, свернутый въ фигуру священнаго журавля; но въ то же время это «уродство» полно такой своеобразной прелести, что смотришь-смотришь на него, и глазъ оторвать не хочется.

Весь повседневный обиходъ домашней жизни совершается въ трехъ описанныхъ выше комнатахъ, то-есть въ кухнѣ, скрбовой, которая почти всегда служитъ и семейною спальней, и въ прихожей, замѣняющей собою приемную и гостиную. Есть еще комната, посвященная домашнему алтарю, но она существуетъ не для постороннихъ; это какъ бы святая святыхъ домашняго очага, которую даже сами хозяева посѣщаютъ только въ случаяхъ богомоленія; потому-то и находится она всегда гдѣ-нибудь въ сторонѣ не на проходѣ. Такъ какъ прихожая служитъ и гостиной, то посреди нея на цыновкѣ всегда стоятъ: бронзовый *хибачъ* съ тлѣющими въ золѣ углями, лаковый подносъ съ чайникомъ и чашками и *табакобонъ* со всѣми курительными принадлежностями. Вокругъ хибача обыкновенно собираются всѣ домашніе, если не заняты какимъ-либо дѣломъ, а также и посторонніе поѣдители-гости. Опускаясь на колѣни, они садятся на пятки въ общій кружокъ, грѣютъ надъ хибачемъ руки, пьютъ чай и саки, закусываютъ рисовыми сластями, болтаютъ и курятъ, безпрестанно набивая табаккомъ свои крохотныя *кизеру* и послѣ одной или двухъ затяжекъ вытряхивая изъ нихъ золу, такъ что

въ японскомъ кружкѣ только и слышишь пощелкиванье чубучковъ о края пепельницы. Курятъ всѣ, и мужчины, и женщины, а нерѣдко и маленькія дѣти.

Всѣ описанныя принадлежности японскаго обихода сполна имѣлись и въ занятомъ нами «отелѣ Прогресса». Но наибольшій прогрессъ его выразился въ обстановкѣ столовой залы, помѣщающейся въ верхнемъ этажѣ. Это собственно не комната, а большая съ двухъ сторонъ открытая веранда съ видомъ на сосѣднія крыши и въ особый садъ, принадлежащій тому же дому. На зиму двѣ смежныя открытыя стороны веранды закрываются раздвижными рамами, въ переплеты которыхъ вставлены стекла (большой прогрессъ), а снаружи, въ видѣ балкончика ихъ огибааетъ особая крытая галлерейка. Въ этой столовой полъ застланъ уже не цыновками, а ковромъ, и стоитъ посрединѣ ея большой столъ подъ коленкорovou скатертью; вокругъ него дюжина европейскіхъ стульевъ, а на столѣ фарфоровыя вазы съ цвѣтущими прутьями персика и вѣтвями камелій. Съ потолка спускается европейская лампа; на стѣнахъ какія-то литографіи съ англійскими подписями; въ углу прѣбита вѣшалка съ кабаньими клыками вмѣсто деревянныхъ колышковъ. Столовый приборъ устроенъ также на европейскій ладъ, даже салфетки есть, хотя и коленкоровыя и притомъ очень маленькія. Стаканы и ликалки (вмѣсто рюмокъ) хотя и несуразные, но стеклянные; ножи и вилки, хотя и не совсѣмъ такіе, какъ у насъ, неудобные, но по нуждѣ годные къ употребленію. Тарелки... Вотъ ужъ чего не ожидали!—Представьте себѣ, въ этой странѣ великолѣпнаго фарфора тарелки вдругъ *англійскія*, фаянсовыя, съ какими-то узорами, поддѣланными подъ японскій стиль. И это въ Нагойе, въ Оварійской провинціи, которая на всю Японію славится именно своими фарфоровыми и фаянсовыми издѣліями для повседневнаго употребленія!.. Оказывается, что англійскій фаянсъ уже во многихъ мѣстахъ начинаетъ мало-по-малу вытѣснять свой родной фарфоръ, и причина тому вовсе не въ его дешевизнѣ, а единственно въ увлеченіи новизной и въ ложномъ убѣжденіи, будто европейское лучше своего японскаго. Значить, тоже «прогрессъ» въ своемъ родѣ. Но какъ бы ни было, а сервировка стола все же нѣсколько насъ утѣшила: уже одно удобство сидѣть привычнымъ манеромъ на стулѣ и ѣсть ложкой и вилкой чего стоитъ! А то не угодно ли кушать на корточкахъ, по-японски? Безъ привычки къ такой позѣ, не пройдетъ и пяти минутъ, какъ у васъ невыносимо заломитъ колѣнки.

Не успѣли мы еще разложить на полу отведенныхъ намъ комнатъ свои дорожныя вещи, какъ глядимъ—старый Флетчеръ съ спгарой въ зубахъ, въ японскомъ халатѣ и сандаляхъ, уже разгуливаетъ по галлерейкѣ внут-

ренного дворника. Это онъ уже успѣлъ взять японскую ванну и, какъ человѣкъ бывалый и привычный, сразу устроился по домашнему, то-есть по-домашнему въ японскомъ смыслѣ. Пять минутъ спустя, мы нашли его уже въ прихожей, въ японскомъ кружкѣ: сидитъ себѣ надъ хибачемъ и грѣетъ руки, потѣшая весело болтовней двухъ красивыхъ дѣвушекъ, хозяйскихъ родственницъ, разсѣвшихся бокъ-о-бокъ съ нимъ; и справа, и слѣва. Одинъ изъ полицейскихъ, конвоировавшихъ насъ до гостиницы, тоже тутъ—сидитъ на корточкахъ у хибача и принимаетъ самое оживленное участіе въ общей бесѣдѣ. Онъ очевидно назначенъ состоять при адмиралѣ въ видѣ почетнаго стража или постоянного ординарца, почему и расположился у хибача тоже почти по-домашнему, то-есть босикомъ и безъ специальныхъ знаковъ своего достоинства, но все-таки въ мундирѣ.

Вскорѣ хозяинъ гостиницы, г. Синацү, или Синацү-санъ, со множествомъ наипочтительнѣйшихъ согбеній, присѣданій и преклоненій, съ шипѣніемъ втягивал и вдыхая изъ себя воздухъ,—и все это чтобъ усилить видимыя проявленія и знаки своей почтительности,—отчасти торжественно, отчасти какъ-то таинственно доложилъ адмиралу, что самъ-де вице-губернаторъ, г. Номура, въ сопровожденіи секретаря, экзекутора, переводчика и нѣсколькихъ городскихъ депутатовъ, пріѣхалъ къ гостиницѣ, чтобы почтить его превосходительство своимъ визитомъ и желаетъ знать, угодно ли будетъ принять его. Адмиралъ приказалъ просить и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на вѣтрѣчу, какъ требуетъ того здѣшній официальный этикетъ. Минуту спустя они явились. Самъ г. Номура и секретарь съ экзекуторомъ были во фракахъ, остальные въ обычныхъ японскихъ костюмахъ. Вошли они всѣ неслышно походкой, такъ какъ обувь свою оставили внизу въ сѣняхъ, и надо сказать, что эти официальные черные фраки съ орденскими знаками, въ соединеніи съ бѣлыми носками вмѣсто сапогъ, производятъ на непривычный глазъ довольно своеобразный эффектъ немножко комическаго свойства. Впрочемъ, и мы, со своей стороны, тоже обрѣтались въ безсапожніи. Пронизали, разумеется, достоподобныя взаимныя представленія, рекомендаціи, поклоны со втягиваніемъ въ себя воздуха и съ покряхтываніемъ, рукопожатія и опять поклоны, приглашенія садиться, курить, и снова поклоны, и снова покряхтыванія, и наконецъ, при помощи переводчиковъ, кое-какъ разговоръ завязался.

Не въ первый уже разъ приходится мнѣ видѣть японскихъ чиновниковъ новаго покроя, и въ большей части ихъ замѣчалъ я одно характеристическое сходство, которое навѣрно покажется вамъ очень курьезнымъ; они ужасно похожи

на нашихъ,—знаете, тѣхъ гладко выбритыхъ, прилично причесанныхъ коллежскихъ ассесоровъ и совѣтниковъ съ пріятно-солиднымъ выраженіемъ и нѣсколько геморридальнымъ цвѣтомъ лица, какихъ вы, конечно, не разъ встрѣчали, особенно въ провинціи, гдѣ этотъ типъ держится крѣпче въ разныхъ губернскихъ правленіяхъ, канцеляріяхъ, казначействахъ и т. п. Нагасакскій вице-губернаторъ, напрямѣръ, это типичнѣйшій молодой прокуроръ изъ правовѣдовъ, съ солидностью тона и манеръ, съ выхоленнымъ подбородкомъ, оказывающимъ наклонность къ образованію второго этажа и вообще съ основательными видами на будущую служебную карьеру. Такъ точно и здѣсь, въ Нагойе: экзекуторъ, сопровождавшій г. Номура, ни дать, ни взять Гоголевскій почмейстеръ Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ. И манера, и ухватка у него совершенно тѣ же. Всѣ мы такъ и прозвали его сразу почтмейстеромъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, такое сходство? Казалось бы, что общаго между нашимъ и японскимъ чиновникомъ, а между тѣмъ типичныя черты однѣ и тѣ же. Какъ это случилось, я уже не знаю, отмѣчаю лишь фактъ, насчетъ котораго всѣ самовидцы, надѣюсь, будутъ согласны со мною.

Номура-санъ просидѣлъ у адмирала довольно долго, ведя разговоръ, въ которомъ со стороны японцевъ принимали нѣкоторое участіе только пожилой, сивоголовый экзекуторъ и молодой, но уже вполне чиновничьи-солидный секретарь. Остальные пребывали въ упорномъ молчаніи, покуривая предложенныя имъ папироски. Ихъ шеи были вытянуты и головы слегка нагнуты впередъ, очевидно, ради изображенія официальной почтительности и благоговѣйнаго вниманія къ рѣчамъ старшихъ, которымъ они иногда всѣ въ разъ поддакивали сдержанными кивками и покачиваніемъ корпуса въ видѣ полупоклоновъ. Объясненія происходили чрезъ посредство нашего Нарсэ и ихняго переводчика, владѣвшаго англійскимъ языкомъ. Между прочимъ, разговоръ коснулся фафороваго и фаланеваго производствъ, которыми славится ихъ провинція, и г. Номура, желая тутъ же показать намъ образецъ послѣдняго, послалъ одного изъ депутатовъ къ себѣ домой за мѣдною эмалированной вазой. Вещь, дѣйствительно, оказалась произведеніемъ замѣчательной работы: краски эмали, ихъ подборъ, рисунокъ и шлифовка наружной стороны сосуда, все это вполне изящно и оригинально; цѣна же, сравнительно съ работой, пустячная что-то около 28 или 30 іенъ. Вице-губернаторъ предложилъ намъ осмотрѣть на другой день мѣстныя фабрики ткацкихъ и фаланевыхъ издѣлій, а также школы и нѣкоторые другія достопримѣчательности города, за что мы, конечно, отъ души его поблагодарили. Городъ, по его словамъ, не изъ большихъ имѣтъ

только 120.000 душъ населенія, но довольно производителенъ въ промышленномъ отношеніи, хотя по части вывоза и не ведетъ непосредственно заграничной торговли. Произведения Нагойе сполна расходятся внутри страны, и только фарфоровыя да фаланевыя издѣлія попадаютъ отчасти къ іюкогамскимъ и тоогійскимъ купцамъ, которые уже отъ себя перепродаютъ ихъ европейцамъ и американцамъ.

При прощаніи, адмиралъ и мы всѣ получили приглашеніе къ обѣду, который предполагено устроить для насъ завтра въ зданіи мѣстнаго музея.

2-го марта.

Часовъ около девяти утра, мы сидѣли за чаемъ, когда Синацү-санъ, со вчерашними вывертами и придыханіями, доложилъ о пріѣздѣ бригаднаго генерала Иби-сана. Черезъ минуту въ столовую вошелъ, въ сопровожденіи адъютанта съ аксельбантами, высокій статный мужчина лѣтъ около сорока, съ очень умнымъ и симпатичнымъ японскимъ лицомъ, въ черной гусаркѣ, бѣлыхъ лосинныхъ рейтузахъ и высокихъ ботфортахъ, при саблѣ. Онъ просто, европейски, поклонился, назвалъ себя по имени и объяснилъ, что будучи начальникомъ расположенныхъ въ округѣ войскъ и комендантомъ замка, получилъ отъ вице-губернатора извѣщеніе о желаніи русскихъ гостей осмотрѣть Нагойскій замокъ, а потому поспѣшили познакомиться съ адмираломъ лично и предложить ему для этого осмотра свои услуги. Посидѣвъ минутъ около десяти, генералъ Иби откланялся, а вслѣдъ за его уходомъ, на порогѣ появился нашъ милѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, — на этотъ разъ уже не во фракѣ, а въ черномъ сюртукѣ, но все-таки безъ сапогъ въ однихъ носкахъ, и любезнѣйшимъ образомъ, потирая свои ручки и покряхтывая, объявилъ, что если адмиралу угодно начать осмотръ нагойскихъ достопримѣчательностей, то дженерикши уже ожидаютъ, насъ предъ дверьми гостиницы, а онъ, Шпекинъ, будетъ нашимъ путеводителемъ.

Прежде всего поѣхали мы въ замокъ Оариджо опять такимъ же какъ вчера длиннымъ поѣздомъ, въ предшествіи и сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ, Шпекина, секретаря и двухъ переводчиковъ. Пришлось ѣхать на самый конецъ города, вглубь, то-есть въ сторону противоположную пристани Міа, и мы не могли не замѣтить сразу, что въ этихъ кварталахъ городъ уже значительно утратилъ свой исключительно промышленный характеръ: здѣсь довольно часто попадаются прехорошенькіе домики съ садиками и палисадниками, но безъ лавочекъ въ нижнихъ этажахъ, и живутъ въ нихъ, все равно какъ и въ Нагасаки на Мума-мачи, семейства богатыхъ горожанъ, купцовъ и фабрикантовъ имѣющихъ свои за-

веденія особо, самурайи, бывшіе и настоящіе чиновники и офицеры, послѣдніе по близости къ своимъ казармамъ. Въ этой же части города расположены и войска, размѣщенные въ особыхъ казармахъ, которыя очень чистенько и весело выглядываютъ изъ-за подстриженныхъ аллей и газоновъ.

Замокъ окруженъ двумя стѣнами—внѣшнею и внутреннею; обѣ сложены изъ дикаго камня и по массивности являютъ собою сооруженія чуть не циглолическаго характера. Первая изъ нихъ окружена широкимъ и мѣстами довольно глубокимъ ровомъ, который въ случаѣ надобности, наполняется водой. Всѣ углы снабжены выступами, дающими каждому фронту фланговую оборону, а сверху стѣны защищены толщею земляного, облицованнаго дерномъ бруствера, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ успѣли вырости и состариться цѣлыя аллеи толстыхъ, искусственно искривленныхъ сосенъ.

По деревянному мосту, лежащему на прочныхъ каменныхъ устояхъ, перѣѣхали мы черезъ ровъ и очутились подъ массивными глубокими воротами, при которыхъ слѣва помѣщается гауптвахта. Пѣхотный караулъ сталъ въ ружье и отдалъ адмиралу честь по японскому уставу, причѣмъ горнистъ на правомъ флангѣ, не трубя, но какъ бы собираясь трубить, все время держалъ свой инструментъ передъ губами. Отсюда, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы повернули направо, въ другія такія же точно ворота во внутренней стѣнѣ, за которою находится второй дворъ замка, п здѣсь адмирала встрѣтилъ другой пѣхотный караулъ съ такою-же почестью. Противъ этой послѣдней гауптвахты стояло подъ узенькимъ навѣсомъ нѣсколько засѣданныхъ ординарческихъ лошадей, которыя, въ скучномъ ожиданіи разгона, уныло и покорно предоставляли дождю мочить свои хвосты и чолки. Сдѣлавъ еще одинъ заворотъ, вступили мы, наконецъ подъ сѣнь высокаго и широкаго портала, фронтомъ котораго украшенъ рѣзьбой. На крыльцѣ встрѣтили насъ адъютантъ и ординарцы генерала, держа въ рукахъ свои кѣпи расшитыя позументомъ, и пригласили слѣдовать за собою. Видя, что они не надѣваютъ шапокъ, мы поневолѣ, изъ вѣжливости не смотря на холодъ и сырость, тоже обнажили головы (почѣмъ знать, думалось, можетъ оно такъ нужно по какому-нибудь ихъ этикету) и направились вдоль по широкой галлерей, которая съ одной стороны смотрѣла въ замковый садъ, а съ другой на нее выходили окна разныхъ канцелярій военно-окружнаго управленія, гдѣ корѣло надъ европейскими столами десятка три писарей, одни въ формѣ, другіе въ гражданскихъ киримонахъ, усердно выводивъ кистями какія-то каракульки на длинныхъ свиткахъ тончайшей бумаги, а чиновники, такъ же какъ и у насъ порой, читали тѣмъ

часомъ газеты, болтали, покуривали и вообще благодушествовали. Пройдя одинъ или два заворота по длинной галлерей, мы очутились на порогѣ приемной залы, гдѣ встрѣтилъ насъ генералъ Иби со своимъ начальникомъ штаба, въ чинѣ полковника. Здѣсь, посреди обширной комнаты, стоялъ большой круглый столъ подъ зеленою скатертью и вокругъ него около дюжины узенькихъ креселъ, на которыхъ мы и размѣстились «отдохнуть» по приглашенію любезнаго хозяина. Служители изъ нижнихъ чиновъ въ форменныхъ курткахъ тотчасъ же стали разносить обычное угощеніе чаемъ; табакъ же и японскія папиросы съ *табакобономъ* уже раньше стояли на столѣ къ нашимъ услугамъ. Эта приемная комната и служащая какъ бы ея продолженіемъ смежная съ нею веранда съ выходомъ въ садъ—это въ своемъ родѣ *chef-d'oeuvre* японской орнаментации: ихъ потолки и верхняя половина стѣнъ украшены рѣзными изъ дерева горельефами, какіе до сихъ поръ довелось мнѣ видѣть только въ Сибя: тотъ же стиль, то же совершенство артистической работы и, быть-можетъ, одинъ и тотъ же мастеръ-художникъ. Точнѣе всего, эти произведенія можно назвать древоскульптурными фресками, главнымъ сюжетомъ коихъ являются мифическіе драконы, цвѣты и разныя птицы. Адъютантъ досталъ изъ шкафа, вѣшаннаго въ стѣну приемной комнаты, цѣлую серію фотографическихъ снимковъ съ разныхъ зданій и частей Нагойскаго замка, его комнаты, рѣзныхъ потолковъ, расписныхъ плафоновъ, стѣнныхъ фресокъ, ширмовыхъ картинъ и отдѣльных орнаментовъ. Каждый снимокъ уложенъ подъ стекло, въ особый плоскій ящичекъ съ выдвижною крышкой. Полюбовавшись на эти изображенія и отдавъ въ душѣ японцамъ полную дань уваженія за ихъ умѣнье беречь и цѣнить свою художественную старину, мы, по приглашенію генерала Иби, отправились осматривать замокъ.

Намъ объяснили, что замокъ Оариджо построенъ безъ малаго триста лѣтъ назадъ при сегунѣ Минамото-но-Гіеясу, по прозванію Гогензама ¹⁾, а реставрированъ впоследствии извѣстнымъ народнымъ героемъ Коно. Знаменитый живописецъ Ханабуса-Иццо расписывалъ стѣнные ширмы этого дворца, которыя сохранились до сихъ поръ въ томъ же видѣ какъ вышли изъ мастерской художника, почти не утративъ первоначальной свѣжести красокъ—тайна которою владѣлъ этотъ мастеръ, за что произведенія его и цѣнятся теперь очень дорого. Картины эти изображаютъ сцены охоты, скачекъ, гимнастическихъ упражненій, воинскихъ лагерей, духовныхъ процессій и придворныхъ выходцовъ и приемовъ удѣльных князей сегунами. Всѣ вообще за-

ды дворца Оариджо шеголяютъ своими многочисленными и разнообразными ширмами. Продольные и поперечные столбы, а также балаясины и балки въ иныхъ комнатахъ покрыты чернымъ лакомъ, а въ другихъ сохраняютъ натуральный цвѣтъ дерева, которое, впрочемъ, отъ времени приняло почтенную потемнѣлость. Скрѣпленія между всѣми этими деревянными частями украшены бронзовыми наконечниками и розетками, тоже успѣвшими отъ времени подернуться зеленоватымъ налетомъ яри. Жаль только, что за отсутствіемъ мебели, которая не свойственна японской домашней обстановкѣ, эти залы, при всемъ ихъ великолѣвіи, производятъ впечатлѣніе какой-то грустной пустынности. Невольно все кажется, что здѣсь не достаетъ чего-то. Задаешь себѣ вопросъ: чего именно?—и чувствуешь, что не достаетъ жизни—той жизни, которая самой послѣдней бѣдной хижинѣ придаетъ привлекательный видъ домовитости, благодаря разнымъ предметамъ домашней обстановки. Въ одной изъ залъ стоитъ въ углу довольно объемистая деревянная модель большой башни этого замка, извѣстной подъ именемъ Тенси, и это единственный предметъ, на которомъ, за исключеніемъ стѣнныхъ ширмъ и орнаментовъ, вы можете остановить свое вниманіе. Впрочемъ, любезный комендантъ замка предложилъ, вмѣсто модели, осмотрѣть настоящую башню и полюбоваться изъ оконъ ея верхняго этажа видомъ на окрестности.

Мы спустились во внутренний дворъ, къ одноэтажному приземистому зданію массивной постройки, съ большими желѣзными воротами, и, войдя въ нихъ, очутились въ какомъ-то темномъ сараѣ, изъ котораго вышли въ другія такія же ворота и направились по узенькому, открытому сверху проходу, мимо двухъ каменныхъ стѣнокъ, снабженныхъ стрѣльницами. Въ концѣ прохода высились третьи желѣзные ворота, устроенныя въ фундаментъ самой башни Тенси. Этотъ четырехсторонній фундаментъ, въ видѣ усѣченной пирамиды, сложенъ изъ громадныхъ необдѣланныхъ камней и высотой своею почти на одну треть превышаетъ высоту крѣпостныхъ стѣнъ этого замка. На такомъ-то массивномъ основаніи высится четырехсторонняя бѣлая башня съ бойницами и стрѣльницами. Четыре яруса крыши обыкновеннаго японо-китайскаго типа, съ широкими и нѣсколько загнутыми кверху полями и наугольниками, дѣлятъ башню на четыре пропорціонально сгуживающіеся этажа, изъ коихъ нижній имѣетъ въ основаніи своемъ тысячу, а верхній только сто *татами* (цыновокъ) ¹⁾.

¹⁾ Я уже говорилъ раньше, что цыновки выдѣляются въ Японіи всегда одинаковыхъ размѣровъ, а именно 6' 3" въ длину, 3' 2" въ ширину и 4" въ толщину, и что поэтому цыновка служитъ условною мѣрой при опредѣленіи на планѣ размѣровъ всѣхъ вообще построекъ.

¹⁾ Правильнъ съ 1593 по 1606 годъ.

Гребень высокой кровли, покрывающий верхний этаж украшенъ съ обонхъ своихъ концовъ двумя литыми изъ бронзы и позолоченными рыбами *тай*, значительныхъ размѣровъ, съ загнутыми кверху хвостами, что издали очень напоминаетъ бронзовыхъ дельфиновъ, нерѣдко украшающихъ фонтаны и бассейны въ европейскихъ садахъ и паркахъ. Эти рыбы находились на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года. Высота всей башни отъ основанія до гребня равняется двадцати пяти саженимъ. При строгомъ соблюденіи пропорціональности во всѣхъ частяхъ постройки, какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, башня Тенси производитъ своимъ видомъ впечатлѣніе вполне стройное, художественное и можетъ служить лучшимъ образцомъ японскаго вкуса и стиля.

Черезъ калитку массивныхъ желѣзныхъ воротъ вступили мы въ башню и очутились внутри циклопическихъ стѣнъ фундамента, изъ полутемномъ громадномъ погребѣ. Здѣсь находится обширная, глубокая цистерна, надъ которой устроены два или три водоподъемныя колеса. Она имѣетъ назначеніе снабжать замокъ водой во время осады. Въ первомъ и второмъ этажахъ помѣщаются вещевые склады и арсеналъ, нынѣ впрочемъ разоруженный, въ третьемъ—казарма, предназначенная подъ помѣщеніе команды, а въ четвертомъ—складъ металлическихъ патроновъ. Въ этомъ послѣднемъ этажѣ нельзя не обратить вниманія на прекрасныя рѣшетчато-рѣзные квадратныя паркетки потолка и бронзовые болты, скрѣпляющіе различныя части деревянныхъ устоевъ и балокъ. Гайки болтовъ сдѣланы розетками, съ позолоченнымъ узоромъ чрезвычайно изящной работы, въ родѣ тѣхъ, что мы видѣли въ парадныхъ залахъ этого замка.

Когда раздвинули створчатые щиты оконъ, служащихъ и бойницами, среди насъ невольно раздался восклицаніе: — «Какая прелесть!.. Какая широта кругозора!.. Смотрите, какъ хорошо все это!..»

И дѣйствительно, видъ былъ великолѣпенъ.

Какъ съ птичьяго полета, со всѣхъ сторонъ открылись предъ нами городъ Нагойе и Оварійскій заливъ, и вся окрестная страна подковообразно огибаемая отъ одной части берега до другой отдаленными горами, которыя, постепенно понижаясь къ морю, переходятъ въ пологіе холмы волнистаго рисунка. Наша «Африка» чуть-чуть виднѣлась вдали на громадномъ пустынномъ пространствѣ залива и казалась совсѣмъ миниатюрнымъ суденышкомъ, точно черное пятнышко или муха на огромномъ зеркалѣ. Весь городъ, изрѣзанный правильными четырехугольниками улицъ и пронизанный вдоль бесконечною Хончо, лежалъ подъ нашими взорами со своими аспидно-сѣрыми черепичными крышами, флагами, садами, священными рощами, массивными кровля-

ми храмовъ, и суставчатыми башнями остро-конечныхъ пагодъ. Но любопытнѣе всего было зрѣлище окружающей его обширной равнины: докуда могъ лишь хватить глазъ, вооруженный биноклемъ, вся она сплошь представлялась изрѣзанною оросительными каналами и межами рисовыхъ полей, огородами, плантаціями, рощами и садами, между которыми виднѣлись отдѣльно разбросанныя въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга хутора, хижины и деревни. Судя по ихъ количеству, населеніе этой равнины должно быть очень значительно. Узенькія дороги, служащія въ то же время плотинами и выющіяся между полями отъ жилья къ жилью, болышею частью обсажены аллеями деревьевъ, а по сторонамъ ихъ, куда ни глянь, все сплошь обработано и засѣяно самымъ тщательнымъ образомъ. Представьте себѣ, что на всемъ этомъ громаднѣйшемъ пространствѣ рѣшительно ни одного невоздѣланнаго клочка!.. Люди свѣдущіе свидѣтельствуютъ, что точно такимъ же высококультурнымъ образомъ воздѣлана и *вся* Японія, за нѣкоторымъ исключеніемъ сѣверныхъ частей острова Матсуя и острововъ Курильскихъ, гдѣ условія сырого климата не вполне вознаграждаютъ земледѣльческій трудъ. Не говоря уже о Россіи, врядъ ли найдется, что-либо подобное въ самыхъ культурныхъ странахъ Европы, и опять-таки невольно приходишь къ заключенію, что не японцамъ у европейцевъ, а этимъ послѣднимъ не мѣшало бы научиться у Японцевъ какъ обращаться съ землей и разумно извлекать изъ нея всю возможную пользу.

Простившись съ любезнымъ генераломъ и его офицерами, мы, по предложенію нашего чичероне-эксекютора, поѣхали осматривать учительскій институтъ и мужскую гимназію. Оба эти заведенія помѣщаются въ отдѣльныхъ зданіяхъ колоніальной архитектуры съ примѣсью японскаго характера въ разныхъ деталяхъ и отчасти во внутреннемъ устройствѣ. Директоръ учительскаго института—небольшой сухощавый мужчина съ очень интеллигентною фizioноміей, въ японскомъ костюмѣ—встрѣтилъ насъ очень любезно, но, къ сожалѣнію, не могъ показать ничего кромѣ стѣнъ, такъ какъ въ этотъ часъ занятій не было, и студенты распущены въ городъ; стѣны же представляли собой мало любопытнаго, если не считать большой географической карты итальянскаго изданія, на которой границы Японіи, Кореи, Сахалина, Усурійскаго края и даже Камчатки обведены одною краскою.

Посѣщеніе гимназіи было нѣсколько удачнѣе. На дворѣ и въ коридорахъ раздавался шумъ дѣтскихъ голосовъ, мы поцали какъ разъ въ промежуточную рекреацію между двумя уроками. Директоръ—еще молодой человекъ, въ европейскомъ костюмѣ и повидимому большой франтъ—пригласилъ насъ въ конференцъ-

залу, гдѣ, по обыкновенію, тотчасъ же были предложены намъ миниатюрныя чашечки съ чаемъ и японскія папиросы. Стѣны этой комнаты были увѣшаны географическими картами и иными пособиями для нагляднаго обученія, исключительно на англійскомъ языкѣ, а книжные шкафы наполнены исключительно англійскими изданіями. Мы не встрѣтили на полкахъ не только французской или нѣмецкой, но даже ни одной японской книжки. Говорятъ, будто въ новѣйшихъ японскихъ школахъ всѣ усилія направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе и успѣшнѣе обангличанить учениковъ и порвать въ нихъ нравственныя связи и традиціи съ прошлою Японіей. Насколько въ этомъ правды, я, конечно, не знаю, но сталкиваться съ такими мнѣніями приходилось не однажды. Впрочемъ, быть-можетъ, онѣ принадлежатъ людямъ не сочувствующимъ вообще политическому направленію современнаго правительства Японіи.

Директоръ-японецъ, прекрасно говорящій по-англійски, объяснилъ намъ, что въ гимназій у него обучаются, 190 мальчиковъ. Первоначальное образованіе заключается главнѣйшимъ образомъ, въ изученіи англійскаго языка, на которомъ поэтому и преподается большая часть предметовъ гимназическаго курса. Пренія классическая система, заключающаяся въ изученіи китайскаго языка и литературы, нынѣ оставлена и замѣнена изученіемъ языка англійскаго, какъ наиболѣе необходимаго японцамъ при сношеніяхъ съ европейцами. Контингентъ учителей гимназій съ самаго ея основанія состоитъ исключительно изъ однихъ японцевъ, получившихъ образованіе въ Тоокійской школѣ языковъзнанія. Вообще учителей изъ европейцевъ, такъ же какъ и инструкторовъ въ войска и техникумъ, приглашаютъ только въ случаѣ первоначальной необходимости, на время, пока они не подготовятъ къ учительской должности японцевъ, которые и замѣняютъ ихъ повсюду при первой возможности. Это и обходится на много дешевле правительству, и даетъ ему возможность замѣщать служебныя должности своими людьми. Курсъ ученія въ гимназій четырехлѣтній, но классовъ восемь, такъ что ученику приходится быть въ каждомъ классѣ по полугоду, а за вычетомъ праздниковъ и каникулъ, на ученіе остается по пяти съ небольшимъ мѣсяцевъ. Поревождъ въ слѣдующій классъ допускается не иначе какъ по экзамену.

Между тѣмъ рекреакція кончилась, и директоръ предложилъ намъ осмотрѣть нѣкоторые классы. Поднявшись во второй этажъ, онъ ввелъ насъ въ просторную аудиторію съ обыкновенною школьною обстановкой и объяснилъ, что это младшій, начальный классъ, гдѣ практикуется обученіе англійской азбукѣ и чтенію. Мальчуганы, одѣтые кто въ европейскомъ, а большею частью въ японскомъ костюмѣ, по знаку учителя, всѣ разомъ поднялись съ мѣстъ и затѣмъ, по его

командѣ, разомъ отвѣсили посѣтителямъ поясной поклонъ, низко сгибались надъ столами, послѣ чего, по командѣ же, разомъ опустили на свои мѣста. Директоръ предложилъ учителю продолжать занятія. Тогда этотъ послѣдній, вооружась длиннымъ бамбуковымъ кіемъ, повернулся къ стѣнѣ, въ которую была вдѣлана громадная аспидная доска съ крупно написанными мѣломъ англійскими складами, и указывая кіемъ на первый слогъ отчетливо выкрикнулъ «бе!» (англійское *ba*).

— Бе-е-е! — цѣлымъ хоромъ и всѣ въ разъ прокричали ученики съ большимъ усердіемъ и единодушіемъ.

→ Бе! — возгласилъ снова учитель съ тѣмъ же приѣмомъ.

— Бе-е-е!! — еще громче отвѣтили мальчуганы.

И такимъ образомъ это «бе» повторилось съ обѣихъ сторонъ разъ десять, прежде чѣмъ перешли къ слѣдующему слогу. Но потомъ оно стало варьироваться: учитель произносилъ по нѣскольку слоговъ, то подъ-рядъ, то въ-разбивку, тыча въ каждый слогъ своимъ кіемъ, а ученики повторяли за нимъ эти вариации речитативомъ, такъ что выходило нѣчто въ родѣ пѣнія, только черезчуръ уже громкаго, вслѣдствіе усердія.

Поблагодаривъ преподавателя, мы перешли во второй классъ, гдѣ десятка два учениковъ упражнялись въ англійскомъ чтеніи. При нашемъ появленіи повторились та же церемонія съ поклономъ по командѣ и то же предложеніе со стороны директора продолжать занятія. Учитель приказалъ мальчикамъ раскрыть на извѣстной страницѣ хрестоматію, и затѣмъ, по его знаку, весь классъ разомъ поднялся съ мѣстъ, и стоя, разомъ же принялся въ полный голосъ читать какое-то англійское стихотвореніе. Манера этого чтенія напомнила мнѣ наши учебныя команды, гдѣ обучаютъ солдатиковъ точно такъ-же мѣрно и въ разъ отчеканивать: «Здравія, желаемъ, вашему, высоко, преро, сходителю, *steay!!!*»

Въ третьемъ классѣ, гдѣ шелъ урокъ географіи, всѣхъ учениковъ было только двѣнадцать. Нѣкто изъ нашихъ спутниковъ предложилъ одному изъ нихъ какой-то вопросъ насчетъ Египта, но живой мальчуганъ только посмотрѣлъ на неожиданнаго экзаменатора недоумѣлыми глазами и ничего не отвѣтилъ, вѣроятно всею потому, что не появлялся того японскаго языка, на какомъ къ нему обратились.

Показъ методы преподаванія, конечно, не ограничился бы тремя начальными классами, еслибы намъ не предстояло еще многое осмотрѣть въ городѣ, тогда какъ времени на это имѣлось только одинъ день, да и тотъ прескверный, благодаря снѣжно-дождливой погодѣ; поэтому мы поспѣшили поблагодарить директора за его любезность и, откланившись, поѣхали въ ткацкую школу.

Это последнее заведение учреждено специально для молодых дѣвушекъ, и все обучение въ немъ ограничивается однимъ только ткацкимъ дѣломъ. Въ очень чистенькомъ японскомъ домикѣ устроены контора и выставка школы, гдѣ всегда можно видѣть образцы ученическихъ работъ, по которымъ какой-нибудь фабрикантъ-наиматель, имѣющий надобность въ ученой мастерицѣ, наглядно можетъ судить о степени знания и искусства каждой изъ ученицъ, кончающихъ курсъ обучения въ этой школѣ. Открытая галлерей ведетъ изъ конторы въ двухъ-этажный длинный баракъ, въ помѣщеніи котораго сосредоточены всѣ отдѣлы обучения, начиная съ сортировки и чески хлопка, сученья нитокъ, ихъ окраски и проч. Мы застали въ баракѣ до пятидесяти молодыхъ дѣвушекъ (ученицы всѣ приходящія), которыя пряли на деревянныхъ станкахъ, подъ руководствомъ двухъ учительницъ и мастеровъ, изъ коихъ одинъ руководилъ отдѣломъ пряжи. Хотя школа легко могла бы обзавестись усовершенствованными станками американской конструкторской и паровикомъ для приводовъ, но работа въ ней производится исключительно на деревянныхъ японскихъ станкахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе нажатіемъ ноги, и это потому, что школа преслѣдуетъ не индустріальныя цѣли, а имѣетъ задачей только научить небогатыхъ дѣвушекъ прясть и ткать тѣмъ хозяйственнымъ способомъ, какимъ придется имъ работать у себя дома, удовлетворяя потребностямъ своего семейства. Поэтому въ школьной мастерской производится преимущественно бумажная матерія, обыкновенно употребляемая людьми небогатыми и простонародьемъ; искусство же выдѣлывать дорогія шелковыя и парчевыя ткани преподается только желающимъ посвятить себя специально этому ремеслу, и такія ученицы обыкновенно поступаютъ потомъ мастерицами на частныя ткацкія фабрики, которыми, между прочимъ, славится Нагойе. Мы видѣли здѣсь два такіа заведенія,—одно на 150, другое на 170 станковъ, занятыхъ исключительно женщинами, и второе изъ этихъ заведеній выпускаетъ одѣхъ лишь бумажныхъ матерій на 30.000 іентъ ежегодно.

Обѣ ткацкія фабрики помѣщаются въ нѣсколькихъ длинныхъ холодныхъ баракахъ или, вѣрнѣе сказать, сараяхъ съ землянымъ поломъ. Въ пасмурные зимніе дни, чтобы дать болѣе свѣта, необходимаго при работѣ, раздвигаютъ створчатыя ширмы, замѣняющія съ одной стороны наружную стѣну, и такимъ образомъ мастерицамъ приходится работать на открытомъ воздухѣ, несмотря на зимній холодъ. Но японцы этимъ не смущаются: они всѣ очень привычны къ холоду и переносятъ его куда лучше насъ, сѣверныхъ жителей. Наши крестьянки при такой температурѣ,

полагаю, едва ли были бы въ состояніи заниматься подобною работой. Но это еще что! При тканьи работника все же имѣетъ нѣкоторый моціонъ, производя механически непрерывное движеніе ногой и руками, что въ извѣстной мѣрѣ поддерживаетъ внутреннюю температуру тѣла на той высотѣ, при которой внѣшній холодъ менѣе ощутителенъ, а вотъ, напримѣръ, работа эмалиера или живописца по фарфору при такихъ условіяхъ является просто изумительнымъ дѣломъ. Съ особеннымъ любопытствомъ посѣтили мы два заведенія этого рода, и вотъ что видѣлъ я въ мастерской, гдѣ занимались разрисовкой фарфора.

Привезли насъ въ довольно помѣстительный домикъ зажиточнаго горожанина, ничѣмъ по наружности не отличающійся отъ множества, ему подобныхъ. Входимъ въ прихожую. Здѣсь, расположась въ углу на цыновкѣ, сидѣлъ на короточкахъ старичекъ, буддійскій монахъ, съ бритой головой, окруженный нѣсколькими фарфоровыми ступками и мисками, и растиралъ въ мельчайшій порошокъ различныя краски при помощи длиннаго, толстаго пестика. Старичекъ съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и такъ усердно предавался своему дѣлу, что, казалось, будто самъ обратился въ какую-то растирательную машину. Въ слѣдующей комнатѣ, которую вѣрнѣе будетъ назвать просторнымъ и свѣтлымъ сараемъ, гдѣ температура едва ли отличается отъ наружнаго воздуха, сидѣли за дѣломъ чело-
вѣкъ десять рисовальщиковъ. Сидятъ они на цыновкѣ на короточкахъ или поджавъ подъ себя скрещенныя ноги, какъ наши портные. Предъ каждымъ на полу же стоитъ нѣсколько маленькихъ фарфоровыхъ чашекъ съ особо приготовленными составами разныхъ красокъ и лежатъ различной величины кисти. Одной рукой рисовальщикъ держитъ у себя на колѣнѣ бѣлый фарфоровый сосудъ, а другою, безо всякой поддержки и упора, выводитъ по фарфору тончайшіе рисунки. Глядя какъ работаютъ эти люди въ самой повидимому неудобной обстановкѣ, въ холодномъ сараѣ, гдѣ нашъ братъ и пяти минутъ не высидитъ безъ пальто, поневолѣ удивляешься какъ это возможно работать при такихъ условіяхъ! А работаютъ. Затѣчетъ нога, рисовальщикъ переложитъ ее на другую ногу или пересядетъ на короточки; законченъ рука отъ холода, онъ подержитъ ее минуту надъ *хиба-чемъ*, ухитрися при этомъ затаиться два раза изъ микроскопической *кизеру* и выпить миниатюрную чашечку чая, и снова за работу. Въ особенности была замѣчательна работа одного юноши лѣтъ семнадцати, который выводилъ арабески золотого орнамента по бордюрѣ великолѣпной темно-синей (*ultramarine foncé*) вазы. Эта работа требуетъ такой ма-

тематической точности и симметричности въ малѣйшихъ деталяхъ весьма затѣйливаго рисунка, что на европейскихъ фабрикахъ ее не нашли бы возможнымъ исполнить иначе какъ по трафарету; здѣсь же этотъ юноша выписывалъ кистью сложнѣйшій рисунокъ на память и просто отъ руки, не опирая даже ребро ладони на орнаментируемый сосудъ. Предъ нимъ не лежало оригинала, съ котораго можно было бы срисовать, какъ дѣлали нѣкоторые его товарищи, рисовавшіе цвѣты и пейзажи. Эта твердость руки, это отчетливое знаніе рисунка и самый способъ рисовки поистинѣ изумительны. Казалось бы, при такихъ условіяхъ такъ естественно дрогнуть рукѣ и провести какую-нибудь невѣрную черточку, такъ легко позабыть какой-нибудь маленький кудравый завитокъ, пропустить невзначай какую-нибудь мельчайшую деталь, а между тѣмъ у него ничто не забыто, ничто не пропущено. Въ первую минуту, пока мы не приглядѣлись къ его работѣ, просто глазамъ не вѣрилось, чтобы возможно было сдѣлать это подобнымъ способомъ. Выписывалъ онъ рисунокъ какимъ-то густымъ и долго несохнущимъ лакомъ цвѣта темной охры, а потомъ сухою кистью наводилъ на него золотой порошокъ, послѣ чего лакъ почти мгновенно высыхалъ, принимая такую плотность, что позолоту уже невозможно ни стереть, ни смыть, ни инымъ способомъ снять съ фарфора. Не знаю, самъ ли рисовальщикъ компоновалъ этотъ орнаментъ, что называется «изъ головы», или же воспроизводилъ его на память съ какого-либо существующаго оригинала, во всякомъ случаѣ такой талантъ и такая память замѣчательны. И не думайте, что этотъ юноша является какимъ-нибудь феноменальнымъ исключеніемъ изъ общаго уровня; нѣтъ, онъ просто хорошій рисовальщикъ, какіе непременно найдутся въ каждой здѣшней мастерской, и эти люди вовсе не считаютъ себя художниками: они простые ремесленники, работающіе за поденную плату. И вѣдь за какіе ничтожные гроши (если цѣнить на европейскую мѣрку) все это дѣлается! Лучшій рисовальщикъ, какъ мнѣ сказывали, получаетъ за свой трудъ, не болѣе одного іена въ день, а средняя плата отъ 30 до 50 бумажныхъ центовъ. Но при скромныхъ потребностяхъ и неприхотливости этихъ людей, они считаютъ такую плату вполне достаточною, а 30 іенъ въ мѣсяцъ это уже для нихъ чуть не верхъ благополучія.

Рисовальщики пейзажей, цвѣтовъ, животныхъ бытовыхъ сценъ, а также историческихъ и религіозныхъ сюжетовъ заимствуютъ большую часть своихъ рисунковъ изъ пятнадцатитомнаго собранія эскизовъ знаменитаго японскаго художника Гоксая или Гоксая, который и не для однихъ японцевъ можетъ служить достойнымъ

изученія образцомъ легкости, изящества и благородства рисунка. Притомъ же Гоксай просто изумительно разнообразенъ. Тѣ украшенія, которыя мы встрѣчаемъ на рукояткахъ ножей и сабель, на футлярахъ курительныхъ трубокъ (*кизеру*), на лучшихъ лакированныхъ шкатулкахъ, на дорогихъ матеріяхъ женскихъ киримоновъ, равно какъ и рисунки, украшающіе фарфоровую и бронзовую утварь,—все это принадлежитъ неистощимой фантазіи Гоксая, или непосредственно имъ навѣяно. И замѣчательно, что этотъ художникъ во всю свою жизнь не создалъ ничего, кромѣ маленькихъ эскизовъ въ самыхъ легкихъ контурахъ; но зато какая ихъ масса, и что это за эскизы, что за контуры, полные жизни и художественной правды!

Чѣмъ болѣе я приглядываюсь къ разнымъ сторонамъ японскаго творческаго генія, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, какъ оправдывивъ былъ данный мнѣ совѣтъ не судить о японскомъ искусствѣ и въ особенности о живописи по тѣмъ аляповатымъ образцамъ, какіе попадають въ Европу чрезъ руки разныхъ промышленниковъ. Дѣйствительно, произведенія этого сорта та же рыночная работа и дѣлаются нарочно для сбыта въ Европу, примѣняясь къ давно уже извѣстнымъ вкусамъ и требованіямъ оптовыхъ заказчиковъ жидовъ-нѣмцевъ и американцевъ (самыхъ безвкусныхъ людей въ мірѣ), благодаря которымъ въ Европѣ и установился совершенно фальшивый взглядъ на «японщину». Для себя японцы рисуютъ совсѣмъ иначе. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстны фарфоровыя чашечки, оплетенныя снаружы тончайшей сѣткою изъ бамбуковыхъ волоконъ, а внутри украшенныя изображеніемъ женскихъ головокъ. Надо отдать этимъ головкамъ справедливость: онѣ пребезобразны: длинный вытянутый по птичьему носъ, какого въ дѣйствительности у японки никогда не бываетъ, двѣ косыя щелочки вмѣсто глазъ, какія если и встрѣчаются, то довольно рѣдко, какая-то пупочка, обозначающая якобы губы и наковецъ, чрезмерно растянутое лицо—все это даетъ весьма ложное понятіе, какъ о красотѣ японскихъ женщинъ, такъ и о степени умѣнья японскихъ рисовальщиковъ воспроизводить человѣческія лица. Эме Эмберъ говоритъ, что касаясь сферы человѣческой жизни, японскіе художники представляютъ типы, лишенные всякой реальности, фигуры совершенно вымышленныя, и что это дѣлается по традиціи, вслѣдствіе извѣстной условности и рутины, подъ вліяніемъ официальной регламентации и по недостатку высшей пищи противъ той какую художники встрѣчали въ придворныхъ потребностяхъ и модахъ. Замѣчаніе Эмбера, если хотите, вѣрно, но требуетъ маленькой оговорки. Это дѣйствительно такъ было въ прежнія времена, отчасти есть и теперь; но рядомъ съ искусствомъ придворнымъ, процвѣ-

тавшимъ въ Кіото, шло искусство такъ-сказать *мѣщанское*, удовлетворявшее потребностямъ частныхъ лицъ и потому болѣе свободное отъ условныхъ формъ. Образцы этого послѣдняго искусства не составляютъ здѣсь никакой рѣдкости; напротивъ оно развивается все болѣе и болѣе Японцы умѣютъ прекрасно и вполне вѣрно природѣ предмета рисовать что угодно, но умѣютъ и утрировать, смотря по тому, чего отъ нихъ требуютъ. Разумѣется, традиція и нѣкоторая условность какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ играютъ свою роль, потому что именно онѣ-то и даютъ всѣмъ японскимъ произведеніямъ такую своеобразность; но здѣсь существуютъ какъ бы двѣ традиціи или два теченія: одно то, о которомъ говоритъ Эмберъ (придворно-кіотское), другое болѣе свободное и болѣе естественное представителемъ котораго служатъ Гоксай и которое, за неимѣніемъ vhodитъ подходящаго слова, я не совсемъ точно называю мѣщанскимъ (но только не въ смыслѣ европейской буржуазности). Традиція кіотская проявлялась, да и доселѣ еще проявляется, въ очень разнообразныхъ издѣліяхъ, начиная отъ роскошнѣйшихъ фарфоровыхъ вазъ до дѣтскихъ игрушекъ и лубочныхъ картинокъ распространяемыхъ за гроши въ средѣ простонародья. Европейцы наиболѣе знакомы съ рисункомъ кіотской традиціи, и считая его исключительно выраженіемъ «японскаго жанра», разумѣется, болѣе всего на него и кидаются, платя хорошія деньги. Удовлетвореніе вкуса и потребностямъ европейскихъ покупателей и оптовыхъ заказчиковъ вызвало у японцевъ, можно сказать, цѣлую отрасль промышленности: они стали нарочно изготовлять въ весьма почтенныхъ количествахъ лубочно-рыночныя вещи съ кіотскимъ характеромъ рисунка спеціально для вывоза въ Европу. Но какъ въ скульптурѣ (фрески Сиба и Овариджо), такъ и въ живописи существуетъ еще и другое теченіе, другое искусство, и искусство весьма высокое, хотя тоже не безъ традиціи, то-есть въ томъ смыслѣ, что художественныя изображенія, какъ я сказалъ уже, заимствуются съ извѣстныхъ образцовъ, въ родѣ эскизовъ Гоксай, и почти всегда на извѣстныхъ темы, какъ напримѣръ, цвѣты, Фузи-яма, рыбы, птицы и насѣкомыя или бытовыя сцены и типы. Эти образцы служатъ прототипомъ для различныхъ вариаций и школой для дальнѣшаго самостоятельнаго творчества. У меня, напримѣръ, есть нѣсколько большихъ рисунковъ, исполненныхъ акварелью на тонкой, прозрачной шелковой матеріи; одни изъ нихъ изображаютъ бытовыя сцены, другіе цвѣты и птицъ, третьи—женщинъ. И что за прелестныя лица, сколько красоты, сколько изящества и благороднаго вкуса въ контурахъ, въ подборѣ цвѣтовъ и красокъ! Я не сомнѣваюсь, что увидя произведенія этого рода никто не задумается отнести ихъ къ числу

оригинальных *chef-d'oeuvre*овъ, надъ которыми можно кое-чему и поучиться, напримѣръ, мастерскому умѣнью необычайно живо и вѣрно схватывать моменты различныхъ движеній въ полетѣ птицъ и въ ходѣ рыбы, нерѣдко въ самыхъ смѣлыхъ ракурсахъ. То же самое должно сказать какъ относительно живописи на фарфорѣ, такъ и самой формы вазъ и прочихъ сосудовъ. Тутъ есть тоже своя «европейская японщина», блестящая пакотилля, спеціально фабрикуемая для Европы, тогда какъ дѣйствительно хорошій и въ особенности старый японскій фарфоръ является у насъ большой рѣдкостью, составляя или достоиніе дворцовъ или украшеніе кабинетовъ немногихъ цѣнителей, знающихъ толкъ въ этомъ дѣлѣ.

Намъ сообщили слѣдующія свѣдѣнія о состояніи нагойскаго фарфороваго производства; фарфоровая посуда, служащая для повседневнаго хозяйственнаго употребленія, обыкновенно называется у японцевъ *Сето-моно*, то есть предметъ изъ Сето, селенія находящагося въ въ шести верстахъ къ востоку отъ города Нагойе. Въ Сето-мура ¹⁾ считается домохозяиномъ 871, но изъ нихъ только 17 занимаются земледѣліемъ; остальные же заняты исключительно фарфоровымъ производствомъ. Болѣе полуроста мастерскихъ имѣютъ отдѣльныя обжигающія печи, такъ называемыя *ката-мота*, то-есть главныя, не считая множества печей малыхъ, второстепенныхъ. Производство это идетъ въ Сето-мура издревле, но въ древности тамъ фабриковались только глиняныя издѣлія, такъ какъ жирная глина очень хорошаго качества добывается на мѣстѣ, въ самой деревнѣ. Для разрисовки употребляется у нихъ исключительно синяя краска, добывается въ Отоме-яма, мѣстечкѣ Оварійской провинціи. Въ прежнія времена эта краска была обложена высокой пошлиной, но съ 1868 года послѣ реставраціонной революціи, пошлину значительно понизили, и съ тѣхъ поръ производство фарфоровой посуды и предметовъ роскоши приняло такіе размѣры, что опутилась потребность даже въ иностранной краскѣ, за недостаткомъ своей. До 1868 года торговля фарфоровыми издѣліями находилась въ завѣдываніи полицейскихъ чиновниковъ князя Овари, и купцы должны были предварительно получать разрѣшеніе отъ самого князя на право закупки фарфора изъ его складовъ. Оварійскія фарфоровыя издѣлія были на европейскихъ выставкахъ 1872 и 1873 годовъ, что еще болѣе способствовало ихъ славѣ и распространенію внѣ предѣловъ Японіи. Въ Сето-мура существуетъ спеціальная школа для изученія фарфороваго дѣла, которая дала уже странѣ много замѣчательныхъ мастеровъ совершенствующихъ какъ технику, такъ и вкусъ въ этихъ издѣліяхъ.

¹⁾ *Мура* значить деревня.

Не менѣе фарфороваго дѣла въ Нагойе достойно вниманія производство фаланевыхъ издѣлій, фабрику которыхъ мы тоже посетили. Въ Европѣ эти издѣлія извѣстны подъ французскимъ названіемъ «cloisonnées» (перегородчатые), что собственно означаетъ способъ работы при положеніи эмали посредствомъ металлическихъ перегородокъ. По-японски онѣ называются *си-хоо*, или сокращенно *схо*, въ буквальномъ переводѣ—семь сокровищъ, по числу составныхъ частей и искусствъ входящихъ въ производство вещей этого рода; у насъ же, въ Россіи, названіе ихъ заимствовано отъ китайцевъ, у которыхъ какъ производство, такъ и самые продукты онаго называются *фалань*.

Фабрикація фалани, насколько мы успѣли видѣть ее въ показанномъ намъ заведеніи *Кай-оши*, заключается въ слѣдующихъ процессахъ работы. Художникъ составляетъ въ рисунокъ проектъ предполагаемой вещи и обыкновенно дѣлаетъ свой рисунокъ въ двухъ экземплярахъ; на одномъ начерчены во всѣхъ подробностяхъ только черные контуры вещи со всѣми ея предполагаемыми украшеніями; на другомъ эта вещь нарисована красками въ своемъ окончательномъ видѣ. Сообразно данному проекту, отливаются или выковываются изъ мѣди (все равно желтой или красной, но послѣдняя въ большемъ употребленіи) какой-нибудь сосудъ, напимѣръ: ваза, чашка, блюдо или тарелка, а то и просто дощечка, или пластинка¹⁾. Сосуду придается нѣкоторая шлифовка, послѣ чего художникъ, сообразно составленному имъ проекту, дѣлаетъ на немъ черный рисунокъ одними контурами, но со всѣми подробностями и съ большою тщательностью. Отъ художника сосудъ переходитъ къ рѣзчику, который врѣзаетъ данный рисунокъ въ металлъ и затираетъ его чернымъ порошкомъ. Послѣ этого вещь поступаетъ къ проволоочнику, на долю котораго выпадаетъ самая кропотливая часть работы. Для этой послѣдней предварительно тянется изъ мѣди (иногда изъ золота) длинная плоская проволока-тесма, въ родѣ нашей канители, только тверже, толще и нѣсколько шире. Сообразуясь съ рисункомъ, врѣзаннымъ въ наружныя стѣнки сосуда, проволоочникъ приспособляетъ къ каждой частицѣ контура кусочекъ проволоки, придавая этому кусочку, посредствомъ шила и щипчиковъ, соответственную форму и вкрапливаетъ его ребромъ въ желобокъ контура такимъ образомъ, чтобъ онъ плотно прилегалъ къ соединенію кусочку и держался въ желобкѣ совершенно прямо, ровно и прочно. Понятно, какого глазомѣра, точности и кропотливости тре-

буется эта работа, по окончаніи которой рисунокъ является уже какъ бы сдѣланнымъ изъ проволоки и рельефируется надъ плоскостью сосуда, смотря по размѣрамъ онаго, отъ одной до двухъ десятыхъ сантиметра. Послѣ этого поверхность сосуда покрывается у японцевъ какимъ-то красноватымъ, а у китайцевъ серебрянымъ порошкомъ и обжигается, дабы проволочная тесьма прочнѣе припаялась къ стѣнкамъ желобковъ. По окончаніи этой послѣдней процедуры, сосудъ уже готовъ для эмалировки и поступаетъ въ новыя руки, къ эмалиру. Эмаль готовится здѣсь же, на мѣстѣ, посредствомъ разныхъ химическихъ соединеній, подвергаемыхъ дѣйствію огня, послѣ чего разноцвѣтные сплавы толкутся, перетираются въ мельчайшій порошокъ, приводятся въ жидкое состояніе и обращаются въ краски. Весь процессъ производства эмали происходитъ при помощи самыхъ нехитрыхъ, почти первобытныхъ приспособленій. Когда краски готовы, сосудъ утверждаютъ въ горизонтальномъ положеніи на особаго рода верстахъ, гдѣ онъ имѣетъ свободное вращательное вокругъ своей оси движеніе, которое, по мѣрѣ надобности, можетъ быть придано ему мастеромъ. Этотъ послѣдній, имѣя предъ глазами акварельный проектъ, заполняетъ проволочныя перегородки рисунка жидкою эмалью соответственныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; эмаль вскорѣ застываетъ и плотнѣетъ, и тогда, не боясь уже что она вытечетъ изъ своихъ полостей, мастеръ поворачиваетъ насколько ему нужно горизонтальную ось верстака, на которой укрѣпленъ сосудъ, и продолжаетъ свою работу при помощи обыкновенной колонковой кисточки, употребляемой для рисованія акварелью. Когда сосудъ уже весь пройденъ эмалью, его оставляютъ сутокъ на двое, иногда и больше, безъ дальнѣйшей обдѣлки, что дать окончательно оплотнѣть всей эмалевой массѣ. Послѣдній процессъ которому подвергается эмалированный сосудъ—это шлифовка, производимая довольно примитивнымъ способомъ: сосудъ просто кладутъ въ корыто наполненное водой и начинаютъ тереть его пемзой, потомъ какимъ-то другимъ камнемъ,—кажется, агатомъ,—но въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ приемовъ разнообразной шлифовки, выходитъ такая чистенькая, гладкая какъ стекло, сіяющая прелестная вещьца, что глядя на нее остается только восхищаться.

Фаланевыя издѣлія довольно разнообразны, начиная отъ большихъ вазъ двухаршинной величины до маленькихъ запонокъ. Тутъ вы встрѣтите и громадные блюда съ изображеніемъ цвѣтовъ или священныхъ журавлей по голубому фону¹⁾, и бутылки на подобіе тыквы,

¹⁾ Изъ дощечекъ иногда составляютъ коробки, шкатулки и т. п., а иногда онѣ идутъ на украшеніе разныхъ деревянныхъ подѣлокъ, драгоценныхъ шкафчиковъ, шифоньеровъ и столиковъ.

¹⁾ Хорошая голубая эмаль равнаго тона очень цѣнится.

и градины разнообразных формъ, стаканы, чары и бокалы, блюда, тарелки, чайные сервизы, пепельницы, шкатулки, словомъ, всевозможные предметы домашней утвари и убранства; но болѣе всего, разумѣется, найдется вазъ и вазочекъ для цвѣтовъ, букетовъ или подъ лампы, и все это можно приобрести за очень невысокую цѣну. Такъ напримѣръ, за большую вазу около двухъ аршинъ вышины и три четверти аршина въ діаметръ, къ которой прицѣпился одинъ изъ нашихъ спутниковъ, на фабрикѣ по первому слову запросили только полтора іенъ (на наши деньги, менѣе двухсотъ бумажныхъ рублей), а еслибы начать торговаться, то навѣрное іенъ двадцать еще уступили бы. По-европейски просто не понимаешь изъ-за чего эти люди трудятся! Нагойе своими фаланевыми издѣліями конкурируетъ съ фабриками Осака (черная эмаль) и въ особенности Киото, которые раздѣляютъ съ нимъ въ этомъ отношеніи свою славу. Лучшія издѣлія нагойскихъ, осакскихъ и кіотскихъ фабрикъ находятся на большой всеяпонской выставкѣ въ Токио.

Покончивъ съ осмотромъ ремесленныхъ заведеній, путеводители наши повезли насъ осматривать знаменитый въ Японіи храмъ Сигаси-Хонгандзи, находящійся при буддійскомъ монастырѣ того же имени; но я описывать его не стану, такъ какъ читатель уже имѣетъ о немъ общее понятіе изъ прежнихъ моихъ описаній подобныхъ монастырей и храмовъ. Скажу развѣ нѣсколько словъ объ оригинальномъ орнаментѣ главныхъ «священныхъ» воротъ, ведущихъ изъ перваго двора во второй, внутренний. Орнаментъ карнизовъ и рисунковъ боковыхъ рѣшетчатыхъ стѣнъ этихъ воротъ и ихъ часовень представляютъ ряды ажурно вырѣзанныхъ круглыхъ медальоновъ, въ серединѣ коихъ вставлены равноконечные кресты совершенно такой же формы, какая нерѣдко встрѣчается на византійскихъ мозаикахъ и памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства или, пожалуй, чтобъ уяснить вамъ еще нагляднѣе,—какая дана была нашимъ ополченскимъ крестамъ, сохранившимся и доселѣ на шапкахъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Здѣсь эти кресты, разумѣется, не имѣютъ того религіознаго значенія какъ у христіанъ, но замѣчательно, что на многихъ индусскихъ храмахъ и памятникахъ, сохранившихся отъ временъ глубочайшей древности, какъ передавали мнѣ самовидцы, встрѣчается точно такой же орнаментъ: безъ сомнѣнія онъ занесенъ въ Японію изъ Индіи черезъ Китай, вмѣстѣ съ буддизмомъ, какъ и тотъ древнѣйшій орнаментъ, что извѣстенъ въ искусствѣ подъ именемъ *меандры*, или подъ болѣе вульгарнымъ названіемъ *à la grecque*, или какъ тѣ ручки и ножки въ видѣ словесныхъ головъ съ хоботами, что встрѣчаются на нѣкоторыхъ древ-

нихъ бронзовыхъ вазахъ и священныхъ омиамницахъ Китая и Японіи.

Послѣ осмотра монастыря насъ повезли въ музей, называемый *Аичи-Хаку-Буцуканъ*, гдѣ кстати предстояло намъ и пообѣдать. Музей съ принадлежащими къ нему постройками и садомъ занимаетъ довольно обширный кварталъ. Широкій проѣздъ, обсаженный деревцами и обставленный фонарными столбами, довольно изящного рисунка, ведетъ мимо широкихъ газоновъ къ подъѣзду главного зданія. На газонахъ разбиты отдѣльные клумбы и грядки ботаническаго сада, который пока еще въ зародышѣ и поддерживается въ большомъ порядкѣ. Каждая группа растений, преимущественно лекарственнаго или фабрично-промышленнаго свойства, занимаетъ отдѣльную клумбу, при которой на тычинокъ воткнута деревяшка съ обозначеніемъ названія растения на языкахъ латинскомъ, англійскомъ и японскомъ. Позади главного зданія разбитъ японскій садъ съ горками, скалами, озерками и мостиками. Здѣсь построены двѣ сельскія хижины мѣстнаго типа снабженныя всѣми орудіями и принадлежностями сельскаго домашняго быта, а садъ наполненъ деревцами и растеніями, исключительно свойственными Оварійской провинціи.

Насъ попросили навѣрхъ въ приемную. Это была небольшая комната, окруженная наружною галлереей, въ видѣ сплошнаго балкона, облегающаго ее съ трехъ сторонъ. Въ приемной, равно какъ и на этой галлерейкѣ, построенной изъ желтой акаціи, первое что не можешь не кидаться въ глаза—это изумительная чистота и изящество въ соединеніи съ полною простотой отдѣлки. Вся внутренняя отдѣлка исполнена здѣсь изъ теса, безъ красокъ и лака. Лѣвый уголъ комнаты представляетъ какъ бы особое отдѣленіе, величиной въ квадратную сажень. Эта площадка приподнята на одну ступень надъ уровнемъ пола и ограждена по угламъ четырьмя деревянными четырехгранными колоннами, соединенными вверху, у потолка, рѣзными планками, въ видѣ карниза. Это альковъ, предназначенный для отдохновенія микадо, который дѣйствительно отдыхалъ въ немъ во время своего пріѣзда въ Нагойе. Альковъ съ двухъ открытыхъ сторонъ завѣшивается деревянными шторами, собранными изъ тончайшихъ бамбуковыхъ спицъ и украшенными шелковыми шнурами и кистями лиловаго цвѣта, который, въ соединеніи съ планшевымъ цвѣтомъ теса, производитъ на глазъ очень пріятное впечатлѣніе. Одна изъ наружныхъ стѣнокъ алькова выходитъ на галлерейку въ видѣ небольшого фонарика, и на ея верхней планкѣ, замѣняющей карнизъ, сдѣланы въ сплошную прорѣзъ контуры летящихъ голубей. Чтобы болѣе пояснить какъ это сдѣлано, я попрошу васъ представить себѣ черные сплошь силуэты хотя бы тѣхъ же

голубей, нарисованные на бѣломъ картонѣ; вырѣжьте все черное прочь, и вы получите листъ картона съ тѣми же, но уже сквозными силуэтами. То же самое сдѣлано въ деревѣ, и выходитъ очень оригинально и изящно. Подлѣ алькова устроена ниша, и въ ней вѣдланы въ стѣну очень затѣйливыя этажерки съ раздвижными створками, украшенными очень тонкою акварельною живописью. Надъ входомъ въ приемную съ внутренней стороны прибита, въ нѣсколько наклонномъ положеніи, продолговатая рама, и въ ней, подъ стекломъ, вложенъ большой листъ бумаги, украшенный бойкою каллиграфическою надписью на золотомъ фонѣ, смыслъ которой—какой-то привѣтственный стихъ или изреченіе. Сѣверная и южная стѣны этого павильона выведены изъ кирпича и покрыты дорогимъ цементомъ жемчужно-сѣвроватаго цвѣта съ легкою блестящей, а восточная и западная составлены изъ раздвижныхъ рѣшетчатыхъ рамъ въ прямую клѣтку, затянутыхъ пропускною бѣлою бумагой.

Дѣло и здѣсь, разумѣется, не обошлось безъ отдохновенія, куренія и чаепитія, а между тѣмъ солнце должно было уже скоро садиться. Со всей окрестности, изъ ближнихъ и дальнихъ бонзерій, молеленъ и храмовъ—отовсюду неслись въ воздухѣ смѣшанные звуки большихъ и маленькихъ колоколовъ, призывавшихъ своимъ мѣрнымъ, протяжнымъ звономъ къ вечернему богослуженію. Надо было торопиться осмотрѣть музей пока не стемнѣетъ, и потому мы попросили нельзя ли приступить къ осмотру немедленно. Директоръ музея, встрѣтившій насъ еще въ минуту нашего прибытія, тотчасъ же согласился на это съ величайшею готовностью: видно, этикетъ-то этотъ насчетъ отдохновеній и чаепитій и самому ему казался скучною церемоніей, а у насъ, отъ невольнаго злоупотребленія зеленымъ чаемъ, давно уже словно колъ торчалъ въ горлѣ, и мы рады-радехоньки хоть на сей разъ отъ него отдѣлаться.

Директоръ счелъ нужнымъ предвѣстить насъ, что такъ-какъ музей учрежденіе еще новое и даже, можно сказать, новѣйшее, то онъ далеко еще не устроенъ должнымъ образомъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Такъ, напримеръ, отдѣлы археологическій, историческій и изящныхъ искусствъ совсѣмъ еще не расположены въ должномъ порядкѣ, и вещи ихъ находится пока въ общемъ складѣ; за то отдѣлы естественно-историческій, сельско-хозяйственный, промышленный и мануфактурный могутъ дать намъ довольно полное понятіе объ естественной и культурной производительности Оварійской провинціи.

Мы спустились внизъ, во дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись четыре каменные барака, предназначенные подъ помѣщеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ, и по приглашенію ди-

ректора вошли въ баракъ или залу № 1. Здѣсь вся длинная стѣна налѣво была сплошь занята собраніемъ мѣстной флоры. Растенія разобраны, высушены и демонстрированы образцовымъ образомъ не только въ научномъ, но и въ художественномъ отношеніи, потому что въ положеніи каждаго изъ нихъ соблюдены условія красиваго рисунка; всѣ они выставлены въ рамкахъ подъ стекломъ, строго классифицированы и снабжены подробными объясненіями ихъ естественныхъ свойствъ, съ указаніемъ мѣстностей гдѣ наиболѣе водятся и гдѣ собраны. Вся флора Оварійской провинціи сплошная имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Въ витринахъ, занимающихъ середину залы собраны представители мѣстной фауны. Здѣсь помѣщены чучелы звѣрей, птицъ и рыбъ, коллекціи насѣкомыхъ во всѣхъ фазахъ ихъ послѣдовательнаго развитія, земноводныя въ спирту и въ засушенномъ состояніи, мѣстные раковины и кораллы. Затѣмъ идетъ отдѣлъ сѣмянъ, плодовъ и орѣховъ. Плоды консервированы замѣчательно искуснымъ образомъ, равно и какъ и грибы, заключенные съ губчатыми наростами въ особую витрину. Далѣе идетъ отдѣлъ мѣстныхъ минераловъ и образцы мѣдныхъ рудъ, которыми въ особенности богата провинція Овари. Тутъ же помѣщены курьезные экземпляры ископаемыхъ животнаго царства, окаменѣлости, песчаники съ оттисками крабовъ, рыбъ, растений и т. п. Рядомъ—отдѣлъ шелководства во всѣхъ его подробностяхъ; отдѣлъ культурныхъ сѣмянъ; рисъ, пшеница, ячмень, просо и т. д. Отдѣлъ табаководства во всѣхъ подробностяхъ культуры этого рода, а также и фабрикаты онаго. Затѣмъ идутъ морскіе питательные продукты въ сухомъ видѣ: капуста, трепанги, устрицы, каракатицы, морской клей, замѣняющій, такъ-называемыя ласточкины гнѣзда и т. д. Затѣмъ—садоводство и огородничество, съ отлично консервированными образцами плодовъ и овощей, между коими въ особенности замѣчательна рѣдька, бѣлый корень которой достигаетъ до полутора аршина длины и трехъ съ половиной вершковъ въ поперечникѣ, а рѣдька, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ употребительныхъ овощей въ японскомъ простонародьи. Далѣе—отдѣлъ хлопчатобумажной культуры и производства, съ сѣменами всѣхъ мѣстныхъ сортовъ и ватой въ сыромъ и обработанномъ видѣ. Здѣсь въ особенности обращаетъ на себя вниманіе особый видъ ваты рыжаго цвѣта, на ощупь очень похожій на овечью волну. Затѣмъ идетъ отдѣлъ лыковаго производства: рожи, обувь, плетеня, разныя мелкія подѣлки и проч. Далѣе восковое дерево и его продукты: восковая масса и свѣчи; засимъ—образцыそろка семи различныхъ мѣстныхъ сортовъ строевого и столярнаго дерева, въ обрубкахъ,

доскахъ и полированныхъ пластинкахъ и, наконецъ, полная коллекція мѣстныхъ земледѣльческихъ орудій и образцы почвы.

Второй баракъ или зала № 2-й посвящены домоводству и мануфактурнымъ издѣліямъ. Здѣсь собраны образцы мѣстной деревянной утвари и гончарнаго производства, кровельные кафли и гонтъ, мѣстный фаянсъ и фарфоръ извѣстной фабрики Инояма и другихъ, бронза и фаланъ въ pendantъ имъ—цѣлый отдѣлъ образцовъ и европейской индустриальной скульптуры (статуэткы, снѣчницы и т. п. изъ бисквиты и алебаstra), коллекція французскаго, англійскаго и нѣмецкаго столоваго и сервизнаго фарфора, хрусталя и мельхиора, а также и европейскія поддѣлки подъ японскій стиль, въ особенности подъ знаменитыя произведенія фарфоровой фабрики Имары. Затѣмъ въ этомъ же баракѣ слѣдуютъ: отдѣлъ цыновочнаго производства и плетеныхъ произведеній изъ бамбука, токарное, лаковое и столярное производства; въ числѣ образцовъ послѣдняго замѣчательны вещи съ художественно исполненными инкрустаціями изъ разноцвѣтнаго дерева. Далѣе, писчебумажное производство, вѣера и письменныя принадлежности, шелковыя и бумажныя матеріи и бумажно-гарусныя плетенныя и вязаныя въ родѣ шарфовъ, шалей, платковъ и т. п.; наконецъ красильныя вещества.

Вся эта выставка содержится въ замѣчательномъ, образцовомъ порядкѣ; вездѣ на каждомъ предметѣ вы встрѣчаете ярлыкъ съ указаніемъ мѣстности, къ которой относится продуктъ, а также фабрики, имени мастера и стоимости произведенія. И вѣдь нельзя сказать, чтобы все это устраивалось изъ тщеславія, на показъ, или ради пусканія пыли въ глаза какимъ-нибудь европейцамъ, для вѣщаго доказательства предъ ними своего «прогресса» и «цивилизаци»,—нѣтъ, и далеко нѣтъ: вѣдь Нагойе—это въ своемъ родѣ совѣтъ захолусте, глушь, городъ, вовсе не открытый для европейцевъ, которые случаются въ качествѣ крайне рѣдкихъ гостей, да и то каждый разъ не иначе какъ съ особаго разрѣшенія правительства; стало-быть не ради хвастовства предъ ними заведено въ этомъ замкнутомъ провинціальномъ уголкѣ такое учрежденіе какъ музей Аичи-Хаку-Буцуканъ. Это сдѣлано *для себя*, для своего собственнаго народа, для обитателей города Нагойе и Оварійской провинціи, и сдѣлано потому, что въ такомъ учрежденіи явилась обще-сознанная народная потребность, удовлетворить которой и взяло на себя правительство. Намъ сказывали, что въ тѣ дни, когда музей открытъ, въ немъ постоянно толпятся посѣтители, въ числѣ которыхъ по крайней мѣрѣ на половину насчитываютъ простыхъ поселянъ не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ провинціи. Ходятъ они себѣ тутъ, рассматри-

ваютъ, сравниваютъ и заимствуютъ разными улучшеніями и приспособленіями для своихъ собственныхъ промысловыхъ производствъ и домашняго обихода. Словомъ сказать, музей этотъ не праздная административная затѣя, не мертворожденное дѣло и вовсе не составляетъ собою какого-либо особаго исключенія: подобные же музеи, какъ намъ сказывали, частію уже существуютъ, а частію еще заводятся во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ и промышленныхъ городахъ Японіи.

По окончаніи осмотра музея, вице-губернаторъ, г. Номура, пригласилъ насъ перейти въ нижнюю залу главнаго корпуса, гдѣ уже былъ готовъ обѣденный столъ. Здѣсь предполагается размѣстить археологическій отдѣлъ, но пока въ углу стоитъ только одинъ бронзовый колоколъ, случайно вырытый изъ земли гдѣ-то въ окрестностяхъ. Онъ носитъ на себѣ буддискій характеръ и покрытъ рельефными узорами и фигурами, но до того уже старъ и прорѣдѣн зеленою ярью, что подробности его рисунковъ во многихъ мѣстахъ какъ кора слились въ неопредѣленную массу.

Обѣденный столъ былъ накрытъ по-европейски, для чего устроителямъ пришлось позаимствоваться изъ «гостиницы Прогресса» посудой, стекломъ и прочими принадлежностями—коленкоровыхъ салфетокъ и скатерти включительно, ибо кромѣ «Прогресса», во всемъ Нагойе сихъ принадлежностей не имѣется. На столѣ красовались большія фарфоровыя вазы съ цвѣтами. И еще особенность: между каждыми двумя стульями было поставлено на полъ по табурету съ бронзовымъ хибачемъ, наполненнымъ тлѣющими угольями,—это для того, чтобы обѣдающимъ удобнѣе было грѣть себѣ руки и закуривать табакъ, да и вообще нѣсколько хибачей нагрѣвали всю эту комнату даже съ нѣкоторымъ избыткомъ, что въ особенности почувствовалось во второй половинѣ обѣда, когда стало просто жарко.

Наступила та почти неизбежная на каждомъ званомъ обѣдѣ минута, когда, казалось бы, все уже готово, только садись за столъ, но хозяева какъ будто мнутъ и ожидаютъ еще чего-то прежде чѣмъ взяться за спинку стула и сдѣлать гостямъ послѣднее приглашеніе. Гости обыкновенно въ это время съ тоскливо любезными улыбками переминаются съ ноги на ногу. Переминались и мы, вопрошая въ глубинѣ души «скоро ли»?—какъ вдругъ изъ какихъ-то внутреннихъ раздвижныхъ дверей неожиданно появилось нѣсколько японцевъ въ черныхъ и сѣрыхъ шелковыхъ киримонахъ. Выступая другъ за другомъ, въ родѣ извѣстныхъ «conspirateurs» въ опереткѣ Леока, они неторопливо, совершенно неслышной, но солидно-мѣрной поступью приблизились къ адмиралу, молча поклонились ему въ поясъ, уперевъ ладони въ свои колѣнки и съ легкимъ шиномъ

потянувъ въ себя воздухъ, отчего получился придыхательный звукъ *xi-e*, и затѣмъ молча подали ему свои визитныя карточки. Оказалось, что это приглашенные на обѣдъ почетные горожане, въ числѣ которыхъ были и хозяева ремесленныхъ заведеній, посѣщенныхъ нами въ тотъ день утромъ. Нѣсколько приглашенныхъ чиновниковъ въ черныхъ сюртукахъ находились тутъ еще раньше нашего прибытія и почти-тельно окружили, нѣсколько сзади, своего прин-ципала, вице-губернатора.

Наконецъ г. Нрмура пригласилъ насъ сѣ-диться и занялъ самъ хозяйское мѣсто, поса-дивъ по правую руку отъ себя адмирала, а по лѣвую А. П. Новосильскаго. Разговоры про-исходили чрезъ переводчиковъ, которые по-этому и сѣли рядомъ съ почетными гостями. Такое «вольномудство» въ Японіи надо счита-ть большимъ прогрессомъ, такъ какъ въ прежнія, относительно весьма еще недавнія времена переводчики, почитаемые въ служеб-ной іерархіи за чиновъ очень мелкихъ, не смѣли пребывать въ присутствіи старшихъ чиновъ иначе, какъ распростершись на колѣ-няхъ ницъ и уткнувшись носомъ въ землю. Такъ ихъ описываютъ и И. А. Гончаровъ въ своей книгѣ «Фрегатъ Паллада».

Едва прислужники и прислужницы изъ «го-стиницы Прогресса» успѣли обнести бульонъ съ пирожками, причемъ, разумеется, съ не-привычки не обошлось безъ купанія пальцевъ какъ въ залу вошли гуськомъ, одна вслѣдъ за другой, около дюжины прелестныхъ мблoden-кихъ дѣвушекъ, въ нарядныхъ яркихъ кири-монахъ изъ шелкового газа, съ золотыми про-шивками на груди и съ пышными бантами ши-рокихъ поясовъ (*оби*), завязанныхъ сзади очень высоко, почти подъ самыми лопатками. Это, какъ намъ объяснили, специальная мода и отличительный признакъ нагойскаго дѣвичьяго костюма, такъ что надѣтъ такимъ образомъ *оби* значитъ надѣтъ его *по-нагойски*. Дѣвушки, какъ-то склоняясь въ сторону, немножко на-бокъ, отдали обшій, весьма граціозный поклонъ, отчасти похожій на европейскій реверансъ, и разошлись вокругъ стола съ такимъ расче-томъ, что между каждымъ двумя гостями очу-тилось по одной дѣвушкѣ. Это были *гейси* или *гейки*, профессиональныя артистки, пѣвицы и танцовщицы, назначеніе которыхъ—улаживать своими искусствами вечерніе досуги чиновныхъ и зажиточныхъ японцевъ, а также и «золотой японской молодежи»¹⁾.

Размѣстясь между нашими стульями, около хибачей, наши гейки приняли на себя роль Гебъ и очень усердно подливали намъ въ ста-каны. Чуть отвернешься или перекинешься съ кѣмъ-нибудь словомъ, глядь—стаканъ уже дополненъ доверху, и гейка съ лукаво-кокетливой улыбкой подноситъ его вамъ, приговаривая своимъ пѣвуче-свѣжимъ голос-

начиная съ восьми и девятилѣтняго возраста; тамъ, подъ надзоромъ особыхъ гувернантокъ и учительницъ, нерѣдко очень почтеннаго возраста, этимъ дѣтямъ преподаютъ *иракана*, особая сис-тема азбуки и скорописи, составляющая специ-альную принадлежность женскаго образованія, затѣмъ—отечественная мифологія и исторія, ли-тература и поэзія вмѣстѣ съ «языкомъ цвѣтовъ» и иною символической, а главнѣйшимъ образомъ—изящныя искусства: рисованіе и вышиваніе по шелку и по кисей, танцы, состоящіе изъ пласти-чески-красивыхъ позъ, условной игры вѣеромъ, мимики и классическихъ балетныхъ па, батма-новъ и прочей хореографической премудрости; му-зыка, то-есть умѣніе играть на *самисинъ* (японская гитара), *ют-и* (родъ гуслей или цимбалъ) *котю* (родъ виолончели со смычкомъ), *бига* (родъ мандолины или торбана) и на разнообразныхъ бара-банахъ; наконецъ—пѣніе, въ предметъ котораго входятъ историческія и героическія баллады, нѣжные романсы и юмористическія пѣсенки, со-провождаемыя по большей части соответствую-щимъ танцемъ и мимической игрой. Ученицы, смотря по своимъ наклонностямъ и способно-стямъ, въ послѣдствіи избираютъ себѣ одно изъ этихъ искусствъ какъ специальность и стараются въ немъ усовершенствоваться. Вмѣстѣ съ этимъ въ чайныхъ школахъ усваивается навѣкомъ изящество манеръ, грація движеній и умѣнье под-держивать свѣтскіе разговоры. Японскія гейки по преимуществу славятся своимъ остроуміемъ,—это, такъ сказать, французенки крайняго Востока. Но кромѣ подобныхъ чайныхъ школъ высшаго разбора, существуютъ еще особыя учительницы, изъ бывшихъ же воспитанницъ этихъ самыхъ школъ. Иногда онѣ принимаютъ дѣвочекъ па воспитаніе къ себѣ на домъ, а чаще всего сами за извѣстную плату, ходятъ въ семейные дома и преподаютъ тамъ дочерямъ-подросткамъ всѣ свои знанія и искусства. Дѣвушки этихъ послѣднихъ семействъ, разумеется, не поступаютъ въ профес-сіональныя гейки: онѣ хранятъ свои знанія про себя, и нерѣдко, когда въ домашнемъ кругу со-берутся гости, выступаютъ предъ ними съ самси-номъ и вѣеромъ, занимая дружескій кружокъ мимическими танцами и пѣніемъ, какой-нибудь молодой человѣкъ въ это время плѣняется мо-лодой искусницей и—глядь—черезъ нѣсколько времени обоюдная судьба ихъ, къ общему удо-вольствію, разрѣшается законнымъ бракомъ. Впрочемъ и профессиональныя гейки въ большин-ствѣ своемъ далеко не принадлежатъ къ числу особъ легко доступныхъ. Прежде чѣмъ подарить своей благосклонностью, гейка любитъ въслать поучить человѣка, какъ московская цыганка былыхъ временъ, влюбить его въ себя, заставить ухаживать за собой, и когда влюбленный, пови-димому, готовъ уже на всякія глупости, предъ нимъ нерѣдко поставляется вдругъ самымъ де-лкатнымъ образомъ крутая диллема: либо со-четайся законнымъ бракомъ, либо ищи себѣ утѣ-шенія въ другомъ мѣстѣ. Но если гейка влюбл-я сама, она въ большей части случаевъ очерта голову приносить въ жертву своему чувству, все не забывая о послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе что по

¹⁾ Но не думайте, чтобы въ этомъ было что-нибудь зазорное. Я говорилъ уже, что въ гейки нерѣдко идутъ дѣвушки очень почтенныхъ мѣ-щанскихъ семействъ желающихъ дать имъ свѣт-ское образованіе и доску. Въ большихъ городахъ, какъ Кіото, Тоокіо и въ нѣкоторыхъ другихъ, при аристократическихъ чайныхъ домахъ суще-ствуютъ иногда цѣлыя павильоны, куда недоста-точные родители отдаютъ маленькихъ дѣвочекъ,

комъ: «Дѣзо аната!... Дѣзо!» ¹⁾. А сколько было потрачено ими болтовни, похожей на птичье щебетанье, и болтовни, судя по тону и улыбкамъ, вѣроятно очень любезной, очень занимательной, очень остроумной, но—увы!—все сіе потрачено было втунѣ, ибо мы по японски понимаемъ мало, а обращаться за каждымъ словомъ къ переводчику и долго, и скучно. Но помимо языка, остается понятенъ взглядъ, интонація, мина, жестъ, благодаря чему мы не только кое-что понимали, но даже и болтали съ гейками: онѣ по-японски, мы по-русски, онѣ смѣялись, мы тоже, и выходило это пресвесело. Спросилъ ихъ кто-то: какъ онѣ полагаютъ, кто мы такіе, какой націи?—«О, безъ сомнѣнія, китайцы!» отвѣчала бойкая дѣвушка, желая этимъ сдѣлать наибольшій комплиментъ варварамъ-иностранцамъ. Вотъ когда воочію оправдалось сказанное намъ еще въ Токиогами, что Нагойе славится красивыми женщинами и щеголяетъ искусными гейками. Въ самомъ дѣлѣ, эти дѣвушки вполнѣ прелестны и даже изящны. Въ особенности выдавалась между ними одна, лѣтъ пятнадцати, обладавшая длинными бархатными рѣсницами, маленькимъ горбатымъ носикомъ и маленькими, словно вишенки, пунцовыми губками. Ея глубокій томный взглядъ, ея нѣжная блѣлая кожа, и эта пышная прическа изъ *своихъ* волосъ, съ живыми цвѣтами и блестками, и этотъ прозрачно-легкій креповый киримонъ, расшитый шелками и золотомъ, гибкая продолговатая шейка, маленькая, изящно выточенная ручка, маленькая ножка,—все это дѣлало ее похожей на прелестную фарфоровую куколку очень тонкой изящной работы. Есть однако у всѣхъ у нихъ одна маленькая привычка, съ европейской точки зрѣнія не совсѣмъ-то красивая: каждая изъ нихъ, нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и шморгаетъ въ себя носикомъ, вмѣсто того чтобы высморкаться. Впрочемъ, эту привычку замѣчали мы безразлично у всѣхъ японцевъ и японокъ, и—

японскимъ взглядомъ, увлеченіе и не поставляется въ особый грѣхъ дѣвушка, пока она свободна располагать своей судьбой, то-есть пока не связана съ кѣмъ-нибудь общаніемъ замужества. Но если гейка и увлеклась однажды до серьезнаго шага, то это вовсе еще не значитъ что, разочаровавшись рано или поздно въ предметъ своего увлеченія, она тѣмъ самымъ открываетъ себѣ на будущее время широкую дорогу для дальнѣйшихъ увлеченій легкаго свойства; вовсе нѣтъ: гейки, какъ и московскія цыганки, любятъ что называется «соблюдать себя», въ этомъ ихъ престижъ, ихъ магнитная сила. Вообще онѣ не легко сдаются на предложенія своихъ поклонниковъ. Есть, конечно, исключенія, какъ вездѣ и во всемъ, но большинство ихъ, при всей развязности языка и жеста, неизбѣжной въ вечернихъ собраніяхъ чайныхъ домовъ, держитъ себя очень осторожно. Такъ-то въ мірѣ геекъ бываетъ обманчива наружность, и съ новичками-европейцами, а въ особенности съ англичанами, выходятъ иногда изъ-за этого презабавныя исторіи.

¹⁾ Прошу покорно, пожалуйста!

что же дѣлать!—къ такимъ маленькимъ недостаткамъ можно быть пока снисходительнымъ.

Въ концѣ обѣда... Кстати, что сказать объ обѣдѣ? Скажу одно: всѣ его блюда по своему характеру, составу и вкусу оказались намъ очень знакомы. Оно и не мудрено, такъ какъ готовить обѣдъ былъ приглашенъ распорядителями адмиральскій поваръ японецъ Федоръ, а Федоръ поваръ очень хорошій. Тайну сію онъ и повѣдалъ намъ въ тотъ же вечеръ... Итакъ въ концѣ обѣда замѣтили мы сквозь бумажную оклейку рѣшетчатой стѣны, выходившей во дворъ музея, что тамъ, за стѣной, все вдругъ освѣтилось краснымъ заревомъ. «Ужь не пожаръ ли?» подумалось намъ, тѣмъ болѣе что пожары въ японскихъ городахъ такъ часты; но не успѣли мы передать свои тревожныя сомнѣнія нашему переводчику, какъ рамы, составлявшія эту стѣну моментально раздвинулись въ обѣ стороны, и намъ осталось только ахнуть отъ неожиданнаго сюрприза. За стѣной находилась еще довольно широкая наружная галлерей; она вся была освѣщена теперь рядами пунцовыхъ фонарей-баллоновъ, а полъ ея затянули оплошнымъ ковромъ. Къ счастью, въ это время погода совсѣмъ перемѣнилась, вѣтеръ упалъ, и воздухъ сталъ мягокъ. Звѣздное синее небо и пальмы-латаніи, посаженные во дворѣ около галлерей, составили фонъ и декорации этой импровизированной театральной сцены.

Вдругъ раздалися звуки самсеновъ, бивы и тамъ-тама, и наши гейки, которые успѣли какъ-то незамѣтно выскользнуть предъ тѣмъ изъ столовой, вдругъ показались въ одномъ концѣ освѣщенной галлерей. Вооруженныя вѣрами, онѣ плавно выступали одна вслѣдъ за другой, въ тактъ своей музыки, выдѣлывая легкія *па* и медленно, но свободно и граціозно откидывая руки то въ правую, то въ лѣвую сторону, въ родѣ того, какъ это дѣлается въ «дезингѣ». Выстроясь въ рядъ, лицомъ къ зрителямъ, на срединѣ галлерей, онѣ отдали общій глубокій реверансъ, и стройно перегнувшись нѣсколько назадъ въ станѣ, съ запрокинутыми надъ головой руками, начали медленно-плавный балетъ по всѣмъ правиламъ классическаго японскаго искусства. Танецъ сопровождался игрой на инструментѣхъ и пѣніемъ какой-то героической баллады. Музыкантши и пѣвицы были одѣты въ болѣе темныя цвѣта, и между ними не находилось ни одного артиста-мужчины.

Что сказать вамъ о классическомъ японскомъ балетѣ? Онъ такъ же оригиналенъ, какъ и все въ Японіи. Есть позы, движенія и группы, исполненныя такой своеобразной красоты, такой изящной, плавной граціи, а иногда и драматизма, какимъ, безъ сомнѣнія, позавидовала бы любая европейская балерина и нашла бы

чѣмъ позаимствоваться у японскихъ геекъ. Но въ то же время есть другія движенія и позы, которыя просто оскорбляютъ европейскій глазъ и эстетическое чувство своею рѣзкостью, угловатостью и вообще некрасивостью. Одна изъ таковыхъ, напримѣръ, заключается въ томъ, что танцовщица прыгнетъ какъ-то по лягушечьи, быстро перевернется задомъ напередъ, и сильно стукнувъ объ полъ пятками, широко разставить ступни, согнетъ и выставитъ впередъ колѣнки и какъ-то полуприсядетъ въ воздуху, да такъ и останется на минуту,—ну, совсѣмъ противно, хоть не гляди!.. Точно такъ же и во второмъ танцѣ, который весь исполнялся въ быстромъ темпѣ, подъ оживленное *allègre* музыкальнаго акомпанемента. Все было шло хорошо: работали у геекъ искривленные глазки и живыя улыбки, работали распушенными вѣерами обнаженные руки, работали ножки, выдѣлывая дробныя замысловатыя и красивыя *па*; сгибались лебединыя шейки; ходили трепетно плечи и торсы; и станъ, и бедра эластически продѣлывали сладострастно плавновивыя движенія, свойственныя танцамъ рѣшительно всего Востока, какъ вдругъ финаль... О, этотъ ужасный финаль! Никогда я его не забуду. Это была чисто ложка дегтя испортившая бочку меду. Представьте себѣ что онѣ сдѣлали: быстро подбравъ и закрутивъ вокругъ ногъ, по щиколотку, свои киримовы, всѣ вразъ опустились на колѣни, вразъ поклонились до земли зрителямъ и вдругъ стали всѣ кверху ногами!.. Этой неожиданной, эстрагавантной позой и закончился отдѣлъ танцевъ. Я не понимаю какимъ образомъ японцы люди вообще одаренные въ значительной степени очень чуткимъ чувствомъ изящнаго, могли находить это безобразіе милымъ, смѣяться и аплодировать. Что до меня, то могу только сказать, что это было ужасно некрасиво, неженственно, грубо, и скверное, корбящее впечатлѣніе усиливалось еще оттого, что подъ этими по-клоунски поднятыми ногами лежали, прижавшись къ полу щекой, такія прелестныя, свѣжія личики.

Вслѣдъ за балетомъ начался концертъ, напомнившій мнѣ по какой-то аналогіи старую оперетку Зуппе «Zehn Mädchen und kein Mann»: тамъ задается молодыми дѣвушками концертъ на девяти деревяннo-соломенныхъ инструментахъ; здѣсь намъ представили его тоже молодыя дѣвушки на девяти... барабанахъ. Ей-Богу, не сочиняю! Такъ-таки на девяти несомнѣннѣйшихъ настоящихъ барабанахъ. Вышли девять артистокъ и разсѣлись рядышкомъ на галлерей, поджавъ подъ себя ноги. У каждой былъ барабанъ, отличавшійся отъ остальныхъ своихъ сородичей какою-нибудь особенностью устройства и звука. Артистки-барабанщицы начали съ того, что стали настраивать въ какой-то, имъ одѣмъ извѣстный тонъ свои ин-

струменты,—нельзя же безъ настройки. Одни изъ этихъ инструментовъ гудѣли какъ турецкіе барабаны, другіе рычали какъ китайскіе гонги, третьи разсыпались рокочущимъ звукомъ дроби просыпанной на металлическое блюдо, четвертые издавали короткій и глухой звукъ, подобный сжато въ рукѣ колокольчику, пятые, похожіе съ виду на песочныя часы Сатурна, какъ-то гавкали и лаяли совсѣмъ по собачьи, шестые... Но довольно, всего уже не упомяну. Знаю только что не безъ нѣкотораго внутренняго ужаса и опасенія за свои уши ожидалъ я начала этого *soi-disant* «музыкальнаго» удовольствія. Дѣвицы наконецъ состроились, приняли надлежащія позы предписанныя правилами этого искусства (а именно, руки вооруженныя барабанными палками и скрещенныя къ плечамъ) и, въ ожиданіи момента, уставивши глазами на среднюю барабанщицу, по знаку которой и началась наконецъ пѣса.

Игра на барабанѣ составляетъ здѣсь такое же искусство какъ и танцы, какъ пѣніе или игра на гитѣ и самснѣ; она тоже входитъ въ циклъ предметовъ женскаго всесторонняго образованія. Для игры на барабанѣ существуютъ свои законы, строго выработанныя правила, свои условныя жесты, позы, манера какъ когда держать палки, какъ ударять ими отъ плеча, отъ сердца или прямо впередъ отъ груди, какъ бить—*pianissimo* или *fortissimo*; словомъ сказать, это цѣлая наука. Чудно и странно, разумѣется, съ непривычки слушать такую жестокую музыку, но прислушавшись, пообвыкнувъ немного, начинаешь находить въ ней что-то смѣшное, какую-то комическую, хотя и довольно нелѣпую веселость, тѣмъ болѣе, что гейки дѣйствительно ловко владѣютъ своимъ инструментами и умѣютъ излекать изъ нихъ порою самыя тихіе, можно сказать, почти музыкальныя звуки, похожіе на рокотъ журчащаго ручейка и перезвонъ капель льющейся воды. Но за то когда пойдутъ *grecendo* громopodobные раскаты, китайское рычанье и собачій лай,—тутъ уже требуется сугубое самоотверженіе, чтобы не заткнуть себѣ уши и не бѣжать безъ оглядки изъ комнаты. И какъ это право такіе маленькіе пальчики могутъ наносить такіе жестоко-сильные удары по барабанной шкурѣ, а такія нѣжныя ушки безвредно выдерживать столь оглушительную пытку!..

Не знаю, знакомо ли этимъ артисткамъ мудрое правило, гласящее, что «хорошенькаго — понемножку»; но на наше счастье, на сей разъ онѣ, какъ будто руководствуясь онымъ, окончили свой концертъ довольно скоро и удалились со сцены, провожаемые рукоплесканіями своихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ не отставали и мы изъ понятнаго чувства учтивости и благодарности за кратковременность

доставленнаго намъ барабанаго наслажденія. А то вѣдь «въ большомъ количествѣ» это, какъ и семинарскіе канчуки у Гоголя, была бы «вещь нестерпимая».

Пользуясь минутой ухода геекъ, мы стали прощаться съ нашими любезными хозяевами и отправились на крыльцо—надѣвать на нижней ступенькѣ сапоги, оставленные на дворѣ. Процедура эта скучная, утомительная, крайне неудобная, потому что сапоги за цѣлый день подъ дождемъ порядочно-таки насырѣли; но ничего не подѣлаешь: таковъ ужъ обычай, правило вѣжливости и приличія, и хорошо еще, что въ ту минуту дождя не было.

Въ тотъ моментъ, когда распростившись окончательно (церемонность требуетъ, чтобы гости откланивались по крайней мѣрѣ три раза), мы съѣзжали въ дженерикшахъ со двора, у воротъ раздался вдругъ женскіе крики, сопровождавшіеся маханіемъ пунцовыхъ фонарей. Оказалось, что это все тѣ же гейки и музыкантши дѣлають въ нашу честь прощальную манифестацію, а пунцовый дѣвѣтъ фонарей, какъ намъ объяснили, означаетъ выраженіе привѣтствія и почести. Такъ закончился у насъ этотъ оригинально проведенный день въ оригинальномъ японскомъ городѣ.

3-го марта.

Около трехъ часовъ пополудни мы распростились на пристани Мія съ г. Номура, секретарями и нашимъ милѣйшимъ почтмейстеромъ Шпекинымъ и пустились въ море на паровомъ баркасѣ, присланномъ съ «Африки». День былъ хотя и солнечный, но сильный порывистый вѣтеръ налеталъ шквалами и доходилъ до степени шторма. Насъ-таки сильно покачивало и обдавало солеными брызгами. Волненіе было, что называется, «здоровое»; такъ что за гребнями волнъ нашей «Африки» сначала почти вовсе не было видно; потомъ, черезъ полчаса плаванія, показались изъ-подъ горизонта ея мачты, а черезъ полчаса и вся она вырисовалась наконецъ вдали предъ нами. Послѣ двухчасового бурнаго плаванія, баркасъ благополучно присталъ къ ея борту. Судно стояло такъ далеко отъ берега, что даже при ясной солнечной погодѣ лишь съ трудомъ можно было отыскать невооруженнымъ глазомъ мѣсто, гдѣ раскинулся городъ, да и то въ этомъ случаѣ служила указателемъ башня Тенси, бѣлыя стѣны которой сверкали подъ солнечными лучами.

5-го марта.

Утромъ 4 числа крейсеръ снялся съ якоря и пошелъ въ бухту Тобѣ, тоже не открытую для европейцевъ. Намъ предстояло сдѣлать оттуда сухопутное путешествіе верстъ на пятьдесятъ въглубь страны, къ знаменитому синтоскому храму, который почитается одною изъ величайшихъ святынь древне-японской наці-

ональной религіи. Но этому плану не суждено было исполниться. Пришли мы въ Тобѣ въ тотъ же день къ вечеру. Мѣстный окружной начальникъ со своимъ помощникомъ тотчасъ же посѣтили нашего адмирала на «Африкѣ» и очень обязательно взялись доставить на утро потребное число дженерикшей, которыя должны были ожидать насъ на пристани. И вотъ, сегодня утромъ мы совсѣмъ уже-было собрались съѣзжать на берегъ, какъ вдругъ адмиралу подають только-что полученную въ Тобѣ на его имя секретную телеграмму, вслѣдствіе которой тотчасъ же было отдано приказаніе немедленно сниматься съ якоря и идти въ Иокогаму. То было извѣщеніе отъ нашего посланника изъ Тоокіо о роковомъ событіи 1 марта.

XXX

Кообе и Хіого.

Нашъ маршрутъ.—Путь до залива Оосака.—Колѣнчатый мостъ Минатогава-баси.—Европейскій городокъ Кообе.—Городокъ Хіого, его значеніе и достопримѣчательности.—Могила Тайра-но-Кійомори и нѣсколько историческихъ о немъ воспоминаній.—Храмъ Минатогава-но-міа.—Надгробный мавзолей Ксуноки Масасиге и его сына.—Легенды объ этихъ народныхъ герояхъ.—Храмъ Искута-но-міа.—Обращикъ японской поэзіи и версификаціи.—Трехколесный экипажъ.—Храмъ Суваёма-но-міа.—Талисманы плодородія.—Вѣрное средство выйти замужъ.—Астрономическая площадка и видъ съ нея на окрестность.—Японскіе самовары.—Дѣвочка-проводница и ея русская пѣсенка.—Нуво-бикі, хіогскіе водопады.—Базаръ Кюсинкванъ и мѣстныя кустарныя издѣлія.—Завтракъ въ «Hioyo Hôtel».—Черта международныхъ правовъ.—Отплытіе изъ Хіого.

11-го марта.

Вслѣдствіе полученнаго вчера по телеграфу приказа С. С. Лесовскаго, крейсеръ «Африка» снялся съ Иокогамскаго рейда въ девять часовъ утра и пошелъ въ Нагасаки. На этотъ разъ мы не будемъ обигать океаномъ восточные и южные берега острововъ Сикока и Кьюсю, а пойдемъ Внутреннимъ или Средиземнымъ Японскимъ моремъ, отдѣляющимъ сѣверные берега двухъ названныхъ острововъ отъ южныхъ побережій Ниппона.

По выходѣ изъ Тоокійскаго залива въ океанъ (подъ 35° с. ш.), крейсеръ взялъ курсъ прямо на S, слѣдуя мимо группы маленькихъ островковъ и отдѣльныхъ скалъ, разбросанныхъ цѣпью на протяженіи около сорока миль. Нѣкоторыя изъ этихъ скалъ торчатъ изъ воды или четырехстороннею глыбой, или черешашею спяной: или, наконецъ въ видѣ сахарной головы и достигаютъ, какъ, напримѣръ скала Утоне, безъ малаго семисотъ футовъ высоты.

Проходили мимо двухъ вулкановъ, находящихся въ этой же островной группѣ. Одинъ изъ нихъ, въ 2.556 футовъ высоты, чернѣется скалистою грудой на ближайшемъ къ Тоокій-

скому заливу островъ Вріесъ (по-японски Ойосима), а другой на Косу-сима, верстахъ въ сорока южнѣе. Оба вулкана находятся въ дѣйстви, и надъ вершинами ихъ вѣчно клубятся густыя облака блага дыма. По ночамъ ихъ зарева служатъ для мореходовъ естественными маяками; но мы проходили днемъ, и намъ не удалось видѣть этой, какъ говорятъ, довольно красивой картины. За то очень эффектна была вѣтвь отъ насъ высокая и широкая вершина острова Міаки, покрытая вѣчными снѣгами. Міаки лежитъ почти напротивъ Кокусима, и каналъ между ними кажется не превышаетъ въ ширину десяти миль.

12-го марта.

Съ шести часовъ утра встрѣтили въ океанѣ сильный вѣтеръ, который задулъ намъ въ лѣвую щеку, отъ SO. Мы уже рассчитывали имѣть дѣло съ формальнымъ штормомъ, но, къ общему удовольствію, послѣ полудня вѣтеръ стихъ. За то въ воздухѣ стало вдругъ холодно, несмотря даже на теплое теченіе Куро-сиво, въ области коего мы въ это время находились. Говорятъ, что глубина океана въ этихъ мѣстахъ достигаетъ 4.655 сажень (9 верстъ и 155 сажень). Даже какъ-то жутко становится какъ подумаешь какая страшная глубь подъ тобою...

13-го марта.

Сегодня, вступивъ на разсвѣтъ въ одинъ изъ бассейновъ Внутренняго моря, называемый Идсуди-нада или заливомъ Оосака, мы бросили якорь въ восемь часовъ утра на рейдѣ Кообе въ обширной и безопасной гавани Хіого, которая до 1868 года служила центромъ всей морской и каботажной торговли Японіи. Здѣсь застали мы наши военные клипера «Навздики», «Джигитъ» и шхуну «Востокъ» (Сибирской флотиліи), пришедшую сюда чиниться. Къ девяти часамъ утра размѣнъ салютовъ и представленіе адмиралу командиру названныхъ судовъ съ рапортами, а равно и визитъ нѣмецкаго консула, исполняющаго заодно и обязанности русскаго консульскаго агента, словомъ, всѣ неизбѣжныя портовые церемоніи были окончены, и мы получили возможность съѣхать на берегъ.

Хіого и Кообе лежатъ рядомъ на низменномъ берегу Ниппона, отдѣляемые одинъ отъ другого рѣчкой Минато (Минато-гава), черезъ которую перекинутъ преоригинальный пѣшеходный мостъ, построенный на сваяхъ прямоугольными зигзагами, идея которыхъ заимствована у Китая, гдѣ она служитъ символомъ извивовъ змѣи, а по сродству со змѣей, также и символомъ священнаго дракона. Настилка на мосту досчатая, а легкими перилами служатъ длинныя бамбучныя. Вся эта въ виду очень затѣйливая постройка проста, легка и изящна.

Кообе въ сущности не болѣе какъ европей-

скій кварталъ города Хіого. Онъ представляетъ собою небольшой, но очень чистенькій городокъ, разбитый на правильные участки, съ широкими, превосходно шоссеванными улицами, аллеями вдоль тротуаровъ и очень красивыми домиками, которые, къ нашему удивленію, вовсе не носятъ исключительно индустріальнаго и тѣмъ болѣе англо-колониальнаго характера, а напоминаютъ миловидныя и нѣсколько капризные дачныя постройки. Тѣмъ не менѣе мы нашли въ Кообе много прекрасныхъ и обширныхъ магазиновъ, между которыми первенствуетъ фирма торговаго товарищества «Хирона». Тутъ же находятся: банкъ японскаго общества «Мицуй», учительскій японскій институтъ, телеграфная и желѣзнодорожная станціи, почта, зданіе губернскаго правленія (Хіого-Кенъ) и зданіе постоянной выставки мѣстныхъ произведеній—базаръ «Кіо-синкванъ», въ родѣ тоокійскаго «Кванкуба», только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Консульскіе дома, по обыкновенію, заняли лучшія мѣста, на набережной. Въ поперечныхъ улицахъ стоятъ двѣ небольшія церкви, англиканская и католическая, при коихъ живутъ миссіонеры. Словомъ, Кообе процѣптается и съ каждымъ годомъ растетъ больше и больше. Баронъ Гюбнеръ, посѣтившій его въ 1872 году, нашелъ тамъ отъ двухсотъ до трехсотъ жителей, считая въ томъ числѣ и подвижное, временное населеніе, а въ 1879 году народная перепись, предпринятая японскимъ правительствомъ, насчитала въ Кообе уже 13,295 осѣдлыхъ обывателей. Въ Хіого, по той же переписи, считается 36.896 жителей, что для японскаго города очень и очень немного.

Наружное знакомство съ Кообе заняло у насъ не болѣе получаса времени, и такъ какъ въ нашемъ распоряженіи оставалось лишь нѣсколько свободныхъ часовъ до отплытія въ дальнѣйшій путь, то и надо было поторопиться осмотромъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, которыя частію сосредоточены въ самомъ Хіого, частію же разбросаны въ его ближайшихъ городскихъ окрестностяхъ. Къ намъ присоединился командиръ «Навздики», капитанъ-лейтенантъ Кологерасъ, съ нѣсколькими изъ офицеровъ, успѣвшими уже, за время своей стоянки на здѣшнемъ рейдѣ, достаточно ознакомиться со всѣмъ, что могло представить какой-либо интересъ для любознательности путешественниковъ, и такимъ образомъ мы получили, въ лицѣ ихъ, прекрасныхъ руководителей нашей экскурсіи. Они же добыли намъ и «языка», молодого японца, хорошо обшлагося по-русски. Заручившись такимъ важнымъ подспорьемъ, мы взяли себѣ надежныхъ *курама* и покатили цѣлою вереницей въ легкіхъ дженерикахъ осматривать Хіого и его достопримѣчательности.

Хіого по японски значить *арсеналъ*. Предполагается; что вѣкогда здѣсь находилось какое-либо хранилище оружія; исторически же извѣстно только что въ XII вѣкѣ христіанской эры, одинъ изъ героев японской исторіи, Тайра-но-Кійомори, перемѣстилъ сюда (на короткое, впрочемъ, время) императорскую столицу изъ Кіото, и что тогдашнее названіе этого мѣста было *Хукугара*. Это послѣднее имя сохранилось и до сихъ поръ въ названіи одной изъ мѣстныхъ улицъ, которая служитъ центромъ квартала куртизанокъ. Я уже упомянулъ, что до сношеній съ европейцами Хіого считался первымъ изъ трехъ первоклассныхъ японскихъ портовъ. Съ нимъ соперничали: Симоносеки, на юго-западной оконечности Ниппона, при выходѣ изъ Внутренняго моря въ Корейскій проливъ, и западный портъ Нигата, на Ниппонѣ же, въ Японскомъ морѣ, противъ острова Садо (или Сандо). Но въ настоящее время, съ открытіемъ нѣсколькихъ портовъ для европейской торговли, и въ особенности съ усвоеніемъ Японіей коммерческихъ пароходовъ, портъ Хіого уже утратилъ прежнее свое значеніе безусловной первоклассности для всего государства, сохранивъ его лишь для южныхъ провинцій острова Ниппона и для Кіото.

Наши курамъ прежде всего привезли насъ къ могилѣ Тайра-но-Кійомори, находящейся въ оградѣ одной бонзеріи. Это мѣстная историческая знаменитость. Надгробный памятникъ высѣченъ весь изъ сѣраго гранита и представляетъ собою башню, на подобіе буддйской двѣнадцатиярусной башни со шпилемъ, воздвигнутую на высокомъ четырехстороннемъ цоколѣ. Высота всего мавзолея около пятнадцати аршинъ. Онъ стоитъ подъ сѣнью высокихъ сосенъ и обнесенъ въ квадратъ массивною каменною оградой, состоящею изъ ряда четырехгранныхъ, столбиковъ поставленныхъ на равномъ другъ отъ друга разстояніи между двумя длинными каменными брусками, изъ коихъ одинъ, на каждой сторонѣ, положенъ въ основаніе, на землю, а другой въ вѣнецъ, на головки столбиковъ. Предъ оградой, спереди—пара высокихъ канделябровъ и между ними наполненная бѣлою золой жертвенница, гдѣ курятся благовонія и тлѣютъ заупокойныя курительныя свѣчи. Все это высѣчено изъ гранита и стоитъ на каменныхъ цоколяхъ. Дежурный бонза, вышедшій къ намъ навстрѣчу, предложилъ мнѣ фотографическій снимокъ мавзолея и маленькую брошюрку на рисовой бумагѣ, которую потомъ я отдалъ перевести на русскій языкъ. Въ брошюркѣ изложено вотъ что:

Кійомори, изъ рода Тайра, былъ любимцемъ юнаго микадо Конохе (иначе Кононѣ), царствовавшего въ XII вѣкѣ ¹⁾. Отецъ Кійомори

ри, въ награду за свою вѣрную службу государю, былъ пожалованъ имъ придворною дамою, которая въ ту пору была уже беременна отъ самаго микадо. Обычай жаловать любимцевъ императорскими фрейлинами существовалъ въ Японіи въ древнія времена. Микадо, жадуя отцу Кійомори свою даму, не скрылъ отъ него ея тайну и поставилъ даже условіемъ, что если у нея родится дочь, то онъ, микадо, возьметъ ее къ себѣ на правахъ принцессы императорскаго дома, а если сынъ, то нареченный отецъ обязанъ усыновить его и дать ему фамилію Тайра. Родился мальчикъ, которому нарекли имя Кійомори. Микадо осыпалъ его милостями и не оставлялъ до самой своей смерти, которая послѣдовала когда Кійомори уже достигъ совершеннолѣтія. Въ это время сильно соперничали между собою изъ-за властной должности перваго министра двѣ знаменитыя фамиліи: Тайра и Минамото. Та и другая представляли собою двѣ боковыя вѣтви царственнаго рода. Кійомори былъ честолюбивъ, хитеръ и склоненъ къ интригантству; фамилія же Минамото издревле отличалась доблестями и насчитывала въ своихъ рядахъ не мало знаменитыхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. Ловкому Кійомори удалось посредствомъ интригъ перессорить между собою членовъ этой фамиліи до такой степени, что дѣло дошло у нихъ до междоусобицы, которою Кійомори и воспользовался, чтобы захватить себѣ власть перваго министра. Разрозненные Минамото, увидѣвъ этотъ результатъ, поняли наконецъ коварный планъ Кійомори и соединились, чтобы напасть на него и низложить съ должности. Послѣдній ожидалъ этого и, зорко слѣдя за своими врагами, успѣлъ какъ-разъ во-время накрыть ихъ заговоръ. Это дало ему поводъ истребить почти весь родъ Минамото: однихъ онъ приказалъ казнить, другихъ заточилъ на всю жизнь въ казематы, третьихъ отправилъ въ отдаленнѣйшія ссылки. Но Провидѣніе уже готовило ему будущую кару. Онъ влюбился въ красавицу Токива-го-сенъ, вдову своего главнаго соперника Тамейоши-Минамото, котораго убилъ собственною рукой. Вдова сдалась на его горячія мольбы и клятвы подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онъ пощадилъ жизнь трехъ ея сыновей отъ покойнаго мужа, приговоренныхъ имъ къ казни. Кійомори согласился и даже оставилъ ихъ при матери. Но впоследствии, когда любовь его къ ней стала остывать, а подозрительность возвращаться, онъ удалилъ старшаго ея сына, впоследствии знаменитаго Ёоритомо, въ отдаленную ссылку, на островъ Хируга, а двухъ младшихъ приказалъ постричь

лѣтъ отъ роду, и умеръ въ 1155 году, шестнадцатилѣтнемъ юношей.

1) Вступилъ на престолъ въ 1142 году, трехъ

въ монахи и отправилъ въ дальнѣе буддійскіе монастыри.

Овладевъ должностію перваго министра, Кійомори удерживалъ ее за собою при пяти послѣдующихъ императорахъ ¹⁾ и систематически замѣстилъ всѣ государственныя должности членами усыновившей его фамилии Тайра: однимъ роздалъ сановныя мѣста при дворѣ и въ государственномъ совѣтѣ, другихъ поставилъ надъ государственнымъ ополченіемъ, третьихъ назначилъ губернаторами провинцій, а всѣхъ вообще друзей и сторонниковъ своей фамилии разсадилъ на прочія подначальныя должности при дворѣ и по администраціи. Съ помощью такой системы, которой неуклонно держался всю свою жизнь, Тайра-но-Кійомори сдѣлался наконецъ всемогущимъ и даже женился на своей дочери наслѣдника японскаго престола, принца Така-кура, сына императора Року-жо, и подъ конецъ своей жизни видѣлъ на тронѣ собственнаго внука, четырехлѣтняго Атоку. Но подозрительность его относительно дѣйствительныхъ или только мнимыхъ своихъ недоброжелателей и приверженцевъ рода Минамото не засыпала въ немъ ни на минуту. Шпіонство и сыскная часть работали у него неумолимо, причѣмъ были въ ходу самыя жестокія пытки и казни, до сожженія живьемъ на кострѣ включительно. Терроръ и nepотизмъ господствовали во всей Японіи до такой степени, что у современниковъ сложилась даже пословица: въ наше-де время кто не изъ Тайра, тотъ не человѣкъ. Безконечныя и часто нелѣпыя капризы Кійомори, его притворство, коварное потриганство, нервная раздражительность и безконечныя жестокости надобли наконецъ императору Така-кура, и даже болѣе того: онѣ надобли самимъ родичамъ и приверженцамъ тирана, не говоря уже о большинствѣ феодальныхъ князей (даймю), гордость коихъ безпрестанно оскорблялась его высокомеріемъ, и которые ежечасно должны были ожидать себѣ всякаго зла отъ его вздорной подозрительности и мимолетнаго, случайнаго каприза. Такой порядокъ вещей тянулся однакоже долгіе годы, когда наконецъ, уже на закатѣ жизни Кійомори, вдругъ вспыхнуло на сѣверѣ Ниппона возстаніе, поднятое старшимъ изъ трехъ сосланныхъ имъ братьевъ Минамото, энергичнымъ и даровитымъ Іоритомо. Придворная знать, кунгаи и даймю, выведенные изъ послѣдняго терпѣнія, обратились къ Іоритомо отъ имени Го-Сиракава, отрекшагося отъ престола дѣда Атоку, съ мольбой освободить ихъ отъ Кійомори. Іоритомо согласился. Тогда оба его брата, насильственно постриженные нѣкогда въ монахи, бѣжали изъ своихъ монастырей, и соединяясь

съ Іоритомо, приняли начальство надъ двумя отрядами возставшихъ дворянъ и поселянъ и двинулись съ ними къ югу. Кійомори выславъ противъ нихъ собранное имъ ополченіе, но оно было разбито въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и разсѣяно. Такая же участь постигла и второй призывъ ополченцевъ, изъ коихъ многіе перешли даже на сторону братьевъ Минамото. Видя, что Іоритомо уже занялъ Камакуру и угрожаетъ оттуда непосредственно самой столицѣ, Тайра-но-Кійомори насильно забралъ съ собою старика Го-Сиракава и младенца-императора Атоку и отступилъ въ Хіого, чтобы быть поближе къ морю на случай дальнѣйшаго бѣгства. Въ это же время онъ перевезъ сюда изъ Кіото всѣ государственныя регаліи и реликвіи, казну и все центральное управленіе. Такимъ образомъ Хіого, или тогдашній Хукухара, сдѣлался временною столицей. Мучась безсильною злобой на успѣхи возстанія и страшась личной мести Іоритомо за убитаго нѣкогда отца, за поруганную честь матери и за весь родъ Минамото, обезсиленный Кійомори заболѣлъ нервною горячкою. Но и умирая, онъ не смирилъ своей злобы, и за часъ до смерти кричалъ еще: «Не надо мнѣ заукойныхъ молитвъ, не надо никакихъ религіозныхъ церемоній, но принесите, непременно принесите на мою могилу голову Іоритомо!» Это были его послѣднія слова и единственное оставленное имъ завѣщаніе, которое, однакоже, осталось безъ исполненія. Тайра-но-Кійомори умеръ въ 1181 году и былъ погребенъ въ Хіого. Его сородичи воздвигли ему надгробный мавзолей, столь же тяжелый, какъ и самъ онъ былъ при жизни. По смерти его, Іоритомо освободилъ Го-Сиракава, и, основавшись въ Камакурѣ, предпринималъ нѣсколько счастливыхъ экспедицій противъ членовъ и сторонниковъ рода Тайра. Въ этихъ военныхъ предпріятіяхъ въ особенности отличался младшій братъ его Іосицуне, какъ даровитый полководецъ. Благодаря ему, Іоритомо, спокойно оставаясь у себя въ Камакурѣ, могъ втеченіе четырехъ лѣтъ изгнать всѣхъ самураевъ Тайра и истребить ихъ въ нѣсколькихъ сухопутныхъ и морскихъ битвахъ при Хіого и на Внутреннемъ морѣ. Впрочемъ, это было и не особенно трудно, такъ какъ самураи Тайра, воспитанные среди придворной роскоши и привыкшіе къ утонченно изнѣженной и распутной жизни, были не особенно стойкими воинами. Императоръ-отрокъ Атоку, вмѣстѣ со своею матерью (дочь Кійомори), долженъ былъ въ 1185 году бѣжать на островъ Кью-сю, но переплывая черезъ проливъ Симоносекки, нечаянно упалъ съ борта въ воду и утонулъ. Трагическій конецъ жизни и похороненій рода Тайра не разъ уже служилъ, да и до сихъ поръ еще служитъ неисчерпаемою темой для романовъ, театральныхъ піесъ и народныхъ

¹⁾ Го-Сиракава (1155—1158), Ниго (1158—1165), Року-жо (1165—1168), Така-кура (1168—1181) и Атоку (1181—1185).

пѣсень, извѣстныхъ подѣ именемъ «цикла о послѣдней судьбѣ самурайевъ рода Тайра».

Истребивъ такимъ образомъ въ честномъ бою всѣхъ враговъ рода Минамото, Ёритомовозвелъ на престолъ Готоба, брата утонувшаго Атоку, подѣ регентствомъ старца Го-Сиракава, а самъ сдѣлался первымъ министромъ и избралъ Камакуру постоянною своею резиденціей. Онъ первый основалъ въ 1186 году, по смерти Го-Сиракава, систему сегунальскаго управленія и принялъ отъ микадо Готоба пожалованіе высокимъ титуломъ сегуна (*сей-тай сегунъ*). Правленіе его продолжалось семнадцать лѣтъ (съ 1185 по 1202 годъ), и должность его, вмѣстѣ съ титуломъ, унаслѣдовалъ по немъ старшій сынъ его Юріе.

Замѣчательна также и судьба Ёсицуне, младшаго брата Ёритомо. Несмотря на то, что былъ ему обязанъ главною долей своихъ политическихъ успѣховъ, Ёритомо впослѣдствіи сталъ завидовать его военнымъ талантамъ. Онъ не могъ совладать съ этимъ своимъ нехорошимъ чувствомъ и, мало-по-малу охладѣвая къ брату, началъ даже его преслѣдовать. Тогда, перерядившись въ странствующаго бонзу, Ёсицуне тайно бѣжалъ изъ Камакуры на островъ Ёзо (Матсмай), а отсюда переплылъ на азіатскій материкъ, въ Манчжурію, и никогда уже болѣе не возвратился въ страну Восходящаго Солнца. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, не только японскихъ, но и китайскихъ, Ёсицуне есть ни кто иной, какъ знаменитый Чингисханъ, герой всемірной исторіи XIII вѣка. По крайней мѣрѣ, Ёсицуне по-китайски произносится какъ Ченгикэй, и въ этомъ названіи ученые видятъ созвучіе съ Чингисханомъ.

Отъ мавзолея Тайра-но-Кійомори повезли насъ къ другому историческому памятнику, — могилѣ народнаго героя Ксуноки Масасиге, который погребенъ въ оградѣ синтоскаго храма Минатогава-но-міа. Путь къ этому храму лежитъ по длинной, прямой улицѣ Тамонъ-тоори, часть которой идетъ надѣ стрѣзомъ почвы, по возвышенной насыпи, вровень съ крышами стоящихъ внизу домовъ. Названіе свое улица эта получила въ честь того же Ксуноки Масасиге, который въ дѣтствѣ носилъ имя *Тамоки*.

Храмъ Минатогава-но-міа называется по имени протекающей подлѣ него рѣчки. Я не стану описывать его, такъ какъ въ общемъ это все то же, что уже извѣстно читателю изъ прежнихъ моихъ описаній. Въ оградѣ его мы нашли постоянную ярмарку, въ томъ же родѣ какъ подѣ Асаксой, въ Тоокіо. Какъ въ Асаксѣ, и здѣсь тоже показываютъ коня-альбиноса, только здѣшній конь молодой и лучше содержится. Онъ прекрасно зачищенъ, и бѣлая шерсть его, для придачи ей большей се-

ребристости, слегка подкрашивается синькой. Благочестивымъ посѣтителемъ предоставляется на волю кормить его бобами, которые тутъ же выставлены порціями на тарелочкахъ, причемъ дежурный коскеистъ-конюхъ изъ братства «Кавуси» предупредительно объясняетъ, что это — таберо (обѣдъ) для коня, — не угодно ли, молъ, покормить его, ради добраго дѣла? Охотниковъ на это всегда находится въ избыткѣ, и такимъ образомъ содержаніе коня не только ничего не стоитъ мѣстнымъ жрецамъ-кавуси, но еще приноситъ имъ нѣкоторый доходецъ. Другимъ, подобнымъ же, источникомъ дохода служатъ два маленькіе прудка, выложенные камнемъ и украшенные водяными растениями. Въ одномъ изъ нихъ плаваютъ множество прелестныхъ рѣдкостныхъ рыбокъ, такъ-называемыхъ «Телескоповъ», пучеглазыхъ «Вишенъ», бахромчатыхъ тупоносыхъ «Креоловъ», «Рубиновокъ», «Золотыхъ» и «Ружетокъ», а въ другомъ ползаютъ красивыя черепашки, для которыхъ на искусственномъ каменномъ островкѣ устроено жилище, въ видѣ высѣченнаго изъ камня храма. Рыбокъ и черепашекъ посѣтители кормятъ розовыми рисовыми лепешками, покупая ихъ у нарочно приставленнаго коскеиса. Изъ художественныхъ произведеній замѣчательны здѣсь громадныя бронзовые и фарфоровыя, съ синимъ рисункомъ, канделябры, украшающіе священныя дворища. Показываютъ также, какъ рѣдкость, большой кусокъ окаменѣлаго дерева и группу саговыхъ пальмъ, окруженную каменною рѣшеткой, но какое значеніе имѣть то и другое, мнѣ не удалось добиться.

Намогильный мавзолей Ксуноки Масасиге и его сына Масацуну пріютился подѣ сѣнью нѣсколькихъ японскихъ сосенъ и представляетъ собою высокій четырехсторонній цоколь, на которомъ воздвигнута круглая колонка. Памятникъ прикрывается сверху четырехскатною кровлей деревяннаго навѣса; окружающаго его нѣсколько каменныхъ канделябровъ, въ которыхъ телятся лампы. Здѣсь, какъ у гробницы Кійомори, намъ предложили брошюрку, посвященную памяти героя Ксуноки. Привожу ея содержаніе:

Ксуноки Масасиге — крупная личность въ исторіи борьбы императоровъ съ сегунами. Его отличительныя черты — честность, храбрость и вѣрность своему законному государю. Въ первой половинѣ XIV вѣка (нашей эры), 96-й микадо, по имени Го-Дайго, втайнѣ готовился окончательно уничтожить невыгодную для императоровъ власть сегунальнаго управленія. Но, къ сожалѣнію, замыселъ его преждевременно открылся тогдашнему сегуну изъ рода Ходжіо. Такъ какъ династія Ходжіо вообще отличалась не только грубостью, но и жестокостью въ обращеніи съ предшествовавшими императорами, изъ коихъ трое были

даже сосланы на дальніе острова, то Го-Дайго, опасаясь и для себя такой же участи, поспѣшилъ бѣжать на югъ. Тамъ очутился онъ въ совершенно безпомощномъ положеніи, не имѣя на кого опереться, потому что всѣ боялись грознаго сегуна. И вотъ, однажды увидѣлъ онъ знаменательный сонъ. Приснилось ему будто въ южномъ саду его кіотскаго дворца выросло большое дерево, подъ тѣнью котораго играли два мальчика. Видя, что микадо такъ опечаленъ, мальчики съ участіемъ сказали ему: «Тебѣ, государь, негдѣ жить какъ только подъ этимъ деревомъ». Проснувшись, Го-Дайго сталъ думать о значеніи своего сна, и наконецъ разгадалъ аллегорическій смыслъ его: если соединить два слова — «дерево» и «югъ», то выйдетъ (по-японски) *ксу-ноки*. «Значитъ надо обратиться къ кому-нибудь изъ фамиліи Ксуноки», рѣшилъ микадо, и пошелъ за совѣтомъ къ мѣстнымъ бонзамъ. Тѣ сообщили ему, что между окрестными жителями дѣйствительно есть нѣкто Ксуноки, по имени Масасиге, который еще въ молодости сумѣлъ укротить одно туземное возстаніе и получилъ за то награду отъ правительства. Микадо пошелъ къ нему, и когда обратился къ нему за совѣтомъ, то Ксуноки Масасиге сказалъ: «Камакурскія войска (то-есть войска сегуна, резиденціей коего была въ то время Камакура), дѣйствительно отличаются храбростью, такъ что едва ли даже соединенныя силы мирныхъ жителей всей остальной Японіи могутъ имѣть противъ нихъ какой-либо успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, государь, не отчаивайтесь: пока живъ Масасиге, сегунъ ничего не подѣлаетъ, такъ какъ мы поведемъ съ нимъ борьбу не столько кулакомъ, сколько умомъ,—ну, а восточные варвары (то-есть сегунальныя войска) на счетъ послѣдняго пока еще слабы». Послѣ этого Ксуноки хотѣлъ-было тотчасъ же объявить себя сторонникомъ микадо и выпустить воззвание къ народу, чтобы всѣ вѣроподанные стекались подъ его знамена, но разсудилъ, что сначала лучше обдѣлывать это предпріятіе безъ огласки, и занялся укрѣпленіемъ своего замка и наборомъ войскъ. Дѣятельность Ксуноки не укрылась отъ вниманія сегуна. По повелѣнію послѣдняго, тайно высланный отрядъ войскъ сбѣжалъ внезапное нападеніе на жилище императора и похитилъ Го-Дайго. Послѣ этой удачи, армія сегуна осадила замокъ Ксуноки, гдѣ у Масасиге была въ ту пору собрана только съ небольшимъ тысяча человекъ защитниковъ. Но недостатокъ численности Ксуноки восполнилъ смѣлостью и находчивостью, которыя и до сихъ поръ служатъ предметомъ военнаго-народныхъ разсказовъ. Еще ранѣе подступя непріятельскихъ войскъ, ему удалось облицовать наружныя стѣны замка подвижными деревянными щитами, которые, подобно крышкѣ отъ шкапулки, могли

свободно ходить на нижнихъ петляхъ, укрѣпленныхъ во рву, вслѣдствіе чего верхніе концы ихъ, съ помощью рычаговъ и цѣпей, ползучи, смотря по надобности, вертикальное и наклонное въ ту и другую сторону положеніе. Снаружи щиты были окрашены подъ цвѣтъ каменныхъ стѣнъ замка, такъ что издали невозможно было замѣтить обмана. Когда войска сегуна, обложивъ замокъ, пошли-было на приступъ и, спустившись въ ровъ, ползли «какъ муравьи» на стѣны, защитники, допустивъ ихъ до извѣстной высоты, вдругъ привели рычаги въ движеніе, вслѣдствіе чего щиты тотчасъ же приняли наклонное къ непріятелю положеніе, и атакующіе сверглись въ ровъ, а затѣмъ щиты моментально пришли въ прежній порядокъ. Осажденные, пользуясь эффектомъ этой неожиданности, произведшей большое смятеніе среди нападающихъ, стали забрасывать ихъ во рву бревнами и камнями и пускали въ нихъ множество стрѣлъ. Такимъ образомъ, приступъ былъ отбитъ, и непріятель поспѣшно отступилъ съ большимъ урономъ.

Въ другой разъ, пользуясь предразсвѣтнымъ туманомъ, Ксуноки приказалъ выставить на контръ-эскарпъ, надъ гласисомъ, чучела, одѣтыя воинами, послѣ чего осажденные громкими и задорными криками стали вызывать непріятеля къ бою. Непріятель, предполагая вылазку, стремительно ударилъ на чучела, принявъ ихъ въ туманѣ за живыхъ людей, и съ разбѣгу очутился во рву, причемъ задніе, не зная еще въ чемъ дѣло, напирали на переднихъ, толкали ихъ впередъ и такимъ образомъ вскорѣ наполнили собою весь ровъ. Тогда осажденные стали поливать ихъ сверху кипяткомъ и забрасывать бревнами, камнями и пылающими головнями. Непріятель опять потерпѣлъ полную неудачу.

Зная по какой дорогѣ обыкновенно идетъ къ осаждающему подвозъ продовольствія, Ксуноки нѣсколько разъ тайно высмалъ на нее небольшіе отряды, которые нападали изъ засады на непріятельскіе транспорты и отбивали ихъ. Когда противникъ уже нѣсколько привыкъ къ подобнымъ нападеніямъ, Ксуноки нашелъ, что можно извлечь изъ этого и болѣшую пользу, чѣмъ простой захватъ продовольствія. Однажды ночью онъ снарядилъ на ту же дорогу болѣе значительный отрядъ, приказавъ одной отборной части оного разоружиться и вложить свои сабли въ хлѣбные мѣшки, навьюченные частью на лошадей, частью на спины самихъ же этихъ воиновъ. Какъ только забрежжидась утренняя заря, люди съ мѣшками направилсъ изъ назначеннаго пункта къ окопамъ непріятельскаго стана, а другая часть ихъ товарищей шумно сбѣжала на нихъ фальшивое нападеніе изъ засады и погнала передъ собою мнимый транспортъ въ сторону непріятеля. Сторожевыя части сегунальныхъ войскъ, думая

что это простые погонщики и носильщики, свободно пропустили их за окопы, въ тылъ своего стана, и тотчасъ же ударили въ гонги боевую тревогу, чтобы дать отпоръ преслѣдующему отряду. На передовой линіи завязалось дѣло, въ которомъ вскорѣ приняли участіе и остальные войска сегуна, дружно напавшія на отрядъ Ксуноки. Тѣмъ временемъ мнимые погонщики, оставленные въ тылу безъ вниманія, спѣшно вынули изъ хлѣбныхъ мѣшковъ свое оружіе, развьючили лошадей, обративъ ихъ подѣ верхъ, и, пользуясь общей суматохой, пѣшіе и конные дружно ударили на непріятеля съ тылу, оглашая его станъ побѣдными кликами. Ошеломленные внезапностью этого нападенія и поставленные между двухъ атакъ, войска сегуна поддались общей паникѣ и на этотъ разъ потерпѣли сильное пораженіе.

Съ помощью подобныхъ маневровъ, Ксуноки долго держался въ осажденномъ замкѣ, но наконецъ продовольственные запасы его стали истощаться. Въ виду этого обстоятельства, онъ пришелъ къ необходимости нанести непріятелю рѣшительный ударъ, съ тѣмъ чтобы побѣдить, или доблестно погибнуть. Однажды, воспользовавшись темною, бурною ночью, онъ покинулъ замокъ съ большою частію своихъ воиновъ и незамѣтно пробрался окольными путями въ тылъ непріятеля. Въ замкѣ было оставлено лишь нѣсколько преданныхъ ему самураевъ и ратниковъ, которые на слѣдующій день утромъ выступили изъ воротъ его торжественно погребальною процессіей, неся нѣсколько вормоновъ съ заколоченными гробами, и направились къ одному изъ сосѣднихъ кладбищъ. На непріятельскихъ аванпостахъ, конечно, тотчасъ же замѣтили эту процессію и отпировали ко кладбищу небольшой отрядецъ разузнуть въ чемъ дѣло. Отрядецъ вступилъ въ ограду, не встрѣтивъ со стороны погребавшихъ никакого сопротивленія, и враги мирно сошлись надъ свѣжими могилами. На вопросъ офицеровъ сегуна, кого это погребаютъ?—удрученные печалью самурай объяснили, что геройскій вождь ихъ Ксуноки Масасиге со всѣми своими военачальниками, убѣдясь въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, такъ какъ въ осажденномъ замкѣ наступилъ уже голодъ, рѣшили вчера на военномъ совѣтѣ распустить въ ту же ночь всѣхъ своихъ ратниковъ, а сами покончили съ собою посредствомъ *гаракюри* и вотъ теперь предаются землѣ ихъ бранные останки. Сегунальные офицеры тотчасъ же принесли эту вѣсть въ свой лагерь, гдѣ поднялось великое ликование и торжество по случаю мнимаго успѣха сегуна. Рѣшено было снять осаду и на утро идти обратно въ Камакуру, а пока до похода военачальники устроили войскамъ большое пищество съ изобильными возлияніями. Весь день

и весь вечеръ, до самой полночи, длилась гульба въ сегунальномъ станѣ, пока всѣ не перепились наконецъ до такой степени, что не стояли уже на ногахъ и заснули какъ убитые гдѣ попало. На этомъ-то и строился весь рассчетъ Ксуноки. Вскорѣ послѣ полуночи, тихо и незамѣтно, приблизился онъ со всѣми своими людьми къ непріятельскому стану и внезапно ударилъ на него съ двухъ сторонъ, оглашая ночную тишину громкими побѣдными кликами. Въ паническомъ ужасѣ, непріятель не могъ оказать ему почти никакого сопротивленія, такъ что въ эту знаменитую ночь было истреблено болѣе половины сегунальныхъ войскъ, а остальные разсѣлились. Вѣсть объ этомъ новомъ успѣхѣ странно поразила сегуна, оставшагося въ Камакурѣ, тѣмъ болѣе что она дошла туда вслѣдъ за радостнымъ извѣстіемъ о мнимомъ *гаракюри* Ксуноки. Но главное значеніе этой побѣды заключалось въ томъ, что она необыкновенно подняла монархическое чувство во всемъ населеніи, и многіе, усомнившись въ свлѣ сегуна, открыто перешли на сторону микадо. Одинъ изъ этихъ князей даже прямо напалъ на Камакуру, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что сегунъ (Нари-юзи, 1335—1338), потерявшій войска и столицу, съ отчаянія сдѣлалъ себя *гаракюри*. Такимъ образомъ, благодаря Ксуноки, борьба кончилась въ пользу микадо Го-Дайго, который тотчасъ же былъ возвращенъ изъ ссылки, гдѣ находился по волѣ сегуна со времени своего плѣна.

Но тутъ явился вскорѣ новый похититель власти, нѣкто Асикага, который провозгласилъ себя сегуномъ и поставилъ новаго микадо, такъ что въ Японіи возникло двоецарствіе, или, какъ говорили тогда, «южный и сѣверный (новый) дворъ». Ксуноки, однако не терялъ надежды справиться и съ этимъ противникомъ. Нѣсколько нападеній, сдѣланныхъ имъ на узурпатора, были очень удачны, а въ послѣднемъ изъ нихъ Асикага былъ даже разбитъ на голову и бѣжалъ на островъ Кью-сю. Ксуноки хотѣлъ было преслѣдовать его и тамъ, но, къ несчастію, недалёковидные вельможи, окружавшіе тронъ Го-Дайго, воспротивились этому намѣренію, полагая, что Асикага уже не опасенъ, а главное не желая, чтобы самъ Ксуноки еще болѣе возвысился въ глазахъ микадо своими дальнѣйшими успѣхами. Такая своекорыстная политика царедворцевъ не замедлила принести достойные ея плоды. Оставленный въ покоѣ Асикага употребилъ всѣ свои средства и энергію на то, чтобы взволновать южные острова и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, высадился на Ниппонъ въ Хіого, во главѣ многочисленной, прекрасно организованной и сильно вооруженной арміи. Въ виду такой напасти, царедворцамъ пришлось обратиться къ тому же Ксуноки; но этотъ послѣдній сознавалъ, что теперь борьба для него будетъ далеко не

равная. Въ лицѣ Асикаги онъ имѣлъ противника не менѣе энергичнаго и столь же даровитаго какъ и онъ самъ, но съ тѣмъ еще преимуществомъ, что за Асикагой стояла теперь громадная армія фанатически преданныхъ ему приверженцевъ, видѣвшихъ въ успѣхѣхъ его дѣла свое собственное возвышеніе и благополучіе; ряды же приверженцевъ Го-Дайго, благодаря политикѣ его царедворцевъ, значительно порѣдѣли. Тѣмъ не менѣе Ксуноки рѣшилъ драться. Собрать войска, онъ подступилъ съ ними къ Хіюго, съ цѣлью дать тутъ рѣшительное сраженіе, дабы, въ случаѣ, удачи, сбросить противника въ море. Но тайное предвидѣніе уже заранѣе говорило ему, что дѣло его проиграно. Предчувствуя, что будетъ убитъ, Ксуноки наканунѣ битвы призвалъ къ себѣ своего десятилѣтняго сына и, прощаясь съ нимъ, объявилъ, что сегодня же отправляется его домой, къ матери. Масакура (сынъ его), заявилъ желаніе сражаться и умирать вмѣстѣ съ отцомъ. Но Ксуноки рѣшительно воспротивился этому, говоря:—«Ты еще слишкомъ юнъ, чтобы воевать. Подожди нѣсколько лѣтъ, и изъ тебя выйдетъ молодецъ, я увѣренъ въ этомъ. Теперь же оставлю тебѣ на память кинжалъ, подаренный мнѣ императоромъ при первомъ его свиданіи со мною. Смотри же, милый, когда вырастешь, не жалѣй себя за своего государя.» Обливаясь слезами, простился Масакура съ отцомъ и въ сопровожденіи дядьки отправился въ родное помѣстье къ матери.

Предчувствіе не обмануло Ксуноки. На другой день произошла отчаянная битва, въ которой онъ былъ убитъ вмѣстѣ со своимъ роднымъ братомъ. Асикага торжествовалъ, зная, что теперь Го-Дайго лишился послѣдней своей опоры.

Спустя нѣсколько дней извѣстіе о смерти отца дошло до Масакуры, и бѣдный мальчикъ пришелъ въ такое отчаяніе, что рѣшился съ горя на самоубійство. Умная мать едва могла удержать его отъ *сарикири*.

— Тебя назовутъ трусомъ, если ты при такихъ обстоятельствахъ покончишь съ собой,—говорила она.—Не самъ ли ты рассказывалъ мнѣ, какъ отецъ передъ послѣднимъ сраженіемъ наставлялъ тебя какимъ образомъ долженъ ты вести себя послѣ его смерти? Неужели же ты позабылъ его завѣщаніе? Нѣтъ, мой милый, такъ нельзя: надо напередъ исполнить отцовскую волю!

Ободренный этими словами матери, Ксуноки Масакура весь предался одной мысли, одному стремленію — быть достойнымъ своего отца. Даже въ дѣтскихъ играхъ со сверстниками онъ всегда представлялъ себя полководцемъ, а самую любимую его забавой было упражненіе въ сабельной рубкѣ, причемъ Масакура всегда воображалъ себѣ будто онъ отсѣкаетъ голову

узурпатору Асикагѣ. Съ четырнадцатилѣтняго возраста онъ поступилъ въ военную службу, гдѣ имѣлъ нѣсколько случаевъ геройски отличиться, такъ что на восемнадцатомъ году отъ роду уже командовалъ императорскими войсками и почитался главною опорой «южнаго двора». Къ сожалѣнію, малочисленность и равнодушіе приверженцевъ Го-Дайго, равно какъ и недостатокъ войскъ, не давали свободно развернуться его военному таланту и дѣйствовать какъ хотѣлось. Но согласно отцовскому завѣту, онъ до конца остался преданъ своему законному государю и геройски умеръ за него въ одномъ сраженіи, на двадцать второмъ году жизни. Похоронили его рядомъ съ отцомъ въ Хіюго, а спустя нѣсколько сотъ лѣтъ князь Мито, родственникъ сегуна Тоткугавы, поставилъ надъ ними мавзолей съ надписью «Вѣрнымъ слугамъ Ксуноки».

Отъ Минатогава-но-міа повезли насъ къ третьей мѣстной достопримѣчательности религіознаго характера. Это храмъ Икута-но-міа, построенный въ честь божественной праматери Изанами. Названіе свое онъ носитъ отъ имени ручейка, текущаго по близости. Ко храму ведетъ прекрасное шоссе, на которомъ мы нашли развалины массивнаго гранитнаго *тори*, разрушеннаго недавнимъ землетрясеніемъ. Храмъ стоитъ среди небольшой рощи, гдѣ роскошно развилась на свободѣ кипарисы, камеліи и великаны-тики, которымъ насчитываютъ уже не одно столѣтіе.

День было ярко солнечный, совсѣмъ весенній, а къ одиннадцати часамъ утра сдѣлалось даже жарко, такъ что мы съ особеннымъ удовольствіемъ вступили подъ прохладную, вѣчно зеленую сѣнь священной рощи. Тамъ встрѣтили мы «божьяго коня», по обыкновенію бѣлаго, котораго кокеисы выпустили поразмѣяться на свободѣ изъ его «священной» конюшни, находящейся тутъ же при храмѣ. Добрая клыча сосредоточенно дремала, разставивъ ноги и свѣсивъ лѣнявыя уши, словно бы она глубоко погрузилась въ какую-то свою лошадиную думу. При нашемъ приближеніи «божій конь» не обнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства и даже вниманія на насъ не обратилъ, хотя мы были одѣты въ непривычные для него европейскіе костюмы, которыхъ и до сихъ поръ еще нерѣдко пугаются японскія животныя. Около коня прыгалъ по травкѣ ручной «священный» кроликъ чернопѣгой масти; для него нарочно поставленъ подъ древесными, приподнявшимися отъ старости корнями низенькій столикъ таберо, а подъ столикомъ блюдце съ водой для питья. Кроликъ часто вскакиваетъ на таберо, чтобы полакомиться капустною рассадой, принесенною ему въ даръ отъ чьего-то усердія.

Храмъ принадлежитъ синтоскому культу и

окруженъ всѣми обычными принадлежностями оного, начиная съ центральной открытой эстрады среди двора, съ которой жрецы-кануси въ высокаторжественные дни начинаютъ свое шествіе ко главному храму черезъ священные внутреннія ворота, и до открытой театральной сцены, гдѣ въ извѣстные праздники дается *кагура*, то-есть священные представленія и гайцы подъ звуки священной музыки. Самый храмъ очень не великъ и тѣснѣе, въ родѣ каплячки, лишь было бы гдѣ укрыться «духу»; но надъ нимъ возвышается грандіозная соломенная кровля, украшенная по гребню шестью горизонтальными поперечными вальками веретенообразной формы, а на обѣихъ концахъ высокими деревянными развилами въ видѣ римской цифры V. На деревянныхъ, рѣзной работы, частяхъ храма вездѣ мѣднечеканныя скрѣпы, гайки и наконечники. Дверь заперта на ключъ, и передъ замкомъ висятъ пучки семиколѣнчатыхъ *дзиндзи* изъ бѣлой бумаги. Вокругъ главнаго храма разбросаны каменные канделябры и часовенки, посвященные разнымъ *ками*. Въ одной изъ нихъ стоитъ большой бѣлый конь, вырѣзанный изъ дерева, а въ другой помѣщается за сѣтчатой рѣшеткой, въ особомъ кіотикѣ, зеркало Изанами. Далѣе храмовая сокровищница, въ которой однако напрасно было бы искать какихъ-либо вещественныхъ богатствъ: въ ней собрано нѣсколько шлемовъ, княжаловъ, наконечники копій и стрѣлы, полный рыцарскій доспѣхъ, надвратныя доски съ надписями, олени рога и китовое перо-плавынокъ. Все это вещи принадлежавшія частію герою-воину Кадживара, частію древнимъ «южнымъ» микадо. Стѣны сокровищницы увѣшаны свитками съ разными благочестивыми изреченіями и надписями, а въ нишѣ на боковой стѣнѣ выставлена зачѣмъ-то гипсовая раскрашенная маска съ длиннымъ, горизонтально торчащимъ носомъ. Тутъ же во дворцѣ показали намъ древнее, но еще цвѣтущее сливовое дерево, обнесенное такою же каменною оградой, какъ и на могилѣ Кійомори. Оно-то и составляетъ главную достопримѣчательность храма Икута. Легенда говоритъ, что въ XII вѣкѣ на этомъ самомъ мѣстѣ происходило однажды раннею весной большое сраженіе между самурайями двухъ историческихъ знѣшнихъ семействъ, Таира и Минамото, о которыхъ мы уже говорили. Въ этомъ сраженіи особенною храбростью отличился рыцарь Кадживара. Чтобъ обратить вниманіе всѣхъ сражавшихся на свою храбрость, онъ въ разгарѣ битвы срубилъ вѣтвь цвѣтущей сливы и укрѣпилъ ее у себя за спиной, на колчанѣ. Гдѣ видна была сливовая вѣтвь, тамъ враги ложились какъ снои на нивѣ. По преданію, это старое дерево, вѣтви и стволъ котораго уже съ давнихъ временъ поддерживаются разными деревянными подпорками и подушками, есть та

самая слива, отъ которой Кадживара отрубилъ себѣ вѣтку. Оно такъ и называется «деревомъ Кадживары». Противъ него, на правой сторонѣ двора, находится ключевой колодезь, обнесенный такою же каменною оградой, изъ котораго, по преданію, тотъ же Кадживара утолилъ послѣ битвы жажду. Коскеисъ, показывавшій намъ достопримѣчательности Икута, предложилъ мнѣ изображеніе этого храма въ планѣ, довольно лубочно отпечатанное на листѣ тонкой желтоватой пропускной бумаги. На планѣ этомъ приписано съ боку нѣсколько японскихъ стиховъ, сочиненныхъ 84-мъ императоромъ Джунтокомъ. Въ японскихъ стихахъ обыкновенно соблюдается не рима, которая можетъ быть и не быть, а лишь определенное количество слоговъ, и именно тридцать одинъ. Поэтому мысль выражается въ нихъ крайне сжато, а сущность стихотворенія состоитъ чаще всего изъ игры какихъ-нибудь словъ и понятій. Кстати, чтобы познакомить васъ съ японскою версификаціей, я приведу означенное произведеніе императора Друнтока:

Акі кѣзе пи
Матѣ кѣсо товѣме
Цу но кунино
Икута но мори но
Хѣру но акебѣно.

Въ переводѣ это значитъ: «Если ты посѣдишь священную рощу Икута, когда вѣстъ теплый осенній вѣтеръ, ты непременно захочешь побывать тамъ и весной, чтобы любоваться закатомъ. Но если увидишь какъ хорошъ здѣсь весенній закатъ, непременно захочешь побывать и осенью, чтобы наслаждаться прогулкой среди теплаго вѣтра». — Вотъ сколько словъ нужно по-русски, чтобы выразить мысль, которая по-японски выражается всего лишь 31 слогомъ!

Изъ Икута повезли насъ на Сува-яму, гдѣ тоже находится храмъ синтоискаго культа. По дорогѣ, въ загородной мѣстности, попался намъ оригинальный экипажъ въ не менѣе оригинальной запряжкѣ, какихъ до того нигдѣ еще не встрѣчали мы въ Японіи. Это была трехколесная повозка, основаніемъ которой служить деревянный равнобедренный треугольникъ. Одно колесо, маленькое, находится впереди, въ вершинѣ треугольника, а два большія — на задней оси, въ углахъ его базы. Переднее колесо движется на маленькой оси между двухъ вертикально-опущенныхъ щекъ, прилаженныхъ своими верхними концами ко шкворневному кружку, дающему возможность легко поворачивать повозку въ стороны. На треугольникѣ утверждёнъ родъ корины или ящика изъ деревянныхъ планокъ съ бамбуковою плетёнкой, служащій вмѣстилищемъ экипажа. Ни дышла, ни оглобелъ не имѣется, а есть впереди, на короткой цѣпи одинъ только деревянный валежъ, къ которому прикрѣпляютъ

ся двѣ веревочныя постромки. Въ эти-то постромки былъ въпряженъ сильный черный буйволъ, котораго шея, рога и хомутъ были украшены большими и длинными шелковыми кистями ярко пунцоваго цвѣта. Въ повозкѣ было насажено штукъ восемь ребятишекъ и молоденькихъ дѣвушекъ, отправлявшихся, судя по ихъ веселому смѣху и восклицаніямъ, вѣроятно на какую-нибудь увеселительную прогулку. Голоногий погонщикъ шелъ впереди, рядомъ съ буйволомъ, ведя его за шелковый пунцовый поводъ. До сего раза мы никогда еще не встрѣчали въ Японіи буйвола въ качествѣ упряжного, а не вьючнаго животнаго, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что еще недавно (до самаго переворота 1868 года) право ѣздить въ повозкѣ, запряженной однимъ буйволомъ, предоставлялось только одному микадо, который и катался такимъ образомъ въ уединенныхъ садахъ своего дворца въ Кіото. Теперь же, какъ видно, этимъ правомъ свободно могутъ пользоваться и обывательскіе ребятишки.

Вскорѣ насъ подвезли къ высокому тори и у подножія горы Сува, за которымъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ далѣе начинается подъемъ по широкой гранитной лѣстницѣ на первую площадку. Далѣе путь идетъ въ гору зигзагами, гдѣ просто садовою дорожкой, а гдѣ каменными ступенями. Нигдѣ еще не встрѣчали мы столько разнокалиберныхъ священныхъ тори, какъ на этомъ пути: внизу, у подошвы, ихъ насчитываютъ 45, да по горѣ 139, и всѣ они, говорить, воздвигнуты усердіемъ частныхъ лицъ, по какому-либо обѣту. Тутъ же, на подъемѣ, затѣли мы еще одну особенность: мѣстами попадались намъ вырѣзанные изъ бумаги маленькіе двуязычные флаги, приклеенные къ тоненькимъ бамбуковымъ тростинкамъ или къ соломинкамъ. На каждомъ флагѣ непременно написана какая-то молитва. Одни изъ нихъ были воткнуты въ землю, по краямъ дорожки, другіе привязаны къ сучьямъ и вѣткамъ попутныхъ деревьевъ. Намъ объяснили, что это талисманы плодородія, которые съ давнихъ временъ существуютъ въ синтоскомъ культѣ и были восприняты изъ него буддизмомъ. Каждый годъ, въ семнадцатое число перваго мѣсяца, когда чествуется святой Инари, покровитель агрикультуры, въ посвященныхъ ему храмахъ происходитъ, между прочимъ, обрядъ торжественнаго освященія талисмановъ, способствующихъ плодородію, послѣ чего они продаются всѣмъ желающимъ по одному *сцени* (самая мелкая монетка). Земледѣльцы обыкновенно покупаютъ ихъ по нѣскольку штукъ, изъ коихъ часть оставляютъ на мѣстѣ, въ жертву святому, по краямъ дороги, а другую уносятъ съ собой и втыкаютъ въ землю на межахъ и по всѣмъ угламъ своего поля и огорода, или привязываютъ къ вѣткамъ фруктовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Въ первомъ

случаѣ талисманы способствуютъ урожаю хлѣба и огородныхъ овощей, а во второмъ изобилію разныхъ фруктовъ и тутовыхъ листьевъ, необходимыхъ для питанія шелкоичнаго червя.

Храмъ Сува-ямы посвященъ святому Инари, но въ немъ господствуетъ смѣшанный культъ, *риобу-синто*. Мы нашли въ немъ пару большихъ гипсовыхъ лисичекъ (*киши*), вазы, фанари, каменные канделябры, жертвенные рисунки лошадей (*іемі*), священныхъ журавлей (*о-тсури*) и изображенія множества *тори*, а также множество связокъ бумажныхъ семиколѣнчатыхъ *дзиндзи* и, наконецъ, даже женскіе волосы, цѣлыя безжалостно срѣзанные косы, богатству и красотѣ которыхъ позавидовалъ бы любой парижскій парикмахеръ. Это жертва женщинъ, и преимущественно вдовъ, которыя по какому-либо обѣту, или же въ знакъ своей неутѣнности рѣшались разотяться съ лучшимъ своимъ украшеніемъ. Передъ храмомъ, у входа выставлены по бокамъ двѣ пунцовыя хоругви, а въ глубинѣ его—магическое зеркало Изанаміи и молитвенный барабанъ. Во дворѣ разбросано нѣсколько маленькихъ и даже миниатюрныхъ часовенокъ, и у каждой непременно привѣшенъ надъ входомъ бубенчикъ съ лентой, чтобы «будить духа», по требованію молящихся. Тутъ же курятся жертвенныя свѣчи въ бронзовыхъ и каменныхъ *хибачахъ*, наполненныхъ чистѣйшею бѣлою золой, и воткнуты въ землю «деревя счастья», украшенные множествомъ мелкихъ изящныхъ вещицъ, картонажей, конфетъ и фигурокъ изъ рисоваго гѣста, въ видѣ жертвенныхъ приношеній, преимущественно отъ дѣтей и женщинъ. У одной изъ лисичекъ лѣвая передняя лапа была плотно перевязана тоненькою тесьмой, скрученной изъ мягкой бумаги. По объясненію нашего проводника, это—дѣло дѣвушекъ. Особа, желающая выйти замужъ за кого ей хочется, должна собственноручно скрутить себѣ тесьму изъ освященной бонзая пропускной бумаги (*Claks-Papier*) и завязать ее въ узелъ вокругъ лѣвой лапы кипцѣ, не иначе какъ одною лѣвою рукой. Если это удастся, желаніе дѣвушки навѣрно исполнится, и бываютъ счастливицы, которыя достигаютъ такого искусства послѣ долгихъ предварительныхъ упражненій у себя дома. Бонза съ самымъ серьезнымъ видомъ увѣряетъ насъ будто не бывало еще примѣра, чтобы такая искусница долго засидѣлась въ дѣлкахъ или вышла за нелюбаго. Такія же тесемки, не зная ихъ значенія, встрѣчали мы и на лапахъ *кома-ину* (корейскаго льва-собаки), къ которому японскія дѣвушки также прибѣгаютъ за покровительствомъ. Это у нихъ смотря по тому кто во чтѣ вѣрить: одѣтъ въ кипцѣ, другія въ *кома-ину*; но бонза увѣряетъ, что *кома-ину* болѣе ужъ простъ и прямодушенъ, кипце же куда хитрѣе, и потому гораздо лучше собака можетъ сообразить какъ

помочь горю дѣвушки и устроить ей супружеское счастье.

Храмъ Сува расположенъ на самой вершинѣ горы, откуда открываются великолѣпныя виды. Что ни шагъ, то новая картина. Здѣсь, на одной изъ площадокъ, 9 декабря 1874 года было наблюдаемо астрономическою комиссіей Парижской Академіи прохожденіе Венеры мимо солнца, въ память чего на мѣстѣ наблюденій поставленъ каменный столбъ съ французскою надписью, объясняющею это событіе. Съ площадки открывается великолѣпный видъ на весь рейдъ, миль ни тридцать въ окружности; виденъ входъ въ заливъ Оосака и даже далѣе, за него, въ самый океанъ, гдѣ глазъ захватываетъ синюю черту воднаго горизонта. Заливъ какъ бы окаймленъ полого-волнистыми и синѣющими вдали горами. Вдали, къ востоку, виднѣтся на берегу городъ Оосака съ высокимъ круглымъ куполомъ городской управы, а ближе—поля, изрѣзанныя ирригаціонными канавами, каналъ и засыпанное для ирригаціонныхъ же цѣлей устье какой-то рѣчки. Внизу же, подъ горой—какъ на ладони вся священная роца Икута, чайныя плантаціи и капустные огороды, гдѣ кочни стоятъ рядами словно курчавыя деревца на высокихъ ножкахъ. Я никогда еще не видалъ у капусты такихъ длинныхъ стержней, какъ здѣсь. На астрономической площадкѣ, позади каменнаго столба, построены животрепещущія галлерейки съ наѣсами, и при нихъ—мелочная лавочка, она же и чайный домъ, конечно. Въ лавочкѣ, для удовольствія любителей, находится большая зрительная труба на треногѣ, и тутъ же продаются деревянные самовары совершенно особаго устройства. Внутри кадучки, служащей вмѣстилищемъ для воды и снабженной снаружи тремя ножками, деревяннымъ крапомъ и плотно надѣвающейся крышкой, вставляется глиняный полый цилиндръ, куда накладываются горячіе угли. Въ исподней части его устроено поддувало, выходящее наружу сквозъ круглое отверстіе въ доницѣ кадучки, которое по краямъ замазано снаружи цементомъ, чтобы не вытекала вода; равно выходитъ наружу и устье цилиндра сквозъ отверстіе въ деревянной крышкѣ, плотно прилегающее къ его стѣнкамъ. Таково устройство японскаго самовара, совершенно обходящееся безо всякаго металла, и говорить, что вода вскипаетъ въ немъ нисколько не медленнѣе чѣмъ въ нашихъ.

Вдосталь налюбовавшись видомъ съ астрономической площадки, мы отправились пѣшкомъ къ знаменитымъ Хюгскимъ водопадамъ Нуно-бики-но-таки. Находятся они въ горахъ, и путь къ нимъ идетъ по тропинкамъ, проложеннымъ изгибами на горныхъ лѣсныхъ склонахъ, мимо множества уединенныхъ бесѣдокъ, верандъ и чайныхъ домиковъ. Услужливые курама, покинувъ внизу свои дженерикши,

въ полной увѣренности, что ихъ никто не утащить, сопровождаютъ насъ веселою гурьбой и облегчаютъ намъ путь, подпирая и подпихивая насъ, сзади на болѣе крутыхъ подъемахъ. Они весело и безъ умолку болтаютъ, добродушно пересмѣиваются и перекликаются между собою, или вдругъ принимаются повторять какое-нибудь русское слово подхваченное налету изъ нашего разговора.

Вывалась къ намъ проводницей шустрая востроглазая дѣвчурочка лѣтъ семи, изъ самоварной лавки. Начала она съ того, что стала срывать по пути цвѣты колокольчиковъ и шиповника и дарить каждому изъ насъ по букетику, а потомъ взяла меня за руку и пошла рядомъ, болтая и напѣвая что-то. Что за знакомые звуки?.. Прислушиваюсь, и вдругъ—представьте себѣ наше общее удивленіе—въ устахъ маленькой японской дѣвочки слышимъ мы русскую пѣсенку:

Гуляй, гуляй Оленька,
Пока ты здоровенька.

Оказывается, отъ нашихъ матросовъ выучилась. Значенія словъ, конечно, не понимаетъ, но что за изумительная способность вѣрно запоминать и произносить слова и звуки совершенно чуждаго ей языка и чуждой пѣсни! Вотъ мы такъ ни одной еще ихней пѣсни не выучились, а они наши даже со словами поютъ. Этою своею «Оленькой» она насъ такъ утѣшила, что мы всѣ съ удовольствіемъ подарили ей нѣсколько серебряной мелочи.

Нуно-бики значитъ *разостланное полотно*. Такое названіе произошло оттого, что издали водопады имѣютъ видъ какъ бы полотняныхъ ряденъ, развернутыхъ и спущенныхъ внизъ. Отъ нихъ и самая гора получила то-же названіе—*Нунобики-яма*. Водопады находятся въ сосѣдствѣ между собою; одинъ изъ нихъ называется *самцомъ*, другой *самкой*. Высота паденія перваго 158 футовъ, втораго 73 фута; ширина же у обоихъ одинаковая, 12 футовъ. Первый изъ нихъ падаетъ совершенно прямо; второй же дѣлаетъ незначительный уступъ и въ одномъ мѣстѣ свертывается винтообразнымъ оборотомъ. Дорога къ водопадамъ чрезвычайно красива. Каменные скалы покрыты разнообразною и красивою растительностью; повсюду множество цвѣтовъ и цвѣтушихъ кустарниковъ. Въ скалахъ въсѣчены ниши, и въ нихъ поставлены каменные изваянія нѣкоторыхъ святыхъ японо-буддійскаго пантеона. Въ одномъ мѣстѣ идолы изсѣчены прямо въ толщѣ утеса; они поставлены въ рядъ, съ опущенными внизъ большими крестообразными мечами въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая рука у всѣхъ поднята для благословенія: вокругъ головы у každого нимбъ, въ видѣ стоячаго кольца, выточенный изъ гранита. Вообще всѣ окрестныя скалы усеяны буддійскими божничками, часовенками

и синтоскими маленькими миа, съ необходимыми тори, флагами, дзиндзями и лоскутками.

Наконецъ, по бермъ отвѣсной скалы добрались мы до водопада, о близости коего зараиѣ и притомъ давно уже давалъ намъ знать шумъ воды, заглушающій своимъ рокотомъ всякій разговоръ. Вверху находится «самецъ» падающій изъ сѣдловины окутанной кустарниковою и въющею зарослью. Подъ нимъ образуется на горной площадкѣ небольшой бассейнъ, изъ котораго вода по ступенчатымъ уступамъ каскадами стекаетъ внизъ, пока не попадаетъ въ узкую щель между двумя сближенными скалами, откуда она уже винтомъ припадаетъ внизъ, получая названіе «самки». Какъ разъ надъ срединнымъ бассейномъ, противъ водопада-самца, перекинуть со скалы на скалу животрепещущій мостикъ, и на немъ устроена верандѣ, гдѣ вы можете отдохнуть подъ сѣбно цыновочнаго навѣса и наслаждаться сколько угодно видомъ и шумомъ водопада и освѣжающею прохладой водяной пыли. Тамъ и сямъ, по соседству, перекинуто между скалами нѣсколько легкихъ бамбуковыхъ мостиковъ и висятъ надъ пропастью, какъ балконы на косыхъ подпоркахъ, двѣ, три бесѣдки. При главной верандѣ, конечно, необходимъ чайный домъ, и тутъ же, сбоку, красивенькая буддйская часовня съ сияющимъ внутри за рѣшеткой идоломъ, съ пѣвущими вѣтками камелій, полевыми букетами, неугасимою лампадой и курительными свѣчами.

Отдохнувъ на верандѣ надъ пропастью и заплативъ необходимую дань за угощеніе чаемъ, мы пошли далѣе. И опять, что ни шагъ, то новыя дивныя картины. Сейчасъ все было сжато дикими скалами; но сдѣлали маленькій поворотъ въ сторону, и вдругъ предъ вашими взорами открывается широчайшій просторъ съ очаровательнымъ видомъ на глубоко лежащую впадину равнины, на городъ, изрѣзанный правильными рядами сѣрыхъ черепичныхъ крышъ, на бѣлущее подъ солнцемъ море и дальнія голубыя горы... Еще нѣсколько шаговъ, и снова все сузилось, сжалось, и вашему глазу поневолѣ приходится опять переходить къ уголкамъ и деталямъ; но за то какіе это славные уголки, какія прелестныя группы скалъ и дикихъ мишистыхъ камней, какія художественныя детали въ сочетаніи и тонахъ пробивающейся между ними и спутавшейся между собою разнообразной растительности!.. Все это прелесть какъ хорошо, и просторъ и тѣснота, не знаешь даже что лучше, чему отдать предпочтеніе. Подвигаясь зигзагами по уступамъ и тропинкамъ, мы обошли всю громадную гору и вышли опять къ тому же водопаду, только съ другой стороны. И опять висящій надъ пропастью чайный домикъ принялъ насъ подъ свою радужную сѣнь на отдыхъ. Во время прогулки по горѣ, мы въ разныхъ мѣ-

стахъ встрѣчали пещеры, нарочно высѣченныя въ скалахъ для обжиганія углей, чѣмъ занимаются мѣстные лѣсники какъ своимъ обычнымъ промысломъ. Обратили также вниманіе и на водопроводныя трубы изъ бамбука, положенныя подъ почвой и ведущія отъ естественныхъ водяныхъ резервуаровъ къ разнымъ полямъ и огородамъ.

На возвратномъ пути въ Кообе, посѣтили мы базаръ Кюсинкванъ, расположенный особнякомъ въ просторномъ двухъ-этажномъ домѣ европейской архитектуры. Специальность мѣстныхъ кустарей составляютъ очень изящныя и тонкія плетеныя и вообще различныя подѣлки изъ бамбуковыхъ волоконъ и драпокъ, а также издѣлія изъ окрашенной во всевозможныя цвѣта рисовой соломы, которыя всего ближе можно бы назвать соломенною мозаикой. Составляется эта мозаика изъ отдѣльныхъ маленькихъ кусочковъ и пластинокъ соломы, которыя, при искусномъ подборѣ, наклеиваются на тонкія гладкія дощечки, образуя въ цѣломъ очень красивый и нерѣдко весьма сложный узоръ геометрическаго характера. Это все разные коробочки, баулы, бонбоньерки, сигарочницы, подносики, шифоньеры, комодики, шкатулки и тому подобныя вещи небольшихъ размѣровъ, но всегда сдѣланныя съ большимъ вкусомъ и притомъ замѣчательно дешевыя. Онѣ-то и составляютъ главный предметъ выставки и торговли Кюсинквана.

Быть уже въ исходѣ первый часть дня, и аппетитъ нашъ очень настойчиво напоминалъ о необходимости завтрака. Поэтому мы приказали нашимъ курама везти себя прямо въ гостиницу. Черезъ нѣсколько минутъ они подкатили насъ къ установленному цвѣтамъ крыльцу одного дома на набережной, надъ которымъ сіяла золотая по черному фону надпись «Niogo Hotel». Мы нанли тамъ роскошную бильярдную залу, совершенно приличную столовую, англійскій столъ и, верхъ неожиданности, въ числѣ прислуги, японца, говорящаго по-русски. Онъ конечно и прислуживалъ намъ за завтракомъ.

Маленькая черта международныхъ нравовъ: въ столовой мы заняли одинъ конецъ большаго стола. Вошли американцы, сѣли за тотъ же столъ рядомъ съ нами, узнали, что мы русскіе и тотчасъ же познакомились самымъ простымъ и любезномъ образомъ. Вошли три француза и сдѣлали то же самое. Но сколько ни входило англичанъ и нѣмцевъ, ни одинъ не присѣлъ за этотъ столъ, хотя свободныхъ приборовъ на немъ было еще достаточно. Холодно, а иногда и не дружелюбно покосясь въ нашу сторону, они съ достоинствомъ проходили мимо и усаживались за другіе столы, — англичане къ англичанамъ, нѣмцы къ нѣмцамъ, но вмѣстѣ тоже не смѣшались. Такимъ-то образомъ, даже въ нейтральной и, такъ-ска-

зять, международной почвѣ трактира совершенно неожиданно и, пожалуй, даже инстинктивно, по одному чутью, сказываются національныя симпатіи и антипатіи и происходятъ безмолвное, но безошибочно вѣрное раздѣленіе на «своихъ» и «чужихъ», на друзей и непріятелей.

Въ четыре часа дня мы были на борту «Африки», а полчаса спустя нашъ крейсеръ уже снялся съ якоря и пошелъ, по назначенію, въ Нагасаки, куда прибылъ 14-го числа къ ночи.

XXXI.

Въ окрестностяхъ Нагасаки.

Народный праздникъ въ честь Компира-сама.— Характеръ праздничной толпы.— Ярмарочный путь къ мѣсту праздника.— Монастырь Компира-сама и нищіе.— Англиканскіе миссіонеры и японская вѣротерпимость.— Наши судовые поставщики изъ японцевъ.— Пикники подъ національными флагами.— Концертъ геекъ и японская публика.— Восхождение на гору Компира.— Видъ съ ея вершины.— Часовня въ гранитномъ монолитѣ.— Состязаніе бумажныхъ змѣевъ.— Спускъ большого змѣя.— Вечернее возвращеніе съ праздника.— Прогулка въ мѣстечко Тогицу.— Скала Дайбудэ.— Встрѣча съ театральнымъ герольдомъ.— Тогицу.— Сельскій театр.— Одноактная пьеса „Гроза“ и ея содержаніе.— Прогулка въ мѣстечко Моги.— Нагасацкое предмѣстье Гунцони.— Каго, носилки для горныхъ путешественниковъ.— Хорошъ сельскихъ дѣвушекъ.— Горный путь.— Праздникъ сбора пшеницы и способы молотбы.— Вьючныя животныя въ дорогѣ.— Смѣшеніе полярныхъ и тропическихъ формъ растительности.— Всепобѣждающая сила труда.— Мѣстечко Моги.— Дѣти-няньки.— Обѣдъ въ сельской гостиницѣ.— Всичаяя декоративная растительность.— Носилки и ихъ трудъ.— Обратный путь при факелахъ.— Жабы и свѣтляки.

27-го марта.

Еще со вчерашняго дня по городу были расклеены большія японскія объявленія на разноцвѣтной бумагѣ, о томъ, что сегодня въ 12-й день IV мѣсяца, соответствующій нашему 27 марта (8 апрѣли) имѣетъ быть на горѣ Компира большой праздникъ въ честь святаго Компира-сама, причемъ будутъ происходить состязанія между бумажными змѣями и предстоитъ спускъ большого змѣя, пожертвованнаго отъ города. Начало народнаго праздника ровно въ полдень. Намъ извѣстили объ этомъ наши постоянные судовые поставщики Усакіичи и Кихѣ, оба изъ туземныхъ обывателей, отъ долголѣтней практики кое-какъ маракующіе по-русски. Оба явились къ намъ на крейсеръ и съ почтительно-любезными поклонами и присѣданьями пригласили всѣхъ офицеровъ на завтрашній праздникъ. Мы, конечно, общались быть, да и какъ было не поглядѣть на такое любопытное зрѣлище!

Ровно въ полдень, большою компаніей съѣхали мы на берегъ и отправились въ дженерикшахъ въ сѣверныя предмѣстья Нагасаки.

Компира-яма, какъ я уже говорилъ, находится совсѣмъ за городомъ, въ сѣверной сторонѣ, противъ самой пята Нагасацкой бухты. Дорога къ ней идетъ съ холма на холмъ, подымаясь все выше и выше въ гору. Оставивъ дженерикши внизу, у подошвы перваго холма, мы отправились далѣе пѣшкомъ, вмѣстѣ съ вереницами японскаго люда, разодѣтаго по праздничному. Одно теченіе толпы поднималось въ гору, другое меньшее, шло навстрѣчу ему съ горы. То были богомолцы, возвращавшіеся послѣ ранняго служенія въ монастырь Компира-сама. Въ толпѣ множество красивыхъ нарядныхъ дѣвушекъ и маленькихъ дѣвочекъ. Послѣднія, согласно японской модѣ, набѣлены и разодѣты въ самые ярковыѣтные костюмы. Многія изъ нихъ несутъ нарядныя куклы или букеты изъ вѣтокъ камелій и другихъ цвѣтовъ. Мальчишки несутъ бумажные змѣи и оглашаютъ окрестность звуками разныхъ трещотокъ и свистулѣкъ. Веселый праздничный гулъ стоитъ надъ массами движущагося народа. По пути, на поворотахъ и на нѣкоторыхъ наиболѣе удобныхъ площадкахъ, устроены подъ ятками временныя трактирчики и чайныя, гдѣ полнымъ-полно народу, завернувшись подѣ ихъ навѣсы подѣ предлогомъ легкаго отдыха. Мы тоже сдѣлали маленькій привалъ у одного изъ нихъ, чтобы утолить сельтерскою водою жажду, возбужденную ходьбой подѣ двадцатиградуснымъ солнечнымъ жаромъ. Повсюду продаются съ лотковъ всевозможныя національныя сласти и печенья, каленые бобы и сѣмечки. Дутыя и раскрашенныя рыбки изъ рисоваго тѣста, такіе же маски доброй толстухи Окаме и другія рожи изъ того же матеріала качаются на ивовыхъ вѣтвяхъ, выставленныя на продажу. Тутъ же и цвѣточницы продаютъ изъ корзины букетики разныхъ весеннихъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, а цвѣточники несутъ на коромыслахъ бадейки съ водою, наполненныя большими пучками вѣтвистыхъ камелій въ полномъ цвѣту, всѣхъ оттѣнковъ, отъ снѣжно-бѣлаго до густо-пунцоваго. Но болѣе всего встрѣчается продавцовъ бумажныхъ змѣевъ разной величины и формы, при самой затѣйливой и пестрой раскраскѣ: тутъ мы видимъ нашихъ старыхъ тоокійскихъ знакомыхъ, этихъ смѣшныхъ гномиковъ въ образѣ англичаненовъ и гишпанцевъ, затѣмъ орла и сокола съ распростертыми крыльями, рыбу *тай* и птицу *фюо*, и злѣющаго дракона, и большелобатаго божка Шіуро, и историческихъ древнихъ героевъ и дамъ Япоіи,—все это, уже вполне приспособленное къ спуску на воздухъ, предлагается охочимъ покупателямъ по самой дешевой цѣнѣ, не превышающей нѣсколькихъ центовъ.

Но вотъ и монастырекъ, окруженный возвышеннымъ паранетомъ изъ дикаго камня. Здѣсь пріютился рядъ нящихъ съ чашками и

посохами въ рукахъ, вымаливающихъ себя подавнѣ обыкновеннымъ ноющимъ речитативомъ, который, кажется, совершенно одинаковъ подо всѣми широтами земного шара. Но замѣчательно, что ихъ тутъ было вообще немного, и притомъ исключительно такіе калѣки, которые уже окончательно не способны ни къ какой работѣ. Говорятъ, они преимущественно прививаютъ около разныхъ бонзерій, питааясь отъ монашескихъ щедротъ; кромѣ того, какъ я замѣтилъ, японцы охотно подаютъ имъ, въ той увѣренности, что въ Японіи никто не станетъ протягивать руку кромѣ уже дѣйствительно ни къ чему неспособнаго калѣки.

Гранитная лѣстница позади священнаго тори ведетъ къ храму Компира-сама. Тамъ, на алтарѣ, стоятъ ряды пшеничныхъ хлѣбцевъ въ формѣ просфоры и горятъ предъ нимъ множество свѣчъ изъ растительнаго воска. У входа, за особою стойкой, бонзы продаютъ желающимъ такіе хлѣбцы и свѣчи, а богомольцы собственноручно ставятъ ихъ предъ чествуемымъ изображеніемъ Компира-сама и кидаютъ деньги въ большой деревянный ящикъ. Бриголовый бонза сидитъ на корточкахъ по ту сторону ящика и выбирая изъ него монету за монетой, тщательно сортируетъ ихъ по достоинству въ столбики, которые длинными и тѣсными рядами аккуратно располагаются у него на особомъ продолговатомъ низенькомъ столикѣ. Позади храма, тутъ же, въ монастырской оградѣ, какой-то англійскій миссіонеръ раздаетъ народу библіи и душеспасительныя брошюры, а двое англійскихъ катехизаторовъ, изъ брацвенныхъ японцевъ, громко проповѣдуютъ собравшейся толпѣ. И никто изъ бонзъ не гонитъ ихъ отсюда, никто въ толпѣ не негодуетъ и не глумится надъ ними: напротивъ, всѣ слушаютъ очень спокойно, добродушно, хотя и съ нѣсколько разсѣяннымъ вниманіемъ. Что это, полное ли равнодушіе религіознаго индифферентизма, или же спокойное презрѣніе къ проповѣдникамъ? Пускай-де болтаютъ что хотятъ, насъ отъ этого не убудетъ. Во всякомъ случаѣ, явленіе такой терпимости очень замѣчательно, когда вспомнишь, что еще не далѣе какъ въ 1870 году японцы исповѣдующіе христіанство, подвергались большимъ гоненіямъ.

Поднимаемся еще выше въ гору. Тамъ наверху, среди разбросанныхъ повсюду походныхъ трактирчиковъ, торговыхъ ятокъ, цыновочныхъ закутъ, шалашей и навѣсцевъ, видны въ трехъ различныхъ пунктахъ національные флаги: русскій, французскій и англійскій поднятые на высокихъ шестахъ. Любопытствуя узнать что это значитъ, мы направились къ русскому флагу и вскорѣ замѣтили, что оттуда навстрѣчу къ намъ спускается съ горы Цунитаро, приказчикъ нашего поставщика Усакича, прозванный, по созвучію «санитаромъ». Онъ еще издали кланяется, машетъ

намъ рукой, указывая на русскій флагъ, и кричитъ по-русски: «Здѣсь! здѣсь!.. Сюда!..» Мы пришли вмѣстѣ съ нимъ къ большой цыновочной яткѣ, предъ которой, въ видѣ закуты, было отгорожено съ боковъ и спереди нѣкоторое пространство, завѣшанное сшитыми полотнищами синей и лиловой крашенины. Цунитаро приподнял край завѣсы и мы очутились внутри закуты. Тамъ радушно встрѣтили насъ рукожатіями и радостными улыбками трое нашихъ поставщиковъ-компаніоновъ: Усакичъ, Кихе и Цунитаро Накамура. На землѣ были разостланы мягкія цыновки, и на нихъ наставлены маленькіе *таbero* со всякими угощеніями. Тутъ фигурировали въ перемежку разные деликатесы японской кухни съ жестянками европейскихъ сардинъ, страсбургскихъ паштетовъ, русской икры и бискупитъ Альбера, *саки* и пиво, и разные вина до шампанскаго включительно. Что же касается трехъ національныхъ флаговъ, то оказалось, что нагасакскіе судовые поставщики, пользуясь народнымъ праздникомъ, устроили пикники для своихъ постоянныхъ потребителей—русскіе для русскихъ, французскіе для французовъ и т. д. Они радушно объяснили намъ, что здѣсь, у нихъ въ гостяхъ и подъ русскимъ флагомъ, мы должны быть совершенно какъ дома, ѣсть, пить и развлекаться какъ намъ вздумается безо всякаго стѣсненія. Началось, конечно, съ неизбежнаго *о-ча-ни-понъ* и пріѣтственныхъ двухъ *кизеру*, а затѣмъ, разумѣется, по двѣ чашечки теплаго *саки*, за здоровье гостей и хозяевъ. Этими и была закончена обрядная или официальная часть угощательной церемоніи, послѣ которой подъ руками расторопнаго «санитара» живо зашелкали пробки и ловко вскрывались консервные жестянки. Тутъ уже пошло угощеніе на распапку. Минутъ десять спустя тотъ же неутомимый «санитаръ», исчезнувъ куда-то на короткое время, съ торжественнымъ видомъ приподнял снаружи полу завѣсы и выпустилъ къ намъ въ закуту цѣлый хоръ геекъ, размѣстившихся противъ насъ полукругомъ. Начался концертъ съ пѣніемъ, пляской и пантомимой; но тутъ вскорѣ раздался по ту сторону закуты чьи-то голоса, вызывавшіе одного изъ нашихъ амфитріоновъ: «Кихе-санъ! Кихе-санъ!» Тотъ вышелъ на зовъ. Оказалось, что публика проситъ позволенія посмотрѣть на танцы геекъ и спрашиваетъ хозяевъ и насъ, не будемъ ли мы имѣть чего противъ? «Противъ» мы, разумѣется, ничего имѣть не могли, будучи сами въ гостяхъ. Тогда «санитаръ» снялъ часть завѣсы, и публика пріѣтствовала его за это возгласами похвалы и удовольствія, а хозяевамъ и намъ посылали издали благодарственные поклоны. Трое или четверо изъ числа знакомыхъ Кихе и Усакича были приглашены хозяевами войти подъ ятку,

остальная же публика осталась глядѣть издали безъ шуму, не суетясь и не тискаясь впередъ; она отдалась удовольствію зрѣлища съ нѣскольکو наивнымъ, чисто дѣтскимъ наслажденіемъ, но въ то же время совершенно спокойно и не безъ достоинства. Такъ именно смотрятъ благовоспитанныя дѣти, сознающія, что имъ доставили удовольствіе, которымъ изъ благодарности слѣдуетъ пользоваться скромно и прилично, не докучая собою любезнымъ хозяевамъ. Отмѣчаю эту черту къ характеристикѣ японской толпы и ея общественныхъ нравовъ.

А нашъ Кихе видимо рисуется или, какъ говорится, «задаетъ шикъ», предъ своими японскими гостями и публикой тѣмъ, что понимаетъ русскій языкъ и даже самъ можетъ говорить по-русски. Часто, даже не понимая о чемъ идетъ у насъ разговоръ, онъ дѣлаетъ такой видъ и улыбку какъ будто понимаетъ все отличнѣйшимъ образомъ, и кстати и не кстати вставляетъ время отъ времени въ разговоръ такіа восклицанія и фразы, какъ на примѣръ «о, да!» «хорошо!» «чортъ возьми» и т. п. Ему очень нравится если къ нему обращаются съ какимъ-нибудь вопросомъ по-русски. При этомъ онъ часто невпопадъ отвѣчаетъ «чортъ возьми» тамъ, гдѣ надо сказать «благодарю васъ», или «о, да!» гдѣ слѣдовало бы, по смыслу, «нѣтъ», но все-таки отчего же не потѣшить немножко его невинное самолюбіе?

Послушавъ немного геекъ, я сдѣлалъ прогулку на самую вершину Компира-ямы. Чтобы подняться туда, надо было одолѣть еще двѣ горы, взбираясь мѣстами на крутизны по дикимъ каменнымъ ступенямъ. Это изрядный таки моціонъ особенно въ такую жару. Отъ усиленнаго движенія, а можетъ отчасти и вслѣдствіе нѣсколько разрѣженнаго воздуха, я чувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе въ груди, точно бы нечѣмъ было дышать; но это вскорѣ прошло, послѣ небольшого отдыха. За то, добравшись наконецъ до вершины, я былъ вознагражденъ такимъ дивнымъ видомъ какого никогда не видалъ и никогда не забуду. Не только вся бухта и весь городъ съ его предместьями и террасовидными кладбищами очутился предо мною внизу какъ нарисованный на планѣ, но весь извилистый юго-западный край острова Кью-сю, лежащій между Китайскимъ моремъ и глубоко врѣзавшимися и развѣтвившимися въ глубь материка заливами Омуру и Симабара, со всѣми причудливыми очертаніями своихъ береговъ, со всѣми окрестными, ближними и дальними островами, мысами и скалами, обрисовался вдругъ, почти въ одно мгновеніе ока въ такой восхитительной панорамѣ, подобной которой я не знаю въ мірѣ. Лазурно зеркальные заливы, темно-сѣрыя и красноватыя скалы, острова темнозеленые

въблизи и синевато-лиловые въ воздушной перспективѣ, горы, покрытыя на вершинахъ зубчатыми соснами и кедрами, а на склонахъ самою разнообразною растительностью, долины изрѣзанныя изумрудно-зелеными нивами, среди которыхъ тамъ и сямъ разбросаны соломенные кровли хуторовъ, селеній и храмовъ, роскошныя сады и священные рощи, и змѣевидно выходящая серебристая лента ручьевъ и рѣчекъ, веселенькіе городки и мѣстечки, какъ бы вкрапленные по морскимъ берегамъ и бухточкамъ, — вотъ подробности этой своеобразной картины. Но въ особенности дивно хороши заливы — Омуру на сѣверѣ и Симабара на востокѣ и югѣ, представляющіе какъ бы отдѣльные замкнутые бассейны, усыянные множествомъ японскихъ парусовъ, сверкающихъ издали на солнцѣ ярко-бѣлыми точками и черточками. Хорошо и это серебристо-голубое море съ его кораблями и дымящимися парходами и съ этою розовато-ливою цѣпью архипелага Гото на дальнемъ западномъ горизонтѣ. На сѣверо-востокѣ, въ глубинѣ страны декорация замыкается воздушно-легкими контурами высокихъ горъ, среди которыхъ широкимъ шатромъ выдѣляется одна господствующая вершина какого-то вулкана, покрытая вѣчными снѣгами. А надъ головою широко раскинулось лазурное небо съ тающими перистыми облачками, и въ немъ высоко, высоко парятъ морскіе орлы и коршуны, описывая плавныя круги. Во всей этой могуче-широкой и разнообразной картинѣ, разомъ охватывающей изумленнаго зрителя со всѣхъ сторонъ, есть что-то обаятельное, чисто волшебное. Смотришь, смотришь, и оторваться не можешь, и духъ захватываетъ отъ волненія.. До какой степени все это хорошо и сильно своимъ впечатлѣніемъ поэтической красоты и спокойнаго величія, словами и передать невозможно.

На вершинѣ Компира-яма дулъ свѣжій и довольно сильный вѣтеръ, который сразу освѣжилъ меня. Отдышавшись послѣ усиленной ходьбы и успокоившись нѣсколько отъ душевнаго волненія, я осмотрѣлся вокругъ себя и только тутъ замѣтилъ, что стою подлѣ часовни высѣченной прямо въ толщѣ большого, торчащаго изъ-подъ земли камня. Предъ нею находится гранитная галлерея, въ родѣ крытаго коридорчика, сложенная изъ массивныхъ, грубо отесанныхъ плитъ циклопическаго характера, къ которой ведутъ двѣ, три ступени изъ необдѣланныхъ плоскихъ камней. Въ глубинѣ часовни, равно какъ и на ея фронтонѣ, выбито изображеніе солнечнаго диска, покрытое позолотой. Никакихъ идоловъ на алтарѣ нѣтъ, но предъ изображеніемъ солнца стоитъ пара фарфоровыхъ вазъ со свѣжаерѣзанными вѣтвями персика и камелій. У входа поставленъ деревянный ящикъ, а за нимъ сидитъ бонза и, мѣрно покачиваясь сзади напередъ, бормочетъ

по книжкѣ, вѣроятно какія-то молитвы. Послѣдителей нашелъ я здѣсь очень немного. По очереди входя узкимъ проходомъ въ часовню, они опускались тамъ на колѣни, причемъ непремѣнно прихлопывали раза два въ ладоши, и помолясь минутку съ потираниемъ рукъ предъ лучезарнымъ, жизнедательнымъ духомъ великой богини Тенсе (олицетвореніе солнца), клали земной поклонъ и при выходѣ молча кидали въ ящикъ свою посвященную лепту. Бонза каждый разъ отвѣчалъ на это поклономъ, не прерывая своего благочестиваго бормотанія.

Спустившись около пяти часовъ вечера къ лѣткѣ нашихъ поставщиковъ, я нашелъ состязаніе змѣевъ уже въ полномъ разгарѣ. Народу къ этому времени привалило изъ города и окрестностей пропасть, второе если не вдесятеро больше, чѣмъ давеча въ полдень. Гулъ и праздничные клики толпы мѣшались со звуками свистулѣкъ, трещотокъ и тамъ-тамовъ. Отовсюду неслись струнные звуки самсиновъ, бивы, гого и голоса гсекъ. Въ самомъ воздухѣ какъ-то пахло праздникомъ и весельемъ. Но главное вниманіе всей толпы было приковано къ воздушнымъ сферамъ, гдѣ въ голубомъ эфирѣ высоко плавадо, взвивалось и прыдало изъ стороны въ сторону многое множество бумажныхъ змѣевъ всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ и величины, хвостатыхъ и безхвостыхъ съ трещотками, свистулѣками, лентами и проч. Спусканіемъ и полетомъ ихъ равно были заняты и заинтересованы дѣти и взрослые, старики и юноши, мужчины и женщины, и тутъ только воочию можно было убѣдиться насколько въ самомъ дѣлѣ популяренъ въ Японіи спортъ воздушныхъ змѣевъ. Онъ является дѣйствительно національной забавой. При состязаніи змѣевъ, любители обыкновенно бьются объ закладъ за того или другого, во всѣхъ концахъ поля держатся многочисленныя пари, причемъ нерѣдко на ставку идутъ даже не малыя деньги. Горожане и сельчане входятъ въ большой азартъ, особенно когда состязаніе идетъ между городскимъ и сельскимъ змѣями: тутъ уже заинтриговано даже корпоративное самолюбіе. Иногда изъ устъ въ уста по всему полю передается: «Глядите, змѣй такой-то школы», «змѣй такого-то квартала», «змѣй такого-то торговаго дома» и т. п. Въ этихъ случаяхъ тоже задѣты тѣ или другія самолюбія, но все это самымъ мирнымъ образомъ; азартъ игроковъ никогда не переходитъ въ ссору, не говоря уже о дракѣ, которая была бы тутъ явленіемъ совершенно немыслимымъ. Проигравшіе ставку обыкновенно раслачиваются съ любезной улыбкой, а взявшіе призъ рассыпаются въ вѣжливостяхъ и комплиментахъ своимъ противникамъ. Страсти тутъ, конечно, разыгрываются, но это, такъ сказать, благососчитанныя страсти, не выходящія изъ извѣстныхъ границъ доброй общежителности, что

опять-таки составляетъ характерную черту народныхъ нравовъ. Самое же состязаніе состоитъ въ томъ, чтобы одинъ змѣй перетеръ шнурокъ другого: въ этомъ случаѣ побѣжденный, безпомощно пыхряясь и кружась въ воздухѣ, быстро падаетъ на землю, а побѣдитель еще гордо взвивается въ высь, причемъ вся толпа встрѣчаетъ его побѣду кликами живѣйшаго восторга. На состязаніе обыкновенно выбираются змѣи значительной величины, отъ четырехъ до шести и болѣе аршинъ въ окружности, и спускаются они не на суровой ниткѣ, а на прочной тонкой бечевѣ, требующей предварительной подготовки. На томъ концѣ своего который прикрѣпляется къ змѣю, бечевка эта еще наканунѣ смазывается на протяжении нѣсколькихъ футовъ густымъ столярнымъ клеемъ и обсыпается мелко истолченнымъ стекломъ; затѣмъ ей даютъ выноить просохнуть, и смотря къ достаточно ли плотно и прочно присталъ къ клею стеклянный порошокъ. Когда «боевая» бечева готова, остается только приладить ее къ четыремъ угловымъ шнуркамъ змѣя и пускать его на поединокъ. Надо пустить змѣя такимъ образомъ, чтобы бечева его встрѣтилась высоко въ воздухѣ съ бечевой соперника, въ этомъ и состоитъ искусство. Разъ онѣ встрѣтились, тутъ уже дѣло пускальщиковъ смотрѣть, нужно ли припустить или убавить бечевы, и насколько именно, чтобы оба клеевые конца пришли между собой въ непосредственное соприкосновеніе. Тогда, вслѣдствіе дѣйствія воздушныхъ теченій на поверхность змѣевъ, бечевы начинаютъ тереться одна о другую, и въ воздухѣ происходитъ настоящая борьба между соперниками, сопровождаемая у обоихъ судорожными движеніями, порывистыми отклоненіями въ стороны, преслѣдованіемъ и взаимнымъ круженіемъ, пока наконецъ одна бечева не будетъ перерѣзана другой. Послѣ этого наступаетъ быстрый финалъ, и проигравшая сторона платитъ призъ своимъ счастливымъ противникамъ. Бываетъ, однако, что оба змѣя падаютъ вмѣстѣ, — тогда это уже полное торжество, змѣи объявляются героями, а игра разыгранной въ ничью; всѣ самолюбія удовлетворены, и ставки остаются въ карманахъ спорщиковъ.

Около шести часовъ вечера въ публикѣ обнаружилось особенное движеніе: вся она какъ бы насторожилась и частью хлынула въ одну сторону, навстрѣчу большому городскому змѣю, котораго не безъ торжественности несли двое служителей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ и цѣлой толпы дѣтей и взрослыхъ. Городской змѣй имѣлъ около шести аршинъ въ окружности и былъ окрашенъ въ лиловый цвѣтъ, столь любимый японцами; въ центрѣ его красовалась эмблема города — золотой трилистникъ въ серебряномъ кольцѣ. Вслѣдъ за змѣемъ, на мѣстѣ состязаній появились мѣни-

ципальные и административныя власти въ европейских костюмахъ, окруженныя свитой разныхъ чиновниковъ, секретарей и городскихъ представителей. Вся попадавшаяся имъ публика встрѣчала ихъ по японскому обычаю очень почтительными поклонами, въ которыхъ, однако, я не замѣтилъ ничего раболопнаго. Всѣ эти власти и нотабли расположились отдѣльной группой въ центрѣ огромнаго живого круга образовавшагося изъ нахлынувшей со всѣхъ сторонъ публики. Нѣсколько полицейскихъ распорядителей указывали границу, за которую не слѣдовало переступать, чтобъ не мѣшать операциі спуска. Внутри этого круга, нѣсколько уполномоченныхъ любителей изъ числа самыхъ извѣстныхъ искусниковъ занялись на просторѣ приготовленіемъ муниципальнаго змѣя къ полету, и черезъ нѣсколько минутъ, ловко поставленный противъ вѣтра, онъ торжественно взлетѣлъ на воздухъ, при радостныхъ кликахъ толпы, и сталъ плавно подыматься выше и выше, сверкая противъ садящагося солнца своимъ золотымъ трилистникомъ. Вскорѣ онъ оставилъ далеко ниже себя всѣхъ остальныхъ змѣевъ и парилъ надъ ними какъ бы не признавая никакихъ соперниковъ. Въ этомъ оригинальномъ зрѣлищѣ дѣйствительно было нѣчто не лишенное своего рода величественности, впечатлѣніе которой отражалось и на лицахъ зрителей. Одни слѣдили за полетомъ совершенно серьезно, какъ за дѣломъ необычайной важности, другіе любовались имъ съ артистическимъ наслажденіемъ истинныхъ знатоковъ и любителей, третьи съ чисто-дѣтскимъ, наивнымъ восторгомъ. Сдержанныя восклицанія: «О-о!» «Ого!» «Ой!» и т. п., выражавшія въ общемъ своемъ значеніи чувство внушаемое видомъ величія, безпрестанно раздавались въ толпѣ при каждомъ красивомъ движеніи змѣя, при каждомъ новомъ взмывѣ его кверху. Для большинства этой толпы онъ какъ бы олицетворялъ собой мифическаго царственного дракона *Дежа*, древнѣйшаго охранителя счастливаго Нишона.

Но какъ быстры переходы въ настроеніи толпы, и какъ мало нужно для этого. Въ то самое время, когда вся она съ такимъ живѣйшимъ и серьезнымъ вниманіемъ слѣдила за гордымъ полетомъ лиловаго змѣя, не замѣчая остальныхъ, вдругъ откуда ни возьмись какой-то жалкій, небольшой змѣишка, — не знаю ужъ нарочно или случайно подпущенный къ первому... Бечевки ихъ скрестились, и вдругъ вся толпа тревожно загомонила, заволновалась, задвигалась и, какъ порывъ вѣтра по лѣсу, шумно побѣжало въ ней общее чувство опасенія, досады и даже обиды, словно самое приближеніе этого плюгаваго змѣишки къ великолѣпному гордому *Дежа* казалось ей величайшею дерзостью. Въ то же время живо, съ лихорадочною поспѣшностью стали повсюду со-

ставляться пари за обонхъ неожиданныхъ соперниковъ; но не успѣли еще спорщики уговориться между собой о ставкахъ и закладахъ, какъ змѣишка ловко скользнула кверху вдоль по бичевкѣ городского змѣя, и этотъ послѣдній, дрогнувъ, безпорядочно завертѣлся, мечась изъ стороны въ сторону, и вдругъ, какъ подстрѣленная птица, безсильно и быстро сталъ падать въ косомъ направленіи на землю. Бечева его была перерѣзана. Взрывъ общаго смѣха толпы былъ отвѣтомъ на его неожиданное пораженіе. Отъ прежняго настроенія не осталось въ ней и слѣда. Тысячи насмѣшекъ, бранныхъ возгласовъ, укоризнъ и тривіальныхъ замѣчаній полетѣли во слѣдъ его паденію, и все это было дѣломъ одного момента. «*Sic transit gloria*», невольно подумалось при этомъ... Восторгъ толпы, ея похвалы и гулъ одобреній всецѣло обратились теперь на счастливаго побѣдителя, хозяиномъ котораго оказался какой-то голоштаный молодецъ лѣтъ шестнадцати, и муниципальные представители безпрекословно вручили ему первый призъ за состязаніе нынѣшняго года.

Наступали прохладныя сумерки, и мы простились съ нашими радушными амфитріонами. Главный интересъ дни былъ уже исчерпанъ, хотя народный праздникъ все еще продолжался, и множество разнообразныхъ змѣевъ по прежнему плавало въ вечерѣющемъ воздухѣ. Говорятъ, что многіе останутся тутъ пировать и гулять до разсвѣта, но многіе направлялись уже у во свояси. Мы спустились внизъ по каменнымъ сходнямъ среди потока оживленной японской толпы, и когда достигли наконецъ главной городской пристани, на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло. Здѣсь, слегка покачиваясь на водѣ, ожидали насъ всегдашніе наши *фуне*, прозванные кѣмъ-то «морскими извозчиками».

Вся бухта сегодня была особенно полна яркаго фосфорическаго свѣченія. Золотыя брызги падали съ юлящаго весла, и зеленоватогнистый слѣдъ далеко оставался за кормой. Свѣтящіяся медузы пѣлыми вереницами плавали почти на поверхности воды, такъ что можно было бы ловить ихъ руками, еслибъ онѣ не такъ чувствительно обжигали ладони. Но что за прелесть представлялъ собою теперь видъ на Кампира-лму!.. По всей горѣ, чернѣвшей издали одною неопредѣленною массой, двигались во всѣхъ направленіяхъ тысячи засвѣченныхъ бумажныхъ фонариковъ, казавшихся не то блуждающими огнями, не то свѣтляками огромныхъ размѣровъ. Пѣлый потокъ этихъ огоньковъ, словно бы горный каскадъ, стекалъ волнистою лентой внизъ по узкой дорогѣ къ городу. Людей не было видно, одни только огоньки, и вѣяло на душу ото всей этой картины чѣмъ-то фантастическимъ, невольно переносившимъ чувство и

мысль въ чудесный, сказочный міръ, особенно когда съ нагорья плавно повеселись вдоль по водѣ протяжные, густые звуки буддійскаго колокола, медленнымъ звономъ возвѣщающаго съ монастырской колокольни о таинственномъ часѣ первой ночной молитвы.

29-го марта.

Сегодня у насъ состоялась очень пріятная прогулка въ мѣстечко Тогицу, лежащее верстахъ въ десяти къ сѣверу отъ Нагасаки, на берегу залива Омуру. Путь идетъ по долині сѣверной Нагасакской рѣчки, впадающей въ бухту близъ Иносы, или такъ-называемой «Русской деревни». Весь этотъ путь представляетъ рядъ прелестныхъ сельскихъ картинъ. Съ обѣихъ сторонъ тянется цѣпь не особенно высокихъ горъ, отличающихся мягкими очертаніями и воздѣланныхъ до самой вершины. Стѣны пашень, опоясывающія въ видѣ террасъ всѣ горные скаты и отдѣляющія участки отъ участка даже внизу, въ самой долині; замѣчательны циклопическимъ характеромъ своей постройки. Дорога все время идетъ въ видѣ возвышенной набережной, откосы которой, равно какъ и берега рѣчки и впадающихъ въ нее ручьевъ, выложены камнями, представляя собою одну сплошную, непрерывную стѣнку. Надо видѣть самому всѣ эти основательныя, прочныя сооруженія, чтобъ убѣдиться какая масса упорнаго и долгаго, почти сверхчеловѣческаго труда требуется для защиты пашень и дорогъ отъ разливовъ и для приспособленія горныхъ склоновъ къ земледѣльческимъ цѣлямъ. Такія постройки (а видѣ ими наоблена вся Японія!) можетъ возводить только народъ высоко цивилизованный, хотя его цивилизація и не походитъ на европейскую. Тѣмъ не менѣе это несомнѣнно цивилизація, и каждый разъ какъ только приходится мнѣ сталкиваться съ нею лицомъ къ лицу, я затрудняюсь которой изъ двухъ отдать предпочтеніе. Японская агрикультура кажется мнѣ положительнее выше европейской. По дорогѣ намъ часто встрѣчались высокіе каменные парапеты, похожіе съ виду на стѣну какого-нибудь форта и сооруженные единственно затѣмъ, чтобы построить на ихъ площадкахъ эти легкіе, просто «карточные» домики японскихъ поселянъ; но не будь такихъ парапетовъ, домики каждый разъ сносило бы наводненіемъ во время разлива горныхъ рѣченокъ. Выходитъ, что и здѣсь, въ этой счастливой странѣ съ ея благодатнымъ климатомъ и плодородною почвой, человѣкъ ведетъ борьбу съ природой за собственное существованіе, быть-можетъ, болѣе упорную чѣмъ подъ другими, болѣе сѣверными и даже суровыми широтами; но здѣсь въ этой борьбѣ онъ, повидимому, всегда остается побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ онъ дѣлаетъ все чтобъ оградить себя отъ неблагоприятныхъ

стихійныхъ вліяній и не только обезсидить ихъ, но заставить даже служить себѣ же на пользу.

Замѣчательны скалы окаймляющія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорогу. Въ ихъ обнаженныхъ пластахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ громадныя валуны какъ бы выплавленные въ массу известняковыхъ и песчаниковыхъ наслоеній. Надо думать, что будучи сами по себѣ аллювіальнаго происхожденія, они были выдвинуты вѣкогда на нынѣшнюю высоту вулканическимъ подъемомъ почвы, о чемъ свидѣтельствуетъ общій вулканическій характеръ страны, особенно рѣзко выражающійся въ очертаніяхъ ея побережій. На скалахъ, едва прикрытыхъ сверху назовомъ, высятся густѣйшая растительность; деревья обвиты павоями; между ними встрѣчается много пальмъ-латаній, камелій и фруктовыхъ деревьевъ въ дикомъ состояніи; послѣднія стоятъ еще безъ листьевъ, но уже роскошно осыпанные бѣлымъ, розоватымъ и розовымъ цвѣтомъ. Одно скалистое ущелье съ крутыми склонами особенно замѣчательно своею картинностію, которую придаетъ ему густѣйшая и разнообразнѣйшая растительность. Могучія сосны порой тянутся рядами вдоль дороги. Въ одномъ мѣстѣ высокій осколокъ скалы выдался вверхъ вертикально торчащимъ монолитомъ, который общимъ своимъ видомъ напоминаетъ человѣческой торсѣ. На него взгроможденъ огромный овальный камень, грубо обсѣченный въ формѣ головы съ глазами, носомъ и губами. Все это уже значительно выщербилось и вывѣтрилось отъ времени, но лицо сохраняетъ еще нѣкоторый намекъ на безмятежно улыбающійся, благоволивый ликъ Будды, въ честь котораго и самый камень этотъ зовутъ Дай-Будсомъ. Насъ увѣряютъ будто все это сдѣлано самою природой и будто голова на торсѣ, вовсе не приставная, а естественная, нераздѣльная часть того же монолита и что именно въ этомъ-то обстоятельствѣ и вся окрестная страна видитъ чудесный знакъ наивысшаго благоволенія къ ней самого Будды; но мнѣ все-таки думается, что это скорѣе грандіозный остатокъ древнѣйшей мѣстной скульптуры, современный, быть-можетъ, эпохѣ перваго появленія буддизма въ Японіи (въ половинѣ V вѣка нашей эры). Дай-Будсу этому предшествуетъ значительный, но хорошо разработанный и шоссированный спускъ съ перевала, гдѣ, по просьбѣ нашихъ курама, намъ пришлось выйти изъ дженерикшей и пройтись лишкомъ до ровнаго мѣста. Дорога вся вообще шоссирована и содержится въ величайшемъ порядкѣ, равно какъ и всѣ мосты на ней, деревянныя и каменные; тѣ и другіе отличающіяся весьма солидною постройкой.

Мѣстечко Тогицу расположено на самомъ берегу одной изъ обширныхъ и прекрасныхъ

внутренних бухт Омурского залива. Въ небольшомъ разстояніи отъ берега стояли на якорахъ три пароходика поддерживающіе сообщеніе мѣстечка съ городкомъ Уресино и другими побережными пунктами того же залива; четвертый пароходикъ лежалъ на боку у пристани и чинился домашними средствами. Тутъ же на пристани видѣли мы какъ работники таскаютъ съ мелководья громадные валуны для циклопическихъ аграрныхъ сооружений. Они обвязываютъ избранный камень прочною толстою веревкой, а сами хватаются за оба длинные конца ея, какъ наши бурлаки за бечеву становясь гусемъ, человѣка по три, по четыре на каждый конецъ, и ждутъ когда въ камень ударитъ сильная волна прибой, которая сдвинетъ его нѣсколько съ мѣста и такимъ образомъ облегчитъ имъ работу. Съ каждымъ ударомъ набѣгающаго вала, они дружно всѣ вразъ подвигаются на нѣсколько шаговъ къ берегу, пока наконецъ не вытащатъ камень совсѣмъ изъ воды. На берегу лежали для продажи цѣлыя груды такихъ валуновъ, составляющихъ собственность этой артели рабочихъ. Чтобы работа шла наиболѣе успѣшно надо ждать благоприятнаго вѣтра, который гналъ бы къ берегу сильную волну; болѣе же мелкіе камни, пуда въ три, въ четыре вѣсомъ, выбираются во всякую погоду просто руками, или выкатываются при помощи деревянныхъ колебѣвъ. Промыселъ этотъ, говорятъ, довольно выгоденъ, такъ какъ на валуны постоянный спросъ и для построекъ, и для японской щепки.

Въ мѣстечкѣ есть довольно большая и приличная японская гостиница, гдѣ мы застали какую-то шумную компанію нѣмецкихъ живописцевъ съ двумя одутловатыми дамами въ амазонкахъ, а рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, — нашихъ морскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ сюда верхами. Нѣмцы, какъ всегда и вездѣ, не обошлись, конечно, безъ «Носи!» въ честь Бисмарка и прочихъ, и проорали полупьяными голосами весь репертуаръ своихъ воинственно-патріотическихъ пѣсенъ, а въ заключеніе затѣяли ссору съ хозяевами гостиницы изъ-за грошоваго счета. Не знаю чѣмъ у нихъ кончилось, потому что мы предпочли удалиться, чтобы не отравлять себѣ удовольствія видомъ этихъ господъ съ ихъ пивнымъ, назойливымъ восторгомъ.

Мѣстечко не велико, но, какъ и всѣ японскія мѣстечки, разбито, по возможности, на правильные кварталы; улицы въ немъ достаточно широки, вытянуты въ линію, отлично шоссированы, снабжены дренажными канавками, даже освѣщаются европейскими фонарями и вообще содержатся въ полномъ порядкѣ. Попадаетъ довольно много двухъ-этажныхъ каменныхъ и начисто выбѣленныхъ домовъ; въ каждомъ домикѣ непременно какая-нибудь

лавочка. Предъ чайными и съѣстными заведеніями много дженерикшей, — даже слишкомъ много для такого маленькаго мѣстечка. На склонахъ холмовъ, окружающихъ Тогпицу, виднѣются кладбища съ гранитными монументами. Чтобы познакомиться съ мѣстечкомъ достаточно проѣхать по любой изъ его улицъ, совершенно похожихъ одна на другую. Больше въ немъ дѣлать нечего, и мы рѣшительно не знали бы какъ убить время, пока не отдохнутъ курама, еслибы на наше счастье не узнали, что здѣсь, по случаю недѣльнаго праздничнаго дня (*рейби*), дается сегодня большое театральное представленіе какою-то труппой странствующихъ актеровъ.

Еще на пути сюда мы нагнали по дорогѣ театральнаго герольда, замѣняющаго собственную особую печатную афишу. Онъ былъ одѣтъ въ узкіе обтяжные штаны и въ какую-то красную, расшитую золотомъ накидку, очевидно изъ числа театральныхъ костюмовъ, брошенную на голыя плечи. На головѣ его красовалась фантастически убранная перьями и лентами широкополая шляпа, а къ поясу былъ прицѣпленъ барабанъ. Подходя къ жилищамъ мѣстамъ, герольдъ начиналъ выколачивать на немъ дробь, чтобы обратить на себя вниманіе, и затѣмъ во всеуслышаніе провозглашалъ декламаторскимъ тономъ широковыскальное объявленіе о всѣхъ подробностяхъ предстоящаго спектакля. Это здѣсь обычный у бродячихъ провинціальныхъ артистовъ способъ оповѣщать сельскую публику о времени, мѣстѣ и характерѣ представленія.

Мы не имѣли еще понятія объ японскихъ сельскихъ театрахъ, и потому съ удовольствіемъ воспользовались случаемъ посмотреть что это такое. Намъ указали дорогу къ одному храмику на окраинѣ мѣстечка, гдѣ, среди зеленой лужайки, наскоро была сооружена продолговатая четырехъ-угольная загородка изъ тростниковыхъ матъ и легкихъ цыновокъ, прикрепленныхъ къ бамбуковымъ устоямъ и перекладинамъ. Партеръ располагался прямо на землѣ, гдѣ для удобства зрителей было разостлано нѣсколько дешевыхъ цыновокъ, а съ обоихъ боковъ имѣлись даже ложи и подъ ними — галлерей. Ложи состояли изъ приподнятаго на высоту трехъ аршинъ досчатаго помоста, окруженнаго спереди бамбуковыми перилами и подѣленнаго внутри бамбуковыми же барьерчиками на отдѣльные, довольно тѣсные помѣщенія. Къ нимъ вели двѣ приставныя лѣстницы. Театръ былъ открытый, безъ кровли, но надъ ложами подѣланы цыновочные навѣсы для защиты отъ дождя и солнца. Галлерейные зрители, какъ занимающіе самыя дешевыя мѣста, должны были смотрѣть на представленіе стоя. Устройство сцены въ родѣ того, какое въ тоокійской Сибайѣ, но безъ ея механическихъ приспособленій, за

исключением двух люков, необходимых для провалов и изрыгания адского пламени. Приподнятый досчатый помост сцены отделялся от партера пыночными ширмами, скрывавшими от зрителей подполье, где, по походному, были устроены уборные и располагалась вся бутафорская часть. Внешние боковые кулисы тоже пыночные. Раздвижной занавес—из шивных полотнищ лиловой крашенины, на которых нашиты бѣлые китайскіе знаки. Над ним, по середине верхней перекладины, прибитъ размаляванный картонный драконъ, грозно осклабившійся на зрителей. Вотъ и все. Театръ былъ переполненъ сельскою публикой, относившеюся къ зрѣлищу съ дѣтски простодушнымъ восторгомъ. Иные во время самаго представленія очень наивно вступали въ объясненія и разговоры съ дѣйствующими лицами, и вся публика вообще принимала самое живое участіе въ пьесѣ, громко выражая свое сочувствіе добродѣтели и негодованіе пороку, причемъ выраженіе этихъ чувствъ относилось непосредственно къ самимъ исполнителямъ. Чѣмъ лучше игралъ какой-либо актеръ порочнаго злодѣя, тѣмъ больше ругала его публика, и чѣмъ громче плакала угнетенная невинность, тѣмъ сердечнѣе было сожалѣніе о ней зрителей, изъ коихъ нѣкоторые пытались даже раскрывать ей истину, объясняя всю суть направленной противъ нея злодѣйской интриги и указывая виновниковъ оной. Здѣсь порицали или хвалили не самую игру, а тѣ идеи и положенія, какія представляла зрителю пьеса. Такое непосредственное отношеніе къ дѣлу и это дѣтски-наивное простосердечіе было даже умиительно, хотя и не лишено своей доли комизма. Мы заплатили за входъ по пятнадцати центовъ, и за это намъ были предоставлены лучшія мѣста въ партерѣ, впереди прочей публики, куда принесли нарочно для насъ даже буквы стулья; но именно поэтому самому, чтобы не заслонять собою сцены отъ ниже сидящихъ зрителей, мы предпочли расположиться позади ихъ, неподалеку отъ входа. Попали мы сюда къ концу пьесы, и потому я не могу рассказать ея содержаніе; но слѣдующая затѣмъ одноактная комедія была высужена нами до конца, и сюжетъ ея, при помощи переводчика и собственныхъ глазъ, усвоенъ нами настолько обстоятельно, что я могу довольно подробно передать его сущность.

Называется эта пьеса «Гроза». Дѣйствіе, по объясненію спеціальнаго сценическаго пояснителя или хорага, происходитъ на какой-то горѣ, около водопада, гдѣ подвизается нѣкій буддѣйскій бонза-отшельникъ, по имени Наруками. Нѣкогда онъ занималъ почетное мѣсто при императорскомъ дворѣ, но микадо прогналъ его за какую-то неблаговидную про-

дѣлку. Оставивъ дворъ, Наруками удалился на пустынную гору и построилъ себѣ келью близъ водопада, гдѣ еще раньше находилась старая буддѣйская часовня. Поселился онъ въ этой пустынѣ, не столько ради спасенія души и приготовленія ея къ нирванѣ, сколько для того, чтобы мстить императору за свою обиду. Средствомъ этого мщенія онъ выбралъ бездождіе, которое должно было породить засуху во всей имперіи. Такимъ образомъ, за обиду, нанесенную государемъ страны, должны были платиться всѣ его подданные. Но какимъ образомъ вызвать бездождіе? На этотъ счетъ японская космологія не затрудняется отвѣтомъ. Все дѣло въ драконѣ *Татсѣ-маки*, такъ какъ дождь зависитъ исключительно отъ его произволенія, и не только дождь, но и всѣ соединенныя съ нимъ атмосферическія явленія. Татсѣ-маки обыкновенно скрывается на днѣ моря, въ пещерахъ, но иногда ему вдругъ приходитъ фантазія подняться на поверхность воды,—тогда идетъ дождь. Если же что-нибудь разсердитъ дракона, или онъ просто захочетъ поразмять свои крылья и вздумаетъ поэтому взлетѣть къ небесамъ, то полетъ его производитъ въ воздухѣ такое смѣтеніе, соединенное съ вихремъ, бурей и грозой, что на все живущее въ природѣ нападаетъ ужасъ. Явленіе *тайфуна* (циклонъ), равно какъ и явленіе морскихъ смерчей—это прямыя послѣдствія его полета. Впрочемъ, мудрейшіе и ученѣйшіе изъ бонзъ имѣютъ съ Татсѣ-маки таинственныя сношенія и могутъ даже, посредствомъ извѣстныхъ имъ заклинаній, подчинять его своей власти. Наруками былъ изъ числа этихъ мудрейшихъ. Задумавъ мстить императору бездождіемъ, онъ вызвалъ къ себѣ Татсѣ-маки. Это было ему тѣмъ легче, что драконъ, соскучась въ своихъ морскихъ пещерахъ, любилъ иногда переселяться, какъ на дачу, въ бассейнъ пустыннаго водопада, гдѣ по сосѣдству обиталъ и Наруками. Вызвавъ его на сушу, мудрый бонза завлекъ страшнѣе въ старую часовню, подъ предлогомъ пріятнаго отдыха, и во время сна заточилъ его въ ней. Дѣлается это тоже очень просто: достаточно предъ запертою дверью протянуть снаружи освѣщенную веревку изъ рисовой соломы, украшенную дзіндзями и соломёнными кистями-подвѣсками, привязавъ оба конца ея къ двумъ переднимъ колонкамъ, чтобы драконъ уже никакъ не могъ выйти изъ заточенія. Продѣлавъ съ Татсѣ-маки такую коварную штуку, Наруками самолично сталъ караулить его день и ночь подлѣ часовни. Главное, надо было смотрѣть, чтобы кто-нибудь не развязалъ или не перерѣзалъ магическую веревку, такъ какъ въ этомъ случаѣ драконъ отъ скуки тотчасъ же взлетитъ на небо, и тогда конецъ бездождію. И вотъ мудрейшій Наруками подвизается дни и ночи на

ступеняхъ часовни, проводя все время въ строгомъ постѣ, молитвахъ и священныѣхъ омовеніяхъ. Между тѣмъ микадо дознался о причинѣ засухи и, удрученный заботами о бѣдствующемъ народѣ, совѣщался не только съ министрами и жрецами, но и съ простыми смертными о томъ, какъ избавиться отъ такого необычайнаго несчастья. Тогда одна изъ придворныхъ фрейлинъ, молодая и красивая Таема, самоотверженно вызвалась спасти государя и страну отъ бѣдствія. Зритель узнаетъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ изъ декламаторскаго разсказа хорага, который сидитъ на корточкахъ позади правой кулисы, предъ музыкантами. Сцена представляетъ горные утесы. На лѣвой сторонѣ намалеванъ ниспадающій со скалы водопадъ, а надъ нимъ стоитъ часовня, запечатлѣнная священной веревкой. Съ правой стороны, на поверхности утеса находится площадка, гдѣ поставленъ столикъ, на которомъ горитъ священный огонь, а предъ нимъ—жаровня (хибачъ), наполненная углями для поддержанія этого огня.

Дѣйствіе начинается съ того, что на сцену являются четверо бритоголовыхъ учениковъ мудраго Наруками и не безъ комизма изображаютъ какъ они, тайно отъ учителя, приносясь сюда подъ полой кувшины съ саки и закуски изъ рыбьяго мяса, употребленіе котораго строжайше воспрещено бонзамъ по ихъ духовнымъ законамъ. Испивая и закусывая съ оглядкой, они жалуются на Наруками за то, что изъ-за его каприза приходится имъ теперь жить на безлюдьи и пропадать въ такой противной трупцобѣ. Но вотъ раздается приближающійся звукъ маленькаго ручного колокольчика, и послушники спѣшатъ запереть въ кусты свои запретныя угощенія. Является Наруками съ великостыною миной суроваго подвижника, въ полномъ облаченіи своего духовнаго сана, съ посохомъ и колокольчикомъ въ рукахъ. Весь проникнутый собственною важностью и святостью своего сана, онъ сначала любитесь красотой природы, изливаетъ свои чувства въ высокопарныхъ стихахъ, а затѣмъ величественно всходитъ на правую скалу, садится на свое мѣсто у столика, предъ священнымъ огнемъ, и погружается въ созерцательное состояніе религіознаго самоуглубленія.

Но вдругъ звонъ колокольчика, означающій приближеніе посторонняго человѣка, пробуждаетъ его изъ этого состоянія. Ученики докладываютъ ему, что идетъ какая-то молодая дѣвушка. Она подходитъ къ скалѣ и почтительно кланяется отшельнику, который, съ подобающимъ его сану благочестивымъ смиреніемъ, но въ то же время и съ достоюжною строгостью аскета, вопрошаетъ путницу, какая необходимость понудила ее прійти въ эти пустынные и страшныя мѣста? Та отвѣчаетъ съ печальнымъ видомъ, что пришла по-

полоскать одежды своего недавно умершаго молодого мужа. «Но почему же именно сюда?»—«Потому, объясняетъ она,—что больше негдѣ, всѣ источники изсякли отъ засухи». Наруками сжалился надъ нею и изъ любопытства начинаетъ разспрашивать кто былъ ея мужъ и какъ они жили? Мнимая вдова (фрейлина Таема) начинаетъ разсказъ о своемъ романѣ, какъ впервые встрѣтилась она со своимъ покойнымъ мужемъ, какъ почувствовала къ нему первое влеченіе, какъ страдала отъ сомнѣній раздѣляетъ ли онъ ея чувство, и какъ наконецъ добилась своей цѣли, что онъ полюбилъ ее и сдѣлалъ своей женой. Разсказъ ея часто прерывается комическими выходками учениковъ-послушниковъ, задающихъ ей разные якобы наивные вопросы. Соль, конечно, заключается въ ихъ двусмысленности, возбуждающей веселый смѣхъ зрителей. Разсказъ ея, между прочимъ, такъ увлекаетъ отшельника, что онъ, оступившись, нечаянно падаетъ со скалы и терлеть сознаніе. Таема, пользуясь этимъ случаемъ, кидается къ нему и начинаетъ за нимъ ухаживать, стараясь привести его въ чувство. Ради этого она даже отчасти переходитъ за предѣлы японскихъ приличій, особенно въ отношеніи такого лица какъ монашествующій бонза. Такъ, она набираетъ себѣ въ ротъ холодной воды, чтобы при поцѣлуѣ перелить ее въ ротъ Наруками, и согрѣваетъ его грудь прикладывая къ ней своею обнаженною грудью. Когда бонза, придя въ сознаніе, узнаетъ кто и какимъ образомъ за нимъ ухаживалъ, онъ вспыхиваетъ краской благочестиваго стыда и въ смущеніи начинаетъ подозрѣвать, что эта особа пришла сюда съ не совсѣмъ-то благою цѣлью. Онъ обращается къ ней съ укоризнами, напоминаетъ о грѣхѣ, о небесной карѣ для смутителей монашескаго цѣломудрія. Таема дѣлаетъ видъ будто она изумлена и поражена его недостойными подозрѣніями и высказываетъ, что ей и такъ постыла жизнь безъ любимаго мужа, что если, къ довершенію всѣхъ ударовъ судьбы, ее теперь подозрѣваютъ еще въ недостойномъ умыслѣ, то лучше ей покончить съ собой, лучше сейчасъ же броситься въ этотъ водопадъ и найти себѣ смерть въ его кипящихъ волнахъ,—и она съ видомъ отчаянія бѣжитъ къ потоку. Такая рѣшимость испугала и тронула Наруками. Онъ бѣжитъ вслѣдъ за дѣвушкой, настаиваетъ и удерживаетъ ее уже на краю пропасти. Наруками начинаетъ убѣждать ее, что самоубійство самый нелѣпый и самый грѣховный исходъ изъ жизненныхъ затрудненій, и что если ужъ ей такъ надоѣла мірекая жизнь, то простѣйшее средство—отречься отъ нея, для этого стоитъ лишь поступить въ монахи, и онъ краснорѣчиво принимается доказывать ей всѣ преимущества монашеской жизни и пользу созерцательнаго существованія

для спасенія души. Таема дѣлаетъ видъ будто мало-по-малу поддается его убѣжденіямъ и наконецъ заявляетъ, что готова на это, что во глубинѣ души у нея давно уже мелькала мысль о монастырѣ, но только до сихъ поръ случай не сводилъ ея съ достойнымъ бонзой, который взялся бы постричь ее. Она кидается на колѣни и съ увлеченіемъ проситъ Наруками постричь ее сейчасъ же. Бонза изъясняетъ свое согласіе. Но тутъ является маленькое затрудненіе: для пострига необходимы ножницы и бритва¹⁾, а ихъ нѣтъ у Наруками. Какъ быть? Таема подаетъ мысль, нельзя ли послать за тѣмъ и другимъ въ ближайшую деревню? Прекрасно. Наруками отдаетъ одному изъ послушниковъ соответственное приказаніе, но тотъ трусоватъ и боится идти одинъ, ссылаясь на пустынную мѣстность, посѣщаемую порою злыми духами, и на то, что уже смеркается. Чтобы ободрить его, бонза командуетъ вмѣстѣ съ нимъ другого ученика; но и этотъ отговаривается, приводя тѣ же причины. Тогда Наруками приказываетъ идти съ ними и третьему, а четвертаго, который похвалитъ остальныхъ, посылаетъ въ сосѣдній монастырь за четками. Такимъ образомъ всѣ ученики расходятся. Таема, оставшись наединѣ съ Наруками, возвращается къ своему разсказу о покойномъ мужѣ и сквозь слезы описываетъ его предсмертныя страданія. Воспоминаніе объ этомъ производитъ на нее столь сильное впечатлѣніе, что съ нею дѣлается истерическій припадокъ. Она съ воплями падаетъ на землю, рыдаетъ, хохочетъ и рветъ на себѣ какъ бы душащее ее платье. Растерявшійся бонза не знаетъ, что дѣлать и бѣжитъ за кропиломъ, думая облегчить ея страданія освященною водой. Но вода не вполнѣ помогаетъ. Таема хотя и приходитъ нѣсколько въ себя, однако продолжаетъ жаловаться на сильное стѣсненіе въ груди и умоляетъ бонзу растереть ей грудь рукой. Тотъ безпрекословно исполняетъ ея просьбу, и Таема отъ дѣйствія этого массажа мало-по-малу успокоивается, впадая въ нѣкоторое забытѣ, и только время отъ времени проситъ его слабымъ голосомъ: «Три... три еще, святой отшельникъ... три крѣпче... не переставай, мой добрый наставникъ». Между тѣмъ Наруками, коснувшись ея тѣла, невольно начинаетъ увлекаться ея красотой. Сначала онъ старается отогнать отъ себя грѣшные помыслы, но иску-

шеніе оказывается сильнѣе его воли, и онъ, почти незамѣтно для самого себя, начинаетъ поддаваться ему все больше и больше, и тутъ приходится ему соблазнительная мысль почему бы и въ самомъ дѣлѣ не обладать такимъ прелестнымъ существомъ, которое къ тому же такъ одиноко и такъ несчастно... Почему бы ему и не назвать ее своею женой, тѣмъ болѣе, что будучи вдовой, она можетъ совершенно свободно располагать своими чувствами?.. Онъ, начиная увлекаться этою мыслью, и воображеніе рисуетъ ему цѣлый рядъ соблазнительныхъ картинъ семейнаго счастья и прелестной взаимной любви. Между тѣмъ Таема, подъ успокоительнымъ дѣйствіемъ его манипуляцій, забылась сномъ, а Наруками, то похаживая осторожно около нея на цыпочкахъ и любуясь ея красотой, то присѣдая передъ ней на корточки и слегка помахивая въ лицо ей вѣеромъ, продолжаетъ вслухъ свои мечтанія и разными жестами и мимикой выражаетъ спящей красавицѣ свои дѣйствительныя чувства. Принимая во вниманіе его духовный санъ и полное облаченіе, сцена эта выходитъ довольно комична, и публика, конечно, смѣется, тѣмъ болѣе, что актеръ въ самомъ дѣлѣ играетъ свою роль не дурно.

Но вотъ Таема тихо просыпается и лежа смотритъ безмолвно на бонзу, который такъ увлекся мечтами, что не замѣчаетъ этого и продолжаетъ въ восторгѣ свои нѣжно пламенные изліянія. Дѣвушка приподымается на локтѣ и устремляетъ на него недоумѣвающий взоръ.—«Что это съ вами, мой святой наставникъ?»—спрашиваетъ она его удивленнымъ тономъ. Захваченный врасплохъ, Наруками сначала смѣшался, а затѣмъ съ оника объявляетъ, что онъ влюбленъ какъ котъ и хочетъ сдѣлаться разстригой, чтобы жить и наслаждаться жизнью... «Ну ихъ къ праху эти четки, этотъ посохъ и постъ и всѣ скучныя книги и подвиги самоуглубленія!.. Не хочу ихъ больше! Хочу жениться!» — «На комъ, мой достойный подвижникъ?» — «На тебѣ, чортъ возьми! На тебѣ, моя вдовица! мой перлъ, мое очарованіе!» И бонза въ страстномъ порывѣ кидается къ ней въ объятія, но Таема устраняетъ его и начинаетъ усовѣщивать, напоминая, что не далѣе какъ полчаса назадъ онъ самъ такъ убѣдительно уговаривалъ ее отречься отъ міра. Наруками объявляетъ, что все это было заблужденіе, вздоръ, одна только глупость и принимается теперь доказывать ей совершенно противное. Онъ умоляетъ дѣвушку сдать на его предложеніе; но та долго не соглашается. Тогда бонза начинаетъ грозить ей, что призоветъ на ея голову всѣ кары небесныя, что повѣдѣвая самимъ великимъ дракономъ Татъ-маки, онъ громомъ и молніей разрушитъ всю Японію и лучше пусть самъ погибнетъ въ этомъ водопадѣ, чѣмъ будетъ

¹⁾ Въ Японіи буддійскій обрядъ постриженія въ монашество лицъ обоихъ половъ состоитъ въ томъ, что послѣ извѣстнаго предварительнаго искуса, мужчинамъ обрѣзываютъ *мено* (косицу на темени), а женщинамъ всѣ волосы, послѣ чего тѣмъ и другимъ брѣютъ всю голову и окропляютъ священною водой; затѣмъ новопостриженныхъ облачаютъ въ монашескій костюмъ и вручаютъ имъ посохъ и четки, какъ знакъ ихъ духовнаго чина.

влачить существование безъ ея взаимности. Таема, будто бы устрешенная всѣми эти угрозами, сдается наконецъ на его предложеніе. Бонза въ восторгѣ. Теперь все дѣло только въ обрядѣ брачнаго союза, но онъ у японскихъ буддистовъ вообще весьма не сложенъ, а по нуждѣ и тѣмъ болѣе. Все дѣло лишь въ томъ, что женихъ и невеста должны въ три поочередные приема распить брачное саки изъ одной и той же чаши, и разъ это сдѣлано, бракъ считается законнымъ. Но Таема въ затрудненіи гдѣ добыть саки? «О, я на этотъ счетъ умнѣй своихъ учениковъ, объясняетъ Наруками: они думаютъ, что надуваютъ меня когда тайкомъ приносятъ сюда саки и закуски, а я въ свою очередь тайкомъ замѣчаю куда они ихъ прячутъ, и, не говоря худого слова, въ удобную минуту пользуюсь втихомолку тѣмъ и другимъ, а они, дураки, пускай себѣ думаютъ другъ на друга». И онъ достаетъ изъ-подъ куста кувшинъ, запрятанный учениками. «Вотъ она, драгоценная влага! Садись противъ меня и совершимъ обрядъ супружескаго союза!» Таема опускается на землю и дѣлаетъ ему, согласно церемоніалу, привѣтственный земной поклонъ; Наруками отвѣчаетъ ей тѣмъ же, произнося положенныя по буддйскому ритуалу клятвы супружеской вѣрности, и затѣмъ оба садятся другъ противъ друга, касаясь одна другаго колѣнками, и начинаютъ распивать саки. Сначала Наруками, отпивъ изъ кувшина, подноситъ его къ устамъ невесты, потомъ она, принявъ сосудъ отъ жениха, дѣлаетъ то же самое въ отношеніи его, и такъ далѣе. Таема нарочно заставлятъ бонзу пить больше, для того, какъ говоритъ она, чтобы брачный союзъ ихъ былъ крѣпче. Но его не надо упрямить долго; онъ радъ, что дорвался до запретнаго напитка и усердно тянетъ его изъ горлышка. Обрядъ завершается брачнымъ поцѣлуемъ. Вскорѣ хмельное саки оказало свое дѣйствіе на бонзу, и онъ пускается въ плясъ предъ воображаемою супругой, но его уже шатаетъ изъ стороны въ сторону, ноги заплетаются, языкъ бормочетъ безсвязныя слова, и наконецъ, потерявъ равновѣсіе, Наруками плещется на землю и засыпаетъ. Тогда Таема снѣшнѣе взобраться на утесъ, бѣжитъ къ часовнѣ, перерѣзываетъ карманнымъ кинжаломъ священную веревку и отпираетъ двери храма. Въ тотъ же мигъ оттуда вырывается молніеносная вспышка пламени, и грозный картонный драконъ Татсъ-маки, со свистомъ и шипѣньемъ прилаженныхъ къ нему маленькихъ ракетокъ и фейерверочныхъ хлопнушекъ, стремительно летитъ чрезъ всю сцену и взмывается къ небу. Блескъ молній и удары театрального грома немедленно же возбуждаютъ о появленіи на небѣ освобожденнаго чудовища. Начинается страшная гроза и буря, сопровождаемая свистомъ и воемъ вѣтра,—словомъ,

полный *тайфунъ*. Таема распускаетъ свой дождевой зонтикъ, и приближаясь къ спящему Наруками, извиняется предъ нимъ въ томъ, что послужила причиной его соблазна и такъ жестоко обманула его, — «но вѣдь это сдѣлано во имя государственнаго и народнаго блага», такъ пусть же эта высокая цѣль служить ей оправданіемъ и передъ людьми и передъ небомъ! Наруками однако спитъ такъ крѣпко, что не слышитъ не только ея извиненій, но и страшныхъ раскатовъ грома, раздающихся надъ его головой. Таема, прикрываясь зонтомъ отъ проливнаго дождя, поспѣшно удаляется со сцены. Вслѣдъ за ея уходомъ появляются измоченные ученики, не постигая откуда вдругъ могла явиться возможность такой ужасной грозы, когда Татсъ-маки сидитъ подъ арестомъ у ихъ святѣйшаго наставника. Но каково же ихъ смущеніе, когда одинъ изъ нихъ случайно замѣчаетъ, что священная веревка перерѣзана и двери часовни раскрыты. Неужели самъ учитель рѣшился выпустить дракона? И гдѣ онъ, наконецъ, этотъ учитель? Куда онъ дѣвался? Они начинаютъ искать и кликать Наруками, и вдругъ, къ величайшему своему удивленію, видятъ, что мудрейшій изъ мудрейшихъ и преславнѣйшій наставникъ ихъ распростертъ на землѣ въ безобразномъ видѣ, рядомъ съ ихъ опорожненнымъ кувшиномъ. Ученики начинаютъ энергически будить его, и когда Наруками приходитъ наконецъ въ сознаніе, онъ съ ужасомъ узнаетъ и видитъ послѣдствія своего грѣховнаго увлеченія. Онъ разражается проклятіями, въ отчаяніи рычитъ и воитъ, бьетъ себя кулаками, рветъ на себѣ свои священныя облаченія, — все дѣло его мщенія пропало. Татсъ-маки не поддается вторично на заклинанія, и наконецъ эта женщина, ради которой онъ преступилъ всѣ заповѣди своего сана, обманула и погубила его. Но нѣтъ, Наруками еще поборется, онъ призываетъ къ себѣ на помощь всѣ силы ада, всѣхъ воздушныхъ, подводныхъ и подземныхъ духовъ, — онъ требуетъ, онъ призываетъ и закликаетъ ихъ явиться къ нему немедленно, и вотъ подъ нимъ вдругъ разверзается земля, въ видѣ театрального люка, и старый грѣшникъ проваливается въ преисподнюю, изъ которой показываются языки адскаго пламени.

На этомъ и кончается пьеса. Разыграна она была, для бродячей провинціальной труппы, очень не дурно, бойко, живо, съ отчетливымъ знаніемъ своей роли каждымъ исполнителемъ, и публика осталась вполне ею довольна. Но независимо отъ игры и обстановки, конечно не отличавшейся роскошью, сама пьеса, по своему смыслу и содержанію, возбуждала въ насъ нѣсколько, такъ-сказать, вопросительныхъ знаковъ. Правительственная цензура, какъ видно, не стѣсняетъ ни авторовъ, ни актеровъ въ изображеніи и осмѣяніи буддйскаго

духовенства, несмотря на то, что закону Будды слѣдуетъ почти вся Японія. Можетъ-быть, это одна изъ мнѣшнихъ мѣръ политической борьбы вѣншнаго правительства противъ обществен-ныхъ остатковъ сегунальнаго режима, такъ какъ извѣстно, что сегуны преимущественно держались буддизма и всячески ему покровительствовали, разсчитывая, конечно на взаимную съ его стороны поддержку и находя въ немъ противоязъ вліянію кіотскихъ микадо, всегда обязательно исповѣдывающихъ древній національный культъ *ками* (*синто*) и являющихся даже его первосвященниками. Но тутъ вотъ что замѣчательно: сельскій людъ, который не безъ усердія ставитъ и поддерживаетъ на своихъ земляхъ буддійскія божнички и часовни, заходить въ храмы, молится и жертвуетъ на нихъ добротную копѣйку, — этотъ самый сельскій людъ отъ души хохочетъ въ театрѣ надъ сатирическимъ изображеніемъ духовнаго лица, и религиозное чувство его нисколько не возмущается тѣмъ, что тутъ профанируются на сценѣ священныя облаченія и прочіе атрибуты его религиознаго культа. Слѣдуетъ-ли отнести это къ явленіямъ религиознаго индифферентизма? Поощряетъ ли такіа проявленія правительство или только игнорируетъ ихъ? И дѣлаетъ ли оно это съ извѣстною цѣлью, или же безсознательно? Эме Эмберъ, около двадцати лѣтъ назадъ, еще до революціи 1868-го года, замѣчалъ, что японскій народъ любитъ шутить надъ самыми любимыми изъ своихъ божествъ, каковы «семь боговъ счастья», даже надъ тѣми, которыхъ онъ создалъ по своему образу и подобию, безо всякаго вѣншательства официальнаго культа съ его *Ками* и Буддой «потерявшими для японцевъ всякую прелесть», и потому эти самые боги нерѣдко являются у него въ добродушныхъ карикатурахъ. «Едва ли найдется, говорить тотъ же авторъ, на всемъ земномъ шарѣ народъ, который бы до такой степени отгнулся отъ своихъ древнихъ вѣрованій и который бы такъ насмѣхался надъ религіей и моралью своихъ жрецовъ, какъ народъ, населяющій острова Восходящаго Солнца. Этотъ народъ, пребывающій въ состояніи младенчества, если судить по вѣншнимъ признакамъ, въ сущности щедро одаренъ умомъ, который обнаруживается даже въ его общественныхъ увеселеніяхъ и еще болѣе въ его карикатурахъ религиознаго содержанія». Послѣднія, по мнѣнію Эмбера, ни что иное какъ тайный протестъ противъ старыхъ боговъ и безмолвное поклоненіе невідому богу. Если это такъ, то японскій религиозный индифферентизмъ становится понятенъ, и даже кажущееся противорѣчіе между его проявленіями съ одной и поклоненіемъ храмовымъ божествамъ съ другой стороны можетъ быть объяснено отчасти народными суевѣріями, отчасти преемственною привычкой, по пре-

данію, къ извѣстнымъ народнымъ бытовымъ празднествамъ и религиознымъ обрядамъ. То-есть, это значитъ, что тутъ уцѣлѣли еще форма и вѣншность, тогда какъ вѣнтранный духъ, создавшій и наполнявшій ее, давно уже отсутствуетъ. Съ этой стороны такому религиозному индифферентизму можно бы только радоваться, такъ какъ онъ служитъ лучшимъ показателемъ, что при своихъ врожденныхъ добрыхъ и честныхъ качествахъ, японскій народъ уже представляетъ собою готовую почву для воспріятія вѣры Христовой, и что всѣ бывшія доселѣ гоненія на мѣстныхъ христіанъ были дѣломъ не народнаго фанатизма, а лишь правительственнымъ мѣропріятіемъ изъ чисто политическихъ цѣлей, да еще слѣдствіемъ интригъ синто-буддійскаго духовенства, опасавшагося вторженія новой религіи изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ.

Но возвращаясь къ пьесѣ. Осмѣивая въ лицѣ Наруками буддійское духовенство, она въ то же время не грѣшитъ противъ нравственнаго чувства вообще, такъ какъ пороки и нарушенія принятыхъ на себя обѣтовъ несутъ въ ней заслуженное наказаніе, и кромѣ того, въ основѣ ея лежитъ несомнѣнно идея патриотическаго долга. Таема добровольно беретъ на себя рискованную миссію къ Наруками чтобы помочь своему государю и странѣ, во имя, какъ говорить она сама, государственнаго и народнаго блага. И эта-то идея долга, — будетъ ли то долгъ чести, долгъ дружбы, даннаго слова, семейныхъ обязанностей или долгъ патриотизма, — является, какъ мнѣ кажется, преобладающею идеей литературныхъ и драматическихъ произведеній Японіи. Нельзя не отмѣтить это какъ черту весьма характерную.

17-е мая.

Сегодня съ утра отправились мы съ И. И. Зарубинымъ и А. С. Просинскимъ въ мѣстечко Моги, лежащее къ востоку отъ Нагасаки, въ Симодскомъ заливѣ. Курама довезли насъ въ дженерикшахъ до нагасакаскаго предмѣстья Гунгоци, около нагорныхъ кладбищъ, гдѣ пришлось на нѣкоторое время остановиться, чтобы подождать пока придутъ нанятые для насъ носильщики съ *каго*. Присѣли мы на ступеньки наружной галлерей какаго-то трактирчика, куда старичекъ-хозяинъ тотчасъ же принесъ намъ обязательное угощеніе японскимъ чаемъ. Въ этомъ же помѣщеніи находится у него и лавочка дорожныхъ вещей, гдѣ я купилъ себѣ большой японскій зонтикъ изъ *абураками* ¹⁾ и заплатилъ за него всего 35 центовъ, тогда какъ въ городѣ купцы, вкусившіе отъ европейской «цивилизациі» и перенявшіе отъ цивилизаторовъ приемы торговли, заламываютъ за точно

¹⁾ Особый родъ плотной промасленной бумаги, отличающейся своею непромокаемостью.

такіе же зонтики отъ полутора іена до одного доллара. Зонтикъ этотъ очень пригодился въ пути и отъ жгучаго солнца, и отъ проливного дождя, какимъ вдругъ наградила насъ на нѣсколько минутъ невѣсть откуда набѣжавшая тучка. Остановка наша была непродолжительна, но очень пріятна. Вблизи раздавался рокочущій шумъ горной рѣчки, катившей по каменистому ложу свои быстрыя, пѣнистыя воды; направо, по сосѣдству, вся въ розовыхъ цвѣтахъ, красовалась на перекресткѣ дорогъ каменная часовенка съ изваяніемъ Будды, оставленная, по обыкновенію, свѣжими букетами въ бамбуковыхъ стаканахъ, а прямо въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трактирчика, стояло высокое, красивое дерево, усыпанное большими нѣжно бѣлыми цвѣтами, имѣющими форму продолговатаго звѣздчатаго раструба.

Вскорѣ подошли насильщики, въ числѣ десяти челоѣкъ, и притащили на себѣ три *каго*, въ которыхъ намъ и предстояло отправиться. Каго—это особый родъ носилокъ, приспособленный именно для горныхъ путешествій. Они состоятъ изъ плоской плетеной корзинки съ высокою спинкой такихъ размѣровъ, чтобы въ ней могъ помѣститься челоѣкъ поджавъ подъ себя ноги и прислонясь затылкомъ къ спинкѣ. Къ угламъ корзины прочно придѣланы четыре бамбуковыя стойки, на которыхъ лежитъ плоская, слегка выгнутая книзу крышка, а вдоль ея продѣвается сверху въ двѣ надежныя петли длинный, какъ оглобля, бамбуковый стволъ, лежащій на плечахъ двухъ носильщиковъ передняго и задняго. Съ боковъ и спереди каго бываетъ обыкновенно открыта, но на случай солнца или дождя, въ ней есть подобранныя подъ крышку занавѣски изъ абураками. Сидѣніе покрыто плоскимъ простеганнымъ тюфячкомъ, а на спинкѣ—подушка. Я попробовалъ было усѣсться по всѣмъ правиламъ въ этотъ своеобразный экипажъ, но не выдержалъ и пяти минутъ: съ непривычки, впервыхъ, затекаютъ ноги, а вовторыхъ, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, то и дѣло стучаешься теменемъ въ низко поставленную крышку, и это потому что всѣ каго, разумѣется, приспособлены не на европейскій, а на японскій ростъ; для японцевъ онѣ какъ разъ въ пору, а для насъ тѣсноваты. Я предпочелъ идти пѣшкомъ, да и остальные спутники вскорѣ последовали моему примѣру; носильщиковъ же оставили мы при себѣ на всякій случай, имѣя въ виду возвращеніе поздною порой.

Дорога шла въ гору по каменнымъ ступенямъ, мимо холмовъ Гико-сана справа и чубатой вершины Хоква-сана слѣва. По склонамъ послѣдняго раскинулось одно изъ городскихъ предмѣстій. Тамъ виднѣется много пагодъ, кладбищъ и отдѣльных домиковъ, группирующихся особыми кучками словно гнѣзда. Все

это залито роскошнѣйшей кудрявой растительностью, въ которой вы встрѣчаете всѣ отгѣнки и свѣтовые переlivы зеленого цвѣта, отъ самого свѣтлаго до густотемнаго, почти синяго, и на этихъ разнообразныхъ переходахъ зеленыхъ тоновъ какъ бы гигантской кистью брызнуты яркія пятна розовыхъ и пунцовыхъ азалій, какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ голубыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ и чайныхъ розъ и другихъ цвѣточныхъ растений, кустовъ и деревьевъ, и все это не въ видѣ точекъ какого-нибудь отдѣльнаго цвѣтка, котораго съ такого разстоянія и не замѣтилъ бы, а именно въ видѣ большихъ, широкихъ пятенъ, гдѣ нужны цѣлыя тысячи, даже десятки тысячъ густо и близко одинъ къ другому сидящихъ цвѣтковъ, чтобы получилась эта яркая одноцвѣтность, составляющая пятно той или другой окраски. Это, кажется, только въ одной Японіи и можно встрѣтить.

Между тѣмъ кремнистая грунтовая дорога, изрытая множествомъ глубокихъ водомоинъ, была просто ужасна, такъ что И. И. Зарубинъ вполне справедливо далъ ей названіе «чортовой дороги». Подъ плитами ея мѣстами журчитъ вода прикрытыхъ сверху оросительныхъ каналовъ... Идешь по камню, а подъ тобой, словно изъ-подъ земли, глухо раздается рокотъ быстро бѣгущихъ струй, которыя порой пробиваются наружу, чтобы, сверкнувъ на солнцѣ и пробѣжавъ пять, шесть шаговъ, снова уйти подъ землю. Здѣсь намъ попались новыя, не встрѣчавшіяся мнѣ до сихъ поръ виды въячковъ и молзучихъ растений, мелкоцвѣтныя бѣлыя шиповники и еще какое-то растеніе, совсѣмъ похожее на нашу «мать и мачиху», только съ огромными листьями. Разнообразныя ліаны опутывали съ корней и до вершины большія деревья и свѣшивались съ нихъ роскошными цвѣтущими гирляндами и хвостами. По сторонамъ пути, вездѣ и повсюду куда лишь хватаетъ глазъ, видишь обработанные клочки земли, непосредственно прилегающіе другъ къ другу и разграниченные каменными стѣнками, въ видѣ террасъ, лежащихъ одна надъ другой. Хижины сельчанъ разбросаны повсюду. При дорогѣ время отъ времени встрѣчаются чайныя домики и лавочки торгующія преимущественно соломенной обувью для людей и въячныхъ животныхъ, а также фонтаны для водопоя и божнички. Въ одной изъ послѣднихъ стоитъ статуэтка богини Кванзонъ-сама, схватившаяся ладонью за щеку. Носильщики объясняютъ А. С. Просинскому, который прекрасно говоритъ по-японски, что ей обыкновенно молятся страдающіе зубной болью,—потому она и за щеку держится,—и увѣряютъ будто помогаетъ.

По пути мы встрѣтили, между прочимъ, цѣлый хороводъ молодыхъ деревенскихъ дѣвшекъ, разодѣтыхъ въ яркоцвѣтные кйримоны,

въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ, изъ коихъ инны были пригнуты къ ушамъ при помощи охватывающей ихъ поперекъ широкой ленты, завязанной бантомъ подъ подбородкомъ. Въ рукахъ у каждой изъ этихъ сельскихъ красавицъ непременно былъ букетъ и длинный посохъ, украшенный на верхнемъ своемъ концѣ пучками разныхъ лентъ, преимущественно розоваго цвѣта. У нѣкоторыхъ за спиною висѣлъ *самсинъ*, переброшенный черезъ плечо на шелковомъ шнуркѣ съ кистями, или на лентѣ. Шествовали дѣвицы очень чинно, по двѣ въ рядъ, распѣвая цѣлымъ хоромъ какую-то пѣсню, не отличавшуюся, впрочемъ, на нашъ вкусъ особенной мелодичностью. Я скорѣе всего позволилъ бы себѣ сравнить это пѣніе съ весеннимъ мяуканьемъ молодыхъ кошекъ, на которыхъ отчасти и походили эти красавицы съ ихъ острыми подбородками и приподнятыми искоса къверху глазами. Было ихъ тутъ штукъ до сорока, и отправлялся весь этотъ хороводъ, по случаю праздничнаго дня, въ Нагасаки, на людей посмотреть и себя показать, пошататься по лавкамъ и понакупить себѣ кое-какихъ нарядныхъ, но дешевыхъ бездѣлушекъ и лакомствъ. Говорятъ, что такіа прогулки въ городъ совершаются ими почти каждый праздникъ, и всегда не иначе, какъ хороводомъ, для чего всѣ дѣвицы изъ окрестныхъ хуторовъ и селеній собираются въ 'заранѣе назначенное по уговору мѣсто и идутъ оттуда сами, безо всякихъ опекуновъ и провожатыхъ. Не было еще случая, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ обидѣть ихъ чѣмъ бы то ни было; напротивъ, встрѣчные мужчины, и даже носильщики тяжестей очень вѣжливо уступаютъ имъ дорогу и много-много если позволяютъ себѣ перекинуться съ ними добродушно-веселой шуткой. Точно такимъ же порядкомъ ходятъ онѣ и на богомолье, въ мѣста болѣе отдаленныя.

Наконецъ, вотъ и «пулъ горы», по выраженію И. И. Зарубина. Послѣ добраго часа довольно медленнаго хода по тяжелой дорогѣ въ гору, мы достигли перевала, на которомъ нашли цѣлую рощу тѣнистыхъ старорослыхъ камелій. Это не то что наши тепличныя жиденькія деревца того же названія, а формальныя деревья, съ толстыми стволами въ полный весной, когда всѣ онѣ усыяны пышными цвѣтами. Далѣе съ перевала, уже по восточному склону хребта, пошла прелестная роща высокихъ, свѣтло-зеленыхъ бамбуковъ, и дорога вдругъ измѣнилась, стала очень удобной. Мѣстами она высѣчена въ скалѣ: у каменнаго кряжа отвоевано упорнымъ человѣческимъ трудомъ пространство въ полтора, два аршина шириной, которое и вьется въ видѣ карниза или бермы по самому краю горнаго ската, а подъ нимъ внизу все идутъ уступами террасы

рисовыхъ, пшеничныхъ и иныхъ полей и плантацій. Пшеница не только уже созрѣла, но двѣ недѣли тому назадъ началась ея жатва; самую позднюю снимали нашего 9 мая. Сжавъ свое маленькое поле, японецъ тутъ же, на нивѣ, отламываетъ руками каждый колосъ отъ стебля и тщательно собираетъ его въ кошницы. Обмолачиваютъ же пшеницу кто на поляхъ, а кто во дворѣ, при домѣ. Инны дѣлаютъ это по нашему способу—цѣпами, а другіе употребляютъ длинную палицу, въ родѣ булавы. Токъ окружаютъ обыкновенно пыновочными ширмами, чтобы мякину не разносило вѣтромъ, такъ какъ она нужна въ хозяйствѣ на зимній кормъ скоту; солома тоже идетъ въ дѣло—на покрывку кровель, на плетенье матъ и пыновокъ, на подстилку скоту или въ рѣзку для смѣси съ глиной, при выдѣлкѣ сырцовыхъ кирпичей и т. п. Работаютъ на току всей семьей, и всегда не иначе, какъ нагишомъ—мужчины, женщины и дѣти, прикрывая длиннымъ полотенцемъ (*фундуши*) или просто лоскутомъ бумажной матеріи лишь свои бедра. Таковъ уже обычай.

Около сельскихъ хижинъ, въ честь праздника молотбы и сбора пшеницы, стоятъ глаголами по два, по три и по четыре высокіе бамбуковые шеста, втыкнутые въ землю въ рядъ. На нихъ надѣваются длинныя полотнища бумажной матеріи разныхъ цвѣтовъ, а болѣе всего краснаго, бѣлаго и лиловаго, испещренныя крупными продольными надписями чернаго или бѣлаго цвѣта. Надписи обыкновенно выражаютъ привѣтствіе и благодарность богамъ семейнаго счастья, довольства и плодородія за ниспосланный урожай. На нѣкоторыхъ шестахъ такіа полотнища подвѣшиваются и на подвижной скалкѣ, какъ штандарты или хоругви, и бываютъ нерѣдко разрисованы изображеніями разныхъ характерныхъ фигуръ и пейзажей. Кромѣ того, ко всѣмъ вообще такимъ шестамъ привѣшиваются вверху выпукло склеенныя изъ бумаги и разрисованныя красками изображенія рыбъ, въ особенности специально-японской рыбы *тай*, которыя оставляютъ на ниткѣ свободно качаться по вѣтру, а снизу подвѣшиваютъ къ полотнищамъ и шестамъ мѣдныя бубенчики; колеблемые вѣтромъ, они ударяются о стволъ бамбучины и издаютъ тихіе, мелодическіе звуки. Не довольствуясь этими украшеніями, поселяне вѣшаютъ еще шесты букетами цвѣтовъ и пучками длинныхъ лентъ изъ разноцвѣтной, золотой и серебряной бумаги. Въ тѣхъ семьяхъ гдѣ есть малолѣтнія дѣти, подъ большими штандартами обыкновенно втыкается въ землю рядъ такихъ же точно штандартовъ маленькихъ, игрушечныхъ. Это дѣлается ради дѣтей, дабы и онѣ, со своей стороны, могли собственноручно поставить «священную жертву благодарности» богамъ плодородія и жатвы.

Ровно на половинѣ пути отъ Нагасаки до Моги стоитъ чайный домъ, гдѣ обыкновенно и, можно сказать, почти обязательно отдыхаютъ путники и носильщики. Здѣсь отъ верхняго балкона перекинуть черезъ дорогу жердяной навѣсъ, завитый сплошную густо облиственнымъ побѣгами какого-то неизвѣстнаго мнѣ растенія, выющіяся стволы котораго располагаются во всѣ стороны, точно змѣи, отъ одного коряваго, очень стараго, но все еще полного жизни корня. Мы расположились на отдыхъ въ его мягкой, сквозящей солнцемъ тѣни и напились японскаго чая «въ прикуску», но вмѣсто сахара служили намъ сладкія, сухія печенья мѣстной пекарни. Удивительное дѣло, однако, этотъ японскій чай! Уже который разъ на самомъ себѣ замѣчаю я его благотворное дѣйствіе: устанешь ли работать головой, достаточно выпить двѣ маленькія чашечки, и готова свѣжа для дальнѣйшей работы; почувствуешь ли физическое утомленіе отъ продолжительнаго и труднаго пути, какъ сегодня, — опять-таки тѣ же двѣ чашечки, и снова бодръ и свѣжъ, и готовъ на новый переходъ подобнаго же свойства. Въ большомъ количествѣ этотъ чай производитъ изжогу и разстраиваетъ нервы, но въ умѣренной дозѣ онъ быстро и необыкновенно освѣжаетъ ихъ и подымаетъ силы.

Тронувшись въ дальнѣйшій путь, мы повстрѣчали какого-то ученаго японскаго путешественника, очевидно изъ прогрессистовъ, потому что онъ былъ въ усахъ (японцы стараго покроя никогда усомъ не носятъ) и съ отроченными по всей головѣ волосами, имѣли къ тому же на носу золотые очки, но не круглой китайской, а обыкновенной европейской формы. Недоставало только европейскаго костюма, но безъ сомнѣнія онъ замѣнилъ его японскимъ лишь на время пути, для большаго удобства, и оставилъ на себѣ одну только бѣлую англійскую каску. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, въ открытой бамбуковой каго и читалъ какую-то то толстую книгу, а за нимъ нѣсколько носильщиковъ тащили его чемоданы, и все шествіе замыкалъ молодой человѣкъ въ киримонѣ, секретарь ученаго. Теперь безпрестанно стали встрѣчаться намъ по дорогѣ навьюченные лошади, быки и буйволы; всѣ они въ соломенныхъ башмакахъ, что необходимо по здѣшнимъ дорогамъ, гдѣ этимъ животнымъ приходится шагать по каменистому грунту и ступенямъ каменныхъ лѣстницъ. Последнее они исполняютъ очень ловко, видно, что дѣло имъ привычное. Съ лѣвой стороны при каждомъ животномъ идетъ погонщикъ, ведущій его на вольномъ поводѣ (веревочномъ), который онъ забираетъ покороче только при встрѣчѣ съ иностранцами, такъ какъ животное, въ особенности быкъ, при непривычномъ ему видѣ европейца, явно тревожится: озираясь на не-

знакомца недобрыми глазами, онъ отрывисто и тяжело выпускаетъ дыханіе и начинаетъ бить себя хвостомъ по бедрамъ. Лошади при такихъ обстоятельствахъ ведутъ себя гораздо спокойнѣе. Здѣсь онѣ всѣ либо чалыя, либо буланья, либо же бѣлыя, и въ послѣднемъ случаѣ непременно альбиносы, съ блѣдно-голубыми глазами въ розовыхъ орбитахъ; у всѣхъ вообще волнистые хвосты и длинныя густыя гривы, преимущественно бѣлыя. Быки же почти исключительно черной масти и нѣсколько похожи на буйволовъ, будучи, вѣроятно, помѣсью послѣднихъ. Для уравновѣшенія вьюка, когда одна сторона нагружена болѣе, на другую накладываются камни. Попадаютъся и пѣшеходы, идущіе по большей части вдвоемъ или втроемъ и всегда, повидимому, въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Вскорѣ дорога втянулась въ красивое ущелье, гдѣ она идетъ мѣстами, точно коридоромъ среди густѣйшихъ зарослей, образующихъ двѣ сплошныя стѣны и нерѣдко сплетающихся надъ головой густымъ сводомъ изъ перепутавшихся зеленыхъ вѣтвей и вьюнковыхъ побѣговъ. Растительность просто поражаетъ богатствомъ, разнообразіемъ и роскошью развитія своихъ формъ, среди которыхъ вы нерѣдко видите самыя неожиданныя сближенія. Такъ, напримѣръ, по одну сторону дороги, на верхнемъ склонѣ горы, переплелись между собой представители чисто тропической флоры, опутанные орхидеями и лианами, тогда какъ по другую сторону весь крутой скатъ въ лошину покрытъ длинностебельными высокими соснами и сѣверными елями. А въ иныхъ мѣстахъ одна и та же лиана или лоза дикаго винограда опутала собой полярный кедръ и рядомъ съ нимъ стоящую банановую музу или роскошную латанію. Этотъ контрастъ являющійся въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ формъ полярной и тропической растительности необычайно эффектенъ и изыщенъ, и встрѣтить его можно, кажется, только въ одной южной Японіи.

Слѣва идутъ скалы, мѣстами покрытыя растительностью, мѣстами же совершенно голыя, но у нихъ, гдѣ лишь возможно, японецъ непременно отвоевываетъ себѣ хоть какой-нибудь клочекъ земли для самой тщательной обработки. Именно въ Японіи видишь всего осязательнѣе и притомъ на каждомъ шагу эту великую, всепобѣждающую силу упорнаго труда и культуры надъ дикой природой, даже надъ голыми скалами, изъ которыхъ земледѣлецъ другой національности навѣрное отказался бы извлечь что-либо себѣ на пользу. Японецъ не смущается такою борьбой и смѣло подчиняетъ себѣ бесплодныя скалы и кряжи, то настилая и выѣкая въ нихъ съ гигантскимъ трудомъ удобную дорогу, то обращая ихъ помощью чисто циклопическихъ работъ въ цвѣтущія плантаціи и плодородныя пашни, на которыя чуть не при-

горшнями переносить онъ изъ долины мало-мальски годящуюся землю. Намъ встрѣтилось нѣсколько поселянъ и женщинъ тащившихъ такую землю на гору; первые несли ее на спинахъ въ плетеныхъ корзинахъ, а послѣднія на коромыслахъ въ ведрахъ. Здѣсь ничто не пропадаетъ даромъ, и мы видѣли на той же дорогѣ почти голыхъ мальчишекъ съ корзиной и лопаточкой въ рукѣ, которые тщательно подбирали и складывали въ эти свои корзинки пометъ оставляемый выюнными животными.

Городокъ Моги, на берегу одной изъ небольшихъ бухтъ Симодскаго залива, ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ; это просто обыкновенное торговое японское мѣстечко, въ родѣ Тогицу, только въ еще болѣе красивой пейзажной обстановкѣ. Но въ красивыхъ пейзажахъ здѣсь вообще такой избытокъ, такая роскошь, что ихъ уже и не ставишь во что-либо особенное. Десятковъ пять мореходныхъ фуне и джонокъ столпилось у пристани; нины изъ нихъ лежали на мели по случаю отлива. Въ мѣстечкѣ много садиковъ, почти при каждомъ домикѣ свой особый, а на улицахъ очень много дѣтей гуляющихъ совсѣмъ почти нагишомъ,—обыкновенный костюмъ сельской, да отчасти и городской дѣтвѣры въ лѣтнюю пору. Есть *фундучи* на бедрахъ, значить и полный костюмъ по сезону; больше не требуется. Японскія дѣтки вообще очень миловидны; объ этомъ я говорилъ уже не однажды; но въ Моги, какъ и вообще въ деревняхъ, между ними въ особенности обращаютъ на себя вниманіе маленькія няньки своихъ братишекъ и сестреночекъ. Всего удивительнѣе то, что эти няньки бываютъ преимущественно въ возрастѣ отъ четырехъ до шести лѣтъ, мальчики и дѣвочки безразлично. Иной и самъ-то такой карапузикъ что, какъ говорится, едва отъ земли видно, а уже таскаетъ за спиной какую-нибудь годовалую крошку либо въ завороченныхъ полахъ своего киримончика, либо просто въ мѣлкообразной пеленкѣ, длинныя концы которой перетянуты у него крестъ-на-крестъ черезъ плечи и завязаны въ узелъ на спинкѣ малютки, чтобы послѣдняя не откидывалась слишкомъ назадъ. Дѣти очень любятъ исполнять обязанность нянекъ и даже обижаются если родители не поручаютъ имъ малютокъ! Оттого же, молъ, всѣ другіе носятъ, а я нѣтъ! Мнѣ-де предъ другими совѣстно; другимъ, значить, довѣряютъ, они, значить, большіе, а я нѣтъ. Видъ этихъ маленькихъ нянекъ, если можно такъ выразиться, трогательно комиченъ. Но не менѣе трогательна и со стороны взрослыхъ японцевъ любовь къ дѣтямъ вообще, хотя бы чужимъ и даже незнакомымъ. Помнится, я уже имѣлъ случай отмѣтить эту характерную черту. Взрослые люди при встрѣчахъ, на улицѣ ли, во дворѣ ли, никогда не пройдутъ безъ того, чтобы не поласкать ребен-

ка или не сказать ему добраго слова, хорошаго пожеланія. А чтобы кто рѣшился обидѣть ребенка, этого здѣсь я никогда не видѣлъ, какъ не видѣлъ и драки ни между дѣтьми, ни между взрослыми. Не стану утверждать, чтобы дракъ вовсе не было, но, повторяю, мнѣ никогда не доводилось ихъ видѣть, а это что нибудь да значить, какъ черта народныхъ нравовъ. За то очень часто приходится видѣть какъ взрослые, солидные люди и даже старики принимаютъ живѣйшее участіе въ дѣтскихъ забавахъ: пускаютъ съ дѣтьми и вуками бумажныхъ змѣевъ, играютъ въ воланъ, стрѣляютъ вмѣстѣ изъ лука, ловятъ стрѣкозъ и жуковъ чтобы привязать ихъ за ножку на ниточку и пустить летать, или мастерятъ ребятишкамъ изъ дерева повозочки, вѣтринки, кораблики и т. п. И это не для того только чтобы позабавить дѣтей, но повидимому имъ самимъ пріятно поиграть, такъ что глядя на нихъ думаешь порою какія это все милыя и добрыя взрослые дѣти!..

Остановились мы въ гостиницѣ и заказали себѣ обѣдъ, все равно какой случится, только просили подать къ нему пива. Но оказалось что *биръ-саки* (такъ называется по-японски пиво) у нихъ нѣтъ (*аримасэнэ*), а *ниттонъ-саки*—*аримасэ* (есть), сколько угодно. Подали намъ, во-первыхъ, знаменитую рыбу *тай*, надъ которою поваръ проявилъ верхъ кулинарной фантазіи, приготовивъ ее такимъ образомъ, что задняя половина рыбы съ задраннымъ кверху хвостомъ была зажарена, а передняя сварена и окуната въ принесенную намъ миску съ ухю. Подали, кромѣ того, разныя овощи, салаты, маринады и сырую рыбу, которую хотѣли-было при насъ живьемъ рѣзать на части, но мы отказались отъ этого удовольствія и предпочли вареный рисъ, принесенный въ закупоренной деревянной кадучкѣ, и миску ягоды *ичио*, которую я сначала принялъ по виду за желтую малину, но она оказалась бѣлою шелковицей, только совсѣмъ не сладкою и почти безвкусною. Въ заключеніе былъ конечно *о-ча-ниттонъ*, отъ котораго никогда и никакъ не отвертѣшься. И за все это удовольствіе взяли съ троихъ только полтора іена (1 руб. 95 коп.), что по японски значить содрали.

Въ этой гостиницѣ, равно какъ и въ каждомъ почти домѣ въ Моги, обращаетъ на себя вниманіе всякая декоративная растительность. Ее подвѣшиваютъ также какъ у насъ между колоннами, подъ верхнія перекладины наружныхъ галлерей, надъ входами и въ окнахъ, если гдѣ таковыя имѣются. Но тутъ вмѣсто вазончика берется большая раковина Аргонавтъ, или другая, тождественная по формѣ съ ракушкой обыкновенной садовой улитки, но около фута величиной. Въ раковинахъ просверливается нѣсколько маленькихъ дырочекъ:

внизу для стока лишней воды, вверх—для про-
двѣванія трехъ шнурковъ, на которыхъ висятъ
раковина; внутренность ея наполняется землей,
куда сажалют или сбѣютъ какое-либо изъ осо-
бенно красивыхъ висячихъ растений, въ ка-
кихъ здѣсь нѣтъ недостатка. Другой способъ еще
проще: вырѣзывается или выкапывается изъ
почвы маленькая глыбка черноземной или пре-
имущественно торфяниковой земли обвязывается
тремя шнурками, на которыхъ и подвѣши-
вается. Растительность на такихъ глыбкахъ
всегда значительно разнообразѣе чѣмъ въ
раковинахъ. Тутъ вы видите въ перемежку и
папоротникъ и болотный стрѣлчичикъ, и Ве-
нерины кудри, и незабудки, и еще много дру-
гихъ травянистыхъ растений, если только они
красивы (это необходимое условіе). Такія
глыбки, со всею ихъ уже готовою раститель-
ностью, выкапываются просто въ лѣсу на бо-
лотѣ, вообще въ какомъ нибудь дикомъ, хоро-
шо заросшемъ мѣстѣ. А чего въ нихъ не до-
стаетъ, то, смотря по вкусу хозяина, переса-
живается или засѣвается, и такимъ образомъ
глыбка обростаетъ сплошь со всѣхъ сторонъ,
представляя изъ себя комокъ всякой зелени,
не исключая и мелколистой ползучей, которая
завивается вверхъ по подвѣснымъ шнуркамъ
и свѣшивается съ нихъ небольшими гирлянда-
ми. Такія садовые и комнатныя украшенія
совершенно просты, но въ этой ихъ безпри-
язательной простотѣ есть своя изящная пре-
лесть. По красотѣ, глыбки нравятся мнѣ даже
больше чѣмъ раковины.

На возвратномъ пути, мы съ Просинскимъ
купили себѣ за пять центовъ по соломенной
шляпѣ, какія въ этихъ мѣстахъ носятъ про-
стонародье. Онѣ имѣютъ форму сплюснутаго
колокольчика и состоятъ изъ крѣпко связан-
наго и обрѣзаннаго на вершинѣ въ шишечку
пучка соломенныхъ стебельковъ, распускаю-
щихся конусомъ книзу, гдѣ, переплетаясь ме-
жду собой по три соломенки, образуютъ узор-
чатую каемку по нижнему краю шляпы; что-
бы между стебельками не было большихъ сква-
жинъ, полы ея отъ низу до верху прошнуро-
вываются соломенною веревочкой, которая спи-
ралью облегаетъ всю шляпу. Этотъ головной
уборъ очень легокъ и удобенъ: онъ и голову
достаточно защищаетъ отъ солнца и пропу-
скаетъ въ то же время свободный токъ воз-
духа, что при легкомъ вѣтеркѣ очень пріятно.
Такія шляпы носятъ здѣсь всѣ, и мужчины и
женщины.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, намъ по не-
волѣ пришлось уѣхать въ наши каго, что
случилось уже за переваломъ, на спускѣ къ
Нагасаки, гдѣ и днемъ-то, какъ говорится,
чортъ ногу сломить. Свободные отъ ноши но-
сильщики освѣщали нашъ путь факелами, за-
пасъ которыхъ былъ купленъ ими въ одной
изъ попутныхъ лавченокъ. Чтобы сдѣлать фа-

кель, берутъ птукъ шесть расколотыхъ попо-
ламъ сухихъ бамбучинъ и въ нѣсколькихъ мѣ-
стахъ туго перехватываютъ ихъ соломенными
плетенками. Будучи длиной почти въ сажень,
японскій факель горитъ довольно долго и до-
статочно ярко. Путешествіе въ каго, если
примириться со всею его неудобствами и свѣ-
сить ноги внизъ, не лишено нѣкоторой пріят-
ности, въ немъ есть нѣчто баюкающее. Но-
сильщики идутъ ровнымъ, строго размѣрен-
нымъ шагомъ. Темпъ его, медленный и тягу-
чій при движеніи въ гору, сразу переходитъ
въ быстрый и эластически легкій на спускахъ
и на ровномъ мѣстѣ, причемъ они никогда не
сбиваются ни съ ноги, ни съ темпа. Въ рукѣ
у каждаго изъ нихъ непремѣнно посохъ, дли-
ною вровень съ плечомъ, на которое у иныхъ
накладывается иногда небольшая подушечка.
Черезъ каждыя пять минутъ ходу носильщики
разомъ останавливаются чтобы перемѣнить
плечо, и для этого подпираютъ концы бамбу-
ковой оглобли своими посохами, такъ что каго,
оставаясь на вѣсу, и не пошелохнется. Въ двѣ,
три секунды перемѣна сдѣлана и они идутъ
дальше. И все это у нихъ уже такъ слажено
что и остановки, и движеніе происходятъ безо
всякой предварительной команды и знака, со-
вершенно молча и съ автоматическою точно-
стью часоваго механизма. Плата носильщи-
камъ—по два іена за каго, такъ что на брата
въ очистку приходится по 70 центовъ или
35 центовъ въ одинъ конецъ. Это, разумѣется,
дешевле дешеваго.

Всю дорогу доносился до насъ изъ низинъ
и падей концертъ болотныхъ жабъ, изъ кото-
рыхъ инныя появлялись и на нашемъ пути.
Выйдя на время изъ каго поразмѣять члены,
я чуть-было не наступилъ на одно такое жи-
вотное и даже невольно испугался, когда она
скакнула изъ-подъ ноги въ сторону. Это была
громадная жабища, величиной, кажется, съ
добрую подошву, толстая, безобразная, вся въ
большихъ пупырьяхъ; я еще не видалъ та-
кихъ. Но если жабы были противны, за то
истинное удовольствіе доставляли намъ свѣт-
ляки, во множествѣ устивавшіе собою кусты
и деревья и летавшіе довольно высоко, не-
рѣдко парами и даже цѣлыми вереницами,
словно маленькія звѣздочки бенгальскихъ огней.
А. С. Просинскій привнесъ мнѣ нѣсколько штукъ
такихъ свѣтящихся жучковъ, завернутыхъ въ
бумажку; онъ купилъ ихъ за одинъ центъ у
какого-то мальчика, и эти сѣренькія, не осо-
бенно красивыя съ виду, насѣкомыя всю ночь
наполняли мою каюту слабымъ и какъ бы ды-
шащимъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

XXXII.

Суводнада или Внутреннее море.

Уходъ „Европы“ съ С. С. Лесовскимъ изъ Нагасаки.—Прощанье съ русскими судами.—Флагъ за кормой.—Вратовидныя скалы.—Рыбачья иллюминація.—Ванъ-деръ-Капелленовъ или Симоносекскій проливъ.—Городъ Симоносеки и странничка изъ его новѣйшей исторіи.—Суводнада и ея бассейны.—Характеръ острововъ.—Каботажъ и рыболовство во Внутреннемъ морѣ.

18-го мая.

С. С. Лесовскій, здоровье котораго нѣсколько поправилось послѣ несчастія, постигнаго его въ штормѣ 13-го ноября, перебрался сегодня съ супругой съ берега на крейсеръ «Европа». Судно это, обреченное, послѣ понесенной имъ аваріи, на шестимѣсячную бездѣятельность, долго чинилось въ Нагасацкихъ докахъ, но теперь, слава Богу, опять готово къ плаванію. Сегодня же приняли на «Европу» съ фрегата «Князь Пожарскій» команду, въ числѣ 65 человекъ, кончающихъ сроки своей службы, и взаимъ ихъ сдали на «Пожарскій» такое же количество молодыхъ матросовъ. Мнѣ отвели мою прежнюю каюту, которая по всему была бы хороша, да одна бѣда, что какъ разъ надъ нею помѣщается зарева пушка, и каждый разъ какъ она гаркнетъ во весь свой зѣвъ, у меня трещать и бимсы на потолкѣ, и всѣ переборки. Въ морѣ это не составляетъ неудобства, потому что тамъ спускъ флага не сопровождается салютомъ, но въ портахъ, на якорѣ, да особенно еще если вздумашь къ тому времени, послѣ продолжительной ночной работы, соснуть предъ обѣдомъ, какъ наприимѣръ сегодня, такой сюрпризъ, заставляющій прямо со сна чуть не выскочить изъ койки, не скажу чтобы былъ особенно пріятенъ. Поневоѣ каждый разъ выругаешься съ досады.

Въ каютѣ у С. С. Лесовскаго обѣдали сегодня весь штабъ и командиры русскихъ судовъ, находящихся на Нагасацкомъ рейдѣ. Для послѣднихъ это былъ прощальный обѣдъ адмирала.

19-го мая.

Вскорѣ послѣ полудня, на «Европѣ» начали разводить пары. Въ половинѣ второго прибыли на крейсеръ лоцманъ, американецъ Смитъ, который взялся провести наше судно по водамъ Внутренняго Японскаго моря. Полчаса спустя, трапы и тенты были убраны, а еще черезъ полчаса, ровно въ три часа дня, «Европа» снялась съ якоря. Машинѣ данъ былъ малый ходъ впередъ.

На рейдѣ въ это время стояли «Князь Пожарскій», «Стрѣлокъ» и «Пластунъ». По мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія, каждое изъ этихъ судовъ высылало своихъ людей на ваны, откуда они встрѣчали и провожали насъ

криками *ура* и маханіемъ шапокъ. Проходя мимо, С. С. Лесовскій прощался съ командой каждаго судна отдѣльно и благодарилъ за усердную службу. Хоръ музыки на нашей палубѣ игралъ нашъ народный гимнъ, а команда «Европы», тоже стоя на вантахъ и отвѣчая троекратными *ури* на каждое прощанье своихъ товарищей, матросовъ «Пожарскаго», «Стрѣлка» и «Пластуна», побросала наконецъ въ воду свои старыя шапки. Это стародавній обычай, всегда соблюдаемый нашими матросами при первомъ шагѣ возвращенія въ отечество изъ дальняго плаванія. Разные японскіе бѣдняки, существующіе «рейдовымъ промысломъ» и провожавшіе наше судно на своихъ «фунешкахъ», заранѣе зная изъ прежнихъ опытовъ, что имъ предстоитъ пожива, взапуски бросились вылавливать плавающія шапки.

День стоялъ прелестный, солнечный, съ легкимъ освѣжающимъ вѣтеркомъ отъ SW, и настроеніе у всѣхъ было радостное, потому что это въ самомъ дѣлѣ былъ нашъ первый шагъ на пути возвращенія въ Россію, какъ вдругъ нашъ флагъ-капитанъ А. П. Новосильскій, стоявшій на мостикѣ, сдержаннымъ голосомъ замѣтилъ:

— Флагъ... Боже мой!.. Флагъ за кормой.

Мы обернулись. Дѣйствительно, нашъ судовой флагъ почему-то вдругъ спустился со своего мѣста и полоскался въ воздухѣ, медленно падая въ воду. Хотя его успѣли поймать еще на пути паденія, тѣмъ не менѣе многія лица омрачились. Паденіе флага считается дурною примѣтой. Но тутъ же нашлись и утѣшители, которые разъяснили, что хотя такая примѣта и существуетъ, но она дѣйствительна лишь въ томъ случаѣ, если судно отправляется въ бой; тогда это значило бы, что ему придется либо спустить свой флагъ, либо погибнуть; но такъ какъ мы отправляемся не въ бой, а пока только въ Иокотаму, благодарить микадо за радушное гостепріимство, оказанное русской эскадрѣ, то вся примѣта состоитъ въ томъ, что съ матроса, находившагося при флагѣ, слѣдуетъ взыскать за ротозѣйство, а впрочемъ никто какъ Богъ, Его святая воля!.. На этомъ всѣ и успокоились.

По выходѣ въ Желтое море, проходили часу въ шестомъ вечера мимо одной замѣчательной скалы называемой «Воротами». Это дѣйствительно ворота, но такія узкія, что въ ихъ пролетъ могли бы свободно проходить развѣ парусныя рыбачьи лодки, изъ коихъ одна и была тамъ зачѣмъ-то причалена. Это двѣ высокія базальтовыя глыбы, вертикально поднявшіяся на нѣсколько сажень со дна моря и вознесшія на себѣ третью глыбу въ видѣ черекладины, такъ что получилась форма, близко напоминающая букву П.

Вечеромъ шли вдоль западныхъ береговъ

острова Кью-сю и долго любовались ихъ иллюминаціей. Безчисленное множество рыбацкихъ лодокъ, каждая съ фонаремъ на носу, унизывали прибрежное взморье на разстояніи многихъ десятковъ миль, и всю ночь длилась эта иллюминація, такъ что казалось будто мы плывемъ мимо какого-то безконечнаго приморскаго города, и здѣсь воочию можно было убѣдиться сколь существенную статью для жизни составляетъ въ Японіи рыболовство и какъ великъ и важенъ въ ней этотъ промыселъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, уменьшили ходъ до восьми узловъ и въ продолженіе вахты до четырехъ часовъ утра сожгли восемь фальшфейеровъ, для показанія своего мѣста проходящимъ рыболовамъ. Вообще, въ ночное время плаваніе въ этихъ водахъ далеко не безопасно, потому что материкъ острова Кью-сю окруженъ съ запада множествомъ лѣсистыхъ острововъ и базальтовыхъ скалъ, подводныхъ камней и мелей. Островки эти, усеивающіе прибрежныя воды въ окрестностяхъ острова Хирадо или (по иному произношенію) Фирадо, извѣстны подъ именемъ «Архипелага Девяносто-Девяти», подразумѣвая подъ симъ числомъ количество составляющихъ его острововъ. Фирадо знаменитъ между прочимъ какъ поприще первой христіанской проповѣди Франциска Ксавье въ Японіи. Эти зубчато-гористые берега смотрятъ довольно непривѣтливо. Общій тонъ ихъ, благодаря темносѣрымъ обрывистымъ скаламъ, былъ суровъ и даже мраченъ, особенно подъ вечеръ, когда солнце, еще задолго до заката, совсѣмъ скрылось за густою свинцовою тучей. Не будь мы раньше знакомы съ внутренностью страны, никакъ и не подумали бы, что за этими угрюмыми берегами могутъ скрываться такіа прелести самой роскошной природы.

20-го мая.

Въ началѣ шестого часа утра увеличили ходъ до десяти узловъ. Вскорѣ послѣ этого разбудили команду, дали ей «кашицу», и затѣмъ пошла на суднѣ обычная работа: скачиванье верхней и жилой палубъ, чистка мѣди и желѣза, и пр. Въ началѣ одиннадцатаго часа утра прошелъ мимо насъ американскій «Ричмондъ» и отсалютовалъ русскому флагу пятнадцать выстрѣлами, а мы отвѣчали тѣмъ же американскому флагу.

Съ пяти часовъ утра лоцманъ Смитъ вступилъ въ отправленіе своей обязанности: мы входили въ Ванъ-деръ-Капелленовъ проливъ, ведущій во Внутреннее море. Шли мы по узкому Симоносекскому протоку, мимо острова Року-рекъ, на которомъ торчитъ бѣлый маякъ, освѣщающій на двѣнадцать миль окрестное море. Протокъ этотъ, благодаря двумъ встрѣчнымъ теченіямъ, вѣчно бурлитъ и исполосовывается лентами этихъ теченій. Они пробиваютъ себѣ путь какъ бы вдоль коридора,

одну стѣну котораго составляетъ скалистый, покрытый соснами островокъ Хику-сима, а другую Ниппонъ. Симоносекскій протокъ далеко не безопасенъ, въ немъ очень много подводныхъ камней и рифовъ, на которыхъ вѣчно гуляютъ буруны, почему здѣсь и требуется опытный лоцманъ. Въ огражденіе мореходовъ, на рифахъ поставлены небольшіе каменные столбики, въ видѣ грибовъ, и колонки.

Тотчасъ же по выходѣ изъ узкости, на лѣвомъ берегу, то-есть на Ниппонѣ, протянулся на разстояніи около двухъ миль узкою полосой вдоль берега торговый городъ Симоносеки, въ бухтѣ котораго толпилось множество каботажныхъ джонокъ. Противъ него, на Кью-сю, лежитъ городокъ Кокура, и вы, миновавъ суровую природу вѣшнихъ береговъ, сразу попадаете здѣсь въ самый кипень внутренней прибрежной жизни страны, вмѣстѣ съ которою и природа сейчасъ же принимаетъ самый привлекательный, веселый характеръ, не измѣняющійся на протяженіи всего Внутренняго моря.

Городъ Симоносеки не выдѣляется ни чѣмъ особеннымъ,—такой же деревянный, съ рѣшетчато-бумажными окнами, какъ и всѣ городки Японіи. Надъ его аспидно-сѣрыми крышами возвышается нѣсколько бѣлосѣрныхъ *годоури* или кладовыхъ, строенныхъ изъ сырцоваго кирпича, въ огражденіе пожитковъ отъ пожаровъ. Задній планъ города составляютъ полого спускающіяся къ нему возвышенности, покрытыя плантаціями и кудрявыми, весело глядящими садами и рощами. Съ каменныхъ парапетовъ домовъ, облѣпившихъ собою береговую черту, спускаются прямо въ воду ступени гранитныхъ и плитняковыхъ лѣстницъ. Тамъ и сямъ видѣются миниатюрныя бухточка, вѣзавшіяся на нѣсколько десятковъ сажень въ глубь материка, облицованныя каменными набережными и обставленныя почти непрерывнымъ рядомъ домиковъ и складочныхъ сараевъ. Весь городъ состоитъ изъ одной длинной улицы и нѣсколькихъ поперечныхъ переулковъ, идущихъ почти параллельно другъ другу, въ направленіи отъ берега къ зеленѣющимъ возвышенностямъ задняго плана. Жителей въ городѣ считается теперь до двадцати тысячъ. Симоносеки служитъ промежуточнымъ складочнымъ пунктомъ товаровъ, идущихъ изъ Кореи въ Японію и изъ Осаки въ Корею и Нагасаки. Изъ достопримѣчательностей указываютъ въ немъ одинъ только храмъ Ками-Гамайю, на передней площадкѣ коего стоятъ два великолѣпные экземпляра *кома-ину*, высѣченные изъ гранита. Преданіе говоритъ, что они были вывезены въ числѣ трофеевъ войны изъ Кореи самою покорительницей этой страны, императрицей Цингу-Коого (въ 201 году по Р. Х.), и послужили въ Японіи прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ изваяній этого фан-

тастическаго животнаго, полульва полусобаки, которое, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, сѣздалось, вѣроятно, подъ влияніемъ воспоминанія о пещерномъ львѣ.

Въ новѣйшей исторіи Японіи, Симоносеки замѣчательнѣе тѣмъ, что подвергся въ 1864 году нападенію соединенныхъ европейскихъ эскадръ. Поводомъ къ нападенію послужило нежеланіе мѣстнаго феодальнаго князя Ногато (Хозіу) имѣть дѣло съ европейцами. Полагая, что трактаты, заключенные съ ними сегунѣ касаются только пяти договорныхъ портовъ, находившихся подъ его непосредственною властью, Ногато вознамѣрился закрыть иностранцамъ доступъ въ свои владѣнія и съ этою цѣлью поставилъ на своемъ берегу нѣсколько батарей. Европейскіе посланники, исходя изъ положенія, что проливъ Ванъ-деръ-Капеллена есть путь международный, обратились съ запросомъ къ сегуну. Этотъ послѣдній отвѣчалъ, что дѣйствіе его власти не простирается на князя Ногато, который беретъ защиту своихъ правъ на свою отвѣтственность. Тогда претендующія стороны порѣшили расправиться съ неуступчивымъ феодаломъ собственными силами, и отправили къ Симоносеки соединенную эскадру изъ шестнадцати военныхъ пароходовъ англійскихъ, французскихъ, голландскихъ и американскихъ. Эта эскадра принудила наконецъ князя уступить, но для этого ей потребовалось три дня упорной, непрерывной бомбардировки, совершенно разрушившей и спалившей Симоносеки. По этому поводу, одиннадцать главнѣйшихъ даймѣо обратились тогда къ сегуну съ протестомъ, который такъ характеренъ, что я позволю себѣ привести изъ него нѣсколько выдержекъ, заимствованныхъ у Эмбера.

«Наши трактаты относительно торговли съ иностранцами,—писали они сегуну—были съ нашей стороны большою милостью, дарованною имъ вслѣдствіе ихъ неотступныхъ просьбъ. Поэтому означенные трактаты не могутъ быть приравниваемы къ какимъ бы то ни было формальнымъ договорамъ. Иностранцы же, вмѣсто того, чтобы принять дарованный имъ привилегіи какъ милость, осмѣливаются смотрѣть на нихъ какъ на свои законныя права.

«Достоинство и слава великаго Ниппона не могутъ допустить столь дерзкихъ притязаній.

«Мы готовы, конечно, позволить имъ какъ было и въ прежнее время, торговать и наживаться, съ тѣмъ условіемъ, разумѣется, чтобы они не слишкомъ обкрадывали насъ; но мы не видимъ никакой надобности въ присутствіи ихъ посольствъ и другихъ чиновниковъ. Имъ не нужно никого кромѣ главныхъ конторщиковъ, и мы хотимъ, чтобы иностранные купцы приѣзжающіе въ наше государство подчинялись нашимъ законамъ и нашему торговому уставу.

«Вы говорите, что иностранныя державы

смотрятъ на это дѣло иначе. Если такъ, возьмемъ назадъ дарованныя иноземцамъ привилегіи, потому что, по общепринятому во всемъ мірѣ правилу, кто злоупотребляетъ оказанною ему милостью, тотъ ея тѣмъ самымъ лишается.

«Каждый истинный патріотъ скорбитъ о славномъ прошломъ нашей страны при видѣ ея нынѣшняго положенія. Вспомните только какъ варвары уважали нѣкогда славу великаго Ниппона, какъ они чтили наши повелѣнія и исполняли малѣйшія наши желанія! Одна только чужестранная нація (Голландцы) была допущена къ намъ, въ видѣ заложника, служащаго порукой вѣрности остальныхъ европейскихъ государствъ, и это снисхожденіе, какъ показалъ опытъ, было съ нашей стороны большою ошибкой, потому что оно вызвало со стороны другихъ государствъ алчныя поползновенія.

«Мы не понимаемъ васъ когда вы говорите, что свѣтъ теперь измѣнился, что отчужденіе ото всѣхъ другихъ странъ болѣе невозможно.

«Развѣ вы считаете Японію такою же страной какъ всѣ остальные, какъ Китай, нацимѣръ?

«Вы говорите намъ о формѣ правленія иноземныхъ націй; но развѣ у тѣхъ народовъ есть хоть одна власть достойная этого названія? Развѣ есть у нихъ микадо, великій сынъ боговъ? И развѣ наши главнѣйшіе княжескіе роды не небснаго происхожденія?!»

Но увы! какъ ни какъ, а въ концѣ концовъ, подъ угрозой иностранныхъ флотовъ, сжигающихъ цѣлые города безъ объявленія войны, пришлось и этимъ рыцарски благороднымъ патріотамъ поступиться своею національною гордостью и своими священными правами въ пользу «цивилизованныхъ» пришлецовъ и торговцевъ, и мы уже видѣли ¹⁾ какими беззастѣнчивыми безчестными способами дѣйствовали эти пришлецы на первыхъ же порахъ, эксплуатируя въ свою пользу не только торговлю страны, но и ея государственное казначейство. Удивляться ли что японцы, послѣ такихъ опытовъ, и до сихъ поръ питаютъ въ душѣ недовѣріе къ европейцамъ?..

Вскорѣ городокъ Симоносеки остался позади насъ, и вотъ мы уже во Внутреннемъ морѣ. Оно носитъ общее названіе Сувонады, или моря Суво. Это, собственно, большой протокъ, отдѣляющій островъ Ниппонъ отъ двухъ большихъ острововъ, Кью-сю и Сикока. Нѣкоторые изслѣдователи, кажется, не безъ основанія полагаютъ, что эти три большіе острова составляли въ доисторическія времена одинъ общій материкъ, но что нѣкогда, вѣроятно вслѣдствіе работы вулканическихъ силъ, произошелъ разрывъ естественной плотины западнаго берега этого материка, въ томъ пунктѣ гдѣ теперь на-

¹⁾ См. главу XXIII, „Токогама“.

ходится городъ Симоносеки (на юго-западной оконечности острова Ниппона), и тогда въ образовавшийся прорывъ хлынули воды Китайскаго моря, затопивъ всё низменности до границъ нынѣшней Сувонады.

Внутреннее море дѣлится на шесть бассейновъ, носящихъ названія по именамъ тѣхъ провинцій, берега коихъ они омываютъ. Считая съ запада на востокъ, эти бассейны идутъ одинъ за другимъ въ слѣдующей постепенности: Сувонада, Йонада, Мисиманада, Бингонада, Ариманада и Идеуминада или Осакаскій заливъ. Изъ Внутренняго моря выходятъ въ Тихій океанъ два прохода, въ юго-восточномъ направленіи: первый—Бунго, между островами Кью-сю и Сикокомъ, и второй—Ки или Кино, между Сикокомъ и Ниппономъ. Вся масса водъ этихъ бассейновъ лежитъ между 33° и 35° с. ш. и 131° и 136° в. д. и занимаетъ пространство до 400 верстъ въ длину, съ запада на сѣверо-востокъ. Мѣстами бассейны эти значительно расширяются, причемъ первый, или собственно бассейнъ Суво, гораздо шире остальныхъ, и общимъ видомъ своихъ береговъ, какъ бы расплывающихся въ легкомъ голубоватомъ туманѣ, напоминаетъ Мраморное море; только горы здѣсь значительно меньше и не столь, благодаря мягкости ихъ контуровъ. Средніе бассейны или, вѣрнѣе сказать, протоки между Йонадой, Бингонадой и Ариманадой, наполнены массами мелкихъ острововъ, ежеминутно открывающихъ взору самыя разнообразныя и неожиданныя картины. Маленькіе островки нерѣдко являются въ видѣ цѣльныхъ отвѣсныхъ скалъ, у которыхъ только верхушка покрыта зеленымъ ковромъ низенькой травы; большіе же острова представляютъ цѣлые ряды уютныхъ бухточекъ, которыя даютъ приютъ многочисленнымъ рыбачьимъ и каботажнымъ лодкамъ, тѣснящимся у каменныхъ набережныхъ небольшихъ селеній. Здѣсь каждое селеніе неперемѣнно укрѣплено съ берега отъ напора волнъ стѣнкою сложенною изъ большихъ дикихъ камней. Селенія эти осынаются фруктовыми и иными деревьями, покрывающими склоны возвышенностей. Чаше другихъ породъ встрѣчаются японская сосна и кедры, нерѣдко вѣчающіе собою и отдѣльныя вершины. Вообще видъ этихъ безчисленныхъ островковъ производитъ на путешественника веселое, мирное впечатлѣніе. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ ни тѣхъ суровыхъ тоновъ, ни тѣхъ рѣзкихъ линій, ни той мертвенности сожженной солнцемъ природы, которыми невольно поражаютъ васъ въ общемъ видѣ и колоритѣ греческаго (Эгейскаго) архипелага; напротивъ, здѣсь все блещетъ обильною свѣжею зеленью; контуры и краски мягки, свѣтлы, примирительны, такъ что какая-нибудь голая скала, покрытая вверху соснами и обвѣшанная съ боковъ кудрявою зеленью ниспадающихъ ползучихъ растений, ни-

сколько не дѣлаетъ суровымъ общаго впечатлѣнія, а только пріятно разнообразить его: эта скала какъ бы даетъ художнику линіи изящный мотивъ для дополненія общаго, пріятно веселаго впечатлѣнія всей картины. Иногда острова и островки совсѣмъ заполняютъ горизонтъ, какъ бы надвигаются на васъ со всѣхъ сторонъ толпою, и тогда вамъ кажется, что вы плывете по рѣкѣ, которая сейчасъ вотъ расширится въ озеро, а дальше опять идетъ узкимъ извилистымъ протокомъ и выводитьъ васъ въ новое озеро значительно больше и шире только-что покинутого; и оно въ свой чередъ сузится черезъ какой-нибудь часъ времени, и опять кудравые берега островковъ и ихъ красивыя скалы весело понадвигнутся къ вамъ со всѣхъ сторонъ, столпятся, стѣсняются въ узкомъ проходѣ, и вы опять почувствуете какъ бы среди рѣки, на которой отъ берега до берега просто рукой подать, такъ что видипъ какіе тамъ домишки, какъ въ нихъ копошится рабочій людъ, какъ ребяташки играютъ на бережку, ловя рѣзвыхъ крабовъ, и ясно доносятся до васъ ихъ звонкіе голоса.

Всѣ эти островки, какъ и вообще вся страна, прилегающая ко Внутреннему морю, поражаютъ своею воздѣланностью. Гдѣ только можно было отнѣсать у моря или у скалъ клочекъ земли, онъ неперемѣнно огороженъ каменною стѣнкою и обработанъ самымъ тщательнымъ образомъ. Поля по склонамъ горъ идутъ одно надъ другимъ отдѣльными террасами, разграниченными между собою опять же каменными стѣнками, такъ что въ общей картинѣ эти склоны представляются въ видѣ ступеней какихъ-то гигантскихъ лѣстницъ, по которымъ отовсюду въ изобиліи проведены оросительныя каналы и каскады. Въ этихъ мѣстахъ сѣютъ преимущественно рисъ и пшеницу. Послѣднюю начинаютъ садить въ грядки въ ноябрѣ и декабрѣ, а собираютъ въ срединѣ мая и въ началѣ іюня, послѣ чего начинаютъ затоплять и готовитьъ тѣ же поля подъ садку риса, сборъ котораго наступаетъ въ октябрѣ. Преимущественно обрабатываются сѣверо-западные склоны, такъ какъ южные и юго-восточные часто бываютъ подвержены губительному дѣйствию солнечныхъ лучей. Но если есть какая-нибудь возможность провести на эти послѣдніе склоны проточную воду, японецъ тотчасъ же принимается за ихъ обработку и борется съ природою до того, что выводитъ свои каменные террасы даже на голой песчаной почвѣ, гдѣ садить картофель, потому что такая почва ничего другого не производитъ. Кромѣ того, здѣсь сѣютъ просо и хлопчатникъ, и на восточной окраинѣ Внутренняго моря—чай, и притомъ въ изобиліи, особенно въ провинціи Идсуми.

Селенія тоже ютятся преимущественно на

сѣверныхъ и западныхъ склонахъ, по бережкамъ, укрытымъ отъ солнца высотами, или въ дощичкахъ. Онѣ не велики, но довольно часты, и сколько можно было замѣтить съ «мостика», на ходу судна между ними повсюду отъ деревни къ деревнѣ проведены узкія шоссированныя дороги, нерѣдко обсаженные аллеями разныхъ деревьевъ, словно въ паркѣ. На этихъ дорогахъ виднѣются извозчики, то-есть *курамы*, со своими *дженерикиами*, лошади и волю подъ вьюками и носильщиками, которые тащатъ свои тяжести либо на коромыслахъ, либо, по двое, на вѣсу, на бамбуковой оглоблѣ. Вообще, повсюду замѣчается много оживленія и движенія, среди самой повседневной рабочей обстановки. При каждомъ селеніи есть и свой небольшой храмикъ, который легко узнается по его массивной гонтовой кровлѣ, непрерывно освѣщенной широкими тѣнистыми вѣтвями многовѣковыхъ деревьевъ. Видъ этихъ храмовыхъ рощицъ чрезвычайно поэтиченъ: такъ и манитъ проникнуть туда и отдохнуть отъ зноя подъ ихъ таинственными, роскошными сѣнями.

Кромѣ этихъ поэтически веселыхъ береговъ и мирныхъ сельскихъ, много оживленія придаютъ Внутреннему морю птицы и множество рыбачьихъ и каботажныхъ лодокъ, которыя бороздятъ эти воды во всѣхъ направленіяхъ. Въ воздухѣ то и дѣло парятъ орлы и морскіе коршуны, назирающіе себѣ добычу надъ зеркально гладью заштитѣвшаго моря; съ ними соперничаютъ большіе сильные альбатросы, и чуть всплеснетъ водой и выпрыгнетъ на поверхность разыгравшаяся рыба, тѣ и другіе моментально, какъ стрѣла, спускаются на то мѣсто, и часто какой-нибудь счастливый ловецъ высоко уноситъ въ когтяхъ трепещущую серебромъ, сверкающую на солнцѣ добычу. У бережій, какъ часовые, сосредоточенно и неподвижно стоятъ на одной ногѣ журавли и пляшутъ цапли; по полямъ бредятъ аисты и бѣлоснѣжные иби; на отмеляхъ зигзагами мелькаютъ морскія ласточки; дикіе гуси и утки то парами, то длинною цѣпью, низко тянутъ куда-то вдаль надъ водой, а надъ какимъ-нибудь одиноко торчащимъ пустыннымъ утесомъ рѣютъ въ воздухѣ громадные стаи беспокойныхъ крикливыхъ чаекъ. Подобные утесы обыкновенно бываютъ покрыты толстыми слоями гуано, и японскіе промышленники дѣятельно занимаются сборомъ этого удобрительнаго матеріала, часто даже не безъ риска для жизни, если приходится выбирать его изъ узкихъ щелей и расщелин отвѣсныхъ обрывовъ, куда они спускаются на веревкѣ съ плетеною кошелкой и работаютъ вися въ воздухѣ надъ морскою пучиной.

Прямые четырехъ-угольные паруса японскихъ лодокъ видѣются иногда на голубой поверхности моря цѣлыми стаями, какъ бы

птицы. Порой начнешь считать ихъ, да и брошишь, махнувъ рукой: все равно не перечести такое ихъ множество! Каботажныя *фуне* или джонки исполнѣ еще сохраняютъ свою первобытную японскую конструкцію, отличающіяся низкимъ тупымъ носомъ, высокою приподнятою кормой и очень низкими въ серединѣ чуть не вровень съ водой бортами, защищенными приставною бамбуковою плетенкой. Носовая часть у такихъ *фуне* всегда окована листовою мѣдью, а корма раздвояна продольнымъ разрѣзомъ, въ которомъ помѣщается руль. Этотъ послѣдній имѣетъ нѣсколько наклонное положеніе, довольно тяжелъ, неуклюжъ и весь изрѣзченъ нарочно просверленными дырками. Парусъ, какъ и у рыбаковъ, всегда четырехъ-угольный, высокій, сошпурованный изъ узкихъ продольныхъ полотнищъ бѣлой бумажной парусины, такъ что онъ и подымается и спускается на сборкахъ. Если хотятъ придать судну меньшую парусность, то отшпуриваютъ одно или два изъ крайнихъ полотнищъ, которыхъ обыкновенно бываетъ четыре. На штагѣ (то-есть на веревкѣ идущей отъ верхушки мачты къ носу) нерѣдко прикрѣпляется маленький четырехъ-угольный и тоже сборчатый, парусокъ, соответствующій нашему *клинеру*. Прежнія мореходныя *фуне* могли подымать очень значительный грузъ, но лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, имѣя въ виду замѣнить постепенно старый типъ коммерческихъ судовъ шхунами европейской конструкціи, правительство запретило строить эти суда болѣе пятидесяти тоннъ вмѣстимости, обрекая ихъ такимъ образомъ исключительно на мѣстный каботажъ. Но и этотъ послѣдній съ каждымъ годомъ все болѣе переходитъ къ судамъ европейскаго типа, преимущественно паровымъ, такъ что пройдетъ еще лѣтъ двадцать и японскія джонки-фуне, подобно многому другому въ Японіи, вѣроятно, отойдутъ въ область историческихъ воспоминаній, сохраняясь только на старыхъ картинкахъ. Такъ-то постепенно стираются одна за другою характерныя краски, черты и особенности японской жизни, уступая напору всеявивелирующей и въ тоже время всеопылающей европейской «цивилизаци». Опасность эта еще не грозитъ пока только простымъ рыбацкимъ *фунешкамъ*, которыя, несмотря ни на что, отважно пускаются въ открытое море, даже въ океанъ, удаляясь ради ловли на сто и болѣе миль отъ берега. Рыболовство, наравнѣ съ разведеніемъ риса, составляетъ главный промыселъ простаго люда. Почти все прибрежное населеніе только имъ и существуетъ, и можно сказать, что вся Японія главнымъ образомъ питается рисомъ и рыбой. Что касается рыбъ и вообще морскихъ питательныхъ продуктовъ, природа въ особенности щедро надѣлила воды Японіи. Подобно тому какъ въ ея раститель-

ности сталкиваются между собою самыя разнообразныя тропическія и полярныя формы, воды ея кипятъ столь же разнообразными и крайними формами морскихъ животныхъ. Полярное теченіе изъ Охотскаго моря, направляясь вдоль Татарскаго пролива, омываетъ западные берега Японскаго архипелага и несетъ съ собою массы сельди, семги (китѣ-рыба), наваги и прочихъ породъ, свойственныхъ Ледовитому Океану, а теплое экваторіальное теченіе Куро-сиво, направляясь вдоль восточныхъ японскихъ береговъ, приноситъ множество рыбъ тропическаго пояса, и всѣ эти разнообразныя породы встрѣчаются между собою преимущественно въ бассейнахъ Внутренняго Моря.

XXXIII.

Осака.

Праздничный день на пароходѣ. — На Кообійскомъ рейдѣ. — Желѣзнодорожный путь отъ Хіого до Осаки. — Японская Венеція. — Осацкіе мосты. — Части города. — Осака-Фу или городская управа. — Европейская тенденція Осаки. — Характеръ города и его увеселительная часть. — Храмъ Коодзун-міа. — Преданія о древнемъ императорѣ Нинтоку. — Храмъ Сумійеши, въ память императрицы Цингу-Коого. — Дѣянія ея царствованія. — Храмъ Сакура-но-міа и его вишневая аллея. — Храмъ Тенджина, генія званій и покровителя школъ и учащихся. — Храмъ Амида-ике и посвященный сѣ нимъ преданія о введеніи буддизма въ Японію. — Осацкій замокъ Осиро и его исторія. — Осака какъ резиденція древнихъ микадо. — Монашескія усадьбы. — Тайко-сама, возстановитель замка. — Гіеяся и трагическая смерть сёгуна Хидейери. — Попытки европейцевъ и американцевъ къ открытію Японіи для торговли. — Революція 1868 года и роль осацкаго замка въ событіяхъ того времени. — Его стратегическое положеніе и значеніе. — Циклопическія стѣны и тайна ихъ постройки. — Нынѣшнее состояніе замка. — Остатки башни Тенсидо. — Особенности древней японской фортификаціи. — Минтъ-Осака, новый монетный дворъ и добрыя услуги англійскихъ радѣтелей. — Отъѣздъ въ Кіото.

21-го мая.

Вчера мы стали на якорь въ 10 часовъ вечера; снялись сегодня въ 4¼ часа утра. Въ 10 часовъ утра подняли молптвенный флагъ, а по окончаніи «обѣдницы», за которою присутствовали и наши дамы, крейсеръ разцвѣтился стеньговыми флагами, по случаю дня тезоименитства великаго князя Константина Николаевича. Въ 12 часовъ и 20 минутъ дня произвели по тому же случаю салютъ 21 выстрѣломъ, послѣ чего стеньговые флаги тотчасъ же были спущены. Церемонія эта происходила въ виду города Кообе, на рейдѣ котораго пятью минутами позднѣе «Европа» стала на якорь. Американская канонерка «Ашелотъ» тотчасъ же отсалютовала русскому флагу 15 выстрѣлами и получила съ нашей стороны равновѣрный отвѣтъ американскому флагу. Въ половинѣ третьяго посѣтилъ нашъ

крейсеръ японскій губернаторъ городовъ Хіого и Кообе, пожелавшій представиться С. С. Лесовскому. По отъѣздѣ его мы подняли японскій флагъ и отсалютовали 11 выстрѣлами. Вслѣдъ затѣмъ мы съѣхали на берегъ и отправились прямо на желѣзнодорожную станцію чтобы съ первымъ отходящимъ поѣздомъ ѣхать въ Осаку.

Первая станція на нашемъ пути мѣстечко Суми-іюши, вплоть до котораго, начиная отъ самаго Кообе, тянется непрерывный рядъ сельскихъ домиковъ вдоль низменнаго морскаго берега. Съ правой стороны — голубая гладь моря, съ лѣвой — горный кряжъ. Проѣхавъ одинъ тоннель, сооруженный, кажется, не столько ради необходимости, сколько изъ желанія имѣть его, мы вскорѣ подошли ко второй станціи, Ниси-но-міа. Отсюда непрерывный рядъ сельскихъ строеній пошелъ вблизи дороги уже съ обѣихъ сторонъ, и у моря, и подъ горами. На пути промчались черезъ два тоннеля. Повсюду все та же высокая агрикультура. Почва песчаная, но все-таки тщательно воздѣлана грядками подъ посѣвъ пшеницы. На каждомъ песчаномъ участкѣ устроены особыя цистерны для орошенія. Третью станцію, Канъ-саки, проѣхали мы не останавливаясь и прибыли подъ вечеръ въ Осаку. Остановились въ японской гостиницѣ Джіутѣ, которая считается здѣсь лучшею, потому, что снабжена кое-какою европейскою мебелью и кроватями.

Европейцы прозвали Осаку европейскою Венеціей. Это потому, что городъ расположенъ въ устьяхъ рѣки Іоды (Іода-гава), впадающей въ Осацкій заливъ тремя рукавами, одинъ изъ коихъ еще принимаетъ въ себя рѣчку, и весь материкъ между этими четырьмя водными артеріями прорѣзанъ вдоль и поперекъ множествомъ судоходныхъ, большихъ и малыхъ каналовъ, пересекающихся между собою, по большей части, подъ прямыми углами. Надо всею этою водною сѣтью переброшено болѣе 260 мостовъ, между которыми въ послѣднее время завелись и мосты европейской конструкціи, на каменныхъ и желѣзныхъ устояхъ. Множество торговыхъ, каботажныхъ, легкихъ перевозочныхъ и увеселительныхъ фуने тѣснятся у пристаней и бороздятся во всѣхъ направленіяхъ поверхность рукавовъ и каналовъ, но говоря уже о морской гавани, гдѣ виднѣлся цѣлый лѣсъ японскихъ мачтъ; не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Осака считается коммерческою столицей Японіи. По главному рукаву Іоды ходятъ легкіе пассажирскіе пароходики, поддерживающіе сообщеніе не только между южнымъ и сѣвернымъ концами города, но и между Осакой и Кіото, и даже далѣе, до лежащаго внутри страны озера Бива. Улицы, какъ и во всѣхъ японскихъ городахъ примыка, длинныя, идутъ параллельно одна

другой и пересекаются под прямыми углами множеством подобных же улицъ, въ которыхъ съ непривычки крайне трудно разобратъся, до того онѣ всѣ похожи одна на другую. Ого-дори, или главный проспектъ, тянется черезъ весь городъ, пересекаясь нѣсколькими мостами, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: Тенджинъ-баси, какъ самый длинный, слишкомъ въ 720 шаговъ, или болѣе 120 сажень; затѣмъ чугунный, легкой постройки мостъ Корай-баси, находящійся въ центрѣ города, вслѣдствіе чего отъ него идетъ счисленіе всѣхъ городскихъ и загородныхъ разстояній, какъ въ Тоокіо отъ Ниппонъ-баси. *Корай* значитъ *Корейскій*; названіе это издавна присвоено мосту на томъ основаніи, что, по преданію, послѣ завоеванія Кореи (въ началѣ III вѣка) императрица Цингу поселила около этой мѣстности много плѣнныхъ корейцевъ, которые занимались торговлей и даже первые положили начало ея процвѣтанію въ Осакѣ. Въ центрѣ торговыхъ кварталовъ, на томъ же Ого-дори, находится еще одинъ мостъ, Синсай-баси, построенный изъ полосоваго желѣза и съ виду похожій своими дугообразными шеками на Москворѣцкій желѣзный, или на петербургскій, что на Обводномъ каналѣ, близъ церкви св. МIRONA. Вообще Осака щеголяетъ мостами и на этотъ счетъ даже нѣсколько фантазируетъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, на пересѣченіи двухъ крестообразно сходящихся каналовъ, построены четыре одинаковые моста, образующіе собою квадратъ. Этотъ пунктъ извѣстенъ подъ именемъ Иену-баси, то есть четверомостія.

Городъ раздѣляется на три части: нижнюю или портовую, среднюю или театральную и верхнюю, храмовую. Въ послѣднія двѣ надо подыматься по широкимъ ступенямъ гранитныхъ лѣстницъ. Въ нижней части находится кварталъ европейцевъ, Цукиджи, окруженный со всѣхъ сторонъ водой, но соединенный съ другими частями города двумя разводными мостами, изъ коихъ одинъ горбатый, Иешіа-баси, замѣчателенъ тѣмъ, что около него сгруппировались лучшіе осакскіе рестораны. Тутъ же, неподалеку, на новой гранитной набережной, обсаженной аллеей молодыхъ деревьевъ, находится лучшее зданіе города, отстроенное совсѣмъ по-европейски, въ два этажа, съ высокимъ греческимъ портикомъ, украшеннымъ четырьмя коринѣскими колоннами и высокимъ полусферическимъ куполомъ, который виденъ еще изъ Кобе и очень заинтересовываетъ собою незнающаго путешественника, заставляя его предполагать, что это величественный христіанскій соборъ, либо дворецъ самаго микадо. А между тѣмъ это не болѣе какъ Осакафу, то-есть городскія присутственныя мѣста, гдѣ сосредоточены и ратуша, и губернское правленіе. Вообще, съ проведеніемъ желѣзной

дороги, Осака видимо стремится поскорѣй европеизоваться. Эти ея мосты и набережныя, эти «фу.» эти скверики, желѣзнодорожная станція и нѣсколько десятковъ казенныхъ и частныхъ зданій англо-колониальнаго характера явно указываютъ на такую тенденцію. Нѣкоторые богатые купцы начинаютъ уже, вмѣстѣ съ костюмомъ, замѣнять и свои прежніе японскіе дома европейскими, такъ что по части новаторства Осака спѣшитъ перешагнуть даже Тоокіо. Даже Сянмацзи, здѣшній кварталъ куртизанокъ, не прячется, подобно тоокійской Иониварѣ, за высокими каменными стѣнами, а съ наглостью, совсѣмъ по-европейски, выставляется уже напоказъ всѣмъ желающимъ. Впрочемъ, по характеру своихъ улицъ и домовъ, это совершенно то же что и въ Иониварѣ, даже бульваръ посреди улицы Мацу-сима такой же точно, какъ и тамъ. Пройдетъ еще лѣтъ десять, и Осака вѣроятно сдѣлается чѣмъ-нибудь въ родѣ буржуазной европейской Йокогамы, но только въ значительно большихъ размѣрахъ. Она и теперь болѣе походитъ на «городъ», чѣмъ остальные города Японіи: постройки въ ней очень скучены, однообразны, садовъ очень мало, да и тѣ не велики, парковъ, такихъ какъ въ Тоокіо, совсѣмъ нѣтъ, а что до рисовыхъ полей и чайныхъ плантацій, какія сплошь и рядомъ попадаются въ разныхъ частяхъ тоокійской Мицу, то здѣсь, кажется, и вовсе ихъ не бывало. Лучшіе дома прежняго дворянства и вышнихъ чиновниковъ тянутся вдоль по набережной главнаго рукава Йодагавы: въ остальныхъ кварталахъ кипитъ промышленно-торговая жизнь. Въ средней части города довольно узкая театральная улица вся подъ рядъ занята балаганами, наружность которыхъ прячется подъ вывѣсочными картинками, фонарями, флагами и сажеными афишами. Здѣсь, кромѣ драматическихъ представленій, показываютъ и магическіе фокусы, и чудеса жонглерства, и женщину-сирену, и ученыхъ крысъ. Недостатка ихъ зрителей никогда не бываетъ, и большинство ихъ принадлежитъ къ простонародью, особенно изъ числа матросовъ - каботажниковъ, для которыхъ Осака, какъ портовый городъ, является своего рода эдемомъ всякихъ прелестей и соблазновъ. Здѣсь по переписи 1879-го года считается 287.984 постоянныхъ жителей, а съ наплывнымъ людомъ число ихъ заходитъ гораздо за триста тысячъ.

Изъ храмовъ наиболѣе замѣчательны въ Осакѣ синтосскій Коодзу-но миа, Суміеши, Сакура-но миа и буддійскіе Тенджинъ и Амида-ихе.

Коодзу-но-миа построенъ въ память семнадцатаго микадо Нинтоку, царствовавшего въ III вѣкѣ нашей эры, съ 310 по 396 годъ. Это былъ сынъ и преемникъ знаменитаго Оджина, сына воинственной императрицы Цингу-Коого, обожествленнаго подъ именемъ Хатчимана, бога войны. Благодаря храму Ко-

одзу, объ императорѣ Нинтоку и до сихъ поръ сохраняются въ Осакѣ живыя преданія. Нашъ переводчикъ и путеводитель Нарсэ говорилъ мнѣ, что дворецъ Нинтоку стоялъ на томъ самомъ возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Коодзу. Рассказываютъ о бережливости Нинтоку и теплотой любви къ народу; припоминаютъ, что когда народъ страдалъ однажды отъ голода, онъ освободилъ его на семь лѣтъ ото всякихъ податей, и что избраннымъ девизомъ его было, составленное имъ же самимъ стихотворное изреченіе. «Истинное богатство государя есть благосостояніе его народа». Историческое изреченіе: это вошло даже въ пословицу. Въ древности Осака называлась *Нанива*, и микадо Нинтоку такъ облюбовалъ ее, что сдѣлалъ свою постоянную резиденціей и прожилъ въ ней до конца жизни. Тутъ онъ и похороненъ, и храмъ Коодзу служить ему вѣчнымъ мавзолеемъ. То были времена героическія, Нинтоку имѣлъ сильный военный флотъ и самъ отправлялъ на немъ обязанности адмирала, подымая императорскій штандартъ на своей особой джонкѣ; лично же командовалъ онъ и сухопутнымъ войскомъ и старательно обучалъ его. Говорятъ, что тотъ холмъ, на которомъ стоитъ замокъ Осиро, былъ его излюбленнымъ мѣстомъ для военныхъ упражненій и маневровъ. Стоя тамъ подъ большимъ широкимъ зонтомъ, какіе и до сихъ поръ служатъ иногда вмѣсто садовыхъ палатокъ, или сидя на складномъ табуретѣ, Нинтоку, посредствомъ условныхъ знаковъ и движеній своимъ военнымъ желѣзнымъ вѣромъ, управлялъ ходомъ воинскихъ эволюцій. Онъ же первый укрѣпилъ Осаку, построивъ въ ней замокъ, и довелъ свой любимый городъ до процвѣтанія и коммерческаго богатства. Въ благодарность за всѣ эти попеченія, по смерти Нинтоку, послѣдовавшей на 112 году его жизни, послѣ 86-ти-лѣтняго царствованія, жители Нанивы пожелали признать его въ качествѣ *ками*, то-есть вѣчнымъ духомъ-покровителемъ ихъ города, и построили надъ его прахомъ *ма*, которое должно было служить для *ками* Нинтоку храмомъ-обиталищемъ. Архитектура Коодзу выдержана въ строгомъ синтоскомъ стилѣ, безъ малѣйшей окраски и лакировки, при самой скромной орнаментациі, состоящей мѣстами изъ рѣзбы по дереву. Тесовыя стѣны его отъ времени приняли сѣро-сизый цвѣтъ, съ нѣкоторымъ какъ бы серебристымъ отблѣскомъ. Увѣряютъ, будто храмъ стоитъ нерушимо со времени его сооруженія; но въ этомъ болѣе чѣмъ позволительно сомнѣваться. Несомнѣнно, что онъ очень древенъ, но все же ему не шестнадцать столѣтій. Вѣроятно же всего, что тѣ реставраціи которымъ онъ, подвергался на своемъ, вѣку строго придерживались первоначальнаго образца, сохраняя его даже въ малѣйшихъ деталяхъ, и съ этой стороны храмъ представляетъ величайшій интересъ какъ типъ древ-

нѣйшей японской архитектуры. Съ площадки Коодзу открывается широкій видъ на весь нижній городъ.

Храмъ Сумійеши, тоже одинъ изъ древнѣйшихъ, построенъ въ память императрицы Цингу-Коого, завоевательницы Кореи. Историческая лѣтопись Японіи повѣствуетъ, что Цингу была супругой четырнадцатаго микадо Шинная, который процарствовалъ только восемь лѣтъ (съ 192 по 200 годъ по Р. Х.) и скончался во время своей военной экспедиціи на островъ Кью-сю, предпринятой для усмиренія вспыхнувшего тамъ возстанія. Такъ какъ у Шинная не было законныхъ дѣтей, а Цингу объявила себя беременною, то она и была провозглашена прямою наслѣдницей своего супруга, что совершилось главнѣйшимъ образомъ при помощи очень ловкаго и умнаго Текучино Суконе, перваго министра ея покойнаго мужа. Цингу докончила экспедицію на Кью сю полнымъ подавленіемъ возстанія и затѣмъ немедленно же предприняла новую экспедицію въ Корею, имѣя въ виду позаимствоваться отъ этой богатой въ то время страны не только данью, но и разными культурными нововведеніями. При этомъ не отвергалась и цѣль подчинить, если возможно, всю Корею и навсегда власти Ниппона. Вотъ отъ какихъ временъ сѣдой древности идутъ стремленія Японіи къ Корей, непрекратившіяся въ смыслѣ исторической задачи и по настоящее время. Императрица Цунгу собрала громадный флотъ, перенесшій черезъ проливъ ея двухсоттысячное войско, которое высадилось одновременно въ вѣсколькихъ восточныхъ гаваняхъ Кореи. Она явилась сама въ качествѣ главнокомандующаго своихъ силъ, а Текучино Суконе былъ ея неразлучнымъ совѣтникомъ и главнымъ помощникомъ. Благодаря ему, предприятие было поведено столь искусно, что Корея покорилась очень скоро и даже безъ особеннаго кровопролитія. Императрица взяла заложниковъ и обложила страну ежегодною данью, которую Корея и выплачивала Японіи съ нѣкоторыми перерывами и колебаніями почти до половины XVII столѣтія. Въ бытность въ этой странѣ, Цингу дѣйствительно почувствовала себя беременною, и опасаясь, что это положеніе помѣшаетъ ей довести до конца столь счастливо начатое предприятие, надѣла на себя, какъ увѣрлетъ легенда, волшебный талисманъ, въ видѣ какого-то синяго камня, обладавшаго будто бы свойствомъ задерживать срокъ разрѣшенія отъ бремени. Объ этомъ своевременно было объявлено войскамъ и народу, не имѣвшимъ, конечно, причинъ сомнѣваться въ чудодѣйственной силѣ талисмана. Усомнились въ ней только два побочные сына покойнаго Шинная, прижитые отъ одной изъ наложницъ. Поэтому, когда императрица, поспѣшившая по окончаніи войны возвратиться домой, разрѣшилась въ одномъ изъ попутныхъ

зѣмковъ мальчиномъ, который былъ названъ Оджиномъ и тотчасъ же объявленъ наслѣдникомъ престола, оба его побочные брата распространили воззваніе къ народу, гдѣ отрицали всякую законность правъ новорожденного, какъ немогущаго никоимъ образомъ быть дѣйствительнымъ сыномъ Шинна. Признавая лишь самихъ себя, если не законными, то во всякомъ случаѣ естественными дѣтьми своего отца, оба брата заявили, что ужъ скорѣй они имѣютъ права на престолъ, а никакъ не Оджинъ, и и подняли возстаніе противъ Цингу и ея сына. Императрица, еще не успѣвшая оправиться отъ болѣзни, поручила возстановленіе порядка своему министру Текучино Суконе, который однимъ ударомъ порѣшилъ съ этимъ возстаніемъ, разбивъ и разсѣявъ скопище сторонниковъ обоихъ претендентовъ. Послѣ этого эпизода уже никакія смуты не нарушали мудраго и твердаго правленія императрицы. Это была первая самодержавная государыня въ Японіи. Изъ Кореи были вывезены ею искусные мастера, ремесленники, купцы и ученые, водворенные на жительство преимущественно въ Осаку, а также предметы искусства и религіознаго поклоненія и, наконецъ, нѣсколько видовъ полезныхъ растений, плодовъ и домашнихъ животныхъ, каковы лошади, оселъ и верблюдъ; но послѣдніе двое не акклиматизировались въ Японіи. Блескъ корейской экспедиціи покрытъ собою все царствованіе Цингу, длившееся семьдесятъ лѣтъ. По смерти же ея, послѣдовавшей на сотомъ году жизни, народъ сопричислилъ ее къ лику своихъ національных *ками* и воздвигъ въ память о ней храмъ въ Осаку, бывшей одною изъ ея любимѣйшихъ резиденцій. Мы заходили въ этотъ храмъ, обнесенный раскидистыми, могучими вѣтвями очень древнихъ деревьевъ. Внутри его царствуетъ нѣсколько таинственный лиловый полусвѣтъ отъ протянутой снаружи вдоль по всему фасаду широкой лиловой завѣсы, по которой затканы пять серебристо-бѣлыхъ императорскихъ астръ.

Третій храмъ, Сакура-но-міа, названъ этимъ именемъ потому, что къ нему ведетъ прекрасная густая аллея вишневыхъ деревьевъ (*сакура* значитъ вишня), составляющая главную, да, кажется, и единственную его достопримѣчательность.

Четвертый храмъ, Тенджинъ, близъ длиннаго моста того же имени, построенъ и названъ въ честь нѣкоего Сугавара-но-Мичизане, признаннаго святымъ и покровителемъ школъ, наукъ и учащихся. Историческое преданіе говорить, что въ IX вѣкѣ, когда императорскій престижъ постоянно страдалъ отъ вмѣшательства въ дѣла правленія членовъ фамиліи Хадживара, стремившихся къ ограниченію монархической власти, микадо, въ противовѣсъ этимъ домогательствамъ, выставилъ нѣкоего Сугавара-но-Мичизане, назначивъ его товарищемъ пер-

ваго министра. Но вскорѣ Сугавара палъ по интригѣ тѣхъ же Хадживара. Оклеветанный ими, онъ былъ сосланъ на островъ Кью-сю, гдѣ и скончался въ полной опалѣ. Это былъ «человѣкъ ума и нравственности», а такъ какъ еще издревле, по понятію японцевъ, мѣсто развитія ума и нравственности есть школа, то Сугавара, причисленный по смерти къ сонму святыхъ пострадавшихъ за правду и патріотизмъ, былъ признанъ патрономъ школъ подъ именемъ Тенджина, то-есть гения знаній.

Наконецъ, храмъ Амида-ике, принадлежащій очень сильной и многочисленной буддійской сектѣ *монтоо*. *Амида-ике*, собственно значитъ *прудъ Амида*. Имя же *Амида*, по буддійской религіозной терминологіи, равнозначитъ имени Творца. Вообще, японо-буддійская идея верховнаго божества олицетворяется въ фантастическомъ образѣ Амида, котораго изображаютъ въ девяти различныхъ видахъ, выражающихъ его воплощенія и совершенства. Амида совокупляетъ въ себѣ свойства божества творящаго, милующаго и карающаго; поэтому въ служебномъ подчиненіи ему находятся какъ свѣтлыя (добрыя), такъ и темныя (злыя) силы, влияющія, согласно его волѣ, на все сущее во вселенной. Сакіамуни или Будда есть девятое (послѣднее) воплощеніе Амида.

Съ храмомъ Амида-ике соединено древнее мистическое преданіе, которое повѣствуетъ вотъ что:

При тридцатомъ микадо Кинъ-Мей, въ 552 году нашей эры, было прислано въ Осаку посольство отъ Корейскаго царя Петей, въ составѣ коего находилось нѣсколько ученыхъ и знающихъ японскій языкъ бонзъ. Въ числѣ обычно данническихъ подарковъ Кинъ-Мею, посольство это привезло на сей разъ позолоченную статую Амида съ рубиновыми глазами и алмазомъ во лбу, книги «благаго закона», навьюченные на бѣлаго коня-альбиноса, барабаны, гонги, колокола, сосуды, кропила и кадильницы, хоругви, балдахинъ и прочіе предметы буддійскаго ритуала, необходимые при служеніи. Въ собственноручномъ письмѣ Петей, сопровождавшемъ эти дары, было сказано: «Вотъ лучшее изъ всѣхъ ученій. Исходя изъ далекой Индіи, оно открываетъ намъ то, что было тайной для самого Конфуція и переноситъ насъ въ конечное состояніе, съ блаженствомъ коего ничто не можетъ сравниться. Царь Петей передаетъ его имперіи микадо, дабы оно въ ней распространилось и такимъ образомъ исполнилось бы реченное Буддой и написанное въ его книгахъ: «Ученіе мое распространится на Востокъ».

Кинъ-Мей созвалъ своихъ министровъ и сановниковъ и сталъ держать съ ними совѣтъ о томъ, какой пріемъ слѣдуетъ оказать статуй великаго индійскаго *ками*. Мнѣнія совѣщавшихся раздѣлились. Немногіе, во главѣ коихъ

стоялъ министр Инаме, говорили: «Если всѣ народы Запада чтутъ всеблагаго Будду, почему бы одинъ Ниппонъ не сталъ поворачиваться къ нему спиною?» Большинство же, вслѣдъ за савонникомъ Вукози, возражало: «Если мы станемъ воздавать почести чужеземному kami, то не разгнѣваемъ ли этимъ нашихъ собственныхъ народныхъ геніевъ-покровителей? И не изольютъ ли они свой справедливый гнѣвъ на страну, въ видѣ всяческихъ бѣдъ и напастей?» Тогда микадо помирилъ обѣ стороны, постановивъ такое рѣшеніе: «Справедливость требуетъ, чтобы каждому человѣку было предоставлено поклоняться тому, во что вѣруетъ и чего жаждетъ его сердце. Если Инаме увѣровалъ въ великаго индійскаго kami, пусть Инаме поклоняется его образу». И тогда Кинъ-мей отдалъ Инаме статую Амиды со всѣми ея богослужебными принадлежностями. Инаме велѣлъ унести все это къ себѣ и построить для статуи часовню, на берегу пруда, находившагося на принадлежащей ему землѣ. вмѣстѣ съ присланными бонзами, сталъ онъ вникать въ смыслъ и духъ ученія Сакья-муни, и вскорѣ затѣмъ сознательно принялъ буддійскую религію вмѣстѣ со всѣми членами своего семейства. Народъ сначала относился къ этому совершенно равнодушно; нѣкоторые стали даже принимать новое ученіе, какъ вдругъ надъ Ниппономъ разразилась моровая язва, отъ которой гибло множество людей. Тогда Вукози и его сторонники стали громко и повсюду доказывать, что они были правы, предостерегая микадо противъ допущенія чуждаго божества, что предреченный ими гнѣвъ національных kami уже совершается, и надо ожидать еще новыхъ, сильнѣйшихъ каръ, которымъ и конца не будетъ доколѣ чуждое божество попираетъ свою пятую землю Ниппона. Толпа осакской черни, возбужденная этими рѣчами, разрушила и сожгла буддійскую часовню, а статую Амиды бросила въ прудъ. Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ эпидемія стала ослабѣвать и наконецъ прекратилась.

Въ это время одинъ простолюдинъ, изъ сельскихъ жителей, проходя однажды ночью мимо пруда Инаме, вдругъ услышалъ голосъ, исходящій изъ водной глубины: «Спаси меня, я вознагражу тебя послѣ!» Прохожій остановился въ недоумѣніи и сталъ прислушиваться. Среди ночной тишины тотъ же тихій голосъ внятно повторялъ ему тѣ же слова. Сообразивъ, что обыкновенный смертный не можетъ жить и говорить подъ водой, прохожій сказалъ себѣ, что это должно-быть нѣчто сверхъестественное и не зналъ на чтѣ ему рѣшиться. Но такъ какъ въ звукѣ и выраженіи взывавшаго къ нему голоса не было ничего злобнаго и грознаго, ничего устрашающаго или отталкивающаго, а слышалась, напротивъ, тихая ласковая просьба, то прохожій подумалъ, что вѣрно

это какой-нибудь добрый духъ, заключенный въ прудъ кознями злыхъ духовъ, и что поэтому, надо исполнить его просьбу. Осторожно вошелъ онъ по колѣна въ воду и сталъ прислушиваться изъ какого именно мѣста исходитъ голосъ. «Спаси меня, я вознагражу тебя послѣ!» слышалась опять та же тихая мольба, и прохожій ясно различилъ теперь, что исходитъ она какъ-разъ изъ того мѣста, на которомъ стоитъ онъ самъ. Тогда онъ опустился на одно колѣно и окунувъ въ воду руки, сталъ искать. Пальцы его вскорѣ нащупали твердое тѣло, и черезъ минуту статуя Амиды была вынута изъ воды и съ благоговѣніемъ вынесена на берегъ. Онъ унесъ ее къ себѣ и до времени скрылъ у себя въ домѣ, не объявляя никому о своей находкѣ.

Между тѣмъ семейство Инаме продолжало втайнѣ исповѣдывать Шака-муни ¹⁾, и когда, по смерти Кинъ-Мей въ 571 году, на престолъ вступилъ его сынъ Бидацъ, то на должность перваго министра былъ назначенъ имъ сынъ престарѣлаго Инаме, Согано. Этотъ послѣдній представилъ однажды Бидацу нѣкоего благочестиваго и ученаго бонзу, прибывшаго изъ Синра, чтѣ въ Корей, и исходатайствовалъ для него разрѣшеніе остаться при дворѣ микадо, въ качествѣ астролога. Втайнѣ у обоихъ была одна цѣль, введеніе въ Японію буддизма. Святой мужъ, предвидя всѣ трудности этой задачи и зная какъ тѣсно соединяетъ государя съ народомъ общность національной религіи, придумалъ какимъ образомъ расположить микадо въ пользу своего ученія. Узнавъ, что при дворѣ воспитывается шестилѣтній внукъ Бидаца, Джотокъ, будущій императоръ, рожденіе коего было ознаменовано чудеснымъ явленіемъ на небѣ двухъ солнцъ, бонза, при первой встрѣчѣ съ этимъ ребенкомъ, палъ къ его ногамъ и, какъ бы подъ наитіемъ высшаго откровенія, воздалъ ему божескія почести. Когда микадо, узнавъ объ этомъ, потребовалъ отъ бонзы объясненія его поступка, тотъ заявилъ, что по составленному имъ гороскопу узнаетъ въ ребенкѣ воплощеніе Анана, перваго и любимѣйшаго изъ учениковъ Будды, и поклоняется въ его лицѣ будущему распространителю религіознаго свѣта въ Японіи и вмѣстѣ съ тѣмъ одному изъ величайшихъ ея государей. Два солнца въ одномъ кольцѣ, видѣнные въ часъ рожденія наслѣднаго принца, какъ нельзя болѣе подтверждали вѣрность гороскопическихъ предсказаній корейскаго бонзы, и министру Согано не трудно было послѣ этого убѣдить, чтобы воспитаніе внука было поручено сему святому и ученѣйшему мужу. Впослѣдствіи, вступивъ на престолъ, молодой императоръ не только сталъ

¹⁾ Индійское Сакья-муни произносится въ Японіи различно, смотря по мѣстностямъ, — говорятъ *Сакья-муни* и *Шака-муни*; послѣднее употребительнѣе.

вводить въ Японіи буддизмъ, но даже принялъ санъ первосвященника этой религіи, за что и былъ по смерти причисленъ къ лику святыхъ и чувствуется до сихъ поръ подъ именемъ Джотокъ-Дайдзина ¹⁾. Въ этотъ-то счастливый для буддизма періодъ, поселянинъ извлекшій изъ пруда Инаме статую Амиды, явился однажды къ министру Согано и объявилъ о сдѣланной имъ нѣкогда находкѣ и о томъ какимъ чудеснымъ явленіемъ была она вызвана. Когда вслѣдъ за тѣмъ онъ представилъ Согано и самую статую, этотъ послѣдній сейчасъ призналъ ея подлинность по всѣмъ признакамъ, какіе запечатлѣлись въ его памяти еще съ дѣтства. Немедленно же, по повелѣнію Джотокъ, было приступлено къ постройкѣ великолѣпнаго храма на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тридцать три года назадъ стояла скромная часовня Амиды, и когда храмъ былъ отстроенъ, самъ микадо, въ присутствіи всѣхъ чиновъ двора, войскъ и жителей Осаки, съ великимъ торжествомъ перенесъ въ него чудесно обрѣтенную статую и поставилъ ее собственными руками на великолѣпный алтарь, нарочно для нея приготовленный. Тамъ она находится и по настоящее время, и храмъ, получившій названіе Амиды-ике, сталъ процвѣтать, благодаря многочисленнымъ поклонникамъ и щедрымъ жертвователямъ. Онъ и до сихъ поръ считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Японіи, хотя по наружности нельзя сказать, чтобы въ немъ сохранились какіе-либо слѣды отъ древняго великолѣпія. Впрочемъ, говорятъ, что прежній храмъ давнымъ-давно уже сгорѣлъ, и что во время пожара удалось спасти только статую Амиды.

22-го мая.

Сегодняшнее утро мы посвятили осмотру осакаго замка Осиро. Начиная съ микадо Нинтоку, Осака постоянно служила императорамъ резиденціей, и эта роль оставалась за нею до 1185 года, когда Минамото-но-Горитомо, первый изъ министровъ, облеченный государственною властью и саяомъ сегуна, основавшій самъ въ Камакурѣ, убѣдилъ микадо Готоба переселиться на покой въ небольшой, но предѣстанный городокъ Кіото. Нинтоку былъ первымъ строителемъ Осиро, и эта крѣпость, въ продолженіе своего шестнадцативѣкового существованія, выдержала не мало осадъ и была свидѣтельницей большей части главнѣйшихъ событій въ исторіи Ниппона, по части междоусобныхъ войнъ, до послѣдняго сегуна, включительно, покончившаго свое политическое бытіе въ революціи 1868 года. Въ послѣдней четверти XVI вѣка осакимъ замкомъ владѣли бонзы секты *Монтоо*. Въ ту эпоху буддизма

скіе монахи сильно размножились по всей имперіи, а въ особенности въ центрѣ и въ южныхъ провинціяхъ Ниппона, гдѣ владѣли значительными землями и разными оброчными статьями. Соперничая между собой изъ-за привлеченія къ тому или другому монастырю наибольшаго числа выгодныхъ поклонниковъ и вкладчиковъ, эти братства и секты дошли наконецъ до кровавыхъ междоусобій, нападали другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ и сожигая бонзеріи своихъ соперниковъ. Потерпѣвшіе, разумѣется, мстили имъ тѣмъ же, но отъ этихъ побойщъ и особенно отъ пожаровъ сильно терпѣли свѣтскіе, непричастные къ монашескимъ распрямъ, обыватели. Бонзы стали вооружать свои монастыри, и, окружая ихъ стѣнами и рвами, превратили многія обители въ формальныя крѣпости, въ которыхъ и государственная власть порой ничего не могла съ ними подѣлать. Наконецъ, сегунъ Хидейеси ¹⁾, знаменитый тайко-сама, рѣшился положить конецъ этому невозможному ходу дѣлъ. Онъ взялъ штурмомъ нѣсколько изъ самыхъ безпокойныхъ монастырей, другіе занялъ своими войсками, срылъ ихъ укрѣпленія, сослалъ на отдаленные острова наиболѣе виновныхъ монаховъ, все остальное духовенство подчинилъ строгому надзору полиціи и, наконецъ, подвергъ секуляризациі, въ пользу правительства всѣ монастырскія земли, предоставивъ бонзамъ только право пользованія ими по благоизволенію правительства. Все это было совершено въ 1586 году. Въ числѣ взятыхъ съ бою монастырей находился и осакаскій замокъ въ которомъ бонзы оборонялись особенно упорно и долго, такъ что пришлось вести противъ него цѣлую осаду и нѣсколько разъ возобновлять попытки штурма, пока наконецъ послѣдняя изъ нихъ увѣнчалась успѣхомъ. Выгнавъ бонзъ изъ Осиро, Хидейеси возобновилъ его, расширивъ и углубивъ водяные рвы и воздвигнувъ вторыя, внутреннія стѣны съ нѣсколькими фланкирующими башнями. Затѣмъ онъ избралъ Осиро мѣстомъ своей постоянной резиденціи и для этого выстроилъ внутри его великолѣпный дворецъ. Хидейеси, сынъ простого крестьянина-земледѣльца, благодаря силѣ своего характера, государственному уму и военнымъ талантамъ, возвысился до положенія сегуна, получивъ отъ микадо титулъ *тайко-сама*, то есть «великаго господина», который сохранился за нимъ какъ въ исторіи, такъ и въ устахъ

¹⁾ Особенно сильное распространеніе во всей странѣ буддизмъ получилъ около двухсотъ пятидесяти лѣтъ спустя, при императорѣ Сейвоо, царствовавшемъ съ 859 по 876 годъ.

¹⁾ По другому произношенію, Фидейеси. Въ разныхъ провинціальныхъ японскихъ говорахъ звуки *h*, *x*, *k*, *f* часто мѣшаются, замѣняясь одинъ другимъ. Точно также мѣшаются *n* съ *m*, *n* съ *x* и *i*, *s* съ *sh* и *z*, *s* съ *ж* и *дж*, *ч* съ *ч*. Такъ, напримѣръ, произносится *Ниппонъ-баси* и *Нижомъ-баси*, *Хирадо* и *Фирадо*, *Кадживара* и *Хадживара*, *Фидейеси*, *Гидейеси* и *Хидейеси*, *Фузи*, *Фужи* и *Фуджи*, *Ичи* и *Ичи*. *Изанами* и *Ицанами*. *Сегунъ* и *Шогунъ*.

народа. Почувствовавъ въ 1598 году начало смертельнаго недуга, онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры для утверждения сегунской власти за своей династіей и для этого между прочимъ, женилъ своего, еще несовершеннолѣтняго сына Хидейери на дочери своего перваго министра и друга Гіейяса, передавъ ему, въ качествѣ регента, не только свою власть, но и соединенный съ ней высокій титулъ сегуна. Гіейясъ далъ ему торжественную письменную клятву отказаться отъ этой власти, какъ только Хидейери достигнетъ совершеннолѣтія, причемъ, не довольствуясь обыкновенною подписью, вскрылъ даже себѣ на рукѣ жилу, чтобы расписаться собственною кровью. Тайко-сама умеръ въ томъ же году на рукахъ Гіейяса, который устроилъ ему самыя пышныя похороны, и послѣ этого цѣлыя пять лѣтъ регентствовалъ въ странѣ, вслѣдствіе отстраняя Хидейери отъ дѣлъ правленія. Друзья молодого сегуна, разгадавъ тайныя намѣренія Гіейяса, рѣшились противустать имъ и для этого собрали достаточныя силы въ осакскомъ Осиро, гдѣ Хидейери продолжалъ жить во дворцѣ своего отца. Узнавъ объ этомъ, Гіейясъ послалъ имъ приказъ немедленно же сдать замокъ его уполномоченнымъ офицерамъ, но Хидейери отказался исполнить это требованіе. Тогда Гіейясъ обложилъ замокъ своими войсками. Осада продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и гарнизонъ, послѣ храброй защиты, вынуждаемый голодомъ, долженъ былъ наконецъ, при послѣднемъ питурмѣ, сдаться на капитуляцію. Но не сдался Хидейери со своими друзьями. Онъ взялъ факелъ и собственной рукой зажегъ отцовскій дворецъ, а когда зданіе было уже достаточно охвачено огнемъ, бросился въ пламя въ ту самую минуту когда крѣпость отворила непріятелю ворота. Друзья послѣдовали его геройскому примѣру. Это было въ 1603 году. Гіейясъ провозгласилъ себя сегуномъ, оправдывая свое клятвопреступленіе и трагическую смерть Хидейери тѣмъ, будто имѣлись доказательства, что Хидейери сочувствовалъ христіанамъ и находился съ ними въ тайныхъ сношеніяхъ. Войско присягнуло ему на вѣрную службу, а микадо санкционировалъ за нимъ власть и титулъ сегуна, послѣ чего Гіейясъ перенесъ сегунальную столицу въ Іеддо (Тоокіо) и издалъ законодательное постановленіе, обязывавшее будущихъ сегуновъ не перемѣнять этой резиденціи.

Осакскому замку пришлось сыграть нѣкоторую роль и въ событіяхъ новѣйшей исторіи Ниппона ⁴⁾. Со времени изгнанія Португальцевъ

(1638), Японія пребывала въ полной замкнутости. Всякія сношенія съ европейскими народами были прерваны, и только голландцы пользовались привилегіей торговать въ Децимѣ при весьма стѣснительныхъ условіяхъ. Въ 1844 году, рассчитывая, что результатъ первой англо-китайской «войны за опиумъ» долженъ произвести внушительное впечатлѣніе на японское правительство, король голландскій Вильгельмъ II обратился къ сегуну съ собственноручнымъ письмомъ, гдѣ доказывалъ ему невозможность оставаться въ нашъ вѣкъ въ отчужденіи отъ другихъ націй безъ опасенія навлечь на себя общую вражду, и совѣтовалъ смягчить строгость законовъ противъ иностранцевъ, дабы тѣмъ избавить страну отъ бѣдствій неизбѣжной въ противномъ случаѣ войны съ европейцами. Но японское правительство отвѣчало, что обстоятельство, измѣнившія судьбу китайской имперіи, еще сильнѣе укрѣпили его во всегдашней политикѣ, потому что еслибы китайцы не сдѣлали неосторожности, дозволивъ англичанамъ селиться въ Кантонѣ, то теперь не находились бы во глубинѣ пропасти. «Пока плотина въ хорошемъ состояніи, поддерживать ее легко, но разъ ее прорвало,—трудно уже удержать ее отъ дальнѣйшаго разрушенія». Послѣ этой отповѣди, европейскія попытки притихли до 1852 года, когда правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отправило въ Японію экспедицію коммодора Биддля. «Передайте своему правительству», отвѣчали ему, «что народъ нашъ избѣгаетъ всякаго общенія съ иностранцами. Они пріѣзжали къ намъ со всѣхъ сторонъ свѣта и получали точно такой же отказъ. Отказывая вамъ, мы соблюдаемъ завѣщанныя намъ по преданію государственныя правила. Мы знаемъ, что обычаи наши въ этомъ отношеніи разнятся отъ обычаевъ другихъ народовъ; но мы требуемъ и для себя того же права, какое принадлежитъ въ частности каждому народу, устраивать собственныя дѣла по своему крайнему разумѣнію. Торговля голландцевъ въ Нагасаки не даетъ еще остальнымъ народамъ права претендовать на тѣ же самыя выгоды». Этотъ достойный отвѣтъ вызвалъ въ Америкѣ цѣлую бурю. Печать, клубы, конгрессы, подняли вопросъ о внушительной морской манифестаціи противъ Японіи. «Не слѣдуетъ-де дозволить этой имперіи пренебрегать долге цивилизованнаго міромъ; независимость народа не можетъ быть абсолютною; препятствіе, представляемое Японіей мирному развитію американской торговли, не имѣетъ разумнаго основанія и не можетъ быть терпимо; достоинство Америки обязываетъ-де ее къ энергическому вмѣшательству» и т. п. Экспедиція на этотъ разъ

⁴⁾ Нижеслѣдующій рассказъ составленъ на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ драгоманомъ русскаго посольства въ Тоокіо, А. О. Маленда, какъ очевидцемъ событій, и гг. Нарсэ и Арсениемъ Ивасава (студентомъ С.-Петербургской Духовной Академіи), а также дополненъ нѣкоторы

ми данными, заимствованными у Э. Эмбера и барона Гюбнера.

была поручена коммодору Перри, который въ июлѣ 1853 года въ первый разъ появился не въ Нагасаки, а предъ городомъ Урага, въ Иеддойскомъ заливѣ, и настоялъ на томъ, чтобы японскіе уполномоченные приняли отъ него письмо президента Штатовъ «къ его великому и доброму другу, государю Японіи». При этомъ Перри заявилъ, что за отвѣтомъ онъ явится слѣдующею весной со всею своею эскадрой. И дѣйствительно, 11 февраля 1854 года девять сильныхъ военныхъ пароходовъ стали на якорь противъ Канагавы, и, подъ жерлами ихъ грозныхъ орудій, японскому правительству волей-неволей пришлось подписать 31 марта договоръ, извѣстный подъ именемъ Канагавскаго трактата. Въ декабрѣ того же 1854 года заключила договоръ и Англія.

Прибытіе въ Иеддо двухъ европейскихъ посольствъ подало поводъ къ волненіямъ партій, враждебной иностранцамъ. Сегунъ Ііе-Іеши былъ умерщвленъ въ своемъ собственномъ дворцѣ. По случаю несовершеннолѣтія его сына и наслѣдника Ііезада, принялъ правленіе, въ качествѣ регента, умный и умѣренный Ли-Камонъ-но-Ками, но, заподозрѣнный въ свою очередь въ сочувствіи иностранцамъ, онъ былъ закованъ кинжаломъ среди бѣла дня, на ступеняхъ сегунскаго дворца. Голова его была отправлена въ Кіото и выставлена тамъ публично на площади ¹⁾. Вскорѣ открылась англо-французская война противъ Китая. Союзники, пользуясь обаяніемъ своей побѣды, рѣшили что эта минута наиболѣе удобна, чтобы принудить японское правительство къ пересмотру трактатовъ, заключенныхъ въ 1854 году сегуномъ, въ пользу расширенія правъ европейцевъ, и соединенный англо-французскій флотъ, подъ командой адмираловъ лорда Эльджина и барона Гро появился на Іокогамскомъ рейдѣ. Новые тождественные договоры, опять-таки подъ угрозою пушекъ, были подписаны сегуномъ въ августѣ и октябрѣ 1858 года ²⁾. Заключая съ

нимъ эти трактаты, оба уполномоченные оставались еще при ложномъ убѣжденіи, что Японія находится подъ властію двухъ императоровъ, духовнаго и свѣтскаго, и лишь впоследствии узнали, что «тайкунъ» хотя и владѣлъ съ XII столѣтія значительною частью страны ¹⁾, но въ сущности былъ только первымъ вассаломъ императора и не имѣлъ права вести переговоры съ иностранцами; договоры же съ ними заключилъ вопреки волѣ и приказаніямъ микадо. Будучи уже поколебленъ въ своемъ положеніи, онъ рассчитывалъ поднять свое значеніе именно при помощи сношеній съ могущественными иностранцами, какъ бы пригрозить ими Кіотскому двору и наложить узду на нѣкоторыхъ наиболѣе вліятельныхъ князей, совѣтовавшихъ императору полный и открытый разрывъ съ сегуномъ. Дѣятели революціи 1868 года увѣряютъ, будто, желая оставить обоимъ уполномоченныхъ западныхъ державъ въ неизвѣстности касательно характера своей власти, сегунъ, по примѣру своего отца Ііе-Іеши, удержалъ приданный ему сими уполномоченными китайскій титулъ *тайкуна*, означающій верховную власть, вмѣсто истиннаго своего титула *сегуна*, соответствующаго слову «главноначальствующій». Но именно это-то и имѣло послѣдствія, какъ разъ противоположныя его расчетамъ, ускоривъ союзъ его враговъ и упраздненіе сегуната.

Съ прибытіемъ англійскаго посольства, сегунъ Ііезада умеръ въ 1858 году, тоже довольно подозрительною смертью (есть слухи будто онъ былъ отравленъ), не оставивъ по себѣ наслѣдника. Тогда избранъ былъ въ сегуны Ііетотзи, изъ той же отрасли Кеіу рода Гозанкэ. Между тѣмъ, по заключеніи договоровъ, немедленно же было приступлено къ ихъ осуществленію. Иностранныя посольства поселились въ нѣсколькихъ отведенныхъ имъ буддійскихъ бонзеріяхъ въ Иеддо, а консулы и стан жадныхъ торгашей и авантюристовъ овладѣли Іокогамою. Я уже разсказывалъ ²⁾ какъ гнусно воспользовались на первыхъ же порахъ, эти европейскіе и американскіе торгаша предоставленными имъ льготами, и какія позорныя продѣлки употребляли они, даже не безъ участія своихъ дипломатическихъ миссій, для безбашаго обиранія японскаго государственнаго казначейства. Понятно, что ничего кромѣ

¹⁾ Починъ этого заговора исходилъ отъ князя Мито. Одинъ изъ самураевъ регента отомстил за своего господина, убивъ отца этого князя.

²⁾ Англійскій договоръ подписанъ 16 августа а французскій 9 октября. Сущность обоихъ заключалась въ томъ, что для дипломатическихъ агентствъ мѣстомъ пребыванія назначается Иеддо, а для консульскихъ агентствъ открытыя порты: Хакодате, Канагава (Іокогама) и Нагасаки, къ коимъ впоследствии должны присоединиться Хіого и Нагата. Англійскіе и французскіе подданные могутъ свободно селиться въ нихъ, приобретать дома, торговать, строить церкви и отправлять свою религію. Имъ предоставлялось также, въ указанное время, пребываніе въ Иеддо, но единственно для торговыхъ дѣлъ. Только дипломатическій агентъ и генеральный консулъ имѣли право ѣздить внутри страны. Въ параграфѣ статьи, касающейся свободнаго исповѣданія христіанской религіи въ открытыхъ портахъ, уполномоченные выговорили условіе, заключенное раньше голландцами, о прекращеніи обычаевъ,

оскорбительныхъ для христіанства (попираніе креста ногами). Вслѣдъ за этими актами, сходные договоры были заключены съ Пруссіей, Испаніей, Бельгіей и впоследствии съ Австріей. Русскій договоръ, заключенный графомъ Путятинымъ, состоялся еще въ 1854 году и впоследствии былъ дополненъ сходными же статьями.

³⁾ Сегунальныя владѣнія состояли изъ восьми провинцій, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *Кванто*, и городовъ: Иеддо, Осаки, Нагасаки, Нагаты и Хакодате съ ихъ округами.

⁴⁾ См. главу XXIII, „Іокогама“.

ненависти и презрѣнія не могли они возбудить къ себѣ въ народѣ, который сталъ громко ронять на правительство, что оно такъ малодушно допустило «варваровъ» въ страну Восходящаго Солнца. Съ открытіемъ пяти портовъ для европейской торговли, сильно и притомъ сразу увеличился спросъ на нѣкоторые туземные продукты, какъ, напримѣръ, шелкъ, чай, хлопокъ, рисъ, потреблявшіеся прежде лишь внутри страны и потому цѣнившіеся очень низко. Теперь же, съ быстрымъ возрастаніемъ спроса, цѣны на нихъ быстро поднимались выше и выше, а это повлекло за собой вздорожаніе на внутреннемъ рынкѣ предметовъ первой необходимости и въ особенности риса. Собственно народъ не имѣлъ отъ торговли съ иностранцами никакой выгоды, которая вся сосредоточивалась въ рукахъ сегуна и его агентовъ, ибо сегуну принадлежала монополія вывозной торговли. Наживались еще разные скупщики, портовые маклера, да мелкіе промышленники, пристроившіеся къ европейскимъ колоніямъ. Ни крупныя землевладѣльцы изъ числа даймю, ни простые землепашцы не имѣли права продавать свои сырые продукты прямо иностранцамъ, а обязаны были передавать ихъ, по установленной правительствомъ довольно низкой цѣнѣ, въ руки агентовъ сегуна, занимавшихся скупкой на мѣстахъ. Самурайи, какъ военные, такъ и гражданскіе, существовавшіе лишь государственною службой или же службой при своихъ даймю, не пользуясь вовсе землей, остались при прежнихъ своихъ окладахъ, которыхъ теперь, съ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости, рѣшительно не доставало уже на самое скромное существованіе; эти несчастные люди впадали въ долги, разорились и въ большинствѣ кончали почти полною нищетой. Источники и причины всѣхъ этихъ золъ были всѣмъ ясны и выражались двумя словами: *сегунъ и европейцы*. Вотъ что подготовило переворотъ 1868 года и сдѣлало его, сравнительно съ прежними попытками, очень легкимъ. Невольная ошибка лорда Эльджина и барона Гро, обратившихся не къ микадо, а къ его вассалу, да еще наименовавъ его при этомъ *тайкуномъ*, сплотила вокругъ недовольныхъ даймю всѣ элементы враждебныя иностранцамъ, между тѣмъ какъ нравственная и даже матеріальная поддержка, оказываемая иностранцами сегуну, все болѣе лишала его довѣрія націи и прямо давала его врагамъ оружіе, ускорившее паденіе сегуната. Высшая придворная аристократія въ Кіото настаивала, что если уже нѣтъ образомъ нельзя избавиться отъ иностранцевъ, то надо по крайней мѣрѣ, для приданія значенія заключеннымъ съ ними договорамъ, чтобы договоры эти были утверждены императоромъ. Это былъ первый ударъ нанесенный сегуну придворною партіей. Съ тѣхъ поръ, сегунъ для

подкрѣпленія своей власти, а микадо для установленія своей, старались пользоваться европейцами. Кіото и Іеддо сдѣлались гнѣздилищемъ всяческихъ интригъ. Южные кланы и въ особенности островъ Кью-сю всегда играли важную роль въ переворотахъ въ Японіи; изъ Кіото послали туда тайныхъ агентовъ, старавшихся возбудить общественное мнѣніе противъ сегуна, возводя на него обвиненіе въ томъ, что онъ предалъ государство варварамъ. Владѣтельные князья Сатсума, Хозіо (или Ходжіо) и Тоза, къ которымъ присоединился впоследствии и князь Гизентъ, совмѣстно съ кіотскими придворными *кунайями*, громко потребовали изгнанія иностранцевъ и подали императору прошеніе, чтобы онъ повелѣлъ сегуну бросить варваровъ въ море. Состоялся приказъ въ этомъ смыслѣ, но сегунъ отказался исполнить его, справедливо ссылаясь на свое безсиліе, въ виду превосходства наличныхъ вооруженныхъ силъ Европы и Америки, эскадры коихъ стояли передъ Іеддо. Тогда названные князья, подчиняясь вліянію своихъ самурайевъ, среди которыхъ и находились истинные и самые энергическіе дѣятели будущаго переворота, приступили къ императору съ просьбами наказать сегуна и взять самому въ руки починъ движенія противъ варваровъ. Обѣ стороны, сегунъ и князья приверженцы микадо, сознавая что отношенія между ними все болѣе обостряются, послѣнно готовились къ междоусобной войнѣ: пригласили нѣсколькихъ европейскихъ инструкторовъ, накупили пушекъ, скорострѣльныхъ ружей и заказали въ Европѣ военные пароходы, причемъ европейскіе генштафтеры сбывали имъ всякій арсенальный хламъ за большія деньги. Микадо, однако, колебался дѣйствовать противъ сегуна въ открытую, потому что въ то время онъ еще находился, такъ-сказать, подъ присмотромъ князя Айдзу, одного изъ могущественныхъ сѣверныхъ феодаловъ, родственника и друга сегуна, состоявшаго въ должности военнаго губернатора Кіото. Для успѣха дѣла надо было овладѣть непосредственно особой микадо, потому что микадо,—это въ нѣкоторомъ родѣ принципъ или священное знамя, которое надо имѣть въ своихъ рукахъ тому, кто хочетъ могущественно дѣйствовать на народъ. Поэтому-то въ Японіи всегда будетъ торжествовать та политическая партія, которая владѣетъ этимъ микадо и до тѣхъ поръ, пока она имъ владѣетъ. Сознавая эту истину, князь Хозіо, болѣе извѣстный тогда подъ именемъ князя Ногато, задлся цѣлью такъ или иначе овладѣть особой микадо, украсть его или отбить силой. Отрядъ преданныхъ ему самурайевъ, напавъ на Кіото, успѣлъ проникнуть ко дворцу, но тутъ ему пришлось встрѣтить сильный отпоръ со стороны сегунальскихъ войскъ князя Айдзу. Предпріятіе не удалось. Ногатовы самурайи были отброшены отъ сто-

лицы и удалились къ Симоносеки. а князь Айдау и посѣщившій въ Кіото сегунъ сразу очутились господами положенія при дворѣ: микадо отдался имъ совершенно, и они заставили его дать сегуну повелѣніе наказать жителей княжества Ногато. Въ это же время, пользуясь обстоятельствами, европейскіе дипломаты посѣщили со своими эскадрами въ Хіого просить у микадо утвержденія договоровъ, а представитель Франціи предложилъ даже содѣйствіе французскихъ войскъ для усмиренія князя Ногато. Микадо понялъ, что въ сущности это будетъ военное вмѣшательство чужестранцевъ въ пользу сегуна и потому отклонилъ предложеніе, но трактаты съ европейскими державами долженъ былъ утвердить, вынуждаемый къ тому нравственнымъ давленіемъ сегуна. Вотъ почему, при осуществленіи переворота 1868 года, новые дѣятели уже ничего не могли предпринять противъ европейцевъ и должны были по отношенію къ нимъ продолжать политику послѣднихъ сегуновъ. Тутъ случились вскорѣ одно за другимъ два событія, переполнившія мѣру терпѣнія южныхъ дайміо. Одно изъ нихъ—бомбардировка англичанами Кагосимы, главнаго города княжества Сатцумы, другое—бомбардировка послѣдовательно эскадрами четырехъ державъ города Симоносеки. Причины послѣдняго событія разсказаны мной выше, а первое было репрессивной мѣрой, чтобы добиться удовлетворенія за смерть Ленокса Ричардсона ¹⁾.

¹⁾ Обстоятельство подавшее поводъ къ этому событію заключалось въ томъ, что англійскій приказчикъ Леноксъ Ричардсонъ, въ кавалькадѣ съ какой-то дамой и нѣсколькими своими товарищами, выѣхавъ однажды на прогулку по Токаидо (государственная большая дорога), встрѣтилъ стараго князя Сатцума, ѣхавшаго съ многочисленной свитой въ Канагауи и, не смотря на предупрежденіе скороходовъ, не пожелалъ свернуть съ дороги, чтобы дать пробѣжать одному изъ знатѣйшихъ дайміо Ниппона, но съ чисто англійскимъ нахальствомъ уставился на него глазами, не изъясняя никакихъ знаковъ вѣншнаго почтенія, въ то время, какъ всѣ встрѣчные японцы спѣшили принимать самыя почтительныя позы и даже чебурахались въ землю. По законамъ страны, еслибы какой-нибудь туземецъ осмѣлился при подобной встрѣчѣ не остановиться и не сойти съ лошади, военный эскортъ дайміо имѣлъ право умертвить его, какъ оскорбителя княжескаго сана; купцамъ же туземнымъ и вовсе было запрещено ѣздить верхомъ, такъ какъ по своему общественному положенію, они занимали послѣднюю ступень: ниже ихъ стояли только парин, гетъ. При происшедшемъ по случаю остановки замѣшательствѣ, старый дайміо, узнавъ, что англійскіе купцы не желаютъ уступить ему дорогу, приказалъ проложить ее пулями, и со своей точки зрѣнія былъ совершенно правъ, такъ какъ встрѣтившееся обстоятельство шло въ разрѣзъ со всѣми его традиционными понятіями о долгѣ и приличіи. Солдаты сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, и Ричардсонъ упалъ съ коня смертельно раненый, а прочіе его товарищи удрали. Англія потребовала отъ сегуна прамѣрнаго и притомъ уни-

Оба дайміо, Ногато и Сатцума, должны были покориться, но за то вскорѣ составили, въ союзъ съ другими южными феодалами, сильный средствами и нравственнымъ духомъ заговоръ противъ сегуна, считая сего послѣдняго истинной причиною такого безпримѣрнаго озорничанья европейцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился изъ горькаго опыта въ превосходствѣ европейскаго оружія и не желая видѣть его въ подготовляемыхъ событіяхъ на сторонѣ своего противника, князя Сатцума и Ногато постарались интимно сойтись съ англичанами,—и англичане, руководствуясь инстинктами собственныхъ коммерческихъ интересовъ, не задумались сдѣлаться (сепаратно отъ французовъ) друзьями и повѣренными противъ сегуна у тѣхъ самыхъ князей, города которыхъ только-что были ими уничтожены. Итакъ, возстаніе южныхъ клановъ было поднято. Сегунъ предпринялъ противъ Ногато и Сатцумы двѣ компаніи, и чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія, переѣхалъ въ осаекскій замокъ, гдѣ и умеръ еще до окончанія военныхъ дѣйствій, въ декабрѣ 1866 года. Вскорѣ скончался и микадо (въ февралѣ 1867), и на престолъ Японіи вступилъ двѣнадцатилѣтній сынъ его, нынѣ царствующій императоръ. Мѣсто сегуна, за бездѣтностью покойнаго Йетотзи, осталось вакантнымъ. Кеики, младшій сынъ князя Мнто (изъ рода же Гозанкэ), еще при жизни Йетотзи спеціально воспитанный и подготовленный имъ для должности сегуна, вступилъ теперь въ это званіе вопреки совѣтамъ отца и другихъ членовъ своего семейства, наслѣдственныхъ враговъ сегуната. Поселившись во дворцѣ, не въ Іеддо, а въ Кіото, при особѣ юнаго императора, онъ

зительнаго наказанія князя Сатцумы. Сегунъ отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность и прибѣгъ къ посредничеству Франціи. Тогда Англія нѣсколько понизила свои требованія и настаивала лишь на томъ, чтобы князь выплатилъ родственникамъ убитаго сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ и всеародно казнилъ бы стрѣлявшихъ по британскому подданному. Сегунъ и на этотъ разъ умылъ себѣ руки, предоставивъ англичанамъ справляться съ Сатцумой какъ знаютъ. И вотъ, спустя десять мѣсяцевъ послѣ происшествія, англійская эскадра появилась на рейдѣ города Кагосимы и предъявила князю ультиматумъ ея британскаго величества. Когда насталъ срокъ ультиматума, Сатцума объявилъ, что, по глубокому размышленію и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, онъ пришелъ къ заключенію, что ничего не понимаетъ ни во всемъ этомъ требованіи, ни въ причинахъ, вызывающихъ оное, ибо если Ричардсонъ и палъ, то онъ былъ наказанъ совершенно согласно законамъ страны за нанесенное имъ великому дайміо оскорбленіе, которое вдобавокъ ничѣмъ со стороны послѣдняго не было вызвано. Отвѣтомъ на это была жестокая бомбардировка Кагосимы, пожаръ и разрушеніе города, дворца, доковъ, верфи, литейнаго двора, взрывы пороховыхъ заводовъ и сожженіе множества стоявшихъ на рейдѣ японскихъ судовъ и трехъ взятыхъ въ плѣнъ пароходовъ князя Сатцумы.

провозгласилъ себя сегуномъ, подъ именемъ Стоцбаши; но чтобъ успокоить оппозицію, заявилъ намѣреніе содѣйствовать полному восстановленію власти микадо и отказаться отъ своего званія, какъ только совѣтъ великихъ даймю опредѣлитъ основанія новаго государственнаго положенія. Съ этой цѣлью онъ просилъ микадо созвать означенный совѣтъ «для утвержденія государства на прочной основѣ и для пересмотра конституціи, дабы тѣмъ открыть для страны пути прогресса, и благосостояющаго повести ее къ могуществу и независимости». Микадо согласился на представленіе Стоцбаши, и великіе даймю были собраны въ Кіото. Не явились только князья Сатцума, Хозіо (Ногато) и Тоза. Возмущеніе ихъ, не прекращавшееся за весь этотъ періодъ времени, приняло наконецъ довольно грозныя размѣры; но Стоцбаши и не думалъ вступитъ съ ними въ борьбу, которой отъ него ожидали всѣ, зная его энергію и способности и видя серьезныя военныя приготовленія которыя онъ дѣлалъ при помощи Франціи. Кіотское собраніе князей было бурно и далеко еще не пришло къ какому-либо положительному результату, когда войска Сатцумы, Хозіо и Тозы сосредоточились въ декабрѣ 1867 года вокругъ Кіото. Стоцбаши все еще оставался въ бездѣйствіи и не скрывалъ намѣренія сложить съ себя власть какъ только собраніе утвердитъ новую конституцію. Но тутъ наступили вдругъ самыя рѣшительныя событія. 3 января 1868 года войска князя Сатцумы внезапно проникли въ Кіото, захватили микадо, насильственно увлекли его со всѣмъ дворомъ въ свой лагерь, разсѣяли друзей Стоцбаши и заняли городъ. Въ тотъ же день князь Сатцума велѣлъ передать подписанный императоромъ приказъ сегуну и военному губернатору, князю Айдзу, немедленно же вывести сегунальнныя войска и сдать цитадель князю Сатцума. Это было исполнено тотчасъ же, и затѣмъ, не считая себя болѣе въ безопасности въ Кіото, Стоцбаши и Айдзу въ тотъ же вечеръ оставили со своими войсками столицу и послѣднимъ направилась въ Осаку, куда прибыли на другой день и заняли замокъ Осиро. Въ то же самое время, къ счастливымъ похитителямъ микадо спѣшили примкнуть войска князей Авы, Акы, Гизена и другихъ. 4 января послѣдовалъ императорскій манифестъ возвѣстившій главенство микадо восстановленнымъ и распространеннымъ безраздѣльно на всю имперію. Другимъ высочайшимъ указомъ положены основанія новой конституціи.

Но съ удаленіемъ въ Осаку, князь Айдзу не считалъ еще себя побѣжденнымъ. Онъ убѣдилъ и увлекъ сегуна на послѣднюю попытку, и только теперь Стоцбаши рѣшился наконецъ открыть военныя дѣйствія. Опираясь на Осаку, его армія, успѣвшая стянуть въ свои ряды до 25.000 человекъ, заняла въ концѣ января

позицію при мѣстечкѣ Фусими, къ сѣверо-западу отъ Осаки и въ пяти миляхъ отъ Кіото; войска же южныхъ даймю, въ числѣ только 6.000 человекъ, продолжали занимать эту столицу. 27 января произошло первое боевое столкновение. Битва длилась въ теченіе трехъ дней, пока наконецъ сегунальнныя войска, дурно предводимыя княземъ Айдзу, не были вынуждены въ безпорядкѣ отступить къ Осакѣ. Многія части ихъ еще во время боя перешли на сторону микадо или положили оружіе, считая святоотечествомъ сражаться противъ божественнаго *Тенно*, знамя коего усвоили себѣ южныя конфедераты. Увидѣвъ изъ этого что дѣло его окончательно проиграно, сегунъ покинулъ замокъ Осиро, и сѣвъ на одинъ изъ своихъ фрегатъ, отправился моремъ въ Іеддо. Осацкій замокъ достался побѣдителямъ почти безъ сопротивленія, но они для чего-то сожгли въ немъ все, что только можно было сжечь; уцѣлѣли только каменные стѣны. Впрочемъ, другіе говорятъ, будто дворецъ и прочія строенія замка были сожжены самимъ Стоцбаши, чтобы собранные въ нихъ запасы не достались неприятелю. Послѣ бѣгства сегуна, конфедеративныя войска, пользуясь своимъ успѣхомъ, смѣло двинулись сухимъ путемъ на Іеддо въ предводительствѣ яды микадо, принца Арысугава, и заняли эту вторую столицу безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны сегуна, удалившагося въ храмъ парка Уэнно. Тогда у побѣдителей произошло соглашеніе съ нѣсколькими изъ умѣренныхъ князей сегунальной партіи, вслѣдствіе котораго Стоцбаши, получивъ предложеніе вступить въ управленіе своихъ обязанностей; но онъ отказался и просилъ только разрѣшенія уѣхать въ свое помѣстье. Это было ему разрѣшено, и онъ мирно проживаетъ тамъ по настоящее время, но будучи тревожимъ нынѣшнимъ правительствомъ. Послѣ отреченія Стоцбаши, былъ избранъ въ званіе сегуна шестилѣтній ребенокъ, сынъ Тайясу изъ рода Токугава; но такъ какъ отецъ его не изъявилъ на это согласія, то микадо подписалъ наконецъ полное и окончательное уничтоженіе сегуната на вѣчныя времена. Такъ окончилось это учрежденіе послѣ семилѣтняго существованія ¹⁾. 25 ноября 1868 года ми-

¹⁾ Вотъ перечень всѣхъ династій сегуновъ, сообщенный мнѣ г. Арсеніемъ Ивасава, которому приношу за это мою благодарность:

1. *Династія Минамото* (1192—1219). Основатель Минамото Ёритомо. Всего три сегуна. Резиденція ихъ Камакура.

II. *Династія Ходжіо* (1220—1333). Основатель Ходжіо Токимаса, умершій хотя и раньше прекращенія династіи Минамото, но въ сущности державшій въ своихъ рукахъ всю власть по смерти своего зятя Ёритомо. Впрочемъ, правители изъ дома Ходжіо не принимали титула *сегунъ*, а назывались *сиккенъ*, что буквально значитъ *власть имѣющій*, и объясняется это тѣмъ, что основателю династіи, какъ вассалу Минамото, неудобно бы-

кадо впервые совершил свое торжественное вступление въ Иеддо, причемъ ключи отъ замка были сданы ему княземъ Овари, принадлежавшимъ къ лагерю конфедератовъ, несмотря на свое происхожденіе отъ корня Гозанкэ. Правительство поняло необходимость возвести Иеддо на степень второй императорской столицы, такъ какъ отнынѣ здѣсь учреждалась постоянная резиденція микадо, и потому переименовало его особымъ указомъ въ То-о-кэо, что значитъ Восточная столица ¹⁾.

ло предъ князьями и товарищами титуловать себя *сегуномъ*. Всѣхъ сиккеновъ изъ рода Ходжіо было девять. Резиденціей ихъ оставалась Камакура.

III. *Династія Асикага* (1335—1573). Основатель Асикага Такауджи, бывший вассалъ Ходжіо. Съ 1335 года онъ самопроизвольно присвоилъ себѣ титулъ сегуна, но микадо только внуку его Иемицу дозволилъ съ 1394 года титуловаться этимъ званіемъ, распространивъ то же право и на его пріемниковъ. Всѣхъ сегуновъ Асикага—четыренадцать. Резиденція ихъ Кіото.

Съ началомъ XVI столѣтія совпало время междоусобныхъ войнъ, когда феодальные князья отказались признавать надъ собою власть сегуновъ. Изъ нихъ въ особенности выдался *Ода-Нобунага*, который низвергъ въ 1573 году послѣдняго сегуна династіи Асикага, Іези-Аки, и самъ занялъ его мѣсто, не принимая однако титула. Не успѣвъ докончить принятаго имъ на себя упорядоченія страны, онъ умеръ отъ руки измѣнника въ 1582 году.

IV. *Династія Тейсеномъ* (1586—1603). Подвластный ему военачальникъ *Хидейеси* подчинилъ себѣ всѣхъ князей и въ награду за свою плодотворную дѣятельность получилъ отъ микадо санъ *тайкоу* (1586). Онъ предпринялъ экспедицію въ Корею и имѣлъ намѣреніе завоевать Китай, но осуществленію этого дѣла помѣшала смерть (1598). Хидейеси, происходилъ изъ простолюдиновъ—земледѣльцевъ, три раза въ жизни перемѣнялъ свою фамилію; Киносита, Хасиба и Тойетоми. При его сынѣ Хидейери, сегунальная власть была узурпирована опекуномъ послѣдняго, Гейясомъ Токугава, который пошелъ противъ Хидейери войной и побѣдилъ его. Хидейери погибъ въ пламени Осакаго замка въ 1615 году, и съ нимъ кончилась едва начавшаяся династія Тойетоми. Резиденція ихъ была Осака.

V. *Династія Токугава* (1603—1868). Основатель—Токугава Гейясъ, принявшій титулъ сегуна по смерти Хидейеси Тайко-сама, не смотря на то, что тѣмъ же титуломъ, на законномъ основаніи, пользовался и Хидейери, проживавшій въ Осакѣ и номинально считавшійся главноначальствующимъ надъ всей Японіей. Всѣхъ сегуновъ изъ фамиліи Токугава (вѣтъ Гозанкэ) было пятнадцать. Резиденція ихъ—Иеддо.

Династіи Асикага и Токугава вели свое происхожденіе изъ рѣды Минамото и потому, по примѣру Іоритомо, получили титулъ *сей-и-тай сегунъ* (или, въ сокращеніи, просто *сегунъ*). Династіи же Ходжіо и Ода (Нобунага) происходили изъ рода Тайра, враждебнаго роду Минамото, и довольствовались титуломъ *сиккеновъ*.

¹⁾ Междоусобная война, однакоже, продолжалась еще въ теченіе всего 1868 года, и театромъ ея служили сѣверные кланы. Послѣ пораженія при Фусими и подъ Осакой, князь Айдау со своими войсками возвратился моремъ въ свои владѣнія на сѣверъ Ниппона и заключилъ съ нѣ-

Осакаскій замокъ Осиро лежитъ на сѣверо-восточной окраинѣ города, занимая своими стѣнами самый возвышенный пунктъ во всей окрестности. Въ стратегическомъ отношеніи онъ командуетъ надъ Токаидо, большой императорской дорогой, которая прорѣзываетъ съ юга на сѣверъ всю Японію: въ этомъ-то и заключалась вся важность замка во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ. Наружныя стѣны его имѣютъ въ окружности одну милю (1 $\frac{3}{4}$ версты) и поражаютъ своимъ циклопическимъ характеромъ: въ нихъ заложены и спаяны между собой прочнымъ цементомъ такіе громадныя глыбы сѣраго гранита, что воображеніе отказывается представить себѣ какимъ образомъ, помощью какихъ машинъ и приспособленій, могли онѣ въ эпоху Нинтоку, за 1600 лѣтъ до нашего времени, быть втащены на этотъ холмъ и подняты на высоту для правильной укладки? Да-

сколькими сосѣдними феодалами союзъ подъ именемъ „Сѣверной конфедераціи“. Но пораженіе понесенное имъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1868 года положило конецъ этой конфедераціи и междоусобицѣ. Власть микадо была признана вездѣ, за исключеніемъ одной только мѣстности на островѣ Іессо или Матсмаѣ, самою сѣверною изъ четырехъ бльшихъ острововъ Японіи. На южной оконечности этого острова, противъ Ниппона, лежитъ на берегу Сангарскаго пролива городъ Хакодате. Портъ его, по требованію коммодора Перри, былъ открытъ американцамъ и потомъ вошелъ въ число пяти договорныхъ портовъ доступныхъ для европейцевъ. Въ то время когда войска южныхъ князей шли на столицу сегуна, нашъ почтенный знакомецъ Эномото Идзуми-но-Ками, командовавшій тогда однимъ изъ военныхъ кораблей сегуна, взявъ сегунальный флотъ, стоявшій на якорѣ въ виду Иеддо и отвелъ его въ портъ Хакодате. Тамъ прибытіе его послужило сигналомъ къ мирной революціи. Капитанъ Брюне, одинъ изъ французскихъ инструкторовъ, сталъ во главѣ движенія, провозгласивъ республику и всю общую подачу голосовъ, право которой, впрочемъ, предоставлялось однимъ только самураямъ. Всѣ другіе классы населенія, не считавшіеся благонадежными для такого дѣла, были исключены. Названіе иностранцы, по большей части разныя гешефтвахеры и авантюристы, въ числѣ ихъ одинъ изъ консуловъ, стали за революцію. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣло шло какъ будто и не дурно, всѣ были, повидимому, довольны, но вдругъ въ одно утро на Хакодатскомъ рейдѣ появилась эскадра правительственныхъ судовъ подъ флагомъ микадо и открыла морское сраженіе. Эномото, подъ флагомъ сегуна, дрался на своемъ фрегатѣ съ отчаяннымъ геройствомъ, но счастье ему измѣнило и, въ концѣ концовъ, „республиканцы о двухъ сабляхъ“ были разбиты. Брюне уѣхалъ во Францію, а островъ Іессо возвратился подъ власть императора. Побѣдители, зная отчаянную храбрость, энергію и блестящія способности Эномото, предложили ему почетныя условія капитуляціи, и онъ, увидавъ что, за добровольнымъ отреченіемъ сегуна, не за кого больше ломать копья, принялъ ихъ предложеніе. Въ настоящее время вице-адмиралъ Эномото одинъ изъ видныхъ дѣятелей нынѣшняго правительства; онъ былъ одно время посланникомъ въ Петербургъ и управлялъ морскимъ министерствомъ въ Тоокіо.

же и современная техника, при всемъ своемъ могуществѣ, могла бы задуматься надъ такой задачей, напоминающей задачу египетскихъ пирамидъ и ниневійскихъ сооружений. Изумляешься тѣмъ болѣе, что эти чудовищные монолиты, по всей вѣроятности, были привезены издалека, такъ какъ окрестная низменно-плоская страна не даетъ никакихъ указаній, чтобъ они могли быть произведеніемъ мѣстной природы. Японія полна построекъ, носящихъ болѣе или менѣе циклопическій характеръ, но ни одна изъ нихъ, не исключая тоокійскаго Осиро и нагойскаго Оариджи, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ Осиро осакскимъ. Это какъ будто дѣйствительно работа какихъ-то циклоповъ, тайна которой унесена ими съ собой.

Дворецъ, сожженный въ 1868 году, болѣе не возстановился, и теперь на мѣстѣ его, внутри замка, находятся вытнутыя въ линію барачныя казармы, гдѣ расквартирована часть осакскаго гарнизона и помѣщается штабъ 4-го корпуса. Въмѣсто прежнихъ гонговъ и барабановъ, тамъ безпрестанно раздаются теперь французскія фанфары сигнальных трубъ, и на постахъ, гдѣ еще лѣтъ тридцать тому назадъ красовались сегуновы воины въ кольчугахъ латахъ и рогоносныхъ шлемахъ, съ коньями или бердышами въ рукахъ, съ лицомъ сокрытымъ подъ желѣзной маской нарочито страшнаго вида, стоятъ теперь щупленькіе молоденькіе японцы въ синихъ курткахъ и дѣлаютъ «на караулъ» снайдеровскими ружьями. Для всѣдневныхъ ученій, за недостаткомъ мѣста внутри цитадели, люди выводятся на эспланаду. Нѣкоторыя изъ прежнихъ башенъ еще уцѣлѣли, нѣкоторыя возобновлены послѣ пожара, но это сооруженія болѣе позднихъ временъ, то-есть эпохи Тайко-сама; отъ древнѣйшей же башни, называемой Тенсидо и служившей редюитомъ, сохранился только циклопическій фундаментъ, котораго нынѣ время не беретъ, ни люди не могли уничтожить. Верхнія надстройки башни погибли когда-то еще въ прежнихъ пожарахъ, и теперь, на площадкѣ, служившей для нихъ основаніемъ, растетъ среди плитъ и булыжника мелкая сорная травка. Мощеная камнемъ тропка, въ родѣ узкой аппарели, ведетъ на эту площадку, съ которой открывается широкій видъ на городъ изрѣзанный каналами и на всю окрестную равнину. Фундаментъ Тенсидо чуть ли не выше остальныхъ башенъ осакскаго замка, и говорятъ, что съ этой самой площадки послѣдній сегунъ Стоцбаши скорбно смотрѣлъ на послѣднюю попытку остатковъ своего войска дать на равнинѣ передъ замкомъ отпоръ войскамъ конфедерации, наступавшимъ подъ знаменами микадо и все большіе и большіе отбѣснявшимъ знамена сегуна къ берегу моря. Здѣсь «Золотая Астра» окончательно побѣдила «Проскурняковъ Три-

листникъ»⁴⁾, и удрученный Стоцбаши, подавъ знакъ къ «отбою», навсегда покинулъ осакскій замокъ.

Внѣшнія стѣны замка расположены большими кремальберами⁵⁾, что доставляетъ имъ перекрестную и, отчасти, фланговую оборону; фланги въ четырехъ исходящихъ углахъ защищаются четырехсторонними двухъ-этажными башнями. Подобное же, только болѣе стѣсненное, расположеніе имѣютъ внутреннія стѣны, составляющія вторую линію обороны. Рвы со всѣхъ сторонъ выложены камнемъ, въ томъ же характерѣ, какъ и самыя стѣны. Все это показываетъ, что планы крѣпостной обороны у древнихъ стрителей замка были соображены довольно искусно и правильно, принимая во вниманіе средства тогдашней атаки; но тѣмъ страннѣе встрѣтить среди этихъ верковъ два широкіе каменные моста чрезвычайно прочной постройки, сооруженные въ родѣ плотинъ черезъ наружный и внутренний рвы и составляющихъ единственный путь сообщенія замка со внѣшнимъ міромъ. Говорятъ, что если осакская цитадель сдалась Гейясу въ 1603 году и не могла держаться въ 1868, то это единственно благодаря ей двумъ мостамъ, облегчившимъ нападающей сторонѣ приступъ.

На сѣверной окраинѣ города, почти противъ замка, вверхъ по рѣкѣ, возвышается изъ-за каменной набережной массивное кирпичное зданіе, окруженное разными пристройками и побочными корпусами съ высокими фабричными трубами, совершенно европейскаго характера. Это такъ-называемый *Минтъ-Осака*, новый монетный дворъ, построенный на счетъ казны англичанами и управляемый ими же. Англійскій архитекторъ вкатилъ правительству стоимость этой затѣи въ нѣсколько милліоновъ долларовъ (увѣряютъ, будто въ двадцать). Дороголюбо, если принять во вниманіе, что отчеканенной въ немъ монеты вы почти не находите въ обращеніи, какъ говорятъ, по той простой причинѣ, что чеканится она очень мало. Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ, японскіе приставы показываютъ теперь «знатнымъ путешественникамъ» приемный павильонъ въ этомъ Минтъ-Осака, предназначенный для пріѣздовъ

⁴⁾ Золотая астра—фамилійный гербъ микадо, а три листа проскурняка, обращенные острыми концами внутрь, къ центру, и заключенные въ орбиту кольца, составляютъ гербъ клана Токугавы, изъ коего происходила династія Гейяса. Этимъ же гербомъ владѣютъ князья Сунціу, Овары, Ксіу, Мито, Эзицень и Айдау, какъ происходящіе отъ того же корня Токугавы. Гербъ учрежденъ былъ Гейясомъ въ память того, что армія которою онъ командовалъ въ Секихаарской битвѣ, порѣшившей судьбу Хидейери, получила отъ него приказаніе прикрѣпить, въ отличіе отъ противника, къ древкамъ своихъ знаменъ проскурняковыя вѣтви.

⁵⁾ Въ фортификаціи такъ называются выступы въ видѣ исходящихъ угловъ, врѣзаемые въ брустверь.

министра финансовъ и прочихъ высокихъ сановниковъ имперіи. Приподнимая коленкоровые чехлы съ нѣсколькихъ креселъ, они съ очень вѣскимъ выраженіемъ въ лицѣ докладываютъ что одна только эта меблировка павильона стоила десять тысячъ долларовъ. Не мудрено что звонкая монета исчезла изъ Японии!..

По осмотрѣ всѣхъ этихъ «достопримѣчательностей», мы поспѣшили на станцію, куда уже заранѣе были перевезены изъ гостиницы наши вещи, и съ полуденнымъ поѣздомъ отправились въ Кіото.

XXXIV.

Кіото и озеро Бива.

Путь отъ Осаки до Кіото.—Что значить *Кіото* и *Міако*.—Очеркъ политической и культурной исторіи Кіото.—Топографія города.—Климатическія и почвенныя условія.—Отчего зависитъ красота кіотскихъ женщинъ.—Прогрессирующая убыль городского населенія и причины.—Количество мѣстныхъ храмовъ.—Обиліе всевозможныхъ бонзъ.—Престіжъ кіотскій университетъ.—Школы.—Улица Санджо.—Центральный павильонъ.—Роккакудо.—Мостъ Санджа-оохаси.—Бонзерія Ясака и „башня Долголѣтія“.—Гостиница „Мару-Яма“.—Холмъ душъ и храмъ Кіюмидау-тера (девятярусный).—Могила Тайко-самы.—Бонзерія Дайбудда и кіотскій Царь-колоколъ.—Памятникъ Мими-даука или ухорѣзка.—Храмъ 33.333 кваноновъ.—Тысячерукіе геніи.—Амида-многоручецъ и его священные атрибуты.—Подраздѣленія и степени божествъ и геніевъ буддискіаго пантеона.—Образцы древнѣйшаго ваятельнаго искусства.—Освященная вода и обычай самоокропленія.—Образныя лавки, и ихъ произведенія.—Замѣчательный образъ *Неганзо* (кончина Будды).—Дорога въ мѣстечко Фусими и ея достопримѣчательности.—Храмъ Ниси-Хонганджи.—Японо-буддискія секты.—Раціоналистская секта Монтоо или Синъ-сіу.—Откуда идетъ традиція въ расположеніи и устройствѣ японо-буддискіихъ храмовъ.—Монастырскій садъ Ниси-Хонганджи.—Кіотскій сегунальный замокъ Ниджо-но-сиро.—Храмъ Омуро или бывший дворецъ „отставныхъ микадо“.—Холмы Араси-Ямы и рѣка Капура, воспѣтыя въ стихахъ.—Мацуноо, японскій Вакхъ и празднества ему посвященные.—Сходство ихъ съ древне-эллинскими вакханаліями.—Кинъ-кауджи и Гинъ-кауджи, или „Золотая“ и „Серебряная“ палаты.—Гора, храмъ и духъ Камо, какъ патронъ Кіото.—Кіотскіе театры.—Изумительные фокусы.—Дешевизна общественныхъ зрѣлищъ.

22-го мая.

Отъ Осаки до Кіото считается тридцать миль (52½ версты). Первая станція на желѣзнодорожномъ пути—*Сіута*. Здѣсь, на обширной равнинѣ, поселенія группируются въ особыя, притомъ довольно большія деревни, тогда какъ въ холмистыхъ и горныхъ мѣстностяхъ они разбросаны преимущественно хуторами. При каждой деревнѣ непременно свой храмъ, а то и нѣсколько. Въ этихъ мѣстахъ разводится особый видъ конопли, которая цвѣтетъ метелкой и отличается болѣе острымъ

и крѣпкимъ запахомъ, чѣмъ наша. Выводится она въ грядкахъ, и главная масса окрестныхъ полей почти сплошь занята коноплянниками. Мы думали было ужъ не на опумъ ли идетъ она, но оказалось, что исключительно на выжимку масла.

Вторая станція—*Ибараки*. Дорога все время идетъ тою же широкою равниной. Это долина рѣки Іоды. Далеко въ лѣвой сторонѣ видны горы. Коноплянники смѣнились рисовыми полями, на которыхъ ходятъ красивыя бѣлоснѣжныя *уби* и *тсури* съ бѣлыми хохолками, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проносящійся мимо ихъ поѣздъ.

Третья станція—*Такацуки*. Дорога близко подошла къ горному кряжу, что тянется изнутри страны слѣва; онъ глинисто-песчанъ и покрытъ сосенками и хвойными кустарниками—можжевельникомъ и туйей. Между кряжемъ и дорогой, на узкой полосѣ земли, тянутся деревни. Поселяне тамъ и сямъ пахутъ свои рисовыя болота плугомъ, въ который впрягается на постромкахъ одинъ буйволъ; идутъ по колѣно въ жидкой грязи. На каждомъ полевомъ участкѣ красиво зеленѣетъ въ особомъ небольшомъ квадратикѣ рисовая разсада нѣжнаго свѣтлозеленаго цвѣта.

Четвертая станція—*Ямасаки*, пятая—*Мукомачи* и, наконецъ, шестая—*Кіото*. На станціяхъ вездѣ разбиты цвѣтники и небольшіе садики, гдѣ красуются великолѣпныя розы и азалии, начинаютъ румяниться персики и благоухаютъ жасмины. Почти рядомъ съ желѣзною дорогой идетъ и шоссе, по которому тянутся двухколесныя повозки съ продолговатою платформой безъ боковъ, куда нагружены тюки какихъ-то товаровъ. Каждую такую повозку тащитъ одинъ буйволъ, котораго въ свой чередъ тащитъ за поводъ погонщикъ. На послѣднемъ переѣздѣ отъ Мукомачи до Кіото долина опять значительно расширяется, и видѣющіяся на ней селенія опять приняли характеръ большихъ, густо населенныхъ, деревень. На межахъ встрѣчается много сельскихъ семейныхъ кладбищъ; въ садикахъ почти у cadaго хозяина стоитъ подъ деревомъ маленькая божничка съ идоломъ святаго Инари и парой его лисичекъ. Славный, бальзамическій воздухъ, которымъ не надѣнешься!.. Но вотъ дорога переѣхла три рѣчки и врѣзалась въ самый городъ. Мимо оконъ вагона мелькаютъ бѣлые дома и черныя крыши, поперечныя прямыя улицы и каналы; поѣздъ идетъ все тише и тише, и наконецъ мы у станціи, называемой Шти-дзо (Седьмая линия), по мѣсту нахождения ея въ улицѣ носящей то же названіе. Это двухъ-этажное кирпичное зданіе европейской постройки, съ легкою часовою башенкой, окруженное со всѣхъ сторонъ крытою сквозною галлереей. Здѣсь ожидали насъ коляски, присланныя по распоря-

женію правительства и чиновникъ отъ мѣстнаго губернатора; онъ и препроводилъ насъ на Никенчайя, гдѣ находится лучшая изъ здѣшнихъ гостиницъ «Мару-Яма», принадлежащая все тому же Джютеи, который держитъ такія же гостиницы въ Осакѣ и Нагасаки.

Киото значитъ столица. Нынѣ ее называютъ иногда *Сай-кио*, то-есть «Западною столицей», въ отличіе отъ *Тоо-кио* — «Восточной столицы». Прежнее же названіе *Міако*, подъ которымъ всѣ мы знавали ее въ дѣтствѣ изъ учебниковъ географіи, никогда не принадлежало ей какъ имя, а было лишь однимъ изъ эпитетовъ, столь же удобно примѣняемыхъ ко всякому городу, мѣстечку или деревнѣ, если только въ нихъ находятся какіе-либо особочтимые предметы религіознаго поклоненія. *Міако* значитъ не болѣе какъ «священное мѣсто».

Впервые городъ этотъ сдѣлался императорскою резиденціей въ 784 году нашей эры. Въ древнія времена почти каждый микадо выбиралъ себѣ новую резиденцію по собственному желанію, и это было тѣмъ легче, что тогдашніе императоры вели совершенно простую, неприхотливую жизнь, не зная ни дворской пышности, ни многочисленнаго чиновничества, и довольствуясь, вмѣсто роскошныхъ и обширныхъ дворцовъ, небольшимъ деревяннымъ домомъ, въ архитектурѣ коюго соблюдался лишь извѣстный традиціонный характеръ, отчасти сходный съ синтоскими *миа*. Но и эти *миа*, какъ я уже говорилъ, всегда являются болѣе или менѣе воспроизведеніемъ древнѣйшаго типа прародительской хижины, стало-быть, простота есть необходимѣйшее ихъ условіе. При такомъ родѣ жизни, совершенно понятны неоднократно упоминаемые въ японскихъ лѣтописяхъ факты освобожденія народа отъ взноса податей въ неурожайные годы. Тою же простотою жизни и ограниченностью потребностей императорскаго обихода объясняется и легкость перенесенія резиденцій. Въ VII вѣкѣ, съ началомъ сношеній съ Китаемъ, начались и заимствованія отъ него по части культуры и государственности. Такъ, были приняты системы военнаго и гражданскаго управленія, судебныя установленія и правила придворнаго этикета. Съ этого же времени усложнилась и жизнь японскихъ императоровъ; для правительственныхъ учреждений потребовалась извѣстная устойчивость, пребываніе въ извѣстномъ, по возможности центральномъ пунктѣ; равно и придворный этикетъ, необходимо соединенный съ пышностью, потребовалъ извѣстной обстановки, простора, блеска, величія, а для этого понадобились дворцы и многочисленный штатъ придворныхъ лицъ, стало быть, переносить резиденцію по свой прихоти стало для императо-

ровъ уже не такъ легко и удобно. Поэтому 50-й микадо, Камму (въ VIII столѣтіи), отмѣнивъ систему подвижныхъ резиденцій, выбралъ въ Ямасиро, одной изъ внутреннихъ провинцій, небольшое мѣстечко *Хейанъ*, и основавъ въ немъ свою постоянную резиденцію, постановилъ чтобъ она обязательно оставалась таковою и для его преемниковъ. *Хейанъ* значитъ «мѣсто мира» или «спокойствія», и дѣйствительно, для прелестей спокойной и пріятной жизни, среди роскошной природы и здороваго климата, трудно было бы выбрать что-либо болѣе подходящее. Но *Хейанъ* (въ послѣдствіи *Киото*) долго еще оставался только императорскою резиденціей; значеніе же столицы, съ приданіемъ оной титула *міако*, получилъ онъ не ранѣ послѣдней четверти XII вѣка, а именно въ 1185 году, когда Ёритомо Минамото, впервые получившій отъ микадо Готоба титулъ *сей-и-тэй сеюна*, оживилъ свою сегунальную резиденцію въ Камакурѣ. До этого времени всѣ центральныя правительственныя учрежденія попрежнему сосредоточивались въ Осакѣ.

Съ перенесеніемъ резиденціи въ *Хейанъ*, правительство и складъ жизни императоровъ приняли особый характеръ. Хотя сношенія съ Кореей начались еще съ III вѣка, но вліяніе ихъ не отражалось на жизни Японіи такъ сильно какъ отразились начатыя въ VII вѣкѣ сношенія съ болѣе культурнымъ Китаемъ. Около полутора столѣтія или однѣ только заимствованія, но съ утвержденіемъ резиденціи въ *Киото* началась самостоятельная переработка усвоенной у китайцевъ цивилизаціи. Съ этого времени начинается правильное веденіе государственной лѣтописи, равно какъ и лѣтописей или журналовъ по разнымъ отраслямъ правительственной, религіозной, муниципальной, культурной и промышленной жизни, составляется уголовный и гражданскій кодексъ, чеканится государственная монета, учреждаются опредѣленные степени государственныхъ чиновъ, званій и сословій, — вообще всѣ функціи государственной и даже общественной жизни вводятся въ строго опредѣленные, урегулированные рамки. Еще раньше этого времени въ Японіи уже существовали восемь министерствъ и должности губернаторовъ (*кокэ-си*), назначавшихся не болѣе какъ на четыре года; теперь же было положено, чтобы губернаторы ближайшихъ къ Осакѣ провинцій представляли свои отчеты ежегодно, болѣе дальніе черезъ два года, а самые отдаленные черезъ три года; для этого они были обязаны лично прѣзжать въ столицу и вносить въ казну собранныя ими подати. Въ это же время организовалось и нѣчто въ родѣ военнаго министерства *хибу-кио*. Въ прежнія времена обыкновенно третья часть молодыхъ людей всей Японіи составляла дѣйствующую армію, и каждый былъ обязанъ прослужить на дѣйствительной службѣ четыре года,

послѣ чего увольнялся домой. Теперь же постепенно стала вводиться иная практика военно-служебнаго дѣла, а именно: зажиточнымъ земледельцамъ было приказано предоставлять своимъ молодымъ сыновьямъ возможность и время у себя дома, не удаляясь изъ своей округи и не отрываясь отъ обычныхъ сельскихъ занятій, научиться необходимымъ воинскимъ упражненіямъ: фехтованію, стрѣльбѣ изъ лука, верховой ѣздѣ и проч., съ тѣмъ, чтобы по первому требованію правительства они являлись на службу уже совершенно готовыми воинами. Благодаря своему островному положенію, Японія смѣла могла считать себя обезпеченною отъ неприятельскихъ нашествій извнѣ; поэтому всѣ ея войны, за исключеніемъ экспедицій въ Корею и неудавшагося вторженія монголовъ въ XIII вѣкѣ, носили внутренний, междоусобный характеръ и заключались главнѣйшимъ образомъ въ подавленіи вспыхивавшихъ тамъ и сямъ мѣстныхъ возстаній. Въ подобныхъ случаяхъ правительство объявляло общій или частный (по округамъ) призывъ, и всѣ молодые люди приписанные къ призывному округу, немедленно являлись подъ знамена, причемъ допускались въ ряды и добровольцы изъ округовъ, оставшихся почему-либо на мирномъ положеніи. Кто могъ, являлся со своимъ оружіемъ, а немущихъ правительство снабжало таковымъ изъ арсенальныхъ запасовъ. По усмиреніи возстанія, правительство обыкновенно награждало своихъ военачальниковъ раздачею имъ земель съ правомъ потомственного майоратнаго наслѣдованія оныхъ, и такіа лица получили названіе *ріо-сю*, то-есть *владѣтелей*. И тѣ изъ земледѣльцевъ, которые, отслуживъ по призыву въ войскахъ подъ ихъ начальствомъ, не желали возвратиться къ прежнимъ своимъ сельскимъ занятіямъ, обыкновенно вступали по собственной охотѣ къ этимъ *ріо-сю* въ вассальныя отношенія, и получая отъ нихъ извѣстное содержаніе натурой, составляли какъ бы ихъ надворную гвардію. *Ріо-сю* обыкновенно начиналъ съ того, что строилъ себѣ укрѣпленный замокъ, гдѣ и предавался со своими дружинниками почти исключительно военнымъ упражненіямъ. Съ конца X столѣтія такіе феодалы стали называться *буке*, то-есть военными домами (въ смыслѣ рода), а ихъ дружинники *буи*, военными сословіемъ. Въ то время въ особенности часто бунтовали жители сѣверо-восточныхъ окраинъ, заслужившіе себѣ репутацію «шумливыхъ и буйныхъ людей». Въ такихъ случаяхъ правительство находило наиболѣе удобнымъ поручать укрощеніе ихъ кому-либо изъ буке, который и занимался этимъ дѣломъ съ буси своего дома. Точно также, если возставала противъ правительства одна изъ фамилій буке, оно приказывало другой фамиліи укрощать первую. Такая политика была для правительства особенно выгодна тѣмъ, что она ограничивала

общую силу буке; не допуская ихъ объединяться и спланиваться между собою, что было бы для центральной власти крайне опасно, такъ какъ вся военная сила страны фактически очутилась въ рукахъ феодаловъ, и правительство уже не имѣло теперь достаточно могущества, чтобы сразу и навсегда порѣшить съ этою системою. Оставался, стало-быть, путь компромиссовъ и интригъ, цѣлью которыхъ было взаимное науськиваніе феодаловъ другъ на друга. Въ XI вѣкѣ изъ числа буке въ особенности выдѣлились два дома Тайра и Минамото. Въ XII вѣкѣ борьба ихъ, о которой я уже говорилъ ¹⁾, доставила сначала непродолжительное торжество первому ²⁾, но затѣмъ уже окончательно восторжествовалъ послѣдній, въ лицѣ Йоритомо, перваго сёгуна.

Занимствованія у Китая въ особенности сильно отразились на придворной жизни. Очевидцамъ пышности китайскаго двора не нравилась прежняя простота быта и обстановки микадо, и они всячески старались подвинуть императорскую власть къ необходимымъ, по ихъ мнѣнію реформамъ. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ угодилъ имъ Тэнджи, 39-й микадо (въ половинѣ VII вѣка), который, вмѣстѣ со своимъ первымъ министромъ Каматари, постарался все преобразовать по китайскимъ образцамъ, не справляясь особенно съ духомъ своего народа. Введенный имъ придворный этикетъ отличался чрезмѣрною тонкостью и церемоніальностью. Придворные реформаторы полагали, что «внуку Солнца» неприлично самому командовать войсками и флотомъ или считать доходы государственной казны, что достоинство его, напротивъ, повелѣваетъ предоставить всѣ эти низменные заботы довѣреннымъ лицамъ, а самъ онъ долженъ какъ можно болѣе уклоняться отъ взоровъ толпы, недостойной созерцать божественное величество. Мало того: самая жизнь микадо, по ихъ понятію, долженствовала быть подчиненною строгимъ уставамъ церемоніала, доводящаго этикетъ до такихъ мельчайшихъ подробностей, что онъ распространялся даже на малѣйшее движеніе «внука Солнца» и замыкали его какъ бы въ закодированный кругъ, недоступный никому кромѣ придворныхъ. Конечно, тутъ было не безъ своекорыстныхъ олигархическихъ побужденій; но какъ скоро императоры соглашались на такое обожествленіе своей личности, они тѣмъ самымъ обрекли себя на полное отчужденіе отъ народа, отъ живой государственной жизни, обезличили себя и обратились въ какой-то отвлеченный принципъ. Это и было началомъ упадка ихъ власти. Съ перенесеніемъ резиденціи въ Кіото, вся жизнь не только дворца, но и прикосновенной къ нему

¹⁾ Гл. XXX „Кообе и Хіого“.

²⁾ А именно, въ теченіе первой четверти второй половины XII вѣка.

аристократія приняла чуждый народному характеру отѣнокъ китайщины, въ особенности во всемъ, что касалось пышности и этикета, а вмѣстѣ съ этимъ люди высшаго класса стали предаваться всѣмъ излишествамъ роскоши, изнѣжились, избаловались въ своихъ утонченныхъ прихотяхъ и привычкахъ и совершенно забросили военныя занятія и упражненія, относясь къ нимъ съ полнымъ презрѣнiемъ, какъ къ «дѣламъ варварскимъ». Прежде, до VII вѣка, при каждой войнѣ постъ главнокомандующаго занималъ непремѣнно самъ микадо или же его наслѣдникъ; бывало даже, что командовали и микадесы, если онѣ сидѣли на престолѣ; въ должности же помощника и совѣтника, соответствовавшаго нынѣшнему начальнику штаба, всегда являлся первый мистръ, у котораго подручными были его товарищи, правившие во дни министерствами. Такая организація считалась тогда наилучшею, такъ какъ постоянной спеціально военной службы въ Японіи еще не было, и каждый способный гражданинъ, въ случаѣ необходимости, являлся воиномъ. Съ переселеніемъ двора въ Кіото, все это измѣнилось. Родственники министра Каматари, а затѣмъ и ихъ потомки (родъ Хадживара), присвоили себѣ какъ бы монополію на занятіе высшихъ придворныхъ и административныхъ должностей, заполняя ряды второстепенныхъ и прочихъ болѣе или менѣе значительныхъ мѣстъ своими родными и приверженцами. Словомъ, это было то же, что повторилось позднѣе съ родомъ Тайра. Было даже постановлено, чтобы микадо избиралъ себѣ супругу не иначе, какъ изъ рода Хадживара. Придворные сановники, пропитанные духомъ китайской пышности, стали считать всякій трудъ, а тѣмъ болѣе военное дѣло, ниже своего достоинства; за то они усиленно принялись «наслаждаться луной и цвѣтами». Кіото обратилось въ гнѣздо любовныхъ интригъ и похожденій; любимѣйшими занятіями придворныхъ сдѣлались стихотворство и музыка, для дамъ на струнныхъ инструментахъ, для кавалеровъ на флейтѣ. Всѣ сочиняли стихи, нѣжныя мадригалы, замысловатыя шарады и т. п., и если при этомъ упали военное дѣло и доблести, за то развились и процвѣли изящныя искусства, въ особенности стихотворство. Часто достаточно было составить одно какое-нибудь удачное стихотвореніе, чтобы приобрести себѣ въ придворномъ кругу литературное имя. Такимъ образомъ, появились поэты риса, поэты бабочки, клена, журавля, луны, раковины и т. п. Стихотворство въ особенности процвѣтало среди придворныхъ дамъ и бонзъ.

Пренебрегая военнымъ дѣломъ и передавъ его исключительно въ руки буке, императорское правительство не предвидѣло тѣхъ гибельныхъ для него послѣдствій, которыхъ, ко

времени Ёритомо, подготовили переходъ дѣйствительной верховной власти, не только въ военномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи, въ руки сегуновъ. Итакъ, перенесеніе императорской резиденціи въ Кіото было важнѣйшимъ по своимъ послѣдствіямъ актомъ въ исторіи японскаго государства. До того времени императоры пользовались полною самодержавною властью; затѣмъ до времени Ёритомо, власть микадо была въ извѣстной мѣрѣ ограничена вмѣшательствомъ олигарховъ изъ рода Хадживара; начиная же съ перваго сегуна Ёритомо, микадо окончательно выпустилъ изъ рукъ верховную власть, продолжая считаться верховнымъ владыкой только номинально. Преемники Готоба обратились въ отвлеченный принципъ, такъ что стало совершенно безразлично сидитъ ли на мѣстѣ микадо младенецъ или старецъ, добрый или злой, умный или безумецъ, лишь бы только былъ микадо, лишь бы народъ зналъ, что онъ есть, что онъ существуетъ гдѣ-то тамъ въ Кіото, въ золотомъ дворцѣ, за тремя таинственными, недоступными стѣнами, и затѣмъ сегунъ могъ дѣлать рѣшительно все, что ему угодно. Если народъ всегда почиталъ микадо какъ «сына боговъ» и «внука солнца», то и сегуна онъ сталъ со временемъ считать чуть не неземнымъ существомъ, какимъ-то полубогомъ, который «можетъ все что захочетъ».

Кіото лежитъ среди небольшой продолговатой долины, которая имѣетъ пологій скатъ отъ сѣвера къ югу, гдѣ и сливается съ долиной Ёдагавы. Городъ окруженъ съ трехъ сторонъ холмистыми горами, представляя собою какъ бы естественную крѣпость, валами, которой служатъ эти самыя горы. Поэтому и провинція, гдѣ находится Кіото еще съ древнѣйшихъ временъ получила названіе *Яма-сиро*, что значитъ «гора и крѣпость», или «крѣпость состоящая изъ горъ». Съ восточной стороны почти къ самому городу примыкаетъ *Хигаси-яма*, то-есть «Восточная гора»; на сѣверо-востокъ—*Курама-яма*, силуэтъ которой напоминаетъ спину осѣдланнаго коня, отчего произошло и самое ея названіе¹⁾, на сѣверѣ—*Камо-яма*, имѣющая особо священное значеніе для города, и наконецъ, на западѣ—*Атаго-яма* и *Араси-яма*. Высота восточнаго крика не превышаетъ 1.000 футовъ, западныя же горы, отходя отъ города нѣсколько верстъ, достигаетъ до 3.000 футовъ. Сѣверную, восточную и юго-восточную части города орошаетъ рѣка Камо (*Камо-гавы*), протекающая вдоль подошвы холмовъ Хигаси-ямы, а западную часть—*Канурагавы*, подъ западными холмами. Обѣ рѣки сливаются за юго-западнымъ угломъ города и впадаютъ однимъ усть-

¹⁾ *Курама* значитъ осѣдланнй конь.

емъ въ Иодагаву; но кромѣ ихъ, западная часть долины прорѣзывается въ томъ же направлении (съ сѣвера на югъ) еще двумя незначительными рѣчками, впадающими въ Камо-гаву, названія которыхъ я не помню. Всѣ эти водныя артеріи питаютъ проточною водою пруды, каналы и оросительныя канавки города и его окрестностей.

Городъ, заключенный въ пространствѣ между двухъ названныхъ рѣкъ, предоставляется на планѣ громаднымъ параллелограмомъ, разбитымъ на множество совершенно правильныхъ участковъ, образующихся отъ пересѣченія подъ прямыми углами всѣхъ городскихъ улицъ, изъ коихъ продольныя идутъ отъ сѣвера къ югу, а поперечныя отъ востока къ западу. Насколько спутана и затруднительна для новаго человѣка топографія Тоокію, настолько же ясна и легка она здѣсь: надо только не сбиться со счета, и вы, даже не зная города, всегда попадете въ ту улицу куда вамъ надо, это тѣмъ легче, что всѣ улицы называются здѣсь по порядку нумеровъ, отъ лѣвой руки къ правой, то-есть продольныя—отъ востока къ западу, а поперечныя—отъ сѣвера къ югу. Но не зная счета, легче легкаго потеряешься въ этомъ математически правильномъ городѣ, потому что большинство его улицъ какъ двѣ капли воды похожи одна на другую. Центральная поперечная улица Санджо, или Третья ¹⁾ дѣлитъ весь городъ на двѣ половины, сѣверную и южную, изъ нихъ первая называется Верхнимъ, а вторая Нижнимъ (*Ками-Кію* и *Симо-Кію*) ²⁾. Всѣ безъ исключенія улицы отлично шоссеваны, освѣщены, кромѣ обязательныхъ у каждого дома японскихъ, еще и европейскими фонарями и снабжены съ обѣихъ сторонъ узкими но глубокими дренажными канавками, выложенными внутри и снаружи гранитными брусьями. Все это содержится въ замѣчательной чистотѣ и порядкѣ,—словомъ благоустройство полное, которому могъ бы позавидовать не одинъ изъ городовъ Европы. Но если однообразенъ и даже скученъ своею геометрической правильностью кіотскій параллелограмъ, за то его предметья, или зарѣчныя части, предельны. Въ особенности хороши восточныя и юго-восточныя части, лежащія на холмахъ Хигаси-ямы. Это царство садовъ, священныхъ роцъ и кладбищъ, монастырей и храмовъ, загородныхъ дворцовъ и кіосковъ, уютныхъ дачъ, красивыхъ рестора-

новъ, чайныхъ домовъ и роскошныхъ парковъ. Тутъ, сейчасъ же за Камо-гавой, расположены вѣчно украшенные флагами, цвѣтными фонарями и гирляндами, вѣчно оглашаемые звуками самсеновъ и пѣснями геекъ, кварталы Гіонъ и Шимабара, обладающіе всѣми прелестями и приманками для японцевъ эпикурейскаго направленія. Тутъ же, за Гіономъ, еще выше въ гору, находится и наша гостиница «Мару-Яма», лучшая въ Кіото.

Долина Ямасиро издревле славится своимъ мягкимъ, здоровымъ климатомъ и, какъ увѣряютъ японцы, она менѣе всѣхъ другихъ мѣстъ подвержена землетрясеніямъ и тайфунамъ. Здѣсь, въ ближайшихъ окрестностяхъ, сосредоточены, какъ бы на образецъ, всѣ виды японской агрикультуры: рисъ, кукуруза, пшеница и ячмень, шелковица, хлопчатникъ, чай, виноградъ, всѣ виды фруктовыхъ деревьевъ, огородныхъ овощей и лекарственныхъ растений. По холмамъ зеленѣютъ разнообразныя хвой, до кипариса включительно, клены, лавры, бамбуки и каштаны. Вода въ изобиліи; по долинамъ много студеныхъ ключей; вездѣ ручейки, каскадики, фонтаны, оживляющіе собою тишину уютныхъ, поэтическихъ уголковъ. Кромѣ того, японцы увѣряютъ, что Кіото «производитъ много граціозныхъ хорошенькихъ женщинъ»,—именно «производитъ», потому что нигдѣ будто бы не родится столько красавицъ. У нихъ есть и объясненіе на это: кіотянки потому-де отличаются бѣлизной и нѣжностью своей кожи, а равно и свѣжимъ румянцемъ, что имъ благоусприствуетъ Камо, особый духъ обитающій на сосѣдней горѣ того же имени и специально охраняющій Кіотскую долину отъ проникновенія въ нее сѣверныхъ вѣтровъ и морскихъ тумановъ. Въ другихъ мѣстахъ, особенно въ приморской полосѣ, которая подвержена постояннымъ «соленнымъ» вѣтрамъ съ моря и «соленнымъ» же морскимъ туманамъ, женская кожа не можетъ быть такъ бѣла и нѣжна, потому что-де эти вѣтры и туманы исподоволь развѣдаютъ ее, дѣлаютъ грубою и темною. Последнее въ особенности является слѣдствіемъ «соленыхъ солнечныхъ вѣтровъ» дующихъ въ ясные холодные дни, при яркомъ солнцѣ: образуется на лицѣ такой загаръ свести, который почти нѣтъ возможности,—развѣ только надолго пореселиться въ благодатное Кіото.

Въ настоящее время въ этой древней столицѣ считается 331.000 жителей ⁴⁾, тогда какъ прежде, до удаленія нынѣшняго микадо въ Тоокію, ихъ было свыше четырехсотъ тысячъ. Замѣчательно, что въ Кіото, несмотря на всѣ благоприятныя условія его климата, число жителей, хотя и медленно, но постоянно упадаетъ, тогда какъ въ Тоокію и другихъ

¹⁾ Главныхъ поперечныхъ улицъ считается шесть: остальные же поперечныя, болѣе узкія, ведутъ счетъ своихъ нумеровъ по участкамъ (въ каждомъ участкѣ особо, начиная съ № 1), границами которыхъ служатъ шесть главныхъ улицъ. Такой же порядокъ соблюдается и относительно продольныхъ улицъ, которыя, впрочемъ, имѣютъ еще и свои частныя, такъ сказать, неофіціальныя названія.

²⁾ *Kio* и *Kioto* все равно значить „столица“.

⁴⁾ По переписи 1874 года собственно 331.300 человѣкъ.

открытыхъ для торговли приморскихъ пунктахъ оно все растетъ и растетъ съ каждымъ годомъ. По свидѣтельству Кэмпфера, напри-
мѣръ, въ концѣ XVII вѣка (1693 года) постоянное населеніе Кіото, за исключеніемъ двора, состояло безъ малаго изъ 530.000 душъ, причемъ свыше 52.000 душъ приходилось на одно духовенство. Стало-быть за 188 лѣтній періодъ число жителей уменьшилось на 200.000 душъ. Соотвѣтственно этому уменьшилось и количество кіотскихъ храмовъ. При Кэмпферѣ ихъ было 6.020, изъ нихъ 3.893 буддійскихъ и 2.127 синтоскихъ; нынѣ же осталось только 1.045, причемъ число синтоскихъ мѣа сократилось до одной сотни ¹⁾). Въ этомъ отношеніи болѣе всего, конечно, вліяли истребительные пожары, отъ которыхъ неоднократно выгоралъ чуть не весь городъ, а затѣмъ уменьшеніе числа жителей, да наконецъ и нѣкоторое равнодушіе, изъ-за котораго, послѣ пожаровъ, многіе сгорѣвшіе храмы не возстановлялись, такъ что теперь въ самомъ городѣ остается ихъ лишь незначительное число, не болѣе четырнадцати; остальные же разбросаны по холмамъ и лощинамъ, на окраинахъ и въ предмѣстьяхъ города, гдѣ, благодаря своимъ рощамъ и разбобщенному положенію, древнѣйшіе религіозные памятники наиболѣе сохранились. И все-таки, несмотря на этотъ упадокъ религіознаго рвенія и уменьшеніе количества храмовъ, Кіото по прежнему считается «священнымъ городомъ», въ нѣкоторомъ родѣ японскимъ Римомъ. Можетъ-быть поэтому въ немъ и до сихъ поръ значительно больше чѣмъ въ другихъ городахъ встрѣчается на улицахъ всякихъ бонзъ, желтыхъ, сѣрыхъ, черныхъ и лиловыхъ въ широкополыхъ шляпахъ и безъ оныхъ, но за то съ заткнутымъ за шиворотъ распушеннымъ вѣромъ, который предохраняетъ отъ жгучаго солнца ихъ бритый затылокъ. Не менѣе бонзъ попадаетъ тутъ и слѣпцовъ-массажистовъ, изъ числа членовъ общинаго братства Бу-Сенцу, съ длиннымъ посохомъ и тростниковою свистулькой, и паломниковъ съ Фузи-Ямы, и нищенствующихъ монаховъ-странниковъ, или такъ называемыхъ «горныхъ отшельниковъ» (*шооненъ*), въ бѣлой хламидѣ, въ знакъ вѣчнаго траура и покаянія съ четками и колокольчикомъ въ рукѣ или съ мѣдною звянящею тарелочкой на шнуточкѣ, въ которую они ударяютъ металлическимъ пестикомъ, чтобъ обратить на себя вниманіе прохожихъ. Они же продаютъ иногда бумажные свитки съ разными религіозными изображеніями и молитвенными надписями, четки, ладонки и талисманы, въ родѣ католическихъ

«скаплержей», предохраняющіе отъ всякихъ золъ, недуговъ и дурного глаза. Но кого вы почти совсѣмъ не видите на улицахъ Кіото, такъ это новыхъ чиновниковъ въ европейскихъ костюмахъ. Ихъ здѣсь очень мало, такъ какъ, за исключеніемъ губернскаго правленія и городской управы, да еще почты и телеграфа, въ городѣ нѣтъ никакихъ административно-гражданскихъ правительственныхъ учреждений.

Въ прежнія времена здѣсь процвѣталъ университетъ, учрежденный по китайскому образцу еще въ VII столѣтіи. Сверхъ изученія китайской литературы, въ немъ въ особенности занимались астрономіей, для чего при университетѣ имѣлась и особая обсерваторія. Астрономическія таблицы изданныя кіотскою обсерваторіей еще въ отдаленной древности пользовались большою славой и распространениемъ по всей Японіи. Въ послѣдствіи онѣ пополнялись ежегодно издаваемыми календарями (по китайской системѣ), куда заносились всѣ новыя открытія и предсказанія кіотскихъ астрологовъ. Въ настоящее время университетъ уже не существуетъ, за переводомъ его въ Токио, гдѣ онъ устроенъ теперь по европейской системѣ; но во всей цѣлости сохранилась еще Дай-кіо-кодо буддійская духовная академія при монастырѣ Ниси-Хонганджи, въ южной части города. По части народнаго просвѣщенія, въ Кіото имѣется нынѣ до семидесяти школъ, въ томъ числѣ специальная школа для изученія англійскаго языка, двѣ мужскія и одна женская гимназіи, ремесленное и техническое училища и школа шелководства, при которой устроенъ въ широкихъ размѣрахъ образцовый шелководный питомникъ.

Отъ желѣзнодорожной станціи насъ повезли вдоль по одной изъ главныхъ продольныхъ улицъ, которая прорѣзываетъ весь городъ съ юга на сѣверъ, проходя въ концѣ своемъ мимо западной стѣны императорскаго замка. Въ самомъ центрѣ города она пересѣкается улицей Санджо; послѣдняя хотя и носитъ названіе «Третьей», но считается первою, какъ лучшая и центральная. Какъ разъ въ мѣстѣ ихъ пересѣченія, на площадѣ возвышается шестигранный павильонъ въ японо-китайскомъ стилѣ съ затѣйливыми портиками и двухъ-ярусными крышами, съ разными капризными выступами и уступами лишенными, повидимому, всякой симметріи, что не мѣшаетъ однако этому зданію въ общемъ своемъ рисункѣ отличаться своеобразною красотой. Это такъ-называемый Роккакудо (шестиугольнякъ), по которому опредѣляется центръ города. Буддизмъ не преминулъ, конечно, обратить его въ священное мѣсто и устроилъ въ немъ часовню, въ силу чего маковка павильона украсилась прорѣзнымъ позолоченнымъ нимбомъ въ видѣ

1) По статистическимъ свѣдѣніямъ 1874 года, во всей Японіи въ означенномъ году считалось 88.377 буддійскихъ и 123.705 синтоскихъ и смѣшанныхъ (*риобу-синто*), а всего 212.082 храмовъ.

пикового туза, по ребрамъ котораго рядъ изогнутыхъ зубцовъ долженъ изображать священное пламя.

Отъ этой часовни мы повернули по Санджо направо и пересѣкли по крайней мѣрѣ десять улицъ прежде чѣмъ доѣхали до Санджо-оохаси, большого моста на Камогавѣ, отъ котораго, по японскому обыкновению, идетъ счисленіе мѣстныхъ (городскихъ и провинціальныхъ) разстояній. Мостъ построенъ на каменныхъ цилиндрическихъ сваяхъ, установленныхъ по три въ рядъ и на близкомъ рядъ отъ ряда разстояніи чрезъ всю ширину рѣки, которая въ это время года обыкновенно очень мелѣетъ, такъ что подъ серединой моста успѣла не только образоваться, но уже и порости травой большая гальковая отмель. Эти каменные сваи — остатокъ XVI вѣка, и намъ говорили, что Санджо-оохаси представляетъ собой первый опытъ постройки каменныхъ мостовъ въ Японіи. На каждый рядъ свай накладывался во всю ширину моста четырехгранный гранитный брусъ, а на рядъ такихъ поперечныхъ брусьевъ настилались продольно деревянные балки, и уже на нихъ клалась поперечная досчатая настилка. Ряды выточенныхъ изъ дерева и лакированныхъ тумбъ, съ головками въ видѣ луковъ, служатъ соединительными звеньями для легкихъ деревянныхъ перилъ этого моста.

Отъ Санджо-оохаси скорѣ свернули направо, въ веселый кварталъ Гіонъ, къ которому съ восточной стороны непосредственно прилегаетъ громадная бонзерія Ясака, смѣшаннаго культа (*рибу-синто*), замѣчательная своими садами. Мимо ея взяли мы къ востоку, на холмы, и чрезъ три-четыре минуты были уже на Мару-Ямѣ. На пути сюда указали намъ видѣвшуюся нѣсколько въ сторонѣ, вправо, буддійскую пятиярусную пагоду Ясака-но-тоо или «Вашню Долголѣтія»¹⁾, построенную въ условномъ стилѣ сооружений этого рода, о которомъ подробнѣе я говорилъ уже прежде. Ясака-но-тоо была сооружена еще въ VI вѣкѣ принцемъ Сетокун-Тайси, горячимъ приверженцемъ буддизма, но послѣ постигшаго ее пожара перестроена по прежнему плану въ началѣ XVII столѣтія. Говорятъ, что съ веранды ея верхняго этажа открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ на Кіото.

Гостиница «Мару-Яма» расположена въ полугорьи, на скатѣ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ по саду и приспособленныхъ къ европейскимъ потребностямъ японскихъ домиковъ. Одни изъ нихъ въ два и въ три этажа, съ верандами; другіе же, маленькіе, совершенно уединены и походятъ болѣе на садовые бесѣдки, чѣмъ на жилые домики. Эти послѣдніе приспособлены для жилья отдѣльнаго семейства или для одинокихъ по-

стояльцевъ. Одна изъ такихъ бесѣдокъ была занята мною, но она имѣла то преимущество, что соединялась съ главнымъ зданіемъ воздушнымъ мостикомъ, который избавлялъ меня отъ необходимости сходить внизъ и подыматься по лѣстницамъ высокихъ бетонныхъ фундаментовъ. Главное зданіе гостиницы состоитъ изъ трехъяруснаго павильона на возвышенной главной каменной кладкѣ, соединеннаго воздушными мостиками съ легкими боковыми пристройками. Этажи этого павильона идутъ въ пропорціонально суживающемся порядкѣ, отдѣляясь одинъ отъ другого полугими выступами черепичныхъ кровель которыя какъ зонты простираются надъ легкими огибающими каждый этажъ галлерейками. Нижняя, болѣе просторная, галлерей служитъ прекрасною верандой, съ покойными бамбуковыми креслами и качалками, гдѣ постояльцы могутъ предаваться послѣобѣденному кейфу. Окна столовой залы какъ разъ выходятъ на эту веранду. Обстановка столовой п «номеровъ» смѣшанная — полоевропейская, полуяпонская. Смотря по желанію, можно спать и на татами съ макурой, (что даже предпочитается въ душевные лѣтніе ночи), и на пружинной кровати со всѣми ея европейскими принадлежностями, кушать съ низенькаго табурѣта изъ фарфоровыхъ чашечекъ, или за длиннымъ европейскимъ табль-д'отомъ, и сидѣть на цыновкѣ, или же на гнутыхъ бамбуковыхъ стульяхъ. Столъ также по желанію: на обѣденной картѣ вамъ подадутъ списокъ блюдъ европейскихъ и японскихъ, — выбирайте любое. Кормятъ весьма порядочно, десертъ роскошный, персики, абрикосы, вишни, бананы и сингапурскіе ананасы. Англійское вліяніе, конечно, проникло и сюда: въ европейскихъ блюдахъ преобладаетъ англійскій характеръ, въ сервировкѣ и порядкѣ стола тоже, прислуга говоритъ по-англійски, меню и счета пишутся по-англійски, и даже гравюры на счетахъ англійскія: одна изъ нихъ изображаетъ посѣщеніе королевы Викторіей какого-то военнаго судна, другая — сраженіе при Ватерлоо, а на третьей англійскій солдатъ-кавалеристъ побиваетъ французскаго. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, гораздо чаще случалось наоборотъ. Мы спросили у метръ-д'отеля откуда у нихъ такія гравюры? Оказалось, что сами же англичане позаботились: кто-то изъ инженеровъ строившихъ дорогу и проживавшихъ въ «Мару-Ямѣ» нарочно подарилъ для украшенія столовой.

Осмотръ кіотскихъ достопримѣчательностей начали мы съ ближайшихъ къ «Мару-Ямѣ», подвигаясь къ югу съ такимъ расчетомъ, чтобы, обогнувъ весь городъ по его внѣшней округѣ, вернуться домой съ сѣвера. Знакомство со дворцомъ микадо рѣшили отложить до завтрашняго дня, чтобы не слишкомъ уже обременять и не путать свои впечатлѣнія.

¹⁾ Ясака значитъ „много“ или „долголѣтіе“.

Ближайшее къ намъ «достопримѣчательностью» оказался *Резанъ* или «Холмъ душъ», гдѣ, среди большого хвойнаго парка, расположено одно изъ кіотскихъ кладбищъ принадлежащее сосѣднему съ нимъ буддійскому храму *Кійомидзу*. Этотъ послѣдній возвышается изъ лощины между двумя горами, гдѣ основаніе его прячется въ роскошной кудрявой зелени. Чтобы поднять его на такую высоту, потребовался громадный и обширный фундаментъ циклопическаго характера, съ высоты котораго вы глядите внизъ какъ въ пропасть. Къ подножію этого фундамента ведетъ широкая гранитная лѣстница со множествомъ ступеней, вдоль которой съ лѣвой стороны зеленѣетъ по склону бамбуковая роща, а съ правой нестерѣтъ цвѣтами фруктовый монастырскій садъ. Продолженіе той же лѣстницы ведетъ съ площадки еще дальше, на самый верхъ, гдѣ кончается циклопическій фундаментъ, упирающійся всѣмъ своимъ тыломъ въ почву горнаго склона. Тутъ, на вершинѣ фундамента, находится большой храмъ *тера*¹⁾, покрытый широкою кровлей. Описывать его внутренность я не буду, чтобы не повторяться. Главный фасадъ *Кійомидзу* смотритъ на сѣверо-востокъ, а съ противоположной стороны, черезъ раздвижныя стѣны, вы проходите на обширную, обнесенную перилами, досчатую площадку, по обѣимъ сторонамъ которой устроены сквозныя бельведеры. Подставой для нея служить цѣлое сооруженіе, снаружи похожее на громадную клѣтку, а внутри разбитое на девять ярусовъ сквозныхъ галлерей, и примыкающее сзади къ стѣнѣ циклопическаго фундамента. Поэтому *Кійомидзу-тера* извѣстенъ у европейцевъ болѣе подъ названіемъ «девятитѣжнаго храма». Весь городъ и его окрестности, простиравшіяся на западъ видны съ этой площадки какъ на ладони. Вы охватываете глазомъ весь этотъ громадный параллелограмъ темносѣрыхъ крышъ, разбитый своими улицами, словно гигантская нахматная доска, на правильные квадраты, надъ уровнемъ которыхъ возвышаются лишь бѣлыя башни замка *Ниджо* да высокія шляпообразныя кровли храмовъ *Ниси-Хонганджи* и *Хигаси-Хонганджи*. Въ особенности прелестны мягкіе силуэты зеленѣющихъ вдаль горъ *Атаго* и *Араси*, у подношья которыхъ разбросаны тамъ и сямъ деревеньки и старые храмы.

Кійомидзу-тера принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ храмовъ не только въ *Кіото*, но и въ *Японіи*. Легенда его говоритъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ еще въ VI вѣкѣ стоялъ храмъ того же имени, но что въ концѣ VIII столѣтія военачальникъ *Сакадуге-Тамура-Мара*, отправляясь въ трудный и опасный походъ противъ «восточныхъ варваровъ», при-

шелъ сюда за напутственными молитвами, причемъ, давъ обѣтъ построить на этомъ же мѣстѣ новый храмъ, если экспедиція его увѣнчается побѣдой. Послѣ благополучнаго возвращенія въ *Кіото*, онъ въ точности исполнилъ свое обѣщаніе и постарался воздвигнуть такой фундаментъ и стѣны, которыхъ не могло бы сокрушить никакое время. Говорятъ, что нынѣшній храмъ, періодически подвергавшійся, конечно разнымъ реставраціямъ, всецѣло сохраняетъ тотъ первоначальный планъ и рисунокъ, какой былъ ему данъ самимъ *Сакадуге*. Доходы храма обезпечиваются отдачею внаймы принадлежащихъ ему лавокъ, гдѣ исключительно продается фарфоровая посуда, извѣстная подъ названіемъ *Кійомидзу-яки*.

Отсюда, мимо красаваго кладбища *Ниси-Отани*, повезли насъ по знаменитому *Дайбудде* и по пути указали на одинокую могилу *Хидейеси Тайко-сама*, которая находится на конической вершинѣ лѣсистаго холма, подъ кровомъ небольшой часовни. Говорятъ, что величайшій изъ сегуновъ еще при жизни самъ выбралъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія, прельстясь его меланхолической красотою, и завѣщавъ похоронить себя здѣсь, въ виду «священнаго города», выразилъ свою волю, чтобы могила его была обставлена какъ можно проще, безо всякой роскоши, которую онъ такъ любилъ при жизни и о которой еще до нашихъ дней свидѣтельствуютъ сооруженные имъ дворцы и храмы. Онъ находилъ, что мѣсто, избранное имъ для своей могилы само по себѣ такъ хорошо, что никакая роскошь не могла бы сравниться съ его поэтической прелестью и потому была бы тутъ излишня. И дѣйствительно, великій человекъ былъ правъ въ своемъ капризѣ: въ этомъ одиночествѣ гробницы, вознесенной на высокой, окутанный кипарисами и соснами холмъ, съ котораго развѣртывается вся широкая панорама «священнаго города», какъ бы распростертагося ницъ предъ его подножіемъ, есть свое величіе, спокойное, строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, элегичное....

Бонзеріи Дайбудде занимаетъ довольно обширную площадь въ видѣ длиннаго параллелограма, обнесеннаго невысокою, но массивною стѣной изъ грубостесанныхъ снаружи гранитныхъ глыбъ, между которыми есть не мало монолитовъ отъ двухъ до трехъ аршинъ въ поперечникѣ. Камни спаяны между собою прочнымъ цементомъ, а поверхъ стѣнки идетъ живая изгородь изъ прелестныхъ пунцовыхъ и розовыхъ азалій. Къ западному фасу этой ограды симметрично прирѣзаны двѣ одинаковыя каменные лѣстницы; надъ лѣвою (отъ зрители) высятся массивная кровля буддійскихъ священныхъ вратъ, а надъ правою—еще болѣе высокое синтосское тои. Когда мы вошли внутрь ограды, первое, что остановило на себѣ наше вниманіе, это громадный буддійскій коло-

¹⁾ Буддійскіе *тера*, по ихъ значенію, можно бы сравнить съ соборными храмами христіанства.

коль, установленный на гранитномъ цоколѣ. Онъ имѣетъ форму древней ассирійской тары и увѣчанъ массивнымъ ушкомъ въ видѣ двухъ драконовыхъ головъ, приподнятыя шеи которыхъ сливаются между собою. Орнаментація колокола состоитъ изъ четырехъ рубчатыхъ поясовъ и рубчатыхъ продольныхъ бороздъ, образующихъ въ пересѣченіи съ подобными же горизонтальными бороздами четыре крестообразныя фигуры. Въ центрѣ двухъ такихъ противуположныхъ фигуръ помѣщены выпуклые круглые медальоны, а въ четырехъ параллелограмахъ между двумя верхними поясами насажено въ четыре ряда по 36 бронзовыхъ шариковъ. Высота колокола 14 шаговъ (7 аршинъ), а вѣсъ его, какъ говорятъ, 20.000 пудовъ.

До сихъ поръ мы все думали, что только наша Москва обладаетъ единственнымъ въ мірѣ Царь-колоколомъ; оказывается, что и въ Кіото есть свой Царь-колоколъ; и даже не одинъ, потому что подобными же монстрами, хотя и нѣсколько меньшихъ размѣровъ, обладаютъ здѣсь еще два храма: Тооэи, въ юго-западномъ углу города, и Чіонинъ, неподалеку отъ «Мару-Ямы», и въ послѣднемъ онъ называется «госпожей» или «царицей-колоколомъ», въ отличіе отъ дайбуддскаго, которому присвоено почетное названіе *сама* то-есть «господина». Кромѣ того, кіотскій колоколъ лѣтъ на полтора ста древнѣе московскаго, такъ какъ онъ былъ отлитъ еще при Хидейеси Тайко-сама, въ концѣ XVI столѣтія. И выходитъ, что «не гордись передъ Кіото златоглавая Москва!»...

Замѣчательно, что судіба обоихъ царь-колоколовъ, московскаго и кіотскаго, имѣетъ много общаго. Надо сказать, что Тайко-сама воздвигнулъ здѣсь колоссальную деревянную, позолоченную статую Будды (*Дайбуддса*), въ 60 шаговъ (10 сажень) высоты, и построилъ для нея въѣздилище, грандіозный храмъ, высота котораго, въ 250 шаговъ (41²/₃ сажень), далеко превосходила всѣ постройки въ Японіи. Тогда же былъ отлитъ для этого храма и царь-колоколъ, и поставлена для него особая колоколыня. При поднятіи колокола, онъ оборвался, но не разбился; тогда приладили къ колоколыньѣ новые устои и скрѣпы, и вторично подвѣсили колоколъ, при необычайно торжественной обстановкѣ, съ участіемъ въ церемоніи сановниковъ, духовенства и народа. Нѣкоторое время онъ гудѣлъ во славу Дайбуддса не только на весь городъ, но и на всю провинцію Ямасиро⁴⁾, какъ вдругъ случился въ Кіото большой пожаръ, отъ котораго сгорѣли до тла и храмъ,

и самая статуя Дайбуддса. Когда загорѣлась колоколыня, царь-колоколъ упалъ съ нея вторично и съ тѣхъ поръ для него уже не строили болѣе отдѣльнаго зданія, а ограничилися тѣмъ, что подняли его на прежнемъ мѣстѣ, внутри двора, на цоколѣ, и оставили въ нынѣшнемъ видѣ, какъ вѣчный памятникъ величія и славы Тайко-самы. На мѣстѣ сгорѣвшаго Дайбуддса соорудили новаго идола, на сей разъ уже не изъ дерева, а изъ бронзы, и притомъ значительно меньшихъ размѣровъ. Онъ изображенъ въ сидячемъ, самоуглубленномъ положеніи и помѣщенъ въ особомъ двухъ-ярусномъ храмѣ, гдѣ предъ нимъ всегда горитъ множество восковыхъ свѣчей, поставляемыхъ поклонниками.

Въ другой сторонѣ двора находится главный святоскій храмъ, которому присвоено названіе «императорскаго», но это сооруженіе столь недавняго времени, что даже его дерево не успѣло еще утратить видъ свѣжести.

По выходѣ изъ ограды Дайбуддса, проводники обратили наше вниманіе на находящійся насупротивъ ея курганъ, вершина коего украшена довольно приземистымъ каменнымъ монументомъ, по которому вырѣзаны какія-то надписи. На трехступенчатомъ цоколѣ поставленъ невысокій четырехгранный пьедесталъ, гдѣ лежитъ большое эллипсоидальное яблоко, отчасти напоминающее нѣсколько приплюснутую форму рѣпы, накрытое четырехскатною каменною крышей съ приподнятыми вверхъ краями полей и курносими наугольниками; крыша эта увѣчана низенькою цилиндрическою болванкой, на которой утверждена каменная луковича. Намъ объяснили, что это знаменитая въ своемъ родѣ *Мими-дзука*, сирѣчь ухорѣзка, воздвигнутая Тайко-самой послѣ его корейской экспедиціи (1586—87), въ память того, что на этомъ мѣстѣ рѣзали плѣнными корейцамъ уши, зарытыя потомъ въ одну общую могилу, надъ которою и насыпанъ этотъ курганъ. Надпись на памятникѣ гласитъ о семъ событіи.

Отъ Мими-дзуки два шага до *Санг-дзусанг-генг-доо*. Въ буквальный переводъ это значить *храмъ тридцати-трехъ генг*,¹⁾ каковыми опредѣляется мѣра его длины. Называютъ его также, по количеству находящихся въ немъ святыхъ, «храмомъ 33.333-хъ», «*Санг-манг санг-сенг санг-бяхъ санг-дзусу санг-доо*»²⁾. Но это очень длинно, и потому въ народѣ, какъ и въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, употребляется исключительно первое названіе. Не скажи намъ проводники, мы бы и не подумали что это храмъ. По наружному виду онъ скорѣе похожъ на желѣзно-

⁴⁾ Ямасиро, по размѣрамъ своимъ самая маленькая изъ провинцій Японіи. Она включаетъ въ себѣ только городъ съ его окрестностями. Границы ея проходятъ по тремъ хребтамъ окружающихъ ея горъ, а на югѣ достигаютъ до мѣстечка Фусими, въ пяти миляхъ отъ Кіото.

¹⁾ *Генг*—мѣра длины, равная пяти аршинамъ

²⁾ *Доо, тоо, тай и дан* равно выражаютъ идею божества и вообще понятіе о божественномъ, бесномъ... Это все различныя произношенія одного и того же слова.

дорожный товарный пакгаузъ. Представьте себѣ одноэтажный, безобразно-длинный (въ пятьдесятъ пять сажень) деревянный сарай на низенькомъ бетонномъ фундаментѣ, съ приподнятою на нѣсколько футовъ досчатою платформой и съ самою обыкновенною черепичною крышей, вотъ вамъ и Санъ-дзу-санъ генъ доо. А между тѣмъ это одна изъ самыхъ знаменитыхъ и наиболѣе чтимыхъ святынь, это, въ нѣкоторомъ родѣ, пантеонъ японо-буддйскаго культа. Постройка его относится къ XII столѣтію, и съ тѣхъ поръ, втеченіе семи вѣковъ, ничто не измѣнилось, ни въ характерѣ его внѣшности, ни во внутренней обстановкѣ. По всей длинѣ своей храмъ раздѣленъ деревянною рѣшеткой на двѣ части; передняя предназначена для молящихся, задняя для боговъ. Въ первой по всей верхней части стѣны развѣшено множество образовъ, писанныхъ на шелку и бумагѣ, а во второмъ стоитъ во всю длину деревянные полки, устроенныя амфитеатромъ, въ десять ступеней, по которымъ размѣщены 1.027 деревянныхъ истукановъ. Многія изъ статуй въ человѣческой ростъ и почти всѣ позолочены, а нѣкоторыя раскрашены. Освѣдомясь о числѣ статуй, мы обратились къ дежурному бонзѣ съ просьбой разрѣшить наше недоумѣніе — почему же тутъ считается 33.333 кванона, тогда какъ ихъ, очевидно, гораздо меньше?

— Счетъ совершенно вѣренъ, — отвѣчалъ онъ съ добродушно-хитрою усмѣшкой: — обратите ваше вниманіе на ихъ головы, руки и колѣни, и вы получите разгадку.

Дѣйствительно, разгадка оказалась тотчасъ же. Дѣло въ томъ, что головы множества большихъ статуй были коронованы особаго рода діадемами, составленными изъ двухъ, трехъ и болѣе рядовъ человѣческихъ головокъ, тѣсно посаженныхъ одна подлѣ другой. Кромѣ того, многіе большіе кваноны держатъ маленькихъ божковъ у себя на ладоняхъ, а иные и на колѣняхъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ, а равно и каждая изъ діадемныхъ головокъ, олицетворяютъ собою отдѣльныхъ духовъ, геніевъ, угодниковъ и подвижниковъ буддизма, и такимъ образомъ, въ совокупности въ большихъ кванонахъ, ихъ набирается ровно 33.333. Надо замѣтить, что сюда включены далеко еще не всѣ собственно японскіе національные *ками*, которыхъ насчитывается 3.132, и изъ нихъ 492 старшихъ, или великихъ. Изъ этихъ послѣднихъ тутъ находятся только богиня Бейтень, Хатчимацъ, богъ войны, въ нѣкоторомъ родѣ японскій Марсъ, Цинму-Тень-воо, основатель японской монархіи, и еще нѣсколько другихъ. Головы всѣхъ большихъ кваноновъ окружены лучистыми нимбами и, кромѣ того, всѣ статуи не иначе какъ многоручныя, отчего и самый храмъ называется иногда въ нѣкоторыхъ хартіяхъ «храмомъ тысячерукихъ

геніевъ». Каждая изъ ихъ рукъ непремѣнно снабжена какимъ-либо особымъ атрибутомъ соотвѣтствующимъ данному божеству. Такъ, наприимѣръ, въ центрѣ стоитъ позлащенный истуканъ Амида о сорока шести рукахъ, въ которыхъ находятся: человѣческій черепъ, кропило, лотосъ, лилія, яйцо, яблоко, какой-то плодъ въ видѣ луковницы, жезлъ, бичъ, мечъ, змѣя и т. д. Всѣ эти предметы знаменуютъ собою свойства божества—жиздительныя, охранительныя, благія и карательныя. По объясненію бонзы, *черепъ* означаетъ, что единственно только Амида (богъ творецъ) держитъ въ рукѣ своей жизнь и смерть человѣчества, *кропило* — что онъ освящаетъ міръ водой своей благодати, отгоняя злыя вѣянія, *лотосъ*—божественное происхожденіе всего сущаго, *лилія*—красоту и чистоту творенія, *яйцо* и *яблоко*—символъ возрожденія и плодородія, *жезлъ*—начало міродержавства, управленія и охраненія, остальные же атрибуты суть символы возмездія и божественной кары за грѣхъ и нечестіе. Далѣе, въ девяти рукахъ идутъ символы девяти воплощеній Амида, изъ нихъ послѣднее въ образѣ Сакья-муні. Въ остальныхъ же рукахъ расположены символы остальныхъ свойствъ божества, какъ-то: истины, справедливости, прозорливости, всевѣдѣнія, свѣта, теплоты и проч. *Кваноны*, то-есть «святѣйшіе» или высшіе, ближайшіе къ божеству духи, представлены, какъ и само божество, стоящими, или сидящими на вѣнчикѣ лотоса. Степенно ниже стоятъ *бозаты*, подобно кванонамъ сидящіе (но не стоящіе) на лотосѣ; атрибутъ ихъ лотосъ или лилія въ правой рукѣ, и головная повязка изъ ленты, спадающей двумя концами на плечи. Назначеніе бозатовъ—предстательствовать за людей и помогать имъ во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ и житейскихъ трудахъ. Слѣдующую степень представляютъ *арганы*, святые, окончившіе уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ весь кругъ метампсихозы. Далѣе — *гонгены*, правдивые духи еще продолжающіе возрождаться въ человѣческомъ образѣ, и ихъ подраздѣленія: *цизоо*, *футоо* и пр. Тутъ же помѣщены восемнадцать *роконовъ*, главнѣйшихъ или первопризванныхъ учениковъ Сакья-муни, множество *сенниновъ*, проповѣдниковъ «благаго закона», и еще больше *мидажиновъ*, мучениковъ, пострадавшихъ за исповѣданіе буддизма. Почти каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ свой атрибутъ, между которыми встрѣчаются тигръ, черепаха, козленокъ, журавль, драконъ, ракъ, бамбукъ, ирисъ, каскадъ, рыба, вѣсы, мечъ и т. д. На правомъ флангѣ передняго ряда возсѣдаетъ съ мечомъ въ одной и свернутымъ арканомъ въ другой рукѣ суровый Фудоо, духъ огня, окруженный пламеннымъ ореоломъ, а на лѣвомъ—Чіо-дзя, древній японскій первосвященникъ, родомъ изъ Кореи, съ типичнѣй-

шею физиономией, очень напоминающею лицо Вольтера. Одна нога его изображена в сандалии, другая же остается босою. «Такъ всегда ходитъ онъ при жизни», по объясненію нашего бонзы. Чю-дзя окруженъ своими учениками, которые, благодаря ему, тоже сподобились попасть въ число сенниновъ.

Храмъ этотъ не только пантеонъ буддизма, но и замѣчательный музей древняго ваятельнаго искусства Японіи; здѣсь, впрочемъ, его предѣлы, дальше котораго оно не пошло въ своемъ развитіи, да и не могло пойти, потому что требованія религіозной традиціи воспрепятствуютъ удалаться отъ извѣстныхъ условныхъ и строго установленныхъ формъ въ изображеніи боговъ и прочихъ священныхъ предметовъ. Ничего лучше того, что собрано въ этомъ храмѣ и до сихъ поръ не производитъ японское искусство въ религіозной сферѣ, оно только рабски, хотя и мастерски повторяетъ образцы древности. Статуи, какъ я уже сказалъ, исключительно деревянные, и большинство ихъ рѣшительно поражаетъ силой и тонкостью рѣзца. Несмотря на условную многорукость этихъ фигуръ, вы ясно видите въ нихъ стремленіе художника приблизиться какъ можно болѣе къ натурѣ. Это стремленіе сказывается, какъ въ строгой пропорціональности формъ и частей, такъ и въ естественности приданныхъ имъ позъ и движеній, равно и въ томъ, какъ прочувствовано напряженіе мускуловъ въ обнаженныхъ частяхъ тѣла, а главное въ экспрессивности лицъ, разнообразіе которыхъ, отмѣченное въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ какою-либо особою и вполне вамъ понятною мыслью или чувствомъ, заставляетъ признать за древними японскими скульпторами большія достоинства, особенно сказавшіяся въ ихъ положительномъ стремленіи къ реальности, къ натурѣ и экспрессивности. Эту послѣднюю они нерѣдко стараются даже подчеркивать, такъ что произведенія ихъ грѣшатъ иногда усиленною аффектаціей, но это не въ ущербъ общему впечатлѣнію того, что именно хотятъ они въ томъ или другомъ случаѣ выразить. Глядя на ихъ боговъ вы сразу понимаете характеръ cadaго.

У среднихъ, рѣшетчатыхъ дверей храма поставленъ столикъ, покрытый пеленою, и на немъ луженый мѣдный сосудъ, въ родѣ купели, наполненный освященною водою, на поверхности которой плаваютъ маленькія бамбуковыя ковпачекъ съ длинною ручкой. Благочестивые люди, приходя во храмъ помолиться, непременно зачерпываютъ себѣ этой воды, испиваютъ ее съ молитвой, и отливъ нѣсколько капель на ладонь, обмываютъ глаза и лобъ. Обычай, знакомый тому, кто бывалъ въ католическихъ странахъ.

Неподалеку отъ храма находятся образныя лавки, принадлежащія бонзеріи Дайбуддса,

гдѣ выставлены на продажу различныя священные изображенія: идолы, кютцы, четки, восковыя свѣчи и ладонки. Для продажи образцовъ намъ, невѣрнымъ, со стороны приставленнаго къ сему дѣлу бонзы не встрѣтилось никакихъ препятствій, благодаря чему я и приобрѣлъ себѣ три изображенія, показавшіяся мнѣ наиболѣе характерными. На одномъ изъ нихъ представленъ во весь ростъ, нарисованный золотомъ по синему полю, Будда, благословляющій міръ и осѣненный длинными, разлетающимися отъ нимба во всѣ стороны золотыми лучами. На другомъ изображена «небесная охранительница государства и защитница народа», представленная стоящею на розоватомъ облакѣ, со сложенными молитвенно руками, въ золотомъ вѣнцѣ, съ нимбомъ вокругъ головы, по которому симметрично разбросаны семь золотыхъ кружковъ, знаменующихъ собою семь сферъ небесныхъ; на плечахъ ея накинута широкая парчевая мантия съ длинными «греческими» рукавами. Вверху, надъ нимбомъ, начертано изреченіе: «Наму міо хонъ-Ренги кійо» (вѣрую или поклоняюсь по священной книгѣ Ренги), а сбоку поясняется, что это есть копія съ образа, писаннаго бонзою Ниссіо и что подлинникъ находится въ монастырѣ Ко-сай-дзи, въ округѣ Кавабе, провинціи Сеццу. Третій образъ представляетъ кончину Сакья-муни. Будда представленъ лежащимъ на правомъ боку, съ подложенною подъ голову правую ладонь; ноги его и лѣвая рука вытянуты. Лежитъ онъ подъ тѣнью цвѣтущихъ смоковницъ на узорчатомъ коврѣ, въ плосковатомъ прямоугольномъ кенотафѣ, края котораго орнаментованы *меандромъ* (бордюръ *à la grecque*). Надъ усопшимъ со всѣхъ сторонъ столпились не только его ученики и послѣдователи, угнетенные паріи и всѣ обездоленные, которыхъ онъ призывалъ къ себѣ и утѣшалъ, но и сами боги, божественные гении и богини, духи неба, и духи преисподней, послѣдніе съ огненными лицами и вставшими дыбомъ волосами. На головѣ у cadaго бога и духа, свойственный ему атрибутъ, у кого змѣя, у кого пѣтухъ, нетопырь, собака, голова бѣлаго слона, быка, оленя, тигра и т. д. Богини (числомъ девять) всѣ въ золотыхъ діадемахъ и въ бѣлыхъ съ бантами повязкахъ въ знакъ траура. Всѣ собравшіеся горестно оплакиваютъ кончину учителя; нѣкоторые отъ отчаянія доходятъ до иступленія, а любимый ученикъ Будды, Ананъ, даже до обморока, такъ что почтенный его сотоварищъ Кошу долженъ опрыскивать его изъ чашки водою. Нѣкоторые гении и люди приносятъ ко гробу дары—вареный рисъ и благовопія, чтобъ уместить ими тѣло, при погребеніи. Передній планъ картины занятъ всевозможными животными направляющимися со всѣхъ сторонъ къ усопшему, потому что, по преданію, вся тварь

земная, воздушная, водная и подземная, сте-
 клась оплакивать смерть того, кто былъ по-
 слѣднимъ на землѣ воплощеніемъ Амиды и
 кто училъ не обижать, не мѣшать существо-
 ванію и падать жизнь самой мельчайшей и
 ничтожнѣйшей изъ земныхъ тварей. Ближай-
 шій передній планъ занимаютъ фантастическія
 существа японской мифологіи. Здѣсь мы ви-
 димъ драконовъ *Дежа* и *Татсэ-маки*, корей-
 скаго льва *Кома-ину*, японо-китайскаго фе-
 никса, птицу *Фоо*, черепаху *Мооки* съ со-
 бачьею головой на длинной змѣиной шеѣ и
 пышнымъ волочащимся хвостомъ изъ морскихъ
 водорослей, и наконецъ звѣря *Кирина*, обла-
 дающаго головой единорога, лошадинымъ ту-
 ловищемъ и оленьими ногами, тогда какъ
 спина его покрыта черепашьею броней. Болѣе
 этихъ чудищъ приблизились къ Буддѣ птица-
 сирена и бѣлый слонъ. У первой птичьихъ ноги
 и туловище съ распушенными крыльями, а
 голова женская, въ діадемѣ; въ рукахъ про-
 тягивающихся впередъ изъ-подъ крыльевъ
 она приноситъ, какъ бы подавая усопшему,
 корзинку съ цвѣтами. Композиція этой фигуры
 очень напоминаетъ подобныя же изображенія
 на древне-египетскихъ и ассирійскихъ памят-
 никахъ, перешедшія и къ намъ, въ древне-
 русскій міръ, подъ именемъ *сирены*, и въ міръ
 мусульманскій, подъ именемъ *джинновъ*. Про-
 тивъ птицы-сирены припалъ на колѣни бѣлый
 слонъ, этотъ символъ послѣдней (въ смыслѣ
 высшей) земной метампсихозы, и подноситъ
 почившему въ высоко поднятомъ хоботѣ пыш-
 ный цвѣтокъ священнаго лотоса. Всѣ проме-
 жутики между этими и выше названными ми-
 еологическими чудищами наполнены множе-
 ствомъ представителей міра животнаго. Тутъ
 ревущій отъ горя тигръ припалъ къ землѣ,
 рядомъ съ кроликомъ, а далѣе видны олени
 (таксисъ), обезьяны, собаки, козелъ, кабанъ,
 лошадь, быкъ, лиса, куница, соболь, мышь и
 котъ, но котъ съ хвостомъ, что явно указы-
 ваетъ на его не-японское, вѣрнѣе всего индѣй-
 ское, происхожденіе ¹⁾. Изъ царства перна-
 тыхъ здѣсь помѣщены хищники, какъ орелъ
 и коршунъ, рядомъ съ мирнѣйшими голубями
 и священными журавлями; далѣе павлины,
 фазаны, куры, гуси, нырки и множество дру-
 гихъ болѣе мелкихъ птишекъ. Затѣмъ идутъ
 земноводныя—змѣя, крабъ, моллюски, и насѣ-
 комыя—жуки, бабочки, стрекозы, кобылки и
 пр. Вся эта тварь забыла на время о взаим-
 ной враждѣ, о борьбѣ за существованіе, вле-
 кушей болѣе сильнаго къ истребленію слабѣй-
 шихъ, вся она, какъ бы члены одной братской
 семьи, мирно и кротко идетъ заявить свою
 горестъ объ утратѣ «мириѣйнаго» и «крот-
 чайшаго». Надъ деревьями нарисованы облака

и по нимъ чистые геніи, кваноны, возносятъ
 душу Сакия-муни къ «источнику свѣта», ко-
 торый, въ видѣ бѣлаго солнечнаго диска, по-
 мѣщается среди голубого неба, въ самомъ верху
 картины. Отъ солнца внизъ къ вершинамъ
 деревьевъ спускается продольная санскритская
 надпись, исполненная очень красивою вязью,
 но значенія ея никто объяснить мнѣ не могъ.
 Обнаженные части тѣла Будды—лицо, грудь,
 ступни ногъ и руки наведены золотомъ, въ
 знакъ его просвѣтленія; остальные же фигуры
 и части картины нарисованы красками. Жи-
 вопись очень древняя, что видно по выцвѣт-
 нымъ и мѣстами облупившимся клеевымъ
 краскамъ. Называется этотъ образъ «Неган-
 зао», то-есть освобожденіе духа отъ плоти,
 и подлинникъ его, писанный въ XII сто-
 лѣтіи бонзой-художникомъ Тоодензу, находит-
 ся въ Тоофукси, одномъ изъ кіотскихъ хра-
 мовъ.

Отъ храма Санъ-дзю-генъ выѣхали мы на
 дорогу ведущую легкимъ пологимъ скатомъ къ
 мѣстечку Фусими. На протяженіи пяти миль
 отдѣляющихъ это мѣстечко отъ Кіото, съ
 обѣихъ сторонъ дороги тянутся непрерывны-
 ми рядами обывательскіе дома и лавки, такъ
 что весь путь является какъ бы продолженіемъ
 одной изъ кіотскихъ улицъ и состав-
 ляетъ южное предмѣстіе столицы. Здѣсь на-
 ходятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ ме-
 жду собою два храма изъ числа древнѣйшихъ.
 Это небольшой храмъ Инари-но-Яжиро, подъ
 горой того же имени, и храмъ Тоо-Фукудзи,
 среди роскошной священной рощи. Первый
 принадлежитъ синтоскому, второй буддѣйскому
 культу и замѣчательнъ тѣмъ, что строителемъ
 его былъ первый сегунъ Іоритомо Минамото,
 въ 1200 году. Въ первомъ же обращаютъ на
 себя вниманіе небольшія лисички и лисы мор-
 дочки очень искусной рельефной рѣзбы, ко-
 торыми украшены всѣ столбы и панели этого
 храма.

Въ нижней части города, въ улицѣ Рокуджо,
 находится храмъ Хигаси-Хонганджи, принад-
 лежащій одной изъ буддѣйскихъ сектъ, но мы
 туда не заѣзжали и, слѣдуя далѣе къ западу
 по той же Рокуджо, вскорѣ остановились предъ
 массивными священными воротами одной изъ
 самыхъ знаменитыхъ кіотскихъ тера и бонзе-
 рій, Нисси-Хонганджи, принадлежащей сектѣ
 Синъ-сиу или Монтоо.

Надо замѣтить, что японскій буддизмъ раз-
 дѣляется на восемь толковъ, изъ коихъ каждый
 имѣетъ свой, такъ - сказать, митрополюный
 храмъ, построенный по большей части осно-
 вателемъ того толка. Въ Кіото имѣютъ подоб-
 ные храмы представители всѣхъ восьми буд-
 дѣйскихъ сектъ, и Нисси-Хонганджи служитъ
 таковымъ для монтоитовъ. Секта эта являетъ
 собою родъ японскаго протестанства и раціо-
 нализма въ буддизмѣ. Ученіе ея, отчасти

¹⁾ Порода японскихъ кошекъ отличается почти
 полнымъ отсутствіемъ хвоста.

склонное къ эпикурейству, направлено главнѣйшимъ образомъ противъ исключительности аскетическаго духа, отрицая безбрачїе и доказывая, что спасаться надобно въ мірѣ, въ жизни и ради жизни, то-есть ради ближнихъ, причемъ религиозно-созерцательному самоуглубленію отводится мѣсто гораздо меньшее чѣмъ нравственно правильнымъ поступкамъ и добрымъ дѣламъ на пользу и просвѣщеніе челоувѣчества. Таковъ принципъ Синъ-сіу. Тѣмъ не менѣе, первосвященникъ этого толка, облеченный относительно всѣхъ вопросовъ и дѣлъ своего религіознаго сообщества абсолютною властью и пользующійся чрезвычайнымъ уваженіемъ среди сектантовъ, напоминаетъ собою не то тибетскаго далай-ламу, не то римскаго папу. Суевѣрные монтоиты видятъ и чтутъ въ немъ живого Будду, и замѣчательно, что его кафедра передается не по достоинству преемника въ избирательномъ порядкѣ, а по кровной линіи мужескаго первородства въ потомствѣ Спирансозо, основателя секты, такъ что первосвященникъ Синъ-сіу является въ нѣкоторомъ родѣ наследственнымъ монархомъ. Мѣстопробываніе этого своеобразнаго монарха всегда находится въ монастырѣ Ниси-Хонганджи въ Кіото. Храмъ и монастырь принадлежатъ къ числу богатѣйшихъ въ Японіи, и хотя нынѣшнее правительство не поцеремонилось отобрать у него для своихъ надобностей нѣсколько лучшихъ зданій и часть земель, тѣмъ не менѣе секта монтоитовъ все еще считается самою состоятельною и пользуется влияніемъ не только въ обществѣ, но отчасти и въ правительствѣ больше всѣхъ остальныхъ. Братство Хигаси-Хонганджи является однимъ изъ подраздѣленій той же секты и по своему направленію почти не отличается отъ Синъ-сіу, уступая послѣдней развѣ въ степени богатства и влияния.

Монастырская стѣна передняго фасада стоитъ на каменномъ парапетѣ, который облицовываетъ протекающую передъ нею канаву. Вдоль послѣдней насаженъ молодой бульваръ. Два каменные мостика, съ парой высокихъ бронзовыхъ канделябровъ предъ каждымъ, ведутъ непосредственно къ двумъ священнымъ вратамъ, увѣнчаннымъ массивными высокими кровлями съ очень изящною рѣзбой. Въ глубинѣ большого продолговатаго двора находятся рядомъ два храма одинаковой архитектуры, соединенные между собой наружною галлереей. Предъ ними стоитъ среди двора окруженная палисадникомъ криптомерія, которой приписываютъ глубокую древность, о чемъ между прочимъ воочию свидѣлствуютъ шесты и цѣлыя бревна съ распорками и подушками, подставленные чтобы подпирать ея дряхлыя вѣтви. Одинъ храмъ посвященъ Амидѣ, другой—Спирансозо, основателю секты. Первый изъ нихъ былъ сооруженъ самимъ этимъ основателемъ

еще въ XII вѣкѣ и возобновленъ въ концѣ XVII вѣка Тайко-самой, который кстати построилъ тутъ же другой храмъ, одинаковой наружности съ первымъ, посвятивъ его памяти первоучителя Синъ-сіу. Внутри длина обоихъ храмовъ равняется 124, а ширина 56 футамъ. Кѣтчатые потолки поддерживаются рядами деревянныхъ колоннъ безъ капителей; по бокамъ главнаго алтаря находятся съ каждой стороны по два меньшихъ придѣла; алтарная часть отдѣлена вызолоченною сквозною рѣшеткой съ пытью дуэтворчатыми рѣшатчатыми вратами, по числу алтарей; все это украшено горельефною позолоченною рѣзбой въ стилѣ японскаго барокко, которымъ вообще отличаются постройки времени Тайко-самы. Вдоль по солей проходитъ еще одна рѣшетка, образующая между алтарями и остальною частью храма родъ поперечнаго коридора. Внутреннія стѣны и потолки въ обоихъ храмахъ покрыты матовою позолотой и кое-гдѣ легкою живописью, среди которой, въ орнаментѣ очень часто встрѣчается гербъ сегуновъ—проскурняковый трилистникъ въ кольцѣ. Баронъ Гюбнеръ, посѣтившій въ свое время эти храмы, дѣлаетъ одно очень любопытное замѣчаніе: «можно бы сказать, говорить онъ, что архитекторъ изучалъ церкви во Флоренціи и подражалъ имъ», во внутреннемъ расположеніи, конечно. Но такъ какъ ни бытъ во Флоренціи, ни имѣтъ хотя бы заочнаго понятія о ея храмахъ строитель эпохи Тайко-самы, разумѣется, не могъ, а между тѣмъ всѣ буддійскіе храмы въ Японіи, не исключая и самыхъ древнихъ, придерживаются болѣе или менѣе одного и того же условнаго образца, то остается лишь одно предположеніе, если не считать это тождество дѣломъ случайности, а именно, что внутреннее устройство тѣхъ и другихъ храмовъ является произведеніемъ двухъ вѣтвей одной и той же традиціи, не традиціи столь древней, что въ ея послѣдователяхъ, разлученныхъ между собою не только пространствомъ, но и цѣлыми тысячелѣтіями, давно утратилась память о ея первоисточникѣ, мѣсто котораго, вѣроятно все, слѣдуетъ искать въ древнѣйшемъ культѣ Индіи.

Бонзы Ниси-Хонганджи въ особенности хвалятся своимъ садомъ расположеннымъ позади храмовъ, который замѣчательнъ тѣмъ, что гуляя въ немъ рѣшительно ни откуда ни видишь его границъ и потому онъ кажется очень большимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ вовсе не великъ. Это происходитъ отъ искусства расположенія деревьевъ, а главное кустарниковъ и вьющихся растений, совершенно маскирующихъ стѣны его ограды. Растительности вообще богатѣйшая, густая и подобрана съ большимъ вкусомъ. Садъ, можно сказать, щедряетъ множествомъ красивыхъ рѣдкостныхъ растений, цвѣтовъ и разнообразныхъ деревьевъ,

а изобилие банановых муз, аралій, различных пальм и орхидей придаетъ ему чисто тропическій характеръ. Здѣсь, среди извилистыхъ дорожекъ, то и дѣло встрѣчаются крутя горы, ноздреватая скалы, кристалло-прозрачные родники и пруды покоящіеся въ глубокихъ берегахъ и служащіе натуральнымъ акваріемъ для разнообразныхъ красивыхъ рыбъ и земноводныхъ. Бонза проводникъ увѣряетъ насъ, что вода въ эти пруды проведена каналомъ непосредственно изъ озера Бивы. Въ саду все полно воспоминаніями о Тайко-самѣ: подъ этимъ деревомъ любилъ-де онъ отдыхать во время полуденнаго зноя; съ этого мостика любовался полною луной и ея отраженіемъ въ водѣ; здѣсь обыкновенно прикармливалъ золотыхъ рыбокъ и прожорливыхъ крабовъ; эта криптометрия посажена имъ собственноручно, а вотъ на стѣнѣ этого кіоска эскизы двухъ журавлей—произведение его собственно кисти.

Въ центрѣ западной части города, среди обширной четырехугольной площади, изъ-за рововъ наполненныхъ водой возвышаются каменные стѣны цитадели съ наугольными башнями. Внутри этихъ стѣнъ находится замокъ, построенный первоначально Ода-Набунагой въ XVI вѣкѣ, затѣмъ въ слѣдующемъ столѣтіи перестроенный почти до основанія Тайко-самой и, наконецъ, приспособленный въ томъ же XVII столѣтіи сёгуномъ Токугавой для помѣщенія въ немъ своего намѣстника со всѣмъ штатомъ. Въ наше время пришлось его еще разъ приспособлять чтобы сосредотчить въ немъ городскую управу, губернскаго присутственнаго мѣста и штабъ кіотскаго гарнизона. Замокъ носитъ названіе Ниджо-но-сиро по своему мѣстоположенію въ концѣ улицы Ниджо (2-я линія), упирающейся въ главный городской каналъ, переѣхавъ черезъ который по мосту мы очутились на эспланадѣ и вскорѣ остановились предъ единственными воротами цитадели, на ея восточномъ фронтѣ. Постройка стѣнъ отличается весьма массивнымъ характеромъ и имѣетъ въ планѣ начертаніе нѣсколько продлинноватаго четырехугольника, къ которому съ западной стороны придѣланъ родъ прямоугольнаго бастиона съ двумя входящими и двумя исходящими углами. Со внутренней стороны, вдоль стѣнъ идетъ непрерывный бульваръ изъ старорослыхъ японскихъ сосенъ. Замокъ въ своемъ родѣ великолѣпенъ и всецѣло носитъ на себѣ печать вкуса Тайко-самы. Въ общемъ онъ очень напоминаетъ дворецъ нагойскаго замка Оариджо: та же ширина и величественность размѣровъ, та же пзумительно искусная рѣзба карнизовъ и оконъ въ стилѣ японскаго барокко, съ которымъ впервые познакомились мы въ тоокійской Сибѣ, та же легкая, но вполне художественная живопись на ширмахъ и панеляхъ. Въ особенности хороша парадная приемная зала въ 35 аршинъ

длины, около 15 аршинъ ширины и 9 ¹/₂ аршинъ высоты. Ея стѣны, колонны и рѣшетчато-паркетный потолокъ покрыты матовымъ золотомъ и украшены, въ видѣ розетокъ, геральдическими трилистниками въ кольцѣ. Настѣнная и ширмовая живопись изображаетъ разные деревья и цвѣты по матово-золотому фону. Полы подъ циновками покрыты драгоценнымъ японскимъ лакомъ, темнокраснымъ и чернымъ; рамы, перила, баласыны и разныя мелкія подѣлки тоже лаковые, съ бронзовыми скобами и гайками чеканной работы, и на всемъ, вездѣ и повсюду все тотъ же гербъ сёгуновъ.

Въ западной же части, но уже за городомъ, среди уединенной, красивой мѣстности въ отдаленіи отъ всякаго жилья, стоитъ окруженный каменною стѣной и какъ бы запряганный въ роцѣ храмъ Омуро, съ пятиэтажною буддійскою пагодою и тяжелыми священными воротами, изъ нишъ которыхъ угрожающе смотрятъ два небесные стража, Нюджины, съ мечами. Омуро превращенъ въ буддійскую бонзерію, сравнительно говоря, недавно, а въ прежнія времена это былъ дворецъ, куда обыкновенно удалялись доживать вѣкъ на полномъ покоѣ тѣ изъ микадо, которые, тяготясь бременемъ своего officialнаго положенія и крайне стѣснительнымъ этикетомъ, предпочитали добровольно отречься отъ фиктивной императорской власти въ пользу своихъ законныхъ наслѣдниковъ. Это, между прочимъ, было одною изъ главныхъ причинъ почему на престолѣ Японіи нерѣдко воссѣдали малыя дѣти и даже младенцы. Но съ тѣхъ поръ, какъ дворецъ «отставныхъ микадо» обратили въ обыкновенный буддійскій храмъ, въ немъ не осталось слѣдовъ его прежней обстановки.

У подножьи лѣсистыхъ холмовъ Араси-ямы протекаетъ въ красивыхъ берегахъ Кацурагава, про которую одинъ изъ старыхъ мѣстныхъ поэтовъ говоритъ, что «здѣсь всегда можно наслаждаться прелестью природы. Такъ, весной вся гора Араси покрывается вишневымъ цвѣтомъ а когда нѣжные лепестки вишни начинаютъ опадать, покрывается ими вся рѣка, превращаясь въ одно цвѣточное теченіе. И лѣтомъ славно прокатиться въ лодкѣ по рѣкѣ, то и дѣло забираясь подъ сѣнь плакучихъ ивъ, когда освѣжающій горный вѣтерокъ качаетъ ихъ длинныя висячія вѣтви. Не дурно и въ ночь ранней осени, плывя по рѣкѣ, среди глубокой тишины всей природы любоваться полною луной на безоблачномъ небѣ. И даже въ зимнюю пору залюбуешься посеребрившеюся отъ снѣга Араси-ямой».

На одномъ изъ ея склоновъ находится синтосскій храмъ Мацуноо, въ честь бога винокурения. Слово для того, чтобы быть поближе къ покровительству этого бога, по соосѣдству съ храмомъ, нѣсколько выше въ гору, расположился за бамбуковою рощей большой винокурный заводъ, снабжающій своимъ сакі все

Киото. Мацуноо—это японскій Вакхъ, которому приписывается изобрѣтеніе саки. Народная легенда помѣщает его вмѣстѣ съ супругой и восемью сыновьями гдѣ-то на берегу Тихаго океана и удостовѣряетъ, что какъ самъ онъ, такъ и вся его семья не носятъ другой одежды, кромѣ набедренныхъ повязокъ, силетонныхъ изъ свѣжихъ дубовыхъ листьевъ, и что вся эта семья отличается длинными «рыжими» волосами. Это указаніе на цвѣтъ волосъ особенно замѣчательно, потому что во всей Японіи, между коренными ея жителями рѣшительно нѣтъ рыжеволосыхъ; естественный цвѣтъ ихъ волосъ исключительно черный,—стало-быть можно думать, что рыжеволосость Мацуноо какъ бы указываетъ на его прошлое извнѣ, не-японское происхождение. Откуда же онъ въ такомъ случаѣ? Далѣе, та же легенда говоритъ, что въ часъ когда послѣдніе лучи солнца окраивають красноватымъ отблескомъ волны океана, семейство Мацуноо выходитъ на базальтовые обломки у песчаного берега и, потрясая черпаками и ковшами, начинаетъ свою божественную пляску вокругъ огромнаго чана, наполненнаго саки. Богу винокурения посвящается послѣдній день года, когда винокуры устраиваютъ въ честь его особую вакхическую процессію. Къ сожалѣнію, мнѣ лично не довелось видѣть ее въ Токио, но въ ней есть такія любопытныя черты, невольно наводящія на знаменательныя сопоставленія и сближенія, что я позволю себѣ познакомить читателя съ этимъ обрядовымъ обычаемъ на основаніи словъ Эме Эмбера, какъ очевидца. Винокуры, подмастерья и работники, получивъ расчетъ передъ Новымъ годомъ, отправляются всею гурьбой за городъ, на берегъ рѣки, запасшись для взаимнаго угощенія морскими раками, горячими пирогами и свѣжимъ саки. Празднество происходитъ подъ открытымъ небомъ и начинается съ жертвоприношенія: всѣ участники доверху наполняютъ свои чашки саки и выливаютъ ихъ въ рѣку; затѣмъ наливаютъ большой братскій кубокъ, который обходитъ по очереди всѣхъ пирующихъ, и принимаются за ѣду. Послѣ закуски начинаются у нихъ различныя игры, главная цѣль которыхъ выказать силу и ловкость состязующихся. Присутствующіе держатъ пари за обѣ стороны. Игры состоятъ изъ бѣга, борьбы и т. п. Играющіе, напримѣръ, схватываются за руки и начинаютъ гнуть другъ друга въ противоположныя стороны, или тянутъ веревку повернувшись одинъ къ другому спиной, или же поднимаютъ съ земли вѣеръ стоя на одной правой ногѣ, а лѣвую загнуть назадъ. Наконецъ, утомленные, они ложатся подъ деревьями и побѣдители съ наслажденіемъ упираются ногами въ спины побѣжденныхъ, а остальная компанія пускается въ бѣшеный плясъ. Затѣмъ всѣ, молодые и старые, толпою возвращаются въ городъ, но прежде этого побѣдитель, на

играхъ признанный первымъ, провозглашается «княземъ». Впереди процессіи идетъ герольдъ въ головномъ уборѣ изъ пшеничныхъ вѣтвей и, потрясая черпальнымъ ковшомъ, возглашаетъ глухимъ голосомъ: «*станiero!*» то-есть «на колѣни!»—крикъ, который всегда бывало раздавался при парадныхъ выходахъ даймю. Знаменосецъ, вмѣсто флага, несетъ на бамбучинѣ огромный пукъ перьевъ, какимъ обыкновенно сметають пыль съ потолкавъ и, наконецъ, самъ «князь» является въ видѣ Силена, ведомый подъ руки двумя дюжинами парней. Вся его свита, а равно и самъ онъ, полуобнажены, причемъ винокуры, желающіе щегольнуть своею граціей или силой и красотой формъ, играютъ вѣеромъ подъ тактъ разныхъ танцевальныхъ «па», какими они разнообразятъ торжественное шествіе кортежа; другіе приплясываютъ подъ звуки пустыхъ боченковъ, ловко вертя ихъ на перекинутыхъ черезъ плечо бамбуковыхъ палкахъ. Не напоминаетъ ли все это отчасти олимпійскія игры и вакханаліи древней Эллады?.. Эллада и Ниппонъ, казалось бы, что тутъ общаго? И однакоже, это жертвоприношеніе, эти игры и процессіи, этотъ рыжеволосый Вакхъ-Мацуноо съ набедренной повязкой изъ дубовыхъ листьевъ и пляска вокругъ виннаго чана—откуда и какими судьбами могло быть все это занесено на острова крайняго Востока, когда древняя Японія не имѣла ни малѣйшаго понятія о древней-Элладѣ? Такой вопросъ могъ бы поставить рѣшительно въ тупикъ, еслибы позднѣйшія изслѣдованія, которыми мы обязаны одной изъ нашихъ соотечественницъ¹⁾, не удостовѣрили положительнѣйшимъ образомъ, что первоначальная родина эллинскихъ боговъ и, между прочимъ, самого Вакха, есть Индія. Какъ видно, это все тотъ же путь, что и путь распространенія древняго *меандра*, одна вѣтвь котораго пошла на крайній Востокъ, другая на крайній Западъ.

Въ сѣверо-западномъ концѣ города находится большою ситоскій храмъ Кята-но-Тенжинъ, построенный въ честь Сугаварано-Мичизане, патрона школъ и учащихся, но мы туда не заѣзжали, а поспѣшили къ Кинъ-какуджи, расположенной въ томъ же концѣ, но уже за городомъ, среди густого и великолѣпнаго парка, къ которому отъ самаго города ведетъ шоссе, окаймленное прекрасною аллеей и ручьями. *Кинъ-какуджи* значить «Золотая Палата». Это была дача Юсимипу, третьяго сегуна династіи Асикага (1368—1394). Зданіе представляетъ собою трехъ-этажный павильонъ, въ томъ же родѣ какъ наша гостиница «Мару-Яма», описанный наружными галлереями и увѣнчанный на макушкѣ золочено-бронзовою птицей Фео, съ пышно-поднятымъ хвостомъ и распушенными крыльями. Павильонъ стоитъ

¹⁾ Г-жа Блавацкая (Радда-бай), см. ея письма „Изъ дебрей Индостана“, „Русск. Вѣстн.“ 1886 г.

на прелестномъ озеркѣ, имѣя подѣ собою, вмѣсто фундамента, торчащіе изъ воды дикіе камни и массивные гранитные бруссы. Отраженіе его въ тихой глади водѣ, какъ въ зеркалѣ, производитъ очень красивый эффектъ. Въ окружающемъ его паркѣ фантазіи японскихъ садоводовъ достигаетъ полного разгуда. Мы видимъ здѣсь не только деревья-карлики рядомъ съ великанами, деревья-шары, ромбы, конусы и тумбы, деревца въ видѣ журавлей и пагодъ, но находимъ даже цѣлую джонку съ мачтой, реями и снастями, устроенную изъ живыхъ, цвѣтущихъ вѣтвей одной и той же сосны. Но не эта виртуозная сторона садовничьяго искусства привлекаетъ къ себѣ главное вниманіе посѣтителя, а общая картинность и нѣсколько элегическая поэтичность всего этого укромнаго мѣстечка. Тутъ прелесть какъ хорошо, и лучшей дачи невозможно бы и придумать.

Какъ бы въ pendant къ ней, на восточной окраинѣ города, между холмами Хигаси-ямы, находится подобный же, но только двухъ-этажный павильонъ, тоже съ птицей Фео на макушкѣ, извѣстный подѣ именемъ *Гинъ-какудзи*, то-есть «Серебряной Палаты». Онъ тоже выходитъ на красивое озеро, обставленное мшистыми глыбами дикаго камня, и тоже окруженъ роскошнымъ паркомъ. Гинъ-какудзи былъ построенъ Іосимасомъ, восьмымъ сегуномъ династіи Асикага (1449—1472). Это былъ большой любитель изящныхъ искусствъ, и когда наконецъ ему надѣли и окружавшая его роскошь, и суета суетъ его блестящаго двора, и самое управленіе государственными дѣлами, онъ передалъ послѣднія своимъ министрамъ и совѣту изъ нѣсколькихъ высшихъ даймю, а самъ удалился въ этотъ укромный уголокъ и сталъ вести полуотшельническую жизнь, наслаждаясь природой и чтеніемъ своихъ любимыхъ поэтовъ. Съ этого времени династія Асикага стала клониться къ паденію. Пользуясь такимъ настроеніемъ Іосимаса, удѣльные князья одинъ за другимъ стали провозглашать себя независимыми властителями, и одинъ изъ честолюбцевъ покусился-было даже на жизнь безобиднѣйшаго изъ сегуновъ.

Въ сѣверной сторонѣ, за Камо-гавой, находится синтоская мія *Ками-Камо*, то-есть *Верхній Камо*, названный такъ въ отличіе отъ Нижняго (*Симо*) Камо, расположеннаго среди рощъ и фруктовыхъ садовъ въ сѣверо-восточной части города, на стрѣлкѣ, образуемой слияніемъ двухъ рукавовъ Камо-гавы. Мія Ками-Камо стоитъ на вершинѣ холма того же имени (*Камо-яма*), и въ ней незримо обитаетъ особый kami, божественный духъ Камо, которому завѣщена отъ самой родоначальницы царствующей династіи, пресвѣтлѣйшей и лучезарнѣйшей богини Тенсѣ (солнце), особая миссія—непрестанно, изъ вѣка въ вѣкъ, и днемъ и ночью бдѣть надъ микадо, охраняя его дра-

гоценную судьбу. Гора Камо, кромѣ того, знаменита еще и въ лѣтописяхъ японской литературы. Возвышавшаяся надѣ «Потокомъ Стрелкозъ» (сѣверо-восточный притокъ Камо-гавы), она служила нѣкогда дачей поэту Цжомеи, который написалъ здѣсь свою «книгу хвалений» или одъ, между коими есть навѣянные этимъ потокомъ и этою горой и имъ посвященные. Цжомеи считается однимъ изъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ древнихъ поэтовъ.

Весь вечеръ мы посвящали театрамъ, которые и здѣсь, по примѣру Осаки, сосредоточены все въ одной улицѣ, называемой Театральною. Она освѣщается громадными фонарями разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ, подвѣшенными къ перекинутымъ черезъ улицу жердямъ. Театральныя вывѣски, объявленія и картины въ томъ же родѣ, какъ въ Токио; а пожалуй какъ и у насъ на маслянистыхъ балаганахъ. Обязанности театральной прислуги исполняютъ исключительно женщины,—онѣ тутъ и кассирши, и контролерши билетовъ, и капельди-верши, и буфетчицы, и разнощицы чая и угощеній,—это специальная особенность только кіотскихъ театровъ. Прежде всего мы посѣтили театръ пантомимъ, гдѣ весь ходъ дѣйствія декламируется по книжкѣ особымъ чтецомъ, помѣщающимся вверху, на хорахъ, а актеры только ротъ развѣваютъ да руками размахиваютъ, изображая соотвѣтственные чтенію движенія и жесты. Затѣмъ перешли мы по сосѣдству въ театръ фокусниковъ и видѣли очень интересное представленіе съ вертящимися волчками и летающими бабочками. Японскіе фокусники обладаютъ искусствомъ пускать волчки такимъ образомъ, что сила ихъ необычайно быстро вращательнаго движенія не прекращается очень долго, и въ теченіе этого времени съ ними продѣлываются разныя замысловатые штуки. Такъ, одинъ фокусникъ вертикально устанавливаетъ у себя на носу небольшую палочку и кладетъ на нее другую горизонтально, удерживая ихъ въ равновѣсіи; затѣмъ онъ подводитъ подѣ вертящіеся волчки двѣ карточки, на которыхъ и переноситъ ихъ на концы горизонтальной палочки, гдѣ они продолжаютъ вертѣться какъ ни въ чемъ не бывало. Но это еще не такъ мудрено, а вотъ заставить волчокъ восходить вверхъ по наклонно протянутому шнуру или по лезвію подставленной ему сабли и затѣмъ пустить его вертѣться не утопая на поверхности воды въ налитомъ доверху стаканѣ,—это, признаюсь, такой фокусъ, объяснить который я не берусь, хотя все мы видѣли его своими глазами. При этомъ вода въ пустой и самый обыкновенный стеклянный стаканъ наливалась при насъ же, и никакого обмана тутъ не было. Мы видѣли, какъ вертящійся волчокъ, съ помощью все той же подводимой подѣ него карты, былъ, пере-

Киото и озеро Бива.

носимъ на ней на края стакана, какъ послѣ этого карта осторожно вынималась изъ-подъ волчка, и онъ продолжалъ на водѣ свое безостановочное движеніе. Не менѣе любопытнѣе опытъ глотанія сабель. Жонглеръ беретъ отточенную какъ бритва японскую саблю, представивъ предварительно всѣмъ желающимъ убѣдиться самолично какъ въ ея остротѣ, такъ и въ томъ что въ ней не заключается ничего особеннаго; затѣмъ онъ запрокидываетъ голову и вонзаетъ въ себя черезъ ротъ клинокъ до половины, вводя его въ область пищевода. Какимъ образомъ ухитряется онъ при этомъ не порѣзать себѣ внутренности, я уже не понимаю. Но самый изысканный изъ фокусовъ, это игра съ бабочками. Фокусникъ на глазахъ у публики вырѣзываетъ ножницами изъ вдвое сложенной бумажки двухъ бабочекъ-махаоновъ, сгибаетъ нѣсколько ихъ крылышки и кладетъ обѣихъ на свой распушенный вѣеръ, затѣмъ, подбросивъ ихъ на воздухъ, онъ начинаетъ слегка помахивать вѣеромъ мелкими и частыми машками, и бабочки вдругъ становятся какъ бы живыми. Это доходитъ до полной иллюзіи. Онѣ выкупаются и трепещутъ въ воздухѣ, игриво преслѣдуютъ и перегоняютъ одна другую, какъ два влюбленные мотылька, соединяются вмѣстѣ и вновь разлетаются, то взвиваются высоко вверхъ, то спускаются на вѣеръ садятся на плечо, на подставленную ладонь жонглера и всползаютъ, какъ бы отдыхая, по его указательному пальцу, то снова вспорхнутъ и перелетятъ на горшокъ съ живыми розами, рѣютъ надъ ними, присаживаются на ленточки и, наконецъ, вьются и кружатся, совсемъ улетаютъ со сцены. Это необыкновенно граціозный и красивый фокусъ, который вполне вознаграждаетъ насъ за неприятное впечатлѣніе, оставленное зрѣлищемъ глотанія сабли. Отъ фокусниковъ провели насъ въ комическій театръ бытовыхъ сценъ и комедій, гдѣ мы нашли игру вполне реальную, естественную и веселую; музыка играла только въ антрактахъ, или въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ дѣйствіе происходитъ безъ рѣчей, но реплики актеровъ не сопровождалась ею. За ложу мы заплатили 47 центовъ, а въ другихъ театрахъ брали съ насъ только за входъ по одному центу съ человѣка. Это уже просто баснословная дешевизна, и потому не мудрено, что здѣшніе театры вѣчно биткомъ набиты, и представленія продолжаются въ нихъ чуть не цѣлыя сутки. Вообще театры, рестораны, всѣ увеселительныя мѣста остаются здѣсь открытыми всю ночь, до разсвѣта.

Кири-госе, древнѣйшій дворецъ японскихъ императоровъ.—Его мѣстоположеніе и три ограды.—*Хири-гомонъ* или „Врата Солнца“ и прочія ворота.—„Почетный дворъ“.—*Сир-и-отемъ*, тронная зала.—Хранилище государственныхъ реликвій.—*Кюгосю*, приемная аудіенцъ-зала для удѣльных князей.—*Она-кумонъ*, личный кабинетъ и библіотека микадо.—Ея литературныя сокровища.—*Дзун-и-отемъ*, половина микадессы.—„Академія Цвѣточныхъ Игръ“.—Обстановка апартаментовъ микадессы.—*Нори-и-отемъ*, купальный павильонъ.—*О-нива*, главный дворцовый садъ.—Общій характеръ дворца и его обстановки.—Бронзовая статуя Тори-каме.—Киотскіе магазины шелковыхъ издѣлій.—Устойчивость японскихъ модъ.—Киотскіе парчи, крепы, атласы и прочія шелковыя матеріи.—Ихъ цѣны.—*Кю-инкуба*, постоянная выставка и базаръ киотскихъ издѣлій.—Особенности киотскаго творчества и вкуса въ этихъ издѣліяхъ.—Металлургическое дѣло и его секреты.—Стремленіе къ промышленной независимости.—Образцы японской лирики.—Одна изъ легендъ о поэтѣсѣ Онанэ Комачъ.—Образцы народныхъ пѣсенъ.—Повѣдка къ озеру Бива.—Путь отъ Киото до Отсу.—Гора розовыхъ азалій.—Нѣчто объ элементахъ японскаго языка по поводу станціи „Баба“.—Городокъ Исиба.—Гора и храмъ *Иси-яма*.—*Найга-ми* или „Длинный мостъ“.—Чайныя плантаціи.—Городъ Отсу или Огацъ и его мѣстоположеніе.—Вулканъ *Ибукъ-яма*, японскій „Адъ“.—Презній и нынѣшній каботажъ на озерѣ.—Культура шелководныхъ червей и ея барыши.—Гора *Ией-санъ* и монастырь *Мицдера*.—Озеро Бива и его легенда. Отвоеваніе земли для культуры отъ озера.—Межевые знаки. Шоссе, мосты и оросительныя каналы.—Довольство жителей.—Историческая сосна *Кара-аки* и ея легенда.—Японское стихотвореніе о достопримѣчательностяхъ Бивы.—Отъѣздъ въ Кообе.

23-го мая.

Сегодня поднялись мы рано, потому что намъ предстояло еще осмотрѣть дворецъ микадо, постоянную выставку (она же и базаръ) предметовъ мѣстной промышленности, нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ магазиновъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій и, наконецъ, совершить поѣздку по желѣзной дорогѣ въ глубь страны, къ знаменитому озеру Бива.

Кири-госе—такъ называется дворецъ микадо—находится въ сѣверо-восточной части города и занимаетъ весьма значительное пространство. *Кири* значитъ «недоступное мѣсто», въ нѣкоторомъ родѣ святая святыхъ, и таковыиъ оно остается и до сихъ поръ не только для европейцевъ (не запасшихся особымъ разрѣшеніемъ), но и для японцевъ, не принадлежащихъ къ числу высшаго чиновничества и дворянства. Кири-госе со своей внѣшней, соприкасающейся съ городомъ стороны, не представляетъ ничего особеннаго. Это просто огромный параллелограмъ, простирающійся въ длину на 440 и въ ширину на 200 сажень, обнесенный оградой, состоящей изъ тесаного каменнаго цоколя, на которомъ возведенъ нѣсколько покатыиъ деревянный заборъ, покрытый па всемъ своемъ протяженіи узенькой двускат-

ной кровелькой из аспидно-сѣрой трубчатой черепицы. За первой или внѣшней оградой открывается, отступя въ глубь двора, вторая, а за второго третья, и всѣ онѣ совершенно одинаковаго устройства. Въ первой изъ нихъ продѣланы семь открытыхъ проѣздовъ и семь воротъ, изъ конхъ шесть покрыты навѣсами, а седьмая—обыкновенное торіе; итого четырнадцать входовъ. Вторая ограда носитъ названіе «ограды девяти воротъ», а третья—«ограды шести воротъ». Въ первой находятся жилища низшихъ придворныхъ чиновъ и дворцовыхъ служителей; во второй—жилища кунгайевъ или высшихъ чиновъ придворной аристократіи, ютящихся подъ сѣнью громадныхъ плакучихъ ивъ и похожія на *яски* тоокійскихъ даймю, только значительно меньшихъ размѣровъ. Около нихъ разведены садики со всѣми японскими затѣями. Самый дворецъ Го-се или Го-одсё находится внутри «ограды шести воротъ» и тамъ же собственный или семейный садъ микадо. Ворота послѣдней ограды слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: на востокъ выходятъ Солнечныя и Садовыя, на сѣверъ—ворота Кизаки или женъ микадо, на западъ—Кухонныя и Чиновничьи и на югъ—Полуденныя. Всѣ онѣ напоминаютъ собой храмовыя портики съ массивными, прихотливо-изогнутыми навѣсами, украшенными фигурной рѣзбой и остатками позолоты; но ни лаку, ни живописи въ нихъ не допускается. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли однѣ лишь Полуденныя ворота, которыя еще въ концѣ IX вѣка были разрисованы знаменитымъ живописцемъ и поэтомъ того времени Козе Канаоко, украсившимъ ихъ картинами историческаго содержанія. Восточныя ворота, Хино-гомонъ (собственно, ворота Солнца)—считаются парадными. Фронтонъ ихъ украшенъ подъ дугообразной аркой навѣса изображеніемъ солнца, окруженнаго знаками китайскаго зодіака, гдѣ, среди разныхъ завитковъ, арабесокъ и вырѣзанныхъ изъ дерева струистыхъ облаковъ, мы видимъ Мышь (*Нэ*), Быка (*Уси*), Тигра (*Тора*), Зайца (*У*), Дракона (*Татсэ*), Змѣю (*Хеби*), Лошадь (*Мума*), Козла (*Осуно-мен-йюо*), Обезьяну (*Сару*), Пѣтуха (*Ниватори*), Пса (*Ину*) и Кабана (*И*).

И такъ, вотъ то «недоступное мѣсто», гдѣ нѣкогда жилъ микадо скромнѣе любого своего удѣльнаго князя... Прошелъ цѣлый рядъ вѣковъ и поколѣній, но здѣсь ничто не измѣнилось,—по крайней мѣрѣ, насъ увѣряютъ, что все остается рѣшительно на томъ же самомъ мѣстѣ и въ томъ же самомъ видѣ, какъ было въ IX и X вѣкахъ и даже раньше. Отдѣльные части зданій, конечно, подновлялись, подгнившее дерево замѣнялось новымъ, чинились полы и крыши, освѣжалась порой окраска и штукатурка, но ни въ характерѣ, ни въ планѣ, ни въ рисункѣ зданій ни на югу не было допущено отступленія отъ первоначальнаго об-

разца. Даже циновки, устилающія полы, сохраняютъ тѣ самые размѣры и тотъ же узоръ, какія онѣ имѣли въ XII столѣтіи. И такъ, вступая подъ сѣнь Хино-гомона, мы смѣло можемъ перенестись за тысячу лѣтъ назадъ и вообразить себя въ X вѣкѣ нашей эры. Какая сѣдая старина, какая почтенная древность!.. За «воротами Солнца» лежитъ большой «Почетный дворъ», окруженный крытой галлереей, окрашенной въ бѣлый цвѣтъ съ темно-красными каймами. Въ глубинѣ двора, какъ разъ противъ воротъ, возвышается одинокое продолговатое зданіе подъ массивной широкополой кровлей. Полъ его приподнятъ отъ земли фута на три и держится на бревенчатыхъ брускахъ, упирающихся въ гранитныя плиты низкаго (не болѣе пяти вершковъ) фундамента. Двѣ симметричныя лѣсенки въ пять ступеней ведутъ на наружную галлереею этого зданія окаймленную легкими перилами. Между лѣсенками, нѣсколько ближе къ лѣвой изъ нихъ, растетъ въ рѣшетчатой оградкѣ молодое деревцо,—кажется, вишня, и проводники наши увѣряютъ, будто оно «само выросло» въ этомъ мѣстѣ, не будучи никѣмъ посажено. Верхняя половина передней стѣны затянута бумажными ширмами въ деревянныхъ рамахъ, а нижняя совершенно открыта, и только нѣсколько экрановъ съ обонхъ боковъ отчасти заграждаютъ внутренность залы. Это *Сери-готенъ* или тронная зала, гдѣ императоры принимали визиты сегуновъ и давали иногда аудіенціи посламъ чужестранныхъ державъ. Въ старые годы сюда вводили на поклонъ голландскихъ резидентовъ Децимской факторіи и здѣсь же былъ въ послѣдній разъ принятъ, въ мартѣ 1866 года, англійскій посолъ сэръ Генри Парксъ. Съ тѣхъ поръ Сери-готенъ не видѣлъ болѣе въ своихъ стѣнахъ подобныхъ пріемовъ. Въ 1852 году онъ былъ реставрированъ, а нынѣ завелось въ немъ даже и нѣкоторое новшество,—именно, на внутренней стѣнѣ, какъ разъ противъ входа повѣшены въ овальныхъ золоченыхъ рамахъ съ коронами портреты нынѣшняго микадо и его супруги, писанные европейской кистью. Императоръ изображенъ въ общегенеральскомъ японскомъ мундирѣ, а микадесса въ національно-придворномъ костюмѣ. Что себѣ думаетъ Камо, великій духъ-охранитель, глядя со своей священной горы на такое нарушеніе тысячелѣтнихъ установленій!..

Древній этикетъ Даири не допускалъ никакой бросающейся въ глаза пышности во внѣшней обстановкѣ жилища микадо, который всегда обязанъ подражать первобытной простотѣ своихъ высокихъ прародителей. Тѣмъ не менѣе, эта простота стоитъ очень дорого и въ ней есть великая роскошь, только роскошь, совершенно своеобразная. Такъ, напримѣръ, колонны, балки, полы и перила сдѣланы изъ цѣльнаго дерева драгоцѣннѣйшихъ сортовъ; на нихъ

нѣтъ ни красокъ, ни лаку,—все оставлено въ своемъ естественномъ видѣ, но на этихъ огромныхъ кипарисовыхъ и кедровыхъ балкахъ нѣтъ ни малѣйшаго сучка.—Извольте-ка отыскать дерево, которое удовлетворяло бы такому, почти невозможному условію и тогда вы поймете чего стоитъ каждая подобная балка! Кромѣ того, роскошь выражается въ изящной чеканной работѣ и отдѣлкѣ бронзовыхъ скобъ, болтовъ, гаекъ и наконечниковъ, коими скрѣпляются разныя деревянные части этого зданія. Тутъ же, по близости, находится особое помѣщеніе, гдѣ хранились государственныя реликвіи, нынѣ перевезенныя въ Тоокіо. Эти древнѣйшіе знаки верховной власти состоятъ изъ металлическаго зеркала Изанаміи, прародительницы японской династіи, меча героя Ямато, кедроваго опахала, замѣняющаго скипетръ, и древнихъ знаменъ Цинму, похожихъ на бунчуки, съ той разницей, что вмѣсто конскихъ хвостовъ, на нихъ развѣваются пышныя пучки длинныхъ бумажныхъ лентъ. Всѣ эти реликвіи уже болѣе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ переходятъ отъ одного микадо къ другому.

Затѣмъ, насъ привели въ *Когосхо*, приемную даймію, которая выходитъ во внутренній садъ. Здѣсь давались специально аудіенціи кунгайямъ и удѣльнымъ князьямъ, періодически являвшимся на поклоненіе микадо. Зала Когосхо, по мѣрѣ удаленія своего въ глубину, дѣлаетъ три уступа, каждый на одну ступень выше предыдущаго. На первомъ, ближайшемъ къ наружной площадкѣ, помѣщались при парадныхъ аудіенціяхъ младшіе чины двора, на второмъ — князья второстепеннаго ранга, на третьемъ — высшіе даймію и кунгайи. Выше третьяго уступа находится еще одно возвышеніе — фута въ три, въ родѣ концертной эстрады. Надъ нимъ, изъ-за высокихъ боковыхъ ширмъ, напоминающихъ кулпсы, опущена во всю высоту комнаты широкая зеленая штора, собранная изъ длинныхъ и тоненькихъ бамбуковыхъ слицъ. За этой-то шторой и помѣщался микадо во время аудіенцій, и когда онъ усаживался на свое мѣсто, окутанный пышными тканями широчайшихъ одеждъ, штора медленно поднималась до высоты его груди, но такъ, что лицо «Внука Солнца» все-таки оставалось невидимымъ для простыхъ смертныхъ; самъ же онъ могъ созерцать ихъ, какъ чрезъ вуаль, изъ-за сквозящей шторы.

Послѣ Когосхо, намъ было показано *Ога-Кумоншію*, — бібліотека и кабинетъ микадо. Въ этой бібліотекѣ, по словамъ нашихъ путеводителей, собраны были истинныя сокровища древнѣйшей письменности Китая и Японіи, частью перевезенныя нынѣ въ императорскую бібліотеку въ Тоокіо. Книгохранилище Ога-Кумоншію начало создаваться еще въ VII вѣкѣ. Въ особенности цѣнные вклады были сдѣланы въ

него императоромъ-поэтомъ Тенцитенъ-воо (39-й микадо, во второй половинѣ VII столѣтія). Будучи самъ замѣчательнымъ писателемъ и стилистомъ, онъ старался очистить и облагородить свой національный языкъ и съ этой цѣлью учредилъ академію и много школъ, введя въ нихъ обязательное преподаваніе японской литературы и стилистики. За услуги, оказанныя имъ въ этомъ отношеніи, японскіе языковѣдцы и критики поставили его во главѣ ста поэтовъ древняго Ямато ¹⁾. Тенцитенъ-воо обогатилъ свою бібліотеку, сверхъ собственныхъ сочиненій, еще капитальнѣйшими произведеніями его времени, каковы «Всеобщая Энциклопедія» по части наукъ, поэзіи и техническихъ знаній, составленная по китайскимъ образцамъ, «*Ниппонъ-Ки*» или «Государственная Лѣтопись», «*Фу-Ту-Ки*» — статистическое географическое и этнографическое описаніе всѣхъ провинцій тогдашней Японіи, «*Коин-Ки*» — сочиненіе по части археологіи страны, «*Даири-Ки*» — книга обычаевъ и установленій императорскаго двора и, наконецъ, сборникъ китайскихъ стихотвореній, присланный Сыномъ Неба Внуку Солнца въ 815 году, съ особымъ посольствомъ, во вниманіе къ успѣхамъ Японіи по части литературы и утонченности нравовъ. Рукописные свитки хранятся, каждый особю, въ продолговатыхъ ящикахъ изъ сосноваго дерева, съ плотно прилаженными крышками. Каждый такой ящикъ перевязанъ шелковымъ шнуркомъ съ кисточками и снабженъ надписью, обозначающей названіе сочиненія и его вумеръ по каталогу. Сочиненія же, изданныя обыкновенными князьями и брошюрами, сохраняются въ папковыхъ футлярахъ, замѣняющихъ имъ обложку.

Затѣмъ, насъ провели на половину *кизаки*, то-есть микадессы, называемую *Цуне-отень*. Она отдѣлена отъ половины микадо стѣной и выходитъ въ прелестный садъ, клумбы котораго наполнены разнообразными и красивѣйшими цвѣтами. Именно здѣсь процвѣтала вѣкомъ знаменитая въ своемъ родѣ «Академія Цвѣточныхъ Игръ», коей предсѣдательницей была самая кизаки, а членами — остальныя двѣнадцать женъ императора и весь высшій придворный штатъ императрицы. Въ извѣстные дни члены собирались по особому приглашенію въ этомъ саду, куда приглашались также извѣстные поэты, писатели, ученые, а равно и сановники императора. Подавалось роскошное угощеніе и предсѣдательница объявляла какую-нибудь тему для словеснаго турнира. Сначала шли темы отвлеченныя, нѣсколько серьезные, а затѣмъ легкія, веселыя. Кто, напри- мѣръ, расскажетъ наиболѣе забавный анекдотъ, кто придумаетъ наиболѣе замысловатую за-

¹⁾ Такъ называется нарѣчіе провинціи Ямато, почитающееся классическимъ языкомъ старой Японіи.

гадку, шараду, остроумную шутку, или напишет экспромтом стихотворение на лирическую тему. Стихи и шарады обыкновенно писались на распушенном вѣтерѣ, который нарочно для этой цѣли дѣлался изъ гладко отшлифованнаго кипарисоваго дерева, безъ лаку. Затѣмъ художники украшали такіе вѣера какимъ-нибудь легкимъ акварельнымъ рисункомъ, въ родѣ сливовой вѣтви, плюща, бабочки и т. п., послѣ чего они поступали въ академическій архивъ или музей. Вмѣстѣ съ литературными турнирами проходили тутъ и музыкальныя состязанія придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Кромѣ того, при дворѣ состояли струнная капелла, балетная и драматическая труппы, циркъ бойцовъ, гимнастовъ и жонглеровъ и, наконецъ, особымъ родомъ потѣхи были еще пѣтушій бой, — одинъ изъ древнѣйшихъ и любимѣйшихъ sportsъ Японіи.

Обстановка на полонинѣ кизаки роскошна. Тамъ повсюду царитъ мягкій полусвѣтъ; нога не слышно ступаетъ по нѣжнѣйшимъ мягкимъ циновкамъ; парчевыя и шелковыя драпировки, съ вышитыми на нихъ цвѣтами, драконами и райскими птицами, мѣстами спускаются съ потолка надъ двернымъ проходомъ или альковомъ; кое-гдѣ видны фарфоровыя вазы, какая-нибудь лаковая этажерка, поставецъ или низенькій столикъ, но все это въ очень умѣренномъ количествѣ какъ бы нарочно для того, чтобы взглядъ посѣтителя, не разсѣвался по сторонамъ, могъ сосредоточиться исключительно на одной или двухъ, наиболѣе достойныхъ вниманія изящныхъ вещицахъ. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ вся прежняя обстановка Цуне-готена была перевезена отсюда въ Токио, послѣ чего апартаменты микадессы нѣкоторое время представляли собою лишь голыя стѣны; но затѣмъ, когда со стороны микадо послѣдовало разрѣшеніе допускать въ исключительныхъ случаяхъ нѣкоторыхъ европейцевъ къ обзорѣннѣ Кири-госе, убранство Цуне-готено было восстановлено, по возможности, въ прежнемъ видѣ.

Тутъ же, по близости, находится *Нори-готенъ*, — павильонъ, куда микадо обыкновенно приходилъ отдыхать послѣ ванны. Это небольшое помѣщеніе выходитъ въ прелестный садикъ и отличается своими нѣжными, мягкими циновками, таинственнымъ полусвѣтомъ, проникающимъ сюда изъ-за экрановъ и спущенныхъ шторъ, и легкой, пріятною прохладой, то-есть всѣми условіями японскаго комфорта для сладкаго забытія и мечтательныхъ грезъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Нори-готена бѣлѣетъ среди цвѣтовъ и зелени садика четырехъ-угольное каменное зданіе ванны, облицованной снаружи блестящимъ цементомъ. Ванна приспособлена какъ для горячихъ, такъ и для прохладныхъ купаній и замѣчательна особою системою вентиляціи, устроенной внизу

надъ самымъ фундаментомъ, такимъ образомъ, чтобы токъ свободнаго воздуха освѣжалъ во время лѣтняго зноя все помѣщеніе, не дѣлая сквозного вѣтра. У стѣны ванны протекаетъ кристально чистый ручеекъ, вода котораго, въ случаѣ надобности, наполняетъ ея резервуаръ.

Отсюда провели насъ въ *О-нива*, или главный дворцовый садъ. Онъ невеликъ, въ сравненіи не только съ сегунскими парками въ Токио, но и съ нѣкоторыми изъ частныхъ тоокійскихъ садовъ при дворцахъ бывшихъ феодаловъ. Съ западной стороны *О-нива* примыкаетъ къ «оградѣ шести воротъ», съ восточной — къ жилымъ покоямъ микадо и микадессы, а съ сѣверной и южной сторонъ его заполняютъ рощи красивыхъ деревьевъ, между которыми не мало фруктовыхъ. Вся средняя и при томъ главная часть сада занята озеркомъ съ прихотливо извилистыми берегами, гдѣ, по обыкновенію, сгруппированы всѣ особенности и вся прелесть японской садовой культуры, въ видѣ мшистыхъ и мхозростыхъ камней, крошечнаго островка съ маленькими сосенками и нѣсколькихъ причудливыхъ мостиковъ, изъ коихъ одинъ извилистый, другой изсѣченъ изъ мрамора, а третій рѣзной деревянный. Озерко мѣстами красиво подернулось плавучею растительностью, среди которой виднѣются чашечки лотоса, кувшинокъ и водяныхъ лилій. Въ сравненіи съ роскошью сегунскихъ дворцовъ, все это очень скромно и содержится въ довольно запущенномъ видѣ; но послѣднее отнюдь не вредитъ общему впечатлѣнію; — напротивъ, эта запущенность придаетъ саду японскихъ владѣтелей нѣсколько грустную, но очень поэтическую прелесть въ особенности когда вспомнишь, сколько вѣговъ тутъ прожито...

Вообще, во всей обстановкѣ дворца нѣтъ ничего яркаго, поражающаго, кричащаго о своемъ великолѣпіи. Скромность и простота, — вотъ самыя характерныя стороны жилища прежнихъ «Внуковъ Солнца». Весь дворецъ состоитъ изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ построекъ или залъ, которыя можно бы скорѣе назвать балаганами. Единственная роскошь ихъ, какъ уже сказано, заключается въ драгоценныхъ сортахъ кедроваго дерева безъ сучка и задоринки. Всѣ эти постройки соединены между собою закрытыми галлереями или коридорами и, по архитектурной своей внѣшности, носятъ характеръ синтоскихъ мѣа, только безъ рогуль и веретенообразныхъ вальковъ на гребнѣ высокихъ нахлобученныхъ кровель съ широко и полого выступающими нижними краями. Между этими постройками и ихъ соединительными коридорами находятся нѣсколько внутреннихъ дворовъ и дворишковъ разной величины и, по большей части, квадратной формы, обрамленныхъ открытыми галлереями и усадебныхъ, крупно зернистымъ гальковымъ пе-

скомъ, камешки котораго, по мѣсту ихъ присутствія въ семь священномъ обиталищѣ, какъ увѣряютъ, почитаются иными вѣрующими людьми за талисманы отъ зубной боли и иныхъ болѣзней. Въ одномъ изъ дворовъ находится, такъ называемая, *Торикаме*, бронзовая статуя (вѣроятно, курильница) болѣе двухъ аршинъ высоты, изображающая птицу Фоо, въ смыслѣ эмблемы вѣчнаго счастья. Хотя Торикамѣ не отличается тонкостью работы, но она замѣчательна какъ одно изъ древнѣйшихъ произведеній кіотскаго искусства. На ней окончились всѣ показанныя намъ достопримѣчательности Кинригосе, и мы распростаясь съ его интендантомъ, поѣхали въ торговую часть города, взглянуть на магазины шелковыхъ матерій, которыми славится Кіото.

Магазины эти находятся въ центральныхъ кварталахъ; ихъ тутъ нѣсколько, но всѣ они не велики, особенно въ сравненіи съ тоокійскими магазинами фирмы Мицсуйя. Намъ подвезли къ одному изъ нихъ, на углу двухъ улицъ. Раздвижныя рамы и ставни обихъ переднихъ стѣнъ его были убраны и потому вся его внутренность, какъ на ладони, открылась передъ нами еще съ улицы. Это магазинъ совсѣмъ японскій, такъ сказать старосвѣтскій, безъ малѣйшей примѣси какой бы то ни было европейщины въ своей обстановкѣ. Самъ хозяинъ и всѣ прикащики ходятъ въ киримонахъ, а мальчишки-*бойи* ¹⁾ и совсѣмъ нагишомъ, но причинѣ жаркаго времени, — одно только длинное полотенце (*фундуши*), приличія ради, перетягивало ихъ бедра. Вдоль обихъ заднихъ стѣнъ, отъ пола до потолка, тянулись кѣтки деревянныхъ полокъ наполненные свертками разныхъ матерій. Намъ острѣгли очень любезно и пригласили садиться, то-есть опуститься на полъ, покрытый безукоризненно чистыми пыновками. Тотчасъ же явились неизбѣжный *табакобонъ съ кизеру* ²⁾ и угощеніе чаемъ, причемъ самъ хозяинъ, опустившись передъ нами, для большаго удобства, на колѣни, любезно заявилъ черезъ переводчика, что онъ весь къ нашимъ услугамъ и благодарить за честь, оказанную его магазину. Вслѣдъ затѣмъ, по мановенію его бровей, двое расторопныхъ *банто* (прикащики) быстро наложили вокругъ его цѣлую груду матерчатыхъ свертковъ съ разныхъ полокъ, чтобы дать намъ понятіе объ обширномъ и разнообразномъ выборѣ своихъ товаровъ. Каждый свертокъ былъ тщательно обернутъ сперва тонкимъ клякопапиромъ, а затѣмъ, снаружи, непромокаемою бумагой въ родѣ пер-

гамента. Столы и прилавки здѣсь еще не привились и потому торговцы раскладываютъ и развѣртываютъ товаръ передъ покупателемъ прямо на полу. Дѣломъ этимъ занялись двое *банто*, а самъ *акиндо* (купецъ, хозяинъ) только хваливалъ и объяснялъ достоинства своихъ товаровъ, но все это очень умѣренно, съ чувствомъ такта и собственного достоинства. Когда онъ замѣчалъ, что намъ понравилась та или другая вещь, это доставляло ему видимое удовольствіе и на лицѣ его отражалось чувство удовлетворенія.

Здѣсь продаются только японскія матеріи и притомъ исключительно кіотскаго производства. Кіото издавна славится своими шелковыми издѣліями, между которыми парчевыя камки (*сая*), бархаты (*биродо*) и крепы (*ро*) занимаютъ первое мѣсто. Говорятъ, будто въ прежнее время шелкоткацкимъ и вышивальнымъ дѣломъ не брезгали даже высшіе придворные чины и представители самой родовой кіотской аристократіи. Одни занимались имъ изъ любви къ искусству, другіе — по нуждѣ, такъ какъ скромное содержаніе изъ ограниченныхъ средствъ миакдо не восполняло ихъ семейныхъ потребностей, и вотъ ихъ-то вкусу и артистической дѣятельности многія матеріи обязаны своимъ рисункомъ и подборомъ красокъ. Мода въ Японіи несравненно болѣе устойчива, чѣмъ въ Европѣ, а потому та или другая особенность какой-либо матеріи, или ея изящный узоръ, пришедшійся по вкусу потребителямъ, надолго переживаютъ своего изобрѣтателя, передаваясь въ семьяхъ ткачей изъ поколѣній въ поколѣнія. Изъ этого, однако, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы Японія довольствовалась исключительно старыми образцами, — нѣтъ, изобрѣтательность и вкусы ея ткачей не ослабѣваютъ и нынѣ, но эта изобрѣтательность не вытѣсняетъ съ рынка и матерій, сотканыхъ по стариннымъ рисункамъ, если эти послѣдніе дѣйствительно хороши и изящны. Благодаря устойчивости моды, здѣсь нерѣдко богатые парадные киримоны послѣдовательно переходятъ по наслѣдству отъ бабушекъ ко внучкамъ и правнучкамъ, и эти правнучки щеголяютъ въ нихъ по большимъ праздникамъ совершенно такъ же, какъ нѣкогда щеголяли ихъ прабабушки, давно уже покоящіяся на семейномъ кладбищѣ.

Производство тутъ исключительно ручное и станокъ самаго простѣйшаго устройства; но тѣмъ-то и замѣчательны эти издѣлія, что вся чистота и тонкость ихъ выдѣлки достигаются при помощи самыхъ простыхъ, самыхъ бѣдныхъ средствъ и почти первобытныхъ приспособленій. Въ каждомъ кускѣ такой матеріи вы видите творческую руку, чувствуете, такъ сказать, душу ея производителя, то есть именно то, чего, при всей роскоши матеріала и

¹⁾ Англійское *boy*, въ смыслѣ нашего *мальч.* *молодцы* (относительно прислуги) вошедшее въ употребленіе во всѣхъ языкахъ крайняго Востока.

²⁾ Приборъ для куренія съ крошечными металлическими трубками.

богатствъ техническихъ средствъ, такъ часто не хватаетъ европейскому машинному производству, — потому что оно машинное.

Японскія парчи составляютъ совершенно самостоятельную отрасль ткацкаго производства; онѣ не похожи ни на индійскія, ни на русскія издѣлія этого рода. Узоръ ихъ менѣе шаблоненъ, иногда менѣе симметриченъ и правиленъ, чѣмъ нашъ и индійскій, — мастеръ тутъ предоставляетъ болѣе простора своей богатой, а иногда и очень сложной фантазіи. Здѣсь мы нашли одинъ сортъ парчи, подобный которому видѣли до сего раза только въ двухъ случаяхъ: на столовой скатерти въ подевропейской приемной тоокійскаго императорскаго дворца и на парадной попонѣ верховой лошади микадо; но въ точности описать ея роскошный и затѣйливый узоръ, съ какими то сложными кругами, травами и зигзагами, рѣшительно нѣтъ возможности: это какое-то неуловимое, но очень пріятное для глаза сочетаніе золота, серебра, пурпура, кобальта, фіолета и зелени въ самыхъ разнообразныхъ отбѣнкахъ и переливахъ. Второй сортъ парчи представляетъ сочетаніе ткацкаго искусства съ вышивальнымъ. Тутъ отчасти вытканы, а отчасти вышиты цвѣтными шелками довольно крупныя изображенія священныхъ драконовъ, летящихъ голубей, охорашивающихся пѣтуховъ и фазановъ, гривохвостыхъ черепахъ, морскихъ медузъ или рыбъ, разныхъ цвѣтовъ, вѣтвей сосновыхъ или сливовыхъ и т. п. Въ рисункахъ этого рода шаблонная симметрия почти всегда отсутствуетъ; мастеръ заботится тутъ лишь объ общемъ художественномъ впечатлѣніи своего рисунка и въ особенности о тщательномъ выполненіи отдѣльныхъ предметныхъ или животныхъ изображеній, которые могутъ и не повторяться въ одномъ и томъ же кускѣ матеріи, а ежели и повторяются, то почти всегда какъ-нибудь иначе, въ другомъ положеніи, представляя собою тѣ или другіе варианты первоначальнаго мотива, но никакъ не точное его воспроизведеніе. Такія матеріи, къ числу которыхъ относятся и нѣкоторые сорта креповъ, употребляются преимущественно на театральные костюмы для героическихъ или фантастическихъ пьесъ, и на парадные кимоно для самыхъ шикарныхъ куртизанокъ. Третій сорта отчасти напоминаютъ нашъ старинный одноцвѣтный штоффъ, гдѣ узоръ выдѣляется лоснящимися контурами на матовомъ фонѣ, или наоборотъ. Такими узорами обыкновенно служатъ различныя сочетанія кружковъ, параллелограммовъ, ромбовъ, треугольниковъ, квадратиковъ, или травъ и цвѣтовъ съ разными фантастическими завитками, или же наконецъ подобія водяныхъ струй и облаковъ. Въ этихъ сортахъ преобладаютъ темные колера: черный, индиго, сепія и т. п., и вотъ, по такому-то фону разбраса-

ны кое-гдѣ, но при соблюденіи извѣстной правильности и соразмѣрности, особые небольшіе узоры, затканные серебромъ или золотомъ. Такіе сорта полупарчевыхъ матерій особенно облюбили проживающіе въ Японіи европейцы, употребляя ихъ для обивки мягкой мебели въ своихъ парадныхъ гостиныхъ, и дѣйствительно, лучшаго употребленія для подобныхъ тканей нельзя было и придумать. Иногда золотая или серебряная битъ, въ разрѣженную перемежку съ шелковыми прядками, проходитъ силою черезъ весь кусокъ матеріи, какъ ея фонъ, или же въ составѣ мелкаго узора, и это уже низшій сортъ золототканыхъ матерій, употребляемый преимущественно на обтяжку домашнихъ ширмъ и экрановъ, на оклейку книжныхъ переплетовъ, футляровъ, бордюровъ на образахъ и картинахъ въ свиткахъ и т. п.

Перехожу къ креповымъ тканямъ (*crêpe de Japon*). На мой взглядъ, японскіе крепы, по добротности и мастерству выдѣлки, не уступаютъ китайскимъ, хотя иные знатоки и считаютъ ихъ — не знаю почему — ниже послѣднихъ. По виду, тѣ и другіе одинаковы и выдѣлываются одинаковымъ же способомъ. Здѣсь они бываютъ двухъ сортовъ: набойчатые и ординарные. На первыхъ, прежде окраски фона набиваются какіе-либо рисунки или узоры, тѣмъ же способомъ какъ и на ситцахъ, и къ этимъ рисункамъ, мѣстами, прибавляется иногда вышивка шелками или золотою битью, въ особенности если это будутъ цвѣты, или птички, или яркія бабочки; вторые же не имѣютъ рисунка и всегда получаютъ однотонную окраску, въ которой преобладаютъ свѣтлые цвѣта, отъ самыхъ яркихъ, до самыхъ блѣдныхъ и притомъ необыкновенно нѣжнаго тона. Крепъ этого послѣдняго сорта вывозится и въ Европу, гдѣ, впрочемъ, онъ извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ китайскаго (*crêpe de Chine*).

Наконецъ, намъ были показаны японскій атласъ (*шюсу и нумэ*) и нѣсколько сортовъ матерій въ родѣ европейскаго фая, рипса и фулира. Тутъ окраска уже самая разнообразная, начиная отъ самыхъ темныхъ и кончая самыми свѣтлыми цвѣтами. Впрочемъ, преобладающими являются средніе тона. На нѣкоторыхъ изъ матерій этихъ сортовъ есть и рисунки, какъ набивные, такъ и затканые; сюжетами ихъ обыкновенно служатъ японскіе человѣчки, жучки, бабочки, летящіе гуси и т. п. Цѣны вообще очень умѣренны: отъ 8-ми до 20-ти іенъ за кусокъ около 15-ти аршинъ. Матеріи, затканныя золотомъ, цѣнятся дороже, а именно отъ 20-ти до 60-ти іенъ; парчи же, сравнительно, очень цѣнны: есть куски до 200 іенъ и болѣе; но, принимая во вниманіе роскошь и замѣчательную искусственность выдѣлки высшихъ сортовъ этого рода, нельзя не сказать, что даже и такія цѣны не особенно

высоки,—онѣ только соотвѣтственны затраченному труду и матеріалу.

Послѣ шелковыхъ магазиновъ, посѣтили мы *Кванкуба* — постоянную выставку специально кіотскихъ издѣлій, которая въ то же время служитъ и базаромъ, гдѣ всѣ эти *articles de Kyoto* покупаются по цѣнѣ самой сходной. Входъ бесплатный. Кванкуба находится среди прекраснаго городского сада, полного разныхъ лавочекъ и ятокъ, мелкихъ ресторанчиковъ и чайныхъ домовъ, безпритязательно уютящихся подъ сѣнью роскошно разросшихся японскихъ кленовъ, гигантскихъ криптомерій, камфарныхъ, перечныхъ и иныхъ старорослыхъ деревьевъ весьма значительной высоты и почтеннаго объема. Съ утра уже народу здѣсь пропасть; повсюду самое оживленное и веселое движеніе. Много красивыхъ женщинъ, еще болѣе прелестныхъ дѣтей. Все это слушать по выставкѣ и по аллеямъ сада, закусываетъ, пьетъ чай и съ дѣтски простодушнымъ удовольствіемъ любопытно разсматриваетъ выставленные предметы, или толпится предъ ходячими діорамами, фокусниками и рассказчиками народныхъ сказокъ.

Выставка сгруппирована по отдѣламъ и помѣщается въ нѣсколькихъ деревянныхъ баракахъ, соединенныхъ проходными коридорами и галереями съ главнымъ павильономъ. Я уже описывалъ подобныя учрежденія, говоря о Кванкуба въ Токио и Кюсинкванъ въ Кобе; поэтому нѣтъ надобности повторять знакомое. Скажу только, что кіотская выставка отличается преимущественно изящными издѣліями, имѣющими для Японіи то же значеніе, какъ знаменитые *articles de Paris* для Европы. Превосходныя *cloisonnées* (особенно черной эмали) на мѣди и фарфорѣ, дивныя сальвокаты и вообще лаковыя вещицы, всевозможныя вѣера и зонтики, мозаика и точеныя изъ кости фигурки, фарфоровыя блюда и вазы, оксидированная бронза съ инкрустациями, искусственные цвѣты, куклы и тысячи иныхъ подобнаго рода бездѣлушекъ и солидныхъ *objets de luxe*,—все это заставляетъ посѣтеля жадно разбѣгаться глазами во всѣ стороны и все это носить на себѣ печать кіотскаго вкуса и кіотской традиціи, по которымъ сразу узнаешь произведеніе древней столицы въ числѣ однородныхъ съ нимъ издѣлій, вышедшихъ изъ мастерскихъ иныхъ городовъ и провинцій. Я не скажу, чтобы онѣ были лучше или хуже другихъ издѣлій, хотя бы тоокійскихъ, но на нихъ лежитъ яркая печать своеобразности. Такъ, напримѣръ, въ живописи здѣсь преобладаетъ миниатюра, и это потому, что она была въ большой модѣ при кіотскомъ дворѣ и всегда пользовалась особымъ поощреніемъ со стороны императоровъ. На самомъ доступномъ по цѣнѣ кишарисовомъ или пальмовомъ вѣерѣ вы можете иногда любо-

ваться здѣсь необыкновенно отчетливо исполненнымъ рисункомъ, гдѣ, на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ квадратныхъ вершковъ, сгруппировано около сотни человѣческихъ фигурокъ въ полтора сантиметра величины, изъ коихъ каждая имѣетъ свой характеръ и даже свое выраженіе лица. Кіото издревле славится своими миниатюристами, работы которыхъ, по замѣчанію Эме Эмбера, очень часто напоминаютъ церковные служебники среднихъ вѣковъ; въ нихъ такое же употребленіе пергамента или веленовой бумаги, то же изобиліе позолоты по краямъ и та же роскошь красокъ. Изумительная миниатюрность и отчетливость работы проявляется въ медкихъ рельефно-чеканныхъ издѣліяхъ изъ стали, бронзы и инкрустаций, какими украшаются запонки, черенки ножей, рукоятки и наконечники сабель и небольшіе деревянныя пикафчики, такъ называемые *secrétaires*. О кіотской традиціи въ искусствѣ я довольно подробно говорилъ уже раньше⁴⁾; остается развѣ отмѣтить стремленіе къ символизму, которое составляетъ одну изъ особенностей кіотскаго творчества вообще. Такъ, зеленныя сосновыя вѣтви служатъ условнымъ выраженіемъ неувядаемой красоты, вѣтвь цвѣтушей сливы — соотвѣтствуетъ радостямъ весенней любви, драконъ Дежа — эмблема могущества, гривохвостая черепаха Мооки — долговѣчности, священный журавль О-тсури — безсмертія, птица Фоо — вѣчнаго счастья и т. д. Подобныя изображенія и встрѣчаются чаще всего на всевозможныхъ кіотскихъ издѣліяхъ. Кромѣ того, слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ деревянныхъ и лаковыхъ издѣліяхъ кіотскіе мастера, по традиціи, избѣгаютъ рѣзкихъ контуровъ и остроугольных формъ, стараясь всегда ихъ срѣзывать или округлять. Мнѣ кажется, что во всѣхъ этихъ особенностяхъ, за исключеніемъ послѣдней, сказывается традиціонное вліяніе Китая, отъ котораго древній Ниппонъ воспріимъ первые плоды своей «заморской» цивилизаціи; что же до стремленія къ округленности угловъ и конечностей, то тутъ, вѣроятно все, является не менѣе древнее вліяніе Кореи. На эту мысль меня наводитъ то обстоятельство, что на домашней утвари корейцевъ, на ихъ постройкахъ, плетняхъ и вообще на всѣхъ издѣліяхъ — насколько я успѣлъ познакомиться съ ними въ корейскихъ поселеніяхъ нашего Южно-Уссурийскаго края — замѣчается то же самое избѣганіе не только остроугольных формъ, но даже прямыхъ угловъ, и стремленіе всегда какъ можно болѣе сгладить и округлить ихъ.

Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о кіотскихъ инкрустированныхъ бронзахъ. Эти металлическія инкрустации отличаются совершенно оригинальными цвѣтами, эффектъ кото-

⁴⁾ Гл. XXIX „Нагойе“.

рыхъ необычайно усиливается на темномъ оксидированномъ фонѣ. Тутъ все дѣло въ умѣнны мастеровъ составлять различныя сплавы, посредствомъ прибавки къ металлу большаго или меньшаго количества другою припlava. Такъ, напимѣръ, сплавъ въ извѣстной пропорціи мѣди и антимонія получаетъ превосходный фіолетовый цвѣтъ; затѣмъ, специально японскій металлъ *шаку-до*, весьма искусно приготовляемый изъ мѣди, серебра, золота, свинца, желѣза и мышьяка имѣетъ розово-пурпуровый оттѣнокъ, а другой металлъ *шибу-еши*, при общемъ его серебристо-сѣромъ оттѣнкѣ, отсвѣчиваетъ всѣми цвѣтами радуги. Кажется, можно смѣло сказать, что японскіе бронзовые мастера—единственные въ свѣтѣ знатоки оттѣнковъ металловъ въ металлическихъ сплавахъ при различной толщинѣ послѣднихъ. Они этимъ пользуются для вкрапленія въ сосуды и вазы инкрустацій и для приготовления очень рѣдкихъ и красивыхъ рисунковъ на металлическихъ зеркалахъ, гдѣ каждый цвѣтокъ и листикъ, или каждая часть костюма изображеннаго лица отливаютъ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ, смотря по тому, какой металлъ и какой толщины былъ употребленъ на изображеніе.

При осмотрѣ кіотской выставки, у меня утвердилось убѣжденіе, первые проблески котораго зародились во мнѣ еще во время прогулокъ по тоокійской Кванкуба,—это именно то, что японцы и въ дѣлѣ промышленнаго производства, какъ въ дѣлѣ военной, морской и медицинской техники, стремятся усвоить себѣ отъ европейскіхъ учителей только ихъ основанія и приемы, дабы затѣмъ сказать имъ «farewell» и, давши полный «Abschied» съ приличнымъ вознагражденіемъ за труды, идти въ дальнѣйшей практикѣ уже собственными силами, вполне самостоятельно и не только независимо отъ европейцевъ, но даже въ нѣкоторый подрывъ ихъ знаніямъ, производительности и быту. Японія стремится отцускать въ Европу и Америку своихъ произведеній какъ можно больше, а брать отъ этихъ странъ какъ можно меньше, и это вполне похвально. Привыкнувъ находить въ своей странѣ всѣ предметы, необходимыя для собственнаго потребленія, японцы спрашиваютъ у иностранныхъ производителей только то, чего нельзя найти у себя дома; теперь же, не только въ мѣстахъ открытыхъ для иностранной торговли, но и внутри страны, какъ слышно, заведены и уже дѣйствуютъ бумаго- и шерсте-прядильныя мануфактуры на европейскій ладъ, съ паровыми машинами, ситцевыя и суконныя фабрики, образцы произведеній коихъ уже находятся на постоянныхъ столичныхъ и провинціальныя выставки. Мы видѣли въ кіотской Кванкуба несгораемые шкафы, стѣнные и карманные часы, стеариновыя свѣчи, мыло, духи, паниросы, сигары, стеклянныя издѣлія и хрусталь,

стальныя и ножевыя издѣлія, двустолки и револьверы, даже такъ называемыя «шведскія» безопасныя спички, вышедшія непосредственно изъ мѣстныхъ мастерскихъ и сработанныя исключительно японскими руками. И японцы не только не скрываютъ, но напротивъ, съ гордостью заявляютъ, что все это дѣлается ими для того, чтобы освободить свое отечество отъ коммерческаго гнета Англіи и вообще сдѣлаться независимыми въ торговомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, отъ Европы. Дай Богъ! Не могу не пожелать имъ отъ всей души полнаго успѣха въ этомъ направленіи, какъ не могу не желать его и для Россіи... Не даромъ японцы говорятъ, что «будущность народа заключается въ немъ самомъ, какъ орелъ въ скорлупѣ своего же яйца». Мысль вѣрная и красиво выраженная.

На выставкѣ я приобрѣлъ нѣсколько фарфоровыхъ и костяныхъ фигурокъ для своей коллекціи *шикоковъ*, да нѣсколько деревянныхъ вѣровъ и женскихъ зонтиковъ, разрисованныхъ акварелью по шелковой матеріи, для подарка петербургскимъ роднымъ и знакомымъ, а также купилъ мимоходомъ маленькій сборникъ стихотвореній, изъ которыхъ привожу нѣкоторыя на выдержку, въ подлинникѣ, транскриптируя его русскими буквами и сопровождая подстрочнымъ переводомъ, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о японской поэзіи. Чаще всего небольшія японскія стихотворенія носятъ характеръ или пословицы, или каламбура, заключающагося въ игрѣ словъ и понятій, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ почти не поддаются переводу, или же утрачиваютъ въ немъ весь свой букетъ, такъ какъ главное достоинство ихъ состоитъ въ строго опредѣленномъ количествѣ слоговъ и въ блескѣ щегольской отдѣлки изящнаго языка. Тѣмъ не менѣе, сдѣлаемъ маленькую попытку. Вотъ, напимѣръ, стихотвореніе поэта Кинэ-Цураюки, принадлежащаго блестящему періоду древней литературы:

Хитѣ ва ѣза
Кокдромо ширазу
Хурусатѣ ва
Ханазо мукашино
Кани нивѣи керу

Это значитъ: «Когда, послѣ долгаго отсутствія, ты посѣтишь мѣсто своей родины, ты ощутишь тамъ тотъ же самый запахъ цвѣтовъ, который былъ знакомъ тебѣ еще въ дѣтствѣ, — лишь сердца земляковъ твоихъ измѣнятся».

Долженъ замѣтить, что переводъ мой не совсѣмъ букваленъ; но это потому, что для надлежащей передачи и поясненія сжатыхъ выраженій подлинника, русскій языкъ требуетъ гораздо большаго количества словъ.

Слѣдующее стихотвореніе принадлежитъ знаменитой поэтессѣ Ононо Комачъ, фрейлинѣ

кіотскаго двора, о которой я уже упоминалъ однажды ¹⁾. Вотъ оно:

Хана но ирѣ ва
Удурі ни кѣри на
Итазурѣ ни
Вагами йо ни хуру
Нагамѣ сеси мани!

«Если ужъ и цвѣты измѣняются въ продолженіи своего цвѣтенія, то чтѣ же удивляться на себя и мнѣ, любующейся ими!».

Слѣдуетъ замѣтить, что японскіе стихотворцы въ своихъ произведеніяхъ чаще всего говорятъ о цвѣтахъ, лунѣ и снѣгѣ. Имя Ононо-Комачъ и до сихъ поръ служитъ синонимомъ женской красоты и даровитости. Не смотря однако на свою необыкновенную красоту, она всю жизнь осталась дѣвственницей. Существовать легенда, будто одинъ молодой повѣса, дайміо, влюбившійся въ нее до безумія, долго добивался ея взаимности. Не вѣря его любви и считая ее въ данномъ случаѣ, не болѣе какъ настойчивымъ побужденіемъ фатовскаго тщеславія, Ононо-Комачъ сказала ему наконецъ, что согласна отдать свое сердце, если только онъ докажетъ постоянство и серьезность своего чувства на какомъ-нибудь испытаніи, которое представило бы значительныя неудобства и затрудненія для молодого человѣка, изнѣженнаго воспитаніемъ и образомъ жизни. Въ надеждѣ, что не выдержавъ заданнаго искуса, дайміо оставитъ свои домогательства, она назначила ему являться подъ ея окно въ продолженіи ста ночей сряду, оставался каждый разъ на этомъ посту до разсвѣта. Дайміо принялъ ея вызовъ, но такъ какъ время клонилось къ зимѣ, то суровая красавица была увѣрена, что онъ не выдержитъ и одной ночи. Случилось однако же иначе. Десяносто восемь ночей отстоялъ молодой человѣкъ неотступно на указанномъ ему мѣстѣ, и Ононо-Комачъ начала наконецъ убѣждаться, что онъ дѣйствительно ее любитъ. На девяносто-девятую ночь установился сильный морозъ, сопровождавшійся сильной вьюгой. Тѣмъ не менѣе, влюбленный дайміо явился въ урочное время на свой постъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ стойчески переносилъ непогоду. Дѣвушка наконецъ надѣнимъ сжалась и, чувствуя, что собственное ея сердце уже побѣждено любовью, рѣшилась прекратить въ эту же ночь суровое испытаніе. Было за полночь, когда она отодвинула ставню своего окна и нѣжно позвала къ себѣ будущаго мужа. Тотъ не отвѣчалъ ни слова. Она повторила свой призывъ, говоря, что довольно уже терпѣть и ждать, что теперь она вѣритъ его любви и сама его любитъ и зоветъ согрѣться въ своихъ объятіяхъ. Опять никакого отвѣта,—вѣрный своему слову дайміо сидитъ неподвижно, подперевъ голову руками.

Думая, что онъ заснулъ, она поспѣшно зажгла фонарь и вышла къ нему на дворъ, чтобы разбудить и обрадовать его счастливымъ концомъ испытанія. Она зоветъ его, она дотрогивается до его плеча, толкаетъ его,—дайміо падаетъ навзничь. Дѣвушка подноситъ фонарь къ его лицу и съ ужасомъ убѣждается, что передъ нею трупъ. Бѣдняга замерзъ отъ сильной стужи. Это такъ подѣйствовало на Ононо-Комачъ, что она рѣшилась никому не принадлежать болѣе въ своей жизни, а скорѣй затѣмъ цѣлый ридъ интригъ и клеветъ заставилъ ее удалиться навсегда изъ придворной сферы.

Вотъ три образчика народныхъ пѣсенъ:

Иро ке нѣи тоге
Куни сено моно іо,
Міаре бѣра ни мо
Ханага саку.

«Не унывай, что не встрѣчаешь пока сочувствія въ любимомъ человѣкѣ; взгляни, на стеблѣ, полномъ шиповъ, все же разцвѣтаютъ розы».

Кои сѣзуба
Тамѣ но сакѣзукі
Сокѣто наку
Моно но аварера
Іомо сираджи.

«Не будь любви, не видѣли бы мы дна взаимной чашки, полной сладкой отравы».

Оки но тайсенъ
Икари де томерѣ,
Томѣте томѣрану
Кои но мичи.

«И среди буйныхъ волнъ можно остановить корабль, бросивъ якорь;—нѣтъ средствъ остановить теченіе страстной любви».

Послѣ легкаго завтрака въ нашей гостиницѣ «Мару-има», мы поспѣшили на желѣзную дорогу, чтобы отправиться въ городъ Осеу, расположенный внутри страны, въ самомъ сердцѣ Ниппона, на берегу классическаго японскаго озера Бивы, которое неоднократно было воспѣваемо и лирическими, и эпическими поэтами какъ за красоту своего мѣстоположенія, такъ и потому, что берега и окрестности его полны великихъ историческихъ воспоминаній.

Отъ Кіото до Осеу около восьми англійскихъ миль, и на этомъ небольшомъ разстояніи желѣзнодорожный поѣздъ дѣлаетъ пять промежуточныхъ остановокъ. Первая станція—*Инари*, въ кіотскомъ предмѣстьи того же имени, гдѣ находится храмъ, посвященный генію-покровителю рисоводства, о которомъ упомянуто выше. Вторая станція—*Ямасина*, большое мѣстечко, лежащее почти на перекрѣсткѣ той горной цѣпи, чтѣ отдѣляетъ кіотскую долину отъ котловины озера Бивы. На пути между Ямасиной и третьей станціей *Отоми*, влѣво отъ дороги, среди чрезвычайна живописной мѣстности, пріютилась подъ

¹⁾ Гл. XXVIII, «Среди высокопоставленныхъ».

горою прелестная деревенька Обра. Весь склонъ горы надъ нею, сверху до низу, какъ бы покрытъ всплошную однимъ ковромъ розоваго цвѣта. — Это все кусты дикой азалии, которая въ настоящее время цвѣтетъ, и цвѣтовъ на ней такое множество, что кромѣ ихъ на всемъ скатѣ положительно ничего не видно, — ни сучьевъ, ни зелени. Подобной прелести я нигдѣ еще не встрѣчалъ въ своей жизни. Отходя отъ Отоми, поѣздъ сейчасъ же вступаетъ въ длинный туннель, по которому мчится ровно три минуты, и затѣмъ, мгновенно вылетая изъ полного мрака на яркій свѣтъ чудеснаго солнечнаго дня, вы сразу поражены внезапно раскрывшимся широкимъ и красивымъ видомъ на озеро Бива, окаймленное со всѣхъ сторонъ холмами, изъ коихъ дальнѣйшіе по ту сторону воднаго бассейна, почти сливаясь со свѣтлоголубымъ горизонтомъ, являють собою силуэты отдѣльно стоящихъ конусовъ, точно бы маленькія Фузи-ямы. Тутъ слѣдуютъ еще двѣ промежуточные станціи, — *Баба* и *Исиба*. По созвучію перваго имени съ русскимъ словомъ, я пожелалъ узнать, что значитъ японски *баба*? — Оказалось то же, что и по-русски: *баба* значитъ *старуха*. Когда я выразилъ, нѣкоторое удивленіе такому странному совпадению не только звуковъ, но и смысла этихъ словъ, то нашъ переводчикъ замѣтилъ на это, что въ японскомъ языкѣ, не смотря на всю его самобытность, встрѣчаются слова, напоминающія то санскрито-европейскіе, то туранскіе корни. Меня это очень заинтересовало и я просилъ его припомнить хоть нѣсколько такихъ словъ, чтобы занести ихъ въ свою записную книжку. Онъ охотно согласился, и вотъ, что мы съ нимъ записали потомъ на обратномъ пути изъ Отсу. Напримѣръ, понятіе «отецъ» по-японски обозначается двойко: *чичи*, въ уменьшительномъ значеніи, какъ наше «тятя» или «напа» и *отатсэ-санъ*, (сербское «отацъ») въ смыслѣ серьезномъ и особо почтительномъ, какъ наше «родитель» причемъ приставка *санъ* равнозначаща слову «господинъ». «Голова» (какъ членъ тѣла) по-японски — *атама*, что по созвучію весьма близко къ туранскому и нашему, заимствованному у татаръ, слову «атаманъ», въ смыслѣ «главный», «начальствующій». «Богъ» по-японски *дай* (турано-китайское «тай», «тау» и латинское «deus»). «Чистый» — *ки-рейна* (германское «rein»). «Черный» — *курой* (туранское «кара»). Союзъ «ибо» — *кара* (французское «car»). «Милый», «любезный» — *кирей* (латинское «carus»). «Нѣтъ» — *най* и *йѣ* (германское «nein» и турецкое «юкъ»). «Быть» — *буцу*, «бей!» — *буте!* (латинское «batuere», румынское «a bate», русское «бацъ!» и «батогъ», туранское «батыръ»), въ смыслѣ «боецъ», «герой»). «Полночь» — *йоника* (латинское «nox» греческое «nicta»). «Сердце» — *кокоро* (латинское «cor», француз-

ское «coeur»). «Болѣзнь» — *ямаи* (туранское «яманъ»). «Идти», «ходить» — *идеру*. «Законъ», «право» — *ютто* (турецкое «гатти»). «Имя» — *намае* (латинское «nomen», германское «Name»). «Мыло» — *сабонъ* (туранское «сабынгъ», турецкое «сапунъ», латинское «sapo», французское «savon») и т. д., и т. д. Подобныхъ корнесходныхъ словъ можно бы, подумавъ, набрать гораздо больше, но я записалъ только тѣ, которые тутъ же припили нашему переводчику на память. Что же доказываетъ это корневое сходство? — Мнѣ кажется, что оно подтверждаетъ догадку Эме Эмбера, который полагаетъ, что по самому очертанію своихъ береговъ, Японія, еще до появленія ея перваго историческаго императора Санно (Цинму), который вторгнулся въ нее съ войскомъ извнѣ, съ архипелага Liu-Kiu, должна была служить театромъ разныхъ вторженій еще съ древнѣйшихъ временъ; что *Аины*, составившіе первоначальное ядро населенія Ниппона, въ эпоху завоеваній Санно были уже покорены или отчасти вытѣснены предводителями предшествовавшихъ нашествій, которые, въ свой чередъ, должны были испытать законъ послѣдняго нашествия, имѣвшаго передъ ними всѣ преимущества высшаго образованія, и что изъ этихъ различныхъ элементовъ, вѣроятно, и образовался національный характеръ японцевъ. Эмберъ склоненъ думать, что японская цивилизація является, такимъ образомъ, результатомъ не однихъ переселеній, а скорѣе слѣдствіемъ сліянія туземнаго элемента съ иностранными, причемъ смѣшеніе расъ произошло безъ поглощенія природныхъ особенностей, подобно тому какъ у островитянъ бѣлаго Запада, обитателей Британскихъ острововъ, сліяніе дало новый типъ, совершенно оригинальный. Къ этому мнѣнію можно добавить, что, по свидѣтельству японскихъ лѣтописей, въ эпоху вторженія Санно, населеніе Японіи состояло изъ крѣпостныхъ рабовъ и господствующаго класса *самурайевъ*. Если разложить это послѣднее слово на его составныя части — *саму* или *сама* т. е. господинъ, повелитель, и *райя* или *раджа* — благородный, то его санскритское происхожденіе обнаруживается совершенно ясно, и мнѣ кажется, что ближайшее знакомство европейскихъ ученыхъ изслѣдователей съ японскимъ языкомъ современемъ вполне подтвердитъ остроумную догадку а priori Эме Эмбера.

Городокъ Исиба находится совсѣмъ въ сторонѣ, вправо отъ прямого нашего пути, и, чтобы зайти туда, поѣздъ передвигается на другой путь и слѣдуетъ до станціи Исиба заднимъ ходомъ. Городокъ этотъ расположенъ близъ верховья вытекающей изъ озера рѣки Тоды, которая однако здѣсь называется еще Сетѣ-гавой, а затѣмъ, вступая въ предѣлы округа Уджи, принимаетъ названіе Уджи-гавы,

и лишь по выходѣ изъ сего округа получаетъ свое главное имя Юда-гавы, что значитъ «Длинная рѣка». Городокъ замѣчательнъ не самъ по себѣ, а тѣмъ, что близъ него, на горѣ Иси (Иси-яма—«Каменная» или «Гранитная гора») находится храмъ того же имени посвященный богинѣ Кваннонъ, построеніе котораго относится къ глубокой древности. У подножія горы протекаетъ Токаидо, знаменитая государственная дорога, которая переходитъ черезъ рѣку Сета по длинному мосту, или, вѣрнѣе сказать, по двумъ его половинамъ, такъ какъ въ самой серединѣ мостъ раздѣляется на двѣ части маленькимъ островкомъ Иси-сима, лежащимъ почти въ самомъ истокѣ Сета-гавы. Этотъ мостъ, называемый «Длиннымъ» (*Нагахаши* или *Нага-баси*), составляетъ одну изъ достопримѣчательностей озера Бивы.

Отъ Исиба до Оту, предѣльной нашей станціи, считается пять миль. Поѣздъ все время идетъ въ виду озера, мимо цѣпи домиковъ полусельскаго, полугородскаго характера, которые иногда, то скучаются вмѣстѣ, въ тѣсную группу, то раздѣляются въ стороны, открывая между собою правильные квадраты и параллелограммы чайныхъ плантацій. Уходъ за кустиками чайнаго деревца въ здѣшнихъ мѣстахъ тщательнъ, можно сказать, до скрупулезности; грядки вытянуты въ струнку, заботливо раздѣланы, уравниены, выдолблены, въ мѣру орошены, и каждый кустикъ непременно подстриженъ въ формѣ грибка или шарика. Мѣстныя чайныя плантаціи считаются лучшими въ Японіи; городокъ Удзи въ особенности славится ими, какъ первоклассными во всѣхъ отношеніяхъ. Въ государственной дѣтописи Великаго Ниппона говорится, что первый опытъ разведенія чайнаго деревца, вывезеннаго изъ Китая, былъ сдѣланъ именно здѣсь, на берегу озера Биву; опытъ удался, и съ тѣхъ поръ слава мѣстныхъ плантацій упрочилась на столько, что пальма первенства остается за ними и до нашихъ дней. А вѣдь съ того времени протекло, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать столѣтій!..

Въ настоящее время отпускъ чая изъ Японіи простирается ежегодно на сумму болѣе 400.000 іенъ (слишкомъ 22.000.000 франковъ) и главная масса его вывозится въ Америку, гдѣ онъ особенно пришелся по вкусу потребителямъ.

Наконецъ, мы прибыли въ Оту, иначе называемый Огоцъ, главный городъ провинціи или губерніи (*кенъ*) Сига (прежній кенъ Ооми). Собственно говоря, я неправильно называю его главнымъ городомъ, потому что въ данной провинціи таковымъ считается официально Гобессію, гдѣ и помѣщается мѣстный административный центръ со всѣми его учрежденіями; но дѣло въ томъ, что самое-то Гобессію есть не болѣе какъ посадъ или пред-

мѣстье Огоца, прилегающее къ нему съ сѣвера.

Городъ Оту не великъ, но онъ широко и привольно раскинулся со всѣми предметами, садами и чайными плантаціями, частью по склону горы Гіей-санъ, частью по прибрежной низменности. По переписи 1873 года, въ немъ считается безъ малаго 18.000 жителей. Панорамой ему съ сѣверной и западной стороны служатъ горы, отошедшія нѣсколько вдаль и спускающіяся въ котловину пологими скатами, которые мало по малу переходятъ въ низменную плоскость, образуя собою берега, далеко вдающіеся въ озеро нѣсколькими узкими и длинными мысами. Съ юга же и востока облегаетъ городъ невысокіе холмы, покрытые зарослями лавра, бамбука и клена, а за ними выглядываютъ вершины обнаженнаго хребта Сигаракиданъ, среди котораго находится самая высокая изъ горъ, окружающихъ Биву, — вулканъ Ибуки-яма (1.250 метровъ высоты), названіе котораго значитъ «гора, извергающая желчь». Удивленный нѣсколько такимъ необыкновеннымъ названіемъ, я просилъ нашего переводчика объяснить, что оно собственно значитъ и почему именно «желчь»? Оказалось, что Ибуки-яма—это, въ нѣкоторомъ родѣ, японскій адъ, гнѣздилище всякаго зла, мерзости и нечисти. Въ древности вся Японія была-де убѣждена, что въ кратерѣ Ибуки-ямы находится спускъ въ подземное царство огня и мрака, населенное демонами и «ползающими» презрѣнными и злыми духами. Говорятъ, что далѣе, вдоль восточнаго берега Бивы, хребетъ Сигаракиданъ подходитъ къ самому озеру и спускается въ его воды отвѣсными скалистыми мысами изъ коихъ одни вѣчаются суровыми пиками, другіе же образуютъ своды естественныхъ арокъ, но разглядѣть всѣ эти особенности сквозь серебристо-голубоватую воздушную дымку не представляется никакой возможности, даже и съ помощью бинокля.

Въ прежнія времена по озеру плавало множество каботажныхъ судовъ, которыя украшали его гладь своими бѣлыми какъ чайки парусами; но съ проникновеніемъ, такъ называемыхъ, «лучей европейской цивилизаціи», какіе-то мѣстные предприниматели составили компанію на акціяхъ, обзавелись тремя пароходиками и прибрали въ свои руки весь каботажъ самаго большого озера Японіи; съ тѣхъ поръ всѣ прежнія суда исчезли съ его поверхности, и теперь даже рыбацкихъ челноковъ на ней почти незамѣтно. Озеро, покоящееся, какъ зеркало, подъ лучами солнца въ широко раздвинутыхъ берегахъ просто поражаетъ своею пустынною, столь непривычною для глаза въ Японіи.

На сѣверномъ берегу Бивы, начиная съ окрестностей Гобессію и далѣе, жители занимаются преимущественно разведеніемъ шелковичныхъ червей и выдѣлкой лаковыхъ вещей, сбываемыхъ за границу черезъ Осаку

и Киото. Весь вывозъ шелка (въ видѣ коконовъ, сырца и, частью, тканей) изъ Японіи въ Европу и Америку простирается въ настоящее время безъ малаго до милліона килограммовъ и изъ этого количества четвертая часть, какъ говорятъ, приходится на долю окрестностей Бивы. Такъ, напримѣръ, въ 1878 г. было вывезено 925.000 килограммовъ на сумму 22.046.600 франковъ; стало быть, изъ этого количества окрестности Бивы дали, приблизительно, 231.250 килограммовъ, представившихъ собою стоимость въ 5.501.625 франковъ, которые составляютъ почти чистый доходъ жителей, принимая во вниманіе, что уходъ за шелковичнымъ червемъ не требуетъ почти никакихъ матеріальныхъ издержекъ. Самый городъ Отсу, кромѣ чайныхъ и шелковичныхъ плантацій, составилъ себѣ извѣстность еще и спеціальною выдѣлкой такъ называемыхъ *сарабановъ* (особые японскіе счеты, въ родѣ нашихъ), которые если и не имѣютъ сбыта за границу, за то пользуются широкимъ распространеніемъ по всей Японіи.

На взгорьяхъ Гіей-сана, подлѣ нѣсколькихъ синтоскихъ міа, раскинулся среди роскошнѣйшаго древняго сада обширный монастырь Миідера, принадлежавшій монахамъ буддійскаго братства Тенда. Но чтобы добраться туда, надо съ немалымъ трудомъ преодолѣть нѣсколько крутыхъ каменныхъ лѣстницъ. Еще недавно это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей Японіи, получавшій около 22.000 іенъ (болѣе 120.000 франковъ) годового дохода; но говорятъ, что правительство наложило руку на львиную долю оброчныхъ статей Миідера, посредствомъ выкупа сныхъ, а равно и на большую часть монастырскихъ зданій, приспособивъ послѣднія подъ разныя нужды своей администраціи и сокративъ ради этого до трехъ сотъ человѣкъ число монашествующей братіи. Возникновеніе Миідера бонзы относятъ къ IX столѣтію нашей эры, основывая это показаніе на свидѣтельствахъ не только своей монастырской хроники но и государственной лѣтописи. Въ прежнее время тамъ жило до трехъ тысячъ монаховъ, главное назначеніе коихъ состояло въ томъ, чтобы днемъ и ночью читать молитвы въ главномъ монастырскомъ храмѣ Кимонъ, бить въ большой барабанъ и звонить въ большой колоколъ, и все это ради отогнанія отъ Киото, расположеннаго за горою Гіей-санъ, дурныхъ вѣяній вѣтровъ духовъ съ вулкана Ибуки-ямы. Въ числѣ монастырскихъ достопримѣчательностей они первымъ же дѣломъ и показываютъ этотъ огромный колоколъ, висѣвшій на особо построенной для него высокой колокольнѣ. Надписи, отлитыя на немъ, свидѣлствуютъ, что онъ существуетъ уже около шестнадцати столѣтій. Затѣмъ, рассказываютъ бонзы о томъ, какъ ихъ предшественники-монахи въ XVI вѣкѣ

вели въ этомъ самомъ монастырѣ упорнѣйшую войну съ извѣстнымъ покровителемъ св. Франциска Ксавье, диктаторомъ имперіи Ода-Нобунагой.

Распростившись съ бонзами, мы отправились въ дженерикпахъ вдоль береговъ, озера, къ знаменитой исторической соснѣ *Карасаки*.

Легенда повѣствуетъ, что озеро Бива образовалось въ 285 году нашей эры, въ теченіе всего одной ночи и притомъ въ одинъ и тотъ же часъ, какъ выросла изъ земли гора Фузи (знаменитый вулканъ Фузи-яма). Оно лежитъ въ обширной котловинѣ. Кряжъ невысокихъ горъ, отдѣляющійся на сѣверѣ отъ цѣпи Сиро-яма, облегаетъ озеро двумя вѣтвями, въ южномъ и юго-западномъ направленіи, а съ востока, какъ уже сказано, котловина обрамляется цѣпью Сигаракидана, и такимъ образомъ вокругъ Бивы какъ-бы смыкается кольцо горъ и возвышенностей, изъ коихъ самыя дальнія, на сѣверо-востокѣ, имѣютъ очертанія отдѣльно стоящихъ конусовъ.

Озеро носитъ названіе *Бива* по сходству его очертаній на планѣ съ четырехструнною японскою гитарой, имѣющей форму разрыванной пополамъ груши. Протяженіе его въ ширину около сорока восьми, а въ длину свыше ста миль. Берега, сравнительно съ другими мѣстностями Южнаго Ниппона, населены не густо, хотя, по свидѣтельству японскихъ источниковъ, они и усѣяны «восемнадцатыя сотнями деревень»; но это количество населенныхъ мѣстъ, вѣроятно, надо относить не къ самымъ берегамъ, а развѣ ко всему кону (ига, гдѣ, по переписи 1873 года, считается 738.211 жителей, и частью къ другимъ округамъ, прилежающимъ къ Бивѣ съ сѣвера и востока. Поверхность озера лежитъ на сто метровъ ниже уровня моря, а наибольшая глубина его доходитъ мѣстами до 85 метровъ. Озеро, между прочимъ, замѣчательно и тѣмъ, что нынѣ это, кажется, единственное мѣсто въ мірѣ, гдѣ еще водятся саламандры—большія и довольно безобразныя тупорылые яперицы со склизкою кожей.

По дорогѣ къ Карасаки, идущей почти все время вдоль Бивы, вниманіе наше привлекли къ себѣ кучи намытой съ озера дресвы, равно какъ и кучи озерныхъ раковинъ, въ родѣ мидій, только вчетверо больше. Въ каждую изъ кучъ того или другого рода непремѣнно была воткнута палочка съ билетикомъ, гдѣ обозначено имя владѣльца кучи. Оказалось, что оба матеріала идутъ частью, въ переработанномъ видѣ, на удобреніе полей, а частью на образованіе самой почвы во вновь создаваемыхъ земельныхъ участкахъ. Послѣднее обстоятельство меня заинтересовало въ особенности и мнѣ объяснили, что мѣстные поселенцы съ каждымъ годомъ отвоевываютъ себѣ у озера все новыя и новыя участки на мелководныхъ при-

брежныхъ мѣстахъ. Для этого они выдвигаютъ въ озеро плотно сложенную цѣпь большихъ булыжныхъ камней, ограждая ею со всѣхъ сторонъ, за исключениемъ сухого берега, участокъ, намѣченный къ завоеванію. Камни кладутся, смотря по глубинѣ, грядкою въ два и три ряда, какъ въ ширину, такъ и въ высоту, и такимъ образомъ получается родъ стѣнки, къ наружной сторонѣ которой постоянно наносятъ съ озера иль, дресву, карчи, раковины, песокъ и т. п. Всѣ эти озерные отбросы, плотно прибиваясь волнами къ стѣнкѣ, заполняютъ собою мало по малу всѣ промежутки и скважины между камнями, такъ что, по прошествіи извѣстнаго времени, огражденный участокъ озернаго дна совершенно изолируется отъ остального озера: вокругъ него образовалось вѣчто въ родѣ весьма прочной плотны. Тогда начинается самый процессъ превращенія его въ способную къ обработкѣ почву. Впервыхъ, если условія мѣстности позволяютъ, то проводится къ ближайшему оросительному каналу выводная канавка для скорѣйшаго сгона съ участка оставшейся на немъ воды; если же этого нельзя, то остается ждать удаления ея болѣе медленнымъ процессомъ естественнаго выпариванія подѣ солнечными лучами. Ускоряется удаление воды еще и тѣмъ, что на отмежеванный участокъ каждый день сваливаютъ и затѣмъ разравниваютъ на немъ кучи дресвы, водорослей и прочихъ органическихъ и неорганическихъ отбросовъ, ежедневно прибываемыхъ съ озера къ берегамъ.— Для этого надо только хозяевамъ не лѣниться собирать ихъ,—и вотъ тѣ-то кучи съ билетиками, что мы видѣли, и служатъ складами такого матеріала для осушенія и, въ то же время, удобренія почвы. Но кромѣ этого матеріала, безвозмездно доставляемаго самимъ озеромъ, сюда же валился все, что попадетъ подѣ руку изъ домашнихъ и огородныхъ отбросовъ: стебли бурьяна и другихъ сорныхъ растений, навозъ, осенніе сухіе листья и сучья, зола, угли и соръ, рыбышки и внутренности, равно какъ и вся дохлая рыба и моллюски, выбрасываемые озеромъ. Дохлая собака, птица или крыса попадетъ,—и ту сюда же. Изъ всего этого, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, образуется перегонъ, изъ котораго жгучее солнце, помогая скорѣйшему разложению, въ то же время вытягиваетъ лишнюю влагу. Тогда, чтобы перемѣшать искусственный слой съ лежащею подѣ нимъ почвенною землею, приступаютъ ко вскапыванію участка мотыгами, что соотвѣтствуетъ нашему вспахиванію. Процессъ мотыженія долженъ захватывать какъ можно болѣе въ глубь не только наносъ, но и самую почву, и повторяется онъ отъ двухъ до трехъ разъ въ лѣто, послѣ чего почва считается уже достаточно подготовленною для обработки ея подѣ рисовое поле.

Намъ и показывали на пути подобныя поля, изъ коихъ ранѣе отвоеванныя для культуры лежатъ нѣсколько выше послѣдующихъ широкими, но низенькими уступами, что въ данномъ случаѣ зависитъ отъ извѣстной покатости озернаго дна и что всегда необходимо въ видахъ наиболѣе удобнаго и правильнаго орошенія, когда вода, послѣ достаточнаго напоенія верхняго участка, перегоняется на нижележащій и т. д.

Здѣсь же замѣтили мы на нѣкоторыхъ межахъ высокіе бамбуковые шесты съ небольшими флагами краснаго цвѣта, или краснаго свѣтлымъ и т. п. Намъ объяснили, что это межевые знаки для передѣла земли, или для разграниченія владѣній одной сельской общины отъ другой.

Дорога все время идетъ по шоссе, которое хотя и узко, такъ что на немъ только-только въ состояніи развѣхаться двѣ дженерикши, но за то содержитъ великолепно, и катишься по немъ безъ малѣйшихъ толчковъ и колебаній, словно бы по паркету. Время отъ времени приходится переѣзжать плоскіе каменные мостики, переброшенные черезъ оросительныя канавы,—и эта часть оказывается въ величайшемъ порядкѣ, какому могла бы позавидовать любая страна Европы. Всѣ канавы заботливо вычищены и обложены камнемъ и дерномъ, такъ что незамученая вода струится по нимъ съ прозрачною чистотою горнаго потока. Чистота, аккуратность и даже изящество отдѣлки—это, какъ видно, отличительныя качества всякой японской работы, будетъ ли то драгоценная лаковая вещьца, или огородная грядка. На дорогѣ прохожихъ встрѣчается не много, но на прилегающихъ поляхъ, и въблизи, и вдали,—повсюду видны группы работающихъ поселянъ обоого пола. Вглядываясь въ лица всѣхъ этихъ встрѣчныхъ людей, я замѣтилъ въ нихъ одну наиболѣе характерную особенность,—это именно, общее ихъ выраженіе спокойнаго довольства и веселости. А «ясное спокойствіе духа»,—это, по выраженію народной японской мудрости,—есть идеалъ земного счастья. Часто ли найдете вы что-либо подобное въ Европѣ!..

Наконецъ, мы прибыли къ цѣли нашей поѣздки. На самомъ берегу озера стоитъ деревянная корявая сосна, широко раскинувшая во всѣ стороны могучія сугубатыя вѣтви. Она покрываетъ собою площадку шаговъ около семидесяти въ поперечникѣ, а нѣкоторыя вѣтви ея даже выступаютъ за предѣлы площадки, простираясь надъ водою. Чтобы дерево не рухнуло отъ старости и непогоды, его со всѣхъ сторонъ поддерживаетъ цѣлая система деревянныхъ подпорокъ, косыхъ, прямыхъ и поперечныхъ, высокіхъ и низкихъ, снабженныхъ скрѣпками и деревянными подушками, такъ что однѣ эти подпорки образуютъ подѣ

деревомъ, около главнаго ствола и вдоль всѣхъ вѣтвей, внутри и снаружи, довольно густую чащу лѣсинъ и балокъ. Площадка со стороны озера ограждена высокимъ гранитнымъ покоемъ циклопической кладки, чтобы предохранить почву отъ подмыва; съ сухого же пути она обнесена деревянной оградой, въ центрѣ которой поставлено священное тори съ двумя фонарями по сторонамъ, ведущее къ маленькой синтоской мѣи, гдѣ встрѣтилъ насъ почтенный кануси (синтоскій жрецъ) съ двумя своими *коскеисами* (прислужниками) и самъ пошелъ показывать намъ знаменитую Карасаки, объясняя великое значеніе этого историческаго дерева для всего государства. Оно вѣрено правительствомъ заботливости и попеченіямъ этого почтеннаго человѣка, который обязанъ со своими помощниками ежедневно осматривать всю Карасаки съ полнымъ вниманіемъ, принимая немедленныя мѣры къ исправленію малѣйшей неисправности и къ удаленію всего, что могло бы такъ или иначе повредить ея благополучію и долголетию. О состояніи дерева и всѣхъ перемѣнахъ въ ономъ, органическихъ и искусственныхъ, кануси периодически доноситъ мѣстному губернатору.

Надо замѣтить, что мѣстность, прилегающая къ Бивѣ и ея ближайшей окрестности, — это колыбель японской національности. Здѣсь произошло первое зарожденіе Японіи, какъ государства, и съ тѣхъ поръ вся эта мѣстность полна великихъ и священныхъ для каждаго японца историческихъ воспоминаній. Преданіе, относящееся къ Карасаки, говоритъ, что посадилъ ее собственноручно самъ великій Цинму (Санно), первый историческій микадо, основатель Японскаго государства, въ день провозглашенія себя императоромъ всей страны Восходящаго Солнца, въ 667 году до Рождества Христова. Стало быть, Карасаки — ровесница самой Японіи, какъ государства, и если считать преданіе достовѣрнымъ, то въ настоящее время этой современницѣ Навуходонссора и Тулла Гостилія должно быть 2.548 лѣтъ, и старше ея изъ историческихъ деревьевъ остается развѣ одинъ Мамврійскій дубъ. Торжественно сажая въ землю молоденькій ростокъ сосны, Цинму изрекъ пророчество, что пока стоятъ и цвѣтеть эта сосна, будетъ стоять и процвѣтать Имперія Восьми Великихъ Острововъ ⁴⁾. — Вотъ почему съ тѣхъ поръ и до сего дня такъ рачительно оберегаютъ и поддерживаютъ японцы существованіе этого дерева.

Почтенный кануси предложилъ намъ на память сосновую пѣишку отъ этой самой Кара-

саки, а также ея портретъ, отпечатанный на тонкомъ листѣ японской бумаги, и листокъ съ однимъ стариннымъ стихотвореніемъ, гдѣ воспѣваются, или, вѣрнѣе сказать, перечисляются всѣ восемь достопримѣчательностей озера и прилегающей къ нему страны Ооми ¹⁾. Привожу это стихотвореніе въ подлинникѣ и въ переводѣ:

Наниши Ооми но
Хаккѣй ва:
Пуки каге кійеки
Иси-яма я.
Касу мизо кѣмеша
Мидера но
Ири-ае цугуру
Кае но кое.
Ватару хуна бито
Махо хиките
Ябасе ни каеру
Момо чи буне.
Нами но Авазу но
Кумо харете
Хая иухи сасу
Ура-ура но
Кешики мицуцу
Ватару ни ва
Сета но Нагахаша
Нага ка разу.
Хира но такане ва
Шира юки ни.
Мада хада самуки
Ура кадзе ни,
Оцуру Кататано
Кари га не я,
Кае мо харукани
Сайю хкете
Саби шиса масару
Карасаки но
Мацу косо аме но
Ото су наре.

«Вотъ перечень восьми достопримѣчательностей въ Ооми.

«Чистый свѣтъ луны на горѣ Иси.

«Среди вечерняго тумана гудящій звонъ колокола» во храмѣ *Мидера* возвѣщаетъ о наступленіи сумерокъ.

«Тогда, плывя по озеру, въ глазахъ у тебя множество лодокъ, возвращающихся подъ всѣми парусами къ пристани *Ябасе*.

«Уже созерцая ясное небо на сторонѣ Авазу и любясь отраженіемъ лучей заката на берегахъ озера, «Длинный мостъ» въ Сетѣ кажется не длиннымъ.

«На вершинѣ горы *Хира* еще бѣлѣютъ остатки снѣговъ, — оттого и береговой вѣтеръ ощутительно прохладенъ.

«Вотъ, длинная вереница дикихъ гусей спѣшитъ на ночлегъ къ колокольнѣ *Катама*,

⁴⁾ Давая своему отечеству названіе Ого-я-сима (восемь великихъ острововъ), японцы къ четыремъ своимъ большимъ островамъ причисляютъ еще острова Садо, Цусиму, Ики или Оки и Авадзи, не считая Исо (Матсмай), который еще недавно былъ для нихъ чужой страной.

¹⁾ *Аво-уми* значитъ „прѣсноводное море“, подъ которымъ въ древнѣйшія времена подразумѣвалась Бива. Аво-уми сократилось въ произношеніи въ *Аоми* и, наконецъ, въ *Ооми* и *Оми*. Такимъ образомъ, вся прилегающая къ Бивѣ страна, въ переводѣ, можетъ быть названа „Прѣсноводьемъ“ или „Прѣсноворьемъ“.

откуда издаваемые ими крики сливаются въ полночь съ шумомъ дождя подъ исполинской сосной *Карасаки*. производятъ впечатлѣніе очень хорошо напол-
санной мѣстной картинки.

Въ этихъ стихахъ не трудно замѣтить тон- въ этотъ же день, съ первымъ отходящимъ
кое чувство изящнаго пониманія природы и поѣздомъ, мы возвратились въ Кообе, не за-
умѣнья схватывать ея наиболѣе красивыя сто- ѣзжая болѣе ни въ Кіото, ни въ Осаку. Надо
роны и характерные моменты. Въ общемъ они было спѣшить къ ожидавшей насъ на Кообій-
скомъ рейдѣ «Европѣ».

